БИБЛИОТЕКА РАЗВЕДЧИКА

15 бригада СПЕЦНАЗ

Люди и судьбы
Афганистан глазами очевидцев

УДК 358
ББК 66.3(2)31; 68.49(2)
П99

Редакционно-издательский совет выражает особую благодарность за помощь в издании книги ветеранам 15 обр СпН Колесникову Михаилу Ивановичу, Хаматову Ринату Тагировичу и Якуте Олегу Алексеевичу

Редакционно-издательский совет:
генерал-полковник С.М. Беков (председатель);
полковник Ю.Т. Старов;
полковник А.А. Овчаров;
полковник О.В. Кривопалов;
полковник А.В. Мусиенко;
полковник Н.Н. Пронькин

П99 **15 БРИГАДА СПЕЦНАЗ: Люди и судьбы. Афганистан глазами очевидцев** – М.: НПИД «Русская панорама», 2009. – 556 с. + 48 с. цв. вкл. – (серия «Библиотека разведчика»).

ISBN 978-5-93165-239-9

В книге «15-я бригада СПЕЦНАЗ» рассказывается об истории 15-й отдельной ордена Красного Знамени республики Афганистан бригады специального назначения ГРУ ГШ ВС СССР, солдатах и сержантах, прапорщиках, офицерах и генералах, связавших свою судьбу со Спецназом.

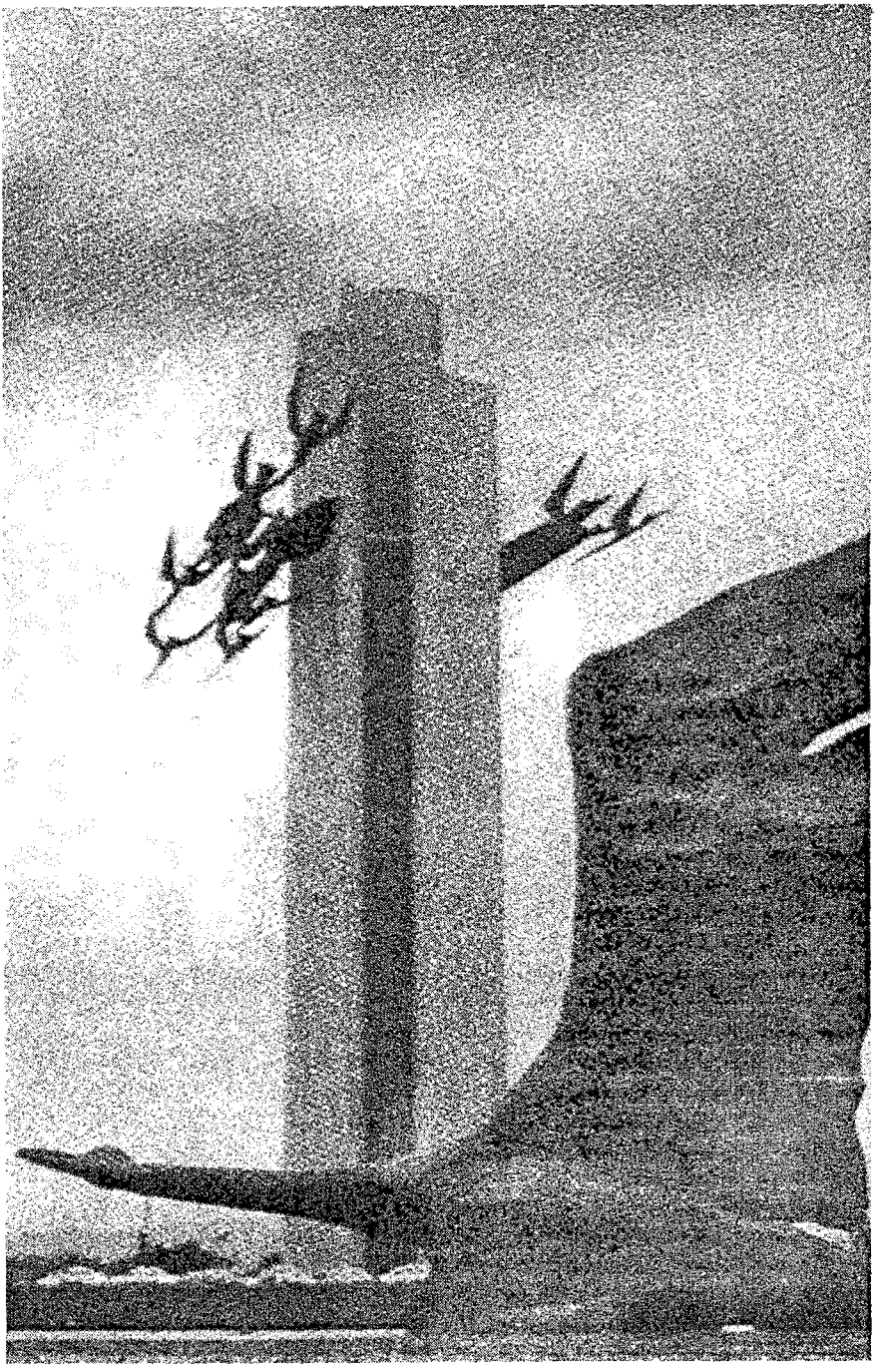
Глазами участников боевых действий в Афганистане раскрывается роль Спецназа ГРУ ГШ в Афганской войне 1979-1989 гг., боевые будни разведчиков и проводимые ими специальные операции, маленькие бытовые радости и трагические потери, всё то, что скрывается за понятием «война».

Книга предназначена для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-93165-239-9

УДК 358
ББК 66.3(2)31; 68.49(2)

© С.М. Беков, О.В. Кривопалов, Ю.Т. Старов, А.А. Овчаров, тексты, 2009
© Мусиенко А.В., художественное оформление, 2009
© Пронькин Н.Н., макет, 2009
© Русская панорама, 2009



ФОРМИРОВАНИЕ 15 обр СпН. НЕСПОКОЙНЫЕ МИРНЫЕ БУДНИ

НА ОСНОВАНИИ ДИРЕКТИВЫ ГЕНШТАБА...

Я уверен, что лучших, чем мы,
Молодых в строй Спецназ поставит,
Не боясь перемен и тьмы,
Наше имя он внукам оставит.

В.А. НЕЙШОВИЧ

История советского спецназа уходит корнями в историю русской разведки и «летучих» эскадронов. Потребность в разведывательных и диверсионных (специальных) действиях существовала и существует с момента зарождения любой армии.

Мало кому известно, что еще подполковник А.В. Суворов, будущий великий полководец, тактикой спецназа вел успешные боевые действия с конфедератами в Польше. А забытые доблестные имена русских разведчиков Фигнера, Сеславина, Давыдова напоминают нам о блестящих победах в глубоком тылу вражеских войск и по праву должны были бы отмечены на мемориальных досках ГРУ ГШ.

После революции 1917 года всю гражданскую войну прошел по тылам белых отряд спецназначения под командованием легендарного Тер-Петросяна (Камо). О Камо Владимир Ильич Ленин отзывался так: «Я знаю одного товарища досконально, как человека совершенно исключительной преданности, отваги и энергии (насчет взрывов и смелых налетов особенно)».

Это его ученики в 30-е годы возглавляли части в 14-м партизанском корпусе на земле республиканской Испании, где старшим советником командира корпуса был Николай Кириллович Патрахальцев, а военным советником и инструктором первого отряда спецназа – Илья Григорьевич Старинов. Отважными бойцами-разведчиками были Цветков В.Т., Троян В.А., Мамсуров Х.Д., Бекреев Л., Стигга О. и другие. Один из них Хаджи-Умар Мамсуров стал Героем Советского Союза, генерал-полковником, заместителем начальника Главного Разведывательного управления ГШ ВС СССР.

Великая Отечественная война дала собственный богатейший опыт. Только войсковая часть № 9903 под командованием опытного разведчика-диверсанта, прошедшего Испанию, полковника Спрогиса А.К., дала пять Героев Советского Союза (З. Космодемьянская, Е. Колесова, Н. Дронов, Г. Линьков, И. Банов), по праву являющихся гордостью советской военной разведки.

Героическое прошлое борьбы разведчиков и партизан в тылу противника и явилось следствием создания армейского и флотского спецназа в условиях переоснащения армий мира ядерным оружием.

24 октября 1950 года военный министр СССР маршал Советского Союза Василевский А.М. и начальник Генерального штаба ВС СССР генерал армии Штеменко С.М. подписали директиву № ОРГ/2/395/832 о формировании в Вооруженных силах частей военной разведки специального назначения. Поэтому не случайно именно эта дата считается днем создания советского спецназа или, точнее сказать, антиядерного, диверсионно-разведывательного спецназа в системе Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных Сил СССР как инструмент противодействия ядерным силам вероятного противника.

Первоначально были созданы 46 отдельных рот специального назначения (ор СпН). Тогда же на уровне обихода появилось их обозначение – «роты глубинной разведки». Они стали первыми штатными диверсионно-разведывательными формированиями в армии. При общем сокращении Вооруженных Сил СССР в 1953 году 35 ор СпН было расформировано. Осталось одиннадцать рот. В 1957 году на смену ротам пришли отдельные батальоны (или «отряды» оо СпН). Основой для их развертывания являлись ранее сформированные отдельные роты спецназа. При этом отряды представляли из себя более серьезную силу, способные подготовить и забросить для выполнения разведывательно-диверсионных задач в тылу противника 20 разведывательных групп, а не 8, как это в то время определялось для ор СпН. Впоследствии развитие спецназа пошло по пути укрупнения его формирований. Это было связано с необходимостью повышения боевых возможностей оперативно-стратегических и оперативных войсковых формирований по обнаружению и уничтожению средств ядерного нападения противника. В 1962 году было принято решение о формировании отдельных бригад специального назначения (обр СпН).

На основании директив Генштаба № 140104 от 5.02.1962 г., № М/2/68390 от 27.03.1962 г. и №140547 от 19.07.1962 г. в Туркестанском военном округе 1 января 1963 г. была сформирована 15-я отдельная бригада специального назначения. С местом постоянной дислокации г. Чирчик Ташкентской области Узбекской ССР. Телефонный позывной – «Анилин». На базе бригады осуществлялась подготовка кадров для специальных действий в тылу противника. В последующем в соответствии с директивой Генерального штаба № ОРГ/7/110125 от 25.07.1964 г. бригада была реорганизована и значительно усилена.

К тому времени группировка сил военной разведки специального назначения СССР включала в себя 6 отдельных рот (Северо-Кавказский военный округ, Прикарпатский военный округ, Приволжский военный округ, Уральский военный округ, Сибирский военный округ, Забайкальский военный округ, Южная группа войск (Венгрия)), 2 отдельных батальона (Группа советских войск в Германии и Северная группа войск (Польша)), 10 отдельных бригад (Ленинградский военный округ, Прибал-

тийский военный округ, Белорусский военный округ, Прикарпатский военный округ, Киевский военный округ, Одесский военный округ, Закавказский военный округ, Московский военный округ, Туркестанский, Дальневосточный военный округ).

Следует отметить, что буквально с первых лет своего существования молодая 15-я бригада являлась не только передовым соединением в округе, но и лучшей по дисциплине и внутреннему порядку в Чирчикском гарнизоне, где на тот период дислоцировалось 22 воинских части Туркестанского военного округа, в том числе Ташкентское высшее танковое командное училище, парашютно-десантный и артиллерийский полки 103-й гвардейской воздушно-десантной Ферганской дивизии, два авиаполка, полк гражданской обороны и др.

Город Чирчик в максимальной степени отвечал всем требованиям, предъявляемым к местам дислокации частей и подразделений спецназ. К ним в первую очередь относилась имевшаяся здесь инфраструктура, и, прежде всего, первоклассный военный аэродром, на котором в то время базировались бомбардировочный и истребительный авиационные полки. Кроме того, Чирчик находился в таком районе, физико-географические особенности которого позволяли с максимальной эффективностью готовить личный состав бригады к боевым действиям в различных климатических и природных условиях. Для этого бригадой использовались межгорная Чирчик-Ангренская впадина, а также расположенные поблизости Угамский, Чимганский и Чаткальский хребты, являющиеся отрогами Тянь-Шаня, степные районы Чимкентской и Джамбульской областей Казахстана, обширные пустыни Кызылкум и Каракумы на территории Узбекистана и Туркмении. Близость к Чирчику столь разных по своим физико-географическим особенностям районов создавала благоприятные условия для проведения эффективной боевой подготовки с минимальными материальными затратами.

По словам моих старших товарищей из первого поколения однополчан, все разведчики бригады просто зачитывались книгами Героя Советского Союза Владимира Карпова, который должен был быть нашим первым комбригом. В те времена Родина хорошо знала своих героев и потому народная молва о В.В. Карпове соответствовала истине. Он, действительно, был кандидатом на должность комбрига. В начале шестидесятых годов Владимир Васильевич Карпов являлся начальником штаба 53-й гвардейской мотострелковой дивизии, дислоцировавшейся в Кушке. Из его биографии было известно, что он окончил среднюю школу в Ташкенте, здесь же в 1939 году поступил в пехотное училище имени В.И. Ленина. В годы учебы баловался эпистолярным жанром, печатал свои первые стихи и статьи, а также занимался боксом — стал чемпионом Средне-Азиатского военного округа и Средней Азии. Перед выпуском (4 февраля 1941 года) был арестован и осужден военным трибуналом по ст. 58-10 за антисоветскую агитацию. До осени 1942 г. отбывал срок в Тавдинлаге. С октября — в штрафной роте на Калининском фронте. После снятия судимости — последовательно рядовой, сержант, лейтенант.

Войну прошел командиром взвода пешей разведки 629-го стрелкового полка 134-й дивизии. За время боев в августе-сентябре 1943 года в Пречистинском и Духовщинском районах Смоленской области более тридцати раз с группой разведчиков проникал в тыл противника, участвовал в захвате 35 пленных и уничтожении значительного количества вражеских солдат и офицеров. Являлся признанным «асом» войсковой разведки, так как за годы войны участвовал в захвате 79 «языков». Это был своего рода боевой рекорд, за что он был удостоен звания Героя Советского Союза.

После третьего ранения и лечения в госпитале направлен на учебу в Высшую разведывательную школу ГРУ. В 1947 году окончил академию им.Фрунзе, затем ВАК Генштаба. Служил командиром полка, заместителем командира дивизии в Кизыл-Арвате, Мары, Кушке. Однако на беседе перед назначением на генеральскую должность комбрига 15 обр СпН, что состоялась у заместителя командующего ТуркВО генерал-полковника Лященко Н.Г., все взвесив, порешили, что комбригом должен стать командир-десантник полковник Луцев Н.Н.

Карпов не обижался, а даже наоборот привел аргументы в пользу кандидатуры Луцева. Откуда об этом узнали военнослужащие бригады, не знаю, но легенды об этом настойчиво ходили из поколения в поколение... А произведения Владимира Васильевича Карпова «Маршальский жезл», «Вечный бой», «Не мечом единым», «Взять живым», «Полководец», «Маршал Жуков», «Генералиссимус» навсегда встали на полки домашних библиотек солдат и офицеров – ветеранов бригады.

Интерес к прозе Владимира Карпова не снизился и после развала СССР. В новом тысячелетии его произведения читают с таким же увлечением, как это было и ранее...

Настольной книгой современных военных разведчиков остается его роман «Взять живым».

По праву его называют «политическим руководителем и воспитателем народного самосознания».

ПЕРВЫЙ КОМБРИГ

И указал отец дорогу
И наказал не забывать,
Что в мире много, слава Богу,
Людей светильникам под стать.
Расул ГАМЗАТОВ

Туркестанскую бригаду возглавил один из опытных командиров Туркестанского военного округа полковник-фронтовик **Луцев Николай Иванович**. Приказ о назначении состоялся осенью 1962 года. Однако отпустили Луцева с прежней должности командира 369-го полка принимать новую часть и продолжать ее дальнейшее формирование только в первых числах января 1963 года. До прибытия командира бригаду начал формировать заместитель по тылу подполковник Ходченко В.И.. Большая часть офицерского состава прибыла в бригаду вместе с командиром из состава 105-й воздушно-десантной дивизии.

Из воспоминаний генерал-майора Николая Луцева:

— Все офицеры-десантники были в основной массе достойны служить в такой элитной части. Сказалось и то, что все прибыли на должности с повышением. Среди тех, кто закладывал славные традиции бригады, были такие известные в воздушно-десантных войсках люди, как подполковник А.А. Белобрагин (начальник политотдела), подполковник Коваленко И.А. (начальник штаба), майоры Афанаскин И.А., Ленский В.А. (начальники парашютно-десантной службы, в последствии — заместитель командира бригады по ВДП), майоры Колесник А.А., Колесник В.А., Чупраков Е.Ф. (командиры отрядов), Маренков Н.П. (командир отряда спецрадиосвязи), майор Лукин М.Г. (начальник оперативного отдела штаба бригады) и другие... Хуже было с личным составом. Оно и понятно, какой командир отдаст лучшего своего солдата. Потому в бригаду сплавили самых недисциплинированных и слабо обученных солдат и сержантов из частей округа. Командно-политический состав за голову схватился при виде пополнения, но работать с ними принялись круто, «по десантному», и через год личный состав соответствовал своему боевому предназначению.

Основу первого коллектива бригады составил разведывательный батальон майора Кочетова Виктора Александровича, который имел хороший костяк, и прибыл в Чирчик из Самарканда в полном составе, как бывший разведбат округа, развернутый за несколько лет до этого на базе роты глубинной разведки, что стояла в Казанджике. Заместителями командира батальона на тот момент были: Николай Мельников — по политической части, Виктор Воинов — начальник штаба, Иван Лавдырь — начальник ПДС, Николай Хмелев — начальник тыла. Ротами командовали А. Баглай и Г. Куваев. При развертывании батальона до нового штата в 1960 г. в часть поступили выпускники Ташкентского ВОКУ им. Ленина: лейтенанты Б. Зубаков, И. Серяков, В. Тюхов, В. Зверя, В. Куклич, А. Хаджиниязов. Впоследствии они стали широко известными в спецназе и армии руководи-

телями – полковник Воинов старшим офицером Разведуправления Средне-Азиатского военного округа, полковник Тюхов командиром бригады в Вильянди, полковник Мельников заместителем командира – начальником тыла 15 обр СпН, полковник Куклич заместителем командующего армией – начальником тыла 6-й гв. танковой армии, полковник Хаджиниязов – начальником Административно-хозяйственного управления штаба ТуркВО.

Штаты мирного времени созданной бригады предусматривали минимум личного состава, поэтому каждый солдат и сержант был на учете. Главными силами был приписной состав, который регулярно проходил сборы при бригаде. Это были сформировавшиеся взрослые и степенные мужчины, как правило, уже семейные. Имея за плечами десантный опыт, «партизаны», как мы их называли, без особых проблем организовано выполняли программы боевой подготовки: прыгали с парашютом, стреляли, подрывали, успешно завершали тактико-специальные учения. Поскольку все они были с рабочими специальностями, то хорошо помогали на строительстве основных объектов нашей части и стрельбища.

Первое время бригада размещалась на территории трех военных городков: полка гражданской обороны, заброшенного военного городка напротив, городка школы военных поваров. Усилиями офицеров, а также трудолюбием личного состава к полувековому юбилею Великой Октябрьской социалистической революции (1967 г.) все подразделения сосредоточились в одном городке, отдельно базировался только медпункт части. За короткое время были построены все казармы, столовая, штаб, боксы под технику, парашютно-десантный городок, плавательный бассейн и заасфальтированы все дороги. За аэродромом на полигоне ТВОКУ была выделена территория для оборудования стрельбища бригады. Большую работу по вводу в строй мишенной обстановки и электронного оборудования стрельбища проделал сверхсрочник А.И. Смоляков с группой работящих военнослужащих.

Благодаря инициативе командира бригады, разведчики стали заниматься горной подготовкой. Позднее ее ввели в «Программу обучения разведывательных подразделений» как обязательный предмет. Особенностью тактико-специальных учений того учебного периода являлась тенденция размещения объектов учений в труднодоступной горной местности хребта Чимгана, где был развернут Центр горной подготовки бригады. В этот период альпинизм получил в СССР большую популярность по причине вступления нашей страны в Международный союз альпинистских ассоциаций. За короткое время тогда было развернуто около 20 альплагерей на Кавказе и в горах Тянь-Шаня. По инициативе ЦК ВЛКСМ, поддержанной Министерством обороны, была проведена массовая учебно-спортивная Альпиниада, в которой участвовали и самые подготовленные военнослужащие из военных округов. Учитывая специфические условия дислокации бригады спецназ ей была определена задача выступить лидером этого движения в Туркестанском военном округе. С чем она блестяще справилась. Роты спецназ отрабатывали учебные задачи по ведению разведки в горах, захвату и удержанию горных перевалов и господствующих высот, разведке и перекрытию маршрутов движения подразделений вероятного противника. В ходе занятий разведчики учились специфи-

ке стрельбы в горах – снизу вверх и сверху вниз. Одновременно отрабатывались вопросы выживания в условиях высокогорья и подготовки баз ночевок и отдыха личного состава. За летний период 1967 года командованию бригады удалось подготовить весь личный состав в отрядах спецназ и спецоружия для сдачи нормативов «Альпинист СССР». Занятия по горной подготовке завершались одно-двухдневным восхождением на горные вершины. Первое награждение Почетными знаками «Альпинист СССР» состоялось в День военной разведки 5 ноября 1967 года.

Вновь созданное соединение находилось под постоянным контролем военного руководства округа и Москвы. Основными дисциплинами боевой подготовки разведчиков являлись огневая, тактико-специальная, минно-подрывная, радио– и воздушно-десантная подготовка. Штатный личный состав подразделений мужал на тактических учениях и маневрах. Занимаясь реальной разведывательной и диверсионной деятельностью в тылах «противника», он наводил страх на штабы частей и соединений, а также военную контрразведку, привыкших до этого работать в комфортных условиях...

Из воспоминаний генерал-майора Николая Луцева:

– Разведчики пробирались пешим порядком, на ишаках, на верблюдах, в штатской одежде в районы расположения частей и штабов и добывали необходимые данные. А иногда прямо в штабах «добывали» документы, в том числе бывало и карты с нанесенной обстановкой. Иногда командование округа благодарило меня за действия личного состава на учениях, а часто бывало и ругало, когда в штабах начиналась настоящая паника по поводу пропажи важных документов, что нарушало планы учений. На разборах прошедших учений от командиров дивизий и полков я часто слышал в свой адрес оскорбления, что я «разбойник», «бандит», «хулиган» и более крепкие выражения. Однако я был доволен действиями своих подчиненных.

Первые годы личный состав бригады прыжки с парашютом совершал на базе 105-й воздушно-десантной дивизии в Фергане. Вместе с бригадой совершали прыжки с парашютом разведчики отдельного разведбата ТуркВО и отдельной разведроты СибВО.

По мере организационного укрепления ВДВ и улучшения материальной базы в Чирчике, распоряжением командующего ВДВ генерала армии В.Ф. Маргелова – прыжки с парашютом стали проводить непосредственно на чирчикском полигоне «Багиш». С этой целью, в распоряжение комбрига полковника Луцева, на двухмесячные сборы по воздушно-десантной подготовке на аэродром Чирчика откомандировывались самолеты военно-транспортной авиации типа АН-2, АН-8 и АН-12 из Ферганы.

Особую гордость у первого комбрига вызывал тот факт, что за первые пять лет его командования в бригаде не было парашютных катастроф. Через многие годы Николай Иванович говорил об этом так: «За мое командование бригадой ни один человек не погиб. Этим я до сих пор горжусь». За этим фактом, действительно, просматривалась высокая профессиональная подготовка офицеров и жесткая исполнительская дисциплина, бытовавшая во всех подразделениях соединения.

О первом комбриге Николае Луцеве ходили слухи, что был он человеком резким и в рот начальству не заглядывал. И это бригаде и делу не вредило. Кавалер пяти боевых орденов полковник Николай Иванович Луцев, сформировав соединение и «поставив его на крыло», после отличной сдачи проверки по боевой и политической подготовке в конце 1967 г. ушел на высшую должность в Москву и стал генерал-майором. Последние годы своей долгой жизни Луцев активно занимался ветеранской работой и военно-патриотическим воспитанием молодежи. Выступая в 90-х годах XX века в 45-м полку спецназа воздушно-десантных войск перед солдатами, убывающими в Чечню, он с гордостью подытожил свой жизненный путь: «Тем, кто спрашивал меня, где я служу, я всегда отвечал, что я десантник. А это значит, что я должен справиться с 2—3 человеками. Но я не просто десантник, а десантник-спецназовец, значит, должен справиться с 5—6 противниками. Этот мой девиз и поныне живет во мне!»

Вот таким был первый командир бригады. Его мировоззрение и любовь к службе передавалась новым поколениям офицеров, которые впоследствии укрепили боевую славу советского спецназа.

В ЭПИЦЕНТРЕ ЭПИДЕМИЙ

Открой сердце утреннему солнцу,
Пусть согреет его, пока ты молод.
И позволь ласковым ветрам полдня
Охладить твою страсть.
Но остерегайся ночи,
Смерть таится там
И ждет, ждет, ждет.

Артур РЕМБО

С первых дней своего существования 15-я бригада спецназначения, помимо напряженной боевой подготовки, строительства учебно-материальной базы, принимала участие в событиях, связанных с чрезвычайными обстоятельствами — тектонического или эпидемиологического характера, нарушающими спокойную жизнь граждан нашей страны. В то время о подобных событиях знали совсем немногие.

Заглянем в исторический формуляр соединения.

Прологом такого рода экстремальной деятельности бригады стала первая эпидемия холеры в Каракалпакии в конце лета 1965 года.

Это потом были массовые карантинные мероприятия с привлечением войск, и 15 обр СпН в том числе, в Астраханской области в 1970 г., борьба с черной оспой в Аральске в 1971 г.. Первый же практический опыт 1965 г. сослужил спецназовцам хорошую службу впоследствии. А произошло следующее...

стях стояли европейцы, которые и тянули воз экономического развития края. Если посмотреть на географическую карту, то отчетливо просматривается оторванность Каракалпакии от более развитых, в экономическом плане, районе страны. Вся жизнь ее граждан сосредоточивалась вокруг живительной влаги Амударьи, несущей свои воды от хребта Бабатаг. С востока ее обрамляли бескрайние пески пустыни Кызылкум, с юга – Заунгузские Каракумы, с запада – ветер нес раскаленный ветер с плато Устюрт. И только на севере усталая Амударья находила покой в водах Аральского моря.

В наши дни ученые говорят об экологической катастрофе Аральского моря, а в те годы развитого социализма, к сожалению, этот забытый богом угол тоже был отсталым, где все способствовало распространению инфекции, т.к. там не было достаточного количества квалифицированных медучреждений, служб, врачей и медсестер. Уровень санитарного просвещения не соответствовал своему времени. Слабо была развита инфраструктура: радио, телевидение, не было даже элементарного кинообслуживания.

Оперативная группа имела в своем распоряжении 9 полноценных батальонов войск. Основная часть из которых, как десантники, несла карантинную службу по внешнему периметру, остальные охраняли промежуточные зоны карантина. В первые дни наведения порядка были выявлены большие недостатки в пропускной системе. Для ужесточения карантинного режима были признаны недействительными 18 тысяч пропусков из выданных двадцати тысяч. Жестко, вплоть до применения оружия, пресекался самовольный проезд.

Из воспоминаний ветерана 15 обр СпН выпускника Алма-Атинского воздушно-десантного училища Александра Кобякова:

– Происходили и казусы. Без пропуска в зону карантина хотел проехать замминистра Каракалпакии. Он подъехал на КПП на шикарной правительственной «Волге». Однако, столкнувшись с твердостью наряда, начал хамить военнослужащим, несущим службу. Тогда по приказу дежурного офицера солдаты вытащили грубияна из машины и скрутили, а машину поставили на штрафную площадку. О происшествии доложили по команде. Вскоре за задержанным чиновником приехали и забрали его. Через некоторое время командующий войсками округа циркуляром сообщил о волевых действиях десантников и поставил их всем в пример. Личному составу батальона объявил благодарность за службу и сообщил, что провинившийся был наказан по партийной линии.

Осуществляя карантинную службу в песках Таскудык пустыни Кызылкум и занимая высоты возвышенности Тяримкуя, гору Кум (высота 113 м), гору Тюмекдаг (высота 152 м) Центральных Каракумов, спецназовцы использовали возможности всей своей техники и в оптические приборы наблюдения просматривали местность до солончаков Гекленкуи и Сарыкамышского соленого озера. В ночное время вели наблюдение с использованием приборов ночного видения, высылали на возможные маршруты движения караванов свои мобильные посты охранения и засады. В некоторых районах прочесывали

местность. Такие активные действия «по-десантному» давали хорошие результаты, за весь период карантина было изловлено несколько десятков автомобилей и караванов в сотни голов вьючных животных. Десятки нарушителей предстали перед судом.

По сути дела, там шла настоящая война с перестрелками, рукопашными схватками и погонями, но не это было главным. Основная борьба за жизни людей велась в эпицентре событий. Для квалифицированного лечения в зоне карантина были развернуты специализированные эпидемиологические военные госпитали Туркестанского, Ленинградского, Московского и Приволжского военных округов.

Из воспоминаний ветерана 15 обр СпН Александра Кобякова:

— Наш батальон разделили пополам и одну из двух половинок во главе со мной направили в район Нукуса и в Хаджели. В Нукусе карантинная служба осуществлялась в районе аэродрома и на всех других дорогах, идущих в столицу с севера. В Хаджели был развернут полевой госпиталь по приему и лечению холерных больных. Работу в госпитале возглавили два академика, генералы медслужбы Михайлов и Рогозин. Все врачи были исключительно офицерами. Средний медперсонал укомплектовали опытными медсестрами и фельдшерами, призванными из запаса. Младший медицинский персонал и санитары были набраны из числа солдат и сержантов моего целинного батальона. В их обязанности входил уход за больными, подача еды, очистка от фекалий, дезинфекция палат и территории, а также переноска тяжелых больных для лечения. Госпиталь был обнесен по периметру красными флажками. По углам стояли часовые, вооруженные автоматом с 60 патронами, с жестким приказом стрелять на поражение при попытках посторонних проникнуть внутрь госпиталя. У входа, возле шлагбаума, тоже находился вооруженный пост. Внутри этой зоны за белыми флажками размещалась собственно холерная зона... Госпиталю на постоянной основе придавалось 120 военнослужащих, из которых около 40 несли караульную службу, а 80 работали с младшим медперсоналом по обслуживанию больных.

В систему охраны госпиталя входило 5 постов, объединенных в один полевой караул. Хотелось бы подчеркнуть, что в холерной зоне работали только медики и солдаты, включенные в состав медперсонала. Посторонние к больным не допускались... Да туда никто и не рвался. Условия карантина при жаре + 45 — 50 градусов в тени были очень тяжелыми. И в этом пекле военнослужащих, идущих в холерную зону, одевали в специальный комплект индивидуальной защиты: колпак резиновый, резиновые рубашки и шаровары, сапоги резиновые, марлевые повязки на лицо, резиновый фартук и резиновые перчатки. В очаге заболевания в порядке текущей дезинфекции проводилось тщательное обеззараживание хлорной известью испражнений и рвотных масс. Запах стоял тошнотворный! Военнослужащие ходили в эту зону всего на один час, так как больше просто физически человек не выдерживал. Им на смену шли другие. Люди истекали потом. По возвращении из зоны военнослужащие из каждого сапога выливали по 200 — 300 граммов пота... Поэтому в весе теряли десятки килограммов.

Кроме того, при госпитале был организован обсерватор на 100 чел. В нем в течение 21 дня отсиживались военнослужащие, поступавшие из районов, где находили холерных больных.

Для соблюдения режима секретности на период эпидемии все участники были полностью отрезаны от внешнего мира. Почта, телефон, телеграф — все было остановлено... Не принимали к отправке и почтовую корреспонденцию из очага заболевания. Связь осуществлялась только по ВЧ из здания горкома партии. Докладывали дважды в сутки в ЦК КПСС, ЦК Узбекистана, командующему войсками ТуркВО и члену военного совета — начальнику политуправления округа.

Военнослужащих, врачей и медперсонал кормили хорошо. В рационе была сгущенка, белый хлеб, мясо, изюм и разные консервы. Все высококалорийное и добротного качества. Выздоравливающих больных тоже кормили очень хорошо. Государство боролось за жизнь каждого человека. Местное население хорошо относилось к военным. Ветераны батальона рассказывали, что местные жители по 700 — 800 человек каждый вечер приходили к полевому лагерю дислокации батальона и с противоположной стороны экрана за внешним ограждением проволочного забора смотрели фильмы, что демонстрировали солдатам по 4 раза в неделю. Личный состав срочной службы был отдален от местного населения границами военного палаточного городка. Офицеры жили в домах местного населения, но не радовались этому, так как там антисанитария была полная. Туалет во дворе, однако аборигены не пользовались им, а справляли нужду, где придется.

Через некоторое время батальон усилили военнослужащими, призванными из запаса. Кстати сказать, подбор «партизан» был очень хорошим, так в подразделении Александра Кобякова из 30 солдат только 7 человек были представителями азиатских республик, а остальные являлись славянами с высшим и средним образованием. Их сразу привлекли для обеспечения охраны и работ в органах местного самоуправления и райкомах, горкомах партии. В район эпидемии несколько раз прилетали командующий, член военного совета — начальник политуправления, начальник разведки округа, офицеры штаба ВДВ и другие.

Обстановка в районе была тяжелейшая: вечная пыль от лёса, дикая жара, а по вечерам, чуть стемнеет, одолевали комары, москиты, каракурты, фаланги, скорпионы и змеи. Особенно досаждали москиты, после укуса которых в зоне поражения возникали большие коричневые пятна.

Несколько слов о дисциплине.

Основная масса военнослужащих достойно несла службу. Солдаты — водители на бульдозерах, занимавшиеся строительством перемычек для чековых полей, несмотря на эпидемию, продолжали работать самоотверженно. В худшую сторону отмечались только солдаты-грузины (в основной массе водители), которые по воспоминаниям командиров часто отлынивали от работ. А поскольку режим карантина ограничил перемещение транспорта, то они были предоставлены сами себе и болтались без дела, встречаясь с кореянками, которые занимались проституцией. Командованием очень сурово карались на-

рушители воинской дисциплины и крахоборы, допускавшие сбор дани с местных жителей.

К осени эпидемию победили полностью. При подведении итогов было отмечено, что наиболее квалифицированно работали военные врачи. В военных госпиталях погибших не было, а вот в больницах, расположенных в кишлаках и городе, как говорили, умерло около девяносто человек. Люди там умирали как мухи, так как в гражданских медучреждениях квалификация медперсонала и уход был недостаточно профессиональными.

Всем участникам той героической эпопеи выдали специальные удостоверения и грамоты. По тем временам о заслугах в них говорилось эзоповским языком. Ни слова о холере...

«Выдано... За добросовестное отношение к исполнению служебных обязанностей, систематическое выполнение и перевыполнение производственных заданий по освоению рисовых целинных земель Каракалпакской Автономной Советской Социалистической Республики в 1965 году.

Областной Комитет КП Узбекистана.
Президиум Верховного Совета Каракалпакской АССР.
Совет Министров Каракалпакской АССР».

Что получили военнослужащие?

За участие в карантинных мероприятиях по борьбе с холерой офицеры получили премию в размере 480 рублей, т.е. 7 процентов от воинского звания и должностного оклада в сутки. Кроме того, каждый месяц выделялись деньги для поощрения личного состава ценными подарками. Был итоговый приказ о поощрении. Отличившимся воинам вручали грамоты от республиканского руководства и от командования округа. Шесть офицеров были награждены орденами (два Красной Звезды и четыре «Знак Почета»), 25 военнослужащих, в основном солдаты и сержанты, были награждены медалями «За трудовое отличие» и «За трудовую доблесть». Офицеров, работавших непосредственно в зоне, заменяли через каждые три месяца. Только один Александр Кобяков проработал весь период без смены с января по ноябрь 1965 г. За это мужественный офицер-спецназовец был награжден орденом Красной Звезды и к концу года назначен на вышестоящую должность. Ко дню военной разведки воинский эшелон прибыл в Ташкент, а личный состав 15-й бригады, задействованный на ликвидации эпидемии, вернулся в родную часть.

Следует отметить, что в 1965 г. авторитет соединения в гарнизоне был настолько высок, что при возникновении пожара на Чирчикском трансформаторном заводе к командиру бригады полковнику Луцеву обратились за помощью раньше чем в полк гражданской обороны, которому по долгу службы необходимо было заниматься ликвидацией последствий чрезвычайных обстоятельств. Подразделения бригады немедленно были подняты по тревоге и брошены на блокирование района и тушение пожара. Проявив организованность и завидное мужество, разведчики внесли свою лепту в ликвидацию очага возгорания и способствовали сохранению большого количества государственного имущества и оборудования.

Прошло несколько месяцев и новая чрезвычайная ситуация — землетрясение в Ташкенте. Ранним апрельским утром 1966 г. миллионный город проснулся от разбушевавшейся стихии. Столица Узбекистана лежала в руинах. Город еще потряхивало, по небу сверкали зарницы, на земле дымились развалины, но уже появились черные спутники бедствий — мародеры. Для предотвращения мародерства в районах сплошных разрушений и помощи пострадавшим весь личный состав бригады по тревоге был брошен на блокирование районов в городской черте.

Из воспоминаний ветерана 15 обр СпН (командир группы спецназ в 1967 г.) генерал-лейтенанта Дмитрия Герасимова:

— В те тревожные дни и ночи мы могли получить пулю из-за угла. В военнослужащих стреляли. К счастью, не очень метко, но свист пуль мы услышали впервые именно там, на ташкентских развалинах». Военнослужащие помогали специалистам гражданской обороны и медикам выносить раненых, рассредоточивать население на пунктах сбора и эвакуации. Многие солдаты и офицеры 15 бригады по итогам тех работ были поощрены командованием округа.

Осенью 1967 года глубокой ночью в казармах бригады прозвучал сигнал тревоги. Получив оружие и патроны, личный состав подразделений бригады погрузился на автомобили. Военная колонна спешно убыла в неизвестном направлении. Мы подумали, что опять едем в Ташкент, однако, вскоре сориентировались и поняли, что повернули в сторону Чимкента. Вскоре нам сообщили: в городе беспорядки, поджоги, грабеж, разбой. Захвачен милицейский арсенал, выпущены на свободу заключенные. Органы внутренних дел уже не в силах справиться с беснующейся толпой. Ситуация вышла из-под контроля.

Из воспоминаний ветерана 15 обр СпН майора А. Бедного:

— Помимо наведения общественного порядка в городе, одной из рот нашего отряда была поставлена задача по захвату тюрьмы, ставшей штабом мятежников. Проявив отвагу, спецназовцы проникли в основное здание с крыши и сломили сопротивление большой группы уголовников и осужденных, чем помогли милиции восстановить порядок. В эти моменты отдельным бойцам пришлось применять оружие на поражение. Несколько раз солдаты и офицеры вступали в ожесточенные рукопашные схватки с отпетыми рецидивистами... У нас были раненые.

Отмечая высокую организованность, самоотверженность действий личного состава бригады при выполнении специальных заданий командования и эффективную помощь местным органам власти и в ознаменование 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции Центральные Комитеты компартий Узбекистана, Казахстана и Киргизии наградили передовое соединение округа Почетными Красными знаменами. Случай сам по себе достаточно редкий.

26 декабря 1967 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР была учреждена юбилейная медаль «50 лет Вооруженных Сил СССР». Согласно положению о медали ей награждались только генералы, офицеры и воен-

нослужащие сверхсрочной службы. Однако в феврале 1968 г., в Туркестанском военном округе в качестве исключения за боевые заслуги медалями были награждены не только офицеры и сверхсрочники, но и все солдаты и сержанты срочной службы 15 обр СпН. Это был яркий факт признания высокого мужества и особой выучки личного состава. Повторно подобное награждение всех солдат, сержантов, прапорщиков, офицеров 15-ой бригады медалями «70 лет Вооруженным Силам СССР» произойдет ровно через двадцать лет в феврале 1988 г. в условиях войны в Афганистане.

В год столетнего юбилея Владимира Ильича Ленина ритм боевой и политической подготовки был нарушен эпидемией холеры, что разразилась в Астраханской области. И опять туда в помощь людям первыми были брошены бесстрашные воины – спецназовцы 15-й бригады. Хорошая выучка и высокие морально-психологические качества разведчиков-спецназовцев наиболее выгодно раскрывались именно в таких экстремальных ситуациях и условиях.

Из воспоминаний ветерана 15 обр СпН генерал-лейтенанта Дмитрия Герасимова:

– Нам приказали перекрыть участок территории, по которому из карантинной зоны пытались вырваться беглецы. Спецназовцы дежурили по ночам в степи, несли патрульную службу, проверяли машины, вагоны поездов, выезжающие из зоны. Нередко под щебнем, в товарных вагонах находили ящики, в которых прятались люди. Случались эпизоды и похуже, когда на прорыв противохолерных кордонов шли организованные группы, применявшие оружие. То есть жизнь не давала забывать свист пуль.

По оценке заместителя командира бригады подполковника Кочетова В.А., возглавлявшего оперативную группу, особенно тогда отличились разведчики отряда Мельникова Н.Д., мужество и отвагу проявили подчиненные офицеров Анатолия Виданова, Геннадия Мухина, Бислана Мальсагова, Владимира Манченко. Все они были поощрены за службу юбилейными медалями с профилем вождя мирового пролетариата, а командиру роты Дмитрию Герасимову за умелое руководство подразделением, высокие результаты в боевой и специальной подготовке приказом министра обороны было досрочно присвоено воинское звание «старший лейтенант».

За высокие показатели в боевой подготовке, отличные действия при выполнении специального задания командования Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР наградил соединение Ленинской юбилейной Почетной грамотой.

Через год, опять внезапно, как удар молнии – оспа! Осенью 1971 г. в Аральске были отмечены больные с симптомами черной оспы. При ней на теле и лицах заболевших высыпала характерная узелково-пузырчатая сыпь. Оспины пропитывались кровью и принимали темно-синюю окраску. Медики первоначально не среагировали на внезапное массовое повышение температуры тела у населения, подумали – лихорадка, а только когда на теле больных появились узелки, которые через 4 – 5 дней пре-

вратились в гнойники, буквально залепившие лица, забили тревогу. Оспа, как тяжелая острозаразная болезнь, известна еще в глубокой древности (по сохранившимся документам, оспой болели народы, населяющие Египет, Китай, Индию). В дореволюционной России она ежегодно поражала до 150 тыс. человек. Смертность составляла не менее 30 процентов от числа зараженных. В СССР, в результате принятых профилактических мер заболеваемость стала снижаться и к 1937 г. оспа была официально ликвидирована. И вдруг рецидив...

Немедленно было оповещено Министерство здравоохранения СССР, а оно обратилось к военному ведомству. Министр обороны отдал приказ командующему войсками САВО генералу армии Лященко Н.Г. организовать жесткий карантин в очаге заболевания и изолировать всех больных. На тот период самой организованной и мобильной частью округа по праву считалась 15-я отдельная бригада спецназначения, тем более что ее командный состав уже имел опыт подобной специфической работы в очагах эпидемии холеры и землетрясения 1966 г.. Приказ был отдан в воскресенье и бригада была срочно поднята по боевой тревоге.

Загремели звонки громкого боя, установленные в каждом подъезде домов офицерского состава жилого городка, застучали сапоги по асфальту под ногами посыльных, и побежали на места построения на плацу, одеваясь на ходу, офицеры и прапорщики части.

После проверки личного состава начальник штаба подполковник Василий Колесник огласил личному составу приказ командующего войсками округа о формировании подразделений для выполнения специальной задачи. Выбор командования пал на второй батальон бригады, которым командовал недавний выпускник академии имени М.В. Фрунзе Борис Борисович Нихимчук. Все четыре роты, входящие в его батальон, отличались высоким уровнем подготовки и были укомплектованы личным составом согласно штату. Самых добрых слов заслуживали командиры отличных подразделений старшие лейтенанты Владимир Манченко и Анатолий Неделько, которые постоянно соперничали между собой, а их здоровое самолюбие и тщеславие передавалось и личному составу. 5-й ротой руководил выпускник РВВДКУ, старший лейтенант Василий Трисмаков. Роту связи возглавлял немолодой, хорошо знающий свое дело, капитан Юрий Гаврилов.

— Повезло вам, ребята, — с завистью в голосе сказал командир первой роты старший лейтенант А. Михайлов, пожимая на прощание руки убывающим товарищам. Через несколько часов батальон поднялся в воздух и улетел в неизвестность... Каково же было изумление и разочарование прибывших из увольнения военнослужащих, когда они вернулись в пустые казармы. Таких опоздавших набралось человек пятнадцать. Комбриг приказал возглавить их молодому лейтенанту Игорю Стодеревскому, только что прибывшему в часть после окончания училища.

— Покомандуй пока, лейтенант, батальоном в десять человек, в будущем пригодится, — сказал комбриг.

— Это же надо, так не повезло. Такое дело и без меня, — эмоционально сокрушался юный лейтенант.

— Ничего, на твою долю еще всякого хватит! — сказал ему начальник политотдела бригады подполковник В. Руденко, и как в воду глядел. У Стодеревского в будущем будет яркая боевая судьба. Чувства же молодого офицера разделяли в тот момент все оставшиеся на зимних квартирах... Все рвались в бой...

...А в это время спецназовцы 2-го батальона уже были на подлете к полевому аэродрому в пригороде Аральска. Непосредственно у трапа самолета воинов встретило руководство республики и города, на состоявшемся экстренном совещании были поставлены конкретные задачи по выполнению карантинных мероприятий.

Город оцепили по внешней стороне от моря до моря, посты располагались на прямую видимость, кроме того, были созданы зоны безопасности. Связано это было с тем, что именно в городе возник очаг черной оспы. Основная задача подразделений отряда состояла в строгой изоляции эпицентра эпидемии. Замполит батальона майор Кондратович обошел каждого солдата и внушал: «Запомни приказ: никого не впускать и никого не выпускать!».

Благодаря командованию воинской части, которая дислоцировалась непосредственно в г. Аральске, в полевом городке отряда были созданы все условия для жизни и безусловного выполнения приказа. Неусыпная караульная служба велась круглосуточно, на всех маршрутах движения автотранспорта при въезде и выезде были развернуты полевые контрольно-пропускные пункты. Железнодорожные поезда проходили транзитом без остановок в г. Аральске и только на полустанках далеко за городом высаживали прибывших пассажиров и проводилась посадка отъезжающих.

Товары первой необходимости для обеспечения жизнедеятельности Аральска подвозились, разгружались за внешней чертой оцепления на специальных площадках, где проводился их осмотр и обработка санэпидемиологами. И только после этого их направляли в изолированный от внешнего мира город.

Из воспоминаний командира отряда 15 обр майора Бориса Нихимчука:

— Мы прекрасно понимали, что из «очага заражения черной оспой» нельзя выпустить никого, кто бы мог быть разносчиком этой болезни, поэтому карантинная служба была поставлена очень жестко, как на войне». Бытует такое выражение, «у страха глаза велики». Воины отряда столкнулись здесь с реальными проявлениями неуправляемого поведения больших масс населения. Узнав о якобы увеличивающемся количестве летальных исходов, о том, в какой сложнейшей ситуации находятся люди в очаге заражения, со стороны отдельных граждан возникла стихийная паника и попытки выйти из кольца блокады. Вот здесь и сыграл свою роль человеческий фактор. Личный состав отряда не поддавался на уговоры, на подкуп, на просьбы какого-либо характера и стоял как гранит. За весь период карантинных мероприятий в зоне ответственности отряда ни одного случая выхода из очага эпидемии отмечено не было. Проводилась большая разъяснительная работа, что способствовало выполнению задачи карантинной службы без осложнений. Весь личный состав отряда проявил высокие моральные качества, оказывал разно-

стороннюю помощь населению и друг другу. Политработниками осуществлялась работа и с населением, каждый офицер для этого был обеспечен литературой, памятками по мерам предосторожности. Командирами строго пресекался прямой контакт населения из зоны заболевания с солдатами, находящимися в оцеплении.

Все это дало положительные результаты: за период карантина никто из личного состава не заболел, так что медики нашего батальона, к счастью, остались «безработными». Конечно, это мягко сказано, работа ими проводилась огромная. Особенно четко действовал начальник медслужбы бригады старший лейтенант медслужбы Матсаков. Он и его коллеги (врачи, фельдшеры, медсестры и санинструкторы) сутками выполняли карантинные мероприятия и, порой, просто валились с ног, так как не имели времени на полноценный отдых.

Пустынно-степная местность вокруг города Аральска, проживание в палатках и несение круглосуточной службы на постах при высокой температуре днем и минусовой ночью, соленые ветры с моря, требовали от личного состава выносливости и мужества. Не все и не сразу приспособились к такому режиму несения службы, однако надо отдать должное офицерам и личному составу, что за весь период карантина к батальону не было никаких нареканий. Оружие на поражение не применялось, по нарушителям не было сделано ни единого выстрела, кроме нескольких предупредительных отпугивающих выстрелов в воздух.

О том времени в среде ветеранов бригады сохранилось несколько баек. Первая о рукопашном бое, что провел с нарушителем режима замполит четвертой роты Александр Зуев, который, «не мудрствуя лукаво», крепко ударил нарушителя карантинного режима по физиономии и, заломав руку, доставил в комнату задержанных. Вот было разговоров-то, когда обнаружилось, что он «заломал» строптивого представителя местного горкома партии. «По-десантному» действовал и сдержанный командир группы лейтенант Хабиб Холбаев, когда на него стеной пошли нарушители, он, не меняя выражения лица, спокойно пустил длинную очередь из автомата под ноги первой шеренги наглецов, чем сбил с них спесь и обратил в позорное бегство...

Замполит отряда спецназ майор Дмитрий Кондратович, проводил длинные душещипательные беседы с задержанными, которые, получив свободу, после проведенного комиссарского воспитания, впредь дальней стороной обходили посты солдат в желтых песочках без знаков различия... Передавая другим: «Сюда не ходи — это спецназ!». Звучало грозно и непонятно. Начальник штаба батальона майор Лысак только посмеивался на жалобы о строгости его военнослужащих, поступавшие от представителей вышестоящего штаба. Спецназ высоко держал свою марку!

Общими усилиями очаг был ликвидирован.

По итогам карантинных мероприятий за добросовестное выполнение поставленной задачи и инициативу высокую оценку всему личному составу отряда дало руководство города, многие военнослужащие были награждены ценными подарками и грамотами.

Приказом командующего войсками САВО № 0146 от 6 ноября 1971 г. всему личному составу батальона спецназ была объявлена благодарность, а наиболее отличившимся вручены почетные грамоты. Среди награжденных оказались комбат капитан Нихимчук, его заместители майоры Лысак, Кондратович, командиры и политработники старшие лейтенанты Шамсутдинов, Холбаев, Крутских, Калачев, лейтенанты Никитин, Чайка, Зуев, старшина роты сержант Агиевич, разведчик ефрейтор Кула и многие другие...

В 1972 г. по итогам сдачи проверки 15-я бригада была объявлена отличным соединением. За высокие показатели в боевой подготовке, отличные действия на тактических учениях и при выполнении специального задания командования Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР наградил соединение Юбилейным Почетным Знаком «50 лет образования Союза Советских Социалистических Республик» — 30.12.1972 г.

В 1972 г. в Вооруженных Силах СССР был учрежден специальный знак Вымпел Министра обороны «За мужество и воинскую доблесть» для награждения соединений и частей, отличившихся при выполнении заданий Советского правительства, а также на учениях. Особую гордость у ветеранов вызывает тот факт, что 15 обр СпН одна из первых среди частей ГРУ и соединений Среднеазиатского военного округа в декабре 1973 г. была удостоена чести быть им награжденным. Лично командующий войсками Среднеазиатского военного округа генерал армии Лященко Н.Г. вручил Вымпел Министра обороны СССР командиру бригады полковнику Мосолову Р.П. Это событие совпало с десятилетним юбилеем со дня формирования бригады и послужило своего рода символом, подтверждающим успешное завершение первого этапа становления соединения. Я думаю, немалую роль в этой высокой оценке личного состава соединения отличившегося на учениях, сыграло и мужество воинов отрядов специального назначения, проявленное в эпицентрах эпидемий и стихийных бедствий.

СТАНОВЛЕНИЕ

Как будто первый раз заметил,
Что подвиг, как бы он высок.
Как ни был бы красив — работа.
И пахнет кирзою сапог,
И звездами, и солью пота...

Сергей ОРЛОВ

Не будет большим преувеличением, если я скажу, что второй командир бригады полковник **Мосолов Роберт Павлович**, прибывший на должность в январе 1968 г., был всеобщим любимцем. Все, кто его знал, относились к нему как к незаурядному явлению. Внешним видом он напоми-

нал известного киногероя Бывалого. Крепкая фигура, лысая голова, усы «мушкой». Всегда сдержан, умен и ироничен. Как позднее отмечалось в Альбоме, посвященном 50-летию создания соединений и частей Спецназа ГРУ: «Мосолов-Человек-Легенда XX века»: «При его имени светлели глаза, в летучих характеристиках мелькали слова: «личность», «умница», «юморист», «резок, но справедлив» и т.д. Он обладал особым талантом воспитателя. Многие лейтенанты, отобранные им и начинавшие военную службу в бригаде при нем, впоследствии стали командирами и начальниками политорганов частей и соединений ГРУ».

По нашим юношеским понятиям, сорокадевятилетний фронтовик полковник Р.П. Мосолов был уже пожилым человеком. Его судьба мало отличалась от судеб его ровесников. Родился 16 мая 1923 года в семье железнодорожника в г. Чите. Закончил десять классов и с учебной скамьи средней школы г. Шацка Рязанской области был призван в Красную Армию. С сентября 1941 по август 1942 года принимал участие в боях заместителем политрука эскадрона первого кавалерийского полка седьмой кавалерийской дивизии. В одном из боев был тяжело ранен. После долгого лечения и полного выздоровления стал курсантом Новочеркасского кавалерийского училища, а затем, после его окончания, командиром взвода конной разведки отдельного разведывательного эскадрона шестого гвардейского кавалерийского корпуса в действующей армии. После одного драматического боевого выхода, о котором речь пойдет ниже, был переведен командиром противотанкового взвода (ПТР) в 6-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион. Второй раз перенес тяжелое ранение. После окончания войны командовал стрелковой ротой 36-го гвардейского механизированного полка 10-й гвардейской дивизии. С марта 1946 года назначается командиром учебной роты полковой школы. В 1948 г., как оказалось, навсегда возвращается в военную разведку и вскоре становится лучшим командиром разведывательной роты дивизии. За войну отважный офицер был награжден двумя орденами Красной Звезды и орденом Отечественной войны II степени. А всего за многолетнюю военную службу имел иконостас из пяти орденов и одной медали «За боевые заслуги». На фронте познакомился и женился на фельдшерице батальона иркутянке Марии Филипповне, которая родила ему наследника.

Наверное, закономерно, что именно Мосолову, в 1963 г., в период службы в Германии, поручили сформировать один из первых отрядов специального назначения. Так по случайности судьбы фронтовой разведчик оказался у истоков возрождения частей спецназначения в послевоенный период. Вновь служил на Украине в Дрогобыче, командиром 36-го отдельного батальона спецназ.

Из воспоминаний начальника разведки ТуркВО генерал-майора Федора Гредасова:

— Командир был на месте, с чувством высокой ответственности, постоянно «болеющий» за благосостояние части и имел высокий авторитет среди личного состава, и в первую очередь среди офицеров». Комбриг был

физически крепким человеком. Ежедневно в течение часа тренировался с гантелями и гирями, плавал в бассейне части. Учил подчиненных парашютно–десантному делу, на своем опыте делился премудростями науки следопыта. Часто от него мы слышали: «Это тебе на войне не надо! А вот это, сынок, будет главным в работе разведчика».

«Зеленые» лейтенанты учились отличать нужное от второстепенного. Мосолов был смел, не боялся нарушать бестолковых приказов. А таких – было достаточно. В частности, для примера, приказом министра обороны №191 в 1969 г. для всех военнослужащих была введена единая форма одежды, которая не особенно учитывала климатические индивидуальности военных округов. Личный состав срочной службы имел парадно-выходную форму одежды (фуражки с голубым околышем, мундиры), повседневную, введенную легендарным Командующим ВДВ Василием Маргеловым для десантников (с голубым беретом и тельняшкой), полевую форму (панамы, открытые хлопчатобумажные куртки, брюки прямого покроя и черные юфтевые ботинки), специальную форму («песочку» желтого цвета без знаков различия). Для офицеров на летнее время определялось ношение фуражки с голубым околышем, рубашки с галстуками защитного цвета, брюк защитного цвета навыпуск или в сапоги, но в 50-градусную жару в Туркестане воротники рубашек под галстуком быстро пропитывались потом и выглядели ужасно не эстетично. Поэтому Роберт Мосолов своим приказом по части внес изменения в существующую форму одежды – рубашка носилась без галстука, расстегнутая на две верхние пуговицы. Военный патруль гарнизона буквально зверел при виде спецназовцев с подобным нарушением формы одежды. Комбрига, наверное, на совещаниях гарнизона ругали начальники, но он был спокоен и тверд в своем решении. Для нас, лейтенантов, этот факт послужил примером на всю жизнь. Впредь его воспитанники никогда не боялись брать на себя личную ответственность.

Каждое служебное совещание комбриг умело использовал для обучения и воспитания офицеров, опираясь на факты из собственной жизни. Мне запомнились две истории, рассказанные комбригом. Первая, о двойственности подчинения частей спецназа начальнику ГРУ и командующемувойсками округа. Вроде как бригада своя в округе, а вроде и чужая.

Из воспоминаний командира 15 обр СпН полковника Роберта Мосолова:

– Как-то мой 36-й отдельный батальон спецназ Прикарпатского военного округа был привлечен к корпусным учениям в Карпатах. Учения проводились под личным руководством командующего войсками округа генерал-полковника А. Гетмана, который приказал мне спланировать и выбросить с парашютами два отряда спецназ для проведения разведки и захвата Ужокского и Средневерецкого перевалов... При проведении этой части плана учений спецназовцы успешно выполнили поставленную задачу, но восемь разведчиков получили различные травмы при приземлении на деревья и на склоны гор. Это обстоятельство вызвало большой скандал. После учений москвичи обвинили меня в использовании батальона не по прямому назначению... (Захват и удержание объектов и участков местности в тылу противника предусмотрены частями ВДВ и десантно-штурмовыми подразделениями, а

спецназу, согласно Инструкции, — это категорически запрещалось — *прим ред.). Хотя был у меня и выше начальник, который якобы согласовал этот вопрос с начальником генштаба, но он промолчал. Спросили с меня — комбата — на полную катушку. И чуть не освободили от должности». Впоследствии и мы в своей офицерской практике убедились, что двойное подчинение сохранилось. И подобное отношение к нам мы наблюдали и переживали нередко, особенно, в период Афганской войны.*

Вторая история из времен Великой Отечественной войны. Разведывательная группа под моим командованием была укомплектована бывшими осужденными или как их звали «зеками», людьми разных возрастов, битых жизнью, имевшими уголовный опыт, ловкими и жестокими, прошедшими штрафные роты, где они искупали кровью долги перед Родиной. Для того, чтобы подчинить их себе, молодому командиру на многое пришлось пойти, и многое пережить. Главное — во всем перед ними надо было быть примером жесткости и требовательности. Что греха таить, в чем-то вынужден был даже им подыгрывать. С этой целью, чтобы не прослыть трусом — даже сделал себе на груди татуировку в виде черепа. Что «зеки» восприняли с одобрением — свой парень!

Так вот, однажды, во время выполнения боевой задачи в тылу противника, в группе лейтенанта Мосолова, оказалась поврежденной радиостанция. Для передачи командованию корпуса срочных разведданных командир вынужден был отправить через линию фронта связного. Выбрал самого опытного разведчика, за которого, как говорится, голова не болела, что может не дойти, — не солдат, а настоящий черт. Однако через несколько дней, когда разведгруппа, выполнив задание, возвращалась к линии фронта, разведчики совершенно случайно наткнулись на обезображенный труп своего товарища, прибитого к стволу дерева. Видимо, связной напоролся на засаду немцев и стойко принял от гитлеровцев мученическую смерть.

Потрясенные гибелью своего корешка, разведчики решили отомстить фашистам. С этой целью они скрытно проникли в ближайший населенный пункт в поисках немцев. В одном из домов увидели свежую пулеметную амбразуру, что свидетельствовало о присутствии там немцев. Во дворе стоял замаскированный бронетранспортер. Советские разведчики бесшумно сняли часового и спящего в БТР водителя, после чего ворвались внутрь дома. И, как говорится, тепленькими взяли в плен десяток фрицев. Затем вывели немцев в конюшню и по очереди расстреляли всех из пистолета в живот.

— А почему именно в живот?— спрашивали мы у комбрига.

— Да чтобы помучились перед смертью, — спокойно ответил Мосолов.

Последним своей участи ждал старший команды в звании лейтенанта вермахта. Он оказался мужественным офицером, держался с достоинством до последней минуты и все что-то громко с пафосом кричал, заканчивая каждую фразу понятными без перевода словами: «Хайль Гитлер!». С ним разведчики поступили иначе: сняли с него штаны, надели проволочную петлю на половой член и мошонку, а затем, перебросив веревку через балку под потолком конюшни, подтянули его вверх и подвесили. Недолго он пробыл в таком положении, вскоре оборвался. Добивать его не стали,

оставили истекать кровью и умирать мучительной смертью рядом со своими подчиненными. Закончив эту часть своего рассказа, Роберт Павлович надолго задумался, а затем подытожил: *«Я ведь прекрасно понимал, что иду на воинское преступление, так как возглавил издевательство над пленными, тем более таким жестоким нечеловеческим способом. Но, можете себе представить, какая ярость в этот момент была у всех разведчиков, когда мы увидели тело нашего растерзанного товарища. Его тоже не пощадили и убили мучительной смертью. До сих пор, как вспоминаю этот эпизод с казнью фашистского лейтенанта, то в ушах отчетливо слышится звук рвущейся под тяжестью его тела плоти и раздирающий душу крик. После возвращения к своим о совершенных зверствах по отношению к пленным, разведчики, видимо, рассказали кому-то из своих друзей, а среди них нашелся тот, кто «стукнул» об этом куда надо».*

Командира группы лейтенанта Мосолова немедленно арестовали. Казалось, что это уже все – крышка – трибунал. Но от суда и штрафной роты Мосолова спас политработник – член военного совета 4-й гвардейского кавалерийского корпуса, который проявил завидное по тем временам мужество. Он смело пошел против мнения офицеров военной контрразведки, и аргументировано потребовал освобождения командира разведчиков Мосолова. Чекисты вынуждены были отступить. Однако они потребовали перевести Мосолова из разведки во взвод смертников – противотанкистов, чтобы смыл позор кровью на первой линии огня. Очередное ранение ждать пришлось недолго.

Надо было видеть, с каким интересом военнослужащие бригады слушали воспоминания фронтовика, полные откровений и жизненной правды. Ведь для нас, подобные воспоминания Роберта Павловича Мосолова были настоящими открытиями неизвестных страниц войны. Мы же воспитывались на других, причесанных примерах героизма Советской Армии и на безгрешности наших воинов. А он никогда не стеснялся говорить нам жестокую правду о той войне, о которой знал не понаслышке. Впоследствии во время различных мероприятий, которые нам приходилось проводить с личным составом в Чирчикской бригаде специального назначения, да и в ходе дальнейшей службы, мы часто использовали воспоминания Роберта Павловича в качестве примера, которые подчеркивали мужество и героизм советских солдат, а также показывали, какая может быть на войне настоящая правда жизни. Цельная народная натура Роберта Павловича не терпела полутонов дипломатичности, что приводило к неприятностям. Все честные, открытые и добрые люди сразу и на всю жизнь влюблялись в него. Все лукавцы, ловкачи, лжецы и «флюгеры» мгновенно им «раскусывались» и тоже сразу и на всю жизнь становились его врагами. Резкая отповедь высокому лицу – члену военного совета – начальнику политуправления САВО генерал-полковнику М. Попкову, допустившему бестактность и личное оскорбление – стала причиной его ранней отставки с должности заместителя начальника штаба – начальника службы войск САВО. Служба на новом месте получилась недолгая. В начале 1975 года Мосолов ушел из бригады на повышение, а через год уже был уволен в запас. Умер Роберт павлович в возрасте 75 лет в Алма-Ате, в разгул «демократических преобра-

зований» и местного сепаратизма, забытый казахским военным ведомством, которое от ритуальных хлопот самоустранилось. Поэтому последние почести ему отдали только бывшие десантники 177-го отряда спецназ, проживавшие в Алма-Ате, под руководством подполковника Бориса Керимбаева. Они же собрали средства на достойные похороны и установили надгробный памятник настоящему Спецназовцу.

Воистину, нет пророка в своем отечестве!

Одной из особенностей истории бригады с 1969 по 1975 гг., что приходится на период командования полковником Робертом Мосоловым, было то, что, входя в состав САВО, она продолжала дислоцироваться на территории ТуркВО. Это стало возможным потому, что, будучи сформированной 1 января 1963 года в Чирчике, при разделе Туркестанского военного округа в 1969 г. на два округа САВО и ТуркВО, бригаду подчинили САВО, как округу первого разряда, в состав которого обязательно должно было входить соединение специального назначения в связи с обострившимися отношениями с Китаем. В силу вышеназванных физико-географических условий Чирчика, а также, видимо, по материальным соображениям, место дислокации бригады менять не стали, поэтому она подчинялась Алма-Ате, а находилась недалеко от Ташкента, где дислоцировался штаб ТуркВО. Для людей непосвященных данное обстоятельство внешне никак не проявлялось, за исключением того, что в бригаде получали газету Среднеазиатского военного округа «Красный боец», а войска Туркестанского округа получали – «Фрунзевец». В связи с напряженными отношениями с Китаем . в г. Капчагае под Алма-Атой 24 июля 1976 г была сформирована 22 обр СпН САВО, а 15 обр СпН вошла в состав войск ТуркВО.

Командир бригады полковник Мосолов лично занимался отбором офицеров-выпускников для пополнения подразделений части. Это было интересное время. Руководству бригады Мосолову Р..П., Кочетову А.А., Чупракову Е.Ф., Белобрагину, Корлыханову, Ходченко В.И., командирам отрядов В. Грязнову, А.Иванову, Б. Нехимчуку и Н.Мельникову удалось создать дружный и сплоченный коллектив. Так набор 1969 г. из лейтенантов выпускников Ташкентского высшего общевойскового училища оказался самым удачным. Пройдя закалку под руководством мудрых наставников-фронтовиков, офицеры В. Коновальчиков, В. Манченко, А. Михайлов, А. Неделько, Х. Холбаев и И. Фазилов стали яркими командирами и начальниками. Хотя военная судьба разбросала их, они остались друзьями на всю жизнь. Впоследствии, один из них, полковник Владимир Андреевич Манченко станет начальником направления спецразведки ГРУ ГШ. В Энциклопедиях «Спецназ России» и «ГРУ. Дела и люди» есть и его биография: *«Полковник Манченко Владимир Андреевич родился 29 сентября 1947 г. в г. Чимкенте. Окончил Ташкентское ВОКУ, Военную академию им. М.В. Фрунзе (1978). Служил в частях специального назначения на должностях командира взвода, роты и отряда специального назначения. С 1978 г. начальник штаба учебного полка, бригады специального назначения, командир бригады специального назначения. Сотрудник (1986 – 1992 гг.), начальник (1992 – 1997 гг.) направления специальной разведки*

ГРУ Генштаба. С 1997 в запасе». Однокашнику Владимира Манченко по ТВОКУ, Фазилову Исааку Камиловичу удастся достичь генеральского звания в Вооруженных силах Узбекистана. Еще большего достигнет выпускник Ташкентского танкового училища лейтенант Дмитрий Герасимов. В свое время, в 1969 г., он сам напросился в 15-ю бригаду и оказался достойным высокого звания спецназовца. Пришел лейтенант Дмитрий Герасимов в Чирчик имея за спиной 47 прыжков с парашютом, свидетельство пилота самолета «Як-12» и «Як-18», крепкие навыки боксера перворазрядника. С такой базой Герасимову Дмитрию Михайловичу суждено было стать дважды спецназовцем сначала ГРУ, а позднее и ФСБ, генерал-лейтенантом, кавалером пяти боевых орденов, из которых один орден Ленина. Полковник Герасимов в бытность командиром 22 обр СпН в Афганистане представлялся к званию Героя Советского Союза, но по ряду известных многим причин с высшей наградой не сложилось. Но, и без этого он является гордостью бригады.

Учитывая важность языковой подготовки разведчиков, с летнего периода 1970 учебного года в бригаде приступили к изучению иностранных языков в строгом соответствии с оперативным предназначением. Экзамен по иностранному языку принимали военные переводчики, приехавшие из Алма-Аты. Они творчески подходили к тому, что докладывали им бойцы, не докучая замысловатыми вопросами и ставили оценки с таким расчетом, чтобы рота получила по языку четверку, так как этого было достаточно для того, чтобы ей можно было бороться за звание отличной. Проверяющие прекрасно понимали, как трудно в армейских условиях научить солдата говорить на иностранном языке. Поэтому, если боец твердо заучил порядок допроса военнопленных различных воинских специальностей, да еще понимает, что ему отвечают, то этого вполне достаточно. Расчет на более высокий уровень должен предполагать интенсивную специальную подготовку. Для этого в бригаде не было ни времени, ни особых условий, если не считать двух прекрасно оборудованных лингафонных классов с современным по тем временам чешским оборудованием фирмы «Тесла». Кстати сказать, таких лингафонных классов не было тогда даже в Киевском ВОКУ. В часть были направлены выпускники Киевского высшего общевойскового командного училища лейтенанты Плешаков, Чайка, Загоруйко, имеющие, кроме военного образования и диплом референта-переводчика. Из Рязанского воздушно-десантного училища прибыли лейтенанты Сикорский и Мотуз. Разведуправлением округа для укрепления кадрами отряда спецоружия бригады были отобраны офицеры-ракетчики А. Ильин и С. Шапиро. В 1971 г. в часть прибыли перспективные лейтенанты А. Тимченко, И. Стодеревский, Ю. Цыганов, Никитин (после ранения на учении был откомандирован).

Летом 1972 г. трагически погиб заместитель командира 6-й роты спецназ по политчасти лейтенант Александр Парамонов. Он был один у престарелых родителей-фронтовиков, которые по состоянию здоровья не смогли приехать на траурные мероприятия. Лейтенанта похоронили на Чирчикском городском кладбище.

В августе-сентябре 1972 г. офицерский коллектив бригады пополнили выпускники из пяти высших военных училищ: Киевского ВОКУ (лейтенанты Гартунг, Маковский, Пивовар и Святненко), Ташкентского ВОКУ (лейтенант Золотарев), Тюменского высшего военного инженерного командного училища (лейтенанты Тяпкин и Ульянов), Полтавского высшего военного училиша связи (лейтенант Руденко) и Свердловского высшего военно-политического танко-артиллерийского училища (лейтенант Кривопалов). После месячных сборов командирской подготовки с ними было проведено офицерское тактико-специальное учение, на котором группу офицеров возглавил лучший командир роты старший лейтенант Манченко В.А. Учение прошло показательно, и было сопряжено с преодолением больших физических и моральных нагрузок, но все лейтенанты успешно справились с заданиями учения. Через месяц все они были допущены к самостоятельному выходу на первые командно-штабные учения округа в качестве командиров агентурных групп. Выброска групп была произведена в разных точках Ташкентской области, а работали они по разведке реально обозначенных объектов – аэродромов, железнодорожных узлов, точек частей ПВО в районе казахских городов Джамбул, Чимкент и других. Все группы действовали успешно.

Непрерывно совершенствовалась учебно-материальная база соединения. Так в 1973 г. из ГРУ ГШ в бригаду поступил комплект оборудования и технической документации нового учебно-тренировочного комплекса специальной полосы препятствий – «Тропа разведчика» – уникального тогда сооружения не только в масштабе вооруженных сил. Его основным предназначением было – привитие и совершенствование навыков воина-спецназовца в преодолении искусственных и естественных препятствий в различных природно-климатических условиях, в разное время суток.

«Тропа разведчика» представляла из себя участок местности длиной 800 метров, оборудованный препятствиями и заграждениями, наиболее часто встречающимися в боевой обстановке: дощатыми и каменными (железобетонными) заборами, кирпичными стенками с проломами, полуразрушенным зданием и фасадом высотного здания, дымоходом, двумя вертикальными стенками высотой до 5 метров, рвом с водой, подземного канализационного лаза, местами для практического метания ножей, окопами для метания гранат, участком для практического минирования железнодорожного полотна, натянутым тросом на высоте 14 метров над землей между двумя мачтами длиной 30 метров, столба для подключения к телефонной линии и беговой дистанции на 200 метров. Комплекс разрабатывался на местности и внедрялся в практику под руководством первого заместителя командира бригады полковника Юрия Голоусенко.

В 1973 г. под городом Самаркандом прошли тактико-специальные учения, в ходе которых несколько разведгрупп бригады осуществляли агентурным путем поиск реальных точек ПВО. Несмотря на интенсивную работу военной контрразведки по поимке «диверсантов», все разведчики благополучно вернулись в часть.

Весной 1973 г., бригада пережила трагедию. Во время пешего перехода личного состава роты связи 2-го батальона в строй военнослужащих на

большой скорости врезался грузовой автомобиль. На месте происшествия погибли двое военнослужащих, трое были госпитализированы.

Осенью 1973 г. произошла очередная ротация кадров, часть офицеров старших возрастов была переведена с повышением или на равные должности в другие части и военные учреждения округа, а вместо них пришли выпускники военных училищ лейтенанты Глушков, Кулалаев, Махотин, Петров, Петрачев (ставший замкомбрига – начальником политотдела 22 обр СпН в Афганистане), Сухомлинов (впоследствии офицер военной контрразведки), Чернобай.

В 1974 году под руководством заместителя командира бригады по воздушно-десантной подготовке полковника Ленского В.А., и команды специалистов заместителей командиров батальонов по ВДП майора Лавдырь, капитана Пашковского, инструктора прапорщика Гомзева была завершена постройка парашютной вышки и добротного городка для воздушно-десантной подготовки.

Несмотря на качественный прорыв в уровне подготовки парашютистов, 20 июля 1974 года соединение пережило досадную парашютную катастрофу. Во время прыжков с парашютом из самолета АН-12 на 19 прыжке погиб молодой командир группы 1-й роты спецназ, выпускник Киевского ВОКУ лейтенант Пивовар М.И. Тело погибшего самолетом было отправлено на родину и захоронено на одном из киевских кладбищ со всеми воинскими почестями.

В конце лета 1974 г. в Алма-Ате на первенстве Среднеазиатского военного округа по офицерскому многоборью (кросс, плавание, гимнастика, стрельба) хорошо выступили представители бригады старшие лейтенанты Игорь Стодеревский, Александр Тимченко, Юрий Цыганов и лейтенант Сергей Золотарев.

В начале осени того года в бригаду пришло молодое офицерское пополнение из Киевского общевойскового училища – лейтенанты Болдырев, Волох, Ершов, Задорожный, Кормушин, Ревин, Фокин, Харламов, из Рязанского воздушно-десантного – Боев, Латыпов, Устинов, из Тюменского инженерного – Земский, из Свердловского политического – Козырев. Многие из которых впоследствии добились высоких должностей в военной иерархии и на государственной службе. Подавляющая часть из них стала полковниками и осталась верна военной разведке на всю жизнь. Полковник Сергей Кондратьевич Золотарев стал последним комбригом 15-й бригады. Как было принято в бригаде, молодые лейтенанты после соответствующих сборов влились в боевой строй и на равных с ветеранами участвовали в итоговой проверке за год. Примечательно, что во время стрельб, которые проводились днем и ночью, офицеры, прапорщики, солдаты и сержанты в массе своей получали в основном пятерки и четверки. Как отмечали проверяющие: «Видно было, что это результат постоянных тренировок».

О бригаде к тому времени в округе ходили легенды, родившиеся из уст командующего войсками САВО генерала армии Лященко Н.Г., которого любили в войсках. Он с большим уважением относился к командованию и личному составу 15-й бригады, ставил всем ее в пример и постоян-

но ненавязчиво помогал в совершенствовании УМБ и боевой подготовки. Всем была известна его искренняя дружба с командующим ВДВ генералом армии Василием Филипповичем Маргеловым (они полковниками воевали под осажденным Ленинградом). Это духовное единство, мужская дружба позволяли легко решать многие задачи взаимодействия по линии воздушно-десантной подготовки разведчиков. А еще Лященко был отличным стрелком из всех видов оружия, но особенно из револьвера, пистолета и пулемета, поэтому он из всех элементов боевой подготовки важнейшей считал — огневую подготовку. Неоднократно командующий лично присутствовал на годовой проверке по огневой подготовке в Чирчике. Его наблюдения за отлично организованной и проведенной стрельбой доставляли удовольствие. Подводя итоги боевой подготовки в Среднеазиатском военном округе, командующий всегда выделял 15 обр СпН в числе лучших соединений и своим приказом поощрял всех командиров до рот включительно. В качестве же поощрения на очередной 1975 учебный год для всего личного состава бригады, командующий приказал выделить спецназовцам дополнительно два вагона боеприпасов для того, чтобы стреляли в ходе плановых занятий без всяких ограничений и лимитов. Кроме того, для проведения учебных стрельб военнослужащих бригады, командующий утвердил практику еженедельного использования со складов дополнительного арсенала трофейного оружия (немецких, американских и бельгийских пулеметов, автоматов, винтовок и пистолетов), что позволяло личному составу изучать материальную часть незнакомых иностранных образцов вооружения и особенности практических стрельб из них. Впоследствии эти навыки сыграли положительную роль в Афганистане, когда спецназовцам в горячке боев часто приходилось пользоваться оружием, захваченным у моджахедов.

Из воспоминаний ветерана 15 обр СпН полковника Сергея Харламова:

— Помню, как во время проверки в роте стрельбу принимал приехавший в составе комиссии разведуправления САВО пехотный полковник. Не представляя уровень подготовки спецназовцев, а вернее, зная достаточно низкие результаты по стрельбе в пехоте, он перед началом принятия зачета объявил, что всем, кто выполнит упражнение учебных стрельб на «отлично», он будет выдавать по 10 рублей из своих личных средств. Когда же первая и вторая смены стрелявших получили пятерки, что обошлось полковнику в 60 рублей, от дальнейшего выполнения своего обещания ему пришлось отказаться по материальным соображениям. После того, как стрельба была сдана, офицеры роты скинулись и вернули полковнику его деньги, при этом посоветовали — впредь в спецназе не давать подобных опрометчивых обещаний, так как это только в одной роте может обойтись ему в полковничью зарплату. Ну а полученные за отличную стрельбу 60 рублей солдаты тут же реализовали в «чепке», где с удовольствием съели гору печенья и выпили пару ящиков лимонада. Стрельбу в ходе проверки 6-я рота сдала на «отлично», при этом отличникам никто, конечно, денег не платил.

Во время сдачи итоговой проверки чувствовался высокий подъём и настрой на достижение максимального результата, который был во всех подразделениях. Офицеры постоянно находились в ротах, солдаты порой не только днем, но и ночами повторяли учебный материал по тем темам, которые надо было сдавать. Однако все знали, что определяющим, а поэтому самым важным этапом итоговой проверки являлись тактико-специальное учение бригады, к которому готовились все штатные разведгруппы, радиотелеграфисты маломощных средств связи (переносных радиостанций – *прим. ред.*), радисты центровых радиостанций, автомобилисты и подразделения тыла. Масштабы, организация и порядок его проведения впечатляли. Более того, могу точно сказать, что в последующем учения 15 обр СпН проводились далеко не с тем размахом, с каким это было в сентябре 1974 года. Учение бригады началось с подъема личного состава по тревоге. Пока разведывательные роты, согласно боевому расчету, готовились к выполнению задач в тылу «противника», хозяйственные подразделения загружали материальные запасы и готовились к выезду в район сосредоточения. При этом на плацу, в автопарке и на складах части присутствовали проверяющие из округа с секундомерами для контроля выполнения установленных нормативов».

Очень прилежно разведчики учились различным секретным приемам и премудростям из арсенала скрытного ведения боевых действий. Основной упор делался на тактико-специальную, военно-инженерную, воздушно-десантную и физическую подготовки.

Ежегодно в летнее время все штатные группы бригады участвовали в соревнованиях среди разведгрупп, на которых необходимо было пройти десять этапов. Группы в количестве 15 – 20 человек выбрасывали парашютным способом из самолетов Ан-12 в незнакомый район. Они должны были быстро собраться на площадке приземления. На каждом бойце порядка 40 килограммов веса. Эта цифра не завышена. Только рюкзак с экипировкой весит в среднем 30 килограммов. Приплюсуйте сюда оружие, боеприпасы. Собравшись на площадке приземления, спецназовцы совершали 30-км ночной марш, в ходе которого отмечались на 3 – 4 контрольных точках. Воины ориентировались лишь с помощью топографической карты и компаса. Поиск тайника, хождение по азимуту, организация стрельбы из засады или организация налета на объект «противника», практическое подрывание объекта, преодоление водной преграды – эти и другие вопросы группы должны были отработать без проколов.

Чаще всего по итогам тактико-специальных учений и этих соревнований определялись и передовые офицеры бригады. Так, за период с 1970 по 1976 гг., первые места на учениях разведгрупп бригады занимали командиры старшие лейтенанты В.Манченко, В.Трисмаков, В.Елисеев, В.Коновальчиков, А.Неделько, А. Тимченко, С. Харламов, Р. Латыпов, Ф. Волох, И. Стодеревский, Ю. Цыганов, Ю. Широков, которых в качестве поощрения выдвигали на вышестоящие должности и включали в списки кандидатов, допущенных к вступительным экзаменам в Военную академию имени М.В. Фрунзе и Военно-дипломатическую академию Советской Армии. Периодически призеры учений награждались государственными наградами. Так в

1972 году орден Красной Звезды получил старший лейтенант А. Неделько, медаль «За боевые заслуги» старший лейтенант В. Павловский, в 1975 году ордена «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени заслужили старшие лейтенанты И. Стодеревский и Ю. Цыганов. Отличившимся на учениях присваивались досрочно очередные воинские звания (лейтенанты Д. Герасимов (1970 г.) и О. Кривопалов (1975 г.).

В XXI веке ветеран спецназа Сергей. Козлов, обобщая опыт поколений в книгах «Спецназ ГРУ» и «Спецназ ГРУ-2», тенденциозно отметил, что настоящими спецназовцами в бригадах были рязанцы (выпускники Рязанского ВВДКУ), а все остальные «приемными детьми». Не разделяю эту точку зрения, ибо в Чирчике и в мирное и в военное время хорошо себя зарекомендовали и выпускники общевойсковых, танковых и инженерных училищ. А в Афганистане и после него три танкиста по образованию Дмитрий. Герасимов, Анатолий Блажко и Алексей Дементьев стали гордостью всех поколений командиров спецназа ГРУ.

Интересно мнение ветерана бригады, выпускника Киевского ВОКУ, полковника Сергея Харламова по этому поводу, высказавшегося так: *«У нас появилась возможность поближе познакомиться со своими коллегами, недавними выпускниками различных военных училищ. Основную массу молодых командиров групп составляли киевляне и рязанцы, при чем первых не только в Чирчике, но и в других бригадах было значительно больше по количеству. У меня особый интерес вызывало вполне естественное стремление многих офицеров тем или иным способом зарекомендовать себя. Это вполне естественно. Однако лидировать в этом сразу же попытались рязанцы, при этом они по поводу и без такового стали всячески подчеркивать, что они закончили факультет специальной разведки, поэтому в силу своего образования якобы стоят на голову выше остальных. В этой связи они однозначно могут рассчитывать на безусловные успехи в работе и перспективы по службе. Однако многие из нас с такой постановкой вопроса не намерены были соглашаться.*

Конечно, рязанцы в специальном отношении были подготовлены лучше нас. Они хорошо знали тактику подразделений спецназ в различных видах боевых действий, минно-подрывное дело, имели опыт совершения прыжков с парашютом. Всем этим киевлянам, да и выпускникам других военных училищ, еще предстояло овладеть. Однако ничего необычного в этом не было, и как в последующем показала практика, мы довольно быстро овладели всеми премудростями спецназовской науки. Наряду с тем, что рязанцы в лучшую сторону выделялись по специальным дисциплинам, нам была заметна их довольно слабая общая подготовка. Оказалось достаточным задать несколько совершенно конкретных вопросов, чтобы понять это. Плохо они знали систему разведки вооруженных сил СССР, силы и средства, а также боевые возможности каждого ее вида, что в Киеве нам давали очень хорошо. В конечном итоге стало ясно, что рязанцы мыслят довольно узкими категориями командира подразделений спецназ. При этом предполагалось, что в физическом отношении они должны быть далеко впереди всех остальных, однако это было не так. Уже первые зачеты показали это.

Языковая подготовка рязанцев также оказалась намного ниже нашей. Понятно, что уровень знания иностранного языка — вещь довольно специфи-

ческая, но киевляне в этом отношении были намного впереди. Видимо, благодаря этому обстоятельству, рязанцы в шутку, а иной раз и с издевкой, называли киевлян выпускниками Киевского дипломатического училища.

Совершенно очевидно, что и рязанцы внимательно изучали нас, киевлян, своих новых сослуживцев. Совершенно беспристрастный анализ показывал, что из восьми киевлян по своим деловым и личностным качествам далеко не все подходили для службы в спецназе. Глядя на некоторых из моих однокурсников, я искренне удивлялся тому, что именно они попали в спецназ. Конечно, это была ошибка кадровиков ГРУ, которые, видимо, считали, что самого факта обучения на разведфаке Киевского ВОКУ вполне достаточно, чтобы лейтенант стал хорошим командиром в спецназе. Не прошло и года и тех, о ком я говорю, перевели из бригады в другие войска, и связь с ними со временем была потеряна.

В общем, в ходе службы обозначилась нормальная здоровая конкуренция и борьба между киевлянами и рязанцами за право называться лучшими. Это проявлялось во всем, начиная от военного училища, которое каждый из нас закончил, и кончая множеством разнообразных аспектов службы. Вполне естественно, что основная масса киевлян, которые по собственному желанию пошли служить в спецназ, гордилась принадлежностью к Киевскому высшему общевойсковому военному училищу, вернее к разведывательному факультету этого училища. Мы прекрасно понимали, что наши успехи в службе — это, конечно, наш труд, но и заслуга училища, а недостатки в работе — пятно на него.

Трудно не согласиться с полковником Харламовых, но кроме выпускников разведывательного факультета с Киевского ВОКУ, имеющие диплом переводчика-референта, в части спецназ приходили и выпускники мотострелкового факультета этого и других общевойсковых училищ (имели общегражданский диплом инженера по эксплуатации колесных и гусеничных машин). Их профессиональные навыки и умения особенно были востребованы с вооружением частей спецназа бронетанковой техникой, но это произойдет позже — в Афганистане, и не будем забегать вперед.

В подразделениях не было скуки. Личный состав находился в постоянном творческом поиске и движении. Солдаты для частей спецназа отбирались из тех регионов, где дислоцировались бригады спецназа ГРУ. Тем самым готовился мобилизационный резерв по всей стране на случай войны. В ротах спецназ служили в основном русские, белорусы, украинцы, казахи, но попадались латыши, литовцы и узбеки. Фамилии отличников и передовиков социалистического соревнования подразделений бригады всех национальностей сохранили исторический формуляр и Книга Почета части: Абилов, Аравин, Абдукаримов, Алдабаев, Агзямов, Атяжев, Бовкун, Бондарчук, Васин, Вафин, Воробьев, Воронцов, Вобликов, Водогрецкий, Глаголев, Григорьев, Гребнев, Джумабаев, Дегтярев, Джаркимбеков, Доминас, Засорин, Зырянов, Исаев, Исачев, Игнатенко, Кайбагаров, Коваль, Костиков, Кузнецов, Красников, Лысак, Ладанов, Маметов, Матухнов, Мирошников, Мотькин, Нижегородов, Оразов, Орехов, Овчинников, Оракбаев, Парпиев, Петров, Пиков, Пляскин, Приезжев, Рас-

кин, Ракитин, Разговоров, Раннев, Расулметов, Рыков, Свешников, Скворчевский, Симушов, Тишинский, Фомин, Цыпарсон, Чура, Хабибулаев. Некоторые из них – Скворчевский, Тишинский, Засорин остались на военной службе прапорщиками. С большой теплотой и симпатией вспоминают ветераны бригады своих неутомимых помощников латыша ефрейтора Эдвина Кулу из Риги, старшину роты Виктора Агиевича из Минска, Рината Зарипова из Москвы, Карла Раскина из Симферополя, Александра Вобликова из Чимкента и многих других. Все они имели среднее образование и отменное здоровье, особенно нужное в войсках спецназ.

Яркой личностью среди солдат выделялся Александр Коробейников, который пришел в армию кандидатом в мастера спорта, имея более 300 прыжков с парашютом. Хорошую память оставил о себе старшина Валерий Бахтий, выпускник сержантской учебки в Печёрах Псковской области. Он являлся командиром отделения, а затем замкомвзвода в 4-й группе 6-й роты. Валерий призывался из Алма-Аты, где работал на заводе после того, как не прошел по конкурсу на факультет журналистики Казахского университета. Ему повезло не только в том, что он попал служить в спецназ, но и в том, что в Чирчике у него жили многочисленные родственники, а в последующем сюда перебрались из Джамбула и его родители. Человек он был серьезный, вдумчивый, что в основном и предопределило его направление после призыва в учебный полк в Печёры. Спецназ очень любил, служил с большим удовольствием, хорошо усвоил программу боевой подготовки по всем предметам. Именно за его неординарность, несмотря на молодость, солдаты 6-й роты в шутку прозвали Бахтия «Отцом русского спецназа», чем Валерий в тайне очень гордится. В будущем он поступил в Высшую краснознаменную школу КГБ и достойно служил Родине, достаточно быстро став полковником.

Костяком воинских коллективов являлись коммунисты сержанты Епанчинцев Н.И., Цыпляков В.И., Сергиенко А.В., Ерохин, ефрейтор Юшта В.А.

В часы самоподготовок с офицерами и политбесед выходного дня в подразделениях с личным составом тщательно изучался и анализировался боевой опыт спецназа капиталистических стран. Для этого в штабе бригады имелось достаточное количество различной методической и справочной литературы, которая не залеживалась. За отдельными изданиями даже была очередь. Офицеры штудировали опыт ведения боевых действий элитных подразделений иностранных армий в различных регионах мира, в котором черпали немало полезной информации для совершенствования боевой подготовки в собственных подразделениях бригады. Из рук в руки у офицеров переходил шпионский роман разведчика Овидия Горчакова «Джин Грин – неприкасаемый», книги зарубежных авторов «Падающий дождь», «Однажды орел», «Молодые львы» в которых раскрывалась тактика действий рейджеров, зеленых беретов армии США. Особой популярностью пользовался Альбом ГРУ «Слава и гордость Советской военной разведки», изданный в 1967 году под редакцией генерала Ткаченко К.Н.. В этом сборнике были размещены биографии 71 разведчика оперативной

разведки ГРУ с описанием боевых операций и их заслуг в годы Великой Отечественной войны. Прошло столько лет, а Альбом до сих пор не потерял своей актуальности. Очень поучительное и емкое издание для нынешнего поколения спецназовцев.

Ярким примером новаторского подхода к ведению разведки стал опыт командира группы штабной роты старшего лейтенанта Юрия Широкова, который, договорившись с летчиками сельскохозяйственной авиации, совершил облет района на самолете Ан-2 для определения координат всех целей, выставленных на тактико-специальные учения. Его, конечно, не похвалили, но отметили за проявленную смекалку. А через десять лет на базе Чучковской бригады (16 обр СпН) проводились первые испытания мотодельтапланов, которые руководство ГРУ рекомендовало спецназовцам для использования в целях ведения воздушной разведки. Зерна опыта, заложенные офицером Широковым, наконец-то, дали свои всходы.

Несколько раз во время проведения ночных занятий по тактико-специальной подготовке по теме «Налет на объект» и снятия часовых, командиры групп старший лейтенант Александр Тимченко (впоследствии подполковником погиб в Афганистане) и лейтенант Игорь Стодеревский, уходя от условностей, с риском для жизни совершили нападения на настоящие охраняемые объекты.

Из воспоминаний ветерана 15 обр СпН Игоря Стодеревского:

— Ночью 1 февраля 1972 г., несколько раз отработав приемы захвата пленных, я решил закрепить этот вопрос в условиях максимально приближенных к боевым. Личный состав подразделения выдвинул к гарнизонной комендатуре и положил в цепь. У входа стояла машина, в кабине которой сидел водитель. Я поставил трем сержантам задачу взять его в плен. Они умели это делать профессионально. На тот момент в роте одна треть была солдатами осеннего призыва, то есть прослужившими не более двух месяцев. И мне хотелось, чтобы молодежь посмотрела на работу настоящих профессионалов. Когда группа захвата скрытно выдвинулась к комендатуре и, вытащив водителя, скрутила его, засунув кляп, из здания вышли два караульных. Сержанты мгновенно схватили и их. Надо было видеть эту картину. Идут три сержанта и каждый за шиворот тащит связанного пленного. Никакого сопротивления они не успели оказать. Спецназовцы были одеты в зимнюю меховую спецформу стального цвета без знаков различия. Допрашивать их не стали, боясь сердечных приступов, и минут через пять отпустили. Пока они бежали в комендатуру с криками: «На нас напали какие-то гражданские», — мы скрылись. Однако на следующий день нас быстро вычислили. Такое мог сделать только спецназ. Проверка расписаний занятий подтвердила ночные занятия в 4-й роте. Ротного Владимира Манченко вызвали в штаб на разбор. Он был не долог. Комбриг приказал, — сержантов, участвовавших в захвате пленных, поощрить, а командиру группы ждать взыскания от начальника гарнизона за грубое нарушение Устава гарнизонной и караульной службы. Это нападение оказало положительный эффект на совершенствование службы. Вокруг комендатуры вскоре возвели бетонный забор, а у входа выставили часового. И это было правильно, так как совершенно беспечно был забыт

трагический случай, произошедший на этом же месте в начале 60-х годов, когда крымские татары совершили ночной налет на гарнизонный караул и вырезали 20 военнослужащих. Преступников тогда не нашли. Взыскание я получил, но начальник гарнизона запомнил меня и через пару месяцев временно назначил помощником коменданта гарнизона.

Большой школой и испытаниями на прочность для разведчиков являлись «разведывательно-диверсионные действия» против настоящих войск на фоне армейских и окружных учений. После них рождалась масса легенд и мифов о спецназе, кстати, основанных на реальных фактах. Командиры воинских частей, когда узнавали об участии в учениях бригады спецназ, с раздражением говорили: «Опять этот лысый хрен своих разведчиков выпускает на свободную охоту за нами».

Ветераны Чирчикской бригады на встречах с удовольствием вспоминают отдельные из этих «приключений». Примером дерзких и стремительных действий на учениях являлась разведгруппа старшего лейтенанта Хабиба Холбаева, которая захватила в качестве «языков» автобус с офицерами штаба воздушной армии. Тем самым, спецназовцы чуть не сорвали весь ход окружных учений, ибо фронтовая авиация округа оказалась на время парализованной. Естественно, разгорелся грандиозный скандал с наложением взыскания «за хулиганство» на командира группы.

После этого состоялся принципиальный разговор командующего войсками округа с начальником управления КГБ о беспечности органов военной контрразведки в ходе учений. Чекисты сделали соответствующие выводы, и с того времени за разведгруппами 15 обр СпН началась настоящая охота спецслужб, которые выполняли задачи по пресечению действий разведчиков.

Иногда они добивались результатов. Так во время одного из эпизодов фронтовых учений чекистам удалось обнаружить в районе важного военного объекта подозрительных лиц, одетых в гражданскую одежду и начать их преследование.

В ходе многочасовой облавы разведгруппа рассеялась, но одного разведчика 6-й роты спецназа 15-й обр СпН рядового Петрова удалось задержать (имя и отчество героя автор к сожалению забыл). Помню, что Петров был призван из Крыма. Документов при нем, естественно, не было. Во время длительного допроса солдат твердо держался ранее разработанной легенды и не признавался в принадлежности к разведке, а улучив момент попытался скрыться. Во время физического задержания оказал ожесточенное сопротивление и крепко побил нескольких офицеров особого отдела КГБ. Однако далеко уйти строптивому солдату не удалось, и с помятыми крылышками его бросили на несколько суток в одиночную камеру, действительно заподозрив в преступных намерениях. Только после окончания учений лично начальник разведки округа выручил мужественного солдата. Впоследствии за высокие показатели в боевой подготовке и проявленное мужество и героизм командующий войсками округа наградил рядового Петрова ценным подарком, а комбриг присвоил ему воинское звание младшего сержанта. Несмотря на самоотверженность солдата, командование

бригады осталось крайне недовольно фактом его задержания и приняло меры по ужесточению собственного контроля за подчиненными в ходе учений. Офицеры штаба курсировали в районах действий разведгрупп на автомашинах и, изображая контрразведывательные органы, выявляли те группы, которые пренебрегали мерами конспирации.

Примерно в это же время до нас дошла информация о том, что на Дальнем Востоке разведгруппа уссурийских спецназовцев под командованием старшего лейтенанта Кордакова совершила дерзкое нападение на военный аэродром Воздвиженка. Обезоружила наряд в двух автопарках и устроила переполох в казармах и жилых домах военных летчиков. Пробралась по-пластунски мимо беспечных часовых, разложила взрывпакеты и сигнальные мины на взлетно-посадочной полосе и на стоянке самолетов и, вернувшись назад, радиосигналом все это подорвала. Эффект был потрясающим. Кордакова, конечно, не наградили, а наказали. Однако во время разбора инцидента заместитель командующего 5-й общевойсковой армией генерал Чуйко сказал: «Вот как должны быть подготовлены и наши разведчики. Учитесь у спецназа». По просьбе командира 123-й мсд генерала Шевченко, соединение которого дислоцировалось в Барабаше и Зайсановке, «штрафника» назначили командиром разведроты 45-го полка в г. Краскино. Подобные бесстрашные действия спецназовцев на грани фола шевелили болото армейской беспечности, и старшие начальники вынуждены были делать некоторые выводы по усилению бдительности, что шло только на пользу всей армии...

С 1975 г., после убытия на вышестоящую должность полковника Роберта Павловича Мосолова, новый комбриг полковник **Колесник Василий Васильевич** еще более оживил боевую подготовку в подразделениях. Для рот стали планировать недельные полевые выходы в горы и пустыни. Офицерам и солдатам нравился такой график учебы: неделя выхода, неделя учебы и службы в части, и опять неделя очередного выхода. Хотя подобного не было предусмотрено в программах боевой подготовки, но это решение комбрига оправдало себя. Поскольку позволяло в ходе интенсивной боевой подготовки в поле надежно закреплять у воинов необходимые знания, умения и навыки.

Через несколько лет, став начальником направления спецразведки ГРУ, генерал-майор Всаилий Васильевич Колесник закрепил такой порядок подготовки для всех бригад спецназа. В конце лета 1975 г. на базе 2-й бригады спецназ в городе Пскове (Ленинградский военный округ) состоялись первые в истории Спецназа ГРУ соревнования разведывательных групп специального назначения на наземном комплексе «Тропы разведчика».

Команда 15-й бригады в упорной спортивной борьбе вырвала первое место у хозяев соревнований, что еще более укрепило авторитет «Чирчикской школы». Осенью 1975 года на базе 80 учебной мотострелковой дивизии САВО (н.п. Отар) разведчики групп старших лейтенантов А. Латышева, Р. Латыпова, И. Стодеревского организовали показательные занятия для начальников разведки корпусов и дивизий Сухопутных войск ВС СССР, что проходили под руководством генерал-майора Ф. Гредасова, которые были оценены по высшему баллу. Тем временем заканчивался и летний

период обучения. Осеннюю проверку бригада в очередной раз сдала на «отлично». Значительный вклад в этот успех всего коллектива внес новый командир бригады. И хотя для него, опытного спецназовца, это было далеко не первое испытание, но в качестве комбрига он выступал впервые.

Достижения бригады не остались незамеченными. К концу года в части состоялось торжественное вручение только что учрежденного ордена «За службу Родине в Вооруженных силах СССР» III степени. Первопроходцами в коллективе стали первые кавалеры этого ордена командиры полковник Василий Колесник и капитан Сергей Шапиро. И это было вполне заслуженно, так как уровень боевой выучки, дисциплины и внутреннего морально-политического состояния личного состава бригады того времени покорял всех проверяющих.

Лучшие командиры, воспитанники 15 обр СпН капитаны Анатолий Виданов, Дмитрий Герасимов, Владимир Манченко и Анатолий Неделько в августе 1975 года стали слушателями академии им. М.В. Фрунзе. К очередной годовщине образования 15 обр СпН в часть приехал начальник службы войск штаба САВО полковник Мосолов Р.П., который, выступая перед офицерами сказал: «На контрасте с теми воинскими частями, в которых мне пришлось бывать, нашу бригаду за тот высочайший уровень боевой готовности, порядок и дисциплину, которые в ней поддерживаются, надо покрыть толстым слоем золота». Надо отметить, что новый комбриг Колесник, так же как и его предшественник, большое внимание уделял воспитанию у личного состава морально-психологической устойчивости, воспитанию чувства превосходства над противником. *«В целях воспитания он широко использовал личный пример, часто рассказывая в ходе различных мероприятий о том, как служил, начиная с 1956 года, в спецназе, какая в то время была экипировка и тактика наших войск.* — Вспоминал полковник С. Харламов. — *Очень подробно описывал действия своих сослуживцев в ходе различных учений в период службы на Дальнем Востоке и в Польше. В выступлениях комбриг упор делал на спецназовскую специфику.*

Особый спрос у В. Колесника был с офицеров выпускников суворовских училищ. Ветераны бригады вспоминают такие слова Колесника: *«С суворовцев у меня спрос особый. Если они с детства пошли в армию, то служить должны на порядок лучше всех остальных. В связи с тем, что я лично суворовец самый старший (набора 1945 года), то имею полное моральное право проявлять высокую требовательность к вам».* Эти слова комбрига многих брали за душу и имели однозначно воспитательное значение.

Новый 1976 г. принес много изменений организационного характера. Весной Директивой Генерального штаба 15-ю бригаду переподчинили командующему войсками ТуркВО. В САВО же в г. Капчагай начали формировать 22-ю отдельную бригаду СпН. Основной офицерский костяк этой бригады составили выдвиженцы из Чирчика. Командиром новой бригады назначили полковника Мороза Ивана Кирилловича, а заместителями командира стали подполковник Груздев Сергей Иванович (в августе 1979 года стал комбригом) и майор Ильин Александр Сергеевич. Один из отрядов СпН в новой бригаде возглавил майор Пашковский Федор Михеевич. Переподчинение бригады позволило решить ряд накопившихся кадровых

проблем: отправить на повышение «засидевшихся» на должностях офицеров, улучшить отбор молодого пополнения. Согласно приказу начальника штаба округа впредь в бригаду направлялось на сто человек больше, чем было необходимо.

Через полгода обучения делался отсев военнослужащих, слабо усвоивших программу боевой подготовки или допустивших нарушения воинской дисциплины, а также по морально-политическим качествам.

Из воспоминаний ветерана 15 обр СпН Игоря Стодеревского:

— Это дисциплинировало людей. Мало кто желал из спецназа попасть в пехоту. Правда, нельзя сказать, что это были никуда не годные солдаты, отнюдь нет. Как правило, в пехоте месяца через два они становились сержантами. Ведь за полгода они проходили в спецназе неплохую подготовку. Просто у нас были очень высокие требования.

Перевод ознаменовался и тем, что бригаду чаще стали привлекать на окружные учения. За короткий период времени спецназовцы изучили многие до этого незнакомые районы Узбекистана и Туркмении, выполняя задачи по ведению разведки мест дислокации частей и проведения спецмероприятий.

В 1976 г. в бригаду пришли лейтенанты Николай Загайнов, Сергей Ершов, Лоренд Ко, Николай Лымарь (рано ушедший из жизни от заболевания, полученного в Афганистане), Владимир Фертиков, Валерий Измалков.

Командующий войсками округа неоднократно представлял бригаду спецназ для комплексной проверки комиссии Министерства обороны СССР в рамках существующего тогда Военно-спортивного комплекса. Подразделения подтверждали свои спортивные разряды и отличные звания. В числе передовиков среди подразделений выделялись штабная рота, 1, 4, 6 роты спецназ и рота минирования. Кстати сказать, в конце 1987 г. бригаду, воюющую в тот период в Афганистане, в очередной раз проверяла подобная комиссия МО СССР и разведчики 15 обр СпН единственные в 40 армии получили отличную оценку по физической подготовке. Высокий уровень физической подготовки личного состава и образцовой спортивно-массовой работы в подразделениях части поддерживался личным примером офицеров, которые все имели спортивные разряды по различным видам спорта.

Так в числе лучших спортсменов-легкоатлетов батальонов спецназ и штабной роты отмечались старшие лейтенанты Александр Волобуев, Александр Гартунг, Сергей Золотарев, Александр Ильин, Александр Латышев, Рафис Латыпов, Валентин Ледовской, Александр Тимченко, Гафуржон Тишаев, Сергей Харламов, Юрий Цыганов, Юрий Широков. Следует особо отметить, что Цыганов специализировался на марафонских забегах, однажды он совершил сенсационный марш-бросок на 125 км из Чирчика до города Чимкента и завершил его за рекордно короткое время.

Виртуозными мастерами стрелкового спорта были капитаны Александр Чубаров и Сергей Маковский. Старший лейтенант Федор Волох и

капитан Александр Голубович поражали окружающих умением метать ножи и топоры. Лейтенант Рамиль Абзалимов, прибывший из РВВДКУ, отлично владел приемами боевого каратэ и сразу стал нештатным инструктором этого модного по тем временам вида борьбы. Увлечения Абзалимова объединило многих молодых офицеров. Традиционные состязания по боксу закаляли волю и характер военнослужащих. Признанными мастерами кожаной перчатки были Владимир Манченко, Дмитрий Герасимов, Анатолий Неделько и Игорь Стодеревский. К гордости последнего в его подразделении было пятеро перворазрядников и двое кандидатов в мастера спорта по боксу, и шесть перворазрядников по самбо. Закономерно, что его рота неоднократно занимала 1-е место на турнире по боксу среди подразделений бригады и гарнизона. Никогда не пустовали футбольные поля и площадки для ручного мяча и волейбола. В теплое время, а это девять месяцев в году, функционировал плавательный бассейн части.

От спорта не было отдыха даже в выходные дни. Наоборот, по воскресеньям планировались и проходили все основные спортивно-массовые соревнования между ротами и отрядами, на которых присутствовали сотни зрителей и болельщиков во главе с командиром бригады. Поэтому не случайно все солдаты и офицеры имели по несколько спортивных разрядов среди которых были коронные: по парашютному, гиревому спорту, по стрельбе и легкой атлетике. Ярким примером качества боевой и физической подготовки личного состава является факт участия штабной роты бригады (командиры Ильин А. и Широков Ю.) на первом первенстве Сухопутных войск среди разведвзводов, команда бригады заняла почетное 4-е место. Вперед вырвались только подразделения курсантов выпускных курсов военных училищ, с которыми тягаться срочникам было очень сложно.

В июне 1977 года во время очередных окружных учений произошло трагическое событие. По вине водителя автомобиля ЗИЛ-131 в горах разбился один из лучших офицеров бригады, командир второго отряда спецназ, выпускник Казанского ракетного училища, капитан Шапиро С.М. Две недели врачи боролись за его жизнь, но все было тщетно. Сергей Маркович умер в день своего тридцатилетия.

В июле т.г., бригада, в соответствии с указаниями ГРУ ГШ, совершала прыжки на воду Ташкентского моря. Для одной из самых сухопутных бригад это оказалось непростым в организационном плане делом, но программа была выполнена полностью без каких-либо огрехов. Приятно было смотреть на четкие и слаженные действия средств обеспечения на площадке приводнения. Воздушно-десантная подготовка закаляла волю разведчиков, заставляла проявлять смелость, мужество, формировала характер и, что очень важно, – вырабатывала высокие морально-психологические качества. Все это проявлялось на учениях, где разведчикам и связистам приходилось решать учебно-боевые задачи.

В конце летнего периода обучения 1977 г. разведчики бригады участвовали в учениях по разведке стартовых позиций ракетной бригады в районе озера Балхаш, и хотя это была территория другого военного округа (САВО), привлекли туркестанских разведчиков, которых на вертолетах с

ошибкой в двадцать километров выбросили от предполагаемого района разведки. Условия учений для спецназовцев оказались очень тяжелыми из-за отсутствия воды и солончаковой почвы. Через три месяца в литературно-художественном журнале Узбекистана «Шарк юлдуз» (Заря Востока) корреспондентом Сергеем Штепо был опубликован очерк «Пятый колодец» о тех похождениях разведчиков. Есть там такие слова: *«Пустыни бывают разные. Редко одна похожа на другую. Свои пески и свой «язык» барханов, свой звон и зной. Эта — как стол. Однажды я уже проходил опаленным ее краем. Краем, и то надолго запомнилось... Разведчики шли сейчас к центру пустыни. Жажда душит ребят. Но идут шаг в шаг. Разучились говорить. И теперь это прочно, до первых глотков воды. Подошли к «противнику» — тихо. И будто нет позади этого трудного пути. Нашли! Взяли все-таки «противника» за поводок! Уточнили точку стояния, силы, все, что надо. Вышли на связь».* За проявленное на учениях мужество лучших разведчиков бригады спецназ капитана Стодеревского, сержантов Гуреева, Кононенко, Цурова, рядовых Бахтеева, Каракоза, Фомина и др., как героев, отправили в Чирчик на личном самолете командующего войсками округа. А это, согласитесь, знак признания.

С целью оптимизации боевой выучки, комбриг вспомнил об опыте горной подготовки прошлых лет и штаб бригады спланировал несколько учений в горах. Разведчики должны были со стороны Чимкента подняться в горы, пройти перевал, а затем спуститься по Учамскому ущелью в район кишлака Чарвак, преодолев за неделю 120 километров. Одновременно в полевых условиях должны были проверить экспериментальные рюкзаки РДС-77, поступившие на испытания от промышленности. Рюкзаки неплохо себя зарекомендовали, однако всю Афганскую войну разведчики пользовались устаревшими РД-54 и пехотными «сидорами». Что-то где-то не сработало. По итогам учений текущего года и отличной сдачи проверки за летний период обучения на должность командира роты были назначены достойные офицеры Ульянов, Расков, Тимченко, Цыганов, Стодеревский, Чубаров. Капитан Крутских поступил в академию им.Фрунзе.

Эти годы для личного состава бригады явились периодом изучения и практического использования новой боевой техники и оружия, которыми оснащались вооруженные силы. Переход на новую систему людских десантных парашютов, освоение современных средств связи, других принципиально новых средств решения разведывательных задач потребовали от воинского коллектива напряженной работы, упорства, умения качественно выполнять любую задачу в любой обстановке.

В ноябре 1977 г. полковник Колесник В.В., попрощавшись с коллективом, уехал к новому месту службы в ГРУ ГШ в Москву, а командование бригадой принял подполковник Овчаров А.А..

Овчаров Александр Алексеевич был опытным офицером, достаточно долго прослужившим в бригаде, чтобы считаться ветераном части. Он родился 16 октября 1936 г. в с. Шепелевка Турковского района Саратовской области. После школы призван в армию и служил срочную службу в 188 мсп 68 мсд

СКВО, а после окончания учебного подразделения до декабря 1957 г. в полковой школе 286-го зенитно-артиллерийского полка 6-й гв.танковой дивизии в ГСВГ. С декабря 1957 по август 1960 гг. он курсант Полтавского зенитно-артиллерийского училища. После окончания обучения служит командиром взвода, секретарем комсомольской организации, помощником начальника политотдела по комсомольской работе 806 зенап 65 зенад в Северной группе войск в Польше. В 1960 г. Александр Овчаров поступает в Пензенское высшее артиллерийское училище, по окончании которого назначается заместителем командира отряда спецоружия по технической части 15 обр СпН. В 1972 г. становится начальником штаба ОСО. С июля 1973 г. — начальник службы спецвооружения бригады. С декабря 1975 г. заместитель командира бригады. С августа 1976 г. начальник штаба бригады. С ноября 1977 по декабрь 1980 гг. командует 15-й обр СпН. Подполковнику Александру Овчарову. выпало очень сложное переломное время истории бригады, но он достойно справился с испытаниями и был награжден орденами Красной Звезды, «За службу Родине в ВС СССР» III степени.

В сентябре 1978 г. разведчики привлекались на очередное учение против радиотехнической бригады особого назначения (бригада предназначена для ведения радио и радиоэлектронной разведки. — *Прим. ред.*). Задача была простая: обнаружить место дислокации подразделений бригады, составить схему боевых позиций на местности, дать координаты, и беспокоить налетами весь период нахождения в поле. Задачу спецназовцы выполнили полностью, но один военнослужащий, переодетый в гражданскую одежду, оказался задержанным сотрудниками контрразведки. На его кедах бдительные *особисты* обнаружили надпись «ВДВ», сделанную шариковой ручкой. Это был провал. Правильно сказал на совещании комбриг: «В разведке мелочей не бывает и на таких ошибках надо учиться». Но учились недостаточно. И этому мешало много обстоятельств.

В ноябре 1978 г. решением Генерального штаба вновь были изменены штаты бригады спецназ, при этом в сторону резкого уменьшения отрядов специального назначения и отрядов спецоружия. В частности, оказались сокращены должности начальников штабов отрядов, заместителей командиров отрядов по воздушно-десантной подготовке, инженеров отрядов. Из командного состава в отрядах остались только два должностных лица — командир и замполит отряда. Вместо 5 штатных рот в отрядах спецназ оставили только две. Подверглись расформированию отряд спецоружия и группы спецоружия в ротах спецназ. Все это отрицательно сказалось на жизни войск и уровне боевой подготовки. Элементарно не хватало людей для обеспечения внутренней и караульной службы, а усугубляло ситуацию еще и развернутое строительство. «К чему эта стройка может привести? А если завтра война? — возмущались командиры подразделений. — С кем пойдем воевать? Спецназ уже, кроме мастерка, лома и лопаты ничего в руках держать не может». В 1978 г. в бригаду прибыли выпускники училищ Николай Губанов, Григорий Иванов, Александр Слепов.

А тень войны уже висела над Туркестаном.

ГОРЯЧЕЕ ВРЕМЯ

«Если хочешь рассмотреть гору,
нужно отойти от нее на расстояние,
если хочешь дать оценку событию,
нужно время»
Киргизская пословица

17 февраля 1978 г. Китай начал боевые действия против Вьетнама, а через два дня войска ТуркВО были подвергнуты проверке Генеральным штабом ВС СССР по вопросам боевой готовности с частичной отмобилизацией частей и соединений до штата военного времени.

В Иране, на который была нацелена бригада, развернулось мощное национальное движение за демократические преобразования и ликвидацию монархии в стране, которое впоследствии переросло в антиимпериалистическую исламскую революцию. Неспокойно было и в соседнем Афганистане. В марте 1978 г. весь личный состав бригады был поднят по тревоге, а подразделения первой очереди подготовлены для десантирования в тыл противника. Личному составу выдали боеприпасы, что указывало на серьезность обстановки.

В апреле 1978 г. начальник разведки 105 вдд, командиры парашютных полков, командир дивизионной роты разведки под руководством генерал-лейтенанта Костылева В.Н. вылетели из Чирчика в Кабул для изучения города и окрестностей с целью рекогносцировки маршрутов движения к важным военным и государственным объектам.

Завершив «загрантур», вернулись к своей повседневной работе. У офицеров десантников и спецназовцев сложилось мнение, что в ближайшее время им придется оказаться в Афганистане. Однако повседневная боевая подготовка шла на фоне непрекращающихся слухов о расформировании дивизии и сокращении до минимума штатов отрядов спецназ бригады. Это вызывало недоумение...

Осенью 1978 г. были проведены масштабные учения под руководством инспектора МО СССР, заместителя министра обороны маршала Москаленко К.С. *«Все вспомнили о том, что в складывающейся ситуации 15-й бригаде спецназ могут быть поставлены разведывательные и специальные задачи на территории сопредельного государства, которые надо будет выполнять в реальной боевой обстановке, — **вспоминал ветеран бригады полковник Харламов С.А., в то время командир роты спецназ.** — В этой связи всю осень 1978 г. бригада «сидела» в повышенной степени боевой готовности и ни на что другое, кроме усиленной боевой подготовки, не должна была отвлекаться. Этому способствовало казарменное положение, на котором находились все офицеры и прапорщики, несмотря на то, что основная их масса проживала в военном городке, расположенном за забором части. Не знаю, как бы я поступал, будь я на месте командира части подполковника Овчарова А.А., но, честно говоря, ему в тот период никто не завидовал. Даже во время дестабилизации обстановки в Иране, когда бригаде надо было*

как можно быстрее ликвидировать пробелы в боевой готовности групп спецназ первой и второй очереди, наше окружное руководство требовало от комбрига продолжения выполнения планов строительства. Кстати, стройка в части не прекращалась даже тогда, когда вся территория нашего городка была заполнена колоннами автомашин с прицепами, загруженными боеприпасами, парашютами и снаряжением, и выставленными напоказ американским космическим спутникам разведки для того, чтобы показать США, что мы полностью готовы выступить на защиту своих интересов на южных рубежах СССР в случае, если американцы решат вторгнуться в Иран...

Думаю, нам повезло, что ситуация в Иране развивалась таким образом, что она не привела к военной интервенции США в эту страну. Если бы это случилось, то СССР был бы вынужден войти в северные районы Ирана. Кто-кто, а спецназ оказался бы там первым. В условиях той подготовки до глубокой и всесторонней отработки всех аспектов действий групп спецназ в тылу противника было очень далеко».

А тем временем наступил новый 1979 г. 22 февраля 1979 г. бригада вновь была поднята по тревоге, и приведена в состояние повышенной боевой готовности на целых три месяца. Весь этот период шла напряженная боевая подготовка. Днем разведчики занимались в горах, а по ночам укладывали парашюты, занимались огневой подготовкой и подрывными работами. Все это время офицеры не покидали военный городок и спали в казармах со своим личным составом. Командир бригады полковник Александр Овчаров на совещании офицеров суть мероприятий довел лаконично: *«Готовьтесь к боевым действиям на территории Ирана. Вероятная задача: воспрепятствовать «зеленым беретам» захватить важные стратегические объекты, обнаружить в горных проходах их ядерные фугасы».*

Из воспоминаний ветерана 15 обр СпН подполковника Николай Губанова:

— Мы штудировали маршруты горных проходов, ведущих в Иран с нашей стороны и с территории соседнего Афганистана. Были заполнены бумаги-завещания, выданные в штабе, — в случае чего, семьи должны быть обеспечены.

Были определены группы первой очереди для заброски парашютным способом. Одну из них возглавил выпускник 9-й роты РВВДКУ лейтенант Лоренд Давыдович Ко (кореец по национальности). Однако выброска не состоялась.

А через полгода все повторилось. Опять тревога, укладка парашютов в ночное время. На этот раз ориентировка была на Афганистан. Любопытный документ — копию шифротелеграммы — из архивов направления спецразведки ГРУ откопал в свою бытность начальником полковник Д.М. Герасимов.

Телеграмма Начальнику Генштаба Огаркову

«В период с 11 по 17 июля 1979 года произведена рекогносцировка в городе Кабуле с целью возможного использования 15-й бригады спецназ ТуркВО. По мнению советского посла и руководителей спецслужб, наибольшая активизация мятежников на периферии и г.Кабул ожидается в

августе. В связи с этим посол просит: перебросить отряд в Кабул до 10 августа. Разработку осуществления мероприятий по переброске возложить на главкома ВВС и командующего ТуркВО.

Генерал армии Ивашутин».

Но этой рекогносцировке предшествовала директива ГШ ВС СССР № 314/2/0061 от 26.04.1979 г., на основании которой директивой командующего войсками ТуркВО № 21/4/00755 от 4.05.1979 г. в штат 15 обр СпН включен отдельный отряд спецназ численностью 538 чел. Первоначально это был 7-й отряд СпН, который вошел в историю нашего Отечества как «мусульманский батальон». Кстати сказать, формирование его было сопряжено с немалыми организационными трудностями.

Из воспоминаний ветерана ГРУ ГШ ВС СССР полковника Олега Швеца:

— 28 апреля начальник 5-го управления ГРУ генерал-лейтенант Ткаченко К.Н. назначил ответственными за формирование отряда полковника Колесника В.В. и меня. С 3 по 9 мая мы согласовывали различные вопросы в штабе округа, где большую помощь нам оказал заместитель начальника разведки округа полковник Дунец Василий Васильевич. К сожалению, в штабе ТуркВО не все понимали серьезность поставленной задачи и «ставили нам палки в колеса». Пришлось несколько раз даже звонить в Москву, чтобы сломить «обывательское» мировоззрение и бюрократическое сопротивление. 10 мая начались основные работы в бригаде. В дальнейшем в Чирчике курировали формирование еще два полковника из Москвы Лавренов Н.Н. и Блохин А.П..

Батальон решено было отселить из бригады, построив для этого хозяйственным способом отдельный военный городок.

Из воспоминаний командира отряда 15 обр СпН Игоря Стодеревского:

— Меня бросили на ремонт заброшенного военного городка бывшего учебного центра ТВОКУ. Я как мог, пытался уклониться от несвойственной и неприятной работы. Тем более, что, по-сути, бросил свой отряд. Но никакие мои доводы о том, что в бригаде есть командиры кадрированных отрядов, не имеющие личного состава, действия не возымели. Мне было заявлено, что эта работа государственной важности, и она на контроле лично у начальника штаба округа. Получив в свое подчинение роту военных строителей, несколько десятков гражданских строителей из всех КЭЧ округа, двести человек личного состава из бригады в качестве подсобных рабочих, я приступил к работе. Сроки стояли жесткие — 2 месяца. Задачу мы выполнили. Получилась приличная база для размещения 7-го отряда. Но впервые личный состав бригады в таком количестве и на такой продолжительный период отрывался от боевой подготовки, — и это в войсках высшей боеготовности! В быстром темпе проводилось комплектование нового батальона. Личный состав прибывал из всех округов. В основном из дивизий ВДВ и в меньшей степени из мотострелковых частей. Его штат показался нам странным, потому что в него отбирали только мусульман. Такой большой процент азиатов был необычен для наших

частей. Второй особенностью стало наличие большого количества бронетехники, «Шилок», станковых гранатометов. Третьей особенностью стала новая экспериментальная форма одежды, выданная якобы для проверки надежности, но, что бросалось в глаза, форма очень походила на афганскую.

Начальник ГРУ назначил командиром отряда майора Холбаева Хабибджана Таджибаевича. Уроженца Сырдарьинской области Узбекистана из семьи ветерана Великой Отечественной войны. 1947 г. рождения. Выпускника Ташкентского ВОКУ им. Ленина. С 1969 г. прослужившего на должностях командира группы, командира роты, заместителя командира отряда СпН по ВДС в 15-й бригаде. Женатого. Имеющего семь дочерей. *(Справка: Впоследствии Холбаев был начальником штаба бригады, командиром 467-го учебного полка СпН, военным комиссаром военкоматов г. Алмалык и районного в г.Ташкент, начальником управления министерства обороны Узбекистана, начальником штаба армейского корпуса, инспектором Генеральной инспекции МО Узбекистана. Уволился в запас в 1998 году в звании полковника. В настоящее время постоянно проживает в г. Фергана).*

Заместителями командира отряда, по представлению управления кадров ТуркВО, стали капитаны Сахатов М.Т. (первый заместитель), Ашуров А.М. (начальник штаба), Саттаров А.С. (замполит), Э.Н. Ибрагимов (зампотех), майор Д. Джалилов (зам по тылу). Роты возглавили капитаны Кудратов И.С., Амангельдыев К.М., старшие лейтенанты Шарипов В.С., Мирюсупов М.М.. Командиром зенитно-артиллерийской группы назначили старшего лейтенанта Василия Праута, командиром ОРНО капитана Олега Никонова, заместителем командира ЗАГ прапорщика Юрия Неверова, так как специалистов азиатской национальности на эти должности найти не удалось. Командирами групп спецназ были назначены выпускники общевойсковых училищ, за исключением двоих лейтенантов выпускников спецназовцев РВВДКУ Рустамходжа Турсункулова и Рамиля Абзалимова. Отдельными взводами связи и обеспечения командовали старший лейтенант Мирсаатов Ю.М. и старший прапорщик А. Рахимов.

К 1 июня 1979 г. из тысячи представленных кандидатов отряд был полностью укомплектован до штата 532 человека. Началась напряженная, интенсивная боевая подготовка личного состава, которую осуществляли как на конвейере днем и ночью без праздников и выходных дней лучшие офицеры-методисты бригады командиры отрядов подполковник Владимир Шрамко, майоры Александр Голубович, Александр Чубаров и Виктор Коновальчиков, а также начальники служб и управления бригады. За полтора месяца отряд, полностью освобожденный от нарядов, караулов и посторонних работ, выполнил годовую программу боевой подготовки. Весь личный состав отряда совершил прыжки с парашютом. Замполит отряда А.Саттаров высоко оценивал их роль: *«Для выполнения будущей задачи этих навыков не требовалось, но прыжки повышали психологическую устойчивость личного состава и тем самым повышали боевую подготовку разведчиков».*

Из воспоминаний командира отряда майора Хабибджана Холбаева:

— Большая заслуга в быстром становлении отряда принадлежит офицерам, пришедшим из развернутых частей округа и, прежде всего, благодаря Мураду Сахатову, Владимиру Шарипову, Исмату Кудратову, Курбандурды Амангельдыеву, Гафуржону Тишаеву, замполиту Рашиду Абдуллаеву. Сахатов практически все время был на полигоне. А 3-я рота, благодаря командиру В.Шарипову и Р.Абдуллаеву, из непростого коллектива стала просто отлично обученным подразделением, которому доверяли наиболее сложные дела.

В середине лета пережили и первые потери. Во время переезда с полигона в полевой лагерь после стрельб по вине водителя произошла автомобильная катастрофа. На одном из крутых спусков водитель ГАЗ-66 выключил зажигание и автомобиль стал неуправляем, автомобиль занесло, а потом и перевернуло. Погибло четыре солдата из 4-й роты и дюжина получили травмы различной тяжести. Вместо погибших и раненых отряд был доукомплектован из основного штата 15 обр СпН.

15 июля батальон подвергся всесторонней проверке по боевой и политической подготовке комиссией ГРУ ГШ. От округа присутствовал начальник штаба ТуркВО генерал-лейтенант Кривошеев Г.Ф. Были проведены тактические учения с боевой стрельбой. Особое внимание уделялось боевому слаживанию на уровне подразделений и батальона. Стрельбу и вождение сдавали на полигонах общевойскового и танкового училищ.

По итогам проверки комиссия оценила результаты проверки как хорошие.

Из воспоминаний ветерана отряда Рашида Абдуллаева:

— Наступило затишье. Солдат начали привлекать для караульной службы и на различные хозяйственные работы. Только почти каждый деньподразделения в порядке очередности выезжали на аэродром Тузель и отрабатывали погрузку бронемашин в самолеты. Скрупулезно рассчитывали, сколько боеприпасов и материальных ценностей можно взять в машинах, чтобы самолеты могли нас поднять. Для установок радиостанций Р-123 в мастерских танкового училища разваривали броню на машинах.

А в это время, по приказу начальника ГРУ, командир отряда майор Холбаев и заместители командира 15-й бригады майоры Груздев и Турбуланов вылетели в Кабул для рекогносцировки президентского дворца, а также отремонтированного дворца Тадж-Бек в Дураламане, куда вскоре переехал Амин.

Из воспоминаний командира отряда майора Хабибджана Холбаева:

— Задача была поставлена одна — охранять главу государства и правительства от происков врагов. У них даже в партии было два крыла. Они никому не доверяли, а нам доверяли.

Как можно было судить, в то время никто, не только офицеры бригады, но и сам Колесник слабо себе представлял, для чего на самом деле создавалось подразделение, — вспоминал полковник Харламов. Из опубликованных воспоминаний Василия Васильевича Колесника и из бесед с ним, проведенных в разное время, можно сделать однозначный вывод,

что и он до самого последнего момента, когда необходимо было приступить к планированию операции по штурму дворца Амина, так же до конца не знал, зачем на самом деле создавался мусульманский батальон.

В середине октября «мусульманский» батальон вновь приступил к интенсивной боевой учебе по программе «Захват объектов». Тщательно были пристреляны полученные со складов автоматы АКМ и АКМС, пулеметы РПК и пистолеты ТТ. В конце ноября состоялась очередная проверка, на которую приехало много начальства из Москвы. От округа проверкой руководил начальник разведки генерал Корчагин А.А..

На проверке отряд хорошо выполнил задачу по захвату Чирчикского аэродрома и объектов, прилегающих к нему. Была выставлена оценка «хорошо», – вспоминал замполит отряда А. Саттаров. – Незадолго до ввода произошли небольшие замены личного состава, касающиеся в основном офицеров и прапорщиков.

Вариантов переброски в Афганистан было несколько. – Рассказывал Х. Холбаев. – Кроме перелета, рассматривался и марш своим ходом в Кабул.

Однако 4 декабря 1979 года Ю. Андропов и Н. Огарков направили в ЦК КПСС сейчас всем хорошо известную записку № 312/2/0073:

> *«С учетом сложившейся обстановки и по просьбе Х. Амина считаем целесообразным направить в Афганистан подготовленный для этих целей отряд ГРУ Генерального штаба общей численностью 500 человек в униформе, не раскрывающей его принадлежности к Вооруженным Силам СССР».*

В ночь на 5 декабря с аэродрома Чирчик на самолете Ан-12 в Афганистан убыла первая группа спецназовцев от 3-й роты спецназ 7-го батальона под командованием первого заместителя командира отряда капитана Сахатов М.Т.. Все выполнялось скрытно в режиме секретности.

Мне комбриг поставил задачу: «Получи боеприпасы на 20 человек по три комплекта на каждую единицу оружия, – вспоминал бывший командир 3-й роты Владимир Шарипов. – Но не на складе, а из своих бронемашин. Получать будешь лично с особистом».

Переброска всего личного состава батальона осуществлялась с утра 9 декабря до ночи 10 декабря с двух аэродромов в Чирчике и Ташкенте (Тузель). В Чирчике погрузка осуществлялась на военно-транспортные самолеты Ан-12 под руководством полковника Дунец В.В., руководил отправкой грузов со складов части заместитель командира бригады майор Турбуланов В.А.. В Ташкенте личный состав, техника и вооружение грузились на военно-транспортные самолеты Ан-22 и Ил-76 под руководством заместителей комбрига подполковников Стекольникова и Тибенко. Общее руководство операцией по переброске батальона осуществлял лично комбриг подполковник Овчаров А.А.. На вылет каждого рейса отводилось 45 минут. Интервал между рейсами составлял не более двух часов. Вылет осуществлялся тремя рейсами по семь самолетов на аэродром Баграм, который был выбран из соображений секретности. Для размещения батальона, группой капитана Сахатова уже были подготовлены палатки

УСБ из расчета по одной на каждую роту и под штаб между капонирами аэродрома.

О том, как «мусульманский» батальон штурмовал дворец Амина написано достаточно много, и у тех, кто изучает или просто интересуется данной темой, вопросов практически не осталось, хотя в те времена, когда все это происходило, все было покрыто мраком таинственности, – писал ветеран бригады полковник С. Харламов. – В 15-й бригаде о штурме, который был осуществлен 27 декабря 1979 г., узнали практически на следующий день. В данном случае сработал, так называемый, «солдатский телеграф». Без особых деталей, но суть того, что произошло, мы все-таки знали достаточно точно и раньше многих». Более подробно об этом смотри далее «Шторм» через всю жизнь».

За месяц до этих событий (во второй половине ноября 1979 г.) командир 105-й воздушно-десантной Ферганской дивизии полковник Королев П.В., прощаясь с командиром 15-й бригады полковником Овчаровым А.А., с горечью констатировал: «Ну что, Саша, расформирование моей дивизии закончено. От полноценного боевого соединения, обученного воевать в горах и пустынях, остались 56-я десантно-штурмовая бригада, развернутая в Чирчике, и 345-й отдельный парашютно-десантный полк в Фергане».

Многие офицеры называли организационные мероприятия того времени «маразматическим бредом старцев». Действительно, к сожалению, действия военно-политического руководства страны были спонтанными. Глядя сейчас на то время, очевидно, что ни министр обороны, ни генштаб, ни командование ТуркВО государственной мудрости не проявили. Хотя официально чуть позже на одном из военных советов это назвали «необходимой оперативной маскировкой перед вводом войск», но никто из туркестанцев это серьезным основанием не считал, так как, оказалось, что в Афганистан вошли срочно отмобилизованные сорокалетние приписники-«партизаны», призванные из запаса.

АФГАНИСТАН ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦЕВ

КОМАНДИРОВКА НА ВОЙНУ

С.М. Беков
Член Совета Федерации
Федерального Собрания Российской Федерации,
генерал-полковник таможенной службы

Как-то ко мне зашел мой старый друг полковник Ю.Т. Старов, сказал, что готовится книга воспоминаний участников войны на Востоке Демократической Республики Афганистан (ДРА) и предложил написать статью, хотя уже прошло много лет после тех событий...

Афганистан – это слово в нашем представлении прочно и неразрывно связано с войной, он уже не одно десятилетие без перерыва охвачен боевыми действиями, которые начались отнюдь не в конце 70-х годов. Наши судьбы оказались связаны с этой страной на определенном историческом участке. Однако двадцать лет тому назад, 15 февраля 1989 года, завершился вывод ограниченного контингента Советских войск (ОКСВ) из Афганистана. Событие знаменательное. Бесспорно, это не день победы, но день окончания войны.

Ввод ограниченного контингента советских войск в ДРА для оказания помощи Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) в утверждении народной власти, которое переросло в девятилетний вооруженный конфликт с организованной вооруженной оппозицией, до сих пор не имеет однозначной оценки. Часть общества его осуждает, связывая афганский конфликт с имперскими амбициями руководителей СССР того времени. Часть до сих пор не может отойти от психологического шока, полученного в результате участия в кровопролитной войне, потери родных и близких, угрозы здоровью. А самая большая часть общества, в основном молодежь, относится к тем событиям, возможно, равнодушно. Для объективного освещения любого события нужен широкий спектр взглядов разных людей, участвовавших в нем. Особенно если это касается такого сложнейшего явления, как война. Многие позволяют себе оценивать эти события без учета злобы дня того времени, считают «верхнюю полку» сегодняшнего своего понимания истиной в последней инстанции.

Мне довелось выполнять свой служебный долг в Афганистане дважды: в 1982–1984 и 1986–1988 годах в должности советника Центрального Комитета КПСС в провинции Нангархар, затем советника ЦК КПСС в

зоне оперативно-войсковой ответственности «Восток», все это на границе с Пакистаном. Первая командировка состоялась по постановлению Секретариата ЦК КПСС за подписью Ю.В. Андропова, а вторая тоже по аналогичному постановлению, но за подписью Е.К. Лигачева. Именно в районах, прилегающих к зоне «Восток» (провинции Нангархар, Кунар и Лагман), было сосредоточено до 65 процентов мятежных бандформирований и отрядов, их опорных баз и мест дислокации.

Достаточно продолжительные сроки работы на месте событий, причем в разные периоды пребывания там ОКСВ, мои контакты с руководством Афганистана, руководителями провинций, вождями племен, религиозными деятелями – моулави, членами Высшего духовного совета Афганистана из «наших» провинций, местными муллами, авторитетами и старейшинами из зоны пуштунских племен как с «нашей» – афганской – стороны так и из-за линии Дюранда, которую пуштуны никогда не признавали как границу, и просто бандглаварями, с которыми можно было заключать договоры о взаимном неприменении силы оружия, участие в работе джирг различного уровня и участие в боевых операциях дает мне право судить об Афганистане не понаслышке. Мне, разумеется, приходилось осуществлять эти контакты, представляя интересы советской стороны в зоне «Восток». Много и практически круглосуточно работать с командованием советских воинских частей и различных разведывательных органов нашей страны, находившихся там. Мое участие в оперативно-войсковых операциях советских и афганских воинских частей в зоне «Восток» преследовало главную цель – установление на местах народной власти, возвращение населения к мирной жизни, ликвидация на уровне уездов и кишлаков баз подпитки мятежников и т.д.

За этот период у меня сложились добрые, товарищеские отношения с командирами и политработниками советских частей и соединений, боевые действия и само пребывание которых, безусловно, обеспечивали стабильность афганской народной власти на местах и безопасность населения провинций в зоне ответственности, которые, кстати сказать, в течение всех девяти с лишним лет являлись районами наибольшей концентрации мятежников. Здесь дислоцировалось в разное время от 2500 до 2900 отрядов и групп оппозиции общей численностью до 110 тыс. мятежников. Из них наиболее активными были 1300 групп и отрядов (29-53%).

В провинциальном центре – Джалалабаде – кроме афганских воинских соединений и частей на постоянной основе дислоцировалось несколько воинских частей нашей 40-й армии. В их числе две отдельные бригады, отдельный полк, отдельные мотострелковые батальоны и отряды специального назначения, отдельный радиопеленгаторный центр и др.

Ветеранами в нашем гарнизоне по праву считались мотострелки. В далеком январе 1980 года первая, прибывшая сюда советская воинская часть – алма-атинский 186-й отдельный мотострелковый полк – была переформирована в 66-ю отдельную Выборгскую Краснознаменную ордена Александра Невского мотострелковую бригаду (в/ч п.п. 93992), которой пришлось первой вести ожесточенные бои с мятежниками в приграничных провинциях Нангархар и Кунар.

Указом Президиума Верховного Совета СССР за мужественные и решительные боевые действия с мятежниками в 1981 году бригада была награждена орденом Ленина – высшей правительственной наградой.

В период моей командировки во главе бригады находились прекрасные командиры: О.И. Смирнов, С.Г. Оздоев, В.М. Матюнин, А.Н. Жариков и В.В. Авласенко. Я знал этих людей, в последующем О.И. Смирнов и С.Г. Оздоев стали генералами. С Оздоевым С.Г. и Матюниным В.М. мне неоднократно пришлось участвовать в совместно проводимых афганскими и советскими войсками операциях по разгрому баз мятежников. Это были бесстрашные, отважные офицеры, с отеческой заботой относившиеся к подчиненным офицерам и солдатам, делившие с ними тяготы войны в чужой стране и на взаимном уважении строившие отношения с местным населением. Учитывая, что на территории зоны «Восток» проживало 2,5 миллиона афганцев, не считая кочевников, доставлявших нам немало забот, у руководства воинских подразделений и местной власти, да и просто жителей ежедневно возникали ситуации, требовавшие моего вмешательства как представителя ЦК КПСС, и мы всегда находили взаимоприемлемые решения.

Особенно дружеские отношения у меня сложились с советниками различных ведомств, живших со мной в поселке Самархейль и обеспечивавших нас, Совет обороны зоны, информацией разведывательной направленности – это генералы В.С. Ушаков, О.И. Ляшенко, полковники Г.В. Онищенко, С.С. Шестов, В.Н. Кириченко, Коршунов и др.

Огромную помощь и отеческую заботу о нас проявляли руководители политорганов Советской Армии – генерал-полковник Н.А. Моисеев и генерал-полковник А.И. Овчинников. Трудно представить, что прошло более 25 лет с тех пор, как погиб в «Соловьиной роще» майор Юрий Очкин, начальник особого отдела вертолетного полка, поэт и песенник, как разбился под Кушкой подполковник Анатолий Листопад, красавец, спортсмен, смелый человек и умный командир. Сразу и не перечислить всех, кто всплывает сегодня в памяти. О них близких мне по духу и пониманию чести и достоинства человека, я еще вспомню дальше.

Зона ответственности 66 отдельной мотострелковой бригады (омсбр) включала три провинции: Нангархар, Кунар, Лагман, в которых все годы пребывания советских войск оставалась самая напряженная военно-политическая обстановка и проводились крупные войсковые операции против мятежников. Основной задачей этой знаменитой бригады ОКСВ являлось прикрытие границы с Пакистаном на восточном направлении. 66 омсбр была достаточно мощным соединением, поскольку для усиления в состав бригады передали 48-й отдельный десантно-штурмовой батальон, значительно повысивший ее мобильные возможности. Командир 66-й бригады был старшим воинским начальником в Джелалабаде – начальником советского военного гарнизона. Большая часть личного состава мотострелков несла боевое дежурство, располагаясь на сторожевых заставах вдоль основных автотрасс, а также стояла гарнизонами в Асадабаде и Митерламе. Местечко, где базировались основные силы и управление бригады, находилось в 2-х километрах от кишлака Самархейль,

на небольшом участке, граничащем с одной стороны с невысокой горной грядой, а с другой – с широкой и полноводной рекой Кабул, несущей здесь с бешеной скоростью свои воды. Окрестности городка окружали заболоченные участки местности, заросшие камышом. На территории бригады рос цитрусовый сад, принадлежавший некогда богатому человеку – директору ирригационного канала. Здесь же стояла его вилла. Местные жители говорили, что в этом городке когда-то была база англичан, откуда они три раза пытались наступать на Кабул, чтобы завоевать Афганистан. Сюда же возвращались после поражений. Из этого экзотического оазиса 66 омсбр выведена в Союз в конце августа 1988 года.

В 1981 году в Джелалабад пришел 1353-й отдельный батальон охраны (в/чпп 43164) для обеспечения безопасности режимной зоны аэродрома, расположенной на восточных окраинах провинциального центра.

Авиацию в провинции Нангархар представлял 335-й отдельный боевой вертолетный полк, прибывший сюда в полном составе в сентябре 1981 года из Союза. Одна эскадрилья (Ми-24) этого полка постоянно находилась в отрыве, на аэродроме Газни, где выполняла боевые задачи с 177-м отдельном отрядом спецназа. Командирами полка в мое время были полковники Шакиров М., Томарев Ю., Целовальник В., Грачев Н. Боевую активность и жизнедеятельность авиаторов обеспечивали 377-й отдельный батальон аэродромного технического обеспечения ВВС, и 1059-й отдельный батальон радиосвязи и радиотехнического обеспечения ВВС. Авиационные части ушли из Джелалабада следом за первыми колоннами советских войск 16 мая 1988 года.

В районе поселка Самархйель, в 50 км от границы с Пакистаном, где жила большая группа советников, в том числе и я, для обеспечения их безопасности были развернуты огневые позиции батареи 28-го реактивно-артиллерийского полка, которая круглосуточно вела огневое поражение плановых и вновь выявленных целей, оглашая окрестности грохотом и воем реактивных снарядов и поднимая в бездонное выжженное солнцем небо облака пыли.

Настоящим событием стало прибытие в провинцию частей соединения специального назначения. Окруженный в Союзе ореолом таинственности, по началу и в Афганистане остававшийся настоящей «тайной за семью печатями» спецназ хорошо себя зарекомендовал. Его прибытие состоялось в феврале 1984 года, когда по приказу командования из Айбака в Джелалабад, преодолев заснеженный Саланг, был передислоцирован отдельный батальон 15 обр СпН ГРУ. Им оказался 154 ооСпН, известный мне по легендам, связанным с захватом неприступного Тадж-Бека.

Само управление 15-й бригады со штабом, отрядом спецрадиосвязи, службами и политотделом прибыло из Чирчика и сразу окунулось в боевую работу. Спецназ по праву считался ударным отрядом ограниченного контингента советских войск. Этим уникальным соединением командовали два толковых командира: до апреля 1986 год подполковник В.М. Бабушкин, а затем сменивший его полковник Ю.Т. Старов, который, пожалуй, был одним из самых старших по возрасту, талантливых и опытных командиров спецназа ГРУ, возглавлявший коллектив бригады до конца 1990 года.

Решением командования спецназовцам была выделена полоса ответственности вдоль афгано-пакистанской границы. Вскоре военная разведка пустила глубокие «корни» и ситуация стала меняться к лучшему. Часто к совместным операциям со спецназом привлекались группы из оперативных батальонов ХАД и агенты ХАД на местах, работавшие как наводчики. Но самая полная, обширная и системная информация поступала от партийных органов НДПА всех уровней, управлений пуштунских племен, кишлачного актива, руководства подразделений «Защитников революции» и, конечно же, царандоя. Всю эту информацию в штабе обороны (ШО) зоны «Восток» перепроверяли самым тщательным образом и только потом передавали другим инстанциям для реализации. ШО был высшим исполнительным органом власти. Я был советником руководителя этого штаба.

Как отмечалось выше, я был командирован в Афганистан для оказания помощи народу этой страны. Я действительно помогал народу, даже той его части, что, охваченная пропагандой «джихада», бежала в пакистанские лагеря. Проводя политику национального примирения, – мы возвращали оттуда немало семей, даже целые кишлаки.

Здесь хочу четко подчеркнуть кардинальное различие в подходах к афганским проблемам со стороны СССР и тех стран, которые взращивали, вооружали и создавали мятежные банформирования. С той стороны подход был прост: помогать каждому, кто борется с советскими войсками в Афганистане. Поэтому согласно их терминологии мы «оккупанты», захватившие страну, а они помогают народу освобождаться от «оккупации». У нас же и мысли не было об оккупации – мы не создавали оккупационную администрацию, мы не управляли народом, наши войска выполняли просьбы афганского правительства. Как видим, основы для полемики нет, поскольку нет даже этих терминов. Поэтому я изложу свое видение афганской действительности в соответствии со своими понятиями и, как мне кажется, общими интернациональными терминами.

Мне неизвестно как в Центральном Комитете КПСС подбирали советников в Афганистан. Для меня Афганистан начался неожиданно: прямо из кабинета заведующего отделом сельского хозяйства и пищевой промышленности Чечено-Ингушского обкома партии я вылетел в Москву на инструктаж в ЦК КПСС и далее на самолете в Кабул. Первоначальные мои представления об Афганистане сохранили записи конспекта инструктажа, который я вел во время бесед. Меня учили: «Наши советнические функции четки и ясны: помощь провинциальным (областным) властям в создании и укреплении народной власти на местах. Мы едем в совершенно иной мир, где еще феодализм. Или, точнее многоукладный патриархальный строй. Основной класс – крестьянство, которое, хотя и расслаивается на бедных, средних и богатых, живет своей племенной патриархальной жизнью и в основе своей, не поддерживает власть НДПА. **Наша задача — сделать афганского крестьянина опорой новой власти.**

В Афганистане более 100 племен, не признающих никаких конституций, а живущих по указаниям своего старейшины. Племена вооружены. Каждый мальчишка с 12 лет держит в руках оружие, знает каждую тро-

пинку, ущелье, лог. С афганцами надо считаться. Они не терпят обмана. **Ни одно обещание, данное афганцу, особенно старейшине, не должно оставаться невыполненным.**

Эта страна многонациональная: здесь проживает до 20 народностей и пять этнических групп. Около 13 млн. человек – пуштуны, свыше 3 млн. – таджиков, туркмен, белуджей, и национальные меньшинства – чараймаки, киргизы, нуристанцы, арабы, курды и др. Два официальных языка – пушту и дари. Пуштунские племена – воинственны; это они трижды пресекли попытки англичан покорить Афганистан. В основном, из них, формировались аристократическая верхушка и офицерские кадры.

Из 16-18 млн. человек населения рабочих лишь 60 тыс. (это к тому, чтобы мы не заблуждались относительно классового пролетарского характера Апрельской (1979 г.) революции) и 250 тысяч священнослужителей. Только в одном Кабуле 2700 мечетей.

Ислам в Афганистане – реальная сила, с которой надо считаться, иначе никакого успеха не достичь. Нам надо хорошо познакомиться с исламом, знать отношение ислама к земле, к воде, к займам, справедливости и т.д. Неплохо бы, аппелируя к справедливости, найти поддержку у духовенства, мулл. Деревенский мулла не богат, как правило, ниже середняка. Из них надо бы образовать «институт», который бы проповедовал цели революции.

Во всяком случае, с духовенством надо заводить порядочные, уважительные, учтивые отношения. Его влияние на население огромно. Мечети в Афганистане, если перевести на наш советский язык – это мощный агитационно-пропагандистский аппарат, и если мы привлечем на свою сторону мулл, одержим большую победу».

В чем главная задача нас, советников? Третий год идут боевые действия в Афганистане, четвертый год Апрельской революции, а население не успокаивается. И нам не совсем понятны причины длительной войны. Ведь мы там, потому что не кончается гражданская война.

Считается, что из 286 уездов, правительством контролируется только 176. То есть в 110 из них полностью хозяйничают мятежники. Но и в этих 176 уездах 80% кишлаков практически без власти, откуда рекрутируются мятежники, помимо потока в 5 тыс. человек ежемесячно из Пакистана после подготовки в лагерях. Грубые подсчеты таковы: 6 млн. человек лояльны правительству, 11 млн. находятся во власти мятежников.

И вот она, главная наша задача: для того чтобы утвердить революцию, нужна новая власть. И мы направляемся в гущу афганского населения, чтобы помочь НДПА таковую создать. В кишлаках – отряды самообороны, в волостях и уездах – так называемые «оргядра» и народную милицию.

Бабрак Кармаль называл своего соперника Амина – «продажным агентом ЦРУ». В более позднее время перестройки таких людей стали называть «агентами влияния». И действительно, от своего предшественника Мухаммеда Тараки, Хафизулла Амин отличался тем, что защитил докторскую степень в Колумбийском университете в США, и тем, что был скорее националистом, чем марксистом. С его приходом к власти обстановка в стране заметно ухудшилась, начались массовые репрессии и развал ар-

мии. Это он развернул широкомасштабную кампанию преследования мусульманского духовенства. Власть соревновалась с оппозицией в зверствах: тюремные камеры были заполнены до отказа, и казни производились ежедневно, как на конвейере. Ирония судьбы заключалась в том, что многие реформы Амина, в частности по эмансипации женщин и перераспределению земель в пользу бедняков, хотя и соответствовали коммунистическим идеалам, встретили молчаливое сопротивление афганского общества и вооруженное — мятежников. Честолюбие Амина занимали и другие планы — расширение границ страны до берегов Персидского залива и проекты по производству солнечной энергии, о чем он неоднократно заявлял своим американским собеседникам. Первыми объявили Амину джихад руководители исламского духовенства и совершили серию кровавых терактов в самом Кабуле. Вскоре расположенная на юге страны провинция Пактия практически полностью перешла под контроль мятежников. Отметим, что в конце 1978 — начале 1979 г. лагеря афганских беженцев, возникшие на территории Пакистана, стали активно использоваться в качестве баз подготовки и снабжения формирований, враждебных режиму НДПА. Американские спецслужбы активизировали работу с антиправительственной оппозицией в Пакистане. С конца 1978 г. началась планомерная и массовая засылка в ДРА подготовленных в этой стране вооруженных отрядов и групп. Таким образом, к концу 1979 г. (моменту ввода советских войск) в стране уже шла гражданская война, в которой участвовало множество различных группировок. В то же время продолжали ухудшаться отношения Москвы с Западом: президент США Дж. Картер организовал массовую пропагандистскую кампанию, которая изображала американское вмешательство в дела Афганистана как акт защиты «прав человека» от «советской агрессии». У руководства СССР возникло, естественно, желание предотвратить вторжение США в Афганистан.

Как признал несколько лет назад Збигнев Бжезинский (советник президента США по национальной безопасности в 1977—1981 годах, администрация Картера лгала и своему народу, и миру, заявляя, что США оказались вовлечены в дела Афганистана только после советского вторжения в декабре 1979 г. Как теперь стало известно, 3 июля 1979 г. — почти за шесть месяцев до ввода ОКСВ в страну — Картер подписал секретную директиву об обеспечении тайной поддержки мятежников и противников просоветского правительства в Кабуле. В интервью, данном в январе 1998 г. французской газете «Le Nouvel Obsevateur», Бжезинский рассказал о том, что он предупреждал Картера: выполнение данной директивы скорее всего спровоцирует силовую реакцию СССР. На вопрос интервьюера из «Le Nouvel Obsevateur», сожалеет ли он, в свете всего того, что произошло в Афганистане, о чем-нибудь, Бжезинский ответил: «Сожалеть о чем? Тайная операция была превосходной идеей. В результате ее реализации русские попали в афганский капкан, и вы хотите, чтобы я сожалел об этом? В день, когда Советы официально пересекли границу Афганистана, я писал президенту Картеру: «Теперь СССР получит свою собственную вьетнамскую войну». И действительно, почти 10 лет Москва должна была вести войну, ставшую непомерным грузом для правительства. Этот конф-

ликт вызвал деморализацию и привел в конечном итоге к краху советской империи».

Угроза потери союзника в лице Афганистана и перспектива появления в южном приграничье СССР проамериканского или радикального исламского режима привели к изменению соотношения сил в Политбюро ЦК КПСС. Впрочем, еще за несколько месяцев до ввода ограниченного контингента советских войск в Афганистан руководство СССР, как свидетельствуют архивные документы, осознавало всю его бесперспективность. Об этом можно прочесть в трехтомнике «Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802-2002». Так, в марте 1979 г., когда на заседании Политбюро ЦК КПСС обсуждалась возможность оказания вооруженной поддержки правительству Тараки, глава МИД Андрей Громыко выступил против какого-либо вмешательства в дела Афганистана и осознавая силу своей компетентности, спрогнозировал чем это может обернуться на деле: «Таким образом, наша армия, которая войдет в Афганистан, будет агрессором. Против кого же она будет воевать? Да против афганского народа, прежде всего, и в него надо будет стрелять». Громыко точно предсказал последствия такого шага в плане международных отношений: разрядка напряженности, сокращение вооружений и многое другое, что с таким трудом было достигнуто в 70-е годы, — все будет отброшено назад.

В марте Политбюро поддержало его, но уже осенью ситуация изменилась. Амин, донимавший Москву бесконечными просьбами ввести советские войска в Афганистан, выглядел, тем не менее, в глазах СССР фигурой значительно более сомнительной, чем Тараки. К тому же летом 1979 г. США начали тайно поддерживать афганских мятежников. Высшее советское руководство склонилось к вооруженному вмешательству. Хотя это решение было подготовлено «большой тройкой» Политбюро, по свидетельству ближайшего соратника главы МИД Георгия Корниенко, Громыко и тогда не был сторонником такого шага, но он внял аргументам председателя КГБ Юрия Андропова и министра обороны Дмитрия Устинова. Несмотря на все усилия МИД СССР свести к минимуму внешнеполитический ущерб от ввода ограниченного контингента в Афганистан, он оказался значительным. Были осложнены отношения с арабским миром. Шансы на ратификацию Договора об ограничении стратегических вооружений (Договора ОСВ-2) сократились до нуля, Белый дом ввел торговые санкции, объявил бойкот Олимпийским играм в Москве и заморозил культурные обмены. Страна почти на десять лет оказалась втянутой в «афганский котел», стоивший около 15 тыс. жизней и нанесший значительный внешнеполитический ущерб.

Для того чтобы разобраться в раскладе политических сил в самом Афганистане, следует отметить, что созданная Тараки в 1965 г. Народно-демократическая партия Афганистана представляла собой сложное идейное течение, использующее марксистскую терминологию, но по существу являющееся мелкобуржуазным, опирающимся на интеллигенцию, студенчество, чиновничество, офицеров, торговцев, ремесленников. Рабочих и крестьян в НДПА было мало.

Вскоре в партии произошел раскол на два крыла – «Хальк» и «Парчам», (что переводится как народ и знамя) отражающие особенности афганской ментальности. «Хальк» – это мелкобуржуазная организация пуштунов, а «Парчам» – интернациональная организация афганской интеллигенции. Кармаль выступал в парламенте с требованием равноправия наций, а Тараки и Амин были пуштунскими националистами. Все разногласия между ними возникали в основном из-за националистических проявлений и борьбы за посты.

Государственный переворот 1973 г., превративший Афганистан из монархии в республику, произошел не без участия «Хальк» и «Парчам». Ставший во главе республики М. Дауд опирался на обе эти фракции. Мне запомнилась одна цитата из характеристики Дауда: «Дауд любит зажигать американские сигареты советскими спичками». То есть хотел лавировать между двумя центрами силы. Борьба внешних сил за влияние на Афганистан, конечно, существовала, но главная линия разлома проходила внутри страны: после падения монархии надо было выбирать путь дальнейшего ее развития. Для одной части элиты идеалом было светское государство. К ней принадлежала и НДПА. Другая часть ориентировалась на иранскую исламскую революцию аятоллы Хомейни. Эта часть впоследствии и образовала непримиримую оппозицию.

В 1977 г. обе фракции («Хальк и Парчам») вновь объединились в мощную НДПА, сохранив при этом свою автономность. Несмотря на разногласия и даже просто скандалы и в верхушке, и на среднем уровне, авторитет партии рос. И когда в марте 1978 г. все руководители НДПА (Кармаль, Амин, Тараки, Нур) были арестованы М. Даудом, это вызвало брожение в обществе, и прежде всего в армии. В апреле некоторые части поднялись, выпустили заключенных из тюрем. Руководство НДПА объявило это выступление Апрельской революцией в стране.

Кто противостоял НДПА, следовательно, и нам? Это прежде всего две крупнейшие партии с одинаковым названием, с добавлением в скобках начальной буквы имени руководителя: ИПА(Г) – «Исламская партия Афганистана» под руководством Гульбеддина Хекматияра и ИПА(Х) – «Исламская партия Афганистана» под руководством Халеза. Третьей по численности и влиянию партией было Исламское общество Афганистана во главе с Бурхануддином Раббани. Остальными, хотя и более мелкими, но являвшиеся не менее опасными для НДПА были: «Фронт национального спасения Афганистана (Сибхатулла)», «Исламский союз моджахедов (Сайяф)», «Движение исламского революционного Афганистана», «Исламский союз», «Афган миллят», «Маоистская партия» и др.

Позже они объединились в так называемый Альянс семи – альянс непримиримых с центром в г. Пешавар. Каждая партия, каждое движение формировало свои вооруженные формирования, учебные центры, причем с учетом конфессиональных отличий: сунниты обучались в Пакистане, шииты – в Иране.

Уже побывавшие до нас в Афганистане советниками товарищи доверительно советовали быть очень осмотрительными. Афганцы – своеобразные люди. Могут клясться вам в любви, а за спиной проклинать. Гово-

ря с ними, надо помнить, что этот разговор тут же станет достоянием многих. Лишнего не болтать. Там охотятся за советскими людьми. Быть предельно осторожным. От маршрутов не отклоняться. Нельзя грубить — грубости они не прощают. Афганские руководители не любят принимать решения, не любят работать. Надо иметь это в виду. Не надо работать за них, надо учить их работать и т.д.

Потом, находясь внутри афганской «мясорубки», и сейчас, осмысливая события четвертьвековой давности, я нахожу, что наш инструктаж, несмотря на то, что он был весьма полезен и своевременен, содержал ряд существенных изъянов. Например, хотя и подчеркивалась роль ислама в этом регионе, да мы и сами вместе со всем миром еще переживали впечатления от испытаний революции в Иране под руководством аятоллы Хомейни, но не представляли себе в полном объеме роль ислама в афганском обществе.

Лозунги новой народной власти, которыми мы оперировали в своей работе («за социальную справедливость», «землю — дехканам», «равноправие наций» и т.д.), никем не оспаривались, но и не доходили до сознания рядового афганца.

Афганец не был внутренне готов взять землю и воду, которые давала ему революционная власть. Он веками был воспитан так, что чужое брать запретно.

Второй изъян инструктажа я обнаружил на практике, занимаясь водно-земельной реформой в провинции Нангархар. Несмотря на то, что аграрно-крестьянский вопрос центральный в программе НДПА, наши «лекторы» глухо касались этой темы. Позднее я понял, что **именно аграрная реформа и дала сбои в развитии революционного процесса в Афганистане**. В этом основном для страны вопросе не было ясности не только у наших «профессоров», но и у руководства НДПА. А третий изъян вроде бы и изъяном нельзя назвать, но поскольку речь идет о сугубо восточной стране с нравами, обычаями и менталитетом народа, резко отличающимися от западных, то политика, дипломатия, разведка должны были учитывать это. Речь идет о клановости. Евроцентристкое сознание относит клановость к некой негативной, партиархальной, отжившей стороне общественной жизни, которая должна уступить позитивной, с западной точки зрения, установке на права человека и демократию. Не берусь быть арбитром в этой неразрешимой со времен Р. Киплинга дилемме. Одно могу сказать — и это мнение укрепилось во мне в Афганистане — **уважения заслуживают все многовековые национальные традиции.** Они не насаждаются сверху, а их основой являются географический, почвенно-климатический, природный и нравственный факторы. Общаясь, например, с пуштунами, нельзя не восхититься неписаным законом этого народа — пуштунвали, являющегося своеобразным кодексом чести пуштуна, делающим его гордым и независимым. Замените этот кодекс европейскими демократическими ценностями — и не станет на земле пуштунов.

Я, как выходец из Кавказа, где в национальном менталитете также сильны родовые, клановые традиции, знаю, сколько теплоты и радости

приносит причастность к славе видных имен твоего рода, сколько уюта на душе от сознания защищенности внутри рода. И даже сжигающая тебя месть к лично неизвестному обидчику рода возвышает тебя как героя.

Все будет изменяться. Изменятся и эти традиции под влиянием новых условий жизни. Но пока они живут, нет ни у кого права уничтожать их.

Называя имена видных фигур как с той, так и с другой стороны афганского конфликта, наши «лекторы» не говорили о переплетениях их родственных связей. Ведь совсем другое видение обстановки возникает перед глазами, когда знаешь, например, что такой-то относится к клану Моджадедди. Независимо от его личных качеств уже можно делать вывод о влиятельности этой фигуры, потому что за ним стоят более 800 влиятельных представителей этого рода, занимающих видное положение в США, Англии, Пакистане, в Египте и других странах. За ним стоит сам Сибхатулла Моджаддеди, на тот момент вождь клана, и его тринадцать братьев. Сам Сибхатулла хотя и возглавлял не самую крупную партию «Фронт национального спасения», входящую в Альянс Семи, но его авторитет, особенно богословский, был непререкаем; он был как бы теоретиком западного пути развития Афганистана «на основе ислама и общедемократических ценностей» (формулировка родилась в марте 1979 г. во время его визита в США, после чего он опубликовал воззвание с призывом к джихаду — «священной войне» с безбожным коммунистическим режимом»). Он критиковал короля за отсутствие реформ в западном духе. Затем стал непримиримым противником свергнувшего монархию Дауда за его «неисламский характер». Он был ярым врагом Хекматияра. В то же время его родственники были даже в правительстве ДРА и руководстве НДПА. Да, причудливы узоры афганского политического ковра!

Изъяны в инструктаже, которые стали мне заметны гораздо позже, отражали общую недооценку ситуации при принятии решения о вводе советских войск в Афганистан.

Меня в данном случае интересует уже свершившееся событие. Как оно происходило на земле и какими мотивами руководствовались люди, вовлеченные в него.

Надо или не надо было совершать этот ввод, — не будем сегодня высоколобо, задним числом пытаться подменить собой Политбюро ЦК КПСС и Советское правительство того времени, целиком охваченное логикой «холодной войны». Свершился факт истории. И исходя из этого, все мы, направленные туда, в пекло, вели себя достойно в самых экстремальных, парадоксальных, экзотически-инородных условиях, на ходу допуская неизбежные ошибки и находя наиболее приемлемые для обеих сторон выходы, решения.

Мы не ощущали себя, да фактически и не были врагами афганского народа. Мы не воевали против афганцев. Мы воевали за афганский народ. И тогда, и сейчас у меня в душе только теплые чувства к афганцам. Я провел среди этого народа долгое время, имел надежных друзей, делил с ними хлеб, воду, ночевал в их глинобитных кишлаках, приютившихся на склонах гор Гиндукуша, заключал договоры и способствовал установлению народной власти. Мы, советские люди, пришедшие в Афганистан по при-

казу нашей страны, сражались там за их революцию. Это была наша идеология, наше воспитание.

Еще раз хочу подчеркнуть, что никто из нас, и я в том числе, не сомневался в святости «интернационального долга», целесообразности введения в Афганистан «ограниченного контингента советских войск», в необходимости оказания помощи народу в преодолении своей отсталости, вооружить братскую партию методами борьбы за социализм, подставить «братьям по классу» свое плечо в трудную минуту. В этом, если коротко, состояла идеология нашей советнической миссии. Нас не покидало ощущение, что мы направляемся на передовую линию фронта для борьбы с империализмом. Мы были убеждены, что не будь там нас, в Афганистане хозяйничали бы американцы. Да и практика подтвердила это.

Сейчас ведь уже никто не отрицает, что движение «Талибан», которое стало стержнем сопротивления мятежников, было инициировано, взращено и подпитано оружием, лагерями подготовки и советниками Центрального разведывательного управления США с помощью Пакистана. Американцы сами породили такого «зверя», с которым сами же до сих пор так и не справились.

Джихад разжигаемый спецслужбами США, объединял огромную армию исламских боевиков. Для пришедшей после Картера администрации Рейгана джихад был «кровопусканием Советам», и его поддержка Белым домом продолжалась. Конгресс даже удовлетворил просьбу администрации о помощи мятежникам и удвоил первоначально затребованную на это сумму. Большое количество советского и китайского вооружения, купленного, в частности, у правительств Египта, Китая, Израиля и ЮАР, поступало на поле боя. Поставки из этих стран должны были замаскировать прямое участие Вашингтона в конфликте. ЦРУ потратило на вооружение и финансирование афганских групп сопротивления около 3 млрд. долларов. Для США и Пакистана снабжавших афганских мятежников оружием и продовольствием, передача не составляла проблем, поскольку граница между Афганистаном и Пакистаном оставалась практически прозрачной. В 1987 г. американцы поставили мятежникам новейшие переносные зенитные ракетные комплексы «Стингер», что позволило им успешно бороться с советскими вертолетами. По неофициальным данным, на подготовку и военную помощь оппозиции ЦРУ ежегодно выделяло около 500 млн. долларов.

Среди получателей американского оружия значился и Усама бен Ладен, хотя «Аль-Каиды» как таковой еще не существовало. В интервью радио «Свобода» 23 марта 1999 года, заместитель министра обороны США по вопросам планирования профессор Оборонного университета Алвин Бернштейн заявил «Администрация Рейгана оказывала помощь одной из сторон в гражданской войне Афганистане, Сальвадоре, Никарагуа, но мы никогда не посылали наши войска в эти страны. Мы давали оружие, делились разведданными и только. Мы никогда не участвовали в наземных операциях по той простой причине, что всегда опасались реакции Советского Союза. Мы попросту не хотели эскалации региональных конфликтов до уровня глобального противостояния».

Эти слова тем более удивительны, что именно США, вооружив и обучив моджахедов, разожгли очаг пожара в Афганистане на долгие годы.

При всех противоречивых оценках как самого ввода Ограниченного контингента советских войск в Афганистан, так и отдельных аспектов этой войны, по мере удаления того события в историю, вдруг исторически неожиданно, казалось бы, парадоксально всплывают глубинные народные оценки. Журналистские репортажи из современного Афганистана доносят до нас голоса простых жителей, вчерашних «душманов», боровшихся с нами: «Брежнев и Наджибулла были лучшими руководителями», «шурави» не только воевали, но и строили заводы, дороги, плотины... («Российская газета», 15 октября 2003 г.)

То есть «в осадке» у афганского народа нет ожесточения и ненависти к «оккупантам». В том и состоял смысл моей советнической миссии (как и всего многочисленного корпуса советских советников), чтобы наше пребывание в стране по просьбе правительства Афганистана ни в коем случае не расценивалось бы как «вторжение», «оккупация», а только как помощь. Интернациональная помощь. Интернациональный долг.

И вот сейчас, после многочисленных и многократных попыток извратить, принизить всю почти десятилетнюю историю пребывания Ограниченного контингента советских войск в Афганистане, низвести ее до уровня «авантюры», «неоправданных жертв» и т.д., я, как и в те годы, не втягиваю голову в плечи, не стыжусь и не испытываю сожаления за действия свои и моих товарищей. Все мы, от солдата до генерала, гордились этим почетным званием — воин-интернационалист.

Советская пропаганда знала свое дело! И тогда, и сейчас я признаю удачным это идеологическое клише, смысл которого приподнимал солдата в собственных глазах, снимал вопрос «За что?», добавлял ему патриотической гордости.

В разговорах между собой, в письмах родным молодые солдаты, впервые оказавшиеся за границей, описывая афганские условия, с полной уверенностью передавали свое ощущение как помощников-интернационалистов. Им их миссия по-другому и не могла представляться: они пришли помочь афганскому народу сделать рывок из века XIV в век XX. Ведь, увидев крестьянина, пашущего землю деревянной сохой, советский юноша только ещё больше утверждался в своей благородной интернациональной миссии.

А загляните в повестки дня наших заседаний с Башармалем, главой провинциального комитета партии, председателем Совета обороны зоны «Восток» Какие вопросы мы решали? Земельная реформа. Распределение воды. Ремонт плотины. Где взять бульдозеры? Строительство Дворца культуры. Создание кооперативов. Открытие профтехучилища. Сбор урожая маслин и цитрусовых. И еще тысячи больших и малых дел.

Но, разумеется, еще больше неожиданных, военных. В уезде Чаприяр, например, банда уничтожила охрану водостоков, которыми питается большой кишлак Дигас. Если взорвут водостоки, 1500 человек останутся без воды, погибнут посевы.

Вызываем на помощь советских военных... Из уезда пришло тревожное сообщение: посланная на переговоры о перемирии группа Царандоя и представителей службы афганской безопасности из шестидесяти семи человек, якобы целиком вместе с техникой и оружием перешла на сторону противника. Хорошо зная преданного революции командира группы Мирвайса, мы не поверили этому сообщению.

Проводим войсковую операцию, освобождаем кишлак Килагу и находим в нем тела всех предательски перебитых сотрудников безопасности и царандоевцев. Мы тогда не только провели удачную операцию, не только освободили уезд от банды Хайяр-Мамада – мы вернули честные имена павшим сторонникам народной власти, афганцам.

Кто-нибудь из тех умников, любителей выискивать ошибки задним числом учитывает эту сторону нашей деятельности? Или вместе с высоким понятием типа «интернациональный долг» отбросили и чисто человеческие, дружеские отношения, которые неизбежно возникали в процессе межгосударственного, межнационального общения? В том-то вся суть, что не мы разделили афганский народ на враждующие стороны и, помогая одной, волей-неволей становились врагами для другой стороны.

А ведь помощь наша в виде продовольствия, техники, стройматериалов, организации и охраны ее доставки во все регионы предназначалась всему афганскому народу. И то, что с благодарностью вспоминают сейчас, и бывший мятежник, и бывший защитник революции, говорит о не прошедших зря усилиях, затратах и потерях.

Знаменитая фраза советского времени «кадры решают все!» определяла и одну из главных задач советнической деятельности. Здесь пригодился и опыт кадровой работы КПСС: изучение личных и деловых качеств, расстановка с учетом такого изучения, критика и поощрения, обучение, обмен опытом и т.д. Вместе с этим сразу же стало ясно: опыт слепо не копируется, а копирование превращается в карикатуру. Обсуждаем, например, с одним из руководителей высокого уровня работу добровольного общества женщин Афганистана (ДОЖА). Я рассказываю о работе Комитета советских женщин, которым руководит летчик-космонавт В.В. Терешкова, что по ее инициативе недавно принят закон, по которому женщине после рождения ребенка дается год оплачиваемого отпуска для ухода за ним. Мой собеседник недоверчиво спрашивает: «Даже если этот ребенок – девочка?» Шок, отчаяние: как разговаривать, что советовать? Но берешь себя в руки — ты и прислан сюда с миссией наводить мосты над бездной, разделяющей нас.

При всех подобных неожиданных поворотах и столкновениях с неизведанным соответственно корректировалась линия поведения советника. Но встретился один феномен, разгадать который я до сих пор так и не смог. Это разделение партии на пресловутые «Хальк» и «Парчам».

Уже в одной из первых «информаций «О положении дел в провинции Нангархар» я, перечислив тридцать четыре характеристики на партийных работников, указывал, что двенадцать из них подлежат немедленной замене и лишь шесть человек достойны выдвижения. Размышляя о кадрах, я приписал в конце информации: «Большую тревогу вызывает непрекра-

щающиеся неприязненные отношения между бывшими «халькистами» и «парчамистами». Не было случая, чтобы между собой дружили партработники «халькисты» и «парчамисты», семьи друг друга они посещают тоже редко. При выдвижении кандидатур на руководящую должность, каждое крыло начинает продвигать свою. При приеме в НДПА уже как бы появляются новые приверженцы фракций: рекомендации новым членам дают халькист — халькисту, парчамист — парчамисту. «Халькисты» считают себя глубоко обиженными, в связи с тем что их представителям не поручают ведущих постов. Они открыто в беседах говорят, что руководители из бывшего крыла «Парчам» используют служебное положение в корыстных целях и заявляют: мы — честные революционеры, а они — нет. Борьба не прекращается на уровне горкома, окружкома и провинциального комитета, хотя носит скрытый характер».

Представьте, что все это происходит внутри правящей партии в труднейших условиях борьбы с мятежниками, когда вся эта возня вокруг постов из простой бюрократической интриги превращается в преступление с кровавыми последствиями. Когда в уезде Кузкунар произошел взрыв и погибли люди, то начальник провинциального ХАДа по согласованию с секретарем комитета НДПА (оба «парчамисты») бездоказательно обвинил во взрыве «халькистов» и арестовали 13 человек, практически оголив все орг. ядро уезда, и те самым поставив под угрозу существование народной власти. Потом разобрались, но удар, нанесенный и по единству партии, и по народной власти был посильнее, чем иные вылазки противника. Вообще, не имея на то оснований в провинции было арестовано более 100 »халькистов». Дискриминация представителей другого крыла своих же «единомышленников» проявлялась не только в таком тотально необоснованном подозрении, но и в «мелких пакостях», которые в целом опять же оборачивались против целей Саурской (Апрельской) революции, а им на словах были верны и те и другие. «Парчамисты» вооружались «Калашниковыми», а «халькисты» — старым оружием. Трудно было проверить все случаи, которые приводили «халькисты», о том, как «парчамисты» под всякими предлогами, в том числе и за взятки, уклонялись от участия в боях, от опасных переговоров с бандформированиями, от призыва в армию своих сторонников и родственников. Повторяю, это трудно было проверить, но цифры подтверждают: из 264 погибших в боях членов провинциальной партийной организации 214 — «халькисты» и только 50 — «парчамисты». А ведь последних в составе организации было больше.

Я мог бы еще понять подобный протекционизм на родовой, клановой основе. В африканских государствах он зовется «трайболизмом». Да и у нас в Советском Союзе в бывших республиках существовал под видом «национализма» (попутно замечу, что кадровая политика КПСС имела неплохой механизм амортизации подобных явлений: в многонациональных регионах работал обязательный, между прочим, неписаный принцип — если первое лицо коренной национальности, то второе — русский, и наоборот.) Я надеялся применить его и там. Но здесь и «халькист» и «парчамист» — все пуштуны...

Еще я сравнивал эти два крыла с расколом в РСДРП на большевиков и меньшевиков. Но там были явные идейные расхождения, а у афганцев, как я ни старался, не мог уловить непримиримой идейной разницы.

Более или менее внятную концепцию этих двух крыльев в НДПА («Хальк» и «Парчам») я услышал от советского посла в Афганистане Табеева Фикрята Ахмеджановича. Чувствовалось, он долго и мучительно думал над этой проблемой. На одном из совещаний он поделился с нами некоторыми своими мыслями: «Главным в этом вопросе, как и вообще во всем в Афганистане, является «пуштунский фактор». Все, начиная с Александра Македонского, признавали и признают наличие некоего своеобразия пуштун, порой трудно уловимого для постороннего, но реально ощутимого внутри нации и среди ежечасно сталкивающихся с ней соседей!» Табеев считает «Хальк» порождением пуштунского шовинизма, возникшего на мелкобуржуазной почве и наиболее ярко проявившегося в Амине. Пуштуны, привыкшие считать себя «пупом Афганистана», а возможно, в мистических уголках своего сознания, и «пупом Земли», не могли принять концепцию революции о равенстве народов. «Хальк» — это та часть пуштун, которая в целом за революцию, но с «пуштунским лицом». «Парчам» же несет на себе некий «интернационалистический» оттенок.

Восприняв «табеевскую теорию» как урок и руководство к действию для внедрения в сознание членов НДПА принципов ленинской национальной политики, предусматривающей действительное равенство народов, я был рад, что имею хотя какой-то ответ на мучивший меня вопрос. Но и сегодня испытываю внутренний дискомфорт: что-то меня не устраивает в том табеевском классовом анализе. Наверное, не были бы «Хальк» и «Парчам» в одной партии, будь они классовыми антагонистами. Не мной одним замечено, «у афганцев групповщина — в крови». Ведь даже одни «халькисты» делились на «красных халькистов» и «белых халькистов», появлялись и прочно удерживались всяки «аминисты», «кештмандисты», «сторонники Тараки» и т.д.

Все дальнейшие события показали, что президентство Бабрака Кармаля стало трагедией. И сейчас многие историки считают, что ввод советских войск в эту стран был необходим. Однако слишком велика была цена того, будет для нас Афганистан дружественной страной или нет. Особенно неоправданной, по мнению большинства участников тех событий, была ставка, сделанная спецслужбами СССР международным отделом ЦК КПСС на Кармаля и фракцию «Парчам» в целом. С их приходом к власти для Советского Союза начались все беды в Афганистане, развал афганской армии стал неизбежным, ибо она в основе своей была «халькистской». Ее уже нельзя было спасти и сделать боеспособной. Понесенные при штурме «Дворца Амина» и в ходе всей войны жертвы оказались напрасными, хотя, конечно, советские войска в Афганистане сделали немало полезного для становления армии, защиты мирного афганского населения от наемных и мятежных банд. Но в конечном счете Саурская революция все же потерпела поражение.

Оказалось, что у фракции «Парчам», выдвинувшей в качестве лидера Бабрака Кармаля, не было той безоговорочной поддержки и тех союзни-

ков, на которых, собственно, и рассчитывал Кремль. **«Парчамисты» в большинстве своем принадлежали к элите афганского общества, то есть к городской интеллигенции, и чаяния простых людей, зарабатывающих себе на жизнь тяжелым трудом, были им чужды. Это ярко проявилось при проведении аграрной реформы, которая должна была привлечь на сторону новой власти всех бедняков, независимо от племенной или религиозной принадлежности.** Реформа провалилась, поскольку имела преимущественно пропагандистский характер. На словах главной ее целью провозглашалась социальная справедливость, на практике же народ был вынужден уходить в мятежники, где хотя бы кормили и обеспечивали оружием.

Безусловно, немалую роль в формировании сопротивления режиму Кармаля сыграл мусульманский фактор: борьба с неверными стала серьезным противовесом той идее, с которой пришла к власти НДПА. Разноплеменный Афганистан формально считается страной моноконфессиональной, то есть исповедующей только ислам. Однако разнообразных течений ислама там предостаточно: шииты, сунниты, хазарейцы, исмаилиты — и это еще далеко не все... Как удавалось королям Афганистана поддерживать между ними равновесие? Ответ прост — раньше они могли использовать самые жестокие методы подавления любого бунта. Недовольным неоткуда было взять оружие для организации сопротивления, они были изолированы в коммуникационном плане. Доступ к новейшим технологиям существенно расширил их возможности.

Нельзя игнорировать и еще один фактор, который, несмотря на его кажущуюся аполитичность, активно влиял на формирование группировок, противодействующих правящему режиму. Дело в том, что Афганистан, являвшийся некогда частью Великого Шелкового пути, в современном мире стал важнейшей частью «Великого Наркотического пути». И даже если бы здесь действовала самая жесткая система охраны границ, остановить наркобизнес было бы очень сложно, — ведь это главный источник финансирования частных армий, мятежников. Поэтому из любого политического события в данном регионе наркодельцы и пытались извлечь выгоду для себя. Например, интересы наркогруппировки, получавшей деньги из северного региона, скрывались под лозунгом «Избавимся от оккупантов с Севера!». Афганистан превратился в один из центров мировой наркоторговли после того, как по требованию Запада был нанесен удар по знаменитому «треугольнику» на границе Бирмы, Таиланда и Китая. Поэтому-то утверждение в Афганистане прокоммунистического режима, объявившего войну наркотикам, пугало героиновых бизнесменов и заставляло их принимать активные контрмеры. В то же время партизанская война сулила вождям племен укрепление их позиций за пределами Кабула.

Приход к власти Бабрака Кармаля не только не упростил ситуацию, но, напротив, добавил новых трудностей. Поэтому вооруженное сопротивление Кармалю возникло практически сразу. Первым серьезным выступлением вооруженной оппозиции стало восстание в Кабуле в феврале 1980 года. Оно было поднято правомусульманскими лидерами — такими как Гульбеддин Хекматиар, сторонниками Амина (их оставалось не так уж мало), а также теми, кто в результате смены власти понес существенные материаль-

ные убытки. Восстание было подавлено силами афганских войск, верных новому правительству.

Москва поддерживала Кармаля не только своим присутствием, но и постоянными поставками оружия. Однако религиозная (то есть большая) часть населения страны присутствие ограниченного контингента восприняла как новый крестовый поход «неверных» против ислама. Тысячи афганцев покидали свои дома, чтобы влиться в многочисленные и, как правило, разрозненные партизанские формирования. Напомним, что к моменту ввода советских войск Афганистан пережил несколько переворотов и общество было расколото на группы, каждую минуту готовые к гражданской войне. Уже к началу 1986 года часть руководства Советского Союза осознала, что ни о какой победе правительства Афганистана по всей стране речи быть не может, и желала только одного – поскорее вывести войска оттуда и оказывать лишь материальную поддержку Кабулу, такую же, как США – оппозиции. Однако прежде чем уйти, необходимо было создать устойчивый режим, который гарантировал бы не только политическую и военную стабильность на границах с Советским Союзом, но также продолжение экономических контактов (в том числе поставки газа из месторождения в Мазари-Шарифе, которые полностью покрывали затраты на обеспечение Афганистана продовольствием и оказание ему технико-экономической помощи).

Фактором, значительно осложнявшим положение «шурави» и особенно беспокоившим советское командование, была открытая афгано-пакистанская граница протяженностью около 2,5 тысяч километров. Одним из последствий произошедших в стране событий стало то, что наиболее пассионарная и радикально настроенная часть пакистанского населения начала перетекать в Афганистан. Пакистанское руководство, в общем-то и без давления со стороны США, было готово взять на себя решение вопросов оснащения и отправки доморощенных отрядов мятежников на борьбу с Советами (причем чем дальше, тем лучше). Советское военное руководство намеревалось перекрыть границу с Пакистаном и, отрезав афганскую вооруженную оппозицию от пакистанских баз снабжения, обречь ее на медленное умирание. Все это должно было подкрепляться политикой умиротворения, устранением непримиримых и подкупом умеренных. Однако реализовать этот план оказалось невозможным, и прежде всего из-за очень большой протяженности границы, – он требовал столько средств, сколько Советский Союз позволить себе не мог.

Помимо объективных причин на пути создания устойчивого афганского режима оказалось еще одно субъективное, но весьма существенное препятствие. Глава Демократической Республики Афганистан Бабрак Кармаль не был способен играть роль даже марионеточного лидера. Поэтому с приходом к власти в СССР Горбачева Кармаля решили заменить более достойным и прогрессивно мыслящим лидером. Новое советское руководство стремилось как можно скорее закончить афганскую войну и даже достигнуть компромисса с оппозицией. Способным осуществить этот курс в Афганистане советские лидеры сочли Мухаммеда Наджибуллу, главу ХАД (афганской службы государственной безопасности), который в мае

1986 г. и стал президентом Афганистана. Остаток своей жизни свергнутый Кармаль провел в Москве.

Придя к власти, Наджибулла призвал враждующие афганские стороны к общенациональному примирению и объявил односторонний полугодичный мораторий на ведение боевых действий. Жест, однако, был совершенно бесполезным. В подобной политике НДПА и действиях Москвы, направленных на вывод из Афганистана советских войск, «Исламский альянс семи» усмотрел лишь проявление слабости марионеточного режима. На общем собрании всех лидеров альянса было принято решение продолжать «священную войну» до победного конца, то есть до полного вывода ОКСВ и ликвидации правительства Наджибуллы. Сразу после этого была совершена серия убийств членов так называемой комиссии по примирению. Особенно активизировали свою деятельность сторонники Хекматиара, благо он располагал достаточными для этого денежными средствами. США в 1986 г., не скупились на помощь мятежникам: заветная цель — удаление Советов из Афганистана — была уже близка, а о том, к каким это приведет последствиям, в Белом доме тогда не задумывались.

Тем не менее 40-й армии в Афганистане, особенно в последние два-три года войны, когда ограниченный контингент уже готовился к выводу, ценой больших усилий и затрат удалось превратить правительственные войска президента Наджибуллы в достаточно боеспособную армию. Она могла самостоятельно противостоять мятежникам. Благодаря этому после вывода советских войск Наджибулла держался еще три года. Не раз он наносил своим противникам ощутимые удары. Это, например, разгром объединенных сил мятежников под Джелалабадом в июле 1989 г., где я работал советником более трёх лет и уехал на Родину в 1988 г. Думаю, если мятежники совместно с пакистанской армией в течение восьми месяцев не могли взять Джелалабад, значит, я и мои друзья — советники из Советского Союза не так уж плохо там работали. Кстати, Джелалабад так им и не покорился, они вынуждены были снять осаду. В этом я вижу и особенность пуштунского менталитета, о котором хочу кратко написать.

Особенности пуштунской ментальности трудно объяснить. Всякие черты здесь перемешаны: и истинное не показное благородство, соблюдение достоинства, уважительное внимание без подобострастия, высказывание правды без лукавства и вместе с этим жесткость и даже жестокость без предела, скорость расправы, мстительность и еще целый букет пуштунских «ароматов». Очень трудно было с ними вести переговоры. Но зато, если договаривались, не нужны были никакие подписи или печати для подтверждения. Ни один договор не был нарушен по вине пуштунской стороны, а договариваться приходилось много раз, потому что зона «Восток» — это 95 процентов — пуштуны.

Особенности пуштунского характера — это как часть «экологии» Афганистана, как приспособленная для этой срединной страны огромного евроазиатского материка форма существования человеческой общности, как флора и фауна для определенной климатической зоны. Как тот же убогий пуштунский быт в том числе и для кочевого образа жизни. И не

один пуд соли надо вместе с пуштунами съесть, чтобы суметь объяснить себе их особенность. Я хотя кое-что и хлебнул, но, думаю, «соли съел» еще недостаточно.

Иногда, отвлекаясь от жестокой и запутанной злободневности, глядя на какую-нибудь группу запеченных на солнце и пропитанных рыжей пылью этой земли пуштунов, я возносился мыслью выше вершин Гиндукуша, размышляя о характере и судьбе этого народа. Не так уж он и мал, чтобы относить его к «малым» народностям, – почти 24 млн. человек. В том государстве, название которому он дал своим названием («афганцы»), собственно афганцы (пуштуны – самоназвание) составляют где-то 13 млн. человек, и более 11 млн. находятся на территории пуштунских племен Пакистана. Но пуштунам как будто все равно, какие там государства над ними возникают, какие границы устанавливают. Они не предназначены для границ. Их 400 племен, а каждое состоит, в свою очередь, из сотен хейлей (кланов), а каждый хейль объединяет десятки и сотни семей, а вот каждая семья – это отдельное «государство» Здесь есть и хозяин, и закон, и судья в лице седобородого старейшины. Питание себе и одежду семья добывает кетменем и пастушеством, как и предки их шесть и больше тысяч лет. Там я слышал выражение: «тебя испепелит огненным дыханием шеститысячелетний дракон пуштунской истории».

Да, этот народ видит, куда и как идет цивилизация. Ну и пусть идет! Он знает про себя что-то такое, что никакой прогресс не затмит это знание. Хотя он не прочь пользоваться гранатометом, ДШК, «Калашниковым» и рацией «уоки-токи». Сам он не создал ни «Китайской стены», ни «Мерседеса», пришел в XXI век не в джинсах, не с «Мальборо», но он ведь и не завидует всему этому!

Некоторые наши солдаты, столкнувшись с ужасающей отсталостью основной массы народа, жалели этих «бедных» пуштунов, хотели им помочь «подтянуться» к XX веку. А их «пуштунизм» вовсе не нуждался в такой жалости. Они живут так, как живут, и жить по-другому не желают. Вот мысль, которая не сразу приходила в голову.

Прагматичные американцы и не старались «подтянуть» до своего уровня пуштунов. Они заключали сделки с мятежниками, поставляя им оружие, обмундирование продовольствие за... разрушение того, что делали мы. Так вот: «пуштунизм», как мне представлялось, это еще и недоверие вообще к любым прожектам на будущее. У народа, который шесть тысяч лет живет без заметных изменений, будущее видится таким же неизменным. Никакого журавля в небе они не признают, знают только синицу в руке. Я, возможно, ошибаюсь. Даже наверняка ошибаюсь: совсем «пуштунизм» не такой или вообще нет никакого «пуштунизма». Но в чем абсолютно уверился там, что нельзя к народу подходить предвзято. В каждом есть такие глубины, какие не постичь тебе ни с какой «цивилизованной» высоты. Они мне представлялись не то ацтеками, не то североамериканскими индейцами, жившими на земле по своим, непохожим на цивилизованные законам, и вынужденными исчезнуть, не подчинившись экспансии западной цивилизации.

Мы пришли не уничтожать их. Пришли по приглашению части народа, которая с нашей помощью решила ускорить эволюцию, и вынуждены враждовать с другой его частью, не испытывая вражды. Нас они убивают, потому что привыкли убивать тех, кто приходит на их землю и встает на их караванных тропах.

Большинство наших людей понимало это. Не случайно меж собой в минуты застольной откровенности мы произносили шутливый тост: «Да хранит нас Бог от яда кобры, зубов тигра и мести пуштуна!»

Моё понимание «интернационализма», возможно, несколько отличается от представления о некоем абстрактном, как бы «безнациональном» интернационализме, где люди, перемешавшись в единую массу, все на одно лицо, на одну морально-нравственную и духовно-культурную «колодку». Нет, во мне давно живет прочное убеждение, что каждая нация — это одна большая родня с врожденными чертами лица и характера, со своими «родимыми пятнами». А интернационализм, попросту говоря — это дружба народов, а если выразиться доступнее это, когда по-соседски дружно живут народы, каждый со своим «домашним хозяйством», привычками и даже «причудами», но этим они даже интереснее друг другу. И пусть себе живут чей-то педантизм, чья-то «загадочная душа», чья-то подозрительность, чья-то веселость нрава, чье-то гостеприимство, чья-то скаредность.

Вот такими идейно-нравственными установками руководствовался партийный советник в Афганистане. Вернее сказать, они вырабатывались и совершенствовались в процессе взаимодействия с афганцами. Собственно говоря, главный постулат советнической деятельности состоял именно в этих человеческих связях, приводящих к дружбе.

Наверно, с учетом своего опыта я был и остаюсь приверженцем привнесения в политику человеческих эмоций, которые еще долгим эхом отражаются от ушедших событий, чем бы они не завершились. Не сухое официальное исполнение своих функций в соответствии со статьями и пунктами договоров, а дружная совместная работа, которая и радость побед, и горечь поражений превращает в нечто связывающее нас. Потому-то и откликается в сердцах эхо той войны не только кровавой своей стороной, присущей всякой войне, не только досадными промахами и неудачами, но и теплотой воспоминаний о друзьях-товарищах.

О чем бы я ни говорил, когда речь заходит об Афганистане, у меня перед глазами проходит вереница милых моему сердцу лиц, тех самых пуштунов (чьей мести следует бояться), которые так же берегут дружбу, как и честь. Это прежде всего мой первый и главный «подсоветный» Баштармаль, первый секретарь Нангархарского провинциального комитета партии, из богатой и известной в стране семьи, врач по образованию, учился в США, в совершенстве владел английским, умный опытный политик, прошедший суровую школу подполья. Это губернатор провинции Абдул-Азиз Кани, кадровый военный, подполковник, грамотный, инициативный и очень ответственный человек. Но, к сожалению, ему было комфортнее с нами, советскими, потому что он был прислан сюда из Кабула, бывший «халькист», а в провинции было засилие «парчамистов». Мне

очень импонировал один из секретарей провинциального комитета НДПА Мухаммед Анвар Инсар. Как и Башармаль, с опытом подпольной работы, только происхождение другое – из бедной пуштунской семьи. Замечательный оратор, человек исключительной храбрости, готовый принимать на себя любую ответственность.

Восхищал меня своей внутренней наполненностью и непоказным благородством секретарь ЦК НДПА Сулейман Лайек, с которым приходилось подолгу общаться. Он из клана самого Сибхатуллы Моджадедди, о котором я выше упоминал, перечисляя врагов революции. На мой взгляд, это был самый умный, самый дальновидный и самый практичный политик в руководстве ДРА, но моей компетентности не хватает ответить на вопрос, почему его не выдвигали на самый верх. Когда я у всех искал причину вражды «халькъ» и «парчам», он мне ответил так: «Я был делегатом 1 съезда НДПА. Нас было 27 человек, но потом мы стали атомной бомбой, подложенной под короля и богатых, потом мы были в течение 10 лет разъединены. Затем мы объединились и сделали революцию. В нас поверил народ. Затем мы стали бороться за кресла, за должности, стали плевать друг на друга, и народ стал отворачиваться от нас. Нам надо вновь завоевать доверие народа, надо искать силу в единстве». Воспроизвожу ответ по записи в блокноте того времени и жалею, что до читателя дойдет лишь как бы формальный смысл его слов (а он не сказал ничего нового для меня), а надо не только слышать, но и «видеть» его ответ: взгляд в сторону, будто говорит не мне, а кому-то; я с горечью понял, что он говорил самому себе...

В памяти остались настоящие афганские патриоты и героические афганские солдаты. Один из них, командир батальона Царандоя старший капитан Юсуф Шамандар (радиопозывной «Туран»), был еще достаточно молодым человеком. Несколько лет учился в СССР, сносно говорил по-русски. Своей горячностью, прямолинейностью он напоминал шолоховского Нагульнова. Но в отличие от других пропагандистов и агитаторов, он и делом доказывал верность интернационализму. Юсуф был из местных, а поэтому хорошо знал нравы и обычаи провинции. На него трижды покушались. Он доверял нам. Погиб он уже после вывода советские частей вместе с начальником уголовного розыска провинции Валиджоном. Рассказывают, осознавая свою обреченность, Юсуф с последней советской колонной отправил жену с тремя детьми на руках в предместья Кабула к родственникам, а сам мужественно до последнего часа исполнял свой воинский долг.

Аналогичная судьба постигла и бывшего командира пехотной дивизии в Джелалабаде генерал-лейтенанта Барекзая. Нас с ним многое связывало, мы крепко сдружились. При мне ему присвоили генеральское звание. Это был умный и проницательный человек. Учился в военном училище в США и у нас в Военной академии им. М.В. Фрунзе. Много раз подчеркивал, что советская военная школа была не хуже западной. После вывода войск из Джелалабада его назначили командиром армейского корпуса, который вел тяжелые оборонительные бои в окрестностях Джелалабада. Убит он был в ходе сражения выстрелом в спину. Убийцу не нашли. Подобной судьбы

чудом избежал начальник разведывательного пункта Мирр Абдула. Он тоже был убежденным революционером и сотрудничал по спецработе с советскими агентурными группами и командованием бригады специального назначения. Ему удалось покинуть Афганистан. Мирр учился в свое время на курсах офицеров разведки в Загорянке. Он был высок, медвежьего телосложения, обладал огромной физической силой. Прекрасно знал военно-политическую обстановку в стране.

Выпускник Военно-политической академии им. Ленина, замполит дивизии старший капитан Абдул Маджит Регистан страстно ненавидел как душманов, так и собственного начальника штаба. За то, что учился в Лондоне, за то, что богат, за то, что не утруждает себя делами ратными. Маджит свободно говорил по-русски и часто выражался как одесский грузчик с турецким акцентом. Мужчина был симпатичный и обаятельный. Говорил складно, красиво, превознося до небес реальные и мнимые достоинства отличившегося подчиненного, не забыв упомянуть его отца и мать, братьев и сестер кишлак, где родился этот замечательный человек, ущелье, в котором стоит кишлак. А провинившихся воспитывал крепким кулаком. Как это ни странно, при таком небогатом арсенале воспитательных средств замполит пользовался непререкаемым авторитетом в солдатской и офицерской среде. Свой последний бой он провел мужественно.

В моей памяти навсегда остались Софи, который сменил Башармаля, Зиярмаль, Расул Мазула, Гульмамад, генерал Сарвар и многие другие. А сколько еще уездных и волостных партийцев, вождей племен, старейшин и простых афганцев, с кем встречался, обсуждал дела, дневал и ночевал все три с лишним моих афганских года. Все они стали частью моей жизни.

Чему меня научил Афганистан и мои «подсоветные» афганцы? — Быть собой. Но где она, мера искренности? С одной стороны, не озвереть в кромешной обстановке, с другой — доверять, не теряя бдительности. Нелегкая миссия быть собой. Я знал немало советников, которые играли роль советника, не более того. Афганцы, как правило, быстро раскусывали такого советника, знали ему цену, хотя и не высказывали ничего. И если моя работа признавалась хорошей, что не раз отмечалось Советским Послом и Наджибуллой на совещаниях, то не потому, что я применял какие-то секреты, а потому что был собой.

Отдельно хочу сказать самые добрые слова о своих переводчиках Каримове Карчи и Почоеве Джуре. Они были таджиками, хорошо владели не только языком и его сложными диалектами, но знали особенности культуры, нормы поведения в афганском обществе, всегда были готовы к поездкам любой сложности. Они делили со мной все тяготы нашего походного быта и в самых сложных ситуациях не теряли присутствия духа и мужества.

Говоря о советнической миссии, не могу не затронуть тему сугубо гражданскую, не военную. Это не «тыловая» работа, как по инерции могут представлять иные, — «тыла» в пограничных провинциях не было. Это было упорное созидание под огнем, под постоянной угрозой разрушения. Что мы созидали? Дороги, мосты, тоннели на горных перевалах, электростанции, заводы, ирригационные сооружения. Ещё школы, техникумы,

даже клубы, водно-земельные кооперативы и т.д. Здесь важно быть правильно понятым.

Это направление нашей деятельности не выглядело каким-то напрасным «сизифовым трудом». Это было «направлением главного удара» всей стратегии ввода ограниченного контингента. В изначальном замысле войска должны были выполнять охранную функцию по отношению именно к этой, созидательной стороне нашей миссии в Афганистане – помощи в строительстве социализма. Без такого стратегического «общего знаменателя» может искаженно представляться история афганской войны 1979-1989 годов.

К сожалению, сегодня развелось много доморощенных аналитиков, которые, не учитывая эту созидательную сторону нашей миссии, рассматривают только ее военный аспект, считая «авантюрой». В афганском же народном сознании, о чем говорят журналистские свидетельства, живет одна простая мысль: «американцы разрушают, а «шурави» – советские – «строили». Думаю, такое признание многого стоит. Если уж говорить о «направлении главного удара», то надо признать, что вопросом вопросов, острием всей афганской проблемы того времени (а я думаю, в условиях этой страны – вечно) была крестьянская водно-земельная реформа. Еще на том инструктаже в ЦК КПСС я обратил внимание на часто повторяющиеся фразы о необходимости проведения водно-земельной реформы и о том, что **«пока мы не завоюем крестьян, война не кончится»**. Считалось, что справедливое наделение крестьян землей и водой само собой привлечет их на сторону Саурской революции. Но безупречная революционная теория разбивалась об афганскую практику. Наделенные землей крестьяне не торопились ее обрабатывать, хозяйствовать на ней: а вдруг вернутся ушедшие в горы латифундисты? Огромный пласт средневековых предрассудков и рабской зависимости батрака от своего хозяина сам собой не устранялся от провозглашения прогрессивных призывов.

Из 16,0 млн. человек населения Афганистана 11,6 миллиона живут в сельской "местности. А кочевые племена – все 100%. Большая часть территории не пригодна для земледелия. Всего 4,5 млн. гектаров обрабатываемой земли, которая поделена на семь разрядов и три категории. Чтобы не утомлять читателей цифровыми выкладками, скажу, что 1 гектар земли первого разряда (поливные земли) приравниваются к 100 гектарам седьмого разряда третьей категории (богара). Можно представить накал споров при определении разрядности и категорийности земельного участка, подлежащего регистрации, и размера оплаты за него пошлин и налогов. Но даже не эта громоздкая и запутанная земельная статистика составляет центральный нерв проблемы. Главная – вода: ее подача, и распределение. Ни земли, ни воды на всех не хватает. С незапамятных времен феодальный Афганистан сохранял и феодальные порядки землевладения. Лучшие куски – у королевской семьи, знати. Второй эшелон – священнослужители и офицеры. Третий – малоземельные крестьяне и батраки у латифундистов. Афганский крестьянин испытывал то же, что во время всех революций и войн испытывают все крестьяне. В России: белые приходят – грабят, красные приходят – грабят. В Китае: гоминдан приходит – бьет,

коммунист приходит — бьет. В Афганистане: душман приходит — отбирает рис и скот, уводит в банды молодых мужчин, НДПА посылает Царандой и ХАД, которые окружают кишлаки и силой «призывают» в армию молодых крестьянских парней. Мы создаем кооперативы, справедливо распределяем воду, прикрепляем кооперативы к магазинам по продаже удобрений и химикатов. Где-то кооператив уже приобрел трактор, где-то восстановили разрушенную плотину, где-то купили плуг... Но отобранной у феодалов 55 980 гектаров земли в нашей провинции хватило только 4665 семьям. А их — 75 тыс. А уравниловка затронула традиционные льготы духовенству, офицерству, ссора с этой активной прослойкой общества — чревата...

И приходится мне, советнику, писать в каждом отчете одну и ту же фразу «водно-земельная реформа проходит в сложных условиях». Тем не менее и в этих сложных условиях работала и выполняла свои планы республика, развивала свое хозяйство провинция Нангархар. Основу экономики «моей» провинции составлял Джелалабадский ирригационный комплекс (ДИК), крупнейший действующий объект сельского хозяйства ДРА, построенный с помощью Советского Союза — символ советско-афганской дружбы. В свое время на его открытие приезжал председатель правительства СССР А.Н. Косыгин.

Начало этому комплексу положили гидроэлектростанция на реке Кабул, водохранилище и оросительный канал, проложенный к существовавшим ранее двум фермам Хадда и Газибад. К ним потом присоединились еще две фермы. Таким образом, весь комплекс представлял собой четыре фермы (совхоза, на нашем языке), плотину, канал и систему ирригационных сооружений. 24 тысячи гектаров поливных земель (первого разряда первой категории) имело это хозяйство, вернее, объединение хозяйств, при мне использовалось только 9,5 тыс. Пять тысяч рабочих трудилось на полях, в садах и на фермах ДИКа, а всего в его системе — 8,5 тыс. человек. В условиях субтропиков получали по два урожая в год. Наиболее доходная продукция — оливки (урожай 2,5 — 3,5 тыс. тонн) и цитрусовые. При мне был достроен и пущен завод по переработке и консервированию маслин и оливок. Заложено еще 218 гектаров маслиновых садов. Цитрусовые и маслиновые культуры экспортировались в СССР, шли на продовольственное обеспечение наших солдат и офицеров в Афганистане. В каких условиях работал Джелалабадский ирригационный комплекс, можно представить, например, по моим записям в дневнике только за 21 сентября 1982 года: «к ферме Хадда подошли две банды гульбеддиновцев по 30 человек. Намерения: угрозой рабочим парализовать работу 6-го блока, перекрыть для него воду; из соседних кишлаков пригнали население на 3-й и 4-й блоки собирать цитрусовые для себя (рабочих ДИК прогнали, да они и сами разбежались при появлении банд);

— на электростанции три работника (их имена Башигуль, Бандар и Бисмалла) выявлены как члены банды Моулави Захида, которым поручено взорвать электростанцию, иначе их семьи будут убиты;

— на фабрике «Зейтун» обнаружена диверсия: в банки подбрасывают испорченные маслины: отбраковано уже свыше 300 тонн из нынешнего урожая».

Предприятию приходилось испытывать ежедневные обстрелы и нападения на рабочих на госфермах, ремонтно-механическом, деревообрабатывающем, железобетонном заводе, автотранспортном предприятии, гибель активистов. Душманы под страхом смерти запрещали работать, уничтожали строения и технику – только в 1983 году было сожжено 13 автомашин и 12 транспортеров, угнано 70 коров. Но зато в подразделениях ДИКа практически не было текучести: люди дорожили своим местом работы. В условиях мирного времени этот комплекс превратился бы в неопровержимый аргумент в пользу дружбы с СССР, поэтому против него силы контрреволюции вели особенно ожесточенную войну.

«Война – не ваше дело!» – иногда прорывалось на совещаниях в Кабуле из уст нашего главного советника при ЦК НДПА В.П. Поляничко, который этим самым хотел и нас, и себя убедить, что наша главная обязанность укрепление народной власти на местах, работа с населением, помощь провинциальным комитетам партии. А попробуйте отделить одно от другого, когда более половины вопросов повестки дня на каждом заседании комитета наряду с созданием кооперативов, проблемами водно-земельной реформы то выполнение плана призыва в армию, то формирование пограничных отрядов «малишей», то укрепление постов, то организация засад на предполагаемых маршрутах караванов с оружием, то немедленное оказание помощи подвергшемуся нападению уезду, кишлаку или восстановление и ремонт пулеметов ДШК и бронетранспортеров.

Война есть война! Так что в моем арсенале памяти сотни названий кишлаков и уездов, где проходили бои, номера войсковых соединений, сотни, а может, и тысячи имен командиров, как афганских, так и советских (надо ведь все время иметь в виду, что мы помогали афганской народной армии).

Все годы моего пребывания в ДРА контрреволюция набирала свои силы, и ее не обескураживали большие потери. Активная и значительная помощь со стороны США, Пакистана и некоторых других стран позволяла наращивать военные усилия и совершенствовать формы боевых действий. Доказательством этого являются события в провинциях Нангархар и Кунар. Осенью 1983 года впервые отряды оппозиции не ушли на зиму, на отдых, в Пакистан и Иран, а начали интенсивное строительство укрепрайонов и баз непосредственно на территории ДРА. Как подтвердил следующий год, все это было не случайно. 1984 г. оказался самым кровопролитным за весь период пребывания наших войск. Бои в Кунаре и особенно в ущелье Печдара, в районах н.п. Мена, севернее Осмара, юго-восточнее Нарая приобрели ожесточенный и затяжной характер. Это зона «Восток», и я там в этих диких ущельях дневал и ночевал не раз.

Нелишне напомнить, что только благодаря проведению масштабных операциях с выброской воздушных десантов численностью 1200 человек и задействованием доставленных вертолетами солдат и офицеров ОКСВ удалось отогнать мятежников и открыть дорогу Джелалабад-Асадабад, проходящую всего в 7-12 км от государственной границы с Пакистаном. Конечно, на дороге бывало всякое, в том числе и потери, но поездки по ней впредь осуществлялись без крупных боевых действий.

Вернувшись через два года в знакомые места, я вновь столкнулся с теми же проблемами непрерывной партизанской войны, подрывающей устои стабильности в афганском обществе. После ряда успешных операций советских и афганских войск в 1985 г. в зоне «Восток», которые нанесли крупное поражение мятежникам, действия партийных и государственных органов ДРА в этих провинциях выглядели пассивными. В то же время действия противника приобрели согласованный и решительный характер.

Примечательно было то, что душманы переходили в контратаки с целью отбить объект обратно. Раньше такого не отмечалось. Обычно когда они хотели вернуть утраченное, то готовили нападение тихо, хитро и внезапно. О решительном настрое оппозиции свидетельствовали данные разведки о росте вооруженных отрядов, а также применение ими сверхсовременных видов оружия. Впервые именно в то время севернее Асмара были практически опробованы мятежниками переносные зенитные ракетные комплексы. В тех боях от пуска ракеты ПЗРК погиб первоклассный летчик Джелалабадского полка командир эскадрильи Ми-24 подполковник Н.И. Ковалев, совершивший за неделю 42 боевых вылета для поддержки войск, (впоследствии посмертно получил звание Героя Советского Союза). А в 1986 г. было зарегистровано уже 847 пусков ПЗРК, в результате чего было сбито 26 самолетов и вертолетов.

Для противодействия мятежникам спецназ 15-й бригады в 1986 г. захватил и уничтожил укрепленный базовый район на северо-западе провинции Нангархар – «Гошту». Операция была настолько удачной, что фактически без потерь оказались уничтоженными целая банда, все склады с боеприпасами и снаряжением, захвачено в качестве трофеев три зенитные пулеметные установки ЗГУ-1, семь пулеметов ДШК, безоткатное орудие БО-82, три 82-мм миномета, а также ПЗРК «SA-7» (аналог «Стрелы-2»). В феврале 1987 г. был совершен налет и разгромлена перевалочная база мятежников в ущелье Марульгад (провинция Нангархар), а в конце марта уничтожен укрепрайон «Карера» в ущелье Крер. Через агентурные источники было установлено, что мятежники от боевой операции спецназа в УР «Карера» потеряли убитыми и пропавшим без вести свыше ста человек. К сожалению, существенные потери (десять человек) понесли и наши спецназовцы.

В течение года несколько раз предпринимались интенсивные боевые действия в провинции Лагман. Довольно рано, со второй половины января 1987 г., оппозиция возобновила боевые действия.

8 марта мятежники совершили невиданную наглую выходку – обстреляли с афганской территории из установок залпового огня советский город Пяндж (Таджикистан). В связи с этим афганским и советским войскам пришлось планировать и проводить в первой половине 1987 г. ряд совместных операций «Удар» (16.01 – 21.02); «Шквал» (4 – 11.03); «Круг» (8.04 – 21.04); «Весна» (12 – 24.04); «Залп» (май); «Юг»; а в ноябре – «Магистраль». И хотя по сравнению с первыми годами количество крупномасштабных боевых операций уменьшилось, их размах и продолжительность увеличились. Газета «Красная Звезда» 9 октября 1987 г.

писала: «Караванная война нынче достигла апогея. Только в августе было обнаружено около 200 мелких и крупных караванов и транспортов с оружием. К сожалению, только половину удалось разгромить». Поэтому основную работу по борьбе с ними вынесли на своих плечах спецназовцы полковника Старова. Его командиры групп и отрядов, ежедневно рискуя жизнью, делали, пожалуй, главную работу по защите Афганистана.

СССР использовал в Афганистане только 2% общей численности своих вооруженных сил (для сравнения, США использовали во Вьетнаме 20%). Советским войскам и армии просоветского правительства Афганистана противостояли в разное время примерно 100 тыс. мятежников, которые воевали не только с чужеземными и правительственными афганскими войсками, но и друг с другом – среди них бушевали национальные, классовые, родовые противоречия. В ходе всего конфликта мятежники контролировали большую часть страны, например в 1985 г. – 65% её территории.

Сегодня оценки афганской кампании СССР далеко не так однозначны, как представлялось еще несколько лет назад. Известно, что большинство американских военных специалистов вменяют советско-афганскую войну в вину СССР. Однако в США существуют и другие мнения по этому вопросу так, американский военный аналитик Лестер Гресс, автор книги «Медведь, перешедший через горы», убежден, что советская армия на территории Афганистана действовала профессионально, хотя и не избежала определенных ошибок. По его мнению советская армия была поставлена в более жесткие условия, чем американская во Вьетнаме. Гресс пишет: «Афганистан по площади в пять раз больше Вьетнама, и при этом СССР использовал вчетверо меньше войск, чем США во Вьетнаме». Основное различие между советской и американской армией заключалось в том, что «советская армия была крайне сильна на стратегическом уровне и слаба на тактическом, а американская армия, наоборот, проигрывала в стратегии и выигрывала в тактике». По мнению Гресса, Советская армия была совершенно не обучена противодействовать мятежникам в горной местности. В результате русские войска были вынуждены слишком много внимания уделять защите своих баз и лагерей, а также поначалу не умели вести боевые действия в ночных условиях.

Это далеко не так. Или совсем не так. Части спецназа в ходе всей войны хорошо воевали и в дневное и в ночное время. И особых результатов добивались именно в ночное время – били караваны оппозиции, совершали дерзкие налеты на штабы противника, базы и укрепрайоны противника «Тангай», «Амбер», «Гошта», «Варакалай», «Карера», «Нава» и др.

Как-то три десятка бойцов из 1-й роты спецназа 154 оо СпН (командир Дмитрий Лютый) в ночное время проникли в кишлак, где, по данным разведки укрывалась банда из дюжины человек. Однако накануне в этот кишлак из Пакистана дополнительно подошло формирование в триста человек, да еще привело с собой огромный караван с боеприпасами. Когда спецназовцы определили, что против них сосредоточены большие силы, отступать было уже некуда. И они вступили в бой. Исход боя решился быстротой и решительностью действий спецназа. Пример героизма проде-

монстрировал командир группы Вадим Особенко. В одном доме, засел бандит, не думая сдаваться, поливал огнем. Особенко хотел бросить внутрь гранату и только выдернул чеку, как дверь распахнулась и прямо на спецназовца выскочил «дух» с автоматом на изготовку. Не долго думая, Вадим стукнул его между глаз, лишил чувств, а потом долго не знал, куда гранату выбросить: поблизости больше не стреляли, кидать не в кого... Итог боя: банду уничтожили, а в роте спецназа погиб молодой солдат...

Меня поразил этот факт с гранатой. В самом деле, куда было кидать её, если уже никто не стрелял? А часто сейчас можно слышать страшилки об «афганцах», которых хлебом не корми — дай хлопнуть все, что движется. Через Афганскую войну прошли разные люди, но нельзя на каком-то единичном патологическом типе строить обобщенный образ советского воина. А вот таких, как Особенко, было множество. У «шурави», и спецназовцев в частности, заповедь не навреди была основной.

Или другой случай — у кишлака Лоя-Термай была ликвидирована банда. Главарь, схватив маленькую девочку, закрылся ею и успел спрятаться в пещеру. Ситуация требовала немедленно покинуть кишлак, но главаря оставлять было нельзя. Как быть? Проще всего было шарахнуть по пещере из гранатомета, и дело с концом, но там ребенок... Изловчились наши снайперы, уничтожили главаря, а девочку даже не царапнуло. Мать ее потом не знала как благодарить наших солдат.

Очень часто советские воины действовали скрупулезно точно. На памяти дерзкая операция, которую провели разведчики 154 оо СпН. Глубокой ночью разведчики проникли в центр кишлака и организовали засаду у дома, где жил главарь банды. Рано утром, ликвидировав его охранение, взяли курбаши и без потерь покинули кишлак. По дерзости ту операцию можно, наверное, считать образцовой. Вот как по ночам воевал спецназ.

Припоминаю, как в районе Джелалабада уже под утро в 6.30 спецназовцы обнаружили и уничтожили банду мятежников. Кроме того, недалеко от боестолкновения разведчиками были найдены и взорваны склады с 200 реактивными снарядами для пусковых реактивных установок типа «Катюша» (107-мм 12-ствольная реактивная система залпового огня). Последние месяцы духи проводили этими снарядами обстрелы города, аэродрома и поселка Самархейль, где жили мы, советники, имелись убитые и раненые. Вдумайтесь, сколько жизней спасено благодаря действиям этих разведчиков.

Безусловно, присутствие контингента советских войск обеспечивало безопасность населения. Так, 20 октября 1987 г. нами был перехвачен груз взрывчатки для проведения диверсии в городе, удалось задержать девять террористов. Объектом повышенного внимания являлась дорога Джелалабад—Торкхам (известный Хайберский проход) (пограничное КПП на границе с Пакистаном). Духам удалось взорвать на ней два моста и заминировать объездные пути с целью нарушения плановых перевозок. Отмечалось минирование дорог, соединяющих уездные центры с Джелалабадом... Всему этому произволу и противостояли воины-интернационалисты. Вот в таких условиях всеми нами выполнялось задание Советского правительства на афганской земле.

Немного хроники из истории того периода:

16.09.87 г. Досмотровая группа из 154 оо СпН, во время воздушной разведки в районе: Кандибаг-Даулатзи-Ада западнее Джелалабада, подтвердила полученные разведданные, обнаружила и, десантировавшись, в ходе дерзкого налета уничтожила огневую позицию мятежников с 19 реактивными снарядами, нацеленными на Джелалабад.

13.02.88 г. Досмотровая группа лейтенанта С. Лафазан из того же отряда во время воздушной разведки по маршруту в районе: Дарунта-Льязхель-Шевунала, западнее Джелалабада, обнаружила замаскированную огневую позицию с 77 реактивными снарядами, нацеленными на этот город. В ходе стремительного боя спецназовцы уничтожили мятежников и обезвредили пусковые установки, тем самым в очередной раз спасли жизни десятков мирных жителей, которые могли погибнуть в ходе варварского огневого налета, спланированного боевиками.

29 сентября 1987 г. разведгруппой лейтенанта В. Борозинец в 21.00 местного времени обнаружен склад с боеприпасами и взрывчаткой, предназначенной для диверсий в Джелалабаде. Уничтожен на месте подрывом.

Надо отметить, что спецназ располагал достаточно широкими возможностями для ведения разведки. Немалую долю информации он собирал и накапливал путем изучения трофейных документов, допроса пленных, данных радиоперехвата и аэрофотосъемки. Каждую ночь над авиабазой в районе Джелалабада летал вертолет радио и радиотехнической разведки – Ми-8МТЯ, на борту которого работали в эфире переводчики штаба бригады капитан О. Воронин и младший лейтенант Казанбаев, внесшие большую лепту в сбор и обработку информации о противнике.

На сторожевых заставах №17 и 17а в районе переправ через реку Кабул у кишлака Шахидан разведчики осуществляли наблюдение и вели радиоперехват, а полученную развединформацию реализовывали, впоследствии, группы спецназ и артиллерия.

Все без исключения органы разведки различных ведомств порой конкурировали между собой, однако старались передать собранную информацию в первую очередь Спецназу, который вел бескомпромиссную борьбу с врагами республиканской власти.

Многие военные аналитики на Западе, изучая опыт советских войск, высказывают сейчас мнение, что Советский Союз вполне мог выиграть афганскую войну. Но советскому солдату такую задачу просто не ставили, была задача – помочь афганскому правительству.

Для того чтобы окончательно победить контрреволюцию, необходимо было полностью закрыть границу с Пакистаном. Она же все время оставалась открытой. Именно в Пакистан отряды мятежников отступали после боев с Советской армией и афганскими вооруженными силами, где приходили в себя, копили силы, выбирали время и место для новых ударов, готовили диверсии.

Помимо финансовой помощи афганской контрреволюции через сопредельные пограничные страны Иран и Пакистан осуществлялись поставки большого количества различных видов оружия и боеприпасов, в

том числе современных средств ПВО, противотанковых и реактивных снарядов.

Мы считали это главной проблемой для власти. И хотя в ДРА охраняли границу 63 пограничных батальона, но качество их вооружения, бытовые условия, моральный дух их были невысоки. Из 99 караванных троп неприкрытыми оставались 29, а ведь из 10 караванов перехватывался только один. То есть эффективность была 10%. Да и соотношение вооруженных сил в пограничной зоне было 5:1 в пользу мятежников; здесь же дислоцировались их главные укрепрайоны, при том на нашей территории, в зоне «Восток». Получалось, что они могли «замыкать» границу, а мы – нет. Потому что вся система организации пограничной службы строилась не на государственной, а на родоплеменной основе. И хотя размещение погранчастей привязывалось к наиболее активным маршрутам, нельзя было снижать уровень охраны на главных направлениях, где шли официальные товары, грузы, население.

Основным способом переброски партий оружия и боеприпасов для мятежников на территорию ДРА являлся караванный. Караван с оружием и боеприпасами представлял собой совокупность транспортных средств, сил охраны и сопровождения, предназначенных для доставки вооружения к месту назначения. Оружие и боеприпасы, обычно в упакованном виде, перевозились в кузовах грузовиков, прицепов, легковых автомашин, гужевым или вьючным транспортом. Караваны бывали большие (10-15 грузовиков или 50-100 вьючных животных) и малые (две-три автомашины или до десятка-полтора вьючных ослов, лошадей или верблюдов). Иногда оружие доставлялось автобусами и тракторами с прицепом. При перемещении по территории ДРА, если караван следовал по автомагистрали, в целях маскировки оружие укрывали на дне кузова под товарами, мешками с мукой или зерном, дровами и т.д. Караваны, как правило, следовали по определенным маршрутам. При пересечении границы ДРА мятежники использовали свыше 50 маршрутов, которые на территории Афганистана разветвлялись на ряд направлений, пригодных для передвижения механического, гужевого транспорта или пешеходов по горным тропам, пескам либо заболоченным участкам. Скорость передвижения каравана зависела от условий проходимости маршрута. Чаще всего караваны перемещались по горным ущельям и долинам рек, на открытой местности – по степи или дорогам. В целом маршруты доставки оружия представляли собой участок местности, обладающий хорошей проходимостью, обеспечивающий максимальную скрытность передвижения и неуязвимость от авиации. По протяженности он делился на несколько переходов. В зависимости от условий проходимости местности ширина маршрута движения могла быть от нескольких метров (тропы, перевалы в горах) до 1-2 километров. Интенсивность движения определялась временем года и климатическими условиями.

Мне приходилось с полковником Юрием Старовым частенько обсуждать проблемы повышения эффективности борьбы с караванами мятежников в приграничной зоне. Без малого в тысячекилометровой зоне ответственности его бригады разведывательными органами были выявле-

ны 43 маршрута, доступных для переброски оружия и материальных средств. Не один раз комбриг Старов докладывал соображения по перекрытию этих маршрутов, но реакция со стороны афганской власти была вялой.

В то же время советским войскам, даже Спецназу ГРУ было запрещено впредь входить в пограничную зону. Разгром укрепрайонов «Гошта» и «Карера» всполошил тогда многих, разгорелся нешуточный международный скандал. А ведь воодушевленные подвигом спецназовцев афганские войска только в 1986 г. сумели ликвидировать укрепрайоны «Камадакка», «Мару», «Мелава», «Шполкай», «Огз», «Джакай» и «Камала» — все это у нас в зоне «Восток». Цепочка побед и ущерб противнику вселяли в нас уверенность. Скажу откровенно, у меня теплилась надежда, что линия, направленная на разгром укрепрайонов мятежников вдоль границы, передислокацию 948-го и 949-го погранботальонов 1-й пограничной бригады генерала Сарвара непосредственно к кордону и усиление ее дополнительными воинскими частями будет продолжаться. Таким образом, было бы охвачено 12 караванных путей, но, к сожлению, это не давало необходимого качества. Я докладывал руководству группы ЦК КПСС: «Надо закрывать границы, иначе погибнем...».

Однако при подведении итогов заседания Политбюро Громыко подытожил: «Нам не удалось перекрыть границу Афганистана с Пакистаном и Ираном. Сегодня надо четко сказать, что стратегическая задача заключается в том, чтобы вести дело к окончанию войны». Итогом обсуждения проблемы закрытия границы стал курс на одностороннее национальное примирение, последствия которого нам известны.

А караванные маршруты остались нашей головной болью до последних дней пребывания там наших войск. Особенно нас беспокоили нижеперечисленные:

25-й маршрут. От населенного пункта Гаура, через перевал Питаокандао, на Дарбанд, далее на Гулуку, Чинар, Таудачина, Сурубай, Гирди, Сидахмедхейль, Факирабад, Спинмасджид, Ману, Сабри-Суфла, Ахмедхейль. Ветвь маршрута отходила от Ману, потом шла на Чину, Савайджангаль, Аманхейль, Насир. Далее маршрут проходил по территории провинции Лагман через н.п. Насир, Зангар, Льязхейль, Шахидан и разветвлялся в районе ущелья Алишанг. Базовым лагерем являлся Амбер, местом дневки — ущелье Льязхейль — место наиболее удобное для проведения засады на участке пути Зангар — Льязхейль и Шахидан — Бадпаш-Куза-Кала.

26-й маршрут. Начинался в Центре подготовки моджахедов «Хапах» (Торатига, Пакистан), далее на Рамалай (Пакистан), Манзаричина (Пакистан), после пересечения границы на Галу, Дарбанак, Таран, Абдулхейлъ и далее через степь Гамбирай караваны уходили в горы Кашмундгар. Местами отдыха на маршруте были определены н.п. Галу и Хувайзи.

27-й маршрут. Исходной точкой являлся кишлак Галу (Пакистан), из которого шли на Кугахейлъ, далее на Куз-Чапарай, Кулавуль, Мангваль (провинция Кунар). Маршрут продолжался в провинции Лагман.

28-й маршрут. Главным препятствием этого маршрута являлся перевал Гхакхай, после которгого осуществлялось движение на Петау, а далее

данный маршрут разделялся на три самостоятельных направления: Комкай Бач – Шинкорак; Даридам – Бачья – Шинкорак; Дарагам – Барус.

Местом отдыха караванов был кишлак Петау.

Маршруты Кунар-Нангархарского направления являлись наиболее интенсивными и действовали круглогодично. На перевалочных базах, расположенных, как правило, в приграничных населенных пунктах Пакистана, доставленные оружие и боеприпасы перегружались на вьючных животных (верблюды, лошади, мулы, ослы). На территории Афганистана караваны с оружием следовали, как правило, в ночное время.

29-й маршрут. Начинался на территории Пакистана, проходил через перевал Дора, далее от погранзаставы Бовдар, на Санглеч, Искатуль, Гульхана, а потом разветвлялся на два маршрута: один – по ущелью Худшара, Саргулям, до ущелья Зардев и другой по ущелью Вардудж до ущелья Зардев. В зимний период при неблагоприятных условиях использовался второй (запасной) маршрут: от ущелья Зардев по ущелью Кокча до кишлака Джарм на юг до Дашташнаш; далее либо через Сараб и Искатуль на 30-й маршрут, либо через Хазрати-Саид по ущелью Кокча до Сиазир, Даханиал через Анджуман и Панджшер во внутренние провинции ДРА.

Вышеуказанные маршруты использовались мятежниками наиболее активно, однако существовал еще ряд караванных путей, по которым также осуществлялась переброска оружия, боеприпасов, вывоз природных богатств, награбленного имущества, миграция беженцев и мятежников в различные времена года. Нельзя было не учитывать также многочисленные коммуникации, связывающие Афганистан с другими странами. По этим дорогам мятежники под видом торговцев и возвращающихся в ДРА беженцев провозили на транспорте под грузом имущества и товаров большие партии вооружения, боеприпасов и взрывчатки.

Изучение и анализ подобных ситуаций стало в годы моей работы в зоне «Восток», частью моей деятельности в деле защиты народной власти Афганистана от мятежных бандформирований. Это был мой вклад в афганскую революцию.

Опыт ведения борьбы с караванами мятежников свидетельствует о многообразии форм и методов тактики их действий по доставке оружия и боеприпасов на территорию ДРА. Как правило, проводку каравана осуществляют представители бандформирования или бандгрупп, для которых предназначены доставляемые оружие и боеприпасы. При отправке крупных партий вооружения для бандформирований одной или различной партийной принадлежности, что бывало крайне редко – лишь при наличии благоприятных условий на избранных для переброски маршрутах, с караванами обычно следовали представители штаб-квартир контрреволюционных группировок, основной задачей которых являлось равномерное распределение доставленного оружия и боеприпасов между бандгруппами. Учитывая повышенную опасность проводки каравана с оружием по территории ДРА, мятежники выбирали наиболее удобные для них маршруты, позволяющие избегать столкновения с войсками и в случае необходимости укрываться от воздействия авиации. Перед выходом кара-

вана из района формирования проводилась тщательная разведка обстановки на всем протяжении маршрута, при необходимости осуществлялся подбор проводников, на участки маршрута направлялись разведывательные группы. Зачастую разведгруппы обеспечивались средствами радиосвязи, с согласованным перечнем условных сигналов, необходимой документацией для легализации на территории ДРА и рекомендательными письмами для главарей банд, по территории влияния которых проходил маршрут. Главари бандформирований и групп заблаговременно получали указания контрреволюционного руководства по обеспечению безопасности караванного маршрута в зонах их ответственности. В обязанности разведывательных групп входили также задачи по распространению дезинформации о сроках и маршруте прохождения каравана.

Порядок следования каравана определялся общей обстановкой в районах избранного маршрута, условиями дорог или рельефа местности, наличием сил противодействия, состава каравана (количество транспортных средств, животных), сил охраны и сопровождения и т.д. При этом боевой порядок каравана строился следующим порядком: авангард (боевая группа из 10 — 15 мятежников, следующих на автомашинах, мотоциклах, лошадях или пешим порядком), основной состав каравана и арьергард (пять — десять вооруженных мятежников). Основной состав мог подразделяться на несколько групп, удаленных друг от друга на определенном расстоянии и имеющих собственную охрану. Караван следовал по маршруту, пройденному разведгруппами, располагая упреждающей информацией, передаваемой по радио или с помощью условных сигналов (световых, звуковых, визуальных), оставленных разведкой. Скорость продвижения каравана зависела от наличия транспортных средств и условий проходимости маршрута. Его участники днем или ночью отдыхали в специально отведенных для этого местах либо в населениях пунктах среди мирных жителей при усиленной охране района расположения. Оружие в этом случае укрывалось в надежных схронах либо в домах жителей кишлака. Транспортные средства маскировались в складках местности или под шатрами кочевников. Во время отдыха мятежники избегали концентрации всего каравана в одном месте и рассредоточивались мелкими группами во избежание поражения с воздуха. На открытой местности караваны двигались преимущественно в ночное время, строго соблюдая светомаскировку.

При столкновении с войсками боевая группа авангарда завязывала бой, обеспечивая отход основного состава каравана. Если же он блокировался, моджахеды старались вывести транспортные средства из-под огня с применением оружия и лишь в крайнем случае взрывали их вместе с грузом. Подобной тактики они придерживались и при перевозке оружия на вьючных животных. В ходе боестолкновения охрана каравана оказывала ожесточенное сопротивление, так как за потерю грузов мятежники порой отвечали своими жизнями. Главной же задачей сил сопровождения и охраны являлось обеспечение беспрепятственной доставки груза к месту назначения. В этом им способствовали бандгруппы, через территорию влияния которых проходил данный маршрут. Однако, караваны не всегда достигали конечного пункта предназначения, так как

оружие и боеприпасы зачастую захватывались моджахедами другой партийной принадлежности. В этом случае отношения между ними еще более обострялись и в конечном итоге перерастали в острые вооруженные столкновения.

Существовали и другие способы проводки караванов с вооружением. Иногда мятежники присоединялись к потоку беженцев, возвращающихся в ДРА, либо перевозили оружие под видом кочевников в сопровождении женщин, стариков и детей. В ряде случаев переброска крупных партий вооружения осуществлялась на трофейных машинах и бронетранспортерах советского производства, захваченных у афганской армии, с охраной переодетой в форму военнослужащих афганской армии при наличии соответствующих документов. Беспечность дорожных постов контроля позволяла беспрепятственно доставлять оружие и боеприпасы в заданный район.

Для обеспечения безопасности доставки вооружения использовались также перевалочные базы, оборудованные для длительного хранения оружия и боеприпасов, с последующей переброской в банды небольшими партиями. Как правило, перевалочные базы создавались в максимально безопасных и труднодоступных районах. Подступы к ним оборудовались в инженерном отношении и надежно защищались постами для борьбы с бронетанковой техникой и воздушными объектам нападения. В чрезвычайной обстановке караваны разгружались, оружие и боеприпасы укрывались в тайниках, кяризах и пещерах, раздавались жителям на хранение. Транспортные средства отправлялись обратно либо уничтожались на местах, при этом животных бросали или продавали населению. Мятежники рассредоточивались по кишлакам или уходили в безопасные районы.

Укоряя советское руководство в слабой компетенции, современный аналитик «Независимой газеты» Семен Багдасаров в своей статье «Бесконечный конфликт» пишет: «Не был учтен опыт борьбы с так называемым басмачеством в Средней Азии. Многие авторы утверждают, что данный опыт не мог быть применим в отношении Афганистана».

Это, мягко говоря, не так. Мы постоянно изучали опыт тех боевых действий. Как известно, советские войска до 1979 г. успели дважды побывать в Афганистане. Как для ситуации, сложившейся в Средней Азии в период борьбы с басмачеством, так и для момента ввода советских войск в Афганистан было характерно следующее: приблизительная схожесть национального состава, так как на тот момент таджики, узбеки, туркмены и другие национальности составляли не менее 30-40 процентов населения Афганистана; высокая степень религиозности населения как Средней Азии в указанный период, так и Афганистана; ошибки советского руководства на начальном этапе борьбы с басмачеством весьма схожи с ошибками, допущенными в период Саурской революции; высокая степень антисоветских настроений среди жителей Средней Азии в начальный период борьбы с басмачеством, когда основная часть населения Средней Азии поддерживала басмачей. Так, еще Михаил Фрунзе в обращении к жителям Ферганской долины прямо говорил о том, что значительная часть населения видит в басмачах своих защитников. Подобная ситуация, как

известно, сложилась и к моменту ввода советских войск в Афганистан, в частности поддержка антиправительственных группировок врагами афганской власти. Как известно, советское и афганское руководство столкнулось с проблемой поддержки антиправительственных сил со стороны ряда государств – в первую очередь США и Пакистана.

Кроме того, не были учтены национальные особенности населения Афганистана. Так, после свержения Х. Амина советское руководство привело к власти полутаджика Бабрака Кармаля, который был одним из руководителей протаджикской фракции «Парчам», что не могло не отразиться на умонастроениях пуштунской части населения страны. Сказалась высокая степень идеологизации советского руководства того времени, которое психологически и идеологически не было готово пойти на компромисс с антикоммунистически настроенными традиционалистскими силами афганского общества, а также не было в состоянии принять стратегически важные решения, которые могли бы привести к изменению ситуации в стране (вопросы землепользования, всемерной поддержки религии и пр.). Не были проведены мероприятия по дестабилизации ситуации в странах, граничащих с Афганистаном и оказывающих помощь афганским антиправительственным группировкам. Такие возможности на тот момент имелись, однако советское руководство не смогло ими воспользоваться.

Все это привело к тому, что ввод ОКСВ в Афганистан спровоцировал новый подъем антиправительственных и антисоветских выступлений в стране. В результате в ряды антиправительственных сил широким потоком пошли люди, считавшие своим долгом воевать против просоветского режима.

Здесь стоит процитировать Фридриха Энгельса, который в своей работе «Афганистан», описывая окончание английского вторжения в страну будущих мятежников, отмечал: «Хурд-Кабульский перевал стал могилой почти всей британской армии, а небольшой ее остаток – менее 200 европейцев – был уничтожен у входа на Джагдалакский перевал. Только один человек, доктор Брайдон, добрался до Джелалабада и рассказал о происшедшем». На это сочинение одного из основоположников марксизма в СССР при изучении наследия классиков научного коммунизма никогда не обращали внимания. Однако столетие спустя такие испытания выдержала в Афганистане 40-я общевойсковая армия ВС СССР. Целый сонм инфекционных (брюшной тиф, паратифы А и В, дизентерия, вирусный гепатит, малярия, амебиаз, москитная лихорадка, шигеллезы) и паразитарных болезней сопровождал советские войска, всех нас в течение всей афганской кампании, надолго выводя из строя солдат, офицеров, гражданских служащих.

Но отчего нашему «человеку с ружьем» опускать стыдливо голову? Он не посрамил славы русского (советского) оружия. Он вышел из сопредельной территории по решению своего Верховного главнокомандования с улыбкой радости, с гордо развевающимися знаменами. Он не запятнал свою душу преступлениями против человечности типа выжженной напалом территории, стертых с лица земли кишлаков, массовых расстрелов и других зверств, которые, к несчастью, иногда совершают воюющие стороны.

За свои ошибки мы платили своею кровью. Число предателей, перебежчиков ничтожно мало. Даже случаев так называемой дедовщины я, например, не припомню. В общем, наш воинский контингент в Афганистане, несмотря на известные стратегические просчеты, локальные издержки и даже неудачи, показал себя миру организованным, дисциплинированным, квалифицированным, гибким, высокоморальным. Американцы, большие специалисты все калькулировать и выводить коэффициенты рентабельности или индексы эффективности, давно уже подсчитали, что русская кампания в Афганистане, оказывается, была высокоэффективной с точки зрения соотношения воинских потерь.

Кстати, американцы же сразу заметили и оценили войсковые соединения специального назначения, проявившие свои великолепные качества в Афганистане. «Единственные советские войска, которые воевали успешно – это силы специального назначения, доставлявшиеся на вертолетах», – писала газета «Вашингтон пост» 06 июля 1989 года. Это разумеется, похвала «сквозь зубы», отсюда и словечко «единственные». Ныне чуть ли не во всех военных академиях мира изучается афганский опыт советского спецназа, особенно первая операция «Шторм-333», которой командовал полковник В.В. Колесник. «Отряд спецназа ГРУ и спецподразделения КГБ «Гром» и «Зенит» в течение 45 минут выполнили поставленную задачу, в самом центре столицы чужого государства».

В абсолютном большинстве случаев наши солдаты и офицеры после учебных полигонов впервые подверглись испытанию настоящим огнем. Тем не менее, не так уж редки случаи мужественной стойкости даже в безнадежных ситуациях: смерть от последней гранаты в окружении врагов.

Так что всякие попытки принизить дух советского воина, навязать ему некий «афганский синдром» наподобие «вьетнамского» у американских солдат изначально являются лукавством; они исходят не от реальности, а от навязанной идеологической установки – чохом отрицать, очернять, осквернять все советское прошлое. А это в корне неверно не только потому, что тени без света не бывает, но и потому, что мы не должны уподобляться «Иванам, непомнящим родства» и предавать самих себя и наших воинов, которые прощались с жизнью в Афганистане будучи свято верными присяге своей великой Родине.

Кстати, отметим еще одну особенность афганской войны: возвращение тел погибших за границей на родину, семье, что прежде в СССР (и в России) не практиковалось. Похороны – печальная, но и наиболее эмоциональная, торжественная процедура. А уж похороны воина, павшего в бою, – особенно. Но припомните, с какой трусливой таинственностью, секретностью проводились эти необходимые ритуальные мероприятия в начале войны местными военными властями. В дальних углах кладбищ, без огласки. И как постепенно на смену этой «страусиной» практике пришло внимание и уважение народа к памяти солдата, отдавшего жизнь на войне. Порой у могил собиралось все население поселка, на траурную процессию выходили завод, школа, институт и т.д. «Это надо не мертвым, это надо живым». И те, кто сопровождал печальный «груз-200», и оставшиеся воевать в Афганистане друзья, видя заботу Ро-

дины о последних почестях, только укреплялись в своих патриотических чувствах. А это, в свою очередь, подпитывало ту самую кровную, самую смертную связь солдата с Родиной, которая и зовется духом армии — самым эффективным ее оружием.

И хотя я не военный профессионал, но по заданию руководства страны я там сражался за афганскую революцию (революцию, как известно, возглавляют политические партии), за лучшую жизнь для афганцев вместе с афганцами. Как советник ЦК КПСС я был ответственным за создание и укрепление власти, которая бы, защищала рядовое население в войсковой зоне «Восток» (как уже говорилось выше это три приграничные с Пакистаном провинции). Есть такое выражение: «Армия воюет, революция сражается» — это точно в десятку обо мне и моих соратниках — советниках. Мы всегда находились в теснейшем контакте как с афганскими, так и с советскими руководителями всех видов вооруженных сил, включая пуштунские племенные полки, которые создавались с нашим участием и никогда без соответствующего приказа не оставляли своих позиций.

Мне приходилось в прямом смысле принимать участие во многих воинских операциях, вылетать на вертолетах и ездить на любом транспорте в самые опасные районы в зоне «Восток», включая Осмар, Хугьяни, Пачироагам, Ману, Ганихейль, Таудачина. Шинвар, Хайбер и т.д. Совместно с высокопоставленными афганскими и советскими руководителями я организовывал и проводил весьма успешные переговоры с руководителями крупных бандформирований, и не раз смерть ходила рядом с нами. Дважды на моих глазах разбивался один вертолет нашей пары (летали парами). Один раз подбили именно тот, в котором должны были находится Башармаль и я, летевшие из Асадабада, и друзья в Джелалабаде считали нас погибшими. Все это было.

Когда появились в бандформированиях американские ПЗРК «Стингеры» мы с разведчиками 15-й бригады специального назначения привлекли все возможности для их поиска в зоне «Восток». Это было серьезное испытание, и на их поиск были брошены все виды источников получения развединформации.

За первые пять месяцев 1987 г. после появления этого высокоточного оружия наши потери составили 120 самолетов и вертолетов. В моем блокноте сохранились фамилии летчиков Джелалабадского 335-го вертолетного полка, погибших в этот период: Павел Винник, Вячеслав Демидов, Илья Ермолаев, Андрей Лаврентьев, Валерий Лукьяненко, Сергей Молчанов, Илья Новиков, Сергей Рабко, Виктор Савин, Геннадий Сечко, Олег Харчевников. Михаил Шамсудинов, Владимир Гусев, Сергей Ешин, Владимир Казанцев, Сергей Клименко, Юрий Матвеенков, Сергей Пантюхов, Николай Цыреник, Игорь Обморшев, Анатолий Гуртов, Павел Ефимов, Николай Матвиенко, Владимир Шевченко, Владимир Яковлев.

Это были офицеры разного возраста, и молодые и опытные летчики, только что оказавшиеся в ДРА, и такие, что попали во вторую командировку. Многих я знал по совместным полетам, которых было множество, и все эти полеты были не простые. Летать приходилось, преодолевая естествен-

ный каждому человеку инстинкт самосохранения. Но других вариантов перемещения просто не существовало. Каждый вылет оставался в подкорке головного мозга. При ночных полетах, на которые перешла авиация с появлением «Стингеров», подходим к аэродрому на большой высоте, только зная, где он расположен, по ориентирам можно было отыскать линию взлетно-посадочной полосы.

Самолеты в Джелалабад садились не все. Сюда допуск давали не каждому летчику. Заход на посадку напоминал акробатический номер. Еще на первом развороте высота 3,5 тысячи метров, а в конце крутой спирали, когда самолет, отстреливал тепловые ловушки и ввинчивался в глиссаду — высота уже была нормальная. Вывод из крена происходил почти в момент касания полосы, и сразу же резкое торможение и дикий рев винтов, поставленных на реверс, — полоса короткая и можно выкатиться. Вертолетам это не грозило, но снижение тоже производилось по крутой, немыслимой спирали над центром полосы — в условно безопасной от обстрела и пуска ПЗРК зоне. На высоте 5000 метров, на которой мы подходили, было всегда холодновато, хотя на земле температура летом за 50° С днем, и 15° С ночью, голые скалы гор ночью отдавали накопленное днем тепло, но к утру воздух остывал.

До высоты около 2 тысяч метров еще сохранялась прохлада, а потом как-то неожиданно в открытый кем-то блистер резко забрасывался уже просто горячий воздух. Вертолетами днем летали только группы спецназа для воздушной разведки и досмотра караванов и советники. Охота за «Стингерами» напоминала экзотический супербоевик, когда группа разведки неподвижно должна пролежать в засаде не одни сутки на караванной тропе, а ведь шли и ложные караваны для отвлечения внимания. И это была смертельная игра в «кошки-мышки» с опытным противником.

Я не могу описать радостный возглас по телефону полковника Ю.Т. Старова командира бригады: «Стингера» поймали!» — он сказал, и я тут же поехал в бригаду. Это был первый такой комплекс , захваченный в Афганистане целым.

Когда и как произошел этот подвиг?

18 июля 1987 года в районе перевала Девальги-Кандав, старший лейтенант Герман Владиславович Похвощев с группой, находясь в засаде, проявив находчивость, смелость и решительность в ночное время, заметил караван противника, и не выдавая себя, пропустив охранение, уничтожил его основной состав, захватив многочисленные трофеи, в числе которых оказалось два ПЗРК «Стингер» и два ПЗРК «Блоупайп». Правильная организация засады, умелое руководство огневым боем привело к выдающемуся боевому успеху, и главное в ходе боя среди личного состава, подчиненного Похвощеву не было потерь.

Помню, как через некоторое время комбриг Старов, вручавший Герману высшую награду СССР — орден Ленина говорил: *«Действуя по-суворовски стремительно и решительно, группа старшего лейтенанта Похвощева Г.В., в количестве 20 человек рассеяла охранение каравана численностью до 100 человек, и 2 часа вела бой до подхода бронегруппы, поддерживая четкую радиосвязь с батальоном. Действия разведчиков группы старшего лей-*

тенанта Похвощева Г.В. являются примером для всего личного состава бригады, образцом для подражания в боевой выучке».

Вместе с разведчиками я от души радовался этой удаче. Ведь для спецназовцев в их борьбе с караванами, провозящими оружие из Пакистана тайными тропами, наиболее эффективной и достоверной была информация, полученная агентурой нашей партийной разведки, которая имела возможности проникать в зону свободных пуштунских племен благодаря тесным связям в среде их вождей и старейшин.

Ради справедливости следуют отметить, что и раньше отмечались высокие результаты у разведчиков 15-й бригады. Когда в мае и июне 1987 г. офицеры Павел Трофимов, Евгений Барышев, Виталий Боков и Артур Деревянко остановили в зоне ответственности соединения и уничтожили в бою громадные караваны мятежников с оружием и боеприпасами в 197 и 203 вьючных животных, несших в своих тюках около 100 зенитно-ракетных комплексов, это были крупные победы! Это были подвиги, потому что даже выйти на такие караваны в чужих горах, ночью было очень не просто.

Но первый «Стингер» в истории соединения был взят Германом Похвощевым.

Через полгода блеснут подобными победами и высокими результатами командиры групп лейтенанты Игорь Довбня и Сергей Лафазан из Джелалабадского отряда спецназ, но это уже будут другие истории.

Война ведь то и дело подбрасывает повод для ненависти. Так и подмывает «око за око, зуб за зуб». Помню одно такое свое состояние. Дело было в ноябре 1986 года в уезде Хугьяни. Однажды, прилетев туда, я стал свидетелем случая, который всех нас штабе операции привел в бешенство от бессилия чем-то помочь.

Душманами были сбиты два вертолета. Один сразу разбился, другой летчики посадили горящим среди врагов и, отстреливаясь, пытались уйти. Не удалось. Утром следующего дня к одному из наших постов были подброшены обезображенные тела наших вертолетчиков. Словно специально плеснули бензина в костер ненависти. А в это время как раз в штаб приходит сообщение, что банда, осуществлявшая налет на Хугьяни, находится в кишлаке Кандибаг, где сейчас проходит совещание главарей бандформирований.

Первое, что приходит в голову – немедленно нанести удар всеми силами и средствами войск задействованных в операции. Обвожу взглядом наших советников – высокопоставленных советских офицеров Ушакова, Арцыкова, Коршунова, Шиленко, афганских командиров, генералов Сарвара, Расула, Мазулу. У всех на лицах вижу такую же гневную решимость. Возникает сложнейшая психоэмоциональная ситуация: по субординации здесь среди нас старшим является генерал Сарвар; его команда будет иметь законную силу; но в глазах афганских товарищей ясно выраженное единодушное согласие на признание за нами права мести за погибших летчиков. Любое наше решение они примут как должное. Однако все мы знаем, что Кандибаг – большой густонаселенный кишлак, куда недавно в соответствии с политикой

национального примирения вернулось из Пакистана около 150 семей. Неизбежные потери среди мирного населения от нашего удара нанесут неизмеримо больший вред (той же политике национального примирения), чем результат сиюминутного упоения местью... Да поймут нас и простят наши павшие соратники! Молчаливая пауза затягивается, мы боимся смотреть друг на друга. Среди советников я старший. Чувствую, что все ждут от меня решения, и шепчу еле слышно: «Пусть уходят... мы найдем виновных и их накажем...». При наших связях в племенах это не было проблемой. Потом присутствовавшие в штабе афганские офицеры передавали своим, как «шурави» отказались от мести ради жизней невинных афганцев. Ситуация, прямо скажем, не сразу воспринимается простым афганцем, поскольку месть для него священна. Но решение советских советников отказаться от мести ради сохранения жизни невинных людей заставляло проникаться уважением к высшей справедливости, к ее носителям – советским воинам, к стране, откуда они пришли.

Трудно предсказывать, что бы случилось, во что бы вылилось самостоятельное развитие Афганистана, если американцы и пакистанцы последовали бы примеру Советского Союза и тоже ушли из этой страны, оставили бы ее наедине с собой. Американские репортеры брали бы у Наджибулы интервью, рассказывали бы об организации работы в ДИКе, о справедливом распределении воды в кооперативах, о самоотверженности учителей во всеафганском «ликбезе», об освоении молодежью современной техники и т.д. Исчезли бы слова «оккупация», «советская угроза» и т.д.

Чудо, что Кабул и Джелалабад продержались еще восемь месяцев, объясняется только присутствием какой-то дополнительной силы поверх привычной калькуляции боевого состава, типов вооружений и количества боеприпасов. Я убежденно подчеркиваю, что такой «дополнительной силой» была тонкая прослойка передовых: людей Афганистана, моих «подсоветных», партийцев НДПА – части афганского народа. Не на пустом же месте появились эти «Парчам» и «Хальк». Никого они за уши не тянули в свои ряды. К ним пошла продвинутая молодежь, наиболее сознательная. Я сужу об этом не понаслышке. При всех издержках бюрократии, неумелого руководства НДПА был жив дух революционного переустройства страны. Этим духом жили рядовые партийцы. И только этим духом я могу объяснить «дополнительные силы», которые помогали им держаться, когда они должны были, по всем расчетам, погибнуть.

Я восхищаюсь «безумством храбрых» целого поколения молодых, потом уже зрелых и даже пожилых афганцев, которые во второй половине XX века предприняли попытку взвалить на себя всю тяжесть своей страны и вьючными тропами Гиндукуша вывести ее на оперативные просторы современности. Я знаю их, этих подпольных героев Афганистана, я работал с ними, я был их советником. И когда сегодня я думаю о будущем этой страны, то связываю его, только с людьми, похожими на Лаека, Софи, Исара, Башармаля, Зиярмаля, чье время, наверное, еще не пришло. Но они уже были на этой афганской земле, их слова, мысли, поступки и дела, их образы уже запали в душу сотен и тысяч их соплеменников, они уже

прорастают в толще своего народа. Все-таки это люди будущего, образованные, живущие не только своими личными интересами, но и болеющие за свой народ.

Оставили мы память о себе и среди особенно пострадавшего от лихого времени молодого поколения провинции, создав в провинциальном центре дом «Ватан» для детей-сирот, оставшихся без родителей. Большую помощь в этом, казалось бы, далеком от боевой работы спецназа деле, оказали комбриг полковник Ю.Т. Старов и его замполит полковник О.В. Кривопалов, направившие инициативу комсомольских организаций соединения в нужное русло. Итогом их обращений с просьбами в ЦК ВЛКСМ стало порадовавшее нас постановление секретариата ЦК ВЛКСМ № 284 от 24.02.1987 г. закрепившее шефами бригады Мурманский обком комсомола, 154 оо СпН – Волынский обком, 177 оо СпН – Хмельницкий обком, 334 оо СпН – Оренбургский обком и 668 оо СпН – Московский горком комсомола. Данное решение обязало их оказывать воинам-афганцам разнообразную помощь и поддержку. Как сейчас хорошо помню, что первыми откликнулись на просьбу об оказании шефской помощи детям-сиротам провинции Нангархар комсомольские организации Кольского полуострова. В адрес бригады поступило несколько контейнеров с одеждой для детей, игрушками и канцелярскими принадлежностями. Регулярно в течение 1987-1988 гг. офицеры и солдаты бригады во главе с начальником политотдела бригады О.В. Кривопаловым, выезжали в Джелалабадский сиротский дом «Ватан» для выдачи гуманитарной помощи, проведения бесед и концертов перед малолетними детьми, родители которых погибли при выполнении воинского и гражданского долга. Каждый приезд советских военнослужащих афганские дети ждали с нетерпением и встречали и провожали их очень сердечно. – Опыт ВЛКСМ в деле воспитания подрастающего поколения для нас бесценен, – говорил в то время секретарь ЦК НДПА Моманд, приветствуя в провинциальном комитете делегацию Ленинского комсомола. – И в том, что демократическая организация молодёжи Афганистана (ДОМА) в Нангархаре окрепла, стала заметной силой, – большая заслуга представителей комсомола, которые трудятся бок о бок с нами вот уже несколько лет. Как и повсюду в Афганистане, в Нангархаре немало объектов афгано-советского экономического сотрудничества, что является наглядным примером дружбы двух народов. Один из таких объектов – профессионально-техническое училище, которое готовит трактористов, слесарей-ремонтников, электриков. Все оборудование здесь – парты в классах, станки для мастерских, учебные тракторы и комбайны – из Советского Союза. Форму для учащихся – а их здесь более трехсот – прислали в училище из Оренбургской области, которая установила с провинцией Нангархар прямые дружественные связи. Вместе с афганскими преподавателями нангархарских мальчишек учат и советские специалисты. А нужда в специалистах-аграрниках огромная, 24 тысячи гектаров орошаемых земель включала территория Джелалабадского ирригационного комплекса, одного из крупнейших объектов сотрудничества наших стран в Афганистане. Более 30 лет работали здесь советские специалисты, советом и делом помогая афганским друзьям.

Я думаю, став взрослыми, афганцы из того поколения воспитанников до сих пор вспоминают эти посещения «шурави» и сохранили добрые чувства юности к людям, которые согрели их своим теплом.

Там, в Афганистане нашего времени Правительством СССР и Центральным Комитетом КПСС перед всеми нами советскими людьми, ходившими по минным дорогам и караванным тропам, а также выполнявшими свою миссию в кабинетах высшего руководства этой страны, была поставлена главная стратегическая задача — иметь рядом с нашей государственной границей дружественную страну, и этой задаче были подчинены все наши действия.

Я уже упоминал публикацию в «Российской газете» цикла статей Владимира Снегирева «Спецкомандировка. Афганистан: 20 лет спустя».

Не имея возможности самому взглянуть на афганские реалии сегодня, я глазами журналиста увидел знакомые места, словно встретился с давними друзьями и с радостью утвердился в выстраданном мнении о некоей исторической пользе моих командировок в Афганистан в целом, о нашем пребывании там.

«Одно из самых волнующих впечатлений от месячной командировки в Афганистан, пишет В. Снегирев, — состоит в том, что здесь к нам относятся так, как, возможно, ни одной стране мира. Нас здесь любят. Удивительно, да? Клянусь, я не выискивал специально проявлений этой любви, просто они преследовали меня повсюду. Вот едем, предположим, мы на парад, посвященный 11-й годовщине победы моджахедов. Специального пропуска на машину у нас нет. Первый пост расположен еще за километр до площади: «Дальше только пешком». — «Да мы журналисты, пропустите, пожалуйста». — «Нет, не положено! Режим для всех один». — «Вообще-то мы из России», — «О-о-о» — дальше следует поток приветственных слов, бородатые физиономии заглядывают в машину, тянут для рукопожатия свои ладони. А ущелье Панджшер, где мы столько лет воевали с Ахмад-Шахом! Местные «духи», завидев у меня фотоаппарат и видеокамеру, подступили свирепо: «Сейчас же отдавай пленку — будем засвечивать». Они там, в этом глухом ущелье, хранят на всякий случай сотню-другую танков, артиллерийские орудия, системы залпового огня и даже тактические ракеты, оставшиеся от нашего присутствия. А вдруг я американский шпион? «Братцы, но я же русский!» Злобные выражения на лицах сменяются радушными улыбками: «Русский! Салам алейкум! Москва — хорошо, Америка — плохо. Мне предлагают чай и отпускают с пожеланиями счастливого пути. Я понимаю, что все это напоминает восточную сказку, но собственными ушам слышал, как вчерашние моджахеды говорили дословно следующее: «Самым лучшим президентом для нас был доктор Наджибула. А самым лучшим вашим президентом был Брежнев». — «Э, стоп, стоп! Ведь это же Брежнев ввел сюда войска. Вы что, ребята, забыли?» Нет, ничего они не забыли. Они теперь прочтут вам целую лекцию о том, что после Советского Союза здесь остались дороги, тоннели, заводы, жилые микрорайоны, почти вся афганская экономика осталась после советских. А чем помогли американцы? Да ничем».

Как большой подарок судьбы, как привет друзей издалека читал я это действительно удивительное свидетельство. Только для меня оно удивительно не так, как для журналиста, который не ожидал встретить среди сегодняшних афганцев такого проявления любви к нам. Это свидетельство очевидца удивительно точно подтверждает мои прогнозы о прорастании в афганском обществе тех семян, которые мы сеяли тогда вместе с моими «подсоветными» – «халькистами», «парчамистами» (которые теперь считают, что Наджибула был лучший президент). «Наивные», – удивляется журналист их простодушному несбыточному желанию, чтобы мы вернулись. А я читаю в эти словах отголоски того, за что боролись мои друзья, и что было смыслом моей советнической деятельности. Не мы вернемся – они сами вернутся. Прорастут.

В качестве заключения.

В заключение хотелось высказать мысль, давно известную, но «проросшую» во мне именно там, в Афганистане: Мысль эта – о российско-афганских отношениях. Даже беглый взгляд на их историю улавливает некое почтительно-устойчивое отношение друг к другу, несмотря на меняющуюся геополитическую конъюнктуру. Когда я немного приблизился к пониманию пуштун, их кодекса чести «Пуштунвали», мне приоткрылась завеса истории английского колониального владычества в XIX – начале XX века. По сравнению с соседней Индией (Пакистан тогда еще не был отделен от нее) Афганистан, хотя и считался колонией или полуколонией Великобритании, но фактически никогда ею не был. Между прочим, в этом факте не следует сбрасывать со счетов усилия российской тайной восточной дипломатии, находившей «общий язык» с вождями племен, имеющими решающее влияние на судьбу народа, в отличие от центральных правителей, подверженных конъюнктуре. И когда из журналистского репортажа до меня донесся чей-то голос («Лучшим президентом был Наджибула»), мне вспомнились слышанные во время встреч с пуштунами подобные уважительные реплики в адрес давнего руководителя страны Аманулы-хана. Это он в 1919 г. после поражения английских войск в Советском Закавказье добился действительной независимости Афганистана, подписав с Англией равноправный (впервые!) договор. Он тогда же первым в мире вопреки давлению Англии признал Советскую Россию, и тот договор был незыблемым.

Наверное, только настроенный на максимальный пуштунский критерий оценки верховного правителя страны, такой голос мог выделить и поставить рядом Аманулой-ханом Наджибулу. Я уверен, что воздающие ныне признание Наджибуле имеют в виду его правление последних восьми месяцев, когда он остался полностью «независимым». Хотя и обреченным, но независимым.

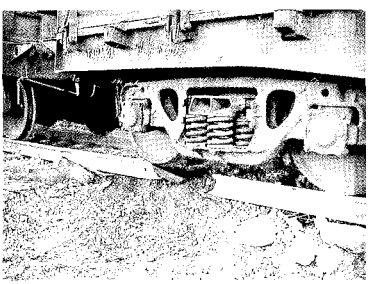
Есть что-то в отношениях наших стран и народов кажущееся парадоксальным, а на самом деле представляющееся чем-то фундаментальным. В этой народной беззлобности по отношению к нашей «оккупации» их страны ощущается истинная народная оценка исторических событий, которые, к сожалению, редко бывают бескровными. Народ-то про себя хорошо знает, что не было советской оккупации. Была помощь.

Первый командир 15 обр СпН полковник Чуцев Николай Иванович (1963-1967 гг.)

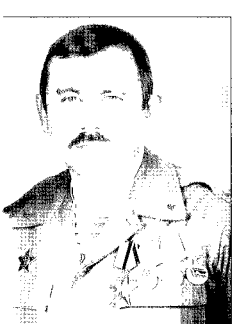
Полковник
Мосолов Роберт Павлович
Командир 15 обр СпН
в 1968-1975 гг.

Один из первых командиров 15 обр СпН дерзкий разведчик Великой Отечественной войны полковник Роберт Мосолов любил пошутить. Своим строгим командирским характером, неумением гнуть спину перед начальством и заботой о подчиненных, Роберт Павлович сыскал огромное уважение личного состава бригады

Разведчики спецназовцы 15 обр СпН готовят к „подрыву" железнодорожное полотно на «Тропе разведчика». Зима 1973 г.
Одной из главных задач разведывательных подразделений спецназ является проведение диверсий на железных дорогах в тылу противника с целью срыва железнодорожных перевозок войск и грузов



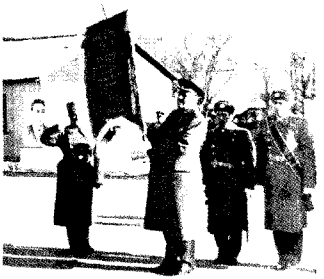
Разрушение железнодорожного рельса подрывом ВВ массой эквивалентной 200-400 г тротила



Полковник Золотарев Сергей Кондратьевич был последним командиром 15-й отдельной ордена Красного Знамени Республики Афганистан бригады специального назначения

Офицеры 6 роты 15 обр СпН (слева направо) старший лейтенант А. Тимченко, лейтенанты О. Кривопалов и С. Золотарев. Думали ли они тогда, в далеком 1974 г., что спустя 13 лет Олег Владимирович Кривопалов станет заместителем командира – начальником политотдела родной бригады, а Сергей Кондратьевич Золотарев – командиром 15 обр СпН в 1994 г.

Разведчики 15 обр СпН готовят заряды к подрыву металлоконструкций на занятиях по минноподрывному делу. Чирчик, лето 1974 г.



Вручение 15 обр Спн Вымпела Министра обороны „За мужество и воинскую доблесть". Чирчик, 1973 г.

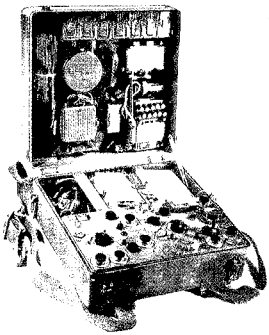
9-мм пистолет Макарова ПМ в 50-70-х гг являлся основным личным оружием рядового и офицерского состава Спецназа ГРУ ГШ ВС СССР

Разведчики 15 обр СпН выполняют упражнение учебных стрельб из пистолета. Войсковое стрельбище бригады, 70-е годы. В Спецназе солдаты и сержанты срочной службы обучаются ведению огня из пистолета наравне с офицерами

Военнослужащие 15 обр СпН перед учебно-тренировочным прыжком с парашютом из самолета Ан-12. Аэродром Чирчик, осень 1979 г.

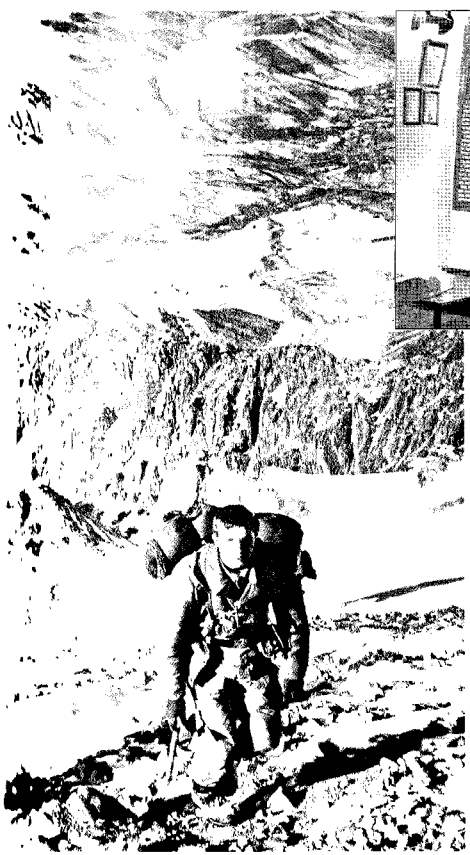
Полковник Василий Колесник
Командир 15 обр СпН в 1975-1977 гг

ики-радиотелеграфисты 15 обр Спн проводят учебный сеанс ии с Центром. Чирчик, 1972 г



Корпоткорволновая радиостанция Р-350 являлась основной станцией для связи разведгрупп спецназ с Цетром в 50-70-х годах

Замполит 6 роты Чирчикской бригады спецназ лейтенант Олег Кривопалов проводит политзанятие с личным составом роты по теме «Агрессивная политика Израиля на Ближнем Востоке» Чирчик, 1974 г. Прошло более 34 лет, а тема по прежнему актуальна .

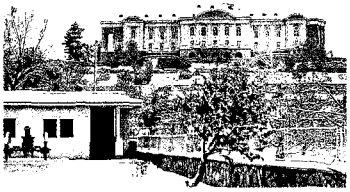


ломина севернее Чирчика стали для разведчиков 15 обр СпН «школой ...горах Гиндикуша в Афганистане Тактико-специальное учение, конец ...

Командир 15 обр СпН
полковник Александр Алексеевич Овчаров
(1977-1980 гг)
На встречах ветеранов командиру 15-й бригады спецназ, формировавшему «мусульманский батальон» есть, что вспомнить.

Командир 154 оо СпН «Мусульманского батальона» майор Хабиб Холбаев

Командир зенитно-артиллеристской группы «Мусбата» капитан Василий Праута (второй слева) перед первым прыжком с парашютом. Аэродром Чирчик, осень 1979 г.



Дворец Тадж-Бек. Кабул, 80-е годы XX века
27 декабря 1979 г разведчики 154 оо СпН и спецгруппы КГБ СССР «Гром» и «Зенит» совместным штурмом захватили резиденцию афганского диктатора Хафизуллы Амина, размещающуюся во дворце Тадж-Бек. С тех пор дворец Тадж-Бек стал известен, как «дворец Амина»

ЗСУ-23-4 «мусульманского» батальона (154 оо СпН) на огневой позиции (справа на заднем плане дворец Тадж-Бек). Кабул, 28 декабря 1979 г.

Герой Советского Союза генерал-майор Василий Васильевич Колесник. *Руководитель операции «Шторм-333» по* свержению режима диктатора Амина

Разведчики 154 оо СпН Миркамил Косимов (слева) и Станислав Боголевский.
Несмотря на то, что *большая часть личного состава «мусульманского* батальона» состояла из военнослужащих представителей среднеазиатских национальностей, в нем служили и русские, украинцы, белорусы, армяне и представители других народов СССР

...ор 15 обр СпН (1981 -1983 гг)
...ик Анатолий Михайлович
...ников

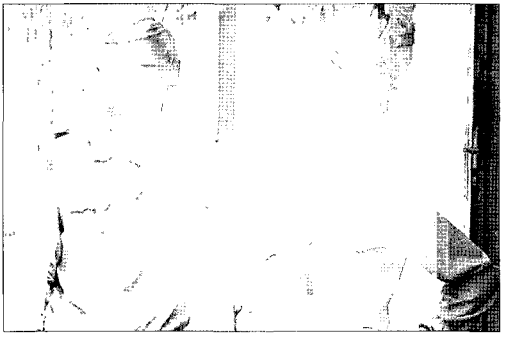
Командир 154 оо СпН (1981 -1983 гг.)
майор Игорь Юрьевич Стодеревский

Капитан 1 ранга ВМС Украины
Сергей Ершов (начальник штаба
154 оо СпН в 1981 -1983 гг)

...154 оо СпН старшина
...ор ЛИСТОПАД,
...ане с 1981 по 1982 гг

Разведчики 154 оо СпН на прыжках с парашютом накануне ввода отряда в Афганистан В центре командир группы лейтенант Лоренд Ко, внизу сержант Владимир Листопад Чирчик, 1981 г

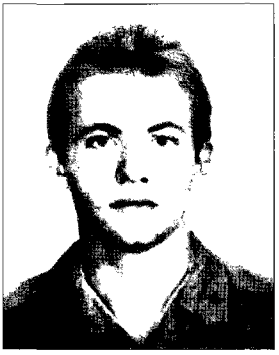
...ерьянов 154 оо СпН после Афгана в Чирчике
... Слева направо майор Дмитрий Лютый
...ир роты, начальник штаба, 1984-1986 гг),
...ник Владимир Портнягин (командир отряда,
... и сержант сверхсрочной службы Игорь Сас
...ник минер, 1984-1985 гг).



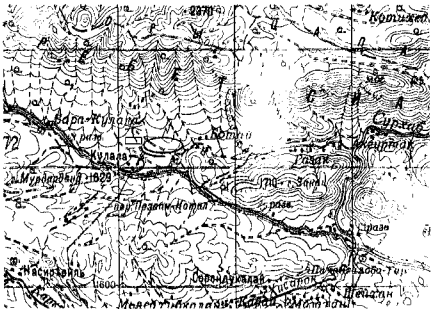
Заместитель командира 1 роты 154 оо СпН старший лейтенант Олег Мартьянов (слева) и командир роты капитан Алексей Турков. Капитан А.Турков погиб в бою 19 сентября 1985 г. при налете на исламский комитет в кишлаке Багича пр. Нангархар, награжден орденом Красного Знамени (посмертно) Джелалабад, август 1985 г

Выпускник Рязанского ВВДКУ 1984 г командир 1 группы 1 роты 154 оо СпН лейтенант Евгений Овсяников геройски погиб 19 сентября 1985 г , прикрыв собой боевых товарищей Награжден орденом Красного Знамени (посмертно)

Разведчики 1 роты 154 оо СпН, февраль1986 года
Внизу, слева на право кавалер ордена Красной Звезды сержант В Войцеховский, кавалер ордена Красной Звезды старший сержант В Коваленко, погиб в бою 19 03 1986 г при налете на дневку каравана в н п Кулала, награжден орденом Красного Знамени (посмертно), кавалер ордена Красной Звезды младший сержант О Плаксий, тяжело ранен при захвате УР «Карера» 29 03 1986 г , рядовой М. Мочернюк, погиб в бою 19.03 1986 г , награжден орденом Красного Знамени (посмертно), вверху - кавалер ордена Красной Звезды рядовой А Егоров, погиб в бою 29 03 1986 г , награжден орденом Красного Знамени (посмертно) и кавалер ордена Красной Звезды сержант П Рожновский, погиб в бою 19 03 1986 г , награжден орденом Красного Знамени (посмертно)

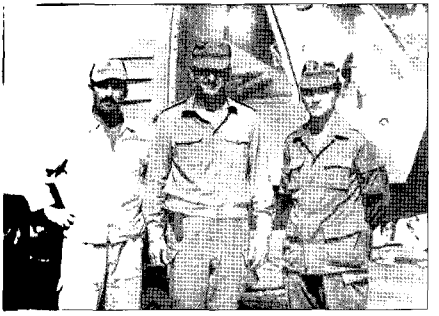


Сержант Василий Коваленко за подвиг, совершенный в бою 19 марта 1986 г был представлен к званию Героя Советского Союза (посмертно)



Фрагмент топокарты М 1 100000 В кишлаке Кулала (80 км юго-западнее Джелалабада), 19 марта 1986 г при проведении налета на остановившийся на дневку караван моджахедов погибли 6 разведчиков 154 оо СпН

Разведчики 1 роты 154 оо СпН. февраль 1985 года Слева командир 1 группы лейтенант Виктор Красильников (сменивший лейтенанта Е Овсянникова), умер от ран, полученных в бою при налете на дневку каравана в н п Кулала, награжден орденом красной Звезды (посмертно)

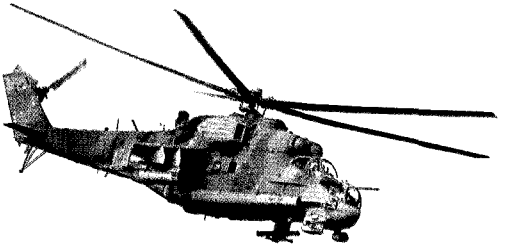


Командир 154 оо СпН (1984-1985 гг) майор Алексей Михайлович Дементьев (в центре) на аэродроме «Джелалалабад». 1985 г.

Командир 1 группы 1 роты 154 оо СпН выпускник Рязанского ВВДКУ 1985 г лейтенант Игрок Семин погиб в ходе выполнения боевой задачи 17 января 1987 г

Стрелковое оружие афганских моджахедов

Трофейные *стволы* захваченные разведчиками 154 оо Спн. 1985 г.



Заместитель командира 335-го отдельного боевого вертолетного полка (1985-1986 гг) подполковник Юрий Владыкин

Командование 15 обр СпН в 1986 г
Слева направо начальник политотдела подполковник П. Рузин, замкобрига подполковник А. Безручко, командир бригады В Бабушкин (сдает должность), полковник Ю. Старов (принимает должность командира бригады), начальник тыла В Турбуланов

Офицер штаба бригады
капитан Сергей Лукьянов, 1986 г
В бою 29 марта 1986 г при захвате укрепрайона «Карера» Сергей получил тяжелое ранение ноги, но благодаря своему мужеству и упорству добился весомых результатов в спорте

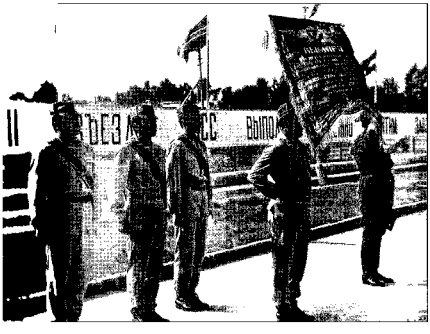
Начальник связи 15 обр СпН (1985-1987 гг)
подполковник А Н. Муратов

Ветеран бригады подполковник
Василий Иванович Якуба (1986-1988 гг
заместитель командира бригады
по вооружению)

Заместитель командира 15 обр СпН по вооружению майор В Якуба
на вертолетной площадке,
Газни, 1987 г

Разведчики 2 группы 1 роты 154 оо СпН на аэродроме взлета Джелалабад. Слева командир группы старший лейтенант Юрий Мяличкин, третий слева командир звена 335 обвп капитан Николай Пырин

Полколвник Николай Пырин (в центе) передает в дар музею Общероссийской общественной организации инвалидов войны в Афганистане (ОООИВА) личные вещи с „афганской" войны (подшлемник, планшет с картой и летную куртку). Встреча ветеранов-«афганцев» в санатории ООИВА „Русь"6 декабря 2008 г



Вручение 154-му оо СпН Вымпела Министра обороны «За мужество и воинскую доблесть». Слева направо заместитель командира 2 роты лейтенант Артур Сабитов, заместитель командира отряда капитан Дмитрий Лютый и командир группы военный старший лейтенант Сергей Пивсаев, с вымпелом командир отряда майор Рамиль Абзалимов. Джелалабад, декабрь 1986 г.

Командир 154 оо СпН (1985-1987 гг.)
майор Рамиль Каримович Абзалимов

Снова вместе как и 20 лет назад . Встреча ветеранов 154 оо СпН в 2007 г. Слева на вправо (верхний ряд) Вадим Особенко, Дмитрий Лютый, Олег Мартьянов, Юрий Дурнев, Александр Мусиенко, Михаил Силков, Анатолий Кравчина, Юрий Аракчеев, Николай Жерелин Александр Кириллов Внизу Сергей Суковатый, Андрей Крупин, Владислав Колупаев и Сергей Резвов

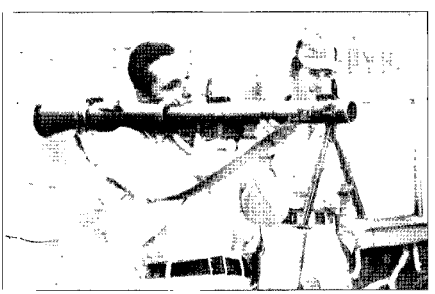
Выпускник Рязанского ВВДКУ командир группы 2 роты 154 оо СпН лейтенант Александр Чихирев погиб в бою 4 марта 1987 г.. Награжден орденом Красной Звезды и Красного Знамени (посмертно)

Именно в этих горах 75 км северо-западнее Джелалабада между н.п. Шахидан и Бадпаш-Куза-Кала (участок караванного маршрута «Панджшерская тропа») 154 оо СпН в 1984-1985 гг. понес самые крупные суммарные потери (вид с кабины вертолета Ми-24 335 обвп).

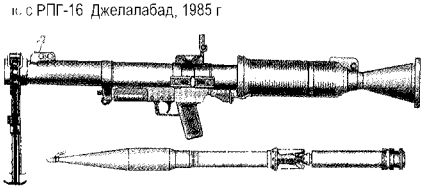
Кавалер ордена Красного Знамени командир группы 2 роты 154 оо СпН лейтенант Сергей Лафазан (в центре), принявший группу погибшего лейтенанта А. Чихирева, сполна отомстил «духам», уничтожив несколько крупных караваном моджахедов на «Панджшерской тропе» в осенне-зимний период 1987-1988 гг

Начальник инженерной службы 154 оо СпН (1984-1986 гг) капитан Владимир Перикняк (слева) и начальник штаба отряда майор Анатолий Петунин (справа) с продавцом магазина «Военторга» Наталией. Джелалабад, 1985 г
Майор А.Петунин получил тяжелое ранение в бою на афгано-пакистанской границе 29 марта 1986 г Почти 3 года Анатолий мужественно боролся со смертью, показывая пример стойкости остальным покалеченным войной «афганцам» .

Разведчики-радиотелеграфисты 154 оо СпН перед боевой задачей Слева на право вверху – рядовой А. Мальцев, сержант В Колупаев и рядовой В Володин, внизу – рядовой Ю Головенко Джелалабад, осень 1985 г



Командир отделения роты минирования 154 оо СпН сержант Игорь Стокич с РПГ-16 Джелалабад, 1985 г

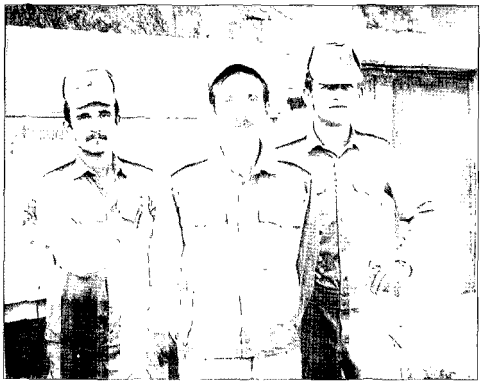


Ф-3-мм ручной противотанковый гранатомет РПГ-16 "Удар"

Разведчики-саперы роты минирования 154 оо СпН. Внизу справа старший сержант Султанбек Хакимов, верху справа командир группы лейтенант Валерий Бондарев, погиб в самолете Ан-26, сбитом из ПЗРК на маршруте перелета Кабул-Джелалабад в декабре 1986 г Джелалабад, 1986 г

Ветеран 154 оо СпН разведчик-сапер рядовой запаса Бычок Александр Николаевич, единственный в бригаде кавалер офицерского ордена «За службу Родине в ВС СССР» III степени

Санинструктор медпункта 154 оо СпН сержант Игорь Стокич (1986-1987 гг) перед боевым выходом, на бронетранспортере 3 роты отряда БТР-70Г (Г – вооружен сокурсным с пулеметами 30-мм автоматическим гранатометом АГ-17)



Офицеры 3 роты 154 оо СпН Командир роты капитан Николай Пархоменко (на переднем плане), командиры групп лейтенанты Юрий Бурлака (слева) и Виктор Абрамов, 1987 г

Командир отделения 3 роты 154 оо СпН сержант Владимир Ярмош Геройски погиб бросившись на выручку боевым друзьям Награжден орденом Красного Знамени (посмертно)

Заместитель командира 3 роты 154 оо СпН лейтенант Геннадий Удовиченко (слева) и переводчик роты младший лейтенант Андрей Соколов (справа) с сотрудником МГБ Афганистана на совместной специальной операции Провинция Нангархар, 1986 г

Боевые друзья на могиле Владимира Ярмоша. Крайний справа санинструктор 154 оо СпН сержант Игрь Стокич. 2008 г

Командир 15 обр СпН подполковник Виктор Матвеевич Бабушкин (1985-1987 гг) вручает государственную награду разведчику радиотелеграфисту 154 оо СпН рядовому Владиславу Колупаеву. Джелалабад, осень 1985 г

Разведчики 1-й роты с афганскими "бачатами". Справа заместитель командира роты лейтенант Николай Жерелин

Командир досмотровой РГ СпН лейтенант Серей Верецкий десантируется из вертолета Ми-8 для досмотра каравана *154 оо СпН, лето 1987 г.*

Пленные моджахеды захваченные досмотровой РГ СпН лейтенанта Сергея Лафазан 27 ноября 1987 г

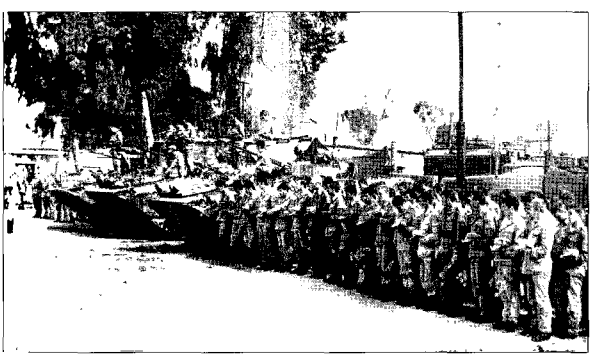
Досмотровая РГ СпН лейтенанта Юрия Рыбакова (на переднем плане) выдвигается к объекту. *Пр. Нангархар, 1987 г*

Основная бронетехника отрядов спецназ ОКСВА в средине 80-х годов

БМП-2Д

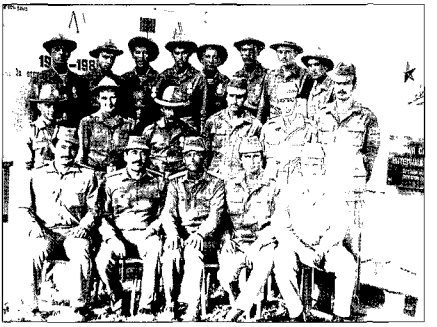
БТР-70

ЗСУ-23-4

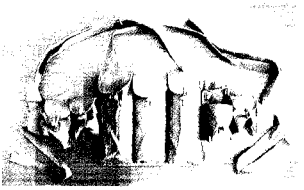


Горжественная церемония с погибшими в бою разведчиками. 154 оо СпН, март 1986 г.

Советник командира афганской 37-й бригады «Командос» подполковник Владимир Барсуков убыл в Афганистан из Чирчика с должности начальника штаба 15 обр СпН



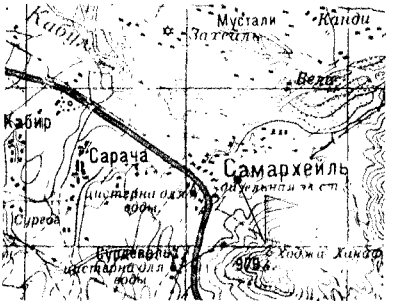
Вручение государственных наград – фото на память 154 оо СпН, весна 1986 г
Нижний ряд слева направо. командир 154 оо СпН майор Р Абзалимов, командир 15 обр СпН подполковник В Бабушкин, начальник политотдела бригады подполковник П. Рузин, начальник штаба отряда майор В Кондратьев и замполит отряда капитан А Гулевич



Основной предмет экипировки моджахедов автоматчиков и разведчиков советского спецназа в Афганистане китайский нагрудник («лифчик»)

Разведчики-минеры 154 оо СпН
Слева на право командир 4 роты капитан Александр Кириллин, начальник инженерной службы отряда майор Владимир Горница, сержант Султанбек Хакимов и рядовой Амбросий Кабахидзе Джелалабад, 1987 г

Встреча ветеранов 1 роты 154 оо СпН в Москве в 2007 г
Слева направо: командир отделения сержант Александр Кириллов, старшина роты старший прапорщик Юрий Дурнев и командир роты полковник Олег Мартьянов (в 1986 г – капитан)



Военный городок 154 оо Спн у н п. Самархейль 15 км восточнее Джелалабада

Советник ЦК КПСС в оперативной зоне «Восток» в Афганистане Сергей Мажитович Беков, в афганских войсках в ходе операции в уезде Назьян Осень 1983 г

Прощание генерал-полковника С М. Бекова с боевыми товарищами Март 1988 г.

Советник ЦК КПСС в оперативной зоне «Восток» в Афганистане Сергей Беков со старейшинами племен провинции Нангархар. Благодаря Сергею Мажитовичу, в ходе сложных и долговременных переговоров отношение местных афганцев к военнослужащим Джелалабадского гарнизона ОСВА было одним из самых лояльных в Афганистане.

Генерал-полковник Таможенной службы России, советник ЦК КПСС в оперативной зоне «Восток» в Афганистане С М Беков Сергею Мажитовичу ветераны 15-й *отдельной ордена Красного Знамени* Республики Афганистан бригады специального назначения благодарны за поддержку и в Афганистане, и за помощь, которую он оказывает им в наши дни. Благодаря его титаническим усилиям увековечена память Спецназа в нескольких книгах, в том числе и этом издании.

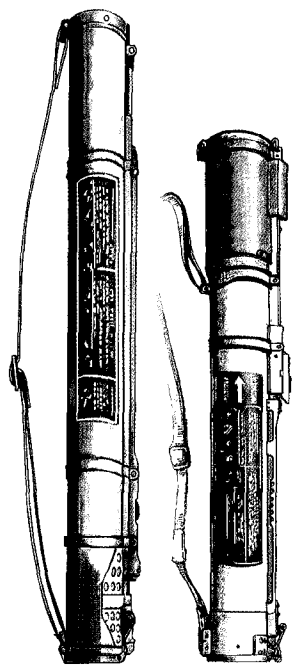
Встреча ветеранов Спецназа посвященная
50-летию образования подразделений и частей специального назначения Вооруженных Сил России.
Слева направо: С.Н Макаров, С.М. Беков, Ю.Т. Старов, О.У. Швец, и А.С. Тапалакин. Москва, 2000 г.

Только в Афганистане вертолетчики практиковали маневры с большими перегрузками, категорически запрещенные в Союзе виражи, боевые развороты, горки с отрицательными перегрузками и крутые пикирования, при которых в кабине было темно от земли, заполнявшей весь обзор...

Герой Советского Союза подполковник Александр Райлян. В 1986-1987 гг. майор А. Райлян проходил службу в 335 обвп. 28 января 1987 г. разведотряд 154 оо СпН понеся потери вел неравный бой с моджахедами в Черных горах. В критический момент боя помощь разведчикам оказала пара вертолетов Ми-8, возглавляемых Александром Райляном, прорвавшаяся в ущелье без прикрытия боевых вертолетов. Окруженным разведчикам были доставлены боеприпасы, а самое главное установлено их местонахождение и положение противника (средства связи отряда вышли из строя), что позволило поддержать блокированных в ущелье разведчиков авиацией и артиллерией

Ветеран 15 обр СпН
генерал-майор Александр Чубаров. Москва, 2008 г.

Командир 22 обр СпН (1983-1987 гг.) полковник Дмитрий Герасимов с РПГ-22.
Пр. Гильменд, Лашкаргах, 1986 г.
Офицерскую службу Дмитрий Михаилович начинал лейтенантом в 15-й Чирчикской бригаде спецназ, а заканчивал генералом в Спецназе ФСБ России



Реактивные противотанковые гранаты РПГ-18 «Муха» и РПГ-22 «Нетто» были основным штурмовым оружием разведподразделений спецназ

Или вспомним, как с территории Афганистана в 20-е годы прошлого века банды басмачей терроризировали советскую Среднюю Азию. И тогда не было понятия, что мы воюем с Афганистаном, хотя банды формировались не только выходцами из среднеазиатских республик. Всем было ясно, кто стоит за басмачами. В те годы на весь мир прозвучало и обросло легендами имя английского разведчика полковника Лоуренса, от имени которого на севере Афганистана руководил басмачами британский ставленник Бачао Сакао. Но новый правитель страны Надир-шах решительно повел разоружение басмаческих банд, укрепляя дружбу с Советским Союзом.

Так закончилась эпоха британских попыток колонизировать Афганистан, который окончательно стал независимым. Ничем закончились и попытки фашисткой Германии в своих геополитических амбициях укрепиться здесь, на «крыше мира».

Не стал Афганистан ни английским, ни русским, ни германским. Не будет он и американским, как ни старается сверхдержава укрепить здесь свою «демократию». – это я хорошо знаю. Наверное, с «крыши мира» все-таки виднее, и пуштуны знают о себе, о соседях, о мире что-то фундаментально сущее, что сопоставимо только с самой жизнью. И поэтому – независимы. И поэтому заслуживают уважения и изучения. Я командировался к ним помогать, советовать, как устраивать жизнь по-новому. Кому-то эти советы помогали, кто-то отвергал их с порога, но и те и другие понимали, что мы приходили туда не как завоеватели.

Примечательно, что по инициативе афганского руководства многие советские граждане были отмечены наградами Афганского государства. И хотя поощрения носили исключительный характер, тем не менее, даже среди Героев Афганистана имелись наши соотечественники – два летчика-космонавта СССР. А вот награждения советских воинских частей не наблюдалось ...

Как-то в горячей текучке комбриг Старов пригласил меня на партактив 15-й бригады. В зале офицерской столовой собрался весь цвет бригады, заслуженные командиры отрядов, рот, разведывательных групп, начальники служб, загорелые до черноты сержанты и солдаты-разведчики. Меня порадовало, что прием в партию осуществлялся не по приказу, а по глубокому убеждению ... С основным докладом выступал начальник политотдела О.В. Кривопалов, который поднял вопрос о подготовке к празднованию 25-годовщины соединения. Юбилей совпадал с новогодними праздниками. Выступая перед разведчиками, я поддержал идею замполита и рекомендовал подумать о создании Музея боевой славы. «Время летит стремительно, – говорил я, – а за период с 1979 г., по-сути, никто не занимался вопросами обобщения героических подвигов воинов на афганской земле».

На очередном заседании штаба оперативно-войсковой зоны «Восток» я поднял вопрос об участии руководства провинции Нангархар где дислоцировалась бригада, в мероприятиях по подготовке празднования юбилея советской воинской части и ходатайстве по ее награждению боевым орденом Демократической Республики Афганистан. Меня поддержали афганские товарищи, о нашем решении я сообщил советнику Президента Рес-

публики Афганистан известному в СССР партийному руководителю тов-. В.П. Поляничко, который на другой день прилетел в Джелалабад и вместе со мной поехал в 15-ю бригаду. Внимательно выслушав командира бригады Ю.Т. Старова, его заместителя О.В. Кривопалова и ознакомившись с результатами боевых действий соединения, он подытожил: «Я поддерживаю мнение товарища Бекова о возбуждении ходатайства по представлению 15 обрСпН к высшей военной награде Афганистана – ордену Боевого Красного Знамени. Я думаю, товарищ Наджибулла подпишет такой Указ».

И, действительно, 3 февраля 1988 г. состоялся Указ Президента Республики Афганистан № 136 «О награждении 1-й особой бригады Советских войск орденом «Красного Знамени Республики Афганистан». Об этом уникальном историческом событии тогда писали все центральные и многие местные советские газеты, а по телевидению прошла информация в теленовостях.

Наиболее яркой получилась заметка Михаила Кожухова корреспондента «Комсомольской правды», «Чтобы цвели сады», 22 апреля 1988 г.:

«Сегодняшний день войдет в историю нашего соединения, – гремит над строем бойцов голос командира. – Указом Президента Республики Афганистан за активное участие в защите Апрельской революции, за мужественное выполнение воинского долга наша бригада награждена афганским орденом Красного Знамени.

На церемонии награждения присутствует делегация Ленинского комсомола! По асфальту бригадного плаца чеканят шаг молодые воины: Мелодия «Белорусского вокзала» – их песня! – поднимается в бездонное афганское небо. Провинция Нангархар – это восток страны, тревожное пограничье. Следы необъявленной войны видны здесь повсюду – в разрушенных кишлаках, сожженных школах, на дорогах, разбитых воронками взрывов. Вооруженная оппозиция заметно активизировалась в провинции после того, как в Женеве были подписаны документы о политическом урегулирование ситуации вокруг Афганистана. Мятежники пытаются сорвать урегулирование, воспрепятствовать политике национального примирения, проводимой правительством Кабула. Но и местные власти не сидят сложа руки, налаживают нелегкий диалог во имя согласия и мира на этой земле. Нет, не абстрактные идеи защищали на востоке Афганистана советские воины-интернационалисты. Они защищали мальчишек из сиротского дома «Ватан», и местного ПТУ, рабочих, крестьян и ремесленников предприятия и школы – ростки новой жизни».

Так мой старый товарищ В.П. Поляничко, впоследствии погибший на Северном Кавказе, свое слово сдержал и помог нам реализовать принятое решение. Все это способствовало дальнейшему подъему морального духа личного состава советских войск и укреплению взаимопонимания и дружбы с афганцами. И я испытывал доброе чувство удовлетворения от сделанного.

Пусть с неизбежными субъективными и объективными издержками народы России и Афганистана соприкоснулись на каком-то историческом витке. Соприкоснулись, разошлись, оставив шрамы как заруб-

ки-напоминания друг о друге. Без мстительной ненависти со спокойно-мудрым уважением друг к другу.

Седую пыль дорог Джелалабада
К родному пограничью я принес.
Здесь отряхну — чужого ей не надо,
Земле, меня заждавшейся до слез.

Переступлю заветную границу,
К земле родимой прикоснусь щекой.
И оглянусь. И вновь увижу лица
Друзей, навеки остановленных войной...

Солдатский долг исполнен ими свято,
Ценою жизни выполнен приказ.
Но мать того, погибшего солдата
Простит ли нас, оставшихся в живых?!

А «воины-интернационалисты» в нашем народе стали называться «афганцами»: И я «афганец». Звучит это слово, хотя и без прежнего пафоса («интернационалист»), но с несомненным оттенком ветеранской доблести.

А это значит, что народ в глубине своего мудрого словотворчества дал достойную оценку нашей миссии за Гиндукушем. Солдатский патриотизм выражался не в словах, хотя и они важны. Солдат доказывал свою любовь к Отечеству самым серьезным «аргументом» — жизнью, и перед таким неоспоримым доказательством всякое умничанье о зря или не зря понесенных потерях просто кощунственно.

Несмотря на прожитые после этого годы, и то, что афганская эпопея навсегда ушла в историю, в наших жизнях и сердцах она живет до сих пор, как живут и пронзительные стихи, положенные на музыку:

Прощайте горы, вам видней,
Кем были мы в стране далекой.
Пускай не судит однобоко
Нас кабинетный грамотей.

НАША СПРАВКА

Беков Сергей Мажитович родился 27 ноября 1939 года в селе Верхние Ачалуки Малгобекского района Чечено-Ингушской АССР. Окончил Московскую Сельскохозяйственную академию имени К.А. Тимирязева, Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Кандидат сельскохозяйственных наук.

Работал бригадиром, главным специалистом, директором совхоза, первым секретарем Назрановского райкома КПСС, заведующим отделом сельского хозяйства и пищевой промышленности, затем секретарем Чечено-Ингушского обкома партии.

Дважды выполнял интернациональный долг в Афганистане в качестве советника ЦК КПСС в провинции Нангархар и советника оператив-

но-войсковой зоны «Восток» на границе с Пакистаном в 1982 – 1984 и 1986 –1988 годах.

С 1989 года – Председатель Совета Министров Чечено-Ингушского АССР. С 1992 года заместитель председателя Государственного Таможенного Комитета Российской Федерации.

С 2001 года – член Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации. Генерал-полковник таможенной службы, отмеченный званием «Почетный таможенник Российской Федерации».

Награжден пятью советскими орденами, двумя афганскими орденами и многими медалями.

Его биография включена в книгу «Солдаты XX века», т.2. М., 2001 г.

«ШТОРМ» ЧЕРЕЗ ВСЮ ЖИЗНЬ

Нас не увидишь на парадах:
Мы – не придворные войска,
В отрядах наших и бригадах
Готовность первого броска.
За целый мир спецназ в ответе:
Везде разведке есть дела, –
Прикажут нам, мы в Новом свете
Свои распустим купола...

Владимир КОШЕЛЕВ

Колесник Василий Васильевич родился 13 декабря 1935 года. Украинец. Мать преподавала в школе русский язык и литературу. Отец был главным агрономом. Колесник-старший начал разбивать первые чеки с 1939 года в Украине, в Миргородском районе Полтавской области. Семья переехала в деревню Алефировку. Здесь отец получил в свое распоряжение большой дом для оборудования лаборатории. В этом доме жила и большая семья Колесников.

Когда началась война, Колесник-старший принял все меры для эвакуации в первую очередь лаборатории и семенного фонда А семья эвакуироваться не успела. Отец и мать, коммунисты, ушли в партизанский отряд, а четверо детей остались на попечении дедушки и бабушки. Первый шторм на маленького Васю обрушился 6 ноября 1941 года. Родители пришли проведать детей, но по доносу какого-то предателя их и еще одного партизана гитлеровцы схватили прямо на улице. Отца и мать расстреляли на следующий день на глазах у детей и всей деревни. В последующем фашисты заживо сожгли деда.

В оккупации дети выжили благодаря бабушке, которая была сведуща в народной медицине и лечила жителей села. За ее услуги люди платили продуктами. В 1943 г., когда Миргородский район освободили от гитлеровцев, двух сестер Василия взяла на воспитание средняя сестра их

матери, а маленького Васю с братом забрала младшая. Ее муж был заместителем начальника Армавирского летного училища. В 1944 г. его перевели в Майкоп. Здесь Василий впервые увидел суворовцев и захотел стать одним из них.

В 1945 г. братьев приняли в Краснодарское суворовское училище. Василий попал в шестую роту, где были самые младшие по возрасту. Училище было укомплектовано замечательными преподавателями и офицерами-воспитателями, вкладывавшими в своих подопечных – «подранков войны» всю душу. С особой благодарностью Василий Васильевич вспоминал начальника училища Нерченко А.И., потомственного кубанского казака. Будучи кавалеристом, Нерченко безумно любил лошадей и такую же любовь привил своим малолетним подчиненным. У каждого суворовца была своя лошадь. Ребят обучали вольтижировке и джигитовке. От Алексея Ивановича никто из детей, которых он любовно называл «чадушки», никогда не слышал грубого слова. Питомцы Нерченко сохранили к своему наставнику сыновнюю любовь и часто навещали его вплоть до 1999 года, когда Алексей Иванович скончался в возрасте девяноста шести лет.

В 1947 г. училище перевели в Орджоникидзе. Сначала суворовцев разместили на территории пехотного училища, выделив несколько корпусов. По окончании «кадетки» суворовцев автоматически зачисляли на первый курс пехотного офицерского училища. Поступать в другие училища они не имели права. По сути, получалось, что суворовцы жили одной дружной семьей в течение десяти-тринадцати лет. Эта дружба сохранилась до сих пор, и выпускники «Орджо» ежегодно в День Победы собираются у станции метро «Кропоткинская» в Москве.

Нельзя сказать, что Василий был круглым отличником. Учебе в значительной степени мешала психологическая травма, полученная в детстве. Дело в том, что, став свидетелем расстрела своих родителей, Василий начал заикаться. Фельдшер училища посоветовала ему уходить туда, где его никто не мог услышать, и стараться как можно больше петь и протяжно кричать. Усиленными занятиями Колеснику удалось к окончанию суворовского училища уменьшить заикание. Но полностью избавиться от этого недуга Василий смог, уже став курсантом пехотного училища.

С чем у Колесника не было проблем, так это со спортом. Еще в СВУ Василий увлекся гимнастикой и акробатикой. Несколько позже стал заниматься стрельбой и бегом. Курсантом занял призовое место на соревнованиях среди училищ округа по бегу на марафонскую дистанцию. Выполнил нормы кандидата в мастера спорта по марафону и стрельбе. Со спортом Василий Васильевич не расставался никогда. Уже в войсках стал кандидатом в мастера спорта по многоборью и парашютному спорту, еще по десяти видам у него был второй разряд.

Курсант Колесник мечтал стать десантником. Дважды писал он рапорта министру обороны с просьбой перевести его в Алма-Атинское воздушно-десантное училище, но оба раза вместо перевода получал выговор за обращение к старшему начальнику не по команде.

Закончив училище на «хорошо» и «отлично», лейтенант Колесник получил распределение на Дальний Восток. В то время почти треть вы-

пускников написала рапорта с просьбой направить их для службы в этот регион. В Корее шла война, осложнились отношения с Китаем, и многие полагали, что на границе «пахнет жареным». Штаб двадцать пятой армии, куда был направлен молодой лейтенант, находился в Шкотово. Василию и еще восьми выпускникам начальник отдела кадров армии задал вопрос: не желает ли кто-нибудь прыгать с парашютом? Вызвался один Колесник. Заверил, что готов прыгать с парашютом в тыл противника. Так Василий Колесник попал служить в 92-ю отдельную роту специального назначения 24-й армии. Рота располагалась на станции Боец Кузнецов, и командовал ею старший лейтенант Владимир Бреславский. В подразделении по штату было сто двенадцать человек, из них девять офицеров и десять сержантов и старшин сверхсрочной службы. Колесник принял первый взвод, который, будучи разведывательным, в то же время готовил командиров отделений для других взводов роты.

Ответственность на командире такого подразделения лежит немалая. Сложность была в том, что многие предметы, которые входили в программу боевой подготовки отдельной роты спецназа, в пехотном училище не преподавали. Колеснику приходилось много работать над собой, постигая тактико-специальную и воздушно-десантную подготовку, минно-подрывное дело. Большую помощь оказал Василию ротный В. Бреславский – фанат своего дела. Учил он своих подчиненных до изнеможения. Василий Васильевич вспоминал, как при подготовке к занятиям по рукопашному бою он после приемов, демонстрируемых ротным, дважды терял сознание. Несмотря на желание прыгать с парашютом, лейтенант Колесник, как и всякий нормальный человек, побаивался высоты. Чтобы избавиться от этой боязни, взводный решил для начала совершать прыжки с высокого и обрывистого берега реки Сучан. Выбрав внизу подходящий сугроб, он командовал «За мной!» и первым прыгал с обрыва, сделав сальто. За командиром следовал и весь взвод.

Парашютные прыжки разведчики совершали на базе 37-го воздушно-десантного корпуса, которым с 1950 г. командовал генерал Маргелов В.Ф.. Этот корпус был особым объединением в Воздушно-десантных войсках. Кроме трех дивизий (13, 98, 99 вдд), в него входила 1-я военно-транспортная авиационная дивизия трехполкового состава с комплектом планеров Як-14, с большим количеством летного состава и пилотов-планеристов. Маргелов опекал разведчиков отдельной роты и неоднократно добивался передачи ее в состав корпуса.

В. Колесник рассказывал, как состоялась его первая встреча с Маргеловым:

– Где-то часов в десять мы прибыли на площадку приземления Украинка. К нам подошел Василий Филиппович и, весело поздоровавшись с нами, шутливо спросил:

– Чего это, товарищи десантники, скрючились как стариковский хрен? Выше голову, радуйтесь – на прыжки пришли.

Как-то само собой за шутками мы почувствовали себя бодрее. Так с благословения Маргелова в тот день я совершил свой первый прыжок. А затем и остальные пятнадцать прыжков с самолета Ли-2 с парашютом

ПД-47. В то время этот управляемый парашют имел один серьезный недостаток — при схождении купол складывался. Для неопытных парашютистов это было смертельно опасно.

После прыжков разведчики возвратились в свой гарнизон пешком через Сихотэ-Алиньский хребет. Общая протяженность перехода через горы и тайгу составляла приблизительно триста километров. Продовольствие выдали только на трое суток. Остальное разведчики должны были добыть сами. Испытание было очень тяжелым, но спецназовцы с задачей справились.

В сентябре 1957 г. поступила команда на передислокацию на Запад. Только в Москве Бреславский получил в ГРУ ГШ инструкции убыть с ротой в Польшу. Там на базе роты был развернут 27-й отдельный батальон. В батальоне по штату было более трехсот человек. Боевая подготовка в батальоне шла полным ходом, но по сравнению с Дальним Востоком здесь были определенные ограничения. Стрельбы и полевые занятия проводились только на специальном полигоне. В Северной группе войск ежегодно проводили первенство среди взводов и рот по спортивной и военной подготовке. В течение трех лет взвод Колесника держал первенство в СГВ.

За стабильно высокие результаты В. Колесник был назначен командиром роты. Это была высокая оценка заслуг молодого офицера, ведь в то время ротами командовали фронтовики. На момент назначения ротному не было еще и двадцати пяти лет. В течение последующих трех лет его рота считалась лучшей в Северной группе войск.

Но не стоит думать, что у Василия Васильевича все шло как по маслу. При первом поступлении в академию его завалили на экзамене по физике. Свою роль здесь сыграл возраст Колесника. Начальник отдела кадров откровенно признался, что комиссия дала «зеленый свет» тем офицерам, чей возраст не оставлял им шансов сделать вторую попытку. При этом Василия заверили, что в следующий раз его примут обязательно. Однако в батальоне сменился командир, с которым у Колесника отношения не заладились. Служебные вопросы здесь были не при чем, но тем не менее комбат навесил ротному, который гремел на всю СГВ, семь взысканий и отказал в поступлении в академию. Благо о Колеснике уже знал и командующий группой, и, конечно, начальник разведки. Именно он и вмешался, решив судьбу молодого офицера.

С поступлением в академию дорога Василию Колеснику к большой военной карьере была открыта. Он возглавил оперативно-плановое отделение, стал начальником штаба и командиром 15-й обр СпН.

В глубокой тайне, в 1979 г., в Чирчике на базе 15-й отдельной бригады специального назначения шло формирование, боевое слаживание 154-го оо СпН. Для выполнения спецзадач в Афганистане был сформирован так называемый «мусульманский» батальон. В боевой строй этой части стали 538 солдат и офицеров частей ВДВ и спецназа. Впоследствии они все носили афганскую военную форму: мягкие куртки и брюки из шинельного сукна, такие же мягкие кепи с козырьком. Советскими были оружие и удобные десантные ранцы РД-54, а также БМП и БТР. «Мусульманский» батальон выделялся среди других подразделений спецназа тем, что имел на вооружении бронетехнику (БМП-1 и БТР-60ПБ, ЗСУ-23-4) и

новую организационно-штатную структуру (кроме трех рот спецназа, он имел роту минирования и роту материального обеспечения, зенитный взвод, группу связи, взвод материально-технического обеспечения), позволявшие выполнять боевые задачи любого характера и автономно. Особым было и комплектование. В основном в нем служили уроженцы среднеазиатских республик (узбеки, туркмены, таджики). При таком национальном составе отряда практически не было проблем с языковой подготовкой, поскольку все таджики, примерно половина узбеков и часть туркменов владела фарси – одним из основных языков Афганистана. Кроме этого отряда, было сформировано два дублирующих в Закавказье (Лагадехи) и Среднеазиатском военном округе (Капчагай).

В августе сформированный отряд проверяла комиссия Генштаба и признала уровень боевой подготовки хорошим. В это время на личный состав в Москве уже шили униформу афганской армии, а также готовили необходимые документы. Каждый военнослужащий отряда имел легализационные документы установленного образца на афганском языке. С именами мудрить не пришлось – каждый пользовался своим. Это не должно было бросаться в глаза, поскольку в Афганистане, особенно в северных районах, много и таджиков и узбеков, да и туркмены тоже не редкость.

К тому времени афганское правительство и сам Амин неоднократно обращались к руководству ЦК КПСС с просьбой о вводе в Афганистан некоторого количества советских частей для стабилизации обстановки в городах и провинциях страны.

В стенах КГБ и Главного разведывательного управления Генштаба независимо друг от друга были подготовлены варианты использования спецподразделений. Опасаясь непредсказуемых действий Хамидуллы Амина, в Кабуле готовился переворот. Основную роль в этом должны были сыграть специальные группы офицеров КГБ «Гром» и «Зенит», а также «мусульманский» батальон.

Командиром был назначен майор Хабибджан Холбаев. Под руководством старшего офицера ГРУ полковника Василия Колесника и его заместителя подполковника Олега Швеца личный состав отряда до ноября 1979 г. готовился к предстоящим боевым действиям. Затем отряд был переброшен самолетами на авиабазу Баграм.

Личный состав, а также имущество отряда и предметы материального обеспечения, включая дрова, перевезли военно-транспортными самолетами Ан-12. Вся тяжелая техника была доставлена военно-транспортными самолетами Ан-22 «Антей» и Ил-76. Отряд две недели находился в Баграме, в 50 километрах от Кабула, где адаптировался к новым условиям.

13 декабря батальон прибыл к новому месту дислокации, на юго-западную окраину Кабула, в район Дар-Уль-Аман, имя которого ранее носил и сам дворец.

Окончательный план штурма дворца Тадж-Бек был составлен полковником Василием Колесником.

Через двадцать лет он сдержанно написал об этом:

— Главный военный советник генерал-полковник Магомедов и главный советник КГБ генерал-лейтенант Иванов предложили мне разработать свой план. План утвердили, и я был назначен руководителем операции. Началась непосредственная подготовка к операции. Я разработал конкретный план захвата дворца, а также зенитного полка. Полк должен был захватить инженерный взвод, усиленный двумя расчетами АГС-17. Гранатометчики должны были огнем отсечь личный состав от средств ПВО на позициях, а саперы под их прикрытием должны были выйти к орудиям и пулеметным установкам и уничтожить их подрывом. Этой группой руководил подполковник Олег Швец.

Заместителю командира отряда Сахатову я поставил задачу отобрать личный состав для захвата танков, закопанных у дворца. Для выполнения задачи требовались люди, способные водить танки и вести огонь из них в случае необходимости. Кроме танковых экипажей, в эту группу вошли четверо «комитетчиков», два снайпера и два пулеметчика. Всего двенадцать человек. На автомобиле ГАЗ-66 они должны были выдвинуться мимо расположения третьего батальона и захватить три закопанных танка.

1-я и 2-я роты отряда, а также приданная рота десантников под командованием старшего лейтенанта Валерия Востротина, должны были блокировать расположение 2-го, 3-го и расположение 1-го и танкового батальона, которые дислоцировались вместе, и не допустить их выхода из ППД. Первая рота под командованием Валерия Шарипова должна была доставить на своих плечах группы «Грома» и «Зенита» ко дворцу. Непосредственно штурм здания должны были осуществить группы спецназа КГБ совместно с двумя группами 1-й и 3-й роты.

План, отработанный на карте и подписанный мною, я принес для подписи Магомедову и Иванову. Однако, утвердив план устно, ни тот, ни другой свою подпись на план не поставили. Ясно было, что в то время, когда мы решали, как выполнить задачу, поставленную руководством страны, эти хитрецы думали о том, как избежать ответственности в случае неудачи нашей акции.

Тогда я в их присутствии на плане написал: «План устно утвержден Главным военным советником Магомедовым С. К. и Главным советником КГБ Ивановым Б. И. От подписи отказались», поставил время, дату и свою подпись, после чего направился в батальон, чтобы поставить задачи участникам предстоящего штурма. Вместе со мной в батальон прибыл и генерал Юрий Дроздов, который был назначен моим заместителем по руководству группами спецназа КГБ. Никто из исполнителей, кроме нас и Холбаева, не был посвящен в истинные планы, которые нам предстояло осуществить...

Операция, получившая кодовое название «ШТОРМ», началась. С наступлением темноты разведчики Холбаева занимали выгодные позиции у дворца. Захватывали огневые точки и снимали часовых. Общим сигналом к штурму всех объектов должен был стать взрыв «колодца» связи в районе площади Пуштунистана.

Информационная блокада должна была гарантировать сохранение в секрете всего, что начиналось в 19.15. Однако при блокировании склада боеприпасов разведчики были обстреляны вторым часовым, которого они

сразу не заметили. Сарбоз (солдат — *дари*) своими выстрелами переполошил всю охрану, и началась перестрелка. Но самый большой шум устроила группа Сахатова, которая, проезжая через расположение третьего батальона, увидела, что афганцам объявлена тревога. В центре плаца стояли комбат и его заместители. Личный состав получал оружие и боеприпасы. Мгновенно оценив ситуацию, Сахатов принимает решение захватить командование пехотного батальона.

Двигаясь на полном ходу, автомобиль с нашими разведчиками внезапно останавливается возле афганских офицеров, и через считанные секунды они лежали в кузове ГАЗ-66, который рванул вперед, оставляя за собой шлейф пыли. В первые минуты солдаты батальона даже не поняли, что произошло, но потом открыли огонь по удаляющейся машине, однако было поздно... Сахатов, проехав метров двести, остановил машину, спешил личный состав, который тут же залег и открыл огонь по атакующим солдатам охраны. Оставшись без управления, они наступали толпой и представляли собой прекрасную мишень для двух пулеметов и восьми автоматов разведчиков спецназа. Снайперы тем временем сняли часовых у танков...

Далее **Василий Колесник вспоминал**:

— Услышав стрельбу в расположении третьего батальона, я дал команду на начало операции, запустив серию ракет. Две «Шилки» открыли огонь по дворцу, а еще две — по расположению танкового батальона для того, чтобы не допустить его личный состав к танкам. Расчеты АГС-17 открыли огонь по расположению второго батальона, не позволяя личному составу покинуть казармы. 1-я, 2-я роты отряда и рота 345 опдп старшего лейтенанта Востротина на броне выдвинулись для блокирования батальонов бригады охраны, а 3-я рота совместно с группами КГБ «Гром» и «Зенит» устремилась ко дворцу.

Было 18.25, когда чекисты и разведчики бросились в атаку. Командир группы «Гром» Романов вместе с разведчиками капитана Шарипова и чекистами двигались на боевых машинах пехоты. Фактор внезапности был потерян.

С первых минут боя «Шилки» открыли огонь по дворцу. Эту ситуацию Вавсилий Колесник оценивал так:

— К моменту проникновения во дворец наших штурмовых групп на девяти БМП «Шилки» должны были прекратить огонь. Но в этот момент один из бронетранспортеров упал в канаву, и его командир своими просьбами о помощи «забил» нашу рабочую частоту. Управление временно было потеряно. Для прекращения огня «Шилок» пришлось, как в старину, отправить посыльного. Из-за этой заминки «Шилки» некоторое время били по дворцу, когда в нем уже работали наши группы». Бойцы КГБ и ГРУ прорвались ко входу во дворец. Непрерывная канонада заглушила команды командиров и отборный русский мат, которым отлично пользовались мусульмане для подъема морального духа. Чтобы отличить в темноте своих от чужих, на левую руку надели белые повязки. Но их разглядеть в кромешной тьме было не так просто. А вот русские ругательства обеспечивали лучшую безопасность. Чекисты не смогли самостоятельно захватить второй этаж, и полковник Григорий Бояринов запросил подмогу из числа разведчиков спецназа. Разведчики

сумели овладеть вторым этажом. Забросав гранатами помещение, они ворвались в комнату Амина. Тело убитого Амина после боя похоронил в одном из окопов замполит отряда Саттаров.

Через сорок минут бой в самом дворце стих. Однако вокруг здания и в городе он еще продолжался и прекратился не скоро. Часть подразделений продолжала оказывать сопротивление. Так, с остатками 3-го батальона наш отряд воевал еще сутки, после чего афганцы ушли в горы. Основная же часть афганских солдат и офицеров сдалась в плен. Всего было пленено около 1700 человек.

Пока шел бой во дворце, Сахатов со своей группой захватил один из танков охранения дворца и двинулся к Генштабу, но был обстрелян нашими десантниками, которые его к этому времени уже захватили. Поскольку спецназовцы были одеты в афганскую униформу и ехали на афганском танке, десантники без лишних слов шарахнули по танку из «Мухи». Сахатов со своими спешился и, нещадно матерясь, объяснил, что они свои. Услышав родную речь, десантники огонь прекратили.

Вечером следующего после штурма дня всех руководителей операции чуть не уложил пулеметной очередью советский солдат.

Из воспоминаний руководителя опреации полковника Василия Колесника:

— Возвращаясь на аминовском «мерседесе», мы были обстреляны недалеко от здания Генштаба, которое охраняли десантники. Первым заметил странные вспышки на асфальте и сообразил, что они означают, Олег Швец. Он выскочил из машины и покрыл часового отборным матом. Это было лучше, чем пароль. Вызвали начальника караула. Появившийся лейтенант для начала получил от Швеца в ухо, а лишь потом выслушал порядок применения оружия часовым на посту. Мы подошли к машине, в капоте которой зияло несколько пулевых отверстий. Немного выше — и ни меня, ни Эвальда Козлова в живых бы точно не было. Юрий Иванович Дроздов подошел к лейтенанту и негромко сказал: «Спасибо тебе, сынок, что ты своего солдата стрелять не научил». После этого инцидента мы приехали в наше расположение, и для того, чтобы снять нервное напряжение, выпили четыре или пять бутылок водки. Но стресс был настолько сильным, что водка нас не взяла. Несмотря на две бессонные ночи и бой, я так и не смог заснуть.

Общие потери подразделений КГБ и ГРУ за время операции составили 32 человека. В первые минуты штурма из 22 бойцов группы «Гром» 13 получили ранения. Девять ранений получил Сергей Голов, но наперекор судьбе остался жив.

9 января 1980 года батальон спецназа вернулся в СССР. Похоронили с воинскими почестями семерых убитых, направили в госпиталь Туркестанского военного округа 36 раненых.

28 апреля 1980 года Президиум Верховного Совета подписал секретный указ о награждении отличившихся офицеров и солдат за успешное выполнение специальных заданий командования. Звания Героя Советского Союза были удостоены четыре человека, среди них Колесник Василий Васильевич. 370 военнослужащих 154 оо СпН были награждены боевыми наградами. Семь разведчиков стали кавалерами ордена Ленина, в

том числе Халбаев, Сахатов, Шарипов, хотя их Колесник представлял к званию Героя Советского Союза. Девять человек были награждены орденом Красного Знамени, в их числе были замполит отряда – капитан Сатаров А.С. и подполковник Швец О.У.. Около шестидесяти человек наградили орденом Красной Звезды и еще почти триста человек – медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Эта первая боевая операция советского спецназа в Афганистане вошла в энциклопедию специальных операций мира. Ее изучали и будут изучать еще многие поколения разведчиков. Она была талантливо спланирована менее чем за трое суток и проведена менее чем за час.

Главное разведывательное управление всегда отличалось незаурядной скромностью. Именно вследствие ее главные исполнители этого одноактного спектакля более десяти лет оставались в тени.

Жизнь же этого легендарного человека, насыщенная многими драматическими эпизодами, служит примером для многих поколений разведчиков. К счастью, ему при жизни отдали должное, он стал генерал-майором и до 1997 г. был начальником направления специальной разведки ГРУ Генштаба. Но испытания на прочность Колесник проходил постоянно. В период первой войны в Чечне он потерял сына Михаила, который капитаном, командиром роты спецназа, попал в Грозный из Приморья.

– Сам я служил в военной разведке, в ГРУ, – рассказывал немногословный Василий Васильевич. – а когда мой сын решил поступать в Рязанское воздушно-десантное училище, я был категорически против. Но он с детства мечтал о десанте. Учился он на факультете спецназа, служил на Дальнем Востоке, в Уссурийской бригаде. За несколько дней до того, как их должны были отправить в Чечню, Миша позвонил мне и сообщил об этом. И он сказал: «Папа, ничего не предпринимай!» Хотя я бы и не стал никуда звонить.

Хотя уберечь сына от Чечни было элементарно: командир бригады на Дальнем Востоке – мой бывший подчиненный. Да и в ГРУ достаточно людей, которые мне в той или иной степени обязаны. Миша попал в Чечню 18 января 1995 г., а погиб на следующий день, 19-го... 20-го утром мне об этом сообщили. Тяжело, было очень тяжело...

Дружба – залог силы духа и успехов в жизни и работе. Кто не ищет дружбы с ближним, тот себе заклятый враг. И один в поле воин, если он не одинок в жизни. А порядочность, как говорится в Кодексе разведчика, безусловное соблюдение профессиональной этики разведчика – надежность, чувство плеча товарища и взаимовыручка. Все это органично входит в образ жизни спецназовца. Поэтому горестный день гибели капитана М. Колесника стал поводом для создания 22 февраля 1995 г. в Москве общественной организации Взаимопомощи основателей спецназа армии.

Прошли годы, и если сначала в Афганистане – в Кабуле, Джелалабаде, Кандагаре, Лошкаргахе, затем в Таджикистане и на Кавказе командирами частей спецназа стали бывшие воспитанники Колесника, которые продолжили его дело. По вечерам, когда они собирались в товарищеских компаниях, непременно поднимались традиционные тосты: «За Батю!», «За Василия Васильевича Колесника!».

В «ПРИФРОНТОВОМ» ЧИРЧИКЕ

Уносит нашу юность ветер,
Восточный ветер — на войну...
Рычит семидесятый бэтэр
Псом верным в злую тишину».
В. КОШЕЛЕВ

В начале января 1980 г. из Кабула вернулся «мусульманский батальон», офицеры, прапорщики, сержанты и солдаты которого получили боевой опыт, потеряли погибшими 7 человек и 36 раненых. Никто из моих сослуживцев не мог предполагать тогда, что начавшаяся Афганская война будет такой длительной. Поэтому многие стремились попасть туда, как можно скорее, искренне воспитанные в духе интернационализма и советского патриотизма они побаивались, что не успеют сделать главных дел в своей жизни. Но этой войны хватило на несколько поколений солдат и офицеров. Одновременно с эйфорией встречи фронтовиков и милитаристским угаром, охватившим коллектив, на базе 15 обр СпН началось формирование новой секретной части для Афганистана — 459-й отдельной роты специального назначения. Курировал формирование роты полковник ГРУ Блохин А.П.. Командиром роты назначили одного из лучших офицеров бригады, выпускника РВВДКУ капитана Латыпова Рафиса Рафаковича (впоследствии получил тяжелое огнестрельное ранение и отправлен в Союз. После окончания академии им.Фрунзе служил в оазведывательном управлении ЛенВО). Латыпову было доверено отобрать из штата бригады офицеров и прапорщиков, однако после пережитого сокращения в 1978 г. сделать это было крайне сложно. Тогда для доукомплектования штата подразделения, командованием ГРУ было отправлено распоряжение во все бригады спецназ ГРУ об отборе и откомандировании необходимого количества специалистов. Москва же и утвердила этих четырех офицеров.

Задача была выполнена. Штат заполнили: заместителем командира роты Виктором Боевым, замполитом Сергеем Михальковым, командирами групп Григорием Ивановым, Евгением Тишиным (впоследствии генерал-майор), Владимиром Сомовым (представлялся к званию Героя Советского Союза), Михаилом Лукомским. Группу связи возглавил Шаламов. Заместителями командиров групп стали лучшие чирчикские прапорщики Дрек, Жевноренко, Рязанов, которые, как и офицеры первого набора, показали себя настоящими спецназовцами и фанатами своего дела.

Согласно штату рота насчитывала сто двадцать человек. Под контролем командования бригады, Рафис Латыпов сумел сформировать подразделение и провести боевое слаживание. Весь месяц рота интенсивно занималась боевой подготовкой, впитывая опыт героев штурма дворца Амина.

Из их рассказов раскрывалась запутанная ситуация реальной военно-политической обстановки в стране и условия выживания в зимних условиях высокогорья. В начале февраля в Кабул улетела группа лейте-

нанта М. Лукомского для подбора места дислокации подразделения. Основной состав ротной колонны пересек границу с ДРА 4 февраля 1980 г., и выдвигался в столицу в колонне частей разведки 40-й армии. Впоследствии отдельной роте пришлось более 600 раз «гастролировать» на всей территории Афганистана подобно свободному охотнику, подчиняясь воле вышестоящих начальников. «Часто задачи командирам групп спецназа 459 ор СпН ставил лично маршал Ахромеев С.Ф., — писал генерал Гредасов Ф.И., — докладчиками итогов боевых действий первому заместителю начальника генерального штаба были командиры групп капитан Сомов и старший лейтенант Боев... Эта рота героическая...». Через нее прошли многие ветераны 15-й бригады командиры Боев, Иванов, Москаленко, Губанов, Кириченко, Долотказин, Ладейщиков, Вабул, Кушкис, Акулич, Хоршунов и другие.

Замена выслуживших свой срок солдат кабульской роты осуществлялась за счет личного состава прошедшего подготовку в 15-й бригаде и 1071-го учебном полку спецназ (г. Печоры, ЛенВО). Личный состав роты проявил достойное мужество и героизм. Первым орден Красного Знамени в роте получил заместитель командира роты старший лейтенант В. Боев. А всего за войну более 800 офицеров и солдат 459 ор СпН награждены орденами и медалями. 34 военнослужащих роты погибли в боях (первый — рядовой Горщук Михаил, 28.08.80 г., последний — рядовой Подмосковный Игорь, 22.08.1987 г.). Не вернулись живыми с афганской войны офицеры 459-й роты капитаны Ковалев Борис и Якименко Валерий, лейтенанты Адиев Фанус и Зубов Валентин, прапорщики Бельский Геннадий, Кокарев Николай, Пешков Андрей и Самсонов Дмитрий.

Позже в Афганистане стали воевать батальоны, и там были свои масштабы и свои герои. Многие результаты разведгрупп 459 ор СпН на их фоне кажутся сейчас незначительными, но они были первыми тогда и единственными спецназовцами в 40-й армии. Такими и вошли в историю...

15 августа 1988 г. 459-я отдельная рота специального назначения выведена в Самарканд. В настоящее время на ее базе сформирован отряд спецназ Министерства обороны Республики Узбекистан.

* * *

Летом 1980 года из Москвы пришел Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении участников операции «Шторм-333» и торжественно были вручены первые ордена и медали за Афганскую войну. Более 300 военнослужащих 15-й бригады тогда были награждены государственными наградами, среди них командир бригады полковник Овчаров А.А. и начальник штаба бригады подполковник Стекольников А.М. — орденами Красной Звезды, начальник политотдела и начальник тыла бригады майоры Тибенко И.И. и Турбуланов В.А.— орденами «За службу Родине в ВС СССР» III степени, группа офицеров штаба и начальников служб — медалями «За боевые заслуги».

К весне 1980 г. обстановка в Афганистане осложнилась настолько, что потребовалось решительные меры со стороны Министерства оборо-

ны СССР. После кровопролитных боев с мятежниками в восточных провинциях страны все острее обсуждался вопрос слабой подготовки наших войск в борьбе иррегулярными вооруженными формированиями в горно-пустынной местности. Ведь такая задача была возложена на Внутренние войска МВД СССР, а соединения и части Министерства обороны предназначались для борьбы с внешним врагом – регулярными войсками противника. Даже десантники введенной в Афганистан Витебской дивизии (103вдд) не знали особенностей горной войны и нуждались в дополнительном обучении. По приказу министра обороны генерал-лейтенанту Гредасову Федору ивановичу было поручено провести показательные занятия с командным составом соединений ТуркВО и 40-й армии в учебном центре Келета под Ашхабадом. На сбор для демонстрации тактики спецназа и... методике рукопашного боя, в котором явно не было необходимости, были привлечены подразделения 15 обр СпН. Особое внимание начальник разведки Сухопутных войск уделил инструктажу группы руководителей частей 103 вдд по тактике спецназа. Однако одного сбора было явно недостаточно, и тогда по инициативе генерала Гредасова, Генеральным штабом было принято решение направить в Афганистан инструкторов-специалистов для обучения командного состава 103-й вдд.

В начале июля 1980 г. в Чирчик прибыли офицеры из бригад спецназ ГРУ со всего Советского Союза для работы инструкторами и специалистами в частях воздушно-десантных войск, находящихся в Афганистане. Представитель ГРУ полковник Сазонов на месте укомплектовал три группы. В каждой группе было по пять офицеров – три командира отряда спецназ, один связист спецрадиосвязи (для опреативной связи с Центром) и один сапер. 14 июля 1980 г. два десятка офицеров спецназа ГРУ вылетели в Кабул. Прибывших специалистов лично инструктировали маршал Ахромеев и начальник разведки Сухопутных войск генерал-лейтенант Федор Гредасов. На совещании в 103-й дивизии приняли решение от каждого полка выделить по одному батальону для обучения тактике спецназа. Группу от 15-й бригады определили в 317-й парашютно-десантный полк. В эту группу входили майоры Стодеревский, Ильин, Богдан, старший лейтенант Кондратьев и лейтенант Евдокимов. Итоги обучения радовали не только командование. Высокое мнение о проведенных занятиях специалистами спецназа высказывал бывший начальник разведки 103-й воздушно-десантной дивизии.

Из воспоминаний начальника разведки 103 вдд полковника Михаила Скрынникова:

– Впоследствии действия наших «караванщиков» были высокопрофессиональными. Операции проводились практически без потерь. И за это они должны быть благодарны офицерам Главного разведывательного управления, вложивших много труда в подготовку десантников. Офицеры из состава батальонных тактических групп были обучены организации засад в составе подразделения, могли при необходимости самостоятельно решать задачи по перехвату караванов в пустынях, горах и зеленых зонах, вести боевые дей-

ствия в любых условиях. Да и в дальнейшем приобретенный опыт помогал им грамотно организовывать боевые действия на любой местности днем и ночью. Постепенно эти батальоны стали использоваться командованием 40-й армии и пехотными командирами в трудных ситуациях как палочки-выручалочки. Жаль, что в российской армии нет таких организационно-штатных структур и таких хороших, всесторонне подготовленных батальонов. После завершения Афганской войны прошло более 20 лет, и почему-то забыт приобретенный боевой опыт.

Несколько иное мнения об обучении высказал самокритичный полковник **Игорь Стодеревский**:

— Я считаю, что свою задачу по подготовке подразделений 103-й вдд мы до конца не выполнили. Спецназовцев за два месяца не подготовишь, даже из таких прекрасных ребят и профессионалов как десантники. По большому счету занятия мы проводили не больше месяца, так как состоялись несколько боевых операций. Материальной базы ноль. Уж если хотели переучить, надо было вывести батальоны в Союз минимум сроком месяца на три. А вообще-то каждый должен заниматься своим делом. И правы были офицеры-десантники, когда говорили нам: «Если вы такие ассы — приезжайте и работайте здесь со своими подразделениями.

Видимо, в Москве это тоже поняли. Однако после моего отъезда в Союз, замполит Г.Новоселов мне писал, что они успешно применяют то, чему я их учил. Дай то бог, если это спасло жизнь хоть одного солдата, значит, командировка не была напрасной.

Вскоре все военные специалисты благополучно вернулись в Чирчик. В 1981 году за успешное выполнение специального задания командования все участники командировки в Афганистан были награждены орденами Красной Звезды.

Осенью 1980 г. на базе 15-й бригады проводились испытания разведывательно-сигнализационной аппаратуры РСА «Реалия», датчики которой фиксировали передвижение противника и передавали его на устройство приема и отображения информации, находящееся за несколько десятков километров. Проводили испытания спецназовцы и противопехотного неконтактного взрывного устройства НВУ-П «Охота», обеспечивающего бесконтактный подрыв (сейсмодатчик) пяти мин ОЗМ-72. Испытания прошли отлично и РСА «Реалия» и НВУ-П «Охота» широко применялись в Афганистане вплоть до вывода ОКСВ из Афганистана.

7 ноября 1980 г. 15-я бригада вторично участвовала в параде войск Ташкентского гарнизона, посвященного очередной годовщине Великого Октября. До этого, будучи засекреченным соединением, она в парадах не участвовала, как метко тогда отмечал поэт Владимир Кошелев: «Нас не увидишь на парадах: мы не придворные войска, в отрядах наших и бригадах готовность первого броска». Но воздушно-десантных частей уже не осталось и потому, с молчаливого согласия начальника штаба округа, к праздничному параду в Ташкенте были привлечены подразделения 15 обр

СпН, которые отлично прошли перед общественностью столицы Узбекистана в голубых беретах.

В декабре 1980 г. полковник Овчаров Александр Алексеевич убыл к новому месту службы в Московский военный округ. Бригаду принял его заместитель – начальник штаба бригады полковник **Стекольников Анатолий Михайлович**, который четыре года, помимо боевой подготовки занимался обеспечением личным составом и материально-техническим снабжением подразделений, воюющих в Афганистане. Начиная с 1980 по март 1985 гг. лучшие воины из числа солдат, сержантов, прапорщиков и офицеров 15-й бригады выполняли интернациональный долг в Афганистане. Они принимали участие в боевых действиях в составе ограниченного контингента советских войск в комплекте частей разведки 40-й общевойсковой армии и даже армейской авиации. Так, к примеру, лейтенант Александр Слепов, в последующем подполковник, преподаватель кафедры специальной разведки Новосибирского военного командного училища, служил в Афганистане начальником парашютно-десантной службы вертолетного полка, а затем в разведроте 5 мсд. Многие офицеры исполняли обязанности в качестве военных советников в частях «Коммандос» республиканской армии ДРА. Подавляющая часть из них была награждена орденами и медалями.

В декабре 1984 года командование бригадой принял подполковник **Бабушкин Владимир Матвеевич**, исполнявший до этого обязанности заместителя командира бригады. Новый комбриг родился 7 марта 1949 г. в Ташкенте. Отец – ветеран войны часто находился на лечении в госпитале в Ташкенте. В 1966 г. окончил среднюю школу № 91 и поступил в Бакинское высшее военно-морское училище. Однако учеба не сложилась по причине землетрясения в столице Узбекистана и возвращения уроженцев города на восстановление в Ташкент. Вернувшихся курсантов зачислили в штат Ташкентского общевойскового командного училища им. Ленина, учебу в котором Бабушкин окончил в 1971 г. и был откомандирован в Уральский военный округ. С 1971 по 1974 гг. – командир разведывательного взвода и разведывательной роты 324 мсп (г. Пермь). С 1974 по 1978 гг. в г. Арамиль Свердловской области командует отдельной ротой СпН УрВО. С февраля 1978 по сентябрь 1979 гг. – командир учебного мотострелкового батальона на БМП в 78-й Сивашской мсд (г. Чебаркуль, Челябинской области), с 1979 по 1982 гг. – слушатель разведфака (группа спецназ) Военной академии имени Фрунзе. С 1982 по 1984 гг. – заместитель командира бригады в Чирчике (сменил подполковника Агапонова Л.В.). С декабря 1984 по апрель 1986 гг. – командир 15-й бригады СпН.

15 обр СпН В АФГАНИСТАНЕ В ПОЛНОМ СОСТАВЕ

В марте 1985 г. подполковник Виктор Бабушкин ввел управление, штаб 15-й бригады и отряд спецрадиосвязи на территорию Афганистана. Соединение получило открытое наименование 1-я отдельная мотострелковая бригада, войсковая часть полевая почта 71351, позывной «Бретань».

В период командования бригадой подполковником Виктором Бабушкиным зона ответственности бригады имела ширину до 800 километров и глубину до 250 километров, протянувшись вдоль границы с Пакистаном от провинции Кунар до провинции Пактика. В состав бригады вошло четыре отдельных отряда спецназ: 154 оо СпН (ППД окрестности Джелалабад), 177 оо СпН (ППД окрестности Газни), 334 оо СпН (ППД окрестности Асадабад) и 668 оо СпН (ППД окрестности Бараки). Под непосредственным руководством подполковника В. Бабушкина проведены крупные операции в провинциях Нангархар и Кунар по захвату и уничтожению укрепрайонов «Гошта» и «Карера» совместными действиями 154 и 334 оо СпН, дшб 66 омсбр и 335 обвп, а также другие значимые специальные операции.

Боевая операция по захвату УР «Карера» в марте 1986 г., вызвавшая международный скандал из-за переноса боевых действий на территорию Пакистана, послужила поводом для отстранения комбрига от исполнения обязанностей и досрочного возвращения в Союз. Офицеры — участники операции в корне с таким решением вышестоящего командования не согласились, но кто учитывал их мнение...

С августа 1986 по 1988 гг. полковник Бабушкин В.М. — старший офицер разведуправления Ставки Юго-Западного направления. С 1988 по 1991 гг. — заместитель начальника управления кадров Ставки Юго-Западного направления. С 1991 по 1993 гг. — начальник штаба — заместитель командующего войсками ПВО Юго-Западного направления. С апреля 1993 г. в отставке. Награждён орденами Красного Знамени, Красной Звезды, «За службу Родине в ВС СССР» III степени и многими медалями. Проживает в г. Воронеж. Женат. Имеет сына и дочь.

Подполковнику Бабушкину В.М. замену нашли быстро. В составе группы офицеров ГРУ, работавших в Афганистане, находился старший офицер направления специальной разведки 5-го управления полковник Старов Ю.Т.. Офицер опытный и умудренный жизнью, до этого командовавший двумя бригадами спецназ в Германии и Одесском военном округе. Кандидатура полковника Юрия Старова во всех отношениях была подходящая, и начальник ГРУ генерал армии Ивашутин и приказал назначить его на должность командира 15 обр СпН. В апреле 1986 г. новый комбриг принял должность и громадное боевое наследство, которое укрепил достойным командованием соединением до конца 1990 года.

Юрий Тимофеевич Старов родился 7 ноября 1940 г. на Южном Урале в городе Магнитогорске. Отец прошел войну командиром разведроты и рано ушел из жизни от последствий многочисленных ранений. Поэтому вполне логично, что Юрий пошел по стопам отца. С 4-го класса учился в

СВУ. После окончания Московского ВОКУ был направлен для дальнейшей службы в 26-й отдельный отряд спецназначения в ГСВГ, на базе которого в 1963 г. была развернута 3-я гвардейская обр СпН. Затем в 3-й отдельной гвардейской Варшавско-Берлинской Краснознаменной ордена Суворова III ст. бригаде специального назначения командует учебной ротой спецназ. За успехи в боевой подготовке награжден орденом Красная Звезда и назначается командиром отряда спецназ. 1969 – 1972 гг. – слушатель академии им. М.В. Фрунзе. После окончания академии продолжает службу командиром отряда, начальником оперативно-разведывательного отделения, начальником штаба 2-й бригады спецназ (г. Псков, Ленинградский военный округ). Командует 10-й бригадой спецназ (г. Старый Крым, Одесский военный округ). С ноября 1983 по январь 1986 гг. – командир 3-й гвардейской Варшавско-Берлинской Краснознаменной ордена Суворова III ст. бригады специального назначения (округ Ной-Бранденбург, Группы советских войск в Германии). С января 1986 по апрель 1986 гг. – старший офицер направления специальной разведки ГРУ ГШ ВС СССР. С 20 марта по 20 мая – первая командировка в Афганистан в составе оперативной группы под руководством генарала армии варенникова В.И. (ответственный за специальную разведку ГРУ ГШ). С октября 1986 г. по март 1990 г. – командир 15-й бригады спецназ. Под его командованием бойцы-спецназовцы бригады только за один 1987 г. уничтожили 332 каравана с оружием и боеприпасами, захватили 290 единиц тяжелого оружия, 80 переносных зенитно-ракетных комплексов (в том числе 6 ПЗРК «Стингер» и 2 ПЗРК «Блоупайп»), 30 пусковых установок неуправляемых реактивных снарядов, 15 тысяч противотанковых и противопехотных мин, 8 миллионов боеприпасов к стрелковому оружию. Принимал участие в десяти армейских операциях. В мае 1988 г. в результате четкого планирования и организации марша без потерь вывел соединение в Союз в город Чирчик.

За успешное выполнение специальных заданий командования и проявленное при этом мужество и героизм полковник Юрий Старов награждён двумя орденами Боевого Красного Знамени, афганским орденом Боевого Красного Знамени и многими медалями.

Указом Президента Республики Афганистан № 136 от 03.02.1988 15-я бригада под его командованием награждена высшим военным орденом Боевого Красного Знамени.

Это единственный и уникальный случай награждения афганской государственной наградой советской воинской части. Соединение и все отдельные отряды спецназ, входящие в бригаду награждены Почетными Красными знаменами НДПА. С 1990 г. до увольнения в запас в 1992 г. – сотрудник ГРУ ГШ ВС СССР и РФ. Проживает в Москве. Женат. Имеет сына.

Биография полковника Старова Ю.Т. включена в престижные энциклопедические справочники «Солдаты XX века», М.2001г., выпущенного Российским Комитетом ветеранов войны и военной службы совместно с Ассоциацией «Международный объединенный биографический Центр» и «Спецназ России», М.2007г.

После ввода 15-й обр СпН в Афганистан, с марта 1985 г., на освободившейся ею военном городке был развернут 467-й отдельный учебный полк специального назначения ГРУ ГШ, которым командовали ветераны 15-й бригады полковники Хабиб Холбаев, Иван Крот, Евгений Тишин. По итогам учебного года полк неоднократно награждался переходящим знаменем Военного Совета ТуркВО.

Среди воспитанников полка трое военнослужащих спецназа – старший лейтенант Олег Онищук (выпускник Киевского ВОКУ 1982 г.), сержант Юрий Исламов и рядовой Валерий Арсенов посмертно стали Героями Советского Союза.

Всю Афганскую войну через военный городок 15-й бригады и 467-го учебного полка спецназ осуществлялась ротация офицерских кадров из других соединений и частей ГРУ в части и соединения спецназ, воюющие «за речкой». С ними проводились занятия по специфике предстоящих боевых действий, а молодыми офицерами прибывшими из «непрофильных» военных училищ проводились сборы по воздушно-десантной подготовке.

Война в Афганистане показала возможность самостоятельного боевого применения частей и подразделений специального назначения. Стало ясно, что действия разведывательных органов специального назначения при ведении вооруженной борьбы против иррегулярных вооруженных формирований и при выполнении других специальных задач выходят за рамки разведывательного обеспечения боевых действий. Боевое применение частей специального назначения стало самостоятельной составной частью действий ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Выходило оно за рамки обеспечения и позже – в Чечне. К сожалению, высокое начальство в Министерстве обороны не желает признавать «специальные действия разведподразделений» самостоятельным видом боевых действий.

Как вели специальные действия разведывательные подразделения отдельных отрядов спецназ 15 обр СпН в Афганистане рассмотрим дальше.

154-й ОТДЕЛЬНЫЙ ОТРЯД СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ
1-й отдельный мотострелковый батальон

МУСУЛЬМАНСКИЙ БАТАЛЬОН СНОВА НА ВОЙНЕ

Потом наступит покаяние...
Сейчас уходим на задание —
Приказ, как цель, и ясен путь,
И не сойти, и не свернуть.
Ночь озарит на миг ракета,
Как жизнь людская, как комета,
Но это вовсе не салют —
Ура! Вперед... на Божий суд!

В. КОШЕЛЕВ

Со второй половины 1980 года деятельность разведывательных органов 40-й армии активизировалась. Разведывательные данные стали более достоверными и конкретными. В связи с этим начался переход от рейдовых действий (результаты которых были в значительной мере непредсказуемы) к действиям по точным разведывательным данным против конкретных групп и отрядов противника.

Уже 3 июля 1980 г. командующий 40-й армией отдал приказ об организации в соединениях, частях и отдельно стоящих батальонах дежурства боевых подразделений для немедленного реагирования на полученные разведывательные данные. Поскольку в Афганистане советские подразделения могли действовать только совместно с афганскими, в ближайших афганских гарнизонах также имелись соответствующие дежурные силы.

В конце 1981 г. предпринимаются шаги по увеличению группировки разведывательных органов. В Афганистан вводятся два отдельных отряда спецназ ГРУ для действий в северном и центральном районах страны. Одним из них вновь стал «мусульманский батальон» — 154 оо СпН.

Директивой начальника Генерального штаба ВС СССР №4/372 от 21.10.1981 г. седьмому отряду 15-й обр СпН было присвоено наименование — 154-й отдельный отряд специального назначения (воинская часть полевая почта 35651, позывной «Пахта»).

Отряд, уже в новом составе, под командованием майора Стодеревского И.Ю., 30 октября 1981 г., вновь пересек государственную границу с Афганистаном в районе Термеза. 154 оо СпН и для афганской войны имел открытое наименование — 1-й отдельный мотострелковый батальон, ставший более известным в широком кругу «афганцев», как «Джелалабадский» батальон спецназ (по последнему месту дислокации отряда с 1984 по 1988 гг. в окрестностях Джелалабада, на востоке Афганистана).

ОПЕРАЦИЯ ПОД ДЖАР-КУДУКОМ
6.12.– 8.12.1981 г.

В ряду газетных публикаций и статей аналитического характера, посвященных истории Спецназа, и, в частности, 154-го и 177-го отдельных отрядов специального назначения, остался в тени период боевых действий с 1981 по 1984 годы.

Недостаточно сведущие историки пишут о том, что, якобы, в это время находящиеся в ДРА отряды спецназа осуществляли охрану трубопровода, идущего из Союза, что, мягко говоря, не соответствует истине и вызывает неудовлетворение у ветеранов Спецназа. Для того, чтобы восстановить историческую правду и вывести из забвения, было написано несколько статей: «Неприступных ущелий не бывает», «Засада», «Кули-Ишан» и другие, в которых уже рассказывалось о том времени и тактике действий подразделений разведчиков.

Опыт боевых действий Спецназа в первые и последующие годы Афганской войны неопровержимо доказывает, что подразделения и части Спецназа ГРУ всегда были востребованы командованием 40-й армии и находились на острие главных ударов многих армейских операций. Не всегда это было оправданно, но в расчет всегда ставились уникальные боевые и психологические качества военнослужащих нашего Спецназа, который оправдывал свое назначение...

Самая первая крупная боевая операция отряда из Чирчика, переформированного из легендарного «мусульманского батальона», состоялась через месяц после ввода в Афганистан. В декабре 1981 года подразделениями 154-го отряда спецназа, во взаимодействии с мотострелками, был взят в бою кишлак Джар-Кудук, который являлся базой по подготовке моджахедов Северного фронта.

О том, как это произошло, рассказали участники тех событий: командир отряда, в то время майор Игорь Стодеревский, и замкомвзвода 3 роты, в то время старший сержант, Владимир Листопад. Дополняя друг друга, они сумели в деталях восстановить те события. Воспользовался я и дневником комбата – этим уникальным в своем роде историческим свидетельством о человеке и о времени, о котором так немного, в сущности, дошло до нас подлинных документов, тех самых, которым мы даем сейчас название «человеческий документ». Без них трудно понять то время. Как сказал Бунин, – «Нет ничего лучше дневника... Тут жизнь, как она есть...»

Из дневника командира 154 оо СпН Игоря Стодеревского:

«В 21.00 29 октября 1981 года начали переход государственной границы и закончили в 1.30 (по ташкентскому времени) 30 октября, когда последняя машина вышла на афганскую землю. Марш колонны, состоящей из более 200 единиц техники, проходил очень тяжело, потому что было много чужих машин. В 7.00 прибыли в район 122-го мотострелкового полка, а затем прошли через Мазари-Шариф в определенный нам район. С генералом Винокуровым облетел район на вертолете. Обустраивались. В ночь на 1 ноября во время

перестрелки получил тяжелое ранение старший лейтенант В.Н. Михалев. Начали боевую деятельность: отправил на операцию вместе с десантно-штурмовым батальоном две группы, одной из них командовал брат Юрий (командир группы лейтенант Ю.Ю. Стодеревский). Утром 2 ноября сообщили о смерти Михалева. Жаль Владимира — отличный был офицер, золотой медалист, спортсмен, человек незаурядных способностей. Ему досталась одна из первых пуль. Отец — военный, родители живут в Москве. Отдал приказ — «Прекратить разворачивать лагерь!» Прилетал генерал-полковник Гареев, выслушав мой доклад, согласился с моим решением и разрешил самому выбрать новое место дислокации отряда. Летал на вертолете на рекогносцировку, выбирал пункт постоянной дислокации. Согласно плану разведывательно-боевой деятельности три роты спецназа ушли на операции. Вечером 3 ноября привезли одного раненого разведчика...

4 ноября во время прочесывания местности недалеко от лагеря обнаружили банду. Во время скоротечного боя убили 4 душманов и девятерых взяли в плен.

6 ноября продолжаем разбивать лагерь. Настроение предпраздничное. Испекли первый хлеб. Сделали освещение и произвели первую помывку в бане. Политработники прокрутили личному составу первый фильм.

7 ноября. Праздник провели в боевых хлопотах. Рота на БМП под командованием старшего лейтенанта Посохова убыла на поиски губернатора провинции Джаузджан. Нашли его в кишлаке Менганжик, в условиях полной блокады, с оружием в руках и уже потерявшим всякую надежду на спасение. Как оказалось, он небольшими силами держал оборону от наседающих духов. Разведчики сбили заслоны душманов, уничтожив в бою 15 басмачей. Пять человек взяли в плен. Захватили трофеи, интересно, что среди стрелкового оружия оказалось шесть английских карабинов Бур-303 (7,71-мм («.303 британский») карабин Lee Enfield в различных модификациях выпускался в Великобритании и других странах с конца XIX до 50-х годов XX вв. — Прим. ред.). Забрав на броню губернатора, на обратном пути при возвращении в ППД, попали в засаду и потеряли разведчика рядового Евгения Горбунова, уроженца Красноярского края...

20.11.81 г. В районе кишлака Тимурак наша колонна попала в засаду. Душманы расстреляли бронетехнику из гранатометов, а затем раненых добили выстрелами в упор — в лицо, а одному перерезали горло и вспороли живот. Среди погибших лейтенант Андрей Слепцов и солдаты Шиварев, Чегодаев, Эшонов, Мшибаев, Бабиев. Останки всех убитых отправил в Кундуз вертолетом...»

Воспоминания ст. сержанта Владимира Листопада:

— Первую операцию под Джар-Кудуком я запомнил в деталях... К тому времени мы уже обжились в походных условиях недалеко от Акчи. Бытом своим мы, солдаты, были очень даже довольны, несмотря на зимние условия, у нашего взвода была отличная теплая палатка. Топилась печурка, которую сначала топили дровами, с этой целью нам привезли, уж не знаю откуда, несколько машин сосновых бревен. Вместо физзарядки мы, играючи, пилили и кололи их на дрова, а потом наши умельцы-техники сделали форсунку из

канистры битого КамАЗа, и совсем милое дело стало — топили печку соляркой. В боевом плане познакомились и с местностью, пошерстили духов под Акчой, Шибарганом, Балхом, там, где бандиты били наши колонны. Появилась уверенность в себе и товарищах.

Накануне операции, где-то, по-моему, 3 декабря, среди белого дня на дороге две наши машины (БМП и БМД) налетели на итальянские противотранспортные мины. Взрыв под нашей машиной произошел под шестым катком, вырвал его, расколол поддон двигателя, заклинил башню. Мой взводный лейтенант С.Н.Калмыков (впоследствии погиб 6.06.82 г.) мне говорит: «Листопад, садись в башню подорванной машины и расстреляй все боеприпасы».

Я долго в ней сидел, набравшись терпения, наблюдал в прицел и за 1-1,5 минуты, что попадали в радиус обстрела бородатые владельцы английских карабинов, бил по ним из пулемета, а также два раза ухнул из пушки, пока ее совсем не заклинило. Очень я этой охотой был доволен, так как с пользой расстрелял боезапас, а заодно и потренировался...

Перед операцией мы двое суток были в режиме ожидания. Стояли в танковом батальоне под Шибарганом. Там на выезде еще стояли наши пограничники, афганский военный госпиталь и царандой. В городке наших специалистов комбат договорился о бане и мы все по очереди, меняя друг друга, помылись и попарились. Мужики, наши специалисты-газовщики, относились к нам очень хорошо, даже квас в парилку приносили. На местной киноустановке прокрутили нам несколько фильмов, то есть все было по-людски. Неопределенность раздражала, скорее хотелось в дело, в бой. Погода была мерзкая: низкая облачность, моросящий дождь, ветер.

Из дневника командира 154 оо СпН Игоря Стодеревского:

«5.12.81 г. Сидим, ждём погоды, готовимся и изучаем вместе с командирами и политработниками аэроснимки укрепления базы Джар-Кудук. Крепкий орешек получается. Уточняем боевые задачи и последовательность действий, а также порядок докладов».

Воспоминания ст. сержанта В. Листопада: Начались подвижки, как только стало светать, небо очистилось, прилетели вертолеты Ми-8 и Ми-6. Запомнил крайний инструктаж комбата: «Запомните ребята! С местным населением вести себя достойно. Духов — бить! Наша сила в дерзости и десантной стремительности. Пленных не расстреливать. Стрелять до того, как он поднял руки, а если после этого в него выстрелишь, — знай, ты преступник, и я тебя отдам безжалостно под трибунал!».

Наконец — взлет и мы стремительно полетели над землей. Друг друга в воздухе не видели. На самом подлете к цели в иллюминаторы увидели вооруженных всадников, которые прямо с коней стреляли по нам. В ответ и мы ударили по ним из пулеметов и автоматов. Я видел, как двое наездников от нашего огня упали, а остальные поскакали прочь. Вертолетчики шли по курсу, и догонять их не думали. Не долетая до объекта два или три километра, вертолеты подсели, и мы на ходу десантировались. Кто не прыгал из вертолета груженый под завязку, не сможет себе представить это «удовольствие» — особое чувство тревоги — шаги в неизвестность.

После десантирования, каждая группа под руководством офицеров самостоятельно начала выдвижение на заранее определенные высоты. Сначала шли цепью как на учениях, а тут, как из-под земли, появился Стодеревский, который никогда не ругался матом, а тут он как даст: «Мужики, вашу мать, в бою все передвижения бегом!». И дал очередь над головами.

После такой политработы мы взбодренные и проникнутые чувством высокого патриотизма поскакали на указанные нам рубежи. Кстати, эта стремительность определила победу и многим спасла жизни, но мы это оценили уже после боя.

Кишлак и база мятежников находились в предгорье, среди высоких сопок, в 60-80 км юго-западнее Шибаргана.

Наш взвод вышел на высоту правее КП батальона. Только залегли, отдышались, как мне ротный приказывает: «Заберешь отделение управления роты и бегом к комбату». Я, Вася Чупковцов, мой земляк из Донбасса, радист и два молодых бойца побежали на высотку, где располагался на боевом гребне майор Стодеревский и какой-то генерал с позывным «Гром». Когда мы подбежали к командованию, то с левой стороны, где находился царандой, по нам начали стрелять. Громкий голос комбата перекрывал канонаду: «Я «Чимган», доложите обстановку», — а потом громко заматерился в эфир в адрес зеленых и те стрелять прекратили.

Мне поставили задачу занять оборону на склоне, обращенному к кишлаку, ползком мы заняли указанную позицию и залегли за валунами, огляделись...

Вид открывался замечательный, но не в плане красоты. Отсюда хорошо просматривался весь кишлак. Он был разделен на две части каньоном небольшой речки. И речушка-то так себе, метров 7 шириной, но она оказалась для нас серьезным препятствием. Глубина была где-то до 2 метров, а местами не глубже щиколотки. Однако в обрывистых берегах были укрытия, в которых скрывались душманы. Но мы с этим столкнулись чуть позже, когда началось прочесывание...

По данным разведки на базе готовили гранатомётчиков и связистов. За полгода до операции её уже пытались взять силами нашей пехоты и афганскими подразделениями, но ничего не вышло, понесли потери и отступили.

Из дневника командира 154 оо СпН Игоря Стодеревского: *«В операции под Джар-Кудуком принимали участие:*

а) Бронегруппа 122 мсп, наша бронегруппа (в которую входили все боевые машины отряда, кроме двух БМД, которые десантировались с нами по воздуху, и в лагере остался резерв из 10 машин), батальон 122 мсп (неполного состава), артиллерия ствольная, батарея «Град», батальон царандоя. Бронегруппой командовал заместитель командира 201-й МСД подполковник Самсонов. Все эти силы выполняли в операции роль «наковальни».

б) Десантная группа:

154 оо СпН — без одной роты и без бронетехники; мотострелковый батальон 122-го полка.

Операции предшествовали хорошая подготовка всего личного состава и разнообразные дезинформационные мероприятия, которые отвлекали противника на другие объекты.

1.12.81 г. Вечером прилетел генерал-майор Гришин с оперативной группой, а также пришли подразделения 122 мсп из Таш-Кургана, прилетело и 30 вертолётов. Спецназовцам объявили, что они пойдут на десантирование на кишлак Сары-Пуль (который находится около 60 км южнее Шибаргана).

2.12.81 г. Подразделения полка ушли утром на Сары-Пуль. Мы сидим в готовности к десантированию, — ждем вертолеты, но погода не дала сделать это и тогда мы пошли своим ходом. В Сары-Пуль не входили, афганцы перед ним стояли уже двое суток. Был приказ в Сары-Пуль не входить, но одному моему взводу командование дало ошибочные координаты, и он проник в расположение духов, оказался в центре кишлака Сары-Пуля. Переночевали. Утром разобрались, командир группы мне доложил. Я приказал, — в бой не вступать и выходить обратно. Эти отвлекающие мероприятия сыграли свою роль.

3.12.81 г. Пошли назад из Сары-Пуля в Шибарган, но дорога оказалась заминированной и на минах подорвались две бронемашины: ранило лейтенанта Дудко (командира взвода 2 роты), он пострадал больше других — получил перелом обеих ног.

6.12.81 г. Десантировались под Джар-Кудуком:

Одна группа под командованием моего заместителя Посохова (в составе усиленной 1-й роты спецназа, командир старший лейтенант Волчецкий) десантировалась западнее Джар-Кудука, прямо под опорный пункт противника, на двух вертолётах Ми-6 (я десантировался южнее и хорошо видел, как наши ребята бежали в лоб на ДЗОТ и траншеи. Хотя подъемчик был приличный, вверх по крутому склону поднялись энергично. Как мы и рассчитывали — духи нас не ждали. В опорном пункте в тот момент было всего человек 15 душманов (дежурная смена), но со стороны кишлака к ним бежало на помощь еще человек 50. Наши ребята, под огнём, добежали быстрее, потеряв двух человек убитыми. Если б замешкались, все бы полегли. В ДЗОТе был ДШК, но душманам он не помог, так как они не ожидали такой стремительной атаки и не сумели организовать отпор.

2-я рота, во главе с командиром Войтенко, десантировалась восточнее Джар-Кудука, судя по аэрофотоснимкам, здесь, якобы, были самые мощные укрепления, но на деле оказалось, что таковые были у Посохова. С востока сопки были пониже и не такие крутые, потому эта рота сопротивления здесь практически не встретила.

Я с 3-й ротой (командир старший лейтенант Частухин) на двух Ми-6 десантировался юго-западнее Джар-Кудука. Наш подлет и десантирование произошло чуть раньше остальных. Увидев нас, около двухсот душманов выскочили из кишлака и пошли толпой в атаку. Были они от нас метров 500-600. В одном вертолёте у меня было 40 человек, а в другом две БМД, мы их быстро разгрузили и метров с 300 из всех шести пулемётов как дали... Естественно, душманы такого огня не ожидали — ноги в руки и назад в кишлак...

Мы заняли высоту, которая господствовала над долиной (шириной около 1 км), которая шла от кишлака на юг в горы. Со мной был представитель командования армии генерал-майор Гришин (как позже говорили, он приходился племянником первому секретарю МГК (Московского горкома) КПСС).

Затем высадился батальон 122 мсп (без роты), они перекрыли долину. Мы прочесали часть кишлака, кишлак был крупный, состоялись скоротечные

ожесточенные бои, в ходе которых захвачено много оружия и уничтожено много мятежников.

Из воспоминаний ст. сержанта Владимира Листопада:

— С 13.00 наша рота, выполняя приказ комбата, скорым шагом, а кое-где и бегом, вошла в кишлак для его прочесывания и выявления моджахедов. Сопротивление противника носило очаговый характер, вспыхивали яростные перестрелки. Пули свистели под ухом и чмокались рядом в землю. Когда мы спускались с горки, пришлось залечь, так как открыл огонь из пещеры не выявленный ранее пулемет ДШК. «Сварку» от его выстрелов видно не было, так как он располагался в глубине укрытия. Пока обнаружили его, несколько человек получили ранения. Эта огневая точка перекрывала вход на несколько центральных улиц кишлака, и его надо было срочно заставить замолчать. Лейтенант Калмыков мне говорит: «Листопад, займись!»

Я отдал свой автомат молодым солдатам, взял две «Мухи» (реактивная противотанковая граната РПГ-18 «Муха». — *Прим. ред.) и пополз к дувалу. Взводный с ребятами меня прикрывали отвлекающим огнем. Изловчившись, я перепрыгнул через дувал, залег, затаился, осматривая место, откуда могут стрелять. Нашел ту пещерку, хотел сразу стрельнуть, но было очень плохо видно, и за мной очень близко располагалась стена, если бы стрельнул, то получил по затылку струей газов своей РПГ. Прополз еще немного вперед. Я находился несколько снизу, стрелять было крайне неудобно, но все же ударил одной гранатой и, как мне показалось, вроде точно.*

— Володя, прими чуть ниже! — Кричат мне пацаны.

Легко сказать, прими ниже, если б можно было, так бы и сделал, — подумал недовольно я. Но прицелился как советовали и вторая граната достигла цели — пулемет замолчал. Как потом оказалось, граната угодила аккурат в броневой щиток и поразила осколками и кумулятивной струей весь расчет.

В этот момент вдруг бойцы, лежащие за мной, стали дико ржать. Что случилось, чем я их рассмешил? — подумал я.

А оказалось, в момент второго выстрела, сзади подошел невесть откуда взявшийся любопытный ишак и его ударило реактивной струей. Он сидел контуженный на заднице и как пьяный мотал головой, а уши опустил как две тряпочки. Бедное животное... Мы ушли, а этот бедолага так и остался сидеть на месте...

Идем по узким улочкам кишлака и вдруг вблизи сарая — залп, почти в упор, оглушительный и ужасный в другое время, но не теперь; то была минута наибольшего душевного подъема, я думаю, что всем, как и мне, хотелось в этот момент рычать, метать гранаты, колоть, бить прикладом. И когда под мои ноги упал раненый замполит роты, я досадливо перескочил через него, обозленный, что он задержал меня на мгновение.

Однако остановился и помог Ермакову. Пуля или осколок попали ему в ухо. Кровь хлестала неудержимой струей на погон и левый рукав. Мальчишка, он был моложе меня, испугался своей крови и запаниковал:

— Вовчик, помоги.

— Ничего страшного, товарищ лейтенант, — говорю я ему, — Снимай каску, я тебя перевяжу. — Я быстро дрожащими руками неумело перевязал раненого, и лейтенант пошел с нами дальше, пугая окружающих своей нелепой повязкой и жутким окровавленным видом.

Опять началась интенсивная стрельба, побежали. Когда добежали до сарая, — слева слышу — очередь, повернулся и увидел убегающего душмана. Дал ему вслед длинную очередь, снял гранату и метнул ее в сарай. Пошли дальше...

Из калейдоскопа тех событий память высвечивает, как мы зашли в бедную хибарку. У порога нас встретил древний старик и дети десяти-двенадцати лет. В комнатах бедность и полумрак. В подсобном помещении около тонны зерна. Вышли на двор и тут обнаружили россыпь из нескольких свежестреляных гильз.

— Ага, ребята, кто-то тут есть? Кто-то только что стрелял? Пошли обратно.

Осмотр повторили. На этот раз начали шомполами тщательно прощупывать зерно и нашли — откопали молодого парня с оружием. Бойцу ислама от роду было 16 — 18 лет, он был худощав и тщедушен. Несмотря на слабое физическое развитие, он вдруг закричал: «Аллах Акбар!» и, вытащив из-за пояса кривой нож, бросился на нас в рукопашную схватку.

Однако силы были явно неравны. Наш богатырь 24-летний боец, бывший шахтер Вася Чупковцов с улыбкой вышел ему навстречу и всего один только раз огрел душка, как тот упал как подкошенный. Забрали у него оружие, а когда бача пришел в себя, пинками выгнали его на улицу. В тот момент там проезжала наша броня, на которой сидел замкомвзвода сержант Алешка Шворнев, собирающий трофеи. Ему и сдали нашего «языка» для передачи хадовцам (сотрудникам МГБ Афганистана. — Прим. ред.).

Когда завершали осмотр северо-восточного квартала, вышли к каньону реки. На противоположном берегу сидела и лежала группа наших пехотинцев из мотострелкового полка, что шли за нами во втором эшелоне. «Осторожнее, ребята, — закричали они нам, — под вами на берегу духи».

Я, подавив инстинкт самосохранения, заглянул вниз, и, мельком разглядев несколько фигур, — почувствовал, как мне показалось, как возле моей головы пробуравили воздух несколько свинцовых трасс. Боевой азарт не покидал, я вытащил «феньку» (осколочная граната Ф-1. — Прим. ред.) и, не глядя, бросил ее примерно в то место, где засек моджахедов. Однако высота была небольшая и они, изловчившись, видимо, успели отбросить гранату от себя. Тогда, вырвав кольцо второй гранаты, я отпустил спусковой рычаг, и после этого, просчитав про себя «пятьсот двадцать один», швырнул смертельный бакшиш (подарок — дари) вниз. На этот раз взрыв точно поразил несчастных. Пехотинцы, наблюдавшие за нами с противоположного берега, радостно закричали и трое из них стали спускаться на берег речушки для осмотра тел и сбора возможных трофеев.

А мы пошли дальше.

— Володя, давай осмотрим их, — предложили бойцы.

— Не гусарское это дело, — небрежно бросил я им через плечо, — пошли к ротному.

А старший лейтенант Частухин с командиром отделения сержантом Мирзоевым, таджиком по национальности, стояли с небольшой группой старейшин, державших в руках транспарант на красном куске материи и портретом Ленина. Ротный что-то резко им говорил, а сержант переводил. Мы не успели еще подойти к ним, как раздались очереди и афганцы упали на землю, сраженные пулями. Все разбежались в разные стороны — ища укрытие. Кто и откуда стрелял по ним, я не понял до сих пор.

— Чего встал, сержант, — бросил мне сквозь зубы старший лейтенант, — идите по дворам!

Зашли в ближайший дом. Сразу бросилось в глаза большое количество мужчин и всего одна пожилая женщина с тремя испуганными девочками лет 10-13, прятающимися за юбку бабушки. Несколько человек солдат осталось во дворе с задержанными мужчинами, а мы, сопровождаемые истошными криками и причитаниями хозяйки, начали досмотр. Ничего подозрительного в доме не нашли. Однако, оттащив хозяйку от сундука, который она обхватила руками и, взломав его запор, увидели штабную документацию исламского комитета, партийные билеты, списки и пачки денег, стянутые резинками. Вынесли сундук во двор. Вытряхнули его. На дне, помимо бумаг, оказалось еще несколько стволов оружия и боеприпасы. Мирзоев приступил к допросу задержанных, поскольку стало совершенно очевидно, что это руководители, — ухоженные лица и бороды, приличные дорогие накидки и чалмы, чистые руки без грязи под ногтями. Один из них начал грубить Мирзоеву. Что он ему сказал я не понял, а потом и не спросил, но сержант явно занервничал. Однако надменность в поведении и разговоре афганцев с нами враз сбил подошедший ротный, который без всяких слов ударил строптивого афганца прикладом автомата по шее, ниже затылка. Тот, нелепо взмахнув руками, упал.

— Уберите его отсюда, — скомандовал нам ротный.

Мы подхватили бесчувственное тело и бросили его на кучу верблюжьей колючки, собранной хозяевами для растопки.

— Загружайте оружие и документы, — приказал ротный.

Мы навьючили на двух самых крепких пленников найденное оружие и мешки с пайсой (деньгами — дари), а затем связали им за спиной руки. Другие понесли документы исламского комитета.

Сколько разных картин! Какие темные силы из глубины души поднимает адреналин боя?! Не помню, сколько времени прошло... Начало смеркаться и мы получили по радио приказ вернуться на командную сопку. Сдали Шивареву трофеи, документы, пайсу.

Подошел комбат и первым делом к замполиту:

— Что с тобой, ранен, серьезно? Снимай каску.

Стодеревский сам лично стал помогать Ермакову, а потом, неловко дернув за конец бинта, оторвал повязку от раны. Лейтенант охнул, опять хлынула кровь, а Игорь Юрьевич ему сказал: «Пустяки, до свадьбы заживет. Иди в медпункт».

— Какой хрен наложил такую дурацкую повязку? — с раздражением и иронией в голосе спросил нас комбат.

— Старший сержант Листопад!— ответил я.

— Двойка тебе по военно-медицинской подготовке. Ну все, хоп майли (ладно — дари)! Занимайтесь! — раздраженно махнул рукой командир и ушел к командному пункту. По нему заметно было, что он очень болезненно переживал понесенные потери, вот почему лично осмотрел всех остальных раненых.

В нашей роте в тот день, 6 декабря, погиб мой приятель — командир отделения младший сержант Лешка Щеголев из Забайкалья. Произошло это неожиданно, когда чистили кишлак и в него подло, сзади, выстрелил дух. Пуля вошла ниже поясницы, а вышла на уровне груди. Леня в течение десяти минут еще не терял сознание, хотя был в шоковом состоянии, но спасти его было невозможно...

Нам удалось отомстить за него. Мы нашли того стрелка. Это был иранец средних лет, преподаватель центра, опытный инструктор по стрелковой подготовке. Тут же, несмотря на запрет комбата, после короткого допроса его и грохнули...

Во время прочесывания произошел курьезный случай. Командиру группы лейтенанту Юрию Стодеревскому (младшему брату комбата) из роты Войтенко, пуля из английского карабина попала в живот. Удар был такой силы, что офицер упал навзничь и очень сильно ударился спиной. После некоторого замешательства и осмотра, разобрались — смертельный металл угодил в корпус гранаты Ф-1, висевшей на поясе, и расколол его, потеряв убойную силу. Так чугунная оболочка гранаты спасла лейтенанту жизнь.

После ужина мы с бойцами ушли на усиление на левую сопку. Взводный приказал развернуть захваченный пулемет ДШК, навести его на кишлак и при обнаружении огневых точек — уничтожать духов без дополнительных команд.

Хотя и стемнело, но было беспокойно. Слышно было непрерывное движение, мужские гортанные голоса, подававшие команды, иногда на короткое время зажигался огонь. Мы стреляли из ДШК по тому, что видели до тех пор, пока не кончились боеприпасы. Ночь была холодной, беспокойной и бессонной...

Из дневника командира 154 оо СпН Игоря Стодеревского:

«2 часа ночи, 7.12.81 г. Душманы пытались прорвать окружение атакой из соседних кишлаков нам в спину. Атаку отбили, здесь хорошо поработали АГС-17 (30-мм автоматические станковые гранатометы), под командованием командира взвода лейтенанта Иванова, а затем нанесли удар по ущелью батареей «Град». Батарея стояла севернее Джар-Кудука километров в десяти. Снаряды летели над кишлаком и нашими головами и рвались в ущелье. После этого душманы больше не совались. Всю ночь над кишлаком авиаторы вешали осветительные бомбы, а артиллеристы стреляли осветительными снарядами и минами».

Утром следующего дня войска вернулись чистить кишлак. На улицах о первом дне напоминали только начавшие пухнуть трупы животных: верблюдов, ишаков, лошадей, да отметины от пуль и осколков на глиняных стенах дувалов. Для предотвращения лишних жертв среди местного насе-

ления женщины и дети были выведены из кишлака и собрались около командного пункта отряда (всего человек 300), на ночь Стодеревский определил их в крайний, самый большой дом.

Из воспоминаний командира группы Юрия Стодеревского:

— Люди собрались перед домом и загалдели, а во двор не заходят. Слышу, говорят по-туркменски, а я ведь с детства на погранзаставах с отцом жил среди туркменов и знаю этот язык хорошо. Поэтому, когда ко мне подошла пожилая туркменка и начала рассказывать, что внутрь зайти невозможно, во дворе собака, я ее хорошо понял и пошел к людям сам. Действительно, во дворе меня встретил громадный рычащий волкодав, бросившийся было на меня. Зная повадки собак, я смело пошел ей навстречу — главное не показать, что ты ее боишься. Она почувствовала это и кинулась назад, но остановленная рефлексом службы опять встала в дверях дома: глухо рыча, распушив шерсть и приготовившись к прыжку. Как я не пытался ее отогнать, она самоотверженно охраняла доверенное хозяйство. Пришлось ее пристрелить. После устранения этого препятствия местные жители со словами благодарности зашли в дом. Та сторожевая собака оказалась единственным живым существом, которое я лично убил в Афгане.

Местное население кишлака, вышедшее из зоны боев в течение дня, советские солдаты кормили с подошедших походных кухонь. В ходе второго дня прочесывания бои продолжались и были обнаружены еще три исламских комитета и много схронов с оружием. Взяли в плен или уничтожили большое количество мятежников.

О напряжении второго дня операции ***Владимир Листопад вспоминал:***

— В ходе второго дня по нам пристрелялся снайпер. Появились убитые и раненые среди пехоты. По радио вышел Стодеревский и говорит командиру: «Ну что вы б..., разобраться некому, кто стреляет с вашего фланга?»

— Ложись, рассредоточиться, смотри, откуда стреляет снайпер! — Командует нам взводный.

Лежим наблюдаем.

— Ага. Вижу, выстрел из окна дома! — Дал я целеуказание.

Расстояние большое 800 метров, у духа, вероятно, был «Бур-303» (прицельная дальность стрельбы до 1510-2550 м, в зависимости от модели — *прим. ред.), а нам стрелять было труднее. Долго мы охотились за ним, но все ж срезали. Дух в чалме аж выпал наружу. Вскоре по радио вышел комбат, и Калмыков передал: «Комбат все видел. Сказал: — Молодцы, удачный выстрел!»*

Из дневника командира 154 оо СпН Игоря Стодеревского:

«8.12.81 г. Ночь прошла беспокойно. С наступлением утра снова обработали кишлак авиацией и артиллерией, и прочесали. После обеда завершили операцию, проверили личный состав и вышли колонной на Шибарган».

Из воспоминаний ст. сержанта Владимира Листопада:

По итогам операции у нас никого не наградили. Через двадцать лет я узнал, что хотя бы погибшие Михаил Калинин, Рашид Рахматулин, Леонид Щеголев, были награждены орденами Красной Звезды. Правда, нас, срочни-

ков, вместе с офицерами тоже представляли, знаю точно, так как мне говорил замполит роты:

— Ну, что, Вовчик, готовь дырочку, тебя комбат к ордену представил.

— Да ладно вам, товарищ лейтенант! — ответил я тогда.

Однако хотя я и порадовался, но награду не получил, так как в это же время «отличился» в дисциплинарном плане. Водители привезли водочки и мои земляки пригласили ночью отметить мой будущий орден. Хотя все было сделано конспиративно, но меня утром выдал «перегар»... Комбат этого не терпел. Суровый был командир...

— За пьянку я бы ордена не лишил, — опровергает И. Стодеревский. — Это две разные вещи: заработал награду — получи, а вот если проштрафился — в яму...

Тем более что оформляли и отправляли наградные бумаги сразу. Могли зарубить в Кабуле, в Ташкенте или в Москве. Я точно не помню по количеству, но награжденные за Джар-Кудук были и солдаты, и офицеры. Ведь это была наша первая крупная операция и первые награжденные.

Офицеры и солдаты за участие в боях представлялись к наградам согласно «Статута орденов и медалей». У нас награждение осуществлялось так: после операции сначала собиралось руководство отряда и командиры подразделений и решали, кто чего достоин, а затем штаб оформлял представления на награждение, в двух экземплярах, одно — в штаб 40-й армии, а другое — в штаб ТуркВО. Что правда, то правда, чиновники в штабах часто документы задерживали, а иногда и «теряли». Кроме того, сложилась порочная практика награждения государственной наградой на ступень ниже. Например, отправляли на орден Красной Звезды, а приходит медаль «За отвагу» и т.д. Тогда мы стали подавать на ступень выше.

Первые полгода с наградами было очень тяжело. Один большой начальник мне тогда сказал: «Если жена мужа на кухне сковородкой убила — это подвиг, а то, что вы делаете — это ваша работа!»

Серьезно занялись наградами с лета 1982 г. Начальник разведки ТуркВО прилетел в отряд и лично разбирался, кого за что наградили, а если не наградили, то почему? Лично на меня он приказал оформить документы на два ордена, но получил я один. Другой затерялся...

Не все награждались посмертно, а только погибшие в бою. За ранения к наградам не представляли, только строго по статуту. Так что каждая награда многого стоит.

Из дневника командира 154 оо СпН Игоря Стодеревского:

«После операции и меня, и батальон обвинили «за глаза» в каком-то мародерстве. Полковник Лобадзе, из разведуправления ТуркВО, приезжал разбираться, у нас многие тогда объяснительные писали. Михаил Николаевич в обиду нас не дал, а при разборе высказался:

— Спецназ не должен привлекаться к несвойственным ему функциям, тогда и сплетен не будет. Я Стодеревского знаю с 1971 года и его людям верю.

А ещё после операции было много пленных, около двухсот человек, и мне приказали, чтоб мои бойцы их расстреляли. Я категорически отказался:

— Я не палач, с безоружными воевать необучен.
Но их все равно порешили, вроде бы свои же».

Общие итоги операции в Джар-Кудуке впечатляли: разгромлен центр подготовки специалистов; ликвидированы исламские комитеты; убито — 290 душманов; только разведчиками отряда спецназа взято в качестве трофеев 197 единиц стрелкового оружия, кроме того, пулеметы ДШК, много патронов, мины (итальянского производства).

При этом потери отряда составили трое убитых, четверо тяжелораненых.

В те дни на улицах Шибаргана личный состав отряда спецназа встречали большие группы афганского населения с транспарантами на русском языке «Да здравствуют освободители!» Мы тогда все это считали вполне естественным, так как делали опасную и трудную работу и испытывали от победы большое внутреннее удовлетворение.

Мы не ощущали в поведении афганцев никакого восточного лукавства, так как хорошо знали, что некоторая часть их действительно искренне верила, что на наших штыках будет построено новое общество. Они заблуждались так же, как и мы...

Из воспоминаний командира 154 оо СпН Игоря Стодеревского:

— В городах и больших населенных пунктах нас, в основном, поддерживали. Там стояли наши или афганские гарнизоны. А в кишлаках оказывали только негласную поддержку, так как говорили, — вы уйдете, а душманы ночью придут и вырежут всю семью. Активисты и отряды самообороны помогали нам при проведении операций, а часто при нашей поддержке проводили их сами. Когда мы стояли в Айбаке, то помогли открыть школу. В нашем медпункте отряда два раза в неделю бесплатно лечились местные жители. Мы часто ездили в гости к гражданским и военным руководителям районов и провинций, а они приезжали к нам. Наш личный состав имел хорошую физическую подготовку, и мы пытались тягаться с афганцами в развитым у них волейболе. Но, увы, ни разу не выиграли.

Были среди афганцев люди, преданные нам до последнего дыхания, особенно из числа тех, кто пострадал от духов. В Акчу из неблагополучных кишлаков мы вывезли несколько десятков семей, которым грозила смерть, так как их мужчины были активистами или служили в правительственной армии. А еще припоминаю случай: ночью к нам приехал и сдался заместитель крупного бандглаваря. Оказалось, он убил своего курбаши за то, что тот надругался над его сестрой. Мы провели операцию и за трое суток вытащили его семью, и тем самым спасли ее от неминуемой гибели.

Кто знал, что бойцам нашего отряда придется «отдавать свои интернациональные долги» еще очень долго — до 18 мая 1988 года. Если б тогда кто сказал об этом, то не поверили бы. А как оказалось, гражданская война следом за нами пришла из Афганистана на территорию бывшего Союза. Она до сих пор полыхает во многих ее точках. Уже длительное время мы наблюдаем в Чечне ситуацию, при которой федеральные силы и бандформирования с переменным успехом бьют друг друга. И часто ситуация напоминает Афганистан.

У Басаева, как известно, тоже есть «второй фронт», который растворился среди местного населения (воспоминания автора записаны в 2001 году — *прим. ред.*).

Сегодня, как и двадцать лет тому назад в Афганистане, самая трудная задача — выявить в городах и селах глубоко зарывшиеся там террористические структуры. Похоже, что и после стольких лет войн и потерь пока никто не знает, где то «золотое сечение» политических, экономических и военных споров, которое помогло бы скорее принести мир на многострадальную афганскую землю.

А в этих условиях полезно помнить о том, как наши соотечественники выполняли свой воинский долг. В их ратных делах и личных поступках соленая горсть опыта, политого кровью, и который бесценен.

ЗАСАДА

Это было так недавно и не в сказке,
А война, как совершившаяся быль,
Где лицо солдата застывало в маске,
Что в Афгане высекала злая пыль.

В начале лета 1982 года войсками 40-й армии при взаимодействии с вооруженными силами ДРА, органами ХАД и Царандоя проводилась операция в провинциях Парван и Каписа по ликвидации мятежных формирований, которая хорошо известна общественности как Пандшжерская операция. В общем плане операции были задействованы все боевые части и соединения армии, в том числе почти весь личный состав 154-го отряда, который в тот период находился на боевых в зоне своей ответственности в районе Айбака (Саманган).

В пункте постоянной дислокации оставалась только 3-я рота спецназа, которая осуществляла охрану завода в Мазари-Шарифе. Наш противник тоже воевал по единым согласованным планам и, воспользовавшись отсутствием основных сил, так надоевшего им отряда спецназа, решил покончить с небольшой ротой *шурави*. О том какие драматические события сопровождали это противостояние я постараюсь рассказать.

Выдержка из рапорта начальника штаба отряда капитана Сергея Ершова: *«Настоящим докладываю, что 5 июня 1982 года майор Николаев (офицер особого отдела военной контрразведки) после обеда вернулся из г. Шибарган и привез данные, что якобы сдался главарь банды из под Акчи и что в его доме есть склад оружия около 160 единиц стрелкового оружия и РПГ. Через ЦБУ армии запросили разрешение на реализацию разведданных на воскресение 6 июня. Разрешение было получено.*

В ночь с 5 на 6 июня на Акчи было совершено нападение мятежников. Афганцы подавали сигнал красными ракетами о нападении и майор Николаев

подталкивал меня, чтобы мы пошли на помощь. Но из-за какого-то предчувствия беды я выход дежурному подразделению не разрешил и приказал командиру батареи развернуть гаубицы и вести огонь осветительными снарядами в направлении Акчи.

Утром 6 июня я, с 3-й ротой на семи боевых машинах, выехал в Акчу за наводчиком, чтобы в последующем идти на реализацию разведданных...

Из воспоминаний ст. сержанта Владимира Листопада:

— Утром шестого июня раненько по холодку мы вышли на Акчу. Помню наши позывные «Маяк-20, 21 и т.д. Я был «Маяк-30», когда в эфире разбирали плохо добавлял «Листопад». Это все понимали сразу.

Запомнилось безмятежное просыпание природы, уже тутовник был созревший. Хорошо это запомнил. От того памятного и горького дня осталось это яркое впечатление на всю жизнь. Совсем мирное и сладкое... — ягоды.

Так как у нас были подозрения о минировании дороги, то, выполняя жесткие требования «Чимгана-2» (от автора — позывной комбата), тщательно все проверяли, и пока инженер с саперами чистили дорогу, мы спешивались и охраняли колонну, а когда в кустах наткнулись на ягоды, то не удержались и наелись до упаду. Для некоторых моих товарищей, как оказалось, это была последняя радость в жизни...

Подъезжая к мосту, остановились, потому что он был наполовину разрушен с левой стороны по ходу движения.

Моя группа была отправлена вперед для того, чтобы убедиться: выдержит ли мост нашу машину? Выдвинулись вперед одним отделением. Переправились на другую сторону моста. Осмотрели там все и спустились под мост, проверили — в каком он состоянии. Дали команду колонне на начало движения. Прошла одна машина без десанта на малой скорости. Все нормально. Пошли другие. Проскочили еще на 100 — 150 м. Осмотрели окрестности...

Дали отмашку на движение вперед. Пришли в Акчу. Это как раз было воскресенье. Однако нас насторожило, что почему-то народу очень мало, хотя город этот многонаселенный, и на базарной площади всегда активное движение.

Пока брали наводчика от ХАДа, к нам подошли пару бабаев — начали предлагать водку и анашу. Нас это сильно насторожило, потому что такого раньше, в принципе, никогда со спецназом не было...

Из рапорта начальника штаба отряда капитана Сергея Ершова:

— В Агче мы узнали подробности ночного нападения. Хаббибула Фернос выделил нам из числа «хадовцев» наводчика, который знал дом главаря и мы двинулись вперед. Дом блокировали, после долгих поисков нашли место, где хранилось оружие, но там, кроме нескольких винтовочных патронов, уже ничего не было. По убедительной просьбе ХАДа дом главаря взорвали и тронулись в обратный путь...

Из воспоминаний ст. сержанта Владимира Листопада:

— Звоночек тревожного состояния уже сработал. Когда пришел начальник штаба, мы ему доложили это обстоятельство. Он был старшим. Для нашей роты это был первый боевой выезд под командованием нового ротного,

который только пришел на замену из Союза. Взяли наводчика и двинулись в указанный кишлак для реализации разведданных — брать склад с оружием. Специально шли окружным путем, чтобы не напрямую ломиться, а через соседний кишлак — не привлекая особого внимания.

Пришли на указанное место. Паренек подскочил маленький — помощник пастуха. С кулаками кинулся на этого задержанного нами. Оказалось, что в недавнем прошлом именно этот мерзавец застрелил его отца.

Прошмонали дом, ничего не нашли. Помню,— обнаружили какое-то одно ружье охотничье и немного патронов. Подняли дом на воздух и сели ехать назад в Акчу. Уже на выезде из кишлака на нас обрушился шквал огня. В первые минуты обстрела нашей колонны из засады три машины были выведены из строя: две подорвались на минах и одна оказалась подбита из гранатомета. Сгорели в ней три человека: командир машины замкомандира 2 взвода Шворнев Миша, механик его и наводчик. Кумулятивная струя попала в основание башни — Анциферову перебило ноги. А механику Агибердыеву и командиру повредило спины, и они не успели выскочить — так и сгорели все в машине.

В первые минуты боя погиб и белорус Саша Ващербович — он первым увидел вспышки выстрелов, спрыгнул с машины и успел крикнуть: «засада». Тут же получил три или четыре разрывные пули в грудь. Мой взводный лейтенант Сергей Калмыков (я у него был заместителем) ехал не на нашей машине, а с первым взводом — сидел по-походному. Автомат у него висел на крышке люка на месте командира машины.

Во время начавшегося обстрела пуля перебила ремень и его автомат упал внутрь. И когда взводный, подняв автомат, вылазил из люка, ему в шею и голову попали две пули. Он умер мгновенно. Великолепный был мужик — спецназовец, Рязанское десантное закончил...

Наша же машина была подбита во время переезда через арык прямо на мосту. Стреляли с правой стороны по ходу нашего движения. Пробили двигатели, машина заглохла и когда кумулятивная струя выходила — ранила начальника штаба капитана С.Н. Ершова. А он ехал на моем месте рядом с механиком. Им обоим посекло осколками руки и шею, и они практически ничего не видели, так как ко всему еще были сильно обожжены.

Высадив личный состав под левый борт, я принял командование на себя. Так как башня была рабочая, я приказал наводчику:

— Пока боекомплект не расстреляешь, из машины не выпущу...

Пересчитали личный состав — вроде все по лицам есть, но, вроде, кого-то не хватает. Вскоре разобрались.

— Где майор? — спрашивает ослепший Сергей Николаевич.

— Сейчас найдем...

С нами же ехал один человек из особистов, что работал с афганским ХАДом. Пока выясняли и нашли его в десанте... Заставили вылезти из брони; прикрыли огнем, поскольку боялись повторного обстрела машины из РПГ.

Из рапорта начальника штаба капитана Сергея Ершова: *«Моя машина была подбита выстрелом из РПГ почти в центре кишлака. С тыла нас прикрывала машина замполита роты лейтенанта А. Ермакова. Механик-води-*

тель рядовой Крашенинников и я были ранены, из-за ожога лица и глаз я потерял зрение, радиостанция вышла из строя. Оставаться дальше в машине было опасно и я дал команду наводчику-оператору прикрыть нас огнем с правого борта, а десанту спешиться к левому борту.

Чтобы обезопасить личный состав от нападения мятежников, я приказал забросать близлежащие дворы за дувалом гранатами. Мы заняли круговую оборону, лейтенант Ермаков держал связь с другими машинами и с помощью посыльного я через него руководил боем. По голосам я не мог понять, где находится майор Николаев. Спросил об этом сержанта Листопада, он ответил, что видел его последний раз в десантном отсеке. Я послал его обратно в машину, и он вылез оттуда вместе с майором Николаевым.

После прибытия подкрепления я, майор Николаев и остальные раненые были эвакуированы в батальон».

Из воспоминаний ст. сержанта Владимира Листопада:

— За нами — на другом берегу — осталась одна машина замполита роты лейтенанта Ермакова. 25-летний офицер был хорошо подготовлен в военном отношении, еще до поступления в военное училище он прослужил год в разведроте воздушно-десантных войск в Прибалтике. Я нашел его под днищем машины, где он, лежа между катками, стрелял по духам. Получив от Ершова приказ управлять боем, замполит толково организовал его и прочно прикрыл наш фланг. Впоследствии он был награжден орденом Красной Звезды.

Долго ли коротко, стали к нам подтягиваться ребята из других взводов и машин, и на месте наших двух БМП образовался управляемый очаг обороны. Моя машина была подбита, но стреляла, а у замполита оставалась исправная и рабочая. Позже, через полчаса ведения этого боя, к нам подтянулись ребята из других экипажей и вынесли раненых, а потом еще подошла машина из второго взвода (как сейчас помню — бортовой номер 29-й).

Запомнился своими действиями механик М.Степанов из первого взвода. Его машина была второй в колонне (экипаж сержанта Шворнева) и была поражена первыми выстрелами. Именно тогда Анвару Гимранову снесло полчерепа. А кумулятивная струя попала в триплекс. Осколками этой же гранаты посекло лицо механику, и он, будучи ослеплен, выполняя команду наводчика, съехал в кювет, и начал объезжать первую подбитую машину, но в тот же момент подорвался на мине. Вторым выстрелом из гранатомета на машине оказалось повреждено противооткатное устройство пушки. Но наводчик стрелял из пулемета, отсекая духов, пока ребята выскакивали из машины и выносили раненых, в том числе и механика Мишу.

Чувство страха было у всех бойцов, но подавлялось практическими действиями, доведенными до автоматизма. Каждый знал свой маневр и действовал осознанно.

Раненых перенесли за дувал. Там было надежнее. Ведь машины, тем более ведущие огонь из пушек и пулеметов, привлекали внимание противника. Капитану Ершову и механику наложили повязки и сделали перевязки. Вспомнив народное средство, я убедил начштаба, чтобы он помочился на тампон и приложил этот компресс на опухшее и обезображенное лицо. Действительно, это дало ему временное облегчение...

Духи первоначально использовали фактор внезапности. Когда же мы стали вести плотный ответный огонь — они начали отступать, унося своих раненых и убитых...

Вообще-то, нашим комбатом Стодеревским было заведено, что на случай подобного боя у каждого из нас под сидением лежало «НЗ» — по цинку патронов на брата. В этой ситуации сказалась выучка комбата, который жестко и последовательно тренировал личный состав — в ситуациях подобных этой, чтобы каждый боец, попавший под огонь, заранее знал свой сектор огня. Потому, обученные и тренированные, разведчики разделившись — одни стреляли, другие снаряжали магазины — и могли в течение получаса вести мощный ответный огонь.

И это нас в той критической ситуации спасло.

Перестрелка прекратилась. Остальные военнослужащие спешились — прочесали местность и подобрали трофеи: автомат Калашникова китайского производства, пару «Буров» и выстрелы от РПГ. Осмотрели боевые позиции, те места, куда мы стреляли, и те, откуда по нам стреляли. Видели много стреляных гильз, и много кровоподтеков, остатки вскрытых медицинских пакетов...Но тел убитых и раненых обнаружено не было.

Связь с ППД отряда поддерживалась с 21-го борта, где старшим был лейтенант Ермаков. Через полчаса к нам прибыла колонна во главе с замполтехом батальона. В ее составе были две БМП, БТР и БАТ (бронированный артиллерийский тягач)...

Со сгоревшей машины поснимали все, что можно было снять: оборудование, пулеметы, замки...

Три поврежденные машины взяли на буксир. Всех раненых и убитых загрузили на один БТР, и надо же так случиться, что во время марша на них опять было совершено нападение из засады. Убитых не было, но появились свежие раненые... Среди них и командир 2-го взвода 4-й роты.

Когда загружались, то визуально, совершенно случайно, обнаружили в пыли на обочине транспортную итальянскую мину. Без спешки саперы тщательно стали проверять маршрут нашего выхода из боя и на расстоянии около восьмисот метров обнаружили еще около двадцати мин.

— А если бы мы поторопились и поехали не глядя?

Вечером в ППД новый ротный устроил «разбор полетов». В этот момент из командования никого не было. Раненого начальника штаба отправили в госпиталь...

А через четыре дня всех дембелей отправили в Союз. В связи с этим всю жизнь жалею своих погибших товарищей, которые должны были со мной увольняться в запас — Анвар Гимранов, Миша Шворнев, Саша Вашербович не дожили до дембеля совсем немного... Всего, как мне кажется: убитых было 6 человек и 8 раненых. Из раненых один умер уже в госпитале. Анализ боя, проведенного ротой, доказывает, что душманам удалось ввести в заблуждение наших командиров. Несмотря на достаточно грамотное ведение колонны, рота была втянута в заранее подготовленную ловушку, что свидетельствует о недоработках в звене агентурной разведки афганского отдела МГБ провинции.

После боя капитан С. Ершов докладывал: *«Анализируя все эти события, можно сделать вывод, что информация о складе оружия была сообщена специально для того, чтобы уничтожить единственную роту, которая оставалась в ППД батальона, и свергнуть власть в Агче. Другой дороги от «склада с оружием» в Агчу не было, и в случае уничтожения роты, оказать помощь местным властям в отражении мятежников было бы некому».*

Безусловно, ошибкой можно считать и то, что в связи с ограниченным применением сил и средств — на обратном пути не были взяты под контроль господствующие высоты по маршруту движения. Однако, несмотря на неблагоприятные стечения обстоятельств, противнику уничтожить всю нашу технику не удалось. Практически в ходе получасового боя убитых и раненых не было. Все потери были связаны с последствиями фактора внезапности в первые минуты боя. Командно-политический состав и сержанты роты проявили высокую психологическую устойчивость и грамотно организовали и вели бой. Среди личного состава растерянности, паники не отмечалось. Все воины вели огневой бой умело, и в противоборстве с противником победили. Ответным мощным огнем враг был рассеян, понес потери и скрылся в кишлаке.

В ходе марша и после боя постоянно велась инженерная разведка местности, что позволило избежать дополнительных подрывов на минах противника.

Как свидетельствуют приведенные факты: общий уровень подготовки разведчиков отряда спецназа в начале 80-х годов был достаточно высоким, в чем безусловная заслуга командиров, которые готовили подчиненных к боям...

Из воспоминаний ст. сержанта Владимира Листопада:

— Добрым словом вспоминаю своего комбата И. Стодеревского. Это был высокий, статный, подтянутый, аккуратный, гусарского вида офицер. Физически крепкий. Видели бы вы, какие чудеса он творил на стрельбище. Он стрелял из двух автоматов с двух рук и поражал цели. Молодец, он в этом отношении был ярким примером для нас, пацанов. А уже в Афгане он показал себя мастером рукопашного боя. Очень смелый был человек. Много раз на одном БТР выходил на рекогносцировку и разведку за сто-сто пятьдесят километров от ППД, нередко переодеваясь в духовскую одежду — шаровары, рубаху и тюрбан.

Кто был в Афгане, оценит, что это значило. Комбат был прост и доступен. На боевых питался из одного котелка с солдатами, но примечательно, ел только в тех подразделениях, которые отличались во время боя в лучшую сторону. Все это положительно воспринималось личным составом. Он поражал своим обаянием. Великолепный был человек.

НАШ КОМЕНТАРИЙ:

По данным из личного архива заместителя командира бригады полковника Олега Кривопалова, в том бою погибли:

1. лейтенант Калмыков Сергей Николаевич
2. сержант Гимранов Анвар Наилович
3. сержант Шабакаев Марс Октябрисович
4. сержант Шворнев Михаил Александрович
5. ефрейтор Анциферов Игорь Михайлович
6. рядовой Алибердыев Кабул Каримович
7. рядовой Ващербович Александр Иванович
8. сержант Маурин Герман Алексеевич (умер от ран 10 июня 1982 года, в госпитале).

ЛЕГЕНДЫ ДЖЕЛАЛАБАДСКОГО БАТАЛЬОНА

Выполняя святой обряд,
Друг за друга стеною стоя,
Был спецназа крутой отряд
И родней моей, и семьею.
В. НЕЙШОВИЧ

Третий период участия 154-го отряда в Афганской войне начался после обустройства в провинции Нангархар, что граничит с Пакистаном. «Джелалабадский» батальон в очередной раз оказался в нужное время в нужном месте. С приходом на политическую арену М. Горбачева начался новый этап боевых действий. С этого времени основной задачей спецназа стала «караванная» война. Проблема караванов всегда вызывала озабоченность советского командования. Чтобы ее решить, прибегали к разным способам: минировали границу (особо отличился ветеран 15-й бригады полковник Тяпкин И.М., награжденный двумя орденами Красной Звезды); наносили бомбоштурмовые удары по предполагаемым местам стоянок караванов; совершали облеты больших участков приграничных территорий на вертолетах; совершали дерзкие налеты на перевалочные базы караванов и проводили рейды на караванных маршрутах. Афганские моджахеды, чтобы избегать потери караванов, стали прибегать к тактическому приему: сразу же после пересечения афганской границы караван дробили на части и передавали в течение суток людям из отрядов оппозиции.

Опыт боевых действий в Афганистане убедительно показал, что в Вооруженных Силах Советского Союза, накануне вторжения в эту страну, не существовало подразделений, предназначенных исключительно для ведения антипартизанской войны. Это лишний раз доказывает, что при планировании операции по вводу войск в Афганистан, Генеральный штаб сделал довольно поверхностный прогноз дальнейшего развития событий в этой стране. По всей видимости, вооруженная оппозиция, в лице моджахедов, не воспринималась в качестве серьезного противника. Только столкнувшись с мощью «джихада», советское командование кардинально изменило

свою первоначальную точку зрения. Частично функции специальных антипартизанских подразделений были возложены на армейский спецназ, который имеет совершенно иное предназначение.

Парадокс ситуации заключался в том, что настольными книгами моджахедов были пособия, написанные на основе лекционных материалов и воспоминаний таких признанных мастеров партизанской войны, как Вершигора, Медведев и Федоров, прославившихся во время Второй мировой войны. А командирам-спецназовцам нашей бригады пришлось досконально изучать немецкие наставления по борьбе с советскими партизанами. В определенной мере спецназу на себе пришлось испытать богатый опыт отечественных партизан, творчески переработанный и приспособленный к азиатским условиям.

Части спецназначения довольно быстро превратились в эффективную силу, которая противостояла моджахедам. Однако и спецназовцам, за спинами которых была целая общевойсковая армия, усиленная большим количеством авиации, не удалось нанести решительное поражение исламским партизанам. И причины этого выходят далеко за рамки военного искусства. В Афганистане повторилась ситуация, в которую попадали в различное время наполеоновские войска в Испании, немецкие – в России и Югославии, американские – во Вьетнаме. Подавить чисто военными способами партизанское движение, имеющее широкое признание и поддержку среди местного населения, практически невозможно. Однако операции, проведенные спецназом против моджахедов, достойны глубокого изучения.

Большие заслуги в этой напряженной вооруженной борьбе с мятежниками имел 154-й отдельный отряд спецназ. 6 ноября 1983 года в присутствии командира 15 бригады полковника Стекольникова Анатолия Михайловича майор Стодеревский сдал отряд своему сменщику, прибывшему из Союза, майору Василию Олексеенко, но его через три месяца пришлось заменить на Владимира Портнягина.

Майор Владимир Портнягин был волевым и харизматичным человеком, по оценке комбрига полковника Виктора Бабушкина: «Нормальным офицером. Твердым средним комбатом – на своем месте». Автор этих строк был знаком с Портнягиным с курсантской юности по СВВПТАУ (Свердловсеое высшее военное политическое танеово-артиллерийское училище).

В среде курсантов, Володя Портнягин был, пожалуй, одной из популярных личностей в училище. Он постоянно занимался спортом и имел высокие спортивные результаты в соревнованиях различного уровня в легкой атлетике, по борьбе самбо, в стрельбе из пистолета, в офицерском многоборье, в горном туризме, и пропагандировал здоровый образ жизни. О нем мне было известно, что он из семьи профессиональных военных. Отец Владимира Павел Павлович Портнягин в годы Великой Отечественной войны командовал стрелковым батальоном и был награжден четырьмя орденами, среди которых был и высокопочитаемый в армии орден Боевого Красного Знамени. Поэтому не случайно Владимира с детства привлекала романтика военной службы и тяга к экстриму. В ноябре 1966

года он был призван на военную службу, а через год по рекомендации командования направлен на учебу в Свердловское высшее военно-политическое танково-артиллерийское училище. С отличием в июне 1971 г. его закончил и был направлен в Закавказский военный округ. Через тринадцать лет Владимир Портнягин был назначен командиром 154 оо СпН в Афганистане. Шел февраль 1984 года. На мой вопрос:

— Володя, как ты попал в спецназ?

Он ответил лаконично:

— Был отобран разведчиками округа для службы в 12-ю отдельную бригаду спецназначения на должность замполита роты спецназ. А потом в ходе службы был переведен на должность начальника физической подготовки и спорта части. В 1980 году был назначен заместителем командира 173 оо СпН. В 1983 г. стал командиром отряда в 12 обр СпН. В период афганской войны кадровая чехарда, волюнтаризм и поспешность в решениях некоторых военачальников вырвали из рядов 40-й армии многих командиров и политработников, не успевших еще набраться опыта и допустивших ошибки, повлекшие потери подчиненных в боевых столкновениях с моджахедами.

Уровень боевой подготовки командиров в мирное время оценивали на практических занятиях и тактических учениях, в этом плане сравниться с Портнягиным могли не многие. Сергей Козлов почему-то по этому поводу недоброжелательно пишет: «Организовав несколько «показух», на которых присутствовало высокое начальство, он был обласкан». Действительно, когда понадобилась замена в ДРА, вспомнили Портнягина. Лично начальник направления специальной разведки ГРУ Герой Советского Союза Василий Колесник отобрал Владимира Портнягина на должность комбата в свой любимый, им сформированный в 1979 г, 154 оо СпН. А это был признак особого высокого доверия с его стороны, ибо этот отряд под командованием майора Игоря Стодеревского добился высокого боевого авторитета у командования 40 ОА и руководства ГРУ. А то, что новый командир из политработников, роли не играло, в армии таких было немало. Даже начальник штаба 40 ОА, генерал-майор Ю.П. Греков, в свое время закончил военно-политическое училище.

Новый комбат производил приятное впечатление. Он был высок, сухощав и строен, что выдавало хорошую спортивную подготовку. Говорил лаконично и складно. Любил воспитывать личный состав по принципу: «Делай, как я!». Ему доверили командовать боевым уникальным коллективом.

Из письма Владимира Портнягина майору Игорю Стодеревскому:

— 9 февраля приказом начальника ГШ я стал командиром 154 оо СпН. Моего предшественника и замполита батальона сняли с должностей за потери. Во время нашего марша из Айбака на Джелалабад у нас тоже были потери, одна БМП в районе перевала Саланг упала в пропасть. По мнению командования, это произошло по причине «низкой боеготовности и дисциплины.

Новым местом дислокации отряда утвердили окрестности кишлака Самархель (14 км восточнее провинциального центра Джелалабад), на территории 66-й омсбр. В течение февраля-апреля комбат изучал район и учился с подчиненными действовать в местных горах. Установил контакты с руководством провинции Нангархар и зонального управления ХАД (госбезопасности). Через советников было достигнуто взаимодействие с вождями племен Моманд и Шинвари, что позволило провести ряд успешных операций без потерь личного состава.

В итоге часть территорий провинций Нангархар и Кунар взята под контроль племенем Моманд, имеющим 140 человек под ружьем. С боевым отрядом племени Шинвари проведена совместная операция по ликвидации баз оппозиции в уезде Назьян. Оказана помощь ХАД в формировании и обучении первого в Афганистане оперативного батальона, в котором был советником майор КГБ Труш Г.А.

Из воспоминаний командира 154 оо СпН майора Владимира Портнягина:

— Здесь жизнь напряженная, воюем часто. Офицеры все живы, кроме Сергея Овчаренко и Олега Скуридина. Первый, с тремя солдатами, погиб 23 марта, а второй, с четырьмя солдатами, погиб 8 апреля 1984 года. Погибли они геройски — досмотровая группа попала под огонь из кишлака. И они фактически взяли огонь на себя. Атаковали расчет ДШК. Чтобы их найти, в тот район высадили весь батальон и еще две роты от соседней 66 омсбр.

Мы заняли всю долину и господствующие высоты. Правда, были и потери: у нас трое и у мотострелков много подорвалось на минах. Но с духами мы поквитались. Объяснили им доходчиво. Может быть, после того боя и пошли слухи о моем снятии. На мое несчастье, большой начальник в бинокль видел моих бойцов в деле и в моем присутствии. Очень возмущался, и отстранил меня от должности на целые сутки. А за эти сутки соседи напоролись на пакистанцев и был очень напряженный бой, который, вероятно, убедил начальников, что духов надо воспитывать «как спецназ».

Сейчас, кажется, снимать не за что, хотя здесь это делается быстро. Приехавшего вместе со мной командира батальона в Газни уже сняли, якобы за трусость. Меня же, наоборот, обвиняют в авантюризме, но ни на одной из моих «авантюр» пока ни один мой боец даже не ранен (группа лейтенанта Скуридина не в счет), только на мине потеряли одно колесо у БТР. Зато каждый выход даем результат.

17.05. Десять наших разведчиков пробрались в середину кишлака и там главаря с охраной накрыли. Кто из кольца вырвался, тоже далеко не ушли. Главаря забили, а с ним, оказывается, забили и гостей, которые были издалека. В апреле 1984, благодаря хорошим отношениям, сложившимся с советническим аппаратом и местной властью, получил территорию под отдельный городок отряда: 6 каменных строений бывшей птицефабрики, эвкалиптовую рощу, небольшой канал с чистой горной водой. К маю провели ремонт развалин, отрыли две артезианские скважины, построили столовую, помещение караула, баню, склады, ремонтные мастерские. При этом все ремонтные и строительные работы выполнены собственными силами.

Добавлю к словам Портнягина, что этот городок 154-го отряда при нем стал лучшим в бригаде, ибо другие части располагались значительно хуже: Газнийский батальон всю войну прожил в палатках, Баракинский батальон в землянках, а Асадабадский батальон, размещенный на полуострове, не имел возможностей для развития инфраструктуры из-за частых обстрелов оппозицией.

Из воспоминаний командира 154 оо СпН майора Владимира Портнягина:

— Приходится крутиться. В Союзе за год столько бы не сделал и не построил, а здесь за месяц порой такое делаем. Читал о тебе в «Красной звезде». Хорошо написано. Тебя в коллективе помнят, и потому за этой газетой охотились. Извини за краткость, сам знаешь, здесь рабочий день плавно переходит в рабочую ночь, а та — в новый рабочий день. Засыпаю на ходу. А в общем жизнь интересная, я себя чувствую на своем месте, занимаюсь делом, к которому стремился всю жизнь.

24 сентября 1984 г. *«духи»* обстреляли Джелалабадский аэродром реактивными снарядами. Портнягин поднял подразделения отряда по тревоге для прочесывания близлежащих кишлаков. Одно подразделение возглавил сам лично.

Из воспоминаний командира роты капитана Дмитрия Лютого:

— В кишлаке, в который пошел комбат, оказались «духи». В составе бронегруппы, которая пошла туда, был проводник, лейтенант из батальона охраны. Именно их БРДМ (боевая разведывательно-дозорная машина) и обстреляли в кишлаке из РПГ-7. Водителя практически разорвало надвое, а лейтенант, бросив в машине секретную карту, на которой были нанесены все пристрелянные цели, минные поля и посты батальона охраны, сбежал. В эфире я услышал голос комбата: «Все ко мне!». Больше ничего понять было нельзя, поскольку частоту они сами и забили, пытаясь говорить все сразу. Я поспешил на выручку. Вскоре в кишлаке мы обнаружили подбитую БРДМ. Чтобы не подставлять машины, я приказал им дальше не двигаться, а взять окрестности под наблюдение, развернув башни в разные стороны. Мы пошли пешком. Духи, хоть и отвечали огнем, но нам удалось вытащить и труп водителя из подбитого «бронника», и карту, и комбата Портнягина, которого ранило в том бою. Духи отошли по руслу на другой берег, но мы их не преследовали.

В тот период начальником одной из оперативных групп в Джелалабаде был майор А.Т. Бакуров, который хорошо знал Портнягина. Их дружба, естественно, способствовала доверительной дружной и творческой оперативной работе. Как-то он рассказывал, что генерал-лейтенант Юрий Александрович Гусев, тогдашний начальник штаба ТуркВО, по приезду в Джелалабад был настроен снять Портнягина с должности за безрассудные и авантюрные действия по борьбе с бандформированиями. Но, вникнув в суть дела, заслушав оперативников, побеседовав с афганскими руководителями — губернатором провинции, начальником ХАД зоны «Восток»,

советскими советниками, он смягчил приказ командующего округа о наказании комбата и, более того, приказал представить документы для награждения наиболее отличившихся офицеров и солдат. В итоге два командира группы 154 оо СпН лейтенанты В. Мусорин и С. Зинченко были награждены орденами Красного Знамени.

Сделав выводы из разбора, впоследствии Портнягин работал осторожнее, но несколько его операций получили скандальное звучание. Так Бакуров, в частности, вспоминал операцию по захвату в плен офицера пакистанской разведки, используя которого удалось искусно спровоцировать раскол в лагере оппозиции на территории провинции Нангархар, а также заключение договора о сотрудничестве с сыном вождя племени Шинвари Авилдачем, который дал важную информацию. На, основании ее была проведена удачная совместная советско-афганская специальная операция по ликвидации тринадцати руководителей бандформирований, прибывших из Пакистана в провинцию Нангархар для активизации повстанческих действий. Правда, в том бою 154 оо СпН понес потери: геройски погибли лейтенант Хамит Нафиков, младший сержант Усман Магомедов и рядовой Андрей Харитонов. Портнягину не везло – после лечения по ранению в медроте 66 омсбр в Джелалабаде он подцепил гепатит в тяжелой форме. А потом вскрылась зажившая вроде бы рана, начались проблемы с поврежденным на подрыве позвоночником... 28 октября 1984 г. его эвакуировали в военный госпиталь в Союз.

Лечение Портнягина растянулось на три месяца. В новом, 1985 г. возвращается в строй. До сентября 1985 г. он исполняет обязанности старшего офицера разведуправления Туркестанского военного округа. За этот период трижды участвовал в операциях в провинциях Нангархар, Кунар, в Панджшерском ущелье, а также в районе авиабазы Баграм. После чего назначается командиром отряда СпН 14 обр СпН (МВО, п. Чучково, Рязанской области). Уволился в запас по болезни в октябре 1988 г. в звании подполковника.

8 октября 1984 г., должность командира 154 оо СпН принял майор Дементьев Алексей Михайлович. Алексей родился 19 января 1953 г. в селе Кошелевка Корсунского района Ульяновской области. После окончания Казанского суворовского и Ульяновского гвардейского высшего танкового командного училища проходил службу в различных частях Вооруженных сил Советской армии, пройдя путь от командира танкового взвода до командира батальона. Боевое крещение командир парашютно-десантного батальона капитан Дементьев получил в Афганистане, где прослужил с ноября 1983 по октябрь 1984 гг. Здесь он стал майором, а потом возглавил 154-й отряд специального назначения в Джелалабаде и успешно командовал им. Именно при нем джелелабадский батальон сыскал себе славу в дерзких налетах на исламские комитеты и места базирования моджахедов в кишлачной зоне провинций Нангархар, Кунар и Лагман.

Примером успешного ночного налета служит операция, проведенная Дементьевым в феврале 1985 г., когда в ночном бою в кишлаке Тонги-Тогчи было уничтожено 28 главарей исламской оппозиции провинции

Нангархар вместе с охраной. После этой акции активность душманов в провинции почти на месяц была сведена к нулю.

Комбата любили и уважали свои и боялись враги. В августе 1985 г. он переходит на вышестоящую должность – заместителем командира 15-й отдельной бригады СпН. За героизм и мужество, проявленные в боях, Алексей Михайлович награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги».

После окончания разведывательного факультета Военной академии имени М.В. Фрунзе, Дементьев назначен командиром 16-й бригады специального назначения МВО, где, опираясь на боевой опыт, полученный в Афганистане, готовил специалистов для частей специального назначения. Уйдя в запас в звании полковника, он не сидел без дела – руководил промышленным предприятием, работал в военном комиссариате...

К глубокому сожалению, 2 апреля 2007 года на 55-м году жизни после тяжелого онкологического заболевания Алексей Дементьев скончался. Дело его жизни продолжил младший сын Константин, который окончил военный институт.

С августа 1985 года по октябрь 1986 гг. отрядом командовал Абзалимов Рамиль Каримович. Он родился 4 апреля 1958 года в селе Захаровка Болотинского района Новосибирской области. По рассказам близких родственников до революции его дед был муллой в Узбекистане, что впоследствии явилось причиной его ареста в годы массовых репрессий. Отец Рамиля прошел всю войну. Воевал смело, семь раз был ранен. Закончил войну капитаном. До глубокой старости служил в МВД. В семье было одиннадцать детей. С четырех лет Рамиль мечтал быть военным. После 8 класса поступил в Свердловское суворовское военное училище. Через полтора года в связи с ухудшением зрения отчислен из училища. Доучивался в школе, занимался по специальной программе, которую ему посоветовал врач в СВУ. Восстановил зрение до прежнего уровня и, после окончания школы, поступил в престижное Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище на факультет специальной разведки (9 рота).

В ноябре 1979 г. молодой лейтенант направлен для прохождения службы в 15 обр СпН, а уже в декабре в должности командира группы минирования участвовал в операции «Шторм-333» в Кабуле. Награжден орденом Красной Звезды. После возвращения из Афганистана продолжал служить в бригаде. В 1981 г. на несколько месяцев направлен в Афганистан военным специалистом – инструктором по минно-подрывной подготовке в части Советской Армии, что дислоцировались в провинции Лагман и в гарнизоне Джабаль-Уссарадж. В 1984 г. откомандировывается в Афганистан военным специалистом – инструктором в 668 оо СпН в Баграм, а затем назначается на должность заместителя командира 154-й оо СпН. В августе 1985 г. назначен командиром отряда. При нем были спланированы и проведены специальные операции отряда по захвату укрепрайонов «Гошта» и «Карера». Награжден вторым орденом Красной Звезды. В октябре 1986 г. вернулся в Союз. В 1987 г. поступил на разведывательный факультет Военной академии им. М.В.Фрунзе, по окончании которой в 1990 г. назначен начальником оперативно-планового отдела 14 обр СпН в

Уссурийске. В 1993 г. уволен в запас по болезни. Проживает в Казани. Имеет троих детей.

С октября 1986 по ноябрь 1987 гг. 154-м отрядом командовал подполковник Гилуч Владислав Петрович. Осенью его перевели на самый трудный в бригаде Асадабадский батальон для «усиления командного состава»...

Должность командира 154 оо СпН у подполковника Владислава Гилуча принял капитан Владимир Воробьев, опытный боевой заместитель командира 668-го отряда, постоянно находящийся в поиске наиболее результативных приемов борьбы с моджахедами. Это был среднего роста, спортивный, очень подвижный в движениях человек. В Афганистане непременным предметом его боевого гардероба являлся головной убор в форме берета воина-интернационалиста периода войны в республиканской Испании. Владимир Федорович Воробьев родился 20 февраля 1958 г. в селе Емантаево Абдулинского района Оренбургской области. Окончил 8 классов и поступил в Калининское СВУ. В 1975 г. поступил в РВВДКУ на факультет спецназа. Училище окончил в 1979 г. с «Золотой медалью». Офицерскую службу начинал в 1701-м отдельном учебном полку спецназ командиром взвода минирования. Затем служил командиром группы СпН и командиром учебного взвода учебной роты в 3 гв. обр СпН (ГСВГ). Усердие молодого офицера отмечают и выдвигают на должность заместителя командира – начальника парашютно-десантной службы отдельной роты СпН 3-й гвардейской ударной общевойсковой армии, а через год – начальника штаба разведбата 47-й танковой дивизии 3-й гв. УОА. По возвращении в Союз командируется в Афганистан на должность начальника штаба 781-го разведывательного батальона 108 мсд 40-й армии, но, узнав о наличии в составе ОКСВА частей спецназа, рвется к товарищам по училищу. Вскоре ему удается перевод на должность заместителя командира 668 оо СпН. На этой должностной ступеньке раскрывается военный талант боевого офицера. За мужество и героизм в марте 1987 г. капитан Воробьев награжден орденом Красной Звезды.

В ноябре 1987 г. его назначают на должность командира 154-го оо СпН с целью поднять результативности действий отряда. Неутомимость командира, новые формы и методы борьбы с вооруженной оппозицией приводят к значительному росту результативности боевых операций. Так, к примеру, 15 и 19 февраля 1988 г. в результате комплексного применения минно-взрывных средств, огня артиллерии и действий разведгрупп отряда захватываются 4 ПЗРК «Стингер», десятки единиц различного вооружения и тонны боеприпасов. Фактически, действия разведчиков 154-го отряда блокировали караванный маршрут «Панджшерская тропа» в районе переправ через реку Кабул (окрестности кишлака Шахидан, провинция Нангархар). К сожалению, опыт таких комплексных действий в последующем не был внедрен в практику боевого применения спецназа и до сегодняшнего дня остается невостребованным...

В мае 1988 г. майор Владимир Воробьев без потерь выводит свою часть на территорию СССР. За мужество и героизм в феврале и октябре 1988 г. майор Воробьев В.Ф. награждается двумя орденами Красного Знамени. После окончания Военной академии им. М.В. Фрунзе в 1991 г. командируется в Чечню. До 1993 года начальник разведки дивизии ВВ МВД в Белоруссии. Как перспективный оперативный офицер приглашается для работы с организованной преступностью в Интерпол. В конце 1993 г. уволен в запас.

Под стать командирам подобрались и начальники штабов 154 оо СпН: Абдулкасым Ашуров, Сергей Ершов, Равиль Ахметов, Григорий Быков, Дмитрий Лютый, Анатолий Петунин, Валерий Кондратьев, Юрий Самсонов.

Не повторяясь, расскажу о тех, о ком еще не написано. Начальник штаба отряда капитан Ершов Сергей Николаевич – военная косточка. Родился 10 октября 1955 года в с. Ляличи Приморского края в семье офицера. Успешно окончил Уссурийское суворовское училище, за что впоследствии уже в Рязанском высшем воздушно-десантном командном училище от друзей получил ласковое прозвище «Тигренок». Осенью 1976 г. лейтенант Ершов принял командование разведывательной группой в Чирчикской бригаде спецназ. Прошел последовательно все командные должности, а в 1981 г. возглавил штаб 154-го отряда и убыл с ним в Афганистан. Воевал достойно. Был тяжело ранен. Награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги». После ранения опять служил командиром отряда СпН в Чирчике в 15 обр СпН, а после ее ухода в Афганистан командовал учебным батальоном в Чирчикском учебном полку спецназ (467-й отдельный учебный полк специального назначения). После окончания в 1991 г. Военной академии им. М.В. Фрунзе направляется служить в Изяславскую бригаду спецназ (Прикарпатский военный округ) на должность заместителя командира бригады по ВДП, там же через два года стал заместителем командира бригады, получил воинское звание полковник. В 1994 году назначен заместителем командира 17-й отдельной бригады СпН в г. Очакове. Присвоено воинское звание капитан первого ранга ВМФ Украины. В 1998 г. стал комбригом. В 2004 г. уволен в запас по возрасту. Один из сыновей продолжил традицию офицерской династии Ершовых.

Начальник штаба капитан Ахметов Равиль Мусаевич родился в Свердловске 9 октября 1954 г. Окончил Киевское ВОКУ. Служил с 1976 по 1981 гг. в 75 ор СпН в Венгрии. В сентябре 1981 года в Чирчике на должности командира группы спецназ, с апреля 1982 г. в 154 оо СпН – командир 3 роты. В марте 1983 руководит боевой операцией по уничтожению полевого командира Ашрафа в Кули-Ишане. Награжден орденом Красной Звезды. После ранения капитана Ершова Ахметова назначают начальником штаба отряда. В мае 1984 г. из Афганистана убывает в Военную академию им. М.В. Фрунзе. С момента развала Союза сменил не-

сколько должностей в ВС Украины. Уволен в запас в звании полковника. Живет в Киеве.

Сменщик Ахметова начальник штаба отряда майор Анатолий Анатольевич Петунин был прирожденным военным. Он родился 25 сентября 1952 г. в Бобруйске в семье офицера. Закончил Минское СВУ и Киевское ВОКУ. После недолгой службы в части спецназ назначается на должность командира взвода курсантов в Череповецкое училище радиоэлектроники, непосредственно подчиненное ГРУ. Размеренная и предсказуемая служба в училище Анатолию была не по душе и он, уже капитаном, возвращается в Спецназ – заниматься любимым делом. Здесь, в бригаде спецназ Прибалтийского военного округа (Вильянди) пришла и его очередь ехать в Афган. ***Командир 1-й роты 154 оо СпН*** Олег Мартьянов, который соседствовал в коммунальной квартире в Вильянди с семьей Петуниных, вспоминал: *«Разница в возрасте у нас была почти десять лет, но я ее никогда не ощущал. Анатолий относился к таким людям, с которыми сходишься именно по-человечески, духовно. Наверное, будь он генералом, мне, лейтенанту, с ним было бы общаться также легко, а тут оба взводные. По характеру он был оптимистом, грустить не любил. Никогда не впадал в отчаяние. Говорил всегда одно и то же: «Ничего, прорвемся...»*

Война быстро расставила все на свои места, показала, кто чего стоит. Взводным он был недолго, вскоре Анатолия назначили начальником разведки батальона, а затем и начальником штаба. Через месяц службы в ДРА представили к ордену Красной Звезды. Осенью 1985 г., наконец-то, присвоили звание майора. Последним боем Анатолия стала совместная операция 154 и 334 оо СпН по захвату базового укрепленного района «Карера» в ущелье Крер провинции Кунар. Пуля снайпера сразила Петунина, перебив ему позвоночник, повредила легкие и печень. Ранение было смертельным. Никто из врачей не мог объяснить, как он выжил с таким ранением в холодных горах, перенес сложнейшую эвакуацию несколько километров по отвесным горам боевыми товарищами, прежде, чем через сутки после ранения, попасть на операционный стол...

Как вспоминал позже ***замполит 1-й роты 334-го отряда спецназ старший лейтенант Игорь Семенов,*** – *невозможно было смотреть на муки Петунина. Под ним были разодраны в клочья несколько плащ-палаток, пока мы не вынесли начштаба 154-го на вертолетную площадку.* Лечение давалось с трудом: еще в Кабуле развилась гангрена правой ноги – ее ампутируют, возникнут пролежни и незаживающие язвы. Петунина эвакуируют в Ташкент. Там посчитали, что он не вынесет дальнейшей эвакуации в глубь страны и, вообще, приходят к заключению, что его дни сочтены. Однако состояние раненого улучшилось, появилась возможность переправить его в Москву в Центральный военно-морской госпиталь. На новом месте здоровье Петунина опять осложнилось.

Не выдержав картины ужасных ран сына, умер от сердечного приступа отец-фронтовик Великой Отечественной. Самому Анатолию выдержать все муки многочисленных операций, переливание 60 литров крови,

помогла жена Марина Юрьевна, которая стала его сиделкой, перевязочной сестрой и санитаркой. Может быть ее любовь, небесные силы, вдохновили его на новую жизнь. Произошло чудо — израненный, измученный, он вновь пошел на поправку.

Едва поправившись, он передвигался в инвалидной коляске по госпиталю, навещая раненых афганцев, подбадривая их. У его кровати появились эспандер, гантели, гири. Месяцы мучительных тренировок, и в кресло сажали уже не «живые мощи», а крепыша с налитыми бицепсами и широкой грудью. Он никогда не расставался с десантной тельняшкой. Сам его пример воскрешения из мертвых действовал лучше любого лекарства. Скольких раненых он поднял на ноги. Это бескорыстное подвижничество было логическим продолжением подвига боевого.

Руководство госпиталя, видя этот каждодневный подвиг Петунина, направило рапорт Главкому Сухопутных войск с ходатайством о поощрении мужественного офицера-спецназовца. В Министерстве обороны подошли с пониманием и 6 апреля 1988 г. для поддержки морального духа Анатолия ему приказом Министра обороны присвоили звание подполковник, на ступень выше звания, предусмотренного по штатной должности. Такой подарок судьбы еще более окрылил Анатолия. Из Москвы его перевели в военно-морской госпиталь в Таллинне, морские врачи не захотели отдавать своего больного «сухопутчикам». Когда последние части ОКСВА выходили в Союз, состояние Петунина резко ухудшилось. Потребовалась ампутация левой ноги. Он никогда не жаловался, только изредка говорил: «Ничего, прорвемся!» Он прорвался и на этот раз, но злобные нападки на семидесятилетнюю историю армии выводили его из себя. Сохранились письма Петунина о том времени, когда его сердце разрывалось от тоски.

Из письма Анатолия Петунина:

«Смотрел «Взгляд» и чуть не запустил в экран гантелей», «Становится противно брать в руки газеты. Прочитаешь и будто в грязи извозился... Но я — офицер Советской Армии! И спину, хоть и простреленную, гнуть не намерен!», «Почему с таким упорством вешают нам ярлык «оккупантов»?», «Почему они так дружно осуждают ввод советских войск в Афганистан? Почему американцы не оплевали в своем сенате ни Вьетнамскую войну, ни налет на Ливию, ни вторжение на Гренаду?»

Его сердце остановилось 27 декабря 1989 г., когда в стране поминали десятую годовщину ввода наших войск в ДРА. Он должен был погибнуть на пакистанской границе 29 марта 1986 г. от пули снайпера, но там он выжил, а погиб в родной стране... И только ли от огнестрельной раны? Кавалер орденов Красного Знамени и Красной Звезды подполковник Анатолий Петунин ушел в вечность. Кому-то покажется странным, что смертельно раненый, никогда ту войну не проклинал. Его друг корреспондент «Российской газеты» Сергей Птичкин вспоминал: *«Мне Анатолий как-то сказал: — Я же профессиональный военный и форму надел не только для парадов. На войне же, как говорится, или грудь в крестах, или голова в кустах. Я честно выполнил свой долг до конца и стыдиться мне нечего...».*

К глубокому огорчению, командование Вильяндинской бригады спецназ никак не отреагировало на смерть своего сослуживца и его со всеми воинскими почестями под флагом ВМФ только через десять дней (!) после физической смерти похоронили моряки Балтийского флота... Пусть жизненный подвиг Анатолия Петунина будет примером для будущих спецназовцев, а его похороны — укором для «чиновников от спецназа».

Начальник штаба 154-го отряда Быков Григорий Васильевич, ушедший на повышение в 334-й отряд, оставил о себе память как энергичный и непредсказуемый боевик. Битый за потери и за волюнтаризм, он всем своим поведением демонстрировал личную неординарность. На самостоятельной должности его талант раскрылся полностью.

Авторитет последнего начальника штаба майора Самсонова Юрия Николаевича был высок еще до Афганистана. Юрий, уроженец Алтайского края, кавалер двух орденов Красной Звезды и медали «За боевые заслуги», человек непростой военной судьбы. Заядлый спортсмен, имеющий шесть спортивных разрядов, бывший матрос погранвойск, выпускник Тюменского инженерного командного училища, давшего спецназу многих хороших командиров, он на первое место всегда ставил физическую выносливость и выдержку. Обладал Юрий принципиальным и резким нетерпимым характером, который не всем командирам и начальникам нравился, но подчиненные его именно за это и уважали. Своих он никогда в беде не сдавал... Впоследствии, уволившись в запас, возглавил ветеранскую организацию соединения и многого добился на этом поприще...

Легендой отряда стал майор Лютый Дмитрий Евгеньевич, который прошел через несколько командных должностей. На войне в удали и дерзости ему не было равных. Даже после его убытия в Союз, бойцы отряда из уст в уста передавали обрастающие подробностями легенды о «Диме Лютом». А вот в мирной армии службу «зашкалило».

Как-то мы готовились к большим соревнованиям. Я только вернулся из Афганистана, был переполнен впечатлениями, — вспоминал Лютый. — *Мне и поручили готовить группу к соревнованиям. Я стал учить группу настоящим образом. Всего месяц мы не ходили ни в наряды, ни на хозработы. С рассвета и до глубокой ночи пропадали в поле, в лесу, на стрельбище... Через тридцать дней из «зеленой» группы вышли такие асы, которые, думаю, вполне могли бы потягаться с «зелеными беретами». Так что суть профессионализма не только в деньгах. Моя группа заняла второе место, мне объявили благодарность и забыли... И я решил уйти из Вооруженных Сил.*

Его сменщик на должности заместителя командира отряда Василий Фрезе о нем горевал: *«Дима человек эмоциональный и поддался амбициям периода развала армии и страны. Жаль. С его уходом Вооруженные Силы потеряли профессионала самого высокого уровня, ведь у него три боевых ордена и несколько медалей. Я его не одобряю, но прекрасно понимаю».*

Пунктуальный и во всех отношениях капитан Фрезе Василий Рольфович сменил Дмитрия Лютого в Афганистане в феврале 1986 г. Немец по национальности и духу он говорил: *«Немало немецких офицеров было и в старой русской армии, и в армии советской. Как немец, я никогда не ощущал к себе предвзятого отношения. Продвижение по службе зависело только от меня, от моих способностей»*. После Афганистана и окончания Военной академии им. М.Ф. Фрунзе профессиональные способности Василия Рольфовича были использованы на поприще преподавательской деятельности. Сейчас полковник Фрезе начальник кафедры специальной разведки Новосибирского высшего военного командного училища.

Яркой личностью 154 оо СпН был начальник инженерной службы капитан Гореница Владимир Николаевич (1986-1988 гг.). Он роился 19 сентября 1955 г. в украинском городе Хотине. Выпускник Каменец-Подольского высшего военного инженерно-командного училища им. маршала Харченко офицерскую службу начал командиром инженерного взвода 19-й танковой дивизии в городе Цегледе (ГСВГ). Рапорт о направлении в Афганистан написал еще в 1979 г. и семь лет ожидал решения командования. Именно капитану Горенице и майору Воробьеву принадлежит уникальное авторство в комплексном применении разведывательно-сигнализационной аппаратуры «Реалия», неконтактных взрывных устройств «Охота», радиоуправляемых минных полей при блокировании и уничтожении караванов с военно-техническими грузами афганской вооруженной оппозиции на маршрутах переброски.

Из воспоминаний начальника инжинерной службы 154 оо СпН капитана Владимира Гореницы:

— Основными задачами нашего отряда были самостоятельный поиск и уничтожение баз и караванов душманов, а также минирование и разминирование местности. Однажды, узнав сведения о том, что моджахеды перебрасывают на нашем участке из Пакистана вглубь Афганистана противовозенитные ракетные комплексы «Стингер», командование решило приготовить бандитам несколько «сюрпризов». Я предложил тогда установить мины на отдельных тропах, чтобы противник оказался в «мешке» и не смог из него уйти. Пять ночей подряд саперы, рискуя жизнью, устанавливали мины, но и результат оказался неплохим: в капкан угодил тогда вражеский караван с оружием из 180 вьючных животных, каждое из которых было загружено боеприпасами, оружием, снаряжением и медикаментами. Были в этом караване и два ПЗРК «Стингер».

В последующем, когда 154-й отряд вышел из Афганистана майор Владимир Гореница возглавил инженерную службу родной 15-й бригады спецназ, а после ее передачи Вооруженным силам Узбекистана уехал в Краснодарский край. В обеих чеченских компаниях подполковник Гореница участвовал в составе отрядов милиции ГУВД Краснодарского края.

До последних дней своей жизни был верен избранной профессии, возглавляя инженерно-техническую службу ОМОН ГУВД Краснодарского края. Кавалера двух орденов Красной Звезды, ордена «За службу в Вооруженных Силах СССР» III степени полковника милиции Владимира Гореницы уже нет в этом мире. Подвело здоровье.

НАЛЕТ БАГИЧА. 19.09.1985 г.

Светлой памяти капитана Алексея ТУРКОВА
и лейтенанта Евгения ОВСЯННИКОВА, посвящается

На протяжении всей Афганской войны налет являлся основным и наиболее результативным способом выполнения разведывательно-боевых задач подразделениями специального назначения Ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Если своих целей в среднем достигала каждая седьмая организованная спецназовцами засада, то результативность налета была близка к 100 процентам. И это не удивительно, ведь налет — это внезапное нападение на заранее выбранный и тщательно разведанный объект...

Советские войска в Афганистане использовали свой козырь внезапности — воздушный способ вывода в район выполнения боевой задачи. Аэромобильные действия Спецназа обеспечивали не только внезапность, но и значительно экономили силы разведчиков.

Проведение налета с десантированием разведывательных групп вертолетами посадочным способом непосредственно у объекта налета обеспечивали не только внезапность, но и обеспечивали Спецназу огневое превосходство над противником.

Не столько огнем боевых вертолетов, как применением десантируемыми разведорганами оружия поддержки: крупнокалиберных пулеметов, автоматических и противотанковых гранатометов, реактивных пехотных огнеметов и других систем тяжелого оружия, доставляемых на огневые позиции транспортно-боевыми вертолетами Ми-8. В этих условиях отсутствие полноценной разведывательной информации об объекте налета, разведчики компенсировали огневым превосходством над противником. В случае воздушного вывода разведгрупп в район проведения налета, уже в ходе боя они вели разведку целей и поражали их огнем стрелкового и тяжелого оружия, а при необходимости наведением на цели авиации или огнем поддерживающей артиллерии.

При определенном опыте проведения таких налетов, а он у Спецназа бесспорно был, разведчикам без потерь удавалось захватывать не только отдельные огневые позиции, наблюдательные посты, склады или охраняемые тайники с оружием и боеприпасами, но и уничтожать крупные бандформирования в местах их отдыха (проживания) или укрепрайоны вооруженной афганской оппозиции («Гошта», «Висатичингай», «Хадигар» и др.).

Не редко объектами налета становились места дневного отдыха караванов с оружием и боеприпасами, выявленные досмотровыми разведывательными группами Спецназ в ходе ведения воздушного патрулирования — облета. Яркий тому пример: налет разведчиками 668 оо СпН в апреле 1987 г. на караван моджахедов на дневке в окрестностях кишлака Абчакан (48 мятежников и 193 вьючных животных), провинции Логар. Но были налеты и с трагич-

ными для Спецназа последствиями, ведь налет — это не только наиболее результативный способ специальных действий, но и один из самых рискованных. Именно при проведении налетов разведчики больше всего теряли своих боевых друзей.

Особенно характерными были налеты в тактике действий 154-го отряда спецназ в 1985-1986 гг.

Евгений Овсянников, — представился, протягивая мне руку рослый широкоплечий лейтенант, — командир первой группы.

— Саня, Александр. Назначен командиром второй группы, — протянул я руку Евгению, ощущая его крепкое, но не жесткое рукопожатие.

Евгений показал мою кровать в комнате офицерского модуля, как мы называли щитовой домик офицерского общежития, и заторопился в комнату дежурного по части — он стоял в наряде.

— Вечером познакомимся ближе, — бросил он мне на ходу, закрывая дверь.

Вечером состоялось традиционное *вливание* в офицерский коллектив роты меня и вновь прибывшего старшины роты прапорщика Юрия Дурнева. Нас представили днем всему личному составу 154-го отряда, а вечером мы представлялись офицерскому коллективу. Мероприятие проходило «без фанатизма» (с ограниченным употреблением алкоголя, привезенного мной и Юркой с Союза). И все бы ничего, если бы не открывшаяся на улице стрельба. Кто-то обстрелял нашего часового на посту. Несколько очередей ЗСУ-23-4 «Шилка» остудили горячую голову прибывшего с гор на побывку моджахеда.

Утром следующего дня, как и следовало ожидать, прибывшего в роту молодого лейтенанта в первый же день официального исполнения служебных обязанностей назначили контролировать подъем роты и проводить физзарядку. Каждый что-то делает впервые. Возникают вопросы. С ними я и обратился к Женьке, окончившему военное училище годом ранее.

— Что делать, если «дембеля» проигнорируют команду «Подъем»?

— Скидывай их с кровати, — посоветовал мне старший товарищ.

Я так и сделал, когда по истечении минуты после команды «Подъем» несколько старослужащих продолжали имитировать крепкий сон, с головой укрывшись простыней. Бубня себе что-то под нос, они неспешно поднимались с земли (в казарме шел ремонт и рота ночевала на улице), неспешно одевались и брели в строй. А дальше, повинуясь чувству коллективизма, отправились на зарядку. Сержанты в роте были их же сверстниками, и подводить их перед офицером рядовым-«дембелям» было неудобно.

Еще много чего полезного за неделю нашей совместной службы успел я взять от Женьки. Он был старше меня на четыре года, и до поступления в Рязанское воздушно-десантное училище успел закончить техникум и прослужить в армии.

Лейтенанта Овсянникова назначили старшим сбора молодых офицеров-выпускников, прибывших в Афганистан, вопреки всем директивным указаниям, прямо с училищной скамьи. Таких нас в отряде набралось шесть

человек, и Евгения, год назад окончившего училище с золотой медалью, назначили посвятить нас азам боевой деятельности. Сделал это Женька как нельзя лучше. Он относился к тем людям, которые любую порученную работу делают с энтузиазмом. Его умение увлекать всех вокруг, вызывало добрую зависть. Проводимые с нами занятия не были той рутиной, в которую иногда превращаются сборы с лейтенантами выпускниками в мирной обстановке. Овсянников добился того, что на занятиях по огневой подготовке нам не только показали все образцы вооружения отряда и афганских бандформирований, но и дали возможность пострелять из них, сравнивая наше оружие и противника. Занятия по инженерной подготовке закончились практическим подрывом наших и «духовских» мин, где мы красноречиво убедились в превосходстве отечественной осколочной мины МОН-50 над аналогичной ей американской M18A1 «Клеймор» (восемь пробоин в мишени против одной!) и пакистанской P5Mk1.

Не успели закончиться недельные сборы, как в отряд пришла развединформация о совещании лидеров бандгрупп в одном из кишлаков южнее Джелалабада. Вечером 18 сентября, как только спала дневная жара, мы – командиры разведывательных отрядов и групп – вылетели на вертолетах на рекогносцировку района проведения налета. Вертушки прошли чуть в стороне от кишлака Багича, в одном из домов которого собралось пять бандглаварей. Прильнув к иллюминатору, я успел разглядеть горку, языком вклинившуюся в жидкую «зеленку» с заброшенными, поросшими бурьяном лоскутами полей. Моей группе предстояло десантироваться на нее посадочным способом из вертолета МИ-8 и прикрыть действия группы захвата. Вечером, по возвращении с рекогносцировки, командир роты капитан Алексей Турков, которого офицеры роты величали по отчеству Валентинычем, уточнил задачу роты.

Завтра мой первый боевой выход, и готовился я к нему под четким руководством Евгения самым тщательным образом. Женька между делом объяснял мне сколько патронов, гранат, аккумуляторных батарей к радиостанции брать и куда все это складывать. Но самым ценными были, казалось бы, самые незначительные мелочи – в какие карманы снаряжения укладывать автоматные магазины с трассирующими патронами для целеуказания и с обычными, как крепить бинокль, чтобы он не болтался на груди, для чего снайпера группы держать непосредственно возле себя, как рассаживать группу в вертолете и где находиться в нем самому.

Рота поднялась затемно и с первыми лучами солнца была уже на аэродроме. Заняв место у кабины за спиной экипажа, я искал место посадки вертолета, но экипаж и без моих указаний посадил машину в нескольких десятках метров от ведущей «восьмерки» (вертолет Ми-8), из которой уже высаживалась группа захвата, в которую входила разведгруппа лейтенанта Овсянникова и управление роты.

Со снайпером Александром Подоляном, держать которого всегда рядом с собой советовал Женька Овсянников, и еще несколькими бойцами мы заняли позицию у края крутого склона. С него мы и просматривали заросший тутовником двор, в котором сквозь листву деревьев мелькали разведчики группы захвата.

Едва я успел уточнить задачи снайперу и находящимся рядом со мной бойцам, как во дворе открылась интенсивная стрельба, чередующаяся с разрывами гранат. Стрельба прекратилась, как и открылась, внезапно. В эфире прозвучал взволнованный доклад заместителя командира роты старшего лейтенанта Олега Мартьянова. Замкомроты запрашивал вертолеты для эвакуации «трехсотого» и «двухсотого». Вертолеты Ми-8 баражировали над степью в нескольких километрах от нас и, спустя несколько минут, к подсевшей у подножия сопки «восьмерке», разведчики вынесли на пестрых афганских одеялах раненого и погибшего. Едва их загрузили на борт, как винтокрылая машина оторвалась от земли и понеслась в сторону госпиталя.

— Смотрите, духи! — увидел я двоих удаляющихся от подворья моджахедов, чьи спины мелькали среди кустов «зеленки» в 350 — 400 метрах от нас.

Пулеметчик дал в их сторону длинную очередь, но, похоже, он стрелял по направлению моей руки... Спрыгнув в окоп, я отобрал у него пулемет и со злостью стал бить короткими очередями по убегающим. Один из «духов» распластался на земле, второму все же удалось уйти...

Подробности боя выяснились уже на аэродроме. Вертушки зашли на площадку десантирования на минимальной высоте со стороны всходящего солнца, и в грохоте винтов боевых «двадцать четверок», прошедших над крышами афганского подворья, «духи» не услышали шум двух транспортных Ми-8, десантировавших наш разведотряд на сопку. Появление во дворе разведчиков группы лейтенанта Овсянникова застигло противника врасплох. Женька одним из первых спрыгнул с обрыва, образующего ограждение подворья со стороны сопки. Разведчики, действуя тройками, приступили к осмотру помещений. Четверо «духов», затаившихся в одном из сараев, бросились к калитке. Оружия разведчики у них не заметили. Овсянников несколькими прыжками настиг последнего из убегающих у самой калитки. Рванул его на себя за ворот рубахи. В это время бегущий впереди вскинул из-под накидки автомат АКМС. Что-то предпринять было уже поздно, и Женька прикрыл собой тех, кто бежал за ним...

Две пули попали Евгению в сердце, третья пуля, выпущенная из китайского автомата, застряла в его крепком плече. В том, которое он всегда подставлял своим боевым товарищам, и которым, возможно, уберег чьюто жизнь. Но одна из тех двух, которую он уже никак не мог задержать, прострелила крышку ствольной коробки автомата капитана Туркова и попала в 4командиру роты живот....

— Женьку спасайте, Женьке помогите, — цедил сквозь зубы медленно опускающийся на землю Алексей.

Женьке Овсянникову уже никто помочь не мог...

Капитан Турков Алексей Валентинович умер на операционном столе медицинской роты 66-й отдельной мотострелковой бригады. Военные медики сделали все, что могли. Умер Алексей с застывшей на устах улыбкой.

Лейтенант Евгений Иванович Овсянников и капитан Алексей Валентинович Турков награждены орденом Боевого Красного Знамени (посмертно).

Евгений Овсянников похоронен на кладбище поселка Тучково, Московской области. Спустя несколько месяцев после Женькиных похорон, у него родился сын — Евгений.

На Женькину должность прибыл мой однокашник по Киевскому ВОКУ лейтенант Виктор Красильников — умер 21 марта 1986 г. от ран, полученных в бою при проведении налета на караван бандформирований у кишлака Кулала 19 марта. Награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

Виктора Красильникова сменил выпускник Рязанского ВВДКУ 1985 года лейтенант Игорь Семин — погиб при подрыве на противопехотном фугасе 17 января 1987 г. Награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

Александр Подолян погиб в бою при захвате укрепрайона Карера 29 марта 1986 года, лично уничтожив в бою огнем из СВД более десятка «духов». Награжден орденом Боевого Красного Знамени (посмертно).

Такая была у нас работа. И судьба...

лейтенант Александр МУСИЕНКО,
командир группы 1-й роты 154 оо СпН

НАЛЕТ КУЛАЛА. *СПУСТЯ РОВНО 6 МЕСЯЦЕВ — 19.03.1986 Г.*

Во второй декаде марта 1986 года наш 154-й отдельный отряд специального назначения с оживлением воспринял информацию о предстоящем проведении налета на перевалочную базу моджахедов. В целях конспирации ее место не оглашалось, но все знали, что действовать придется в горном кишлаке, и соответственно к этим действиям готовились. За несколько дней до самого налета, разведывательный отряд спецназ 3-й роты отряда в ходе разведывательно-поисковых действий (РПД) в южных предгорьях Торгара (Черные горы) провел рекогносцировку района предстоящего налета. Истинные цели РПД — разведка района проведения налета и подбор площадок десантирования знал только командир разведотряда.

Являясь старшиной 1-й роты спецназ, от меня требовалось своевременно, согласно поданных командирами групп заявок, получить на роту боеприпасы (на подготовку к налету и сам налет), сухие пайки и различное мелкое, но необходимое имущество. В хозяйственной суматохе, я все же не забыл пристрелять личный автомат и доукомплектовать боеприпасами трофейный китайский пояс для автоматных магазинов, а проще — «лифчик».

19 марта разведывательные группы отряда с первыми лучами солнца были уже на аэродроме взлета армейской авиации Джелалабад. Я попросился в 1 разведывательную группу лейтенанта Виктора Красильникова, в которой, кроме самого Виктора, служили несколько моих близких товарищей — надежных сержантов и бойцов срочной службы. Я ведь и сам был почти их сверстником, недавно окончившим школу прапорщиков воздушно-десантных войск в Прибалтике.

Полет от аэродрома взлета Джелалабад до площадки десантирования занял около 30 минут. О подходе к посадочной площадке мы догадались по противозенитному маневру вертолета — рыскающему движению несущейся на максимальной скорости машины, чуть ли не цепляющей винтами и колесами шасси за проносящуюся под нами землю. В этот момент наивысшего предбоевого нервного напряжения, обычно все дружно начинали подкалывать друг друга, со всех сил стараясь удержаться на «сидушках» салона вертолета. Вибрируя корпусом, наша «восьмерка» сбросила скорость и, пару раз подпрыгнув от контакта шасси с землей, присела на сопку. Покидали вертолет и занимали круговую оборону мы уже под грохот стрельбы — и нашей, и «духов». Огневое воздействие противника на этапе десантирования ничего хорошего не предвещало. Мы потеряли свой основной козырь — внезапность, и противник на некоторое время перехватил инициативу.

«Духи», предвидя последствия окружения себя в кишлаке, зеленым оазисом примыкающему к горам Торгар, стали прорываться из блокируемого селения между тремя нашими посадочными площадками. Две площадки десантирования 1-й и 2-й роты разделял овраг, а площадку 3-й роты от нас отделяла старая Кабульская дорога. «Духи» попытались отойти в горы по оврагу. Достать их в овраге мог только огонь подствольных гранатометов, так как огонь стрелкового оружия представлял серьезную опасность для расположенных напротив соседей. Зато духи веером поливали огнем автоматов окружающие их сопки. Не имея возможности быстро укрыться от плотного огня противника, в первые мгновенья десантирования получили ранения старшина и радист 2-й роты. Несмотря на серьезное ранение, жизнь старшего прапорщика медикам удалось спасти. Радиотелеграфист получил пулевое ранение с повреждением паховой артерии. При таком ранении, если оперативно устранить обильное кровотечение не удается, смерть наступает от потери крови в течении нескольких минут. Остановить кровотечение в области паховой артерии мог только медик, но его рядом не оказалось...

В течение десяти-пятнадцати минут нам удалось уничтожить отходящих мятежников огнем всех трех разведотрядов. Остальные были блокированы в нескольких домовладениях кишлака Кулала. С первых минут боя стало ясно, что разведданные о нахождении на перевалочной базе «духовских» караванов бандгруппы численностью 15 — 20 человек явно устарели. В кишлаке и на прилегающих склонах гор мы насчитали около полусотни ослов и лошадей, что указывало на то, что в Кулале остановился на дневку крупный вьючный караван. В последующем у захваченного 3-й ротой пленного было установлено, что в Кулале находится около 80 мятежников. Таким образом количественное соотношение личного состава нашего разведотряда, состоящего из шести разведывательных групп по 10 разведчиков в каждом из шести десантировавших нас вертолетов Ми-8МТ и бандгруппы было не в пользу нападавших.

Нашей группе и группе из 2-й роты удалось захватить два домовладения, уничтожив укрывшихся в них боевиков. В одном из дворов лейтенант Красильников подобрал громкоговоритель, которым обычно управ-

ляли группой полевые командиры моджахедов. Вбежав в очередной двор, Витя стал подавать команды подчиненным, которые уже досматривали дворовые хозяйственные постройки. Всюду гремели разрывы гранат, слышались одиночные выстрелы и стрельба короткими очередями — «духи» не желали сдаваться без боя. В грохоте боя я все же услышал Витькины команды и побежал за ним. Забежав через ворота во двор, я увидел Красильникова уже лежащим на земле. Не обратив внимания на сержантов Коваленко и Рожновского и рядового Мочернюка, укрывшихся под навесом одной из дворовых построек, я бросился к командиру. В этот момент сильный удар в грудь отбросил меня на землю. Я стал задыхаться от острой боли в груди, в глазах поплыли черные круги, и на какое-то короткое время я потерял сознание. Дальше события развивались с поразительной быстротой, но описание их требует большего времени.

«Духовский» пулеметчик, вооруженный чешским 7,92-мм пулеметом ZB/VZ-26 «Brno», тяжело ранивший лейтената Красильникова и меня, занял оборону на втором этаже глинобитного дома. Сержант Павел Рожновский, действуя в тройке с сержантом Коваленко и рядовым Мочернюком, решил уничтожить пулеметчика, но едва он ступил на лестницу, как был сражен очередью того же пулемета. От прострела пулей на Пашке загорелся «пирофакел» (наземный сигнальный патрон красного огня — НСП-КО), обжигая пламенем лицо уже мертвого разведчика... Санинструктор роты Миша Мочернюк бросился к товарищу, надеясь еще помочь своему другу, но, сраженный огнем пулемета, упал рядом с ним.

В это время разведчики соседних групп и подгрупп уже спешили к злополучному двору. Передвигаясь перебежками в нескольких десятках метрах от спасительного глиняного дувала, получает смертельное ранение рядовой Анатолий Кушнеров. Когда Толика ранило, он вскрикнул и упал в пересохший арык. На оклик товарищей он ответил, что у него все в порядке... Каково было их удивление, когда несколько минут спустя его обнаружили мертвым — пуля попала в печень и задела другие жизненно важные органы.

Через довольно короткое время я пришел в сознание, все еще оставаясь посреди двора. Витька Красильников лежал рядом без сознания. «Дух», по всей видимости, считал нас мертвыми. Я кивнул сержанту Коваленко, и он бросил мне плащ-палатку, к углу которой была специально привязана веревка.

Превозмогая боль, я накатился на развернувшуюся плащ-палатку, вцепившись в нее руками и зубами. Вася в одно мгновение волоком вытащил меня из зоны обстрела под навес. Здесь огонь укрывшегося сверху «духа» уже не представлял опасности. Вася быстро вколол мне раствор промедола и наспех перебинтовал поверх одежды живот, на котором выступила кровь. Вася использовал свой и мой индивидуальные перевязочные пакеты — ППИ.

Свою ошибку он понял тогда, когда по моей просьбе посадил меня, прислонив спиной к стене. Раны оказались выше повязки — две пули навылет пробили грудь, и кровь, вытесняемая воздухом из пробитого правого легкого, хлынула из раны. Третьего перевязочного пакета у нас не

было... Его, по Васькиной просьбе, бросил нам из-за калитки рядовой Саня Егоров (погиб десять дней спустя – 29 марта при отражении контратаки моджахедов в ходе захвата укрепрайона «Карера»). Легкий матерчатый ППИ не долетел нескольких метров до навеса. Я не успел удержать Васю, как он в порыве спасения моей жизни потянулся за ним. Пулеметная очередь над моей головой сменилась оглушительной тишиной. Вася неподвижно лежал, сжимая в руках перевязочный пакет. На земле, как в немой сцене кино, вокруг Васиной головы расползалось кровавое пятно...

Подошедшие разведчики, определив откуда бьет пулемет, прижали пулеметчика огнем и не давали ему высунуться в окно или дверь, но «дух» продолжал вести неприцельный огонь короткими очередями.

Последнюю точку в этих драматических событиях поставил прибывший к нам на помощь заместитель командира 3-й роты лейтенант Геннадий Удовиченко. Он, приказав нам всем отойти через пролом в дувале, а сам решился на отчаянный шаг. Гена пробрался к помещению, где укрывался пулеметчик и, перекрикиваясь с ним, закрепил штурмовой заряд на опорном столбе под потолком первого этажа.

Меня и Красильникова уже эвакуировали на безопасное расстояние. Мы уже беспокоились за Генку. Со двора постоянно слышалась пулеметная и автоматная стрельба (Геннадий был вооружен автоматом). Как позже выяснилось, поджечь огнепроводный шнур зажигательной трубки Удовиченко смог только с третьей попытки. Ему, оставшемуся одному, то и дело приходилось постреливать из автомата, давая понять противнику, что разведчики все еще находятся во дворе.

Взрыв прогремел прямо под ногами «духа», обрушив под ним пол и стены. Рисковал Гена здорово, но выбора не было. Он принял решение и поступил так, как диктовали условия обстановки – не рискуя жизнями своих подчиненных.

Когда бой окончательно затих, меня, лейтенанта Красильникова и других раненых эвакуировали в медицинскую роту 66 омсбр. Спустя три дня Витя Красильников умер на госпитальной кровати от полученных в бою ран.

Первое, что я сделал, поправившись после ранения – это навестил мать Васи Коваленко в селе Лыповеньки, Кировоградской области на Украине. До последних дней своей жизни Васина мать хранила военную форму и награды сына – медаль «За Отвагу», орден Красной Звезды и орден Красного Знамени.

Позже, я неоднократно встречался с родными ребят, погибших в бою 19 марта 1986 года. Тех моих боевых друзей, которым я обязан жизнью. Огромное вам спасибо. Я помню вас. Мы вас помним...

Старшина 1-й роты 154 оо СпН
старший прапорщик Юрий ДУРНЕВ

КАРЕРА

Спецназ уходит по приказу
В налет на вражескую базу.
Его судьбу не предсказать,
А жить зачем, когда все знать?

Вопрос оставим без ответа:
Гаданье — скверная примета.
Такое горы не простят...
Храни, Господь! —
Веди, комбат!

В. КОШЕЛЕВ

875 фамилий наших погибших сослуживцев — разведчиков армейского спецназа, погибших в Афганистане выбиты на плитах Мемориала «Доблесть и память спецназа России» в парке Боевой славы г. Химки, Московской области. Проходят годы, и мы все острее ощущаем их отсутствие. Молодое поколение должно, хотя бы чуть-чуть, иногда прикасаться к нашей истории, хотя бы чуть-чуть представлять то, что было с нами... Эта статья прежде всего для них... Ибо прав Цицерон: «Не знать, что было до того, как ты родился, значит, остаться навсегда ребенком».

В августе 1985 года был организован боевой выход разведывательного отряда 334 оо СпН численностью 50 человек под командованием капитана Быкова в ущелье Карера. Из-за сложного рельефа отряд вышел в район поиска под утро и был обнаружен противником. Отряд принял бой, в ходе которого понес потери и отошел, тем не менее, была собрана информация о количестве огневых точек и путях подхода к ним, да и сама местность, столь усиленно охраняемая «духами», вызвала интерес у разведчиков. Собрав необходимую информацию, капитан Быков разработал операцию по налету на УР, но в связи с приказом командующего 40 ОА о запрещении боевых действий в пятикилометровой приграничной зоне, разрешение на ее проведение не получил. Командир 334 оо СпН, несмотря на запрет, самостоятельно принял решение провести налет на укрепрайон «Карера», получивший созвучное название с ущельем Крер. Для осуществления операции пришлось прибегнуть к хитрости.

Для утверждения в штаб ОКСВА было отправлено решение о проведении засады на переправе через реку Кунар на выходе из ущелья Крер. Штаб дал «добро», и две роты общей численностью в 45 человек пешком ночью выдвинулись в ущелье Крер. Выйдя на позиции, передали в Центр боевого управления отряда: «Находясь в засаде, вступили в бой с противником и, преследуя его, углубились в ущелье...». Зная, что противник значительно превосходит разведотряд в живой силе и вооружении (на вооружении гарнизона УР имелись минометы, безоткатные орудия, крупнокалиберные пулеметы ДШК, зенитные горные установки), решили

ограничиться налетом на два сторожевых поста моджахедов. Отряд разделился на три группы: первая осталась на хребте для обеспечения прикрытия и отхода, а вторая и третья должны были совершить налет на два поста. В непосредственной близости от постов выяснилось, что к одному из них трудно подойти из-за сложной местности. Поэтому на ходу приняли новое решение: одна группа атаковала пост, имевший удобные пути подхода, а вторая организовала засаду. После начала налета на втором посту охрана вышла из укрытий выяснить причину стрельбы — и подставила себя под огонь второй группы. Второй пост также захватили. Посты были оборудованы по всем правилам военного искусства: заглубленные укрытия для личного состава и огневых средств, склады с оружием и боеприпасами и продовольствием. Все предусмотрено для автономного ведения боевых действий. Удивила разведчиков и телефонная связь между постами. Весь налет занял 10 минут, после чего разведгруппы, забрав образцы вооружения и взорвав остальное захваченного у противника оружие и боеприпасы, начали отход. Темное время суток и группа обеспечения, которая отвлекла на себя огонь остальных постов укрепрайона, позволили группам беспрепятственно отойти.

Через пять месяцев органами безопасности Афганистана отряду был передан «язык» из укрепрайона «Крер» (советские военнослужащие его называли «Карера»), который подтвердил имеющуюся информацию и дал дополнительные сведения о численности личного состава, вооружения и расположении укрепрайона. Командованием 154 и 334 и отрядов специального назначения, был разработан план проведения совместного налета на УР Карера.

Вспоминает помощник начальника штаба 154 оо СпН лейтенант (на момент операции) Николай Зубков:

— За неделю до операции приезжает командир 154 оо СпН капитан Рамиль Абзалимов и говорит: «Готовьте операцию на Кареру». Надо сказать, что после «Гошты», когда мы двумя батальонами при взаимодействии с ДШБ 66-й отдельной мотострелковой бригады захватили этот укрепрайон на востоке провинции Нангархар, у всех была сильная эйфория — там столько взяли трофеев(!). Короче, опираясь на положительный опыт, решили и впредь проводить совместные налеты. Батальону Григория Быкова к такой войне не привыкать, они вообще только в составе отряда воевали и в «Карере» с переменным успехом не раз бывали, мы же воевали иначе. Ходили, в основном, в налеты на объекты в «зеленой зоне» по наводке МГБ ДРА: высадился, полтора-два часа отработал и на «вертушках» обратно. Это потом, в ходе действий, сказалось.

Подготовили карту. Начали планировать операцию. Комбриг Бабушкин с комбатами решение принимают, я на карту наношу то, что мне говорят. Отработали взаимодействие с 66-й омсбр. Из огневых средств придали нам огневой взвод 122-мм гаубиц Д-30 и «Града» одну машину. По задумке, Быков с батальоном выдвигался по одному хребту, где они бывали ранее, чтобы отвлечь духов на себя, а мы должны были скрытно выдвинуться по другому.

К утру следовало соединиться на главном хребте Спина в районе вершины горы Спинацука.

Как назло, в то время в батальоне была вспышка желтухи, шло увольнение в запас, а накануне 19 марта отряд потерял 5 человек убитыми и 7 ранеными. Всего с батальона в горы собралось около 80 человек.

Утром выехали на броне и к вечеру прибыли к переправе через реку Кунар. Начали переправляться. Броня и артиллерия остались, а остальные ушли на другой берег. Вся переправа заняла часа четыре: дохленький плот из бараньих шкур способен был вместить не больше шести-восьми человек. Сразу за Кунаром начиналось плато, а дальше шли горы. Подъем там очень крутой: с 600 м над уровнем моря на хребет до 2000 м. До отметки 1000 метров горы были лысые, а выше — шло редколесье и альпийские луга.

Когда переправлялись, откуда-то появилась информация, что плато до гор заминировано. Поехали искать тех, кто минировал. Искали до темноты, но, так и не найдя никого, двинулись в горы. Никто не подорвался...

У командира 2-й группы 1-й роты после гепатита печень отекла и по согласованию с комбатом я возглавил эту группу. «Ласку-2» (наш позывной) усилили несколькими хадовцами и поставили в арьергард.

Начался подъем. Рельеф был сложный. В некоторых местах для преодоления рубежа приходилось вставать друг другу на плечи.

Асадабадцы в это время по своему хребту продвигались с боем. Духи, по опыту зная, что те будут неотвратимо идти вперед, долбили их из ДШК и ЗГУ и на направлении их движения, и с позиций в ущелье.

Вспоминает начальник разведки 154 оо СпН лейтенант (на момент операции) Вадим Особенко:

— На хребте, по которому шли асадабадцы, около полуночи разгорелся бой. С высотки у кишлака Мамунда и с хребта работали ДШК, а с хребта еще и безоткатка. Радиостанции и у нас и 334-го отряда были одинаковые и мы прослушивали их переговоры. Если можно так сказать, «асадабадцы» шли красиво. В переговорах — никакой нервозности, суеты. Чисто рабочие моменты. Не знаю, кто у них шел в головном дозоре, но как сейчас помню его фразы: «Первый», я «Второй». По мне работает ДШК, попробую подойти поближе...». Пауза. Потом: «Первый», я «Второй», работаем гранатами...» Пауза. Опять: «Первый», я «Второй», идем дальше». И вот такая спокойная работа в море огня.

(В головном дозоре шли разведчики группы лейтенанта Андоея Зюбина — прим ред.)

С хребта, по которому мы поднимались, весь бой был как на ладони, и было до слез обидно, что мы ничем не можем помочь мужикам. Так получилось, что духи увлеклись 334-м отрядом и занялись только им. Ну, а оттуда, где мы поднимались, нас и вовсе никто не ждал...

Вспоминает заместитель командира 1 роты 334 оо СпН лейтенант Игорь Семенов:

— 334-й отряд с наступлением темноты перешел на левый берег реки Кунар по мосту в районе населенного пункта Новобад и, пройдя вдоль левого

берега около 10 км, начал подъем по северному, по отношению к укрепрайону, отрогу пограничного хребта. 334 оо СпН имел задачей подняться на господствующую высоту 2170 (гора Спинацука) и закрепиться там. При подходе к высоте 1917 головной дозор обнаружил выносной пост противника с флангов, зажимая его в тиски. Оставив безоткатное орудие и двух убитых, духи отошли на 50 м на оборудованные запасные позиции. С огневых точек укрепрайона открыли огонь из безоткатных орудий и крупнокалиберных пулеметов. Тем не менее, 334-й отряд продолжил силами трех групп сбивать противника с хребта и неуклонно продвигался к высоте 2170. В это время 154-й оо СпН вышел незамеченным на исходные рубежи и вскрыл все работающие огневые точки противника.

Вспоминает помощник начальника штаба 154 оо СпН лейтенант Николай Зубков:

— Когда лезли в горы, было темно, а вышли на пограничный хребет — и глазам открылась совершенно непривычная картина: вся долина в огнях, вдалеке самолеты какие-то летают, на посадку заходят. Здесь XIV век, а там XX. Справа от нас осталась господствующая высота (отм. 2180), которую комбату предложили занять, но он отказался от этого предложения...

Вспоминает начальник разведки 154 оо СпН лейтенант Вадим Особенко:

— Незадолго до рассвета выбрались на перевал Гулпрай. Сидим, решаем, что дальше, как вдруг прямо над ухом заорал мулла. Сначала не поняли, в чем дело, а потом дошло — это громкоговоритель с высоты 2182 — наступило время утреннего намаза. Нас здесь по-прежнему никто не ждал. Третья рота пошла на штурм огневых точек. Я, по указанию комбата, сменил во 2-й группе 1-й роты лейтенанта Зубкова, который остался с ним. 1-й роте была поставлена задача по блокированию границы и захвату высоты 2182.

Вспоминает заместитель командира 3-й роты лейтенант Геннадий Удовиченко:

*— Еще когда мы выдвигались к базе, по стрельбе ДШК полагал, что на высотке над кишлаком Мамунда обычная позиция крупнокалиберного пулемета. Но когда возглавлявший головной дозор командир группы лейтенант Виктор Абрамов доложил, что там целый опорный пункт в котором он насчитал 16 «бородатых» деваться было некуда — светало... Подойдя в тумане рассвета на дальность броска гранаты, стремительным налетом с криком «Ура!» мы захватили опорный пункт моджахедов (*база «Шахид Абдул Латиф» — *прим. ред.) с позициями ДШК, 82-мм миномета и спаренной зенитной горной установки ЗГУ-2. В бункере-укрытии базы было полно цинков с боеприпасами... В общей сложности было уничтожено 18 моджахедов и двое задержано. Потерь в роте не было.*

Вспоминает начальник разведки 154 оо СпН лейтенант Вадим Особенко:

— Посоветовались с командиром 1-й роты и решили, что нам (2-й группе и 3-й группе лейтенанта Александра Мусиенко) лучше выдвинуться на высотку в глубь территории Пакистана, что бы контролировать с нее все подходы к укрепрайону со стороны Пакистана. Благо недалеко — 120-150 метров.

Утро. Тишина. Солнышко уже припекает (примерно около 9.00) заместитель командира группы Василий Войцеховский толкает меня и говорит:

— Товарищ лейтенант, духи!

Смотрю — точно, из Пакистана прямо на нас поднимаются по тропе человек сорок. Подпустили мы их на 300 метров и дали из двух пулеметов ПКМ и шести автоматов. Кто попадал, кто успел за камни прыгнуть. Снова тишина. В пакистанский кишлак стали подъезжать грузовики с моджахедами. Спешившись, «духи» пошли в сторону хребта, на котором мы сидели.

Мы связались с артиллерией и снаряды полетели... на пакистанскую территорию. Другого выхода не было — духов в три-четыре раза было больше чем нас.

Вспоминает командир 3-й группы 1-й роты 154 оо СпН лейтенант Александр Мусиенко:

— Противник, блокировал огнем 1-ю роту и группу управления, подтянул с пакистанского лагеря «Баджар» резервы, просочился в глубь укрепрайона, отрезая нашим группам пути отхода. Менее чем через 2 часа ожесточенного огневого боя стала ощущаться катастрофическая нехватка боеприпасов к стрелковому оружию, хотя мы брали в налет по 800-1200 патронов на ствол.

Как и следовало ожидать, «духи» сбили с перевала Гулпрай атакой с высоты 2180 группу управления и связали огневым боем все остальные наши подразделения.

Какое-то время противника сдерживали огонь трофейного миномета и пулемета ДШК с позиций 3-й и 1-й роты, но запас мин был исчерпан, а в ДШК от перегрева разорвало ствол. На помощь группе управления вышла разведгруппа 3-й роты старшего лейтенанта Сергея Мишарина, но моджахеды оттеснили ее огнем и она вынужденно отошла к позициям 1-й роты.

Надо отдать должное тактическому искусству противника — контратака проводилась им профессионально. Но моджахеды не учли одного — против них воевали профессионалы не хуже. Обладая значительным превосходством в живой силе, но неся огромные потери от артиллерийского огня, «духи» применили классический со времен Вьетнамской войны тактический прием — «захват за пояс» (сблизились на расстояние, не позволяющее нам в целях собственной безопасности применять артиллерию).

Вспоминает начальник разведки 154 оо СпН лейтенант Вадим Особенко:

— Плотность огня была такой, что головы не поднять. Лежим с Войцеховским ничком и чисто наугад, высовывая автомат за камни, огрызаемся. Остальные бойцы также. Наверное, все же есть внутренний голос. Что-то меня заставило посмотреть в щель между камнями. А там, в 30 метрах от нас, «духовский» гранатометчик на колене, а второй номер в трубу гранату вставляет.

Ручные гранаты уже кончились. Тут меня как что-то подхватило. Высунулся по пояс и ударил из автомата навскидку — вроде попал. Потом Мусиенко гранатами туда еще поработал.

Дальше — больше. Чувствую, что уже невмоготу становится, патроны заканчиваются. Огонь по нам шквальный, духи все ближе и ближе — вот-вот в атаку бросятся.

Вспоминает командир 3-й группы 1-й роты 154 оо СпН лейтенант Александр Мусиенко:

— Мою группу от «духов» отделяло чуть более пятидесяти метров, так как подойти ближе к противнику не позволяли разрывы наших ручных осколочных гранат. Интенсивность огня моджахедов была настолько высокой, что мы не имели возможности даже на мгновение выглянуть из буквально тающих на глазах СПС (достаточно укрепленных и углубленных к этому времени). Ожидая атаку противника, находясь под перекрестным огнем, мы пытались вызвать с лейтенантом Вадимом Особенко (работали одним позывным «Ласка-2», так как находились друг от друга 10-12 м и обе наши группы занимали общий боевой порядок) огонь артиллерии «на себя» с началом атаки моджахедов. С артиллеристами мы уже договорились, но командир бригады, выйдя в эфир, запретил им и нам это делать.

Именно в эти критические минуты в небе появились «сталинские соколы» — так окрестил долгожданных вертолетчиков в эти минуты командир 334-го отряда майор Григорий Быков. Это был самый «лестный» эпитет на данный момент, так как правду о более чем трехчасовой задержке вертолетов, при двадцатиминутном времени подлета их с аэродрома базирования Джелалабад мы так и не узнали. Версии бытуют разные...

Вертолеты появились на максимальной высоте полета, и вертолетчики, выслушав наши упреки, попросили нас обозначить себя сигнальными дымами и ракетами. Заметить их с высоты более чем 3000 метров они смогли не сразу, а спускаться на меньшую высоту категорически отказались. Я вспомнил, что в рюкзаке РД-54 у меня лежит дымовая граната РДГ-2Б, припасенная для эвакуации раненого из-под огня противника. Только ее густое облако белого дыма позволило вертолетчикам заметить нас.

На боевой курс вертолеты заходили почти вертикально и, сделав один-два залпа из пушек или НУРС (неуправляемые реактивные снаряды), снова взмывали на максимальную высоту. Как бы там ни было, но с появлением вертолетов интенсивный обстрел наших позиций «духами» немного утих.

Вспоминает начальник разведки 154 оо СпН лейтенант Вадим Особенко:

— Когда подошли вертушки огонь «духов» ослаб и мы начали отход. Я и рядовой Александр Егоров из 2-й группы побежали перебежками. Дистанция приличная, да еще на подъем. Где-то на середине по нам уже пристрелялись. Старший лейтенант Олег Мартьянов с еще живым тогда переводчиком роты старшим лейтенантом Холмухамадом Розыковым, укрывшись в СПС, как могли, прикрывали мой отход огнем. Я буквально свалился на них.

— Уходи в дувал! — Крикнул мне Олег.

— Группу вытаскивать надо! — Отвечаю ему.

Олег сообщил, что группа отходит следом. Я забежал в дувал — там несколько бойцов в том числе и раненые. Думаю, вернусь к Олегу. Выбежал — и попал под сильный огонь. Лежит переводчик и радист роты Виталий Яку-

та уже убитые, а Олега рядом нет. Я за скалу — там духи, я обратно — в дувал. С трудом проскочил.

Вспоминает командир 3-й группы 1-й роты 154 оо СпН лейтенант Александр Мусиенко:

— К полудню во 2-й группе были двое раненых, но они могли самостоятельно передвигаться, мои бойцы были все целы, но сейчас и 2-я группа осталась со мной, так как начальник разведки отряда и рядовой Александр Егоров отошли к 1-й группе. Мы прекрасно понимали, после того, как вертолеты улетят, «духи» расправятся с нами за несколько минут, хотя и на отход без потерь шансов не оставалось. Сделав перекличку и определив порядок отхода, я начал вытягивать на себя располагавшегося ниже всех по склону раненого Шагарова. Несколькими часами ранее, я его лично перевязывал (пуля вошла в правую ключицу и вышла через лопатку, вывернув ее кости наружу). Шагаров довольно резво, маневрируя под огнем, отошел наверх. С Москвиновым, который находился с ним в одном СПС, возникла задержка — отходить под огнем противника, несмотря на слова приказа и даже угрозы тех, чей отход он явно задерживал, Дмитрий категорически отказывался... Его последние слова: «Отходите — я прикрою»... Медлить было опасно — каждая секунда решала судьбу всей группы. Отходя по одному, прикрывая друг друга, мы сосредоточились на маленьком пятачке вершины, отсутствовали лишь рядовые Буза и Москвинов. Александр Буза был сражен автоматной очередью, едва поднявшись следом за мной из СПС, а длинная очередь из пулемета, остававшегося у Москвинова, оборвалась разрывом гранаты...

Отправленный посмотреть, что с Москвиновым, младший сержант Войцеховский был встречен «духовскими» очередями с расстояния 20-30 метров, едва успев укрыться за камень. «Духи» были уже на наших позициях...

Вся группа молча уставилась на меня: «Что будем делать, командир?». Как можно короче объясняю бойцам, что на прежние позиции за Москвиновым и Бузой нам уже не пробиться — только с рукопашным боем, но потеряем еще несколько человек и, не имея достаточного количества боеприпасов, в конечном итоге погибнет вся группа, так как единственный коридор отхода сужается с каждой минутой.

— Бузу и Москвинова, кто останется жив, подберем ночью. За них и за вас живых я один отвечаю. — Делаю в конце заключение, убеждая больше себя, чем бойцов в необходимости отхода к основным силам роты, даже без двух человек.

В тот момент я отдавал себе отчет в том, что еще час такого боя и не только от группы, но и от роты может никого не остаться. После моих слов, у кого еще оставались ручные осколочные гранаты, метнули их по «духам» и, по предварительной договоренности, всей группой рассыпным строем бросились к 1-й группе.

После разрыва наших гранат «духи» выскочили на вершину горки, когда мы преодолели большую половину пути, и открыли по нам огонь. В нескольких десятках метрах от конечной точки маршрута, группы укрытий опорного пункта моджахед, удерживаемого 1-й группой, противник открывает по нам огонь справа — «духи» все же успели вклиниться между нашими группа-

ми, сбив часть 1-й группы с горки, которую она заняла рано утром, но так и не оборудовала там укрытия СПС...

Все больше и больше «фонтанчиков» и «царапин» появляется на земле у меня перед ногами. Все ближе и плотнее — кажется, что бежишь слишком быстро. Мысль притвориться убитым пришла неожиданно, словно голос свыше, но проделывать подобный трюк лишний раз никому не рекомендую, т. к. в бою по сраженному противнику большинство делает контрольный выстрел. Чуть позади меня падает Войцеховский, умудряясь втиснуться в небольшую промошну, которую я даже не заметил, и шепотом спрашивает, жив ли я. Вместо ответа кричу: «Отходим!», вскакиваю и бегу к сараю, из-за которого нас прикрывает рядовой Александр Кириллов. Взбежав на горку, я вваливаюсь в сарай за мной следом Саня Подолян и Валера Реутов. Наша попытка прикрыть отход остальной части группы вызывает интенсивный огонь моджахедов по входу сарая. Вокруг духи. Выйти на связь с Войцеховским я не могу — свою радиостанцию он отдал Особенко. Так в неведении о нем и оставался до вечера, смирившись с непоправимым...

Вспоминает заместитель командира 335-го отдельного боевого вертолетного полка подполковник Юрий Владыкин:

— В 10 часов утра 29 марта на КП полка пришел запрос из района от командира бригады Владимира Бабушкина на эвакуацию трофеев. Пошли парой Ми-8 и парой Ми-24. Когда подлетали к району боевых действий, Ми-8 забрались на 5000 м, а мы шли на высоте 3700. При подходе к району боевых действий комбриг сообщил мне квадрат карты, в котором следует сажать вертолеты. Я прикинул, что указанный им квадрат находится в непосредственной близости от границы, а второй — на территории Пакистана. Мы имели запас высоты, и я внимательно изучил местность. Граница проходила по хребту — так называемая «Линия Дюранта». Сориентировавшись, я ответил Бабушкину, что мы работать в указанных квадратах не можем. Нам запрещено входить в зону ближе 5 км до ленточки (границы).

В ответ открытым текстом Бабушкин сообщил:

— Юрий Иванович, надо наших ребят забрать. Никакие там не трофеи.

Я как старший дал команду экипажам Ми-8 сесть в районе командного пункта командира бригады (населенный пункт Пашат), а сам полетел осмотреть местность. С воздуха было видно, что на хребте и за ним шел очаговый бой. Стрелкового оружия не было заметно, а вот по дымам были видны работающие ДШК и ЗГУ. Работали они в нескольких местах, но трасс не было видно, только красноватые вспышки выстрелов по обрезу ствола ЗГУ и характерное, как сварка, у ДШК.

Сразу поле боя детально осмотреть было невозможно, и мы стали уточнять, где и кому нужна помощь. С одной из точек в эфир вышел сержант-десантник (лейтенант Особенко — прим. ред.) и сообщил:

— Духи озверели, начали забрасывать гранатами, прошу помощи, или через несколько минут спасать будет некого.

— Сколько метров от тебя можно работать, — спросил я.

— В 20-30 метрах.

К этому моменту я нашел на хребте что-то похожее на дувал (советские военнослужащие в Афганистане дувалами называли не только глиняные заборы, но и глинобитные постройки — *прим. ред.*). *И около него копошащиеся группы людей (речь идет о втором заходе на цель, через 10-15 минут, когда группа Мусиенко уже отошла со своей позиции — прим. ред.). На таком близком расстоянии от дувала мы работать по ним не могли. Но ведь надо было. Зная о том, что все разговоры записываются бортовым магнитофоном, я приказал ведомому:*

— «Задачу понял, работать не могу, работать запрещаю, повторяй мои маневры» — фактически сделал запись для прокурора...

Мы снизились на высоту 150 — 200 м над горами. Самый высокий гребень был выше нас. Тяжело было решиться на открытие огня — была велика вероятность попадания по своим. Стали работать из пушек, бьющих наиболее точно. Стреляли с минимальной дистанции. Умом понимал, что даже если попадем по своим — душманов отгоним. Под шквалом огня духи вынуждены были начать отход. Когда расстояние между дувалами и противником увеличилось до 150 — 200 метров, дали залпы НУРС.

По радио передал для КП полка, что в таком-то квадрате десант ведет бой, прошу разрешения работать.

Как потом узнал, в этот момент на КП было большое замешательство. Все видели, что бой идет на границе. Запрос КП Кабула не дал результата — они бросились докладывать во все инстанции, а ввязываться в бой не разрешили. Командиром нашего полка был полковник В.П. Целовальник, опытный и сообразительный летчик. Когда я запросил смену по расходу топлива, он догадался, что главная причина в другом — в боеприпасах. Хотя мы провели в воздухе всего 40 минут. И, не раздумывая, выслал нам смену.

Вспоминает помощник начштаба 154 оо СпН лейтенант Николай Зубков:

— На горку, которую мы не заняли, вышли духи и начали долбить наш КП сверху. В результате пришлось перемещаться по хребту в сторону 3-й роты. Группа 2-й роты во главе с лейтенантом Юрием Бурлакой, прикрывала отход управления отряда КП, а позже выносила из-под огня тяжело раненого начальника штаба майора Анатолия Петунина. Прилетевшие позже вертолеты сообщили, что «Ласки-2» больше нет. Там все лежат и не шевелятся... Но «Ласка-2» была жива... На плечах отходящей «Ласки-2» духи ворвались на позиции 1-й роты и разведчики вместе вступили в ближний бой с наседавшими моджахедами.

Духи вклинивались и в разрыв между нашим и 334-м отрядом, заняв хребет Спина восточнее вершины горы Спинацука.

Связь командного пункта отряда с подразделениями была утрачена, и комбат послал меня и еще одного бойца за 3-й ротой. От помощи бойца я отказался: если с ним что-то случится, я его не брошу, и тогда мы оба не дойдем. Одному проще. Меня прикрыли огнем, и я побежал в сторону 3-й роты. Нарвался на «духов», петлял как заяц, но, в конце концов, они прижали меня огнем. Пришлось укрыться за огромным валуном. Отстреливался. Когда духи поняли, что меня так просто не взять, стали долбить из гранатомета по камню. Сначала вроде бы ничего: камень надежно прикрывает, но

через несколько выстрелов из ушей пошла кровь. От валуна отойти некуда, дальше обрыв Последнее, что помню — лечу с обрыва...

Очнулся — несут. Пригляделся — свои. Притащили меня на пункт сбора на базе 3-й роты. К этому времени духи уже и по нему долбили. «Вертушки», вызванные для эвакуации, сесть не могли, так как им пришлось бы садиться между нами и духами, а это всего-то метров 200-250. Активного противодействия нам не было, просто «духи» блокировали нас огнем, сосредоточив все усилия на 1-й роте.

Вспоминает командир 3-й группы 1-й роты 154 оо СпН лейтенант Александр Мусиенко:

— Сарай в котором укрылись я, рядовые Кирилов, Подолян, Великий и Реутов имел толстые стены, сложенные из плоских колотых камней без раствора. По нашему укрытию стала работать безоткатка и из стены стали сыпаться камни. Где-то в это время при отходе погиб рядовой Егоров, прикрывая дымами отход товарищей... Когда «духи» снова открыли огонь по нашему сараю, я предложил сменить укрытие. Первым проделать столь опасный маневр никто не решился и пришлось подавать личный пример. Решение мое было рискованное, так как противник простреливает с 30-40 метров выход из сарая, а в нем стала гореть крыша да и прочность стен вызывала сомнения. При преодолении уступа верхней террасы склона облако взбиваемой пулями пыли и песка и грохот автомата над головой заставили меня прижаться к земле. Над входом в пещеру стоял в полный рост «дух» и расстреливает меня, ведя огонь из автомата от пояса. Выпустив непрерывной очередью 10-15 пуль, он резко сел, а я, оторвавшись всем телом от земли, буквально влетел в пещеру. Позже я узнал, что вставшего в полный рост «обнаглевшего духа» снял метким выстрелом наш снайпер сержант Кончанин. Оказавшись в пещере, кричу своим бойцам, чтобы оставались в сарае и никуда не дергались, так как «духи» сверху над пещерой и их оттуда не выбить.

Пещера Г-образной формы имела общую длину до четырех метров. На полу пещеры, застланом куполом парашюта авиабомбы, разбросаны упаковки с медикаментами, мотки телефонного кабеля, аккумуляторные батареи, а в боковой нише уложены в штабель около тридцати 107-мм РС. Реактивные снаряды — имея аккумуляторы и провода — можно было бы с успехом применять по «духам», подготовься мы к обороне, а не к «эвакуации вертолетами»... Найденным бинтом, перевязал слезящийся после попадания осколка пули глаз (только утром следующего дня из глаза был удален кусочек медной оболочки пули). В пещере нашел несколько пачек 7,62-мм автоматных патронов китайского производства и еще раз убедился в причине большой популярности 7,62-мм Калашникова среди военнослужащих боевых подразделений 40-й Армии, После этого боя «на войну» я ходил только с АКМС (и не только в Афганистане).

Реанимировав перебитую пулей моджахеда над пещерой антенну радиостанции (заменил куском провода), прислушиваюсь к радио-эфиру, забитому несколькими более мощными, чем у меня, радиостанциями — пытаюсь связаться с командиром роты или отряда, но моя попытка сообщить о себе и

группе даже с помощью выброшенного наружу конца «антенны» ни к чему не приводит — нештатная антенна позволила некоторое время работать только на прием, пока не «село питание».

Вспоминает начальник разведки 154 оо СпН лейтенант Вадим Особенко:

— Находясь в дувале, в ходе боя неудачно брошенная в окно граната Ф-1 разорвалась внутри помещения. Осколками, к счастью, никого не зацепило, но контузию и я и остальные получили серьезную.

Очнулся от того, что комбат меня по щекам бьет, спрашивает:

— Вадим, живой? Живой?

Выполз из дувала — темень, слышно, что рядом много людей. Это наши собирали раненых и убитых. Голова гудит, трясет в ознобе. Забрался в соседнюю пещеру, там убитые лежат, растолкал их, улегся между ними и опять отрубился. Чисто случайно опять нашли, растолкали, начали отход. Встретил Василия Войцеховского с остатками группы. Им повезло. Васька не полез в гору, а сумел ползком по лощине вывести оставшихся в живых (5 человек) к 3-й роте, чудом незаметно просочившись через боевые порядки моджахедов.

Вспоминает заместитель командира 335-го отдельного боевого вертолетного полка подполковник Юрий Владыкин:

Дальнейшие события развивались так. Прилетев на аэродром в Джелалабад, я пришел в штаб полка. Сейчас за время точно не ручаюсь, может быть, прошло часа полтора. А на аэродром уже запросился и сел самолет из Кабула. В числе прочих пассажиров был представитель военной прокуратуры, который с ходу запросил «проволоку» из моего бортового магнитофона. Судя по всему, человек он был знающий, поскольку ухватился за эту деталь. Прослушав переговоры, где речь шла об отказах выполнять задачу, он был удовлетворен и больше ничего не «копал».

Вскоре поступила команда из Кабула о поддержке окруженных групп, и я снова полетел в тот район.

Всех деталей, творившихся на земле, я не видел. Но кое-какие группы, обозначившие себя дымами, мы хорошо поддержали. Запомнил такой эпизод: духи ослами затаскивали на хребет какое-то тяжелое вооружение и мы их сбили со склона.

Через некоторое время обстановка опять накалилась. Против малочисленных групп десантников, легко вооруженных, из глубины Пакистана стали подтягиваться войска (на самом деле армейскими грузовиками перебрасывались моджахеды из лагеря подготовки «Баджар» и малиши (военизированная пограничная стража Пакистана из приграничных пуштунских племен) *— прим ред.). Это хорошо было видно с воздуха. Я доложил Бабушкину, что вижу колонну автомобилей. В кузовах — пехота. Многие были одеты в черные комбинезоны (малиши* или «духи» из полка личной гвардии Саяфа). *Ущелье, по которому шли грузовики, упиралось в хребет. Видимость была скверная — солнце опускалось за горы, но мы приняли грех на душу и зашли вдоль колонны...*

Вспоминает помощник начштаба 154 оо СпН лейтенант Николай Зубков:

— Ночью две роты «асадабадцев» начали нас вытаскивать. У них не хватало рук, чтобы нести 6 километров по горам убитых и раненых до места, где могли сесть вертушки. Полдороги меня на себе тащил командир 1 роты 334 оо СпН Александр Кистень, пока я не оклемался и сам не пошел. «Асадабадцам» в горах цены не было. Вышли на маленькое горное плато — все равно, что на край крыши небоскреба... Внизу, за рекой наша броня стоит.

Раненых и убитых эвакуировали вертолеты, одновременно высадив на хребет десантно-штурмовой батальон 66-й бригады. Наш батальон должен был находиться на отметке 1917 и с наступлением темноты вернуться в укрепрайон для поиска пропавших без вести. Движение приказали начать после того, как дшб закрепится на хребте у подножья горы Спинацука. Наблюдая высадку, мы усомнились в возможности десантников, тяжело груженных вооружением, бронежилетами, касками и боеприпасами, своевременно выйти на указанный рубеж. До вершины дшб так и не смог дойти, поэтому 334-й отряд выдвинулся с наступлением темноты, а 154-й отряд перебросили вертолетами к броне.

Весь день мы наводили артиллерию и авиацию на укрепрайон, чтобы воспрепятствовать возврату в него противника. «Асадабадцы» еще более суток искали четверых пропавших без вести из нашего отряда. Старшего лейтенанта Димку Афиногенова обнаружила 3 рота и до вертолетной площадки его тащила группа лейтенанта Сергея Гаврилова.

Хотя «асадабадцы» с нашими проводниками обыскали всю горку, где находились Буза и Москвинов — никого там не нашли... С наступлением рассвета поиск их прекратили.

Воспоминания участников этого боя в конце 90-х годов были опубликованы в одном из журналов, вызвав полемику из-за несовпадения рассказов очевидцев, их оценок и выводов. Ниже приводятся воспоминания еще одного очевидца — со стороны противника.

КАРЕРА. ВЗГЛЯД ПО ОБЕ СТОРОНЫ

«В результате наземно-воздушной операции в районе Крер 28 марта советские войска в ходе пятнадцатичасового боя уничтожили 26 моджахедов, разрушили военные сооружения, но потеряли при этом 42 человека. 29-30 марта при деблокировании базы моджахеды уничтожили 70 афганских и 50 советских военнослужащих. 29-31 марта в течение двухдневного боя в ущелье Крер моджахеды нанесли советским войскам большой урон, потеряв при этом 42 человека, но выбили их из укрепрайона и захватили трех пленных».

Журнал «Pakistan Strategic Studies Review». 1986 г..

История этой операции советского спецназа в начале 1986 г. в Афганистане полна не только героических, но и трагических моментов. Ее результаты оцениваются как у нас, так и за рубежом неоднозначно. В силу высокой напряженности и многоплановости боя даже люди, участвовавшие в этой операции и находившиеся друг от друга в нескольких метрах, судят об одних и тех же событиях по-разному. Иногда противореча друг другу... Что ж истина где-то посредине. Но есть и третья сторона, вернее, вторая — та, что противостояла советским спецназовцам в районе Крер (местное название местности). Спустя более чем двадцать лет мы имеем возможность взглянуть на бой, развернувшийся в горах на афгано-пакистанской границе как бы с двух сторон.

Это рассказ об этой операции полевого командира оппозиционной партии Исламский союз освобождения Афганистана (ИСОА) Ассадуллы*, который был записан американским офицером морской пехоты и опубликованный в книге «Афганистан. Партизанская война». Комментирует рассказ Ассадуллы командир разведывательной группы 154-го отдельного отряда специального назначения, непосредственный участник боя.

*По имеющимся сведениям, командир полка Ассадулла родился в кишлаке Чаркала провинции Кунар. Имеет высшее образование, в 1978 году эмигрировал в Пакистан, где поступил в военную академию ИСОА и прошел годичный курс обучения. После этого был назначен командиром полка, расположенного в афганском горном районе Крер. Формирование, которое возглавил Ассадулла, входило в группировку Асамы бен Зейда, крупного полевого командира и ярого приверженца ислама. Полк принадлежал обществу Саяфа (ИСОА, лидер Абдул Раб Расул Саяф).

Воспоминания Ассадуллы:

В конце марта 1986 г. советские и афганские войска предприняли решительное наступление на укрепленный район Крер. Этот укрепрайон был оборудован к востоку от уездного центра Саркани в провинции Кунар, на границе с Пакистаном. В горном районе моджахеды оборудовали две базы

«Шахид Абдул Латиф» и «Фатха». С обеих баз можно было выйти в Пакистан в район Баджар. Эти базы не только являлись опорными пунктами, но и выполняли роль крупных военных складов моджахедов в провинции Кунар. Гарнизон укрепрайона составлял полк, командиром которого я являлся. Близость к Пакистану способствовала быстрому наращиванию сил базы. В конце марта, к моменту начала операции, численность моего полка была неполной. К исходу боя она увеличилась до 400 человек за счет усиления, прибывшего из соседнего Пакистана.

Комментарии командира группы спецназ 154 оо СпН:

По имеющейся у советских войск информации, гарнизон укрепрайона «Карера» насчитывал 80-100 моджахедов. У них имелись 82-мм минометы и безоткатные орудия, пусковые установки 107-мм реактивных снарядов, 12,7 и 14,5-мм крупнокалиберные пулеметы. Согласно решению командира 15-й отдельной бригады специального назначения, захват укрепрайона «Карера» должен был проводиться силами пяти разведотрядов по 25-40 человек из 154-го и 334-го отдельных отрядов специального назначения (общий боевой численный состав 126 человек) при поддержке двух 122-мм гаубиц Д-30 и реактивной системы залпового огня БМ-21. Советский спецназ не обладал необходимым превосходством для ведения штурмовых (наступательных) действий, поэтому основной упор в его действиях был сделан на внезапность и высокий профессионализм офицеров и солдат.

Воспоминания Ассадуллы:

Мы обладали некоторой информацией о готовящейся операции, но не знали точного срока ее начала.

Комментарии командира группы спецназ:

Необходимую разведывательную информацию моджахеды получали в результате постоянного наблюдения за гарнизонами советских войск. Приготовление к боевой задаче 334 ооСпН, расположенного на окраине Асадабада, скрыть от наблюдателей моджахедов было тяжело. Дополнительную разведывательную информацию им предоставляло ЦРУ США, получавшее ее от агентурных источников. Кроме этого американцы вели постоянную радио— и космическую разведку советских войск в Афганистане.

Воспоминания Ассадуллы:

Наконец в конце марта, когда погода оставалась еще достаточно холодной и вершины гор были покрыты снегом, мы обнаружили перемещение войск противника из Саркани через Навабадский мост. Противник не предпринимал никаких мер маскировки и явно хотел привлечь наше внимание. Как выяснилось позже, данный маневр являлся частью плана, суть которого заключалась в том, чтобы отвлечь наше внимание от переброски советских войск из Пашата, расположенного примерно 20 км юго-западнее Саркани.

Комментарии командира группы спецназ:

С наступлением сумерек разведывательный отряд 334 оо СпН в пешем порядке переправился через реку Кунар по Навабадскому мосту. От-

ряд прибыл к мосту заранее, но разведчики построили колонну боевых машин вдоль реки, демонстрируя готовность начать движение в юго-западном направлении по автодороге Асадабад — Джелалабад. В этом и заключался основной замысел по дезинформации противника. До момента перехода моста через Кунар моджахеды находились в неведении, куда пойдут советские войска. Тем временем разведывательные группы 154 оо СпН на надувных плотах, взятых у местных жителей, переправились через реку Кунар в районе кишлака Пашат и стали выдвигаться, охватывая укрепрайон противника с юга. Маневр остался незамеченным для моджахедов, поскольку район переправы был скрыт находящимся юго-западнее «Кареры» хребтом.

Воспоминания Ассадуллы:

Удара отсюда мы не ожидали. Мы были готовы к отражению наступления противника со стороны Саркани и поэтому большую часть своих сил расположили именно здесь, на входе в ущелье, ведь это был основной путь подхода к укрепрайону. Я думал, что противник им и воспользуется.

Комментарии командира группы спецназ:

Ассадулла рассуждал верно — по этому пути разведчики 334 оо СпН не впервые проникали в укрепрайон «Карера», совершая налеты на его сторожевые посты и опорные пункты. Однако Ассадулла, несмотря на обучение в течение года у американских инструкторов, так и не усвоил, что наблюдение и оборона в горах должны иметь круговой характер.

Воспоминания Ассадуллы:

Смешанная колонна советских и афганских войск с местным проводником перешла Навабадский мост северо-восточнее Саркани и ближе к вечеру достигла моих передовых позиций. Я ожидал их, и колонна встретила ожесточенное сопротивление. Обе стороны понесли большие потери.

Комментарии командира группы спецназ:

Афганские войска, за исключением нескольких оперативных сотрудников МГБ Афганистана, в захвате укрепрайона «Карера» участия не принимали. Разведчики 334 оо СпН выдвигались пешей колонной, глубиной чуть более двухсот метров. Известно, что афганцы, как многие жители Востока, склонны к преувеличению. Большие потери, о которых упоминает Ассадулла, понесли только моджахеды, когда штурмовые группы 334 оо СпН последовательно сбили два расположенных на хребте сторожевых поста моджахедов. Разведчики уничтожили в общей сложности 25-30 боевиков. Кроме того, спецназовцам удалось захватить крупнокалиберный пулемет ДШК, 82-мм БО и ручное стрелковое оружие. Ассадулла пытается оправдать свои потери потерями советских войск, но это далеко от истины. У разведчиков не было даже раненых, несмотря на то, что они штурмовали позиции противника, двигаясь снизу вверх, а сопротивлялись мятежники действительно ожесточенно. Сказался высочайший профессионализм спецназовцев. Их подготовка была выше той, что обладали моджахеды, обучавшиеся в лагерях, расположенных в соседнем Пакистане.

Воспоминания Ассадуллы:

В это время советская пехота (возможно, это были подразделения спецназа) начала продвижение вдоль хребта со стороны Пашата в тыл моим силам.

Комментарии командира группы спецназ:

Ассадулла, безусловно, лукавит, делая такое предположение. Он имел опыт боевых действий с советскими войсками и, несомненно, мог без труда отличить спецназовца от обычного пехотинца или даже десантника. Конечно, он не мог не знать, против кого воевал в «Карере» в ходе боя, но после это ему наверняка было известно.

Воспоминания Ассадуллы:

Противник скрытно выдвинулся в тыл моей обороны и овладел одной из высот пограничного хребта. Ведя оттуда огонь, советские подразделения уничтожили обе базы, включая основную складскую зону (была расположена в нежилом кишлаке Мамунда — *прим. ред.)*. К следующему утру мы потеряли все укрепления и были окружены.

Комментарии командира группы спецназ:

Обойдя укрепрайон с левого фланга, разведчики 154 оо СпН вышли в тыл противника и овладели двумя его основными опорными пунктами, уничтожив около двадцати моджахедов и несколько человек захватили в плен. К рассвету 29 марта 1986 г. разведчики 154 и 334 отдельных отрядов специального назначения полностью и без единой потери овладели укрепрайоном «Карера». После доклада руководству о результатах проведенной операции они получили указание ждать эвакуации вертолетами. В результате боя у мятежников захвачены: 82-мм миномет, два 82-мм безоткатных орудия, три 14,5-мм зенитные установки (одна спаренная), четыре 12,7-мм крупнокалиберных пулемета ДШК, около 20 единиц стрелкового оружия, свыше 10 тонн различных боеприпасов и снаряжения, а также телефонную станцию (коммутатор).

Воспоминания Ассадуллы:

Мне удалось вырваться из Крера, перейти через пакистанскую границу и добраться до лагеря в Баджаре, стоящего в 10 км восточнее укрепрайона. Оттуда на помощь моджахедам немедленно выдвинулось усиление. Рано утром мы пересекли границу и скрытно вышли к району Крер, так как противник блокировал только основную дорогу.

Комментарии командира группы спецназ:

Из-за ночного боя 334-го отряда произошла задержка с выдвижением его на намеченные рубежи, поэтому разведподразделения «асадабадского» отряда не смогли к установленному времени выйти к границе. Прикрытие опасных направлений на пограничном хребте осуществляли только две сводные разведывательные группы 1-й роты 154 оо СпН (всего 26 человек). Разведчики 2-й разведгруппы (13 человек) открыли огонь по прорывающейся в Пакистан небольшой группе боевиков, уничтожив в бою пять моджахедов. Но «духи» все же прорвались в Пакистан, возможно, среди них был и полевой командир Ассадулла. Плохо было то,

что моджахедам удалось вскрыть позиции нашей группы. Через полтора-два часа разведчики вступили в неравный бой с превосходящими их в 15-20 раз силами противника. До этого разведчики только корректировали огонь артиллерии, наводя его на выдвигающихся боевиков, и в течение нескольких часов совместно с 1-й группой роты удерживали самую высокую в системе обороны отряда высоту с отметкой 2182. Вряд ли можно сказать, что моджахеды как-то пытались замаскировать свои действия. «Духи» приехали на грузовых автомобилях, спешились за 2-3 км от границы и двинулись колоннами по 10-15 человек на наши позиции. Интервал и дистанция между группами составляла 100-200 м. Завязался ожесточенный бой, в ходе которого было убито не менее 30-40 боевиков. Только снайпер рядовой Александр Подолян уничтожил около десяти моджахедов. Оборона разведчиками сводной 2 группы была организована грамотно, так как в бою с превосходящим противником к полудню 29 марта в группе было всего двое раненых, но и те могли вести бой и передвигаться самостоятельно. Однако боеприпасы быстро заканчивались, а пополнить их никак не удавалось – подступы к группе простреливались противником, взявшим ее в полукольцо окружения. Ширина простреливаемого противником перешейка на голом травянистом склоне, соединяющем вторую группу с первой, составляла чуть более 100, а длина — около 150 метров.

Основная тропа моджахедов (перевал Гулпрай) была блокирована подгруппой управления отряда численностью 25 человек. Несмотря на настойчивый совет командира 1-й роты командиру батальона занять соседнюю господствующую высоту (отметка 2180), подгруппа управления расположилась все же непосредственно на перевале...

Воспоминания Ассадуллы:

В полдень, двигаясь с группой из шести человек, мы наткнулись на советское подразделение. По всей видимости, это была подгруппа управления. Мы атаковали их. В ходе короткого, но ожесточенного ближнего боя, в котором обеими сторонами применялись ручные гранаты, мы убили старшего советского офицера. Возможно, это вынудило их к отступлению. Прибывшие на помощь моджахеды атаковали позиции советских подразделений.

Комментарии командира группы спецназ:

Моджахеды под прикрытием горного леса сумели с боем подойти к подгруппе управления на близкое расстояние и сбить ее с перевала. Подгруппа состояла из командира отряда, его заместителя, начальника штаба, нескольких офицеров управления, трех-четырех радистов, группы охраны (разведгруппа 2 роты) и восьми военнослужащих Министерства государственной безопасности Афганистана (ХАД) — всего около 25-30 человек. При отходе тяжелое пулевое ранение в позвоночник получил начальник штаба отряда майор Анатолий Петунин (он умер через два года — сердце не выдержало очередной хирургической операции). Там же были ранены два офицера: врач отряда Александр Лапини и помощник начальника оперативного отделения бригады Сергей Лукьянов. Отход группы управления

прикрывали огнем из трофейного миномета заместитель командира 3-й роты Геннадий Удовиченко, а огнем из захваченного ДШК — разведчики 1-й группы 1-й роты. В ходе боя был израсходован весь боекомплект мин, а у китайского ДШК разорвало ствол. Запасной ствол в опорном пункте отсутствовал. «Духи» общей численностью около четырехсот человек наступали с разных направлений, и разведчики едва сдерживали их натиск. Для обеспечения отхода группы управления была задействована вся артиллерия, огневые позиции которой размещались на северной окраине кишлака Пашат. Когда противник сбил группа управления с перевала все свои силы он сосредоточил на блокировании и уничтожении 1-й роты, занимающей оба склона господствующей высоты 2182 на пограничном хребте. Когда во 2-й разведгруппе закончились боеприпасы, она стала отходить к 1-й группе. Но та, неся потери от сосредоточенного огня противника, была вынуждена оставить часть своих позиций на вершине высоты и отойти на ее южный склон, заняв огневую позицию в заросшем вечнозеленым падубом скальнике. При отходе 2-й группы моджахедам удалось отсечь огнем с расстояния 60-80 метров ее часть (5 разведчиков), которая с боем и без потерь пробилась к 3-й роте.

При отходе группы погибли рядовой Александр Буза и Дмитрий Москвинов. Чуть позже, уже в ходе неравного боя на высоте 2182 сложили головы шестеро разведчиков 1-й роты: переводчик роты старший лейтенант Холмохамад Розиков, рядовые Александр Егоров, Александр Подолян, Владимир Великий, Виктор Эйнорис, Сергей Косичкин, Александр Якута и Михаил Разливаев (3 рота). Семь военнослужащих 1-й роты получили различные ранения. Но разведчики 1-й роты продолжали вести бой до ночи, сдерживая натиск моджахедов — дрогни они, и участь 3-й роты и управления отряда, расположенных в ущелье Крер, была бы предрешена...

Воспоминания Ассадуллы:

Уже к вечеру мы вновь овладели базами и обнаружили советских солдат в одной из пещер. В результате неудавшейся попытки захватить их несколько моджахедов были убиты и ранены огнем 5,45-мм автомата. В конце концов мы уничтожили советских солдат выстрелом из РПГ. После боя мы похоронили своих погибших и эвакуировали раненых.

Комментарий командира группы:

Ни один из своих опорных пунктов моджахеды не отбили. Все, что им удалось сделать, — сбить с перевала подгруппу управления отряда и несколько потеснить 1-ю роту. Отбив у нее позицию 14,5-мм зенитной горной установки ЗГУ-1, расположенной на самой вершине высоты 2182, но в самом опорном пункте разведчики продолжали вести ближний бой, применяя в критические моменты даже ручные гранаты. Единственная пещера, в которой держал оборону автор этих комментариев (вооруженный 5,45-мм автоматом), действительно интенсивно обстреливалась из РПГ. Вызвав огонь артиллерии и вертолетов на себя, укрывшись в сооружениях опорного пункта моджахедов и среди скал, разведчики 1-й роты до темноты вели огневой бой со значительно превосходящим их противником.

Отошел 154-й отряд только ночью, эвакуировав раненых и погибших, в чем им оказали огромную помощь разведчики 334 отряда, так как своими силами эвакуировать 8 погибших и 16 раненых в высокогорье «джелалабадцы» физически не моги (для переноски одного погибшего требуется четыре человека, раненого – шесть). На следующий день разведотряд 334 оо СпН вернулся в укрепрайон, осуществляя совместно с военнослужащими 154 оо СпН поиск четверых пропавших без вести военнослужащих. Двоих – раненого старшего лейтенанта Дмитрия Афиногенова и прикрывавшего его рядового Мельникова – удалось обнаружить, а рядовых Москвинова и Бузу найти там, где их оставили, не удалось.

Воспоминания Ассадуллы:

Следующим утром в пещере были обнаружены трупы советских солдат. В результате сражения мы потеряли 25 процентов своих войск (32 человека было убито и 40 ранено). Я думаю, что потери противника были значительно больше, так как мы захватили около 60 единиц стрелкового оружия.

Комментарий командира группы:

Моджахеды вынесли с поля боя тела погибших разведчиков Александра Бузы и Дмитрия Москвинова, но они погибли не в пещере, а в открытом бою на безымянной пакистанской высоте, с честью выполнив свой воинский долг. Оправдывая свои потери, Ассадулла явно завысил потери советских войск. В бою 29 марта 1986 г. разведчики 154 оо СпН потеряли убитыми десять человек, из них двое пропали без вести, и 16 разведчиков получили ранения различной тяжести. Для спецназа в Афганистане такие крупные разовые потери были редки. Командование Ограниченного контингента советских войск в Афганистане, сделав поспешные выводы, в случившемся необоснованно обвинило командира бригады и... офицеров 1-й роты 154 оо СпН. Все представления к государственным наградам офицеров роты, за исключением тех, что были оформлены на раненых и погибших, были возвращены. Подвиг горстки разведчиков 1-й роты, в течение дня отражающей массированные атаки моджахедов, был зачеркнут фразой, брошенной одним из генералов, прибывших в район командного пункта операции утром 30 марта: «Никакого геройства в этом нет, сами во всем виноваты, никто вас туда не посылал...».

Если по словам Ассадуллы потери моджахедов составили 25 процентов от общей численности, то это около 100 человек из 400 заявленных им участников боя. Не много большую цифру подтверждают данные агентурных источников, согласно которым общие безвозвратные потери противника были более ста пятидесяти человек.

Захваченные моджахедами 60 единиц стрелкового оружия, о которых говорит Ассадулла, — просто бахвальство. В Советской армии с учетом оружия было очень строго. Насколько мне помнится, 1-я рота потеряла один 58,3-мм гранатомет РПГ-16, который был в бою пробит пулей и оставлен гранатометчиком при смене огневой позиции, один 5,45-мм автомат АКС-74 рядового Бузы, один 7,62-мм автомат АКМС рядового Москвинова, подствольный гранатомет и сигнальный пистолет СП-81. Кроме того, разведчики утратили один 7,62-мм пулемет ПКМ, принадлежавший рядо-

вому Шагарову, который, получив тяжелейшее ранение оставил его Москвинову. В остальных подразделениях потерь оружия не было. Разведчики 1-й роты вынесли с поля боя все оружие раненых и погибших, даже снайперскую винтовку Александра Подоляна, в которой было пять пулевых пробоин и к дальнейшей эксплуатации она была полностью непригодной.

Комментарии эксперта Морской пехоты США (из книги):

В результате тщательно спланированной операции советским войскам удалось отвлечь основные силы моджахедов и захватить военные базы. Но из-за того, что советское командование не предприняло мер к блокированию основных путей подходов, их войска понесли большие потери и вынуждены были отступить с занятых позиций. Своевременно прибывшие резервы моджахедов решили исход боя. Потеряв инициативу в начале боя, моджахеды вновь овладели ею в результате грамотного использования резерва. Партизанская война ничем не отличается от ведения обычных боевых действий, резерв может коренным образом изменить исход сражения и нанести поражение противнику до того, как он сумеет закрепить свой тактический успех.

Комментарий командира группы:

Ротам 154 отряда была поставлена задача ждать к 8.00 29 марта 1986 г. вертолеты для эвакуации... Если бы разведчики получили задачу закрепиться на достигнутых рубежах и удерживать их в течение всего дня, с этой задачей справились бы все группы, имея в распоряжении огромный арсенал трофейного оружия и боеприпасов. Вертолеты в небе над ущельем Крер появились только к полудню и смогли оказать только огневую поддержку. Но не будь их, или пройди они чуть позже, 2-я и 3-я разведгруппы 1-й роты не смогли бы с минимальными потерями оторваться от моджахедов и вырваться из кольца окружения.

В ходе боя советские войска не «понесли большие потери» и не «отступили с занятых позиций», а моджахедам не удалось деблокировать захваченный укрепрайон. Удачей можно назвать захват боевиками перевала Гулпрай, но развить успех на этом направлении им мешал огонь 1-й и 3-й рот 154-го отряда.

Большие, но не совпадающие в количестве, потери моджахедов признают и командир полка Ассадулла (32 человека убито и 40 ранено), и пакистанские военные (68 погибших за три дня). Это лишнее доказательство того, что потери были действительно большими, а их реальная цифра скрывалась и скрывается. Анализируя эту цифру, офицеры участники операции пришли к выводу, что только от огня разведывательных подразделений противник потерял убитыми не менее 80 человек (до 20 чел. — 334 оо СпН в ночь с 28 на 29 марта, более 30 человек уничтожила 1-я рота, около 30-40 человек — 3-я рота и управление 154-го отряда). От корректируемого огня артиллерии и авиации погибло не менее 30-40 человек. Наши войска, уничтожив все оружие и другие материальные средства моджахедов, 31 марта оставили укрепрайон, полностью выполнив поставленную командованием задачу.

Александр СУХОЛЕССКИЙ

КУНАРСКИЙ ДУПЛЕТ

Афган не закончился в момент пересечения границы. Он будет продолжаться всю жизнь. Ведь мы обязаны прожить ее за ребят вдвойне: вдвойне любить, вдвойне прощать, вдвойне радоваться, служить Богу. Время разбрасывать камни и время их собирать, время воевать и время строить храмы, время геройствовать и время смиренно молиться за спасение своей души и упокоение душ тех, кто не вернулся с войны.

11 января 1987 г., подстегнутые воспоминаниями о бое в Даранурском ущелье 4-мя днями ранее, мы затарились боеприпасами по самые завязки рюкзаков РД-54, приторочив к ним снаружи спальники и зимние куртки – «бушлаты». Надеяться на относительно комфортный ночлег в заброшенном сарае или за стенкой дувала, где во время ночной засады можно спрятаться от пронизывающего ветра, в горах приходилось редко. Холод – не тетка, особенно ночью на остывших камнях, когда выискиваешь положение тела, обтянутого нагрудником с магазинами и гранатами, хоть как-то сохраняющее тепло Зимняя погода в субтропическом климате Афганистана весьма обманчива. В ясный солнечный день можно даже позагорать, но только солнце скроется за горы, как тело пробирает холод.

Командир 3-й роты Николай Васильевич Пархоменко, уже не рассчитывал на «теплую» специальную плащ-палатку СПП с надувным матрасиком, в которой он две недели назад в одной из засад продрог до состояния сосульки. Совсем не замерзнуть ему позволила трофейная пакистанская куртка парка с огромным карманом на половину спины. Условия выполнения боевых задач спецназом в Афганистане позволяли отклоняться от «уставной» формы одежды, а иногда даже требовали использования образцов обмундирования противника. Кроссовки или трофейные легкие ботинки-«бачата» (фирмы Batta), являлись не только особым показателем «борзости» их обладателя, но и надежно маскировали следы передвижения советских разведчиков. Вязанные шерстяные афганские носки-гетры, национальный головной убор – пакуль и шерстяная накидка дополняли и без того многообразную боевую форму, спасая разведчиков от ночного холода. Каждый народ столетиями адаптировал свою одежду, режим и характер повседневной деятельности под местные климатогеографические условия проживания. Этот опыт перенимали и многие из нас. Не избавлен был от этой преемственности и заместитель командира роты старший лейтенант Геннадий Удовиченко. Наряду с несменной форменной светло-песочной «прыжковой» и трофейным беретом пакистанских «коммандос», видом которого он совершенно сознательно щекотал нервы духов. Зимой «боевой прикид» Геннадия дополняла национальная шерстяная накидка, которой он и остальные разведчики заправски укутывались, укрываясь от холода ночью, а днем – от зорких глаз горцев.

После постановки на плацу боевой задачи рота расселась по БТРам и БМП, согласно «заранее купленных билетов», а точнее боевого расчета: кто в люк; кто на башню, уверенно расставив ноги по обе стороны пуле-

мета КПВТ или 30-мм пушки БМП-2, кто на крышу корпуса, облокотившись на башню боком и подложив под пятую точку подстежку от бушлата, спасающую от холода брони зимой и ее же, раскаленной, летом; кто ненадолго в десант, пока проезжаем относительно безопасную зону по асфальту. Мы редко залазили внутрь десантного отделения БТР или БМП, но при сильной усталости, когда чувство опасности несколько притуплялось, мы надеялись на русское «авось» и Господа Бога, позволяя себе «расслабуху».

Затянувшись сигаретой и помахав рукой провожающим товарищам, мы выехали из расположения родного батальона под дружеские реплики наряда по КПП: «Кто в пыли и в жопе ветка? – Наша славная разведка» и в ответ: «Кто е...тся в дождь и в грязь? – Наша доблестная связь», – это уже связистам. В этих шутках-прибаутках мы топили страх смерти и укрепляли до прочности булата наше боевое братство. Несмотря на внешнюю неприязнь и показушное соперничество подразделений, наша относительно маленькая батальонная семья жила довольно дружно. Мы были готовы положить жизнь свою за брата боевого, и клали. Быть может именно для этого и собрал Господь нас вместе в Афганистане...

В нашу смешанную колону входило пять БТР-70Г 3-й роты, два тягача МТ-ЛБ с буксируемыми гаубицами Д-30 артдивизиона соседней 66-й мотострелковой бригады и три БМП-2Д 1 роты нашего отряда. Слева по борту промелькнули «Соловьиная роща» (любим мы русские везде давать свои названия) – сады цитрусовых и оливковых деревьев, аэродром «Джелалабад» и сам провинциальный центр.

Две основные улицы Джелалабада сходились к шумной центральной площади, шумевшей национальной музыкой, лившейся из дорогих дуканов (торговых лавок – *дари*). Дуканы располагались впритирку друг к другу, подчеркивая своим товаром контрастность восточного города. Лавки со швейными изделиями и тканями из Индии и Пакистана, чередовались с чеканными и швейными мастерскими, пекарнями и закусочными, пахнущие свежевыпеченными лепешками и другими восточными яствами, в перемешку с ними располагались магазины готовой одежды, овощные и посудные лавки и прочие торговые точки. Наше внимание в первую очередь привлекали лавки на прилавках которых «красовались» бутылочки диковинных для нас напитков «Фанта», «Кока-кола» и «Си-си», модные в ту пору «варенные» джинсы, различные женские украшения и другая всячина. Чем ближе к центру, тем дуканы становились богаче, а дуканщики вальяжнее. Шныряющий всюду местный люд внимания на ставшую привычной военную технику, иногда не обращал, за исключением кишлачных жителей, прибывших в город по своим делам. Впрочем, мужчины афганцы иногда помахивали нам рукой, детвора при любой остановке подскакивала чуть ли не под самые колеса, удивляя знанием русского языка (чего греха таить – в основном матерного). Афганские женщины? О них отдельно: некоторые торопливо прикрывают нижнюю часть лица платком и отворачиваются от нас, другие – молоденькие гимназистки и студентки, озорно подмигивают «шурави», кося взглядом по сторонам – не заметил ли кто из соплеменников.

В общем, город жил своей жизнью, абсолютно ничего не напоминающей о продолжающейся уже восьмой год войне. А эта война шла всего в нескольких километрах от города.

Наша колона, оставив позади пестроту и шум центральной городской улицы и, проскочив скромные пыльные предместья, выкатилась на мост через реку Кабул. Командир 3 роты Николай Пархоменко, очень гордившийся своими пышными черными усами, и даже взявший из-за них позывной «Гусар», доложил в штаб, что «цепочка пересекла голубую ленточку». Втискиваясь в Кунарскую долину, сжатую высокими горными хребтами, все «гусары» постепенно начинали серьезнеть. Горы Кунара «наблюдали» за нами и молчаливо говорили: «Сколько мы всего перевидали за свою жизнь. Сколько было здесь воинов до вас, сколько будет после, но все останется здесь по-прежнему...».

Съев свою положенную порцию пыли и припудрив ею лица, мы благополучно приближались к предполагаемому месту развертывания артиллерии и бронегруппы. Темнело. Часть БТР осталась прикрывать огневую позицию артиллерии, другая же, с десантом на борту, переправилась через реку на правый берег Кунара. Выписывая зигзаги между пересохшими каналами и полуразрушенными подворьями безжизненного левого берега реки, избегая движения по грунтовым дорогам, броня в практически полной темноте направлялась к месту спешивания десанта. После спешивания «пехоте» предстояло протопать не один километр для организации засады на предполагаемом маршруте передвижения «духовских» караванов. Но вдруг, совершенно неожиданно, шедший перед нами головной БТР остановился. К нам подбежал командир роты минирования капитан Александр Кирилин и быстро в полголоса рассказал, что впереди по дороге ускакали два всадника на лошадях. Скрыться в темноте им не представлялось сложным, так как включить фары и демаскировать тем самым местонахождения брони мы не могли. Когда колона остановилась и с последней БМП доложили, что на обочине дороги обнаружен срезанный вьюк с 107-мм реактивными снарядами, а затем и еще один — с выстрелами к безоткатному орудию

— Гусары к броне! — скомандовал Пархоменко.

Горохом простучали подошвы, у кого-то по неосторожности лязгнул автомат. Стволы пулеметов БТР и пушек БМП ощенились по сторонам. Одна группа заняла круговую оборону у брони, поскольку никогда нельзя исключать возможность какой-то уловки от противника. Двумя другими группами мы, полусогнувшись, быстрыми перебежками, рванули в сторону обнаруженного в ночной бинокль вьючного одногорбого верблюда.

Несмотря на противное возбуждение, возникшее от нестандартности сложившейся ситуации, я стараясь не спотыкаться о камни и держаться рядом с лейтенантом Удовиченко, уследить за которым было очень сложно. Его быстрые и короткие рывки вперед сменялись присаживанием и подкрадыванием. Со стороны он напоминал незаметно подкрадывающегося змея. Наверное, именно поэтому, а не только в связи с созвучностью фамилии, за глаза мы его называли Удавом.

Шарахнувшийся в темноту верблюд был обездвижен из бесшумного автомата. Он оказался навьючен теми же РСами. Организовав осмотр местности мы обнаружили еще несколько срезанных вьюков с различными боеприпасами.

Обнаруженный мной и Мишей Бондаревым вьючный мул, упрямо тянул в сторону, зацепившись сеткой вьюка за ремень моего автомата. Я прекрасно понимал, что если не удержу мула – останусь без оружия, и стал звать на помощь кого-нибудь с ПБС. Ситуацию спас кто-то из товарищей. Мул хрипя рухнул на бок, увлекая меня за собой.

Мне тогда было жалко вьючных животных, которых мы вынуждены были убивать. С годами я все меньше и меньше нахожу оправданий этому вынужденному убийству. Наверное, поэтому я и не стал охотником.

Осмотрев прилегающую местность и оставив броню, мы ушли пешим порядком в район организации запланированной засады. Броню мы оставили на этом берегу (ранее планировалось отправить ее обратно к огневой позиции артиллерии).

Основная группа шла по дороге, петлявшей по крутому обрывистому берегу Кунара. Сверху по плато параллельно нам двигалась 4-я группа под командованием лейтенанта Сергея Суковатого. Гранатометно-огнеметный взвод (4-я группа) была своего рода «тяжелой артиллерией» советских рот спецназа в Афганистане. На ее вооружении состояли 30-мм автоматические гранатометы АГС-17 «Пламя» и реактивные пехотные огнеметы РПО-А «Шмель» и РПО-Б «Рысь».

Шли мы достаточно быстро, едва поспевая за идущими налегке четырьмя хадовцами. Когда лейтенант Удовиченко остановился, я чуть не налетел на него. Присев на корточки он всматривался через ночной бинокль в темноту.

– Духи! – это было одновременно и оповещением и командой, которая по цепочке, от разведчика к разведчику, ушла в тыл колоны.

В то время, когда команда еще не успела дойти к замыканию, мы рассыпались в боевую линию, на ощупь выбирая себе огневые позиции.

На маршруте движения глаза постоянно фиксируют укромные места на случай внезапного поворота событий. Эта привычка в Афгане еще долго преследовала меня даже после службы, но в данной ситуации все произошло настолько внезапно, что буквально несколько секунд «замешательства» в группе все-таки были допущены.

– Четвертая группа, огонь! Четвертая группа огонь! – Скомандовал Удовиченко по радиостанции.

Какие-то секунды нужны были и группе огневой поддержки что бы передернуть затвор АГС или поставить на боевой взвод РПО.. Но лишнего времени уже не было. Сигнал «Огонь» дал автомат Калашникова самого Геннадия.

Через несколько долей секунды отряд обрушил на противника всю свою огневую мощь. Кульминацией огневого поражения следующей нам навстречу группы моджахедов стала «тяжелая артиллерия» группы Суковатого. На дороге вспыхнул яркий шар разрыва РПО за которым последовали учащенные разрывы осколочных гранат ВОГ-17. Впереди и левее

меня «особенно старался» молодой пулеметчик Серега Узюкин. Парень так бешено вертел стволом своего пулемета, что очереди уходили или вверх «по самолетам» в том числе и рикошетом от лежащих перед ним камней. Мне пришлось стукнуть его кулаком по ноге и, перекрикивая грохот автоматных очередей, приказать стрелять прицельными очередями.

Из-за внезапности боестолкновения, в котором мы лишь на миг опередили «духов», рота занимала не очень выгодное положение. Стрелять было неудобно, а тут еще у меня на третьем магазине заклинило патрон в патроннике. Пришлось выбивать крепко заклинившую затворную раму и практически на ощупь производить неполную разборку и сборку автомата.

Как оказалось, на встречу нам шла группа моджахедов полевого командира «инженера» Гафара, численностью около тридцати человек. По всей вероятности, Гафар был предупрежден о нас, но не рассчитывали на то, что спецназ после захвата трофеев с каравана пойдет дальше, и решил «наказать» нас.

Нанеся противнику огневое поражение, мы перегруппировались и организовали осмотр места боя. При осмотре зоны поражения засады были обнаружены брошенные выстрелы к противотанковому гранатомету Тип 69 (китайская версия отечественного РПГ-7), и... несколько луж крови. Нужно отдать моджахедам должное: ни одного убитого или раненого они не бросили и, потеряв инициативу в бою, скрытно отошли, растворившись в ночи.

Из темноты вынырнул, хитро улыбаясь, проводник хадовец Сафар и протянул Удовиченко уникальный трофей – радиостанцию, размером чуть больше обычной телефонной трубки.

В ходе осмотра места боя расчет АГС-17 обстреливал предположительные пути отхода моджахедов и вероятные места обхода ими нашей засады – кто знал, что у них на уме. Вращая головой по сторонам, я увидел в горах мигающий фонарик (один из основных способов сигнализации у «духов» в ночное время). Расстояние до него было порядка километра, и Удовиченко поставил задачу гранатометчикам «погасить фонарик». Ребята сделали первый пристрелочный выстрел и накрыли очередью «духовскую фишку», проявив вершину мастерства. Стрельба велась в полной темноте без использования прицела ПГО-17. Гранатометчик вел огонь, что называется «от бедра» – не прицеливаясь, корректируя огонь по разрывам гранат.

Рота начала отходить к бронегруппе по единственному возможному маршруту – грунтовой дороге, прикрывая отход огнем артиллерии. Обрадованные возможностью «поработать» артиллеристы так увлеклись, что клали «огурцы» впритирку к нам...

Бронегруппа быстро доставила нас на ту сторону реки, где стояла наша помощница артиллерия.

– Ну и войну вы там устроили! – восхищенно сказал невысокий парнишка-артиллерист, хорошо слышавший и видевший наш бой в засаде.

– Ну, так ... – отвечали мы.

В батальон мы приехали героями недели с хорошим двойным результатом – дуплетом,

Возвращаясь с удачных боевых операций мы чувствовали себя в Афгане победителями — рэксами (разведчиками экстра класса) спецназа. В случаях же, когда мы теряли своих боевых друзей, укреплялось чувство братства между оставшимися в живых и долга перед павшими. Чувство братства и долга даже через двадцать лет толкает нас искать друг друга, писать, звонить, встречаться по всему бывшему Советскому Союзу.

Наши погибшие товарищи объединяли нас. После того «кунарского» выхода саперу Васе Кабанову из Свердловска оставалось жить всего шесть дней. Погиб он на рассвете 17 января 1987 г. одновременно с командиром группы 1-й роты лейтенантом Игорем Семиным. Тогда, взрыв противопехотного фугаса покалечил минеров: Валеру Фрунзе и Вадима Ведмедя, закрывших собой от осколков ребят из 1-й роты, что шли за ними...

Серега Яцковский погиб через десять дней в Черных горах, когда его группа попала под огонь снайпера. Мы тогда с Андреем Глининым поднялись на высотку для эвакуации погибшего Сереги и раненых. Бой продолжался целый день. Когда в самый напряженный момент боя Удовиченко дал команду: «Приготовить гранаты!», а затем добавил: «Подпускать вплотную! Покажем, как умирают советские десантники!» — мы восприняли эти слова без всякого пафоса, который вкладывают некоторые в такие слова... Оставлять ту высотку в Черных горах мы не имели права — внизу были боевые товарищи из 2-й роты. В этом же бою пара Ми-8 под командованием Александра Раэляна, рискуя заживо сгореть в вертолетах, неожиданно для нас и «духов» пронеслась над головами, сбрасывая нам боеприпасы, большую часть которые подобрать под пулями было невозможно, но одно их появление подняло боевой дух. На «восьмерках» даже высадили борттехников, а груз сбрасывали офицеры 1-й роты Николай Жерелин и Александр Мусиенко. В ходе этого полета было установлено точное местонахождение противника и затем в дело вступили боевые вертолеты Ми-24 и штурмовики Су-25.

Дорогие наши пилоты «Пчелок», «Ос», «Шмелей», «Крокодилов», «Стрижей» и «Грачей» — низкий вам поклон и светлая память всем, кто сгорел в своем последнем полете, выручая нас в критические моменты боя. Представляете, насколько легче становилось на душе только от мысли, что кто-то, совсем незнакомый спасает тебя, рискуя собой?

Всего за время моей службы наш 154-й отдельный отряд специального назначения, открытого наименования которого мы солдаты даже не знали, называя его первым или джелалабадскими батальоном спецназ, потерял убитыми тридцать одного человека. Каждая смерть заставила нас, еще мальчишек в ту пору, но мнивших себя очень взрослыми, остановиться и задуматься. — о Жизни и... Смерти. Ведь каждый из нас, приклонив колено, провожал в последний путь уходящих в вечность боевых друзей — на броне БМП. С плаца, под прощальный салют. Каждый из оставшихся в живых тогда осознавал, что может быть следующим...

Сержант Игорь СТОКИЧ,
санинструктор медицинского пункта 154 оо СпН

О НАСТОЯЩЕМ САПЕРЕ

Светлой памяти разведчика-сапера 154 оо СпН
рядового Василия Анатольевича Кабанова
(26.04.1967 – 17.02.1987 гг.)

Нас выбрал век и ветра воля,
Голов бездарных и седых,
Седым отцам, раздавшим горе,
И горечь в сердце молодым.

Вот и мы стали дембелями. Наши мысли все больше и больше приближали нас на гражданку.

Молодежь, которая пришла к нам в пополнение оказалась очень дружная и грамотная. На тренировочном поле или вольере нам не раз приходилось их проверять в знании минно-подрывного дела. За каждую ошибку заставляли бегать по спортивному городку и отжиматься по 50-100 раз. Мы хотели, чтобы после нас осталась достойная смена, ведь минер ошибается один раз, и от него зависит жизнь других.

На задания мы стали выходить все меньше и меньше. Подготовленная нами молодежь достойно справлялась с поставленной задачей. Командиры групп, с которыми ходили минеры, были довольны и многие уже проявили себя.

Мы, «дембеля», проводив, группы на задание, садились в курилке, закуривали сигареты и молились о благополучном их возращении. Каждый раз по возвращении ребят, мы их радостно встречали и обнимали как родных братьев. Мы знали, в каком районе их высадят, потому, что сами протопали там все тропы и знали каждый камушек. Мысленно мы были с ними...

Сон куда-то убежал..., и чуть ли не до утра 17 января 1987 г. мы сидели за кружкой чая, вскипяченного в трехлитровом баллоне самодельным кипятильником, сделанным из двух лезвий. Ждали возвращения группы.

По рации в батальон передали, что в разведотряде 1-й роты «двухсотый» и «трехсотые». «Дембеля», вопреки всем традициям, были готовы выдвинуться с резервной группой на выручку своим товарищам. Мы все сидели в курилке и ждали приказа. Каптерщик Гога позаимствовал у прапорщика Миронова сигареты с фильтром «Ростов-на-Дону», угостив, присоединился к нам...

Утром несколько групп вернулось с задания. Мы всматривались в лица ребят. Они были грустными, волосы на головах от пыли и грязи были белыми, и от этого казались поседевшими. Подбежав, к бронегруппе, мы стали выгружать из БТР раненых, затем погибших...

За полтора года, пройдя все жестокости войны, мы это делали как обыкновенную солдатскую работу. И никто из нас не знал, кому судьбой предначертано жить, а кому умереть в этой чужой стране...

С нашей 4-й роты минирования погиб рядовой Василий Кабанов.

Очень тяжело, когда ребята моложе твоего призыва погибают. Тяжело, потому, что в чем-то винишь себя, кажется что, что-то не доделал, чему-то не доучил. За все время службы столько погибло ребят, а число 17 января 1987 г. надолго отпечаталось у меня в памяти... Погиб Васька Кабанов, хочется плакать, но нет слез. У нас, «дембелей», он был любимчиком.

Получив очередное письмо из дома, он подходил к нам и читал письмо от своей девушки Наташи. Иногда она писала ему стихами. Вот это любовь! Где-то внутри мы завидовали их отношениям. Нам тоже хотелось такой чистой и красивой любви.

А сейчас он лежит перед ротой... Через полчаса построение батальона, прощание с погибшими...

Восемнадцатилетние мальчики
Смотревшие смерти в глаза
Разведчики и автоматчики
Мне слышаться их голоса...

На следующий день в цинковом гробу в сопровождении старшего лейтенанта Евдокимова, рядового Василия Кабанова отправили на родину. Василий Анатольевич был единственным сыном, и часто как закон пакости, погибали именно они.

Сержант Сайло Смагулов выругался матом, – Бл..., эти сволочи, сидят в штабах, писари пишут себе наградные на ордена и медали, а нашему брату с пометкой «посмертно». На глазах у него выступили слезы.

Прошло больше двух недель. Все в роте ждали возращения нашего взводного Евдокимова. Когда он приехал, вся рота вышла к нему на встречу. Он холодно поздоровался с нами и зашел к себе в комнату. Спустя, какое-то время, сидя в курилке, он рассказал нам, как он привез сына к матери. Оказалось, что друзья Василия – его знакомые. И многих из них он знает и близко знаком. Земляк... Свердловск... Как тесен мир?

– Короче, ребята, я там две недели пил водку, чтобы забыться, но не смог. До сих пор не помню, лучше бы я..., – и он заплакал.

Впервые мне пришлось стать свидетелем слез боевого офицера.

...Закрываю глаза, перед моими глазами до сих пор Васькина кровать. Она аккуратно заправлена и отмечена наискосок красной лентой. На его тумбочке стакан с водкой и корочка хлеба...

Такая же кровать стояла и в 1-й роте. От подрыва духовского противопехотного фугаса в тот день погиб и командир группы, выпускник Рязанского воздушно-десантного училища лейтенант Игорь Семин. В ту ночь, в ходе выдвижения роты в район проведения засады подорвался на противопехотной мине рядовой Кузнецов, следовавший в головном дозоре 1-й роты. Командир 3 группы лейтенант Мусиенко был от него в двух шагах и не став рисковать подчиненными – сам вынес Кузнецова с минного поля... Вперед пошел сапер Вася Кабанов, обходя опасный участок по дну сухого русла. Взрыв огромной силы буквально разбросал находящихся от саперов на безопасном расстоянии разведчиков. Срабо-

тал фугас-камнемет. Один из камней попал в голову командиру 1-й группы лейтенанту Игорю Семину, получили серьезные ранения и контузию командир роты капитан Юрий Вячеславович Козлов и еще несколько разведчиков.

Прошло больше 20 лет. Получил письма от Славика Сорокина и Сергея Репина. Написали, что съездили в Свердловск. В военкомате им быстро помогли найти, где похоронен наш любимчик, наш боевой друг.

— Его могила была чистой и убранной. К его матери домой мы не решились зайти, не знали, как посмотреть ей в глаза и что сказать...

Недавно получил письмо из Краснодарского края. Очень удивился, от кого это может быть? Ведь прошло столько времени... Вскрыл конверт, а в нем только фотографии и номер телефона. На фото я узнал всех ребят с нашей роты, с моего отделения. Ведьмедь Вадим — с доброй улыбкой, но поседевший, награжден орденом Красная Звезда. Фрунзе Валера — такой же спортивный и веселый, награжден орденом Красная Звезда. Бычков Саша и Шалашов Игорь — награждены медалью «За Отвагу» и знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть». А также другие ребята, служившие у нас в Джелалабадском батальоне. На другом фото Мышко Андрей с командиром нашей роты Александром Кирилиным и комбригом Юрием Тимофеевичем Старовым.

Очень был рад и тронут, что спустя более 20 лет ребята собрались и вспомнили. Набрал международный номер телефона Андрея Мышко. Я звонил и не верил, что спустя 20 лет услышу голос из прошлого, с кем прошел Афган... Трубку поднял сам Андрей.

— Ташкент, Ташкент, — кричал я в трубку. — Это я Султан.

— Привет брат, наконец, мы тебя нашли...— Звучал взволнованный голос Андрея в трубке.

Наш разговор длился очень долго, вспоминали всех, расспрашивали друг друга. Под конец разговора я спросил:

— Вы к Кабанову Ваське ездили ?

— Недавно я был в тех краях в командировке и заезжал к матери Василия. Потом я пошел к нему на кладбище, был на его могиле, его мать отказалась со мной пойти. Не ушел, пока не выпил бутылку водки — помянул за всех...

— Как мать держится? — Спросил я.

Андрей молчал, я переспросил еще раз.

— Я недавно узнал, что она упала с балкона.

— Осталась жива?

— Ну, брат, она жила на 13 этаже... Разве можно остаться живым?!

Мы оба молчали.

— Все таки не пережила мать смерть сына...

На этом наш разговор заканчивался, я дал свои координаты — домашний и рабочий телефон.

— Буду очень рад видеть Вас в Ташкенте. Вышли мне все адреса и телефоны ребят...

Ту-у, ту-у, ту-у...

А перед моими глазами до сих пор живой, наш ротный любимчик — Васька Кабанов и его мать, бросившая себя с 13 этажа — это Афган.

Из наградного листа: «17 января 1987 г. во время боевой операции по блокированию банды мятежников при обезвреживании мины неизвестной конструкции рядовой В. Кабанов погиб. Награжден орденом Красная Звезда, (посмертно)».

Старший сержант Султанбек Хакимов,
командир отделения роты минирования 154 оо СпН

177-й ОТДЕЛЬНЫЙ ОТРЯД СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

5-й отдельный мотострелковый батальон

В составе 15 обр СпН с марта 1985 г. по май 1988 г.

КАПЧАГАЙСКИЙ БАТАЛЬОН

177-й отдельный отряд специального назначения – 2-й омсб (в/ч пп 43151) был из тех самых первых легендарных, что называли «мусульманскими батальонами», в срочном порядке сформированным в Капчагае (Казахстан) на базе 22 бригады спецназ (Среднеазиатский военный округ). Спросите почему мусульманским?

При отборе личного состава учитывалось знание военнослужащими уйгурского, узбекского или таджикского языков. Потому и оказалось, что до 60 процентов военнослужащих первого набора были уйгурами. Офицерский состав был молод, 70 % командиров окончили Алма-Атинское высшее общевойсковое командное училище .

Первому командиру майору, а позднее подполковнику Керимбаеву Борису Тукеновичу удалось сплотить батальон в единую боевую семью. Он родился в 1948 г. в с. Прудки Джамбульского района Алма-Атинской области. В 1966 г. поступил в Ташкентское ВОКУ. В 1970 году был направлен в ГСВГ, где три года командовал взводом, затем разведывательной ротой. В 1975 заменился на равную должность в КСАВО. Через два года назначен заместителем начальника штаба, командиром мотострелкового батальона в г. Темиртау. В 1980 г. рассматривался 10-м управлением Генштаба для загранкомандировки в Эфиопию в должности советника командира пехотной бригады. В этот период им заинтересовались кадровики ГРУ, и после ряда встреч и бесед в Москве начальник ГРУ ГШ генерал-армии Ивашутин назначил его командиром 177 оо СпН. Так в 33 года Борис Тукенович начал осваивать премудрости профессии спецназовца и впервые вместе с личным составом прыгнул с парашютом.

Впоследствии в своей книге «Капчагайский батальон» Алма-Ата, 2005 г., описывая это время, он даст подробную характеристику своим подчиненным, среди которых особо выделяет четверых – ставших генералами – Сергея Фадеева, Рината Мереддурдыева, Сакена Жасузакова и Мелса Бекбоева. А сапер Николай Задорожный и разведчик Павел Хижняк станут государственными деятелями – депутатами Верховного Совета Казахстана. Но это будет потом, а пока...

Отряд сосредоточился на станции «Амударьинская», где получил на доукомплектование личный состав и недостающую технику. После подготовки он своим ходом пересек государственную границу СССР и вошел в провинцию Фарьяб, город Меймене, где 29 октября 1981 г. приступил к выполнению боевых задач.

7 ноября отряд подвергся нападению мятежников и понес первые потери. Через десять дней в ходе совершения марша, попав в засаду, потерял двух человек убитыми. Комбат признавался, что на ошибках первых дней, оплаченных кровью, изучали тактику действий противника. Начала складываться система планирования боевой деятельности отряда. Ежедневно начальник разведки отряда старший лейтенант С. Жасузаков производил сбор и анализировал разведданные, поступившие от разведподразделений ГРУ, «Кобальт» МВД, Царандоя, ХАДа, группы губернатора провинции, первого секретаря, постов наблюдения, воздушной разведки. Кроме того, как с удовлетворением писал Керимбаев, — его начальник разведки лично переодевался в национальную одежду и, пользуясь знанием языка, общался в населенных пунктах с местным населением, собирая информацию и создавая агентурную сеть из сочувствующих лиц.

В середине января 1982 г. начальник штаба армии генерал Тер-Григорьянц привлек отряд к участию в операции в населенном пункте Дарзоб. Совершив 120-км марш в район боевых действий, отряд, отражая нападения «духов» из засад, разминировав дороги, завалы, блокировал Дарзоб с северо-востока. Бои здесь продолжались около семи дней. После чего 177 оо СпН был оставлен в городе для укрепления власти НДПА. В течение месяца занимаясь чисткой местности провел несколько операций.

Ветеранам запомнился день 10 марта 1982 г, когда отряд вел тяжелый бой с крупной бандой мятежников. Вертолет, подвозивший боеприпасы разведчикам, получил повреждения от зенитного огня мятежников и упал. Направленная в район падения «вертушка» с десантом из 8 человек, под командованием лейтенанта Т. Айдарова, была тоже обстреляна. Под огнем противника разведчики десантировались и заняли оборону. Пять часов длился неравный бой, в ходе которого спецназовцам удалось забрать тела погибших разведчиков и летчиков, но при отходе группа понесла собственные потери — погиб в бою рядовой В.Чернов. Он стал седьмым убитым за первые полгода пребывания в ДРА, но опыт, полученный в боях, рождал уверенность у командиров отряда, рот, взводов.

Б. Керимбаев был доволен деловыми качествами своих заместителей капитанов С. Бексултанова, Г. Джунушева (начальник штаба), С. Фадеева (заместитель по технической части), майора Мухудинова (заместитель командира по тылу). «Заместители командира батальона были немного постарше других и они, конечно же, не покладая рук, работали над тем, чтобы у нас была сильная часть» — отмечал командир.

В боях закалялись ротные командиры С. Смаилов (ранен), К. Ахметов (убит), М. Бекбоев, Я. Куманяев (ранен), В. Петрович и Т. Шатемиров. В последствии вместо раненого С. Бексултанова, заместителем командира отряда был назначен М. Бекбоев, а командирами рот — В. Рачиков (2-я рота) и А. Матвийчук (3-я рота).

Пред нами вновь зеленая долина
Колона веется будто — бы змея
Идет вперед стальная наша сила
Несется прямо черту на рога.

Вдруг взрывы, залпы раздались
В эфире крик : «Я 02 подбит!»
Смаилов ранен, Яшка Куманяев
Бекбоев на околице горит!

Поддерживали высокую боевую готовность многочисленной бронетанковой техники, учили механиков и водителей действовать в горных условиях заместители командиров по технической части старшие лейтенанты С. Литвиненко., В. Шадрин, Г. Кулбаев и В. Попов (последний, кроме того, исполнял обязанности командира огнеметной группы).

Основную нагрузку войны несли командиры групп, демонстрировавшие высокое личное мужество и отвагу. Так лейтенанты М. Усенов и Р. Мереддурдыев, захватившие в плен инструктора из Пакистана, который выдал схему минных полей, места дислокации банд мятежников и складов. Это стало большим достижением специальной разведки в ходе операции.

Геройски погиб в бою Калибек Ахметов. А произошло это при таких обстоятельствах: Душманы захватили девять мельниц, обеспечивавших Меймене хлебом. Для спасения жителей городка от голодного пайка 2-я рота отряда вступила в бой и отбросила духов. Однако оставалась одна огневая точка, которую разведчики подавить не смогли. Для разведки и принятия решения вперед был отправлен старший лейтенант Ахметов. Последнее сообщение, – писал Б. Керимбаев. – которое передал командир, было: «Стою на узкой дороге. Справа и слева – забор. Впереди – мост. На мосту стоят дети. Огонь прекратил, иду разбираться...». Через секунду выстрелом из гранатомета он был убит. Вторым выстрелом убило механика-водителя М. Оспанова. Как оказалось, душманы стреляли из расположенной рядом мечети, под прикрытием выгнанных на мост ребятишек, справедливо рассудив, что по детям советские солдаты стрелять не будут».

Высокими профессионалами показали себя медики Р. Рахманкулов, А. Утеев, В. Ниякин, Н. Усенов, О. Тазабеков. Благодаря их умелым рукам многие офицеры и солдаты вернулись в строй и выполняли свой долг.

После Меймене и Дарзоба, пунктом постоянной дислокации 177 оо СпН стало знаменитое Панджшерское ущелье.

Центр ущелья – городок Руха. Городок располагался в излучине реки Панджшер. Отряд стал первой советской воинской частью, вставшей здесь постоянным гарнизоном. Там боевая деятельность батальона приобрела именно спецназовскую направленность.

Как известно, в том районе состоялось шесть крупномасштабных операций. Самой громкой в первой половине 80-х годов стала операция в Панджшерском 1982 г. По ее итогам, заместитель главного советского военного советника в Афганистане генерал-лейтенант Д. Г. Шкруднев, в частности, сказал: «Боевые действия войск по уничтожению мятежников в районе Панджшера нельзя сводить к обычной акции по уничтожению бандформирований. Если в операциях, проведенных до этого времени, войска, как правило, имели дело с одной или несколькими объединенными в группу бандами, не имеющими определенного, заранее разработанного плана ведения

боевых действий, то в Панджшере мы встретились с заблаговременно подготовленной, хорошо продуманной системой обороны и огня в горах, хорошо обученными, отличающимися высокой стойкостью, довольно многочисленными бандформированиями противника, объединенными единым командованием и единым планом действий. Поэтому эту операцию нужно отнести к разряду войсковых, проведенных в сложных условиях высокогорья. Подобного рода боевых действий с применением таких сил и средств наши Вооруженные Силы не имели с 1945 года...».

В Панджшере полновластным хозяином ощущал себя Ахмад Шах Масуд, возглавлявший вооруженные отряды «Исламского общества Афганистана» (ИОА, лидер Рабани). В обширной долине реки Панджшер, протянувшейся на 70 километров при ширине 12 метров, простирающейся вплоть до пакистанской границы, имеющей огромное количество пещер, ущелий, высокогорных перевалов, проходов, прилегающих к основной долине и имеющих свободный выход в различные районы и на основную автомагистраль, соединяющую Кабул с СССР через перевал Саланг. Район Панджшерского ущелья, к тому же имеющий значительные месторождения изумруда, рубина и лазурита, что позволяло мятежникам свободно ими торговать, закупая необходимое вооружение, боеприпасы и снаряжение. Здесь была размещена так называемая центральная партизанская база Ахмад-Шаха. Он создал здесь хорошо оборудованную систему обороны и управления мятежными силами, действующими на огромной жизненно важной территории.

Общим замыслом боевых действий советских и афганских войск предусматривалось нанесение главного удара по противнику в долине реки Горбанд. Здесь решающую роль должны были сыграть тактические воздушные десанты (ТакВД) с одновременными действиями наземной группировки войск. В общей сложности привлекалось 12 тысяч воинов. Общая глубина зоны операции доходила до 220 км, ширина полосы наступления с учетом действий артиллерии и авиации — 60 км, продолжительность операции — 13-15 суток.

К исходу 15 мая первые советские части, совершив марш, сосредоточились в районе Чарикара. К этому времени на аэродром Баграм начали прибывать десантируемые части и подразделения. Действуя согласно плану, в ночь на 16 мая наши разведчики (в том числе и 177 оо СпН) захватили почти все господствующие высоты у входа в долину Пандшер. В 4 часа утра 17 мая 1982 года началась крупномасштабная Панджшерская операция. Вначале был нанесен мощнейший авиационный и артиллерийский огонь на максимально возможную глубину занимаемой противником территории, затем состоялось его уничтожение наземными войсками в долине, и ТакВД на путях отхода мятежников и подхода его резервов.

В операции было задействовано 104 советских вертолета и 26 самолетов фронтовой авиации, а также часть техники афганских ВВС. В тыл группировки противника был высажен ТакВД общей численностью около 4200 человек. В долине решительно действовали мотострелковые полки, бригады и дивизии. Передовые отряды мотострелков (от усиленной роты

до батальона) действовали в горах. При поддержке артиллерии и вертолетов они захватывали господствующие высоты, выходящие к долине тропы и прикрывали продвижение своих частей, двигающихся по долине на бронетехнике.

Не надо думать, что люди Ахмад-Шаха не оказывали сопротивления. Оказывали, и еще какое! Оборона в горах Гиндукуша была организована на уровне регулярной армии, а фанатичность мятежников, пожалуй, превосходила все то, с чем ранее сталкивались наши солдаты. Практически боролись две отменно обученные армии.

Наши разведчики и десантники, закрепившись на отбитых у врага высотах, основными силами вели бои на окраинах и в населенных пунктах, где застигнутые врасплох «духи» пытались вырваться из окружения, вступая даже в рукопашные бои. Едва темнело, как они отчаянно начинали штурмовать высоты, стремясь вернуть утраченное преимущество. Несколько сотен моджахедов с диким устрашающим ревом то и дело бросались на наших ребят. Но спецназовцы держались стойко, отражая «психические» атаки.

1-я рота под командованием Шатемирова вышла к населенному пункту Базарак. Здесь река Панджшер, мощью своих вод, выталкивает песок и мелкую гальку на берег. Получился песчаный остров, который наши разведчики прозвали «пляж». Так вот этот пляж был нашпигован минами всевозможных марок. Для того, что бы обезопасить действия роты, начальник инженерной службы отряда Селютин провел целую операцию по разминированию.

Рота тремя группами (командиры А. Агзамов, М. Усенов, А. Матвийчук), захватила близлежащие высоты и в течение трех дней обивала контратаки «духов».

Вот как об этом вспоминал полковник Керимбаев: «Нам то и дело приходилось проводить операции по захвату высот. Одну из них с условным названием «Зуб», высотою в 4,5 тысячи метров, брала штурмом 3-я рота капитана М. Бекбоева, усиленная расчетами АГС-17, которыми командовал старший лейтенант А. Оразолиев и группой саперов под командованием старшины инженерно-саперной роты прапорщика А. Бубенцова. начали они захват высоты в четыре часа утра, а взяли ее только в девять вечера следующего дня. Это был трудный бой, мы несли потери. Но крутые склоны и ожесточенный огонь душманов смогли лишь задержать, но не остановить спецназовцев. Бубенцов, вроде как в шутку, сказал перед боем: «Я там буду первым!». И обещание выполнил. Далее, при переходе в ущелье Мариштан пришлось брать гору Дарялавушт (высота 6000 метров). Было это 10 июля 1982 года, как раз в день рождения бесстрашного Бубенцова. В ущелье были густые заросли, в которых скрывалось немало душманов. Не рискуя открыто противостоять нам, они переодевались в афганскую или советскую военную форму. Прапорщик А. Бубенцев с рядовыми Д. Жилинским и В. Жильниковым шли первыми в головном дозоре. И вот среди камней мелькнули фигуры в военной форме. Прежде чем бойцы успели разглядеть душманских «оборотней», те открыли огонь. Бубенцов успел дать несколько очередей и, изрешечен-

ный пулями, упал рядом с солдатами. Случилось это в 12 часов дня, а закипевший бой продлился до 5 часов утра следующего дня. Мне пришлось задействовать резервную группу старшего лейтенанта Б. Жатакпаева, для поддержки штурмующих и эвакуации тел погибших. Гора Дарялавушт была взята, и вход в ущелье Панджшер оказался под нашим контролем. Это был один из самых тяжелых боев отряда, в котором погибло 7 человек».

30 июля 1982 года для ликвидации банды, идущей к населенному пункту Базарак, была задействована 1-я рота. Рота во взаимодействии с батальоном афганских «коммандос» выдвинулась к Базараку, где вступила в бой с моджахедами. Бронегруппа рота остановилась и огнем орудий поддерживала бой. В какой-то период боя, колонна техники сделала попытку продвинуться вперед. Первую БМП (бортовой № 018) подкинуло взрывом, как спичечный коробок, и сбросило в реку Панджшер. «Духи» открыли сосредоточенный огонь, не давая разведчикам возможности подойти к подбитой машине. Командир группы Анатолий Матвийчук, начальник инженерной службы Сергей Селютин и разведчики 3-й группы под прикрытием огня всей роты, пробились к машине. Началась эвакуация раненных, в ходе которой погибли разведчики С. Аксенов и М. Сулиев. Старший лейтенант Матвийчук и с начальником инженерной службы отряда установили заряды ВВ под пушку и двигатель БМП, уже не подлежавшей эвакуации и восстановлению. После отхода Разведчики взорвали машину.

Начальник разведки Сухопутных войск генерал-лейтенант Ф.И. Гредасов, говоря о том периоде боевых действий, вспоминал отдельных героев:

«Думаю, уместно сказать о подвиге офицера-разведчика Валерия Радчикова из 177 оо СпН. У него в Панджшере в результате подрыва на минном поле в ходе боя были оторваны ступни обеих ног. После излечения в госпитале Валерий нашел силы и мужество вновь пробраться в Афганистан. Долго просил командующего войсками ТуркВО Ю.П. Максимова оставить его в Афгане, направив его в свою родную роту, «ребята которой» вынесли его с поля боя. И все-таки Юрию Павловичу пришлось уступить. Радчиков с честью выдержал все немыслимые физические и нравственные испытания и трудности, участвуя в боевых операциях и преодолевая на протезах в горных тропах завалы, чтобы вновь утвердиться в жизни и продолжать военную службу. Мне лично пришлось докладывать маршалу С.Л. Соколову о нем. Как-то прибыв в штаб 40 ОА, Сергей Леонидович лично увидел Валерия в тот момент, когда тот упорно преодолевал крутые лестницы дворца Топайи-Таджек, направляясь на службу в разведотдел армии. Позднее Валерий Радчиков успешно окончил военную академию. В звании полковника погиб в автомобильной катастрофе».

Позарез требовались специальные альпинистское снаряжение, а его не было. И здесь афганская природа проверяла наших спецназовцев на выносливость и психологическую устойчивость. Разведчики были вынуждены около 20-ти суток действовать в сложных условиях высокогорья на высоте 3000-4000 метров, как правило, в пешем порядке, с полной боевой

выкладкой до 40 кг. Неясность обстановки, когда не знаешь, откуда последует нападение, давила на психику. Потеря в весе у разведчиков за неделю в горах составляла до десяти кг. Керимбаев вспоминал: «Бойцы выматывались высокогорьем так, что некоторые из них не могли самостоятельно спускаться. Их приходилось нести на носилках».

Особенностью той операции было и то, что впервые вертолеты с десантами на борту преодолевали перевалы на высоте до 5000 метров. Впервые, действовавшим в горах подразделениям, подавались вертолетами боеприпасы, вода и продовольствие на высоту до 3500 метров. Не все здесь было отлажено, грузы сбрасывались с 70-100 метров, часть их утрачивалась (не попадали на узкую площадку), а емкости с водой разбивались.

23 сентября 1982 года был сбит вертолет с двенадцатью разведчиками 177 оо СпН, на борту, ведущими воздушную разведку местности. Спастись удалось лишь двоим...

Разведданные, без которых нечего было и мечтать о выполнении операции, в определенной степени подтвердились, но далеко не все. Многое в обороне противника осталось не вскрытым. Как самокритично признал тогдашний заместитель начальника разведки армии подполковник И.П. Иваненко: «...Из-за отрывочных и часто противоречивых данных, а также их несвоевременного получения, разведке армии не удалось выявить местоположение руководства бандформирований во главе с А. Шахом и обеспечить его захват».

Но эти и другие просчеты в конечном результате не повлияли на исход Панджшерской операции.

В ходе операции мы уничтожили несколько тысяч мятежников, — подытожил НШ армии генерал-лейтенант Н.Г. Тер-Григорянц. — Многих пленили и отправили в Кабул. Наши потери оказались незначительными, вот только раненых, в основном в ноги, было достаточно много. Взяли огромные трофеи, особенно боеприпасы. Склады Ахмад Шаха были забиты продовольствием, прежде всего пшеницей и сахаром. Раздали его жителям Панджшерской долины.

Операция закончилась, и встал вопрос, что делать? Как стало известно, руководство контрреволюции бросило клич — отомстить советским воинам при их выходе из Панджшера. Часть уцелевших мятежников притаилась в пещерах, норах и расщелинах скал, совершая внезапные нападения на наши подразделения. Это требовало повышенной бдительности и крайней осторожности от спецназовцев, которые прикрывали выход советских войск. Именно эта операция убедительно показала командованию армии необходимость пересмотра способов оперативного применения спецназа в условиях ДРА.

При расположении в населенном пункте Руха, отряд подвергся систематическому минометному обстрелу. В течение дня беспокоящий минометный огонь практически парализовывал жизнь отряда. Все попытки вскрыть эти минометы не увенчались успехом. Задача была поставлена 1-й роте — обнаружить огневые позиции минометов! Командир роты Т. Шатемиров принял решение и три группы СпН ушли в горы. Группа А. Агзамова на третий день поиска уничтожила кочующий миномет. Группа

М. Усенова, проведя несколько дней в горах, нашла в пещере замаскированный склад и минометный расчет в нем, которые был уничтожены разведчиками. Группа А. Матвийчука, после последовательных поисков, обнаружила миномет с расчетом на огневой позиции. Организовав налет, группа уничтожила минометный расчет. Позже, пленный, захваченный группой А. Матвийчука, показал, что вооруженная отряды получили приказ не направлять минометы в район Руха, в виду больших потерь в минометах и людях. Во многом благодаря успешным действиям спецназа против отрядов полевого командира Ахмад-Шаха Масуда, мятежники пошли на перемирие в этом районе. Это перемирие заслуга наших разведчиков-агентурщиков (офицеров Оперативной агентурной разведки — *прим ред.*). В течение месяца, в сопровождении разведчиков 3-й роты отряда, они незаметно уходили в расположение моджахедов Ахмат Шаха Масуда, где вели с ним переговоры, убеждая, примирится с кабульской властью. Разведчики во главе с командиром роты старшим лейтенантом Матвийчуком ждали их возвращения. Приказ был на переговоры оружие не брать. Офицеры, конечно же, имели пистолеты.

В ходе перемирья 177 оо СпН, по приказу, оставил Руху и разместился в городе Гульбахор, что в переводе означает «город цветов», известном как центр ткацкой промышленности, и обеспечивал контроль за ущельем Панджшер. К тому времени ткацкая фабрика не работала из-за постоянных нападений бандитов, которые запугивали людей, грабили склады с готовой продукцией, уничтожали сырье. Спецназовцы буквально за три недели провели успешную операцию — очистили город и окрестности от моджахедов, помогли сформировать отряды самообороны и отряд охраны фабрики. Производственный процесс наладился.

ПОЗВОНИТЕ В МОСКВУ...

— Командир тебя в штаб! Зачем? Придешь, узнаешь! — Это, Серега Силаев, заместитель командира роты по воздушно-десантной подготовке.

Командир 1 роты 177-го отдельного отряда специального назначения старший лейтенант Матвийчук нехотя поднялся со стула. «Я ведь утром разговаривал с комбатом. Доложил ему, что буду заниматься пристрелкой БМП-2» — подумал Анатолий..

Быстрым шагом, перескакивая через лужи, Матвейчук направился к полуразрушенному зданию, где располагался штаб. При входе солдат, несший службу по охране входа, отдал приветствие.

— Где комбат?

— Комбат в шестой роте. Здесь начальник штаба.

Начальник штаба, майор Михаил Джунушев, находился в своем кабинете.

— Разрешите товарищ майор! Старший лейтенант Матвийчук по вашему приказанию прибыл!

Джунушев молча кивнул на стул. Матвийчуку сел. Ну что Матвей. Твоя рота поступает в распоряжение Ахмад-Шаха Масуда. Толик чуть не грохнулся со стула. Начштаба не шутил.

— Не понял? Это что еще за новости? Ты на переговорах был? Был. Обстановку знаешь. Мы получили задачу сдать населенный пункт Руха Ахмад-Шаху. Сами уйдем в Гульбахор. Перед уходом необходимо разминировать местность и передать ее духам. Слава Селютин, начальник инженерной службы, со своими «кротами» будет вести разминирование, а ты их охранять.

Толик Матвийчук со своей ротой обеспечивал, переговоры которые вели советские представители с Ахмад-Шахом, пытаясь склонить его на сотрудничество. В результате этих переговоров, Ахмад Шах прекратил боевые действия. И вот, по общей договоренности, отряд Матвейчук уходил, оставляя ущелье Панджшер. Матвийчук вспомнил, как на последней встрече, группа вооруженных «духов», подошла к его машине и предложила попить чай. За чаем разговор шел о жизни. Вдруг один из духов сказал, что он знает Матвийчука. «Откуда?» — поинтересовался советский офицер. «Я два раза стрелял в тебя, но оба промазал» — обезкуражил Анатолия афганец. Как доказательство, афганец показал разукрашенную заклепками свою СВД с оптическим прицелом. Матвийчук вспомнил, что действительно недели две назад, когда он умывался, две пули, прожужжавшие рядом, надолго отбили охоту обливаться водой у горного ручья. «Слава Аллаху, что не попал» — расплылся в искренней улыбке вчерашний противник.

— Так вот, — Завершил свой монолог начальник штаба. — Ты и твоя рота, Слава Селютин и инженерный взвод осуществляете разминирование и передаете территорию городка представителям Ахмат Шаха. Насчет подчиненности я пошутил. Ты старший. Обеспечиваешь производство работ. И запомни никаких случайностей и провокаций. В 12 часов прибудут представители Ахмад Шаха. Теперь иди и думай, как будешь организовывать работы.

Матвийчук зашел в инженерную службу. Слава мог еще долго чертыхаться. Капитан Вячеслав Селютин, признанный авторитет по ведению инженерной разведки и обезвреживанию мин, сидел, уткнувшись в карту. По этой части он был достаточно большим мастером.

— А Матвей! Толик, черт знает что. — Поднял Слава голову от карты. — Я никак не могу разобраться. Минные поля здесь ставили все кому не лень. Красные, синие, зеленые. Мин нашпиговано, как огурцов в бочке. Привязки нет. Схем нет. Погода ни к черту. Зимний дождь размыл почву. Короче Матвей! Будем работать почти в слепую. Сколько человек ты с собой берешь?

— Пехоты человек 60 будет.

— Моих 25. С собой возьмем и собак. Всех! Мои «кроты» будут искать, обезвреживать, а твоя «пехота» на обеспечении.

В 12 часов, Матвийчук, Селютин, были в кабинете комбата. Незнакомый полковник, представил им двух «духов», одетых в американскую камуфлированную военную форму. — Это специалисты Ахмад-Шаха, Мах-

муд и Исмаил. С ними вы будете решать все возникшие вопросы. Они подготовили своих саперов для производства разминирования. Эти саперы готовы приступить к работам. Селютин вопросы есть? — Комбат Борис Керимбаев упер взгляд в начальника инженерной службы отряда.

— Вопросов нет.

— Все свободны. Матвийчук остаться...Слушай Анатолий, главная задача, сберечь людей. Никаких неожиданностей. Если появятся проблемы, работы прекращай. Связь со мной каждый час. Я на дежурном приеме постоянно. Вооружение штатное. Давай и пусть тебе везет. — Керимбаев крепко пожал руку Матвийчуку.

Рота и взвод саперов стояли в две шеренги возле штаба. Рядом, пытаясь изобразить строй, стояли около 30 вооруженных, кто чем, афганцев. Одеты они были в камуфляж, на головах шапки пакули, напоминающие два сложенных блина. В руках щупы, веревки, лопаты и мотыги.

Селютин распределил саперов на группы. Группа поиска. Группа обезвреживания и уничтожения мин. Группа обеспечения. Матвийчук, руководствуясь согласованным с комбатом и представителями Ахмад-Шаха планом, довел порядок выдвижения и районы производства работ. Переводчик быстро довел сказанное до группы саперов Ахмад-Шаха. Первым районом производства работ определен населенный пункт Базарак. Река Панджшер, здесь делала петлю, и излучина напоминала огромный песчаный пляж. Так вот этот пляж и был нашпигованный минами. Впереди ссобаками двигалась группа разведчиков-саперов, за ними группа, вооруженная миноискателями, за ними группа со щупами. Замыкала эту колонну группа из состава роты Матвийчука. Две группы, под руководством командиров групп Андрея Богдашкина и Виктора Вельбоева, двигались по высотам параллельно маршруту поиска. Погода испортилась: моросил мелкий дождь, дул ветер. Собаки временами останавливались, и делали стойку. К ним сразу же устремлялись саперы с миноискателями и щупами. Через три часа было извлечено около тридцати мин, советского и итальянского производства.

Капитан Селютин объявил получасовый отдых. Группы разместились кто где на разминированном участке. Афганцы разожгли маленькие костры и стали кипятить чай. Сам по себе разговор свелся к минам. Анатолий поинтересовался у «духов», какие мины лучше-хуже, и что они думаю по этому поводу. Ответ, его ошарашил. Пожилой, бородатый мужчина, с чувством собственного достоинства, объяснил, что все советское вооружение лучшее. Оно, в его личной практике, никогда его не подводило. Моджахеды, при условии выбора, всегда стараются получить мины советского производства. Они просты в установке (что для малообразованных крестьян-афганцев очень кстати) и очень эффективны по мощности. «Я советскими минами, лично подорвал три бронированных советских машины», — просто, как о чем-то обыденном, заявил бородатый.

То, что «дух просто и обыденно рассказывает им, вчерашним противникам, про свои успехи, как — то не воспринималось. Это ведь НАШИ потери. Дальнейшее рассуждения духа вообще привели Матвийчука в замешательство. «Мы, моджахеды, воюем за свою землю, за свою свобо-

ду. Пусть я беден, но я свободен. Русские хорошие солдаты. Они храбро воюют. Но Афганистан завоевать нельзя. Его можно, купить, но у Советского Союза нет таких денег, чтобы купить Афганистан. Помогите нам разминировать Пандшер и уходите домой, а то ваши матери будут вас оплакивать». Произнеся это, бородатый дух замолк, и продолжил не спеша пить чай.

Кончай отдых. Продолжить работы. Группы вышли на свои направления. Одна из собак сделала стойку на дороге. Слава Селютин подошел к вожатому и приказал ему отойти. Медленно прощупывая землю щупом, он остановился, опустился на колени и принялся разгребать землю.

— Фугас! Самодельный! Будем уничтожать на месте, всем отойти!

В это время к нему подошел один из представителей Ахмад-Шаха и через переводчика стал, что-то объяснять.

Что он хочет? — Подошел к Селютину Матвеев.

— Один из его людей «автор» этого фугаса. Он хочет его обезвредить сам.

— Слава, зачем нам это? Рванем и продолжим работу.

Матвеев ощущал, какую то тревогу. Но Махмуд, что-то быстро, говорил тому самому бородатому «духу», с которым разговаривал на перерыве Матвеев.

— Он его ставил и сейчас обезвредит этот фугас. Матвей, пускай поработает. — Селютин уступил фугас бородачу, отошел в сторону и передал щуп своему солдату. — Все в укрытие!

Матвеев по радиостанции продублировал команду своим группам. Дух, склонившись над фугасом. Слава комментировал его действия

— Фугас стоит на неизвлекаемости... Они, как правило, через тросик, страхуют его гранатой или просто зарядом. Что он делает! — Почти заорал Слава. Дух попытался поднять заряд. В это же время раздался взрыв...

Тугая ударная волна окатила присутствующих. Пахнуло жарой и запахом гари. С небес на землю посыпались груды камней. Матвей про себя подумал: «Как бы духи не открыли огонь по его бойцам...». Там где несколько минут назад находился человек, теперь зияла воронка и окровавленные ошметки, ничем не напоминающее тело. Тишина повисла такая, что слышно было шуршание осыпавшихся камней. Нарушил молчание Исмаил: «Аллах ему судья. На все воля Аллаха. Он шахид» — и провел ладонями по лицу. Афганцы расстелили плащ-палатку и стали складывать в нее то, что осталось от их товарища. На их лицах светилась, какая то торжественная отрешенность. «Он уже в садах Аллаха! Он погиб за веру и свободу!».

Дождь усилился и перешел в ливень. Слава скомандовал: «Всем стой! На сегодня заканчиваем работы! В такой дождь мы работать не можем!».

— Командор Саиб! Позвони, в Москву, пусть остановят дождь. — Подошел к Матвийчуку Махмуд:

И тут Матвийчук понял. Свободолюбивый, храбрый Махмуд верит, что русским все под силу. Воевать, разминировать и даже дождь остановить. У русских все лучше, у них все есть. И матвееву самому захотелось поверить в это!

Именно в Гульбахоре впервые встал вопрос о награждении советской части орденом, однако оказалось, что боевой отряд спецназа ГРУ Боевого знамени части еще не имеет, хотя согласно Указа Президиума Верховного Совета СССР от 24 сентября 1981 г. его должны были вручить. Вопрос проведения ритуала вручения стал ребром. И в августе 1983 г., отряду в боевой обстановке вручили Боевое знамя. Это мероприятие провели торжественно, с широким привлечением местных партийных и провинциальных органов, афганского командования местных частей и советников. Истинное название части «177 отдельный отряд специального назначения», для торжественных мероприятий зашили лоскутом красной материи. В пылу празднеств и новых забот к вопросу о награждении части орденом уже никто не возвращался.

Батальон мало находился на одном месте. То и дело подразделения отряда выполняли частные боевые задачи по реализации разведданных в провинциях Кабул и Нангархар, «чистили» Чарикарскую долину и уходил в горы в район перевала Саланг. С середины 1983 г. отряд планово осуществлял замену офицеров. К исходу сентября все командиры боевых рот были заменены вновь прибывшими офицерами из Союза.

25 декабря 1983 г. подполковник Борис Керимбаев сдал должность подполковнику Владимиру Квачкову.

В Кабуле, из рук командующего армией получил комбат свои ордена Красного Знамени и «За службу Родине в ВС СССР» III степени. Утром следующего дня убыл в Союз, к новому месту службы.

А для 177 оо СпН война продолжалась...

Особенно памятным для разведчиков оказалось 13 января 1984 года, когда усиленная рота отряда с приданным танковым взводом и двумя ротами афганской армии блокировали кишлак Вака в севернее ГЭС Суруби.

Как позднее пояснял руководитель той операции командир отряда Владимир Квачков, отряду была поставлена задача обнаружить на дневке караван с оружием и боеприпасами и захватить его. Однако агентурные данные не подтвердились, а спецназовцы наткнулись на крупное вооруженное бандформирование, с которым вступили в неравный бой. Когда отряд окружили превосходящие силы моджахедов, афганские военнослужащие самовольно оставили указанные им позиции и ушли. Полтора суток наши разведчики вели неравный бой в окружении, и только поддержка советской артиллерии и авиации позволила отряду выйти из района боевого столкновения. Потери отряда в этом бою составили 14 человек убитыми.

Вскоре после этих событий подполковник В.А. Грязнов, заменивший раненого командира отряда В.В. Квачкова, успешно совершил передислокацию 177 оо СпН на новое место в высокогорный район под Газни.

В ноябре 1984 г. капитана Б.М. Кастыкпаева сменил майор десантник В.В. Юдаев (умер от ран в мае 1987 г. в Выборге). Это было сложное время замены офицеров и большой кадровой неразберихи.

К осени 1985 г. в отряде произошла ротация кадров, в результате чего сменился почти весь офицерский состав, включая комбата и всех его заместителей. Сложилась ситуация, когда основная масса офицеров отряда,

за редким исключением, не знала специфики действий войск специального назначения.

Генерал-армии Ф.И. Гредасов вспоминал: «Вся эта чехарда с оргштатной перетряской частей и соединений спецназа свидетельствовала о недооценке командованием в тот момент роли и значения специальных форм боевых действий». Эту же ситуация наблюдалась и в Чечне в 1994-1996 гг., с ней столкнулись Вооруженные силы России и в Южной Осетии...

Большую роль в улучшении качества командного состава и организации боевого применения разведорганов отряда сыграла передача отряда в марте 1985 г. в состав 15-й отдельной бригады специального назначения под командованием подполковника Владимира Матвеевича Бабушкина. Управление бригады и отряд связи были передислоцированы из узбекского города Чирчик в афганский Джелалабад. Как показало время, эта реорганизация пошла на пользу делу и придала действиям разведчиков большую осмысленность. В батальон начали приходить офицеры, большинство из которых имело опыт службы в частях специального назначения на территории Советского Союза и в Группах войск. Некоторые из них пришли на вышестоящие должности из других отрядов спецназ ОКСВ в Афганистане.

ГАЗНИЙСКИЙ БАТАЛЬОН

Обустроившись в 1984 году в Газни, 177-й отдельный отряд спецназ в составе 15 обр СпН получил неофициальное название «Газнийский». С началом зимних холодов батальон приступил к выполнению своих основных задач. Лютая зима наложила свой отпечаток на специфику боевой деятельности отряда. В это время она сводилась к воздушному патрулированию местности с воздуха (облету) вертолетами с досмотровыми группами спецназ на борту да редким выходам на поиск и уничтожение складов.

При подъеме в горы, окружающие Газнийское плоскогорье, группы спецназ, высланные для проведения засад, особо страдали от холода. К утру полуторалитровые фляги с водой промерзали почти на треть, как их ни пытались уберечь от мороза. Приходилось раздалбливать лед через горлышко шомполом. Из-за сильных снегопадов горные перевалы были непроходимы для автомобильной техники «духов», а вьючные караваны в этой местности встречались редко. Ведь провинция Газни находилась в глубине страны, и тащить оружие и боеприпасы в такую даль на верблюдах командование мятежников, по-видимому, считало нецелесообразным.

Зима угнетающе действовала и на противника. «Духи» в это время года не предпринимали интенсивных действий. Разведчики шутили по этому поводу, что у нас с мятежниками зимнее перемирие до весны. В этой связи отряд занимался разведкой на себя, а основным видом боевых действий стала чистка кишлаков и базовых районов противника в горах силами всего отряда.

Кроме нашей спецназовской части, недалеко, в пятистах метрах друг от друга были расположены 191-й отдельный мотострелковый полк, а также медико-санитарный батальон. В двенадцати километрах от отряда находился полевой аэродром 239-й отдельной смешанной вертолетной эскадрильи.

Что представлял из себя наш военный городок, или, как принято тогда было говорить, пункт постоянной дислокации отряда?

Он располагался на ровном плато у горы Пачангар (высота 2424 м над уровнем моря). Лето на плоскогорье стояло жаркое. Температура воздуха днем поднималась до 25-30 градусов, ночью – 20-25, что существенно отличалось от субтропического климата Джелалабадской долины и переносилось легче. Растительность была очень скудная, в основном засухоустойчивые травы (полынь, ковыль, типчак, чий). Правда, вблизи афганских населенных пунктов на орошаемых землях росли и сады, и виноградники.

Городок мало изменился с первых лет размещения здесь отряда. Личный состав жил в стандартном палаточном городке. Перед палатками подразделений стояли уставные грибки дневальных, бойцы зимой и летом были одеты в бронежилеты и каски. Со временем рядом с палаточным городком построили стандартное металлическое здание столовой и два щитовых модуля под штаб и общежитие офицеров. Недалеко за оградой из колючей проволоки размещался автопарк, где под открытым небом стояла боевая и автомобильная техника отряда.

Перед штабом отряда командиры и политработники силами местных умельцев поставили величественный памятник погибшим при выполнении боевых заданий, ставший одним из лучших в 15 обр СпН. Сто шестьдесят фамилий на его плитах напоминали о нелегком боевом пути батальона по афганской земле. Ему пришлось с лихвой хлебнуть горя и пролить кровушки.

С июля 1985 по сентябрь 1986 гг. частью командовал майор Попович Алексей Максимович.

А 1 октября 1986 года батальон принял майор Анатолий Блажко. Личность и обаяние этого мужественного и неординарного офицера сыграли особую роль в истории отряда. О нем следует рассказать подробнее. Подчиненные с любовью величали его на украинский манер – Батько Блажко. Называли так, потому что Анатолий Андреевич по национальности был украинцем. Корни рода Блажко шли из села Гуменки Каменец-Подольского района Хмельницкой области, где и поныне живут его многочисленные родственники.

Однако, родился будущий легендарный командир спецназа 12 августа 1953 г., в семье профессионального военного не на Украине, а в узбекском городе Самарканде, куда забросила его отца судьба и приказ. О своей семье он с гордостью рассказывал: «Я вырос в военном городке, мой отец был прапорщиком, ветераном Великой Отечественной войны. Андрей Арсентьевич родился в 1924 году и после освобождения от фашистов Хмельницкой области был призван в армию. Войны на его долю хватило с лихвой. В Чехословакиях событиях отец получил тяжелое ранение и эвакогоспиталем был вывезен в Среднюю Азию. Там и встретился с моей матушкой Елизаве-

той Николаевной, ставшей ему женой. Жили молодые сначала в Ашхабаде, а после землетрясения, разрушившего город до основания, отца перевели в Самарканд, там и прослужили почти всю жизнь. Мы с братом пошли по стопам отца и стали офицерами. Мне суждено было стать полковником, а брату подполковником железнодорожных войск».

Женат Анатолий Блажко на литовке Аурелии Антановне Валюте. Ее отец был категорически против брака дочери с русским офицером. Дело в том, что он и десять его родственников в свое время были репрессированы, получили длительные сроки, которые провели в Сибири. Так что понятно – все, что было связано с Россией, вызывало у него лютую неприязнь. Отец уступил чувствам и выбору дочери и вся родня дружно и мирно сыграли настоящую национальную литовскую свадьбу.

По чистой случайности, профессиональный танкист Анатолий Блажко попал служить в разведку. А произошло это в Прибалтийском военном округе, где кадровики в сентябре 1979 г. назначили старшего лейтенанта командиром разведывательной роты 287-го гвардейского мотострелкового полка 3-й гвардейской мотострелковой дивизии. Это решение оказалось судьбоносным. В восьмидесятом году он командует разведывательной ротой 19 мсп 131 мсд 6 общевойсковой армии ЛенВО. С должности начальника разведки полка в августе 1982 года Анатолий переезжает в Москву на учебу в Военную академию бронетанковых войск им. Р.Я. Малиновского. После выпуска получает распределение на Дальний Восток, где с июня 1985 по октябрь 1986 гг. командует отрядом специального назначения в 14-й отдельной бригаде спецназ (Уссурийск). С 1986 года начинается афганская эпопея анаьтолия Блажко. Именно в ТуркВО состоялось его восхождение в спецназе, он оказался востребован – возглавил отряд, а позднее соединение спецназначения. Прослужив два года в Газни, он уже ждал заменщика, когда неожиданно был приглашен на беседу к начальнику штаба армии генерал-майору Юрию Грекову. В кабинете, кроме него, находился начальник направления ГРУ Герой Советского Союза полковник Василий Колесник. Начальник штаба армии предложил комбату остаться на третий год.

– Хорошо, я согласен, – ответил Блажко, – но у меня одно условие.

– Какое еще условие? – побагровел Греков. – Ты, что о себе думаешь? Какие еще условия можешь нам ставить?

– Пусть выскажется, – остановил начальника штаба сдержанный полковник Колесник.

– Я прошу разрешения съездить на две недели в отпуск в Союз, – сказал Блажко.

– Нет вопросов, – Сразу сменил тон Греков.

После отпуска подполковник Блажко вернулся в родной 177-й отряд, который с мая 1988 года передислоцировался на аэродром г. Кабула и вел засадные действия против моджахедов в окрестностях столицы. Им же отряд был выведен из Афганистана. При этом, следует отметить, что отряду была доверена честь прикрывать выход командарма генерала Громова Б.В. За мужество и героизм, умелое руководство подразделениями отряда полковник Блажко А.А. был награждён тремя советскими боевыми орде-

нами (Красного Знамени и двумя Красной Звезды). Афганское правительство отметило мужество и заслуги советского комбата высшим военным орденом Боевого Красного Знамени ДРА.

Вспоминая Афганистан, Анатолий Блажко отмечал, что все проведенные боевые операции были нестандартные и яркие. Тактика действий групп 177-го отряда складывалась, исходя из особенностей рельефа и плотности населения провинции. Еще при майоре Поповиче начали проводить засады-однодневки. Перед наступлением темноты группа в составе 20 человек (норма загрузки двух Ми-8 в этой местности) десантировалась в район, в котором была отмечена или предполагалась активность ночных перемещений противника, на удалении 5—10 км от места предполагаемой засады, а с рассветом вертолетами или бронегруппой спецназовцы эвакуировались в пункт постоянной дислокации. Следующим вечером другая группа той же самой роты вновь высаживалась, но только в другом месте.

Некомплект личного состава в ротах из-за ранений, болезней и прочих причин достигал 40—50 процентов штатной численности, и поэтому от роты могло работать не более двух групп попеременно. Одна группа утром возвращается, вторая — готовится к вечернему выводу в рвйон разведки. В октябре 1984 года по тылам «духов» от Газни до Мукур-Газы и обратно (в общей сложности 200 км) прошла группа лейтенанта Павла Кулева. Все разведчики были одеты в афганскую национальную одежду и умело использовали свое преимущество во внезапности. Впоследствии, это достаточно регулярно практиковали и мы, и в других отрядах. Особых успехов в этом маскараде добились лейтенанты Евгений Линьков и Эдик Ибрагимов. Я запомнил один трехсуточный выход РГ № 220, под командованием Линькова, когда разведчики в национальной одежде на трофейном автомобиле провели разведку у кишлака Цопай и благополучно вернулись без потерь в часть.

Добрую память оставили о себе командиры рот: два Алексеевых — Михаил и Александр, Капустин, Кошевой, Максимов, Деревянко, Бобылев, командиры групп Петр Ковальчук, Сергей Кантышев, сержанты Александр Загинайко, Дмитрий Поповский и другие. Орденом Красного Знамени были заслуженно награждены лейтенанты П.И. Кольчус, и А.Н. Залуев, рядовой В.Н. Бондарь.

Во многих специальных операциях участвовали разведчики отряда, однако самой удачной и громкой операцией отряда явился разгром каравана из 204 вьючных животных.

По словам Анатолия Блажко: получилось все до банальности просто. Один майор «с бодуна» перепутал маршрут полета досмотровой группы лейтенанта Деревянко. Они должны были лететь по одному, а он указал другой. Во время полета «вертушки» со спецназом вышли на Шутанское ущелье, где обнаружили караван. Разведчики десантировались и начали бой, сообщив об этом по связи в отряд. Клич был один: «Наших бьют!».

Собрались по тревоге все, вплоть до роты обеспечения. Выстроились на плацу экипированные для боя и ждали, пока комбат запрашивал КП ВВС на добро к вылету. Командир эскадрильи Владимир Алексеевич Пер-

филов, на свой страх и риск уже поднял первую пару боевых вертолетов в воздух под командованием заместителя командира эскадрильи Петра Лещишина. После получения разрешения пара за парой вертолеты стали подходить к месту боя. Практически вся эскадрилья работала в этом бою.

Несколько строк о главном герое того боя лейтенанте Артуре Валентиновиче Деревянко. В 1986 году он окончил Киевское ВОКУ. В Афганистан лейтенант Деревянко попал спустя три месяца после окончания училища, пройдя в учебном полку спецназ в Чирчике специальную подготовку. По установившейся традиции первый месяц его никуда самостоятельно не отправляли. Как говорится, давали возможность акклиматизироваться. Но обстоятельства торопили и через три недели пришлось выходить на задание. Организовывали засаду. Сидели трое суток. Безрезультатно.

Пока враг не появится. Более половины всех засад оказывались безрезультатными (согласно официальной статистике, результативной у разведчиков 15 обр СпН была каждая седьмая засада — *Прим. ред.*). А что значит — результативные? Если захвачен лишь один автомат и у нас все живы и здоровы — это хороший результат, если захватили много оружия и техники, имея при этом хоть одного раненого, — это плохой результат. Именно так характеризовал «результативность» майор Блажко.

Разбор всех боестолкновений лично проводил комбриг полковник Старов. Его кредо было — «Берегите людей». 15-я бригада спецназ имела зону ответственности в восемьсот километров по фронту и более двухсот пятидесяти в глубину, опоясывая восточный участок афгано-пакистанской границы. И всюду комбриг был, как говорят, вовремя и в нужном месте.

Сколько раз ходил А. Деревянко с подчиненными на боевые задания? Цифра значения не имеет, ведь на таких же боевых задачах погибли его однокурсники: Сергей Ковальчук (через два года после выпуска из училища), Олег Злуницын (в феврале 1987 г. в 154 оо СпН) и Олег Севальнев (по злой воле судьбы в день своего рождения).

Досмотровая группа № 211 из 177 оо СпН вела воздушную разведку в районе 50 км севернее Газни. Нарушавшие тишину гор трудяги-вертолеты иллюминаторами всматривались в местность. Ничего настораживающего. Только десантники давно заметили: беду надо ждать тогда, когда ее, казалось бы, абсолютно ничего не предвещает. Это правило сработало и сейчас. Совершенно неожиданно вдали показался караван. Подлетели поближе, осмотрелись. Верблюдов, вроде бы, не так и много. Досмотровую группу решили высадить, чтобы преградить душманам путь. «Вертушки» вновь поднялись в небо. Надо уточнить, сколько всего вьючных животных шли с территории Пакистана.

Первые минут двадцать спецназовцы огонь не открывали. Выжидали, что предпримет противник. Увидевшие их душманы, остановились. Они не знали, какими силами встали шурави на их пути. Когда поняли, что пробиваться придется с боем — открыли огонь. Разведчики заняли высотки и отвечали меткими очередями. Тогда они еще не знали, что встали на пути одного из крупных караванов. О том, что животные навьючены ору-

жием, а боевое охранение каравана составляло три сотни мятежников — горстка вступивших в бой семнадцати разведчиков не знала. Оставалось надеяться на самих себя, и лишь потом на подмогу, за которой ушли, опорожнившие боекомплект вертолеты.

Бой шел уже минут сорок. Подтянувшиеся силы душманов пытались прорваться. Безуспешно. Живая стена из семнадцати русских парней оказалась крепче, чем бетонная. Лейтенант Артур Деревянко умело руководил боем. «Вычислив» командира, душманы подбирались все ближе и ближе. Один из них прицелился и...

Тот настоящий командир, кто бережет своего солдата. Тот настоящий солдат, кто бережет своего командира. Не примеры из книжки, а сама жизнь подвела бойцов к такому заключению.

Когда рядовой Владимир Бондарь увидел, что целятся в офицера, он резко оттолкнул его, а сам.... А сам попал под пули. Благо, что очередь прошлась по ногам. Тогда, жертвуя собой, он спас не только командира.. Тогда он, быть может, спас и остальных, ведь без единого командования справиться с превосходящим противником довольно сложно.

Группа заняла позиции на склоне холма, не просматриваемого с двух наблюдательных пунктов моджахедов. Попытка подавить разведчиков из ЗГУ, тоже не дала результата. Позиции методично обстреливались крупнокалиберными пулеметами и зенитными установками.

Справа с высотки работали две ЗГУ, а с левого фланга от кишлака злобно долбил духовский ДШК, — Вспоминал Деревянко. — На головы непрерывно сыпались какие-то щепки и мелкие камни, свистели рикошетом пули, но прямых попаданий, к счастью, не было. Горный гребень надежно защищал нас от огня. Четыре наших пулемета стреляли короткими очередями по группе душманов, пытавшихся помочь охране каравана вывести из-под огня верблюдов, которых мы уже навалили несколько десятков. Все разведчики, сосредоточенно, как в тире, экономно расходуя патроны, стреляли по приближающейся массе туш с вьюками груза на спинах. Разведчики с правого наблюдательного пункта сообщили по радио, что караван огромен, его конца не видно. Все ущелье забито верблюдами. Я перешел на частоту 45200 (радиостанция Р-392 с фиксированными частотами — *прим. ред.*) и вызвал «Воздух». Рация ответила утвердительно. Я дал целеуказание. «Крокодилы» зашли в хвост каравана. Дым и пыль поглотили ущелье. А на нас шли и шли гонимые страхом верблюды. Охранение каравана усилило огонь и начало окружать нас ...

Наконец-то с неба пришло спасение. Но не в виде Божьей помощи, а двух вертолетов Ми-8 с подкреплением. Через полтора часа после начала боя десантировалась и сходу вступила в бой группа лейтенанта Пучкова. С двух направлений спецназовцы завершили разгром каравана душманов. «Завалили» всех вьючных животных и захватили огромную партию оружия. Во вьюках обнаружили четыре 107-мм пусковые установки реактивных снарядов и 998 снарядов к ним, два миномета, три безоткатных орудия, два крупнокалиберных пулемета ДШК, более 1000 боеприпасов к тяжелому оружию (минометные мины, выстрелы к безоткатному орудию и гранатометам) и 206 тысяч боеприпасов к стрелковому оружию.

И все это в немалой степени благодаря тем, первым семнадцати смельчакам, без преувеличения – стоявшим насмерть. Всех их представили к государственным наградам.

И что характерно, – отмечал с гордостью командир отряда Анатолий Андреевич Блажко. – В той операции с нашей стороны был только один раненый рядовой Бондарь.

В этом караване, кроме оружия, было очень много пропагандистской литературы и других бумаг, но нам сначала было не до них, и она была свалена в кучу на ЦБУ. А чуть позже к нам приехали особисты-контрразведчики от советников и говорят мне:

– Командир, дай покопаться.

Отдали мы им бумаги. Покопались они и нашли две исписанные тетради на фламандском языке, билеты на Пешавар, корешки счетов на проживание в гостинице и т.д. Оказалось, что во время боя мы грохнули какого-то голландца. Я не думаю, что он был военным специалистом, наверное, просто журналистом. Естественно контрразведчики оформили себе это как результат. Потом ко мне прибежал наш отрядный контрразведчик и в крик:

– Зачем ты отдал?

– Ты чего орешь, неделю лежали эти документы и никому не надо было. Чего же ты не покопался там, – говорю ему.

Второй момент. Когда начали разбирать и сортировать трофеи, то обнаружилось большое количество качественного нового оружия. В частности, хорошие карабины в смазке. Тут, конечно, нас опередили летчики, которые перевозили груз. Они же охотники, и многое успели «разворовать». К слову, вот такой характерный пример. В куче трофеев нашли много мешков с обувью и обмундированием. Начальник штаба Михайлов мне говорит:

– Командир, большой мешок нашли с чешскими ботинками, с капроновой подошвой, а они почему-то все на правую ногу.

Но я сразу сообразил, звоню командиру эскадрильи и говорю:

– Вова, давай как-нибудь поделимся. У меня правые ботинки, а у тебя, наверняка, есть левые...

Так по-братски и порешили. Половину личного состава батальона потом одели в эту обувь.

Война, помимо боев, побед и поражений, гибели людей, – это еще, в определенной степени, канцелярская работа, и даже бухгалтерия. Это составление приказов и распоряжений, подготовка различных донесений и сведений. Это, наконец, и написание представлений к наградам. Как во всякой канцелярщине, тут существуют свои законы, тонкости и, разумеется, неточности и ошибки. От многих приходилось слышать, что из-за всего этого люди, представленные к одним наградам, получали другие, поскромнее, а то и вовсе оставались без них. Поставят вместо слова «организовал» более расплывчатое «участвовал», и совсем другой вывод напрашивался. И кто в этом виноват – то ли писарская душа, то ли бездушие иных представлявших, боявшихся, чтобы не слишком высоко наградили человека?

В истории с Артуром Деревянко произошло нечто подобное. Лейтенант, в конце концов, за тот бой был отмечен лишь орденом Красная Звезда... Но впереди были новые бои и новые награды. За уничтожение банды из восьмидесяти человек Деревянко был награжден вторым орденом. Опять красной Звезды.

Третий орден Красной Звезды лейтенант получил за бой, проходивший в особой обстановке. Накануне группа старшего лейтенанта Сергея Сабельникова вышла на досмотр местности. Наткнулась на караван из 80 верблюдов. Пока преследовали, три четверти каравана смогли скрыться в кишлаке. Лишь «хвост» — в двадцать вьючных животных — удалось «обрубить». Вот тогда-то пришлось ввести дополнительные силы. В их составе оказался и Артур со своими подчиненными. Бой длился около четырех часов. Врага разбили. Трофейного оружия было не счесть.

Четвертая награда — орден Красного Знамени — нашла Деревянко после операции «Барьер». Тогда наши войска перекрывали афгано-пакистанскую границу. То была задача особой сложности. Разведотряду Деревянко определили для блокирования участок местности более десяти километров по фронту. Именно здесь, по данным разведки, должен был пройти караван моджахедов. Время шло, а его все не было и не было. Странно. Решили на всякий случай проверить «мелкосопочник». Туда-то и направили группу, в которую входил со своим подразделением лейтенант Деревянко. В узком сухом русле за крутым поворотом разведчики наталкнулись на душманов. До них каких-то метров 80, почти лоб в лоб!

На войне побеждает не только тот, кто метко стреляет, но и тот, кто, не растерявшись, первым открывает огонь. Офицерам и его бойцам удалось это сделать быстрее противника. Этим и вызвали в его рядах панику. Ну а дальше — дело решительности и меткого огня...

Старший лейтенант А. Деревянко пробыл в Афганистане почти два года. Его боевые друзья уходили из Афгана в феврале 1989 года, как и положено разведчикам, последними. На последнем БТР с Боевым знаменем сидел однокурсник Артура старший лейтенант Алексей Сергачев. В последний день войны трагически погиб старший лейтенант Олег Матаков...

С развалом СССР и Советской армии и началом укрепления «братских» отношений со вчерашними вероятными противниками НАТО и США, изменилась служба и у Деревянко — офицера Вооруженных сил Украины. По приказу министра обороны Украины он одиннадцать месяцев учился в престижном командно-штабном колледже морской пехоты США в штате Вирджиния (военно-морская база Квантико), где частенько шокировал местных обывателей своей советской десантной формой — голубой тельняшкой и беретом. Проходил службу в миссии ООН в бывшей Югославии (юго-восточная Славония), в городе Вуковар. Казалось бы, впереди у офицера большое интересное будущее... Но завершил свою офицерскую карьеру подполковник Деревянко неожиданно, после реформирования кировоградской бригады спецназ в 50 учебный центр специальной подготовки Южного оперативного командования ВС Украины в мае 2000 года он

уволился в запас. Такая судьба постигла не только его, но и офицеров-разведчиков армейского спецназа В. Горатенкова, Н. Пархоменко, В. Воронина и многих других. Десятки и сотни талантливых командиров «афганской» войны оказались неугодными не только в Украине...

В составе 177 оо СпН служили многие заслуженные и героические люди, хочется не забыть никого, но обо всех не расскажешь. А вот не вспомнить капитана Павла Викторовича Бекоева, старших лейтенантов Олега Витальевича Севальнева, Карена Микаэловича Таривердиева невозможно.

Карен (сын известного советского композитора) отлично воевал и был награжден орденом Красного Знамени и двумя орденами Красной Звезды. Много ли «звездных отпрысков» нынешней «богемы» избрали профессию защитника Родины? Карен Таривердиев, начав взрослую жизнь студентом философского факультета МГУ, внезапно для родителей поступает Рязанское высшее воздушно-командное училище на факультет специальной разведки, а по его окончанию убывает в Афганистан. Его имя занесено в исторический формуляр части по итогам захвата так называемой «блуждающей» реактивной установки залпового огня (китайская 107-мм РСЗО Тип 63).

Кочующая РСЗО досаждала отряду не одну неделю. Так же, как и разведчики, она вела одиночные действия. Выйдет ночью на дальность полета РС, даст залп и к рассвету спрячется где-нибудь в кишлачной зоне или в горах. Информации о ее базировании не было никакой, огневые позиции она меняла постоянно, и пока наши артиллеристы 191-го мотострелкового полка, расположенного вместе с отрядом, придут в себя, да начнут ответный огонь, расчет пусковой установки мятежников уже далеко.

К ЮГО-ВОСТОКУ ОТ ГАЗНИ...

25 ноября я получил задачу на проведение засады в горах к юго-востоку от Газни. Моя разведгруппа № 212 в составе 16 человек (включая меня и моего заместителя прапорщика Зюханова) 1-й роты с двумя радиотелеграфистами группы связи и двумя минерами имела задачей десантироваться посадочным способом из двух вертолетов Ми-8 в район разведки. Первоначально предполагалось выбрать площадку десантирования в восточных предгорьях севернее района засады, чтобы движение группы осуществлялось по более ровной местности и было более безопасным. Однако решили десантироваться именно в ущелье в самом центре горного массива, чтобы скрыть место посадки от возможного наблюдения противника.

Летчики от перспективы подобной посадки были, конечно, не в восторге, но мне, пользуясь хорошими отношениями с командиром ведущего экипажа, удалось уговорить их провести полет и сесть именно там, где хотелось нам, а не было предписано инструкциями штаба ВВС. Полет

проходил на предельно малой высоте – 2– 3 метра над землей, и при входе (точнее, влете) в ущелье летчики не поднялись над горами, а по-прежнему продолжали держать ту же высоту. Я, признаться, сам испугался, когда увидел, что мы крадемся по дну ущелья, слева и справа от нас поднимаются каменистые склоны, а ущелье далеко не прямое. Причем скорость движения около 140 км в час. Однако в 1985 г. с нами взаимодействовала такая эскадрилья вертолетчиков, пилоты которой действительно могли летать «на бревне», и наш полет прошел удачно, хотя один раз мы все-таки зацепили какой-то камень колесом. При нашей скорости и при том, что я весь полет удивлялся, как винт нашего вертолета вмещается между склонами, ощущение было не из приятных.

Высадились мы в сумерках и с наступлением темноты двинулись на восток. Шли по руслам сухих ручьев. Риск, конечно, был, и не малый. Выслать боковое охранение было невозможно: не из кого. Кроме того, при движении по ровной местности боковой дозор двигается с той же скоростью, что и основная группа, а попробуйте двигаться так по горному хребту!

Кое-какие меры безопасности при движении мы, конечно, принимали. С этой целью выслали головной дозор, участки местности, вызывающие подозрение, осматривались, но движение было организовано с целью обеспечения скорейшего выхода в район проведения засады, а не с целью обеспечения максимальной безопасности. Расчет оказался правильным, и часа через четыре мы достигли выхода на Гардезскую равнину.

Дорога, ведущая из кишлачной зоны к югу от Гардеза в глубь горного массива, где мы десантировались, оказалась ненаезженной. Карты масштаба 1:10000 издания 1976 г., которыми мы пользовались, были весьма неточны, и такие неувязки у нас возникали постоянно.

Следует пояснить, что район засады выбирался по карте без предварительной рекогносцировки с воздуха, поэтому командир группы заранее обговорил в штабе отряда свое право изменить район организации засады по обстановке. Подобное изменение считалось в порядке вещей, и если командир давал координаты своего местонахождения, не очень сильно отличающиеся от указанных в боевом приказе, ничего страшного в этом не было. Командиру группы на местности виднее, где действительно лучше организовать засаду.

Дорога, на которую мы вышли,– продолжал Таривердиев. – Имела место быть. Однако в колее успела прорасти и завять трава (почему-то данная местность не была покрыта снегом, как в западных предгорьях). То есть этой дорогой не пользовались минимум лето и осень. Было маловероятно, что именно в ночь, когда мы вышли на засаду, ею воспользуются. Поэтому я, расположив группу в боевом порядке, посчитал необходимым выслать дополнительный разведдозор в составе из трех человек во главе с сержантом Алышановым, с тем, чтобы они все-таки определили, есть ли на этом участке дорога, которая действительно используется для движения с востока на запад. Я был уверен, что такая дорога есть.

И подгруппа Алышанова такую дорогу обнаружила в нескольких километрах южнее. Когда сержант доложил мне о своей находке, я решил изменить место засады. Для начала, не трогая основные силы группы, я еще с одним разведчиком присоединился к дозору Алышанова у обнаруженной дороги (на карте она не была обозначена) и, проверив его информацию, связался по Р-392 с прапорщиком Зюхановым, оставшимся с основными силами. Зюханов организовал минирование старой дороги на всякий случай минами с суточным сроком самоликвидации – все-таки мы находились в районе, где проживали и мирные жители, и ставить минные поля без срока самоликвидации нам было категорически запрещено – и вывел группу в новое место.

Выбранное мной новое место для засады представлялось очень перспективным. Дорога была сильно накатана, причем, судя по следам, движение активно осуществлялось как из равнины в горы, так и в обратном направлении. Следы были свежие.

Так как мы не знали, откуда могут пойти мятежники, я решил разделить группу на две части. Группу из двенадцати человек с прапорщиком Зюхановым во главе я отправил ближе к горам с задачей расположиться на первой же удобной в тактическим отношении высоте над дорогой, по возможности, имея в секторе огня и выход из ущелья.

Сложность поиска такой высоты заключалась в том, чтобы она была расположена на достаточном удалении от ближайших горных вершин, заняв которые мятежники могли бы получить преимущество в случае обнаружения подгруппы Зюханова.

Сам же с оставшимися людьми и радиотелеграфистом расположился на равнине в сухом русле, тянущемся вдоль дороги на удалении 15-20 метров от нее.

В случае, если мятежники появятся из ущелья, подгруппа Зюханова пропускает головную машину, обстреливает все, что попадает в зону действительного огня АГС-17 и двух пулеметов ПК; моя подгруппа занимается головной машиной, открывая огонь с близкого расстояния. Если машины будут двигаться в обратном направлении, мы пропускаем на Зюханова столько машин, сколько успеет пройти мимо нас до открытия огня по головной машине. Сами же, по обстановке, расправляемся с тем противником, который оказался в пределах досягаемости нашего огня. В любом случае, головная или единственная машина (сколько их там ни будет) должна была пропускаться для поражения средствами подгруппы, дальней по маршруту движения.

На случай неблагоприятного развития боя из-за численного преимущества противника были предусмотрены пути отхода. Я сразу же связался с центром боевого управления отряда и передал свои пожелания дежурной паре вертолетов огневой поддержки Ми-24.

Подлетное время «двадцатьчетверок» составляло 20 минут, а вопросы взаимодействия с ними и целеуказания в ночное время были отработаны заранее. Так что особого беспокойства по поводу неблагоприятного развития событий я не испытывал».

Главное было — не дать себя окружить превосходящим силам противника непосредственно на местах расположения подгрупп, но это было слишком маловероятным.

«В третьем часу ночи, — вспоминал Карен, — мы услышали шум тракторного двигателя, направляющегося из кишлачной зоны в горы. Наблюдатель, высланный от моей подгруппы вдоль дороги, доложил, что в тракторе находится шесть человек, все вооружены. Мер безопасности противник не предпринимал. Посты наблюдения не засекли посадки вертолетов, и нас в районе никто не ждал.

Я отдал приказ не обнаруживать себя. Сообщив прапорщику Зюханову сведения о противнике, с тем чтобы он заранее мог организовать огонь подгруппы, ориентируясь именно на такую цель, я поставил задачу группе наблюдать за окраиной кишлачной зоны — вдруг за трактором последуют еще какие-нибудь транспортные средства.

Зюханов выдвинул к подножью высоты несколько разведчиков, вооруженных автоматами с прибором бесшумной стрельбы. В случае, если бы им удалось быстро уничтожить мятежников внезапным огнем с близкого расстояния, то в дело включались бы пулеметчики, расположенные на тактическом гребне.

Нам очень не хотелось сразу же обнаруживать свое местонахождение огнем пулеметов, во-первых, потому что это было небезопасно и близко расположенные бандформирования могли предпринять меры по нашему поиску и уничтожению, а во-вторых, если бы засаду не удалось провести бесшумно, можно было рассчитывать в оставшиеся три часа темного времени дождаться еще и дополнительного «результата».

Автоматчикам удалось огнем ПБС уничтожить четверых мятежников в прицепе, пятый же успел скрыться. Кроме того, тяжело раненый водитель попытался выйти из зоны огня. Пришлось одному из пулеметчиков уничтожить его короткими очередями. То, что ПК дал несколько очередей, командира группы Таривердиева не очень смутило — в горах по ночам часто стреляли и на это противник мог и не обратить внимание, но то, что одному из охраны удалось скрыться, представляло опасность. Сбежал он в сторону кишлачной зоны, и в ближайшем же кишлаке, до которого от подгруппы было всего 1000—1200 м, поднял бы тревогу. Это грозило большими неприятностями.

На удачу нашим разведчикам вышла луна, и местность хорошо просматривалась в бинокли ночного видения. Достаточно удалившись от места гибели трактора, сбежавший почувствовал себя в безопасности и вышел на дорогу. О том, что между ним и ближайшим кишлаком расположена еще одна подгруппа, он не подозревал. Первоначально Таривердиев хотел приказать группе захвата взять его в плен, но в бинокль было хорошо видно, что в руках у него заряженный гранатомет и двигается он достаточно осторожно, готовый немедленно отреагировать на опасность. Как таковой задачи добыть пленного перед группой не ставилось, и Карен решил не рисковать. Спецназовцы уничтожили его из пистолета ПБ.

Удостоверившись, что все тихо и никакого движения в ближайших кишлаках и на дороге не происходит, Таривердиев разрешил Зюханову выслать с высоты досмотровую группу для осмотра трактора. Через некоторое время получил доклад, что в прицепе обнаружена двенадцатиствольная установка залпового огня. По тем временам это считался очень ценный результат. Держать группу разделенной в ожидании чего-нибудь еще было неразумно. Гораздо разумней было соединить все силы на высоте, занимаемой подгруппой прапорщика Зюханова, и организовать там круговую оборону на случай попытки мятежников отбить захваченную установку.

Разведчики установили на дороге мину-сюрприз, взрыв которой мог послужить для нас сигналом, что со стороны кишлачной зоны кто-то двигается, и отошли на высоту. Надо сказать, что время до рассвета оказалось достаточно беспокойным, так как со стороны ущелья явно прослушивалось какое-то движение. Но в поле зрения наблюдателей противник не попадал. По всей вероятности, пулеметные очереди все-таки не остались без внимания мятежников, находящихся в горах, и они суетились вокруг с целью выяснить обстановку. Командир группы категорически запретил открывать огонь без крайней на то необходимости, дабы не обозначить заранее позиций наших огневых точек. Установив связь с Центром, Карен доложил обстановку и свои выводы по ней. Дежурные вертолеты огневой поддержки были приведены в готовность № 1.

По-видимому, у противника в данный момент на этом участке не оказалось достаточных сил и решимости навязать разведчикам ночной бой. С их стороны это было явной ошибкой, так как с наступлением рассвета район сразу же был взят под патрулирование армейской авиацией. Летчики по просьбе командира отряда спецназа осуществили пуски ракет по окружающим группу высотам, откуда они могли подвергнуться обстрелу, и все стихло. Ввязываться в драку, при наличии у себя над головой четырех Ми-24, да еще двух Су-25, круживших над кишлачной зоной, на необорудованных заранее позициях, для мятежников было явным самоубийством, их командование это понимало.

Эвакуация группы из района засады прошла спокойно, если не считать того, что первая попытка поднять в воздух вертолет с трофеем спецназовцев на борту едва не закончилась плачевно. Подъемной силы у Ми-8 не хватило, и он упал на землю. К счастью, высота была небольшая, и никто не пострадал. Вторая попытка оказалась более успешной, и разведчики с захваченным «результатом» добрались до своего городка.

После доклада командующему армией установку через неделю затребовала Москва, куда она и была отправлена самолетом. Все разведчики были представлены для награждения орденами и медалями. Они ходили героями

Карен ТАРИВЕРДИЕВ, командир группы 177 оо СпН

НАША СПРАВКА:

Вскоре Карен Таривердиев подорвался на минном поле. После госпиталя до развала Союза служил в Старом Крыму, а затем вернул-

ся в Москву, где некоторое время работал на телевидение. Обострение болезни, развившейся после ранения конечностей, привело к тяжелой инвалидности, но Карену Микеэлевичу мужества не занимать...

Гордостью 177-го отряда был и капитан Певел Бекоев, командовавший ротой спецназ. «Скромный в быту и неудержимый в бою» — так отзывались о нем его командиры и подчиненные.

Павел продолжил семейную традицию, и стал профессиональным военным. Рассуждая с сегодняшних позиций, наверное, трудно понять, почему главный хирург Группы советских войск в Германии полковник медицинской службы Бекоев, не решил вопрос о направлении сына-офицера в престижную группу войск. Ему бы это ничего не стоило... Павел выбрал в Афганистан. Посмертно был представлен к званию Героя Советского Союза! Но высшей наградой для Павла Бекоева оказалась Вечная Память сослуживцев.

Бекоев, прибыл на должность командира 3 роты в 177 оо СпН из 154 отряда, и первое время был «чужаком». Хотя Бекоев и стал лейтенантом на военной кафедре Минского радиоинститута, однако боевых качеств, необходимых спецназовцу, у него отнять было нельзя. Павел Бекоев успешно командовал группой в Джелалабадском батальоне и там же был выдвинут на должность заместителя команлира роты. Воевал грамотно и смело и был назначен на вышестоящую должность в 177 оо СпН.

Новый комбат 177-го отряда Алексей Попович, выпускник разведфакультета Киевского ВОКУ 1974 г., был очень доволен, получив командиром 3-й роты такого опытного офицера. Он к нему прислушивался с первого дня, поскольку нельзя было не доверять опыту Бекоева, который к тому времени служил в Афганистане уже второй срок, т. е. воевал больше двух лет и, уже тогда имел два ордена Красной Звезды и орден Красного Знамени, а такие награды заслужить было очень сложно.

Из воспоминаний заместителя командира отряда по политической части майора Владимира Волоша:

— Павел непросто вписался в коллектив. Некоторые командиры видели в его самобытности вздорность характера. Для Бекоева не было авторитетов, он был совершенно неудержим в боевой деятельности, —. — Его имя постоянно находилось на устах сослуживцев. Кто говорил о нем с восторгом, а кто завидовал его многочисленным удачам.

17 октября 1985 года, он со своей ротой без потерь разгромил опорный узел душманов в районе Парзубай. 10 декабря 1985 года десантировался в 60 км западнее Ургун, выдержал четырехчасовой бой и захватил 9 ПЗРК, 2 ДШК, большое количество боеприпасов. 14 января 1986 года капитан Бекоев с двумя бойцами вступил в бой с 26 «духами» и победил.

Ровно через месяц, 14 февраля, Павел во главе отряда из 32 человек десантировался из вертолетов в районе Лой-Мана. После трехчасового боя уничтожил пять складов «духов». Успехи роты, которой командовал Павел Бекоев, во многом определялись его личным мужеством и хорошим знанием

своих подчиненных, с которыми он делил и скромный палаточный быт, и постоянный риск боя. Он был очень честолюбив и храбр.

Помимо организационно-кадровых изменений, укрепивших подразделения специального назначения, большую роль в повышении их боевых возможностей сыграло и то, что каждой бригаде и отрядам спецназ придали авиацию. Пожалуй, ни о ком «афганцы» не говорят с таким почтением, как о вертолетчиках. Есть их за что почитать, перед кем преклоняться. Спецназовцы о них много рассказывали. О Герое Советского Союза майоре Майданове, о майоре Стригине и других. Разведчики с теплотой вспоминали случай, когда на одном вертолете удалось вывести с поля боя не десять, а двадцать четыре человека...

В Джелалабаде боевую деятельность спецназа обеспечивал 335-й отдельный боевой вертолетный полк. В Газни – 239-я отдельная вертолетная эскадрилья (12 транспортно-боевых вертолетов Ми-8 и 8 боевых вертолетов Ми-24), аэродром базирования которой, находился недалеко от отряда. Наличие «своей» авиации самым благоприятным образом сказалось на мобильности и результативности разведывательно-боевой деятельности спецназа. Разведчики перестали «привязывать» свои выходы к собственным бронегруппам и радиус действий разведподразделений увеличился до 150-180 километров.

В условиях сильно пересеченной местности и чрезвычайной плотности минирования, которую применяли «духи» в этом районе, поход «брони» даже на 50-60 километров от ППД можно было смело приравнивать к подвигу. В таких условиях добрые отношения с «воздухом» были просто необходимы. На склоне горы, рядом с ППД 177 отряда из камней были выложены слова «Слава ВВС!», хорошо читаемые сверху. Так десантники приветствовали своих друзей-летчиков.

Отличными коллегами и помощниками, поставляющими достоверную информацию, были офицеры оперативной агентурной группы «Ургун». Эта группа из четырех офицеров сидела за многие сотни километров от ближайших советских частей в крайне скудных условиях, но работала отлично.

Из воспоминаний начальника разведки отряда Игоря Ящишина:

– Наши разведчики практически ни разу не возвращались пустыми, если вылетали на реализацию данных «Ургуна». С начала декабря 1985 и в течение полугода 1986 года все основные наши успехи были связаны с провинцией Ургун и, соответственно, с информацией, которую нам предоставляли наши агентурщики. И это при том, что наша «броня» в Ургунское ущелье не ходила. В тот район, расположенный в непосредственной близости от границы между Афганистаном и Пакистаном, за девять лет войны, по-моему, армейская операция ни разу не залетала, не говоря уже о нашей бронегруппе из 7-8 БМП и БТР. Большее количество боевых машин мы, как правило, не выделяли. Поэтому можно с полным основанием говорить о том, что своим удачам в этот период войны мы были обязаны агентурщикам из Ургуна и вертолетчикам из Газни.

Весь декабрь 1985 года разведгруппы 177 оо СпН довольно успешно били в Ургуне «духовские» караваны. Особо результативными оказались засады в ущелье севернее города Ургун, которые провела 1-я рота под командованием капитана Степанова, и засада 3-й роты капитана Бекоева в районе крепости Гумалькалай — крайней по расстоянию точки, куда могли долететь наши вертолеты.

В первом случае разведчики захватили около 60 стволов стрелкового оружия, несколько безоткатных орудий, один ДШК и даже автомобиль ЗИЛ-130, набитый артиллерийскими и реактивными снарядами.

А в районе крепости Гумалькалай, помимо всякого прочего добра, удалось захватить и несколько китайских ПЗРК «Стрела», что по тем временам само по себе считалось выдающимся результатом. Впоследствии агентурщики рассказали, что в той засаде был уничтожен и американский советник.

В Ургунских горах боевики чувствовали себя полноправными хозяевами. Наших частей в том районе не было, афганская армия и Царандой, если где-то там и дислоцировались, то вели себя крайне смирно и в горы не совались. Ближе нас к этому району находилась только гардезская 56 десантно-штурмовая бригада. Но у них были свои задачи.

У «духов» там царила тишь, гладь и Божья благодать. Наши агентурщики каким-то чудесным образом сумели составить подробнейшую карту расположения банд в этом районе и установить, где располагаются перевалочные базы караванов со складами с оружием и боеприпасами. Сами склады находились вне населенных пунктов, но, как правило, в близости от них, что для их захвата спецназом представляло определенные трудности. Можно было предположить, что в близлежащих к ним кишлаках располагались на зиму крупные «духовские» отряды, готовые быстро оказать помощь группам охраны складов.

Командование отряда довольно долго обдумывало способ, как бы их уничтожить. Вопрос этот был серьезный, потому что использование бронегруппы, по описанным выше причинам, исключалось, а одним бомбоштурмовым ударом подход резервов противника по «зеленке», как известно, не предотвратить. В этой части Афганистана горы покрыты вечнозеленым редколесьем (туя, сосна, падуб) и это обстоятельство сильно ограничивало возможность обнаружения противника с воздуха.

Из воспоминаний исполняющего обязанности начальника разведки отряда Карена Карен Таривердиева:

— Наш командир батальона майор Попович решил рискнуть. Не последнюю роль в его решении сыграл командир 3-й роты Павел Бекоев. В вопросе о проведении серии налетов на Ургунские склады голос командира 3-й роты имел большой вес. Впрочем, к этому времени капитан Бекоев сумел практически доказать свое умение совершать успешные налеты и засады.

В качестве первоочередной цели комбат выбрал склад оружия и боеприпасов, расположенный в горах, километрах шестидесяти юго-западнее Гардеза. От Газни до цели расстояние было вдвое большим, и мы рассчитывали использовать гардезский аэродром, как площадку подскока или ожидания,

если можно так выразиться. По нашему плану, транспортно-боевые Ми-8, десантировав наш отряд в район проведения налета, не возвращались на свой аэродром в Газни, а должны были сесть в Гардезе. Таким образом, в течение пятнадцати — двадцати минут они могли вернуться в район проведения налета и эвакуировать нас оттуда. Склад располагался неподалеку от селения Лой-Мана, в котором вполне могли оказаться «духовские» резервы. По нашим сведениям, численность охраны была сокращена с 60 человек до 15. Газнийская 239-я вертолетная эскадрилья могла выделить нам для этой операции только шесть Ми-8МТ. Число вертолетов и определило наш боевой состав — 60 человек, по десять на каждый борт.

На всю операцию отводилось не более одного часа с момента десантирования отряда до посадки в вертолеты. Мы надеялись, что за это время «духи» не успеют собрать и подтянуть достаточно сил, чтобы оказать нам серьезное сопротивление. Десантирование предполагалось произвести на ровную площадку у подножья гор, которая находилась в непосредственной близости от склада. У летчиков были сомнения в ее пригодности, так как заказанная нами аэрофотосъемка местности реальное состояние выбранных для десантирования площадок не давала. Так как весь район был сильно занесен снегом, аэрофотоснимок читался плохо. Мы рассчитывали, что снежный покров не превышает 10—15 см и не слишком затруднит движение. Как выяснилось впоследствии, снежный покров составлял около полуметра и сильно повлиял на наши действия на конечном этапе операции.

Возможный огонь зенитных средств (ДШК и ЗГУ) планировалось подавить с воздуха, но все-таки наибольшие надежды мы возлагали на внезапность нападения и скоротечность боя.

Командир 15 бригады спецназ подполковник В.М.Бабушкин согласовал со штабом 40-й армии вопрос о том, чтобы при необходимости на помощь разведотряду выдвинулась 56 дшбр. При неблагоприятном развитии событий спецназовцам пришлось бы держаться в окружении не менее 10—12 часов, а это было чревато непредсказуемыми потерями с нашей стороны. Оперативная агентурная группа предоставила в распоряжение спецназовцев афганца-проводника, знающего местность и расположение огневых точек.

Налет был осуществлен 14 февраля. На первом этапе все шло согласно плану. Охрана не ожидала нападения, зенитные средства не были подготовлены к немедленному открытию огня, и после бомбоштурмового удара Су-25 и Ми-24 все шесть «восьмерок» удачно десантировали спецназ на площадку приземления.

Прыгать пришлось из положения зависания с высоты метр-полтора, может чуть больше, но тут нам помог глубокий снег. Кроме того, место десантирования было скрыто от «духов» плотной снежной пеленой, поднятой винтами вертолетов. Разведчики оказались на небольшой площадке, в нескольких десятках метров от подножья гор. Поначалу по ним никто не стрелял, и группы отряда довольно организованно сумели подойти к складу.

Складская зона представляла собой несколько одиночных строений, разбросанных в полном беспорядке на ограниченной площади. Довольно быстро и без потерь удалось захватить их все. Кроме одного.

Прием захвата был предельно прост. Подгруппа обеспечения открывала по строению ураганный огонь с расстояния 30-50 метров и под ее прикрытием к домикам подбирались два-три разведчика. Как только они занимали безопасное положение в «мертвой зоне» у стены, огонь по окнам и дверям прекращался, подгруппа нападения поднималась с земли и забрасывала внутренние помещения гранатами через окна. Таким приемом сопротивление противника было полностью подавлено.

Но, ничего особо существенного внутри этих строений найти не удавлос. Это настораживало, и казалось, что никакого большого склада здесь нет, а всю эту операцию затеяли зря. Правда, афганец-проводник заранее предупреждал нас о том, что не знает точно, в каком именно месте расположен основной склад, так как в этом районе ему бывать приходилось, а в самом складе-хранилище — нет.

Но тут из одного домика попытался сбежать молоденький парень, на вид лет пятнадцати. Оружия у него не было, и прапорщик Вербитский быстро его поймал. Парень был сильно испуган, и после пары профилактических затрещин немедленно согласился отвести разведчиков к искомому складу.

Выяснилось, что основное хранилище представляет собой странного вида строение из трех стен на обратном скате большого холма. Основные силы роты просто проскочили мимо него, не придав этому строению большого значения. Роль тыльной стены выполняла гора, то есть домик был заглублен в скалу так, что наружу торчало только что-то вроде предбанника.

Первоначально около него осталось одно отделение солдат из роты капитана Бекоева, а все остальные пробежали мимо. Это строение было единственным местом, откуда разведчикам было оказано сопротивление. Частично подавить его удалось только после того, как кто-то из солдат забрался на крышу и бросил через трубу дымохода внутрь помещения несколько гранат. Ворвавшись в «предбанник», спецназовцы поняли, что попали в какую-то искусственно сделанную пещеру, потому что вглубь горы вел небольшой кривой коридор. За коридором находилось еще одно помещение, куда и отошли «духи» из «предбанника».

Выкурить их оттуда оказалось очень затруднительно, потому что они активно обстреливали выход из коридора. Пользуясь тем, что коридор оказался не прямолинейным, а имел поворот, за которым можно было находиться в относительной безопасности, спецназовцы начали закатывать в дальнюю пещеру ручные гранаты. Причем не бросать их, а именно закатывать, высунув руку из-за угла, закатывали их по полу «духам» под ноги.

Судя по гулкому звуку взрывов, пещера была внушительных размеров. Вскоре кто-то заметил, что обороняющиеся прекратили обстреливать выход из коридора, и несколько солдат осторожно проникли в пещеру. «Духов» в ней не оказалось, а в тыльной стене спецназовцы нашли вход в еще

один коридор, который вел еще дальше вглубь горы. Сунувшийся в этот очередной коридор солдат тут же попал под автоматную очередь, выпущенную почти в упор. То, что он остался цел и невредим — везение высшей категории. «Духам», видимо, отступать было уже некуда, и они засели в том коридоре накрепко. Чего там было понастроено или прорыто дальше, разведчики так и не узнали, потому что дальше продвинуться им не удалось. Впрочем, как показали дальнейшие события, в этом и не было никакой необходимости. Бойцы не ожидали, что придется воевать в пещерах, поэтому ни у кого не оказалось с собой элементарного фонарика. Вся вышеописанная суета происходила при свете зажженных спичек или зажигалок. Кто-то догадался использовать для освещения факел сигнальный наземный патрона НСП. И вот тут-то при осмотре пещеры, разведчики обнаружили стеллажи с двухкилограммовыми упаковками пластида С-4 американского производства. И было его там, по меньшей мере, несколько тонн. Кроме того, по углам в беспорядке были свалены пакистанские противопехотные мины P5Mk1 (аналог американской «Клеймор» и отечественной МОН-50) направленного поражения, несколько десятков противотанковых итальянских мин TS-6 и другие взрывоопасные «мелочи». Впрочем, если бы пластит сдетонировал от разрыва наших гранат, то наличие или отсутствие мин уже не имело бы никакого значения. Надо сказать, что «духи» решили ответить разведчикам тем же, и катнули несколько гранат в их сторону. Их гранаты разорвались за углом второго коридора. Один наш автоматчик остался в коридоре блокировать мятежников, а остальные принялись лихорадочно вытаскивать свои трофеи из пещеры.

Из воспоминаний исполняющего обязанности начальника разведки отряда Карена Карен Таривердиева:

— Поначалу мы попытались вытащить пластит, но быстро сообразили, что с собой его в таком количестве не утащишь. Поэтому, брали только стрелковое оружие, по несколько экземпляров мин в качестве образцов и всякую прочую мелочь, казавшуюся полезной. К примеру, удалось прихватить две коротковолновые радиостанции китайского производства. Связисты утверждали, что эти радиостанции имели не менее 5 тысяч километров дальности связи, а по ширине диапазона превосходили наши радиостанции раза в полтора. Впоследствии мы отправили их «наверх» для изучения...

К этому времени ситуация принимала неблагоприятный поворот — противник все-таки сумел организоваться и занял господствующие высоты, то есть оседлал или начал оседлывать тактический гребень выше отряда. Поначалу огонь был не очень плотным и прицельным, но «духи» довольно быстро наращивали плотность огня. У них с каждой минутой прибавлялось огневых точек.

Павел Бекоев опасался подобного развития событий, но предотвратить его все равно не мог из-за малочисленности отряда. Однако еще в самом начале боя разведчики роты Бекоева поднялись выше по склону и захватили на подготовленной огневой позиции горное орудие (китайское 75-мм безоткатное орудие Тип 56-2). Орудие было замаскировано от на-

блюдения с воздуха и развернуто в сторону той самой площадки, которую рота Бекоева использовала для приземления. Во время первого бомбоштурмового удара эта позиция ничуть не пострадала. Когда 3-я рота добралась до него, выяснилось, что расчет на позиции отсутствует. Можно представить, во что могла превратиться наша операция, если бы орудие в момент зависания вертолетов для выброски отряда оказалось бы в готовности к открытию огня. Кроме этого, солдаты Бекоева уничтожили расчет 14,-5-мм ЗГУ, который смог добежать до своей зенитной установки, но так и не успел открыть огонь.

Сейчас можно предполагать, что площадка, на которую высаживались, была заранее пристреляна, и если бы расчеты успели вовремя занять свои места по боевому расписанию, десанту пришлось более чем туго. В этом отношении Павел Бекоев, больше всех рассчитывающий на успех внезапности и твердо уверенный, что спецназовцам удастся подавить противника прежде, чем он успеет развернуться к бою, оказался совершенно прав.

К сожалению, разведчики потратили слишком много времени на поиск склада и уничтожение его охраны. В конце концов, сообразили, что с «духами» можно поступить значительно проще, чем пытаться проникнуть вглубь пещеры: нужно просто поставить заряд, установленный на временное замедление подрыва и в положение неизвлекаемости, прямо на стеллаж с пластитом. Саперы, во главе с лейтенантом Сергеем Кантышевым, быстро изготовили этот заряд и дали ему получасовое замедление. Что именно получилось в результате взрыва нескольких тонн пластита в пещере, можно себе представить и без дополнительных объяснений.

Однако все это заняло время, и операция затянулась почти на полчаса, сверх запланированного. Поэтому, несмотря на самую активную поддержку с воздуха, которую разведчикам оказывали пары Ми-24, сменявшие над разведчиками друг друга, без потерь все-таки не обошлось.

Самым уязвимым местом плана операции было то, что эвакуироваться приходилось с того же самого места, на которое и десантировались. Другой площадки для посадки вертолетов поблизости просто не было. «Духи», тоже неплохо разбиравшиеся в военном деле, довольно быстро это поняли и попытались воспользоваться данным обстоятельством с максимальной для себя выгодой. Еще до того, как за отрядом прилетели транспортные вертолеты, подтянувшиеся «духи» успели организовать весьма действенный огонь из безоткатного орудия, позицию которого спецназовцы никак не могли определить. Возможно, эта позиция была подготовлена заранее, но разведчики пропустили ее во время первой, самой благоприятной для них фазы боя. А, может быть, эту безоткатку приволок с собой резервный отряд противника, благо весит она не так много. Как бы то ни было, она доставила множество хлопот. Из-за нее «восьмерки» долгое время не могли зайти на посадку. Вертолет на земле представляет собой идеальную мишень для стрельбы. Пока разведчики Бекоева теряли время, противник усиливал огонь стрелкового оружия.

Безоткатку, в итоге, подавили вертолеты огневой поддержки, но отходить к «восьмеркам» после выполнения боевой задачи бойцам пришлось уже по совершенно простреливаемой местности. Кроме того, снеж-

ный покров на площадке эвакуации, как уже говорилось, составлял около 50 сантиметров. Это затрудняло передвижение. Отходили разведчики сильно нагруженные своими трофеями. К счастью, в этой ситуации только два бойца получили тяжелые ранения у самых вертолетов. Корпуса вертолетов также были довольно сильно изрешечены пулями и осколками, хотя вертолетчикам удалось избежать потерь.

Эта операция стала одной из самых «красивых» операций 177-го отряда, проведенных той зимой. Ведь в ней Бекоев применил боевой опыт, приобретенный в Джеллалабадском батальоне, разведчики которого в совершенстве владели тактикой быстротечных налетов с использованием вертолетов. Имя капитана Бекоева гремело на весь спецназ!

«Газнийцы» еще несколько раз придерживались подобной схемы проведения налета на склады оружия и боеприпасов, причем делали это не без успеха. Но в итоге командование бригады и штаб армии (в лице заместителя начальника штаба 40-й армии полковника Симонова, отвечавшего за наши действия) посчитали, что успех налетов на Ургунские склады каждый раз находится, что называется, «на острие бритвы» и прервал подобную деятельность.

Череда громких побед, к сожалению, притупила у личного состава чувство опасности и необходимое уважение к противнику. И здесь вновь на первый план выступила личность и особенности характера Павла Бекоева, что продемонстрировал его последний бой.

18 марта 1986 года в штаб батальона пришла информация о том, что в кишлаке Сахибхан, расположенном около 60 километров южнее Газни, находится небольшая банда «духов», сопровождающая французского советника. Были ли в Афганистане советники из Франции или все это только слухи, до сих пор точно неизвестно, но в тот день подобная информация подействовала на решительного Бекоева как красная тряпка на быка.

Кишлак Сахибхан находился на территории провинции Газни, то есть не был отделен от нашего ППД непроходимыми для техники горными хребтами. Наверное, это и сыграло роковую роль в быстром планировании этой операции.

Около полудня рота Бекоева была поднята по тревоге и загрузилась в вертолеты, причем, не взяв с собой ни тяжелого вооружения, ни достаточного количества боеприпасов, ни даже теплых вещей на случай, если придется ночевать в поле. А ведь в марте здесь лежал снег, и ночами держалась устойчивая отрицательная температура. Бекоев посчитал, что весь налет займет не более двух часов, а день был относительно теплый.

Была поднята по тревоге 1-я рота спецназ, котрая получила приказ выдвинуться в район Сахибхана в составе бронегруппы из пяти БМП-2 и двух БТР-70, приданных из 2-й роты. В их задачу входил вывод 3-й роты из района боевых действий.

Формально в боевом приказе указывалось, что бронегруппа должна поддержать Бекоева огнем, но этому пункту никто никакого значения не придал. Была уверенность в победе. Во всяком случае, Бекоев посадил свою роту на вертолеты и улетел задолго до того, как боевые машины вышли из парка. Бронегруппа могла прийти в район действий 3-й роты не

ранее, чем через три часа после того, как она начнет бой. Кроме того, в отличие от налетов на ургунские склады, 3-й роте пришлось действовать в населенном пункте, опыта ведения боевых действий в котором, в отличии от разведчиков 154-го оо СпН, бойцы газнийского отряда не имели.

Приблизительно к 15 часам 3-я рота после двух с половиной часов безрезультатного поиска склада в кишлаке, в котором ей первоначально не было оказано ни малейшего сопротивления, вышла на его противоположную окраину. Там и находилась большая крепость, одной своей стороной выходившая на крайнюю улицу кишлака. Уже не рассчитывая найти противника и посчитав свой вылет безрезультатным, Бекоев успел запросить, чтобы его эвакуировали вертолетами, так как еще оставалось светлое время, а наша «броня» с черепашьей скоростью по-прежнему месила глубокую грязь на подходе к району действий. Капитан Степанов, командовавший бронегруппой, даже успел предположить, что с минуты на минуту последует команда возвращаться в ППД, а они еще даже в окрестностях Сахибхана появиться не успели. Это обстоятельство, помнится, его сильно раздражало.

И в этот момент из крепости по роте Бекоева был открыт огонь. Сразу же появились убитые и раненые. Услышав об этом в эфире, «броня» увеличила скорость до максимальной, но прибыла в район боя уже к шапочному разбору.

Бойцы 3-й роты лежали в арыке на окраине кишлака, ведя беспорядочный огонь по крепости из стрелкового оружия. Дистанция между этим арыком и ближней стеной крепости была около 50-70 метров. Поэтому несколько Ми-24, круживших в воздухе, никак не могли нормально поддержать роту огнем из опасения попасть по своим.

«Броня» отряда развернулась в боевую линию. Разведчики 1-й и 2-й рот спешились. При этом получилось так, что развернулись они в тылу 3-й роты, и тоже не могли использовать все свои огневые средства по той же причине, что и вертолетчики.

Естественно, «духи» открыли из крепости огонь и по подошедшему резерву. В итоге, пешие боевые порядки 1-й и 3-й рот перемешались между собой, и всякое разумное управление огнем было потеряно. Ми-24 продолжали кружиться над ними, изредка давая залпы НУРСов, но, по большому счету, это была стрельба для очистки совести, потому что никакого целеуказания им никто не давал, а сами они разобраться в той суматохе, которая творилась на земле, были не в состоянии.

Из воспоминаний заместителя командира отряда по политической части майора Владимира Волоша:

— Бекоев, который не привык отступать и чья личная храбрость поражала всех, все-таки решил штурмовать крепость. Действуя личным примером, он подобрался к ближней стене и через пролом влез внутрь. За ним последовали командир 3-го взвода 1-й роты капитан Олег Севальнев, выпускник Благовещенского ВОКУ, и один солдат из 3-й роты. При этом, Севальнев пошел вместе с Бекоевым, несмотря на то, что его взвод имел задачу в первую очередь прикрывать действия 3-й роты. Олег, по всей вероятности пошел за Павлом, зная, что со дня на день должен был состояться приказ о

его назначении заместителем Бекоева. Он пошел за ним на смерть, как за своим новым командиром.

Бекоев бесстрашно вылез на крышу крепости и побежал по ней, бросая во двор гранаты. «Духи» открыли огонь на звук шагов сквозь саманный потолок и ранили его в бедро. Бекоев упал во внутренний дворик, к «духам»... Севальнев соскочил вниз, но помощи Бекоеву оказать не успел, сраженный выстрелом в спину. Солдат, находившийся в крепости вместе с ними, бросил гранаты, сумел выбраться наружу и доложить о гибели обоих офицеров...

Уже на отходе от окраины кишлака, когда из сахибханской крепости были извлечены трупы Бекоева и Севальнева, а сама крепость была разрушена до основания со всеми теми, кто ее пытался защищать, одна из наших БМП открыла огонь во фланг передвигающейся группе из нескольких человек. В сгущавшихся сумерках их посчитали за противника, пытающегося выйти в наш тыл. Вскоре удалось разобраться, что это не «духи», а наше отделение, выходившее из кишлака... В наступившей темноте летчики Газнийской эскадрильи все-таки посадили несколько вертолетов, которые забрали убитых и раненых и часть 3-й роты, кто оказался поблизости.

Но на этом бой для спецназа не закончился. «Духи» успели установить мины на пути отхода. Для этого было выбрано очень удачное место — единственный разрыв в длинном русле, напоминавшем противотанковый ров. Другого проезда через это русло не было. Бронегруппа еще на пути к Сахибхану с трудом нашла этот проезд, а теперь же, в темноте, противник успел скрытно установить там противотанковые мины. Ни собак, ни саперов с ними не было, поэтому пришлось преодолевать эту преграду на «авось». В результате, головная БМП подорвалась. Несколько человек, в том числе начальник разведки батальона Игорь Ящишин, замполит батальона Владимир Волощ, замкомвзвода 1 роты сержант Алышанов получили контузии. В довершение всех бед после подрыва головной машины у замыкающей БМП слетела гусеница и она остановилась. Таким образом, вся бронегруппа на несколько часов оказалась наглухо запертой на узком участке земли. Причем машины стояли строго одна за другой, и никто не мог продвинуться ни на метр. Разумеется, это не осталось незамеченным противником, и в скором времени разведчики подверглись минометному обстрелу, к которому быстро присоединился огонь безоткатного орудия. Ночь была облачной, и никакой поддержки вертолеты десантникам оказать не могли. По счастью, обстрел был крайне неточным, и новых потерь в этой фазе боя не было. Только с рассветом колонне отряда удалось добраться до кандагарского шоссе и благополучно прибыть в ППД.

Потери за операцию составили четыре человека убитыми, среди них офицеры — капитаны Павел Бекоев и Олег Севальнев и два солдата — рядовые Сергей Алхимов и Виталий Красников. 29 человек получили ранения различной степени тяжести. В Афганистане было принято 40 дней не занимать койку погибшего в бою. Такой был обычай, такая традиция. И сорок раз по сорок дней, и сорок раз по сорок сороков пусть проходит, но память о таких светлых сынах Родины как Бекоев и его подчиненные должна храниться на всем ее пространстве.

Подорвавшаяся БМП-2 была утеряна безвозвратно, хотя и удалось дотащить до ППД ее останки.

Такова была цена недооценки противника. Урок оказался горьким, но из него были сделаны правильные выводы. Подобных вольностей при планировании операций штаб бригады больше не позволял, и таких потерь впоследствии личный состав 177-го отряда уже не имел. Однако до конца той войны 177-й отдельный отряд специального назначениия потерял убитыми еще три десятка героев.

Всего за годы афганской войны в отряде погибло 160 человек. Из них 18 офицеров, 6 прапорщиков, остальные – сержанты и солдаты.

Не вернулись из операций в свою часть трое.

2 июля 1982 г., при обеспечении вывода мотострелкового батальона из н.п. Базарак (Панджшерское ущелье) во время боя пропал без вести сержант Михаил Ануфриев.

5 августа 1982 г. в районе высоты 2862 н.п. Руха (Панджшерское ущелье) пропал без вести в бою рядовой Юсуф Абдуращидов.

13 июля 1985 г. пропал ефрейтор Игорь Гелетчак.

Их тела найдены не были.

После вывода в мае 1988 года на территорию СССР управления 15 обр СпН и двух отрядов спецназ (154 и 334), 177 оо СпН был задержан командармом в Афганистане и выполнял боевые задачи по периметру обороны города Кабула, дислоцируясь на его аэродроме. Последней колонной, в арьергарде, с командармом Громовым на броне, он вышел из Афганистана. Это была большая честь для 177 оо СпН и 15-й отдельной Красного Знамени Республики Афганистан бригады специального назначения.

В этот последний день Афганской войны, 15 февраля 1989 г., сложил голову последний военнослужащий отряда.

Афганское правительство отметило массовое мужество воинов этой части Почетным Красным Знаменем ЦК НДПА на бамбуковом древке.

ЦК ВЛКСМ наградил отряд Почетным Знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть».

После вывода из Афганистана батальон был переведен под Мурманск в поселок Тайбола, где размещалась до того часть ракетных войск стратегического назначения. История этого периода, наверное, была бы достаточно смешной, если бы личному составу не было от этой передислокации так грустно. Их как бы проверяли на прочность, перебросив из азиатской жары и пыли в разряженный воздух Заполярья на снега и в стужу. Приехали они к новому месту дислокации ободранные и голодные. Эшелон продвигался медленно, и для того чтобы обеспечить свое существование, офицеры и прапорщики продавали на полустанках свое обмундирование и имущество.

Вскоре Анатолий Блажко передал командование отрядом майору Юрию Пименову, достойно воевавшему в Афганистане в составе 668 оо СпН, и убыл в Псков на должность заместителя командира 2-й обр СпН.

Вся тяжесть решения проблем организации службы войск, обустройства личного состава, организации боевой подготовки легла на плечи офицерского состава отряда. Офицеры жили без семей и этот холостяцкий быт разрушающе давил на некогда сплоченный воинский коллектив.

Со временем все стало на свои места и майор Юрий Самсонов принял уже полноценный отряд, готовый к боям и новым испытаниям.

Легендарная личность ветеран отряда генерал-лейтенант Сергей Николаевич Куцов многое пережил в своей ратной жизни. Как-то, в бытность еще начальником штаба Газнийского батальона спецназ, вертолет, на котором он летел, был сбит в воздухе и взорвался. Из всех находящихся на борту десантников воспользоваться парашютами удалось только троим. Одним из этих счастливцев был капитан Сергей Куцов. Эту дату Сергей Николаевич считает своим вторым днем рождения. Он до сих пор в боевом строю.

Новые боевые испытания не заставили 177 оо СпН долго ждать...

На Северный Кавказ потянулись первые воинские эшелоны. Разведчики отряда опять окунулись в боевые испытания. Не остался в стороне и полковник Анатолий Блажко. С января по март 1995 года он принимал участие в боевых действиях на территории Северо-Кавказского региона. В этот период сводный отряд бригады под его руководством наводил конституционный порядок на территории Чечни. Это тяжелое испытание военнослужащие бригады вынесли с честью. За период руководства полковника Блажко, отряд не потерял ни одного человека убитым. При этом выполнил все поставленные перед ним задачи.

За умелое руководство частью, мужество и героизм, проявленные при ликвидации незаконных вооруженных формирований в Северо-Кавказском регионе, Анатолий Андреевич Блажко был награжден орденом «За военные заслуги». С ноября 1997 г. полковник Анатолий Блажко – командир 2-й отдельной бригады специального назначения.

Когда я вспоминаю Афганистан, то время сглаживает из памяти все плохое, у меня остались только хорошие и добрые воспоминания, – как то поведал о своем сокровенном Анатолий Блажко. – Благодаря афганскому опыту, умению планировать разведывательно-боевую деятельность и боевую подготовку личного состава, мы смогли впоследствии быстро адаптироваться в Кавказском регионе.

В ходе «реформирования» Российской армии почему-то (не сознательно ли?) ликвидировались лучшие, заслуженные дивизии и полки. Наш 177-й отряд спецназ постигла участь 345 гвардейского отдельного парашютно-десантного полка, 66-й мотострелковой бригады и других «афганских» частей, попавших под сокращение. В 1997 г. 177 оо СпН был расформирован по приказу министра обороны России.

Как большую личную утрату переживал случившееся полковник Блажко, тем более, что через год ему уже пришлось за два дня формировать и направлять в район боевых действий сводный отряд бригады, который с ходу приступил к выполнению задач командования. В дальнейшем отряд, неоднократно меняя личный состав по замене, выполнял боевые задачи

на территории Дагестана и Чеченской республики, проявляя мужествр, отвагу и героизм.

А с июля 1999 г. по сентябрь 2000 г. в бригаде были вновь проведены организационно-штатные мероприятия с развертыванием до полного штата двух отдельных отрядов специального назначения.

Напрашивается вопрос – стоило ли расформировывать 177-й отряд?

Умелое руководство и настойчивость полковника Анатолия Блажко позволили грамотно организовать учебный процесс и повседневную жизнедеятельность новых частей и подразделений бригады. С августа 1999 г. по 2003 г. сводный отряд бригады принимал участие в Контртеррористической операции в Северо-Кавказском регионе. Более 400 разведчиков были награждены государственными наградами. Четверо военнослужащих удостоены высокого звания – Герой Российской Федерации (посмертно).

Получается, что нынешняя молодежь достойно продолжает боевую славу и историю отряда, которого уже нет. Успокаивает в этой ситуации только одно, пока в строю остаются такие ветераны как полковник Анатолий Блажко, будут сохраняться и передаваться новым поколениям разведчиков боевые традиции 177-го отряда СпН, который навсегда останется для них эталоном высочайшего мужества и героизма!

РАЗВЕДКА ВЫБРАЛА ТЕБЯ

Судьба разведчика – это бесшумный ночной полет летучей мыши, невидимый для стороннего наблюдателя. Это полет мысли и действий, это искусство охотника, следопыта. Это не работа от звонка до звонка с перерывом на обед. Это вообще не работа в расхожем смысле слова, это погружение с головой в безграничность долга, это отказ от своего я. Это чужое имя и, если честно, чужая жизнь. Все подчинено ее Величеству Разведке. Все, без остатка. Да, есть еще семья, дети, общественная деятельность, но, зачастую, это декорация, антураж, прикрытие. И всегда неизвестность. И всегда невидимость результатов. Потому что никогда не знаешь свою роль в многоходовой стратегии замысла. Просто честно делаешь свой ход. Профессионально и хладнокровно. И тогда – сдержанная мужская благодарность, крепкое пожатие руки и награды, в закрытых указах. И забвение. Заслуженное, незаслуженное – таковы правила игры.

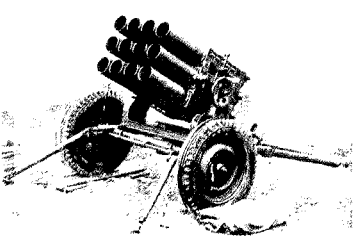
Выбрав в бурной молодости эту стезю, вдруг, осознаешь, что выбирал не ты, а тебя. Пусть так. Разведка выбрала тебя. Гордись и будь достоин. Принадлежность к тайне всегда влекло умные головы и сильные характеры. Кто в детстве и юности не мечтал быть разведчиком? Рискуя жизнью, в тылу врага выполнять опасные задания. Переснимать секретные документы, уходить от погони, искусно драться, навскидку стрелять... И не терять самообладания, даже когда тебя ведут на расстрел. И один в поле воин. И этот один – ты.

Боевое знамя 177 отдельного отряда специального назначения

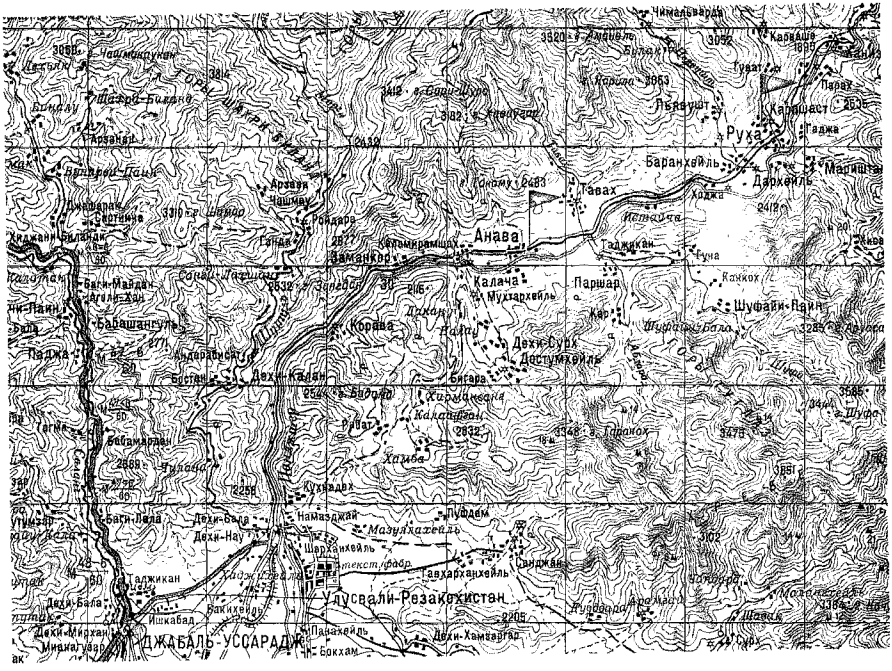
Офицеры 1 роты 177 оо СпН 1982 г

Командир роты 177 оо СпН (1981-1983 гг.) старший лейтенант Анатолий Матвийчук. Северный Афганистан, 1981 г.

Преподаватель Общевойсковой академии ВС России кавалер двух орденов Красной Звезды полковник Анатолий Матвийчук. Москва, 2007 г.



Китайская 107-мм реактивная система залпового огня, поступавшая на вооружение афганских моджахедов с 1984 г., впервые была захвачена в Афганистане разведгруппой 177 оо СпН старшего лейтенанта Карена Таривердиева в провинции Газни



В 1982-1984 гг. 177 оо СпН базировался в Панджщерском ущелье в н.п. Анава и Руха

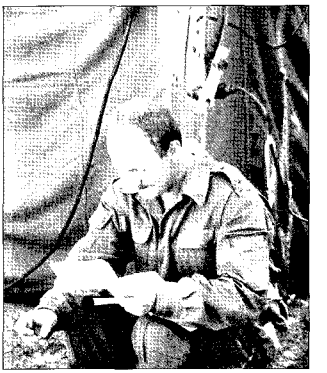
Пункт постоянной дислокации 177 оо СпН в 1984-1988 гг. в провинции Газни

Командир роты 177 оо СпН капитан Павел Бекоев был представлен к званию Героя Советского Союза (посмертно). Газни, 1986 г

Разведчики 177 оо СпН конвоируют к вертолету пленного моджахеда. Провинция Газни, 1987 г

Досмотр автотранспорта разведгруппой 3 роты 177 оо СпН Провинция Газни, 1987 г

Начальник разведывательного управления Главного командования Внутренних войск МВД России – заместитель начальника Главного штаба генерал-лейтенант Сергей Николаевич Куцов в боевом строю



Начальник штаба 177 оо Спн капитан Сергей Куцов читает письмо из дома. Газни, 1986 г.

В январе 1987 г. при перелете из Газни в Джелалабад вертолет Ми-8, на борту которого находился капитан С. Куцов, был сбит из ПЗРК. Вертолет загорелся в воздухе. Не теряя обладание, Сергей Куцов сбил с себя пламя и воспользовавшись парашютом покинул горящую машину

Посадка досмотровой РГ СпН 177 оо СпН в вертолет. Вертолетная площадка 239-й отдельной вертолетной эскадрильи под Газни, 1986 г.

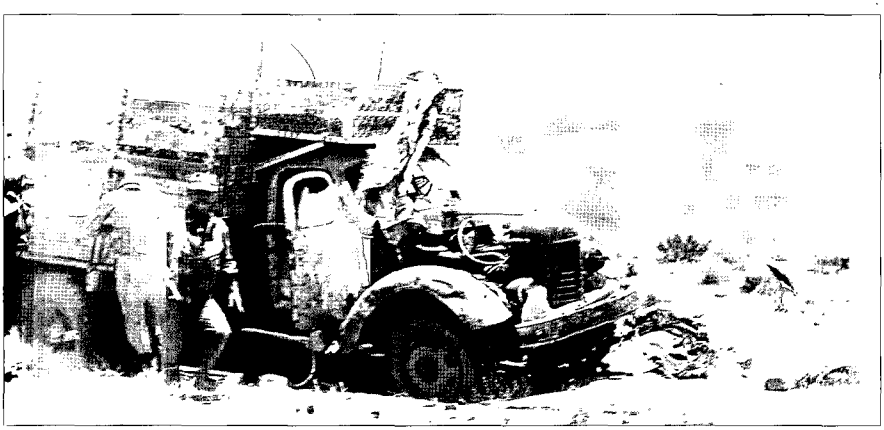
Легендарный вертолетчик командир звена боевых вертолетов Ми-24 239-й отдельной вертолетной эскадрильи Герой Советского Союза Николай Майданов один из немногих Героев СССР, кто был удостоен и звания Герой Российской Федерации
Свой последний полет полковник. Николай Майданов совершил в горах Чечни, поддерживая огнем с воздуха спецназовцев... Жизнь и смерть навеки связали со Спецназом вертолетчика-легенду Героя Советского Союза и Герой России полковника Николая Майданова

Ветеран 177 оо СпН
подполковник ВС Украины
Артур Деревянко.
В Афганистане командир группы и заместитель командира роты (1986 -1988 гг.)

Разведчики177 оо СпН на вертолетной площадке «Скоба» (Газни) в ожидании вылета на воздушную разведку.
В центре заместитель командира роты лейтенант Артур Деревянко, справа командир группы лейтенант Павел Кольчус Газни, 1987 г

Командир 15-й обр СпН полковник Юрий Старов вручает государственную награду командиру 177-го отдельного отряда специального назначения подполковнику Анатолию Блажко Газни, 1987 г.

Полковник Анатолий Блажко в 1986-1989 гг. командовал 177 оо СпН. В настоящее время Анатолий Андреевич командир 2 обр СпН (г. Псков)



Разведгруппа 177 оо Спн досматривает уничтоженый транспорт моджахедов Пр. Газни, 1987 г.

Чемпионат Газнийского батальона по боксу. 1987 г

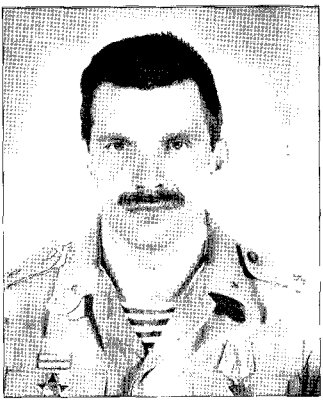
Командир группы 177 оо СпН старший лейтенант Вячеслав Куприенко покидал Афганистан на БТР с командующим 40 ОА генералом Б В Громовым

Офицеры 177 оо СпН перед боевым выходом. В центре заместитель командира отряда капитан Александр Алексеев. Газни, 1987 г.

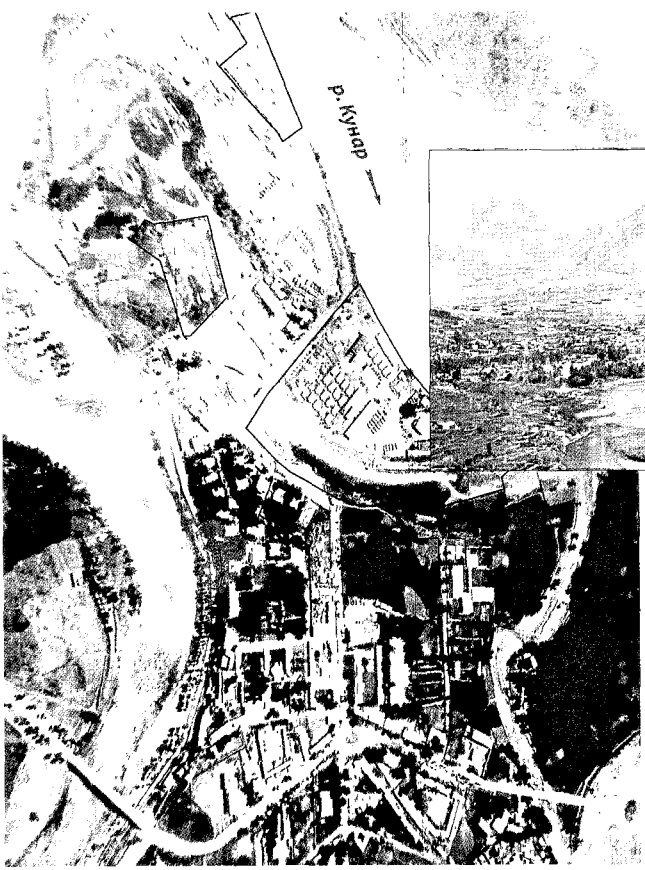
Лейтенант Олег Матаков (слева) последний погибший спецназовец в «афганской» войне. Кабул, 1988 г

Командир 177 оо СпН (1990-1994 гг.) подполковник Юрий Самсонов

Боевое знамя 334 отдельного отряда специального назначения



Легендарный командир Асадабадского батальона майор Григорий Быков-Кунарский

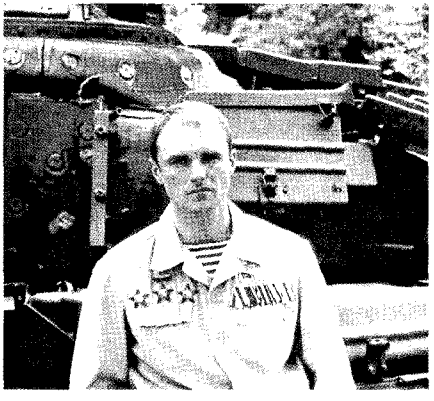


Вид на г. Асадабад с высоты полвта вертолета... американского. 2006 г.

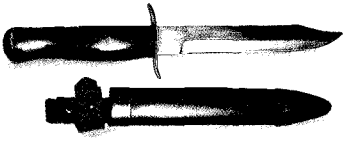
Аэрофотоснимок города Ассадабад (фрагмент). Красным цветом выделен ППД 334 оо СпН. 1986 г.

Ветераны Асадабадского батальона у могилы Григория Быкова Москва, Котляковское кладбище, 14 февраля 2008 г.

Командир 3 роты 334 оо СпН старший лейтенант Сергей Татарчук погиб в бою 1 марта 1986 г.



Начальник разведки 334 оо СпН кавалер трех орденов Красной Звезды старший лейтенант Олег Якута представлялся в Афганистане к званию Героя Советского Союза, но паркетные щелкоперы решили, что «хватит ему и трех орденов...»



Нож армейский образца 1943 г. НР-43 являлся в Афганистане культовым предметом вооружения Спецназа Этот фронтовой нож ценился разведчиками в горах за легкость и высокое качество стали клинка.

Командир отделения 1-й роты 334 оо СпН сержант Александр Веракса возле АГС-17. Кунар, 1986 г.

Офицеры 1 роты 334 оо СпН. Слева направо. вверху – старшина роты старший прапорщик Николай Зенин, командир 3 группы лейтенант Алексей Степанчук (погиб 19 03.1987 г.), командир роты Александр Кистень, командир 1 группы лейтенант Юрий Боровской и командир 4 группы лейтенант Вадим Матюшин (погиб 27 11 1987 г), внизу – командир 2 группы лейтенант Вадим Яшунин и заместитель командира роты лейтенант Виктор Рудометов (погиб 27 12.1987 г)

Выпускник Киевского ВОКУ 1985 г. лейтенант Виктор Рудометов погиб при подрыве мины в ходе выполнения боевой задачи на участке афгано-пакистанской границы 27 декабря 1986 г. Посмертно награжден орденом Красного Знамени.

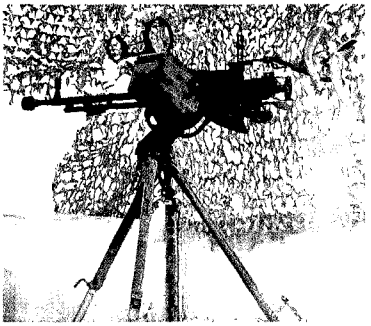
В Асадабадском батальоне потери офицеров ротного звена составили более 50 процентов штатной численности.

2 группа 1 роты 334 оо СпН (командтир группы старший лейтенант Вадим Яшунин) в захваченной мечети исламского комитета. Провинция Лагман, 9 марта 1987 г.

4 группа (гранатометно-огнеметный взвод) 1 роты 334 оо СпН (командтир группы лейтенант Вадим Матюшин) в захваченной мечети исламского комитета. Провинция Лагман, 9 марта 1987 г.

Выпускник Киевского ВОКУ 1985 г. командир группы 1 роты 334 оо СпН лейтенант Вадим Матюшин (погиб на борту вертолета Ми-8, сбитого американской зенитной ракетой «Стингер», в ходе вывода в район выполнения боевой задачи 27 ноября 1987 г. со своим заместителем сержантом Владимиром Лвбеденко. Асадабад, 1987 г.

Разведчики 3 роты 334 оо СпН с захваченным в укрепрайоне "Нава" китайским крупнокалиберным пулеметом тип «54» (ДШК, СССР), август 1986 г. Командир группы 3 роты лейтенант Сергей Гаврилов (внизу второй справа) убыл из отряда по ранению



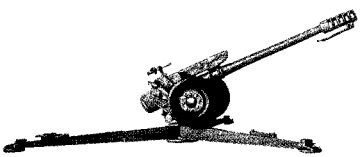
Трофейный 12,7-мм пулемет ДШК на позиции боевого охранения аэродрома Джелалабад

Костюмы горного обмундирования шли на снабжение только горнострелковых подразделений ВС СССР. В Афганистане части Спецназ обеспечивались горным обмундированием с 1985 г.

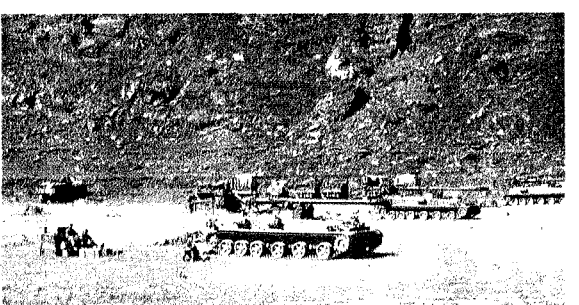
Парторг 334 оо СпН капитан Александр Чайка, замполит 1 роты лейтенант Игорь Семенов и замполит 4 роты лейтенант Валерий Озявин, в «горках» (костюмах горного обмундирования). Провинция Кунар, 1986 г.

Группа управления РО СпН № 500 выходит в район выполнения боевой задачи. Впереди комбат майор Григорий Быков, второй – начальник штаба майор Вячеслав Качура. Пр. Лагман, 9 марта 1987 г.

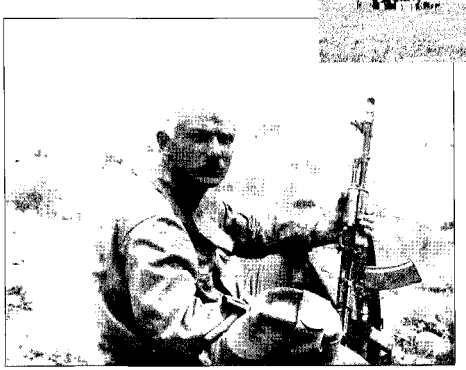
Капитан Александр Чайка (слева) на позиции артиллерии бронегруппы отряда. 334 оо СпН Пр. Кунар, 1986 г.



Основной упор в огневой поддержке разведорганов Асадабадского батальона делался на артиллерию, в связи с тем, что использование вертолетов ограничивалось развитой системой ПВО мятежников в провинции Кунар



Артиллерийская поддержка разведгрупп отряда накануне его вывода из Афганистана осуществлялась и 152-мм пушками 2С5 «Гиацинт». Долина реки Кунар, апрель 1988 г.



Начальник штаба 334 оо СпН майор Вячеслав Качура. Слава Седой, как называли его товарищи, был в отряде одним из лучших корректировщиков огня артиллерии и лучшим другом соседей артиллеристов. Асадабад, 1987 г.

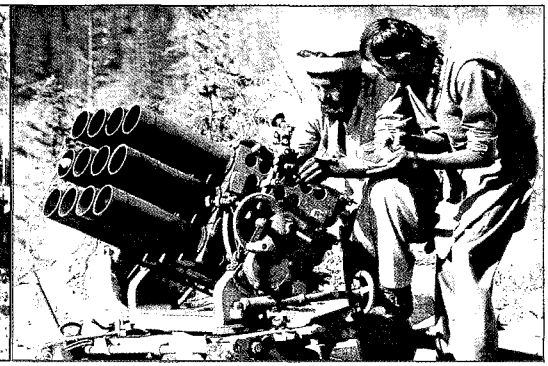
Колонна 334 оо СпН на привале. В командирском люке БТР-70 командир 3 роты старший лейтенант Сергей Федотов Автодорога Асадабад-Джелалабад, 1987 г.

Офицеры 3 роты 334 оо СпН на сторожевой заставе, Асадабад, 1987 г. Замполит роты старший лейтенант Александр Драница (первый слева) и командир роты Сергей Федотов (второй слева) вооружены пистолетами АПБ.

9-мм автоматический бесшумный пистолет АПБ

Выпускник Новосибирского высшего военно-политического училища 1984 г. заместитель командира роты по политической части старший лейтенант Александр Драница

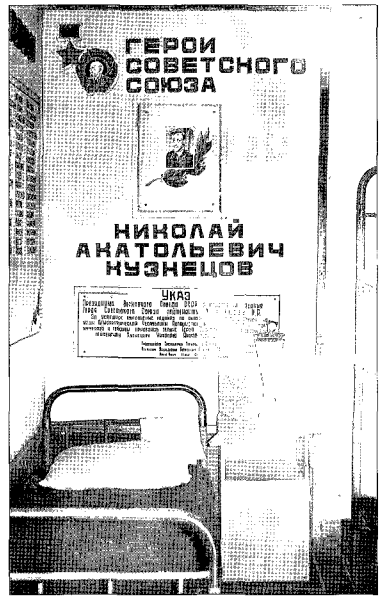
Казарма 3 роты сгоревшая при обстреле ППД 334 оо СпН в январе 1988 г.



Моджахеды осуществляли обстрел Асадабадского гарнизона 107-мм осколочно-фугасными и зажигательными реактивными снарядами из китайских 12-ствольных РСЗО тип „63", а также огнем 82 и 120-мм минометов

Однокашники по Киевскому ВОКУ (выпуск 1986 г.) командир группы 3 роты лейтенант Юрий Острянко (слева) и заместитель командира 1 роты лейтенант Игорь Матвейчук перед боевым выходом в горы. Асадабад, ноябрь 1987 г.

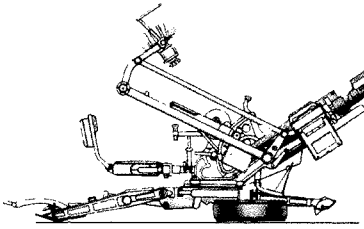
Заместитель командира 334 оо СпН майор Виктор Дмитрук ставит боевую задачу командирам групп 2 и 3 роты отряда. 1986 г., Асадабад



Уголок Героя Совесткого Союза лейтенанта Николая Кузнецова в казарме 1 роты Асадабадского батальона

Памятный камень военнослужащим Асадабадского гарнизона. Мемориал «Остров слез» в Минске

Комсорг 1 роты 334 оо СпН механик-водитель Евгений Оленев пользовался у личного состава роты и командования отряда непререкаемым авторитетом



Китайская 14,5-мм зенитная горная установка ЗГУ тип «76-1» являлась основным зенитным средством прикрытия укрепленных базовых районов бандформирований.

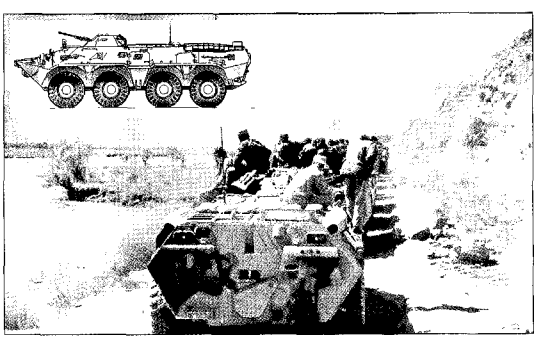
Командир 334 оо СпН подполковник Владимир Клочков (справа) и начальник связи отряда капитан Александр Резниченко на БМП-1КШ, вооруженной трофейной ЗГУ, перед выездом на боевую задачу. Асадабад, 3 сентября 1987 г.

Командир отделения 3 роты 334 оо СпН сержант Олег Присяжнюк

Ветераны 334 оо СпН у памятника однофамильца своего командира актера Леонида Быкова в Киеве. 2005 г. Олег Присяжнюк (крайний слева)

334 оо СпН в базовом лагере в окрестностях Самархейль (15 км восточнее Джелалабад). Слева направо: лейтенанты Е. Нургалиев и В. Понедельник, прапорщик Суспяков. Провинция Нангархар, май 1988 г.

Валентин Понедельник и Ербол Нургалиев – встреча через 20 лет. Москва, декабрь 2008 г.



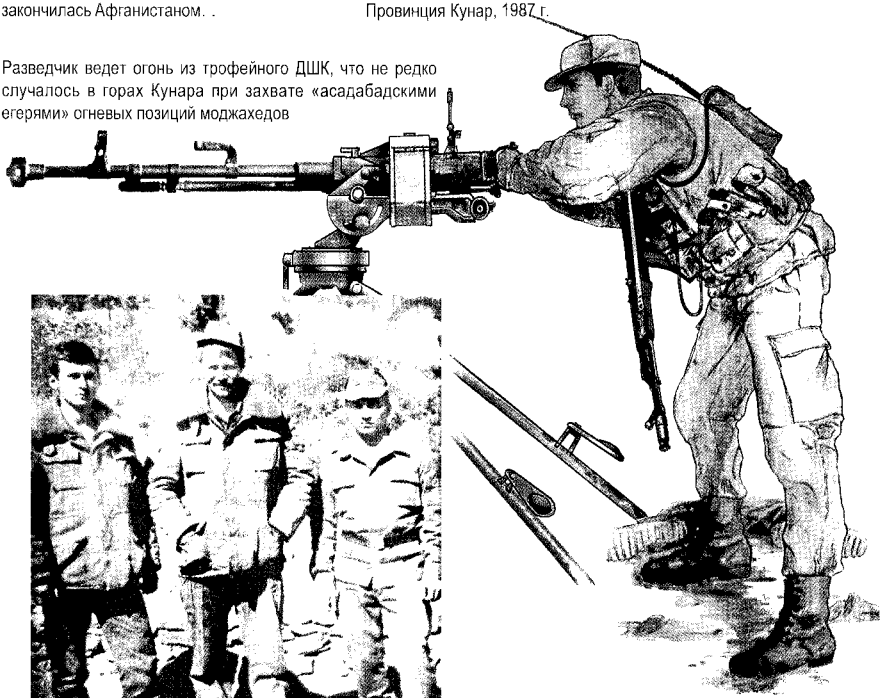
Начало вывода Советских войск из Афганистана. Колонна БТР-80 2 роты 334 оо СпН на марше. Левый берег Кунара, май 1988 г.

Заместитель командира 1 роты по технической части старший лейтенант Олег Чукин со своими подчиненными механиками водителями роты рядовими Суминым (слева) и Ковальчуком (справа). ППД 334 оо СпН, Асадабад, 1987 г.

Полковник Александр Мусиенко. Для Александоа Валентиновича война не закончилась Афганистаном. .

Командир 1 роты старший лейтенант Игорь Дикарев (слева) и заместитель командира роты старший лейтенант Александр Мусиенко. Провинция Кунар, 1987 г.

Разведчик ведет огонь из трофейного ДШК, что не редко случалось в горах Кунара при захвате «асадабадскими егерями» огневых позиций моджахедов



Разведчики 1 роты 334 оо СпН в полевом обмундировании «нового образца» (*экспериментапке*). Слева направо: командир отделения сержант Евгений Заднипряный, командир 3-й группы старший лейтенант Олег Голыбин и старший разведчик Александр Мороз. Асадабад, зима 1988 г.

Сейчас об этом вспоминаешь с улыбкой. Но не жалеешь ни о чем. И тебе не стыдно ни за наивную юность, ни за практичную зрелость. Всем этим гордишься и об этом не трезвонишь, даже уйдя в запас, даже когда снят гриф секретности. Таков стиль жизни. Выдерживаешь его до конца, ведь ты — разведчик. Вспомним сегодня тех, кто был с нами рядом: живых и павших. Помолчим. Полистаем пожелтевшие страницы молодости, пересмотрим фото. Оглянемся назад. Неужели все было зря? Быть того не может.

Вячеслав КУПРИЕНКО
командир группы 177 оо СпН, 1987-1989 гг.

334-й ОТДЕЛЬНЫЙ ОТРЯД СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

5-й отдельный мотострелковый батальон

В составе 15 обр СпН с марта 1985 г. по май 1988 г.

АСАДАБАДСКИЕ ЕГЕРЯ

Хоть храбрость, бодрость и мужество всюду и при всех случаях потребны, токмо тщетны они, ежели не будут истекать от искусства, которое возрастает от испытаниев.

А.В. СУВОРОВ

В декабре 1985 г. газета «Правда» опубликовала заметку о том, что китайская газета «Жэньминь жибао» написала о приграничном бое советской роты с афганскими моджахедами и о подвиге Героя Советского Союза лейтенанта Николая Кузнецова. Отмечалось, что такая осведомленность китайской прессы от того, что среди моджахедов были китайские советники, непосредственно участвовавшие в том бою и смогли рассказать подробности о гибели двадцати девяти военнослужащих разведывательного отряда спецназ, недавно прибывшего в Афганистан в приграничную с Пакистаном провинцию Кунар. Сами понимаете, что появление такой заметки в центральной партийной газете не могло быть случайностью. В то время вообще не писали о спецназе ГРУ. И раз статья появилась, она должна была привлечь внимание международной общественности на факт использования спецслужб Китая, для подготовки специалистов подрывной войны против правительственных войск Афганистана и Ограниченного контингента Советских войск в этой стране. Вот так громко о 334-м отряде спецназ узнала вся планета.

А вскоре о мастерстве, мужестве и боевых подвигах спецназовцев, находящихся в Асадабаде, заговорили уважительно американские и западноевропейские специалисты, работавшие советниками на базах подготовки афганских террористов на территории Пакистана. Кем-то из них, явно западных военных, и было дано громкое название «*Асадабадские егеря*», подхваченное вскоре местным населением и мятежниками, сначала в провинциях Кунар и Нангархар, а позже по всему Афганистану. Почему именно егеря? Это не азиатское название...

Слово «егерь» (jager) немецкого происхождения, имеет три значения: 1) Охотник, стрелок; 2) Разновидность лёгкой пехоты. Егерями называли отличных стрелков. В русской армии первый батальон егерского типа был сформирован П.А. Румянцевым в 1761 г. В русско-турецкую войну 1768-1774 гг. все пехотные полки русской армии уже имели команды егерей. В 70-х гг. из них были созданы отдельные егерские батальоны, которые в 1797 г. были переформированы в егерские полки. К началу Отечествен-

ной войны 1812 г. в русской армии было 52 егерских полка, в т. ч. 2 гвардейских. В начале XX века в русской армии существовал один лейб-гвардии егерский полк. Многие командиры егерских частей стали известными военачальниками – М.Б. Барклай-де-Толли, П.И. Багратион, М.И. Кутузов; 3) Лёгкая кавалерия – егеря конные, предназначались для ведения разведки, поисков и рейдов в тыл противника.

Однако западное название «Асадабадские егеря» прижилось в Афганистане и стало своеобразным эталоном качества, характеризующим боевую часть спецназа Ограниченного контингента Советских войск, что заслужить было непросто.

Наш 334-й отдельный отряд специального назначения (войсковая часть полевая почта 83506, позывной «Тариф», он же по легенде прикрытия 5-й отдельный мотострелковый батальон), был сформирован, на основании Директивы ГШ ВС СССР № 31/4/2/00919 от 30 декабря 1984 г.. Формирование осуществлялось на базе 5-й отдельной бригады спецназ Белорусского военного округа (Марьина Горка) из военнослужащих частей спецназ Белорусского, Ленинградского, Дальневосточного, Прикарпатского и Среднеазиатского военных округов. Боевое слаживание сформированных подразделений было завершено к 8 января 1985 г., а 13 января отряд уже был передан в состав ТуркВО и прибыл в город Чирчик Ташкентской области.

После пересечения государственной границы СССР в районе Термеза, с 17 по 29 марта отряд совершил шестисоткилометровый марш через обледенелый Гиндукуш по маршруту: Хайратон–Пули-Хумри–Джабаль-Уссарад–Кабул–Джелалабад–Асадабад.

Это было нелегкое дело. Для того чтобы просто дойти до Асадабада, была проведена крупномасштабная армейская операция. В последующем, благодаря активным боевым действиям этого отряда с душманами, дорога стала более безопасной и соединила два административных центра Джелалабад – Асадабад. Стабилизация обстановки в провинции Кунар, где в начале 80-х годов XX века шли самые ожесточенные бои «афганской» войны давалась 334 оо СпН большой кровью и постоянными потерями.

Местом дислокации прибывшей части был определен небольшой пограничный городок, центр провинции Кунар.

Провинция Кунар узкой полосой протянулась на 200 км вдоль реки Кунар у границы с Пакистаном. В долинах Кунара была особая экзотическая природа субтропиков. Здесь произрастали банановые пальмы, апельсины. Город Асмар и его окрестности знающие люди называли афганской Швейцарией. Места красивые: сланцевые горы, много речушек и живописных ущелий вполне подходящих для курортов, заросшие лесом и редколесьем склоны гор. Правда, в вечернее время масса комаров и москитов опускалась на городок и это было опасно не только для населения, но и наших воинов, потому что эти насекомые несли малярию и другие опасные заболевания...

Город Асадабад, столица провинции, расположился на берегу реки всего в 15 км от пакистанской границы. Это был самый восточный пункт дислокации советских войск в афганистане. А за границей – сплошные тренировочные центры моджахедов. Южнее Асадабада в лагере «Баджар»

душманов учили советники из Пакистана, в районе Асмара – американцы и французы. Много было и китайских инструкторов. Через провинцию Кунар проходило 25 транзитных караванных маршрута из Пакистана. Не случайно эти места называли краем непуганых «духов». Гадкое место. Не на голом месте и не случайно родилась солдатская поговорка – если хочешь пулю в зад – поезжай в Асадабад!

Командарм Б.Громов об этих местах писал: «*В приграничных провинциях боевая активность моджахедов была чрезвычайно высокой. Особенно тяжело пришлось подразделениям, находящимся в Асадабаде. Пик боевых действий пришелся там на завершающий этап Афганской войны*».

Зона ответственности отряда спецназ простилалась от населенного пункта Барикот на севере до крупного кишлака Шева на юге. Однако ему пришлось мотаться в рейдах по Нангархарской долине и провинции Лагман, работать с базового района возле ГЭС «Дарунта» под Джелалабадом и «Суруби» в провинции Кабул, воевать в Черных горах и под Гардезом и Хостом...

Что представлял из себя город Асадабад?

Глубокое, похожее на каньон, ущелье, образованное поросшими редколесьем скалистыми хребтами. Город стоит на слиянии двух бурных рек со сказочно-голубой водой – Кунара и Печдары. На берегу теснятся одно-двухэтажные постройки города Асадабад, а ниже от устья Печдары по течению Кунара на своеобразном острове располагался аккуратный военный городок 334 оо СпН и мсб 66 омсбр с приданной артиллерией. Остров образовали слияние двух рек, а также канал, который был прорыт для действия городской гидроэлектростанции, питавшей и военные городки спецназа и пехоты. Перед КПП части до последних дней стоял большой щит с надписью «В нашей части служил Герой Советского Союза Н.А. Кузнецов!».

Не всегда была голубоватой вода в горных речках Кунар и Печдара – густо вплетались в них кровавые струи... То Амин жестоко карал, по его мнению непокорных горцев, то из Пакистана приходили лихие люди. Да, страшная и нелегкая судьба была у города Асадабад. Нет в нем ни одной семьи, которую обошли бы потери. Ни одной! Все стены домов и все дувалы выщерблены пулями. Несколько раз переходил город из рук в руки – то моджахеды брали, то правительственные войска, пока в начале 80-х годов не пришел в этот город мотострелковый батальон советской 66-й отдельной мотострелковой бригады капитана Бахиджана Ертаева, казаха по национальности, но хитрого и предприимчивого не хуже афганца. С тех пор в штабе ОКСВ стали ходить нелепые слухи, что в Кунаре «драгоценные камни (лазурит и рубины) прямо под ногами валяются...».

Первым командиром отряда спецназ стал майор Виктор Терентьев. Честолюбивый, молодой и весьма перспективный офицер, прибывший из печорского учебного полка, где, как отмечали, он был хорошим организатором. Отряд вошел в ДРА и одновременно был включен в состав легендарной 15 обр СпН, которой командовал подполковник Бабушкин В.М., а затем полковник Старов Ю.Т., вручивший отряду 1 февраля 1987 г. Боевое Знамя части.

Боевая история «5-го отдельного мотострелкового батальона» началась весьма неудачно. Причем неудача была настолько громкой, что отряд еще долгое время не мог отмыться от пятна, которое легло на него в самом начале боевой деятельности. Впоследствии, батальон выполнял весьма сложные задачи, которые были под силу не каждому из отрядов, за кем закрепилась слава успешно воюющего.

Несмотря на это, в вышестоящих штабах отряд все равно считали «слабым в боевом отношении». Одной из причин такого суждения было отсутствие трофеев – главного показателя результативности в Афганистане, Дело в том, что отряд забирался в такие места высокогорья, откуда вытащить «железо» было просто невозможно. Самим бы ноги унести. Поэтому склады подрывали, вынося только отдельные образцы вооружения. Другая причина крылась в сравнительно высоких потерях, которые нес отряд из-за специфики сложной оперативно-боевой обстановки в своей зоне ответственности. В этом отряде за три года погибло 104 солдата и офицера. Цифра количества погибших за один год разведчиков в 334 оо СпН перекрывает показатели всех остальных отрядов спецназ в Афганистане.

Но все же, по большому счету, именно тень самой первой неудачи висела над отрядом, омрачая его славные дела и подвиги. А случилось тогда вот что. Не имея недостаточно боевого опыта и времени на обустройство, акклиматизацию и изучение местных особенностей боевых действий, был допущен очень серьезный просчет, приведший к большой крови.

Через месяц после прибытия в ходе первого боевого выхода всего в шести километрах от пункта постоянной дислокации отряд потерял 29 человек убитыми. Эта трагедия связана с печально известным Мараварским ущельем. Его названия на картах вы не найдете, имя ему дал кишлак Маравара, расположенный на левом берегу Кунара у входа в ущелье.

Мараварское ущелье находилось в самой непосредственной близости от расположения отряда. Само ущелье отходило перпендикулярно от реки Кунар и шло на северо-восток. Широкое в начале, ближе к Пакистану оно сужалось до нескольких сот метров. Расстояние между образующими ущелье хребтами колебалось от одного километра до двух-трех километров. Превышение хребтов составляло 400-1200 метров. В 12-ти километрах от начала ущелья проходила граница с Пакистаном к которой вела по ущелью дорога.

Драма разыгралась в трех километрах от начала ущелья. Равнинный участок ущелья, лежавший меж гор у кишлака Даридам, где произошел трагический бой, имел ширину 150-200 метров.

К тому времени отряд успел принять участие только в одной боевой операции совместно с 154-м отрядом спецназ. 15 апреля недалеко от Джелалабада группы старшего лейтенанта П.Бекоева 334 оо СпН, блокировали в овраге отходящую банду моджахедов и уничтожили ее. Для необстрелянных разведчиков 334-го отряда это был очень показательный и даже красивый бой. Как на картинке – разведчики активными действиями вытесняют «духов» из кишлака и те попадают в засаду...

Из воспоминаний старшины 1-й роты 334 оо СпН прапорщика Юрия Филипповича:

— Нас решили испытать в деле. Но операцию проводил 1-й батальон, а мы оставались во втором эшелоне. Настоящего боя мы не почувствовали. Наоборот, этот выход в горы притупил чувство опасности и породил самонадеянность. По нам никто не стрелял, и никакого противника мы не видели. Первое впечатление о войне оказалось обманчивым. После той операции все рвались в бой.

Майор Виктор Терентьев, видимо, решил побыстрее втянуть отряд в боевую работу. В полутора километрах от начала ущелья находился нежилой кишлак Сангам. По имеющимся разведданным, в этот кишлак духи на ночь вводили группу около десяти человек для прикрытия входа в ущелье. Первоначально, именно уничтожение этой группы и планировалось. Не более. Задача несложная. Самая подходящая для обучения в бою.

Согласно замыслу, 2-я и 3-я роты должны были в темное время суток выдвинуться на северный хребет ущелья и занять позиции на его склонах над кишлаком Сангам. 1-я рота должна была идти низом по ущелью, блокировать кишлак, а ее 3-я группа бесшумно войти в кишлак и уничтожить «духов».

Самая первая, по мнению офицеров отряда, и, наверное, одна из главных ошибок, была сделана за день до выхода. Комбат собрал командиров групп и рот, своих заместителей и все они вышли на рекогносцировку района предстоящей операции. Офицеры поднялись на одну из высот в начале ущелья, откуда комбат поставил задачу. Причем о скрытности речи не шло. Всю военную «компанию» наверняка видели духи, находившиеся в ущелье. Им, воевавшим тогда уже шестой год, не составило труда догадаться, что скоро следует ждать «гостей».

Вторая серьезная ошибка заключалась в том, что связь в отряде была организована из рук вон плохо — абсолютно все подразделения работали на одной частоте.

В третьих, не был выделен необходимый при организации налета резерв, способный выдвинуться и оказать помощь.

В четвертых, не было организовано взаимодействие с артиллерийской батареей 66 омсбр, имевшейся в распоряжении комбата. А ее огонь мог оказать решающее воздействие на ход операции, как в последствии и работали разведорганы 334 оо СпН.

Одним словом, руководитель боевых действий недооценил противника.

Что получилось?

Отряд, примерно в 20 часов, переправился на пароме через р. Кунар. Комбат занял командный пункт на той же самой высоте, где проводил рекогносцировку. Когда 1-я и 2-я роты проходили мимо его КП, он вызвал к себе капитанов Николая Цебрука и Сергея Макарова и провел с ними краткое совещание, изменив ранее принятое решение.

По мнению бывшего командира группы 1-й роты спецназ Александра Кистеня операцию в кишлаке Даридам, что располагался 1,5 км вос-

точнее Сангама, начали в расчете на захват американского советника. Комбату сказали, что взяв его в плен, можно сразу получить орден. Дальше сработало честолюбие и азарт охотника.

Роты двигались вдоль правого склона ущелья по сухому руслу и по равнине. А бронегруппа лейтенанта Дорогина для отвлекающего маневра вышла в район моста близ кишлака Саркани намного южнее Асадабада.

Досмотр кишлака Сангам ничего не дал. Он оказался пуст. Было уже часа два или три, когда капитан Николай Цебрук после досмотра сказал офицерам, что комбат уточнил задачу и разведчикам предстояло досмотреть еще и следующий кишлак — Даридам. По словам ротного, в Даридаме находилась группа моджахедов, вместе с которой действовал американский советник. Вперед пошла 1-я группа, которой командовал лейтенант Николай Кузнецов. Как вспоминал ветеран отряда Юрий Кухарук: *«В группу Кузнецова входили: сержанты Юрий Гавраш, Игорь Нападовский и Василий Кухарчук, ефрейтор Василий Федив, рядовые Василий Музыка, Александр Вакулюк, Владимир Бойчук, Вячеслав Марченко, Бийнык и Коробов».*

За ней следом шла 2-я группа лейтенанта Александра Котенко.

Ротный понимал, что идти дальше в ущелье без прикрытия сверху рискованно. Поэтому он поставил задачу лейтенанту Александру Кистеню по организации засады в небольшом подворье, что находилось у дороги между Сангамом и Даридамом с целью уничтожения противника, если они все-таки будет выдвигаться в Сангам. Командиру 4-й группы, капитану Тарану, он приказал подняться на хребет и прикрыть 3-ю группу сверху. Командир роты попытался связаться с группами, ушедшими вперед, но 2-я группа на связь не вышла, а командир 1-й группы лейтенант Н. Кузнецов передал, что они заканчивают проверять второй кишлак, который, похоже, пуст. Видимо, ротный почувствовал что-то недоброе и, взяв с собой двух или трех разведчиков, отправился вперед к своим передовым группам.

Было уже около пяти утра, когда перед самым рассветом прозвучали первые выстрелы. Завязавшийся бой в самом начале нельзя было назвать ожесточенным. Но постепенно стрельба становилась все интенсивнее. Из переговоров по радио стало ясно, что Кузнецов и Котенко ведут бой и их атакуют духи. В этот ответственный момент в эфире наступил полный хаос — более 20 радиостанций одновременно работали на одной частоте. Иногда было слышно, как Цебрук просил комбата выслать помощь. Услышав, что наши ведут бой, командир 3-й группы лейтенант А.Кистень со своими разведчиками сразу перебрался на склон хребта и пошел по нему к Даридаму. Группа Тарана поднялась еще выше, прикрывая 3-ю группу сверху. По ущелью сразу от Даридама в направлении Сангама тянулись террасы полей.

Рассвело. Из-под горы, по которой шли разведчики Кистеня, выбежало несколько «духов» и заняли позицию за обрывом террасы. Отходившие из кишлака разведчики 1-й и 2-й групп нарвались на их огонь. Спецназовцы 3-й группы ударили по ним сверху из всего что было. «Духи» были хорошо видны, и двоих удалось *завалить*, но остальные скрылись в

мертвой зоне под хребтом. Склон хребта в этом месте, к сожалению, был совершенно лишен каких-либо складок или укрытий. Поэтому разведчиков Кистеня противник сразу обнаружил и открыл по нему огонь. Трудно сказать, откуда велся огонь, но стреляли «духи» очень прицельно. Командир 3-й группы решил оставить эту позицию и отойти немного назад. Было видно, как наши выбегают из кишлака, а им в спину бьют духи. От Сангама на помощь 1-й роте стала выдвигалась по хребту 2-я рота, но она явно запаздывала с выдвижением.

Новая позиция разведчиков 3-я группы была не лучше предыдущей — ее снова обнаружили и обстреляли. Буквально в нескольких сантиметрах от руки Кистеня в склон ударила пуля — бил снайпер. Не дожидаясь потерь, разведчики укрылись за стенами дувала. В 100-150 метрах от этого укрытия росло несколько больших деревьев. Вскоре из-под них «духи» стали бить из автоматов. Почти сразу погиб пулеметчик группы Владимир Некрасов. Пуля попала прямо в сердце. Начался минометный обстрел. Одна из душманских мин попала прямо в дом, где укрылись бойцы группы Кистеня, но, к счастью, осколками никого не задело. Из-под деревьев «духи» продолжали бить и довольно метко. Одному из солдат пуля попала в цевье автомата и отрикошетила в ногу. Так же, в ногу, был ранен еще один солдат. Командир группы открыл туда огонь из подствольного гранатомета и огонь противника стал слабее. Чтобы выйти из-под минометного обстрела, разведчики подготовились к броску. В группе был разведчик Иванов, здоровый такой парень, кандидат в мастера спорта по плаванию. Под плотным огнем противника он перенес тело погибшего Некрасова в укрытие. Бежал, а фонтанчики пуль, как в кино, сопровождали его.

В эфире продолжалась неразбериха. Комбат пытался давать какие-то указания, но с ему со своего КП ничего не было видно. Пытались наводить артиллерию, но поскольку с самого начала с ними задачу не согласовали это было малоэффективно. Около 11 часов бой в Даридаме стих. Практически, с духами воевали только группы Кистеня и Тарана.

Из воспоминаний командира 3-й группы 1-й роты 334 оо СпН Александра Кистеня:

— Минометный обстрел продолжался. Очередная мина разорвалась от нас метрах в четырех. Я не стал ждать, когда духи введут поправки. Нужно было выносить убитого и раненых. Прикрывать их отход со мной остались старшина роты Филиппович и сержант Белозеров. Сержанту я вручил пулемет погибшего Некрасова. Мы влупили их трех стволов, не жалея патронов. Под нашим прикрытием группа отошла без потерь. Настала наша очередь, но нас прикрыть было некому. До ближайшего укрытия было около двести метров. Мы рванули втроем. Духи, видимо, брали упреждение по цели, поэтому мы видели, как нас сопровождают фонтанчики, взбиваемые пулями. Утешало одно, что спину прикрывают три автомата — раненых и Белозерова. Быстрее, чем тогда, я никогда в жизни не бегал. Обошлось. Отдышались. Вышли в Сангам.

Вскоре из состава бронегруппы к блокированным разведчикам 1-й роты прорвалась единственная БМП-2 замполита роты лейтенанта Игоря Семенова. Он прикрыл отход групп из пушки и пулемета. Кроме него, в этот день ни одна машина из бронегруппы прорваться в район боя не смогла... В эфире по-прежнему царил хаос.

Подошли вертолеты, но разведчики 1-й и 2-й групп 1-й роты, практически уже все погибли, а «духи» сдерживали» огнем остальные группы отряда.

Что же случилось в Даридаме? Это довольно большой кишлак, состоящий из нескольких десятков подворий, размещался на северном склоне ущелья. Кишлак был нежилой и часть строений была разрушена. Две группы, общей численностью чуть больше двадцати человек, не могли контролировать его в полной мере. Когда группы пошли обратно, часть духов, находившихся все это время на склонах хребта, вошла в кишлак и, что называется, «села им на хвост». Другая группа моджахедов обошла кишлак с юга и блокировала выход разведчиков в направлении Сангама. Их-то разведчики Кистеня и наблюдали с горы. Возможно, группы духов действовали и с другой стороны ущелья, поскольку вторая рота на подходе к кишлаку натолкнулась на сильный огонь и пройти не смогла.

Оказавшись в западне, не имея достаточного опыта, разведчики Кузнецова и Котенко во главе с Цебруком, отбивались, как могли. Но помощи не было, боеприпасы заканчивались, наверняка были убитые и раненые. Моджахеды и жители окрестных кишлаков добивали всех раненых «шурави» камнями. О чем свидетельствовали их обезображенные тела.

Как стало известно, тяжело раненый рядовой Василий Федив, заколол штык-ножом автомата душмана, когда тот нагнулся над ним. Вячеслав Сулин, потерявший кисть руки, продолжал кидать гранаты здоровой рукой, выдергивая кольцо зубами, и подорвал себя последней гранатой, чтобы не быть захваченным в плен.

Позже замполит роты Игорь Семенов подсчитает, что из всех павших в том бою семнадцать человек погибнут не от пуль, а взорвут себя сами от безысходности положения, в котором оказались.

Взорвет себя вместе с окружившими его мятежниками лейтенант Николай Кузнецов. Его долго не могли опознать из-за того, что грудная клетка накрыла лицо. За этот подвиг ему будет посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Рядом с ним, на его глазах будет ранен прапорщик Игорь Бахмутов. Коля оттащит его за скалу, вернется на прежнюю позицию и будет до конца боя прикрывать остальных. По-видимому, лейтенант Кузнецов, пожалев своих подчиненных, решил сам прикрывать их отход, но отходить разведчикам было некуда... В результате они все погибли.

В одном из домов нашли несколько тел погибших разведчиков отделения младшего сержанта Юрия Гавраша, которые подорвали себя и ворвавшихся духов миной ОЗМ-72, видимо, тоже, когда кончились патроны. Почему-то подвиг этот станет позже предметом постоянного обсуждения.

Из воспоминаний заместителя командира 1-й роты по технической части Андрея Дорогина:

— Наверное, этот шаг, на который пошли ребята, был сознательный. Хотя сейчас, прокручивая все в памяти, кажется, что можно было еще им держаться. Но... первый бой, противник — настоящий, стресс, гибель друзей — все это могло привести к тому, что ребята быстро расстреляли свои боеприпасы и остались с голыми руками.

В живых из двух групп 1-й роты остались шестеро: лейтенант А. Котенко, прапорщик И. Бахмутов, сержант В. Турчин, рядовые Коробов, Власов и Бийнык. Лейтенант Александр Котенко вышел к основным силам только вечером, а ночью из ущелья выполз весь израненный прапорщик Игорь Бахмутов. Пуля выбила часть зубов, щеки были пробиты насквозь, с распухшим лицом он даже не мог говорить толком. В руке у него был АПС, который не могли забрать — пальцы настолько крепко вцепились в рукоятку пистолета, что их никак не могли разжать.

Чуть позже той же ночью вышел разведчик сержант Владимир Турчин. Он пришел без оружия с зажатой в руке последней гранатой, у которой не было кольца. Гранату тоже долго не могли забрать. От прапорщика ничего толком узнать не удалось, зато сержант рассказал о некоторых подробностях гибели 1-й и 2-й групп роты. По его словам, после того как завязался бой в кишлаке, начался беспорядочный отход. Без помощи извне их вскоре окружили и почти всех перебили. Также в горячке он рассказал, что видел, как один из разведчиков попал в плен к «духам» и они его увели. Он же спрятался в каком-то арыке и выходил из окружения один. О бое и своем отходе Владимир говорил весьма путано, сказывалось послестрессовое состояние... После этого боя солдат попал в «психушку», где находился долгое время для реабилитации, ведь понятие «боевая психическая травма» в то время отечественной психиатрией на признавалось. Впоследствии В. Турчин вернулся к нормальной жизни.

Прапорщик Игорь Бахмутов оправился от ранений и, закончив институт иностранных языков, успешно работал военным переводчиком за рубежом.

На другой день на помощь 334-му отряду прибыл 154 оо СпН из Джелалабада. Это был слаженный и обученный коллектив, имеющий четырехлетний опыт войны в Афганистане. Действия разведчиков 154-го отряда были четкими и отработанными. Для прикрытия на левый хребет ущелья, вплоть до Даридама, вышли остатки 1-й, 2-й и 3-й роты Асадабадского отряда. Двигаясь по ущелью под прикрытием брони, прикрытые сверху джелалабадцы, сломив слабое сопротивление противника дошли до Даридама и блокировали район.

Впоследствии к месту разыгравшейся трагедии прилетел на вертолете генерал Лучинский. Он расположился как раз под теми злополучными деревьями, где занимали отсечную позицию моджахеды.

На месте боя организовали поиск и эвакуацию погибших разведчиков. Оружие и боеприпасы убитых разведчиков «духи» унесли с собой.

Из воспоминаний командира 1-й роты 154 оо СпН капитана Дмитрия Лютого:

— Моя рота дополучила боеприпасы и вместе с 3-й выехала на аэродром. Информация о случившемся была самая противоречивая. По ней было абсолютно не ясно, что же на самом деле, и уж тем более, как случилось. Я был потрясен, когда узнал, что до сих пор неизвестно, сколько человек потеряли... Пока суд да дело, начало темнеть.

Утром вытянули броню асадабадцев, уточнили частоты и порядок взаимодействия и пошли вперед. Сначала слева и справа на горы полезли асадабадцы и пехота. Их нахождение там было скорее для успокоения души — сверху нас кто-то прикрывает. На самом же деле горы были лесистые и, находясь на вершине хребта, было сложно контролировать то, что происходит хотя бы на середине его склона.

Теоретически, духи могли нас долбить оттуда запросто. Моя рота шла справа по ущелью, а 3-я рота — слева. Межгорное пространство составляло метров триста. Развернули оружие нашей брони влево и вправо. Мы контролировали склон над 3-й ротой, а они над нами. Так было удобнее.

Дошли до первого кишлака без приключений, но, как выяснилось, и асадабадцы, и пехота на подъеме к позициям выдохлись. В сущности, они опять заняли те позиции на горах, которые занимали вчера. Для того чтобы дойти до Даридама, нам пришлось двигаться без прикрытия сверху. Все повторялось, с той лишь разницей, что теперь мы шли под прикрытием брони, и нас было не две необстрелянные группы, а две боевые роты.

«Духи» прекрасно понимали, что тела погибших так не оставят и за ними обязательно придут. Поэтому они подготовились к встрече. Поэтому, когда 3-я рота досмотрела первый кишлак и стала выходить, по ней ударили с правого склона.

Видимо, предыдущий бой духов расслабил, и они поторопились. Поскольку били только из стрелкового оружия, мы решили, не ввязываясь в бой, под прикрытием брони дойти до второго кишлака. Мы без приключений, хотя и под обстрелом, добрались до Даридама. Дорога, которая шла по окраине Даридама, проходила под обрывом, высотой метра два. Поэтому огонь духов с левого склона нам вреда причинить не мог.

Больше я опасался того, что противник займет высотку прямо перед нами. В этом случае он мог вести огонь вдоль всей колонны. До этой горы, покрытой кустарником, было метров двести. Используя растительность и складки местности, «духи» запросто могли скрытно выйти и занять там позиции. Поэтому я определил наводчику-оператору одной из БМП эту гору, как сектор особого внимания. Сам я тоже сел в машину и наблюдал за полем боя в прицел. Под нашим прикрытием 3-я рота начала досматривать кишлак. Слева «духи» пытались приблизиться и войти в кишлак, но огнем БМП мы своевременно пресекли эти попытки. Выстрелом из орудия я снял одного наиболее наглого духа. С той стороны больше нам не досаждали.

Но случилось то, чего я опасался. «Духи» заняли позиции на горке перед нами, а потом притащили пулемет. Мы открыли люки десанта машин и подогнали вплотную машину к машине. Наши бойцы снизу заползли в десант.

Занимаясь укрытием личного состава, я сам оказался между склоном и бортом машины. Тут меня и «прищучил» пулеметчик. Пулеметчик бил все точнее. Я вскочил на борт машины и забрался в люк башни. При этом, до сих пор я пребываю в уверенности, что ни руками, ни ногами я не касался брони — будто прямо с земли я нырнул в люк башни. Причем, как только я туда свалился, по люку застучала пулеметная очередь. Когда я оказался у орудия, то скомандовал механику: «Заводи!», а сам припал к прицелу. Механик вывел вперед свою машину, а я открыл огонь по склону из пушки. В результате духи с этого направления огонь прекратили.

Далее мы развернули орудия машин вправо и открыли огонь по дальнему склону. «Духи», осознав нашу неуязвимость, стали бить только прицельно по людям. Интенсивный огонь стрелкового оружия, который снес все навесное оборудование с машин, прекратился. Но, тем не менее, духи зорко следили за нами и огнем фиксировали каждое наше движение.

Было уже около трех дня, когда послышался гул вертушек. Не выходя с нами на связь, не запрашивая обстановку в районе площадки, на высоте метров тридцать, со стороны начала ущелья, на посадку зашли три вертолета. Я немедленно дал команду прекратить огонь, чтобы их не зацепить. Что и было, в конце концов, выполнено. Но почему духи прекратили огонь, для меня до сих пор загадка. Неподалеку от нас «восьмерки» плюхнулись на землю, и из открывшейся двери первым, как будто на параде, вышел... заместитель начальника штаба армии генерал-майор А. Лучинский в брюках с красными лампасами. Обойдя неспешным шагом вертолет, он, также не торопясь, направился к нам. Из вертолетов за ним посыпались бойцы дшб 66-й мотострелковой бригады, прибывшие к нам на подмогу.

Вертухи стали отваливать, и я, на всякий случай, приказал открыть огонь по склону, чтобы прикрыть их взлет. Тут и духи очнулись. Вот когда испарилась генеральская важность! Вспомнив курс молодого бойца, он ужом заполз под БМП. Десантура тоже спешно прикрылась нашей броней. Поняв бесперспективность дальнейшего сопротивления, и, я думаю, сообразив, что раз пришли «восьмерки», то, наверняка, где-то рядом и «двадцатьчетверки», духи свернули свою войну и отошли.

Лучинский собрал нас на совещание и объявил главную задачу: найти абсолютно всех. Распределились и начали искать погибших. Я со своей ротой по-прежнему занимался обеспечением безопасности поиска. Хотя искали, по возможности, все. Первыми обнаружили на террасах четверых или пятерых расстрелянных бойцов. Видимо, духи собрали раненых и, чтобы с ними не таскаться, расстреляли. В кишлаке нашли еще кого-то. Начало темнеть и поиск отложили до утра. Расположились в дувалах на ночлег. На следующий день поиски продолжились. Я отправил Олега Мартьянова с бойцами на те склоны справа, откуда до последнего момента стреляли духи. Там никого не обнаружили, но нашли автомат кого-то из асадабадцев. Оружия духи тогда набрали много, но, видимо, под огнем один потеряли. Поиски продолжались до вечера. Хуже всего было то, что так и не ясно было, сколько трупов нужно найти. В конце концов, вечером вроде бы разобрались, что не хватает одного солдата. Но, перерыв кишлак и его окрестности, мы ничего найти не

смогли. Уже дело дошло до того, что стали собирать по частям, думая, что, может быть, человек подорвался.

На вторые сутки все-таки удалось подтянуть по хребту пехоту и асадабадцев до рубежей, где они должны были находиться, изначально обеспечивая нашу работу. Мы остались еще на одну ночь, поскольку тело солдата так и не было найдено.

Поутру мы продолжили поиски. Памятуя о том, что рассказал Турчин про бойца, которого взяли в плен, я предложил искать в том направлении, куда якобы увели пленного. Для этого сам отправился за гору на БМП. Там была глубокая промоина, и машина дальше пройти не могла.

Спешившись, я стал искать. Мои предположения подтвердила недавняя информация от летчиков о том, что они уничтожили группу моджахедов, двигавшихся в сторону Пакистана. Среди них был человек в КЗС (костюм защитный сетчатый). При этом они указали и место, где примерно это могло быть. После продолжительных поисков я в одной из промоин нашел тело солдата, заложенное камнями. Достал щуп и стал аккуратно проверять, не заминировали ли духи подходы. После того как последний погибший был обнаружен, нам дали команду сворачиваться, и вскоре мы улетели в Джелалабад.

Анализируя случившееся, надо отметить, что покойный Николай Нестерович Цебрук был достаточно опытным в спецназе человеком. Он родился 27 ноября 1955 г. в деревне Рудавне Брестской области. В 1979 г., когда началась война в Афганистане, закончил Киевское высшее общевойсковое командное училище и принял разведгруппу в Уссурийской бригаде спецназа. В неполных тридцать лет был награжден медалью «За боевые заслуги», что, сами понимаете, в мирное время получить было очень нелегко. За этим был большой ратный труд по поддержанию высокой боевой выучки личного состава и сложная учеба по «выживанию» в суровых дальневосточных условиях.

Дальневосточные спецназовцы отличались хорошей выучкой, так как постоянно привлекались на тактические учения против реального «противника», что проходили на громадной территории Приамурья и Приморья, где преодолевали громадные расстояния в уссурийской тайге, на подручных средствах переправлялись через мощные водные преграды, мерзли, голодали и питались подножным кормом. Офицер, имеющий такую выучку, был бы прекрасным боевиком в Афганистане, но судьба была к нему безжалостна. Цебрук был убит пулей в шею.

Подчиненные вспоминали, что у Цебрука была особая симпатия к Кузнецову. Еще при первых беседах с личным составом, прибывшим в Белорусскую бригаду для формирования, он сразу обратил внимание на серьезного и старательного, вдумчивого молодого лейтенанта Кузнецова, который буквально не отходил от своих подчиненных. Кое-кто из офицеров в свободную минуту, прощаясь с мирной жизнью – «заливал за воротник», а он был постоянно с солдатами.

Ротный знал, что Коля полный сирота, из села Малая Питерка на Тамбовщине. Чуть повзрослевшего мальчишку местные власти определили в суворовское училище. Роскошный город Ленинград поразил парня, и

он все боялся, что окружающая его жизнь – сказка и скоро закончится. Потому старательно учился и вскоре сравнялся с городскими парнями по уровню общего развития и знаниям. Не случайно, его как лучшего выпускника направили в «свое», чтоб не стыдно было, Ленинградское ВОКУ имени Кирова. Стремительно пролетело четыре года и вновь стал вопрос о дальнейшей службе. Само собой получалось, что служить он должен был в престижном Ленинградском военном округе. Так кадровики и порешили – направив его сразу на капитанскую должность – командиром группы специального назначения. Учись он похуже, может быть, и судьба была бы другая. Но Родина его воспитала настоящим человеком и золотой медалист лейтенант Николай Кузнецов главный свой экзамен сдал на отлично. В том бою воспитанник псковской бригады спецназа лейтенант Николай Анатольевич Кузнецов, окруженный врагами, подорвал себя и их гранатой Ф-1.

Этот лейтенант особенно близок моему сердцу, поскольку в Пскове, на берегу реки Великой, я жил в той же комнате офицерского общежития, которую он занимал перед убытием в Белоруссию на формирование батальона в Афганистан. Я как будто чувствовал биение его сердца... Он навсегда остался в Псковской бригаде. А через десятилетие приказом министра обороны Белоруссии № 95 от 19 февраля 1996 г. Кузнецов Н.А. навечно зачислен в списки 1 учебной роты разведки 5-й отдельной бригады спецназ.

Мужество и отвагу проявили все 29 погибших воинов. Вот имена погибших:

капитан Николай ЦЕБРУК, лейтенант Николай КУЗНЕЦОВ, сержанты Владимир НЕКРАСОВ, Андрей ЖУКОВ, Жумабек УРАЗБАЕВ, Михаил МАТОХ, Василий КУХАРЧУК, Андрей ЧИХУНОВ, Юрий ШАПОВАЛОВ, Юрий ГАВРАШ, Станислав КУЛЬНИС, Игорь НАПАДОВСКИЙ, ефрейторы Александр ВАКУЛЮК, Вячеслав МАРЧЕНКО, Никон КОМОГОРЦЕВ, Василий ФЕДИВ, рядовые Сахоб ХАЙДАРОВ, Владимир ПОПОВ, Вячеслав СУЛИН, Наиль МУСТАФИН, Андрей ЧИХУНОВ, Олег КАСЫМОВ, Олег ОВЧИННИКОВ, Андрей НОВИКОВ, Владимир КУРЯКИН, Владимир БОЙЧУК, Александр СЛИВКО, Василий МУЗЫКА, Виктор МОРЯХИН.

Все погибшие в том бою были награждены орденами Красной Звезды, кроме Вячеслава Сулина, награжденного орденом Ленина и лейтенанта Николая Кузнецова – ставшего Героем Советского Союза.

Из воспоминаний ветерана 334 оо СпН Сергея Данилюка:

– Меня начальник штаба отправил в отряд принимать раненых. Когда их привезли, там лежал один солдат Мадиев – раненый двумя пулями в живот. Он был белый от потери крови, а губы синие. Он говорил, что зря его привезли, что он все равно умрет. И, действительно, через месяц сообщили, что он умер в госпитале. Олега Касымова нашли зверски замученным. Семь человек подорвались миной, когда у них кончились патроны. Когда я находился в Мараварах, я не чувствовал страха. Было чувство растерянно-

сти. А в части начал вспоминать все, то меня колотило. Возле двух палаток 1-й роты с утра до вечера стояли группами солдаты и обсуждали случившееся. Кто-то просто молчал. Слушали. На входной двери висел список погибших. Внутри, хоть был день, стоял полумрак. Кровати были заправлены, и, что запомнилось, в палатке стояла гробовая тишина. Разум никак не мог осознать, что этих ребят, наших друзей, мы никогда больше не увидим. Не хотелось верить.

Из воспоминаний заместителя командира 1-й роты по технической части Андрея Дорогина:

— Теперь много переосмыслено, но Маравары дали начало новому батальону. Были извлечены уроки из этого боя. И индивидуальная подготовка солдата, знание им задачи подразделения, боевое слаживание подразделений, работа командиров — на это все оказал влияние полученный печальный опыт.

Не совсем порядочно в этой ситуации, по словам офицеров, повел себя командир отряда, который пытался всю вину свалить на погибшего Николая Цебрука. Поскольку он якобы самовольно отправил людей в Даридам. На общей постановке задачи речи о его досмотре не шло. О том, что задачу на дальнейшие действия поставил именно Терентьев, теперь знал только один человек — командир 2-й роты капитан Сергей Макаров. Если бы он промолчал, то все шишки бы достались и покойным, и живым офицерам 1-й роты. Такие разговоры уже шли. Но Сергей Макаров молчать не стал.

После разбора случившегося, проведенного комиссией из ТуркВО и штаба 40 ОА, 16 мая 1985 г., командира отряда майора Терентьева В.Я. и замполита майора Елецкого В.С. сняли с должностей и откомандировали обратно в Союз. Не было унизительнее наказания для военного человека, чем это... По сути, они тоже стали жертвами того боя.

Комбата прикомандировали в разведуправление штаба ТуркВо. Дальнейшая судьба замполита неизвестна.

На вакантную должность командира Асадабадского отряда был назначен капитан Григорий Быков, бывший до этого начальником штаба 154-го отряда. Будучи человеком волевым и неординарным, он сумел из почти деморализованного поражением отряда сделать настоящую боевую единицу. Замполитом к нему был назначен капитан Петрухин В.Д..

Позднее в Афганистане в частях спецназа не было более популярной личности, чем командир 334 оо СпН майор Григорий Васильевич Быков. Он навсегда врубил свое имя в историю спецназа. В течение первых трех месяцев личный состав в боевых действиях не участвовал, а под руководством своего комбата совершенствовал физическую и тактическую подготовку. Ежедневно по нескольку раз батальон в полном составе с оружием и боекомплектом под прикрытием бронетехники пробегал 6-8 километров. Под руководством капитана Быкова, отряд отработал тактику штурмовых действий и внезапных налетов на укрепленные районы и отдельные их элементы. Из-за того, что избранная тактика была весьма рискованной, потери в этом отряде были наиболее высокие.

В отместку разведчикам, расположение отряда, систематически подвергалось обстрелу моджахедами как из минометов, так и эрэсами.

Близость границы с Пакистаном, отсутствие возможности авиационной поддержки и применения вертолетов, разветвленная сеть хорошо оснащенных высокогорных укрепрайонов, многократное превосходство со стороны моджахедов – все это привело к необходимости применения особой тактики действий, единственно возможной в этих сложнейших условиях.

Став хорошо подготовленной, легко управляемой боевой единицей, отряд в полном составе, с тяжелым вооружением на плечах (ПТУР «Фагот», АГС-17, НСВС-12,7, РПГ и РПО), ночью, при поддержке артиллерии стал осуществлять дерзкие рейды, завершавшиеся налетами на укрепрайоны моджахедов. После короткого ночного боя захваченный укрепрайон минировался, взятое оружие и имущество уничтожалось, а батальон до восхода солнца, с пленными и особо ценными трофеями уходил в безопасную зону.

За ночь отряд мог пройти по высокогорью до двадцати километров. В случае, если в темное время не удавалось уйти в безопасное место, то тяжелое оружие, огонь артиллерии и правильно выбранное место дневки позволяли отряду выдерживать дневной бой с превосходящими силами противника.

В результате активных боевых действий менее чем за год в провинции были подвергнуты нападению все известные разведке укрепрайоны, базы и склады моджахедов. Отряд неоднократно проводил операции и в провинции Кабул в уезде Суруби.

А началась лихая боевая летопись и слава отряда во время первого разведвыхода в августе 1985 г., в ущелье Крер, его разведчики прозвали более звучно – «Карера». Под командованием капитана Г. Быкова в том бою находилось 50 разведчиков.

Из-за сложного высокогорного рельефа отряд вышел в район поиска под утро, в результате чего был обнаружен. Принял бой, в ходе которого понес потери и отошел, тем не менее, собрав информацию о количестве огневых точек и путях подхода к ним. После этого была разработана операция по налету на укрепрайон, но в связи с приказом командующего 40 ОА о запрещении боевых действий в пятикилометровой приграничной зоне разрешение на проведение операции получено не было. Горя жаждой мести за погибших, командир 334-го оо СпН, несмотря на запрет, принял решение провести налет на укрепрайон « Карера».

Для осуществления операции пришлось прибегнуть к хитрости. Для утверждения в штаб армии было отправлено решение о проведении засады на переправе через реку Кунар на выходе из ущелья Крер. Штаб дал «добро», и разведотряд общей численностью 45 человек в пешем порядке ночью выдвинулся в ущелье Крер. Выйдя на исходные позиции, командир отряда передал в Центр боевого управления отряда, что, находясь в засаде, вступил в бой с противником и, преследуя его, углубился в горы.

Зная, что противник значительно превосходит отряд в живой силе и вооружении (минометы, безоткатные орудия, пулеметы ДШК, зенитные горные установки), разведчики решили ограничиться налетом на два передовых сторожевых поста моджахедов.

Отряд разделился на три группы: первая осталась на хребте для обеспечения прикрытия и отхода, а вторая и третья должны были совершить налет на два поста. В непосредственной близости от постов выяснилось, что к одному из них трудно подойти из-за сложной местности. Поэтому на ходу приняли новое решение: пост, имевший удобные пути подхода захватывала одна группа.

После начала налета на втором посту охрана вышла из укрытий выяснить причину стрельбы – и подставила себя под огонь второй группы. Второй пост также захватили. Посты были оборудованы по всем правилам военного искусства: заглубленные бункеры, склады с оружием и боеприпасами и продовольствием. Все предусмотрено для автономного ведения боевых действий, даже была проведена телефонная связь.

Весь налет занял 10 минут, после чего разведгруппы, забрав образцы вооружения и взорвав остальное, начали отход. Темное время суток и группа обеспечения, которая отвлекла на себя огонь остальных постов укрепрайона, позволили отряду беспрепятственно отойти.

Успешным оказался и налет на кишлак Дудрег ночью 24 октября 1985 г. Тогда без единой потери был уничтожен большой склад боеприпасов. Только противотанковых мин «итальянок» разведчики уничтожили около 400 единиц.

В провинциях Кунар и Нангархар нак называемые исламские фронты имели крупные отряды вооруженной оппозиции, в связи с чем возникала необходимость уничтожать их совместными действичми двух отрядов спецназ. Яркими примерами успешных боевых действий 154 и 334 отрядов СпН служат операции в Гоште (провинция Нанагархар), на перевале Гулпрай (провинция Кунар) и в районе Джигдалай (провинция Кабул).

В январе 1986 г. был разгромлен базовый район «Саргандчина» в уезде Гошта провинции Нангархар (тогда было захвачено 2 ПЗРК, 5 ЗГУ, 7 ДШК, 3 миномета, 2 БО, большое количество боеприпасов и взрывчатки).

Органами безопасности Афганистана отряду был передан «язык» из укрепрайона «Карера», который подтвердил имеющуюся информацию и дал дополнительные сведения о численности личного состава, вооружения и расположении исламского полка имени Абдул Вакиля. Командованием 334-го и 154-го отрядов специального назначения был разработан план проведения совместного налета на укрепрайон «Карера».

Участники того боя вспоминали: *«Наш РО СпН № 500 с наступлением темноты по мосту в районе населенного пункта Новобод перешел на левый берег реки Кунар и, пройдя по течению 10 км, начал подъем по северному по отношению к укрепрайону отрогу пограничного хребта. Задачей 334-го отряда было подняться на господствующую высоту 2170 г. Спинацука и закре-*

питься там. При подходе к высоте 1917 головной дозор обнаружил выносной пост противника. Зажав его с флангов мы сбили «духов» с позиции. Оставив безоткатное орудие и двух убитых, они отошли на 50 метров на оборудованные запасные позиции. С огневых точек укрепрайона был открыт огонь из безоткатных орудий и крупнокалиберных пулеметов. Тем не менее, отряд продолжил силами трех групп последовательно сбивать противника с хребта и неуклонно продвигался к высоте 2170. В это время 154-й отряд вышел незамеченным к укрепрайону и обнаружил работающие огневые точки...».

Даже по описанию боя чувствуется профессионализм и мужество разведчиков. Это уже не те пацаны, что вели первый бой год тому назад. В батальоне к этому времени активно действовала группа захвата пленных, которая добилась высоких результатов. За два года ею было захвачено в плен более 20 бандглаварей и заместителей крупных формирований, чья информация использовалась при планировании последующих операций.

По мнению офицеров разведчиков 40-й армии, 334 оо СпН был самой мобильной и боеспособной единицей на территории Афганистана, которую привлекали на все армейские операции вплоть до последних лет войны.

Создать такое уникальное подразделение комбату удалось благодаря личному мужеству и высокому профессионализму всего офицерского состава. Его помощниками стали офицеры отряда Боровской Ю.Н., Винник А.А., Дмитрук В.И., Зюбин А.В., Качура В.В., Кистень А.М., Макаров С.В., Мусиенко А.В., Пылявец А.В., Семенов И.В., Федотов С.Ф., Чайка Н.И., Чепурной А.Г. Якута О.А., А.И., Яремко погибшие в боях Матюшин В.А., Рудометов В.П., Степанчук Е.Н., Татарчук С.А., Тупик И.А. и многие другие...

Размещение отряда спецназ в Асадабаде, по мнению опытных разведчиков, не имело отношения к общей задаче спецназа ОКСВА – борьбы с караванами мятежников. Отряд располагался в высокогорной провинции, где не проходили основные маршруты переброски оружия и боеприпасов Военный городок располагался на ограниченной территории – островке, что позволяло противнику обстреливать ППД с близлежащих гор, что и делалось. Кроме того, это был единственный отряд спецназ, у которого не было своих вертолетов. Причина кроется в том же – духи в результате обстрела из минометов и реактивными снарядами могли легко выводить из строя вертушки на вертолетной площадке, а ближайший аэродром Джелалабад, с базированием 335 обвп, находился в Джелалабаде за сотню километров от Асадабада. Да и простой выход из городка на боевые действия скрыть было очень проблематично, ибо надо было проезжать по городским улочкам Асадабада.

Но, тем не менее, «асадабадские егеря не давали спокойно жить моджахедам в провинции Кунар вплоть до вывода отряда из Афганистана. За это комбат Григорий Быков получил прозвище «Гриша Кунарский».

Его глубоко уважали подчиненные и старшие командиры, даже местные жители кланялись ему в городе, перешептываясь меж собой. По боевым делам 334-го отряда специального назначения его знала вся провин-

ция Кунар. Знали его и там, «за речкой», в Пакистане. Оттуда главари моджахедов пересылали в Афганистан листовки, в которых обещали большие деньги за голову «Кобры» (такой позывной был у комбата), нашего Григория Кунарского.

О рождении этого прозвища рассказал рядовой В.С. Денищенков:

— Помню, 9 мая приехали к нам представители командования соседней афганской части, ХАД, Царандоя, поздравили с праздником и зачитали перед строем приказ. Первый пункт звучал примерно так:«За большие заслуги в защите завоеваний апрельской революции, за мужество и храбрость при выполнении интернационального долга наградить командира советского батальона майора Быкова-Кунарского почетной грамотой». Услышав такую приставку к фамилии комбата, мы весело зашумели, в строю прокатился одобрительный смех, то тут, то там вспыхивали аплодисменты. Однако это не было шуткой: дело в том, что есть у афганцев такая традиция — давать себе или друг другу клички, псевдонимы, которые одним словом характеризуют человека, отмечают его заслуги! Вот и командиру 5-го батальона афганцы дали вторую фамилию в знак особой признательности за все то, что сделал он для провинции Кунар. Была и на Руси такая традиция: Александр Невский, Дмитрий Донской, Потемкин-Таврический, Румянцев-Задунайский, Суворов-Рымникский и др..

Комбата Быкова побаивались и офицеры, и солдаты. Он был очень строг. Нетерпим к человеческим слабостям, на похвалу скуповат. Но был он и справедлив. Замечал не только разгильдяев, но и тех, кто на совесть служил. Уважали его за то, что всего себя, без остатка, отдавал службе. День и ночь в заботах о батальоне, боевой готовности, своих подчиненных. Не было такого случая, чтобы батальон уходил на боевые, а комбат по какой-то причине остался. Довольно часто он ходил в бой с ротами.

На боевых Быков чувствовал себя, как в родной стихии: действовал азартно, на изменения в обстановке реагировал мгновенно, решения принимал за считанные секунды, в сложнейших ситуациях был хладнокровен. Под его руководством разведчики провели немало успешных боев. Григорий родился для того, чтобы стать командиром. Боевая судьба у него была удачливая и счастливая. Три года по своей воле Быков прослужил в Афганистане. За это время во многих отчаянных переделках пришлось ему побывать. Вместе с солдатами рисковал и комбат, всем хорошо известно было его личное мужество и отвага. Однажды с группой солдат он попал в огневую западню. Укрылся с ними в небольшой впадине между скал, но там их нащупали душманские минометчики. Сменить место никак нельзя, высунуться наверх невозможно — так и стригут со всех сторон автоматные и пулеметные очереди. Что делать? Рация, как назло, из строя вышла. Комбат скомандовал подчиненным: «Ложись! Вжимайся в камни!» А сам и не шелохнулся, как сидел, так и продолжал сидеть. Обстрел усилился, мины совсем близко падают, а комбат песни Владимира Высоцкого поет. Мины рвались все ближе и ближе...

Младший сержант Олийный, который был тогда вместе с комбатом, рассказывал:

— Жить нам оставалось считанные минуты — это точно. И вдруг обстрел прекратился. Быков от удивления петь перестал. Издалека доносился гром артиллерии, а там, откуда нас обстреливали моджахеды, теперь грохотали разрывы снарядов. Оказалось, что командир роты, старший лейтенант Сергей Татарчук, вовремя заметил место сосредоточения минометного огня и догадался, что там находится Быков. вычислив минометную позицию противника, не медля ни минуты связался по радио с артиллеристами, и выдал ее точные координаты. Тем самым спас жизнь комбату и нам.

Быков, являясь выпускником Рязанского воздушно-десантного училища, был чрезвычайно выносливым человеком. Терпеть не мог слабаков, а такие во время многочисленных переходов в горных условиях появлялись даже в числе его заместителей. Проявивших малодушие, комбат безжалостно унижал перед всем личным составом батальона, за это на него держали обиду многие офицеры. Полное отсутствие педагогического такта и его прямолинейность со временем приобрели в воспоминаниях иную оценку: *«Комбат, конечно, был зверь, но все делал правильно»*.

Провинившихся или проявивших моральную неустойчивость, физическую слабость солдат комбат назначал в разведдозор — идти впереди подразделения, в неизвестность, в засаду, на минные поля. Порой с провинившегося снимали рюкзак, снаряжение и отбирали оружие — устал, ну что же, иди со штык-ножом. При этом комбат заявлял:

— Если погибнешь, то как герой, а живым останешься — человеком станешь.

Бывало, что отличившийся вчерашний штрафник при подведении итогов «войны» вызывался из строя и комбат объявлял:

— С сегодняшнего дня считаю его своим лучшим другом!

К наградам он представлял лучших из лучших, вот почему при Быкове были скудными награждения и многие военнослужащие отряда, имеющие около сотни боевых выходов уезжали в Союз с одной или, в лучшем случае, двумя наградами.

Григорий Быков умело использовал разнообразные формы партийно-политической работы. По традиции, установленной Быковым, представленные к награждению фотографировались с комбатом и его замполитом, командиром подразделения. Удостоенным этой чести, вручалась потом фотография с надписью на обороте: «Такому-то по случаю представления к государственной награде за то-то и то-то». Подпись командира скреплялась круглой печатью. Делалось это на тот случай, если представление не будет реализовано. К сожалению, такое бывало часто, ведь кадровики не знали разности в цене ДШК, захваченного в караване из засады и на боевой позиции, поливающего штурмующих спецназовцем смертельным огнем...

Григорий Быков не терпел, как он выражался, дикого «вещизма», был крут и беспощаден с теми, кто сознательно нарушал дисциплину. Вообще, как вспоминают, он был человеком аскетичным. Особенно нра-

вилось подчиненным то, что он в рот начальству не смотрел, мысли его не старался угадывать, по многим вопросам имел собственное мнение, проверенное боевым опытом. Без оглядки на свое благополучие, на личную карьеру тормошил Быков вышестоящих начальников. Даже вступал с ними в конфликты, добиваясь решения проблем быта личного состава, полного боевого обеспечения. Доставалось от него тыловикам за недостатки в организации питания.

Из воспоминаний заместителя командира 1-й роты 334 оо СпН лейтенанта Александра Мусиенко:

— В Асадабад я попал по личному желанию, не найдя общего языка с командованием 154 оо СпН... Наведя справки, Григорий Васильевич предложил мне вышестоящую должность командира 2-й роты, но я отказался... В 334-м отряде меня больше всего поразило, то, что все службы батальона работали на боевые подразделения. Быков не уставал напоминать об этом тыловикам, добившись того, что те сами разносили по боевым подразделениям дополнительный паек офицерам и прапорщикам, вернувшихся «с войны» всегда ждала в столовой горячая пища, натопленная баня и чистое белье. Все положенное имущество и вооружение выдавалось, ремонтировалось или заменялось по первому же требованию, и не надо было бегать за начальником службы или склада, выклянчивая необходимое.

В июне 1987 г. майор Быков, по личному указанию генерала армии Варенникова, был принят на учебу в Военную академию имени М.Фрунзе. В 1990 году, успешно завершив обучение на разведывательном факультете, попал служить в ГРУ ГШ ВС СССР. Но служба в высших кабинетах не пришлась ему по душе. Начавшийся развал Союза и армии подтолкнули его к увольнению в запас. В Москве он набрал группу единомышленников и мотался с ними по всему СССР — инкассатором по перевозке драгоценностей. С началом братоубийственной войны в Югославии он в первых рядах воинов-добровольцев. Поехал помогать сербам и, как говорят, отлично командовал интернациональным отрядом специального назначения. Однако в это время сослуживцы уже отмечали у него признаки душевного нездоровья, а также болезненные проявления мнительности. Все чаще бывало, что он в минуты грустных раздумий вспоминал своих погибших подчиненных. А таких в отряде под его командованием появилось 65 человек.

С особым душевным надломом вспоминал восемь разведчиков 154-го отряда, утонувших и по его вине 11 февраля 1985 г. при переправе через реку Кабул при выходе в район разведки.

Из воспоминаний, в 1985 году командира группы 2-й роты 154 оо СпН ст. лейтенанта Игоря Лысова:

— Задача командиром отряда капитаном Быковым доводилась в общих чертах, конкретной задачи на совершение переправы и подготовку личного состава и техники к переправе через реку не ставилось....

Без предварительной разведки места переправы два БТР снесло течением и они затонули. Весь личный состав выплыть в теплом обмундировании и обвешанный боеприпасами не смог. В числе погибших было два офицера. Особенно Григорий жалел лейтенанта Сергея Лемишко, у которого в Союзе родился сын, но отец его так и не увидел...

Прав ли был Быков, когда каждая «война» в отряде принималась его подчиненными не как рутинные действия, а как последний бой. К нему и готовились соответственно. Прошли годы, и исполнители воли железного комбата начали сомневаться: нужны ли были такие героические и самоотверженные усилия на грани здравого смысла? Так, наверное, нужно воевать по защите своего Отечества. Но в локальном конфликте следовало бы беречь людей. И, наверное, Быков думал об этом после войны, анализируя прошлое. Ему прощали потери личного состава, когда других карали очень строго. Но от суда совести не уйти никому. Обладая железной волей на войне, он в мирной жизни легко попадал под влияние людей дурных и недостойных. Последние годы ему пришлось переживать синдром мании преследования. Он появился у него еще в Асадабаде.

Жизнь этого человека оборвалась нелепо и не на войне – 6 июля 1995 г. Вернувшись со своей второй войны на Балканах, он был потрясен изменениями на Родине и развенчанием идеалов которым служил. Это толкнуло его на самоубийство.

Остались после него не только ордена Красного Знамени и Красной Звезды, которыми был награжден легендарный Быков-Кунарский, но память.

Память которая собирает каждый год в Москве у его могилы на Котляковском кладбище десятки его подчиненных, считающих его лучшим командиром в своей жизни. В 2008 году ветераны 334 оо СпН у могилы комбата собирались дважды: в феврале – на встрече в годовщину вывода Советских войск из Афганистана, и в ноябре – на встрече организованной Общероссийской общественной организацией инвалидов войны в Афганистане, возглавляют которую ветераны 334 оо СпН Андерй Чепурной (командир 2-й роты) и Сергей Гаврилов (командир группы 3-й роты отряда).

Хоронили подполковника запаса Григория Быкова на одном из московских кладбищ только верные его памяти разведчики-спецназовцы. Выступая над телом покойного, ветеран отряда Николай Яремко напомнил однополчанам биографию их командира. Родился Гриша Быков в станице Крымской на Кубани в семье инвалидов. Отец прошел всю войну в разведке и здоровьем не отличался – был весь израненный и с расстроенными нервами. Мать тоже болела – абсцесс селезенки. Родители перебрались в Москву. Сын рос в семье слабым и болезненным. В пять лет обнаружили сколиоз. Отсутствие координации в движениях отразилось на всю жизнь в его особенной размашистой походке. В 4-м классе стали разрушаться зубы. Преподаватели выражали сомнение, что этот кривенький, затянутый в корсет мальчик сможет заниматься спортом наравне со своими сверстниками. А эта физическая неполноценность наоборот развила в

нем самолюбие. Во всем: в играх, в спортивных занятиях, в учебе он старался быть первым, мечтал прославиться, чтобы блеск этой славы заставил всех забыть о его недостатках. Прошли годы тренировок, которые изменили Григория внешне и внутренне. Он имел 190 сантиметров роста, классическую атлетическую фигуру. Хорошо плавал брассом и заработал первый юношеский разряд, 60 раз отжимался от пола. Увлекался пятиборьем и борьбой. Воспитанный двором он смело вступал и не боялся уличных драк. Эти бойцовские качества убедили его, что он уже ни в чем не уступает пацанам.

Надо отдать должное и родителям, которые своей требовательностью воспитали из сына послушного, старательного и прилежного ученика. Он выгодно отличался от своих товарищей великолепной памятью и прилежностью. После школы Григорий Васильевич поступил в РВВДКУ. Легко постигал военные науки, а перед выпуском его назначили даже старшиной первокурсников.

Офицерская служба в забайкальской бригаде спецназ складывалась благополучно, а тут командировка на войну. Талант командира Быкова не сразу заблистал в Афганистане. Много драматических событий пережил Григорий, было в его биографии даже отстранение от должности. но судьба благоволила ему. Если бы не она, то не стал бы он тем, кем стал – Быковым-Кунарским.

Вдумайтесь, на его счету было более 120 боевых выходов, командиров с таким опытом не только в Союзе, но и в мире можно было по пальцам пересчитать. Он умел из простых мальчишек, которые поначалу были неспособны просто дойти по горам до противника, делать выносливых и умелых разведчиков. В трех случаях из четырех он точно угадывал, где нужно поставить «духи» выходили на нее. Но не потому, что был ясновидящем, а потому, что хорошо изучил обстановку и тактику противника, знал местность. В некоторых районах бывал по два-три раза и знал, за какой кочкой спрятаться, где тропинка, по которой можно прокрасться незаметно даже для глазастых местных жителей. Гульбеддин Хекматияр пообешал три миллиона афганей за голову командира Быкова.

Восторженное отношение к командиру было у солдат. Так рядовой запаса Виталий Ракицкий о своем командире сказал: ***«У каждого в жизни есть свой кумир. Так вот моим кумиром был Григорий Васильевич Быков!».***

Под этими словами могли бы подписаться многие...

Одним из талантливых воспитанников Быкова был начальник разведки 334-го отдельного отряда СпН старший лейтенант Олег Якута, до сих пор поддерживающий связь с семьей Григория Васильевича.

Среди четырех тысяч солдат и офицеров 15-й отдельной бригады спецназ, награжденных советским правительством боевыми наградами, особой когортой выделяются четыре Героя Советского Союза и десять военнослужащих, представленных к присвоению звания Героя Советского Союза за совершение героических подвигов в ходе боевых действий в Афганистане. В этом списке есть и фамилия Якута.

Якута Олег Алексеевич попал в Афганистан двадцатилетним лейтенантом, сразу после окончания Московского высшего общевойскового командного училища имени Верховного Совета РСФСР. Родился 17 ноября 1964 г. в Минске, в семье рабочего и медицинского фельдшера. Конечно, молодым солдатам, он — высокий, стройный и красивый парень, бывший кремлевский курсант казался уже опытным военным. А он был такой же неопытный мальчишка, как и его подчиненные, волею судьбы оказавшиеся на границе с враждебным Пакистаном. Адаптировались к новым условиям вместе. В августе 1985 г. на пике военного противостояния советских войск с моджахедами в разгар афганского лета он прилетел в жаркий и душный Джелалабад, где был назначен командиром группы спецназ в 154 оо СпН. Здесь, в горах пограничной провинции Нангархар, лейтенант Олег Якута совершил первые разведвыходы в качестве стажера и получил первичные знания, умения и навыки спецназовской науки побеждать в реальных боевых условиях. Через месяц, когда начальник штаба отряда Быков Г.В. получил назначение на должность комбата 334 оо СпН, он забрал с собой в Асадабад и Олега Якуту. Новый коллектив произвел гнетущее впечатление. После гибели 1-й роты отряда солдаты и офицеры батальона долго не могли морально оправиться от перенесенного поражения. Нужны были активные действия для перестройки сознания личного состава. И Якута помог комбату в этом процессе своим личным примером. Сослуживцы отмечали, что лейтенант Якута с первых дней проявил высокую подготовленность к службе в боевой обстановке Афганистана, умение воспитывать подчиненных, готовить вооружение группы к выполнению специальных боевых задач, быстро ориентироваться в скоротечной боевой обстановке, грамотно оценивать ситуации, мгновенно принимать решения и руководить личным составом, достигая выполнения поставленных задач с наименьшими потерями.

Первая операция, порученная лейтенанту Якуте, по реализации разведданных состояла в захвате и уничтожении склада с оружием и боеприпасами промаоистской организации в кишлаке Дудрег (провинции Кунар). Она была тщательно спланирована и проведена показательно удачно. Лейтенант Якута умело организовал налет на объект, в ходе которого захватили 8 автоматов, 200 противотанковых мин и большой склад с имуществом и медикаментами. Отметив хватку, способности и личную смелость лейтенанта Якуты, командир батальона начинает поручать ему наиболее сложные операции. За первых пять месяцев службы в Афганистане лейтенант Якута прочно завоевал деловой авторитет офицера, обладающего завидным хладнокровием, изобретательной хитринкой и острой смекалкой разведчика. Неоднократно эти качества спасали жизнь и ему, и его подчиненным, и всему отряду.

Ярким подтверждением тому является операция, состоявшаяся 3 декабря 1985 г., когда в ходе ожесточенного боя в высокогорье группа Якуты оказала помощь группе спецназ, попавшей в засаду моджахедов. Действуя самоотверженно, дерзко и решительно, лейтенант Якута в том бою спасает от неминуемой гибели своих товарищей. Реально смерть висела и над головой молодого лейтенанта. Плотность огня противника была такова,

что Олег Якута за несколько минут боя получил два пулевых ранения в руку и колено. Несмотря на нестерпимую боль и изрядную потерю крови, лейтенант продолжал грамотно руководить боем и оттеснил превосходящую по численности группу «духов» в сторону кишлака Шопали. Благодаря личному мужеству, проявленному лейтенантом Якутой, разведчики его группы вынесли с поля боя тела всех погибших товарищей: младших сержантов Евгения Матяша и Марата Файзулина, рядовых Михаила Иванова, Василия Козака и Владимира Дворникова.

Операция по эвакуации убитых и раненых спецназовцев происходила в тяжелых условиях пересеченной горной местности под огнем преследующего их противника. За тот бой лейтенант Якута был представлен командованием к награждению орденом Красная Звезда.

В январе 1986 г. командир отряда назначил лейтенанта Якуту командиром специальной группы по захвату пленных. Командуя этой группой, лейтенант Якута продемонстрировал высочайшее личное мастерство, мужество и отвагу, так, 5 апреля, находясь в засаде в районе перевала Джигдалай, дерзко захватил в плен главаря банды, а его охрану уничтожил сосредоточенным огнем. За эту операцию он представляется к награждению вторым орденом Красной Звезды. 19 апреля 1986 г. в районе Чашмайи-Масти (провинция Нангархар, уезд Суруби) спецгруппа Якуты в ходе скоротечного боя захватила в плен 9 видных деятелей оппозиции, а десятерых охранников уничтожила. В ходе того боя Якута получил контузию. За мужество и проявленный героизм офицер был представлен к ордену Боевого Красного Знамени.

Якута делал неоценимую работу. Его группа по захвату пленных неоднократно захватывала ценных «языков», в том числе главарей мятежников провинциального уровня, командующих «фронтами». Они давали важнейшую информацию о силах, вооружении и расположении бандформирований, их боевых порядков, планах ведения боевых действий против нас и наших союзников — правительственных войск ДРА, о местах нахождения исламских комитетов мятежников, складов с оружием и боеприпасами, схемами дислокации и обороны укрепрайонов мятежников вдоль границы с Пакистаном и на территории ДРА. Реализация полученной информации позволяла командованию бригады и штабу 40-й армии планировать боевые действия, нарушающие расчеты оппозиции по ведению войны против советских войск и армии ДРА на продолжительный период, как в районе ответственности отряда, так и в зоне ответственности всей 15 обр СпН.

Командуя группой захвата пленных, в общем итоге, лейтенант Олег Якута, лично захватил в плен 20 главарей и заместителей командиров 4 крупных бандформирований, участвовал в захвате и уничтожении ряда крупных складов с оружием и боеприпасами в хорошо охраняемых укрепленных районах «Карера», «Гошта», «Нава» и других.

Оценивая склонность Олега к боевому риску и способность всесторонне подходить к анализу получаемой и добываемой информации, неординарному мышлению, умению четко доложить свои предложения по оперативной и работать по добыванию информации в ходе боя, коман-

дование соединения в августе 1986 г. назначает лейтенанта Якуту начальником разведки 334-го отряда. Он быстро осваивает новый участок работы и успешно работает с разведчиками оперативно-агентурных групп «Асадабад», «Джелалабад-2», «Дельта-1», «Дельта-2», советниками ХАД и Царандоя, а также непосредственно с агентурой.

Но он не ограничивается только оперативной работой, а берется за любое горящее дело. Боевую работу любит, получает от практической реализации разведданных большое внутреннее удовлетворение. И результаты, достигнутые отрядом, высоко оцениваются командованием бригады и 40-й армии. Так, например, в ноябре 1986 г., командуя ротой спецназ в районе Гарби-Бадпаш (провинция Нангархар), он уничтожил штаб исламского комитета, захватив 4 важных пленных, 20 единиц стрелкового оружия (12 автоматов, 8 карабинов), 8 мин к миномету, 60 противотанковых мин, знамя моджахедов, печать и ценные штабные документы. По приказу комбрига, за эту операцию лейтенант Якута был представлен к третьему ордену Красной Звезды.

Наиболее же выдающимся личным подвигом лейтенанта Якуты является организация им разведки и оборонительных боев в Нуристане на севере провинции Кунар, который контролировал полевой командир Сарвархан. В вооруженных отрядах Сарвархана находилось более 3 тысяч моджахедов. Район этот был интересен для разведки тем, что рядом с Биркотом (60 км северо-восточнее Асадабада), по сведениям разведки, проходило несколько караванных маршрутов, активно используемых боевиками для ежедневного обеспечения оружием и боеприпасами бандформирований центральной части Афганистана. Доступ в это высокогорное место был крайне затруднен как по географическим причинам, так и в связи с близостью баз и укрепрайонов моджахедов на территории Пакистана. О сложности района предстоящих боевых действий спецназа и маршрута к нему, свидетельствует такой факт, что после завершения армейской операции в мае-июне 1985 г., проведенной под руководством генерала армии В.И.Варенникова, ни одна колонна, ни одна машина в Биркот пройти не смогла. Мятежники жестко блокировали всю трассу, начиная от населенного пункта Асмар до границы с Пакистаном, и сам город Биркот.

25 декабря 1986 г. лейтенант Якута во главе группы разведчиков, под прикрытием афганских беженцев был переброшен на вертолетах афганских ВВС в н.п. Биркот. Ему была поставлена задача в течение двух недель путем визуального наблюдения, с использованием агентурной сети выявить караванные маршруты моджахедов и спланировать 5-6 боевых выходов для 334-го отряда, который несколькими ночными марш-бросками должен был скрытно выдвинуться в район Биркота к началу января 1987 г.

Как выяснилось позже, по данным агентурной разведки, появление нашего разведчика в Биркоте совпало по времени с началом реализации крупной военно-политической акции, спланированной ЦРУ и спецслужбами Пакистана совместно с лидером моджахедов Гульбеддином. Суть планируемой ими операции «Сердце Азии» заключалась в стремительном захвате двухтысячной группировкой Гульбеддина исторической области Нуристан с объявлением, при поддержке международного сообщества,

нового государства Сердце Азии со столицей в городе Биркот (Барикот на некоторых картах).

Наступление моджахедов началось через несколько дней после прибытия группы лейтенанта Якуты. В первые же часы операции в ночь с 27 на 28 декабря 1986 г. моджахеды уничтожили или рассеяли личный состав двух батальонов афганского пограничного полка, прикрывашего город с востока и севера. Тяжелый, кровопролитный бой вел 3-й батальон, морально устойчивый и более преданный командиру полка. Началась паника и попытки массового дезертирства и предательства со стороны солдат. В этой обстановке, как явствует из доклада советских военных советников, лейтенант Якута быстро сориентировался в обстановке и, находясь в рядах обороняющихся, вместе с командиром пограничного батальона увлек личным примером остатки «*зеленых*» (на советских картах афганские войска обозначались зеленым цветом, отсюда и название «зеленые» — *прим ред.*) на отражение атак мятежников, чем спас ситуацию в самый критический момент ее развития. Командир афганского погранполка, четверо советских советников и часть комендантской роты полка предприняли попытку выехать из города в сторону Асадабада. Но лейтенант Якута, проанализировав ситуацию, принял решение не оставлять пункт постоянной дислокации, а организовать оборону на территории старой крепости (где дислоцировался штаб полка), с использованием всех имеющихся средств, в том числе секретных на то время электронных взрывных устройств «Охота-2», привезенных с собой для минирования караванных маршрутов моджахедов. Олегу Якуте удалось убедить в верности своего решения командный состав пограничного полка и советников, которые положились на опыт и интуицию лейтенанта-спецназовца.

— Это только кажется, что Асадабад совсем рядом, — убеждал их Якута, — в зимних условиях высокогорья эти 60 километров покажутся в десять раз больше. А вы учитываете возможные засады на серпантине дороги?! Куда вы денетесь в случае чего? С одной стороны — обрыв и ледяной Кунар в ущелье, с другой — неприступная скала. Духи расстреляют вас как куропаток. Выход один — организовать оборону и стоять насмерть. Помогите мне, я все спланирую! — подвел итог Якута.

Советники, не успевшие утвердить свое решение на эвакуацию в Асадабад у своего руководства из-за отсутствия связи, задумались. А позже полностью подчинились боевому чутью разведчика. И как они сами признались — не ошиблись. Оборона крепости, выбранная Якутой, для отражения штурма массовых сил противника, профессионально подготовленная система огня и минно-взрывных заграждений, позволила отразить атаки превосходящих сил моджахедов.

Организацию нескольких рубежей обороны населенного пункта Якута взял на себя, с помощью советников, привлек все имеющиеся силы афганских пограничников. При этом он спланировал прикрыть Биркот с юга 1-м пехотным батальоном, с запада — 2 пб, с севера — 3 пб. Грамотно используя имеющиеся у разведчиков специальные инженерные средства, заминировал открытые участки местности на подходах к городу, и лично принял участие в минировании переправы через реку Кунар, по которой

осуществлялась переброска основных сил моджахедов из Пакистана. И, действительно, правильная организация обороны превратила штаб полка в настоящую крепость, имеющую стратегическое значение, поскольку являлась центром города и самым важным его объектом. Непрерывный бой продолжался трое суток.

Не сумев взять крепость с первого раза, моджахеды понесли существенные потери и отошли на ранее оставленные пограничниками позиции, начав длительную осаду обороняющихся. Обстреливая крепостное сооружение реактивными снарядами, артиллерией и минометами, они вновь и вновь повторяли атаки, но встреченные упорным сопротивлением обороняющихся, откатывались назад.

Со слов советских советников Бекова С.М. и Вавилова А.П. в этот период лейтенант Якута был душой обороны. Он демонстрировал спокойствие и уверенность в своих силах и в устойчивости созданной обороны. Когда опускались сумерки, лейтенант скрытно выходил из крепости и осуществлял эшелонированное минирование путей движения мятежников от переправы к городу. При этом, после подрыва моджахедов, пользуясь бесшумным оружием, расстреливал оставшихся бандитов, уцелевших на подрывах и в районе переправы.

Его действия были дерзкими и наносили ощутимый урон противнику, моджахеды начали паниковать и отказываться идти на афганскую территорию. Американские советники, получившие информацию о действующем в крепости «шурави-шайтане», устроили за «ночным охотником» настоящую контрохоту, но удача была на стороне лейтенанта Якуты, который, по словам советников, стал еще более осторожен и изощрен.

За неделю боев в Биркоте слухи об отважном лейтенанте дошли до Джелалабада и Кабула. Генерал армии Варенников В.И. вылетел в Джелалабад в штаб 15 обр СпН и заслушал комбрига Юоия Старова по развитию ситуации в Биркоте. Обсуждались и неприятные моменты – дезертирство и нежеланием афганцев воевать с душманами.

Из воспоминаний советника ЦК КПСС в оперативно-войсковой Зоне обороны «Восток» генерал-полковника Сергея Бекова:

– В разговоре с Софи – председателем Совета обороны Зоны «Восток» касаясь ситуации в пограничных войсках в Биркоте, он как-то сник и стал вялым. Странно было слышать его сетования на подчиненного, которого он мог наказать и даже отстранить от должности. Генерал Сарвар (командир 1-й пограничной бригады) по уровню деятельности не соответствует генералу, – отвечает мне Софи. – Он человек безответственный, работает плохо. Три месяца назад отправил в Кабул для ремонта 41 пулемет ДШК. А они очень нужны, он же не принимает мер по их возвращению. Посты, выставленные им на границе, не бьют караваны. Я велел ему установить посты в других местах, а они на прежнем месте. Не удерживают позиции в Лойдакке на основной трассе. Во время операции в Гулуку потеряли 12 единиц бронетехники. Оставили душманам целенькими только потому, что он совершенно не позаботился об обеспечении бригады горюче-смазочными материалами.

– За любой из перечисленных Вами поступков его надо отстранять, – посоветовал я, воспринимая его слова как просьбу товарищеского совета. Но он торопливо закончил разговор согласием:

– Да, да, нужен человек более ответственный.

После принятия решения об эвакуации из города советников и группы разведчиков во главе с лейтенантом Якутой, генерал армии Варенников В.И. вызвал на связь лейтенанта Якуту и выслушал его мнение о целесообразности дальнейших боевых действий. Лейтенант Якута проявил в этот момент высочайшее мужество и доложил, что, на его взгляд, город оставлять нельзя, а целесообразнее закрепить ситуацию в нашу пользу и удерживать город. Генерал армии Варенников согласился с доводами лейтенанта и утвердил это решение. Для поддержки защитников крепости он добился направления в Барикот элитного президентского подразделения «Коммандос», которое вскоре было десантировано на 20 вертолетах в район боевых действий.

Как вспоминали позднее советники Беков С.М., Вавилов А.П., Корнилов А.С., Коршунов и Поносов А.Д., с прибытием подкрепления, кровопролитные бои в Барикоте продолжались еще трое суток, но противник повсеместно был выбит с занимаемых ими позиций и вынужден был уйти на пакистанскую территорию.

Таким образом, планы Гульбеддина и его советников по изменению геополитической ситуации в Нуристане оказались сорванными, благодаря мужеству и героизму советских и афганских военнослужащих. Решающую роль в обеспечении стойкости гарнизона Биркота оказало личное влияние на окружающих, как пример стойкости и боевой активности, советского офицера – начальника разведки 334 оо СпН лейтенанта О.А.Якуты.

Как позднее выяснилось из агентурных источников, подкрепленных визуальным наблюдением, моджахеды потеряли в боях под Биркотом убитыми и ранеными более 600 человек.

После возвращения лейтенанта Якуты для подробного доклада о ходе боевых действий в штаб бригады в Джелалабад, заслушивание проводил лично генерал армии Варенников В.И.. Полковнику Старову было отдано распоряжение подготовить наградной материал для представления Якуты к званию Героя Советского Союза. После отработки всех необходимых документов, генерал армии Варенников забрал комбрига и Якуту с собой в штаб 40-й армии, где по его приказу, они обошли с наградными документами членов военного совета 40-й общевойсковой армии ТуркВО и сдали их установленным порядком в секретную часть.

Офицеры разведотдела армии полковник А. Плешаков и подполковник С. Золотарев проинформировали командование бригады, что генерал армии Варенников В.И. все документы о представлении лейтенанта Якуты О.А. к званию Героя Советского Союза, подписанные должностными лицами 40 ОА ТуркВО, увез лично в Ташкент в середине января 1987 г.

Прошло время, заполненное напряженной боевой работой и новыми впечатлениями. Попытка узнать судьбу направленных наградных материалов, как правило, не давала ясности. Как-то в июне 1987 г., находясь в

Кабуле на военном совете армии, командир бригады с начальником политотдела во время перерыва зашли к начальнику отдела кадров армии полковнику Михайлову для уточнения вопросов по награждению личного состава. На вопрос:

– Что с документами на лейтенанта Якуту? – услышали:

– Ребята, и мы, и штаб ТуркВО возмущаемся, да вы этого лейтенанта уже к пяти орденам представили.

– Ну и что?!

– Хватит ему и того, что уже дали.

– Ну не вам решать, Вячеслав Михайлович, – ответил комбриг. – Ваше дело канцелярское.

– А ты слышал поговорку, Юрий Тимофеевич: «Выше кадров только солнце!», еще товарищ Сталин справедливо сказал: «Кадры решают все».

– Ну не про Вас он это говорил, а про таких ребят, как наш Якута! – зло ответил зарвавшемуся кадровику начальник политотдела.

Вот такие михайловы в Кабуле, Ташкенте и Москве в тиши застеленных коврами паркетных полов и решали кому чего хватит.

Наконец, в октябре 1987 года, подошло время возвращаться в Союз по замене. С большой неохотой делал это Олег. За спиной оставались более 150 боевых операций: разведывательно-поисковых действий, захватов, налетов и засад. Риск стал нормой его жизни. Уезжал с тяжелым сердцем, будто предчувствуя, что никому он в Союзе не будет нужен. За два года непрерывных боев и походов из мальчишки превратился он в настоящего волка войны, не признающего паркетных шарканий и строевых приемов на плацу, оценивающего людей по суровым критериям железных командиров Юрия Старова и Григория Быкова.

За два года боевой службы в Афганистане, в неполные двадцать три, он был представлен к пяти орденам и к званию Героя Советского Союза. Вполне заслуженно.

Он самолюбив, в принципе, гордился своими заслугами перед Родиной и на многие вещи смотрел по-философски просто. Досрочно получил звание капитана, служил в разведывательном управлении штаба округа, поступил в Военно-дипломатическую академию, но в конце 1992 г. уволился со 2 курса в запас и занялся бизнесом.

О его службе и деятельности всего 334 оо СпН в Афганистане Николаем Кикешевым написана книга «Встань и иди». Автор книги в художественной форме правдиво, основываясь на документах и воспоминаниях очевидцев, и подробнейшим образом описывает события двадцатилетней давности. Книга переиздавалась с 2000 г. несколько раз многотысячным тиражом, а это значит, что судьба нашего героя не оставляет равнодушным современников, и он является истинным примером для подражания подрастающей молодежи.

После легендарного Быкова-Кунарского на отряд трудно было подобрать достойную замену. Потому в сравнении с предшественником его сменщик оказался менее подготовленным офицером. Ко всему еще под-

полковник. Клочков А.Б оказался хамоват и авантюрен до безумия. Его и замполита майора Кулюкина В.Г., который наоборот был немногословен, слишком мягок и интеллигентен для спецназа, постигла судьба первых руководителей — их пришлось заменить в октябре-ноябре 1987 г. При этом командира отправили в Союз, а замполита откомандировали в 5 мсд в Шинданд, где он замполитом артиллерийского дивизиона дослужил до февраля 1989 г. Комбриг Старов был вынужден в этой непростой ситуации — нехватки кадров, уже не просить заменщиков из Союза, а произвести рокировку самостоятельно, и на 334-й батальон назначил самого опытного своего командира, до того уже в течение года командовавшего 154-м отрядом.

Им оказался хладнокровный и сдержанный, даже медлительный латыш Владислав Гилуч. Новый комбат был высок и статен. Глядя на него, невольно вспоминалось шутливое выражение «о горячих прибалтийских парнях». Он со своим темпераментом точно подходил к этому словосочетанию. Хотя при всей своей медлительности он был очень грамотным спецназовцем, смелым, решительным офицером и не всегда похвально упрямым, но порядочным человеком. Но для командира это неплохо. За мужество и успешное командование частью Гилуч был впоследствии награжден двумя орденами Красной Звезды.

В облике вновь прибывшего командира окружающих прежде всего поражали его громадные рыжие усы, кончики которых он крутил в минуты глубоких раздумий.

Владислав Петрович родился 8 октября 1949 г. в селе Гайли Преильского района Латвийской ССР в большой крестьянской семье. У его родителей Петра Язуповича и Вероники Теняевны Гилуч было семь детей. Владислав был последним ребенком и, как это обычно бывает, самым любимым. Он хорошо учился и после школы окончил Рижский строительный техникум по специальности техник-строитель. Два года до призыва в армию проработал прорабом на стройке, а в 1968 г. был призван в войска специального назначения в город Вильянди. Довелось осваивать военную специальность рядовым разведчиком, а потом сержантом командиром отделения. В 1970 г. поступил в Рязанское воздушно-десантное училище. В 1974 г. выпускник 9-й роты РВВДКУ (факультет специальной разведки) приехал по распределению в город Псков во 2-ю бригаду спецназ.

Владислав был статный, красивый крепкий парень, основательно занимающийся спортом. Особенно его привлекал бокс. Он умел держать удар и неоднократно принимал участие в соревнованиях за училище и на первенство ВДВ. Его побаивались соперники, ибо хорошо знали, что за внешним спокойствием этого медлительного увальня скрывается мощная энергия и недюженный характер.

С 1983 г. он служит в Забайкальской бригаде спецназа, а в октябре 1986 г. откомандировывается в Афганистан командиром 154-го отряда спецназа, на котором в течение года получил хороший боевой опыт.

Замполитом к новому командиру 334 оо СпН приехал из Союза капитан Михаил Иванович Нимко, который до того служил в Брестской десантно-штурмовой бригаде и считал себя достаточно опытным пара-

шютистом-десантником. Гилуч же, профессионал-спецназовец, отнесся к своему замполиту с нескрываемым недоверием: Нимко хотя и был крепкой кости, но ростом не вышел. И рядом с Гилучем, естественно, значительно проигрывал во внешности. Первое время новичок тяжело адаптировался в обстановке. Впоследствии под влиянием властного командира он занял свою достойную нишу в коллективе и зарекомендовал себя хорошим боевым замполитом. По итогам афганской кампании капитан Нимко М.И. был награжден орденом.

Эта кадровая замена, произведенная комбригом, влила свежую струю в моральную атмосферу отряда, который после поступления Быкова в академию на некоторое время, как показалось, будто потерял свое лицо.

Подполковник Гилуч и его заместители: майоры Дмитрук Владимир Иванович, Качура Вячеслав Михайлович, Судаков Евгений Геннадьевич, Мамощук Василий Дмитриевич, капитан Нимко Михаил Иванович, каждый на своем месте, вскоре стабилизировали положение дел в отряде, и умело и грамотно организовывали и обеспечивали боевые действия в ходе ряда армейских операций и реализации разведданных.

Особенно показательными в этом плане были боевые действия групп спецназа в провинции Пактия и округе Хост, умело организованные первым заместителем командира отряда майором Виктором Дмитруком. Несколько слов о нем. Начинал он службу в Баракинском батальоне, а Быков, который знал его по училищу, выпросил у комбрига его себе. И не ошибся. Толковый был офицер. Интересно его воспоминание о первом боевом выходе.

ПЕРВЫЙ БОЙ ЗАМКОМБАТА

Расскажу про свой первый выход в горы на операцию. Около месяца никуда не ходил – Быков дал время на адаптацию. Новичков на войну не посылали минимум месяц. Но каждый день – утренняя физзарядка. В строю все, в т.ч. офицеры и прапоршики. Увиливали только тыловики и службы обеспечения, повара и т.д. Начиналась зарядка кроссом на 6 км. Потом гимнастика. Необходимость этого я понял уже на первом выходе. Если бы не эта зарядка, не знаю, как бы я перенес выход. Новый НШ батальона от зарядки (кросса) увиливал. После первого выхода я спустился с гор самостоятельно. Его, здоровяка, симпатичного молодого парня, принесли. Не раненным, а с сердечным приступом. После госпиталя он к нам больше не вернулся.

Операцию спланировали в Бабурском ущелье, которое выходило к Кунару по дороге на Джелалабад. Контролировали ущелье душманы. На нависающих над входом в ущелье горах располагались их посты. Ущелье выходило в долину Кунара сухим руслом, над которым стоял железобетонный мост. Мост с двух сторон, как и всю дорогу Асадабад – Джелалабад, охраняли посты «зеленых». Все бы ничего, но посты душманов, находящиеся на

вершинах гор и пользующиеся своей неуязвимостью, обстреливали практически весь транспорт, двигающийся по дороге через мост. Доставалось и нашим колоннам. Большого вреда стрельба из стрелкового оружия не приносила, но раздражала. Иногда были ранения. А приезд в батальон комбрига даже однажды принес гибель сержанта, возвращавшегося на броне из госпиталя. Вот этих «душков» мы и решили немного проучить, так как сил для зачистки ущелья у батальона, естественно не было.

Операцию назвали «Ловля на живца». Суть ее заключалась в том, что ночью отряд силами двух рот (реально это получалось около 100 с небольшим пеших бойцов) скрытно выдвигался к кишлаку, где располагался исламский комитет, и занимал оборону на ближайшей горе. А потом на эту горку наши вертушки десантируют группу около десятка человек. Духи отправятся ловить группу, а получат сами по всем зубам, как положено.

Расчет оправдался полностью. На первый выход готовлюсь тщательно. Пристрелял автомат. Подобрал и подогнал нагрудник – «лифчик» по-народному. Взял пять полных магазинов, несколько пачек с патронами, бросил про запас четыре гранаты. Пистолет Сечкина с сотней патронов на боку. Сигнальный пистолет с двумя десятками патронов к нему. Десяток сигнальных ракет. Парочка ракет осветительных. Четыре дыма. Бинокль дневной и ночной БН-2. Радиостанция Р-392 с двумя запасными аккумуляторами. Сухпай взял весь. По опыту знаю, что в ход идут даже галеты, которые в Союзе на учения редко брали с собой. Запас воды – две пластиковые фляги по 1,7 литра. Одна в РД-54 как НЗ, вторая рядом, под руками, для утоления жажды. Автомат, по совету старожилов, взял «старый» – 7,62 мм. Говорили, что более надежный и пуля солиднее. Долго колебался в выборе обуви. Старожилы ходили в основном в кроссовках. Остановился все же на ботинках с высоким берцем, в которых ходил обычно. Ну, и какой командир без карты, фонарика, компаса, карандаша. Словом – «Рембо» к бою готов. Задача – находиться при выдвижении рядом с комбатом, место-на марше – за радистом комбата. С выходом на место – при командире 3-й роты. В командование ротой не вмешиваться. В случае необходимости – действовать по складывающейся обстановке.

Утром перед выходом обычная суматоха. Комбат доводит боевой приказ на выход. С командирами разбираем вопросы взаимодействия. Затем проверка готовности к выходу рядового состава. ПНШ проверяет списки выходящих. Все. Все готовы.

«Броня» выходит из парка и становится вдоль канала ГЭС. Садимся на «броню». Поехали. К мосту Бабура колонна подходит в сумерках. Вдоль дороги тянется густая пелена пыли. Рев моторов эхом отбивается от скал. Наблюдают за нами духи или ушли на отдых?

Проходим мост. «Зеленые» настороженно наблюдают из-за укрытий постов. Метров через двести «броня» притормаживает, мы валимся на землю и скрываемся в зарослях кустарника. «Броня» уходит дальше.

Командиры проверяют людей и докладывают о готовности. Заряжаем оружие – патрон в патронник. Ждем окончательной темноты. Горы постепенно теряют свои очертания, темнота сгущается. Начинаем движение вдоль дороги к сухому руслу ущелья, дальше по руслу, прижимаясь к об-

рывистым берегам, с камня на камень, след в след, чтобы избежать попадания на мину.

Проходим под мостом. Интересно, видели нас «зеленые» или нет. Углубляемся в ущелье. Горы постепенно расступаются. Темнота почти кромешная. Небо затянуто тучами. Жарко, душно. Явственно чувствуется приближение грозы. Уже где-то слышны раскаты грома, дальше отблески молнии. Проходит час, второй. Русло все круче поднимается в горы. Рюкзак уже не кажется таким легким. Пот заливает глаза. Одежда уже давно промокла насквозь. Сказывается напряжение в постоянном ожидании засады. Если заметили нашу высадку и движение в ущелье – в русле перебьют, как куропаток. Но вокруг тишина. Сражаемся только с жарой.

1,5 литра воды, которые планировал на сутки, почти на исходе. Сначала не пил. Старался держаться, но все же не выдержал. Глоток за глотком, и фляга пуста. Сделать бы привал, что ли, но комбат молчит. Первыми не выдерживают солдаты. По цепочке докладывают об упавших в обморок. Один, второй, третий. Подходит врач батальона, после очередной остановки для оказания помощи упавшему: «Предложи комбату сделать привал. Если дальше пойдем – начнут падать еще больше».

Я и сам чувствую, что силы уже на исходе. Иду уже на автопилоте. Иду к комбату. «Хорошо, привал!» – соглашается тот. Тут же падаю рядом с ним. «Вода есть?» – спрашивает Быков. «Есть», – отвечаю и лезу в рюкзак за второй флягой. Через минуту уже пожалел, что предложил воду. Быков опрокидывает флягу, раздается бульканье и я получаю обратно практически пустую флягу. Со злобой допиваю остатки. Не знаю, поступил ли он так специально, не спрашивал. Но урок я получил хороший. Больше свой личный запас воды, НЗ, я не давал никому, берег до конца.

Как спасение, звучит доклад разведдозора:

– Нашли воду!

Поднимаюсь. Иду вперед. Вода – лужа в камне размером 1х2 метр. Но вода. Наполняю себе фляги. Через 20 минут продолжаем движение. Жара не спадает, продолжает душить. Быстрей бы пошел дождь, но дождя нет. Еще полчаса – и мы у подножья намеченной горы.

Минутная остановка, уточняем местонахождение и начинаем подъем вверх. Перед подъемом меняем боевой порядок. Ухожу в роту. Ротный интересуется самочувствием, предлагает помощь и забирает у меня рюкзак. Молча снимаю рюкзак и отдаю. Вот я и стал альпинистом. Ноги впереди и выше меня. Шорохи подо мной. Где-то через полчаса решаю посмотреть на сколько поднялись вверх. По спине тут же пробежал холодный озноб. Сзади была чернота и пустота. Если упасть со скалы, тебя уже никто не соберет.

«Больше не оборачиваться. Смотреть только вверх и вперед, не паниковать», – даю установку сам себе. Светает. Мы на отроге главного хребта. С двух сторон обрывистые ущелья. Отрог метрах в двухстах заканчивается таким же обрывом к главному ущелью. Между главным хребтом и нами небольшая седловина и дальше пологий подъем поросший кустарником.

По плану мы в бой вступаем только в случае необходимости. Наступает утро. Вот-вот появится солнце. Оно уже освещает вершину хребта. Слышится треск вертолетных двигателей. А вот два Ми-8 по очереди цепляются за верхушку горы, видно, как с них соскакивают люди. Вертолеты тут же уходят. Ну что же, с Богом, начали.

Наше расположение оказалось достаточно хорошим, с точки зрения размещения резерва. Но непосредственного участия в бою мы так и не принимали. Со своей позиции я прекрасно наблюдал само ущелье, окружающие хребты и отроги.

В дальнейшем, когда на вершине завязался бой и духи, по всей видимости, запросили подкрепление, мы прекрасно видели выдвижение со всех концов ущелья их отрядов. Стали корректировать огонь артиллерии с позиций нашей бронегруппы, а потом и авиации. Одна из групп дошла до подъема на хребет по дну ущелья, над которым мы сидели. Но до них было очень далеко. Мы планировали расстрелять их в спину, когда они будут подниматься по противоположному склону.

Склон оказался более пологим, чем тот, по которому мы поднялись. Но кустарник оказался настолько густым, что, как только они дошли до «зеленки», мы их больше не видели. Стрелять вслепую было бессмысленно. Так и просидели в резерве весь день, вслушиваясь в картину боя по радиостанции и корректируя огонь приданных средств. Видели только, как комбат запустил две управляемые ракеты ПТРК по дому исламского комитета, над которым развевался зеленый флаг. Второй снаряд вошел точно в окно. Да еще сражались с жарой. Спасала листва падуба, воды почти не было. Когда я достал флягу, набранную в луже ночью, она оказалась на 2/3 заполненной илом. Ночью этого не было видно. Пришлось выпить и эту муть. Нашим на противоположной вершине было еще хуже. Стрельба не утихала. О жаре они и не думали. Вскоре поступил доклад о ранениях. Слава Богу, обошлось без серьезных потерь. Все свои позиции удержали. Наша помощь так и не понадобилась.

Вечером над вершиной опять появились «восьмерки». Они забрали раненых и замкомбрига, который утром прилетел посмотреть эту заварушку. Миссию свою мы посчитали выполненной и стали возвращаться домой. Уходили разными маршрутами. Комбат со своей ротой обратно пошел по хребту, не спускаясь в ущелье. Мы же возвращались по старому пути. Это поддержало меня еще раз. Со своего отрога мы спустились в ущелье с противоположной стороны, ближе к кишлакам. Отчасти, не желая на спуске сталкиваться в сумерках с отходящими остатками духов. Спустились прямо на лагерь духов.

В скалах у подножия были пещеры, остатки стоянки людей и кострища. Людей не было. Но на дне ущелья была вода! Ручей здесь еще не ушел в песок и под камни. Мы осмотрелись, выставили охранение и попадав на берегу стали пить прямо из ручья. Вода была прохладная и вкусная. Силы буквально возвращались в тело.

Запасшись водой, осторожно спускаемся в главное русло ущелья. Вокруг тишина, как-будто и не было стрельбы и взрывов целый день. Выходим на старый маршрут.

Тишина. Дорога обратно оказалась намного легче. Не было духоты предыдущей ночи. Уже не боялись засады. К рассвету выходим из ущелья.

Мост. Слышим шум Кунара. Броня должна быть где-то рядом. Еще полчаса – и мы у брони, она стоит почти на берегу оеки. Рядом заброшенный сад и оросительный канал.

Опять жара, опять хочется пить. Скидываю с себя все и залажу в канал. Пью тут же прямо из канала. Блаженство. Вторая рота пришла по хребту только к обеду. Мы уже давно пришли в себя, а они еще полдня брели по хребту под палящими лучами солнца и без всякой воды. Пришли, как тени. Солнце же сломило и начальника штаба батальона. Обморока и приступа не избежал и он. Что удивительно, хлебание грязной необеззараженной воды сошло мне с рук. Впрочем, больше так воду я уже никогда не пил. Адаптировался через неделю. Вот так и состоялось мое боевое крещение.

Виктор ДМИТРУК,
заместитель командира 334 оо СпН,
1986-1988 гг.

У начальника штаба отряда Вячеслава Качуры свои воспоминания о боевой работе в 334 оо СпН.

ПЕРВАЯ ВОЙНА НАЧШТАБА

Было это в ночь с 13 на 14 марта 1987 года. Мы получили приказ обезвредить банду душманов, засевших в кишлаке Алишанг. По сведениям, полученным от представителей афганской разведки, банда была хорошо вооружена и готовилась к нанесению ударов по афганским войскам и советским частям. В назначенное время двинулись по маршруту. Пошли пешим порядком ночью. Вброд перешли реку Алишанг. Она неглубокая, по пояс, но вода леденящая. Течение очень быстрое и сильное. Одного снесет запросто. Поэтому по восемь-десять солдат соединялись руками в цепочку или прямо в обнимку шли вперед. Из речки вышли мокрыми до ниточки. Воду из обувки выливать пришлось.

Совершать марш с полной боевой выкладкой по гористой афганской местности тяжело. Ведь под ногами камень, валуны... Споткнулся, упал – считай, вышел из строя. А обувь у нас тяжелая. Не для марша в горах.

К утру в назначенное время прибыли к окраине кишлака. Маршем пришлось руководить мне как начальнику штаба. Управление батальона я расположил на горке – очень выгодное место для обзора и для руководства ротами, боевыми группами. Со мной были пять бойцов, каждый из которых выполнял свою задачу, и управление батальона со всеми средствами связи. Роты заняли свои места, окружив со всех сторон кишлак. Оставили только одну дорогу, идущую из кишлака, но взяли ее под

боевое обеспечение огнем. Тут все было нами продумано на случай, если духи вздумают бежать. Придирчиво проверил точность расположения подразделений.

К 5-ти утра подошла бронегруппа, которая придавалась нам на эту операцию. В ней были два танка Т-62М и несколько БМП. Танки и БМПбыли приданные из батальона 66 омсбр, расположенного в Мехтарламе, а пять БМП-2Д наши батальонные с 1-й роты. Вскоре подошел батальон хадовцев – воинская часть афганского МГБ. Численный состав всего 40 человек. Вообще, у них подразделения были очень малочисленные. Нет людей. Мы уточнили план совместных действий с хадовцами, обговорили в деталях все вопросы предстоящей операции и приступили к делу.

«Духи» старались не выдавать себя. Но чувствовалось, что они готовятся к бою. Хадовцы через усилитель-динамик обратились к душманам и жителям кишлака. Обращение было коротким, но ясным. Предлагалось всем душманам сложить оружие и сдаться. В обмен – гарантия сохранения жизни и нормальные условия работы, возвращение в семьи.

Кишлак окружен, сопротивление бесполезно. Женщинам, старикам, детям предложили покинуть кишлак. Прошло время, а душманы молчат, в плен не сдаются. Тогда хадовцы двинулись в кишлак. Вместе с ними мы направили своего начальника разведки лейтенанта Олега Якуту.

«Гостей» встретили огнем из пулеметов и автоматов. Снова последовало обращение к душманам по динамику. Но и это не возымело положительного действия. Стрельба продолжалась. У нас появился один раненый. Ему была оказана медицинская помощь, и солдат остался в строю. Не пожелал покинуть поле боя.

Местное население ушло из кишлака. Сразу же душманы открыли по нам сильный огонь. Я ввел в действие артиллерию, которая крепко поработала по духам. Наши подразделения пошли вперед, но огонь противника вновь прижал их к каменистой земле. Танки и БМП на узких улочках кишлака я не решился вводить в бой. Подумал, что из гранатометов духи их попросту сожгут. А из танков и БМП по целям, как и было решено, мы открыли огонь. В этом была большая польза. Командиры рот старшие лейтенанты Игорь Дикарев и Андрей Чепурной, чьи подразделения находились на главном направлении, действовали осторожно, расчетливо, но наверняка.

Конечно, можно было поднять роты в атаку, пустить в ход танки, БМП, насытить наступление огнем и разгромить духов. Но с какими потерями?

Поэтому мы действовали без спешки, но при этом не давали душманам перехватить инициативу. А те, следует заметить, закрепились в кишлаке удачно. Их огневые точки были прикрыты камнями, валунами. Как крепости, огнем стрелкового оружия не прошибешь. Вскоре артиллеристы накрыли некоторые из них. Насыщенность огня противника несколько спала. Но духи продолжали рьяно сопротивляться. У нас появились раненые. Темп боя нарастал.

Получил смертельное ранение командир 3-й группы 1-й роты лейтенант Алексей Степанчук и был убит рядовой снайпер Иван Кащенко.

Комбат майор Быков принял решение вызвать авиацию и вертолеты. Я по рации дал команду на выход в боевые порядки рот двух танков и боевых машин пехоты. Немедля, они покинули укрытия. Но вскоре выстрелами из гранатомета БМП-2 мотострелкового батальона была подбита. В ней находился начальник штаба батальона. Бронемашина остановилась, не подавала признаков жизни. Значит, там случилось что-то непоправимое, и нужна немедленная помощь.

Тогда вместе с бойцом из управления мы прорвались-таки к машине. Я взобрался на БМП. Вижу, майор тяжело ранен, скорее даже контужен, но продолжает отдавать непонятные команды. Теряет сознание.

Я скомандовал отвести машину метров на 500 назад. Топливный бак был пробит, горючее вытекало. Еще две -три минуты, и будет поздно. Рядовой 1-й роты Капелюшный завел БМП. На полном развороте в руках умелого бойца машина устремилась назад. По машине выстрелили из гранатомета, но мимо. А солдат сработал в одно мгновение. Действительно, горючки хватило только на несколько сот метров. Все получилось, как задумано. А так, в БМП нам бы пришлось туго.

По рации вызвали нашу БМП для оказания помощи. На ней, как и два года назад в Мараварском ущелье, прибыл замполит 1-й роты уже старший лейтенант Игорь Семенов, хотя как «заменщик» имел полное моральное право не рисковать, но не такой был Игорь... Наш начальник медпункта старший лейтенант медицинской службы Валерий Шкуратов, получивший контузию в пехотной БМП, прямо под душманским огнем приступил оказывать помощь раненым. Преодолевая страшную боль, помогал ребятам. Бегал то к одному, то к другому. Кстати, впоследствии офицер был награжден орденом Красной Звезды.

Медалью «За боевые заслуги» наградили рядового Капелюшного, выведшего с поля боя БМП вместе с тяжелораненым майором. Сработал парень, что надо. Молодец!

В том бою мы уничтожили более сорока духов. Четверо сдались в плен. На вертолетах отправили в госпиталь семерых наших раненых бойцов и двоих погибших: лейтенанта Алешу Степанчука и рядового Ваню Кащенко.

Когда вспоминаю о толковых мужиках, о том, каким надо быть военному человеку в боевой обстановке, всегда на ум приходит имя нашего комбата Гришки Быкова. Так его все с любовью за глаза называли. Решительный. Требовательный. Суровый. И вместе с тем в минуту затишья, в свободное время он был доступен каждому солдату. У нас в батальоне была широко развита своя художественная самодеятельность. И первым на концертах выступал с песнями наш комбат Гриша. Выходил на сцену с гитарой и пел свои песни. Затаив дыхание, слушали его солдаты.

В любой боевой обстановке офицер сохранял спокойствие. А это так здорово влияло на окружающих. Не терялся. Умело руководил боем. Знал повадки душманов. Безошибочно ориентировался в обстановке, принимал правильные решения. И эффективные. Храбр. Отважен. Когда он шел во главе групп, на душе у всех было легко: «С нами Гришка! Не пропадем!» Позывной у комбата был «Кобра». Об этом знали все радисты.

И молодые, и старослужащие. Но этот позывной всегда произносился в эфире с любовью. Знали позывной и духи, действовавшие в нашей зоне.

Много толковых ребят было у нас в батальоне. На них вся надежда в боевой обстановке. Например, сержант Гунда, заместитель командира группы минирования. Мины всех систем знал в совершенстве — и наши, и иностранные. Назубок, на ощупь. Соответственно, и все взрыватели к ним. Хладнокровный, выдержанный, спокойный, геройский парень. С двумя орденами Красной Звезды вернулся домой, где его ждали жена и двое детей. Или ефрейтор Оленев. Секретарь комсомольской организации. Отличный механик-водитель БМП. Водил машину, как заправский таксист. Медалью «За отвагу» награжден. А сержант Сердечный! Это был самый лучший из всех командиров саперных отделений. И солдаты-саперы его уважали. Хорошими бойцами были сержанты Олег Присяжнюк, Евгений Заднипряный, Сергей Кочерженко, Игорь Савчук, Олег Жихарев — все они были представлены к наградам. Слышал, что в годы Великой Отечественной лучшим сержантам-командирам присваивали офицерские звания.

В Афгане я нередко задумывался: почему бы тем сержантам, кто достоин, кто прошел жестокие бои, кто имел опыт ведения боевых действий, кто, наконец, обстрелян и проверен огнем во всех отношениях, не присваивать офицерские звания, не доверять взводы? Пусть уходили бы в запас в офицерских чинах.

Думаю, наши кадровые органы здесь недорабатывали. Ведь многие из таких ребят потолковее некоторых офицеров были. Хотя солдаты тоже разные встречались. Если он в казарме несобранный, безынициативный, — и в бою, как правило, таков. Нет, он воюет. Но без инициативы, все по приказу. Первым в атаку не поднимется, идет за спиной другого парня. Первым огонь не откроет, чтобы не раскрыть себя, ждет, когда стрелять начнет другой... Если и рванулся в атаку, а по нему огонь — сразу же ложится. Ему до лампочки, что атака захлебнется. Вперед устремится другой, а он потом добежит, когда огня не будет. Это не расчетливость во имя общей цели, нет! Расчет во имя себя.

Вот тут и вырисовывается другое, самое тяжелое. Теряли мы в боях, в первую очередь ребят толковых, самоотверженных, для которых задача подразделения, ее выполнение — самое главное.

Одинаковых солдат не бывает. Здорово, если бы в ротах были только мужественные, отважные, смелые, знающие свое дело. Но такие роты встречаются только в книжках или кинофильмах. Много теряли мы в боях хороших ребят. Жалко их. Они честно и добросовестно выполнили свой долг в горах Афгана.

И еще один немаловажный момент. В Пакистане серьезно готовили боевиков и командиров для душманских банд. Причем опытные военспецы из США, Китая, Пакистана и Иордании. Так что пополнялись банды хорошими бойцами. Ко всему прочему, им еще неплохо платили. В Афгане — это не последнее дело. Да и вооружены они были классно. Современное оружие — китайское, пакистанское, английское и , иногда, американское. Янки больше деньгами помогали. Мины — со всего белого света. И самые, как говорится, коварнейшие. Мы их не успевали изучать. Все,

что создавалось нового из вооружения, все поступало к душманам для проверки в боевых условиях. Помню, как американские «Стингеры» поставили нас в затруднительное положение. Пришлось нашей авиации, вертолетам изменить потолок полетов, маршоуты и время пассажирских перевозок...

По-разному шла раскладка потерь в боевой обстановке. Каждый бой проходил по-своему и не был похож на предыдущий. Бывали успехи в боях, бывали и неудачи. Боевые действия нам приходилось, как правило, вести в ночных условиях. Но командование на всех уровнях всегда подробнейшим образом разбиралось в результатах боевых выходов, боев, операций. И первое, на что обращало внимание, – на потери личного состава. За это спрашивали очень строго. И комбриг полковник Юрий Тимофеевич Старов, и выше...

В бою победить может только тот, кто отлично подготовлен, кто до автоматизма знает оружие, технику, кто физически закален и развит до совершенства, кто идейно стоек, для кого войсковая дружба, товарищество, взаимовыручка, взаимозаменяемость, готовность в тяжелую минуту к самопожертвованию – не пустой, пропагандистский звук... И легких побед у нас не было. Ох, как тяжело давались нам эти победы!

Да, война в Афгане была не та, что Великая Отечественная. У нас не было единой линии фронта. Но духи стреляли. Пули автоматные в свои тела ребята получали такие же, как и в ту мировую войну. И осколки от мин те же. И руки, ноги отрывало, ампутировали их так же, как и раньше. И костыли у пацанов сегодня такие же, как у ветеранов...

А подвиги ребята совершали, как их отцы, деды. И воевали они отважно, мужественно, здорово, красиво, если можно так сказать. Когда шли на боевую операцию, солдаты говорили: «Пошли на войну!», а когда звонили «сверху», спрашивали: «Где ваши?» – «На войне!» – следовал ответ. А все ли вернутся с той войны? Никто не знал. Конечно, лучше было бы, чтобы возвращались с войны все. Но это война. Там стреляют!

Страшно терять убитыми и ранеными ребят в 18-20 лет. До слез больно, когда «черные тюльпаны» увозили молодых пацанов, чтобы предать их земле родной. Погибали и солдаты, и сержанты, и наш брат офицер, оставляя семьи, детей, матерей, отцов.

Когда готовились к боевым действиям, приходилось обращать внимание каждого на самые, казалось бы, незначительные детали, мелочи. Ведь малейшее нарушение экипировки, плохо подогнанная фляга могут выдать разведчика в засаде. Говорили тысячу раз не курить на марше, не курить на привале, в темной ночи огонек от горящей сигареты – далеко виден. И по этому огоньку сразу же для проверки – кучная пулеметная очередь. А духи научились стрелять метко и наверняка. Дорого обходилась иной раз эта мелочь в солдатском быту.

Напоминали на инструктажах при подготовке к операции, чтобы командиры не демаскировали себя, не выпячивались. У каждого офицера при себе есть радиостанция. Связь в боевой обстановке – основа успеха. Антенну, безусловно, надо прижимать к себе, ни в коем случае нельзя, чтобы она была поднята вверх. Душманы-то за восемь лет войны отлично

это усвоили. Коль антенна над парнем торчит – значит это офицер. Точный выстрел ниже антенны – и дело сделано. Таким образом, десятью днями раньше Алишанга, в 154 оо СпН 4 марта 1987 г. потеряли двух офицеров (лейтенанты Александр Чихирев и Юрий Хамалко) и сержанта, и еще один офицер и три сержанта получили ранения. Правда антенны у них не торчали, но снайпер, зайдя в тыл разведчикам, поразил всех у кого на ухе был телефон радиостанции Р-392...

Или еще такой момент. Мы с собой иной раз не брали тех, кто приболел – непрерывно кашлял, чихал. Ведь «будь здоров!» душманы не говорили. А простывать было где. Приходилось брести по речке по пояс в воде, а то и выше. А водица бурлящая, да такая холодная, что колики ощущали. Ведь речка питается водой со снежных гор. Она ледяная. Вот и простывали бойцы и командиры. Когда организм в напряжении, когда вся воля подчинена бою, решительным действиям, то эта простуда и не проявлялась, а чуть расслабился боец, дня два-три посидел в расположении – вот и давала потом знать о себе та ледяная ванна.

Тяжелая штука война. И особенно там, где в бой вступают люди переднего края, там, где с противником приходится сталкиваться лицом к лицу, на расстоянии смертоносного огня, взрыва гранаты, выстрела из гранатомета, на расстоянии армейского ножа и приклада автомата. Каждый – солдат, сержант, офицер взвода, роты, батальона – принимал удар врага первым. Они воевали, проливали кровь, навеки выходили из боевого строя. Мы все преклонялись перед ними. Все остальные – обеспечивали бой, руководили издалека, из штаба, откуда не виден бой, не видна кровь, не видна смерть. Я к чему об этом говорю? Да к тому, что к боевым смертным делам солдата много потом примазывалось других. И говорят: «Я воевал!» И в подтверждение их заявлений им выдавали «Свидетельство о праве на льготы». Попробуй потом разберись: кто воевал, а кто нет. Особенно в очереди на вокзалах, в аэропортах или в магазине. Это сложно. В очереди ведь не спрашивают, в каком батальоне воевал или где воевал? Свидетельство подтверждает, что воевал. Так на это смотрели и армейские кадровики. Написано в личном деле, что воевал, и все! И привилегии всем одинаковы. Тем, кто ходил в атаки на душманов, на их огневые точки, и тем, кто сидел мучался от безделия под палящим солнцем Афганистана, или прибыл и убыл из Афганистана в один день – главное отметился.... Все потом стали УЧАСТНИКИ БОЕЫХ ДЕЙСТВИЙ.

Очень часто сегодня дискутируют: не та, мол, нынче молодежь. А я скажу: «Та». С ней только надо работать, больше внимания уделять, быть откровенными с ней, дать все, что нужно для учебы, работы, отдыха. И если надо чему научить во имя дела – надо учить. Если парню сказали, что он будет в армии минером-сапером, то сделай его специалистом. Если ему сказали, что он будет сержантом – командиром отделения, научи его этому тяжелому и сложному военному ремеслу. Если он механик-водитель БМП – отдай ему все, чтобы он стал настоящим асом в этом деле. Если парень хочет стать офицером – помоги ему разобраться: может ли он быть командиром, сумеет ли работать с людьми, руководить ими в бою? А любит ли он вообще людей? Любит ли солдата? Если нет – катись

из военного училища. Может, из него каменщик отличный выйдет, артист, водитель, слесарь, животновод, агроном, да мало ли кто? Но только не офицер, который в бой ведет ребят, от которого зависят успех выполнения боевой задачи, жизнь подчиненных.

Вячеслав КАЧУРА,
начальник штаба 334 оо СпН, 1987-1988 гг.

В АСАДАБАДСКОМ БАТАЛЬОНЕ

О легендарном комбате Быкове в Спецназе знали даже те, кто с ним не был лично знаком, Но кроме комбата в 5-м батальоне было много других легендарных личностей.

Григория Быкова я не застал, знаю по рассказам. Он стал легендой Афганистана. Вот у кого авторитетов не было! Авторитет один — поведение человека на войне. Проштрафившиеся по приказу «Кобры» ходили в разведдозор впереди всех с одним штык-ножом и в тельняшке. Часто хватало одного такого выхода, чтоб человек пришел в себя и научился справляться со своим страхом и другими слабостями.

В батальоне, чтобы получить награду, нужно было ее заслужить.

В батальоне, как и во всех батальонах спецназа, незаслуженных наград не было. Когда я пришел в нашу 1-ю роту, меня поразила положительная атмосфера, царящая там: солдаты, сержанты, офицеры были одной большой, дружной семьей, один за всех — и все за одного. Моральный дух, отношение к службе солдат и офицеров были на высочайшем уровне, так что служить было легко. Оромная заслуга в этом моего предшественника Игоря Семенова, за что я ему бесконечно благодарен. Это он взрастил секретаря комсомольской организации роты Женю Оленева. Такие, как Женя, рождаются раз в тысячу лет, он всего себя отдавал службе и общественной работе: стенгазеты, конкурсы, художественная самодеятельность — любая инициатива шла от Жени. В роте он был непререкаемым авторитетом: «Женя сказал!». Скажешь: «Женя, надо!» — и сделано. Рота жила, работала, воевала и... пела, плясала.

Начинали на голом месте. Обустраивались солдаты, все делали своими руками. Моей задачей было не развалить все созданное до меня, а просто поддерживать порядок. 1-я рота больше всех воевала, самая боевая, но и потери были большие.

Это было в 27 ноября 1987 г. Комгруппы старший лейтенант Вадим Матюшин в тот день должен был лететь с группой высокогорную сторожевую заставу мотострелкового батальона и оттуда вести разведку. Группа убыла на аэродром. Вертушка была забита продуктами, водой, место нашлось только для Вадима и связиста. В 6 часов утра личный состав батальона построился на зарядку, а вертушки поднялись в воздух. Зная, что летят наши, все обернулись и смотрели, как два верторлета Ми-8 вошли в

ущелье. Был виден пост справа. И все увидели пуск ПЗРК. По тому, как вертушки дернулись, было понятно, что летчики пуск увидели.

В первую вертушку «Стингер» попал, а вторая ушла по дну ущелья.

Мы стояли обомлевшие. Первым опомнился ротный Игорь Дикарев, рявкнул:

— Рота, в ружье!

Мы, кто в чем был на зарядке, похватали оружие, запрыгнули на броню и на аэродром. С первой вертушки после ее возгорания два летчика выпрыгнули с парашютом. Вторая восьмерка села. Они подобрали одного летчика, мертвого (разбился на скалах), второго не нашли. Мы стали просить летчика подбросить нас в ущелье. У него тряслись руки, говорил:

— Хоть застрелите, не могу!

Но все же уговорили, за речку нас перебросили. Двумя ротами пошли в горы. Духов уже не было. Внизу увидели горящий вертолет, на склоне — купол кишкой. Летчику не хватило высоты. В 10-11 часов утра начался обстрел батальона, мы сверху видели, как страшно долбили наших. По всей видимости, готовя массированный обстрел асадабадского гарнизона, противник прикрыл позиции своей артиллерии средствами ПВО, на них и напоролись утром наши вертушки. Мы наблюдали прямое попадание реактивным снарядом в БМП нашей роты, но не предполагали, что в ней погиб рядовой Андрей Копа, следующий снаряд накрыл узел связи отряда.

В бою, когда начинается первая беспорядочная пальба и приходит смятение мыслей, чувств, надо немедленно подчинить себе это смятение. Солдаты ждут твою команду, все зависит от командира. Если сам струсишь — солдаты тебе не поверят, с тобой не пойдут. Если человек показал себя хорошо — ты с ним в бой пойдешь. Война обостряет человеческие отношения: или-или, третьего не дано. Чувство страха есть у всех, но если ты себя коннтролируешь, то сумеешь его перебороть. Офицер не имеет права проявить свой страх, засомневаться, показать неуверенность солдату. Но также необходимо прислушиваться к мнению боевого сержанта, солдата. Это нормально — учиться и не стесняться спросить у тех ребят, кто уже не раз крещен боем. Я спрашивал, и прислушивался, и не жалею об этом. Хотя решение принимает командир.

Война людей роднит, потому что от их отношения к другому зависит вся их жизнь. Ясно вырисовывалось — кто есть кто. Война расставляет все точки над «i». Я считаю, что Афган — это хорошая школа. Я рад и счастлив, что вернулся, и что судьба свела меня с уникальными людьми. И в горе, и в радости мы были вместе. Это великое счастье! Я благодарен Богу за все. Наши погибшие пацаны — все герои и навечно в моем сердце, в моей памяти. Честь им и слава на века! На гражданке трудно привыкнуть к сытому, довольному мещанству, к хамству и грубости, к людскому бессердечию.

Алексей КАРЛОВ,
замполит 1-й роты 334 оо СпН (1987—1988 гг.)

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ ИГОРЯ ТУПИКА

19 апреля 1986 г. батальон был направлен в базовый район Суруби в 40 км восточнее Кабула. Из общения с местными органами власти, агентурной разведкой и офицерами дшб, охранявшего ГЭС «Суруби», было выяснено, что наибольшее беспокойство приносит бандформирование инженеров Гафура, которое размещалось в укрепрайоне Тагай. Командованием батальона было принято решение нанести удар по формированию банды с целью ее ликвидации.

По оценке агентуры, в состав банды входило ориентировочно 100-120 человек. На вооружении имелись минометы, крупнокалиберные пулеметы и различное стрелковое оружие. На совещании офицеров батальона командир, капитан Быков, принял решение ввиду большой численности банды вести боевые действия всем составом батальона. Необходимо отметить, что дело происходило за 2-3 недели до увольнения очередного призыва военнослужащих, батальон за полгода понес большие потери и в группах вместо 16 разведчиков по штату было лишь 8-9 человек. Реально в роте спецназ вместе с офицерами насчитывалось максимум 50 человек.

Выдвижение батальон начал в 20 часов с целью пройти 12 км по горной местности. К рассвету выйти в район горы Спиндаргар (отм. 4224 м). Впереди батальона в головном дозоре шла группа лейтенанта Олега Якуты, далее роты шли 2-я, 1-я и 3-я роты.

Подъем был очень тяжелым, поскольку крутизна ската доходила до 30 градусов и поверхность склона была в осыпях. К 3-м часам ночи батальон поднялся на высоту 1000 м и вышел на плато. Теперь предстояло пройти 3 км по относительно открытой местности. Комбат приказал выдвинуться вперед 2-й роте и занять кишлак, находящийся у подъема на хребет.

Группа лейтенанта Якуты и моя выдвинулись вперед и подошли на окраину кишлака. В это время 1-я и 3-я роты, миновав плато, начали подъем на хребет с другой стороны. Начинало светать. Подойдя к окраине кишлака, группы залегли и начали наблюдение, однако никакого движения и присутствия людей замечено не было.

Лейтенант Якута дал команду разведчикам на захват крайнего справа жилого подворья. Скрытно разведчики выдвинулись и подошли к самым стенам дувала, и укрылись за каменной стенкой высотой 1,5 м, которая огораживала дом. Внезапно открылись ворота и из дома вразвалочку, с автоматами в руках вышло 6 «духов».

Поставив автомат у стены, духи начали умываться, разделись, ходили, смеялись и разговаривали. По приказу командира разведчики перемахнули через стенку и, сделав несколько выстрелов из бесшумного оружия, уложили духов на землю, захватив их в плен. Досмотрели дувал, но внутри никого не оказалось, кроме молодой девушки примерно 14-16 лет. В это время две оставшиеся группы захватили остальные подворья, прикрыв разведотряд батальона со стороны плато. 1-я и 3-я роты закончили подъем в гору и вышли на намеченные рубежи.

Хребет был очень узкий, шириной 20 — 30 метров, поэтому группы расположились одна за одной по хребту вдоль хребта. Сверху находилась группа под командованием лейтенанта Игоря Тупика, а остальные расположились ниже по хребту. Группы приступили к оборудованию стрелковых ячеек (СПС) для стрельбы.

Якута по радио доложил комбату, что захваченный дух, показывает какие-то документы, утверждает что он — хадовец. Кроме того, захваченная девушка плачет, просит не убивать ее и отпустить.

Комбат приказал для выяснения обстоятельств духа связать и закрыть в чулане, а девушку отпустить. Якута данный приказ выполнил, девушка прошла по дороге мимо всей роты и скрылась за поворотом.

Впоследствии выяснилось, что это была роковая ошибка. Как выяснилось позже, этой ночью в кишлак пришел караван с охраной в 250 человек. Она им сообщила, что по ту сторону хребта, в кишлаке, русские. «Духи», естественно, решили разобраться, кто же там есть? Их отряд полез на хребет и вышел как раз перед группой лейтенанта Тупика. Позиция группы находилась на горке возвышающейся над хребтом на 15-20 метров. Внезапным огнем разведчики уничтожили авангард духов примерно человек 20 — 25.

Абсолютно не ожидавшие нападения, «духи» отошли и укрылись в камнях ниже по хребту. В течение часа было тихо, очевидно, «духи» оценивали обстановку. В районе девяти часов утра ударили одновременно с двух сторон сверху и снизу слева по хребту. Лезли совершенно открыто, несмотря ни на какие потери; очевидно, были обкурены. Несмотря на шквальный огонь со стороны разведчиков, потеряв около 40 человек, им удалось приблизиться к позициям группы на 40-50 метров. Сложность заключалось в том, что оставшиеся разведчики не могли поддержать своих огнем, так как неминуемо задели бы своих.

Бой длился уже более часа, в группе Тупика два разведчика погибли и трое были ранены, дважды был ранен и сам командир. Игорь трижды вызывал огонь на себя. Командир группы запросил у комбата разрешения отойти на позицию остальной роты. Однако комбат в категорической форме запретил ему это делать, так как он находился выше всех, и если бы он отошел, то «духи» просто сбили бы две оставшиеся роты сверху вниз. Комбат приказал держаться хоть зубами, но ни шагу назад. Таким образом, от девяти разведчиков группы Тупика зависела жизнь остальных ста. Понимая это, комбат вызвал вертушки и огонь артиллерии.

Удар вертушек пришелся прямо по позициям «духов» с первого же захода. За 2-3 минуты, потеряв человек еще около 50 человек, духи откатились. Наступила передышка, пока вертолеты находились в воздухе около получаса. «Духи» начали штурм с новой силой, причем за это время они ухитрились обойти группу по склонам и попытались зайти ей в тыл. Начав подъемя, они напоролись на 1-ю роту под командованием лейтенанта Кистеня.

Подпустив их поближе, 1-я рота буквально размолотила группу моджахедов в количестве 50-60 человек за пару минут. Поняв, что сбоку не обойти, духи полезли в лоб на группу Тупика. В течение 8-ми часов, не-

смотря на огонь артиллерии и авиации, они продолжали штурм и подошли к позициям группы на 10-15 метров.

У разведчиков заканчивались боеприпасы, почти все были ранены. При попытке перебежать ближе к командиру, погиб младший сержант Владимир Березкин. Разведчики Игорь Михайлов и Паша Коваль доложили Тупику, что у них осталась по десятку патронов на автомат, но еще имеется килограмм тротила и, если что, живыми они не сдадутся. Тупик по станции запросил комбата о помощи, иначе он не продержится и часа.

Замполиту 3-й роты старшему лейтенанту Александру Дранице была поставлена задача: любой ценой доставить боеприпасы группе Тупика. Разведчики набили РД патронами, гранатами, тротилом, и шесть человек попытались пробиться к Тупику. Однако ввиду шквального огня четверо из них были ранены и пробиться смогли лишь двое. Между тем штурм продолжался.

Духи подошли настолько близко, что разведчики слышали их голоса. Наводить артиллерию стало невозможно, оставалось рассчитывать только на вертолеты. Бой не стихал, погибли еще двое разведчиков. Где-то в районе 15-ти часов дня Игорь Михайлов доложил по станции: «Кобра! У нас убили лейтенанта Тупика». Таким образом, из группы осталось трое израненных парней. Чудом им удалось продержаться до темноты, скорей всего из-за того, что духи поняли, что живьем никого не взять. Под покровом темноты на позиции пришли группы 2-й роты, которая фактически в бою не участвовала и потерь не понесла. Они вынесли тела погибших разведчиков и спустили их по склону вниз к бронетехнике.

Таким образом, в этом бою батальон потерял девять человек убитыми и двадцать одного раненными. Потери «духов» превзошли наши в несколько раз, но от этого нам, потерявших боевых друзей, легче не становилось.

Павел СТЕПАНЕНКО,
командир группы 334 оо СпН

ОПЕРАЦИЯ ПОД СУРУБИ

Операция под населенным пунктом Суруби проходила в мае 1987 года. В отряде, который насчитывал около сорока человек.

В самом Суруби на высотке стоял десантный батальон. Именно с его базы, согласно замыслу комбата, нам и предстояло работать. Прибыли скрытно, однако от всевидящего ока малолетних разведчиков не ускользнул тот факт, что в небольшом городке появились новые люди. В городе нас сразу окружила стайка мальчишек, которые, в отличие от их сверстников, проживающих в других местах Афганистана, не предлагали что-то купить, а обескураживали вопросом:

— Вы кто? «Десантура» или «Соляра?».

Пытаясь скрыть свою принадлежность к спецназу, мы поспешно сказали, что «Соляра». Но проницательных афганских пацанов было не так просто надурить. Недоверчиво покачав головой, они отошли в сторонку для совещания, и через пару минут один из них безапелляционно выдал:

— Вы — не «Соляра». Вы — «Асадабадегерь».

Такая осведомленность местных жителей заставляла усилить маскировку предстоящих действий.

План этот Григорий вынашивал давно. Здесь несколько лет назад две армейские операции потерпели фиаско. Поэтому десантники, которые несли здесь охранную службу, были крайне изумлены, когда увидели нас, к вечеру собравшихся на войну. Спустя час, мы покинули расположение батальона, растворившись в темноте.

В эту ночь Быков решил реализовать агентурные разведданные. Незадолго до операции в отряд пришел здоровенный пуштун и стал «сдавать» очень интересную информацию. К сотрудничеству с «шурави» его подтолкнула личная обида. Духи недобросовестно расплатились с ним за какое-то дело и, в результате, нажили себе серьезного врага. С источником договорились, что в случае подтверждения его информации он получит один автомат Калашникова и десять тысяч афгани. За это он обещал отвести разведчиков прямо к месту дислокации отряда. По его данным, которые перекликались с данными других источников, там находился довольно большой отряд хорошо вооруженных моджахедов.

О том, что отряд имел нерядовое вооружение, говорит тот факт, что у духов имелись две двенадцатиствольные пусковые установки реактивных снарядов китайского производства. Еще до того, как обмануть моджахедов, нужно было обмануть «Царандой», занимавший позиции на внешнем кольце обороны. В их распоряжении имелись прожекторы, которые периодически освещали прилегающую местность. Пуштун обещал вывести нас мимо постов «Царандоя» так, как это делали духи. И, надо сказать, не обманул. Пока не стемнело, отряд обозначил движение в сторону, противоположную от настоящего направления движения, а с наступлением темноты сделал резкий разворот.

В ходе марша нам неоднократно приходилось прыгать в арыки, когда луч прожектора шарил в поисках нарушителей. Но вышли из зоны охранения беспрепятственно. За это время многие уже стерли ноги, идя по воде. Но это никого не остановило, а впереди был маршрут длиной в двадцать пять километров. Слава Богу, местность, по асадабадским понятиям, была почти ровной. Это позволяло сделать рывок. Несмотря на свою худобу, наши парни на марше не «умирали».

Духа поручили вести мне. Всю дорогу он вел себя спокойно и уверенно показывал дорогу. Но когда до хребта, о котором шла речь, осталось совсем немного, информатор начал что-то бубнить себе под нос. Со мной шел переводчик-таджик, но я и сам (вырос в Средней Азии) неплохо понимаю по-таджикски. Беда в том, что информатор был пуштун. Однако на привале, с грехом пополам, поняли, что он переживает из-за того, что идет впереди. В случае чего, его, как первого в колонне, и застрелят, и прощай обещанный Калашников и десять тысяч «афошек». Мне удалось

уговорить его довести нас только до хребта, а дальше он пойдет третьим или четвертым. Пуштун успокоился и бубнить перестал.

Разделились.

Я с двумя группами двинулся на хребет. Одна группа осталась внизу для обеспечения. Еще две группы ушли правее. Шли очень тихо, стараясь не шуметь. Проводник вывел к хребту и обвел вокруг, так чтобы мы скрытно могли приблизиться к позициям духов. Когда почти достигли вершины, проводник что-то жарко зашептал и стал показывать пальцем. Но, видимо, усталость дала знать, да и понять было трудно то, что говорил пуштун. Я не понял и не разглядел то, что показывал информатор. В направлении, куда пуштун указывал пальцем, дальше в трехстах метрах горел огонек. Его я и принял за объект. Проводник же показывал позицию ДШК, до которой оставалось всего метров пятьдесят. Уже начало светать, и мы не успевали скрытно подойти к тому месту, где горел огонек.

Я решил для дневки использовать развалины, встретившиеся при подъеме. Но вместо того, чтобы завалиться спать, выставив охранение, я заставил бойцов на всякий случай заложить камнями оконные и дверные проемы. В стенах почти метровой толщины проковыряли бойницы. Как потом оказалось, не зря. А поутру, как говорится, они проснулись... Внизу уже началось движение. Духи, проснувшись, отправились по своим делам. Быкову только это и было нужно. Как только они обозначили себя, Григорий вызвал вертушки, навел их. «Муравейник» зашевелился.

Еще на рассвете, наблюдая за хребтом, я увидел силуэт, напоминавший зачехленный ДШК. Получалось, что группа сидит прямо под его позицией в ста метрах. Но полной уверенности не было. Все прояснилось, когда на хребте стали появляться моджахеды. Сначала вышел один. Потянулся, отлил. И также непринужденно сдернул чехол с пулемета. Самые мрачные предположения оправдались. Вскоре рядом с ним появилось еще несколько духов. Судя по жестикуляции, они бурно обсуждали, откуда взялись вертолеты. К этому времени «двадцатьчетверки» уже сожгли пусковую установку РС на «Тойоте», которая куда-то ехала по своим душманским делам.

Один из духов принес бинокль и стал обозревать окрестности. Я тоже смотрел в бинокль. На какое-то мгновение наши взгляды встретились. Мне захотелось закрыть глаза, чтобы минимизировать биотоки, исходящие от меня. Однако дух оказался грубым и бесчувственным и, ничего не ощутив, перевел бинокль дальше. Самое странное, что он, глядя в бинокль на развалины дома, который видел каждый день, так и не заметил, что окна и двери заложены, а в стенах появились бойницы. Внизу уже полным ходом шла война. Радиостанция «раскалилась добела». Быков со своим командирским голосом мог бы командовать и без нее. Во всяком случае, слышно было далеко, как он наводит авиацию. В принципе, из-за этого все и началось.

Вымотавшись на марше, охранение группы *закемарило* (*разг.* – уснуло). Рано утром два духа услышали, как Григорий разговаривал по радио, что комбат всегда делал громко. Видимо, не поняв, что это за звуки, решили, на свою беду, взглянуть. Войдя в дувал и увидев Григория, они все

поняли и попытались бежать. Первого Гриша уложил сам из пистолета. Второго подранил кто-то из проснувшихся наблюдателей.

Не выходя из дувала, духу скомандовали: «Инжибе!» (Иди сюда!). Раненый оказался послушным и приполз.

Группу начали искать, но обнаружить не смогли. Наши соседи на хребте засуетились. Откуда-то на вершине появилась толпа прекрасно экипированных моджахедов. Поражало вооружение, еще отливавшее на солнце заводской смазкой. Каждый третий был вооружен пулеметом, а каждый пятый — РПГ-7. Мы насчитали сорок четыре человека. Как и положено, духи построились. Командир им поставил задачу, и они, развернувшись, двинулись ее выполнять.

Я, когда рано утром спускался с гребня в дувал, на тропе поставил мину ОЗМ-72. Духи шли именно к ней. Ничего радостного в этом не было. После подрыва они обязательно начнут искать, кто поставил мину, и наверняка обнаружат группу. До вечера было еще далеко, а продержаться в таком неудобном месте было довольно сложно. Позиция у моджахедов была более выгодной. Я напряженно следил за происходящим. Духи показались на тропе, и один за другим, перешагнув через нашу растяжку, удалились в указанном командиром направлении.

Часам к четырем пополудни духи вернулись. Мы пересчитали «подопечных» — все. Я уже догадался, что склад, который нам и был нужен, находится на этом гребне, поэтому уходить не собирался. Главное было дождаться темноты и не обнаружить себя. Ближе к вечеру, когда уже начало темнеть, духи снова построились для получения новой задачи. В этот раз они пошли в сторону «зеленки», которая была у нас за спиной. И все бы ничего, но их головной дозор из пяти человек вышел прямиком к позициям группы. Остальные шли в пятидесяти метрах правее. Нам ничего не оставалось, как мочить. Грянул залп, и пятеро дозорных остались лежать под стенами дувала. Некоторые из состава основной группы тоже упали, остальные залегли. Минут сорок тишину не нарушал никто. Духи вообще никогда не «лупили в белый свет, как в копеечку», если не видели цели. За эти сорок минут мои бойцы буквально издергались:

— Товарищ старший лейтенант, давайте стволы достанем.

— Потом.

— Товарищ старший лейтенант, ботинки у духов классные.

— Позже.

Но в конце я сдался и разрешил разведчикам выползти и подобрать автомат и РПГ. Это было ошибкой. Группу сразу обнаружили и открыли огонь из всего имевшегося оружия. В стены врезались граната за гранатой. Не выдержав такого огня, они постепенно стали оседать. Я пытался отвечать из трофейного гранатомета, но он оказался не вполне исправным. Граната в стволе не фиксировалась и при стрельбе вниз выкатывалась из ствола. Но не до жиру. Приноровившись, стрелял навскидку, быстро опуская ствол, пока граната не успела вывалиться. Солнце клонилось к закату, и каждый разведчик молил в душе, чтобы оно быстрее зашло. Ночь ждали, как спасение. Но еще дотемна обвалилась одна стена. Решили отходить. Под прикрытием огня товарищей, парами, резким брос-

ком отошли к зеленке и рванули вдоль нее. Справа шел гребень, в сторону которого уходили небольшие ущелья. Проскочив пару из них и оставив на путях своего отхода несколько мин ОЗМ-72, мы резко повернули вправо, назад и вверх. Решение оказалось верным. Оторвались. Отдышались. Через некоторое время послышался сначала один, затем второй разрыв. Сработали мины. В темноте духи открыли беспорядочный огонь, увлеклись погоней и проскочили дальше. Вышли к группе Кистеня. Ротный связался с комбатом и доложил обстановку. Григорий похвалил и приказал всем выходить на тот хребет, где находился склад. В животе ощутил противный холодок, но, чтобы не деморализовывать своих подчиненных, я бодрым голосом сообщил, что теперь пришло время «надрать задницу духам».

Возражений не было, тем более что нас теперь было вдвое больше. Скрытно вышли на хребет к позиции ДШК, до которой прошлой ночью не дошли пятьдесят метров. На позиции два духа. Короткий свист, и повернувшийся пулеметчик с напарником получили меж глаз по пуле из АПСБ (Автоматический пистолет Стечкина бесшумный). Позиция оказалась оборудована по первому классу. Вырубленная в скале, она была усилена бетоном. В принципе, даже точечное попадание для расчета было нестрашным. Далее уходила тропинка, которая и вела на склад. Группа с Кистенем во главе осталась наверху обеспечивать работу подгруппы уничтожения. Тропа вела в расщелину, которая выходила на площадку под горой. На площадке стоял дом, рядом с ним была волейбольная площадка.

Самое замечательное в этом было то, что все это с воздуха не просматривалось — расщелина заворачивалась улиткой. Далее шла сквозная пещера — основной разведпризнак нужного нам склада. На складе хранились тротил, мины, средства взрывания и боеприпасы. Взяв для образца пару мин, мы заминировали склад, который, спустя несколько минут, взлетел на воздух. А внизу у Григория война шла полным ходом. Несмотря на ночь, он снова вызвал вертолеты. Освоив трофейный ДШК, я попросил целеуказаний, чтобы поддержать комбата огнем. Война продолжалась еще часа три. Видимо, поняв, что склад уничтожен, духи нас оставили в покое. У комбата война тоже пошла на спад. По радио договорились, где встретиться. Еще горячий ДШК сняли с треноги, а треногу, уходя, подорвали. Когда отряд вернулся в расположение десантников, их удивлению не было предела. Они не могли поверить, что сорок человек вернулись оттуда, где две армейские операции получили по полной программе. В отряде не было даже раненых».

Андрей ЗЮБИН,
командир группы, оперативный дежурный по ЦБУ
334 оо СпН (1985—1987 гг.)

Но бывало и иначе. 2 сентября 1987 г. в районе населенного пункта Чаколай, 25 км северо-восточнее Асадабад, 500-й разведотряд под командованием подполковника Клочкова не успел затемно выйти к складу с оружием и организовал на дневку в ущелье Шигальдара. К полудню мод-

жахеды установили место дневки отряда и обстреляли его из гранатометов. За несколько минут девять разведчиков 3-й роты: лейтенант Юрий Острянко, сержант Юрий Коршунов, ефрейтор Загребельный, рядовые Левин, Разиков, Камалетдинов, Лищук, Куприянов, Хомяков получили ранения, из них двое тяжелые.. 1-я рота под командованием старшего лейтенанта Мусиенко располагалась выше всех по склону и приняла бой, который продолжался до вечера, на себя. Умело корректируя огонь артиллерии разведчикам удалось удержать свои позиции до вечера, а затем выскользнуть из окружения. Но моджахеды заминировали пути отхода отряда. Ситуацию усугубил подрыв на мине направленного поражения рядового Хомякова Николая. Не доходя до пункта постоянной дислокации, от тяжелого ранения в живот Николай умер на плечах товарищей. Отличный разведчик, кандидат в члены КПСС, принятый в партию по боевой характеристике, как наиболее отличившийся в боях боец, похоронен в г. Новомосковске Днепропетровской области.

НА ЖИВЦА

В начале марта 1987 года командиром 15-й отдельной бригады специального назначения (обр СпН) полковником Юрием Старовым было утверждено решение командира 334-го отдельного отряда спецназ майора Григория Быкова «на ведение разведывательно-поисковых действий в районе исключительно Миндравур, Канда и Каргай (провинция Лагман). Выражаясь более привычным языком – разведчикам спецназовцам предстояло провести операцию по выявлению и уничтожению моджахедов в южной части Мехтарламской *зеленки* между кишлаками Миндравур и Канда. Замысел операции заключался в том, что бы разведотряд 334 оо СпН в составе 1 и 2 рот, скрытно выдвинувшись ночью из базового лагеря у плотины ГЭС Дарунта, блокировал указанный район «зеленки», заняв позиции как в самой долине, так и на возвышенностях левого берега реки Лагман. С рассветом бронегруппа отряда в составе штатной бронетехники 1 и 2 роты (БМП-2 и БТР-70 соответственно) с двумя приданными танками Т-62М танкового батальона 66 омсбр должна была начать движение по дороге в направлении Миндравур – Мехтарлам (на некоторых каратах – Митерлам, Тиргари), тем самым, выгнать «духов» из зеленки на засады разведчиков 1 и 2 рот отряда. Наши действия поддерживал и огневой взвод гаубиц Д-30 мотострелковой бригады. Заинтересованность командования 66-й отдельной мотострелковой бригады в очистке мехтарламской «зеленки» была прямая – в самом Мехтарламе (центр провинции Лагман) базировался мотострелковый батальон бригады.

Пеший 16-километровый выход разведотряда в район выполнения боевой задачи занял почти всю ночь. После этого ночного «похода» разведчики отряда еще долго шутили по поводу того, как хорошо, что Совет-

ский Союз не ввел войска в Никарагуа... В этой стране в это время тоже шла гражданская война, но в отличии от сухого резко-континентального климата в Афганистане, в Никарагуа климат был тропичекский. Субтропическим климат был и в Джелалабадской долине с примыкающими к ней «зеленками» долин рек Лагман и Кунар. Все дело в том, что маршрут выхода в район выполнения боевой задачи проходил по так называемой Чарбагской зеленке. Заброшенная в ходе многолетней войны ирригационная система которой, заросшие бурьянами камышом и кустарником некогда возделываемые, а ныне заболоченные поля представляли по сути «никарагуанские джунгли», преодолевать которые приходилось местами по пояс в холодной воде, продираясь в темноте через камыши и кустарник. Более легкий маршрут по грунтовой дороге был чреват вскрытием разведотряда противником, его засадой или подрывом на мине.

К рассвету 9 марта 1987 года РГ СпН лейтенанта Вадима Матюшина (1-я рота) заняла на высоту на левом берегу Лагмана севернее заброшенного кишлака Каламамай. Разведчики оборудовали на стрелково-пулеметные сооружения (СПС) и позицию крупнокалиберного пулемета НСВС-12,7 «Утес». Остальные группы роты во главе с заместителем командира роты лейтенантом Мусиенко организовали засаду непосредственно в «зеленке» в развалинах глинобитного подворья, рядом с правым берегом Лагмана. Расчет оказался верным, о чем свидетельствуют дальнейшие события. Разведгруппы 2-й роты блокировали мост через Лагман, прикрыв тыл засады и обеспечивая последующий отход разведгруппы Матюшина.

Через какое-то время, после того, как «броня» начала движение по дороге, «духи» группами по нескольку человек стали выходить из «зеленки» с намерениями переправиться через реку в брод (его место было установлено заранее с помощью афганца-осведомителя). Моджахеды, вооруженные легким стрелковым оружием, пытались скрыться в горах на правом берегу Кунара и, достав из тайников тяжелое оружие, нанести удар по колоне на обратном маршруте ее движения. Такая тактика боевиками периодически применялась до этого в отношении подразделений афганской армии и мотострелков «мехтарламского» батальона, но ее раскусил Гриша Кунарский. Так уважительно называли командира отряда Григория Васильевича Быкова его подчиненные и сами моджахеды (334 оо СпН базировался в соседней провинции Кунар в г. Асадабад). Духи, подняв над головами оружие, стали переправляться в брод через Лагман на островок посредине реки. Командир группы лично занял место у крупнокалиберного пулемета, выжидая, когда противник окажется на галечном островке. Моджахеды шли кучно, не подозревая, что уже находятся на прицеле у разведчиков. Дождавшись, когда большая часть группы мятежников, вышедших на нас, начала переправу, мы открыли прицельный огонь. Для духов это было полной неожиданностью, не понимая, откуда ведется стрельба, они заметались по острову, не зная что делать — то ли переходить на следующий берег, то ли уйти назад в «зеленку». В конце концов, сообразив, что огонь ведется с противоположного берега, оставшиеся в живых бросились в воду, выбрались на берег и скрылись в зарослях «зеленки».

Командир группы выслал досмотровую подгруппу для осмотра места боя, которую я и возглавил. По радиостанции были предупреждены остальные наши подразделения, что противник частью сил отошел обратно, а для осмотра зоны поражения выслана подгруппа досмотра. Спустившись с горки, мы по очереди, прикрывая друг друга, переправились на противоположный берег (вода была очень холодная – все-таки март месяц) и доходила до пояса, поэтому оружие пришлось держать над головой, чтоб не намочить (вот почему духи держали его над головой). Досмотрев убитых, и собрав брошенное на острове оружие – несколько 7,62-мм автоматов китайского производства Тип 56. Я и рядовой Козак стали переправляться обратно, а Эдик Хачатурян остался прикрывать наш отход. Вот тут случился небольшой инцидент, который чуть не стоил кому-то из нас жизни. Уже находясь на середине реки, я увидел, как между нами взметнулся фонтанчик от выстрела. Видно снайпер из 2 роты, не предупрежденный о нашей вылазке, решил что мы – «духи». Хорошо, что расстояние было очень большим, поэтому выстрел оказался не точным. Козак, выхватив из «лифчика» зеленую «ракетницу» (30-мм реактивный сигнальный патрон. – *Прим. ред.*) и выпустил ее в воздух, обозначив – «Я свой». Благополучно переправившись обратно, мы присоединились к своим товарищам, чтобы порадовать их захваченными трофеями.

В это время духи, ничтоже сумятише, следуя по левому берегу вниз по течению прямехонько вышли на засаду устроенную заместителем командира 1 роты. В зеленке, в отличии от берегов реки, стоял утренний туман и передовая группа моджахедов из 5 человек подошла к засаде на 40-50 м. Первым открыл огонь пулеметчик рядовой Бирюков, затем замкомроты, предупреждавший в это время своих подчиненных о возможном подходе противника. Итог огневого поражения противника из засады: один убитый и двое пленных. Двум моджахедам (один раненый) удалось уйти. Злую шутку с лейтенантом Мусиенко сыграл магазин с трофейными китайскими бронебойно-зажигательными патронами, что был присоединен к его 7,62-мм автомату АКМС – часть пуль цели не достигла, так как огонь велся через ветки густого кустарника и пули разрывались при ударе об них...

Один из пленных, которых захватил сержант Алексей Двирнык, осматривая зону поражения засады, был серьезно ранен пулеметчиком в голову. Никаких предметов указывающих на принадлежность задержанных к бандформированиям обнаружено не было, но после того, как разведчики убедились в грамотном наложении вторым задержанным повязки своему товарищу сомнения в «мирности» 25-30-летних «дехкан» развеялись, но их к протоколу задержания не приложишь... Вскоре появилось и документальное подтверждение принадлежности задержанных к бандформированиям. Детально осмотрев место захвата пленных в сухом арыке, где они укрылись от огня, была обнаружена свежая изрытая земля, а в ней... пластиковые карточки моджахедов (с биографическими данными и номером личного оружия). Раненого «душка» не трогали, а его напарнику досталось... Не от нас правда, а прибывших оперативных сотрудников батальона МГБ (ХАД) Афганистана, опознавшим в убитом дезертира из своей части.

Через какое-то время наша группа получила приказ выйти на пункт сбора к мосту, куда подошла бронегруппа, на которой мы убыли в базовый лагерь. Митерламских «душков» мы в этот раз проучили, и в последующем, вплоть до вывода советских войск из Афганистана эта часть «зеленки» была относительно безопасна для движения армейских колон. «А вдруг *шурави* опять где-то спрятались»— рассуждали видимо каждый раз битые моджахеды...

Мы и в дальнейшем проводили подобные этой операции, которые называли «на живца». Каждый раз в роль «живца» выполняла или группа спецназ «совершившая аварийную посадку на вертолете» на высоте в каком-либо «духовском гадюшнике» с предварительно заминированными к ней подходами, или та же бронегруппа, а порой и какое либо разведывательное подразделение «случайно засветившееся» перед противником...

Старший сержант Владимир ЛЕБЕДЕНКО,
заместитель командира группы 1 роты 334 оо СпН

АЛИШАНГ

Памяти разведчиков лейтенанта Алексея Степанчука и рядового Ивана Кащенко посвящается.

В ночь с 12 на 13 марта 1987 г. разведотряд 334-го отдельного отряда специального назначения в составе двух рот совершил двенадцатикилометровый пеший марш и, переправивших вброд через реку горную реку Алишанг, вышел к окраине одноименного с рекой кишлака. Всю ночь шел проливной дождь, закончившийся только перед рассветом, и нам удалось незаметно подойти к самому кишлаку. Разведывательный отряд в составе 1-й и 2-й роты 334 оо СпН блокировал кишлак, в котором располагалось бандформирование вооруженной оппозиции численностью около 30-40 человек, исламский комитет (штаб) и склад боеприпасов. Больше всего нас интересовал склад со 107-мм реактивными снарядами, которые по имеющимся сведениям были доставлены в Алишанг грузовиками накануне, и предназначались для обстрела Мехтарлама -административного центра провинции Лагман.

Разведчики-минеры установили у брода (на путях вероятного отхода моджахедов) два комплекта неконтактного взрывного устройства НВУ-П «Охота» (10 осколочных заградительных мин ОЗМ-72). С рассветом духи, чьи наблюдательные посты находились по периметру кишлака, заподозрили неладное и выслали двух дозорных которых. «Духи», не обнаружив нас, прошли мимо. Я, заместитель командира 1 роты, сообщил о них командиру 3-й разведывательной группы, которая располагалась на левом фланге 1-й роты. Дозорных разведчики уничтожили бесшумно из 7,62-мм

автомата АКМСЛ оснащенного приборов бесшумной и беспламенной стрельбы ПБС-1. Но моджахеды, следившие за действиями своих дозорных, открыли безпорядочную стрельбу.

Начался бой. Попытка моджахедов прорваться из кишлака к броду через реку закончилась подрывом их на «Охоте». Несколько тел так и остались лежать на поле озимой пшеницы, остальные же, пятясь отползли в кишлак. Оставаться в заблокированном кишлаке в планы «духов» не входило. Они прекрасно знали, что все закончиться штурмом и захватом населенного пункта. Моджахеды вызвали помощь для разблокирования кишлака. Во время «вялого» с нашей стороны огневого боя противник не мог установить, где и какими силами мы располагаем. Каждый раз, пытаясь прорваться из блокированного Алишанга, «духи» натыкались на прицельный огнь разведгрупп, а затем и артиллерии.

Через некоторое время, их обходящая группа вышла и на мои две группы (в бою я руководил действиями двух РГ СпН роты, в еще двумя управлял командир роты старший лейтенант Игорь Дикарев), расположенные в засаде на западной окраине Алишанга. Подпустив «духов» мы открыли внезапный огонь из стрелкового оружия и РПГ-16. Потеряв несколько человек, моджахеды заняли оборону в разрушенных строениях в 100 м от наших позиций.

Мои группы блокировали западную окраину кишлака, преграждая противнику отход вдоль левого берега реки в глубь ущелья и, соответственно, подход резервов извне. Расположившись в одном из жилых дворов на окраине кишлака, мы вовремя заметили выдвигающуюся группу деблокирования численностью около 40 человек. Пешая колона духов была накрыта залпом «Град» за 800-1000 м от кишлака.

Строение с засевшими в нем духами мы обработали из танковой пушки (Т-62М бронегруппы мотострелкового батальона 66-й омсбр). Для его досмотра я отправил группу разведчиков во главе с лейтенантом Вадимом Матюшиным (командир 4 группы 1 роты, выпускник Киевского ВОКУ 1985 года, погиб 27 ноября 1987 г. на борту вертолета Ми-8, сбитого двумя ракетами «Стингер» 2,5 км восточнее Асадабад). Вадим имел задачу провести разведку подворья на предмет размещения в нем наблюдательного поста своей группы. Постоянно держа их в поле зрения, мы заметили как Вадим и еще двое разведчиков зашли во двор. Дальнейшие события и меня и Вадима заставили понервничать. Едва тройка Матюшина вошла внутрь двора, как разведчики услышали за углом афганскую речь. Заглянув во двор, они заметили троих духов увлекшихся радиопереговорами. Вадим буквально в упор уничтожил из своего АКС-74 троих духов, остальные за стенкой (он их не видел) подняли крик и открыли беспорядочный огонь. Разведчики «пробкой» выскочили из двора. Мы прикрывали их, ведя огонь по двору с моджахедами «дружественным» огнем поверх голов товарищей, а «духи» огрызались по нам. Досмотровая группа отходила 80-100 метров не менее 15 минут, когда в обычных условиях для этого потребовалось бы чуть более минуты. Разведчиков спасло то, что они оказались меж двух огней. Вадиму ничего не оставалось, как пахать животами раскисшее после ночного дождя кукурузное поле с едва поднявшимися ростками.

Где-то через час-полтора, в район боя с запада подтянулось уже более сотни боевиков. В общем итоге, огнем стрелкового оружия и гранатометов, а так же корректируемой артиллерией (2 реактивные системы залпового огня БМ-21 и огневой взвод 122-мм буксируемых гаубиц Д-30) мы уничтожили около 15-20 моджахедов. Разблокировать Алишанг противнику не удалось.

Вызванная в район боя бронегруппа, была сформирована из БМП-2Д 1-й роты отряда и бронетехники мотострелкового батальона 66-й омсбр, базирующегося в Мехтарламе (4 км восточнее Алишанга). Огневую позицию безоткатного орудия, открывшего огонь по танку Т-62М сводной бронегруппы отряда и мотострелкового батальона, мы обнаружили в распадке между двух вершин. Ее накрыли огнем 82-мм автоматического миномета «Василек», установленного на МТ-ЛБ минометной батареи мотострелкового батальона. Удалось это сделать лишь после того, как безоткатка успела открыть огонь по танку, хотя мы ее наблюдали и пытались навести огонь миномета за долго до открытия ею огня. Как выяснилось позже — у минометчиков просто не было с собой карты и давать им целеуказание пришлось буквально на пальцах: «Западнее от тебя 600-800 м горка как горбы верблюда с седловиной, от седловины два пальца влево скальник, вот в нем душки копошатся, похоже безоткатку ставят... Да не туда, левее 50 метров, дальше 200... Перелет, ближе 100...».

Несмотря на заградительный огонь артиллерии, и наш огонь «духи» подошли к Алишангу с запада на 40-60 метров. На таком расстоянии огонь нашей артиллерии представлял опасность для нас самих и был заменен на огонь прямой наводкой танка Т-62М и... даже боевой машины реактивной артиллерии «Град» из состава боронегруппы (позиции гаубичного взвода располагалась в 7 км от места боя). Каждый осколочный снаряд танкисты клали с филигранной точностью в 30-50 м от разведчиков.

Через 2 часа боя командир 154 оо СпН майор Григорий Быков принял решение на досмотр кишлака с целью захвата склада с боеприпасами силами разведгруппой лейтенанта Алексея Степанчука и двух РГ СпН 2-й роты. Остальные разведывательные подразделения и бронегруппа сдерживали подошедшие резервы противника. Алексей со своей группой стал продвигаться к зданию исламского комитета и складу с боеприпасами (дом с красным (?!) знаменем на крыше в центре кишлака). Группа Степанчука перебежками выдвигалась к объекту захвата. Пройдя несколько десяткой метров Алексей оказался напротив пролома в глинобитной стене в створе огня моджахедов... Очередь из трех пуль прошила Алексея и он упал под стену. Тяжело раненный, продолжая руководить действиями группы, он запросил разрешение на отход и вызвал «броню» для поддержки. Ему на помощь подполз боец-сибиряк из Новосибирска снайпер Иван Кащенко. «Духи» видимо держали раненого командира под прицелом, так как только Иван подполз к нему, прозвучал одиночный выстрел...

К группе Степанчука прорвалась БМП-2Д мотострелков во главе с начальником штаба батальона. В момент загрузки раненного Алексея и погибшего Кащенко, духи подбили ее из РПГ-7. Гранатометчик выскочил из-за угла и с расстояния 30-40 метров «положил» гранату в перегородку

между кормовыми люками БМП (машина стояла кормой к противнику). Контуженный экипаж и врач отряда спецназ старший лейтенант Валерий Шкуратов покинули заглохшую машину. Осколками разорвавшейся гранаты ранило еще семерых бойцов разведгруппы.

Разведчики 2 роты и еще одна разведгруппа 1-й роты стали с запозданием зачищать прилегающие к улочке дворы. Ситуацию спас разведчик 1-й роты рядовой Капелюшный. Под автоматным огнем противника он занял место механика-водителя и завел двигатель БМП воздухом т.к. кумулятивной струей противотанковой гранаты разбило аккумуляторы машины. На смену подбитой БМП подошла БМП-2Д, возглавляемая заместителем командира 1-й роты по политической части старшим лейтенантом Игорем Семеновым, и стала ровнять дувалы огнем 30-мм автоматической пушки. Отход группы захвата комбат приказал прикрывать огнем прямой наводкой БМ-21 «Град». Причем с присущим Грише Кунарскому сарказмом он приказал приданным артиллеристам сделать с Алишанга «маленькое Сонгми» (так и прозвучало в радиоэфире), с одной лишь разницей, что мирное население из афганского кишлака, в отличие от вьетнамского селения Сонгми, было выведено еще до начала боя. «Мирняку» объявили из агитационной звуковещательной установки, место сбора, куда и последовали женщины с детьми и старики, а во вьетнамском Сонгми их расстреляли рейнджеры лейтенанта Колли.

К чести афганцев, они не прятались за бабскими юбками и не прикрывались детьми, как новоиспеченные «муджахеды Кавказа». Афганцы, в своем большинстве, были честными воинами, в Алишанге они дали возможность своим семьям выйти из кишлака и приняли бой. Боевики, прибывшие для деблокирования Алишанга, предприняли очередную попытку пробить брешь в боевых порядках спецназа, когда отряд уже практически начал отход из *зеленки*. Тащить у себя на плечах «духов» мы не планировали, и дело дошло до ручных осколочных гранат. Их у моих двух групп оказалось больше... Отходили мы ползком и на четвереньках по полю с молодой кукурузой, минируя пути отхода, а сзади нас рвались мины МОН-50...

Алексей Степанчук умер от ран, когда его едва доставили к бронегруппе. До последнего момента своей жизни он находился в сознании, не подавая всем своим видом смертельного ранения. Его мужественное сердце остановилось внезапно, когда казалось смерть была уже позади и наш доктор Валера Шкуратов оказал ему первую медицинскую помощь...

Алексей Степанчук окончил в 1985 году Дальневосточное ВОКУ, командиром группы специального назначения 334 оо СпН он прослужил в Афганистане более года. Это был настоящий офицер, честный и открытый. Несмотря на равный со своими сверстниками лейтенантами отряда возраст, держал он себя как-то по-взрослому, был серьезней, чего нам, недавним выпускникам училищ, не всегда хватало. Бойцы его просто обожали, особенно переживал смерть взводного его заместитель сержант Алексей Двирнык и земляк Степанчука рядовой Сергей Кочерженко из Запорожья.

Как Офицер спецназа лейтенант Алексей Степанчук состоялся не в один день. 4 марта 1987 года, когда разведчики пошли на захват склада с боеприпасами в Сурхрудской зеленке 25 км юго-западнее Джелалабада, духи прижали 1-ю роту к земле фланговым огнем РПГ и автоматов. Группа Степанчука оказалась на левом фланге под шквальным огнем противника посреди поля опиумного мака. Единственная БМП, прикрываемая разведчиками от огня РПГ попятилась за укрытие... «Москва-3 (позывной Степанчука), я «Москва», прикрой левый фланг!». Мне, командиру разведотряда, тогда больше ничего Алексею объяснять было не надо... Он перестроил группу и стал теснить духов к оврагу, занял развалины глинобитных построек, прикрыл маневр БМП, которой командовал лейтенант Юрий Боровской, на выгодную огневую позицию и обеспечил нашей и 2-й роте прикрытие левого фланга. Задачу тогда, за девять дней до гибели Алексея Степанчука и Ивана Кащенко, мы выполнили без потерь.

Александр МУСИЕНКО,
заместитель командира 1-й роты 334 оо СпН

Из воспоминаний ветерана 334 оо СпН лейтенанта Николая Яремко:

— Однажды отряд разведчиков под командованием майора Дмитрука попал в засаду. На помощь пришла бронегруппа. Неожиданный удар с тыла ошеломил моджахедов и заставил отойти. Но одна из БМП, в которой размещался дополнительный боекомплект, была подбита. К задымившей машине бросился разведчик рядовой А.Ефимов. Вытащив раненого механика-водителя рядового Юрия Кухарука, он сел за штурвал и вывел БМП в безопасное место. Огонь был погашен, неминуемый, казалось, взрыв был предотвращен. Вряд ли Ефимову удалось бы спасти своего товарища и технику, если бы в роте с каждым солдатом, независимо от специальности, не проводились занятия по вождению бронетехники. Их инициатором был замполтех роты старший лейтенант Дорогин А.Н..

Отлично сработали разведчики подразделений капитана Игоря Дикарева, Игоря Матвейчука, Олега Голыбина, Павла Степаненко, Вадима Яшунина, Александра Бирюкова в ходе армейской операции «Магистраль», что проходила в ноябре 1987— январе 1988 гг. в провинции Пактия. Выполняя приказ командования, с 29 декабря 1987 г. по 7 января 1988 г. РГ СпН №№ 511, 512, 533, 534, занимающие господствующие высоты (отм.2735 и отм.2803), вели постоянную разведку местности методом наблюдения за перемещениями моджахедов в горах Каламайгар и перевалом Саротикандав.

Тропы, ведущие к кишлаку Гундай, по их указанию, были заминированы «Лепестками» (противопехотнвя фугасная мина ПФМ-1С дистанционной системы минирования), район подходов к высоте 3169 перекрыт минами ОЗМ-72 в комплекте НВУ-П «Охота-2». В результате действий разведорганов отряда и полученной информации от радиоперехвата, были собраны ценные разведывательные данные о скоплении моджахедов, которые впоследствии уничтожили авиация и артиллерия армии. Выявлен-

ная реактивная установка мятежников, размещенная на высоте 3192, была поражена огнем приданной отряду артиллерии по целеуказаниям и наводке командира группы старшего лейтенанта Бирюкова.

В условиях холодной и снежной зимы пребывание разведчиков на продуваемых горных пятачках было настоящим мужеством... За участие в той операции более 200 разведчиков отряда были представлены к наградам. Ранения и контузии получили старший лейтенант Юрий Боровской (впоследствии полковник командир Забайкальской бригады спецназ ГРУ ГШ ВС РФ), старший лейтенант Олег Чукин, рядовые Сергей Салей, Роберт Королев, Дмитрий Лисица и другие.

Последний боевой выход «асадабадские егеря» совершили в ходе четырехдневной армейской операции «Восток-88», что проходила в середине апреля 1988 г. под Асмаром.

Так распорядилась судьба, что тоже символично, ровно через три года после кровавого крещения в Мараварском ущелье, асадабадцы навсегда вышли из провинции Кунар и, совершив десятичасовой марш, благополучно прибыли в провинциальный центр Джелалабад, где расположились полевым лагерем рядом с ППД 154 оо СпН, недалеко от штаба бригады, для подготовки к дальнейшему маршу на Союз.

Городок же 334-го отряда спецназа, оставленный разведчиками в Асадабаде, представлял собой жалкое зрелище: он был весь перепахан снарядами и минами (полностью сгорела казарма 3-й роты, значительно повреждены здание штаба, столовой и жилые казармы), испещерен щелями и укрытиями-блиндажами.

Сиротливо торчали сгоревшие перекрытия строений и мазанок. Более менее сохранившиеся здания солдатской столовой и кухни были переданы по акту афганским военным властям.

Основными причинами участившихся постоянных обстрелов моджахедами ППД отряда был провозглашенный Горбачевым курс на одностороннее «примирение», ограничивающий боевые действия советских войск и уход из отряда Григория Быкова. Его сменщики так и не смогли организовать достойный отпор местному «душью», и те, как могли, мстили отряду за понесенные от него ранее потери.

В автопарке навсегда остался ржавый металлолом сгоревших автомобилей и боевых машин, другой битой техники. Можете себе представить, что творилось в ППД накануне выхода отряда, если только за двадцать минут 14 апреля (с 14.00 по 14.20) во время обстрела было зарегистрировано одиннадцать прямых попаданий реактивных снарядов в автопарк. В том море огня и стали сгорели два Зил-131, а у шести БТР осколками искрошило все колеса. Разведчики С. Соловьев, С. Макагон, А. Пульников, Ш. Худайбердыев, В. Яремкив, перебивая друг друга, рассказывали мне: «*Духи в конце совсем обнаглели, среди белого дня из-за Басмача снарядами нас закидывали... Голое место, и мы, как тараканы на дне стакана. Как правило, после обстрела были раненые и убитые. Страшно было смотреть, как однажды рядовому Якимову из Талицкого района Свердловской области прямо на земле майор Качура, помогая врачам, ножом отрезал окро-*

вавленные шматки мяса, оставшиеся от обеих ног. Избави, Господи, подумал каждый из нас. Только не это. А жить то так хочется...».

«Басмачом», разведчики прозвали конусообразную вершину, нависающую над рекой и местом дислокации отряда со стороны пакистанской границы.

В ходе марша на Джелалабад вскрылись многочисленные технические неполадки побитой в боях техники, и поэтому командованию рот с заместителями по технической части предстояло до 15-го мая сделать невероятное – восстановить технику к сложнейшему маршу к государственной границе СССР. А в части на ходу на тот момент осталось всего ничего – 46 единиц боевой техники (БТР-80 и БМП-2Д) и 74 автомобиля. В строю находилось 485 человек, из них 57 офицеров, 28 прапорщиков. Восемнадцать военнослужащих к тому времени находились с ранениями и болезнями в госпиталях. Их эвакуацией занималась медслужба 40-й армии. Все рабочие и служащие СА к тому времени уже были отправлены в Союз. Надо отметить, что среди них были настоящие герои, которые хотя и не ходили на «войну», а выполняя свой мирный труд по обеспечению жизнедеятельности отряда проявляли порой настоящую отвагу.

О мужестве повара Асадабадского батальона Людмилы Масиной ходили легенды. Несмотря на непрерывные обстрелы, во время которых весь личный состав прятался в укрытия, она под огнем готовила обеды. Ее оружием были золотые руки повара. Это о таких Некрасов писал: «...коня на скаку остановит, в горящую избу войдет...». Рассказывали: Масина может работать сутками, но каждое утро бегает на физзарядку, безотказна в общественной работе, стрижет ребят вместо парикмахера, пишет стихи...

Сама Люда говорила:

– Вы не представляете, как жалко ребят! Первое время плакала, думала, не выдержу, уеду домой. Но на кого их бросишь? Они же еще мальчишки нецелованные...

Однажды реактивный снаряд, пробив крышу модуля, влетел в кухонное помещение, упал рядом с котлами, где работала Людмила, но, к счастью, только все разбил, а сам не взорвался. Отважная повариха выскочила из поврежденного здания с окровавленной рукой.

К ней подбежал молоденький солдат, растерялся и замер, застеснялся. Кровь с перебитой вены хлестала струей. Тогда она покрыла его таким отборным матом, что шок с бойца слетел моментально...

За отвагу и самоотверженность мужественная советская женщина в ноябре 1987 г. была награждена почетной солдатской медалью «За боевые заслуги».

Ох уж эти обстрелы, сколько бед приносили они. Однажды на огневой позиции батареи под огнем погибли почти все номера расчетов артиллерийских орудий. А накануне вывода отряда в укрытие, где прятался от обстрела личный состав, влетел реактивный снаряд, и одним взрывом изуродовал шестерых разведчиков – рядовых Коржанова И.И., Левшука В.И., Дорофеева Э.Д., Камбурова В.В., Демидова Н.Н., Абрамяна Т.И.

Под огнем противника бесстрашные вертолетчики сумели вывезти всех пострадавших на Джелалабадскую площадку «Сеялка» (медрота 66

омсбр). На операционном столе двое из них потеряли ноги, и находились в тяжелейшем состоянии – в реанимации медроты 66-й бригады.

Я пришел к ним в палату после того, как они очнулись после операции. Они, еще одурманенные обезболивающим, не осознали полностью того, что с ними сделала война...

– Товарищ подполковник, сегодня ночью нас отправят в Союз! Какое счастье, что этот кошмар для нас кончился! – сказал мне один из раненых.

– Товарищ подполковник, я во время обстрела потерял письмо от девушки, которое только получил, но не успел прочитать. Позвоните, пожалуйста, нашим, пусть найдут его и перешлют мне. Оно для меня дорого.– Трогательно вежливо попросил потерявший зрение солдат...

– Хорошо! – Пообещал я.

– Бедные парни, как сложится у вас жизнь? – Думал я, глядя на их изможденные лица, горящие глаза и кровоточащие бинты на обрубках конечностей.

Заговорив о медиках, уместно вспомнить лейтенанта медицинской службы Андрея Николаевича Линева, который заслуженно являлся гордостью асадабадцев. Когда 15 мая 1988 г. на окраины Кабула начали приходить первые бронетранспортеры маршевой колонны отрядов 15-й бригады из Джелалабада, сам командарм Б. Громов, бросив все дела в штабе, приехал встретить колонну. И вдруг его взору открылась непривычная для этих краев картина: над БТР начальника штаба 5-го батальона майора В. Качуры развевался вылинявший на солнце бело-голубой флаг Военно-морского флота СССР.

– Кривопалов, – обратился генерал ко мне. – немедленно спрячьте это полотнище. Откуда оно у вас? А что это за якоря на башнях? Что вы цирк устраиваете? В рядах нашей армии никогда не было моряков!

– Были, товарищ командующий! В отряде служил и геройски погиб кавалер ордена Красного Знамени лейтенант Линев! – Ответил я.

– Знаю такого, – смягчился командарм, – а все равно спрячьте флаг до Союза!

Кто такой моряк Линев? Как он оказался в Афганистане? Почему в память о нем на бронетехнике спецназа были нанесены морские якоря? Об этом отдельная история. Линев прожил яркую, но короткую жизнь, – двадцать три года, разве это много? Он родился 20 июня 1962 г. далеко от моря городе Луганске на Востоке Украины. В музее средней школы № 37, где учился Андрей, собраны его похвальные грамоты за все годы учебы. Он отличался от своих сверстников неуемной жаждой получить знания и взрослой целеустремленностью. Был он отличником, потому вполне логично, что по окончании школы ему удалось без особых проблем преодолеть барьер вступительных экзаменов... Сбылась первая мечта Андрея – он стал курсантом Военно-медицинской академии в Ленинграде. Затем размеренно потекли годы напряженной учебы в прекрасном городе на Неве и ожидание морских походов, о которых он мечтал... Но появляется рапорт:

«Прошу вашего ходатайства перед вышестоящим командованием о назначении меня по окончании военно-медицинской академии им. С.М. Кирова на любую должность первичного звена медицинской службы ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Как коммунист и выпускник академии, считаю для себя нужным находиться на ответственном участке выполнения интернационального долга. Занимаюсь со второго курса включительно на кафедре военной травматологии и ортопедии, имею твердые навыки в оказании первой врачебной и неотложной квалифицированной медицинской помощи. Курсант 6 курса А.Линев. 22.05.1985г.».

Рапорт был удовлетворен, и вместо Тихоокеанского флота, куда его первоначально распределили, с началом ноября 1985 г. лейтенант Линев в Афганистане.

«Андрей, несмотря на молодость, небольшую практику, был эрудированным, знающим хирургом, мечтал оставить в военно-полевой хирургии свой след. О работе в госпитале и не помышлял — только в войсках, только быть рядом с солдатом...» — писал, работавший в Афганистане полковник медслужбы И.Д. Косачев.

Линев был направлен врачем-хирургом в медпункт 334-го отряда спецназа. Для адаптации молодой медработник Линев совершил несколько длительных маршей в составе транспортных колонн, в ходе которых сполна испытал джелалабадскую полуденную жару и стужу гор Гиндукуша. Именно тогда, под обстрелом душманов перевязывал первых своих раненых. В общем строю отряда Линев, захватив сумку с медикаментами, отправлялся в горы. В унылых пустынных горах под Джелалабадом вкусил сполна тяжелую изнурительную работу разведчика, но не опозорил морскую тельняшку, которую носил до конца. Окружающая действительность, в которой оказался молодой врач, могла испугать. Повальные инфекционные заболевания. Две трети личного состава в течение года получали тяжелую инфекцию и не одну. Каждый день риск и кровь. Смертельной опасности подвергались исключительно все: солдаты, офицеры, сами медики. Линеву как хирургу практики и работы хватало. Только за декабрь того года в боях с душманами разведчики потеряли убитыми семь человек. Восьмым оказался сам Андрей.

Вот что написал о последних минутах его жизни начальник медицинской службы части А. Трифонов: *«Оказав помощь двум тяжелораненым, Андрей, прикрывая их эвакуацию, уничтожил огнем своего автомата четверых душманов, и пострадавшие были вынесены в безопасное место. Сам врач был тяжело ранен в живот, однако продолжал вести бой. Уничтожив еще одного бандита, хирург потерял сознание».*

Декабрьское утро выдалось холодным. Сумрачный рассвет был наполнен грохотом. От минного обстрела вздрагивали горы. Противник предпринял попытку окружить превосходящими силами группу спецназа. Под отвесной скалой расположился пункт сбора раненых. Линев с помощниками перевязывал их. Душманские мины все ближе ложились к скале. Осколком ранило одного из помощников, а очередной разрыв нанес смертельное ранение и самому Андрею.

У родителей хранится стопка его писем. На конверте от 1 декабря 1985 г. мать написала: «Последнее письмо сыночка».

«Здравствуйте, мои родные.

Выпала свободная минута, сразу хочу написать письмишко, хотя вчера писал. Сегодня первый день зимы. Правда, у нас она символическая, просто подул северный ветер...».

Кто знает, может, в этом северном ветре ощутил Андрей прощальный привет, прилетевший с Родины, где его ждали родные и друзья. За мужество и героизм, проявленные при выполнении интернационального долга, Андрей Николаевич Линев был награжден орденом Красного Знамени. Кто был на войне – знает цену этому ордену.

На последнем построении над телом погибшего комбат майор Григорий Быков тогда сказал так:

– Он прослужил у нас немного, но сумел доказать, что настоящий мужик-спецназовец. Пусть каждый из нас навсегда сохранит в душе образ этого отважного морячка!

И эти пророческие слова сбылись, о Линеве не забывают.

Когда пропыленная колонна 15 обр СпН, под командованием полковника Ю. Старова, шла по мосту на советский берег над своенравной Аму-Дарьей, неожиданный встречный северный ветерок развернул полностью полотнище военно-морского флага и оно гордо затрепетало в напряжении над головами разведчиков отряда.

Много повидавшие пограничники, стоящие на обочине, от вида этого флага непроизвольно приняли строевую стойку и отдали честь знамени, сами не осознавая того, что отдают ее не только боевой святыне, но и памяти всем погибшим спецназовцам 334-го отряда. Это полотнище, опаленное войной и афганским солнцем, вернулось на Тихоокеанский флот, туда, где мечтал служить лейтенант Линев. Оно было передано бывшим начальником штаба отряда майором Вячеславом Качурой на вечное хранение в полк морской пехоты ТОФ. Этот Флаг пережил многих, его хранили в музее на острове Русском до 2007 года, до передислокации дивизии морпехов на новое место.

Разведчикам 334 оо СпН есть чем гордиться. За годы войны в Афганистане 334 отрядом было уничтожено и захвачено: 2917 душманов, 15 минометов, 10 ЗГУ, 4491 реактивный снарядов, 9 автомобилей, 4 каравана, 185 вьючных животных с грузом, 29 ПТУРС, 420 единиц стрелкового оружия, 750 мин и др.

Более тысячи солдат и офицеров этого отряда были награждены боевыми орденами и медалями, а лейтенант Николай Кузнецов удостоен высокого звания Героев Советского Союза (посмертно).

Отряд же выполнив свой воинский долг, согласно приказу, благополучно вышел в Союз 18 мая 1988 года. В Термезе загрузился в эшелон и через двое суток гордо прошел походной колонной по улицам Чирчика, осыпаемый цветами ликующего местного населения.

После частичного сокращения и расформирования отдельных подразделений отряда, он был передан в состав 5-й обр СпН БВО. 6 июня

1988 г. эшелон 334 оо СпН вернулся в Марьину Горку. Отряд торжественно встречали на привокзальной площади командование и личный состав 5 обр СпН, местное население. Исполняющий обязанности командира отряда майор Дмитрук В.И. доложил командиру 5-й отдельной бригады, ветерану 15-й обр СпН, полковнику Герасимову Д.М. о прибытии отряда. Так завершился славный боевой путь 334 оо СпН.

На территории военного городка, где дислоцируется отряд, установлен мемориал, на котором увековечены фамилии 105 разведчиков, погибших в Афганистане.

Благодаря подвижническому труду ветерана отряда подполковника запаса Игоря Семенова, в Москве и Минске появились великолепные мемориалы памяти погибших спецназовцев, к подножью которых приносят цветы ветераны и молодежь. Фамилии солдат и офицеров навсегда увековечены в памяти народа. Мужество и подвиги «асадабадских егерей» воодушевили на литературную деятельность российских писателей. Благодаря их творчеству о боевых действиях 334-го отряда сейчас можно прочитать в книгах П.И. Ткаченко «Мараварская рота» и Н.И. Кикешева «Встань и иди».

И это хороший памятник погибшим героям!

668-й ОТДЕЛЬНЫЙ ОТРЯД СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

4-й отдельный мотострелковый батальон

В составе 15 обр СпН с марта 1985 г. по май 1988 г.

БАРАКИНСКИЙ БАТАЛЬОН

Верните часть моей души,
Оставшейся за Гиндукушем.
Там меж пылающих вершин
Еще кочуют наши души.
Верните всех моих друзей
С портретов, с карточек настенных.
Они мне ближе и родней
Друзей давнишних, довоенных.

Игорь МОРОЗОВ

По легенде это был 4-й отдельный мотострелковый батальон, но для всех военнослужащих ОКСВА, в том числе и нашего противника – моджахедов, было известно подлинное его предназначение – отряд спецназа ГРУ. Секретную аббревиатуру – 668-й отдельный отряд специального назначения знали немногие. Для служебной документации и почты это была войсковая часть полевая почта 44653, позывной «Бахор». Главной особенностью размещения этого отряда являлось то, что он находился на небольшом участке местности у подножья горы Мир Абдаль, а на противоположном ее подножье располагался крупный афганский кишлак Бараки-Барак. Это было просто «гнездо» непуганых душманов, их там было столько, что никто и никогда не осмеливался туда заходить. Как-то уже в мои времена, по приказу комбрига, на вершину горы высадили для наблюдения за «духами» группу спецназ. Она немедленно подверглась такому мощному огневому налету, что вертолет, снимавший группу, стал как дуршлаг и чудом дотянул до посадки, не упав... Очень часто «духи» сами нападали на расположение батальона спецназа, обстреливая его ППД из минометов и реактивными снарядами. Особой точности от духов не требовалось, ибо попасть в цель труда не представляло. Большая скученность подразделений, размещенных на ограниченной территории, как правило, способствовала потерям. В ответ по «духам» работала приданная отряду батарея гаубиц Д-30 и реактивные системы «Град».

Делая со мной первый обход территории части, сопровождающий капитан Юрий Берзин то и дело указывал особо памятные места: «...здесь осколком мины убило капитана Михайлова, а в этом месте скончался от ран рядовой Чигура...». Этих меток смерти страшились и старались обходить стороной. Личный состав не верил армейской истине, что «снаряд

дважды в одну воронку не попадает». Для того, чтобы погибнуть, здесь не обязательно было выходить на боевые. В ответ на смерть своих солдат и офицеров спецназ и десантники 56 дшбр (десантно-штурмовой батальон, которой, «квартировался» в одном городке с нашим) поливали зеленку и кишлак Суфла, раскинувшийся через дорогу, шквальным огнем. Так и «жили» рядышком врагами с марта 1985 по май 1988 г. ...

Именно тогда, в марте 1985-го, с первых дней пребывания в провинции Логар, 668 оо СпН вошел в состав 15 обр СпН и начал свою полномасштабную настоящую войну в Афганистане.

В простонародье его прозвали «Баракинским» батальоном. Так он и вошел в историю. Хотя, если быть точным, населенный пункт Бараки находился 11 километров северо-восточнее ППД отряда.

668-й отдельный отряд специального назначения был сформирован по директиве ГШ от 21 августа 1984 года, на базе 9-й отдельной бригады специального назначения, дислоцированной в Кировограде. Первым командиром отряда был подполковник Игорь Степанович Юрин. Одной из его заслуг являлось то, что уже в сентябре 1984 г. был сформирован боеспособный отряд, укомплектованный военнослужащими славянских национальностей, и в основном из частей спецназа, а не наспех набранных, как бывало ранее, из других родов войск.

Начал формироваться отряд в июле, когда в ночь на 15 июля 1984 г. в лагерь 9 обр СпН под Федоровкой было выведено 115 человек личного состава, которые и составили костяк батальона. Пошли очень напряженные дни. Прибывали люди и техника, их надо было распределить по подразделениям, организовать боевую и политическую подготовку, узнать, кто чем дышит, приучить подчиняться законам и традициям, сложившимся среди разведчиков. Ведь не секрет, что часто командиры передавали в другую часть или подразделение далеко не лучших подчиненных. Люди приходили самые разные. Я имею в виду военнослужащих срочной службы с других частей (водителей, связистов, минеров), а не наших бригадных разведчиков. Командование бригады, руководство 3-го батальона, который послужил базой для создания нашего отряда, отдавали лучших офицеров, прапорщиков, сержантов и солдат. Любая просьба о чьей-то, замене удовлетворялась моментально. Эти люди действительно создали стержень отряда.

Самые теплые воспоминания оставили зенитчики во главе с капитаном Пономаревым. Подразделение сразу зарекомендовало себя с лучшей стороны по уровню боевой подготовки и состоянию техники, а позже — при ведении боевых действий.

Батальон формировался очень мощный: три разведывательные роты (одна на БМП и две на БТР), автомобильная рота, зенитно-артиллерийская группа (ЗСУ-23-4 «Шилка»), рота минирования, автомобильная рота, группа связи, медпункт, столовая, склады и штаб с управлением батальона. Такая структура позволяла действовать батальону автономно в любых условиях. Такая организационная структура уже была проверена временем и действиями в Афганистане 154 и 177 оо СпН.

Большую помощь в проведении организационных мероприятий, помимо командования 9-й бригады спецназ (командир бригады полковник А.Ф.Чмутин), оказали разведывательный отдел Киевского военного округа и офицеры ГРУ ГШ.

Трудности были с организацией подготовки к действиям в горно-пустынной местности, а где найдешь горы в украинских степях Кировоградщины. Лагерь постоянно осаждали родители, которых можно было понять, ведь их дети уходили не на загородную прогулку, а на войну. Мать сержанта Сушко две недели плакала и просила оставить ее сына в Кировограде, но он настоял на своем и ушел с нами. Через полгода погиб при проведении засады на караван. Возможно мать заранее чувствовала его смерть...

Из техники, в Федоровке отряд получил ЗСУ-23-4, танковый тягач БТС-4, технику связи и автомобили «Урал». В эшелон, при отправке, загрузили даже два вагона угля, кирпичи, пианино и бильярд, не говоря уже о том, что необходимо для ведения боевых действий. Остальную технику и вооружение – БМП, БТР и боеприпасы, согласно Директиве, разведчики получали в Термезе. Туда батальон прибыл железнодорожным транспортом двумя эшелонами. Начальником первого эшелона являлся командир батальона подполковник Игорь Юрин, начальником второго – заместитель командира батальона капитан Александр Микушин.

Провожал батальон из Федоровки командующий Киевским военным округом генерал-полковник Д.М. Герасимов. Путь по железной дороге занял 5 дней. По России ехали согласно графика, без происшествий. Когда пересекли Волгу и начали углубляться в казахские степи, железнодорожники предупредили, что после Чарджоу возможны хищения имущества из вагонов и советовали быть осмотрительнее.

Чахлая степь, полупустыня, пустыня. Пыль, ветер, песок, пасущиеся верблюды на горизонте, унылые серые полустанки без признаков растительности, старики в халатах, неподвижно сидящие в тени серых строений. Пейзаж после европейской части СССР тоскливый. Первый эшелон прошел спокойно, а вот во втором по неизвестной причине загорелся вагон с дровами, причину возгорания так и не выяснили.

В Термезе начался очередной этап организационной суеты. Предстояло получить технику, боеприпасы, минно-взрывные средства, провести стрельбы, обкатать личный состав на броне, провести вождение с офицерами и еще масса других мероприятий. Здесь же в отряд прибыл переводчик старший лейтенант Хаким Каримов. В Термезе батальон под свою опеку принял офицер разведотдела штаба Туркестанского военного округа полковник Анатолий Стекольников.

Личный состав с техникой и вооружением освоился довольно быстро: изучили подствольный гранатомет ГП-25, автоматический гранатомет АГС-17, вооружение БМП-2 и БТР-70. Здесь бойцы основательно прониклись чувством ответственности, поняв, что там, «за речкой», ошибки прощаться не будут.

Подготовку к вводу и первые месяцы боевой службы отряда на земле Афганистана в книге «Уходит в ночь отдельный...» описал начальник штаба отряда в то время майор Валерий Петров:

«...19 октября 1984 года, 4 часа 30 минут. Батальон стоит в строю готовый для пересечения афганской границы. Границы, отделяющей жизнь от смерти, мир от войны, прошедшей изломом через жизнь всех 543 солдат, прапорщиков, офицеров, стоящих в строю недалеко от Термеза на берегу «речки».

Легкий ветерок. Утро еще прохладное, но пустыня уже чувствуется жарой, пылью, сухостью, песком.

Идут последние проверки, звучат приглушенные команды, лязгает оружие и снаряжение. Все в полном боевом снаряжении, с боеприпасами и гранатами, с чаем из верблюжьей колючки во флягах. Новые БТР, БМП, «Шилки» позади строя, готовы к совершению марша на Баграм. Ждем зачитки боевого приказа на марш.

К офицерам штаба батальона подошел офицер разведотряда ТуркВО подполковник Артеменко.

— Ну что, мужики, готовы? Ничего не забыли?

— Да пока все идет по плану, — отвечает комбат подполковник Юрин. — Командиры подразделений о готовности к маршу доложили.

— Ну-ка, подойдите поближе. Пока всем не объявляйте, потом расскажете. Только что сообщили: погиб Боря Ковалев со всей разведгруппой. Духи вертолет сбили. Детали пока не знаю, потом сообщу.

Война дохнула на нас своей холодной беспощадной реальностью. Старшего лейтенанта Ковалева почти все из нас хорошо знали по совместной службе в Кировоградской бригаде спецназ, на базе которой формировался батальон. Он не был кадровым офицером. Его призвали после института, потом подал рапорт и остался в армии. В Афган он ушел раньше нас, был командиром группы в Кабульской роте. Был...

Позже мы узнали, как все произошло. Разведгруппа, 14 человек, летела на проведение засады. Недалеко от Кабула вертолет был обстрелян духами. Граната из РПГ-7 попала в хвостовой винт. Вертолет закрутился и начал подниматься, потом раздался взрыв, не выжил никто.

Настроение после этого сообщения, конечно, было паршивым.

Зачитали боевой приказ на совершение марша, прозвучала команда: «По машинам!», и колонна начала вытягиваться в сторону моста через Амударью.

Я с помощником начальника штаба старшим лейтенантом Шадриным к мосту выехали первыми и вместе с пограничниками проверяли каждую боевую машину согласно боевого расчета.

— Номер машины? Сколько человек? Вперед.

— Все пересечение границы заняло минут 40. Реальное количество техники и личного состава точно совпало с расчетом боевого и численного состава. Пограничники сказали, что такое случалось редко, обязательно бывали какие-то сбои и неточности. Мы с Шадриным восприняли это, как похвалу нашей штабной работе.

Прошла последняя машина техзамыкания. Настала и моя очередь.

— Пока, ребята, до встречи!

— Давайте, удачи!

Прыгнули с Николаем на броню, и БТР помчался через мост занимать свое место в строю».

Афганистан. Что мы о нем знали? Если говорить о мусульманских традициях, об укладе жизни, о национальных взаимоотношениях, то наши знания ограничивались фильмом «Белое солнце пустыни»: «Восток – дело тонкое, Петруха». Кое-какие практические советы нам все-таки давали, кое-что рассказывали в Кировограде офицеры бригады, которые уже побывали в Афгане в качестве советников афганской армии: полковники Найденов и Сербин, подполковники Ильин и Моросин и другие офицеры. О многом узнали у офицеров, которые помогали готовить батальон в Термезе (полковник Стекольников, подполковник Артеменко, капитан Абзалимов, старший лейтенант Пак).

Вел колонну по Афганистану полковник Стекольников, хотя, по приказу, старшим являлся командир батальона подполковник Юрин. Дело в том, что никто из командования отряда не имел опыта управления на марше смешанной (колесно-гусеничной) колонной в сложных горных условиях. Стекольников нас многому научил.

В авангарде колонны двигалась головная походная застава с группой разминирования, затем основные подразделения, а в конце колонны – техническое замыкание и тыловая походная застава (ТПЗ). Автомобильная техника была распределена вперемежку с БМП и БТР. Колона шла на максимальной скорости. Отставшей или сломавшейся техники практически не было. За весь марш было отмечено всего два случая поломок.

Первый раненый появился часа через два после начала движения. Самым «боевым» оказался один из поваров. Почувствовав себя «на войне», он дослал патрон в патронник, а на предохранитель автомат не поставил. И в результате на первой же остановке, садясь на БТР, случайным выстрелом подстрелил себя ниже поясницы. Ранение получил легкое, но могло быть и хуже. При проверке оказалась, что вся команда поваров была во всеоружии, даже запалы в гранаты вкрутили.

Дорога до Пули-Хумри шла по ровной, как стол, местности. Пустыня с чахлыми кустарниками верблюжьей колючки и серая лента дороги, с правой стороны которой тянулась тонкая нитка полевого топливопровода. Колонну прикрывало с воздуха звено вертолетов, иногда уходя вперед, иногда пролетая параллельным курсом, хотя в пустыне нападения или обстрела ждать было неоткуда. Единственную реальную опасность представляли мины, поэтому машины старательно объезжали все ямы и выбоины в асфальте – места возможной установки мин, а личному составу строго-настрого было запрещено сходить на обочины.

От Пули-Хумри дорога начала уходить вверх к перевалу Саланг, пошли серпантины. Все больше появлялось кишлаков, целых и разбитых, а потом чаще разбитых. Вдоль дороги стала все чаще встречаться уничтоженная боевая техника и автомобили (взорванные и сгоревшие). Население приветливо махало нам руками, везде в кишлаках развевались красные и зеленые флаги, но по количеству битой техники чувствовалось, что не все здесь благополучно.

Перевал Саланг. Высота 4200 м над уровнем моря. Это единственный путь, связывающий Северный Афганистан с Кабулом. Справа обрыв, дна которому не видно, слева скалы, вершин которых не видно. Туннель на перевале работал по определенному распорядку: по четным числам пропускал колонны на юг (в Кабул), по нечетным из на север. Порядок движения обеспечивала комендатура перевала, и порядок этот был жестоким. Не дай Бог у машины откажет двигатель, тогда ей одна дорога – в пропасть. Машины шли на пределе, сказывался недостаток кислорода.

С нами вместе (впереди и сзади) перевал пересекали еще две или три колонны. Благодаря усилиям комендатуры, туннель прошли организованно. Основная задача состояла в том, чтобы в туннеле не заглохла ни одна машина. Незадолго перед нами ЧП случилось с самоходным артиллерийским дивизионом. Заглохла установка и блокировала движение задним машинам. Пока ее пытались сдернуть с места, туннель наполнился выхлопными газами, многие бойцы задохнулись и погибли. Батальон прошел Саланг без ЧП. Начиналась вторая половина дня, все старались до темноты спуститься с Саланга, чтобы не попасть под возможный обстрел. Обстрелы случались каждую ночь, и уже не одну запоздавшую колонну духи сожгли на склонах перевала.

Когда прошли Саланг, «наливники» (топливозаправщики), проходившие с нами, обогнали нащу колонну и на бешеной скорости устремились по серпантину вниз в Чарикарскую зеленку. В движении чувствовался опыт, подгоняемый страхом. И страх этот был обоснован, потом мы узнали почему.

Мы шли медленнее – опыта у нас было меньше. К ночи колонна успела сосредоточиться рядом с инженерно-саперным батальоном недалеко от города Чарикара. Отстал только БТР с заместителем командира отряда по тылу старшим лейтенантом Громовым – «застучал» один из двух двигателей БТР-70. Замтылу дали команду организовать наблюдение и оборону и дождаться утра, а по-светлому они могли сами отремонтироваться и начать движение. В 22.00 начался минометный обстрел ППД инженерно-саперного батальона. Несколько мин легли недалеко от места ночного привала нашего отряда. Тут же в ответ начала работать артиллерийская батарея, и обстрел вскоре прекратился.

К обеду третьих суток марша батальон завершил марш и прибыл в Баграм. Обустраиваться долго не пришлось. 108-я мотострелковая дивизия передавала нам расположение своего танкового полка, который незадолго перед этим был переведен в Руху, что в Панджшерском ущелье. Палатки для личного состава стояли, автопарк для размещения техники имелся, офицеров и прапорщиков управления разместили в щитовом «модуле», столовую оборудлвали в СРМК (сборно-разборная металлическая конструкция). Расположением все остались довольны: строить ничего не надо, нужно только произвести небольшие доработки. Если бы не одно «но»...

Подразделения начали занимать указанные им места и тут же начали поступать доклады о том, что очень многие объекты заминированы: палатки, подвалы, бани, «каптерки» (кладовые. – *Прим. ред.*). Срочно дали команду ничего не открывать и ничего не трогать. К работе приступила груп-

па разминирования во главе со старшим лейтенантом Рудаком. Ушло на это часа три. Чего только минеры не нашли: и гранаты на растяжках, и тротиловые шашки, и батоны пластита, и даже пару итальянских противотанковых мин TS-6. Все говорило о том, что танкисты «со злости», а реально — с дури, оставили нам «сюрпризы» за свой перевод в Руху. Вернее, не нам, а тем, кто придет после них на «насиженное местечко». Ведь Баграм по сравнению с Рухой — все равно, что Ялта по сравнению с Анадырем.

Руха, Анава, Ашава — последние точки Панджшерского ущелья, где стояли наши гарнизоны. Пятачки земли, окруженные горами, которые духи по несколько раз в день обстреливали из минометов и стрелкового оружия, каждая мина попадала в цель. Потери от обстрелов в этих гарнизонах были очень большими.

Баграмская база советских войск считалась в то время, пожалуй, одним самым спокойным и удобным местом дислокации ОКСВ в Афганистане. Баграмская «зеленка» — это довольно большая равнинная зона в 40 км северо-западнее Кабула, на которой расположились такие города, как Чарикар, Гульбахар, большое количество кишлаков и крупный аэродром — авиабаза «Баграм» (несколько авиационных полков и частей обслуживания). Войск там было дислоцировано множество, включая 108-ю мотострелковую дивизию, 345-й отдельный парашютно-десантный полк и афганские армейские части, ХАД и Царандой (госбезопасность и милиция) Все сколько-нибудь важные объекты были плотно окружены постами охраны (сторожевыми заставами. — *Прим. ред.*) — нашими и афганскими.

До Кабула 40 км по относительно спокойной дороге (днем), на которой через каждый километр-два стояли наши посты. Все кишлаки вдоль дороги, со временем, были уничтожены ответным огнем на глубину несколько сот метров. В Баграмской зоне духи крупномасштабных боевых действий не вели, но нападения на посты, обстрелы наших войск, минирование дорог и стычки между бандами в глубине «зеленки» происходили постоянно. Наши дежурные артиллерийские батареи и днем и ночью работали по выявленным целям. Спать приходилось под постоянный грохот, так как нападения на посты охраны, как правило, происходили ночью. В конце января 1985 года «духи» даже полностью уничтожили 11-ю сторожевую заставу, охранявший дорогу и проходивший вдоль нее трубопровод (авиабаза «Баграм» обеспечивалась авиационным топливом по полевому трубопроводу — *прим. ред.*).

Чем еще был характерен Баграм, так это пылью. Техника перемолола глинисто-песчаную почву лучше, чем любая мельница. Это была даже не пыль, а какая-то взвесь. Идешь по ней, погружаясь по колено, и не чувствуешь сопротивления, только волны перебегают, как по воде. При малейшем ветерке вся эта взвесь поднимается в воздух, и спасения от нее нет, проникает даже туда, где и щелей нет. Воздух наполнен пылью так, что у вытянутой руки ладони не видно.

На второй день после нашего расквартирования в батальон прибыл начальник штаба ТуркВО. Пробыл он недолго, осмотрел расположение, сделал какие-то замечания, дал 10 дней на ознакомление с обстановкой и на благоустройство.

Через 10 дней, согласно указания начальника штаба округа, батальон должен был начать боевые действия.

Начальник штаба ТуркВО, как и обещал, прилетел через 10 дней и дал команду на начало боевых действий против бандформирований.

К тому времени штаб отряда накопил достаточно информации о противнике. Прорабатывалось несколько задач: кишлак Пачахак за Зингарским хребтом, в котором базировалась банда около 60 человек, имелось несколько пулеметных точек, располагался склад с оружием и боеприпасами; склад с боеприпасами и продовольствием бандформирований в глубине Тагабского ущелья на высоте около 4000 м; несколько складов в «зеленке» и другие объекты.

По различным причинам было принято решение на захват склада с оружием и боеприпасами, который размещался в небольшой крепости в 1,5 км юго-восточнее Чарикара.

Боевая задача была поставлена 2-й роте капитана Золотарева. Ее усилили двумя «Шилками» и группой минирования. Звено Ми-8 осуществляло поддержку с воздуха. Комбат подполковник Юрин находился на воздушном командном пункте в одном из вертолетов, начальник штаба батальона капитан Петров осуществлял общее руководство на земле. 1-я рота спецназ капитана Поповича на БМП-2 выдвигалась к Чарикару и находилась там в резерве.

По замыслу командира отряда бронегруппа 2 роты должна была стремительно проскочить к крепости, высадить две группы захвата и группу обеспечения и обеспечить огнем их действия. Группы захвата должны были с двух сторон подойти к крепости и, после нанесения удара вертолетами, захватить склад. Успех решала неожиданность и быстрота действий. Накануне вечером еще раз все обсудили и проиграли возможные варианты действий. Вроде бы всем все было понятно. Вроде бы, но бой есть бой, тем более первый и все неожиданности исключены не были.

Операцию разведчики начали в 4.00 29 ноября 1984 года.

Из воспоминаний начальника штаба отряда майора Валерия Петрова:

— Сейчас, когда уже прошло время, когда можно оценить эту операцию с учетом накопленного боевого опыта, не побоюсь сказать, что в какой-то степени с нашей стороны эта операция была авантюрой. Духи воевали уже не первый год и были гораздо опытнее нас. Кроме того, мы не знали, заминированы ли подходы к крепости, не знали точного расположения огневых точек, сети кяризов (подземных каналов и туннелей) в этом районе. Провести доразведку местности накануне операции было невозможно. Все это отразилось на ходе боя, и он прошел не совсем так, как было задумано.

Я шел на четвертой машине. На выходе с Чарикарского базара надо было проскочить метров 100 по очень узкой улице между дувалами (глиняными заборами). Там ждал первый сюрприз. Три машины прошли, а мой БТР подорвался. Фугас сработал под третьим правым колесом, оторвав и отбросив его почти на 200 метров. Это была первая задержка. Шестерым бойцам, которые сидели в десантном отделении, ударом днища БТР поломало ноги. Эвакуировали их к 1-й роте. С водителем перекрыли тор-

мозные трубки, чтобы не вытекала жидкость, попробовали завести машину — завелся один двигатель. — Вперед! — БТР-70 хорош тем, что очень хорошо держал подрывы — второй двигатель заводился практически всегда. Метров через 300 подорвался БТР старшего лейтенанта Степанова, там, правда, обошлось без раненых.

Пока подползали к крепости, огонь постепенно нарастал со всех сторон. Сначала были одиночные выстрелы, потом начали бить пулеметы и гранатометы. Хорошо, что местность была ровная, до дувалов было около 200 метров. БТР маневрировали и подавляли выявленные точки своим огнем. Группы захвата с двух сторон подошли к крепости, но вертолеты никак не могли нанести удар по цели. Они ее не находили с высоты 2000 метров, а ниже не опускались. Комбат попросил дать целеуказание. Я дал команду «Шилке» капитана Пономарева и она с четырех стволов рубанула по крепости. Поднялось облако пыли, по нему вертолеты и ударили. Я уже понимал, что внезапность потеряна, но дело надо вести до конца. Стрельба шла со всех сторон, появились первые раненые, но группы захвата с северной стороны уже ворвались в крепость. Инженер батальона капитан Яковлев, переводчик и я броском через арык и виноградник подошли с южной стороны. Калитка в дувале закрыта. Валентин Яковлев, не долго думая, сунул в калитку гранату и выдернул чеку. Прятаться некуда, прижались к дувалу. Калитку вынесло, но небольшой осколок все-таки зацепил Валентина.

Крепость взяли. Одна группа разведчиков заняла оборону на стенах, вторая начала досмотр внутренних построек. Комбату я все время по «Ромашке» (радиостанция для связи с вертолетами) докладывал обстановку.

Захват склада занял 40 минут — это слишком много времени и «духи» успели уйти по кяризах, унеся все, что могли. Взяли мы только рассыпанные патроны, пустые ящики и что-то по мелочам. К тому времени наблюдатели начали со стен стали докладывать, что духи нас окружают. Следовало срочно возвращаться к броне.

Сразу отмечу такой момент, еще в ходе подготовки в Союзе наши инструкторы, прошедшие Афган, требовали делить разведчиков в группах на боевые тройки. Каждый в тройке отвечал друг за друга. Это давало возможность улучшить взаимопомощь и облегчить контроль за людьми, чтобы никто не отстал и не потерялся. Этого принципа мы придерживались с первого дня постоянно, и он себя оправдал. Назад тоже уходили с боем, но вышли благополучно.

Результат операции неутешительный — несколько человек раненых и два подорванных искалеченных БТР. Мартиролог потерь отряда открыл ефрейтор Поволя Валерий Валентинович через девять дней 6 декабря 1984 г. он умер в госпитале от ранения в живот.

После боя мы получили капитальный разнос от начальника разведки армии полковника Сапожника. Оправдывались, писали кучу объяснительных, но всеже первый боевой опыт был получен, а война без крови не бывает. Ругался на «спецназеров» и начальник разведки 108-й мсд. Две недели назад они своим разведбатом в той же «зеленке» проводили аналогичную операцию. Духи прижали батальон так, что пришлось вытаскивать его в течение полутора суток. Почему не изучили их опыт?

Здесь, в Баграме, отряд начал «ходить на войну», здесь прошло его боевое становление и первая рокировка командных кадров.

Основной задачей для нас являлось уничтожение караванов с оружием и боеприпасами. Кроме того, мы должны были уничтожать склады, мелкие банды, минировать тропы, по которым перемещались «духи», обеспечивать боевые действия мотострелковых подразделений, когда они «чистили зеленку». Обеспечение заключалось в том, что мы блокировали вероятные пути отхода «духов», устраивая на них засады. Иногда и самим приходилось «чистить зеленку». Эта задача была нехарактерной для спецназа и не самой приятной. Еще одной задачей было патрулирование местности на вертолетах или на броне с целью проверки всего и всех, что передвигается в нашей зоне ответственности.

Информацией о противнике 668 оо СпН снабжал Баграмский разведпункт (старший — подполковник Кривицкий). Командование отряда добрым словом вспоминало разведчиков с Баграмского РП — информацию они всегда давали точную и своевременную. Первое время помогали освоиться в обстановке начальник разведки 108 мсд и командир 781-го отдельного разведывательного батальона дивизии майор Шац. Кроме того, мы взаимодействовали с постами охраны и командирами афганских отрядов самообороны в кишлаках. В этот начальный период в батальоне постоянно находились офицеры разведотдела округа или 40 армии: Стекольников, Артеменко и Воробьев.

Каждый день одна-две роты спецназ на броне патрулировали местность, досматривали караваны, идущие с товарами в Баграмскую зону. Стреляли на стрельбище, которое находилось в шести километрах к востоку, у подножия Зингарского хребта. Во время занятий офицеры и солдаты учились в горных условиях вождению бронетехники, ведению огня, определению расстояний до целей, что в горах имеет свои особенности.

Разведчики чувствовали неослабное наблюдение за собой со стороны местного населения.

Из воспоминаний начальника штаба отряда майора Валерия Петрова:

— Идешь на броне, смотришь, сидит посреди степи «бача». На вопрос — что ты тут делаешь? Отвечает — охочусь на голубей. Эти охотники-соколятники почти всегда появлялись на пути движения брони. Нас учили не ходить одной дорогой и по одной и той же туда и обратно не ездить, иначе обязательно нарвешься на «итальянку» (итальянские противотранспортные мины с пластиковым корпусом TS-2,5 и TS-6. — *Прим. ред.).*

Я с начальником разведки батальона старшим лейтенантом Докучаевым и офицером разведпункта майором Дидурой составили карту района с райнами базирования банд в зоне действий отряда. Разбирались во взаимоотношениях между мятежниками. Отношения эти были не простыми: бандгруппы, принадлежащие к различным партиям (Исламская партия Афганистана — ИПА (лидер Гульбедин), Исламское общество Афганистана — ИОА (лидер Рабани), Исламская союз освобождения Афганистана — ИСОА (лидер Саяф) и др.), воевали не только с «шурави», но и между собой, иногда даже в межусобной борьбе, сотрудничая с нами.

Интересную историю рассказал нам командир артдивизиона, который некоторое время «взаимодействовал» с командиром одной из бандгрупп севернее Баграмского аэродрома. Тот давал ему данные для нанесения ударов по соперничавшим с ним мятежникам, а также другую ценную информацию. Данные, после предварительной проверки через ХАД, оказывались точными. Потом этот «дух» пришел и попросил нанести удар по банде, которая якобы житья не дает его кишлаку. Проверили координаты — оказалось, что это наш пост охраны!

Однажды начальник разведки батальона старший лейтенант Докучаев с разведгруппой 2-й роты на одном БТР поехал на пост охраны в район Сайядского моста для уточнения обстановки. Пост находился километрах в восьми в глубине «зеленки». Туда проскочили спокойно, а на подходе к посту их обстреляли. Командир поста (начальник заставы. — Прим. ред.) сильно удивился, как это им удалось проскочить целыми. Только для того, чтобы доставить на пост продовольствие, 108-й дивизии приходилось проводить целую операцию.

Времени на размышление не было. Решили быстро, на предельной скорости гнать назад, пока духи не опомнились. Чудом удалось невредимыми проскочить и назад. В этот раз дерзость и... неопытность помогли спецназовцам.

Часто ночами в «зеленке» раздавалась интенсивная автоматная и пулеметная стрельба, а на следующий день выяснялось, что две банды, принадлежащие разным партиям, не поделили между собой пришедший из Пакистана караван с оружием и боеприпасами.

В начальный период адаптации батальона в зоне своей ответственности остро встал вопрос об экипировке личного состава. Спецназовцы снабжались практичными и удобными «песочками», «штормовками» и теплыми свитерами, но вызывали нарекания десантные рюкзаки РД-54 и различные подсумки для магазинов и гранат (тактическое снаряжение. — *Прим. ред.*). Глядя на спецназовцев из других отрядов и «Кабульской» роты спецназ, начали шить себе «лифчики» («нагрудник», нагрудный пояс для магазинов и гранат — *прим. ред.*) по трофейным образцам. В них умещалось 4-6 магазинов к автомату, 4 гранаты, сигнальные ракеты (реактивные осветительные или сигнальные патроны. — *Прим. ред.*). В подразделениях отряда от РД-54 начали отказываться. Сухпаек рассовывали в капюшон штормовки и по карманам. Хотя говорили, что в «Джелалабадском» и «Газнийском» батальонах, которые воевали с 1981 года, от рюкзаков не отказывались, а пришивали к ним дополнительные карманы для фляг с водой, пачек патронов и др. имущества. Сухпайки спецназовцы получали со складов армии двух видов: спецназовский «Эталон №5А» и горный. И тот и другой были компактными и высококалорийными. Воду носили в 1,7-литровых пластмассовых флягах, а на группу брали дополнительно одну 12-литровую резиновую емкость (резервуар десантный для воды РДВ-12. — *Прим. ред.*). Все это на одном разведчике сидело удобно, плотно и не мешало двигаться.

От бронежилетов бойцы 668 оо СпН отказались после первой же операции. Были они тяжелы и неудобны, а разведчик — это не тяжелый танк. В некоторых ситуациях функции бронежилета выполняли те же «нагруд-

ники». Так заместителя командира роты старшего лейтенанта Галаганюка от очереди в грудь спас трофейный «лифчик» со снаряженными магазинами. Таких случаев было несколько. Не носили спецназовцы на боевых и стальные шлемы. Может быть, кто-то увидит в этом какое-то ухарство, но на первом месте у спецназа ценилась быстрота и натиск. А груженый разведчик становится неповоротливым.

В этот же период в батальон прибыли из Московского кинологического питомника первые шесть собак с вожатыми: две минно-розыскные и четыре сторожевые. Их помощь оценили очень быстро. Они здорово помогали. Разведчики из штаба армии подарили нам японский пикап «Датсун», оказавшийся очень надежной и выносливой машиной. Мы пригласили афганского художника и тот разукрасили его под афганскую «барбухайку» (сленговое название расписанных и разукрашенных афганских автомобилей — *прим. ред.*). В кузове пикапа установили пулемет ДШК и накрыли его брезентом, а борта обшили броней. В этом японском «Москвиче» помещалось восемь разведчиков с полной выкладкой, и машина все это исправно тянула. Несколько раз разведчики успешно использовали ее при выходах на засады.

В середине декабря батальону был дан «интересный» приказ — прочистить Баграмский госпиталь и реабилитационный центр на предмет наличия там посторонних лиц. Проще говоря — провести «зачистку», отловить дезертиров. Эдакая полицейская функция.

Баграмский госпиталь, пожалуй, был самым крупным в Афганистане после Кабульского. Если быть верным исторической правде, то следует прямо сказать, что после лечения некоторые солдаты старались всеми правдами и неправдами остаться там и не возвращаться в свои части. Проявляя чудеса находчивости они устраивались кочегарами, подсобными рабочими в столовых, прятались под кроватями в общежитиях медперсонала и просто в различных укромных уголках. Спецназовцы добросовестно выполнили поставленную задачу и выловили около сорока человек, которых сдали военной комендатуре.

Ветераны отряда рассказывали:

— Надо было видеть глаза этих бойцов, которых после вылеченного ранения отправляли опять под пули куда-нибудь в ад Панджшерского ущелья или на сторожевой пост в горы под Саланг. Но Присяга есть Присяга и Приказ есть Приказ.

Второй погибший военнослужащий отряда служил в 3 роте. Согласно отчету командира РГ СпН № 431 пулеметчик рядовой Тулдимов Абдурасул Хожиматович входил с состав группы в количестве 12 разведчиков и двух радистов, которая 17.12.1984 года была выведена на броне на участок автодороги Чарикар-Кабул между 10-й и 11-й сторожевыми заставами, с задачей уничтожить банду, направлявшуюся из базового лагеря в кишлачную зону.

Разведпункт дал командованию отряда спецназ информацию, что по тропе между 10-й и 11-й заставами в ночное время постоянно осуществляется перемещение «духов» с гор в кишлаки и обратно. Вскоре агент Юнус сообщил, что ночью с гор пойдет банда около 15-20 человек. Реши-

ли разместить в засаде на тропе разведгруппу старшего лейтенанта Иванова. С началом темноты броня вывезла их в район выполнения боевой задачи, и командир группы организовал засаду. Духов ждали со стороны гор, поэтому основную огневую мощь направили в том направлении. Сзади проходила дорога, трубопровод, дальше в 300 метрах начиналась кишлачная зона. Со стороны «зеленки» группу прикрывали пулеметчик Тулдимов и агент Юнус с автоматом. Около 23.00 разведчики заметили в горах сигналы фонарями. Вот-вот должны были появиться бандиты. К встрече группа была готова — об этом командир доложил по радиостанции на КП батальона. И вдруг все пошло по совершенно другому сценарию. Как рассказал позднее Юнус, духи совершенно неожиданно возникли перед ним в 3 — 5 метрах. Банда в количестве примерно 10 человек шла со стороны кишлака. Юнус сразу открыл огонь, срезал двух человек, его тут же поддержал пулеметчик. Духи моментально ответили автоматными очередями. Завязался бой на очень короткой дистанции. Юнус и пулеметчик Тулдимов перепрыгнули через небольшой бугор к основной группе, в этот момент пуля попала солдату в ягодицу. Море огня. Вспыхнула солярка из пробитого трубопровода. Бой был яростный, но короткий. От расположения батальона все это происходило километрах, примерно, в двух. Когда подошла броня, все уже было закончено. На месте боя лежали четыре убитых духа, остальные отошли в сторону кишлаков. Судя по следам крови, тащили с собой раненых.

Пулеметчику Тулдимову становилось все хуже: стонал и шептал, что ему очень больно. Быстро погрузили его на БТР и отправили в госпиталь, до которого было около 5 километров. Однако на подъезде и госпиталю солдат умер: оказалось, когда он бежал, пригнувшись, пуля попала ему в ягодицу и прошла все тело почти до плеча. Ранение было несовместимым с жизнью.

Постепенно мы начали «осваивать» северную сторону баграмской «зеленки». По данным разведгруппы в северные кишлаки примерно раз в неделю приходило пополнение и доставлялось оружие из Панджшерского ущелья. Поддержка разведгруппы в том районе осложнялась расстоянием (около 20 км) и трудностью подхода брони: дороги были сплошь заминированы и в основном проходили через кишлаки или рядом с ними. Точной информации о наличии банд в этих кишлаках не было, так как активно они против «шурави» не действовали. Поддержку разведгруппы организовали вертолетами (батальону придали звено Ми-24) и дальнобойной артиллерией (152-мм самоходные пушки 2С5 «Гиацинт»). Соответственно со всеми офицерами провели занятия по наведению авиации и корректированию огня артиллерии. Некоторое время в составе разведгрупп ходил авианаводчик от вертолетчиков, пока не убедились, что наши командиры групп могут сами наводить авиацию. Координаты для «Гиацинтов» давали командиры групп. Две пушки били точно по указанным целям, а у третьей, наверное, был изношен ствол, и она так и норовила ударить по группе. Как в песне: «...По своим артиллерия лупит».

Туда, куда можно пройти, на помощь группе выходила броня. Одна рота постоянно находилась в полной боевой готовности и через три мину-

ты после получения команды выдвигалась к месту боя. Механики-водители освоили технику очень быстро. БТР и БМП «летали» на предельной скорости. Обслуживание и ремонт техники, благодаря заместителю командира отряда по технической части капитану Кутыреву и замполтехам рот, было организовано на высоком уровне. Водители все свободное время копались в машинах – знали, что иначе поддерживать технику в высокой боевой готовности нельзя.

Пошли подрывы. Мин и на дорогах и по степи было натыкано очень много и не всегда их можно было обойти. Каких только не было: итальянские TS-2,5 и TS-6, английские Mk-7, отечественные противотанковые и самодельные фугасы. Самыми коварными минами были итальянские TS. Пластмассовый корпус и малое количество металла не позволяло найти их миноискателем, а пневматический взрыватель срабатывал после соответствующей накачки. Можно было по одному месту проехать 3 – 4 раза, а на пятом подорваться.

БТР подрывы выдерживали – в большинстве случаев при отрыве колеса могли двигаться самостоятельно, даже на одном двигателе. С БМП было хуже, – их приходилось эвакуировивать тягачом БТС-4. Раненых при подрывах было мало. Бойцы размещались десантом сверху на броне и при взрыве их просто скидывало... Конечно, были контузии, переломы, ушибы – взрыв есть взрыв. Фатально не везло старшему лейтенанту Александру Качанову, как ни пойдет на броне – так подрывается. За весь Афган он получил пять сильных контузий.

Кроме организации засад, мы проводили и другие мероприятия: вели патрулирование местности на вертолетах и на броне, досматривались караваны, везущие товар на Баграмские рынки. Задержанных после предварительного допроса передавали в ХАД или отпускали.

Штаб батальона накапливал и систематизировал информацию, анализировал обстановку в зоне. Еще раз повторюсь – формирования вооруженной оппозиции активных действий против советских войск в Баграмской зеленке в тот период не вели. К нам относились лояльно или, возможно, просто боялись. В основном бандформирования, принадлежащие к различным политическим партиям, вели боевые действия между собой, иногда очень интенсивные. Отношения между бандами были настолько сложными, что разобраться в них было невозможно. Нам хорошо помогал местный афганец Юнус. После нескольких проверок на боевых задачах мы доверяли ему безоговорочно. Он постоянно ходил с нашими группами на реализацию, приносил ценную информацию. Отец его был крупным партийным работником в Чарикаре, а сам он был лидером местной молодежной организации, хорошо знал русский язык. Однажды Юнус притащил ящик с выстрелами к противотанковому гранатомету (в нем около 30 килограммов, как он его дотащил?) и английский «Бур» (7,71-мм винтовка «Ли-Энфильд»). На вопрос: где взял? – ответил, что выкрал в банде и дал по ней хорошую информацию. К сожалению, реализация была невозможна – слишком глубоко в «зеленке». Конечно, как бы он не конспироировался, его сотрудничество с советскими войсками не могло остаться незамеченным. Рано или поздно это должно было кончиться плохо – дру-

гого выхода просто не могло быть. Так оно и случилось. Через несколько лет, проходя службу в Германии в Западной группе войск, я встретил бывших офицеров Баграмского разведпункта и они мне рассказали, что Юнуса и всю его семью духи уничтожили.

Привлекали батальон для выполнения различных задач. Перед новогодними праздниками две роты были откомандированы на усиление охраны Кабула. Четыре дня разведчики вели наблюдение в горах вокруг афганской столицы, не допуская обстрела города из минометов и реактивных снарядов.

В середине января 1985 года соседняя 108 мсд проводила операцию по «чистке зеленки» от духов. Вечером прибежал посыльный и сообщил, что командира батальона вызывает заместитель командующего армией генерал-майор Дубынин. Комбат был в отпуске, исполняющий его обязанности замкомбата капитан Микушин куда-то вышел, пришлось идти мне.

— Товарищ генерал-майор, капитан Петров по вашему приказанию прибыл!

— Что у вас из людей и техники готово к немедленному выходу?

— В трехминутной готовности находится 1-я рота в составе 80-ти человек, 10-ти БМП-2 и двух ЗСУ «Шилка».

— Хорошо, смотри сюда, — я подошел к карте, — Дивизия выдавливает банды вот из этого района, надо перекрыть им пути отхода. Детали согласуй в оперативном отделе, бери свою броню и — вперед. На все про все — 15 минут.

Мне ничего не оставалось, как сказать «Есть!».

Прибежал в батальон, доложил Микушину. Минут через пять броня выстроилась в колонну. Машины были загружены, люди готовы, связь организована, задача поставлена. С КП батальона действиями руководил капитан Микушин.

108-я мотострелковая дивизия проводила операцию на севере Чарикарской «зеленки», выдавливая духов от Данджширского ущелья в восточном направлении.

В этом районе речка, выходит из ущелья, разливается на множество рукавов, образуя пойму километра в полтора шириной. Севернее поймы и выше метров на 30 идет плато, а дальше — горы. Ширина плато около 300 метров. Между поймой реки и плато проходит дорога. Наша задача состояла в том, чтобы выйти в предгорье, перекрыть дорогу и не допустить отхода духов.

От расположения отряда это 10-12 километров. Было уже довольно прохладно. Первой, как обычно, шла машина с группой разминирования, потом БТР охранения, машина командира роты капитана Поповича. Я, как обычно, был на четвертой БМП. До реки осталось пройти не более 100 метров. Дорога сузилась — слева дувал, справа небольшая, но крутая горка. На марше каким-то образом построение машин изменилось и первой оказалась БМП старшего лейтенанта Муковоза, моя — второй. Вдруг вижу, как в кино, мощнейший взрыв под БМП Муковоза, бойцы, как игрушечные, летят в разные стороны. Колонна сразу встала, по отработанной схеме охрана заняла оборону справа и слева вдоль до-

роги. Я подбежал к подорванной машине. Под БМП была большая яма, в которую уже набиралась вода. В яме валялись куски от двигателя. Егор Муковоз ходил в шоке вокруг машины, что-то высматривая на земле.

— Егор, ты как?

— Шапку потерял, шапку потерял, надо найти, где-то она здесь. Ясно было, что у него сильная контузия, но главное, что остался живой. Разведчики и механик-водитель тоже, на удивление, были все живые.

БМП была разбита вдребезги: гусеницы слетели, вместо двигателя была большая дыра. Фугас был мощный, но, по всей видимости, направленного взрыва (вверх), иначе бы жертв не миновать. Я доложил на КП батальона о подрыве и вызвал БТС для эвакуации подорванной БМП.

Надо было идти дальше, выполнять задачу. Дорога была блокирована разбитой машиной. Послал прапорщика Бунеску найти обходной путь, но он вернулся ни с чем. Надо было что-то придумать. Подошел капитан Пономарев:

— Геннадиевич, давайте я «Шилкой» разобью дувалы и пройдем попрямей.

До реки было 100 метров и четыре глинобитные дувала, огораживающие поля.

— Давай, Григорий, круши, пройти надо кровь из носу.

Пономарев стал бить очередями из четырех стволов, и через несколько минут с дувалами было покончено. На месте подрыва оставили взвод Муковоза ждать БТС и организовать перекрытие поймы. Колонна пошла на плато. Дорога через пойму была, но когда первая машина перешла рукав реки, поднятой прибойной волной на берегу вымыло две «итальянки». Пришлось пробивать другую дорогу, чтобы не тратить время на разминирование.

Только вышли на плато и начали расставлять машины на боевые позиции, начался обстрел с вершины горы, сначала из пулемета, потом из гранатометов. До вершины было около 400 метров. Огнем БМП накрыли огневые точки и наши разведчики оседлали вершину. Под утро духи, теснимые 108 мсд, попытались сунуться к нам, но после нескольких очередей из БМП отошли.

БТС пришел, но на самом подходе к позиции Муковоза его обстреляли из пулемета. Механик-водитель засек огневую точку в дувале и Пономарев разнес его «Шилкой». В 10 часов утра на позицию к Муковозу пришли шесть стариков с красным флагом. На улице 10 градусов и ветер, а они в калошах на босу ногу. Приняли их, как положено, напоили чаем, накормили. Они просили нас больше не стрелять по кишлаку и по дувалам.

Задача была выполнена, можно было уходить, но мы решили задержаться на пару дней и изучить этот район, оставили там для этой цели две разведгруппы. Позже, несколько раз организовывали там засады, но безрезультатно. В этом же районе потеряли сой первый БТС. После дождя он сошел юзом с дороги по крутому склону. Вытянуть его не было никакой возможности — техника тяжелая (на базе танка Т-55). Командир принял решение уничтожить его подрывом. Но этим дело не кончилось. В бронетанковой службе округа нашим бумагам на списание не поверили (мы до-

ложили, что он подорвался на мине) и потребовали подтвердить факт подрыва фотографиями. Направили к месту подрыва разведгруппу на двух БМП. Не дойдя до места с полкилометра, группа была обстреляна с расположенных неподалеку строений. Завязался бой. БМП своими пушками развалили дувал, наш один разведчик был ранен в ногу, пришлось возвращаться.

БТС все равно списали после того, как комбат позвонил в округ и сказал, что если нам не верят, пусть чиновники сами приезжают и фотографируют. Кстати, разных комиссий в батальон приезжало очень много: из Москвы, из Ташкента, из штаба 40-й армии. Двух дней не проходило, чтобы не было какой-то комиссии. Никакой практической помощи они не оказывали, только мешали работать, что-то исследуя и давая противоречивые указания. Но командировочные, как мы потом узнали, получали хорошие. «Москвичи» и «ташкентцы» получали 54 чека в сутки, а командир воюющего батальона — 310 в месяц. Но это так, к слову.

Еще одну операцию довольно большими силами провели в районе 7-ой сторожевой заставы (Кабульская дорога). По полученной информации в 600 метрах от СЗ №7 в разрушенной кишлачной зоне находился склад с оружием и боеприпасами моджахедов. Пару дней мы с начальником разведки Докучаевым потратили на доразведку. Понаблюдали с поста охраны за местностью, подходами к дувалу, в котором располагался склад и за передвижением местного населения, старались выявить огневые точки, прикрывающие склад, но тщетно — их просто не было. На следующий день съездили в местный отряд самообороны, поговорили с его командиром Баширом. Разговор, благодаря переводчику Хакиму, который знал афганские обычаи, удался. Башир полностью охарактеризовал обстановку в районе, даже предложил сходить к духам и познакомиться с их командиром. Мы вежливо отказались.

Операцию провели в конце февраля. Рано утром броня подошла к седьмому посту. Первая рота, быстро спешившись, пошла к складу, в ключевых точках оставляя по пути пулеметчиков для обеспечения отхода. Охрана все-таки была, но нашего нападения никто не ждал. Склад взяли сходу, без потерь с нашей стороны. Но результат был мизерным: несколько мин и стволов, небольшое количество боеприпасов. Духи толком и опомниться не сумели, когда рота уже вышла назад к броне.

Все это время Никита Громов активно списывал имущество, похищенное при разгрузке в Баграме. Оптимальными вариантами были подорванные и сгоревшие машины. В них по документам оказывалось все что угодно, вернее, то, что нам надо было списать. Так, в сгоревшем БТС оказались 15 караульных тулупов. В одной из БМП сгорели 20 комплектов обмундирования, в другой — 40 литров спирта и так далее. В общем к середине февраля дебет с кредитом у нас сходился полностью. Никита даже хотел списать на подрыв пианино — слишком тяжелое. Не списали, потому что ни в БТР ни в БМП оно по габаритам не входило, да и Микушин воспротивился, зам комбата все же иногда на нем играл.

В Баграме очень большой опыт получили наши врачи — хирург старший лейтенант Куренков и анестезиолог капитан Нахалов. В батальоне серьезной работы не было, и они проводили все время на практике в госпи-

тале, принимая участие в операциях. Когда батальон перевели в Бараки, они уже могли самостоятельно проводить довольно сложные операции даже в батальонном медпункте. Работали ребята профессионально и самоотверженно. Очень многие разведчики обязаны им жизнью и здоровьем.

За четыре месяца в Баграме батальон был сколочен во всех отношениях. Почти все бойцы были обстреляны, не терялись в сложных ситуациях, знали свое место в бою. Командиры подразделений научились руководить боем, контролировать сложившуюся обстановку. Связисты, руководимые капитаном Поздняковым и старшим лейтенантом Чаусовым, давали бесперебойную связь в самых сложных условиях.

О связистах надо сказать особо. С каждой разведгруппой их шло по два человека. Для связи с батальоном использовалась коротковолновая радиостанция «Ангара», для связи с авиацией – УКВ станция «Ромашка». У радистов в группе было две основные задачи: первая – как зеницу ока беречь станцию и орбеспечивать связь в любых условиях, вторая – во время боя освещать местность ракетами. На моей памяти не было случая, чтобы связисты подвели.

Минеры старшего лейтенанта Рудака полностью освоили минно-взрывные средства и другое вооружение и технику (разведывательно-сигнализационную аппаратуру РСА-1 «Реалия» и неконтакное взрывное устройство НВУ-П (противопехотное) «Охота»), могли разминировать и заминировать любую местность или объект.

В конце февраля поменялся комбат, из белорусской бригады спецназ (5 обр СпН, п. Марьина Горка) пришел подполковник Рыжик Модест Иванович. Я его знал, когда еще был курсантом Рязанского училища и в Белоруссии проходил стажировку. Огромного роста, могучего телосложения, одним своим видом внушавший спокойствие и уверенность. В спецназе его знали и уважали, мы были довольны, что комбатом назначили именно его.

28 февраля, совершенно для нас неожиданно пришел приказ о перемещении батальона в провинцию Логар окрестности Бараки-Барак. Кишлак Бараки-Барак располагался в 36-и километрах юго-восточнее Кабула на Гардезской дороге в тридцати пяти километрах от Пакистанской границы. В зону ответственности отряда входило несколько караванных маршрутов вооруженной оппозиции из базовых лагерей подготовки и снабжения бандформирований Тери-Мангал, Ланди-Котал и Пешавар вглубь афганской территории. Наших войск в этом районе было мало, боевые действия велись периодически и караванами почти никто не занимался. В самих Бараках размещалась группировка духов до 6000 человек. Несколько раз наши войска пытались чистить эту зону, но ни одна операция удачно не завершилась.

Незадолго до этого мы узнали, что все восемь батальонов спецназ сводятся в две бригады и создается так называемая система «Завеса» для прикрытия Пакистанской и Иранской границы. Четыре батальона: 1-й (154 оо СпН) – в Джелалабаде, 2-й (177 оо СпН) – в Газни, 4-й (наш 688 оо СпН) – в Бараках и 5-й (334 оо СпН) – в Асадабаде вошли в состав 1-й бригады (15 обр СпН) со штабом в Джелалабаде. Командиром бригады

был назначен подполковник Бабушкин. В феврале 1985 года он с ознакомительной поездкой был в нашем батальоне.

2-я бригада (22 обр СпН) прикрывала южную и юго-западную границы Афганистана, штаб ее располагался в провинции Гильменд в Лашкаргахе (западнее Кандагара).

Утром 1 марта в отряд прибыли 120 КамАЗов. За два дня батальон полностью загрузился. Колонна получилась большая – около 300 машин, но опыт совершения такого марша у нас уже был. Построили колонну по спирали на плацу, определили задачу каждому подразделению, проверили связь. К вечеру 2 марта все мероприятия были завершены, и рано утром 3 марта батальон начал марш на Бараки. Наиболее опасным был участок Кабул-Бараки, особенно в районе Алихейля. «Духи» часто нападали на наши колонны постоянно минировали дорогу на этом участке.

Наш марш прошел без происшествий, не было ни подрывов, ни раненых, ни отставшей техники. Колонну сопровождало звено боевых вертолетов Ми-24.На участке до Кабула я, от нечего делать, считал разбитую технику с правой стороны дороги. В общей сложности получилось 138 единиц, технику что лежала дальше 20 метров от дороги я не считал... Это на участке в 30 с небольшим километров!

Местом обустройства отряда был выбран участок степи размером примерно 100 на 300 метров, рядом с Гардезской дорогой и расположением 3-го десантно-штурмового батальона 56 дшбр. С одной стороны нашего будущего городка проходила автодорога, а за ней афганские кишлаки. Между дорогой и кишлаками текла небольшая речушка Логар. С двух других сторон лагерь окружала подковой трехглавая гора Мир-Абдаль-Сахиб, на которой располагалась позиция артиллерии дшб. За горой лежала Баракинская «зеленка». С четвертой стороны стояла разрушенная мечеть, в километре дальше кишлак Суфла. В Суфле находился разведпункт и дислоцировался батальон афганской армии. С командиром афганского батальона Юсуфом мы, позже, очень быстро нашли общий язык. Он учился в Союзе, прекрасно знал русский язык.

Первую ночь на новом месте переспали в машинах, а с утра начали планировать и оборудовать лагерь. Где-то к обеду опять, как в Баграме, прилетел на вертушке начальник штаба округа. Походил, посмотрел, согласился с нашей планировкой и приказал все палатки закопать в землю. «Бить караваны», по его распоряжению, мы должны были начать «через неделю». Закопать палатки решение правильное на случай минометного обстрела. Но, как и чем это делать? Земля, как бетон – глина и камни, даже кирка отскакивает со звоном. Палатки большие – УСБ (универсальный санитарный барак). 39 штук! Посовещались с командирами, и комбат принял решение – землю взрывать. Делается шурф сантиметров 50 глубиной, закладывается 200-граммовая тротиловая шашка, взрыв размягчает почву, дальше идут в ход лопаты. В общем, израсходовали мы на это дело больше полутонны взрывчатки, но дня через три все палатки были закопаны. Основная и самая тяжелая работа была сделана. Все остальное – склады, бани, пекарня, столовая, позиции для боевого дежурства, минирование кое-каких участков – уже было проще. Не хватало стройматери-

алов, стали пилить редкие в округе тополя. Что можно, брали в заброшенных кишлаках. При очередной поездке за древесиной, в 200-х метрах от расположения, налетел на мину грузовик «Урал». Пострадал замполит автороты лейтенант Токарев. Он серьезно повредил правую руку. Машина восстановлению не подлежала.

Как бы там ни было, но через неделю основные работы по обустройству были выполнены. Мы с Докучаевым за это время успели ознакомиться с обстановкой, наметить основные места засад. Командира 3-го десантно-штурмового батальона капитана Владимира Воробьева я знал по Рязани – тренировались в одной спортивной команде, поэтому десантники помогали нам, чем могли. В частности, выделили одно капитальное кирпичное здание, в котором мы разместили штаб, «секретку», медпункт. Нам с Микушиным десантники дали комнату в капитальном здании в одной из своих казарм. Как-то мы с Воробьевым поднялись на Мир-Абраль на позицию артиллерийской батареи, чтобы сверху осмотреть местность. Обзор сверху был великолепный. – километров на 30. До самых гор простиралась слегка всхолмленная степь с несколькими небольших кишлаками. Воробьев пояснил, что они разрушены. За степью темной стеной поднимались горы со снежными вершинами. За горами уже был Пакистан.

Далеко-далеко, у самых гор, была видна полоска пыли.

– Караван ползет, – сказал Воробьев.

– Днем идет, наверное, мирный.

– Мирные тут не ходят. Они идут севернее на Джелалабад и Кабул, и южнее – на Гардез и Газни. Этот наверняка битком набит оружием.

Воробьев помолчал, потом говорит:

– Плохо, что вас сюда поставили. Жили мы тут спокойно, теперь покой кончится.

– Почему ты так думаешь?

– Вы же караваны будете бить, а духи в долгу не останутся, начнут по расположению лупить из минометов и дорогу еще больше минировать.

– Артиллерия есть, будешь давить минометы.

– Туговато. Они, сволочи, бьют с машин. Подъехали, пяток мин кинули и уехали.

– Ничего, нас теперь много, как-нибудь справимся.

Основной задачей десантников было обеспечение проводки наших колонн на Гардез. Перед проходом колонны они очищали дорогу от мин, выставляли посты охраны, при необходимости наносили удары по бандам. Самостоятельно против бандформирований и караванов работали редко, только в случае крайней необходимости. На серьезные мероприятия батальон ходил в составе бригады или общевойсковой группировки. Но это были десантники, и если они ввязывались в бой, то дрались как черти. За неделю до нашего прихода разведрота десантников ввязалась в бой в «зеленке», который шел около суток. Десантники потеряли больше 10 человек убитыми, но задачу выполнили, уничтожив крупную банду вместе с иностранными инструкторами.

Батальон был усилен батареей 122-мм гаубиц Д-30. Договорились с ребятами, что если нам потребуется, они по первому требованию нанесут удар туда, куда мы попросим.

Разведчики с РП подтвердили, что караваны здесь передвигаются с частотой 3 каравана за двое суток и, практически, безнаказанно. Основная тропа проходила из Теримангала по ущелью Дубанди. За пару километров до выхода на равнину в ущелье располагался одноименный кишлак. В нем была перевалочная база, где караваны отдыхали после перехода по горам, и выходили на равнину.

Что из себя представляет караван? Сначала идет охрана, от пяти человек и больше пешком, на мотоциклах или на лошадях. Как правило – это молодежь, очень часто обкуренная гашишем. Дальше – основные силы: охрана каравана и лошади с грузом 120-160 килограмм. Количество лошадей может быть самое различное. Замыкает колонну опять охрана. В боевых караванах встречаются и коммерческие товары, но редко. Движется караван почти бегом.

Из отчета командира РГ СпН № 431 старшего лейтенанта Александра Иванова: «...марта 1985 года РГСН в составе 22 человек была выведена в район ущелья Дубанди с задачей организовать засаду на караван с оружием и боеприпасами, следующий по маршруту: Теримангал – Дубанди – Бараки-Барак. Группа была усилена расчетом АГС-17 и двумя пулеметами. В течение ночи организовал засаду на выходе из ущелья в 150 метрах выше тропы...».

Какой по численности пойдет караван разведчики не знали. Предполагали, что будет 30-40 лошадей. Разведчики до предела загрузились боеприпасами, на усиление дали два пулемета ПК, расчет гранатомета АГС-17, минеров. Поддержку в случае необходимости обеспечивала бронегруппа 1-й роты (БМП-2). Артиллерия помочь не могла, так как расстояние было больше 30 км. Сеансы радиосвязи с группой ограничили до минимума (о готовности засады, начале боя и экстренных случаях). Объяснялось это тем, что духи прослушивали наш радиоэфир, аппаратура для этого у них была, да и мы не раз слышали их переговоры на наших частотах.

Минеров группе придали для того, чтобы прикрыть минами подходы к засаде, если духи пойдут в атаку. Тропу решили не минировать, т.к. перед караваном духи почти всегда пропускали по маршруту отару овец – проверяли на мины или разведдозор (иногда местных жителей без оружия) .

Вывели группу в район разведки броней. Машины поколесили по степи, сделав несколько коротких остановок. На одной из остановок, в 5-6 километрах от ущелья, разведчики незаметно выскользнули из машин и укрылись в овраге, а к месту проведения засады вышли с наступлением темноты. Место для засады Александр выбрал удачно. Посадил группу на гвершине в 150 метрах выше тропы, оборудовал СПС, на флангах и в центре поставил пулеметы, установил мины. Сутки группа сидела тихо, ничем себя не выдавая. Мы в штабе были, как на иголках: не засветились ли разведчики, все ли было предусмотрено, успеем ли помочь в случае чего.

Около 18 часов голос в эфире: «400-й, я 431-й, вышло 90 человек, это охрана, пропускаю». Минут через 10-15 пошел второй доклад: «Пошли лошади, около шестидесяти... Еще выходят...»

— Саша! Сколько?— Радиостанции работали в открытом режиме, переговоры велись в нарушение всех правил связи.

— Насчитал больше сотни, но идут еще.

— Саша, затаись! Высылаю поддержку, будем брать броней.

— Высылай, 400-й, а я их бить начну.

В наушниках стал слышен треск пулеметов и автоматов, команды. Было видно, как в небо одна за одной стали подниматься осветительные ракеты.

Леша Попович, который был здесь же, в штабе, ни в каких указаниях не нуждался, побежал к броне. Через минуту десять БМП на предельной скорости рванули на помощь группе.

Когда 1-я рота через 40 минут подошла к месту засады, уже все было кончено. Броня оцепила район, осветила местность прожекторами. Кругом валялись трупы и лошади. Лошади, которые уцелели, стояли в стороне, опустив головы. Глина раскисла от крови так, что вязли ноги. Разведчики прибывшие с Бронегруппой осматривали место боя. Пленных не брали. Некоторые «духи» были так шокированы происшедшим, что лежали скрюченные не в состоянии пошевелиться, хотя не были даже ранены. По самым приблизительным подсчетам на месте боя осталось больше двухсот трупов. Только после того, как стало ясно, что уже нет никакой опасности, группе Иванова дали команду спуститься вниз. Это правило соблюдалось постоянно: броня досматривала место боя, а группа выполняла задачу охранения. Ни один разведчик из группы Иванова даже царапины не получил. Огонь разведчиков был настолько мощным и точным, что духи не смогли оказать сопротивления.

Общими усилиями загрузили в машины вьюки, которые были на лошадях, собрали у документы и оружие. Местность заминировали. Захвачено было столько, что с трудом уместилось на 10 БМП. Все было закончено, надо было быстро уходить. Возвращались другим маршрутом. Прежним нельзя — не исключена возможность засады, а колеи от машин наверняка заминированы. Где-то через час броня благополучно вернулась в батальон.

Картина взятых трофеев была впечатляющей. На плацу сложены горы мин различного назначения, миномет, несколько пулеметов, большое количество стрелкового оружия, выстрелов к РПГ-7 и других боеприпасов. Весь батальон торжествовал. Вот тогда-то и произошел какой-то внутренний щелчок у командиров и бойцов, которые поверили окончательнов то, что мы из себя представляем силу, которая на многое способна и с которой духи должны считаться.

Когда комбат доложил в штаб армии о результате, ему не поверили. Еще бы, такие результаты давала крупная войсковая операция с задействованными сотнями боевых машин и привлечением нескольких тысяч людей... В конце концов Рыжик зло буркнул: «Приезжайте сами и посчитайте!» и бросил трубку, чуть телефон не расколол.

Я подготовил наградные листы, Иванов был представлен к «Красному Знамени», Докучаев и многие разведчики к «Красной Звезде». Наградным ход не дали, положили «под сукно» – отлежаться. Но отлеживались наградные недолго. Через пару дней почти на том же месте группа забила чуть меньший караван и опять без потерь. Мы оформили Иванову второе представление на «Красное Знамя». Наградным дали ход – не поверить результатам было нельзя. Ребята были награждены, но командиру группы пришел только один орден.

1983–1986-й годы для ОКСВ характеризовались самыми интенсивными боями и, соответственно, высокими потерями. Мотострелки, десантники постоянно проводили крупные операции в кишлачных зонах долин (*зеленке*), несколько крупных операций проведено в Панджшерском ущелье, авиация и артиллерия работали круглосуточно. Из Пакистана караваны с оружием двигались потоком. Тогда еще не было строгих ограничений и делений на «мирные» и «немирные» кишлаки. Главное – результат. Награды давали по результатам, а они должны были быть подтверждены трофеями, фотоснимками, информацией агентурной разведки, ХАД, Царандоя. Наверное, этим и объяснялась задержка награждения РГ СпН № 431.

Батальон начал бить караваны один за другим. Результат пошел за результатом. В караванах, кроме оружия, везли все, что угодно: обмундирование, снаряжение, деньги, наркотики, радиоаппаратуру, часы – всего не перечислишь. Перед руководством батальона встала задача оградить разведчиков от соблазна что-нибудь сунуть в карман – это грозило плохими последствиями. Выход нашли простой: метрах в двухстах от лагеря подобрали площадку и, по приходу брони, останавливали ее там, выгружали все захваченное в бою, «разгружали» бойцов и только после этого отправляли личный состав в лагерь. Захваченное оружие, боеприпасы, коммерческие товары передавали в ХАД, часть отправляли на армейские склады, конечно, кое-что оставляли себе. Кое-что – это спальные мешки, ткань для обивки палаток, фонари, керосиновые лампы и тому подобное. Минно-взрывные средства нам разрешили использовать по своему усмотрению. В продолжение этой темы ветераны отряда рассказывали такой случай. Однажды в Суфле чуть ли не в пять раз подорожала водка (в Афгане почему-то продавали водку только Донецкого розлива). Тряхнули духанщика-индуса, он говорит: «Это ваши солдаты цену подняли». Дня за два перед этим 1-я рота «забила» большой караван. Комбат вызвал Поповича. Объяснил ситуацию, что в роте плавают большие деньги. Особист к этому времени по своим каналам выяснил, что сумма составляет около 2-х миллионов афгани. Леша Попович начал трясти роту. Через сутки вся сумма была в штабе, деньги еле уместились на двух составленных столах. Мы с начальником разведки до полночи их считали, потом составили акт и передали в ХАД.

В марте-апреле 1985 года были дни, когда батальон уничтожал в течение суток по два каравана. Не всегда операции проходили гладко. Надо учесть то, что афганцы имели громадный боевой опыт, воевали на своей территории за свои идеалы, какие бы они ни были, знали местность до последней кочки, могли укрыться и получить помощь в любом кишлаке.

«Духи» осознали нависшую над их транспортной артерией угрозу и все чаще и чаще охрана караванов оказывала сопротивление. Надо отметить, что дрались они отчаянно, невзирая на потери. Иногда разведгруппам приходилось очень туго, «духи» отступали только тогда, когда в бой вмешивалась броня или авиация. Боялись и уважали они «Шилку», называя ее «Шайтан-арба». Это и понятно: четыре 23-мм ствола со скорострельностью 1200 выстрелов в минуту на каждый ствол. Как-то я наблюдал, как командир зенитно-артиллерийской группы (ЗАГ) Пономарев тренировал своих зенитчиков, стреляя по корпусу разбитого БТР. После очереди он летал как картонная коробка.

Разведгруппы начали нести потери убитыми и ранеными. Участились подрывы техники. Броня натыкалась на мины в самых разных местах, иногда просто в голой степи. В очередной раз подорвался БТР Сани Качанова, он получил сильнейшую контузию, были погибшие. Подорвался БТР командира 3-й роты капитана Смирнова. Он пролетел по воздуху около 35 метров, очень сильно ударился. Подорвался Леша Турков. Подрывов было много.

Если проанализировать ситуацию в целом, духи активизировали боевые действия весной, когда открывались перевалы, и до начала весенних полевых работ. Затем бои шли до глубокой осени, затихая в период сбора урожая. В это время по всему Афгану можно было ездить на УАЗе (утрирую), имея только сигнальные ракеты. В случае обстрела ракета летит в поле и урожай злаковых горит. Наверное, с точки зрения моджахедов-дехкан, игра свеч не стоила. Зимой, когда в горах лютый холод и перевалы закрыты, боевые действия велись вяло.

Начались и, как предрекал Воробьев, периодические обстрелы лагеря. Два-три раза в неделю, с наступлением сумерек, духи вели обстрел территории из минометов. Но мины падали неточно, видно с подготовкой корректировщиков и расчетов у «духов» было не ахти. Да и наши артиллеристы моментально засекали точки и вели ответный огонь. Все же однажды, 82-мм мина попала в палатку группы минирования, разнесла и покорежила все, что там было. Спасибо случаю, что группа в это время была в наряде и погиб всего один человек.

Для того, чтобы предотвратить потери от обстрелов, по всему лагерю накопали щелей-укрытий, в которых укрывался личный состав.

Один раз мы сымитировали обстрел в своих целях (что было, то было...). Всевозможные комиссии донимали нас и в Бараках. Как-то очередные умники прилетели учить нас, доставая своими придирками и указаниями. Как говорится — достали. Подумали-подумали мы с комбатом и придумали. Получив «добро» действовать, я вызвал капитана Пономарева и дал ему команду взорвать в районе дежурной позиции «Шилок» пару килограммовых зарядов. Григорий понял ситуацию с полуслова. Когда бухнули взрывы, «Шилки», в соответствии с задачами боевого дежурства, ударили по вершинам Мир-Абдаль-Сахиба. Тут же подключилась артиллерия. Проверяющие опешили. Не знаю, что они пережили и передумали, но утром вертушка их унесла в Кабул.

Как-то в середине апреля по батальону было выпущено несколько очередей из кишлаков, которые были за дорогой напротив расположения. Сделано это было напрасно. Рыжик приказал выгнать к дороге всю боевую технику и выпустить по кишлакам по боекомплекту. На следующий день над всеми дувалами развевались красные флаги. С этого момента между нами восстановился мир. Кое в чем мы и помогали соседям афганцам: помогли расчистить арык, который проходил по расположению батальона, минеры с помощью овчарки Пальмы разминировали поля от мин и неразорвавшихся снарядов, врачи оказывали помощь местному населению.

Кстати, о врачах. В медпункте их было двое: хирург старший лейтенант Куренков и анестезиолог капитан Нахалов, да еще прапорщик – начальник аптеки. Позже прислали операционную медсестру, а пока ребята справлялись и сами. Работы им хватало: раненые, контуженные, просто больные. Помогали и соседям – десантникам у которых на весь батальон был лишь один прапорщик фельдшер. Как-то они выехали на учебные стрельбы. Прошло минут 15 – несется назад БМД, и сразу к нашему медпункту. Оказалось, что боец случайно попал под обстрел своего АГС-17. 30-мм граната пробила ему навылет правое плечо, задев легкое, и разорвалась в нескольких метрах. Рана была очень серьезной, но наши врачи справились. Бойца успешно прооперировали, потом он долечился в Кабуле и месяца через два был в строю. Огромное спасибо врачам батальона. Многие солдаты, прапорщики, офицеры, обязаны им здоровьем, а часто жизнью. Куренков в последствии стал, кажется главным хирургом Ленинградского военного госпиталя.

И еще одно дополнение на эту тему. В караванах мы брали очень много медикаментов и медицинского оборудования. Все это сосредотачивалось в медпункте. Инструкции мы переводили легко, потому что почти все офицеры-разведчики имели диплом переводчика. Захваченные лекарства в значительной степени пополняли нашу аптеку.

«Духи» начали приспосабливаться и менять тактику проводки караванов. Если раньше они ходили в наглую, даже днем, то теперь стали значительно осторожнее. Караваны стали мельче, шли только ночью после тщательной разведки маршрута и с усиленной охраной. Часто на охрану каравана выходили духи из баракинской «зеленки». Охрана стала ходить не впереди и позади каравана, а веером, осматривая все заброшенные дувалы, овраги, горки – места, где могла быть организована засада, за расположением батальона, за каждым выходом брони велась постоянная слежка. Кроме основной дороги, через Дубанди появилось несколько дополнительных маршрутов – севернее и южнее. Большой караван доходил до Дубанди, отдыхал там после ночного перехода, потом делился на несколько частей, растекался по горам, потом выходил на равнину сразу в нескольких местах, иногда с интервалами. В качестве еще одной перевалочной базы они стали использовать кишлачок Хуши, расположенный в 10 километрах севернее Дубанди. Надо отдать должное офицерам разведпункта Логарской зоны. Благодаря им, мы всегда имели точную информацию о времени, маршруте движения каравана и его конеч-

ной точке. Часто хорошую информацию давал Юсуф. Не доверяя своим солдатам, он пробирался к нам в батальон, переодевался в нашу форму и ходил на реализацию.

Мы тоже приспосабливались к меняющимся условиям и изменяли тактику действий. Стали устанавливать на тропах противопехотные осколочные мины с электронными неконтактными взрывными устройствами НВУ-П «Охота» (противопехотное). В центре заминированной зоны стоит НВУ-П, сейсмический датчик которого дает команду на подрыв одной мины ОЗМ-72 или МОН-50. Дальше, при воздействии на датчик колебаний почвы от идущего человека, срабатывает вторая мина... третья, четвертая, пятая. Духи это дело «раскусили» — начали гонять по тропам отары овец. Тогда мы начали применять разведывательно-сигнализационную аппаратуру РСА «Реалия» в комплексе с «Охотой». «Реалия» давала возможность определить количество и направление движения объектов. Вся информация высвечивалась на пульте, который находился в батальоне, и оператор дистанционно включал «Охоту». Но результат (в плане наличия трофеев), конечно, был не тот, что при действиях разведгрупп. Духи успевали до прихода брони унести и «железо» и трупы.

Караваны и просто обученное в лагерях пополнение продолжали идти из Пакистана, а мы продолжали их бить. Несколько раз мы использовали джип «Датсун» и афганские «барбухайки» (грузовики) для вывода разведгрупп. Разведгруппы к выходу на задания стали готовить с максимальной маскировкой, чтобы наблюдатели ни о чем не догадались. Весна и лето 1985 года для батальона были очень результативными, но и очень тяжелыми. Мы как-то подсчитали: разведчики в месяц 20 дней из 30 проводили в засадах и в боях. В расположении тоже не отдохнешь: надо нести боевое дежурство и службу в наряде, выходить на броне на помощь разведгруппам, заниматься боевой подготовкой и хозяйственными работами.

Из отчета командира РГ СпН № 423:

— Через две минуты после охранения появился караван в количестве 20 лошадей и 40-50 бандитов. Когда он весь оказался в секторе огня группы, я дал команду на уничтожение. Хвост каравана попытался повернуть назад, но был накрыт огнем АГС-17. Охрана, которая пыталась оказать помощь основным силам, была уничтожена и частично рассеяна пулеметным огнем.

Засада тогда была организована в 6 км севернее расположения батальона на пересечении Гардезской дороги с одной из троп на конечном участке караванной тропы. Мы знали о прохождении каравана, но уверенности в том, что он пойдет именно здесь, — не было. На вторые сутки караван пошел именно этой тропой. Лейтенант Канавский организовал засаду очень грамотно, можно сказать, классически. Разведгруппа замаскировалась на горке в 70 — 80 метрах выше тропы, которая огибала гору полукругом. Командир группы поставил пулеметы по краям (разместил на флангах — *прим. ред.*), АГС-17 — в центре. Каждому разведчику был назначен сектор ведения огня. Караван, появившийся глубокой ночью, был вовремя обна-

ружен наблюдателями. Духи двигались бегом, наверное, уже радуясь, что проскочили опасный участок благополучно...

Разведчики били караван зло и точно. Бой закончился быстро. Броня подошла через 15-20 минут. Бронетехника осветила место уничтожения каравана прожекторами, и разведчики приступили к досмотру. В зоне поражения засады было обнаружено 40 уничтоженных «духов» и 22 вьючные лошади с грузом. Сергей Канавский, заметив что-то пропущенное досмотровой группой, решил спуститься вниз. Он уже почти достиг подножия горы, когда из придорожного кювета раздался выстрел. Раненый «дух» выстрелил из «Бура». Моджахеда тут же добили, но Канавский получил сквозное ранение в бок и пару месяцев провел в госпитале. Командир группы Сергей Канавский за уничтожение этого каравана получил орден «Красное Знамя».

В конце апреля 1985 года мы узнали трагичную новость: в Асадабадском батальоне погибла 1-я рота. Батальон пришел из Белоруссии несколько недель назад и только приступил к боевым действиям, опыта не имел никакого. Дав разведчикам войти в кишлак, «духи» устроили бойню. Почти вся рота погибла. В живых осталось несколько человек. Страшная трагедия для Спецназа.

Весной 1985 года мы стали широко использовать «противозасадных» собак. Они нас сдорово выручали — «духов» чувствовали за полтора километра и ненавидели их всей своей звериной ненавистью. Собаки эти не лаяли — так были обучены. Сторожевых собак в батальоне было четыре: три овчарки и один ризеншнауцер, все очень крупные и злые, общий язык с ними найти было нельзя, слушались только своих вожатых. У ризеншнауцера Джина вожатым был рядовой Циммерман, по весу он и кобель были одинаковыми и в батальоне смеялись, когда они выходили на прогулку — кто кого прогуливает, то ли Циммерман Джина, то ли наоборот. Но в засадах Джин слушался своего вожатого беспрекословно. Если Джин поднял голову и тихо зарычал, значит через 10-15 минут появятся «копченые». Когда начиналась стрельба, пес прижимался к земле и лежал, не двигаясь, до окончания боя.

Из отчета командира РГСН № 431:

— Когда мы открыли огонь, банда быстро рассредоточилась и потом начала атаку на группу. Позиция у нас была удобной и в течение 15 — 20 минут большую часть банды группа уничтожила. Четыре человека было взято в плен».

Командиру группы Александру Иванову везло на операциях. Почти все выходы были результативными. В этот раз засада была организована в районе перевала Альтамур. По информации по тропе должно было пройти обученное в Ланди-Котал пополнение в количестве около 60 человек. Когда начался бой, бандиты не растерялись и начали проводить контрзасадный маневр. Все было так, как написано в отчете, но в плен взяли не четыре, а двадцать два человека. Когда Саша доложил об этом, я сказал ему, что нам больше четырех не надо... В батальон было доставлено четверо.

Сначала начальник разведки ничего не мог добиться от задержанных. Они объясняли, что говорят только на пушту. Переводчики с пушту в Спецназе появились только в 1986 году, когда в Военном институте иностранных языков был осуществлен первый выпуск слушателей курса. Задержанные твердили, что они «мирные и их заставили идти с бандой» и т.д. Но когда привели Джина, и сказали, что разбираться с ними будет он, «духи» заговорили чуть ли не на русском и выдали все, что нам было надо. Реально, большинство афганцев владеет двумя государственными языками дари и пушту, а некоторые и своим родным – узбекским, туркменским и др.

Разведчики буквально валились с ног. Постоянно засады, бои. Отлежится группа в батальоне сутки-двое и снова на задание. Разведотдел требовал, чтобы постоянно «на тропах сидело» не меньше пяти разведгрупп (на тропах не сидят – а организовывают засады, караваны не забивают, а уничтожают. – *Прим. ред.*). Хотя мы доказывали, что такой необходимости нет, так как мы работаем по реальной развединформации. Все доводы были напрасными – наверх отправлялись отчеты, где фигурировали цифры: организованных засад, уничтоженных караванов, захваченных пленных, погибших военнослужащих... «построенных школ». Взяли грех на душу, пошли на обман. В армию шел доклад, что группа «*сидит в засаде*», а разведчики в это время отлеживались в батальоне... Иногда сознательно сажали группу на тропу, где никаких духов быть не могло. Так одну группу посадили метров за триста от батальона, чтобы бойцы просто отоспались. Улеглись они прямо у дороги, укрылись палатками, потому что шел редкий в этих местах дождь, и спокойно себе отдыхали. Вдруг часа в три ночи слышу, что в этом районе поднялась сильная стрельба. Продолжалась она не более двух-трех минут, потом в небо поднялось несколько осветительных ракет. Броня полетела сразу, вернулись минут через 20, привезла наших и двух пленных. Оказалось, что на группу совершенно случайно вышла местная банда из 15 человек. Завязался ожесточенный скоротечный бой. Разведчики хоть и отдыхали, но бдительность не теряли. Духи и опомниться не успели. С пленными вышло вообще комично. Обоих взял ефрейтор Рожка – молдаванин, невысокого роста крепыш, очень сильный физически. Одной рукой он жал две 24-кг гири. Рассказ его выглядел примерно так: «Лежу я себе спокойно, наполовину сплю, по палатке дождик стучит. Вдруг чувствую, что кто-то на меня наступает (все же бдительнось разведчики потеряли, коль «кто-то наступает»... – *Прим. ред.)*. Знаю, что наши не могут. Откинул плащ-палатку – надо мной морда бородатая наклоняется. Я двинул с правой в челюсть. Попал хорошо. Бородатый упал как мешок. Смотрю – наклоняется вторая морда, свалил его таким же ударом, только слева. Потом начал бить по теням из автомата. Бил лежа – вставать нельзя, а то свои свалят. Всех постреляли, пустили ракеты, а эти двое так и лежат – еще не очухались».

Иногда группам приходилось очень тяжело, особенно, если засада продолжалась несколько суток. Жара днем доходила уже до +40° , а запас пищи и воды был ограниченным. РГ СпН № 421 Леши Туркова разместили у тропы вблизи дороги на Кабул в 12 километрах от батальона. Трое

суток они сидели практически без воды, доставить ее было очень трудно. Днем броню не пошлешь — демаскируешь засаду, ночью нельзя — спугнешь духов. А караван ожидался хороший. Решили использовать афганский грузовик-«бурбухайку» — наш «Датсун» афганцы уже знали. Остановили грузовик, водителя задержали в батальоне и с этого грузовичка на ходу сбросили группе воду, залив ее в чулки от ОЗК. На пятую или шестую ночь караван все-таки был забит.

Порой засады проходили не совсем удачно, с малыми результатами. Сверху нас за это тоже «журили». Опять приходилось идти на хитрость. Для таких случаев в батальоне всегда имелся запас неучтенного оружия, мин, боеприпасов, и они тогда пускались в ход. Такой пример. Группа сидела на боковой тропе, отходящей от Дубанди на склоне ущелья. Кто был командиром, точно уже не помню. Ночью пошел караван, его удачно забили, к группе пошла броня, все шло по накатанной схеме. Было одно «но»: броня к месту боя подойти не могла — не позволяла местность. Офицер из вышестоящего штаба, который в это время находился в батальоне, начал требовать, чтобы досмотр был проведен немедленно — ему был нужен результат. Комбат, пользуясь правом руководителя операции, категорически отказался. Модест Иванович приказал группе сидеть на месте до утра, периодически освещая и обстреливая подступы к засаде, а досмотр провести утром совместно с бронегруппой. Решение оказалось верным. Уцелевшие духи отошли на обратный склон ущелья и начали вести неприцельный огонь из гранатометов и стрелкового оружия по склону, где находилась группа, и по месту поражения каравана. Стрельба с обеих сторон продолжалась до утра. Утром, когда провели досмотр, оказалось, что караван пуст. Лежали убитые верблюды, лошади, две раненные в ноги женщины и придавленный верблюдом ребенок около пяти лет. Больше ничего не было. За ночь духи сумели вытащить своих раненых и убитых и то, что представляло для них ценность. Женщины и ребенок в этом рейтинге «борцов за веру» оказались на последнем месте. Попробовали оказать женщинам помощь — завизжали. Оставили им пару перевязочных пакетов и ушли. Но результат все-таки в разведотдел армии подали, сумев обмануть проверяющего, используя имевшиеся запасы трофейного оружия и боеприпасов.

Я все время пишу: мы решили, мы подумали, мы спланировали, мы доложили. Наверное, на этом надо остановиться подробнее. Планирование операций проходило на основании разведданных (как и откуда они поступали, я уже писал). В нем принимали участие комбат, его заместитель, начальник штаба, начальник разведки и командиры рот. Начальники служб были задействованы, как говориться, в части касающейся. Партийно-политическую работу организовывали и проводили замполит батальона, парторг, комсорг и замполит роты, от которой была задействована разведгруппа. Всегда старались соблюдать режим секретности при планировании и непосредственно при подготовке личного состава. Очень тщательно продумывали способ и время вывода группы на задание, потому что визуальное наблюдение, как я уже писал, за батальоном велось постоянно.

Очень большая ответственность по документальному оформлению возлагалась на помощника начальника штаба. Николай Шадрин вел учет личного состава, так называемую, таблицу БЧС (боевого и численного состава). Он учитывал тех, кто ушел на операцию, кто вернулся и не вернулся, оформлял документы на награжденных, раненых и погибших. На нем лежала ответственность за то, чтобы никто не пропал из списков. Надо отметить, что в его работе никогда не было ни одной ошибки.

Забегая вперед, расскажу один неприятный случай. В 3-й роте погиб разведчик (фамилию называть не буду). Его опознали. Под документом подписались три свидетеля, при них его запаяли в гроб и «Черным тюльпаном» отправили в Новоукраинку Кировоградской области. Гроб сопровождал старшина 3-й роты прапорщик Гапончук. Прошли похороны, гроб не вскрывали, потому что этого делать просто было нельзя. Игорь вернулся в батальон. Вдруг в середине 90-х годов по телевидению мать этого солдата заявляет, что ей привезли не ее сына и средства массовой информации начинают раздувать истерию со всякими гнусностями в адрес «афганцев», нашего батальона, сопровождающего Гапончука. Долго пришлось отмываться от этих наговоров. Но мать и родственники нашего погибшего товарища, по-моему, до сих пор остались при своем мнении.

Лето 1985 года для батальона было тяжелым. Началось все еще в мае. 15 мая на Гардез должна была пройти колонна, которая везла продовольствие и нам. Десантники дшб проверили дорогу на мины, выставили посты. Колонну ждали часам к одиннадцати. Около десяти часов на дороге раздались взрывы, стрельба, был виден сильный дым, по «зеленке» наносили удары вертолеты. Стало ясно, что колонна попала в засаду. «Штурмовики» послали несколько машин с десантом на выручку, но приблизительно через час броня вернулась ни с чем, буксируя пару разбитых БМД — прорваться к колонне не удалось... Такое в Афгане было редко. Духи оседлали дорогу основательно. Бой продолжался больше двух часов. Передовой охранение колонны было уничтожено, один «наливник» сожжен, остальные машины повернули назад на Кабул. Очень обидно было наблюдать за этим избиением в сознании того, что сделать ничего не можешь. С этого дня, 15 мая, началась блокада батальона, которая продолжалась два месяца.

Сначала мы не осознали всю серьезность положения, понимание пришло потом, когда стали заканчиваться продукты. Пополнить запасы продовольствия было неоткуда. Если коротко, то до 15 июля (до прорыва блокады) батальон питался гречкой и ставридой «в собственном поту». Сухие пайки, естественно, не трогали — ими обеспечивались только разведгруппы. Надо отдать должное офицерам, прапорщикам, солдатам — никто не роптал, все ели гречку со ставридкой и делали свое дело. К слову: в августе я поехал в отпуск и попал с друзьями на открытие охоты. Ружье в руки не брал — настрелялся, пока друзья били уток, организовал костер, сварил шурпу. Зорька закончилась, собрались ребята, под 100 грамм организовали закуску — ставридку «в собственном поту»!!! Я схватил ружье и... расстрелял консервные банки.

Ничего, пережили мы и гречку со ставридой. Хуже было другое — начался гепатит. Инфекционных болезней в Афгане хватало всегда, иногда таких, о которых мы и не слышали. Больных тифом, малярией, гепатитом отправляли в Кабул, сейчас такой возможности не было — блокада, Машины не ходят — дорога перекрыта. Вертушки летают редко — жара и зенитный огонь. Лечились теми лекарствами, что брали у духов и верили в знания и опыт наших врачей. Гепатит свалил 65 процентов личного состава батальона. Оказывается, «черт не так страшен, как его малюют». Привыкли и к этой заразе (славянская натура неистребима) Просто приняли эту желтуху, как должное, и перестали обращать на нее внимание. Даже больные желтухой разведчики ходили на боевые действия.

Блокада была прорвана 15 июля. Пошли продукты, письма, эвакуация раненых и больных, опять началась нормальная жизнь. Где-то в начале июля из батальона улетал Алексей Турков — получил назначение командиром 1-й роты в Джелалабадский батальон. При взлете вертушка упала и загорелась. Все, кто был внутри, выскочить успели, но, если верить приметам, то знак был недобрый. Через неделю другой вертушкой Леша все-таки, улетел, а через месяц под Джелалабадом погиб. Джелалабадцы проводили налет в «зеленке» на подворье-крепость, где проводилось совещание полевых комаендиров. Автоматиная очередь срезала капитана Алексея Туркова и командира группы лейтенанта Евгения Овсянникова.

30 июля погиб сержант Дмитрий Сушко, мать которого еще в Федоровке просила меня не брать его в Афган. Группа, отсидев в засаде ночь, ушла на дневку в заброшенный дувал. Караван пошел под утро. Охрана, обкуренная гашишем, сунулась к дувалу, где маскировалась группа. Пришлось принять бой. Сержант Сушко и пулеметчик, который был рядом, погибли от разрыва гранаты китайского противотанкового гранатомета Тип 69 (РПГ-7. СССР).

Меня перевели в штаб бригады в Джелалабад, — продолжал свои воспоминания Петров, — в оперативно-разведывательное отделение. С июля 1985 г. по май 1986 г. я был в Джелалабаде и на боевые ходил с 1-м и 5-м батальонами спецназ. Там условия и характер боевых действий были совершенно другими. А с мая по июль 1986 года мне довелось служить в Кандагаре в 3-м батальоне, потом пришла замена в Союз.

668 оо СпН размещался удачно и своими разведподразделениями плотно закрыл 98 вьючных караванных маршрутов так называемого Парачинарского выступа, идущих из Пакистана. Выход из городка в засады осуществлялся на броне или пешком и занимал небольшое время, так как удаление от ППД составляло от 20 до 30 км. При небольшом удалении групп дежурная бронегруппа находилась прямо в автопарке отряда. В район разведки разведгруппы выводились и вертолетами, для чего была сооружена вертолетная площадка.

Практиковал отряд, кроме засадных действий, и налеты в «зеленку», где по данным разведки обнаруживались бандформирования и их склады. Изредка на бронетехнике патулировали местность в интересующих районах. Активно осуществляли досмотр караванов и транспортных средств.

Систематически рота минирования отряда перекрывала караванные маршруты, устанавливая на них РСА «Реалия-У». В связи с особенностью размещения отряда отдельно от крупных гарнизонов советских войск с него и спрос был другим. И хотя за первый год отряд уничтожил 18 караванов и бандгрупп, в 1986 г. его сопровождали неудачи и потери личного состава.

Из воспоминаний начальника штаба 668 оо СпН майора Михаила Коркишко:

— В июне 1986 года я прибыл из ЗабВО на должность начальника штаба 668 оо СпН. Меня доброжелательно, душевно и тепло встретили командир отряда майор Евгений Александрович Резник (впоследствии командир 45-го разведывательного полка ВДВ и начальник разведки ВДВ России) и замполит майор Виктор Григорьевич Герасименко. Второго я хорошо знал по совместной службе в спецназе ГСВГ. Резник вскоре уехал учиться в академию, а его сменил майор Владимир Михайлович Удовиченко. Владимир был из казачьего рода. Его родина село Ольховый Рог Миллеровского района Ростовской области, где он и нашел последний приют. В 1974 году В. Удовиченко окончил Тбилисское высшее артиллерийское командное Краснознаменное училище имени 26 Бакинских комиссаров. 12 лет прослужил в 12-й отдельной бригаде спецназ (Лагадехи, ЗакВО). Прошел последовательно все должности от командира группы до начальника штаба отряда. В июле 1986 г. возглавил 668 оо СпН в Афганистане.

Меня поразило сравнение с прежней службой, при штате батальона в 550 человек, большом количестве разнотипной техники со всем этим успешно справлялось командование батальона в количестве 4 человек, все в звании «майор». В Забайкальской бригаде, откуда я прибыл, по штату числилось около 330 человек личного состава и над ними куча разных отделов, служб, возглавляемых офицерами в званиях подполковник-полковник, а порядка было гораздо меньше...

В отряде был налажен быт: ротные палатки заглублены в землю и укрыты сверху от обстрелов накатами из бревен. Мне, как начальнику штаба, было приятно отметить, что служба войск соответствовала уставным требованиям и распорядок дня выполнялся полностью. Особо бросилась специфика проведения физзарядки. Территория городка небольшая, и личный состав совершал пробежку от КПП к вертолетной площадке под прикрытием бронетехники из боевого охранения, идущих впереди и в конце колонны. Командирам всех степеней, особенно ротным, было дано больше самостоятельности, чем в Союзе. В Афганистане в Спецназе рота действительно являлась центром боевой и политической подготовки. Коллектив офицеров и прапорщиков был дружным и сплоченным, каждый офицер и прапорщик профессионально занимался своим делом.

После трагической гибели в апреле 1987 г. в автомобильной катастрофе двух служащих СА и ряда других происшествий, потрясших батальон, комбата майора В.Удовиченко и замполита майора В. Ткаличева незаслуженно сняли с должностей. Удовиченко откомандировали в Кандагарский батальон

(173 оо СпН), где в боевой обстановке проявлял чудеса героизма. Так 16 сентября 1987 г. группа под его командованием захватила караван с оружием. 24 октября того же года замкомбата 173 оо СпН майор Удовиченко возглавил разведотряд при совершении налета на склад боеприпасов в кишлачной зоне 4 км западнее Кандагара. В жестоком бою семь разведчиков и сам Владимир Михайлович геройски погибли. Майор Удовиченко — посмертно награжден орденом Красного Знамени. Вдова и его дочери в настоящее время живут в г. Днепродзержинске Днепропетровской области.

Конфликтов и разногласий при Удовиченко в 668 оо СпН практически не происходило. Эти явления появились позже и были связаны с началом кадровых перетрясок, поиском и приближением своих людей... Однако, для объективности, надо отметить, что главный показатель — разведывательно-боевая деятельность активизировалась, пошли неплохие результаты, были неоправданные потери, которых мне бы в мое время не простили. Например, расстрелянный из вертолета досмотровой группой автобус с мирными жителями, потеря двух вертолетов Ми-24 в районе Газни, нескоординированные действия при досмотре каравана и гибель военнослужащих вместе с моим сменщиком начальником штаба майором Головко и другие. Из-за грубого нарушения воинской дисциплины, граничащего с преступлением на почве неуставных отношений, был отозван наградной материал отряда на вручение ему Вымпела министра обороны СССР «За мужество и воинскую должность».

Когда я пришел в батальон существовала традиция направлять на первые боевые выходы с новичком опытных офицеров наставников. Первый мой выход во главе отряда из двух рот в район 40 км западнее Сурхоб состоялся в начале августа. Со мной был начальник разведки батальона лейтенант Сергей Михайленко, а общее руководство в эфире осуществлял замкомбрига подполковник Безручко. Сложностью и особенностью боевых действий в полосе ответственности батальона являлось то, что караваны и бандформирования мы перехватывали только на ограниченном участке между горами и зеленой зоной Бараки и Заргуншахр. Эта местность была обильно заминирована «духами», поэтому в нашем батальоне подрывов было больше всех в бригаде. К тому же ППД батальона был под постоянным наблюдением и часто обстреливался эрэсами и минометами. Мы часто практиковали ложно-демонстративные выходы бронегрупп в противоположном направлении, распространяли через ОАГ «Бараки» дезинформацию о наших намерениях. У нас сложилось твердое убеждение, если группе удастся скрытно выйти в район засады, то успех гарантирован. Потому, что в районе нашего отряда в ночное время активность духов была исключительно высокой. Я сам лично много раз наблюдал свежие следы от караванов, проходивших в 1 — 1,5 км от ППД отряда под покровом ночи.

Самый значительный успех батальона — караван из 196 вьючных, забитый с 12 на 13 мая 1987 года. Он был обнаружен случайно на дневке в кишлаке Абчакан, только потому, что этот караван предназначался для северных провинций и для местных он был «чужой». Местные «духи» выгнали его из гор на практически открытое место в предгорьях, где его и обнаружила досмотровая группа замполита роты старшего лейтенанта Павла Трофимова. Общая кар

тина боя описана в очерке «Абчаканское ущелье», я добавлю только одну деталь. У нас тогда при подходе к месту боя подорвались две БМП. Одна из них сгорела полностью и восстановлению не подлежала. Среди личного состава были раненые и контуженные. Я тогда на подрыве получил ранение в ноги, но благодаря нашему врачу Белевитину быстро поправился и вернулся в строй.

Боевые действия в батальоне организовывались со следующей периодичностью: 10 дней учебы и подготовки к боевому выходу, 10 дней засадных действий в составе групп, 10 дней, после возвращения, служба в нарядах.

Мне запомнился яркий эпизод марта 1987 года, когда командуя разведотрядом в составе двух взводов и артиллерийского взвода (3 гаубицы Д-30), я вывел его в район кишлака Чинари (30 км западнее ППД). Со мной был замполит батальона, который шутил, что своим присутствием принесет удачу. К вечеру наша артиллерия начала работать по кишлачной зоне в противоположную сторону от мест высадки разведгрупп. Отступая под огнем нашей артиллерии, бандгруппа в составе до 20-ти человек вышла к месту засады наших разведчиков и попала под их огонь. Завязался бой, до утра разведчики держали ее на месте. С рассветом я с бронегруппой подошел к месту засады и осуществил досмотр. На месте боя мы собрали более 10 единиц стрелкового оружия, много боеприпасов и различного имущества, а также задержали одного моджахеда. Отряд без потерь вернулся в ППД.

Хочется отметить, что досмотр является самым опасным элементом в ходе засадных действий. Анализ понесенных потерь приводит к выводу, что основное количество убитых происходило во время досмотров, прежде всего из-за поспешности, ослабления внимания (майор Головко, старший лейтенант Корчака, рядовой Быличкин и др.). Поэтому в батальоне существовало железное правило, с которым смирился позднее и Корчагин, до подхода бронегруппы и наступления светлого времени досмотр места боя не производить.

Месяц спустя я повторил засаду в том же месте, и бандиты угодили в нее опять. Однако мы действовали по той же схеме и бронегруппа шла по сухому руслу к входу в ущелье. В итоге, идущая за мной БМП подорвалась на мине. Мы оставили возле нее охранение, а сами прошли еще 2 километра к месту боя. Досмотр был затруднен не прекращающимся обстрелом со стороны духов, которые успели разместить на господствующих высотах своих пулеметчиков. Одна БМП с замполтехом на борту попыталась подняться по склону на высоту с целью прикрытия разведчиков от огня. Но на крутом подъеме у нее слетела гусеница. Попытки эвакуировать ее оказались безуспешными. К тому времени бой не утихал, на месте досмотра появились первые раненые, которых забрали прилетевшие вертолеты. День уже клонился к ночи. В тот день в батальоне находился комбриг Юрий Тимофеевич Старов, с которым я держал постоянную связь. Стало понятно, что до наступления темноты мы уже не успеем снять машину с горки, а оставлять ее было невозможно. Пришлось расстрелять ее из приданого нам танка Т-62М с расстояния в 200 метров. Машина загорелась и пока мы отходили зарево было видно долго и далеко.

В мае 1987 года, я был назначен начальником разведки 15 обр СпН, сдав должность майору Виктору Головко, убыл в Джелалабад. Но, вспоминая то время, считаю, что 4-й батальон был лучшей частью, в какой мне пришлось служить за свою военную службу.

Год достойно командовал отрядом Анатолий Васильевич Корчагин. Это был состоявшийся офицер, выпускник Рязанского воздушно-десантного училища, получивший боевой опыт в качестве командира роты и замкомбата и первый орден Красной Звезды в 22-й обр СпН полковника Дмитрия Герасимова. В Бараках он стал подполковником, заслужил два ордена Красного Знамени. В июне 1988 г. ушел на учебу в академию им. Фрунзе. После ее окончания служил в ГРУ ГШ ВС РФ.

К приходу Корчагина обстановка изменилась, противник установил за расположением отряда круглосуточное наблюдение. Увеличил сумму денежного вознаграждения населению за сведения, касающиеся передвижения подразделений отряда. Противодействие моджахедов сразу же сказалось на результативности отряда. Караваны стали стороной обходить «засвеченные» разведорганы спецназа, но под руководством нового комбата разведчики настойчиво совершенствовали боевое мастерство и вскоре посыпались ожидаемые громкие результаты.

За годы Афганской войны Баракинский батальон стал хорошей школой, он вырастил многих прекрасных офицеров, которые с командиров групп выдвинулись на роты и выше. Офицеров – ставшими гордостью советской военной разведки. Пожалуй, я бы затруднился выделить наиболее заслуженных, поскольку все были молодцы, но если взять за основу итоги боевой деятельности, то назову несколько громких фамилий.

...К молодой плеяде продолжателей традиций ветеранов Великой Отечественной войны относится земляк легендарного полковника Р.П. Мосолова – забайкалец, старший лейтенант Похвощев Герман Владиславович. Ему было суждено историей стать первым в списке лучших офицеров отряда. Имя Похвощева прошло во всех секретных донесениях: в ЦК КПСС, министру обороны, начальнику генштаба, начальнику главного разведывательного управления. Из рядового офицера-разведчика Похвощев превратился в героический символ бесстрашного советского спецназовца, геройски выполняющего боевые задачи в Афганистане. Он захватил ПЗРК «Стингер» и «Блоупайп»! С появлением этих зенитных комплексов у афганских моджахедов нашим летчикам стало очень неуютно в небе, а всем, кто пользовался услугами авиации – грустно и страшно. Для тех, кто не знает, что представляет собой переносной зенитный ракетный комплекс «Стингер», коротко скажу, что дальность полета его ракеты 6000 метров. Головку самонаведения ракеты тепловыми ловушками не обманеш. Появление «Стингера» у «духов» ставило по угрозу не только жизни летчиков и пассажиров воздушных судов, но и существенно ограничивало возможности авиационной поддержки войск. В связи с этим на высшем уровне был отдан приказ всем разведорганам: добыть и разгадать тайну комплекса.

И помня крылатое выражение Наполеона: «Если техника попала в войска – она потеряла секретность», в штаб 40-й армии поступил приказ: достать, купить, украсть, захватить в бою любой ценой... Время шло, а выполнить приказ не могли. И тогда появился, как его назвали спецназовцы, «шкурный приказ» – обещание звания Героя Советского Союза в обмен на «Стингер». Командиры всех степеней и так болеющие за дело еще более зашевелились. В штабах начали рождаться грандиозные планы

дерзких захватов крупных укрепрайонов в горных массивах около пакистанской границы. По данным агентурной разведки, в некоторых из них на вооружении было несколько ПЗРК. Сдерживали реализацию этих планов воспоминания о печальной истории боя в «Карере», когда налет на укрепрайон на границе с Пакистаном, напичканным «духами», привел к потерям и международному скандалу. И шанс «заработать Звезду» у командиров был намного меньшим, чем потерять должность.

Тогда основную ставку сделали на лихих спецназовцев, ведь у них было больше профессионализма, чем у других разведчиков. И спецназ с этой задачей справился.

В январе 1987 года 7-й Шахджойский батальон (186 оо СпН) 22-й бригады СпН принес первый долгожданный трофей. Не было Золотой Звезды Героя — замкомбату капитану Евгению Сергееву «подковерных дел мастера» звание Героя не дали... В мае 1987 года этот успех закрепили, когда громко прогремела досмотровая группа 668 оо СпН Павла Трофимова. Паша был близок к победе, но, как оказалось, в бою были взяты несколько десятков китайских ПЗРК. Похвощев же первым в ОКСВА взял два «Стингера» и впервые два английских ПЗРК «Блоупайп», о поставках которого в Афганистан англичане не распространялись. Такого результата до сих пор не было! Делать нечего — надо было держать слово, и его наградили орденом Ленина. Обещанную Звезду Героя опять не дали...

Герман родился в 1962 году в г. Чите. В его облике было что-то бурятское — невысокий рост, монголоидный тип лица, узкий разрез глаз, некоторая неспешность в движениях и удивительная «девичья» скромность. В 18 лет он был призван в Вооруженные Силы и начал военную службу в Забайкальской бригаде спецназ (24 обр СпН) сапером-разведчиком, а затем командиром отделения в роте минирования. Старшие начальники отмечали его серьезность и рассудительность, взвешенность в поступках и решениях. Он был справедлив к подчиненным и уважителен к начальникам. Младшего командира хорошо знали командир бригады и начальник политотдела, именно, последний, душевный человек и заботливый руководитель, полковник Р. Ясевич и посоветовал Герману стать офицером. После недолгих колебаний Похвощев подал рапорт по команде о направлении его в военное училище. Лучшим училищем по подготовке разведчиков, в то время, считалось Киевское ВОКУ. В августе 1981 г. он стал курсантом Киевского высшего общевойскового командного училища имени М.В.Фрунзе. О месте службы речи быть не могло, он попросился на Родину — в продуваемую всеми ветрами, многими нелюбимую, но дорогую его сердцу забайкальскую землю. Она для него была самая красивая и единственная как мать. Вернувшись в свою родную часть, Похвощев возглавил группу спецназа. Но служить ему в Забайкалье довелось недолго. В августе 1986 года он направляется в Афганистан командиром 3-й группы 1-й роты 668 оо СпН. Начались непрерывные разведвыходы, количество которых перевалило за сто. Несколько раз группа Похвощева попадала в критические ситуации. Трижды в стычках и боях с душманами он получал контузии. Через год войны он уже заместитель командира роты. В его подразделении сложилась

особая атмосфера теплоты и доброжелательности, заботы друг о друге, взаимопомощи. К нему тянулись все, чувствуя запас добра и оптимизма. Он неоднократно отмечался в числе лучших разведчиков, но его звездный час пришел 18 июля 1987 г. в районе перевала Девальчи-Кандав провинции Логар. Заняв удобное место для засады, его группа уничтожила крупный караван, сопровождаемый охраной более чем в сто моджахедов. Два часа разведчики под командованием Похвощева вели бой до подхода бронегруппы, не потеряв при этом ни одного своего товарища. Когда охрана каравана, оставляя убитых, рассеялась в горах, разведчики осмотрели богатые трофеи. Среди прочего, к великому удивлению разведчиков, были вскрыты контейнеры с 2 ПЗРК «Стингер» и 2 ПЗРК «Блоупайп». Результат потрясающий! Какому народу СССР принадлежал танец, который исполнили разведчики в этот момент около этого чуда военной науки, сказать трудно. Радости не было предела. Ведь такое Дело было сделано. Сразу после доклада, немедленно из Москвы за захваченными спецназом образцами вооружения вылетел самолет с усиленной охраной, который, как говорится, с поля боя и забрал трофеи.

Командование спецназа ГРУ пожинало лавры победы. Младшие же офицеры с надеждой и завистью ждали развязки: на этот раз будет Звезда Героя у Похвощева или нет?!

— Откуда, — спрашивали, — этот парень?

— Из Забайкалья!

— Ты, подумай, какой молодец!

Это обижало, будто далекое Забайкалье было не способно рождать героев?!

Однако, вопреки ожиданию, в апреле 1988 года Похвощеву пришел только орден. За свой выдающийся боевой результат старший лейтенант Г. Похвощев, к уже имеющимся двум орденам Красной Звезды, получил на грудь высший орден СССР. Он стал десятым кавалером ордена Ленина в 15-й бригаде. Примечательно, что вручали ему в апреле 1988 года этот орден несколько раз. Первый раз — комбриг Ю. Старов, а потом, через несколько дней после этого в Джелалабад прилетели командарм Б. Громов и член военного совета С. Захаров, и для представителей средств массовой информации вручили орден повторно...

А Герой Советского Союза в Баракинском батальоне все же появился.

Но это событие вызвало у разведчиков очень противоречивые чувства. Им стал водитель бронетранспортера роты спецназ сержант Юрий Миролюбов. Очень обижались на это решение командования и правительства наши боевики-разведчики:

— Разведчику обещанную Звезду не дали, а «водиле» за то, что броню водит, дали!

— Где справедливость?

— Кто важнее и кто для кого работает?

Командование бригады им на это отвечало:

— Мы должны радоваться, что наш человек оказался в числе Героев, а не из другой части. И, по большому счету, не так уж сейчас важно для истории, что дали высокую награду не Похвощеву! Важно, что получил

Звезду – Спецназ, а мы своих истинных Героев не забываем и не забудем никогда!

– Помните, когда Сергеев и Ковтун из 22-й бригады взяли первый «Стингер», так их даже орденами Красного Знамени не наградили, а кто стал Героем? – Вы сами знаете.

– А фамилию Похвощева всегда будут вспоминать как лучшего из лучших. Вместе с именами первых разведчиков-спецназовцев нашей бригады Сахатовым, Шариповым, Бекоевым, Коваленко, Якутой, Удовиченко, не получившим Звезды, хотя по праву они должны были стать первыми Героями Советского Союза!

Задев эту тему, мне кажется, следует рассказать об этом неожиданном для нас всех награждении высшей наградой СССР простого водителя БТР младшего сержанта Юрия Миролюбова. Небольшая предыстория.

В один из октябрьских дней 1987 года в бригаду из Кабула поступило указание военного совета 40 армии о более внимательном отношении к вопросам награждения личного состава. Речь, в частности, шла о забытой категории военнослужащих – водителях. Приказывалось изучить послужные списки водителей и достойных представить к наградам. При этом предписывалось от каждой части срочно представить наградные листы на лучшего механика-водителя для рассмотрения в штаб армии. Приказано – сделали.

Изучая поступившие наградные из частей бригады мы с командиром отметили, что в наших частях водители не забыты, а по достоинству и наравне с другими категориями поощряются. При этом из пяти представленных механиков-водителей один выделяется особо. Во-первых, является старослужащим, и, во-вторых, уже имеет две боевые медали. В текучке боевых будней мы даже не запомнили его фамилию. Но через месяц комбригу позвонили из Москвы, и полковник из ГУК МО СССР поинтересовался отдельными фактами биографии сержанта Миролюбова, который готовился к увольнению в запас из 668 оо СпН.

– А что случилось? – настороженно спросил полковник Старов.

– Да ничего, он же представлен командованием 40 армии и ТуркВО к званию Героя Советского Союза!

– Как?– не сдержал эмоций комбриг. – Мы его не представляли?!

– А вот и хреново командир, плохо вы работаете с людьми. Надо перестраиваться, товарищ полковник! – прозвучал ответ.

Положив трубку, Юрий Тимофеевич от души ругнулся:

– Это мы-то хреново работаем? Где реакция на наградной материал по Олегу Якуте? Тоже к Герою представляли! А по Удовиченко? У нас порой и героев определяют по агитационной команде и по ходу пропагандистских кампаний. Им из Москвы виднее... нужен герой – шофер!

И в конце мая вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР.

К сожалению, судьба назначенного командованием армии Героя Юрия Миролюбова оказалась трагической. Сначала о нем писали все газеты и журналы СССР, например: газета «Правда» от 22 мая 1988 г. опубликовала в передовице: «*Прославил себя Юрий Николаевич Миролюбов, сержант, стар-*

ший водитель бронетранспортера. К медалям «За отвагу» и «За боевые заслуги», которыми он награжден за храбрость на поле боя, сегодня добавились медаль «Золотая Звезда» и орден Ленина. Он не раз смотрел смерти в лицо, был ранен, контужен. В одном из боев Юрий заменил выбывшего из строя пулеметчика и тем самым повлиял на исход боя, который закончился победой. Таков советский воин, который всегда приходит на выручку товарищам».

«Комсомольская правда» 22 мая 1988 г. в статье «Солдатами не рождаются»: *«Да какой он был особенный, что вы, обыкновенный парень, как все, — мама, Зоя Николаевна заметно смущается, не зная, куда деть большие натруженные руки, — а вообще-то, знаете, смелый парень, отчаянный с детства такой был». — Сказала — и словно прикоснулась к очень личным, одной ей ведомым мыслям. Выдали разве что морщинки, дрогнувшие вдруг вокруг добрых материнских глаз. Заботы, заботы... Кроме Юры, у Зои Николаевны еще один сын и ...пять дочерей! Недаром она награждена орденом «Материнская слава» 1-й степени. Жил в небольшом поселке под Саратовом простой русский мальчишка. Бегал в школу, гонял футбольный мяч, ухаживал, наверное, за девчонками. Технику или, как говорит мама, «всякие железки», любил с детства, особенно мотоциклы. Осенью 1985-го Юрий Миролюбов, как и многие его друзья, получил военкоматовскую повестку. Кавказ, учебное подразделение, долгие часы занятий, постижение азов науки побеждать... Думал ли Юра тогда, что уже очень скоро от того, как он усвоит все эти секреты и навыки, будет зависеть его жизнь? В общем, да — место прохождения службы после учебки стало известным очень скоро — Афганистан.*

Часть, в которую попал служить Юра в Афганистане, была особенная. Специального назначения. А значит — всегда на самом острие боя, в самом горниле войны. Спецназ должен уметь действовать на пределе человеческих возможностей, а если потребуется — то и за их пределом. Знаете, говорят, что смелого пуля боится? Подвиг сержанта Миролюбова — подтверждение этой строчки. В него стреляли, когда, извиваясь между камнями, он пополз к раненым товарищам, стреляли, когда волок на себе тяжело раненного командира, стреляли, когда цеплял на буксир подбитый бронетранспортер. А потом снова БТР и прыгающие перед воспаленными глазами долгие километры горной афганской дороги... Позже, уже в части, Юрий Миролюбов узнает, что за тот бой он представлен к званию Героя Советского Союза.

Через 3 месяца пришло время возвращаться на Родину. Дома никому ничего не сказал, лишь однажды, отчего-то смущаясь, обмолвился отцу: «Батя, меня вроде к Герою представили...»

А вот что написал о Миролюбове военный журнал «Знаменосец» 12, 1988 г. в статье «Его звезда»: *«Почему в иные моменты нам свято хочется веровать (иного слова и не подберешь) в стереотипы! Скажем, если с Героем Советского Союза знаком заочно и впервые спешишь к нему на встречу, то представляется этот человек величественным не только в поступках, но и внешне: разворот плеч, целеустремленность во взоре, весомость суждений. А если он коренаст и негромок в общении, если скуп на слова и не может высоким слогом объяснить, почему в критической ситуации поступил именно так, а не иначе, если в тоне разговора ни намека на всесокрушающую безапелляционность, а порой слышны нотки сомнения — то что, Герою такие*

черты не свойственны! Да нет же, вот сидит напротив сержант запаса Юрий Миролюбов. Слушаю скупой рассказ Юрия о его жизни и вижу, как время от времени появляется отрешенность в глазах, когда он мысленно погружается в неведомое мне — в дни и ночи своей службы в Афганистане, где за мужество и героизм при выполнении интернационального долга был удостоен звания Героя Советского Союза».

Из воспоминаний Героя Советского Союза Юрия Миролюбова:

— В части, где мы после призыва в армию проходили доподготовку по специальности водителя бронетранспортера, нам сказали, что вскоре направят в Афганистан. Тревожно было на душе: не маленькие, знали, что там, где стреляют, там и убивают. Но виду ребята не показывали. Может, потому что на миру, на глазах друг у друга все были. В Кабуле, когда нас стали распределять по частям, к нашей группе подошел старший лейтенант Кайсаров. Сказал все прямо, открыто: участок боевой, частые стычки с мятежниками, всякое может случиться. Кто чувствует, что не потянет — может проситься в другое место. Из нашей группы никто из строя не вышел. Только мы, земляки с Поволжья: Володя Дорошенко, Виталий Соловьев, Андрей Матюшкин, Саша Глухов, Илдух Алимов и Сережа Попов вроде как плотнее друг за другом ходить начали.

Из воспоминний начальника политотдела 15 обр СпН подполковника Олега Кривопалова:

— Каким мне запомнился Юрий Миролюбов в первые дни службы в нашей части? Человеком вспыльчивым, неуравновешенным. Мог сорваться, надерзить. Что, мне думается, прежде всего уважал в себе Юрий до армии? Независимость. А тут сразу столько над тобой командиров. И все требуют, приказывают, контролируют. Но уже первые боевые выходы в горы сильно изменили его. То ли так устроен человек, что только перед лицом смертельной опасности понимает: требовательность в деле военном даже в мелочах — не прихоть, а единственный путь научить победить и остаться живым. На смену показной браваде к Миролюбову пришли самокритичность, понимание, что бережет от пули в бою мастерство и взаимовыручка, опыт, уверенность в том, что тебя прикроют, помогут.

Из воспоминаний Героя Советского Союза Юрия Миролюбова:

— Самоутверждаться в своих глазах и глазах сослуживцев мне, наверное, было легче, чем многим одногодкам по сроку призыва. Я все-таки поселковый, маме и отцу по дому помогал, за сестрами там присматривал. Работы никакой не боялся, понимал, что как бы она трудна ни была, кто-то же должен ее делать. В армейском коллективе, правда, поначалу все думалось: почему именно меня назначили в наряд по кухне, в караул, на обслуживание техники? Были, в общем, амбиции. Но это быстро проходит. Война наглядно показывает, как мы, наши дела тесно взаимосвязаны, как мы зависимы друг от друга. Бой учит тому, что все можно преодолеть только сообща, вместе. Примеров тому множество. Вот один из них.

По просьбе наших друзей мы забросили в ущелье Чинари группу для засады — недалеко от нашего гарнизона. Бронегруппа, чтобы не спугнуть караван с оружием, идущий из Пакистана, вернулась в гарнизон. И вдруг тревога. Командир резервной группы еще не добежал до стоянки бронетранспортеров, а машины уже выкатились на площадку погрузки. Мчимся к ущелью. Дозорные сержант Сергей Зверев и рядовой Виктор Латыпов на тропе встретили огнем мелкую группу мятежников. А по гребню шли основные силы противника. Наших они отрезали, окружили. Ребята бой приняли. Было сделано все возможное, чтобы поддержать их огнем и броней, выручить. Командир части сам руководил операцией. Все это знали — связь была, солдаты держались. Когда мы прорвались к ним, у Зверева и Латыпова оставалось всего по половине магазина патронов. В том бою я впервые узнал, как можно оглохнуть от грохота выстрелов собственного пулемета.

Из воспоминаний военного комиссара Краснопартизанского района Саратовской области майора В. Исаенко:

— Юрий в поселке Чистополянском был из тех ребят, кого тихоней не назовешь. У Николая Николаевича и Зои Николаевны — пять дочерей и два сына. Особо и не уследишь в работе да хлопотах по дому за всеми. Только заметно в семье Миролюбивых, что все дети приучены к труду, к ответственности перед обязанностями, перед данным словом. Юрий техникой увлекался, недаром и в автошколу ДОСААФ пошел учиться, в самодеятельном эстрадном ансамбле играл, да и постоять за себя или товарища всегда мог.

Из воспоминаний Героя Советского Союза Юрия Миролюбова:

— Коллектив в подразделении подобрался боевой. И хотя служили в нем воины самых разных национальностей, ребята не только понимали друг друга с полуслова, но и работали за двоих: каждый владел одной-двумя смежными специальностями, всегда готов был помочь товарищу. Особенно мы сдружились в Афганистане с Володей Дорошенко, он родом из соседнего совхоза, Фурмановского. Оба водители, жили в одной палатке. Когда палатку мина разбила, вырыли землянку. В свободное время друг другу письма с Родины показывали. Был у нас общий магнитофончик. Слушали музыку, наши песни. Самой любимой была та, которая начиналась словами: «Такого снегопада, такого снегопада давно не знали здешние места...» А вот «запад», рок не трогал. Грохота войны, наверное, хватало. Мы с Володей в операциях старались быть поближе друг к другу. Если у кого-то из нас БТР был неисправен, то шли на броне пулеметчиками. Командиры это дело нам доверяли, потому как стреляли мы вроде неплохо, все штатное оружие подразделения в первые же месяцы освоили. Ну и, конечно, если что случится, поломка какая — мы друг другу помогали. Под Дубанди, кишлак такой есть, попали мы под сильный обстрел. Я тогда как раз у Дорошенко пулеметчиком был. Реактивными снарядами нас накрыли, из пулеметов хлещут. Тут на какой-то колдобине в БТРе Владимира переломилась подвеска — правое переднее колесо не действует, мешает движению. Переглянулись мы: свинец по броне бьет, а «бэтээр» надо чинить. Прикрыли нас ребята. Мы лежа колесо открутили, приладили ремнями, чтобы ехать не мешало. Семь колес, конечно, не восемь.

Один мост к тому же не работает — пришлось нам тогда с места прикрывать ребят огнем. Расстреляли один боекомплект полностью, второй вручную зарядили. И его расстреляли. А после боя со складов мятежников оружие, боеприпасы вывозили машинами.

Не знаю, чем я приглянулся нашему санинструктору. Только старший сержант Сергей Леба меня с первых дней заприметил. Учись, говорит, кровь останавливать, раны перевязывать, противошоковые инъекции делать. Уйду в запас — за меня останешься. Так оно и получилось. В моем бронетранспортере всегда была сумка с медикаментами. В ущелье Чинари, когда крупный караван с оружием для душманов захватывали, она особенно пригодилась. Наша группа захвата была в засаде. Взяли пятнадцать вьючных животных. Оружие нужно было забрать — нас, три бронетранспортера, туда и направили. Только мы втиснулись в ущелье — тут и началось. Как потом выяснилось, группа мятежников численностью до трехсот человек, пытаясь отбить караван, отсекала нас от выхода из ущелья. Пришлось мне и за водителя, и за пулеметчика, и за медбрата там быть. Многих ребят ранило. Погиб Саша Двухречинский — храбрый парень из Новосибирска. В ногу ранило капитана А. Бобылева — командира роты. Я ему повязку наложил, он продолжал командовать, руководить боем. Были и потери. Но мы никого не оставили, не отдали противнику. На скорости вырвались из капкана все три машины. Только тогда я и обнаружил, что моя медицинская сумка пуста — весь перевязочный материал использован.

После встречи с Юрием Миролюбовым я все задавал себе вопросы: что же главное в человеке, когда он идет в бой, когда незаметно, но исправно выполняет любую обыденную работу? Что за сила духа стоит за такими фактами, как участие его во всех операциях (а их было около 60), в которых действовало подразделение. Даже если ты контужен и командир отправляет тебя в санчасть. Юрий все это объясняет просто: «Неудобно было перед ребятами. Они идут в горы, а мне, что ж, на койке прохлаждаться?» Или что кроется за таким ответом: «Самое главное, запомнившееся из службы в Афганистане? А мы спины горам не показывали. Никогда». А о чем говорит тот факт, что сразу же после вручения в Кремле наград Юрий и его мама Зоя Николаевна засобирались домой в совхоз «Красное знамя»? Юрий спешил на экзамены в вечернюю школу, да и молоковоз, на котором он работал, остался без хозяина.

Все же, мне кажется, я нашел ответ на свои вопросы. Когда человек живет и трудится по совести, в какие бы сложные, тяжелые обстоятельства он ни попадал, — он будет делать дело честно, как должно, как требует человеческий, интернациональный долг защитника Родины.

Подполковник А. ДЕРЯБИН

Понятное дело, обвал славы вскружил Юрию голову. На первых порах, скучая об Афганистане, все мысли у него были сосредоточены вокруг армейских будней. В одном из своих писем он написал замполиту бригады подполковнику Олегу Кривопалову о своем желании стать офицером, что очень порадовало. Но какое военное училище без среднего образования, надо учиться. Пошел в вечернюю школу за аттестатом, а жизнь на глазах стала меняться к худшему. Начатая Горбачевым, так называемая, «перестройка» втягивала страну в губительную воронку развала всех институтов государственности и экономики. Служить в армии стало не престижно. Родной совхоз начали растаскивать «новые русские», жить стало невыносимо тяжело и Юра начал пить, так же, как многие вокруг него в поселке Чистопольском. Но на спиртное денег не хватало и расцвел черный рынок – на который тянули все, что плохо лежит. Как-то стянули с собутыльником из разрушенного цеха МТС колесо от трактора и обменяли за бутылку самогонки. Но эта бытовуха закончилась для Героя Советского Союза Миролюбова лишением свободы сроком на три года. Понятно, что не просил он снисхождения, не очень веря в справедливость закона, а потом стыдно же было бы показывать свои геройские документы и награды. Да и суд делал свое дело тупо, не вникая в сердцевину человеческих судеб. Через два года после приговора суда нашлась в Саратове молодая и прелестная журналистка, которая ко дню Победы решила написать очерк о преемственности поколений и стала она искать афганца Юрия Миролюбова. А когда узнала его историю, пришла в дикое бешенство и написала в редакцию «Комсомольской правды», которая материал не опубликовала, но ход материалам дала. Нашлись ответственные лица МВД и прокуратуры, Верховного суда, которые представили документы на амнистирование осужденного Миролюбова.

– Куда вернулся Юрий?

– В ту же самую богом забытую, властью разрушенную российскую глубинку.

– Что делать? И кто виноват? – извечные русские вопросы.

В общем, закончилось все по ряду обстоятельств настоящей трагедией, о которой в юбилейном альбоме «Спецназ ГРУ» написано всего два слова «трагически погиб в 2001 году». А произошла нелепость – в январскую стужу, пересекая замерзшую реку, он ушел под лед вместе со своим трактором.

Мне вспомнились слова покойного Юрия Миролюбова:

«Все же, мне кажется, я нашел ответ на свои вопросы. Когда человек живет и трудится по совести, в какие бы сложные обстоятельства он ни попадал, он будет делать дело честно, как должно...» Какие они правильные и какая неправильная оказалась жизнь и судьба героя. Мне искренне жаль его. А исключительный ли это случай? Обо всех ли мы знаем своих сослуживцах? Как им живется после войны?

Ежегодно в один из апрельских дней я со скорбью вспоминаю погибшего заместителя командира 4-го батальона, майора Головко Виктора Николаевича, судьба которого тоже стала трагической. Это был среднего ро-

ста симпатичный человек с приятным и открытым славянским лицом. Он закончил 9-ю роту рязанского воздушно-десантного училища и являясь истинным боевиком-спецназовцем просто неудержимо рвался на боевые.

Перед Афганом Головко служил в Крымской бригаде (10 обр СпН, Старый Крым, ОдВО) и к нам приехал на должность начальника разведки штаба бригады. Но, узнав, что в Бараки батальоном командует его друг Корчагин, он заявил, что считает свою должность более штабной, чем в боевом отряде спецназначения, и хочет повоевать. Долго убеждать комбрига поменять его местами с начальником штаба 668 отряда не пришлось. В мае 1987 года состоялся приказ, и Головко с некоторым сожалением откомандировали в Баракинский батальон. Кто мог знать расклад звезд? Кто мог предполагать, что это место для него окажется роковым...

Прослужив в Бараках меньше месяца, он получил ранение. Я с комбригом полковником Старовым навещал его в центральном советском военном госпитале в Кабуле. Был разгар войны, поэтому госпитальный двор и все палаты были просто до предела забиты ранеными. Кровати стояли в два яруса, даже в коридорах между отделениями все было забито... Офицерская палата, в которой лежал Головко, была чуть просторнее, с высокими потолками, но и в ней лежало несколько десятков человек. Тошнотворно пахло лекарствами и зловонием разлагающейся человеческой плоти. Обрубки рук, культи ног, обезображенные и обожженные лица, стоны, страдания... – все это впечатляло.

Бледное лицо Головко мы с комбригом увидели сразу, как только вошли в палату. Несмотря на тяжесть ранения, Витя держался по-мужски и во время беседы даже сел на край кровати. В его истории, рассказанной нам, подтвердилась верность народной военной поговорки, что самое опасное на войне – это первый и последний день. Виктора покалечило, когда он с бронегруппой вышел в район боя с бандой мятежников. Ранило его в первые минуты.... На счастье, *разрывная* пуля, пронзив бедро насквозь, взорвалась от удара о броню. Ранив осколками при этом еще четырех человек.

Виктор рассказывал нам, что удивляется до сих пор, вспоминая те моменты, как за несколько секунд до ранения все его тело необычно напряглось, как будто ожидая чего-то, а потом он почувствовал мощный удар.

Через десять месяцев после этого смерть все-таки нашла майора Головко... Были ли у него какие-либо предчувствия перед этим своим последним боем он уже рассказать нам не смог. Его судьба оказалась фатально трагичной. В тот день вроде ничего не предвещало о его гибели. Шла обычная воздушная разведка местности. Погода не баловала, перевал был закрыт. Поэтому досмотровая РГ СпН № 421 в количестве 19 человек вела воздушную разведку в районе Газни-Бараки. Осуществляя облет местности, в степи Самдаг в 11.10 разведчики обнаружили караван из 9 вьючных животных в сопровождении 12 вооруженных мятежников. Десантники, как это было не раз, выпрыгнули для досмотра каравана и вступили в бой. Противник сопротивлялся недолго. Однако по причине досадной несогласованности действий между десантировавшимися и прикрывающими их боевыми вертолетами произошла трагедия: командир авиаотряда Ми-24 ошибочно принял очередь трассирующих пуль за целеуказания для атаки и

нанес ракетный удар (НУРС) по полю боя, где уничтоженный караван «духов» досматривали разведчики досмотровой группы. Ведь задачи спецназовцам и вертолетчикам ставили разные командиры. Спецназу – произвести досмотр зоны, а летчикам – «повозить немного спецназ», без самодеятельности, согласно наставлений, инструкций и приказов, и домой. Единого замысла выполнения задачи отработано не было. Что хочет спецназ от летчиков, а летчики от спецназа, порой до конца было не ясно. Эта пракитика, за исключением отдельных эпизодов, к сожалению, сохраняется и по сей день. Вертолеты – отдельно (сейчас армейская авиация вообще выведены из состава Сухопутных войск России), Спецназ – отдельно, а работают вместе... То же самое произошло и при огневой поддержке «земли» с воздуха. Под двойным огнем – моджахедов и вертолетчиков – были убиты майор В. Головко, старший лейтенант И. Обморшев (борттехник Ми-8, который десантировался вместе с разведчиками) и тяжело ранены пять разведчиков: старший лейтенант В. Саввин, младший сержант Н. Самит, рядовые Н. Бысов, Ш. Клонтаров, К. Туйчиев.

Витя Головко, получивший осколочное ранение в область сердца и огнестрельное ранение в лобную часть головы, умер сразу. Его залитая кровью топографическая карта и разорванный пулями *лифчик* (боевой нагрудник) позднее были переданы на вечное хранение в музей боевой славы бригады. Командир бригады Ю. Старов добился посмертного награждения кавалера двух орденов Красной Звезды майора Головко орденом Ленина.

А через месяц начался вывод войск из Афганистана на родину. В этой неразберихе сложно складывалась жизнь вдовы после гибели мужа. Именно в это время впервые цинично прозвучали кощунственные слова бюрократа:

– А я вас в Афганистан не посылал!

Мы, бывшие сослуживцы Головко, вынуждены были вмешаться в процесс решения бытовых вопросов и написали в газету «Комсомольская правда». 19 октября 1988 года наше письмо было опубликовано, приведу его полностью:

Много раз нам приходилось слышать о том, как бездушно относятся местные власти на Родине к проблемам воинов-интернационалистов и их семей. Не верилось, что бюрократизм и волокита уживаются рядом с человеческим горем. Но, к сожалению, пришлось в этом убедиться самим.

Служил в нашей части прекрасный человек и офицер – майор Виктор Головко. 8 июля 1987 года во время боя с бандой мятежников он получил тяжелое ранение, но из боя не вышел. Виктор оставался в строю, пока не потерял сознание. После лечения в госпитале отказался от положенного отпуска и прибыл в часть. Он искренне считал, что не имеет права на отдых, когда его товарищи выполняют боевые задачи. Никто и никогда не слышал о том, что ему трудно с раненой ногой, наоборот, своим мужеством и хладнокровием он заставлял забывать про усталость...

17 апреля 1988 года во время ведения боевых действий наш боевой друг, майор В.Н. Головко, кавалер двух орденов Красной Звезды, погиб смертью храбрых. Посмертно он награжден орденом Ленина.

Дома у Виктора осталась семья: жена, двое маленьких детей и мама-пенсионерка. Все его родные и родственники жены живут в г. Борисове Минской области. Виктора тоже похоронили в Борисове. Туда, в городской военкомат, направили личное дело погибшего и все необходимые документы. Вполне естественно и понятно желание жены Виктора, Ольги Константиновны, жить там, где похоронен муж.

До отъезда в Афганистан Виктор служил в Крымской области, там же жила и его семья. После гибели мужа Ольге Константиновне приходится постоянно ездить из Крыма в Борисов и обратно для того, чтобы решить проблемы, связанные с получением жилья. Но ни квартиры, ни положенного пособия, ни пенсии на детей она не получает, потому что у нее нет борисовской прописки, а прописки нет, потому что нет квартиры. Семья живет сегодня на те деньги, которые мы, офицеры части, собрали и отправили ей после гибели Виктора. Ни городской комиссар города Борисова, ни другие официальные лица, которые располагают жилой площадью и фондами для выделения семьям военнослужащих в подобных случаях, никаких мер не принимают.

Каждый из нас, будь мы на территории СССР, считал бы своим долгом поддержать семью погибшего товарища, добиться справедливости. Но мы продолжаем выполнять свои обязанности здесь, в Афганистане, и поэтому обращаемся за помощью в редакцию.

С уважением, офицеры части
Ю. Берзин, В. Горатенков, О. Кривопалов

К чести руководства города Борисова, они оперативно отреагировали на нашу публикацию и обеспечили семью погибшего офицера необходимой жилой площадью. Бывший командир отряда и лучший друг Виктора, подполковник А. Корчагин, в тот период слушатель Военной академии им.Фрунзе, помог семье перебраться на новое место жительства в Белоруссию и первым возложил цветы на могилу Виктора Головко. Мысленно в эту минуту мы, находящиеся в Кабуле, были с ним рядом.

Четвертому батальону везло на хороших командиров, всем в спецназе были известны имена Е. Барышева, С. Бекина, В. Бокова, В. Бородавки, И. Дубровы, И. Буги, Жогло, С. Клименко, П. Корчака, С. Корытина, Кравченко, В. Лупенко, Ю. Олефриенко, К. Пашнина, С. Полозова, Попова, В. Прохоренко, Слипченко, А. Шубы, Р. Яшина и многих других...

А настоящей гвардией среди лучших стали кавалеры трех орденов — Анатолий Корчагин, Андрей Бобылев, Олег Гопиенко, Валерий Горатенков, Владимир Воробьев.

Если кого забыл, простите...

Любимцем коллектива был командир роты спецназ старший лейтенант Василий Иванович Саввин, награжденный четырьмя боевыми орденами. Вот какие сердечные слова нашел о нем его бывший подчиненный Евгений Барышев: — *На всю жизнь я запомнил, что 12 мая Васин день рождения. Вечером соберемся, перекусим и выпьем по маленькой. Правда, Вася, наш командир роты Василий Саввин, этим не баловался. Не любил, да*

и нельзя ему было. До нашего отряда Вася год отслужил в 56 десантно-штурмовой бригаде в Гардезе. Там и подорвалась на фугасе его машина. От подрыва осталось на всю жизнь множество мельчайших осколков на теле и ногах, которые Васька на досуге выковыривал, и ежедневные головные боли — следствие контузии.

«Вась-я-я-я!» — специально протяжно говорил я ему при встрече. «Жень-я-я-я!» — так же протяжно вторил он мне в знак дружеского приветствия. «Ну что, похрюкаем сегодня!» — Вася большой любитель резких высказываний. «Похрюкаем» на его языке — поедим. Как-то на утренней зарядке он сказал бойцам: «Сегодня вы у меня, как худые свиньи, будете покорять большой Мир Абдаль». Большой Мир Абдаль — самая высокая гора рядом с нашим расположением. Водились за ним и другие высказывания, но... на них никто не обижался. Знали, что говорит он беззлобно.

Фамилия Саввина с завидным постоянством звучала на ежедневных утренних докладах разведотдельцев командующему армией. Вот лишь краткое перечисление наиболее весомых результатов его боевой деятельности за тот период:

— 16 апреля 1987 г., командуя облетной группой, захватил машину с пятью бандглаварями Исламской партии Афганистана. В ночь с 12 на 13 мая 1987 г., командуя бронегруппой, принимал участие в уничтожении каравана в районе н.п. Абчакан, в ходе боя получил ранение, но продолжал руководить боем и способствовал захвату большого количество оружия и боеприпасов, среди которого оказались ПЗРК и БО. 22 мая, находясь в засаде в районе н.п. Альтамур, уничтожил караван из 50 вьючных животных, в результате чего захватил большое количество оружия. 4 октября, командуя досмотровой группой, десантировался в районе н.п. Абчакан и уничтожил караван «духов». 15 декабря, командуя РГ СпН обнаружил банду мятежников, совершил маневр и нанес удар с тыла, при этом навел огонь авиации на 2 ЗГУ и 1 ДШК. В ходе боя моджахеды были уничтожены. 4 февраля 1988 г., действуя в составе бронегруппы, грамотно организовал бой и поддержал РГ СпН ведущую бой с превосходящим противником в районе н.п. Чарх. Под плотным огнем «духов» произвел досмотр уничтоженного автотранспорта и корректировал огонь артиллерии. В ходе боя уничтожил один миномет, 2 ПУ РС, 23 моджахеда. 14 марта, командовал РГСпН при уничтожении каравана из засады. 17 апреля 1988г., во время досмотровых действий в районе степи Самдаг (36 км. сев.вост. Газни) был ранен. Это было его четвертое ранение. Несмотря на тяжесть полученного ранения в лобную часть головы, правое предплечье и левое бедро командир группы Саввин по радиостанции «Ромашка» продолжал управлять авиацией в ходе боя и эвакуации группы, после чего потерял сознание.

Врачи спасли жизнь отважному спецназовцу, но из армии комиссовали по болезни. Как мне говорили, майор Саввин В.И.. долгое время служил в Севастопольском горвоенкомате.

Надо отметить особо, что в первой половине мая 1987 г. многие группы 668-го отряда дали высокие боевые результаты. Читаю записи в рабочем блокноте:

— 9 мая 1987 г., РГСпН под командованием лейтенанта И. Буга при поддержке бронегруппы № 415 уничтожила в засаде 30 вьючных животных и семь мятежников. Захвачено: ДШК — 1, БО — 2, миномет — 1, СГМ — 1, ПЗРК — 3, СО — 2. Боеприпасы.

— 11 мая 1987 г., Досмотровая группа лейтенанта Тесля на облете уничтожила: вьючных животных — 26. Захвачено: пленный — 1, БО — 2, выстрелов к БО — 113, 82-мм мин — 47, выстрелов ПГ-2 (для РПГ-2) — 80, ВВ — 88 кг, взрывателей: к минам-сюрпризам — 47, химических — 74.

— В ночь с 12 на 13 мая 1987 года РГСпН № 411 под командованием лейтенанта Полозова уничтожила в засаде караван из 22 вьючных животных. Захвачено: Оружие: БО — 1, 82-мм миномет — 1, РПД — 2, СО —2. Боеприпасы, мины, ВВ-106 кг, средства взрывания к ним.

Известной личностью в Афганистане был замполит роты 668 оо СпН старший лейтенант Михаил Иванович Садовников. Это был человек удивительной настойчивости и целеустремленности. Он дважды служил в Афганистане. Первый раз — после окончания Ашхабадской *учебки* — сержантом на должности командира отделения БМП.

В 1981 году, выпускник Пензенского машиностроитимельного техникума и предполагать не мог, что станет профессиональным военным. Под влиянием обстоятельств и убеждения офицеров подразделения Михаил уехал учиться в Сибирь. После успешного окончания в 1986 году Новосибирского высшего военно-политического училища для него не было сомнений по выбору места службы. Он напросился в Туркестанский военный округ. В Ташкенте его направили вновь в Ашхабадскую дивизию на должность замполита мотострелковой роты. Мог ли Миша спокойно служить, если рядом шла война. Через год неимоверных усилий он добился направления в Афганистан и в апреле 1987 г. был назначен замполитом роты в одну из лучших частей спецназа в Бараки.

Садовников сменил Мишу Трофимова. Кстати сказать, фамилия Трофимов была очень распространенной в нашей бригаде. Только в Бараках служили два замполита Трофимовых. В Газни взводным был тоже Трофимов. И все носители этой фамилии были боевыми и толковыми офицерами. Один замполит Паша Трофимов представлялся к Герою, а два других Трофимовых геройски погибли в разное время. Один в Афганистане, а другой Михаил через несколько лет в Югославии. Михаил Трофимов, которого сменил Садовников, после ДРА не захотел служить в армии и уволился в запас. Пошел, на так называемые «вольные хлеба», и несколько лет удачно работал каскадером в Ташкенте на Узбекской киностудии. Его прекрасная разносторонняя спортивная подготовка оказалась здесь востребована. Это был просто отчаянный парень, как говорят о таких — сорвиголова. После развала системы кинематографии и Узбекской киностудии, в конце 90-х годов, потянувшись за романтикой и острыми ощущениями, он уехал помогать братьям-сербам защищать свое отечество и геройски погиб в одном из боев на земле Югославии...

После бесстрашного Михаила Трофимова лейтенанту Садовникову непросто пришлось зарабатывать себе авторитет. Однако Миша достаточ-

но быстро вошел в незнакомый коллектив разведчиков и обусловлено это было тем, что он не вылазил из боевых действий.

12 мая 1987 года Садовников входил в состав бронегруппы старшего лейтенанта Савина. В своем первом бою действовал дерзко и решительно. Это заметили все: и солдаты, и офицеры. А 2 июля при прочесывании кишлака Сипест он закрепил свою боевую характеристику... После этого ему доверяют самостоятельно командовать группами. Ровно через неделю, 8 июля, в районе н.п. Чинари его группа попала в очень сложную ситуацию. В том кровопролитном бою, когда погиб Саша Двухреченский, Садовников добился весомого боевого успеха и был выделен командованием в числе исключительно смелых, решительных и результативных офицеров батальона.

В нем было много командирского: он говорил грубым баритоном и красочно ругался матом, тяготился политзанятиями, несколько поверхностно занимался индивидуальной воспитательной работой с подчиненными, любил поиграть в карты и выпить... Первое время у него отмечались шереховатости в отношениях с боевыми командирами групп и некоторыми бойцами из старших призывов, но он сумел всех поставить на свое место... Иногда и в физиономию мог съездить, но своего добивался. Такое было время и условия, но, в отличие от сегодняшних реалий, никто в суд на Садовникова не подавал. Если кто из солдат и получал по шее, то за дело, а потом еще и благодарил замполита, что уберег от более тяжелых последствий разгильдяйства...

Во время боя 26 июля 1987 года Михаил Садовников получил пулевое ранение в лоб и даже шутил по этому поводу: «Хорошо, что мозгов нет, а то было бы сотрясение!»

Но ранение и черепно-мозговая травма были очень серьезные.

Вот так по крупицам и складывался у человека деловой авторитет. После выдвижения помощника начальника политотдела 15 обр СпН старшего лейтенанта Николая Яремко на вышестоящую должность в Кабул, я добился назначения Садовникова на освободившуюся должность. Это считалось повышением по службе. В мае 1988 г. Миша в первой колонне бригады возвратился в Союз. Однако, прибыв к месту постоянной дислокации в Чирчик и выпив на радостях со своими однокашниками за благополучное возвращение, он вдруг загрустил. В хлопотах не сразу я понял причину перемены его психологического настроения. А когда вдруг обнаружилось его отсутствие, очень заволновался. Организовали поиски – безрезультатно. Через несколько дней из Кабула в штаб бригады позвонил офицер разведотдела армии подполковник Матвей Абсушин и сообщил:

– Олег Владимирович, Садовников просил передать тебе, что он благополучно добрался до своего батальона.

– Ах, мальчишка, сбежал на войну! Еще не навоевался! – подумал я в тот момент...

Да, он был человеком действия. Решительным и целеустремленным. Быстро сориентировавшись в обстановке общей неразберихи, Миша, имея на руках служебный паспорт, самовольно вернулся обратно в Афганистан, на войну, в свой 668 оо СпН, который в связи с повышением актив-

ности мятежников был задержана командованием в Кабуле до февраля 1989 года.

— Как же я мог находиться дома, если мои ребята продолжают воевать, — пояснял он мне позже свой поступок, — ведь они бы подумали, что я струсил.

Садовников вновь был назначен на прежнюю должность — замполитом роты в своей части. Вновь окунулся в стихию войны, ходил в засады, летал на воздушную разведку в окрестностях Кабула. 19 августа 1988 г., при выходе колонны на боевые, БМП, на которой находился Садовников, подорвалась на мине. Михаил получил серьезную минно-взрывную травму и госпитализирован в центральный военный госпиталь в Кабуле.

Не успев окрепнуть, только выйдя из госпитальной палаты, он вновь 20 сентября уходит на боевой выход в район н.п. Даштак южнее Кабула, где пережил многочасовой тяжелый бой с моджахедами.

Я к тому времени вернулся в Кабул на должность заместителя члена военного совета, и, беспокоясь за судьбу Садовникова, пошел к генерал-майору А. Захарову с просьбой:

— Товарищ член военного совета, прошу Вас назначить моего замполита роты Садовникова на вышестоящую должность. Ходит по лезвию ножа. Смертью дважды помечен — получил пулевое ранение в голову и контузию на подрыве. Это тот самый Садовников, что самовольно вернулся в Афганистан из Чирчика. Как бы не убили!

Кто-кто, а Захаров отлично знал, что такое метки смерти. Он тут же снял трубку телефона и приказал начальнику отдела кадров подполковнику А. Соснову найти должность для Садовникова. Вскоре состоялся приказ, и Садовников окунулся в работу секретаря партбюро 177-го отряда спецназа, дислоцировавшегося в то время на Кабульском аэродроме.

...15 февраля 1989 г. на последнем бронетранспортере отряда, следом за пешком идущим по мосту командармом Громовым, Мишка выкатил на родную советскую землю... Какая же она тогда была громадная наша земля!

Эшелон их части был в пути без малого месяц. За дорогу они, как босяки оборвались и спустили все свои сбережения. Станция разгрузки части оказалась за полярным кругом недалеко от Мурманска. Впервые все они, от солдата до офицера, увидели роскошное северное сияние. Вот ведь как устроена военная судьба, то афганская жара под 40 градусов, а тут, где под боком норвежская граница и 40 градусов мороза. Под меховой десантной курткой у М. Садовникова не видны были три ордена Красной Звезды, полученные за мужество, пролитую кровь, за успешное выполнение интернационального долга... Только шрам на высоком лбу свидетельствовал о том, что его хозяин побывал в боевых переделках.

Служба в Союзе у Миши, как и у многих, прошедших войну, шла неровно. Часть разместили в заброшенном военном городке, где до этого размещались ракетчики. Естественно, по ходу пришлось заново обустраивать полуразграбленные помещения. Непрерывные строительные работы и неустроенный быт действовали на всех разлагающе.

То ли сказалось отсутствие рядом женского начала, то ли ранения давали о себе знать, но Садовников остался закоренелым холостяком.

Бывало, получив получку, крепко выпивал. В этом состоянии дурел до безобразия – все ему казалось, что он на войне... В суждениях и поступках был резковат. С пол-оборота легко заводился и мог полезть в драку.

После подписания позорного приказа министра обороны России о расформирования отряда, он долго не мог выйти из стресса. Служить в Пскове отказался. В этот период у молодых офицеров считалось за геройство – назло врагам уволиться в запас. Таким образом Спецназ потерял легендарных боевых командиров Дмитрия Лютого (154 оо СпН), Сергея Клименко (668 оо СпН), Сергея Лафазан (154 оо СпН), Сергея Козлова (173 оо СпН) и многих других. Уволился и Михаил Садовников.

Куда идти? Что он умел делать, кроме того, как воевать? В 1998 г. его следы затерялись. Позднее мне рассказывали, что его убили на Кавказе, в городе Баку. Недаром его метила смерть...

Яркий след в истории отряда оставил о себе младший врач медпункта отряда лейтенант медицинской службы Белевитин Александр Борисович.

После окончания Ленинградской военно-медицинской академии в сентябре 1985 г. он попал в Афганистан. Помимо повседневной медицинской практики принял участие в 9 боевых операциях, в ходе которых проявил себя смелым и решительным офицером. Неоднократно под огнем противника оказывал быструю и квалифицированную помощь раненым, а если требовала обстановка, брал в руки оружие и участвовал в бою как боец. Особо, лейтенант Белевитин отличился 16 апреля 1986 г. при повторном досмотре места уничтожения каравана.

20 июня 1986 г. пункт постоянной дислокации отряда подвергся интенсивному минометному обстрелу мятежниками. В этой обстановке, рискуя жизнью, лейтенант Белевитин вынес из-под обстрела двух раненых военнослужащих и оказал им своевременную медицинскую помощь, чем спас жизнь.

4 августа 1986 года, участвуя в налете на склад мятежников, был ранен и контужен. В ходе боя лично уничтожил одного мятежника и организовал эвакуацию раненых, во время которой силы покинули его и он потерял сознание. За мужество и верность профессиональному долгу старший лейтенант Белевитин был награжден орденом Красная Звезда и медалью «За боевые заслуги».

Послевоенная служба у генерал-майора медицинской службы Белевитина Александра Борисовича сложилась достаточно удачно. Он защитил докторскую диссертацию, стал профессором, а в 2007 году Указом Президента России назначен начальником военно-медицинской академии им. С.М.Кирова в Санкт-Петербурге. Насколько я знаю, он стал единственным генералом из всего достойного офицерского коллектива 668 оо СпН.

Повезло отряду и на *особиста*. До 22 октября 1987 г. щепетильную работу военного контрразведчика (оперативного уполномоченного КГБ) бригады вел майор Романов Владимир Ильич. Он был выпускником Рязанского высшего воздушно-десантного училища, и маргеловская закалка дала ему хороший иммунитет от принятой у некоторых работников этой сферы неприличной формы сыскной деятельности и способности к подковерным интригам. Владимир Ильич был прекрасным человеком и на-

дежным товарищем. Прямым и верным в отношениях с командным составом батальона и солдатами. Его уважали и любили. Он погиб в сбитом духами самолете Ан-26 в районе взлетной полосы аэродрома Джелалабад.

Не могу не вспомнить добрым словом наших прапорщиков Леонида Сапронова и Константина Станева, а также солдат и сержантов, которые на своих плечах несли все победы и поражения отряда. Каждый офицер, вспоминая свою длительную службу, непременно назовет фамилии подчиненных, которые запали в душу своим мужеством и героизмом, профессионализмом и человеческими качествами.

В батальоне такими были сержанты А. Волков, А. Гонышев, Горбунов, А. Двухреченский, В. Захарченко, Ю. Зубко, В. Ильенко, А. Канашков, Н. Карплюк, В. Коргун, Лагутин, О. Масюк, Мизгириев, Мирзагаев, О. Онищук, Г. Пасахович, П. Рыбин, Г. Солохин, Д. Сушко, Чубаров, рядовые С. Христенко, С. Лапшин, М. Ткаченко, О. Шариков и многие другие. Всех сразу и не припомнишь. Свое повествование о солдатах и сержантах я хочу дополнить выдержками из чудом сохранившихся рабочих записей с наградных листов отряда, по отдельным отличившимся живым и мертвым разведчикам:

1. Рядовой Быличкин Василий Васильевич, уроженец Пензенской области, механик-водитель. В РА с ноября 1985 года. За время прохождения службы в 1 роте спецназ зарекомендовал себя дисциплинированным солдатом. Отлично знал свою боевую технику, грамотно ее эксплуатировал. Всегда держал ее в образцовом состоянии. Быличкин принимал участие в 70 боевых выходах по уничтожению караванов и бандформирований мятежников. Отличился 1 апреля 1987 года, когда РГ СпН № 433 завязала бой с бандой мятежников. Бронегруппа вышла на поддержку разведчиков. Машина рядового Быличкина шла головной. Местность была пересеченной, но броня шла на большой скорости. Группа разведчиков нуждалась в срочной поддержке, так как «духи» уже начали пристреливать «РС» и минометы по обороняющимся спецназовцам. Подойдя к району боя, машина Быличкина с ходу вступила в бой, ведя прицельный огонь по огневым точкам мятежников. Василий четко управлял своей машиной, маневрировал, не давая мятежникам прицельно бить по машине. Под огнем разведгруппы и бронегруппы мятежники, неся потери, стали уходить в горы. Но в последние минуты боя пуля снайпера тяжело ранила Василия. Умер он в госпитале через 4 суток. Посмертно награжден орденом Красной Звезды.

2. Сержант Волков Андрей Алексеевич, заместитель командира группы (роты на БМП), уроженец Пензенской области. В РА с ноября 1985 г. За время прохождения службы зарекомендовал себя дисциплинированным, грамотным сержантом. Участвовал в 80 боевых выходах по уничтожению караванов и бандформирований мятежников. Отличился в марте 1987 года, когда на афганскую колонну напали мятежники. Бой был тяжелым. Афганцы запросили помощи и она была оказана. Немедленно в район боя вышла бронегруппа отряда. На одной из БМП командиром был сержант Волков. Помощь подошла в самый критический момент боя. Сержант Волков, оценив обстановку, давал четкие целеуказания наводчику, управлял механиком

для маневра. Экипаж действовал четко и слаженно. Метким огнем из БМП сержанта Волкова подавлялись огневые точки мятежников. И мятежники отступили, афганская колонна прошла этот участок дороги. Наша бронегруппа, выполнив свою задачу, возвращалась в ППД. Машина сержанта Волкова замыкала бронегруппу. И в этот момент из придорожных кустов раздался выстрел из гранатомета по замыкающей машине. Граната попала в башню, сержант Волков погиб. Это произошло 24 марта 1987 г. Сержант Волков посмертно награжден орденом Красной Звезды.

3. Алмаатинец рядовой Бабичев Андрей Николаевич был наводчиком-оператором роты специального назначения (на БМП). В Республике Афганистан Бабичев А.Н. находился с ноября 1987 г. За это время принимал участие в 38 боевых операциях по ликвидации вооруженной оппозиции в провинции Логар. 26 января 1988 г. рядовой Бабичев А.Н. принимал участие в ведении засадно-поисковых действий в районе н.п. Калати. Обнаружив оппозиционеров, рядовой Бабичев А.Н. занял выгодную позицию и, используя штатное вооружение, подавил огневую точку. В бою лично уничтожил одного моджахеда. Своими действиями способствовал успешному выполнению боевой задачи. В ходе боя были уничтожены: 1-машина, 3 оппозиционера и захвачено оружие и боеприпасы. 14 июля 1988 г. рядовой Бабичев А.Н. входил в состав группы при ведении боевых действий в районе северо-восточнее н.п.Закабад. Одним из первых обнаружив оппозиционеров, рядовой Бабичев А.Н. вступил в бой. Проявляя смелость и решительность, рискуя собственной жизнью, рядовой Бабичев А.Н. вплотную приблизился к вооруженным оппозиционерам и огнем из штатного вооружения уничтожил расчет ПУ РС оппозиционеров, сковал их действия, чем способствовал успешному выполнению боевой задачи. В результате боя группой было уничтожено: 8 вьючных животных, 3 оппозиционера и 20 реактивных снарядов. 9 августа 1988 г. рядовой Бабичев А.Н. входил в состав колонны, совершающей марш из Баграма в Кабул. В районе н.п.Дакой-Бала, группировка мятежников подвергла обстрелу боевую колонну. В ходе боя рядовой Бабичев А.Н. подавил огневую точку оппозиционеров, но был тяжело ранен и умер, до конца выполнив свой воинский и интернациональный долг. Награжден орденом Красная Звезда (посмертно).

4. Уроженец Душанбе сержант Мирзоев Одилшан Айварович, командир отделения. В РА с мая 1987 г. За время прохождения службы в вч пп 44653 зарекомендовал себя дисциплинированным, грамотным сержантом. Участвовал в 70 боевых выходах по уничтожению караванов и бандформирований мятежников. За успешное выполнение боевых задач был награжден медалью «За отвагу». Особо отличился 31 июля, когда принял участие в уничтожении банды оппозиционеров в районе н.п. Мазгин провинции Логар. Находясь в составе бронегруппы, на своей машине одним из первых пришел на помощь разведгруппе, которая вела неравный бой с превосходящими силами мятежников. Огнем из пулемета со своей боевой машины заставил банду отступить, чем спас жизни разведчикам, которые вели неравный бой с противником. В ходе боя Мирзоев лично уничтожил 2 мятежников, но был убит снайпером противника. Награжден орденом Красная Звезда (посмертно).

5. Уроженец Псковской области рядовой Захаров Александр Геннадьевич, разведчик-гранатометчик 3 роты спецназ. В РА с ноября 1987 года. За время прохождения службы участвовал в 25 боевых выходах по уничтожению караванов и бандформирований мятежников. 9 июня 1988 года РГ СпН № 432 завязала бой с бандой мятежников. В ходе боя в группе появились раненые, и рядовой Захаров помогал их эвакуации к бронегруппе, которая пришла им на помощь. Оставшись на броне прикрывать раненых товарищей, он корректировал огонь башенного пулеметчика и сам вел огонь из автомата по мятежникам. Но силы противника значительно превосходили нашу группу, и когда группа стала отходить к броне под сильным огнем мятежников, Захаров принял огонь на себя и был убит, получив смертельное ранение в голову. Награжден орденом Красная Звезда (посмертно).

6. Волгоградец рядовой Бабенко Александр Анатольевич с февраля 1986 г. был водителем БРТ роты минирования. Принимал участие в 43 боевых операциях, но особо отличился 6 декабря 1986 г. во время боя в районе н.п. Абчакан. При выдвижении в район бронегруппа была атакована противником. Будучи контуженым, Бабенко сохранил самообладание и продолжал выполнять поставленную боевую задачу. Огнем из автомата отразил атаку противника и лично уничтожил одного мятежника. Под интенсивным обстрелом вынес с поля боя раненого товарища, оказал ему первую медицинскую помощь. Устранил неисправность боевой машины и подготовил ее к эвакуации. Награжден медалью «За отвагу».

7. Таджик рядовой Карачаев Рамазон Хайталиевич был хорошим пулеметчиком роты спецназ. В Афганистане служил с апреля 1986 г. Принимал участие в 32 операциях по реализации разведданных. Особо отличился 30 ноября 1986 г., когда действовал в засаде. Обнаружив группу мятежников, уходящих из кишлака в горы, он в составе группы захвата совершил маневр во фланг противнику и способствовал пленению 3 мятежников. Во время боя получил ранение, но продолжал выполнение боевой задачи. Награжден орденом Красная Звезда.

Несколько знакомых фамилий военнослужащих батальона мне напомнила пожелтевшая вырезка из газеты «Красная Звезда» от 15 декабря 1987 г. Статья «Дорога домой» военного журналиста А. Ладина явно была написана по заказу вышестоящего командования на модную в тот период тему борьбы с пьянством. *«Во время моего пребывания в Ташкенте в аэропорту и на железнодорожном вокзале было задержано несколько нарушителей общественного порядка в военной форме. И что характерно — все они были в форме десантников и в документах у них стояла одна и та же подпись — майор В.Головко. Что натворили эти несколько человек? Позарились на водку, сбываемую спекулянтами... Не хочется писать об этом, но пусть десантники знают тех, кто позорит их честь. Это рядовые запаса С. Митрохин, А. Макаров, Н. Мовчан... Опозорил себя недостойным поведением и сержант запаса С. Жураковский. Он громко бахвалился своими необычными заслугами, что, впрочем, не стесняясь, делали и те трое, о*

которых шла речь выше. Возможно, они действительно неплохо проявили себя в боевой обстановке. Но бахвальством, недостойным поведением уже бросили тень на свое недавнее прошлое, затмили то хорошее, что им, несомненно, свойственно...»

Реакция на данную публикацию была неожиданно резкой и очень жесткой. Лично министр обороны СССР Дмитрий Язов приказал наградные материалы на указанных в статье военнослужащих отозвать, что, как я помню, мы все очень болезненно переживали случившееся. Как жаль, что дорогой ценой заслуженные боевые награды оказались потерянными из-за нелепой мальчишеской пьянки...

Эта ситуация в чем-то оказалась схожей с последующей историей Героя Советского Союза Ю. Миролюбова, о котором я уже писал. Мирное гражданское общество нашей страны нетерпимо принимало своих сыновей, прошедших суровую школу войны. Порой оно было необоснованно безжалостным.

Мы в бригаде практиковали отправку писем другого рода – писали в газеты и родителям отличившихся воинов о доблестной службе, поднимая на щит гласности конкретных героев и формируя положительный образ защитников Родины. Одним из таких эпистолярных героев стал для нас рядовой (впоследствии сержант) Рыбин.

Я сам сфотографировал Павла Рыбина и фотографию отправил вместе с письмом в горком КПСС и редакцию местной газеты города Кушвы Свердловской области, где жили родители Павла. Вскоре получили ответное письмо, к которому была приложена газетная публикация «Кушвинского рабочего» от 21.06.1988 г. Привожу полный текст:

«За мужество и отвагу»

(так служат наши земляки)

Двадцать восемь выпускников ПТУ № 44, призванные в ряды Советской Армии для выполнения интернационального долга, оказания помощи в защите революционных завоеваний в Афганистане, оправдали звание советского солдата, показав пример мужества и героизма. Инженерно-педагогический коллектив училища гордится своими воспитанниками. На имя первого секретаря Кушвинского горкома КПСС из войсковой части, где проходит службу Павел Рыбин, пришло письмо (оно публикуется ниже – ***ред.****), в котором рассказывается об отличной службе выпускника СПТУ-44.*

Письмо из части

Здравствуйте, уважаемые товарищи! Сообщаем Вам о том, что Ваш земляк рядовой, разведчик-пулеметчик, Павел Рыбин, указом Президиума Верховного Совета СССР награжден орденом Красной Звезды. Мне приятно сообщить, что Павел мужественно выполняет свой воинский долг. Воин-десантник рядовой Рыбин смел и отважен в боях с мятежниками. В августе прошлого года в районе населенного пункта Суфла он был тяжело ранен, но не покинул поля боя и продолжал вести огонь из своего пулемета, чем обеспечил выполнение подразделением поставленной задачи. Павел активен в общественной работе, является комсомольским вожаком. За успехи в коммунис-

тическом воспитании молодежи, личное мужество и героизм он награжден знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть». В декабре прошлого года— январе нынешнего Рыбин принимал участие в составе подразделения в операции «Магистраль», обеспечивая проводку афганских колонн в блокированный административный округ Хост. В суровых зимних условиях на высокогорье десантники достойно выполнили поставленную задачу. Сообщая о службе рядового Павла Рыбина, не могу не сказать спасибо его матери, проживающей в Кушве на улице Горняков, за хорошее воспитание сына, настоящего героя, воина-интернационалиста.

Здесь, в Афганистане, уроженцы Урала достойно несут боевую службу. Героями Советского Союза на афганской земле стали младший сержант Юрий Исламов из Талицы Свердловской области, подполковник Валерий Востротин из г. Касли Челябинской области. Славой покрыло себя десантное соединение, которым командует полковник Юрий Старов из Магнитогорска. Достойными продолжателями дела военных комиссаров гражданской и Великой Отечественной войн являются выпускники Свердловского высшего военно-политического училища, кавалеры боевых наград старшие лейтенанты В.Майоров, Н.Быков, капитан В. Смирнов, майор С. Зозуля, подполковник А. Греблюк и другие.

Знайте, земляки: уральцы бьются здорово!

С десантным приветом, начальник политотдела
О. Кривопалов»

В наше смутное время мы никогда уже не узнаем, как сложилась жизнь у большинства бывших военнослужащих 668 оо СпН, из которых более тысячи являлись настоящими героями и были награждены орденами и медалями СССР и афганского правительства за мужество и героизм, проявленные при выполнении интернационального долга в Афганистане. Подполковника Корчагина в июне 1988 года сменил тоже выходец из 22-й бригады майор Валерий Александрович Горатенков, которому выпала честь 6 февраля 1989 года возвращаться с личным составом на Кировоградщину. Он стал там заместителем командира 9 обр СпН, полковником, но долгой службы не получилось, так как когда началось переформирование бригады в учебный центр, подал рапорт на увольнение...

...Недолгой оказалась послевоенная история 668-го отряда. Начиналось вроде все красиво: прибывающий на украинскую землю боевой батальон встречал сам командующий войсками Киевского военного округа генерал-полковник Борис Громов. Под его чутким руководством власти Кировограда выделили фронтовикам благоустроенные квартиры в новых домах. Но вскоре началась жеская «перестройка по-украински» — Громова сняли, армию начали сокращать и переформировывать: из лучшей бригады спецназ создали 50-й учебный центр специальной подготовки Главного управления разведки МО Украины.

Через несколько лет от славного боевого коллектива не осталось и следа. Офицеры и прапорщики уволились в запас. В украинской армии

перестал существовать и 668-й отряд. Очень жаль, хорошая боевая и заслуженная была часть!

Правда, в память об афганцах на территории учебного центра в городе Кировограде возле штаба части установили памятник погибшим на той войне, но он получился какой-то безымянный. Видимо, кто-то посчитал лишним увековечить 52 фамилии погибших воинов, где кроме украинцев были представители всех братских народов Советского Союза, или просто на это средств не хватило. Наверное, это было неправильное решение.

Имена погибших должны знать и помнить все!

АБЧАКАНСКОЕ УЩЕЛЬЕ

Мало, ежели офицер сам не боится, а команда его не имеет равной с ним твердости; у истинно храброго офицера и подчиненные будут герои.

М.С. ВОРОНЦОВ

12 мая 1987 года в провинции Логар спецназом был захвачен самый большой караван моджахедов на тот период. Об этом бое уже написано много. Он стал хрестоматийным. Его подробности изучались во всех частях ОКСВ. Мастерство и мужество командира досмотровой группы № 423 старшего лейтенанта Павла Трофимова ставились в пример всему личному составу.

Тот день начинался как обычно. С утра долгое ожидание подлета вертолетов из Газни, предназначенных для воздушного патрулирования местности, а привычнее – облета. Только к 13 часам они прилетели. Боевым звеном командовал капитан Николай Майданов. По плану командира отряда этим вечером РГ СпН №424 под командованием лейтенанта Барышева Е.С. должна была высадиться с вертолета и организовать засаду на одном из наиболее вероятных маршрутов движения караванов мятежников. Для обеспечения действий группы была назначена бронегруппа №425 в составе трех БМП-2 и трех БТР-70. Для проведения воздушной разведки и рекогносцировки места предстоящей засады командиром досмотровой разведгруппы (ДРГ) № 423 был назначен старший лейтенант П.Трофимов.

В 14.00 досмотровая группа вылетела. В ее составе было 20 человек: из них три офицера (заместитель командира роты старший лейтенант Трофимов П.Г., командиры групп лейтенанты Боков В.А. и Барышёв Е.С.), два радиотелеграфиста группы связи отряда, 13 разведчиков 2-й роты и 2 разведчика-минера из 4-й роты. Вооружение группы состояло: автоматический гранатомет АГС-17 – 1 ед., пулеметы ПКМ – 2 ед., подствольные гранатометы ГП-25 – 2 ед., автоматы АКМС с ПБС-1 – 1 ед. и АКС-74 – 12 ед.. Командир 3-й группы 2-й роты лейтенант Боков, чей позывной и

обозначен был на боевом «натаскивании», т.е. изучал местность и знакомился с работой командиров. Трофимов к тому времени был достаточно авторитетным и опытным боевым офицером, награжденным медалью «За отвагу» и вполне подходил на роль боевого наставника. На двух Ми-8 под прикрытием пары Ми-24 группа должна была совершить облет местности по маршруту Пандхаби-Шана-Бараки-Ахундхейль, так называемому малому кругу. Особое внимание уделялось южной части провинции Логар: окрестностям кишлаков Альтамур, Чаунай, Абчакан, ущелью Дубандай. Ущелье у населенного пункта Абчакан, как уверяли знающие люди, — место спокойное во всех отношениях. Пересохшее русло реки днем хорошо просматривалось и не являлось районом особого внимания. Однако, проходя над ним, командир досмотровой группы, а также лейтенант Барышев и командир 2-го отделения младший сержант Г. Пасахович практически одновременно обнаружили караван, находящийся на дневном отдыхе (на склонах паслось огромное количество вьючных животных).

Павел Трофимов принимает решение десантироваться и связать боем охрану каравана до прибытия подкрепления. Вся досмотровая группа под прикрытием пары «крокодилов» была высажена приблизительно в ста двадцати метрах от Абчакана, на противоположном склоне каньона. Вертолетчики доложили на ЦБУ, что спецназ ведет бой, отработали по целям и, оставив на борту только неприкосновенный запас боеприпасов, ушли пополнять боекомплект.

Десантировавшись, группа заняла круговую оборону. Как только духи пришли в себя, они открыли такой шквальный огонь, что ответную стрельбу из АГС-17 Барышеву и младшему сержанту Чубарову пришлось вести лежа, подняв над головой кисти рук. Трофимов срочно связался с ЦБУ и доложив обстановку — запросил помощи.

Бой завязался сразу. Душманы знали, что два вертолета не могут высадить значительную группу, и пошли на разведчиков в атаку. Но не зря замполит роты постоянно напоминал воинам суворовскую заповедь, что врага бьют не числом, а умением. Первая атака была отбита точными очередями и гранатами.

Враги решили блокировать десант со всех сторон. Трофимов, своевременно распределив силы, захватил главные высоты, оставшись руководить боем за камнями на караванном пути. Отбита еще одна атака. Патроны на исходе. Определены примерно силы противника: более восьмидесяти человек, стрелковое и тяжелое оружие, гранаты, но ни у кого из воинов не мелькнула даже мысль укрыться в горах.

Очередная атака. Старший лейтенант сам лег за пулемет и прижал врагов к земле. Неожиданный взрыв гранаты — и он, контуженый, оглох и ослеп на какое-то время. Едва очнувшись, Трофимов вновь припал к оружию, отстранив пытавшихся оказать ему помощь товарищей.

Бой разгорелся с новой силой. Павел успевает, преодолевая боль, давать указания воинам, на всякий случай придвинув к себе поближе гранату...

Когда обстановка стала критической и казалось, что инициатива переходит к врагу, отчаянные разведчики перебежками достигли брошен-

ных вьюков с грузом и ножами вспороли их. Под свист пуль установили трофейный крупнокалиберный пулемет ДШК и открыли шквальный огонь по бандитам.

Получив сообщение о бое, командир отряда подполковник Анатолий Корчагин приказал бронегруппе выдвинуться в район боя для оказания помощи ДРГ. Одновременно с этим срочно подготовить группу поддержки для вылета в район боевых действий. Вертолеты были заправлены топливом и боеприпасами за 30 минут, и резервная группа в составе 22 человек вылетела на Абчакан.

В 15.30 вертушки были над группой Трофимова. При попытке сесть они были встречены сильным огнем. Поэтому группа поддержки десантировалась на обратных скатах холма в двух сотнях метров от места предыдущей высадки. Это усложнило организацию взаимодействия. Но вертушки открыли по «духам», подавив их огневые точки. Однако обстановка продолжала оставаться сложной. Досмотровая группа продолжала оставаться под сильным огнем, среди личного состава имелись контуженые от разрывов РПГ. С соседней высотки духи открыли прицельный огонь из ДШК. Все это затрудняло маневр.

Два с половиной часа... много ли это? Сто пятьдесят минут, 9000 секунд... Не так много, если увлечься интересным делом, засидеться у тихого озера с удочкой... А кто измерит 9000 секунд смертельного боя, когда на одного пятеро?

Именно столько дрались разведчики до прибытия подкрепления на вертолетах и на броне. В 15.40 группе захвата в составе пяти человек под командованием лейтенанта Сергея Клименко была поставлена задача — занять высоту, где находился ДШК, уничтожить мятежников и в последующем не допустить выхода противника во фланг. Используя маневр и последовательный перенос огня, эта подгруппа в течение двадцати минут выполнила поставленную задачу и овладела господствующей высотой. В 16 часов 15 минут подгруппа Клименко была атакована группой всадников. Атака была отбита. Противник потерял около десяти человек. Под прикрытием группы Клименко спецназовцы Трофимова забросали гранатами «духов», находящихся в ущелье. Только когда противник начал отходить вглубь ущелья, обе группы спецназа смогли объединиться. Командир уточнил задачи подгруппам. К этому времени подошла бронегруппа под командованием командира роты старшего лейтенанта Саввина. А с ней и приданная отряду артиллерия: четыре гаубицы Д-30 и две машины реактивной артиллерии «Град-Д» (122-мм двенадцатиствольные установки на базе ГАЗ-66.) Саввин организовал огонь реактивных установок в глубину каньона, а ствольной артиллерии прямой наводкой под прикрытием брони по целям, которые появлялись на поле боя.

Для прикрытия действий группы досмотра каравана, в 17.00 в ущелье к Абчакану прорвались две БМП-2. В группу досмотра вошли В. Саввин и П. Трофимов и с ними 8 разведчиков, которые под огнем противника приступили к работе. Во время досмотра был ранен в грудь рядовой Сергей Лапшин. Пуля задела ему позвоночник. Легкое ранение в руку получил младший сержант Володя Коргук. До наступления темноты остава-

лось ещё долгих полтора часа. Еще одна из боевых машин из состава бронегруппы попыталась приблизиться к месту досмотра, но подорвалась на мине. Второй подошедшей бронегруппой командовал начальник штаба майор М. Коркишко. И в ней, в ходе выдвижения к месту боя, произошел подрыв на мине БТР-70.

К 18.30 стало смеркаться. Духи предприняли очередную попытку отбить караван. В результате ожесточенного боя, в ходе которого огонь велся с расстояния не более шестидесяти метров, получили ранения старший лейтенант В. Саввин и двое разведчиков. В этот критический момент боя один из сержантов с пулеметом вышел во фланг атакующей группе противника по сухому руслу и кинжальным огнем с фланга уничтожил основные силы противника.

Трофимов с разведчиками довооружились трофейными австрийскими гранатами «Arges» с готовыми шариковыми поражающими элементами, прихватили с собой безоткатное орудие китайского производства и девять выстрелов к нему. Наверх поднимались тяжело груженые, используя не простреливаемые участки склонов. Заняли круговую оборону, готовясь к худшему. Рассчитывать на дополнительную помощь от батальона разведчикам не приходилось. Поскольку в это же время в районе 50-60 километров севернее ППД батальона ввязалась в бой с мятежниками 411-я группа и броня третьей роты. Других сил в отряде уже не было. К этому времени о богатых трофеях доложили в штаб 40-й армии. По распоряжению начальника штаба армии генерала Грекова из Гардеза под Абчакан была переброшена десантно-штурмовая рота на десяти БМП-2 с целью оказать помощь спецназу. Однако сигналов взаимодействия с подразделениями отряда они не знали, поэтому во избежание недоразумений им было приказано остановиться в 4 километрах от места боя, и оставаться там в качестве резерва при отходе спецназовцев с трофеями.

Ночью, как и ожидалось, духи предприняли еще одну попытку отбить караван. Но их действия были обнаружены наблюдателями и пресечены трофейными гранатами. После этого моджахеды установили ДШК и попытались обстреливать позиции спецназа, но пулемет был ловко подавлен спецназовцами огнем трофейного БО. Духи до утра не могли успокоиться и периодически открывали огонь из миномета, но им также авторитетно отвечала наша артиллерия. Здесь же ночью под пулями первую врачебную помощь раненым оказал хирург батальона лейтенант Александр Белевитин.

С первыми лучами солнца пришли вертушки, доставили подкрепление и боеприпасы. Снова спецназовцы, теперь уже под руководством капитана Воробьева спустились в ущелье, где вскоре ранило еще одного разведчика. Стрелявшего «духа» застрелил замполит Трофимов. Вскоре в небе появилась пара штурмовиков Су-25, которая отработала «пятисотками» пути возможного выдвижения резервов противника в ущельях Абчакан и Дубандай. Впоследствии оказалось, по данным агентуры, к месту боя в тот момент выдвигалось до двухсот пятидесяти моджахедов. Тем самым летчики в очередной раз спасли спецназовцев.

После этого к «забитому» каравану стали стекаться тыловые и транспортные подразделения отряда.

Утром начали поднимать из русла наверх трофейное оружие и боеприпасы. Таскали на себе по тропам. Часть наиболее ценных и представляющих интерес трофеев была доставлена в ППД. Основную же часть трофеев пришлось уничтожить на месте по причине их огромного количества и невозможности вывезти из ущелья.

В ходе боя уничтожено: реактивных снарядов (РС) – 470, РС 9М22М (увеличенной дальности) – 60, выстрелов к безоткатным орудиям (БО) – 570, выстрелов к РПГ-7 – 950, 82-мм мин – 410, 14,5-мм патронов – 30000, 12,7-мм патронов – 61400, 7,62-мм патронов – 230000, мин «Р5МК1», производства Пакистана – 90, противопехотных мин ПМН китайского производства – 170, ручных гранат «Arges» с готовыми шариковыми поражающими элементами – 90, взрывчатых веществ (ВВ) – 340 кг, медикаментов – 700 кг, вьючных верблюдов – 193, вьючных лошадей, ослов и мулов – 62.

Захвачено: китайских ПЗРК «Хуньин-5» (аналог отечественного ПЗРК «Игла-2») – 16, 107-мм пусковых установок реактивных снарядов (ПУ РС) – 4, 122-мм ПУ РС увеличенной дальности – 1, 122-мм РС 9М22М – 24, 75– и 82-мм безоткатных орудий – 7, 82-мм минометов – 1, 14,5-мм ЗГУ – 1, 12,7-мм ДШК – 1, 7,62-мм СГМ – 1, автоматов – 2, миноискатель – 1, медикаментов – ок. 700 кг. Обнаружен и вывезен трофей особой важности – шифровальная машина, производства США – 1.

Осмотрены трупы 14 погибших моджахедов (обнаружено трупов на месте боя). По уточненным данным из агентурных источников моджахеды потеряли 47 чел. убитыми, в том числе шестерых иностранных советников, двое из которых являлись гражданами США (предположительно сотрудники ЦРУ).

Не достигли цели и переданы афганским войскам взятые в бою ПЗРК, ДШК, ЗГУ, миномет, безоткатные орудия, боеприпасы к стрелковому оружию, взрывчатка и много другого вооружения и имущества, предназначавшегося мятежникам.

Как позже выяснила агентура, численность отряда мятежников, у которого был отбит караван, составляла 90 – 95 человек. Отряд был не из местных. Они вели караван из Пакистана. Этим и объясняется, почему на поле боя осталось только 14 трупов. Продвижение каравана через провинцию Логар моджахедами было приостановлено из-за того, что «братья в борьбе за веру» не сошлись в цене с командирами местных бандформирований за обеспечение проводки каравана. Его планировалось разделить на три части и проводить через подконтрольную территорию разными маршрутами. В проводке планировалось задействовать двести тридцать моджахедов.

По прибытию в расположение, выполняя приказ комбрига, штаб отряда начал готовить наградные на отличившихся военнослужащих. И хотя состав группы был неоднородный, были и старослужащие, и недавно прибывшие молодые, которые и духа живого в глаза до этого не видели, но с боевой задачей справились все отлично. Все представлялись к наградам.

По приказу командующего армией командира ДГР № 423 представили к званию Героя Советского Союза.

Оформляя наградной лист, сослуживцы вспомнили, что родился Павел Трофимов 4 октября 1959 г. в поселке Надеждино Багратионовского района Калининградской области в семье участника Великой Отечественной войны, кавалера орденов Красного Знамени и Славы. С 1946 года отец Павла Георгий Данилович, закончив военную службу, работал участковым уполномоченным Надеждинского РОВД. Многое у Трофимовых было связано с воинской и государственной службой: фронтовая биография отца, служба мужа сестры – подполковника погранвойск, брата – старшего прапорщика, сестры – старшего лейтенанта, инструктора по борьбе с наркоманией. А вот двух младших братьев тянуло к земле. Бригадиром колхозной комплексной бригады стал Олег. Закончив профтехучилище, овладел специальностью тракториста-комбайнера и Павел. Невелики колхозные поля на Калининградщине. Урожай достается ценой тяжелого труда. Не изменил бы Павел профессии хлебороба, но пришла пора идти в армию. Уважение к ратному долгу, родительский наказ верно служить Отечеству запали в душу Павла прочно и навсегда. Нелегка срочная служба в понтонном расчете. Боевые нормативы не оставляли времени на раскачку, нерешительность, и Павел был в числе первых. Если нужно было, бросался к нераскрывающемуся понтону в ледяную воду. Только на срочной службе Павел понял, что в сложное и противоречивое время его место в армии. Он написал рапорт о продолжении службы прапорщиком. К этому времени он был классным специалистом, освоившим не одну воинскую специальность, пользовался авторитетом. Воины батальона избрали его комсоргом. Год службы показал, что для серьезной работы нужны знания, и Павел подал рапорт с просьбой направить на учебу. В 1983 году в Новосибирске он сдал экзамены за полный курс среднего военно-политического училища и вернулся в родной батальон.

В декабре 1984 г. приказом Министра обороны СССР прапорщику Трофимову П.Г. было присвоено воинское звание лейтенант. Вскоре, простившись с советской землей на ташкентском аэродроме Тузель, он вступил на раскаленный солнцем бетон посадочной полосы Кабула. Место службы в Афганистане было неплохим: батальон охраны столичного аэропорта. Не без хлопот, конечно, – личный состав нес боевое дежурство более чем на полусотне постов и застав, часто приходилось отгонять огнем бандитов, случались и обстрелы. Но служба не давала полного удовлетворения. Это чувствовала и жена Татьяна, которая в каждом письме писала: «Береги себя, я тебя знаю, полезешь туда, где труднее...».

А Павел подавал рапорт за рапортом о переводе в части, которые вели активные боевые действия. Неотразимое впечатление произвели на него лихие, на первый взгляд, несколько бесшабашные парни в «песочках» и голубых тельняшках. Только через год службы в ДРА дождался Павел назначения замполитом роты специального назначения. Здесь наиболее ярко проявились деловые и профессиональные качества молодого политработника. Бригада, которой командовал полковник Старов, к тому времени имела многолетний опыт борьбы с мятежниками.

Сейчас о той поре пишут многие, а вот как в те дни говорил ответственный редактор программы радио «Свобода» С. Шустера, который любовью ко всему советскому явно не отличался: *«...Я имел возможность убедиться, что десантные операции стали частыми, и, кстати, успешными ... господство в воздухе и на земле было подавляющим, воевали хорошо тренированные подразделения спецназа».*

Наши воины, действительно, были обучены хорошо, владели всеми видами оружия, обладали высоким морально-психологическим духом. Одинаково умело воевали и днем, и ночью. Боевая выучка помогла разведчикам и в том памятном бою...

Из воспоминаний командира 15 обр СпН полковника Юрия Старова:

— В характере у него больше командирского, но в то же время он не отталкивал людей, они к нему тянулись. Павел — офицер с военной косточкой, и кроме слепого выполнения приказа всегда думал, как его лучше выполнить. Снискал к себе уважение умением убедить. И второе — личная отвага. После первого награждения крышу не понесло. Не заносчив. Много боев было за его спиной и до майского каравана, но у него отсутствовало головокружение от успехов. Известность не сделала его хуже. Летом 1987 г. было у меня желание назначить его на должность командира роты, но по ряду причин не получилось. А я убежден, что по своим деловым и моральным качествам он вполне соответствовал бы этой должности. Как офицер — политработник на войне, он был примером — честным и храбрым. Хотелось бы, чтобы в повседневной мирной жизни он был замечен и продвигался по службе. Таких, как он, жизнь не ломает, Трофимов прочно стоит на ногах. Хочу думать, что он и впредь будет служить примером для других, как в Афганистане. Тем более, что голубую тельняшку впоследствии он сменил на морскую».

Из воспоминаний заместителя командира 668 оо СпН майора Владимира Воробьева:

— Тот бой я запомнил хорошо. Группу возглавил замполит роты старший лейтенант Трофимов. На вертолетах она вылетела на поиск. Караван обнаружили в одном из ущелий. Когда в штабе отряда получили сведения о том, что досмотровая группа уже ведет бой, командир отряда подполковник Корчагин принял решение послать на усиление еще одну группу, тоже человек двадцать. С ней полетел и я. Позже было отправлено две бронегруппы. Когда прибыли на место, группа Трофимова отбивалась, можно сказать, из последних сил. Сам он был контужен, по нашим воинам вели огонь снайперы. Мятежники беспрестанно атаковали. Нашу высадку тоже встретили огнем, пытались зайти нам в тыл и расстрелять. Лейтенант Сергей Клименко вовремя разгадал их маневр и с отделением солдат бросился к ним наперерез, связал огнем. Бой был долгий. И все же под прикрытием вертолетов, подошедших бронегрупп, огня нашей артиллерии нам удалось завладеть караваном. Павел Трофимов слыл веселым, активным человеком. Его простота позволяла быстро сходиться с подчиненными. Они относились к нему удивительно доверчиво. Не последнее место играл авторитет спецназовца. Мне запомнился эпизод боя 6 августа 1987 г. в районе кишлака Ба-

бус, недалеко от перевала Вагжан. При досмотре местности, уже возвращаясь к бронегруппе, именно Трофимов заметил в зарослях кукурузы изготовившихся к бою душманов. Громко подав команду, Павел первым открыл прицельный огонь короткими очередями и сумел захватить инициативу боя. Однако хозяйственному Трофимову очень жаль было уничтожать захваченную машину. Отправив бронегруппу с офицером Исаковым, он с одним разведчиком привел автомобиль в рабочее состояние и довел его из района боевых в ППД части...

Или был такой случай. Во время совместного боя с афганским Царандоем в районе Шингара была уничтожена банда мятежников. Афганские солдаты батальона, которыми командовал старший капитан Юсуф, в запале боя стали расстреливать вьючных животных. Павел бросился под стволы автоматов афганцев и не допустил жестокости: «Ведь это же лошади!» Крестьянская жилка брала верх даже на войне.

Вроде бы во всех отношениях достойный человек. Наградной на Трофимова ушел в Москву и где-то столкнулся с бюрократической преградой. Произошла непонятная заминка.

К награждению представили своих и летчики. Кто командовал звеном? — Майданов.

В наградной легко легли первые строчки: *«Военный летчик 2-го класса капитан Майданов второй раз выполняет интернациональный долг в Республике Афганистан. За этот период совершил 1.250 боевых вылетов. Общий налет составил 1.100 часов. Награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени»...*

Но участие в этой операции могло закончиться для него крупной неприятностью. Посадка для Ми-24 на сложной местности была категорически запрещена. Однако Майданов делает доклад своему командованию и комбату подполковнику Корчагину — это его спецназовцы подсели в Суфле в его вертолеты. Нужны дополнительные силы. Караван слишком велик. Его невозможно накрыть огнем Ми-24. Бой предстоит тяжелый. Значит, нужны дополнительный боезапас, топливо, подкрепление десанту.

Из воспоминаний командира звена Ми-8 капитана Николая Майданова:

392-й, — глуховатый голос Корчагина едва пробивается сквозь полифонию эфира, — я тебя только об одном прошу: моих ребят не бросай. Слышишь? Их же мало совсем. Без подмоги перебьют понапрасну. Давай ко мне. Я дам подкрепление. Заправлю.

— Не имею права, — отвечаю.

Но логика боя подсказывала — накрыть караван с минимальными потерями можно только в том случае, если действовать стремительно, дерзко, без малейшего промедления. Оно (без пафоса) смерти подобно.

— И «Точка» в Суфле у Корчагина как нельзя лучше для этого подходит. Лету всего ничего — каких-нибудь десять минут... Но... подход к площадке сложный. В моей группе — «осы» (Ми-24), а они без специального разрешения командования права на посадку не имеют.

— Как поступить? — Командный пункт на запросы не отвечал. Земля словно песка в рот набрала. Таким образом горы внесли коррективы в связь, дали мне право собственного выбора.

— Впрочем, даже если бы связь не прервалась и была устойчивой, шансов на то, что дадут «добро» на подобный шаг, не было никаких.

— Самая короткая дорога от десанта к ущелью займет около часа. За это время исход боя может быть предрешен. По крайней мере, наших ребят положили бы всех. Как пить дать, положили. Конечно, подполковник Корчагин знал об этом, а потому и твердил мне без нажима, но твердо, не теряя надежды.

— Так ты куда идешь, 392-й?

— К тебе, — отвечаю.

— Закружила боевая карусель. Пока «осы» поддерживали десантников, я с ведомым успел смотаться к Корчагину за подкреплением. Взяли двадцать человек. Заправились. Навесили ракет — и в бой.

— «Двадцатьчетверки» тоже пополнили боезапас, топливо. Словом, вместе с броней, которая подоспела вовремя, довершили разгром каравана.

— Победителей не судят? Еще как судят. Чуть не сняли.

Разбор полетов для меня едва не закончился отстранением от летной работы за «самодеятельность» — так квалифицировал действия подчиненного комэск и командир полка. И только богатый улов «охотников» спас от сурового наказания.

В итоге в Москве, на паркетных полях ГУКА «Арбатского военного округа», приняли решение:

Старшему лейтенанту Трофимову — дать орден Красного Знамени. Капитану Майданову — вручить Звезду Героя.

Через несколько месяцев еще один большой результат дал командир разведывательной группы 177 оо СпН лейтенант Деревянко.

Много было примеров мужества и героизма личного состава 668-го отдельного отряда спецназ ГРУ

Из воспоминаний подполковника Михаила Коркишко:

— Служили в разное время в спецназе братья Садыковы из Приысыккулья. Первый брат Даймыр Адылович погиб 30 июля 1982 г. в Газнийском батальоне, а второй добился направления из Чирчика к нам, в Баракинский батальон, чтобы отомстить за смерть брата...

Запомнился мне этаким крепышом, активистом — организатором футбольных баталий на плацу. Служил Садыков достойно и воевал примерно. Оставалось ему до дембеля примерно два месяца. Где-то в январе 1987 г. во время выхода в район разведки подорвался на фугасе БТР-70 с разведчиками на броне. Рядового Садыкова и рядом сидящих бойцов сбросило с брони. Подобрав пострадавших при подрыве, бронегруппа, под огнем противника, отошла километров на 15, прежде чем вычислили, что нет Садыкова. Развернулись и в полном составе вернулись к месту подрыва. Нашли Садыкова в тяжелейшем состоянии с оторванными ногами, но живого и крепко держащего в руках автомат. Он ни на минуту не потерял сознания и надежды, что за ним вернутся. Потом

уже в Союзе он приезжал в родную 15-ю бригаду в Чирчик, рассказывал, что все у него сложилось нормально. Как принято на Востоке, — он один у матери и должен заботиться о ней. Мужественный человек.

Хорошим бойцом запомнился сержант Юрий Зубко. Был такой случай. Вместе с «зелеными» осенью 1986 года мы попытались взять склад в кишлаке Подхаби-Шана (3,5 км от ППД). К кишлаку подошли засветло бронегруппой из десяти бронемашин с афганским подразделением. Но операция не складывалась, да и фактор внезапности был потерян. При подходе духи стали нас интенсивно обстреливать. Особенно беспокоили снайпера. Пули шуршали часто и все рядом. Мы открыли ответный огонь по дувалам, и, получив приказ на отход, под прикрытием дыма и пыли отошли. В том бою Зубко был со мной на одном БТР. Когда вернулись в ППД, рассмотрели, что его бушлат через всю спину был рассечен пулями по касательной. Видно, родился Юра в рубашке!

На другой день состоялся футбольный матч между ротами и Зубко хорошо в нем сыграл, так после его окончания майор Герасименко мне сказал то ли с шуткой, то ли всерьез:

— А ты мне чуть Зубко не загубил! Талантливых людей надо беречь!

Десятки и сотни настоящих бойцов воспитал 668-й отдельный отряд Спецназ. Сейчас, по прошествию двадцати лет, они по прежнему остались Бойцами — защитниками своего Отечества, пусть даже у каждого сейчас оно свое, но то — Советское — у нас общее.

ОПЕРАЦИЯ «МАГИСТРАЛЬ»

Дыхание опасности
во мне почуял зверь,
все остальное — частности,
Все частности теперь.
Мгновенье — нет усталости —
Вперед и победить!
Эх, не дожить до старости
А, может быть, дожить?

В. КОШЕЛЕВ

15-ю отдельную бригаду спецназ эта операция не обошла стороной. Как ее участник я в свое время, пытался сохранить для потомков детали боевых действий спецназа в декабре 1987 — январе 1988 гг. Впоследствии эти записи были включены в исторический формуляр бригады, однако они оказались еще менее долговечными, чем человеческая память. После передачи бригады в состав ВС Узбекистана в 1994 г. штаб бригады сгорел, как можно судить, при весьма таинственных обстоятельствах, при этом все штабные документы и архивы погибли. В огне

превратился в пепел бесценный материал, касавшийся операции «Магистраль» в Афганистане.

Пожалуй, это печальное обстоятельство и подтолкнуло меня попытаться реставрировать хотя бы часть тех пережитых событий. И пусть простит меня читатель за общий подход к описываемым событиям, а также за эти мои, может быть, порой пространные и не совсем точные воспоминания.

...Почти каждому гражданину нашей страны довелось в советское время хотя бы однажды отдыхать на Черноморском побережье Кавказа, где есть населенный пункт со звучным названием — Хоста... А вот для тех, кто служил в Афганистане, это название ассоциируется совсем с другим Хостом.

Административный округ Хост — один из городов провинции Пактия, всегда занимал важное оперативное, а по афганским меркам просто стратегическое положение, ибо город расположен на важнейших путях, ведущих вглубь страны, и непосредственно граничит с Пакистаном. Последнее обстоятельство позволяло мятежникам беспрепятственно организовывать снабжение своих бандформирований с баз, расположенных в Пакистане. Вместе с тем, правительственные войска в этом районе были очень уязвимы, так как действовали в изоляции. Овладение Хостом открывало моджахедам путь для беспрепятственного наступления на Гардез и Газни, и далее к Кабулу.

События того времени разворачивались для нас так...

В один из вечеров командир 15-й бригады спецназ полковник Ю.Т. Старов получил приказ командующего армией о немедленной переброске соединения в район боевых действий — в провинцию Пактия.

В кабинете командира ровно работал кондиционер и нес освежающую прохладу собравшимся заместителям командира и начальникам служб. Все молчали. Говорил только Старов:

— Обстановка в районе Хоста остается сложной и напряженной. Мятежники не оставляют попыток взять под свой контроль всю территорию вокруг города. Основные усилия мятежников направлены на продолжение его экономической блокады путем срыва торговли с Пакистаном, они постоянно обстреливают Хост, недавно уничтожили сторожевой пост на 36-м караванном маршруте и возобновили поставки оружия во внутренние провинции Афганистана. В соответствии с приказом командующего армией № 042 от 10 ноября, с 17 ноября началась операция 40-й армии под кодовым названием «Магистраль» с целью прорыва блокады округа Хост и срыва планов контрреволюции по отторжению его территории от Афганистана.

Согласно приказу, наша бригада в составе оперативной группы, подразделений штаба бригады и двух отдельных отрядов привлекается для ведения разведывательно-боевых действий в районе Гардеза. Я назначен руководителем боевых действий.

Замолчав на секунды, и пошелестев бланком шифртелеграммы, он отдал боевой приказ:

— Командному пункту бригады, 334-му и 668-му отрядам спецназ 16.12.1987 г. совершить марш в район боевых действий и к исходу 17.12 сосредоточиться в районе Гардез.

Мы с Кривопаловым, начальником разведки и начальником особого отдела вылетаем сегодня ночью в район боевых действий.

Начальнику штаба майору Исакову обеспечить убывающую оперативную группу бригады средствами связи, для чего подготовить «Чайку» и станцию тропосферной связи, а также соответствующую охрану в составе взвода комендантской роты. В состав ЦБУ (центр боевого управления) включить майора Кухтина, лейтенанта Шакурина, переводчиков младших лейтенантов Золкина и Казанбаева.

Заместителю по вооружению подполковнику Васильеву передать бронетехнику и личный состав управления бригады в колонну пятого батальона при его подходе к Джелалабаду. Место встречи определить дополнительно.

Начальнику связи подполковнику Муратову отобрать для работы в районе операции самых опытных радистов из отряда спецрадиосвязи. Ахмед, вылетать в Гардез будете со мной и начальником политотдела.

Начальнику тыла подполковнику Серзину лично связаться со штабом тыла армии и подготовить колонну для получения со складов и доставки в район операции всего необходимого для боевых действий в горных условиях.

Первый заместитель командира бригады подполковник Безручко остается в Джелалабаде за меня и осуществляет общее руководство боевой деятельностью в районах оперативной ответственности бригады. О принимаемых решениях докладывать мне немедленно.

Комбриг снял телефонную трубку и приказал дежурному по ЦБУ:

— Вызвать на связь со мной командиров четвертого и пятого батальонов!

Через несколько минут комбаты ответили.

— Здравствуйте, Анатолий Васильевич и Владимир Иванович, слушайте боевой приказ...

С этой минуты все завертелось в нервном круговороте...

Забегали солдаты и офицеры: из секретки понесли рулоны топографических карт на марш и район боевых действий, начали укладывать в ящики бумаги, журналы и другую документацию, рюкзаки. Загремело и забряцало, вытаскиваемое из ружкомнат и сейфов, оружие и амуниция. Перекрывая все звуки, из автопарка могуче ревели прогреваемые двигатели.

Однако во всей этой на первый взгляд общей неразберихе у каждого был свой смысл и свой маневр. Быстро собравшись, надев лифчики боевой разгрузки, прицепив кобуры с пистолетами и закинув на плечо автоматы, подхватив парашютные сумки с необходимыми вещами, мы с командиром бригады запрыгнули в УАЗик и выехали на аэродром Джелалабада. Вылет не заставил себя долго ждать... В 23 часа самолет оторвался от взлетно-посадочной полосы.

В то время, когда мы летели на Кабул, из Асадабада и Бараков спешным порядком двинулись окутанные солярным маревом боевые колонны

наших отрядов. Особенно тяжело дался внезапный ночной марш для побитой техники пятого батальона, который ежедневно подвергался обстрелам с пакистанской территории. Впоследствии, вызванные этим многочисленные поломки бронетранспортеров и автомобилей на марше стали поводом для злорадства у некоторой части штабной братии 40-й армии, которые не особенно жаловали спецназовцев.

Для нас же одним мгновением пролетела бессонная ночь. В столичном аэропорту, прямо по полосе мы прошли на вертолетную площадку, где уже ожидал Ми-8, выделенный нам под оперативную группу бригады. Она была невелика: мы с комбригом, начальник разведки бригады с начальником связи, а также начальник особого отдела КГБ бригады. Поначалу мы расселись в выделенный нам вертолет и стали спокойно ждать взлета. Действительно, вскоре винты вертолета дрогнули и начали с легким и нарастающим шумом набирать обороты. Рев двигателя дошел до максимального — под ногами мелко задрожал пол. Но вдруг обороты начали спадать, и двигатель заглох. Из кабины летчиков вышел командир и равнодушно сказал:

— Товарищ полковник, пока отбой. Ждем приказа.

— Какого еще приказа? — С раздражением переспросил Юрий Тимофеевич.

— Диспетчеры пока разрешение на вылет не получили. Подождите немного. — Ответил летчик.

Мы просидели пять, потом десять, двадцать минут... Терпение командира лопнуло. Он поднялся и приказал:

— Всем оставаться на местах, а я схожу на КДП, уточню причину задержки, — и растворился в темноте аэродрома.

Мы просидели еще около часа. Командира не было. Все испытывали нервное напряжение и от этого немного мерзли. Для того, чтобы согреться и размяться вышли из салона вертушки на полосу. Погода стояла хмурая — по ночному небу низко плыли тучи, и мы, уже теряя надежду, начали обсуждать, где остановимся на ночлег в случае отмены вылета.

Я не выдержал и пошел в сторону КДП искать Юрия Тимофеевича. Метров через триста столкнулся с ним в темноте. Вместе пошли обратно. Он был неимоверно раздражен и немногословен.

— В чем задержка, Юрий Тимофеевич?— спросил я.

— А ну их и говорить не хочу! — ответил комбриг, — пошли к вертолету. Пришлось выходить на дежурного по перелетам, потом на оперативного дежурного по КП ВВС. Все полусонные. У них, видишь ли приказ, а мы ночью по собственной инициативе дурака валяем. Пока их «ебом» не покрыл, сославшись на Громова, не зашевелились. В общем, все нормально. Сейчас вылетаем. Все по местам! — подал команду Старов.

Действительно, на этот раз, рассаживаясь по скамейкам вертолета, мы уже чувствовали иную реакцию — в эфире у летчиков журчал интенсивный радиообмен, вспыхнули прожектора, забегала обслуга на вертолетной площадке. Лопасти нашего вертолета дрогнули и пошли по кругу. Через несколько минут двигатель набрал обороты, и вертушка пошла на взлет...

С рассветом мы уже находились на «Пучке», – продуваемом всеми ветрами аэродроме Гардеза. Высоко над головой еще виден был ковш Медведицы, а впереди над вершинами уже засветлела полоска слюдяного цвета. Быстро набухая, она плыла навстречу, смывая с небосклона звезды. И словно раздуваемые кем-то языки пламени в костерке, над горной грядой затеплились первые жарки зари.

Сойдя по трапу на металлические плиты взлетной полосы, мы, не сговариваясь, одновременно начали сладко и сонно потягиваться, словно сбрасывая с себя путы бессонной ночи. Мы, как мальчишки, начали со смехом приседать и махать руками, хлопать по плечам, поправлять друг на друге боевое снаряжение.

– Ну что, оклемались, орелики? – шутливо спросил Старов, – тогда вперед, на минные поля!

Подхватив свои пожитки, мы энергично направились в расположение братьев-десантников из 56 дшбр.

Начиналась историческая среда 16 декабря 1987 года... В этот день советские и афганские войска вынуждены были продолжить боевые действия, начатые 17 ноября, и приостановленные 1 декабря, но теперь уже они переместились за перевал Сатыкандав.

Прибыв в штаб 56-й отдельной десантно-штурмовой бригады, мы с сожалением услышали от дежурного о том, что, оказывается, комбриг полковник Раевский по замене убыл в Союз. Считалось большим счастьем для каждого из нас дождаться замены, но в среде остающихся о приличных людях скучали, и не раз вспоминали добрым словом. Ту нишу, которую они занимали в наших душах, вновь прибывшему в ДРА новичку удавалось заполнить не скоро и далеко не каждому.

Виталий Анатольевич Раевский был как раз из тех, кого вспоминали добром. Приличный был человек. Я знал его давно. Мое первое знакомство с Раевским произошло еще в период лейтенантской службы в Чирчике, где он, мой ровесник, командовал взводом в артиллерийском полку Ферганской вдд. Мы встречались на совместных прыжках и учениях 105-й вдд, на которых наш батальон спецназ действовал за условного противника. Нам с Раевским в одно время довелось учиться и в Москве в академиях. В 1985 г. началась афганская служба Раевского. С должности командира полка он попадает в Гардез, где проявляет лучшие командирские и человеческие качества. Под непосредственным командованием полковника Раевского впервые за годы афганской войны была разработана и проведена успешная ночная высадка десанта с захватом базы моджахедов. Он всегда отличался высокой надежностью и порядочностью, в чем мы, спецназовцы, не раз убеждались в ходе проведения совместных боевых операций.

– Жаль, не повидались с Виталием, – сказал Юрий Тимофеевич, – Ну дай бог ему удачи!

Забегая вперед, скажу, что это чистосердечное пожелание сбылось. Удача сопровождала Раевского. Впоследствии он окончил академию Генштаба, с 1991 года командовал дивизией в Прибалтике, а после распада СССР, в 1992 году, создавал аэромобильные войска Украины. Однако долгой службы не получилось, через шесть лет в возрасте 49 лет и в зва-

нии генерал-майора, не выслужив положенные сроки службы даже для полковника, он был уволен из рядов вооруженных сил Украины в запас.

Как-то позже Раевский говорил мне:

— Если вы меня спросите, почему не пошла служба, то отвечу, что всему виной бестолковое постперестроечное время, когда особенно процветало равнодушное отношение к опытным и заслуженным кадрам.

В комнате дежурного по бригаде Старов связался по телефону с командармом и зычным командирским голосом доложил о прилете и готовности к выполнению поставленных задач.

Задача была поставлена немедленно. Ее Старов записал в блокнот как первое боевое распоряжение. Суть его сводилась к тому, чтобы встретить подразделения 4-го батальона, и его силами разгрузить прибывающую из Союза автоколонну с боеприпасами.

— А кто сейчас у вас комбриг? — спросил Старов у дежурного.

— Подполковник Евневич, — ответил тот.

— А, ну звони ему! Это мой знакомый по Старому Крыму.

Новый комбриг 56-й, выдвинувшийся из заместителей Раевского, где-то отсутствовал. Но наш ранний прилет не остался незамеченным. Вскоре к нам бодро подошел и поздоровался начальник политотдела бригады подполковник Александр Тулин. Среднего роста, крепкий и симпатичный мужчина. Тут же на ходу отдал распоряжения дежурным:

— Выделить технику для переезда к месту встречи колонны, обеспечить боевое охранение из комендантской роты, немедленно накрыть завтрак для гостей в комнате для приема пищи.

— Распоряжение мудрое, спасибо комиссар! — добродушно улыбаясь, похвалил Старов, — чувствуется настоящая школа! Молодец!

После доброго завтрака, состоявшего из гречневой кащи с тушенкой и крепкого индийского чая, позволившего окончательно сбросить с себя состояние усталости, мы на двух БМД выехали на склад боеприпасов, что располагался на окраине города. Склад представлял из себя ровную площадку в несколько гектаров пустынной территории, обнесенной забором из колючей проволоки с примитивной будкой КПП у ворот.

На встречу нам вышел малорослый, полноватый для своего возраста майор — начальник склада артвооружения. Судя по всему, он уже был оповещен о том, кто к нему приедет, и будет помогать с разгрузкой снарядов. Надо отдать должное, он, как положено военному человеку, подошел к полковнику Старову почти строевым шагом и представился.

— Здравствуйте, я полковник Старов — командир бригады! — ответил ему на приветствие Юрий Тимофеевич.

— Я знаю, кто вы! — с нескрываемым уважением и обожанием в голосе ответил начальник склада, — извините за назойливость, но позвольте обратить ваше внимание на меры безопасности, которые необходимо строго выполнять личному составу бригады на нашем складе.

— Товарищ майор, — оборвал его комбриг, — я с малолетства военный человек. Инструктаж личного состава пребывающей части проведем с вами вместе.

— В Ваше распоряжение поступает один из моих лучших батальонов. Заранее продумайте вопросы обеспечения пищей и водой прибывающего личного состава.

— Обязательно, товарищ полковник! — бодро заверил начальник склада.

В этот момент к нам подъехал на бэтээре замкомандующего 40 ОА по тылу полковник Васенин. Ловко спрыгнув с брони, он дружески пожал нам руки и сказал:

— В Кабуле, на Теплом Стане (так советские офицеры обозвали городской район, где находились склады и стоянки для техники. — *Прим. ред.)*, мы сосредоточили все запасы материальных средств. Переброска многих тысяч тонн груза на 130 километров из Кабула до Гардеза требует времени. На трассе за переброску отвечает генерал Кондратьев, но Громов недоволен сроками доставки. Приказал обеспечить фронт погрузки и разгрузки. Отправляем колоннами по пятьдесят машин. А таких колонн двадцать. Этот склад, Старов, — на вас! Твоих шесть колонн. На разгрузку машины даю не более десяти минут. Задача боевая, время пошло! О выполнении доложить командующему.

Наших ждать пришлось недолго. Вскоре на БМП приехал авангард колонны баракинского батальона. Все разведчики — в плотных зеленых штормовках, в горных коричневых свитерах, сдвинутых на затылки вязаных шапках-масках. Комбат Анатолий Корчагин, узнав задачу, не смог скрыть своего глубочайшего разочарования от того, что его отборному воинству доверили работать грузчиками. Мы полностью разделяли его чувства. Нам самим уже не раз приходилось удивляться порой таким нелепым задачам: охране штабов руководства, сопровождению колонн других частей, штурму укрепрайонов в пехотной цепи. Однако приказ есть приказ. Через короткое время к складу начали подтягиваться головные машины ожидаемых армейских колонн. Вскоре три сотни автомобилей «Уралов» и «КамАЗов», заполнили своей массой все окрестности. Они доставили боеприпасы всех калибров.

И закипела тяжелая физическая работа, которая была не в тягость нашим физически крепким разведчикам. Они играючи ворочали стокилограммовыми ящиками со 152-мм и 122-мм снарядами. Но сотни машин одновременно под разгрузкой изматывали бойцов, которые вскоре уже работали по пояс обнаженными. Командиры и политработники подразделений, показывая пример, работали наравне со своими подчиненными.

Работа по разгрузке была длительная, поэтому определился стандартный режим деятельности: 45 минут разгрузка, пятнадцать минут отдых. Разгрузка осуществлялась прямо на грунт в штабеля на территории полевого склада. Для обеспечения безопасности на его территорию въезжало только необходимое количество автомашин.

К очередному перерыву, в местах отдыха подразделений, прямо на голой земле, расстелили плащ-палатки. На них выложили нехитрый рацион из общевойскового сухпая № 1 (каша, тушенка, сухари, сахар) и поставили зеленые термосы с горячим чаем. После непродолжительного обеда настроение у личного состава заметно поднялось, и к вечеру все

было кончено. Территория склада была буквально забита ящиками с реактивными, гаубичными и пушечными снарядами.

Пока шла разгрузка командир бригады с командиром 4-го батальона, а также офицеры штаба изучали изменения в оперативно-боевой обстановке и замысел предстоящих боевых действий, которые доводил до них недавно назначенный на должность начальника разведки 40 ОА полковник Сивачев, приехавший с КП армии. Народная молва уже оповестила, что Николай Зиновьевич не новичок в Афганистане. Как рассказывали о нем, Сивачев первый раз служил в Афгане в должности начальника разведки 108-й мотострелковой дивизии... Среди его лучших воспитанников командир разведроты 285-го танкового полка капитан Валерий Гринчак, выпускник Киевского ВОКУ, один из первых Героев Советского Союза!

Вот и сейчас, опытный по афганским меркам полковник, мог бы отсиживаться в штабе, но его чаще видели на «передке», чем в тылу.

Это был среднего роста плотный офицер, совсем не похожий на штабных «работяг». Правда, если быть объективным, то он более тяготел к родной и понятной ему войсковой разведке, а к спецназу относился, как бы мягче сказать, — настороженно.

Слушать начальника разведки было приятно. Он говорил четкими и грамотным фразами бывшего слушателя военной академии. Вот что после его слов прояснилось:

... Летом и осенью 1987 года особую озабоченность у афганского руководства и советского военного командования вызывала обстановка в провинции Пактия, а именно в округе Хост. Она была вызвана тем, что вооруженные отряды оппозиции практически завершили блокирование города. Как следствие этого, сложилась критическая ситуация с продовольствием, и население города голодало. Продукты доставлялись в город преимущественно самолетами, а с осени 1987 г. и по воздуху перебрасывать их стало очень опасно. Летали по ночам.

После выхода советского гарнизона из города сложилась реальная угроза гибели и самого населенного пункта, и всего округа. Положение осложнялось тем, что сам округ находился в двойной изоляции. Первое кольцо состояло из бандформирований контрреволюции, а второе проходило по горной гряде перевала Сатыкандав, высота которого достигала 3-х тысяч метров.

Воспользовавшись отсутствием советских войск в том районе, душманы восстановили одну из самых крупных своих перевалочных баз «Джавара», что в переводе означает «Волчья яма», которую наши войска, как считалось, окончательно разгромили еще весной 1986 года.

После многократных и настойчивых просьб афганского руководства командованием Ограниченного контингента советских войск было принято решение спланировать и провести крупную совместную войсковую операцию советских и афганских войск, основной задачей которой был прорыв блокады с целью обеспечения населения блокированного Хоста продовольствием, горючим, медикаментами и т.д.

Замыслом операции, — говорил начразведки, — предусмотрено встречными ударами главных сил армии из Гардеза и частью сил 108-й диви-

зии из Хоста после массированных ударов авиации и артиллерии прорвать блокаду и нанести поражение главной группировке войск противника. Силами 108-й мсд и 191-го мсп захватить предперевальный участок, а силами 103-й вдд – перевал Сатыкандав. Затем, наращивая усилия вводом в сражение 56-й дшбр, 345-го опдп и соединений правительственных войск, занять господствующие высоты вдоль главной коммуникации, блокировать маршрут на всем его протяжении, уничтожить основные группировки противника в районе Хоста, расширить безопасную зону и тем самым обеспечить проводку колонн с материальными средствами для Хостинкого гарнизона. Размах операции составляет до 15 км в, средний темп наступления – 5-6 км в сутки. Всего в операции принимают участие 51 батальон, из них два ваших спецназовских...

Николай Зиновьевич Сивачев на минуту замолчал, а потом продолжил:

– Группировка оппозиции в этом районе состоит в основном из военизированных формирований племени джадран. Это гордый народ, который в своей истории не подчинялся вообще никакому правительству и действовал так, как считал нужным. Общее руководство формированиями моджахедов осуществляет пуштун Джелалуддин.

Племя джадран, населяющее юго-западные районы провинции Пактия и округа Хост, является одним из многочисленных (140 тысяч человек, из которых 15 тысяч способны носить оружие) Их усиливают соседние воинственные пуштунские племена, имеющие влияние во всем Афганистане.

– В настоящий момент, войска, захватив перевал, ушли вперед, а в тылу наших частей беспрепятственно хозяйничают вооруженные формирования. Они настолько активны, что даже несколько раз подвергли обстрелу командный пункт армии. Есть потери. Исходя из обстановки, командующий армии приказал: силами бригады спецназ обезопасить северное и северо-восточное направления. Захватить господствующие высоты, вести наблюдение и огнем артиллерии уничтожать душманов при подходе. Провинция Пактия должна быть очищена от боевиков. Вопросы есть?

Посыпались уточняющие вопросы, на которые отвечал не только Сивачев, но и его подчиненные. Послушали и их. После всего услышанного более осознанно стали смотреть на окружающую нас действительность...

Город Гардез являлся обычным провинциальным центром. В провинции, расположенной на высоте 2,5 тысячи метров над уровнем моря, проживает полмиллиона человек. Горные ледники и ветры определяют климат и условия жизни аборигенов. Здесь свежо и даже холодно. Спецназовцы были готовы к этому. Перед выходом командование частей обратило серьезное внимание на экипировку личного состава. Все военнослужащие были одеты в зимнее обмундирование (шапки ушанки, теплое белье и ватные куртки).

Проезжая через город, мы отметили, что городская архитектура здесь не отличается особым изыском. Обычная восточная застройка со средневековым уровнем развития инфраструктуры. Грязные улицы, глинобитные

дувалы, ишаки и верблюды в качестве основной тягловой силы. Заметно было, что народ здесь живет беднее, чем в Джелалабаде. На улицах немноголюдно, совсем не видно женщин. Группами и поодиночке попадаются одни мужчины и мальчишки, которые, не обращая внимания на низкую температуру, бегают в резиновых галошах или тапочках на босую ногу.

В центре города, на европейский манер на перекрестке нескольких дорог, стоял высокий гранитный столб, от которого на юго-восток уходила прямая магистраль в административный округ Хост.

— Дорога в ад, — мрачно пошутил контрразведчик подполковник Виктор Семенович Варивода.

— А нам именно туда и лежит путь, — ответил Старов. — Кстати, знаете ли вы, что в приграничном округе Хост проживает почти половина населения провинции Пактия, и, что характерно, преимущественно все пуштуны.

Выехав за город, мы поразились совершенству древнейших инженерных ирригационных сооружений, которые, казалось бы, вопреки законам физики обеспечивали водой террасы полей, находящиеся даже высоко в предгорье. В это время, еще нет привычной зимы, но уже с глубокой осени на всем лежала печать запустения. Но порядок, заведенный тысячи лет назад, поражал воображение своей масштабностью и кропотливостью исполнения. Местные племена жили по суровым законам раннего средневековья. Вся власть в кишлаках и городах находилась в руках старейшин, без согласия которых не делалось ничего.

— Интересный народ, — включился в разговор старший офицер разведотдела армии, бывший командир Баракинского батальона спецназ подполковник Модест Рыжик. — За тысячи лет в нем сложилось особое почтительное отношение к земельным ресурсам. Под страхом смерти категорически запрещалось покидать свои земли. Уход с земельных наделов своих предков считался нарушением племенной чести и наказывался безжалостно. Помимо скотоводства и земледелия, экономику провинции определяет торговля деревом (при этом топливо стоит очень дорого, так, к примеру, 1 м^3 дерева обходился в 1000 афгани). Бешеные деньги.

— По территории провинции, — продолжал Рыжик, — проходят караванные маршруты №№ 36, 37, по которым осуществляется переброска караванов с оружием и боеприпасами для бандформирований в провинции Вардак, Кабул, Газни, Парван, Каписа (советские войска присваивали условную нумерацию всем известным караванным маршрутам — прим. ред.). Что интересно, — отметил Модест Иванович, — для переброски в округе Хост создаются «духами» специальные отряды и группы, обеспечивающие охрану и сопровождение грузов. Они имеют хорошее вооружение, современные средства ПВО и связи. На настоящий момент, в районе боевых действий нашей разведкой выявлено 76 отрядов и групп. Наибольшую активность проявляют мятежники из северной части уезда Джадран (11 отрядов), и из базового района «Срана». Там отмечен отряд оппозиции численностью около 220 боевиков.

Тем временем колонна вышла на окраины Гардеза. Кишлаки закончились, дорога побежала среди холмов и столообразных гор. Местность

оказалась сильно пересеченной, с преобладанием вершин в 2000 и более метров. Земля под колесами и гусеницами нашей колонны выглядевшая, как сахарная пудра, со специфическим коричневым оттенком, медленно тяжело поднималась в воздух, зависала и также медленно опускалась обратно.

Несколько выше трассы Гардез—Хост горы были покрыты растительностью, состоящей из реликтовых хвойных пород — тибетской ели и сосны. Полуразрушенные серпантинные горные дороги и многочисленные горные речки и арыки серьезно затрудняли продвижение нашей боевой техники. Мы часто останавливались, поджидая отставших. Нам навстречу попадались бронетранспортеры и БМП, поднимавшие невероятную пыль. Мы обгоняли неповоротливые тяжелые колонны инженерных машин разграждения и танков с минными тралами, транспортно-заряжающих машин реактивной артиллерии. Слева и справа от дороги в лощинах и площадках размещались дивизионы гаубиц, пушек и «Катюш» (БМ-21 «Град» и «Град-1»). Такое количество боевой техники в одном месте встретить было сложно, и мы с интересом крутили головами. Картина впечатляла, так как вся эта боевая техника жила. То и дело с направляющих реактивных установок с воем срывались и устремлялись в голубое небо ракеты, сопровождаемые снопами огня. Над нашими головами на небольшой высоте прошла четверка вертолетов. Вертушки, казалось, не снижались — падали в ущелье. Вся эта картина напоминала фильмы о войне. Было интересно и увлекательно наблюдать за этим.

Но наше движение вперед вдруг остановили регулировщики комендантской службы. Под очередную какофонию рева и взрывов командиру нашей бригады показали направление движения, и мы, спрыгнув с брони, полезли по узкой тропинке круто вверх по склону. Поднявшись на высоту 3026, увидели окопы полного профиля, и командный пункт командующего армией генерала Громова, в который он переместился после очистки горной гряды и перевала. КП командующего представлял собой вместительный блиндаж длиной метров тридцать и шириной метров пять. Амбразурами он был обращен на восток, в сторону Хоста. Сверху его искусно прикрыли маскировочными сетями.

От увиденной панорамы перехватывало дух. Думаю, не многим приходилось видеть красоты горной местности с высоты 3 тыс. метров над уровнем моря. Вокруг — только горы и дальше — тоже горы, а снежный хребет упирается в небо. Те, кому доводилось бывать в горах, или видеть произведения Рериха, могут понять, какие чувства испытали мы в тот момент, когда перед нами открылась неземная сказочная красота тех мест.

На перевале как бы «сталкивались» массивы гор. С востока — Логаригар, с запада — Гумбархулегар. Горы имели причудливые формы. Дорога на Хост, извиваясь, бежала вниз, и видно ее было километров на 10 — 12. Но любоваться горными пейзажами нам пришлось только несколько минут.

В момент нашего прибытия для доклада командарму по громкоговорящей связи линии ВВС неожиданно прозвучала информация о поражении на высоте 4000 метров нашего вертолета Ми-8МТЯ, предназначенно-

го для ведения радио— и радиотехнической разведки. Вертолет находился над кишлаком Ханкала.

Это название «Ханкала» я второй раз услышал через десяток лет из сводок боев на Северном Кавказе. Удивительное совпадение, но там тоже сбивали вертолеты федеральных сил России.

Прервав доклад, командующий и все его заместители, а также многочисленные начальники служб и присутствующие, как по команде, бросились из блиндажа в траншею. Когда следом за командующим и мы выскочили наружу, то увидели северо-западнее — в воздухе — последние мгновения падения сбитого летательного аппарата и два купола парашютов, опускавшихся на землю по вертикальному дымному следу оставленному ранее упавшей машиной. В несколько секунд с вертолетом все было кончено.

— Сколько человек было на борту? — нервно крикнул командующий. Ему никто вразумительно ответить не мог.

Эта трагедия, произошедшая у нас на глазах, стала толчком для второй боевой задачи, поставленной командующим армией перед подразделениями нашей бригады.

Командарм, который не меньше, чем все остальные, был потрясен увиденным, отдал приказ:

— Товарищ полковник, — с окаменевшим и враз побледневшим лицом, с металлом в голосе, не сказал, а выдавил из себя Громов, обращаясь к Старову. — немедленно вывести бригаду в район гибели вертолета Ми-8. Блокировать район. Прочесать местность в квадрате 1634 и двух прилегающих кишлаках Утманай и Сипахихель. Предпринять все меры для спасения экипажа.

— Смотри карту. Вот эти кишлаки. По вертолету стреляли из них. В твое распоряжение, Юрий Тимофеевич, поступает батарея самоходок из 191-го полка. Задача ясна?

— Так точно, товарищ командующий!

— Мои радиочастоты и позывные... Жду доклада. Вперед! — он резко повернулся и вбежал в блиндаж.

Мы тоже побежали вниз по отвесным ступеням тропинки на дорогу Гардез — Надиршахкот — Хост, где стояли БТР штаба нашей бригады, а также колонна 4-го батальона. Мгновения, и мы запрыгнули на броню... Взревели моторы и БТР двинулись в путь...

По основной магистрали мы вернулись назад километра на три в сторону Гардеза, а у кишлака Ханкала свернули направо на север с целью скорейшего выхода в район блокирования.

Шли на большой скорости одной колонной. Из-за густого пыльного облака опустившегося на дорогу, видимость была нулевая. В районе высоты 2481 машина комбрига остановилась. Подтянулась и встала вся остальная техника.

— Майора Корчагина к командиру, — прокатилась команда от одной машины к другой.

Подбежал комбат. Козырнул.

— Анатолий Васильевич, спешить первую, вторую и третью роты! Развернуть цепью. Прочесать местность по направлению — окраина кишлака

Сипахихель. Левый фланг — высота 2633, правый — исключительно кишлак Ханкала. Прочесывание начинать после завершения артобстрела кишлаков Утманай и Сипахихель. В кишлаки входить по моей команде.

Подкатили самоходки мотострелков и лихо развернулись, обдав нас тучей пыли и солярного смрада. Выскочили расчеты, каждый артиллерист сноровисто делал свою работу: одни отбросили броневые щитки с тыльной стороны башен, а другие вытаскивали снаряды из ящиков, закрепленных на броне самоходок. Артиллерийский комбат в танковом шлеме склонился над развернутым планшетом.

— Основное направление стрельбы..., прицел..., уровень..., стрелять осколочно-фугасным..., — долетали до нас резкие команды офицера.

— Скоро начнется, — подумал я. Поправив *лифчик*, я побежал на левый фланг в первую роту. Впереди развернутой цепи стоял коренастый ротный командир капитан Шуба, инструктирующий своих взводных офицеров Корытина, Бугу, Слипченко и Похвощева.

— Сдуру никуда не лезть, беречь людей! — донеслись до меня последние слова ротного.

В это время ударили гаубицы, и земля заходила под нашими ногами. Выстрел. Над кишлаком Утманай поднялся черный гриб разрыва. Второй выстрел — удар. Затем третий и четвертый. Все заволокло дымом и пылью. Последующие разрывы уже не были видны, и считать их можно было только на слух. Мы нервно шли вперед к лежащему перед нами неведомому населенному пункту, который на наших глазах менял свои очертания...

До ближайших дувалов осталось всего метров триста, уже прозвучала продублированная командирами групп команда: «Приготовиться к атаке!» Как вдруг над изрытым снарядами кишлаком наступила, сжимающая сердце холодом, тишина. Наша батарея прекратила стрельбу.

Начинало смеркаться. Со стороны расстрелянного кишлака время от времени раздавались гулкие взрывы и в небо взметались облака огня, освещая тревожным светом окрестности...

— Наверное, склады с боеприпасами взрываются, — сказал Игорь Буга. — Бандитское гнездо...

Когда я вернулся на командный пункт бригады, уже совсем стемнело. Старов разговаривал по телефону с офицерами разведотдела армии. До меня долетали отдельные его фразы.

— Да, привет, Петр Григорьевич! Коркишко вышел на обломки вертолета. Позже нашли всех. Очень долго пришлось искать третьего летчика. Да, всего их было трое.

— Разведчики лейтенанта Игоря Дубровы отогнали «духов», пытавшихся захватить летчиков в плен. От летчиков и узнали, что пока еще не найден третий член экипажа, старший лейтенант Головко Виктор Христофорович, бортовой авиатехник вертолета.

— Нет, сейчас уже найден.

— Полчаса тому назад лейтенант Гопиенко со своей группой наткнулся на него. Рядом лежал полураскрытый купол парашюта. Осмотр тела показал, что парню не повезло — в момент покидания падающей машины

его настигла лопасть несущего винта и разрубила в районе таза... Вот так. На войне, как и в жизни, в одной ситуации у каждого своя судьба.

— Да, документы у него обнаружили...

— Передали подполковнику Вариводе...

— Какие? Удостоверение офицера и служебный паспорт. По документам — это он — Головко, 1960 года рождения, белорус, родом из города Береза Брестской области. В Вооруженных силах с 1979 года. Окончил Кировское военное авиационно-техническое училище. В Афгане прослужил всего два месяца.

— Как ты думаешь? Мой майор Головко загрустил. Все-таки погибший его полный однофамилец, тезка и земляк, — говорит. — Такая наша фамилия несчастливая...

Когда командир бригады положил трубку, я подошел к нему:

— Юрий Тимофеевич, докладываю, у нас все нормально, потерь нет!

Мы не виделись с командиром несколько часов, а я заметил как он осунулся, как под глазами легли тени. На волосах легкой дымкой легла серая пыльца.

— Юрий Тимофеевич!— спросил доверительно я, когда мы остались одни. — Вы получили приказ отставить или сами прекратили атаку? Она была бы бесполезна, кишлаки пусты и, как выяснилось, с утра брошены жителями. Нет там духов!

— Да, я это уже знаю. Вот и решил людьми не рисковать при прочесывании кишлака. Не дай бог подрывы или что-то в этом роде, — ответил Старов. — Главная задача выполнена — район блокирован. Летчиков мы нашли. Я командарму уже доложил...

В эту минуту я остро почувствовал всю глубину личной ответственности комбрига за всех подчиненных ему людей. Конечно, в случае неудачи спросили бы и с меня, его заместителя по политчасти, как это бывало не раз и до и после этого. В критической ситуации на нас двоих легла бы и вся полнота ответственности за ошибки, просчеты и потери. Вплоть до снятия с должности, но, когда он единолично принимал это решение, я в тот момент был в боевой цепи, наступавшей на мятежный кишлак. А командир бригады, один, взвалил на себя весь груз моральных переживаний: — стрелять не стрелять? Штурмовать или нет? И проявил великую мудрость и мужество, что не махал бездумно шашкой, а прогнозировал возможные последствия своей бесшабашности. В этом большой командирский талант, который дается не каждому.

Говорят, что на войне все одинаковые — и маршал, и солдат. Это не так. Это перед смертью все одинаковые. А на войне у каждого свой крест, и свой кругозор. Солдат видит войну из своего окопа, взводный с уровня своего подразделения, а комбриг, оперируя еще более широкими понятиями, кроме того, решает и высокие нравственные проблемы.

— Правильный приказ или нет?!— не тебе выбирать.

— Как его выполнить с меньшими потерями? — вот тут надо думать.

Ради справедливости надо сказать, что человеческий фактор в моем комбриге был развит необычайно. Он не был солдафоном, педантично

выполняющим приказ. Пожалуй, к Юрию Тимофеевичу в полной мере можно отнести слова из известной газмановской песни:

— Он «не делал карьеры на солдатской крови...».

В эту минуту я почувствовал еще большее уважение к нему и собственное моральное облегчение. А вместе с ним проснулось и животное чувство голода. Немудрено, ведь почти сутки мы ничего не ели. Как бы угадав мое желание, командир сказал:

— А что-то, комиссар, кушать хочется, не пора ли нам перекусить?

Зашедший начальник разведки бригады, будто услышал наши слова и достал из вещмешка несколько банок тушенки. Ловко вскрыл их ножом разведчика. Им же порубил замерзший хлеб. Мы набросились на незатейливую пищу, чистосердечно считая в тот момент, что ничего вкуснее в жизни не едали.

Наш кормилец Михаил Васильевич Коркишко — разведчик от бога. Мне рассказывали, что перед дембелем со срочной службы в ГСВГ, его, способного сержанта зенитно-ракетного дивизиона, «сосватали» в Киевское высшее общевойсковое командное училище, где он и стал разведчиком. Через четыре года учебы судьба возвратила его в полюбившуюся Германию на должность командира группы в 3-ю гвардейскую обр СпН. Долгих пять лет серьезной боевой учебы пролетели одним мгновением. В 1981 г. по замене он убыл в Забайкалье, где в течение очередной пятилетки последовательно принимает сначала долгожданную роту, а затем и штаб батальона спецназ. В 1986 г. переводится начальником штаба баракинского батальона в Афганистане. В 1987 г. меняет Витю Головко на должности начальника разведки бригады. Михаил был высоким и сильным мужчиной, который, помимо привлекательной для женщин наружности, обладал еще и добрым, деловым нравом. Мы все смело и без натяжки называли его настоящим боевым товарищем.

— Денек выдался памятный! — сказал Миша.

— Да уж эти кишлаки, которые мы раздолбали, точно помнить будем всю жизнь... — ответил я.

— Что-то еще будет? Посмотрим?! — сдержанно сухо ответил Старов.

Таким запомнился мне финал второго дня нашего участия в операции и боевая задача и первый бой.

Нервное напряжение не отпускало нас, поскольку вся окружающая действительность напоминала о войне. Тишины и покоя не было — земля непрерывно дрожала от грохота артиллерийской канонады. Стреляли наши и афганские дивизионы. Над горами, справа от Сатыкандава, висели осветительные бомбы, и от этого в том районе было светло, как днем. То и дело грохотали мощные взрывы от бомбоштурмовых ударов авиации. Кстати, и в последующие дни эта артиллерийская какофония сопровождала нашу жизнь круглыми сутками. За время боевых действий мы настолько привыкли к этому шуму, что могли спокойно спать только тогда, когда стреляла артиллерия, и как живая дрожала и вибрировала под нами земля...

Припоминаю, как однажды ночью, нас с командиром охватило беспокойство, близкое к состоянию испуга или даже шока, когда перерыв между залпами реактивной и ствольной артиллерии оказался длиннее,

чем обычно. Мы, сонные, одновременно подпрыгнули и, на ходу одеваясь, бросились на ЦБУ к майору Кухтину:

— Александр Николаевич, что произошло?

— Почему наступила тишина?

— Почему не стреляет артиллерия?

В Афганистане артиллеристов справедливо называли настоящими «тружениками» войны. Потаскайте тоннами снаряды к орудиям, не поспите сутками...

Все имели минуты расслабления, но только не боги войны. У них были плановые и неплановые цели, им сообщали координаты разведчики всех родов войск, в том числе и наш спецназ. И реакция на запросы должна была быть быстрой, точной и адекватной запрашиваемой помощи...

Как уже упоминалось выше, 40-я армия участвовала в операции силами частей 108-й и 201-й мотострелковых дивизий, 103-й воздушно-десантной дивизии, 56-й отдельной десантно-штурмовой бригады, 345-го отдельного парашютно-десантного полка, 191-го отдельного мотострелкового полка, 45-го отдельного инженерно-саперного полка, а также рядом других частей и подразделений. Для выполнения боевых задач привлекались авиачасти и эскадрильи с территории Союза. В частности, боевые задачи выполняла бомбардировочная дивизия из Тарту, которой командовал в то время генерал-майор Д.Дудаев (впоследствии стал первым президентом Чечни).

Для обеспечения боевых действий активно использовалась агентурная и специальная разведка, которую представляла и наша бригада.

Сколько же нас было? От 15-й обр СпН были выделены:

— оперативная группа штаба бригады (всего 30 человек), во главе с командиром полковником Ю. Старовым;

— подразделение отряда спецрадиосвязи, прапорщики Олег Неупокой и Пудиновский с дюжиной бойцов (станция тропосферной связи Р-412А, КШМ-142), под общим командованием незаменимого и толкового начальника связи бригады подполковника А. Муратова;

— 668-й оо СпН, под руководством майора А. Корчагина, в количестве 365 человек (имевший из боевой техники 18 — БТР, 9 — БМП, 1 — БРМ, 2 — ЗСУ «Шилка», приданный взвод артиллерии, вооруженный гаубицами Д-30). Обязанности замполита отряда временно исполнял прикомандированный офицер политотдела бригады капитан Г. Ганчар, назначенный мной, в связи с отсутствием штатного замполита, убывшего в отпуск;

— 334-й оо СпН в составе двух рот, всего более 250 человек. Обязанности командира батальона исполнял опытный разведчик первый заместитель командира отряда майор В. Дмитрук, так как командир отряда подполковник Гилуч в этот момент находился в плановом отпуске в Пскове. Замполит батальона капитан Нимко, начальник штаба майор Качура.

Всего наша бригада на операцию «Магистраль» сумела выделить более 30 разведорганов (восемь штатных рот спецназа и три отдельных взвода), что, как показало время, позволило успешно выполнить поставленные перед нами задачи.

Бок о бок с советскими частями боевые задачи выполняли и «зеленые». В предгорьях и ущельях изготовились к сражениям афганские 8-я, 11-я, 12-я, 14-я и 25-я пехотные дивизии, 15-я танковая бригада и несколько подразделений специального назначения «Коммандос». Кроме того, группировку усиливали 10 батальонов афганской милиции (Царандоя) и госбезопасности (ХАД).

Во второй половине третьего дня нашего пребывания на операции с большим опозданием подошла колонна из Асадабада. С приходом 5-го батальона саперами Корчагина уже была проведена инженерная разведка местности в районе крепости и кладбища Джадранкала, выбранном комбригом под дислокацию штаба бригады и асадабадцев.

Предусмотрительность и осторожность командира бригады была вознаграждена — саперы сняли с десяток мин. Особенно отличился один сапер из роты минирования. К сожалению, память не сохранила его фамилию, но его работа была отмечена в историческом формуляре бригады. Солдат являлся собаководом, а его овчарка по кличке Геза входила в число лучших минно-поисковых собак. Более чем за год боевой работы Геза не ошиблась ни разу. Именно тогда, на операции «Магистраль» я открыл для себя, что боевая служба у собак рот минирования очень трудна. Непосвященному неизвестно, что горький запах тола притупляет, убивает обоняние, и чем оно тоньше, тем быстрее происходит губительный процесс. Запах тола разъедает легкие животного, но это не влияет на поиски мин, а со временем сказывается только на здоровье собаки. Помня об этом, саперы берегли собак.

Особенно трепетно о них заботился начальник инженерной службы 154 оо СпН капитан Владимир Николаевич Гореница.

— Собаке разрешается работать не более двух часов в день, — пояснял он мне, — потом обязательно должен быть отдых. В жаркую погоду, когда запах тротила становится особенно острым и вредным, собаку лучше вообще не выводить на поиск.

— Но ведь работать-то надо?

— Мне их очень жалко, я ведь разумом все понимаю, что они ведь тоже на войне и мое чувство жалости — неуместное чувство. Однако люблю их и жалею, — пояснял Гореница.

Доброе сердце полковника Гореницы Владимира Николаевича перестало биться в неполные 50 лет. Смерть настигла его в Краснодаре 25 июня 2005 г. К этому времени, помимо Афганистана, он прошел все горячие точки СССР и несколько раз выполнял боевые задачи в Чечне.

Рано утром следующего дня из разведотдела армии поступило распоряжение силами группы спецназ провести разведку в районе высоты 2473, что находилась в пяти километрах северо-восточнее места дислокации полевого командного пункта армии. По мнению разведчиков, именно с этой двугорбой возвышенности, напоминающей наш кавказский Эльбрус, кочующие огневые точки противника стреляли по КП армии. Тактика действий была несложной — подвижные группы душманов на ишаках поднимали на господствующие высоты реактивные

снаряды, разворачивали огневые позиции на седловине, производили пуски и уходили.

Район боевых действий был настолько велик, что нашими силами все преобладающие высоты невозможно было охватить, поскольку войска уже ушли вперед, к Хосту. Захватом перевала Сатыкандав (высотой около трех тысяч метров) советское руководство обеспечивало продвижение войск и надежное блокирование дороги Гардез – Хост.

А охрана КП армии оказалась недостаточной, так как войск не было. Получилось, что небольшие подразделения занимали отдельные высоты, лощины и перевалы, но оставались без прикрытия отдельные подступы. Это давало возможность противнику просачиваться в тыл советских и афганских войск и занимать господствующие высоты, а затем с выгодных позиций фланкирующим огнем наносить поражение нашим войскам. Вот почему ключевые высоты в районе КП армии оказались не занятыми и не укрепленными.

Начальник оперативного отдела армии полковник Турлайс, выполнявший в ходе операции и роль начальника штаба оперативной группы, поставил задачу комбригу:

– Выслать группы спецназ для разведки противника на все господствующие высоты. Проверить их на предмет возможного использования для обстрела пункта постоянной дислокации КП армии. Заминировать возможные пути подхода к вершинам и обеспечить безопасность воинских частей и командного пункта.

Для выполнения этой задачи от батальона Корчагина были направлены несколько групп. С одной из них пошел я. Старший лейтенант Роберт Яшин был опытным разведчиком. Мне очень нравился этот разумный, взвешенный офицер, пользующийся репутацией доброжелательного и смелого человека. Кстати, впоследствии в 2005 г. он вместе с полковником Владимиром Квачковым, будет арестован по обвинению в попытке покушения на самую одиозную фигуру российского бизнеса Анатолия Чубайса. К счастью, суд вынес оправдательный вердикт всем обвиняемым.

Выехав из расположения батальона на рассвете, мы благополучно на двух бээмпэшках прибыли к подножью горы. Яшин, с командиром бронегруппы лейтенантом Тесля, согласовал вопросы прикрытия огнем и секторы его ведения. Повторили сигналы и дополнительные частоты связи. Бронемашины, подняв стволы пушек, заняли боевые позиции, даже механики-водители, сев на броне, взяли бинокли и стали рассматривать склон, по которому должны были подниматься их товарищи. Группа вытянулась в длинной лентой и пошла в неизвестность...

Внимательно осматривая местность и тропу перед собой, впереди шли три разведчика, составляющие головной дозор. За ними на удалении в сотню метров двигалось ядро группы. Разведчики шли в колонну по одному на расстоянии три-пять метров друг от друга. Все это делалось для того, чтобы в случае внезапного обстрела противником одной пулеметной очередью либо взрывом гранаты или мины пострадавших было как можно меньше.

После того как мы вышли из зоны видимости и сектора возможной поддержки огнем бронегруппой, отстав от основной группы, на расстоянии ста метров пошел тыловой дозор, который тоже вел разведку и следил за обстановкой в тылу. Поднимались перекатами, поскольку в этих условиях одновременного подъема, невозможно было заранее захватить господствующие высоты и выставить пулеметчиков для прикрытия группы в ходе ее движения. Это был самый ответственный участок маршрута, ибо разведгруппа более всего подвергается риску на марше. На ее пути могут оказаться как одиночные мины, так и целые минные поля. Разведчиков может ожидать засада, и неминуемая смерть многих, если головной дозор вовремя не выявит противника.

Только получив доклад дозора о благополучном подъеме на вершину и готовности к страховке, следом энергично стали подниматься остальные. Подъем был достаточно крутым, поэтому людям, у которых за плечами большое количество боеприпасов, мин, средств взрывания, взрывчатки и другой инженерной премудрости, пришлось трудно. Буквально выползая на вершину, все валились на землю и несколько минут отдыхали, тяжело дыша, молча как рыбы открывая рты.

— Бабенко, хватит лежать! Давай со своими орлами обследуй вершину и проведи разведку на предмет наличия минно-взрывных заграждений, — привел всех в чувство голос командира группы.

Саперы из роты минирования, оставив свои рюкзаки, начали неспешную работу.

Проверив с помощью шомпола, не заминирован ли оборудованный кем-то на вершине окоп, они махнули нам рукой и мы устроили в нем свой командно-наблюдательный пункт. Огляделись.

Пустынный высокогорный мир открывался по обе стороны долины. Тянулись бесконечные цепи гор и вершин, поднимаясь в небесную синь и сверкая своими макушками в солнечном сиянии. До 3500 — 4000 метров в высоту поднимались мощные горные массивы, впиваясь в небо своими зубцами, обрывами и скалами. А где-то там, на востоке, за ними располагался Хост.

Для обеспечения безопасности на всех трех господствующих высотках залегли наблюдатели с пулеметчиками. Все было тихо. Саперы мирно копались среди больших валунов и камней, обращая особое внимание на явные места недавнего пребывания моджахедов. Об их пребывании здесь свидетельствовали СПС (стрелково-пулеметные сооружения. — *Прим. ред.*), брошенная бухта проводов для пуска стартовых двигателей реактивных снарядов, три примитивных деревянных станка, с которых пускались эти РС, горстка стреляных гильз от английского карабина «Бур-300», растяжка с гранатой Ф-1, обезвреженная саперами, да еще свежий навоз. Однако явного противника вблизи, к счастью, не просматривалось...

Высота и хребет, уходящий на юго-запад, были чисты. «Духи» скорее всего вычислили наши маневры на подходе и ретировались по руслу высохшего ручья вниз по противоположному склону хребта. Закрепившись на вершине, командир группы и шесть разведчиков начали спускаться по вероятному маршруту ушедших моджахедов. Мы шли осторожно по есте-

ственной тропке, проложенной природными силами, среди беспорядочного нагромождения камней. Когда тропа стала делиться на несколько распадков, мы остановились.

— Саперов со всем арсеналом ко мне, — передал Роберт по рации на вершину.

Тяжело топая, как бегемоты, с горы скатились четверо бойцов из роты минирования, груженные мешками и ящиками с инженерным имуществом.

— Слушай боевой приказ, — сказал Яшин, — на этом месте и выше тридцать метров по склону, производим комбинированное минирование местности. Это самые лучшие подходы к вершине. Вот здесь ставьте мину МОН-50, — показал командир группы, — с направлением в эту расщелину. Растяжку натягиваем на высоте 15 см. ОЗМ-4 выставим вот на этом рубеже. Под центральную мину вот сюда, — показал он, — заложите минусюрприз разгрузочного действия.

Минеры достали инженерные средства различного назначения: мины МОН, ОЗМ, МС, взрыватели МУВ-3, детонаторы МД-5, кронштейны, растяжки. Аккуратно разложили на ровной площадке и спокойно и деловито начали собирать конструкции и минировать тропу. Командир контролировал их работу. Последовательно поднимаясь к вершине, группа оставила после себя несколько рубежей сложного минирования.

Когда все разведчики собрались на вершине, Яшин, укрывшийся в СПСе, еще раз долго разглядывал в бинокль местность вокруг нас. С высоты видно было очень далеко. В северо-западном ущелье хорошо просматривались кунги, машины связи, антенны, палатки, бронетехника и автомобили штаба армии. Наше минирование в определенной степени должно было сбить охоту у моджахедов лазить в этих горах.

— У нас остались мины? — спросил он у командира отделения из 4 роты. — Минируйте вершину и все СПСы, мы сюда уже не придем.

Определив порядок отхода и прикрытия спускающейся группы, Яшин дал команду на начало спуска к подножью горы, к бронегруппе.

Спускаться с вершины оказалось делом не таким простым, как это может показаться. Но с матом и синяками, полученными от падающих камней, разведчики благополучно скатились вниз. Их потные и грязные физиономии излучали радость и чувство удовлетворения от успешно выполненной боевой задачи. Невольно у бойцов бронегруппы родилось и тут же улетучилось чувство некоторой зависти к этим парням, что ходили в горы. Разведчики отряхивались от пыли и с удовольствием рассаживались на броне. Колонна тронулась. Отъехав метров на пятьсот, Яшин развернул бээмпэшку и сказал, обращаясь ко мне:

— Что, обработаем на всякий случай вершину, товарищ подполковник!

— Давай, не повредит.

— По вершине десять снарядов беглый огонь!

Ударила 30 мм пушка БМП (2А42) по горной складке, что была несколько ниже вершины и прикрывала бывшую огневую позицию «духов». Фонтанчики разрывов подняли пылевую завесу, а когда стрельба прекра-

тилась, неожиданно до нашего уха отчетливо долетел звук одиночного взрыва. Трудно было определить, где именно он произошел, но эхо опять повторило его реальность.

— Это не душманы ли на нашей мине подорвались? — спросил волгоградец рядовой Александр Бабенко.

— Вполне возможно. Значит, они были совсем рядом с нами, — ответил взводный. — Ну, б... дела. Хорошо хоть не обстреляли.

Уже смеркалось, когда мы вернулись в ППД батальона. За один световой день лагерь заметно изменил свои очертания. Кругом продолжала кипеть работа — рылись землянки, огневые позиции для гаубиц, капониры для машин командного пункта батальона, натягивали ограждения автопарка, из камней выложили прямую линию, означающую место построения подразделений на плацу, установили шлагбаум при въезде в батальон со стороны дороги Гардез — Хост... Активно велась инженерная разведка.

К исходу вторых суток площадка в районе высоты 2532 была досконально проверена саперами. Тщательно были обследованы и развалины небольшого кишлака, отмеченного на карте как кладбище Джадранкала. «Кала» в переводе с пушту означает крепость. И действительно, этот кишлачок напоминал крепостной бастион. Высокие неприступные стены с бойницами только отдаленно напоминали обычные жилые дувалы. Джадранкала по решению комбрига стала штабом бригады. За стены этого азиатского сооружения загнали часть машин связи и два штабных кунга, а также оборудовали огневые позиции и посты охранения комендантского взвода. За дувалами установили палатку, в которой развернули центр боевого управления бригады (ЦБУ). В жилых и подсобных помещениях крепости Джадранкала оборудовали спальные места для солдат комендантского взвода штаба бригады. На этом месте и располагалась оперативная группа штаба бригады с 20 декабря 1987 г. по 22 января 1988 г.

В трехстах метрах юго-западнее штаба бригады на ровной площадке развернули полевой городок 334-го отряда. Личный состав рот батальона зарылся в землю в течение одного дня. Землянки, прикрытые сверху брезентом, стали незатейливым домом для разведчиков. На поверхности у входа в землянки круглосуточно дежурили дневальные в полном боевом облачении, включающем каски и бронежилеты. Полевой лагерь выглядел пустынно, так как большая часть личного состава рот основное время проводила в горах — в засадах и на постах наблюдения.

668-й отряд дислоцировался в километре восточнее от 334-го оо СпН, в таких же полевых условиях, на противоположном юго-восточном гребне высоты 2530, в лощине. Такие же землянки, прикрытые брезентом, автопарк под открытым небом, капонир приданного от 56-й одшбр артиллерийского взвода гаубиц Д-30.

Не сразу, а в ходе обустройства, в центре полевого лагеря обнаружили выход на поверхность глубокого кяриза, который стали использовать как помойку для сброса мусора. За месяц этот кяриз был забит отходами под завязку.

Таким образом, наш полевой быт был весьма незатейливым: спали в вырытых в каменном грунте землянках, не снимая обмундирования, бок о бок, на деревянных нарах.

Через неделю боевых действий появились дополнительные трудности – началась борьба с педикулезом. После первых выходов на боевые задания у отдельных солдат появились вши, которые из-за большой скученности личного состава быстро распространились почти на всех. Это явление до сих пор мало изучено наукой. От переживаний и страха, сопутствующего бойцам, вдруг появляются эти пакостные насекомые, а еще от афганских вещей – трофейных спальных мешков, предметов боевого снаряжения и др..

Хотя приказом командующего по тыловому обеспечению предусматривалось для организации помывки личного состава в каждом полку иметь полевую помывочную и комплект белья на 100 процентов личного состава. У нас помывочной не было по штату. Комбриг обратился к заместителю руководителя боевых действий генералу Н.П. Пищеву и он оперативно решил вопрос об обеспечении нас соответствующими установками. Люди были помыты, но это все равно кардинально не решало вопроса. Поэтому Старов приказал строить свои стационарные полевые бани. Используя для этого дувалы, развалины крепости Джадранкала, а в 4 батальоне рыть специальный котлован – землянку под баню.

В ходе строительства понадобилась техника, и для этих целей при поддержке начальника инженерной службы армии полковника Поварчука нам перегнали трактор с ковшом. Землеройная техника 45-го инженерного полка в течение дня вырыла котлован под землянку. Местные умельцы обшили ее стены досками от снарядных ящиков, коих на артиллерийских позициях было в избытке. На бревна положили потолок. Из камней, обмазанных глиной, сделали кожух для буржуйки. В бане была даже предусмотрена небольшая парилочка, вход в которую прикрыли плотным байковым одеялом. Рядом с баней установили большую емкость с водой, топливный бак и форсунку для ее нагрева, и система заработала. Как говорится в народе, дым стоял коромыслом. С удовольствием в этой бане помылся весь личный состав батальона. Много ли надо солдату для полного счастья. После помывки сразу поднялось настроение, люди заулыбались, послышались шутки и бодрый смех. Не стали исключением и мы с командиром бригады – мы с ним тоже спустились в баню, где с большим удовольствием отмыли въевшуюся грязь. Баня хотя и была примитивной, но функционировала как надо.

Для того, чтобы легче было соблюдать гигиену, все коротко подстриглись. Здесь уж было не до красоты. Да и, пожалуй, в этот момент у нас у всех в голове были другие эстетические понятия. И комбриг, и солдаты имели совершенно одинаковые прически под ноль, которые творили нам «самородки из народа». Этот солдатский быт как-то еще более сближал нас друг с другом.

Нельзя не отметить, что в боевой повседневной работе и полевой жизни шло незримое соперничество между командованием асадабадцев и баракинцев. И, если быть объективными, чаще всего победителями выходили подразделения баракинцев.

Этому было и объяснение: они имели возможность больше захватить с собой строительных материалов и имущества. А 5-й батальон совершил очень длинный марш из Кунара. Поэтому брали только необходимое. Даже необъявленный конкурс банных инженерных сооружений признал более удачной конструкцию Анатолия Васильевича Корчагина. Котлованная система позволяла эффективнее сохранять тепло внутри бани, чем в сооружении, сотворенном в развалинах крепости асадабадцами.

В начале января, согласно плану командарма, в район Хоста был высажен десант в составе одного советского мотострелкового батальона, двух групп спецназ нашей бригады и бригады афганских коммандос всего в количестве более трех сотен человек. Таким образом, были созданы достаточно выгодные условия для продвижения навстречу друг другу наших и афганских правительственных войск и окружения бандформирований, противодействующих их наступлению.

Действовавшие по направлению от Гардеза к Хосту части советских войск последовательно захватывали господствующие высоты вдоль дороги и, освобождая территорию, тут же брали трассу под свою охрану.

Однако противник и не думал сдаваться или рассеиваться в горах. Военизированная часть племени джадран продолжала упорное сопротивление. Душманы вели прицельный огонь по артиллерийским позициям советских войск и даже по командному пункту армии.

С целью обеспечения безопасности КП армии 15-й бригаде спецназ была поставлена задача захватить господствующие высоты в указанном районе. Сдержанный прибалтиец полковник Дайнис Антонович Турлайс, конкретизировал задачу: в последующем вести разведку действий моджахедов, а в случае обнаружения и выдвижения банд в контролируемый район, уничтожать огнем приданной артиллерии, бомбоштурмовыми ударами авиации, а также огнем стрелкового оружия из засад.

В ходе этих боев нашими войсками был сначала блокирован, а потом и уничтожен базовый район «Срана», который находился чуть южнее перевала Сатыкандав, ближе к Хосту.

В этих местах состоялись жесткие боевые столкновения. На первых порах десантники 345 опдп прикрывали действия саперов 45-го полка, а затем прохождение колонн с грузом. Обеспечивая безопасность сверху. А в ночь с 7 на 8 января моджахеды несколько раз поднимались в атаку для того, чтобы отбить высоту у обороняющихся. В ходе этих боев «востротинцы» потеряли шесть человек убитыми, но держали оборону прочно. Никто не дрогнул и не покинул поле боя.

Успех операции по проводке колонн в Хост во многом зависел от саперов. Дорога на Хост была сплошным минным полем, ее перегородили завалы из щебня и скальных глыб. Согласно донесению, только в один из декабрьских дней на подступах к перевалу саперам удалось пройти 1800 метров. Обезвредив при этом 32 фугаса, 64 противопехотные и 126 противотанковых мин.

По нескольку раз в день подрывались боевые машины разминирования, по саперам моджахеды били эресами. Но люди шли, и за ними шла колонна. Когда саперное подразделение Владимира Козловского, которое

продвигалось от Хоста, встретилось с подразделением Олега Бота, им даже не пришлось докладывать своему командиру Юрию Проворову, что задача выполнена. Об этом все узнали и так: встреча вышла шумной — с трассерами в небо, салютом сигнальных мин. На это мальчишество командарм не сердился. Это был, по сути, финал боевой части Хостинской операции.

30 декабря, за сутки до начала нового года, саперы 45 исп подполковника Геннадия Белоуса полностью очистили дорогу от мин, фугасов и завалов. Полковник Поварчук тут же доложил командующему о готовности полотна дороги к пуску по ней первых колонн с продовольствием.

В своей рабочей тетради он записал: «*Саперы армии проверили на наличие МВЗ — 570 км дорог; 30 квадратных км местности. Обнаружили и уничтожили ПТМ — 667 штук; ППМ — 36 штук; фугасов — 207 штук. Была проведена громадная работа и по восстановлению дороги общей протяженностью 18,5 км. Солдатскими руками построено 8 мостов, отрыто 176 укрытий для техники и 208 для личного состава, установлен 31 узел заграждений*».

Впоследствии за умелое руководство саперными частями в ходе операции начальник инженерных войск Тарас Поварчук был награжден орденом Красного Знамени.

С того самого часа из Гардеза в город Хост ежедневно уходили по 2—3 колонны. К 19 января завоз был завершен. Последняя порожняя колонна вернулась из деблокированного города. За это время, по докладу начальника тыла, водители армии перевезли более 24 тыс. тонн различных грузов. В основном это было продовольствие и горючее.

Почти три недели советские войска стояли на «блоках» вдоль дороги, охраняя проходящие колонны. Все это время наши воины-спецназовцы выполняли боевые задачи по разведке и уничтожению противника в полном отрыве от основных войск, на господствующих высотах, превышающих 3000 метров. Это было очень нелегкое дело.

26 декабря из «Шоколадного города», так мы здесь называли между собой Джелалабад, пришла первая колонна с продуктами и бельем. Ее возглавлял лично замкомбрига — начальник тыла Игорь Серзин. Он привез с собой письма и газеты, накопившиеся в наше отсутствие. Как только их раздали, наш полевой лагерь на глазах опустел. Все военнослужащие расползлись по укромным уголкам лагеря и крепости читать полученные весточки из дома.

Мы пытались разнообразить скромный полевой быт и досуг наших частей. Так, например, политработники 4-го батальона вывезли с собой все необходимое для организации отдыха. Неплохо работал радиоузел, два стареньких телевизора, способных принимать телесигнал из Союза от ретранслятора. По три раза в неделю полевые клубы крутили под открытым небом художественные фильмы, которые бойцы смотрели стоя, так как не сиделось от холода. И независимо от содержания картины все солдаты и офицеры смотрели их незатейливые сюжеты, на мгновения отвлекаясь от просмотра на огненные хвосты реактивных снарядов, срывающихся с направляющих с недалеко расположенных огневых позиций. Эти кинопрос-

мотры хоть и не надолго, но вырывали людей из обстановки окружающей нас войны и снимали психологическое напряжение. Они как бы напоминали, что все проходящее скоро кончится, война невечна.

В эти минуты как никогда была высока роль политработы. Мне в той обстановке не раз и не два приходилось наставлять своих молодых коллег, не скатываться на позиции дублирования командиров. Понятно, что политработник в боевой обстановке делает то же, что и командир-единоначальник, но, когда появляется минута и командир отдыхает, комиссар должен делать свою работу, которую никто, кроме него, делать не будет.

Немаловажную роль в боевом становлении 193 молодых солдат, впервые участвующих в боевых действиях, играло организованное в ротах соревнование среди боевых троек. Система работы по сплочению коллективов и передаче боевого опыта называлась «боевым наставничеством». Суть которого сводилась к тому, что за опытными бойцами закреплялись новички, которые учились боевой специальности непрерывно. Боевой наставник – должен был быть примером для личного состава. В помощь активу политотделом бригады была разработана «Памятка боевому наставнику», в которой было сказано:

1. Помни, что доверенный тебе молодой воин – твой младший товарищ, с которым ты делишь все радости и тяготы службы на войне.

2. Не забывай, что и ты был молодым солдатом и настоящим специалистом ты стал не сразу.

3. Повседневно учи его науке побеждать, мастерски владеть оружием и техникой. Передавай ему свой боевой опыт.

4. Готовь его психологически и физически к преодолению трудностей. Разъясняй, солдатский труд – трудный, но на нас смотрит Родина, и все трудности сообща мы преодолеем вместе.

5. Будь сам образцом в учебе и бою, учи молодого солдата по принципу – делай как я!

6. Сам погибай, а товарища выручай!

7. Относись к молодому солдату так, как будто это твой младший брат. Воплоти в нем свои лучшие моральные и боевые качества, и ты увидишь плоды своего труда!

В результате такой опеки, действительно, среди молодежи вскоре появились талантливые ребята, буквально на лету схватывавшие премудрости работы разведчика. К концу операции командиры подразделений с гордостью представили к награждению медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги» 23-х из них, – наиболее отличившихся молодых солдат и сержантов.

Укрепляли коллективы и молодые коммунисты, которых старались равномерно распределять по боевым подгруппам для обеспечения боеспособности и дисциплины. Согласно постановлению ЦК КПСС от 25.05.1982 г. «О порядке приема в партию военнослужащих и создании партийных комиссий при политорганах Ограниченного контингента советских войск в Афганистане» ежегодно в нашей бригаде принималось в партию от 100 до 120 солдат и офицеров. За месяц же этой операции, по докладам партийных секретарей Берзина Ю.В. и Машонкина М.А., им было подано более 30

заявлений о приеме кандидатами в члены КПСС. Явно ощущался эмоциональный подъем настроения у личного состава. Как шутливо говорили командиры подразделений:

— «Полиморсос» нормальный!

Для улучшения полевого быта командиры и политработники, опираясь на комсомольский актив, провели конкурс «На лучшую землянку».

В состав комиссии вошли солдаты и сержанты из обоих батальонов. Пропаганда передовиков подстегивала отстающих. Этому способствовала и наглядная агитация. Которая, помимо обычных боевых листков, представлялась разнообразными стенными газетами, сатирическими бюллетенями и фотогазетами. Помимо информационной части в них было достаточно едкой критики фактов ротозейства, неряшливости, забывчивости, потери имущества (ложек, котелков, ремней, рукавиц и прочего). Хотя и созданы они были в примитивных полевых условиях, но оформлялись солдатами и сержантами с большим вкусом. Более того, сопровождались стихами и эпиграммами, написанными самими офицерами и солдатским активом, порой весьма талантливо. У этих стендов с материалами всегда толпились бойцы, и их просмотр сопровождал здоровый гомерический смех, а где эмоции, там всегда ненавязчивое воспитание. Кстати, следует сказать, что в конкурсе стенной наглядной агитации победили комсомольцы роты минирования, где замполитом был старший лейтенант Галаганюк С.В. (Впоследствии он был ранен). На зависть остальным его саперы получили главный приз — ящик сгущенного молока и три килограмма конфет. Лучшей ротной походной ленинской комнатой была признана удобная разборная и содержательная конструкция, исполненная умельцами под руководством замполита роты МТО старшего лейтенанта Яцуты В.В.

Формам и методам творческой работы в полевых условиях приходилось учить молодых коллег-политработников на примерах передовиков. Так один из них, выпускник Свердловского высшего военно-политического училища замполит 3 роты спецназ старший лейтенант Быков Н.В. в перерывах между боевыми выходами умудрился подготовить отличную концертную программу, которую с большим интересом посмотрели и в соседнем братском 334 отряде. На достаточно высоком уровне прошли в ротах спецназ, где замполитами были лейтенанты Никокошев В.В. и Карлов А.В. тематические утренники и беседы на темы: «О героях разведчиках Великой Отечественной войны» и «25-летию создания родной бригады посвящается».

К сожалению, отмечались случаи, когда отдельные политработники тяготились своих уставных обязанностей. Приходилось их поправлять. В частности, замполитов рот — бесстрашного холерика, моего любимца, Садовникова М.И., или хладнокровных лейтенанта Щигорева В.В. и капитана Голубева С.А. — более склонных к действиям в составе групп спецназ. Мне пришлось жестко принуждать их заниматься «рутинной» воспитательной работой с личным составом в полевом лагере. Лично контролировать их деятельность и осуществлять подробные ежедневные разборы, внушая при этом:

— У тебя не одна группа, ты отвечаешь за целую роту. А с остальным личным составом кто работать будет?

Скажу откровенно, что меня первоначально очень напрягал секретарь комсомольской организации 5-го батальона старший лейтенант А. Самойленко. Однако понаблюдав за ним, я изменил первоначальное мнение. Как оказалось, он по складу своего характера тоже не мог усидеть в лагере. Пользуясь любой вакансией, он выходил в горы на боевые, а позднее десантировался под Хост.

— Ну, как ругать такого помощника? Ведь не бездельник. И уходит не на прогулки, а на опасную и тяжелую физическую работу, демонстрируя личное мужество. Но все-таки «выловил» комсорга и сдержанно, но жестко «вздрючил» за то, что тот запустил свой участок работы. Ведь кроме политработников, никто это дело не сделает... Он потом долго пыхтел — выполняя мое задание: восстанавливал и записывал для исторического формуляра батальона примеры мужества разведчиков, проявленные за прошедшие недели операции. Иначе завтра в текучке боев и новых впечатлений многие мелочи были бы просто забыты... Спросил я с него и за работу с активом?!

Я внушал политработникам на совещаниях:

— Политработник — летописец истории. Ему по долгу положено знать людей, уметь находить подход к каждому. Кого поддержать добрым словом, а с кого спросить за нерадивость. Находить время для писем родителям отличившегося воина. Оставлять для истории записи о мужестве, о подвигах, о славном и героическом... Пройдет немного времени и все, чем мы сейчас живем уйдет в прошлое, как вода в песок, даже не оставит и следа...

Ориентируясь на работу фронтовых политработников, мы практиковали отправку писем родителям отличившихся воинов. Один из таких героев, получивших ранение, оказался земляком моей жены Галины. Я сфотографировал Павла Рыбина и фотографию отправил вместе с письмом в редакцию газеты города Кушвы, где жили родители Павла. Вскоре получил письмо от горкома КПСС, к которому была приложена газетная публикация «Кушвинского рабочего» от 21.06.1988 г. Впоследствии, вернувшегося из Афгана домой Рыбина, городские власти встретили как почетного гражданина и вне очереди предоставили отдельную однокомнатную квартиру в престижном доме.

Вот и знай, как наше слово отзовется...

В целом же организация политической работы во время операции стала подлинной школой для политработников, всего партийно-комсомольского актива. Как следствие этой работы мы рассматривали массовое мужество и героизм военнослужащих бригады. Солдатская работа всегда трудна, но в тех горных условиях она была особенно тяжелой. Нечеловеческие усилия приходилось прилагать для выхода в районы разведки. Разведчики поднимались в горы с грузом в 20-25 кг на высоты, значительно превышающие 3000 метров, выходили в указанные им районы и сутками мерзли на каменных, продуваемых всеми ветрами площадках, ведя разведку и ожидая противника. За афганскую войну нашей бригаде несколь-

ко раз пришлось воевать в условиях высокогорья. Однако в описываемый период ветеранов-альпинистов в строю уже никого не осталось. Вспоминая свою лейтенантскую юность с собственным небольшим чимганским опытом, я с недоумением отмечал, что обеспечение частей вышедших на афганские трех– и четырехтысячники было, мягко говоря, недостаточным. Наши части были не полностью снабжены специальным горным снаряжением и оружием. Да, действительно, в экипировку личного состава нашей бригады входили удобные горные брезентовые куртки с капюшоном, брюки и свитера, ватные спальные мешки, темные очки. Да, действительно, наши военнослужащие, идущие в горы, обеспечивались высококалорийным питанием – горным пайком. Однако ни палаток, ни походных спиртовых индивидуальных кухонь и примусов, ни меховых жилетов и носков, шерстяных и кожаных перчаток, ни подшитых валенок, ни горных ботинок, положенных горным стрелкам, мы не получали. Выходя на задания, разведчики не имели элементарных снегоступов, скальных молотков, лавинных шнуров, ледорубов, десятизубых «кошек», веревок, скальных и ледовых крючьев и карабинов, горнолыжных ботинок и лыж, горных спасательных средств.

Мне могут сказать, что горы в районе боев не были такими сложными, как это могло быть на подобных высотах в Тянь-Шане или Гималаях. Но сложность подъема в горах провинции Пактия определялась и оценивалась связкой бойцов-разведчиков, идущих в горы, а не тыловыми службами, беспечно пьющими чай в автомобильных кунгах. Да, наверное, несправедливо их обвинять в этом. Вопросы обеспечения войск решались в Москве. И делалось это часто с большим опозданием.

Добрым словом хочу вспомнить представителей медслужбы обоих батальонов, которые регулярно проверяли состояние здоровья личного состава, наличие у бойцов промедола, индивидуальных перевязочных пакетов и резиновых жгутов. Многократно проводили занятия и беседы по приемам оказания первой помощи раненому товарищу, а также при обморожениях, что было достаточно актуальным.

Невольно вспоминаю очень холодные дни и ночи, когда РГ СпН № 513 группа вышла в эфир с сигналом «SOS». Люди попросту замерзали. Учитывая это, комбриг принял решение сократить пребывание разведгрупп в горах с шести до трех суток, поскольку среди разведчиков начались простудные заболевания и обморожения.

Не избежал простуды в это время и я. А получилось это очень буднично. Однажды вечером с перевала Сатыкандав спустился начальник разведки бригады, где он проводил рекогносцировку местности перед отправкой групп. Докладывая командиру о трудностях выхода групп 5-го батальона в район разведки, он охарактеризовал боевую обстановку и географию маршрута вывода. В качестве одного из практических выводов сформулировал мысль:

– С целью сохранения физических сил бойцов предлагаю для облегчения подъема разведгрупп в горы – выделять дополнительно личный состав в качестве носильщиков грузов, как это принято в Гималаях, на Памире и уже практиковалось на Гиндукуше.

Обдумав это предложение, комбриг Старов согласился:

— Хорошо, так и сделаем. Впредь в приказах назначать основную разведывательную группу и дежурную группу для ее вывода в район разведки на перевал.

Поддерживая мнение командира, я утром следующего дня вышел с очередной дежурной группой на задание. Рассветало, перед землянками роты 5-го батальона началась подготовка к выходу на боевое задание группы старшего лейтенанта Александра Бирюкова. Разведчики снаряжали магазины, укладывали рюкзаки, потрошили сухие пайки, распределяли пулеметные ленты, гранаты подствольников и патроны россыпью. Большую часть грузов распределяли на личный состав дежурной группы, выполняющих задачи носильщиков. Всего разведчиков вместе с дежурной группой, которых возглавил я, набралось более тридцати человек.

Я присматривался к Бирюкову, о котором слышал, что он уже перенес ранение и контузию, награжден медалью «За отвагу». Мне говорили, что это опытный офицер, за полтора года службы в ДРА прошел многими тропами в провинциях Кунар, Нангархар, Кабул. Познакомившись с ним, я с удовлетворением отметил, что он произвел на меня самое приятное впечатление.

Часам к девяти утра подготовка группы закончилась. Все выходящие на задание были одинаково вооружены, но основной состав группы Бирюкова был освобожден от тяжелых рюкзаков с боезапасом и продовольствием. Разведчики несли только притороченные к РД-54 спальные мешки и свое зимнее ватное обмундирование. Носильщики зимнее обмундирование не одевали, так как им мерзнуть было некогда. Все они были в горных брезентовых зеленых костюмах и коричневых шерстяных свитерах. Нас от мороза должны были спасать энергичные действия по подъему груза в горы, а после чего стремительный спуск к месту эвакуации, где нас ожидала бронегруппа.

Запрыгнув на броню, я сел в люке старшего, а по бортам и у ствола крупнокалиберного пулемета КПВТ рядком расселись бойцы и носильщики.

Колонна, начав движение по маршруту, предварительно проверенному саперами армии, через час зашла в ущелье под высотой 2996, непосредственно входящей в горный массив перевала Сатыкандав.

В том месте разместилась сторожевая застава 191-го отдельного мотострелкового полка из Газни. Пехотинцы хорошо знали спецназовцев нашей бригады, дружили с разведчиками 177-го отряда «Батьки Блажко», и отнеслись к нам по-родственному. Тем более, что высокий авторитет разведчиков всегда подкреплялся непрерывной боевой работой, из чего и складывались в армейском фольклоре легенды о спецназе ГРУ.

Я даже от летчиков порой слышал восторженные отзывы и пожелания по-настоящему повоевать вместе со спецназом. Газнийцы помогли разгрузить бронетранспортеры и с большим сомнением смотрели нам вслед, после того, как весь груз мы взгромоздили на свои загривки и пошли вверх, на перевал.

— Ни хрена себе, вы нагрузились! Как бы пупки не развязались?

— За нас не ссыте, есть еще порох в пороховницах и ягоды в ягодицах! — Отвечал за всех острослов ефрейтор Фоменко.

— Всего вам доброго, мужики! — Кричали нам вслед на прощание.

На душе у каждого из нас было тревожно и волнительно, но эмоциональное напряжение заменила физическая нагрузка. И хотя погода стояла сумрачная, небо было затянуто серыми тучами и дул сильный северный ветер, наши спины вскоре стали мокрыми, а дыхание прерывисто-поверхностным. Преодолев перепад высоты почти в 400 метров, одолев отдельную отвесную стенку, мы поднялись на высоту 3300 метров. Отдышавшись, уже спокойно пошли в колонну по одному по хребту на север. За спиной у нас остались последние советские посты и застава 3-й роты газнийского полка.

В этот момент я вышел на частоту мотострелков и, используя их позывной «Триумф», связался с ними. Буквально после первого запроса услышал в ответ их командира:

— Вас слышу и вижу на хребте. Впереди чисто, счастливого пути! В случае опасности давайте целеуказания — прикроем огнем.

Тропа и местность, открывающаяся вокруг нас, представляла собой интересное зрелище. Все напоминало о недавних боях. То и дело нам попадались торчащие из земли хвостовики мин и оперенье реактивных снарядов, при внимательном осмотре земной поверхности под ногами бросались в глаза многочисленные ржавые осколки от взорванных боеприпасов.

— Смотрите себе под ноги. Взрывоопасные объекты обходить! Идти след в след, — напомнил я разведчикам, пройдя вдоль колонны.

Через десять километров пешего передвижения по хребту, в районе отметки 2921, мы остановились. Сняли с себя рюкзаки и передали их разведчикам, уходящим на боевое задание. Тепло попрощавшись, мы повернули обратно, а командир группы Александр Бирюков, помахав нам рукой, повел свою группу на север на обозначенную ему приказом горную вершину...

В эти минуты и так-то неуютная погода переменилась на шторм. Налетели черные тучи, которые выбросили мелкий холодный дождь со снегом. Резкий порывистый ветер буквально сбивал разведчиков с ног. Держась друг за друга мы сползали по скользким склонам по еле заметной тропе. В этом аду отчетливо запомнился напряженный момент, когда мы, проходя по местам недавних боев с моджахедами, увидели противника.

— Внимание! Опасность, — Подал знак разведчик рядовой Сергей Яковлев.

Прямо над тропой на гребне горной складки сидел человек. Он был одет в афганскую национальную одежду, руки держали автомат, а обнаженная голова гордо по-орлиному смотрела мимо нас в ущелье. Группу буквально «сдуло» с тропы. Мы затаились, сняв оружие с предохранителей и приготовившись к бою.

— Отбой! — прокричал замкомвзода. — Товариш подполковник, это убитый на прошлой неделе бандглаварь, — пояснил мне старший сержант

Вычугжанин. – Его после боя наши бойцы убрали с тропы и посадили на этом выступе, как предупреждение остальным душманам. Подходы к трупу хорошо заминировали. «Духи» несколько раз пытались забрать тело, но подрывались на минах и уносили восвояси своих убитых и раненых.

За прошедшие дни после гибели процесс разложения совершенно не коснулся останков моджахеда. Особые специфические условия высокогорья: ледяной ветер и яркое солнце, сделали лицо убитого джадрана бронзовым, и он сидел, как памятник, провожая нас – пришельцев из другого мира своим мертвым ненавидящим взглядом. Я достал фотоаппарат и запечатлел эту страшную мумию.

Спускаться вниз под дождем с мокрым снегом оказалось очень сложным делом. Особенно мне запомнилась почти отвесная стена, которую преодолевали поодиночке. Цеплялись за небольшие трещины и уступы, срывая ногти с пальцев, сползали вниз как в преисподнюю. Хорошо, что все когда-то заканчивается...

Вот и сторожевая застава 191-го полка, на которой радушно приняли нас, и продемонстрировали свои лучшие душевные качества солдаты пехотинцы. Цены им нет!.

Забытые богом и своими командирами, связанными боями, пехотинцы несколько дней не получали продукты и голодали. Но, увидев наши изможденные лица, достали свой последний «НЗ» – булку замерзшего хлеба. Развели костер и напоили нас чаем (название жидкости чисто условное), показавшийся нам в тот момент лучшим напитком в мире. Поджарили на сковородке каждому по кусочку хлеба.

Тронутый их солдатской заботой, я связался по радио с КП бригады и попросил Старова прислать с бронегруппой, что придет за нами, десантные пайки. Наш сухпай «Эталон № 5» включал деликатесы: сгущенное молоко, сосисочный фарш, печеночный паштет и сало в стограммовых консервных баночках, шоколад, витаминки, галеты. Для подогрева придавались сухое горючее и непромокаемые охотничьи спички с мощными головками.

Юрий Тимофеевич мою просьбу выполнил. И мы передали ребятам шестнадцать таких пайков. При прощании с нами грязные и обветренные пехотинцы не скрывали своих добрых чувств, а отдельные даже смахивали слезы сентиментальности за проявленную о них заботу. Им впервой было есть такие деликатесы. Как оказалось, этот ничего не стоящий для нас жест доброй воли еще более укрепил братскую дружбу между военнослужащими разных родов войск. Прошли годы, и я встретил в Днепропетровске бывшего солдата этого полка по имени Руслан.

И с удивлением услышал от него:

– Товарищ полковник, а вы помните меня? Помните под Хостом мы вас с гор встречали?

– Да, помню.

– Я служил в Газнийском батальоне спецназа.

– Но 177-й отряд на операции «Магистраль» не участвовал. Там были газнийские мотострелки 191-го полка.

– Нет, что вы, я в вашей бригаде служил.

Я не стал дальше развивать эту тему, потому что понял, что парень выдает себя за однополчанина. Тогда нас ничто не разделяло.

Вернувшись в лагерь, я слег с температурой. Но болел недолго к профессиональной гордости наших эскулапов, которые с помощью мощных трофейных американских антибиотиков быстро подняли меня на ноги. Валяясь в поту, я вспоминал о разведчиках, что находились в эти минуты на горных вершинах и перевалах. Им требовалось большое личное мужество. Даже просто прожитая ночь в высокогорье под постоянным ветром и снежными зарядами – уже сама по себе большое испытание. Представьте, что даже спальные мешки леденеют от проникающего в них мороза и снега. За длительные часы лежания на снегу от тепла тел образуются ямки. Движения ограничены маскировкой.

Сержант 1-й роты 334 оо СпН Евгений Заднипряный рассказывал мне о своих чувствах особой обреченности именно в эти ночи, проведенные в горах:

– Ночи были темные и безлунные. В таких условиях ночные бинокли помогали слабо, и приходилось надеяться на зрение и слух, чтобы не прозевать «духов». Мне кажется, что ужаснее ситуации, когда ты неподвижно лежишь на камнях, нет ничего. Было просто дико холодно. Ночью мы ждали наступления дня, так как в светлое время легче переносить неподвижность и мороз. Бывало наступит утро. Наверху – ясно и холодно, а далеко внизу, над долиной висит туча, закрывающая все. Создается впечатление, что мы находимся в космосе.

Пока я валялся больной, под кишлаком Мелан опять подорвался наш бронетранспортер. В этой связи невольно набежали воспоминания о недавно пережитом подрыве в том же месте. Было это на неделю раньше, 25 декабря в 2 часа 34 минуты ночи, во время вывода в район разведки двух групп. При спуске в ложбинку колонна напоролась на минное поле. Я ехал на втором БТР, под правым задним колесом которого взорвалась мина. Механик-водитель Виктор Набока получил ранение, а мы, сидевшие на броне, были разбросаны взрывом в разные стороны.

Очнулся я как все, на земле, все тело трясло, из уха и разбитых губ текла кровь. Пронзительно остро болело плечо. Рядом стонали и матерились разведчики. Остатки резины колеса дымились. Преодолев слабость, я поднялся и стал оказывать помощь разведчикам. Ранены и контужены были пять человек: командир роты Юрий Боровской, рядовые Сергей Салей, Роберт Королев, Дмитрий Лисица. К нам вплотную подъехал третий БТР и загрузил всех. Тяжело раненного и контуженого заместителя командира роты по технической части лейтенанта Олега Чукина положили за башней между десантными люками. Во время движения он стонал, его била мелкая дрожь. Он пытался, но совершенно не мог говорить, только мучительно заикался. Для того, чтобы он не свалился при движении с БТР, с двух сторон его поддерживали бойцы. Остальные были такие же чумные и полуоглохшие. По прибытии в батальон Олега, как самого тяжелого, отправили в госпиталь, и больше я его не видел.

Кроме нас, в том проклятом районе чуть позднее подорвались еще три машины. Некоторые из них восстановлению не подлежали. И ведь местным жителям все сходило с рук, так как кишлак Мелан был «неприкасаемый» — в нем родился президент Афганистана Наджибулла. Это обстоятельство и спасало его от мести «шурави» и полного уничтожения.

Потери на подрывах вызывали раздражение. Миша Коркишко ворчал:

— И зачем спецназ надо было привлекать. Это не наши функции — сидеть как пехота и наблюдать. Наше дело активные боевые действия — облеты, засады, налеты. А тут мы, как бы не у дел.

По мнению же командования армии, наши разведвыходы в ходе операции имели исключительное значение, ибо мятежники регулярно делали попытки прорвать боевое охранение, выйти в тыл нашей группировки и к трассе и сорвать перевозки. Сделать это им не удалось. Почти все основные высоты были захвачены десантниками и спецназом и мы их не отдали.

Моджахеды в книге «По другую сторону горы. Тактика моджахедов в Советско-Афганской войне» отмечали на стр.165 — 175:

«*Внезапный захват советскими войсками тактически важных возвышенностей дал им огромное преимущество. Они начали направлять артиллерию и ракетный огонь на кишлаки, расположенные в долинах, идущих от перевала Сатыкандав на Хост*».

Особенно показательными в этом плане были боевые действия групп спецназ, умело организованные первым заместителем командира 334-го отряда майором Дмитруком и начальником штаба майором Качурой.

С 29 декабря 1987 г. по 7 января 1988 г. РГ СпН №№ 511, 512,513, 533, 534, занимавшие высоты с отметками 2735 и 2803, вели постоянную разведку местности наблюдением за перемещениями моджахедов в горах Каламайгар, в районе перевала Саротикандав. Тропы, ведущие к кишлаку Гундай, по их указанию, были заминированы «Лепестками» (мина ПФМ-1С), а район подходов к высоте 3169 перекрыт НВУ-П «Охота». В результате действий разведорганов отряда и полученной информации от радиоперехвата были собраны ценные разведывательные данные о скоплении моджахедов, которые впоследствии были уничтожены или рассеяны авиацией и артиллерией армии. Выявленная реактивная установка мятежников, размещенная на высоте 3192, была поражена огнем приданной отряду артиллерии по целеуказаниям и наводке командира группы старшего лейтенанта Бирюкова. В условиях холодной и снежной зимы пребывание разведчиков на продуваемых горных пятачках было настоящим мужеством...

За участие в той операции более 200 разведчиков отряда были представлены к наградам. Среди них более десяти процентов бойцов прослужили в Афгане первые три месяца.

В четвертом батальоне, разведывательная деятельность планировалась для РГ СпН №№ 411, 412, 413, 421, 422, 423, 431, 432, 433. Начальник штаба батальона майор Головко только вернулся после ранения из госпиталя и с ходу окунулся в планирование. Свою ставку он сделал на лучших офицеров-разведчиков Гопиенко, Яшина, Похвощева, Жогло, Бокова, Кравченко, Барышева, Буга, Дуброву, Бобылева, Бородавку, Лупенко, Прохоренко, Олефриенко и других...

Добрую память заслуживает и замполит 1-й роты старший лейтенант Михаил Иванович Садовников. Дело в том, что он 26 июля 1987 г. получил пулевое ранение в лоб. Но чудом остался жив. В свойственной ему манере шутил по этому поводу:

— Хорошо, что мозгов нет, а то было бы сотрясение.

Однако черепно-мозговая травма у него была очень серьезной. Кое-как он оклемался и, скрыв от врачей сильнейшие головные боли, сбежал в часть. Когда добрался до Суфлы, то военный городок части испугал его своей пустотой. Кроме караульных, охранявших расположение батальона, весь личный состав убыл на боевые действия по прорыву блокады под Хостом. Недолго размышлял Миша над тем, что ему делать? Запрыгнул на броню проходящей колонны и через полсуток, как снег на голову, объявился в полевом лагере отряда.

Командир отряда Анатолий Корчагин, увидев Мишу, его страшный кроваво-розовый шрам на лбу, синеву под глазами, не сдержался и накричал на него:

— Зачем приехал? Кто тебе разрешил? Надо было остаться в Бараках...

Комбриг Старов, который в тот момент находился в командирской машине комбата, сдержанно промолчал. Он уважал мужественных людей. Безусловно, этот поступок Садовникова по достоинству оценили все офицеры и солдаты части. В характере Михаила было много командирского: он говорил грубым баритоном, красочно ругался матом, тяготился политзанятий и был бесстрашным боевым офицером. Впоследствии Садовников очень хорошо показал себя во время боевых выходов в горы. Рядом с такими офицерами быстро проходило становление и молодых солдат, только что пришедших из учебного полка из Союза.

Иногда повседневная действительность приносила комические ситуации.

Из воспоминаний командира группы 668 оо СпН Сергея Полозова:

— Моя разведывательная группа № 431 вела наблюдение с высоты 2737. В один из дней в кишлак Мач с гор спустилась группа вооруженных моджахедов. Доложив по команде, я начал наводить огонь артиллерии. После нескольких пристрелочных выстрелов, когда кишлак уже был захвачен в вилку, над дувалами населенного пункта вдруг на шесте подняли в небо развивающийся красный флаг. Мы приостановили стрельбу, а из кишлака в горы бросились убегать моджахеды. Вот в предгорье мы их и накрыли огнем. А по поводу кишлака мои сослуживцы потом шутили, что «Полозов установил Советскую власть в отдельно взятом населенном пункте.

Своеобразным рубежом в ходе операции «Магистраль» стал проход первой колонны. С этого момента, помимо боевых действий, началась политическая фаза операции. В район боев для освещения реализации гуманитарной ее части было стянуто большое количество журналистов, которые передавали материал в различные телекомпании мира. Приехали они и в Хост, чтобы убедиться, что дорога в этот район и в город действи-

тельно свободна, и по ней беспрепятственно идут грузы для населения. Это было главное. Операция закончилась полной победой. Для усиления афганского республиканского влияния и обеспечения безопасности одновременно вдоль всей трассы началась передача афганским военным застав и постов, созданных «шурави» во время операции.

Мне же в этот предновогодний период первый раз пришлось близко познакомиться с руководителем информгруппы Центрального телевидения СССР Михаилом Лещинским. «Афганцы» называли его главным «телесказочником» за надуманные сюжеты, которые он подавал на экраны телевизоров... Позднее мы неоднократно встречались с его журналистами, и они сделали не один десяток добрых репортажей о нашей бригаде. Встреча с Лещинским состоялась в домике генерала армии Варенникова, что находился на аэродроме Гардеза. Заканчивалось 30 декабря, оставались сутки до Нового года, и Лещинский со своей группой пытался улететь на вертолете в Кабул для передачи собранного материала.

Как сейчас, отчетливо помню 31 декабря. Выпал глубокий снег. Резко похолодало, воздух был необыкновенной чистоты. В частях царило праздничное оживление, к новогодним торжествам в горах были срублены голубые елочки и во всех подразделениях их украсили одинаково – патроны автоматные, патроны пулеметные, патроны пистолетные, снежинки из бумаги, конфеты-карамель...

Командир дал команду тыловикам во всех частях улучшить ассортимент продуктов.

Этот Новый год остался в нашей памяти самым необыкновенным. Мы с полковником Старовым встречали его с личным составом в частях и подразделениях, ходили из землянки в землянку, поздравляли солдат и офицеров. Во всех ротах умельцы приготовили торты из галет, обильно смазанных сгущенкой. И, не сговариваясь, гостеприимные хозяева угощали нас, убеждая, что их пирог самый вкусный. Разведчики радовались празднику, как малые дети. Были ряженые Деды Морозы и Снегурочки с усами, которых под дружный смех обнимали.

Зашли мы и к семнадцати артиллеристам взвода, приданного нам из состава 56-й десантно-штурмовой бригады. Они тоже сидели в своей землянке за праздничным столом. Поздравили их, а к 24.00 командир объявил готовность к плановой стрельбе. К этой минуте по радио связались с группами, находящимися на боевых постах, поздравили их с необычным Новым годом в афганских краях. С последним ударом кремлевских курантов земля вздыбилась от грохота артиллерии. Стреляли наши, стреляли реактивные дивизионы, стреляли и «зеленые». Все кричали:

– УРА!– И высказывали общее пожелание – вернуться домой живыми!

Из письма того времени:

«Пишу вам 4 января. Днем солнечно и тепло, снег тает. Земля подсыхает, но пыли еще нет. Сижу на камне и пишу вам на планшетке. Передо мной прекрасный вид – горы, покрытые шапками снега. Время от времени под горой бьет реактивная артиллерия, и все тонет в грохоте. А в сторону

снежных вершин летят, сверкая огненными хвостами, наши «бакшиши» для «духов». О наших делах в этом районе вы знаете из газет и теленовостей. Противник сломлен, и сегодня в Хост ушла шестая колонна с материальной помощью, а это ни много ни мало — 310 автомобилей...»

Но до завершения было еще далеко, боевые действия в новом году продолжались еще три недели...

Война напоминала о себе ежеминутно. Мы теряли людей убитыми, ранеными, больными. В памяти осталось несколько фамилий: 27 декабря 1987 г. в районе Хоста на мине, стоящей «на разгрузке», подорвался младший сержант Дмитрий Мухин. Умер он мгновенно. Огненный смерч разметал его тело. Хоронить было просто нечего. Все останки убитого поместились в одном вещевом мешке... Я запомнил, что Дмитрий Владимирович перед призывом в армию закончил второй курс Минского университета. Тогда студентов брали в армию. И хотя прослужил-то он совсем немного — все его знали и любили, отзывались о нем с большой теплотой, что делало потерю горькой вдвойне. Погиб он во время работы при подготовке СПС к засаде.

Через три дня погиб молдаванин прапорщик Михаил Кузьменко...

5 января погибли младшие сержанты Игорь Пряхин и Заур Синякаев.

17 января — рядовой Игорь Савинов, ефрейтор Алексей Еремкин.

В самом конце операции, 18 января погиб белорус младший сержант Виктор Граньков. Через пять дней умер от ран в госпитале рядовой Иван Бодиштян.

20 января мы получили приказ на возвращение наших подразделений из районов разведки в места базирования частей для подготовки к маршу...

В эти последние дни и часы боевых действий погода вновь переменилась, напомнив нам, что мы находимся в суровых условиях высокогорья. Налетел сильный шквалистый ветер, и всю ночь выла метель — до неузнаваемости преобразившая местность. С утра — серое мрачное небо. Ветер рвет брезент палаток. Все, кто могут, попрятались в землянках. Разведчики, в неимоверно трудных условиях пурги спустившиеся с гор, отсыпаются. Оживление присутствует только на площадках с бронетехникой. В грязном промасленном обмундировании под руководством заместителей по технической части работают мученики-водители. Лица синие, руки озябшие — копаются с техникой. Наступает их время. У каждого своя работа на войне. Как бы сказал по этому поводу патриарх спецназа комбриг полковник Роберт Павлович Мосолов:

— Богу — богово, а кесарю — кесарево!

Скоро марш. С перевала Сатыкандав мимо нас сплошным непрерывным потоком идут колонны пехоты и десантников, уже вышедших из боя. Мы же еще на месте, так как ждем возвращения своих бронегрупп, которые забирали разведчиков из-под самого Хоста.

Командир сидит в палатке на ЦБУ и по телефону отдает распоряжения на подготовку наградных материалов. Накануне сам Громов приказал не тянуть с оформлением документов, особо подчеркнув фактор своевре-

менности прохождения наградных материалов по инстанциям, поэтому Старов лично составлял списки для награждения.

Всего от бригады представлялось к правительственным наградам более 400 солдат и офицеров, активных участников боевых действий и специалистов из подразделений обеспечения. К орденам представлены мои однополчане, псковитяне: начальник связи Ахмед Муратов — ко второму ордену Красной Звезды, лейтенант Сергей Шакурин — к ордену «За службу Родине в ВС СССР» III-й степени.

Самому же комбригу напоминает об этой операции орден Боевого Красного Знамени и навсегда застуженная поясница...

...23 января, солнечным морозным днем, наша колонна благополучно дошла до Кабула, и мы с командиром были вызваны на доклад к командующему армией.

Прибыв во дворец Тадж-Бек, попали на служебное совещание, посвященное итогам прошедшей операции. С докладом выступал сам командарм. Я тогда записал за ним следующие строки:

— *«Подводя итоги, можно смело сказать, что помимо политического значения операции, противнику был нанесен серьезный урон в живой силе и материальных запасах. Так, за время боев было захвачено и уничтожено только складов с оружием и боеприпасами более ста, а кроме того, большое количество различного рода вооружения, среди которого даже были 4 танка и девять БТР, десять машин залпового огня. Подобные трофеи оказывались у нас и раньше, но не в таком количестве. Потери группировки войск 40-й армии были сравнительно небольшими, можно даже сказать минимальными...».*

После краткого заслушивания, во время которого комбриг доложил о ходе марша, Громов отпустил его обратно к личному составу бригады.

— А вы, подполковник Кривопалов, останьтесь, — сказал он мне. — Вы с заместителем начальника штаба армии вылетаете сегодня вечером в Бараки. В провинции Логар резко обострились отношения между органами местной власти и советским командованием, дислоцирующихся там воинских частей, в том числе и вашего 668-го отряда СпН. Погасите взаимную ненависть. Не допустите обострения конфронтации, погасите конфликт, — инструктировал меня командарм Громов.

Не скрою, меня, конечно, это расстроило, ведь так хотелось прийти в себя после операции, помыться и отоспаться, но приказ есть приказ.

Как учит устав: приказ начальника — закон для подчиненного!

Во второй половине дня боевая колонна бригады под руководством Старова ушла в Джелалабад без меня.

Прошли многие годы, но сентиментальные воспоминания о Джадранкале, о перевалах под Хостом то и дело посещают меня.

У меня сохранилось простенькое стихотворение того времени, написанное переводчиком бригады младшим лейтенантом Султаном Казанбаевым.

Спецназ под Хостом

Стоял спецназ в Джелалабаде,
Душманов банды он гонял,
Бдил службу трудную в отряде,
Свой долг он честно выполнял.

В горах, долинах и средь скал,
Склады душманов «забивая»,
Простым афганцам помогал,
Хлеб ребятишкам раздавая.
Однажды к нам пришел приказ,
У духов в Хост отбить дорогу,
Нам приходилось помогать не раз,
Все как один мы вышли на подмогу.

В широком поле лагерь развернув,
Разведотряды к «духам» в тыл ходили,
С переполоху «духи» все струхнув,
Открыв пальбу, в «зеленку» уходили...

...И здесь мир дорог для тебя,
Цвет неба мирно-голубой,
Кричит в азарте ребятня,
В войну играя меж собой.

Пройдут века, а может меньше,
И гарь боев сойдет с полей,
Дехкане возведут здесь огороды,
Взметнутся в небо ветви тополей.
Поверить в это мы не прочь,
Что мир опять придет сюда,
Спать будут дети тихо в ночь,
И звуков войн не будет никогда.

Откуда мы могли знать тогда, что война в том краю и в той стране будет продолжаться и в XXI веке, а дети, принимавшие с благодарностью продовольствие от советских солдат в 1988 году, будут опять воевать.

Но теперь уже с американским спецназом, и если сильно не повезет, окажутся в американском лагере для пленных талибов на далеком острове в Карибском море...

Полковник Олег КРИВОПАЛОВ,
в Афганистане начальник политотдела 15 обр СпН,
заместитель начальника политотдела 40 ОА

КОМБРИГ 15-й И ЕГО ЗАМЕСТИТЕЛИ

В армии полки хорошими будут от полковников, а не от уставов, как бы быть им должно.

П.А. РУМЯНЦЕВ

В облике комбрига полковника Старова Юрия Тимофеевича было много от внешности известного киногероя Джеймса Бонда. Он был сухощав, высок и спортивен. В 47 лет запросто делал стойку на руках, а что выделывал на перекладине – это надо было видеть. Короткая стрижка, красивое вытянутое лицо с характерными морщинами на лбу и возле рта. Проницательные и умные глаза с хитринкой. Аккуратная военная форма, которая в отличие от других, выглядела на нем очень эффектно... как это бывает у настоящих военных профессионалов...

О нем Артем Боровик написал: «У Старова мягкий голос, превращающийся перед строем солдат в раскатистый гром.

– Говорят, вы жесткий человек, Юрий Тимофеевич. Это правда? – обращаюсь к Старову, чтобы раззадорить его. Он смеется. Нет, конечно, он не жесткий человек. Но дисциплинированным, умеющим спрашивать с себя и других его назвать можно. Я говорю ему об этом.

– А иначе на войне нельзя. Доброта-то она резинка растяжимая. Здесь она добрая, а вот там уже зло. Грани четкой не проведешь. Это точно. Здесь, в военных условиях, доброта часто оказывается, по меньшей мере, попустительством, а потому, в конечном счете, злом».

Юрий Тимофеевич в обычной обстановке был непринужден, весел и общителен, его простота и оптимизм импонировали окружающим. Как возникают и крепнут человеческие симпатии? Это дело в высшей степени сложное. А вот со Старовым у меня, например, с первых минут знакомства наладились доверительные и дружеские отношения, которые сохранились на всю жизнь.

Рассказывали, что Юрий Тимофеевич в одно время учился в Военной Академии им. Фрунзе с командующим 40-й армии генералом Б. Громовым. Они, оба хорошие спортсмены, тогда не раз схватывались в спортивном азарте. Через много лет встретились в Афганистане защищать афганский народ от моджахедов.

Боевого опыта Старову не занимать. Он умело руководит боевыми действиями бригады. Частенько сам ходит в горы на рекогносцировки, большую часть времени проводит в отрядах на местах их дислокации, облетает зону ответственности, анализирует просчеты и недостатки боевых операций. И толк от этого есть. При Старове значительно снизились потери личного состава, отмечены высокие результаты в разведывательно-боевой деятельности (в частности, по захвату ПЗРК «Стингер» и «Блоупайп», уничтожению самых крупных караванов мятежников). Его любят в бригаде, так как при нем заметно изменилась и кадровая политика – он бережет своих офицеров от опалы, от необоснованных репрессий и сня-

тий с должностей, смелее и чаще представляет отличившихся в боях к награждению.

А самого командира незаслуженно забывали, только накануне вывода бригады в Союз, спохватившись с недельным разрывом представили сразу к двум орденам Красного Знамени. Кстати сказать, первым наградил комбрига «1-й советской особой бригады» высоким орденом Боевого Красного Знамени Республики Афганистан президент Наджибулла. Только после этого зашевелились его непосредственные начальники. После вывода бригады в Союз Старов несколько лет продолжал командовать бригадой в Чирчике. Затем с большим трудом перевелся ближе к дому в центральный аппарат в Москву, в ГРУ. Уволился в запас по достижению предельного возраста пребывания на военной службе.

Давно замечено, что вокруг хорошего руководителя и подчиненные подбираются приличные. Не исключение в этом правиле заместители командира при Старове.

Первым заместителем командира 15 бригады, сменив подполковника Дементьева А.М., являлся крепкий симпатичный голубоглазый блондин среднего роста подполковник **Безручко Анатолий Ильич**. Анатолий родился в 1950 году, закончил Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище, 9 роту, факультет спецназа, а позднее разведывательный факультет академии им. М.В.Фрунзе. В Афганистане прослужил два года. Он имел квадратное волевое лицо с хорошо выбритым мощным подбородком, мощная голова мыслителя крепко сидела на тренированной шее. От него всегда излучался приятный запах здорового и опрятного мужского тела, слегка смягченный хорошим парфюмом. Мне всегда казалось, что в военной одежде Анатолия Ильича было что-то интеллигентно-франтоватое. Обычное стандартное обмундирование на нем выглядело изысканно. Замкомбрига Безручко был настоящим военным, во всем чувствовался высокий уровень теоретической подготовки. Спокойно, твердо и уверенно умело руководил боевыми действиями частей и подразделений бригады. А как он прекрасно стрелял из всех типов оружия, об этом ветераны вспоминали с восхищением. Анатолий почувствовал власть, получив хорошие практические навыки командования в условиях настоящей войны и, естественно, мечтал о должности командира соединения. Иногда Анатолия доставали, и отставив свою интеллигентность, он мог круто снять стружку с нерадивого подчиненного. Доходили до меня жалобы о том, что Безручко мог взять за грудки строптивого командира и поставить его на место, напомнив, кто есть кто... Одновременно он был по-офицерски галантен и внимателен к женскому полу, работающему в штабе бригады и в отрядах. Женщинам это нравилось, и они кокетничали с ним, отвечая взаимностью, приятному во всех отношениях симпатичному мужчине. В общем, это был во всех отношениях настоящий офицер, достойный заместитель командира бригады. Прослужив два года в Афганистане, А.И. Безручко был заслуженно награжден орденами Красной Звезды и «За службу Родине ВС СССР» III степени и афганским орденом «Славы».

Хочу отметить, что мы с Анатолием дружили. Существовал между нами душевный и деловой контакт, что позволял по службе выступать

единомышленниками. Я уважительно относился к нему, а он прислушивался к моим проблемам и требованиям.

Мы дружили с Анатолием и после ДРА.

Перед отъездом из Джелалабада, пришел приказ министра обороны о досрочном присвоении А.И. Безручко воинского звания «полковник». Он не скрывал своей радости по поводу назначения командиром 2 бригады в Псков. Служба же на новом месте оказалась у него скоротечной, новым назначением для тридцативосьмилетнего полковника определили разведуправление Дальневосточного военного округа в Хабаровске, где он служил честно, как умел. Об этом решении кадровых органов многие сожалели, поскольку у А.И. Безручко могло быть большое командирское будущее. После увольнения в запас вернулся в родной город, где стал заместителем начальника управления региональной безопасности – начальником отдела по работе с военнослужащими и работниками правоохранительных органов правительства Рязанской области.

После майора В.М. Корунова, начальником штаба – первым заместителем командира 15 бригады стал подполковник **Исаков Юрий Дмитриевич**. По образованию он был настоящим профессионалом-спецназовцем, выпускником девятой роты Рязанского десантного училища, разведфака Военной академии имени Фрунзе и имел хорошую, как говорят, прочную военную подготовку. Умело и грамотно проводил занятия по командирской подготовке с офицерами штаба и управления, отслеживал деятельность оперативных дежурных на ЦБУ, контролировал караульную и внутреннюю службы комендантской роты. Бывая в отрядах, принимал участие в планировании боевых операций, лично выходил с бронегруппами на реализацию разведданных, несколько недель провел в Асадабаде под ежедневными артиллерийскими и минометными обстрелами. В этот период тяжело заболел инфекционными заболеваниями и лежал в госпитале.

Юрий был высок, крепок, несколько сутуловат, высокий лоб не прикрывали рано редеющие черные волосы. Его однокашники отзывались о нем положительно, рассказывая мне, что определенная замкнутость и нелюдимость, свойственная Исакову, являются отпечатком трудностей бытия и клубка семейных проблем, которые он носил в себе. Исаков, являясь воспитанником комбрига Старова еще по 10 обр СпН, в мирное время был награжден медалью «За боевые заслуги, а это много значило. Да и в 15 бригаде штаб под руководством Юрия Дмитриевича работал хорошо.

После вывода бригады в Чирчик полковник Старов, выдвинул Юрия Дмитриевича Исакова на должность командира мотострелковой бригады в Таджикистан. В тех непростых условиях горной войны в 1992 – 1994 гг. полковник Ю.Д. Исаков достойно справился с должностью, а через несколько лет вернулся в систему военной разведки, где продолжил службу старшим преподавателем на курсах офицеров разведки в Загорянке. Когда он надевает парадный мундир, то на его груди светятся серебром и достоинством ордена Красной Звезды и «За службу Родине в ВС СССР» III степени, которыми он был отмечен за службу в спецназе.

Новый заместитель командира бригады по тылу подполковник Серзин И.А. сменил долгожителя, проработавшего в должности почти десять лет, подполковника Турбуланова В.А. в начале 1987 г.

Игорь Александрович Серзин родился 14 октября 1948 г. в Хабаровском крае в семье морского офицера. Отец Александр Степанович был контрразведчиком Тихоокеанского флота. Мать Анна Федоровна – учительница начальных классов. Рос умным и способным мальчиком. Хорошо усваивал предметы обучения, одновременно ходил в музыкальную школу по классу баян. После окончания средней школы год работал художественным руководителем и баянистом в клубе леспромхоза под Вяземским, где первоначально развил свои организаторские способности. В 1970 г. поступил в Уссурийское автомобильное училище, которое окончил с отличием.

Служил взводным и ротным командиром в Уссурийске и в Смоляниново на Дальнем Востоке. С должности командира роты со второго раза поступил в академию тыла и транспорта. С отличием ее закончил. Прошел хорошую школу на развернутых частях. Заместителем командира 5-го учебного танкового полка в престижной учебной дивизии Киевского военного округа, в после этого пять лет напряженной боевой службы заместителем командира танкового полка в Германии. В августе 1986 г. вернулся по замене в Кривой Рог в 17-ю танковую дивизию, где возглавил тыл мотострелкового полка.

Но заскучать ему не пришлось. Осуществляется ротация кадров в 40-й армии и вместо тертого опытного замполтылу Турбуланова кадровики отбирают Серзина. В феврале 1987 подполковник Серзин прибывает в десантную бригаду на Восток Афганистана. Серзин соответствовал облику руководителя тыла. Игорь красочно ругался матом. Когда он появлялся в штабе, то, казалось, стены начинали шататься от его неформальной лексики, которой он подкреплял воспитательный процесс своих подчиненных офицеров, кладовщиков-прапорщиков, которые не упускали возможности, что-либо утянуть налево или направо. Что греха таить, в свободную минуту любил Игорь Александрович заложить за воротник, но от этого в нем проявлялось еще большее усердие к службе, и его иногда приходилось притормаживать. Правда, критику принимал и всегда обещал делать выводы. Он был заботливым офицером-тыловиком и отличным человеком.

Вспоминаю свое первое пробуждение в Джелалабаде. С первым рассветом нового дня в комнату ко мне зашел подполковник И. Серзин со стопкой нового обмундирования «афганка» с уже подшитым белоснежным подворотничком. На воротнике были закреплены защитные десантные эмблемы, а на погонах подполковничьи звезды. И говорит:

«Олег Владимирович, с добрым утром! Примерь ХБ, мне кажется, тебе будет в самый раз.

– Да, вот возьми с собой в командировку немного денег (я вылетал в этот день на военный совет в Шинданд и Кушку)», – с этими словами протянул мне 20 чеков внешпосылторга. – «Для того, чтоб водички купить можно было». – «Поскольку оружие с собой в Союз брать не будешь,

то возьми гранату «Ф–1», корпус толкни в левый карман рукава, а запал в правый. В случае чего – подорвешься...»

– «Ни хрена себе начало, – подумал я, окончательно просыпаясь. – Хороша себе перестройка с мирного на военный лад». – Это был незабываемый урок настоящей заботы о незнакомом человеке. В этом примере – весь Игорь Александрович.

За период службы в Афганистане замполтылу 15 обр СпН подполковник Серзин И.А. прошел с колоннами более 15 тысяч километров. Да еще каких километров, когда «вдоль дороги-то все косточки русские» – остовы сгоревших автомашин, бронетранспортеров и танков. Будучи старшим колонны, он провел в боевых условиях более 30 армейских колонн (значит сборных со всех частей 40-й армии), более 200 машин в каждой. На нем лежала организация взаимодействия с боевым обеспечением: артиллеристами, зенитчиками, авиацией, мотострелками, танкистами, машинами для разминирования местности и разграждения. Только с такой светлой головой, какая была у него, можно было толково все спланировать. На его воле держалась дисциплина в разношерстной колонне. На должностях начальников тылов некоторая часть офицеров просто обогатилась. Загони налево хотя бы одну машину – и никто не узнает. Но отличительной чертой Игоря Александровича была честность, порядочность во взаимоотношениях со всеми. А как он гонял ворюг-прапорщиков. Он был альтруистом во всем.

Игорю часто доставалось за подчиненных. Он злился и отвечал резко на обиды. Но своих подчиненных не подставлял, а разбирался и наказывал их сам. Когда он уходил в колонну, нам его не хватало. Он проводил колонны из Таругунди на Кабул, а из Кабула развозил продукты, материальное имущество и боеприпасы по отрядам на Бараки и в Газни. Это была непростая и опасная работа. Не случайно Серзин был в числе первых награжден орденом Красной Звезды. Вторая награда у него тоже редкая и боевая – Почетный Знак ЦК ВЛКСМ «За воинскую доблесть» – была только у него и у комбрига Старова.

После вывода бригады в Чирчик в течение года добивался перевода на родину к семье. Перевод удался к октябрю 1989 года. Серзин назначается заместителем командира зенитно-артиллерийской дивизии (базы хранения) по тылу, что дислоцировалась в поселке Всебратское в Кривом Роге. В армии после этого отслужил три с лишним года, а в января 1993 года уволился в запас по болезни. Игорь Александрович не хотел быть игрушкой в руках политиков, поэтому отказался принять украинскую присягу.

Продав за бесценок квартиру, семья Серзиных переехала на родину жены на Кубань в небольшой городок Горячий Ключ. Маленький старый домик, завешанный его жене еще дедушкой, – вот и все, что у них осталось... Он не ставил личное превыше всего, не просил помощи. Он всегда думал о других – о детях и стариках, которые нуждаются в помощи, о своих соседях (был председателем квартального комитета). Пошел работать в школу. Учитель средней школы №1 В.Гуляева вспоминала о нем: «Он пришел в нашу школу в августе 1995 г. работать на мизерную зарплату, в школу, где для детей, порой, не существует таких авторитетов, как звание и возраст.

Дети сами по каким-то только им известным критериям определяют, кто есть кто, и действуют соответственно.

Но Игорь Александрович в школе оказался на месте. Он был на месте и среди детей, и на педсоветах, и когда определял «стратегию и тактику» наших будущих совместных действий. Он сплотил мужской коллектив школы, они тянулись к нему, ценили общение с ним. На наших праздниках – Дне учителя, встрече Нового года, 8 Марта – его неунывающий характер, душевная щедрость, способность согреть словом были как нельзя более кстати. И шоколада у него всегда было столько, что хватало на всех. Наши дамы шутили: «Ах, какой мужчина – настоящий полковник!». Игорь Александрович проработал в нашей школе два года: вел уроки ОБЖ, занимался автоделом. Но его знания и талант организатора были оценены администрацией города – его забрали от нас заниматься созданием комбината детского питания, курировать военно-патриотическую работу городских школ в должности инспектора ГорОНО. Казалось бы, жить и жить... Однако дни его оказались сочтены. Умер полковник Серзин И.А. в возрасте 51 года внезапно, от артериального тромбофлебита. Это трагическое событие произошло 12 ноября 1999 г. Его последние слова были обращены к любимой жене:

– Татьяна Константиновна! В этом году у нас с тобой 30-летие. Давай обвенчаемся в церкви. Я тебя так люблю, хочу, чтобы мы были вместе и здесь, и там...

Вспоминая светлой памятью Игоря, могу сказать, что работалось с ним отлично, и сейчас, прошли годы, его имя вспоминают ветераны бригады на товарищеских встречах. Он был золотой человек в общении.

Прекрасным специалистом и верным товарищем комбригу и всем заместителям оказался заместитель командира по вооружению 15 обр СпН подполковник **Якуба Василий Иванович**. Он по характеру был мягок и вежлив, интеллигентен и обаятелен. Хорошо знал свое дело и технику, находящуюся на вооружении частей бригады и обожал в ней покопаться. Под его руками возрождалась жизнь в любой безнадежно поврежденной железяке. Такое вот несовместимое в одном: броня, масло, железо и нежнейшая душа... Он, работая любил напевать: «Встает заря на небосклоне, а в месте с ней наш батальон. Механик чем-то недоволен, в ремонт машины погружен. Куда, куда танкист стремится, куда же свой ты держишь путь? Или с болванкой повстречаться, или на мине отдохнуть? Нас извлекут из-под обломков, поднимут на руки друзья. И залпы башенных орудий в последний путь проводят нас...»

Но при своей сентиментальности и чуткости был человеком с крепким характером и железной волей. Встречаясь с женщинами и закручивая с ними легкие флирты, ни одну близко к себе не допустил. Как он говорил нам по этому поводу: «У меня в жизни было два несчастливых брака, я женщинам не верю, я им всю жизнь мщу!»

Василий Якуба был урожденным сибиряком – кряжистым и крепким. Он родился 1 апреля 1951 г. в селе Шипуново Алтайского края в семье зоотехника и учительницы. Его отец, четырнадцатилетним мальчишкой добровольцем ушел на фронт, и вскоре по прибытии на фронт в

феврале 1945 года попал под жестокий артиллерийский обстрел. В том первом бою Иван Якуба получил тяжелейшую контузию, которая на два года сделала его глухонемым калекой. На всю жизнь он сохранил отметки той войны: в своем теле носил два осколка – в ключице и под глазом.... Мама Василия, Полина Ивановна, была старше своего мужа-фронтовика на восемь лет. Как-то особо мудро по-матерински любила своего Иванушку и оберегала от житейских трудностей. Все нагрузки жизни тянула на своих плечах, а вот сердце у самой не выдержало нечеловеческих нагрузок, и остановилось в 1986 г., когда ее младшенький сынок Вася выполнял воинский долг в Афганистане.

Василий в детстве радовал свою мать учительницу, он был послушным ребенком и хорошим учеником. Показательно, что выпускник глухой деревенской школы сразу поступил в политехнический институт и учился легко и уверенно. Завершив обучение на военной кафедре института и получив звание лейтенанта, он был призван на два года в Вооруженные Силы СССР. Из подневольной по началу незаметно служба в армии стала его судьбой. Два года отслужив в проклятом богом Забайкальском военном округе на должности заместителя командира танковой роты по технической части, а затем три года начальником бронетанковой службы дивизии – не отпугнули от службы... Подошло время замены и Якуба переезжает на запад – в город Белгород-Днестровский. В 1979 г. командируется в Германию на должность начальника бронетанковой службы (БТС) дивизии, но местные кадровики переназначают его на более скромную должность зампотеха мотострелкового батальона.

В 1984 году по замене возвращается в Криворожскую 17-ю танковую дивизию зампотехом танкового батальона. Там на благодатной украинской земле вроде и все условия для спокойной жизни, а он пишет рапорт о направлении его в ДРА. Просьба патриота вскоре удовлетворяется, и 15 мая 1985 г. Якуба становится начальником БТС 66-й омсбр в Джелалабаде. Через два месяца его переводят старшим офицером бронетанковой службы в штаб армии в Кабул. Но запали ему в душу джелалабадские соседи – хулиганистые «спецназеры», о которых легенды в Кабуле ходили. После новогодних праздников 1986 года подполковник Якуба переводится заместителем командира 15-й отдельной бригады СпН по вооружению, сменив полковника Попова В.С. За время службы Якуба, бравый и опытный танкист, неоднократно с отчаянными разведчиками бывал в тяжелых боевых переделках: вытаскивал подорванную боевую технику с минных полей, а летом 1987 г. взял на себя руководство боевой операцией, когда отряд спецназа, в котором он находился, уничтожал крупный караван с мятежниками.

В 16 часов 15 июля 1987 г. с вертолетной площадки Баракинского батальона один за одним взлетела группа вертушек на Кабул. Вопреки требованию комбрига лететь всем вместе в ночное время, в последний борт запрыгнул замкомбрига по вооружению подполковник Якуба В.И., прокричавший на прощание: «Я вас встречу в Кабуле, мне надо срочно в управление вооружения».

Через пятнадцать минут на ЦБУ пришло сообщение, – один из вертолетов сбит, столкнулся с землей, взорвался и догорает в 12 км от ППД. Дежурная бронегруппа отряда блокировала район и установила, что пассажиров на сгоревшем борту вроде бы не было...

Когда под утро следующего дня мы с комбригом прилетели в Кабул, нас встречал Якуба. Здороваясь с ним, Юрий Тимофеевич Старов сказал: «Вася, ты – гаденыш! Ведь мы посчитали тебя погибшим. Верна пословица: Не лезь поперед батька! В следующий раз по-отцовски высеку...

В сентябре 1987 года на афганской земле его награждают орденом «За службу Родине в ВС СССР» III степени. Примечательно, что орден вручали дважды: первый раз в Кабуле, второй – перед строем бригады в Джелалабаде. Отмечая мужество и высокий профессионализм боевого заместителя, командир бригады полковник Старов представляет Якубу ко второму ордену – Красной Звезды, но вновь назначенный своенравный заместитель командарма по вооружению полковник Иванов вернул наградной с циничной формулировкой: «награда не соответствует заслугам». В ноябре 1987 г. Василий Иванович убыл по замене в Дальневосточный военный округ. Попал в Благовещенское высшее танковое командное училище преподавателем. Курсанты и сослуживцы в нем души не чаяли. Вскоре Василий стал доцентом, старшим преподавателем и проработал на одной кафедре до самого увольнения в запас по предельному возрасту и болезни. По дембелю вернулся подполковник запаса Якуба на родину, в Алтайский край, в село Быково Шипуновского района. Нашел себе душевную женщину – женился. Но Афганистан не прошел для него бесследно. Он часто болеет, а в 1999 г. попадает в Московский военный госпиталь имени Бурденко, где переносит тяжелую операцию на сердце. В эти месяцы его морально поддерживает боевой комбриг полковник Ю.Т. Старов со своей женой Надеждой Петровной и болезнь отступает... В настоящее время Василий ведет размеренный образ жизни сельского интеллигента: завел пасеку, практикует костоправством, помогает местным механизаторам ремонтировать трактора, любит порыбачить и поохотиться, попариться в баньке, возглавляет районное объединение ветеранов Афганистана, пишет статьи в газеты на военно-патриотические темы, реализовал проект создания памятника погибшим, сплотил вокруг себя молодое поколение ветеранов Афганской и Чеченских войн. Не забывает Василий и воинское братство, рожденное в рядах доблестной бригады.

Сменщиками убывших в Союз подполковников Безручко и Якубы оказались прибывшие из Сибирского военного округа подполковники Николай Кириллов и Владимир Васильев, которые захватили очень напряженное время активизации боевых действий под Хостом, в провинциях Кунар, Газни, Логар и технической подготовки отрядов бригады к выходу на территорию СССР. В этот период оба заместителя много летали по частям бригады, оказывая командирам непосредственную помощь на местах. Впоследствии за добросовестное выполнение воинского долга оба награждены орденами Красной Звезды.

При этом первый заместитель командира бригады подполковник Кириллов Николай Федорович, по приказу комбрига, оставался с двумя от-

рядами 15 бригады, прикрывавшими Кабул, практически до завершения вывода ОКСВ в Афганистане в феврале 1989 г. Послевоенная служба Кириллова прошла и закончилась в Украине. Сначала служил на равной должности в бригаде спецназ в Изяславе, а потом возглавил кафедру спецназа в Киевском ВОКУ, где проработал до последнего дня его бездумного расформирования. Несмотря на то, что полковник Н.Ф. Кириллов зарекомендовал себя хорошим профессионалом, отлично владеющим английским языком, он оказался не востребованным в Главном управлении разведки МО Украины. Поэтому уволился в запас в достаточно молодом возрасте. Одно успокаивает душу ветерану, что вырастил сына, который продолжил дело отца и в настоящее время служит офицером в украинском спецназе.

Заместитель командира бригады по вооружению подполковник Владимир Иванович Васильев после сдачи излишков бронетанковой техники и вооружения соответствующим службам Туркестанского военного округа, согласно приказу убыл в родной Сибирский военный округ. Его дальнейшая судьба неизвестна.

Успешная работа заместителей была невозможна без четких согласований действий офицеров и прапорщиков штаба и служб управления бригады. К сожалению, через двадцать лет память автора сохранила лишь отдельные фамилии соратников: Бекасов, Горенков, Гунчин, Джобадзе (впоследствии полковник, начальник разведки ВД МВД), Дроздов, Есаулов, Жихарев, Коробка, Кулик, Каменев, Лученко, Лопаткин, Мордовцев, Мисяков, Мишутин, Нагорняк, Николенко, Переверзев, Пынзарь, Полуэктов, Ракунов, Рейнеке, Туаев, Титаренко, Харченко, Шакурин (впоследствии полковник, замкомбрига 2 обр СпН) и другие.

О ПОЛИТРАБОТНИКАХ

Подготовка к войне остается главной, но не единственной обязанностью офицера; кроме своих обязанностей, чисто военных, офицер должен нести обязанности и воспитателя.

ДЮРЬИ

Этой военной специальности в советские времена не стеснялись. Более того, будущие маршалы С.К. Тимошенко и А.Е. Еременко гордились тем, что получили образование в Военно-политической академии им. В.И. Ленина. Феномен этого явления заключается в том, что политработников люто ненавидели враги Советской власти, а со сменой власти в России и Украине, они стали притчей во языцех для нового племени пропагандистов.

Чем сейчас-то опасны разогнанные Горбачевым политорганы? Они не представляли собой некую закрытую масонскую ложу, в их ряды мог запросто попасть любой командир, инженер или тыловик, обладающий даром положительно влиять на окружающих, в нравственном плане более порядочный и уравновешенный, чем окружающие. Многие из них предварительно прошли общественные должности комсоргов и парторгов. Эти лидерские качества, своевременно замеченные начальниками, позволяли работать с людьми и быть реализованными на должностях в структурах властных и безусловно авторитетных – в политотделах и партийных органах, которые сделали очень много для утверждения и становления социализма.

Люди, прошедшие через опыт организаторской и политической работы, были востребованы везде. В книге «Россия в лицах. ГРУ. Дела и люди», издательство «Олма Пресс», 2002 г., приведены биографии лучших сотрудников этого солидного ведомства, среди которых значительную часть составляли бывшие политработники (комиссары, политруки, замполиты), ставшие профессионалами спецслужбы. А среди имен прославленных командиров разведчиков, оказалось, тоже немало выходцев из этой категории.

Знающим военную историю много говорят имена бывших политруков и комиссаров Героев Советского Союза генерал-майора Вершигоры Петра Петровича, полковника Бринского Антона Петровича, майора Гнидаш Кузьмы Савельевича, отважных командиров отрядов и групп специальной разведки капитанов Яромова Владимира Владимировича и Черникова Ивана Ермолаевича и многие другие...

Начинали свою службу на поприще политработы и два командира 15-й обрСпН полковник Мосолов Роберт Павлович и полковник Овчаров Александр Алексеевич... Наше поколение воспитывалось в духе коммунистической идеологии. В эту идеологию были заложены далеко не худшие понятия – патриотизм, преданность делу, бескорыстие...

Что бы не говорили потом, но в 1920 – 1970-е годы XX века слово «комиссар» было одним из самых романтических понятий. Помните, как задушевно пел про «комиссаров в пыльных шлемах» Булат Окуджава? Думается, что, поспешив развенчать эту романтику, мы допустили большую ошибку. Из истории шагнуло в нашу военную жизнь это слово: «Комиссар!»

В мае 1988-го в Джелалабаде я познакомился с английской журналисткой Каролин Скофилд, которая на первом этапе вывода войск из Афганистана проехала с нашей бригадной колонной до границы СССР. Пытаясь понять «таинственную русскую душу», она на привалах беседовала с солдатами и офицерами наших частей. После окончания войны мне удалось прочитать её статьи по итогам тех впечатлений. Ее взгляд на политработников, показался мне взвешенным и интересным. Поскольку ксероксов тогда еще не было, я пометил в блокнот ее суждения: «...Дело в том, что к слову «замполит» в Англии относятся с большой опаской и подозрением. Это основывается на неправильном представлении о том, чем они реально занимаются. Им приписывается функция контроля за политическим мышлением. Именно это вызывает к ним негативное отношение.

В системе нашей армии подобных должностей нет, а значит, и сравнивать не с чем. Иногда проводят параллель с должностью священника. Но я думаю, что это не совсем точно и правильно. Потому что если вы неверующий человек, то можете капеллана проигнорировать. Вы можете быть хорошим солдатом армии Великобритании и не быть верующим и никогда словом не обмолвитесь с ним. У вас же в поле зрения замполита каждый военнослужащий. Если говорить о моих собственных впечатлениях, то я поняла: основная функция ваших политработников состоит в том, чтобы следить за жизнью солдат, помогать им в решении социальных проблем.

Самым же неожиданным оказалось то, что в любом звене замполит должен быть хорошим специалистом, первоклассным профессионалом. Если он находится среди десантников, он должен быть парашютистом. Если он находится среди пилотов, он должен летать. Если он на флоте – должен быть морским офицером. Зная это, можно понять, что авторитет замполита, успех его работы во многом зависят от того, какой он солдат...»

После развала политорганов многие выпускники политучилищ оказались выдвинуты на командные должности. Например, В. Силуянов (НВВПОУ) стал генерал-лейтенантом заместителем командующего ВДВ по боевой подготовке (впоследствии трагически погиб); Б.Егоров (СВВПТАУ) генерал-лейтенантом, заместителем командующего СибВО по боевой подготовке, а до того успешно командовал дивизией; В. Казаков (НВВПОУ) стал генерал-майором, начальником военного училища. Успешно командовали отрядами спецназа в Афганистане, а позднее и в Чечне подполковники В.Портнягин и А.Чайка (оба выпускники СВВПТАУ). И сейчас бывшие политработники работают на различных командных должностях в спецназе ГРУ.

Не профессия, в конечном итоге, определяет личность, а личностные и нравственные качества определяют авторитет должности и профессиональную пригодность.

Кто-то добрым словом вспоминает свою службу и озарение, излучаемое от замполита подразделения или части. Кто-то клянет последними словами своего отца командира.

Однако к личности политработника всегда были повышенные требования. Например, в Афганистане командиров, допустивших недисциплинированность, досадные ошибки, приведшие к потерям, как правило, снимали вместе с замполитами.

Именно поэтому замполит должен был обладать характером не меньшим, а порой и большим, чем командир, потому что он должен был влиять не только на солдат, но и на командиров. Нормальными считались взаимоотношения, когда командиры лучшими своими друзьями и помощниками считали замполитов, с которыми делить им было нечего, кроме трудностей и лишений. Которые были всегда рядом и помогали в работе.

В повседневной жизни войск и командиры-единоначальники и политработники попадались разные, но не случайно именно о последних было рождено выражение – «подковерных дел мастера».

Народное творчество сохранило неприязненные оценки этаких «начпошек».

«Последыш Берии, адепт Ежова,
Трус, самодур и лизоблюд...
Избавь, господь, от подлеца такого
И Лашкаргах, и Фарахруд».

Автором этих едких строк о своем начальнике стал дважды раненый заслуженный боевой «комиссар» подразделения. Вероятно, достал... Подобную категорию нравственных уродов дополняет немалая группа простых обывателей — «политрабочих», — которые, как и отдельные командиры, не были для подчиненных примером добросовестного исполнения служебного долга, участия в боевых действиях. Совершенно справедливо, что на войне, особенно в наших боевых частях спецназа, бросалось в глаза несоответствие функциональных обязанностей строевых офицеров, что возглавляли взводы и роты в условиях, связанных с риском для жизни, и тех, кто исполнял свои обязанности, согласно мирному формуляру.

В военном коллективе каждый делал собственное дело, определенное уставами, наставлениями, положениями. Тыловик, вооруженец, связист, парторг, комсорг, начальник клуба. Ведь не критикуют же тыловиков, вооруженцев, механиков, связистов, оперативных дежурных на ЦБУ и т.д., что они не участвовали лично в лихих налетах, рейдах или засадах. И их награды воспринимают спокойно. Но почему-то ордена и медали политработников раздражали. Почему? А потому, что требования к ним были выше, чем к другим, поскольку они в отличие от других тоже с людей требовали! Примером может служить следующая эпиграмма на секретаря партийной комиссии:

«Его призвание — иезуит:
Он мягко стелет, сладко говорит,
Ну а потом шельмует и карает,
И ордена за это получает».

Наводя порядок в частях, они действительно карали нерадивых, которые никогда им не забудут собственное унижение. Разве признается когда-либо бывший командир, что его выгнали из Афгана по требованию политоргана, после наложенного партийного взыскания, за пьянство и сексуальный беспредел, организованный им в части по отношению ко всем без исключения подчиненным служащим-женщинам. Да никогда, а о политработниках, которые пресекли его преступления, барство и мазохизм, он будет говорить только с отрицательными оценками.

Но никогда коллектив бригады и все ветераны спецназа не поймут и не простят того политработника, что не переступил через свою гордыню и не подписал наградной лист на боевого спецназовца капитана Евгения Сергеева, представленного к званию Героя Советского Союза за взятый в бою первый «Стингер» в январе 1987 года. Сослуживцы вспоминали: «Сер-

геев ростом невелик, но офицер очень боевой. Настоящий спецназовец. Воевал хорошо. Знал зону ответственности 186-го Шарджойского отряда, как свои пять пальцев. И закономерно, что ему улыбнулась удача со «Стингером». И вообще в этом деле много вопросов. Проштрафился Сергеев, почему не дали В.Ковтуну, который был на борту вместе с ним или командиру досмотровой группы В. Чебоксарову? Не стал Героем и командир вертолетного отряда Соболь. Офицер В. Ковтун вспоминал: «Мы от радости обалдели. Все знали, какой ажиотаж создало командование армии вокруг закупок моджахедами «Стингеров». Знали и то, что тому, кто возьмет первым хотя бы один образец, вручат Золотую Звезду Героя. Но самую высокую награду из участников того блестящего боя получил сержант Айтбаев – орден Красного Знамени.

В основном конфликтные ситуации складывались на фоне зависти и человеческой непорядочности. Молодое поколение спецназовцев, возможно, и не знает, что представленные В.В. Колесником к званию Героев Советского Союза трое офицеров «мусульманского» батальона не получили своих наград в результате неприглядной истории, сфабрикованной парторгом батальона. Некто Анвар Ганиевич Р. (я не хочу писать его фамилию), не был профессиональным политработником, он являлся выпускником Ташкентского ВОКУ, который быстро поднаторел в общественной работе и ушел с командной на освобожденную должность парторга. Р. – как человека недолюбливали в коллективе по причине его склочного характера, болезненного тщеславия и такого же самолюбия. Нормальный человек мог с ним общаться только один раз, а потом обходил стороной и люто ненавидел. Впоследствии в 1986 – 1988 гг. Р. возглавлял политотдел 66 омсбр в Джелалабаде, где, по оценке сослуживцев, был «кровожаднее моджахедов», поскольку многим подчиненным командирам сломал военную карьеру. Пройдя по головам, в Узбекской армии стал генерал-лейтенантом, но уверен, что всю жизнь за ним шел смрад подлости, совершенный в январе 1980 г.

А произошло тогда следующее. В период представления участников штурма к наградам, его непосредственно не принимавшего участия в боевых действиях представили к медали. Парторг обиделся и написал кляузу о мародерстве штурмовых групп во дворце Амина. Бумага попала куда надо. Представленные к наградам сотрудники КГБ, ГРУ и военнослужащие отряда спецназ вынуждены были давать длительные объяснения. Ветеран отряда В.С. Шарипов рассказывал: «В итоге, представленным к орденам, снизили ранг награды на одну ступень. Не пощадили и представленных к званию Героя. В итоге в батальоне – семь орденов Ленина и ни одной Золотой Звезды. В моей роте: один орден Ленина, пять – Красного Знамени, двенадцать – Красной Звезды, остальные медали...» Перед Шариповым, ничего, кроме сквозного пулевого ранения, из Афгана не вывезшего, потом долго извинялись: «Ты уж прости, Володя! Мы совсем забыли, что тебя от дворца сразу в посольство отвезли с ранением. А так бы хоть один Герой Советского Союза в батальоне был». И такие случаи за войну повторялись не единожды. Вспоминаю печальную историю ветерана бригады Дмитрия Михайловича Герасимова. На одном из заседаний Военного Совета армии

полковник Герасимов позволил себе не согласиться с суждениями главного политработника ОКСВ в Афганистане начальника политотдела 40-й армии генерал-майора Щербакова. Вскоре после этого инцидента за легендарный бой у поселка Маю комбрига 22-й лично начальник штаба ТуркВО генерал Гусев представил к званию Героя Советского Союза, командующие армией и округа документы подписали. Когда представление ушло в Москву, Щербаков убедил наградной отдел ЦК КПСС, что Герасимов не достоин высокого звания. Он добился своего, представление реализовано не было. Вот так мелко политработник отомстил за уязвленное самолюбие. Потом Дмитрию Михайловичу шепнули, что он, несмотря на свои заслуги, был излишне горяч, и ему припомнили выступление на том злосчастном Военном Совете, где он возразил Щербакову. Сколько неприличной грязи и упущенных возможностей...

Вспоминая 45-летнюю историю 15-й бригады, могу сказать, что нам везло на хороших политработников с первых дней существования соединения.

Первым среди тех, кто закладывал славные традиции бригады, был хорошо известный в ВДВ человек – полковник **Белобрагин Александр Александрович**. Заместитель командира – начальник политотдела бригады был из фронтового поколения комиссаров, тех, что не раз прыгали в тыл противнику. Ему довелось пережить несколько трагедий воздушных десантов под Вязьмой (1942 г.) и в ходе Днепровской десантной операции (1943 г.), походить по тылам, партизанить в лесах Украины и Белоруссии. В праздничные дни его орденский иконостас приводил в восхищение солдат и офицеров бригады. Он был невысок, крепок в кости. Как водилось в десанте, мог красочно загнуть матерное коленце. Но его авторитет в коллективе был непререкаемый. Во многом он основывался на том, что, несмотря на возраст и многочисленные ранения, «комиссар» много прыгал с парашютом и беззаветно любил это отчаянное занятие. За свою десантную жизнь Белобрагин пережил несколько аварийных ситуаций в воздухе и неоднократно ломал конечности, но в кабинете штаба не сидел и не любил кабинеты. Чаще всего его видели в казармах, на стрельбище с подчиненными...

На смену ему в 1971 году пришел подполковник **Руденко Валентин Григорьевич**. 1934 года рождения. Уроженец Ростовской области. Семилетним мальчиком он пережил в своем селе Пишваново две волны переменчивых кровопролитных сражений за Ростов, как говорил сам, – хлебнул горюшка войны сполна. Оккупацию в их семье пережили не все. Зверски избитый немцами с отбитыми почками умер отец. Мать из последних сил одна тянула троих детей. Сын Николай и дочь Евдокия, вероятно, в те черные дни надорвали здоровье и рано ушли из жизни. Впоследствии мать до старости опекал только последний – Валентин. Он привык быть себе голова, опорой близким. Руденко запомнился блондином приятной внешности, среднего роста, несколько полноватый, говоривший с заметным украинским акцентом и небольшой картавинкой. Валентин обладал удивительной тягой к знаниям.

Всю свою жизнь Валентин Григорьевич постоянно учился. Окончив военное училище связи и мотаясь по гарнизонам в Калуге, в Эстонии, в Группе советских войск в Германии, в Киргизии на китайской границе в городе Панфилове, в Чирчике, впоследствии в Москве, Руденко заочно успешно осваивает науки сначала на историческом факультете университета, а затем на общевойсковом факультете Военно-политической академии им. В.И. Ленина. Второй отличительной особенностью характера Валентина Григорьевича являлось правило – никогда не ругаться матом, что и без этого делало его исключительно культурным, требовательным и справедливым руководителем, пользовавшегося большим уважением и авторитетом у личного состава. Когда он находился в бригаде, все ощущали твердую руку и волю комиссара, вникающего во все дела. Именно у Руденко политработники ротного звена того времени учились четкости в постановке задач подчиненным, пунктуальности в исполнении приказаний, твердости в проведении своей линии. Позднее, когда Руденко уже работал в политотделе ГРУ, он внимательно отслеживал судьбы всех своих воспитанников, встречался с руководством факультетов академии, находил добрые слова за отличную учебу и обеспечил всем своевременное возвращение в части военной разведки. Через четыре года службы в столице полковник Руденко убыл в командировку в одну из разведывательных частей на Кубе, ведущих радиоперехват американских электронных систем связи. За успешное обеспечение разведывательных задач полковник Руденко В.Г. награжден орденами Красной Звезды и «За службу Родине в ВС СССР». Женат. Имеет двух дочерей.

После Руденко в 1974 году начальником политотдела бригады стал полковник **Николай Васильевич Лысак**. Он был всего на год моложе своего предшественника, но собственных мальчишеских впечатлений от пережитых бомбежек и обстрелов родного села Красная Поляна Змиевского района Харьковской области и от немецкой оккупации у него было предостаточно. С детской поры ранняя седина покрывала его вороные волосы. В 1946 году одиннадцатилетний Коля переехал из разрушенного села в поселок Бабаи, где к 1954 г. окончил среднюю школу и поступил в Тамбовское артиллерийско-техническое училище. Служил лейтенантом артиллерийским мастером в Германии.

Командование части отметило в молодом лейтенанте доброе сердце, уважительность к людям, организаторские способности и направило его на учебу в город Львов на возрожденные партией курсы политсостава. Впоследствии до 1965 года служил замполитом роты на государственном полигоне Сары-Шаган.

Четыре года обучения в Военно-политической академии показались ему наградой за терпение. Но по выпуску замполит артиллерийского полка Николай Лысак вновь оказался в Средней Азии под городом Семипалатинском. Служил достойно и как лучший политработник был выдвинут в 1974 году начальником политотдела 15 бригады спецназ. Как отмечали современники, Николай Васильевич был высок, несколько сутуловат, по-мужски красив, по характеру исключительно деликатен и сдержан, и по первоначалу показалось, уступал характером своему пред-

шественнику. Однако высокие моральные качества этого хорошего, честного и открытого человека раскрылись очень скоро и были оценены в коллективе.

Его любили, к нему тянулись, и он бескорыстно помогал всем. В 1978 г. полковника Лысака переводят заместителем начальника передающего центра главного управления генштаба. Через три года он возглавляет политотдел спецчастей связи центрального подчинения. С 1983 по 1989 гг. в спецкомандировке в Германии. За успехи в боевой и политической подготовке награжден орденом Красной Звезды. Женат. Имеет двух дочерей. С 1978 по 1980 гг. политотдел бригады возглавлял подполковник Тибенко И.М. Его сменил майор Марков И.И. После ввода бригады в Афганистан в 1985 г. начальником политотдела назначили офицера из политуправления ТуркВО полковника Рузина П.И. В 1987 его сменил подполковник О.В. Кривопалов, прибывший из 2-й обрСпН. После вывода бригады в Союз, на завершающем этапе существования политорганов в армии начальником политотдела бригады был подполковник Хутько М.Ю.

Самобытной и от этого запоминающейся личностью являлся заместитель командира второго отряда спецназ по политической части, позднее заместитель начальника политотдела бригады подполковник **Кондратович Дмитрий Васильевич**. Это был высокого «гренадерского» роста лысоватый блондин. За склонность к красивому слову (а он был хорошим оратором, и часто выступал перед личным составом) офицеры отряда и бригады между собой называли его «отцом русской демократии».

Кондратович не отличался большой глубиной суждений, и знания его были скорее поверхностные, звучащие как заученные цитаты, но по натуре, по внутреннему своему состоянию – это был необыкновенно чуткий и душевный человек. Надо сказать, что комбат и его замполит, старые вояки, умели говорить с нами красочными штампами. Первые афоризмы армейского фольклора, услышанного от них, я начал записывать на служебных совещаниях в отряде. А в дембельских альбомах солдат эти цитаты увековечивались среди фотографий. Прошли годы прежде чем я узнал, что эти крылатые воспитательные выражения, звучащие как философские аксиомы, придуманы были задолго до Кондратовича, что их принесли в бригаду десантные командиры и политработники, которые первыми формировали бригаду. Чем, например, не блестящ такой оптимистический пассаж:

– В ВДВ нет больных, есть только живые и мертвые.

В солдатских записных книжках и дембельских альбомах можно было прочитать:

– Кто не служил в ВДВ – радуйся, кто служил – гордись!

– Один десантник может многое, двое – все!

Эта особая гордость осталась у нас на всю жизнь:

– Десантник три минуты орел, а остальное время – лошадь, – говорит каждый из нас, когда его спрашивают о сущности десантной службы.

Поэтому высказывания начальников запоминали и часто цитировали, как классиков марксизма-ленинизма. Сейчас они стали классическим образцом народного фольклора. Чем не философское:

— Человеку для жизни нужно многое, а десантнику лишь вытяжное кольцо.

— Десантник, снабженный сухпайком, практически бессмертен! — нравоучения Кондратовича запоминались на всю жизнь. Порой мы бывали с ним не согласны, но скрепя сердце выполняли его указания, потому что знали — жизнь все равно подтвердит верность его слов. Всем нам в то время было 20—25 лет, и какой-то жизненный опыт был у каждого, поэтому по большинству из поднимавшихся в беседах тем у нас имелось свое собственное мнение, однако некоторые из расставлявшихся Кондратом (там мы еще иногда его называли) акцентов, многим молодым офицерам в последующем оказались очень полезны. Например, мне, безотцовщине, привитое на улице и в училище чувство принадлежности к определенному коллективу значило очень много.

Хорошо запомнились повествования замполита батальона, направленные на приобщение нас к спецназу и выработку у молодых офицеров чувства особой гордости за службу в 15 обр СпН. Да и в части весь процесс обучения и воспитания и солдат, и офицеров был направлен именно на это. Мосолов, Колесник и другие представители командования бригады на совещаниях офицеров, а также во время различных мероприятий, носящих официальный или неофициальный характер, постоянно повторяли мысль о том, что все должны гордиться службой в спецназе. А это само по себе предопределяет высокий уровень дисциплины и порядка, добросовестное отношение всех военнослужащих к своим обязанностям и результативное выполнение стоящих учебно-боевых задач.

Так вот, Кондратович был один из тех, кто умел формировать у нас характер и волю. Легко брошенная фраза перед марш-броском на десять километров:

— Десантник бежит сначала сколько может, а потом сколько надо, — прибавляла силы.

Когда мне исполнилось столько лет, сколько ему в те годы, я осознал, что предвидение «комиссара» основывалось на хорошем знании жизни и психологии подчиненных.

— Если у десантника не хватает сил победить, то всегда хватит, чтобы не покориться!

Что-что, а понятия победы и поражения, покорности и твердости характера он сам усвоил с малолетства. У нашего батальонного воспитателя была трудная судьба. Дмитрий Васильевич родился 8 ноября 1931 г. на Украине, в маленьком городке Волынской области. Мать за помощь партизанам расстреляли фашисты. Остался отец, который всю войну тянул шестерых детей, а с победой — умер.

Сиротам рано пришлось идти работать. Будучи еще второклассником, Дима пас коров, чтобы прокормить семью. Жизнь заставляла работать, чтобы выжить, а у подростка была необыкновенная тяга к знаниям. Когда представилась возможность, продолжил обучение и учился прилежно. В 18 лет в 1950 г. отлично закончил 7 классов. Через год его призвали в армию.

Судьба распорядилась, чтобы военная служба стала для Дмитрия Кондратовича делом жизни. Четверть века посвятил он военному делу. А началось все на Чукотке в 1951–1952 гг., когда заботливый замполит учебной роты, фронтовик, определил его судьбу – убедил стать курсантом военного училища. Выбор оказался правильным. Окончив Тюменское пехотное училище, Дмитрий служил на Дальнем Востоке, в Германии, в Туркестанском военном округе. С должности замполита отряда спецназ был выдвинут заместителем начальника политотдела 15-й отдельной бригады спецназначения. В 1976 г. подполковник Кондратович уволился в запас и переехал с женой и сыном на постоянное место жительства в Тюмень. Там же и умер 28 декабря 1999 г. после тяжелой и изнурительной болезни, начавшейся со смертью тридцатилетнего сына Аркадия.

Вдова Евгения Павловна осталась с невесткой и двумя внучками. Всю жизнь мы переписывались с Дмитрием Васильевичем, и чем старше я становился, тем еще больше осознавал, как мне повезло на первого наставника. Через пять лет после его смерти из Тюмени на адрес Днепропетровского областного совета ветеранов, где я работаю, пришла бандероль, в которой для меня оказалась посмертная весточка от Дмитрия Васильевича и «Военно-исторический альманах», в котором опубликованы мои воспоминания о действиях Чирчикского спецназа в ДРА и партийно-политической работе в боевой обстановке. В сопроводительном письме неизвестный мне В. Чудинов написал: «Уважаемый Олег Владимирович! Волей судьбы Ваш черновой вариант книги и некоторые фото оказались у меня. Это тот набранный текст, что Вы высылали для правки Д.В.Кондратовичу. После его смерти вдова передала их мне. Разыскивая Вас, я направлял письма по месту Вашего проживания в Челябинске и Днепропетровске. Но, к сожалению, ответа не получил.

Ради правды, я поместил одну из глав в издаваемый нами альманах. Напечатана она под Вашим именем. Это последняя воля Дмитрия Васильевича». Получив бандероль, я был очень удивлен тем, что отправленные когда-то давным-давно воспоминания не только не пропали, но и были напечатаны.

Казалось бы, мелочь, но в этом поступке как нельзя лучше проявился характер альтруиста Дмитрия Васильевича. Он, будучи уже на смертном одре, когда надо думать о вечном, думал о том, чтобы материалы об Афганистане не пропали, а стали достоянием истории и смогли хоть немного, но обогатить опыт новых поколений российских спецназовцев.

Таким же неординарным в поступках он был и в далеких 70-х. Кондратович, в отличие от некоторых других заместителей командира отряда, не рвал на груди тельняшку, доказывая, что он «отчаюга» – спецназовец. Он спокойно и уверенно делал свое дело: прыгал с парашютом, бегал кроссы, проводил занятия, контролировал подразделения, то есть показывал личный пример в выполнении служебного долга. И все о нем отзывались хорошо, даже те, кому он спуску не давал за нерадивость.

Анализируя обстановку в батальоне в те годы, прихожу к выводу о больших результатах воспитательной работы, которой занимался майор Д.В. Кондратович со всеми категориями военнослужащих. Для него не

было категорий, недоступных для критики. Своим примером бескомпромиссности он воспитывал своих молодых коллег – юную смену политработников, которая состояла из выпускников краткосрочных курсов политсостава и высших военно-политических училищ. Он был наставником. До глубокой старости он сохранил привязанность к однополчанам. По-отечески заботливо относился к командирам и политработникам. Побывал у Василия Трисмакова в Уссурийске, у Олега Кривопалова в Днепропетровске. Он любил людей, и они относились к нему соответственно.

Полную переездов и порой драматических ситуаций, но по итогам счастливую удачливую жизнь прожил политработник **Юрий Алексеевич Артемов**. Уроженец Волгоградской области начинал военную службу в ГСВГ. Отслужив три года, в звании старшины убыл для получения военного образования на курсы политсостава в южноуральский город Оренбург. Пока учился – женился. Там же родился у него первый сын. По выпуску вместе с однокашниками лейтенантами Ангизидовым и Зуевым попали в Чирчикскую бригаду спецназ. Юрий стал замполитом 1-й роты спецназ, а потом и замполитом первого батальона.

Первым среди политработников того поколения убыл на повышение в дождливый и пасмурный эстонский Вильянди – заместителем начальника политотдела 4-й бригады, где впоследствии стал начальником политотдела. За успехи в боевой и политической подготовке и качественное политическое обеспечение стратегических учений «Запад» получил первый свой орден «За службу Родине в ВС СССР» III степени.

С началом войны в Афганистане откомандирован заместителем командира – начальником политотдела 56-й десантно-штурмовой бригады. Там получает орден Красной Звезды и афганский орден «За храбрость». Вернувшись в Союз, направляется на равную должность в Кутаисскую десантно-штурмовую бригаду. Через несколько лет в этом соединении происходит «ЧП», прогремевшее на все вооруженные силы, – во время пожара казармы в огне погибают несколько военнослужащих.

В итоге, согласно грозному приказу министра обороны СССР, командира бригады и заместителя командира – начальника политотдела Ю.Артемова снимают с должностей. Но подполковник Артемов не потерял самообладания и сумел подняться над пропастью. Вскоре уехал военным советником политкомиссара в жаркую Анголу, где оказывает интернациональную помощь чернокожим товарищам. После возвращения в Союз некоторое время заведует подмосковным арсеналом, а потом перебирается на юг начальником штаба министерства по чрезвычайным ситуациям Краснодарского края. В настоящее время он по-прежнему востребован. Полковник. Работает в Спецстрое МО РФ, награжден пятым орденом. «Служу и работаю во благо державы, Но и себя не забываю», – говорит он с улыбкой. Женат. Имеет сына и дочь.

– Ах, шельмец, этот Юрка, далеко пойдет, – говорил Дмитрий Кондратович об Артемове в далеком 1972 г. И он не ошибся...

Толковым офицером политработником остался в памяти ветеранов бригады и **Александр Савельевич Зуев**. Это был высокий, крепко сколоченный, спортивный парень, выпускник краткосрочных курсов полит-

состава, являющийся примером для других политработников части по выпуску различных образцов наглядной агитации, которые сам он и рисовал. Оформительская деятельность была необходимым элементом работы замполита, потому он был на высоте. Кроме того Зуев был хорошим спортсменом, играл в ручной мяч и много времени проводил на площадке. О нем хорошо написал ветеран бригады И.Стодеревский: «Замполитом роты был Зуев, не понаслышке знавший солдатскую жизнь. Он отслужил три года срочную, а затем курсы политсостава. Оставаясь за командира роты, прекрасно справлялся с обязанностями. Этакий политрук-командир». Александр Савельевич родился в 1946 г. в селе Венгерово Новосибирской области в семье ветерана войны, инвалида второй группы, местного кузнеца Савелия и матери, продавца сельмага. Вскоре родители переехали в Казахстан, где в предгорьях Тянь-Шаня обосновались в поселке Фабричный, что под Алма-Атой. Там Саша окончил одиннадцать классов и остался работать преподавателем в средней школе № 1. В 1966 г. его призвали в армию и он очутился под Ташкентом в пос. Луначарский, где дислоцировалась бригада осназа РУ ТуркВО. Освоившись в службе, решил стать профессиональным военным, и уехал на учебу на 32-е курсы политсостава в город Оренбург. Там познакомился с будущей женой красивой уралочкой Людмилой Владимировной. Окончил курсы в 1970 году и прибыл для дальнейшей службы в 15-ю бригаду замполитом 4 роты спецназ. В бригаде состоялось его офицерское становление. Впоследствии стал пропагандистом бригады, секретарем парткомиссии (даже был удостоин чести участвовать во Всеармейском совещании секретарей парторганизаций в Кремле). В 1976 г. поступил на педагогический факультет Военно-политической академии им. В.И. Ленина. После окончания учебы принял в Пскове должность заместителя начальника политотдела 2-й бригады, а через несколько лет возглавил политотдел в Печорском учебном полку спецназа. В 1985 г. перевелся в Киевский военный округ, в город Кировоград. Возглавил политотдел 9-ой бригады спецназ, которая тогда была добротным десантным соединением. С началом развала армии и политорганов ушел в областной военный комиссариат начальником 1-го отдела военкомата. Сейчас полковник запаса. Женат. Имеет дочь Елену и сына Владимира.

Александр Волобуев отличался серьезностью, ответственностью. Его уважали в бригаде. Он был выпускником курсов политсостава и общевойскового факультета СВВПТАУ. Службу проходил замполитом роты минирования и заместителем командира отряда спецрадиосвязи бригады. Это был среднего роста стройный, атлетически сложенный офицер, трудоголик, влюбленный в работу, увлекающийся спортом. Впоследствии Волобуев достиг «олимпа» став полковником начальником политотдела-заместителем командира отдельной бригады связи в Северо-Кавказском военном округе.

Практически всю жизнь без выезда прослужил в бригаде усидчивый и ответственный политработник **Александр Владимирович Славник**. Родом он с Северного Кавказа. После срочной службы и школы прапорщиков стал секретарем комсомольской организации второго отряда спецназ в

Чирчике. Работал заместителем командира роты спецназ по политчасти, у капитана Игоря Стодеревского, который о нем писал:

«Во всех моих начинаниях мне нужна была поддержка личного состава. Здесь много усилий приложил замполит роты прапорщик Александр Славник. Прапорщик-замполит – это исключительное явление, ведь у нас в спецназе это была капитанская должность. Но он справлялся с ней хорошо».

Заочно окончил общевойсковой факультет СВВПТАУ и стал лейтенантом. В июле 1977 г. назначен помощником начальника политотдела бригады по комсомольской работе. С ноября 1979 года заместитель командира отряда спецназ. Позднее майор Славник стал секретарем парткомиссии бригады уже в Афганистане – в Джелалабаде в 1985 – 1987 гг. Женат. Имеет дочь Алену. К сожалению, его послевоенная судьба неизвестна.

Одним из первых орденоносцев среди политработников стал замполит «мусульманского батальона» капитан **Саттаров Анвар Саттарович**. Он родился 8 сентября 1946 года в селе Учи Учинского района Наманганской области Узбекистана. После окончания школы поступил в Кокандское железнодорожное училище и впоследствии работал в локомотивном депо. В 1966 году призван в армию и окончил сержантскую учебку в г. Люберцы Московской области.

Служил командиром отделения в учебном подразделении РВСН в Ярославле, а позднее начальником радиолокационной станции слежения по низколетящим целям. После увольнения в запас в 1969 г. принимает решение стать профессиональным военным и сдает вступительные экзамены в Новосибирское высшее военно-политическое общевойсковое училище. В 1973 году по окончании училища попадает в ТуркВО, где назначается замполитом роты 371-го Краснознаменного Зимовниковского мотострелкового полка. Служит успешно, как замкомандира отличного подразделения в 1975 году представляет ТуркВО на Всеармейском слете передовиков боевой и политической подготовки в Москве. В 1976 году по просьбе больной одинокой матери, нуждающейся в постоянном уходе, переведен пропагандистом в Наманганский областной военный комиссариат.

В мае 1979 г. откомандировывается в 15 обр СпН на должность заместителя командира 7 отряда спецназ по политчасти. Во время штурма Дворца Амина замполит в рядах атакующих и получает ранение от огня снайпера, но не покидает поле боя до завершения операции. За мужество и героизм награжден орденом Красного Знамени.

В 1980 году в звании капитана назначен заместителем командира Тедженского учебного мотострелкового полка 61-й учебной дивизии в Ашхабаде. За успехи в боевой и политической подготовке и умелое воспитание подчиненных по представлению командира полка полковника Аннамурада Солтанова и начальника политотдела дивизии полковника Халова приказом министра обороны СССР Саттарову присваивается воинское звание «майор» досрочно. Через год становится слушателем Военно-политической академии им.В.И.Ленина, после окончания которой служит в Северной группе войск.

В 1986 г. переведен в ТуркВО в г. Сурхандарью на равную должность. Летом 1986 г. повторно направлен в Афганистан в 149 мсп 201 мсд для оказания помощи командованию по подготовке к выводу танкового полка на территорию СССР. Осенью 1986 года переведен в политотдел Наманганского облвоенкомата. С 1992 по январь 2005 года начальник управления альтернативной службы Наманганской области. Военный пенсионер. Женат. Имеет двух сыновей и дочь.

Среди замполитов рот «мусульманского батальона» 15 обр СпН первым особо отличился **Абдуллаев Рашид Игамбердыевич**. Он родился в 1957 г. в Башкирии. Окончив 8 классов, поступил в Казанское суворовское военное училище, после которого продолжил учебу в Свердловском высшем военно-политическом танко-артиллерийском училище. По окончании училища в 1978 году назначается замполитом роты в 232 учебном танковом полку в г. Теджене. В мае откомандировывается в Чирчик замполитом 3 роты в «мусульманский батальон» 15 обр СпН. В декабре 1979 г. получает ранение при штурме дворца Амина и за проявленное мужество и героизм награждается орденом Красного Знамени. После пятимесячного лечения в госпитале назначается замполитом отдельного десантно-штурмового батальона в Южной Группе войск (Венгрия). С 1985 по 1988 гг. — слушатель Военно-политической академии им. В.И. Ленина. Во время обучения проявил способности к научной деятельности и уходит на преподавательскую работу в военное училище. В 1993 г. переведен в Центральный Военный Научно-исследовательский институт МО Узбекистана (г. Нукус). С мая 1994 г. начальник кафедры в Самаркандском высшем военном автомобильном командно-инженерном училище. Впоследствии начальник кафедры Академии Вооруженных Сил Республики Узбекистан. Постоянно проживает в Чирчике. Женат, имеет двоих сыновей.

Не избежали Афганистана и другие политработники. Так замполит батальона спецназ майор **Евланов Анатолий Матвеевич** убыл в ДРА в 1985 г. Опытный человек, который до службы в спецназе стрелком-радистом на стратегическом бомбардировщике ТУ-16 облетел полмира. В Афганистане он служил два года в должности заместителя начальника политотдела 15 обр СпН. Там же в Афганистане получил подполковника. После возвращения в Союз уволился в запас. Замполитом разведбата ушел в Афганистан старший лейтенант **Измалков Валерий Николаевич**. В 1980 году для поощрения офицеров спецназа, отличившихся в первых боях, большая группа передовиков получила возможность поступить на учебу в братские военные академии Варшавского договора. Так заместитель командира батальона выпускник СВВПТАУ 1973 г. выпуска капитан **Петрачев Александр Николаевич** поступил в Болгарскую военную академию в Софии, впоследствии возглавлял политотдел 22-й обрСпН в Лашкаргахе. Замполит роты старший лейтенант **Михайлов** поступил в Польскую военную академию в Варшаву. Одновременно с этим офицер политотдела **Алексей Павленко** в 1980 г. был откомандирован военным советником при замполите полка в Афганистан. Капитан Махотин назначен замполитом танкового батальона в Кушку.

В мае 1987 г. автор этих строк был вызван из Пскова в Москву в ЦК КПСС для утверждения в должности начальника политотдела 15 обр СпН. В административном отделе на Старой Площади меня ввели в обстановку в Афганистане и проинструктировали по формам и методам работы с органами местного самоуправления и партийными органами провинциального уровня. А также по особенностям политической и партийной работы в подразделениях бригады. Поскольку бригада была развернута по штатам военного времени, во всех ротах были политработники, в батальонах замполит батальона, парторг и секретарь комсомольской организации. По прибытии в Джелалабад, во время знакомства с хозяйством я пометил себе фамилии политработников, которые служили в бригаде. Некоторые из этого списка были в первые годы войны, а основная часть служила вместе со мной. Вот такой получился внушительный фолиант:

Политотдел бригады: Евланов Анатолий Матвеевич (заместитель начальника политотдела), Зозуля Сергей Григорьевич (заместитель начальника политотдела), Славник Александр Владимирович (секретарь парткомиссии), Глова Александр Николаевич (секретарь парткомиссии), Черепанов Сергей Петрович (агитатор), Ипатьев Виктор Сергеевич (орг-партработа), Гончар Геннадий Михайлович (по спецпропаганде), Гаренко Сергей Борисович (пом. по комсомолу), Яремко Николай Иванович (пом. по комсомолу).

ОСРС: Униченко Олег Петрович, Смирнов Валерий Николаевич (замполит батальона связи), Бойко Юрий Тимофеевич, прапорщик Муравьев Александр Владимирович, прапорщик Пудиновский Станислав Казимирович (комсорг батальона связи).

154-й оо СпН: Саттаров Анвар Саттарович (замполит батальона, ранен, награжден орденом Красного Знамени), Воронов Владимир Николаевич (замполит батальона), Петров Сергей Александрович, Пинчук Николай Гаврилович (замполит батальона), Чичагин Анатолий Николаевич (замполит батальона), Гулевич Александр Дмитриевич (замполит батальона), Баяндин Василий Николаевич (замполит батальона), Клоков Владимир Иванович (замполит батальона), Тукманбетов Мухаметджан Абуевич (парторг), Кара Оол Юрий (комсорг), Бобров Олег Юрьевич (комсорг), Хусаинов Мурат Ораевич (замполит 1 роты СпН), Стасюк Алексей Адамович (замполит 1 роты СпН, награжден орденом Красного Знамени), Майоров Владимир Юрьевич (замполит 1 роты СпН), Касымов Солижон Собирович (замполит 2 роты СпН), Жеглов (замполит 2 роты СпН), Статкевич Владимир Владимирович (замполит роты СпН, убит в бою), Соколов Евгений Борисович (замполит 2 роты СпН), Абдуллаев Рашид Игамбердыевич (замполит 3 роты СпН, ранен, награжден орденом Красного Знамени), Ермаков Александр Михайлович, замполит 3 роты, ранен, Шепелев Сергей Павлович (замполит 3 роты СпН), Комбаров Александр Магрупович (замполит 4 роты), Бессонов Николай Анатольевич (рота минирования), Почтовик Игорь Александрович (рота мто).

177-й оо СпН: Муратов Мухтар Зиятдинович (замполит батальона), Бондаренко Виктор Сергеевич (замполит батальона), Мовенко Виктор Александрович (замполит батальона), Волош Владимир Владимирович (замполит батальона), Чернов Алексей Алексеевич, Мясников Игорь Борисович (замполит батальона), Козлов Аркадий Николаевич (парторг), Шарафутдинов Феим Зарифулович (комсорг, перенес контузию и тяжелую травму позвоночника), Федосов Владимир Павлович (комсорг), Батуев (замполит 1 роты СпН, погиб) Хальзов Игорь Викторович (замполит 1 роты СпН), Король Олег Владимирович (замполит 1 роты СпН), Жавтасов (замполит 2 роты СпН, ранен), Зубиков Валерий Владиленович (замполит 2 роты СпН), Галкин Андрей Валентинович, Самогулов (замполит 3 роты, ранен), Гусев Григорий Владимирович (замполит 3 роты СпН), Сивин (замполит 4 роты, ранен), Губин Сергей Григорьевич (рота минирования), Скоченко (замполит 5 роты, ранен), Сагатдинов Валерий Венерович (рота мто), Уажанов С., Афанасенко Александр Александрович.

668-й оо СпН: Герасименко Виктор Григорьевич (замполит батальона), Ткаличев Владимир (замполит батальона, переболел тифом и гепатитом), Тукманбетов Султан Абуевич (замполит батальона), Компанеец Юрий Петрович (замполит батальона), Берзин Юрий Викторович (парторг), Смагулов Ербол Калманович (комсорг), Трофимов Михаил (замполит 1 роты СпН, погиб в 90-х г. в Югославии), Садовников Михаил Иванович (замполит 1 роты СпН, перенес ранение и контузию, награжден тремя орденами Красной Звезды), Трофимов Павел Георгиевич (замполит 2 роты СпН, представлялся к званию Героя, награжден орденом Красного Знамени), Кара-Оол Леонид Валерьевич (замполит 2 роты), Быков Николай Васильевич (замполит 3 роты СпН), Галаганюк Сергей Владимирович (рота минирования, перенес ранение), Яцута Владислав Викторович (рота мто), Комаров Валерий Викторович, Токарев, Симонов М.Г.

334-й оо СпН: Елецкий Владимир Сергеевич (замполит батальона), Петрухин Владимир Дмитриевич (замполит батальона), Кулюкин Виктор Георгиевич (замполит батальона), Нимко Михаил Анатольевич (замполит батальона), Чайка Александр Иванович (парторг), Машонкин Михаил Анатольевич (парторг), Самойленко Сергей Александрович (комсорг), Семенов Игорь Викторович (замполит 1 роты СпН), Карлов Александр Витальевич (замполит 1 роты СпН), Никокошев Вячеслав Владимирович (замполит 2 роты СпН), Голубев Сергей Андреевич (замполит 3 роты СпН), Щигорев Вячеслав Викторович (рота минирования), Кадыров Александр Хашинжанович (рота мто); Бондаренко Михаил Иванович (начальник клуба), Гоговский Эдуард Владимирович (начальник клуба бригады).

Несколько человек были откомандированы в Союз вместе со снятыми с должностей командирами, трое — за бытовое пьянство. Основной костяк офицеров служил отлично. Особенно это касалось категории заместителей командиров рот, которые воевали вместе со своим личным составом. Но кроме замполитов Волоша, Стасюка, Жеглова, Павла и Михаила Трофимовых, Майорова, Быкова, Садовникова, Галкина, Шарафут-

динова, Короля, Семенова, Карлова, Никокошева, отмечали отчаянных парторгов и комсоргов Чайку, Яремко, Мясникова, Аркадия Козлова и других.

Крепким сложившимся руководителем остался в моей памяти замполит 154 оо СпН майор **Клоков Владимир Иванович**. Он родился 9 декабря 1956 г. в станице Кавказской Краснодарского края. По окончании средней школы в 1974 году поступил на инженерный факультет Донецкого высшего военно-политического училища инженерных войск и войск связи. Службу офицером начал в 1978 г. в понтонно-мостовом полку окружного подчинения на Дальнем Востоке, затем в ГСВГ, где был переведен в подразделение спецназа. В 1985—1987 гг. служил в 6 гвардейской танковой армии в Киевском военном округе.

В ДРА находился с 1 октября 1987 г. по 15 мая 1988 г. в должностях заместителя командира батальона 386 полка 108 гвардейской мотострелковой дивизии в Панджшерском ущельи в населенном пункте Руха в провинции Парван, затем — заместителя командира 154 отдельного отряда 15 бригады специального назначения в провинции Нангархар. За короткий период показал себя боевым офицером. Участник 47 боевых операций и вывода войск из Афганистана. Затем служил в городе Чирчике УзССР, участвовал в 1990 г. в операции по поддержанию конституционного порядка в Азербайджане. В настоящее время — полковник милиции, первый заместитель командира ОМОН ГУВД Краснодарского края. Награжден орденами Красной Звезды и Мужества, медалями «За заслуги перед Отечеством» 2 степени, «За отличие в охране общественного порядка» и другими.

Владимир Иванович ярый сторонник того, что нельзя было оставлять Афганистан, не доведя начатого дела до конца. «Это же относится и к нынешним событиям на Северном Кавказе, — говорит он, — в которых ему и бойцам Краснодарского ОМОН приходится участвовать по долгу службы». Используя свой афганский опыт, выработанное годами умение общаться с людьми, боевой офицер делает все для того, чтобы его подчиненные возвращались домой из своих опасных командировок без потерь.

«Сегодня, — говорит В.И. Клоков, — мы готовим наших бойцов по еще более жесткой и напряженной программе, чем та, которая была 15—16 лет назад в Афганистане. Иначе нельзя: изменилось время, боевые действия ведутся на российской территории, хотя их сценарий и характер очень напоминают афганские. Не скрою, что на меня некоторые обижаются за чрезмерные нагрузки и повышенные требования, но я уверен: только через упорный труд, постоянное совершенствование своей боевой выучки личный состав отряда милиции особого назначения ГУВД Краснодарского края способен успешно выполнять свои задачи. Потерять кого-то из своих ребят считаю недопустимым! В этом нахожу постоянную поддержку руководства ГУВД Краснодарского края. Ведь еще А.В. Суворов говорил: «Тяжело в учении — легко в бою!» К подразделениям особого назначения это относится в первую очередь!

В ходе беседы со мной В.И. Клоков постепенно переходит от рассказа о днях сегодняшних к событиям Афганской войны. На столе появляются фотоальбомы, со снимков которых нам в глаза смотрят его однополчане, побратимы из 154 оо СпН. И кажется, что откуда-то издалека, со стороны афганских гор, снова слышатся отголоски давно прошедших сражений, доносится грозный рокот двигателей, усиленные эхом крики и стоны...

Листая страницы альбома, Владимир Иванович вспоминает об эпизоде, когда в марте 1988 г., выполняя свою основную задачу по обнаружению и перехвату вражеских караванов с оружием и боеприпасами и уничтожению душманов, боевая группа спецназа под командованием лейтенанта П.А. Маркова, старшим которой был майор В.И. Клоков, в очередной раз вылетела на задание. Наконец, внизу показались строения кишлака Шахидан. Удалось заметить и лошадей с грузом, находившихся в горном ущелье. Заняв боевую позицию, вертолеты Ми-24 произвели несколько залпов НУРС, поразив часть вьючных животных. После того, как местность «отработали» наши штурмовики, бойцы под прикрытием вертолетов высадились и начали операцию. Уничтожив обнаруженных боевиков и захватив их оружие, группа благополучно вернулась в расположение своей части. Тогда отличился рядовой роты минирования Леошко из Ростова-на-Дону: проявив подлинное мужество, он провел разминирование местности, подходов к обнаруженному складу и лично уничтожил оружие и боеприпасы душманов.

Чуть позже в районе того же кишлака была перехвачена банда в составе 30 человек. Боевой группой руководили тогда капитан А.П. Шепелев и старший лейтенант В.В. Борзинец. Душманы погибли, но в бой вступили другие бандиты, укрывавшиеся в соседнем заброшенном поселке. Им удалось сбить наш вертолет, экипаж которого погиб. Чтобы не дать фанатикам надругаться над телами пилотов, на следующее утро в тот район, после бомбово-штурмового удара авиации, выдвинулись спецназовцы под командованием В.Ф. Воробьева. В.И. Клоков и А.Н. Ефентьев осуществляли прикрытие личного состава с барражировавших над горами вертолетов. Обнаружив и погрузив тела погибших и «черные ящики», боевые машины взлетели. В пылу боя трое солдат не заметили сигнала к отходу и остались сражаться с превосходившими силами противника. Вертолеты вернулись за ними, уничтожив душманов и взяв солдат на борт. Позже они были представлены к награждению орденами Красной Звезды, которые им вручили перед строем бригады.

«Мы делали тогда обычную боевую работу, – говорит В.И. Клоков. – К нашей общей чести хочу отметить, что даже специалисты ЦРУ США в своих аналитических обзорах отмечали высокие морально-боевые качества советских военнослужащих, а подобная оценка со стороны вероятного противника стоила очень многого!»

Все годы после возвращения на Родину он как истинный политический руководитель поддерживает связи с однополчанами. Среди них – офицеры Кубанской милиции С.В. Ильин, А.А. Радько, А.П. Переходов, В.М. Шульгин, А.И. Петренко, И.Л. Ликарчук, Ю.И. Федин, В.Н. Гореница, И.А. Манжула, А.М. Семенов, А.В. Дрога, О.В. Шлегель, С.А. Аре-

фьев и многие другие. Помимо служебных обязанностей, В.И. Клоков ведет большую общественную работу, являясь председателем Краснодарского краевого отделения Ассоциации ветеранов боевых действий органов внутренних дел и внутренних войск России. При его личном участии воздвигнуты 4 памятника воинам, павшим в Афганистане. Потому что память об Афганской войне жива в его сердце, как и в сердцах всех воинов-интернационалистов, как бы ни старалась жизнь их разбросать, разделить границами и отодвинуть саму афганскую тему на последний план. Три сына Клокова пошли по его стопам. Стали офицерами.

Хорошо зарекомендовал себя замполит роты 177 оо СпН старший лейтенант **Король Олег Владимирович**. Уроженец г. Днепродзержинска Днепропетровской области, из пролетарской семьи, он с детства был приучен к тяжелому физическому труду. До того как стать курсантом НВВПОУ, послужил в армии, командовал средним танком Т-64. Зная его тягу к технике, комбат часто привлекал замполита для технической подготовки офицерского состава отряда. «Придут, бывало, выпускники-желторотики, референты-переводчики, живого бронетранспортера не видели, — рассказывал комбат А. Блажко. — Я приказываю: «Король, забирай в автопарк эту братию, и через неделю, чтобы все водили и стреляли из БМП и БТР, как ты!». И он хорошо их натаскивал. Требовательный был, знающий и смелый офицер. Умел работать с личным составом и в бою не робел. Орденом Красной Звезды впоследствии был награжден». После Афганистана служил О.Король в Заполярье, в Пскове. В Печерах Псковских в учебном полку спецназ исполнял обязанности заместителя начальника школы прапорщиков. К сожалению, не дослужив до пенсии два года, был уволен в запас и уехал в Украину.

Добрым словом вспоминая всех своих коллег, я не могу не вспомнить старшего инструктора по оргпартработе политотдела бригады майора, впоследствии подполковника **Ипатьева Виктора Сергеевича**. Он родился в 1951 г. в Кяхтинском районе Республики Бурятия. После 8 классов поступил в Уссурийское суворовское военное училище, а по его окончании — в Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище им. К.К. Рокоссовского. Службу проходил в Дальневосточном и Киевском военных округах. С ноября 1986 по май 1988 гг. на территории Афганистана в политотделе 15 обр СпН, а потом секретарем парткомиссии в 66 омсбр в Джелалабаде.

По возвращении в Союз служил в 17 танковой дивизии 6 гв. танковой армии в Кривом Роге, где с 1 сентября по 31 декабря 1988 г. принимал участие в ликвидации последствий на ЧАЭС. В 1992 г. уволен в запас по сокращению штатов. Вернулся на постоянное место жительства на родину в Иркутскую область. Награжден орденами «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени и Мужества. В настоящее время ведущий специалист по вопросам ГО и спецработе в Усть-Ордынском центре телекоммуникаций ОАО «Сибирьтелеком». Женат. Имеет две дочери.

Среди офицеров политотдела я особенно выделяю помощника по комсомолу старшего лейтенанта **Яремко Николая Ивановича**, по той простой причине, что мы с ним пережили 17 апреля 1988 г. четыре обстрела,

проскочили, отстреливаясь, через засаду моджахедов и остались живы. В боевой обстановке ему цены не было. Послевоенная жизнь его тоже не баловала.

Родился Николай 2 июня 1961 года на Украине в селе Великополовецком Сквирского района Киевской области в семье бедных крестьян. Отец Иван Герасимович, 1923 г. рождения, окончил 7 классов, во время войны на две недели попал к немцам в плен. После государственной проверки органами НКВД, решением военного трибунала, объявлен предателем и осужден. До 1953 г. мыкался по сталинским лагерям. Умер в 1998 году реабилитированным. Мать Елена Митрофановна, 1924 года рождения, имела 5 классов образования. Вырастила четверых детей – троих сыновей – Анатолия, Николая, Василия и дочь Ольгу.

Коля с детства был физически крепким и спортивным парнем. Все свободное время без остатка отдавал спорту. В 16 лет от роду играл в Киевском СКА в высшей лиге по волейболу. Занимался боксом. Кстати, после сорока лет вернулся в спорт и стал бронзовым призером Чемпионата Евросоюза среди ветеранов по баскетболу.

Он много учился в различных вузах, но по разным причинам обучение не закончил в Киевском институте физической культуры, в Минском педагогическом институте, в Новосибирском госуниверситете, Военно-политической академии им. В.И. Ленина. Согласно официальной справке имеет нижеперечисленное образование по диплому: в 1985 г. Новосибирского высшего военно-политического общевойскового училища, в 1998 г. Московского государственного университета леса по специальности экономика и управление в отраслях химико-лесного комплекса, инженер-экономист.

После окончания училища попал в Киевский военный округ на должность замполита роты охраны Аджанской базы хранения. 9 месяцев исполнял обязанности командира роты. Непрерывно писал командованию рапорта об отправке его добровольцем в Афганистан. Согласно рапорта был назначен замполитом роты минирования в Кировоградскую бригаду спецназ, откуда был откомандирован в Афганистан в Асадабадский батальон 15-й бригады. После должности комсорга отряда спецназ, помощник начальника политотдела по комсомольской работе, инструктор отделения комсомольской работы политотдела 40 армии, замполит батальона в Московском военном округе, помощник начальника политуправления по комсомольской работе МВО. После разгрома сторонников ГКЧП, арестован. Несколько месяцев провел в Матросской Тишине. Уволен из армии, исключен из академии, где учился заочно. Заново начинал жить. Не сломался и нашел себя в новом деле – экономике.

Яремко счастливый отец четырех сыновей: Ивана 1983 г.р., Ильи, 1992 г.р., Арсения, 1995 г.р., Александра, 1997 г.рождения. Живет в Москве.

Николай любит повторять фразу историка: «Великие люди рождаются в провинции, а умирают в столице». – Это про меня, – говорит он. В некоторой степени это, наверное, так...

Бездумный эксперимент, проведенный в армиях на постсоветском пространстве показал, что вакуум, образованный после ликвидации политорганов, необходимо было чем-то заполнять. Война в Чечне продемонстрировала, что моральным духом солдат надо было немедленно кому-то серьезно заниматься, и вновь были возрождены, вроде бы ликвидированные уже навсегда, замполиты и политруки, – только теперь уже как заместители командиров по воспитательной работе. Что в принципе не изменило их сути. Так их и продолжают называть в войсках – замполиты.

Завершив более чем тридцатилетнюю военную службу, я с особым чувством вспоминаю свою бригаду, которая осталась в памяти, как самая родная, самая близкая, самая лучшая часть.

Таких доверительных отношений, такого спаянного, дружного коллектива, как это было в нашей бригаде во все времена ее истории, и не только в Афганистане, я в Вооруженных Силах СССР больше не видел. Пусть это мое настроение сейчас называют «старческим романтизмом» или «афганским синдромом». Действительно, прошло время и даже сложные, а порой отрицательные моменты: неустроенный быт, скудное питание, постоянный риск, огромные физические и психологические нагрузки – перестали восприниматься как негативные, а приобрели некую привлекательность, стали одними из самых ярких переживаний и воспоминаний моей жизни. Самые лучшие друзья у меня оттуда – из лейтенантской юности.

Те, кому довелось служить в Спецназе в мирное время или в Афганистане, и те, которые видели виды, знают, что это была у нас за служба и почем цена десантной мужской дружбы. Поэтому не случайно, когда меня спрашивают, – где я служил в армии?

Отвечаю, не раздумывая, просто:

– В 15-й бригаде специального назначения в Чирчике! – Об этом соединении знают все...

Знаменательно то, что мы, ветераны 15-й бригады, начинаем новое тысячелетие с восстановления истории соединения и памяти о погибших героях. Простите за пропуски и скупость отдельных рассказов, но автор использовал максимум того, что удалось собрать.

Подумайте о том, что будут чтить наши внуки и будущие поколения!

Надо знать и помнить свою историю и конкретных героев.

Полковник Олег КРИВОПАЛОВ,
заместитель командира – начальник политотдела 15 обр СпН

БОЕВОЙ КОМИССАР

Одной из главных задач в деятельности командиров и политических органов в частях и соединениях специального назначения было и есть формирование высоких моральных качеств у личного состава, создание здорового климата в коллективе и привитие высокого чувства ответственности за выполнение поставленной задачи. Воспитание чувства глубокого уважения командиров к своим подчиненным и забота подчиненных о своих командирах. По моему мнению, в частях спецназа во многом это удавалось в результате слаженной работы командиров и политработников. Особое значение это приобретало в боевой обстановке.

В мае 1987 г. вместо выслужившего установленный срок в Афганистане полковника Рузина П. И. на должность начальника политотдела бригады прибыл по замене подполковник Кривопалов Олег Владимирович. Мой земляк (родом из г. Троицка, что недалеко от Магнитогорска), но, как оказалось, и учились то мы в одном городе – Свердловске, где я окончил в 1960 году Суворовское военное училище, а он в 1968 г. стал курсантом военного училища.

Олег родился в семье ветврача и учителя. Все мужчины его рода были солдатами, прошедшими русско-турецкую, первую мировую, гражданскую и Великую Отечественную войны. Его прадед – Федор Георгиевич Кривопалов хорошо известен в военной истории, как Герой Гражданской войны, служил в 19 кавполку легендарной Первой Конной Армии Семена Буденного и был награжден двумя орденами Красного Знамени. Поэтому закономерно, что его правнук, Олег, в год 50-летия Советских Вооруженных сил стал курсантом Свердловского высшего военно-политического танко-артиллерийского училища. После его окончания направлен в Среднеазиатский военный округ, где из 150 выпускников училищ был лично отобран полковником Гредасовым Ф. И. (впоследствии генерал-лейтенантом, начальником разведки Сухопутных войск) единственным кандидатом для службы в спецназе. И лейтенант Кривопалов не подвел, его становление в должности заместителя командира роты спецназ по политической части состоялось быстро. Отмечая деловую хватку и качества молодого политработника, командование бригады неоднократно поручало ему командование подразделением, и он уверенно справлялся с обязанностями командира. 6 рота спецназ стабильно была отличной. За успехи в боевой и политической подготовке, умелое руководство подразделением в 1975 г. приказом Министра Обороны СССР Кривопалову присвоено очередное воинское звание старший лейтенант досрочно. Вскоре с должности заместителя командира отдельного батальона он поступил на общевойсковой факультет Военно-политической академии им. Ленина. После отличного окончания которой, перед ним открылась успешная карьерная лестница: старший инструктор политотдела спецчастей ГРУ ГШ, заместитель командира отдельного полка разведки. Через шесть лет службы на Дальнем Востоке его награждают орденом «За службу Родине в ВС СССР» III степени. С ноября 1985 г. он возглавляет политотдел 2-й от-

дельной бригады специального назначения в Пскове. В мае 1987 г. командируется в 15-ю бригаду спецназ, в которой начинал свой офицерский путь, но уже не в Чирчик, а в воспетый поэтами и писателями жаркий и знаменитый не только трелями соловьев, но и «соловьиной рощей», славящейся свистом пуль в любое время суток и года, пограничный с Пакистаном город Джелалабад, моим заместителем по политической части — начальником политического отдела.

Я встретил молодого, коренастого, с внимательным и умным взглядом подполковника по прибытии с боевых действий. С первой встречи наши отношения легли на добрую почву. Олег был внимателен ко всему. Для него не было второстепенных вопросов. Он имел свое мнение и мог всегда обосновать его. В отношениях с товарищами и подчиненными принципиален и честен. С первых дней он рвался на боевые действия. Однако в течение первого месяца я не отпускал его от себя, лично проверяя на стрельбище навыки и умения владения оружием, находящимся на вооружении подразделений спецназ и трофейного оружия, которым разведчики часто пользовались, захватывая его в караванах. Вводил в круг своих знакомств, давая время на адаптацию. Подробно знакомил с особенностями ведения боевых действий в зонах ответственности отрядов, так как исходя из условий местности и тактики действий противника, боевые действия отрядов бригады значительно отличались друг от друга.

Кривопалов быстро схватывал обстановку, был требователен к себе и подчиненным. Ни один из его политработников не рассчитывал на правительственные награды, если уклонялся от боевых действий. Начальник политотдела воспитывал их на личном примере. Командиры подразделений Ю. Козлов, И. Дикарев, В. Федорченко, П. Марков, В. Зуев, Р. Яшин, А. Бирюков и другие смогли оценить выносливость старшего товарища во время совместных длительных горных маршей, смелость и неординарность решений в засадах, на воздушной разведке, при досмотре караванов. Мой замполит не сидел в кабинетах, а прошел через семь засад, дюжину облетов и досмотров, боевые действия операций «Тропа», «Магистраль», «Восток-88», «Дарбант», «Затвор» и другие. Лично принимал участие в переговорах с афганскими руководителями различных формирований. Вскоре в бригаде выработался своеобразный «кривопаловский» политический стиль работы, основанный на высокой требовательности, уважении и внимательном отношении к людям, взаимодоверии. Главной целью во всем было выполнение боевой задачи и сохранение личного состава. Каждая потеря воспринималась как личная трагедия. Солдаты, сержанты, прапорщики и офицеры верили своему комиссару. Доверяли ему самое сокровенное, уважали, а нерадивые побаивались его крутого нрава. С большим удовольствием летом 1988 года перед строем бригады я вручил ему орден Красной Звезды. После вывода первой колонны 18 мая 1988 г. в Советский Союз, оценив деловые качества руководителя и организатора, Кривопалов был назначен с повышением в политотдел 40-й армии и уехал обратно в Афганистан, где до вывода войск мотался по частям, выполняя свои новые служебные обязанности с присущей ему ответственностью, творчеством и скрупулезностью. По представлению начальника

разведки армии, 5 ноября 1988 г. лично Президент Афганистана наградил его орденом Боевого Красного Знамени Республики. А потом была операция по окончательному выводу войск из Афганистана и боевые действия по их боевому обеспечению. Так уж довелось, что на его плечи легла ответственность за политическое обеспечение приказа при начале вывода советских войск из Афганистана и его окончания. В последний день войны, О. В. Кривопалов вышел в Кушку на броне разведывательного батальона. Во время откомандирования его к новому месту службы в Киевский военный округ, командарм генерал-лейтенант Б. В.Громов вручил ему медаль «За боевые заслуги».

После развала армии полковник Кривопалов тринадцать лет добросовестно отработал уполномоченным в Украинском правительстве, а затем в рассвете творческих сил и житейской мудрости был уволен с государственной службы. С 2005 года Олег Владимирович активно трудится (а другого и быть не может) на ветеранском поприще. Он – заместитель председателя совета Днепропетровской областной организации ветеранов Украины. Является автором научного труда по комплексной программе адаптации военнослужащих, уволенных в запас и членов их семей (свидетельство № 5935 от 18.07.2002, ГДИСМОНУ), а также дипломант Литературно-художественного конкурса «Не стареют душой ветераны». За весомый личный вклад в развитие ветеранского движения, патриотическое воспитание молодежи, плодотворную общественную деятельность, губернатором Днепропетровской области награжден Почетным знаком «За развитие региона» (2007 г.). Имеет дочь Марию и сына Георгия.

Он навсегда остался моим боевым другом и товарищем.

Юрий СТАРОВ
гвардии полковник, командир 3, 10 и 15-й
отдельных бригад специального назначения (1978 – 1990 гг.).

ЛУЧШЕЕ МЕСТО СЛУЖБЫ

«Офицер – это человек, добровольно отдавший жизнь до-востребования своему Отечеству...» К сожалению, я не помню автора этих замечательных строк, но свою военную карьеру я старался построить именно по этому принципу, стремился туда, где, как мне казалось, смогу принести больше пользы.

По окончании факультета руководящего инженерного состава (ФРИС) Военной Академии бронетанковых войск я подал рапорт о направлении меня для дальнейшего прохождения службы в Афганистан, в действующую 40 ОА. Рапорт был удовлетворен.

Получив назначение на должность начальника бронетанковой службы 66 омсбр, г. Джелалабад, ДРА и 15 мая 1985 г. военно-транспортным самолетом прибыл в аэропорт «Кабул».

Белое слепящее небо, белая выжженная солнцем земля, 45-градусный зной. Ни смотреть, ни дышать с непривычки невозможно. На следующий день на вертушках нас отправили в тропический вечнозеленый Джелалабад с его цикадами, пальмами, обезьянами и зноем под 60 градусов!

В таких «райских» условиях за первые 10 дней службы я потерял 10 кг веса. А служба началась с первого же дня, на раскачку времени не было – бригада готовилась к выходу на боевые действия. На вооружении бригады были танки Т-62, БМП-1 и БМП-2, БМД, БТР-70 и машины на их базе. Высокогорье, шестидесятиградусная жара, удаленность от баз снабжения значительно усложняли условия эксплуатации, обслуживания, ремонта и эвакуации техники. Днем броня накалялась настолько, что можно было обжечься. Техника не выдерживала, двигатели перегревались, аккумуляторы выкипали и осыпались, – а люди выдерживали и работали.

В должности начальника бронетанковой службы бригады я прослужил недолго – 2 месяца. Опыт службы в развернутых частях Забайкалья и ГСВГ, знания, приобретенные в Академии, были востребованы Службой управления вооружения 40 ОА, куда я был назначен на должность старшего офицера бронетанковой службы армии. В мои обязанности входило: организация эксплуатации, обслуживания, ремонта и эвакуации бронетанковой техники частей и соединений армии, проверка ее технического состояния и содержания, технической подготовленности механиков-водителей, а это было связано с постоянными командировками по всем частям и гарнизонам. Герат, Шинданд, Кандагар, Газни, Гардез, Бараки, Джелалабад, Асадабад, Чарикар, Баграм, Пули-Хумри, Кундуз, Файзабад, перевал Саланг... Самолеты, вертолеты, броня, автотранспорт, часто – на перекладных, с остановками на тех заставах и в тех частях, где заставала ночь. Сидеть на месте не приходилось. Каждый прожитый день был непохож на предыдущий, и никто не мог знать, что будет завтра. Удовлетворение приносило то, что были видны реальные результаты работы. Необходимые узлы и агрегаты доставлялись по нашим звонкам прямо к поврежденным машинам на трассах и заставах.

В жизни каждого человека есть незабываемые моменты, заставившие взглянуть на Жизнь по-другому, переосмыслить многое из прожитого. В условиях войны переоценка ценностей происходит особенно заметно. Видно сразу, кто на что способен и кто чего стоит.

В память особенно врезались три эпизода из моей Афганской жизни. Первый эпизод связан с первым обстрелом, когда по нашей беззащитной группе, как по мишеням на открытой площадке, духи вели прицельный огонь. Всякому нормальному живому существу присуще чувство самосохранения, чувство страха при возникновении смертельной опасности. И от того, сумеет ли человек в первый же раз преодолеть этот страх ради спасения других и ради выполнения служебного долга, зависит вся его дальнейшая жизнь. Либо он останется рабом своего страха, либо подчинит его своей Воле. В свой первый выход на боевые действия я был назначен начальником армейской ремонтно-эвакуационной группы во время Хостинской армейской операции осенью 1985 года.

В районе населенного пункта Бараки-Барак провинции Логар при возвращении из района боевых действий на мине, установленной на обочине дороги (позже на этом минном поле саперами было обезврежено 18 противотанковых итальянских мин), подорвался бронетранспортер. В составе моей ремонтно-эвакуационной группы было 2 танковых тягача БТС-4 и одна зенитная установка ЗУ-23-2 в кузове КамАЗа. При эвакуации бронетранспортера с места подрыва подорвался танковый тягач. Раненых эвакуировали с проходящей колонной и приступили к восстановлению ходовой части поврежденных машин для их буксировки. За это время все воинские части общей колонной прошли мимо нас, и мы остались на минном поле одни, без прикрытия. Когда колонна удалилась километра на три, из «зеленки» с разных сторон нас начали обстреливать. Наша группа – как на ладони, а засечь противника в «зеленке» невозможно. Все укрылись – кто за броню, кто под колеса. Я был единственным офицером и должен был организовать круговую оборону, отражение атаки, но ноги меня не слушались, я не мог встать. Когда в тебя стреляют неизвестно откуда и пули визжат – это жутко. Бронежилета на мне не было. И тут с кузова КамАЗа, от зенитной установки ко мне спустился боец и протянул свой бронежилет:

– Возьмите, товарищ майор, у меня на ЗУ броневой щиток есть, а Вы – без жилета. Дрожь в ногах исчезла мгновенно и я «спустил собаку»:

– А ну марш к установке! – меня как кипятком ошпарило. – Теперь от вас зависит, уцелеем ли мы. Сектор обстрела – от скалы до ущелья, по *зеленке* беглыми очередями – огонь!

Наши автоматы сыграли мизерную роль в этом бою, а вот ЗУ – это сила! На звуки боя тыловая походная застава колонны развернулась и пришла к нам на помощь. Обошлось без потерь, а я, благодаря простому русскому солдату, одержал очень важную для себя победу – победу над своим страхом. Этого бойца я никогда не забуду. Позже на мое «спасибо» он недоуменно пожал плечами: «За что?». Мысленно я ответил: «За веру в себя».

Второй эпизод связан с самоотверженностью и мужеством русского офицера. По всей трассе от границы с СССР для охраны проходящих колонн и трубопроводов с горючим стояли сторожевые заставы. Более мудрые командиры старались поддерживать дружеские отношения с населением соседних кишлаков. Жители отвечали взаимностью. О появлении в зоне ответственности заставы «чужаков» через вездесущих мальчишек – «бачат» они сообщали командиру заставы. Каждый кишлак для своей собственной безопасности имел свое маленькое хорошо вооруженное «войско». Иногда между такими вооруженными отрядами случались стычки, которые могли перерасти в боевые действия непредсказуемых масштабов. И тогда, чтобы миром разрешить спор, парламентарии из числа старейшин приходили к уважаемому в округе человеку –к командиру заставы с просьбой помочь разобраться и примирить их на нейтральной для них территории – на заставе.

Мне посчастливилось присутствовать на одной такой встрече. Ночь застала меня на одной из застав Северного портала перевала Саланг, и

командир заставы старший лейтенант (жаль, что память не сберегла его фамилию) гостеприимно пригласил на ночлег в штаб — полублиндаж (одна стена — отвесная скала, в потолке — слуховое застекленное окно). Буржуйка, солдатские кровати, сбитый из досок длинный стол, скамейки и маленькая отдельная комнатушка командира. Часовой доложил и затем привел знакомого командиру старца. Тот посетовал на появление чужаков и возникшие вооруженные стычки, на разногласия между отрядами и попросил помощи в их примирении. Командир дал добро, назначил время встречи, отпустил старца, построил личный состав и начал инструктаж. Я, майор, мысленно снял шапку перед мужеством старшего лейтенанта. Меня он спросил, останусь ли я или уйду в безопасное место — я не мог уйти. Тогда одному бойцу он выдал несколько гранат Ф-1, запалы к ним и приказал: «Ввернуть запалы, сесть на крыше у слухового окна и в случае стрельбы внутри забросать штаб гранатами, чтобы никто из них не ушел. Начнется стрельба — нам все равно не выжить. Повторяю приказ — в случае стрельбы внутри забросать штаб гранатами». Все это он сказал обыденным ровным голосом, но от смысла сказанного, от меры ответственности, которую этот молодой офицер взвалил на свои плечи, мурашки пробежали по коже. На противоположной от входа в штаб скале он разместил пулеметчиков с задачей: обеспечить заградительный огонь и отсечь пути к отступлению. На заставе — боевая готовность №1. Потом, как гостеприимный хозяин, поставил на буржуйку два солдатских чайника, на стол — хлеб, масло, сахар, консервы. Пришел старец, и мы стали ждать. Раздался ночной свист. Аксакал кивнул нам, вышел, прокричал что-то во тьму. Ответили, и через несколько минут в штаб вошли шестеро бородачей, вооруженных автоматами, пулеметами, гранатами, перепоясанные пулеметными лентами — как в кино. Скупо поздоровались, сели с одной стороны стола и, ни к чему не притронувшись, превратились в изваяния. Через полчаса снова свист — и все повторилось. Вошли еще шестеро таких же бородачей во всеоружии. Сели напротив и впились друг в друга взглядами, сжатые как пружины, готовые к броску.

Аксакал попросил командира заставы дать полевым командирам возможность поговорить наедине. Тот пустил их в свою каморку. Полчаса ожидания звенело тишиной, напряжением, недоверием и враждебностью. Наконец, дверь открылась, и полевые командиры вышли в обнимку. Мгновенно обстановка изменилась. Поднялся гвалт, все начали обниматься, начался чайный пир, разговоры, обмен между ними оружием, полилась информация о чужаках...

Ушли они под утро, растворились в темноте, довольные собой, друг другом и с уверенностью в том, что на эту заставу всегда можно обратиться за помощью.

Все, кроме часовых, легли спать, а я долго еще переосмысливал случившееся, думал о мужественном человеке — командире заставы. Без амбиций и корысти, не ради славы и наград он, рискуя своей жизнью, в зародыше предотвратил пусть чужую, пусть маленькую — но войну, а значит — сберег чьи-то жизни. И на промозглом ночном Саланге в душе стало тепло от того, что такие офицеры, такие люди у нас есть.

Третий эпизод — о бренности жизни. Вечного ничего нет, все мы смертны, но об этом не задумываешься в повседневной суете, строишь планы, что-то на что-то копишь, на что-то надеешься. И вдруг, однажды, наступает момент, когда отчетливо понимаешь, что есть мгновение —проживи его! Следующее для тебя может уже не наступить...

Как заместитель командира 15 обр СпН, я часто бывал по делам службы во всех батальонах, в том числе — и в наиболее часто обстреливаемом Асадабадском. Убывая в очередной раз в Асадабад на вертолете Ми-8, попутно взял с собой прапорщика, который прибыл по замене. Бережно, на плечиках в чехле он вез парадный мундир. Прибыли как раз к обеду. Счастливый заменяемый разместил заменщика в каптерке, повесил его мундир на спинку железной двухъярусной кровати и все пошли в столовую. Внезапно начался обстрел реактивными снарядами. Прямо в столовой было вырыто бомбоубежище, где мы благополучно отсиделись. Вышли после обстрела — а на месте, где была каптерка и пять минут назад стояли мы дымились руины. На плечиках сиротливо болтались остатки изрешеченного осколками парадного мундира. Здесь на у руинах я четко усвоил принцип : «Не откладывай Жизнь на потом. Есть секунда — живи»!

Как я стал спецназовцем.

Специфика подготовки офицеров подразделений специального назначения, прибывших в Афганистан, заключалась в том, что они в совершенстве владели различными видами вооружения, средствами связи, приемами ближнего и дальнего боя, тактикой, минно-взрывным делом, средствами десантирования и многими другими премудростями спецназовского мастерства. Бронетанковой техники на вооружении этих подразделений до Афганистана и опыта работы с ней у Спецназа не было.

Для десантирования, поддержания огнем и маневром при встрече с противником, эвакуации с поля боя разведывательных групп и отрядов, охраны и обороны мест постоянной дислокации, сопровождения колонн подвоза материально-технических средств в штаты всех частей Спецназ были включены БМП, БТР, ЗСУ и автомобильная техника. Комплектация личным составом экипажей, офицерами и прапорщиками инженерно-технической службы осуществлялась из сухопутных войск. На их плечи легла вся тяжесть ответственности за техническое состояние, содержание, ремонт и эвакуацию техники, техническую подготовку водительского состава.

Заместитель командующего 40 ОА по вооружению генерал-майор С.А. Маев главной задачей для офицеров управления вооружения считал не копание в недостатках при проверках. Главное — это оказание практической помощи частям и соединениям Армии в своевременном техническом обеспечении, ремонте, эвакуации техники, обеспечении средствами обслуживания и ремонта, доукомплектовании техникой вместо списанной и отправленной в капитальный ремонт. Офицеры управления вооружения не сидели на месте, в составе групп проверки они постоянно выезжали в части и соединения армии.

В ноябре 1986 г. в составе одной из таких групп мы прибыли в Джелалабадский гарнизон. Меня направили в 15-ю бригаду спецназ. В это время, как позже выяснилось, должность заместителя командира бригады по вооружению уже полгода(!!!) была вакантной. По состоянию здоровья досрочно был откомандирован заместитель командира по вооружению, а новый зампотех назначен не был. В отделе кадров ТуркВО о бригаде забыли. Таким образом, общего координирующего руководства техническим обеспечением в бригаде больше, чем полгода не было. Техническая подготовка не проводилась. Офицеры и прапорщики инженерно-технической службы превратились в ремонтников и занимались восстановлением вышедшей из строя техники, игнорируя все остальное.

Представившись командиру бригады полковнику Ю.Т. Старову, я убыл для осуществления проверки в 1-й батальон бригады, на вооружении которого состояли, БМП-2Д, БРМ-1К, БТР-70 и БТР-70Г, БТС-4 и различная автомобильная техника. Проверку начал с бронетранспортеров БТР-70. Это очень сложная в эксплуатации и обслуживании машина. Два двигателя, два сцепления, две коробки передач, две раздаточные коробки работают на одну ходовую часть. Для нормальной работы машины, использования суммарной мощности двигателей при трогании с места и в движении необходимо осуществить целый ряд регулировок по синхронизации работы этих узлов и агрегатов. Проверка первых же машин показала: регулировок нет и личный состав не знает, как их выполнять.

В это время на ремонтной площадке стоял бронетранспортер со снятой верхней бронировкой и отличным доступом ко всем узлам и агрегатам. Собрав на этой машине всех водителей БТР и офицеров технической службы отряда, я провел практическое показное занятие, во время которого водители по очереди под мою подсказку последовательно выполнили все регулировочные работы. У них появились и закрепились практические навыки в выполнении этих работ. Дал команду произвести регулировочные работы на всех машинах, а сам в это время провел занятие по обслуживанию БМП.

Позже контрольная проверка показала, что регулировки выполнены, а контрольный пробег убедительно показал, что машины обрели приемистость, стали вести себя совсем по-другому, как и положено. Результатами общей работы были довольны все – и офицеры, и водители.

В ходе занятий я не заметил, что командир бригады приезжал посмотреть, как «лютует» проверяющий. А когда я прибыл к нему с докладом о результатах проверки, Юрий Тимофеевич спросил:

– Ну что, двойка?

– Почему двойка? Срывов выхода техники на боевые действия не было, а выявленные недостатки были устранены в ходе проверки. Оценка – «хорошо». – Ответил я.

– Пойдешь ко мне замом? –Пристально посмотрел мне в глаза комбриг.

– Пойду. – Не задумываясь, ответил я.

Мой непосредственный начальник генерал-майор С.А. Маев удовлетворил ходатайство полковника Ю.Т. Старова о назначении меня на должность заместителя командира 15-й отдельной бригады специального назначения по вооружению.

Так я стал спецназовцем и буду гордиться этим всю свою жизнь!

Причин для этой гордости несколько.

Во-первых, за всю свою долгую службу в Вооруженных Силах более порядочных отношений между людьми, чем в бригаде спецназ, я не встречал нигде.

В коллектив бригады влился сразу. Командир не терпел раскольничества. Он сплотил коллектив и сделал нас Командой, выполняющей общую задачу. С другими заместителями комбрига Олегом Владимировичем Кривопаловым, Анатолием Ильичем Безручко и Игорь Александровичем Серзиным кроме чисто служебных отношений мы нашли общечеловеческое, братское взаимопонимание. Присвоение мне очередного воинского звания «подполковник» стало для нас общим праздником. И поныне мы обращаемся друг к другу не иначе, как «Брат». Объезжая батальоны бригады, не делились на свое и чужое, выполняли поручения друг друга с полной отдачей и мерой ответственности.

В батальонах офицеры, прапорщики, личный состав, убедившись в нашем профессионализме, компетентности, ответственности за общее дело, при нашем прибытии не шарахались в сторону, опасаясь «нахлобучки», как от некоторых высоких чинов со штаба армии и округа, а напротив – ждали нас и обращались по всем вопросам и проблемам с уверенностью скорейшего их разрешения. А это – дорогого стоит.

Во-вторых – мне удалось на практике реализовать свои знания, опыт, потенциал офицера. Я точно знал, что нужен моей Бригаде. Помимо общего руководства техническим обеспечением, в частях бригады из подручных средств велось строительство, совершенствование учебно-материальной базы. В управлении бригады был построен парк для автомобильной техники, КТП, класс инструктажа водителей из набитых глиной снарядных ящиков, аккумуляторная зарядная станция. Оснащены новым оборудованием и построены из самана аккумуляторные в Джелалабадском 154-м и Баракинском 668-м отрядах, оборудовано хранилище для боеприпасов и лучший в бригаде класс подготовки водителей в Асадабадском отряде, в чем заслуга зампотеха 334 оо СпН майора Судакова, обновлена ремонтно-восстановительная база в Газнийском 177-м отряде.

Кроме своих служебных обязанностей, по прибытии в батальоны любого из заместителей вся мера ответственности за происходящее в это время в батальоне автоматически ложилась на плечи замкомбрига. Командир бригады при убытии нас в батальоны облекал каждого всей полнотой своей власти, оказывая тем самым огромное доверие. Мне в полной мере пришлось воспользоваться этим в мае 1987 г., когда в очередной раз я прибыл в 668-й отряд спецназ. По данным разведки, в зоне действия отряда ожидались караваны противника с большой партией оружия и боеприпасов. Одна разведгруппа вышла на задание и, обнаружив караван, завязала бой при поддержке своей бронегруппы. Но тут разведка доложи-

ла о появлении еще одного большого каравана, упустить который было нельзя. Так получилось, что кроме командира батальона майора Корчагина идти во главе второй бронегруппы отряда было некому. Мы посовещались и ее возглавил комбат. Вторая бронегруппа вышла на второй караван и тоже завязала бой. На меня легла задача по управлению этой операцией. Решение тактических задач в ходе операции, координация действий разведывательных групп и бронегрупп отряда, авиации, организация связи со штабом армии. Связисты работали отлично, и проблем в управлении не было.

В ходе боя караваны были уничтожены. Были взяты богатые трофеи: более десятка ПЗРК, несколько ПУ РС и безоткатных орудий, 82-мм миномет, ДШК, ЗГУ, сотни 107-мм реактивных снарядов и трофей особой важности – электронная шифровальная машина американского производства, которая затем спецрейсом была отправлена в Москву. С нашей стороны было четверо раненых и для их эвакуации пришлось вызывать в указанный квадрат вертолеты, а бойцов с поля боя эвакуировать на броне. Основная задача была выполнена, но разрозненные остатки караванов представляли собой важные цели. Точно рассчитав время выхода своих групп из-под планируемого удара авиации, по координатам, указанным командирами групп, я запросил нанести бомбо-штурмовой удар.

Позднее разведка доложила – цели уничтожены, караваны не прошли. Успешные слаженные совместные действия значительно подняли планку взаимного уважения и доверия, еще больше сблизили нас.

В-третьих, даже у стали есть предел прочности. В условиях высокогорья, когда вода закипает при 80 градусах Цельсия и в тропический зной свыше 60 градусов техника порой не выдерживала. На людей дополнительным бременем ложился человеческий фактор: к войне, к смерти привыкнуть нельзя. Каждая боевая потеря тяжелым камнем ложилась в душе каждого из нас. Неимоверные климатические условия, лишения походной жизни, суровый спартанский быт. Тем не менее, люди оказались крепче брони. Они с честью вынесли все. Они выполнили трудную военную работу не за рубль, не за страх – за Совесть.

Офицеры и прапорщики инженерно-технической службы, механики-водители, водители внесли свой незаменимый вклад в славную историю боевых действий бригады. Живой тому пример –водитель БТР 668 оо СпН Юрий Миролюбов. На своем БТР в тяжелейших горных условиях с риском для жизни он прорвался к окруженной душманами разведгруппе и вывез на броне из под огня противника своего командира и бойцов. За этот подвиг сержант Юрий Миролюбов удостоен высшей награды Родины – звания Героя Советского Союза.

Близился вывод Советских войск из Афганистана. Первые воинские части из Кабула и Шинданда вернулись на Родину. Двухлетний срок моей службы в Афганистане заканчивался 15 мая 1987 года. Понимая, что новому человеку придется долго входить в курс дела и это отрицательно скажется на сложнейшей операции – выводе бригады из Афганистана, отдельные батальоны которой прикрывают свыше 800 км. Афгано-Пакистанской границы, я подал рапорт о продолжении срока службы в Афганистане в соста-

ве 15-й бригады до завершения вывода войск. Документы, утвержденные в армии, убыли в штаб ТуркВО, и я продолжал службу в бригаде. Но кадровая машина округа дала очередной сбой. По нелепой ошибке, халатности какого-то чинуши в бригаду из Ташкента был направлен заменщик моему предшественнику, которого в бригаде не было уже больше года, а на эту должность приказом был назначен я.

Командир бригады приложил максимум усилий по исправлению этой ситуации. Три месяца прибывшему подполковнику искали в армии другую должность, держали «за штатом», но полковник – не лейтенант, вакансий для него не было. Для меня это было ударом. Я очень не хотел оставлять бригаду, но пришлось. Отслужив в Афганистане 30 месяцев (2,5 года), 15 ноября 1987 г. убыл к новому месту службы на Дальний Восток.

Много воды утекло с тех пор. Вот уже 20 лет прошло с тех пор, но мы не потеряли друг друга, общаемся, как самые родные и близкие люди.

Боевое братство живет в моей душе и будет жить, пока буду жить я.

Служба в 15-й отдельной бригаде специального назначения – самая яркая страница в моей жизни и военной судьбе.

Спасибо за это ей, спасибо Вам, мои братья по оружию.

Честь имею!

Василий ЯКУБА, подполковник,
заместитель командира по вооружению 15 обр СпН.
В Афганистане с 15.05.1985 по 15.10.1987 гг.

О СВЯЗИСТАХ

Для кого-то тянется, как вечность,
А для кого – короткая судьба...
И мгновения уходят в бесконечность
С трассой пуль, свистящих возле лба!

Сегодня невозможно представить нашу жизнь без связи. Что уж говорить о военной организации, требующей особенно четкого управления. Военная связь – неотъемлемая составная часть системы управления войсками. Первые военные подразделения телеграфной связи появились в русской армии в 1851 году.

20 октября 1919 г. войска связи стали самостоятельными специальными войсками Красной Армии. Особый период бурного развития связи совпал с Великой Отечественной войной.

К 1979 году наша армия имела совершенные образцы различных систем связи, которые позволили в условиях Афганистана обеспечивать взаимодействие и управляемость частями и соединениями.

Из наиболее крупных частей связи выделялся 103-й отдельный полк связи, который дислоцировался в Кабуле. В каждой дивизии были свои батальоны связи. В общей структуре связи служба специальной радиосвя-

зи одна из самых закрытых и, я бы сказал, незаметных служб в структуре разведки. Радист обречен всегда быть вторым. Но без него, второго, нет и первого. Как сказал военный разведчик Иван Бережной:

— Вопрос связи в разведке — вопрос жизни и смерти. Что мы значим без связи? Ноль без палочки. Пустое место. Мы для командования больше не существуем...

У службы спецрадиосвязи ГРУ великая история. Она хранит имена уникальных радистов.

О деятельности спецрадиосвязи на территории ДРА пока не было написано ни строчки. А ведь именно они спасли сотни жизней своих коллег-спецназовцев. Вот лишь одно официальное донесение. «15 июня 1980 г. дежурным радиотелеграфистом рядовым Яковлевым был принят боевой сигнал от группы спецназа, которая попала в окружение и вела тяжелый бой. Боевой сигнал был немедленно передан командованию. В воздух были подняты вертолеты и направлена помощь группе. Разведчики были спасены». И таких сообщений приемные центры спецрадиосвязи ГРУ приняли сотни.

Мне, Безкровному Виктору Анатольевичу, в то время еще старшему лейтенанту, выпало судьбой выполнять интернациональный долг в Афганистане в самый разгар караванной войны спецназа ГРУ с моджахедами.

К маю 1985 г. я проходил службу в должности начальника станции космической связи отдельного радиопеленгаторного узла связи ОСНАЗ в г. Воркута. 22 мая после эпопеи с приобретением билетов в час пик, связанной с вылетом массы шахтеров в отпуск «на материк», я вместе с семьей убыл в очередной отпуск на родину в город Чернигов. Через два дня после прибытия к родителям получил телеграмму с требованием немедленно вернуться в часть для замены на новое место службы.

Содержание телеграммы для меня оказалось совершенно неожиданным. Пришлось срочно возвращаться в часть, где меня ждало предписание для убытия для дальнейшего прохождения службы в ДРА. Так как я был первым из нашей части, подсказать или посоветовать было некому. Поэтому, совершенно не зная, что меня ожидает, с двумя чемоданами личных вещей и формой одежды, включая парадную, прибыл на пересыльный пункт в Ташкент.

Как оказалось, назначен я был на вновь созданную должность командира группы космической связи 15-й бригады спецназа, управление которой в апреле того года было передислоцировано на восток Афганистана в город Джелалабад. Так как подразделение, командиром которого я был назначен, формировалось на базе ташкентской бригады связи, то и в должность пришлось вступать там же.

Там, в столице Узбекистана, 27 мая 1985 г., я представился своему непосредственному начальнику — командиру отряда спецрадиосвязи бригады спецназа кавалеру ордена Красной Звезды подполковнику Виталию Константиновичу Ступникову. Ему на тот момент было около сорока лет, и, как гласила молва, он прослужил от рядового до подполковника в одной чирчикской бригаде. Впоследствии он заменился в Кировоград. Его сменщиком стал майор Стряпчев, который и вывел отряд на Родину. Штаб

отряда возглавлял капитан С. Аникеев. Старшиной – опытный прапорщик Зуев из Чирчика, который еще накануне войны занимался обеспечением и подготовкой первого отряда КГБ «Каскад». Это был заботливый и хозяйственный человек, старавшийся обеспечить благоприятные бытовые условия для личного состава. Его сменил прапорщик Токарев.

Организационно отряд состоял из четырех групп: приемного радиоцентра, передающего радиоцентра, центра ЗАС и вновь организованной группы космической связи.

Моя группа состояла из экипажа станции космической связи «Кристалл» Р-440-А, станции ЗАС «Интерьер» и двух станций тропосферной связи Р-412-А.

После вступления в должность, 28 мая, вышеуказанная техника, насчитывающая пять автомобилей «Урал-375», один Зил-131, а также личный состав группы были погружены на железнодорожные платформы и в сопровождении командира отряда убыли в Хайратон. Там вся эта техника была разгружена и под охраной своим ходом совершила длительный марш в Джелалабад.

Уже во время первой ночевки в Пули-Хумри мы подверглись первоему испытанию. Наш полевой лагерь и советский гарнизон, дислоцирующийся там, были обстреляны реактивными снарядами. Один из снарядов попал в караульное помещение, которое находилось от нас всего в 50 метрах. В результате шесть бойцов были убиты и столько же ранены. Так неласково встретила нас новая, полная загадок страна... Преодолев ледяные трудности перевала Саланг и жару Кабула, наша колонна без потерь и поломок прибыла в субтропики Джелалабада, где нас ждали с большим нетерпением...

Под контролем начальника связи бригады подполковника Муратова А.Н. уже через четыре часа после прибытия силами подчиненной мне группы была организована прямая засекреченная связь в телефонном и телеграфном режиме со штабом 40-й армии «Опера», штабом ТуркВО «Линза», ГРУ ГШ «Аврора». Данный канал был образован с помощью станции космической связи «Кристалл», работающей через космический аппарат «Грань»: с подспутниковой точкой 48 градусов восточной долготы, аппаратурой ЗАС гарантированной стойкости «Интерьер».

Начальником аппаратной «Интерьер» являлся толковый лейтенант Семма Г., техником – прапорщик Хлыстов. Сейчас можно с уверенностью сказать что, начиная с первого дня несения нами боевого дежурства, за два года непрерывной работы этих специалистов перерывов в связи, кроме технологических, не было.

Командиром приемной радиогруппы до декабря 1987 г. был лейтенант Юрий Булындин. Ответственный, исполнительный офицер, который никогда не боялся отстаивать свою точку зрения. Прекрасный друг и надежный товарищ. Это его трудом, его нервами обеспечивалась бесперебойная радиосвязь с отдельными отрядами спецназа, группами разведки, находящимися на боевых, вышестоящим штабом.

Булындин за два с половиной года пребывания на афганской земле стал старшим лейтенантом и был награжден государственными наградами.

Командиром группы ЗАС являлся старший лейтенант А. Медведев. Ответственный и смелый офицер, постоянно рвущийся в бой, на передовую. Техником станции космической связи был прапорщик Полуэктов. Начальниками станции тропосферной связи работали прапорщики Неупокой В. и Киселев С. Станции тропосферной связи использовались по двум направлениям. Одна, Р-412, обеспечивала связь в направлении на Бараки, вторую придали Джелалабадскому гарнизонному узлу связи, расположенному на территории 66 омсбр, где и работала в направлении на Кабул. Но из-за сложного рельефа местности тропосферная связь не зарекомендовала себя надежной и бесперебойной.

Афганистан, откровенно говоря, устроил суровый экзамен разведчикам-связистам. Да, нам было не впервой работать в сложных условиях, но война, была особенная. Отсутствовала сплошная линия фронта. Спецкорреспонденты были разбросаны, располагались в разных направлениях на достаточно больших расстояниях – от 100 до 800 км. Для работы с ними нужны были направленные антенны. И к ним предъявлялись особые требования, ведь прием следовало обеспечивать практически с любого направления.

Как известно, большая часть территории Афганистана – горы. Но на юге и юго-западе – высокогорные равнины с котловинами, где располагаются пустыни и полупустыни. Здесь летом господствуют пыльные бури и ионосферные возмущения. А пыльные бури, как известно, враги радиоволн -они препятствуют их распространению, поглощают значительную часть и без того малой энергии волн. Особенно подвержены этому коротковолновые диапазоны – основа спецрадиосвязи военной разведки.

Нередко маломощные сигналы прерывались пыльными бурями на несколько часов, а то и суток. Все это приводило к увеличению продолжительности сеансов связи. Кроме того, условия высокогорья – тысяча и более метров над уровнем моря – сказывались на работе автономных агрегатов электропитания. В одном из документов по итогам первого года работы спецрадиосвязи ГРУ в Афганистане говорилось:

«Следует отметить, что радиосвязь не в полной мере отвечала требованиям устойчивости и оперативности по следующим причинам: протяженность трасс от 50 до 700 км, причем 70 поцентов из них – от 150 до 200 км, – это наиболее трудные для работы КВ трассы в связи с наличием «мертвой зоны». Преодолевать ее можно применением антенн зенитного излучения, увеличением мощности передатчика и чувствительности приемника. Пока же малая мощность агентурных радиостанций, их табельные антенны не позволяют бороться с этим явлением и обеспечивать устойчивую связь».

Что же касается человеческого фактора, то нашей службе спецрадиосвязи было чем гордиться. В отрядах спецназа в условиях непрерывных боевых действий всю войну профессионально работали связисты групп связи: Виталий Борисович Образцов, Николай Дмитриевич Поздняков, Владимир Евлампиевич Яичников, Владимир Николаевич Мартаков, Александр Васильевич Степанов, В.В. Домрачев, Козич, Чаусов, Мишин, Костин, старший лейтенант Сергей Белов, заместители командиров групп связи старшие прапорщики Николай Тищенко, Шаламов, начальники

радиостанций старшие прапорщики Владимир Иванович Трубин, Владимир Столяров, Александр Светлеющий, Евгений Коновалов, С.Н. Корсаков, Николай Александрович Кывыржик, Виктор Петрович Панчук, командиры отделений сержанты Александр Анатольевич Немешаев, Вацлав Ольховский, старшие сержанты Олег Онищук, Олег Викторович Масюк, Геннадий Солохин и многие другие...

Партийно-политическую работу с личным составом отряда спецрадиосвязи организовывал авторитетный замполит отряда выпускник Донецкого училища капитан Олег Петрович Униченко. Он был высок, спортивен и горазд на разные выдумки. По его инициативе мы неоднократно организовывали спортивные турниры, даже товарищеские встречи по волейболу с военнослужащими республиканской армии. К нему подходят такие слова: «Настоящий замполит – человек, к которому простой солдат может запросто подойти, прислонить голову к груди, поделиться самым сокровенным, если нужно то и поплакать». Впоследствии его сменил выпускник Свердловского высшего военно-политического училища Валерий Николаевич Смирнов, который тоже обладал качествами хорошего организатора.

Хотя расположение управления, штаба бригады и отряда спецрадиосвязи к нашему приезду было обустроено на территории бывщего Джелалабадского оливкового завода, условия службы и жизни с непривычки показались очень тяжелыми. Особенно запомнилось напряженное время с 1985 по 1987 гг., когда части бригады переживали вспышки эпидемии холеры. Для борьбы с ней, рядом на территории 66 омсбр, даже был развернут специальный инфекционный госпиталь особо опасных инфекций.

Первое время мы жили прямо в цехе консервного завода, в помещении длиною метров 80. Сарай без простенков и перегородок, из которого мы выбросили на свалку большое количество банок с оливками. Через некоторое время собственными силами отряда и комендантской роты здание отремонтировали и разделили помещение на комнаты для офицеров управления бригады, казарменное помещение для личного состава отряда и комендантской роты.

Но, несмотря на изнурительную жару и сложную эпидемиологическую обстановку, связисты достойно несли боевую службу на своих постах не только в Джелалабаде, а и в районах боевых действий, где проходили операции с привлечением частей бригады. А боевых операций было множество. И повсюду, в Нангархаре, Логаре, Газни, Кунаре... в каждой группе спецназ, находящихся на боевых, работало два разведчика-радиотелеграфиста, обеспечивавших надежную связь с центром. Нередко многие из них брали в руки оружие и участвовали в боях. В такой ситуации сложил свою голову ефрейтор Андрей Иванович Харитонов, награжденный посмертно орденом Красной Звезды. Рядовой Вадим Колупаев стал кавалером медали «За отвагу».

Будничный на первый взгляд и незаметный труд связистов был высоко оценен боевыми орденами и медалями СССР, а начальник связи бригады подполковник Муратов Ахмет Нигматович за два с половиной года службы в Афганистане был дважды награжден орденом Красной Звезды.

Мы гордились и понимали, что в этом оценка ратного труда не только нашего начальника, но и всего коллектива офицеров, прапорщиков и солдат — связистов нашей десантной бригады.

В.А. БЕЗКРОВНЫЙ,
командир группы космической связи
отряда спецрадиосвязи 15 обр СпН
(в Афганистане с 1985 по 1987 гг.)

НАШИ ДОКТОРА

«Врач — это единственная категория людей, которая никогда не мучается вопросом о смысле жизни»
Эрих-Мария Ремарк

«Докторами» разведчики и в шутку и всерьез (какие шутки, — когда речь идет о жизни и здоровье...) называли всех медиков от рядового санитара до начальника госпиталя.

В организационной структуре нашей бригады военные медики занимали свою скромную нишу. О них редко говорили, о них, так же как и в обычной жизни, вспоминали только тогда, когда возникала острая необходимость. По настоящему здоровые люди не посещают медучреждения и относятся к эскулапам снисходительно равнодушно, а вот когда жизнь бросает на госпитальную койку, то с нее как раз и хорошо виден самоотверженный труд врачей и медсестер.

Несмотря на тщательный отбор по здоровью солдат и офицеров в части спецназ и на войне люди болели. У них от неимоверных физических нагрузок и высоких температур резко поднималось давление, доставляя адские страдания, разрушались зубы, возникали ситуации, требующие немедленного хирургического вмешательства врачей. Традиционно медпункт бригады формировался квалифицированными кадрами.

В конце 60-х и начале 70-х годов начальниками медпункта были офицеры Александр Александров, Анатолий Коновалов, Александр Матсаков, Александр Казуров. Они были хорошими специалистами, окончившими кафедры военной подготовки и до прибытия в бригаду получившие опыт работы в госпиталях различного уровня. Наравне со всеми военнослужащими они совершали прыжки с парашютом из всех типов летательных аппаратов.

Комплектование медперсонала в первые два десятилетия существования части осуществлялось очень придирчиво, как правило, из жен военнослужащих бригады имеющих воинские звания медицинской службы. Так врачом-стоматологом работала старший лейтенант м/с Манченко Ва-

лентина Валентиновна, начальником аптеки-фельдшером сержант м/с Кривопалова Галина Александровна, медсестрой старшина м/с Конищева Анастасия Ильинична. Коллектив медпункта бригады обеспечивал повседневную жизнедеятельность части и работал в ритме плана боевой подготовки: дежурил на аэродроме, на площадках приземления, в полевом учебном центре.

Врачи и медработники на регулярных практических занятиях обучали нештатных санинструкторов подразделений основным навыкам оказания первой помощи при ранениях, травмах. Командиры подразделений трепетали перед проверками безжалостных медицинских комиссий по соблюдению мер санитарной гигиены в местах жизнедеятельности личного состава в казармах, в военном городке. Медики три раза в сутки проверяли качество приготовления пищи в столовой, что становилось особенно актуально в жарких азиатских условиях. Ну и, естественно, оказывали квалифицированную медицинскую помощь при травмах, потертостях, воспалениях.

Традиции качественного подбора штатного медперсонала сохранялись все годы существования соединения. Это впоследствии позволило медслужбе бригады развернутой по штатам военного времени эффективно работать в крайне сложной санитарно-эпидемической обстановке в Афганистане. С чем столкнулись спецназовцы в первые месяцы пребывания в чужой стране? Отсутствие воды, убийственный климат горно-пустынной местности, ни казарм, ни колодцев в местах дислокации, посуду приходилось чистить чуть ли не песком, ни оборудованных кухонь, ни бань... Словом, идеальные предпосылки для массовых инфекций брюшного тифа, дизентерии, вирусного гепатита. ...Особенностью повальных инфекционных заболеваний в боевых условиях ДРА являлось тяжелое и осложненное течение с высокой смертностью.

Так, в 1983 году в гарнизонах Кандагара и Кундуза тиф характеризовался тяжелым течением в 24,9 процентов, осложнениями — в 19,6 процентов. Летальность от брюшного тифа в эти годы составила 3,3 процентов. То, чего удалось избежать в Великую Отечественную, предстало в ходе Афганской войны. Почему? Ответов по сути два: чудовищная антисанитария, царившая в ДРА, и недостатки в обустройстве войск. Две трети 40-й армии в течение года получали тяжелую инфекцию и не одну.

Вводя войска, всерьез никто о такой опасности не думал. То ли потому, что жалеть нашего солдата не принято (он ведь самый выносливый, терпеливый, мужественный), то ли потому, что политики не брали его — солдата — в расчет. Эпидемия холеры в бригаде в 1985 г., стала серьезным испытанием для военных врачей. Англичане, когда-то державшие свои войска в Афганистане, признавались, что теряли здесь от болезней в несколько раз больше людей, чем в боях. Наши люди проверили это на себе. Полностью исключить заболевания было невозможно. Но то, что вспышки инфекций были погашены, — это заслуга военных врачей.

При 40-й общевойсковой армии действовало несколько госпиталей. Центральный госпиталь был развернут в Кабуле. В последние годы войны его возглавлял опытный хирург полковник медслужбы А.А. Люфинг.

Зарекомендовали себя прекрасными специалистами полковники медслужбы В.Ф. Алексеев, Ю.В. Немытин, М. Величко, подполковники А.В. Почтовик, И.Е. Мороз и другие.

Надо прямо сказать, что формирование медучреждений в армии запаздывало, так только в 1986 г., на седьмой год войны, была создана госпитальная база для лечения инфекционных больных. Насчитывала она 1670 коек. Крупные стационары и инфекционные госпитали были развернуты в Джелалабаде (1985 г.), Кандагаре, Пули-Хумри, Кундузе и Шинданде.

Сеть стационаров дополняли медбатальоны и роты частей, где оказывалась первая медпомощь. К четырем инфекционным госпиталям добавились также отделения в трех многопрофильных госпиталях. Копаясь в разных архивных материалах, пытаясь проанализировать истинное положение на, так называемом, «втором фронте» борьбы за жизни наших солдат и офицеров в ДРА, мне открылось такое, что превзошло все ожидания.

Оказывается, из 620 тыс. солдат и офицеров, прошедших службу в составе Ограниченного контингента Советских войск в Афганистане (кроме частей и соединений 40 ОА в него входили части и учреждения окружного подчинения, в т.ч. отряды и бригады спецназ — *прим. ред.)* за девять лет войны в Афганистане, почти 470 тыс. лечились в госпиталях. Вдумайтесь! Это 75% личного состава! Из них вернулись в строй — 455071 военнослужащий, стали инвалидами — 10751 человек.

Болезней оказалось больше ранений! Эпидемии имели определенную цикличность, обычно развивались с июня по декабрь месяц. Тогда число коек в госпиталях увеличивалось до 6 тысяч. К сожалению, профилактика всю войну оставалась самым слабым звеном системы помощи.

До 85 процентов заболевших поступали в лечебное заведение только на 4-12 сутки. Естественно смертность была высокой. Взять хотя бы амебные процессы в печени. Их не могли диагностировать четко и быстро. Иногда просто не видели их, а люди умирали.

В первые годы войны больных вывозили в Союз для лечения и реабилитацию в Ташкент, Ашхабад и Душанбе... Но вдруг, эту систему отменили. Было заявлено: «Из-за «афганцев» в Средней Азии началась малярия, которой раньше не было, стал процветать гепатит в тяжелых формах, появился амебиаз...». Но воины-то в чем виноваты? Однако приказ есть приказ. Был создан специальный реабилитационный центр в Баграме и отделения при госпиталях. Организовать на месте лечение и реабилитацию оказалось непросто.

Врачей винить трудно — очень тяжелыми были условия армейского быта. На одну медсестру приходилось порой по 200 зараженных гепатитом. В модулях устраивали палаты, койки ставили в два яруса. Капельница — у нижнего больного, прокапают ему, он лезет наверх, а его место занимает верхний. Так и лечили. Да и лекарств не хватало.

От всех болезней лечили хиной, тинидазолом и даже трихополом. Как незабвенный Василий Иванович все лечил одной таблеткой, так и здесь...

Не все, прошедшие лечение, по-настоящему выздоровели. Чем они питались? Теми же консервами. О диетической пище можно было только мечтать. Здоровых среди них нет... Переболели даже командарм генерал-лейтенант Борис Всеволодович Громов, начальник штаба армии генерал-майор Владимир Соколов... А сколько наших боевых товарищей умерло на Родине в расцвете лет от невидимых последствий перенесенных инфекционных заболеваний. Я назову только несколько известных фамилий: генералы В.П. Дубинин, А.И. Захаров, М.В. Шатин, полковник И.А. Серзин, подполковник Н.Л. Лымарь, майор В.В. Юдаев и другие.

Их число никто и никогда не узнает, потому что их никто и никогда не считал... Однако то, что сейчас количество инвалидов Афганской войны растет с каждым годом, является ярким признаком отдаленных последствий ран, травм и заболеваний, перенесенных в ДРА.

Достаточно однобокой являлась и статистика учета медслужб в частях. Прежде всего вышестоящие штабы запрашивали данные по боевым и не боевым ранениям и травмам, а не попадающие под учет инфекционные болезни, бывало, просто выкашивали ряды личного состава рот и взводов.

Только в статистических данных госпиталей просматривалось количество сраженных коварными инфекциями. Например, по докладу тыла 40-й армии, в 1986 году в госпиталях лечилось 52820 человек. Из них:

– с боевыми ранениями и травмами – 2028 человек;
– с не боевыми ранениями и травмами – 2391 человек;
– с хирургическими заболеваниями – 3460;
– с соматическими заболеваниями – 5404;
– с инфекционными заболеваниями – 39537.

Как видно из этих цифр, в общем числе санитарных потерь значительное место занимают заболевшие. Всего же за годы войны переболело:

– инфекционным гепатитом – 115308 человек;
– брюшным тифом – 31080 человек;
– другими инфекционными заболеваниями (малярия, дизентерия, амебиаз, тиф А) – 140665 человек.

Таким образом, потери, обусловленные болезнями, в пять раз превышали боевые.

Сколько среди них было наших разведчиков, мне установить не удалось, но сохранившиеся данные по боевым и не боевым потерям наглядно демонстрируют напряженность службы медиков в спецназе и риск боевых буден, когда ежесуточно более десятка наших разведорганов вели разведывательно-боевые действия.

Согласно официальным отчетам медслужбы бригады в медслужбу 40-й общевойсковой армии за период с 25 марта 1985 по 1 мая 1988 г., медиками 15 обр СпН (медпункта штаба и четырех отдельных отрядов) была выполнена следующая работа:

1. Ликвидирована одна эпидемия (холера) в Джелалабадском гарнизоне (осень 1985 г.).

2. Оказана первичная медицинская помощь и эвакуированы в госпиталь 1241 раненый военнослужащий. А это не много и не мало составляет от штатной численности бригады каждый второй военнослужащий соединения!!! Очень страшная цифра. Что это? Чьи то промахи или недоработки? Попробуем разобраться вместе.

Возьмем для анализа 1987 г., когда боевые ранения и травмы 15 обр СпН составили – 332 человека. Боевые травмы, понимай в этом числе и минно-взрывные травмы (МВТ) характеризовались возрастающим числом множественных и сочетанных повреждений, носящих тяжелый и особо тяжелый характер. Этот вид боевой травмы отличался особой тяжестью, поскольку подрыв на мине, как правило, сопровождался не только повреждением или утратой ног, рук, глаз, но и кровоизлияниями в легких, повреждением внутренних органов, разрушением тонких структур головного мозга...

А ведь были и контузии – своеобразное повреждение головного мозга, при котором человек не в состоянии выполнять правильные формы поведения. Они включали оглушение, спутанность, дезориентировку, нелепые (иногда агрессивные) формы поведения. Основные причины ранений – развернутая в Афганистане широкомасштабная минная война, аналогов которой не было в мире.

Эти больные нуждались в строгом надзоре врачей и кропотливом лечении. «Мир подвешен на тонкой нити, и эта нить – душа человеческая», – эти слова великого психолога Альфреда Адлера вспоминаются, когда сталкиваешься с судьбами людей, перенесших контузии.

Но кроме риска быть раненым или убитым в бою, повседневная служба разведчиков предполагала постоянный экстрим: пешее передвижение личного состава в составе подразделений или на бронетехнике в колоннах в сложных горно-пустынных условиях или в тропиках джелалабадской низменности.

Практически круглосуточно у личного состава под рукой находилось оружие и боеприпасы, различные взрывчатые вещества, что притупляло чувство самосохранения и осторожности. А как верно отметил классик, – если на стене висит ружье, значит оно когда-то выстрелит.

Военнослужащие ремонтных подразделений круглые сутки самоотверженно трудились, оживляя подорванную и пострелянную боевую технику и в ходе рутинных работ в условиях высоких температур отмечались случаи нарушения мер безопасности, что порой приводило к трагедиям, досадным ранениям и травмам.

Наших военнослужащих угнетали и тепловые поражения, к которым относятся солнечные и тепловые удары. Продолжительный период к этому явлению относились скептически. Впервые о серьезности их заговорили официально и без умалчивания только во второй половине 80-х годов, когда в приказе командующего войсками ТуркВО № 050 от 3.07.87 г. «О тяжелых случаях тепловых поражений военнослужащих» было заявлено, что «тяжелые случаи тепловых поражений военнослужащих считать травмами». Приказ гласил, что «при температуре 35 градусов и выше с 12 до 16

часов запретить использовать личный состав на открытых территориях». К тому времени, в боевой обстановке уже сотни солдат и офицеров 40-й армии стали жертвами солнца. Припоминаю один из таких трагических случаев 25 июня 1984 г.. когда личный состав 2 мсб 66 омсбр при спуске в ущелье Лиматак (провинции Кунар) в условиях высокой температуры получил тепловой удар. Мотострелки теряли силы, сознание и ориентировку в пространстве, и просто валились с ног. У пострадавших резко поднялась температура тела, оказались пораженными мозг, печень и почки. Часть воинов удалось спасти механику-водителю Красенко В.А. и оператору-наводчику Рудакову В.В., которые внизу на дороге ждали свое подразделение. Они несколько раз поднимались в горы с водой, а вниз спустили тела шести своих сослуживцев, среди которых двое оказались офицерами: командир роты и авианаводчик. Они же оказали им первую помощь — облили ледяной водой и завернули во влажные одеяла.

Остальные бойцы в это время погибли на скалах...

Спецназовцы, в отличие от других, не имели возможности покинуть свои места дневок или засад. В результате тепловые удары в горах или пустыне наступали у них и не на открытом солнце. Эти потери личного состава считали не боевыми. Только в 154 оо СпН летом 1986 г. от тепловых ударов скончалось двое военнослужащих, жизнь третьего — рядового Сироткина удалось спасти санинструктору 1-й роты младшему сержанту Алексею Пих.

Статистические данные по боевым и санитарным потерям в ВС СССР имели различные цензурные запреты для открытых видов информации (по количеству случаев, массовости любых санитарных потерь, по воинским частям, по указанию боеспособности и других), что делало их секретными.

Тем не менее, в отчетах просматривается следующая статистика по не боевым ранениям и травмам, см. в таблице № 3:

Анализ медицинской службы 15-й бригады показал, что общее количество получивших не боевые травмы в первой половине 1987 г. составило всего 116 человек. В том числе, по обстоятельствам получения:

По личной неосторожности — 56;

В результате нарушения техники безопасности — 31;

Неуставные отношения — 16;

Неосторожное обращение с оружием и ВВ — 10.

Эвакуация раненых и больных из районов боевых действий и пунктов дислокации частей осуществлялась в основном вертолетами. Врачи медпунктов частей и разведчики-санитары буквально вытаскивали людей с того света после тяжелейших ранений, травм и увечий, оказывали первую помощь и готовили раненых к эвакуации с поля боя на этап квалифицированной медпомощи. Эвакуация вертолетами в условиях горно-пустынной местности имела исключительное значение и, по оценке медиков, в 86 процентов случаев была единственным средством доставки раненых и больных. При необходимости для эвакуации привлекались необорудо-

ванные летательные аппараты с установкой носилок непосредственно на полу грузовых кабин. В наших частях с начала боевых действий в ДРА это было обычным явлением, так только в 1986-1987 гг. в 95 процентов случаев эвакуация осуществлялась транспортно-боевыми вертолетами Ми-8МТ. Каждый из вертолетов, в зависимости от типа, обеспечивал одновременную эвакуацию от 5 до 9 раненых. Столь широкое применение вертолетов объясняется сложностью передвижения в горах автотранспорта, большой вероятностью обстрела машин и подрыва их на минах. Да и по воздуху значительно сокращались сроки эвакуации раненых. Благодаря такому способу быстрой эвакуации, была спасена жизнь командира 459-й отдельной роты спецназ капитана Рафиса Латыпова, тяжелораненого снайпером в область таза.

В тех случаях, когда из мест, вблизи которых не было подходящих посадочных площадок, эвакуация осуществлялась непосредственно из боевых порядков вертолетами поисково-спасательных групп на режиме «зависания» с использованием механической лебедки.

Но медицинская служба армии располагала небольшим парком собственных аппаратов, состоящим из двух самолетов Ан-26 «Спасатель» и десятью специальными вертолетами Ми-8МТ, которые, впрочем, для эвакуации раненых с поля боя не использовались по причине отсутствия собственных огневых средств и большого полетного веса.

Надежным и быстрым транспортом для эвакуации раненых и больных являлся вертолет Ми-8МТ «Биссектриса», оборудованный парой носилок, комплектом шин, набором перевязочного материала, аптечками и жгутами. Этими вертолетами осуществлялась эвакуация почти половины раненых и больных из лечебных учреждений в пределах армии. Кроме того, для эвакуации раненых и больных в лечебные учреждения СССР использовались самолеты Ил-18 «Санитар», а с конца 1986 г. — санитарный Ту-154. Но их коэффициент использования был невысок, так как мало аэродромов могли быть использованы для приема указанных типов самолетов.

Эскалация боевых действий диктовала и необходимость по доставке на родину всех умерших и погибших. Это в истории страны осуществлялось впервые! Сначала в Кабуле был создан нештатный морг, а в крупных гарнизонах временные полевые морги.

Первый штатный стационарный пункт приема, обработки и отправки пораженных (ППООП), появился в мае 1984 г. в Кабуле, а затем в Кундузе, Баграме, Шинданде. Нештатные (помещения подвального типа) созданы в Джелалабаде, Газни, Гардезе, Герате, Кандагаре и Файзабаде. Медслужбой ТуркВО осуществлялась подготовка их персонала, так называемой службы «Черный тюльпан», для простейшего бальзамирования и фотографирования погибших. Свои потери спецназовцы первоначально сдавали в «Черный тюльпан» для подготовки тел к отправке, а затем с сопровождающими отправляли в Союз по месту жительства.

Как свидетельствует анализ потерь и ранений за период с 1985 по 1988 гг., основная нагрузка по интенсивности в бригаде лежала на медперсонале 177-го, 334-го и 154-го отрядов спецназ. Все отряды были уком-

плектованы одинаково, но особенности боевой дислокации и интенсивность разведывательно-боевой деятельности были разными, что сказывалось на количестве боевых потерь от воздействия всех видов оружия противника и сопутствующих поражающих факторов.

Огромный опыт приобрели на войне все медики нашей бригады. Добрым словом вспоминал командир бригады полковник Ю.Т. Старов врачей Л.А. Лутченко, В. Астафьева, В.К. Шкуратова.

В блокноте ***Олега Кривопалова*** сохранились записи о мужестве в бою медицинских работников легендарного 154-го отряда, начавшего воевать еще в декабре 1979 г.:

— Первым из медиков боевое крещение в Афганистане и высокий орден Красного Знамени получил начальник медслужбы 154 оо СпН капитан Артыков Абдырасул Бехбитович. Выпускник 2-го Московского медицинского института, до призыва в армию работал хирургом-травматологом областной больницы г. Чарджоу. Вечером 27 декабря 1979 г. через полчаса после штурма дворца Тадж-Бек в отрядный медпункт буквально обрушился поток раненых, 67 разведчиков и военнослужащих других подразделений получили ранения различной тяжести. Среди них пятеро военнослужащих оказались очень тяжелыми. Их своими силами немедленно начали оперировать, и тем самым спасли жизни. При этом десантнику гвардии рядовому Виктору Барышникову (9 рота) ампутировали нижние конечности. Только на другой день удалось 36 тяжелораненых разведчиков на БМП вывезти на аэродром и на специально вызванном самолете Ил-18 отправить в Ташкентский госпиталь. 6 января 1980 г. тяжелое ранение не совместимое с жизнью получил разведчик рядовой Зиябиддин Мадияров, но его спасти капитану медслужбы Артыкову не удалось.

Кроме того, в течение первых суток через медпункт отряда прошло более ста раненых афганских солдат и офицеров. После оказания первичной врачебной помощи их отправляли в Кабульский военный госпиталь. До сих пор не совсем ясно, какие дополнительные силы и откуда привлек капитан А. Артыков для медицинской помощи такому количеству раненых? По воспоминаниям замполита отряда Анвара Сатарова, когда его раненого в живот привезли в медпункт, то первую помощь ему оказывала незнакомая афганская женщиа-врач... Профессионально работал начальник аптеки медпункта старший прапорщик Карим Асроров, который был высокого роста и физически очень крепким человеком, ветераны рассказывали: «В его руках шприц казался спичкой. В ходе боя он хватал по двое раненых под мышки, и вместе с оружием выносил из-под огня. В медпункте сортировал раненых по срочности и оказывал медицинскую помощь легкораненым». Впоследствии Абдырасул Бехбитович окончил Ленинградскую военно-медицинскую академию, стал полковником медицинской службы, дослужился до начальника медицинской службы общевойсковой армии. После развала страны возглавлял медслужбу пограничных войск Туркмении. Живет в Ашхабаде. Женат. Имеет 4 детей.

Ветеран бригады полковник ***Стодеревский И.Ю.***, рассказывая о становлении медслужбы отряда в Афганистане, поведал:

— К нам из Ташкента как-то приехала комиссия, разбираться на каком основании в отряде делаются полосные операции, так как такие делаются только в медсанбате дивизии. Но когда они посмотрели нашу материальную

базу, и увидели наш штат врачей, то были приятно удивлены. Они считали, что мы обыкновенный мотострелковый батальон. А у нас по штату был старший врач-хирург, врач-анестезиолог и все необходимое оборудование. Не было только операционной сестры. Сколько я не пытался ее выбить, ничего не вышло. Наши медики подготовили себе двух солдат, те помогали им при проведении операции. В одном из вагончиков мы оборудовали реанимационную палату, а один из тягачей МТ-ЛБ был переоборудован для проведения операций прямо на поле боя. Хирургом был старший лейтенант Эльгизер Бегишев, безусловно одаренный человек, сколько он солдат спас, а вот сам не уцелел, погиб на последней операции перед отъездом в Союз.

Стодеревский вспомнил трагический случай 7 сентября 1983 г., когда при подрыве МТ-ЛБ одновременно погибли сразу два медика отряда старший лейтенант Эльгизер Бегишев и младший лейтенант Игорь Крышталь.

Далее читаем в историческом формуляре 154 ооСпН: «Прекрасным специалистом зарекомендовал себя врач-анестезиолог отряда лейтенант Александр Сурначев». «Геройски погиб, спасая раненого прапорщика Юрия Дурнева, саниструктор роты рядовой Михаил Мочернюк. Его имя присвоено МТ-ЛБ медпункта отряда». «Во время боя по уничтожению укрепрайона «Карера» в марте 1986 г. особо отличился хирург старший лейтенант Юдин, которому в ходе боя осколком оторвало часть уха. Наскоро оказав себе первую помощь, он продолжал драться, как лев. Спецназовцы, вспоминая его поведение в бою, отмечали: мочил он «духов» здорово, молодец, не скажешь, что медик – герой!». «25 октября 1987 г. при выходе в район засады разведотряда 3-й роты 154 отряда произошло столкновение с бандой мятежников. В ходе скоротечного боя получили ранение командир роты капитан Николай Пархоменко и командир группы старший лейтенант Андрей Смирнов. В этой обстановке мужественно действовал впервые принимавший участие в боевых действиях врач медпункта бригады старший лейтенант медслужбы Ильдус Шайхутдинов (за этот бой он впоследствии награжден орденом «За службу Родине в ВС СССР» III степени). Смело и профессионально действовал вместе с ним санитар 3-й роты рядовой Мурад Усканбаев (впоследствии награжден медалью «За отвагу»). Это был его восемнадцатый боевой выход».

В 177 оо СпН с первых лет войны сложился прекрасный коллектив военных врачей. Первый командир отряда полковник Керимбаев Б.Т., рассказывая о работе медпункта, вспоминал: «Медслужба отряда. Начальник медпункта Р. Рахманкулов, хирург А. Утеев, анестезиолог В. Ниякин. Их боевые помощники, как мы их называли «медбратья», Н. Усенов (начальник аптеки), О. Тазабеков и Б. Такирбасов. Наши ребята уходили в бой с уверенностью, что наши доктора, в случае ранения, сделают все возможное и невозможное, но не отдадут их в лапы смерти. Иногда случалось так, что раненого нельзя было транспортировать, и тогда врачи вылетали или выезжали к месту боя и оказывали помощь в полевых условиях и даже под обстрелом. Доктора наши воевали вдвойне: и когда шли с нами на боевые операции, и когда делали медицинские операции, сража-

ясь за жизни раненых». В последующем хорошо зарекомендовали себя начмеды капитан Карплюк В.И., старший лейтенант Казаренко А.В., хирурги старшие лейтенанты Герич И.Д., Дроздецкий В.П. и Слостин С.М., анастезиологи старшие лейтенанты Киселев Д.И. и Кондрашов А.А., младший врач лейтенант С. Лихонос, начальники аптеки прапорщики Ю. Бобров и Г. Калганов.

Добрым словом вспоминал своих медиков ветеран отряда майор ***Карен Таривердиев***:

— Когда было надо, они ходили с нами на войну и оказывали первую хирургическую помощь прямо в горах. Это очень важно, какую ты помощь получил сразу. Квалифицированную или неквалифицированную. От этого зависело довезут тебя до пункта постоянной дислокации или не довезут. Они оказывали нам помощь прямо под пулями, а потом, когда отряд или разведгруппа возвращались, сдавали оружие, чистились, мылись, пили водку, отходя от пережитого, они не отдыхая, а с ходу шли в операционную долечивать тех, кому оказали помощь еще в горах.

Посмертно награжден орденом Красной Звезды героический санинструктор роты отряда младший сержант Сергей Шульга.

В 668 оо СпН за первые месяцы пребывания в Баграме успели получить хороший опыт работы в местном госпитале медики старший лейтенант Куренков и капитан Нахалов. Впоследствии этот опыт позволил им работать самостоятельно, своими силами профессионально оперировать раненых. Им на смену в сентябре 1985 г. в медпункт пришел младший врач лейтенант медицинской службы Александр Белевитин, который за два года стал настоящим профессионалом, принял участие в более ста боевых операциях, в ходе которых показал себя смелым и решительным офицером. Часто под пулями оказывал быструю и квалифицированную медицинскую помощь, если требовала обстановка — брался за автомат. В наградных листах на Белевитина командиры отмечались его многочисленные боевые заслуги: 6 апреля 1986 г. при досмотре места уничтожения каравана, 16 апреля 1986 г. в бою при уничтожении банды мятежников, 20 июня 1986 г. при обстреле мятежниками территории части, 4 августа 1986 г. при налете на склад моджахедов. В ходе боя лейтенант медслужбы Белевитин лично уничтожил одного моджахеда. Не единожды, сам будучи раненым и контуженным, Белевитин оказывал медицинскую помощь раненым разведчикам. Под интенсивным огнем противника занимался эвакуацией раненых. За мужество и отвагу, личную храбрость А. Белевитин награжден тремя орденами и медалью «За боевые заслуги». Опыт, полученный в боевой обстановке, позволил Александру Борисовичу впоследствии защитить диссертацию, получить ученую степень, стать начальником военно-медицинской академии, генерал-майором медслужбы Вооруженных Сил России.

Риск и благородство были правилом для медработников, вместе с разведчиками они рисковали жизнью на равных и спасали их от смерти. Бывало, погибали сами, как бесстрашный разведчик-санитар рядовой Алим Солониченко, посмертно награжденный орденом Красной Звезды.

Особо хотелось бы отметить мужество, ответственность, высочайший профессионализм медработников 334-го отряда, где начальником медслужбы был Аркадий Трифонов (впоследствии награжденный орденом «За службу Родине в ВС СССР» III степени). Трифонов и Валерий Шкуратов со своими подчиненными работали в отрыве от медико-санитарного батальона и Джелалабадского госпиталя. Очень часто человеческие жизни солдат, офицеров зависели от мастерства врачей отряда. Гордостью бригады навсегда останутся врач отряда лейтенант медслужбы Андрей Линев, геройски погибший в бою. Так хирург Андрей Линев прослужил в Афганистане всего несколько месяцев. Путь становления хирурга – долгий и тернистый. Должно пройти немало лет, прежде чем человек может назвать себя настоящим специалистом. Судьба не дала Андрею времени на большое становление, но за короткие недели пребывания в боевой обстановке он заслужил высокий авторитет и был награжден орденом Красного Знамени (посмертно). Добрая молва ходила о смелости и профессионализме санинструктора роты этого отряда младшего сержанта Владимира Платонова, впоследствии, окончившего Алма-атинское пограничное училище и ставшего офицером-пограничником.

О санинструкторах особая тема разговора. Из истории Великой Отечественной войны нам известно, что правительственных наград были удостоены более 100 тысяч медработников (из 200 тысяч врачей и полумиллиона медсестер и санитаров). Героями стали 52 медработника: 35 мужчин и 17 женщин; из них 23 посмертно. Работа медиков в ротном батальонном звене была сопряжена с большой опасностью для жизни. Боевые потери среди санитаров-носильщиков и санинструкторов занимали одно из первых мест. Они оказывали первую помощь на поле боя, выносили раненых в укрытие и доставляли их на батальонный медпункт. Работа санитаров имела высокое моральное значение, кроме того, она требовала большого напряжения сил, умения, находчивости, отваги и мужества. Не случайно поэтому в самом начале войны, для стимулирования этой категории, 23 августа 1941 г., лично И.В. Сталин издал приказ № 281 «О порядке представления к правительственной награде военных санитаров и носильщиков за хорошую боевую работу». Согласно ему, работа медиков приравнивалась к боевым подвигам, приказывалось: «За вынос с поля боя 15 раненых с их винтовками представлять к правительственной награде медалью «За боевые заслуги» или «За отвагу». Этот приказ имел моральную составляющую, поскольку героизм медиков был особенным, малозаметным, повседневным. И забота о конкретном человеке приказом выдвигалась на первый план.

Через тридцать четыре года начавшаяся война в Афганистане вновь востребовала воинов армии Гиппократа. Первичной категории медиков – санинструкторов было немало в штате наших отрядов. Так в каждой роте спецназ имелось пять санинструкторов. Один в управлении роты в категории старший сержант и по одному в каждой группе спецназ. Совершен-

но очевидно, что в учебках за короткий период обучения солдат в системе военно-медицинской подготовки простейшим, но жизненно необходимым способам оказания само и взаимопомощи проводилось недостаточно эффективно. Приобретенные навыки закреплялись непосредственно в отрядах врачами медпунктов в ходе систематических тренировок.

Перед выходом на боевые проверялось наличие и комплектность индивидуальных средств защиты. Только в результате такой кропотливой работы число летальных исходов, связанных с дефектами оказания первой помощи, в последующем снижалось.

Анализ летальных исходов погибших в бою в горно-пустынной местности в бригаде показал, что в 55 процентов случаев первая медпомощь оказывалась не в полном объеме, а в 15-20 процентов такая помощь отсутствовала вообще.

Иногда раненые находились с наложенными жгутами на кровоточащих конечностях до 4 часов. Такая «помощь» приводила впоследствии к осложнениям, ампутации конечностей. Часто санинструкторы срочной службы, накладывающие жгуты, плохо представляли себе последствия длительного пережатия сосудов. Бывали случаи, что они накладывались неправильно, не вводились обезболивающие средства. Иногда это происхоило по вине иных командиров и начальников.

Громким скандалом однажды завершилась проверка комиссии, когда у начмеда капитана медслужбы Крамаренко в аптеке не досчитались 66 шприцев с промедолом. Не грамотно, а иногда и по не назначению использовались индивидуальные перевязочные пакеты. Но война сурово учила ответственности и профессионализму на крови и на жертвах...

О каждом санинструкторе роты или группы можно говорить особо, но исторические записки позволяют только напомнить фамилии в длинном списке санинструкторов бригады, которые достойно выполняли свои обязанности, назову тех, кого помню: младшие сержанты Ю. Гаврилов, А. Гроудис, Зварыгин, Пих А., Н. Пригодич, О. Романцев и И. Стокич, рядовые А. Борматаев, А. Будзан, Б. Герасимов, А. Жакожбаев, Г. Замушинский, Ф. Ишбердин, Н. Комогорцев (погиб при выносе раненых с поля боя), В. Кочетков, К. Кражан, И. Куриленко, О. Куцай, Н. Лищук, В. Логачев, В. Марченков (погиб в бою), М. Мочернюк (погиб в бою), Г. Петенев, И. Петриков, В. Сулин (погиб в бою), Ю. Федосенко, Х. Хазиев, Ю. Шацин и другие.

Яркий след в истории 154-го отряда оставили медработники начальники медицинской службы отряда лейтенант Лапин А.Н., хирург ст. лейтенант Куламов С.А., врач анестезиолог Сурначев А.В., начальник аптеки ст. прапорщик Лязер Г.Н., фельдшер, прапорщик Черталин А.А. Все они награждены орденами Красной Звезды. Лейтенант Лапин Александр Николаевич особо отличился в ходе операции «Карера», когда оказал помощь и вынес с поля боя более 10 человек. Сам Лапин в этом бою был тяжело ранен в шею. Прямо на поле боя ст. лейтенант Куламов оказал ему врачебную помощь и тем самым спас жизнь. Впоследствии за самоотвер-

женность и проявленный героизм в том сражении старший лейтенант Лапин А.Н. был награжден орденом Красного Знамени. А медаль «За Отвагу» получил прапорщик Александр Черталин или как его уважительно величали в отряде – Сан-Саныч.

Обобщая положительный опыт работы коллектива медпункта, в обзоре 40-й армии отмечалось, что благодаря усилиям врачей 154-го отряда количество инфекционных заболеваний в части снизилось в 20 раз. Впервые в практике медслужбы ограниченного контингента советских войск врачи спецназа этого отряда стали использовать санитарный МТ-ЛБ для оказания врачебной помощи в районе выполнения отрядом боевых задач, а не только для эвакуации на ней раненых с поля боя.

Всего, по неполным данным, на афганской земле только с 1985 по 1988 гг. состоялись награждения десятков военных врачей и медицинских работников отрядов 15 обр СпН, при этом орденом Ленина (посмертно) награжден санинструктор 154 оо СпН рядовой Сулин Вячеслав Анатольевич, орденом Красного Знамени офицеры-медики Абдырасул Артыков, Андрей Линев (посмертно) и Лапин Александр.

Но по большому счету все медработники соединения были достойны государственных наград и поощрялись в отрядах наравне с разведчиками по результатам боевых действий.

Медиков высоко ценили и уважали в частях бригады и знали их всех по именам, хотя, в большинстве случаев, обращались уважительно – Доктор.

СЛАВА ВВС!

«Я люблю их общество... Постоянный риск, любимый и опасный труд, вечная напряженность внимания, недоступные большинству людей ощущения страшной высоты, глубины и упоительной легкости дыхания, собственная невесомость и чудовищная быстрота, все это как бы выжигает, вытравливает из души настоящего летчика обычные низменные чувства: зависть, скупость, трусость, мелочность, сварливость, хвастовство, ложь – и в ней остается чистое золото».

А.И. КУПРИН

Большим уважением в составе ОКСВ пользовались летчики. Авиация определяла практически всю жизнь ограниченного контингента. Не случайно символом Афгана стал вертолет над горами. За всю историю существования Советского Союза 40-я общевойсковая армия оказалась единственной, которая имела в своем составе военно-воздушные силы. Причем достаточно мощные. Они насчитывали множество самолетов и вертолетов различного назначения. При этом, армейская авиация сыграла ведущую роль среди других родов ВВС в период войны.

Каждой из четырех дивизий ОКСВА были приданы вертолетные эскадрильи, вертолетные отряды усиливали 66-ю и 70-ю отдельные мотострелковые бригады. Каждый отряд спецназа, а их было восемь, тоже имел свои вертолетные эскадрильи. На вооружении стояли боевые вертолеты Ми-24. Наряду с ними активно использовались транспортно-боевые и транспортные машины Ми-8Т. Это были очень надежные и мощные машины. Усовершенствованный двигатель позволял экипажу подниматься на высоту до пяти тысяч метров, имея на борту более двух тонн груза.

Вертолетные подразделения у нас были и остаются составной частью ВВС, что значительно осложняло и осложняет их взаимодействие с наземными войсками. На первом этапе Афганской войны было особенно очень много межведомственных согласований, осложнявших взаимодействие «земли» и «воздуха». К 1987 г. в штатах бригад спецназа появилась новая должность – *заместитель командира бригады спецназ по авиации.* Она была полковничья, и потому многие опытные летчики были согласно перейти на время в спецназ для получения очередного звания. Но командование ВВС так ни разу и не использовало эту вакансию... А жаль. Ибо с появлением этого должностного лица спецназовцы ожидали более оперативного взаимодействия с авиацией особенно в период реализации разведданных.

Однако ни для кого не было секретом то обстоятельство, что личные контакты командиров частей спецназ с командирами авиачастей во всех гарнизонах со временем налаживались, что само по себе было очень большим делом. Так как эта неформальная дружба в последующем позволяла решать стоящие перед ними задачи, обходя инструкции, запрещающие много из того, что было необходимо для боевой работы. Но запреты на полеты, наложенные командующим ВВС в силу многих обстоятельств, преодолеть было нелегко.

Чем занимались наши вертолетчики в Афганистане?

В ходе боевых действий наши «сталинские соколы», как мы их называли, с риском выполняли огромный объем задач. Они вели воздушную разведку, подавляли, атакуя, сотни опорных пунктов противника, поддерживали огнем спецназ после их высадок, доставляли войскам боеприпасы, прикрывали транспортные вертолеты и самолеты, колонны, уничтожали караваны моджахедов, наносили удары по живой силе противника, его складам. Они эвакуировали поврежденную авиационную технику, доставляли к местам боев вооружение, перевезли десятки тысяч тонн грузов, вывезли из районов боевых действий тысячи раненых и «груз 200». Своей боевой деятельностью они спасли тысячи жизней советских солдат, прапорщиков, офицеров, которые вели нелегкие бои в горах, пустынях, «зеленках», кяризах, среди дувалов душманских гнезд. Десятки тысяч боевых вылетов и часов налета! Иногда до десяти часов в сутки – в раскаленной кабине вертолета, где температура доходила до +80 °С. Они делали тяжелую мужскую работу и знали, что без них наземным войскам не обойтись. 200 часов в месяц – такой налет имели вертолетчики в пик боевых

действий, который пришелся на период с 1985 по 1988 гг., когда особенно активизировалась боевая деятельность спецназа.

Первыми вертолетчиками – Героями Советского Союза, отличившимися в боях вместе со спецназом ГРУ, стали пятеро: подполковник Ковалев Николай Иванович (посмертно), капитан Кучеренко Владимир Анатольевич, капитан Майданов Николай Саинович, капитан Очиров Валерий Николаевич, подполковник Райлян Александр Максимович.

Кроме высадки десанта и поддержки его, вертолетчики вывозили раненых и убитых. Проводилось все это, как правило, под шквальным встречным огнем душманов. Именно поэтому и потери в ВВС были самыми высокими.

В Афганистане от смерти никто не был застрахован. Но самый высокий риск был у офицеров ВВС. За годы Афганской войны советская авиация потеряла 451 летательный аппарат, среди которых было 118 самолетов, 333 вертолета и 511 летчиков. 333 вертолета! Умножьте эту цифру на количество членов экипажа вертолетов массового применения – Ми-8 и Ми-24, и вы получите цифру 999. Столько могло погибнуть вертолетчиков, но большая часть осталась жить, благодаря надежности и боевой живучести наших винтокрылых машин.

Отдавая дань любви и уважения летчикам, в военных городках спецназа выкладывали из камней, покрашенных известкой, хорошо видимые с воздуха лозунги «СЛАВА ВВС». Спецназовцы очень ценили ВВС, ведь по специфике деятельности они чаще пехоты общались с авиаторами. 20 летчиков, из них 15 вертолетчиков, с честью выполнявшие свой интернациональный долг, проявившие при этом исключительное мужество и высокий профессионализм, были удостоены высших наград Родины. Ходили легенды о мужестве летчиков.

Вошел в историю случай, когда на одном вертолете удалось вывезти с поля боя не десять, определенных полетной инструкцией, а двадцать четыре человека... Очень часто спецназовцы бывали в таких переделках, где помочь могли только летчики, и они убедились, что те в трудную минуту их не бросят. Но и потери за войну, работая со спецназом, вертолетчики несли немалые – 84 летчика и борттехника (20 процентов от общих потерь армейской авиации). Автором впервые собраны данные о всех погибших вертолетчиках, обеспечивающих боевые действия спецназа. Вспомнить их мы обязаны. Тех, кто воевал в Афганистане и вернулся на Родину в «Черном тюльпане», кому пекло Джелалабада, Асадабада и Газни, Бараки и Гардеза дышало в лицо не месяц, а шесть-восемь в году. Вспомним тех, кто погиб, выполняя боевые вылеты.

Известно, что потери авиации из года в год неумолимо росли. Если первые экипажи сбивали в основном огнем из пулеметов и автоматов. То далее – мы знаем не понаслышке. Щедрая помощь Пакистана, США и других стран – и вот в Афганистане появляются переносные зенитно-ракетные комплексы (ПЗРК). Вначале китайские «Хуньинь-5» и египетские SA-7 (аналоги отечественного ПЗРК «Стрела-2»). Потери возросли, вертолеты выполняли боевые задачи на средних и предельно максималь-

ных высотах. в 1985 г. «империя добра» — США поставила в Афганистан первую партию ПЗРК «Стингер», а американский инструктор произвел показательный пуск этой зенитной ракеты с комбинированной головкой самонаведения по советскому вертолету. Эти ракеты, как чума, быстро расползлись по всему Афганистану. Поспешила проявить свое участие в делах Афганистана и английская «железная леди», поставив моджахедам ПЗРК «Блоупайп».

Летчики были вынуждены выполнять полеты на предельно малых высотах и ночью. «Сложняк» стал желанным, радиообмен — кратким, ночью летали без бортовых огней, с притушенным подсветом пультов и приборных досок в кабинах.

Фактически, еще до 15 мая 1988 г. вертолетная авиация прекратила активное участие в боевых действиях. Кроме тех вертолетчиков, которые обеспечивали боевые выходы спецназа. По архивным данным, 18 апреля 1988 г. в юго-восточной части пр. Лагман, прикрывая досмотровую группу лейтенанта Сергея Лафазана (154 оо СпН), обезвредившая огневую позицию с 78 реактивными снарядами направленными на Джелалабад, «крайними» погибли капитан Гусев Сергей Владиславович, командир звена Ми-24 и лейтенант Щипанов Павел Алексеевич, штурман звена Ми-24. При выходе из атаки вертолет был поражен ПЗРК.

Война не выбирала, опытные это летчики или нет. Гибли и командиры эскадрилий, и лейтенанты. Из 84 погибших, семеро служили в Афганистане второй раз: это капитаны Гуртов А.В., Тупица Р.И., Сергин С.Н., Синько С.Л. (это ему посвящена песня «Погиб вертолетчик в горах под Газни»), Молоденков Ю.И., Хрипач М.П., Шамсеев И.М. А это значит, — они были уже настоящими асами. Многие летчики говорили, что летать по-настоящему их научил только Афган, однако «там» о своих достижениях в пилотаже предпочитали не распространяться — запреты оставались запретами. «Крутой пилотаж» был необходим, но и смертельно рискован.

Они уходили от нас одиночно и экипажами, парами, звеньями и отрядами, а итожа войну — эскадрильями. Погибло: командиров авиационных эскадрилий — 2, заместителей командиров авиационных эскадрилий — 1, заместителей командиров авиационных эскадрилий по политической части — 1, командиров звеньев — 3, командиров отрядов — 1. С ними в бою гибли верные помощники — члены экипажей их боевых машин: летчики-операторы, летчики-штурманы, штурманы отрядов и звеньев, начальники парашютно-десантной службы, бортовые техники — воздушные стрелки вертолетов и другие... По официальным данным 31 вертолетчик погиб в результате взрыва боевой машины в воздухе.

Более 20 командиров экипажей, порой смертельно раненые, выполняли посадку на поврежденных и горящих вертолетах, спасая членов экипажа и десант. При посадке вертолеты получали еще большие повреждения, взрывались, разрушались, но командиры, если оставались живы, руководили эвакуацией личного состава с борта вертолета, а затем, если обстановка усложнялась, — обороной, принимая последний бой на земле. Некоторые члены экипажей прикрывали отход своих боевых товарищей. Это летчик старший лейтенант Тувальский Олег Рышардович, расстрелявший 16 авто-

матных магазинов, прежде чем был сражен. Старший лейтенант Просандеев Владимир Петрович, юго-восточнее Газни, отражая попытку мятежников захватить вертолет, погиб в бою на земле. Очень мало вертолетчиков выпрыгивали с парашютом. Или была небольшая высота, или внизу были горы и «духи» – у них пулеметы, они били по летчикам, секли пулями стропы и жгли купола их парашютов, не давая шансов выжить. А если и удавалось уйти от огненных трасс, то горы встречали их ущельями, остроконечными вершинами и почти отвесными скалами.

Выполняя боевые задания по поиску сбитых экипажей вертолетов и самолетов, погибли экипажи Е.А. Симороза, П.В. Золкина и В.В. Некрасова... Русское – сам погибай, а товарища выручай – проявлялось во всём своём величии.

Подбитые, на поврежденных вертолетах отворачивали от жилых кварталов Джелалабада – как старший лейтенант Пономарев Геннадий Юрьевич и лейтенант Погорелый Евгений Александрович, прикрывали аэродром Газни – как капитан Феденев Виктор Викторович и старший лейтенант Матвеенков Юрий Петрович...

Первоочередной задачей летчиков стала защита городов и аэродромов от участившихся минометных и ракетных обстрелов. На Джелалабад, Асадабад, Бараки из близкой «зеленки» мины и пули сыпались почти регулярно, и в лунные ночи даже в туалет частенько приходилось пробираться крадучись. Непрерывное вертолетное патрулирование, наряду с минными заграждениями, оказалось наиболее эффективной мерой обороны. Рабочий день на авиабазах начинался в 4-5 часов утра со взлета дежурного звена вертолетов, прочесывавших периметр в поисках вражеских стрелков. До наступления темноты «вертушки» кружили вокруг аэродрома, прикрывая взлет и посадку самолетов. Ночью на них подвешивали САБ. Охоту за противником, подбиравшимся к стоянкам, вели с помощью приборов ночного видения – ИК-очков ПНВ-57Е. Обнаружив «теплую цель», намерения которой не вызывали сомнений, подсвечивали ее «люстрой» и с ходу открывали огонь на поражение. Вертолет при этом оставался невидимым, а уйти ослепленному противнику было некуда. Прикрывая авиабазы, ставшие последними плацдармами, вертолетчики не всегда могли защитить себя. Из 84 трое погибли при обстреле аэродромов.

Вертолетчиков спецназовцам есть за что почитать, перед кем преклоняться. Боевая история бригады и ее отрядов навечно переплетена с историей таких легендарных боевых частей, как 335-й отдельный боевой вертолетный полк (командирами которого в разное время были полковники Целовальник В.П., Грачев Н.Н., Крушинин В.Н., начальниками политотдела подполковники Владыкин Ю.И., Малашкин В.А.), 205-я и 239-я отдельные вертолетные эскадрильи. Добрым словом спецназовцы вспоминают вертолетчиков Николая Нелиповича, Алексея Кузнецова, Олега Кучеренко, Николая Пырина, Александра Райляна, Геннадия Сорокина, Юрия Онипко и других. Как становились летчиками? У них обычные биографии советских парней, выбравших небо.

Подполковник Юрий Иванович Владыкин родился 7 сентября 1945 г. в Норильске в простой рабочей семье. Родители много ездили по Сибири,

одно время жили в Кировской области, а затем вернулись на постоянное место жительства матери, – на ее родину, – в город Бийск Алтайского края. Это то удивительное по красоте место, откуда берет начало Чуйский тракт, а в 40 км находится родина Василия Шукшина. Только сказочный Алтай считал своей родиной и Юра. Отучившись 8 классов, в 15 лет Юра пошел работать.

Был рабочим леспромхоза, работал в сплавной конторе. На тяжелой физической работе учился выдержке, степенности. С того периода своей биографии привык себя уважать. В 1965 г. двадцатилетний парень был призван в армию, и попал в танковые войска. Служил в Новосибирске в учебном танковом батальоне, а затем на ст. Крохаль неподалеку, в ремонтном танковом батальоне.

Пути Господни неисповедимы... В 1966 году солдат-танкист поступил в Сызранское высшее военное училище летчиков. Через четыре года, с отличием завершив обучение, был оставлен летчиком-инструктором в этом же училище. В 1977 г. поступил на факультет ВВС Военно-политической академии им. Ленина. В 1980 г. Юрий Иванович был назначен начальником политотдела заместителем командира 319-го вертолетного полка им. Ленина, что дислоцировался в селе Черниговка Приморского края Дальневосточного военного округа. Ровно через пять лет Владыкин убыл во главе большой группы летчиков на равную должность в 335-й отдельный боевой вертолетный полк на аэродром приграничного с Пакистаном города Джелалабад. Нагрузка там была сумасшедшая. Судите сами, только за один год он совершил 485 боевых вылетов на вертолете Ми-24.Сама цифра гражданскому человеку, не связанному с авиацией, ничего не говорит. Много ли это – 485 боевых вылетов? Такое количество боевых вылетов можно сравнить с 600 боевыми вылетами прославленного и удачливого летчика Великой Отечественной войны А.И. Покрышкина. Не принижая великой боевой славы лучшего летчика, все же хочу пояснить, что Покрышкин был на войне четыре года, а Владыкин совершил свои вылеты за один год! Можете представить, какие нагрузки перенес организм и психика летчика 80-х годов. За свой каторжный ратный труд в афганском небе Юрий Владыкин был представлен к орденам Ленина и Красной Звезды. Впоследствии стал полковником авиации.

Несколько строк из дневника Владыкина о взаимодействии с подразделениями спецназа 15-й бригады: «18.01.86 год, ДРА, провинция Нангархар, г.Джелалабад. К каждому из нас приходит понимание ответственности за жизнь других людей. Вероятно, это накапливается с годами, дается опытом, а больше всего – узнаванием людей. Не по скупым строкам, изложенным в личном деле, а в процессе обыкновенной совместной жизни в одном большом и крепком военном мужском коллективе. Это не расскажешь словами, а горе и слезы, если они будут, поскребут за сердце, все равно не такие горькие, как у близких и родных тех парней, которых уже нет. Высота эта, 1259, вблизи от Джелалабада, забудется для многих быстро, но для меня она останется тем перевалом, за которым оставлена лихость и решительность без точного расчета. Трудно все предусмотреть, но если цена высокая, то обязан. ...В первом заходе со стороны солнца

тишина. Готовимся пустить ПТУРС по укреплению, в котором должен быть ДШК. Пуск удачный, обеспечиваю себе выход из атаки НУРС, сзади ведомый – Костычев. Вот здесь все ощетинилось. Слева прошла белая дымная полоса – пуск ПЗРК, но прошла мимо, потом мы эту трубу нашли. С земли передали: «Воздух, по тебе работают слева и справа, сзади тоже работают». Пробит из ЗГУ левый блок, крыло, пробиты лопасти. Но тогда я еще об этом не знал. Работаем, пока есть БК, пустили еще ПТУРС – забили ЗГУ, а внизу просят еще ударить, уже по другой цели. Справа внизу яркие вспышки – стреляет ДШК. По нему из пулемета бьет командир роты спецназовец Дима Лютый. Разворачивая, стреляя из пушки, попал удачно. Костычев добавляет на выводе, подловили ведомого, доложил, что убит бортовой техник. Отпустил его «домой», а сам остался с парой Остапенко. Десант сидит в 300 метров от духов. В этот день 3 вылета по два часа. Сменил ведомый машину – много повреждений, а мне заменили блок и снова туда же. Высоту взяли только к исходу следующего дня. Михайлова отправляем с аэродрома, дали трехкратный залп... Кто-то сказал, что победой потери не восполняются, они ею только лишь оправдываются. Десант убитых не имел.

9.02.86 г. Есть такое местечко Лоя-Термай. Два вылета – нормально, на третьем, когда уже собрались запустить десант, меня немного повредили – пробита лопасть, задрожал правый двигатель – расплавились лопатки и заклинило свободную турбину. Бахта потом сказал, что если бы не выключили, то двигатель должен был взорваться. На заходе сбросили блоки, левый не тянул. Садились – тянули через обрыв. Приземлились за два-три метра от обрыва, метров 10-15 пробежали, остановились. Кругом большие камни. Вертолет весь в масле, но целый, только срубили антенну. Заняли оборону, а пулеметы с борта кое-как с Витей Кутным достали, летали без борттехника, а он уже на земле, закрыл двери на ключ. Через несколько минут прибежал, весь в мыле, опять Дима Лютый – лучший друг-десантник, прикрывать нас. Покурили, прилетела восьмерка. Паша Семенов нас забрал. Стреляли по нам из гранатомета, и командир сказал: «Это тебе второй звонок». Но летать-то все равно надо. Без полетов, как без воды – бывают моменты, когда каждый глоток на вес самого дорогого металла. Появилась возможность кое-что записать для памяти. Говоря о летчиках, техниках, мы часто забываем, для чего вообще нужен их труд. А все, начиная от пробы вертолета и заканчивая нажатием на боевую кнопку, предназначено в итоге для обеспечения боевых действий десанта. Несколько первых месяцев я причислял себя к людям необычной профессии, гордился, что принадлежу к особой группе – летчикам, о которых с давних пор ходит по земле добрая слава, которую они добыли в небе. И все же, не очерняя летную рать, должен признаться, что те, кто десантируется, а потом бывает несколько суток под огнем, пробивается к рубежам, поставленным их командиром, должны обладать не меньшими, а лучшими, чем мы, качествами... Только в слабеньких фильмах про войну смерть воспринимается как междометие, а порой как эффектная заставка. Видно, торопятся режиссеры, уповая на то, что о 20 миллионах погибших по отдельности не расскажешь. Наяву же – кто-то сжимает гортань и с

трудом подбирает слова перед прощальным троекратным залпом. Видел это сам и чувствовал... Спецназовцы Паша Бекоев и Дима Лютый мне рассказывали о своих бойцах, с которыми вместе карабкались по горам, где даже без душманского огня трудно. И я представил себе состояние человека, которому нужно в составе группы прочесать кишлак, пробираясь через лабиринты дувалов, где неожиданно может ударить в спину пулеметная очередь и понял, что к этому привыкнуть невозможно. Поэтому, наверное, летчики часто здороваются с солдатами спецназа, первыми подавая руку».

На память приходит ситуация, когда зимой 1988 г., после очередного боя, досмотровая группа 154 оо СпН вернулась на аэродром в Джелалабад. При проверке обнаружили отсутствие одного разведчика, забытого впопыхах. Не запрашивая разрешения из Кабула, без лишних слов летчики вновь вылетели в район боя и в последние минуты, буквально из зубов духов, вырвали очумевшего от обреченности парня. И это не исключение. Как известно, в частях ОКСВ в Афганистане с первого дня действовал приказ о том, что ни один военнослужащий – контуженый, раненый или убитый – не должен оставаться на поле боя. Все, в том числе и тела погибших, должны быть найдены и вывезены. И летчики были этому приказу верны до самопожертвования.

Безусловно без вертолетов была бы невозможной эффективная работа спецназа.

Осенью 1985 г. силами спецназа удалось перехватить и полностью истребить банду одного из самых известных командиров – муллы Маланга. А взятие первых «Стингеров», а налеты на укрепрайоны и много другого. Очень эффективными оказались поисково-ударные действия вертолетов со спецназовскими досмотровыми группами на борту, позволявшими охватывать районы в радиусе 100-120 км от места базирования. Высадив группу, пара Ми-8 прикрывала их с воздуха и отсекала разбегавшимся караванщикам пути отхода.

Наибольшее количество боевых вылетов выполнили погибшие командиры экипажей: В.Н. Басов – 86 боевых вылетов, Ю.Н. Канищев – 92, Е.А. Погорелый – 92, М.Г. Шамсудинов – 96, Н.Н. Захаров – 100, С.В. Молчанов – 108, С.Н. Ешин – 109, С.Н. Рабко – 110, Г.Л. Сечко – 170, П.А. Щипанов – 180, Н.Н. Яструбанко – 209, А.Г. Лаврентьев – 295, А. Г. Литвиненко – 493, Р.И. Тупица – 533. И ведь каждый полет на вертолетах был сопряжен с большим риском.

Старшим по возрасту среди погибших был Н.И. Ковалев – 49 лет, чуть моложе его были О.Л. Харчевников, А.И. Манько – 45 лет. В.А. Буяшкову в день гибели исполнилось 44 года...

А кто же самый молодой из летчиков, погибших в Афганистане? Им оказался лейтенант Шебанов Олег Леонидович. 25 сентября 1986 г. во время высадки группы спецназ в районе н.п. Шахидан попал в зону зенитного огня и был сбит.

Даты рождения. Они о многом говорят: гибли молодые малообученные ребята лейтенанты 1964-1965 гг. рождения. В начале 1986 г. им было

по 21—22 года и... три года войны впереди. И она их не пощадила. Их опытные старшие товарищи порой годились по возрасту в отцы. Как могли они берегли их, но разве пуля или «Стингер» выбирали? Пришедшая молодежь училась по-настоящему летать только на войне: по 5-6 вылетов ежедневно, проводя в воздухе до 8 часов в сутки. Здесь только они практиковали маневры с большими перегрузками, категорически запрещенные в Союзе виражи, боевые развороты, горки с отрицательными перегрузками и крутые пикирования, при которых в кабине было темно от земли, заполнявшей весь обзор.

Отработка нужных методик пилотирования на крайних режимах стоила жизни некоторым летчикам, но чтобы воевать, они должны были учиться работать на пределе. В полетах среди однообразных гор и ущелий ориентирами летчики выбирали приметные деревья, характерные скалы или строения, не нанесенные ни на какие карты и передававшиеся летчиками друг другу «под запись». Совершенствуя тактику, вертолетчики стали применять эффективный при атаке группой замкнутый круг («вертушку»), заходя на цель с пикирования и прикрывая друг друга при выходе. И всему этому надо было быстро научиться. В противном случае смерть наступала и без помощи моджахедов...

При оказании огневой поддержки особое значение приобретал тесный контакт с наземными частями и командирами, поскольку в этом деле ошибки летчиков дорого стоили.

Припоминаю типичные несчастные случаи. Один произошел 28 июля, второй 20 сентября 1987 г., третий 17 апреля 1988 г.. Один из лучших разведчиков бригады командир группы лейтенант О. Гопиенко из 668 оо СпН в районе Калавазир-Бала во время облета обнаружил двигающийся автобус и десантировался для его досмотра. Неожиданно без команды по объекту досмотра был нанесен удар бортовым огнем вертолета Ми-24. После поражения цели, разведчики в салоне машины обнаружили исключительно гражданских лица, не имевших отношения к моджахедам, из которых семь оказались убиты и два десятка получили ранения различной тяжести. Во время разбора совместных действий командира досмотровой группы хотели сделать крайним, но офицеры Дуброва и Берзин, находящиеся на борту, подтвердили, что летчик стрелял самовольно без команды Гопиенко...

Подобный случай необоснованного обстрела досмотровыми вертолетами автомашины, вывозящей дрова с гор, известен и под Джелалабадом, когда командир группы 3-й роты 5-го батальона лейтенант Дмитрий Хоров и начальник разведки отряда лейтенант Владимир Матвеев 28 июля 1987 г. в районе н.п. Синзаи (провинция Нангархар) вызвали вертолеты для досмотра автотранспорта, но оказались свидетелями обстрела без команды спецназа четырьмя Ми-24 двух автомашин, что привело к необоснованным жертвам среди местного населения. Впрочем, этому происшествию есть вполне обоснованное оправдание — именно здесь, в этом районе, осенью 1986 г. моджахедами были сбиты вертолеты Ми-8 и Ми-24 335-го вертолетного полка. Один экипаж погиб. Позже, в ходе поисково-спасательной операции, было обнаружено пять стартовых вышибных зарядов ПЗРК «Стингер» — первое вещественное доказательство его поста-

вок в Афганистан. Нашедший их командир мотострелковой роты 66 омсбр спас вертолетчиков от необоснованного обвинения в том, что обе машины, якобы, столкнулись в воздухе.

Из этого ряда преступной самостоятельности летчиков и трагедия 17 апреля 1988 г., унесшая жизни лучших офицеров 15-й бригады. Однако в целом командирами летательных аппаратов и групп спецназа удавалось добиваться тесного контакта и четкого взаимодействия в бою.

Кого же потеряла страна в лице военных авиаторов?

Она потеряла интеллектуальное богатство численностью в 84 молодых и зрелых мужчин, среди которых были несостоявшиеся мужья, отцы семейств, будущие командиры эскадрилий и полков, руководители военных учреждений... Вертолетная авиация потеряла высококлассных летчиков с опытом полетов в разных широтах, от льдов севера до горных вершин и пустынь юга, которым по плечу была любая боевая задача. Погибли и умерли от ран: 2 прапорщика, 16 лейтенантов, 34 старших лейтенанта, 27 капитанов, 3 майора и подполковник.

Как же отмечен ратный труд погибших авиаторов той войны?

Родина посмертно вручила их семьям: медаль «Золотая Звезда» и звание Героя Советского Союза (Ковалев Н.И. – погиб 1.06.1985 г. под Асадабадом пр. Кунар), 4 ордена Ленина (Ковалев Н.И., Лукьяненко В.В., Сечко Г.Л., Синько С.Л.), 19 орденов Красного Знамени (Ашихмин С.Я., Гиниятуллин А.Я., Гуртов А.В., Гусев С.В., Ермолов И.В., Матвеенков Ю.П.(погиб 27.02.1987 под Газни), Молоденков Ю.И., Молчанов С.В., Новиков И.Ф., Погорелый Е.А., Рыбко С.Н., Савин В.Г., Савельев А.В., Харчевников О.Л., Хрипач М.П., Шинькович В.В., Щебанов О.Л., Щербаков В.И., Щипанов П.А.), остальные погибшие были награждены посмертно орденами Красной Звезды, «За службу Родине в ВС СССР» III степени, 10 медалями «За отвагу», 7 медалями «За боевые заслуги».

Двумя полнокровными эскадрильями сегодняшних дней они шагнули в бессмертие, выполнив приказ Родины. Пример достоин для подражания нынешнему поколению! И как ни печально, вертолетчики, ветераны Афганистана, пополнили список погибших в «горячих точках» Советского Союза и СНГ в последующие годы.

Ветераны – участники войны в Афганистане, бывшие мотострелки, артиллеристы, танкисты, десантники... Спросите любого, кто за полтора-два года там не летал на вертолете или не ждал их помощи, будучи окруженным в горах, кого раненым вертолетчики не везли в госпитали Кабула и Джелалабада, кому они не привозили воду, продукты, сигареты, письма, кого не выручали, вырывая из-под носа у «духов» – снимая с «пятаков», повиснув одним колесом над пропастью! Они были всегда желанными, когда отгоняли врага бортовым огнем от окруженной разведгруппы или взвода. И самыми родными тогда, когда, прикрывая бортом, грузили в кабины вертолетов спецназ и уходили в небо, оставляя куски покрышек и лужи керосина на камнях из пробитых топливных баков.

Поэтому не случайно День ВДВ и День Авиации мы в гарнизонах отмечали вместе. Сначала за одним застольем, а потом за другим. Мы были как братья.

Опыт локальных конфликтов, начавшихся с Афганской войны, а также имевших место в различных регионах мира, убеждает в эффективности действий авиации против партизан и повстанцев. Именно она позволяет подразделениям спецназа наносить стремительные удары по объектам противника или по базе повстанцев и также стремительно покидать поле боя, выполнив задачу. До Афганистана наиболее массированно авиация применялась только американцами во Вьетнаме. Наш собственный опыт показал, насколько эффективны действия авиации при умелом ее применении и четком взаимодействии с наземными войсками. Что ни говори, а победа, в конечном итоге, добывается на земле.

Большое спасибо Вам, дорогие наши друзья, за боевую дружбу и воинское братство!

Мы помним Ваше мужество и мастерство в боях. Вечная память погибшим!

Слава ВВС!!!

ОДИН ИЗ НАС

«Трудно и больно вспоминать о войне в Афганистане, особенно нам, полностью испытавшим на себе ее тяготы, и нельзя оценивать эту войну с позиции нынешнего времени. Тогда все было другое, был Советский Союз, такое высокое понятие, как интернациональный долг, и решения руководства страны по оказанию помощи соседнему дружественному Афганистану».

С.М. БЕКОВ

Судьба свела меня с ним в месте экзотическом — бывшей зимней резиденции афганского короля — городе Джелалабаде. О тех местах один наш армейский поэт сказал довольно точно:

Днем ветер, ночью снегопад,
Морозные рассветы.
А мы летим в Джелалабад,
В Джелалабаде — лето.

Первая строфа как бы вводит читателя в обстановку тревожной жизни бойцов спецназа. Вторая рассказывает о радостях бытия, красотах этого вечнозеленого города:

Там в эвкалиптовых ветвях,
Большие, как сороки,
Десятки желтогрудых птах
Устраивают склоки.

Третья строфа еще пуще разжигает воображение, суля райские утехи:

Там пальм упругие листы,
Как зеркала, сверкают
И звезды с чистой высоты
По ним в траву стекают.

Но, чу! Не верьте красотам Джелалабада! Ох, не верьте:

Там обезьяны из чащоб
Пугают визгом уток...

Если бы этими милыми картинками все и заканчивалось. Да где там:

Там снайпера стреляют в лоб,
Что тоже, кроме шуток.

...Я знал куда и зачем лечу. Все мы знали и были готовы к любым неожиданностям. Неприятных было много. Приятной, пожалуй, одна — знакомство с советником ЦК КПСС в зоне оперативной и войсковой ответственности «Восток» Сергеем Мажитовичем Бековым. Его ставка как раз и находилась в Джелалабаде, а точнее в окрестностях — в кишлаке Самархель. Кое-что я слышал о Бекове от своих товарищей. Горец, ингуш, известный на Северном Кавказе партийный и советский руководитель, лет около пятидесяти, умен, храбр, человечен. Забегая вперед, замечу: был Сергей Мажитович ко всему сказанному остроумен, сдержан, полон обаяния. Но по порядку.

Прибыв в Джелалабад и решив все срочные дела, мы с командиром бригады полковником Юрием Тимофеевичем Старовым отправились к Бекову, как положено, представляться. Навстречу нам из-за стола вышел человек, одетый в гражданскую одежду, выше среднего роста, подтянутый и красивый, той мужской красотой, которой зачастую отличаются горцы. Открытое выразительное лицо, приветливый взгляд, мягкий доверительный голос. Так получилось, что даже льдинки настороженности между нами не возникло.

Беков после обязательной в таких случаях беседы по существу моих обязанностей в Афганистане пригласил к столу. Еда была столовская, но это обстоятельство не делало ее невкусной. Тем более что хозяин был само гостеприимство. После обеда мы вновь вернулись к делам. Обстановка не радовала. Война шла восьмой год и конца ей не было видно. Похоже, что мы застряли в Афганистане, как когда-то США во Вьетнаме. Приказ, конечно, приказ, но никто не мешал нам самим думать. По стране гуляла перестройка, много говорилось о гласности и демократии. Однако армия оставалась армией с ее жесткими, написанными кровью уставами. И все же в тот день у Бекова мы не смогли не поинтересоваться его мнением о происходящем. Прежде всего о перспективах нашего пребывания в стране, раздираемой своими внутренними противоречиями. У них шла борьба за власть не на жизнь, а насмерть. А тут еще мы...

Немного поколебавшись, я все-таки спросил:

— Сергей Мажитович, как вы думаете — долго ли...

Беков перебил:

— Я понимаю, что вы хотели спросить. Отвечаю.

Он отодвинул от себя столовый прибор и встал. Мы тоже встали.

— Да, я очень хорошо понимаю вас.

Высокий, прямой, со «стечкиным» у бедра, Беков был колоритен. Мы с Юрием Тимофеевичем замерли, ожидая некоего волшебного слова. От кого же его и услышать, если не от советника ЦК КПСС. Но Сергей Мажитович не спешил. Видимо, и ему нелегко давалась искренность. Нервно передернув плечами, Беков вдруг заговорил страстно и торопливо, словно боясь, что какие-то слова останутся недоговоренными. Я дословно не могу сейчас передать всю его речь. Помню суть:

— Надо беречь людей... Что касается нашего пребывания здесь, то я думаю, что дело скоро склонится к развязке.

Он не сказал «мы скоро уйдем». Он сказал:

— Дело движется к развязке.

Мы со Старовым были не мальчики и прекрасно понимали язык недоговоренностей. Беков награждал нас надеждой. Надеждой на близкое возвращение домой.

Провожая нас к двери кабинета, Беков вдруг сказал:

— Сегодня в клубе у нас будет кино «В бой идут одни «старики». Рекомендую посмотреть еще раз. Леонид Быков — майор Титаренко, ответ на все ваши вопросы. Надо беречь молодых солдат и офицеров.

И, обращаясь к полковнику Старову, добавил:

— На днях у командующего будет совещание командиров. Речь пойдет о том, чтобы четко и умело выполнять те рекомендации, которые есть в отношении наших пленных. Это очень важная задача разведки. Очень.

— Да, Сергей Мажитович, вы правы.

— Вот и хорошо, что вы все понимаете. Прошу завтра ко мне на совещание. До свиданья.

Беков обнял каждого из нас. Улыбнулся мне:

— Так говоришь, в Приморье служил? Я везде был, а вот на Дальнем Востоке не пришлось.

— Какие наши годы, — с улыбкой сказал Старов.

— Спасибо! Но живы будем, сначала побываете у меня на родине: Чечено-Ингушетия — прекрасный край! Покажу вам Кавказ. На самой высокой горе, откуда виден весь Кавказ, будем жарить шашлык, петь песни и пить вино...

Забегая вперед, скажу: не случилось нам с комбригом воспользоваться приглашением Бекова. Едва мы вышли из Афгана — загремели конфликты на Кавказе.

Однако мне запомнилось многое из того, что рассказывал Сергей Мажитович о давнем прошлом своего народа. Согласно легенде, род чеченов пошел от Турпала — богатыря. И ингуши произошли от Турпала. И те и другие рождены в ночь, когда волчица дает миру щенят. Чеченец рождается, держа в руках кусок сыра. Ингуш же при рождении держит в ручонке зеленый лист. Там, в Джелалабаде, легенда, рассказанная Бековым, поразила своей поэтичностью. Особенно запал мне в душу образ ребенка

с зеленым листочком. И подумал я тогда, зеленый лист – это символ жизни. Благодаря зеленым листьям земля получает атмосферу. В свою очередь, кислород – основа жизни. Предки ингушей в мыслях своих дотягивались до космических высот.

Много позже после Афгана, когда мне пришлось увидеть знамя Ичкерии с изображением волчицы, я невольно вспомнил легенду, рассказанную Сергеем Мажитовичем в Джелалабаде. Понял я, и отчего площадь в Грозном называется «Минутка». Беков ведь объяснял, что в 30 – 40-е годы Старые и Новые промыслы Грозного соединял трамвай. Вагоны шли навстречу друг другу по бывшей улице Ленина. Вагоны встречались примерно на половине пути возле хлебного магазина. Они разминались по кругу. Маневр этот занимал одну минуту. Отсюда и «Минутка».

Довелось слышать мне и рассказы участников событий в Чечне. Я знаю, что С.М. Беков и В.П. Поляничко много сделали для того, чтобы предотвратить кровавые столкновения на Кавказе. К сожалению, ни ему, ни погибшему Поляничко, ни кому другому не удалось остановить войну. Волчица из легенды взбесилась и прыгнула на флаг Ичкерии. Люди перепутали свободу с вольницей, и началось... Знаю я также, что нет у Сергея Мажитовича большей заботы, как та, которая поможет людям в его крае замириться.

Однако я увлекся, но не настолько, чтобы забыть, что на дворе ночь и мы с полковником Старовым едем в расположение своей бригады. На всем пути следования мы с Юрием Тимофеевичем перебирали мельчайшие подробности встречи с Бековым. Он нам понравился. Я говорю об этом сейчас, по истечении 15 лет, без всякого подхалимажа. И не потому, что старших принято хвалить. Нет. Дело в другом: Беков предстал перед нами не как партийный сановник, которых я тоже повидал на своем веку, а товарищем по общему делу. Сергей Мажитович отвечал моему требованию к чиновнику такого ранга, как он: умен, доступен, доброжелателен, обязателен.

Приехав в свой штабной городок бригады, мы выслушали доклад дежурного на ЦБУ и улеглись спать. Но ночь оказалась для комбрига бессонная: в районе Абчакана наша группа, находясь в засаде, уничтожала вооруженное формирование мятежников, и Старов руководил и координировал действия авиации и артиллерии. После обеда, ближе к вечеру, мы вновь встретились с Бековым. На этот раз речь шла о сугубо военных делах. Кроме нас, в совещании принимали участие афганские и советские товарищи: уполномоченный ЦК НДПА и Реввоенсовета ДРА, председатель Совета обороны зоны «Восток», энергичный и просоветски настроенный писатель и поэт Мехтобутдин Сафи; начальник управления МГБ провинции Нангархар, сдержанный и немногословный пуштун Мазула (просидевший при Амине девять месяцев в тюрьме); начальник разведпункта Мирр Абдула Саид; командир пехотной дивизии генерал-лейтенант Барикзай и его замполит полковник Миджит; начальник афганского госпиталя № 1 полковник Муин Зерматаль, а также советники А. Корнилов, А. Поносов, С. Тюрьменко, Ю. Шонов, В. Калугин, В. Анцифиров, В. Арцыков, В. Микадзе и другие.

И вновь меня поразил уровень военной подготовки Сергея Мажитовича.

Я сам семь лет тому назад окончил академию, и, казалось, что объем информации, почерпнутый мною во время учебы, более чем достаточен для того, чтобы ориентироваться в обстановке. Так-то оно так, но слушая Бекова, явственно ощущал пробелы по одному вопросу, то по другому. Очевидно так оно и должно было быть: ведь на стороне Сергея Мажитовича был и опыт, эрудиция, конкретика, а мне только предстояло «сапогами мерить отроги Гиндукуша», да пройти с бригадой сотни километров в провинциях Нангархар, Кунар, Пактия, Кабул, Логар, Газни, сидеть в засадах на караванных тропах.

Я не стану подробно рассказывать о той обстановке, которая сложилась на границе с Пакистаном. Отмечу только лишь одно, – это было время жесткого военного противостояния советского спецназа с военными формированиями моджахедов. Именно о наших местах командарм Б. Громов писал: «В приграничных провинциях боевая активность моджахедов была чрезвычайно высокой. Напряженная ситуация сложилась в Джелалабаде и сохранялась там на протяжении всех девяти лет советского военного присутствия в Афганистане. Пик боевых действий пришелся там на завершающий этап афганской войны».

Сейчас, когда пишу эти строки, словно слышу выразительный голос Бекова:

– Все караваны с оружием, идущие из Пакистана, для нас важны. Но особенно несущие зенитные ракетные комплексы «Стингер».

– Значительно возросла противовоздушная оборона моджахедов. Более интенсивно стали применять зенитные ракетные комплексы. Так, если в 1984 году было отмечено всего 62 пуска ПЗРК, в 1985-м – 141, то в 1986-м – уже 847 (при этом было сбито 26 самолетов и вертолетов). А в текущем году за пять месяцев (1.01 – 1.05. 1987 г.) ВВС 40-й армии уже потеряли 120 самолетов и вертолетов (как потом оказалось, из 451 потерянного летательного аппарата за всю афганскую войну)...

От названных Бековым цифр сбитых наших самолетов и вертушек у меня мороз пошел по коже.

– Активную помощь моджахедам, – продолжал он, – оказывают американцы. Они готовят и вооружают боевиков, и оружие расползается по миру... По данным агентурной разведки, Раббани продал 11 ЗРК «Стингер» из поставок США в Иран за 14 млн. долларов. Контроль за использованием этих ПЗРК был утерян, в результате чего «Стингерами» в Персидском заливе сбили два самолета и один вертолет. Американцы оказались в неудобном положении, но от помощи нашим врагам не отказываются.

– Юрий Тимофеевич, – обратился Беков к Старову, – еще раз доведите до личного состава, что главное – «Стингеры». За взятый «Стингер» командир группы спецназ будет представлен к званию Героя, а все разведчики, входящие в группу, будут награждены орденами.

– Сергей Мажитович, – ответил комбриг, – мы делаем все.

– За девять месяцев 1987 г. разведчики нашей бригады, – четко докладывал Старов, – совершили 861 боевой выход. В засадах и при досмотро-

вых действиях уничтожено 996 вьючных животных, 25 автомобилей, 6 тракторов, 5 пусковых установок реактивных снарядов, 12 пулеметов ДШК, 16 минометов. Захвачено 256 вьючных животных, 6 автомобилей, трактор, 12 пусковых установок реактивных снарядов, 9 пулеметов ДШК, 62 ПЗРК китайского производства. Эти цифры, товарищи, сами понимаете, свидетельствуют о напряженном ратном труде разведчиков, но «Стингеров» пока мы еще не брали. Люди знают приказ министра обороны и не жалеют себя. На минных полях и во время обстрелов мы потеряли 25 единиц техники... В этом году посмертно награждены орденом Красного Знамени лейтенанты Рязанцев Юрий Михайлович, Рудометов Виктор Петрович, сержант Ярмош Владимир Васильевич, рядовой Шариков Олег Владимирович.

Достойно выполняют боевые задачи офицеры-«асадабадцы»: начальник разведки батальона Владимир Матвеев, командир роты Игорь Дикарев, Андрей Чепурной, заместители командиров рот Александр Мусиенко и Юрий Боровской, командиры групп спецназа А. Бирюков, Дзыба, О. Голыбин, В. Матюшин, И. Матвейчук, Ю. Сазонов, П. Степаненко, А. Степанчук, В. Понедельник, Д. Хоров, Ю. Острянко и В. Яшунин. Замполиты рот Игорь Семенов и Александр Карлов и другие. В Газнийском батальоне отличились лейтенанты Линьков, Глазырин, Залуев. Лейтенант Хайдаров захватил духовскую машину с боеприпасами, а через несколько дней уничтожил колонну автомобилей. В Бараки блеснули результатами молодые лейтенанты Буга, Дуброва и Барышев.

Совещание закончилось поздно ночью. Дневной зной сменила пропахшая эвкалиптами темень. Все время хочется пить, — только стакан осушил, рука тянется за другим, хэбэ — влажное от пота. Мы все потом научимся разумно общаться с водой. И это станет первым, но таким важным контактом с окружающей нас средой, который помогал выжить.

Потянулись боевые будни. Дни, не похожие один на другой. Подъем. Зарядка. Завтрак. Постановка задач. Ежесуточно десятки разведорганов бригады выполняют боевые задачи. Кто уходит на сутки, кто на трое, а кто и того дольше.

Ох уж эти караваны, эти «Стингеры»... Порой приходится ждать караваны несколько суток в засадах. Разведгруппы, вышедшие для ночных засад, делают все, чтобы остаться незамеченными. Их время — ночь! Мучительно медленно тянется время на дневке. Ждешь не дождешься, когда солнце упадет за горизонт. Почти сразу же появляются большие звезды. Становится прохладнее. Воют шакалы. Наскоро ужинаем и скорым шагом вытягиваемся в колонну по одному. Скорее в район засады. Занимаем господствующие высотки на караванной тропе или в русле пересохшего ручья и ждем до утра.

Издалека караван вызывает надежду. Представьте себе пустыню или голое предгорье, палящее солнце, пустое, без облачка небо. Неподвижный пейзаж растапливает душу. И вдруг из-за бархана или из лощины горной гряды показывается змеиная голова переднего верблюда, за ним шествует второй, третий... Движение! Вместе с движением мир как бы приобретает устойчивость и систему координат. Но, чу! Будь осторожен, разведчик!

Чуть что с верблюжьих горбов огрызнутся свинцом моджахеды. Опытные караван-баши в один миг положат верблюдов на песок. Организовывать круговую оборону им не впервой. А уж стрелять басмачи умеют. В дневное время досмотр караванов ведут разведгруппы, летающие над горами и пустынями на вертолетах. Это высокий риск, но пропустить караван с оружием нельзя. Нас интересуют далеко не все караваны, а только те, которые несут оружие, боеприпасы и «Стингеры». Переносные зенитные ракетные комплексы оказались оружием стратегическим. Они изменили ход всей афганской войны. И мы действуем наверняка. Внезапность – наше оружие. Бои носят яростный характер. «Стингеры» – дорогая добыча. И мы и они мертвой хваткой цепляемся за ракеты. От наших действий зависят судьбы вертушек и самолетов. Зависят сотни жизней, наших и афганцев.

Днем летаем на разведку на вертушках. Ми-8, отличные трудяги – машины, стремительно идут на бреющем над землей, иллюминаторами всматриваясь в местность. Сознание четко фиксирует каждое изменение в пейзаже под тобой. Внезапный блеск может оказаться прицелом ПЗРК или снайпера. Каждый дрогнувший куст у кучи камней – огневой точкой, откуда могут взлететь ракеты. И хотя вертушка набита оружием, лететь над территорией, контролируемой моджахедами, страшно. Можно, конечно, никого не встретить, но можно и на беду напороться. Как это недавно случилось с группой старшего лейтенанта Вадима Матюшина. Светлая им всем память!

Досмотровые группы летают парами. Под прикрытием «крокодилов». Так надежнее...

Как-то уже от Шахидана ложимся на обратный курс. Летим над бурной гладью горного Кабула. Навстречу нам вертушка, кто бы это?

Пилот заместитель командира полка подполковник Валера Крушинин (в настоящее время живет в Одессе) говорит: – Беков! – и чему-то улыбается. Скорее всего, ему тоже нравится Сергей Мажитович.

За те месяцы, что я провел в Джелалабаде, мне пришлось познакомиться со многими людьми. Разведчики, мотострелки, врачи, журналисты – все они неизменно, услышав: «Беков», многозначительно, но по-доброму улыбались. И начинались всякие истории, так или иначе связанные с Сергеем Мажитовичем. Вот некоторые из них.

Как-то случилось в провинции Нангархар событие, которое никак не вписывалось ни в какие рамки, умер 110-летний святой, лидер пуштунов Абдул Гафар Хан. В мусульманском мире он был значительной фигурой. Завещал похоронить себя на родине в Джелалабаде. Это было мероприятие международного уровня. От места, где он умер, до границы Пакистана с Афганистаном за траурным кортежем следовало около полумиллиона человек. Но это их заботы. А вот от границы до самого провинциального центра траурную процессию пришлось сопровождать С.М. Бекову. Конечно же, ни местные власти, ни армейские наши части в стороне не стояли. Однако главная забота о сотнях тысяч верующих пала на его плечи.

Это была очень трудная задача. Экстремисты сумели все-таки провести два теракта с человеческими жертвами.

Вот что писала газета «Правда» 23 января 1988 г. по этому поводу: «Джелалабад: 150-тысячная манифестация. В административном центре пограничной афганской провинции Нангархар — Джелалабаде 22 января состоялась грандиозная траурная манифестация и похороны известного борца против британского колониализма, признанного лидера пуштунов Абдул Гафар Хана. Однако враги единства пуштунов предприняли гнусную акцию. В то время, когда у могилы Абдул Гафар Хана шел траурный митинг, среди скопления оставленных на стоянках машин прогремело два взрыва — взлетели на воздух автомобили со взрывчаткой. Погибло шесть человек, в том числе дети».

Сергей Мажитович с болью делился мнением об этом варварстве: «На самом деле погибших было 15 человек. Около сотни получили ранения. Взорвано было 1200 кг взрывчатки». Но самое возмутительное во всей этой трагедии то, что в исламских средствах массовой информации и на Западе появилась ядовитая фальшивка следующего содержания: *«С огромным огорчением и печалью мы получили известие, что лишенные чести и совести русские отступники и поддерживаемые ими враги внутри страны произвели два взрыва в г. Джелалабаде во время церемонии захоронения видного деятеля пуштунов Гафар Хана... И они добились главного — распрей между братьями, спровоцировали открытие огня. Это факт, очень низкий и подлый в столь неблагоприятный и неудобный момент, подтвердил свою полную враждебность по отношению к нам. Мы надеемся и верим, что такие средства террора, осквернение памяти великого старейшины не сгладят в народе любви и уважения к нему и ко всем тем, кто сражается и погибает ради священных интересов Ислама».*

В этой фальшивке ярко просматривались формы и методы борьбы противников режима против собственного народа. Конечно, это старая истина, что политика — грязное дело. Но действия советских войск, в тесном контакте с советниками были направлены на пресечение возможных провокаций и, если бы наших подразделений не было, потери были бы больше.

«Шурави» в меру своих сил старались делать все, чтобы соблюдать основные обычаи и традиции афганцев. И порой этому хорошо помогали советники, которые хорошо знали их.

Вот уже прошли многие годы, но мы с теплотой вспоминаем афганский народ, так как никогда не объединяли его с моджахедами и объединять их никак нельзя. Простой народ, который нас окружал, был прекрасен. Свободолюбивый, красивый народ. Ему выпала тяжелая участь жизнь среди гор и пустынь. Тысячелетия и многие нации поработали над созданием красоты афганцев.

В древности через Афганистан в Среднюю Азию и обратно на Индию проходил Александр Македонский. Но его боевые слоны по горам идти не захотели. Кроме того, один легион взбунтовался, и его бросили в горах. Так греки добавили афганцам эллинской крови. Потом пришел генерал Скобелев со своими голубоглазыми казачками, которые завершили процесс совершенствования афганских красавиц и красавцев. Чудо! Прямые греческие носы, голубые миндалевидные глаза. Женщины хороши в 12—14 лет, а после 20 они теряют свою привлекательность. Мне очень нрави-

лись афганские мальчишки – они напоминали моего сына Георгия, о котором я скучал, – такие же черненькие и шустрые. Я, так же как все солдаты и офицеры ОКСВ, во время выезда в сиротские дома «Ватан» и в населенные пункты всегда делился с бачатами своим сухим пайком.

Беков справлялся со своими обязанностями, нашел общий язык со всеми. Помогли дюжина языков и наречий, которыми Сергей Мажитович владел безупречно. Я сам был свидетелем, как советник беседовал с людьми, пришедшими из отдаленных горных кишлаков и из глухомани горных ущелий. Он наравне говорил с муллами, поражая их знанием и толкованием Корана. Счастья и здоровья Вам, Сергей Мажитович!

– Инша Алла! (Если богу угодно). Шукран. Уваль хамду лиль-ля» (Спасибо. Хвала аллаху).

Однажды перед выходом в засаду, я встретил машину с Бековым. Он остановился, порылся в бардачке и протянул мне несколько целлофановых пакетов.

– Зачем они?

– Пригодятся. Когда понадобится утолить жажду, найди куст селина или верблюжей колючки, засунь в целофан, оставь на ночь. Поутру обнаружишь влагу.

Беков обнял меня, крепко пожал руку и дал по газам.

Он-то знал, что наша группа не скоро вернется в родной городок. Пять суток просидели мы в засаде, то была одна из утомительных охот за «Стингерами». А что такое дневка под раскаленным солнцем? Ад. От жары спекаются глазные яблоки. Плавятся мозги. Воспаляются губы. Отлетает душа. Все мысли – о воде. Наш запас уже давно кончился. Только ночью в темноте можно будет направить пару разведчиков на берег речки Кабул. Но ночью, в темноте, у нас боевая работа. Тогда-то я и вспомнил о подарке Бекова. Сделал, как он говорил. И что же вы думаете? Получилось. Не много влаги, но на двоих по глотку вышло. Бойцы группы лейтенанта Валерия Петровича Федорченко, с которым я вышел в засаду, в основном жители равнины, были поражены, как малые дети. Все мы твердо усвоили, что в пустыне без воды человеку быстро приходит конец, а тут на тебе – пораскинь умом и живи!

И еще о воде и Бекове. Как-то среди офицеров разгорелся спор, что помогает верблюду сравнительно долго обходиться без воды?

Один сказал:

– Два горба.

Другой поддержал:

– Так организм устроен.

Третий честно признался:

– Не знаю.

Беков стоял рядом и беседовал с комбригом. Вроде и не прислушивался к голосам спорящих. Потом обернулся и обронил:

– Дело обстоит куда как трагичнее.

Вмешался и я:

– Почему?

Беков поискал глазами колючку, подрезал ее, взял в руки, сказал:

— Смотрите — каждый листик, как иголка. Верблюд ест свою колючку и ранит полость рта. Выступает кровь, увеличивая объем жидкости...

Кто-то ахнул:

— Выходит, животное пьет свою кровь?

— Выходит.

Сказав это, Беков попрощался и залез на бронетранспортер. Ему предстояла дальняя дорога. Однако рассказ советника о необычайных свойствах верблюда поразил всех нас. Ведь верблюд был похож на нас самих. В тот вечер никто эту тему не стал развивать, но много позже, анализируя всю доступную мне правду о событиях в Афганистане, облик верблюда, пьющего свою кровь, обжигал мою душу.

Кстати, о тайнах природы. В своем отношении к ней Беков ведет себя удивительным образом. Я сам слышал по утру, прежде чем заняться физическими упражнениями, он здоровается с солнцем, потом с ветром, потом с травой и деревьями, словно они его близкие родственники.

Надо сказать, что, несмотря на сказочную красоту, Джелалабадская низменность не являлась раем на земле.

Воздух здесь, как в парной, со специфическим ароматом эвкалиптового дерева. Правда, грунтовые воды здесь подходят к поверхности земли очень близко, потому и создается благодатный для растений и живого мира климат. Но очень жарко. Отмечаются случаи смертей солдат и офицеров от солнечных ударов в результате перегрева организма. Даже ночью здесь не ниже 30 градусов по Цельсию, люди мучаются от жары, практически не могут спать. Тяжело приходится нам, северянам, но и афганцам достается от жары, о чем свидетельствуют водоносы, снующие по городу. Да и средняя продолжительность жизни местного населения всего 45 лет, что свидетельствует о неблагоприятных условиях жизни.

Эпидемиологическая обстановка здесь непростая. То и дело вспышки холеры, чумы, натуральной оспы, брюшного и сыпного тифа, бактериальной дизентерии, тропической малярии, сибирской язвы, туляремии, бруцеллеза, инфекционного гепатита, трахомы и проказы. 30 процентов населения болеют туберкулезом.

Не обходят болезни и наших солдат и офицеров. Так, только в 1987 г. у нас в бригаде переболели две трети личного состава, в том числе даже начальник штаба бригады майор Юрий Исаков. А сколько наших однополчан от этих болячек умерло уже на родине? Кто считал?

В Джелалабаде Беков жил в военном городке Самархель и, как советник ЦК КПСС, обладал немалой властью, и вот что замечательно: власть свою он употреблял исключительно во благо наших солдат и местного населения. Не помню я также ни одного случая, чтобы, обратясь к Бекову, я не решил самого трудного вопроса. Причем исполнительские действия в его аппарате были на высоте. Не терпел он ни лгунов, ни подхалимов. И хотя на самом деле Восток — дело тонкое, Сергей Мажитович лукавству и полуправде предпочитает откровенность и определенность, хотя, если нужно, он может развести такие политесы, что иному чиновнику и не снилось.

В быту он был скромен и доступен. Рядом с домиком, где жили советники, находился бассейн. И вот вспоминаю, мой командир пьет чай и бесе-

дует с Бековым, а сам все на бассейн поглядывает. Его взгляд перехватил Беков и, улучив момент, извинившись, встал из-за стола и на несколько минут оставил нас одних. Как оказалось, он «сгонял» за купальными принадлежностями для нас. Магазин находился не так далеко, и советник ЦК купил нам плавки. Я до сих пор их храню как реликвию. Согласитесь, как это прекрасно, когда человек не кичится своей должностью!

Беков был близок нам по духу. Особенно импонировали его суворовская скромность и аскетизм, ибо у нас в спецназе был свой устав и свой монастырь. У нас невозможна ситуация, которая считалась обычной в других частях, когда во время пеших переходов по горам все снаряжение офицера, все его личные вещи, за исключением оружия, несли бойцы. В группах спецназа офицер не только нес сам весь свой груз, который весил порой 35 – 40 килограммов, но и брал на свои плечи что-нибудь дополнительное, если возникала такая необходимость. В ходе операции офицер питался тем же пайком, что и солдаты, спал рядом с ними в точно таких же условиях. Если подчиненные видели, что их командир обладает высокими профессиональными качествами, бережет людей, готов помочь солдату, то, как правило, в группах складывались очень дружеские отношения, что во многом способствовало выполнению боевых задач. В группах спецназа офицер гораздо ближе к солдатам, чем в остальных частях ограниченного контингента. Таким по духу разведчиком был и Беков. Он не признавал личную охрану, был смел и порой просто дерзок.

А как искренне радовался Беков за нас, как гордился разведчиками Старова, когда группа старшего лейтенанта Германа Похвощева захватила в бою четыре «Стингера» и два английских «Блоупайпа»! Он специально приехал к нам в бригаду, чтобы пожать руку этому скромному забайкальскому парню, получившему из рук командующего армией орден Ленина. А потом были Сережа Лафазан и Игорь Довбня, Сергей Клименко, Андрей Залуев, Юрий Коваленко, Павел Кольчус, Николай Зубков...

– Спецназ умеет воевать, – говорил он всем. – Берите с них пример!

Как-то я услышал от того же Бекова:

– Жизнь коротка, да день долог.

– Вот уж действительно и в самом деле тянулись они долго-долго...

А однажды мы построились, выслушали приказ. Это был самый прекрасный приказ на белом свете: – Домой!

Из оперативно-войсковой зоны «Восток» последним вышел ее руководитель – Сергей Беков. «Старики» брали на себя самые трудные задания. Джелалабад держался до марта 1989 г., и только после предательского убийства руководителей обороны города талибы сумели его захватить и разграбить.

Но и для нас, как оказалось, война не закончилась. Мы принесли ее с собой, она пошла полыхать по всем регионам нашей родины.

Меня поражала широта мышления Бекова, его способность предвидеть те или иные события, прогнозировать обстановку: не успел он приехать на Кавказ, как сразу почувствовал запах пороха. Для того чтобы привлечь внимание к проблеме раскола и милитаризации общества, он собирает местную интеллигенцию. Под его руководством в Грозном была

опубликована замечательная брошюра «Воспитывать патриотов-интернационалистов, надежных защитников Родины». Это был 1989 год. Творческий коллектив в составе доктора исторических наук, профессора В.Б. Виноградова; кандидата философских наук, доцента Д.Д. Межидова; д.ф.н., профессора А.Д. Тимаева; Л.П. Кизилова, М.И. Азиева и др. постарался сделать все, чтобы обратить внимание руководства страны на проблемамы межнациональных отношений. Прозорливо звучат слова С.М. Бекова: «Сегодня, как никогда, от каждого из нас требуется высокая политическая бдительность, умение с твердых классовых позиций разграничивать истинно патриотические взгляды от всего вредного, наносного, пресекать попытки протаскивать под видом народных традиций и обычаев чуждые нашему интернациональному обществу идеи и мораль».

Актуальные слова, которым уже 15 лет. Но к ним прислушаться было некому, а потому разгорелась война на Кавказе...

Я, как и он, хочу чтобы там скорее все утихомирилось. И пришел мир на благодатную землю.

Заканчивая свое повествование и вспомнив то время, я вдруг почувствовал острую тоску по годам, проведенным на земле Афганистана в кругу друзей. Кажется, что если бы вдруг представилась возможность вернуть былое, то я ухватился бы за эту возможность с радостью и без колебаний...

Вспомнил лица командиров и солдат легендарного Джелалабадского 154-го отряда спецназначения: ротных командиров, обстрелянных и мудрых: Дмитрия Евгеньевича Лютого, Сергея Николаевича Поддубного, Николая Васильевича Пархоменко, Алексея Керсова (ныне генерала), Юрия Козлова, Андрея Черемискина, Юрия Владимировича Аракчеева, Анциферова, Алексея Туркова, Олега Викторовича Мартьянова и Николая Войтенко. Славой покрыли свои фамилии боевые командиры групп спецназа: Хамид Нафиков, Сергей Лафазан, Валерий Федорченко, Роберт Яшин, Игорь Довбня, Сергей Зворыгин, Павел Марков, Сергей Верецкий, Ренат Ахметшин, Юрий Рыбаков, Евгений Леонтьев, Киселев, Голенков, Ефентьев, Абрамский, Яковлев, Виктор Борозинец, Зуев, Мурашкевич, Кулешов, Сергей Суковатый, Лубинец, Кулешов, А.Токарев. Большим трудягой и смелым человеком зарекомендовал себя порывистый и горячий замполтех 2-й роты спецназа Юрий Степушенко. Прекрасными специалистами являлись начальники служб: Костин, Нижегородцев, Красников, Никоненко. Вспоминаю добрым словом прапорщиков кавалера двух орденов Красной Звезды Юрия Дурнева, Бориса Тарасова, Василия Федорова, Сергея Рычкова, Владимира Жевноренко (ныне полковник), Кравченко, Ковалева. Трижды раненого в спину старшину Сударушкина, который вопреки диагнозу врачей остался жив. Вспоминаю незаметную, но необходимую на войне работу комсомольских активистов Юрия Кара-Оола, сержантов Кузнецова В.Н., Нурмухамедова Р.Х., рядовых Войтович А.В., Степанова С.С., Кутрудза Н.Х. Отличную память о себе оставили командир отделения роты минирования Султан Хакимов, рядовые Игорь Савинов, Олег Попов, а также писарь штаба батальона рядовая Пушкарева и много других.

Громадную работу по обработке и анализу развединформации проводили переводчики разведотделов бригады и отрядов офицеры Олег Воро-

нин, Султан Казанбаев, Вагид Зильфугаров, Бахром Файзулаев, Ибрат Юлдашев, Александр Пехота, Александр Горохов, Андрей Соколов и другие. Они ходили на боевые задания вместе с разведчиками, осуществляли радиоперехват, летали на воздушную разведку...

Вот как образно выразил это в стихах младший лейтенант Казанбаев:

Опять война, разрывы боя,
Опять ребятам воевать.
Разведку радио вести не уставая,
Со станций вражеских пеленги снимать.

Стоит один на сопке пост,
Там командиром Гена Гостев.
Работать с ним легко и просто,
Идет разведка в полный рост.
Прическа пеленгом эфира,
Засечка станций — божий дар!
Звонок конкретный командиру
Направит духам артудар.

А дальше доблестной разведке
Всего лишь остается бдить,
Чего у духов в недостатке,
А что в достатке — разбомбить.

С пушту точнейший перевод
Султан в сей миг осуществит,
А командир, он все поймет,
Детали в ясность превратив.

И день за днем идет работа,
Работа, скрытая от глаз.
Война несет свои заботы,
Заботы мира лучше в тыщу раз.

Замечательные были люди. Кого-то уже и нет среди нас, а те, как говорят, далече...

По опыту войны мы знаем, насколько это тяжелое дело. Смертельно тяжелое. Не по своей воле мы были в Афганистане. Война в том краю — тема особая, но мы, прожившие там несколько лет, говорим: «Это яркий кусок нашей жизни! Ведь на эти годы выпала молодость людей нашего поколения...»

При всем при том я благодарю судьбу за то, что она познакомила меня с таким замечательным человеком, как генерал-полковник Сергей Мажитович Беков.

Беков верен принципу своего отца: «Аз санна дел!», что в переводе с ингушского это значит: «Делай, как я!».

И таких, как он, среди воинов-интернационалистов было большинство...

ПОД ПРИЦЕЛЬНЫЕ ЗАЛПЫ НАВЕТОВ И ЛЖИ

Кто услышал зов Востока,
Вечно помнит этот зов.
Р. КИПЛИНГ

Вопреки бытующему мнению выводить отдельные части советских войск из Афганистана начали еще в январе 1980 года. Хочу напомнить вам точную дату — 9 января 1980 г., когда в полном составе был выведен «мусульманский» батальон 15 обр СпН. Перед вылетом солдаты и офицеры передали все оружие и боевую технику соответствующим службам 40-й армии.

В том же году, как говорят, под руководством Л. Брежнева серьезно обсуждался вопрос о выводе наших войск, но некоторые события послужили причиной переноса срока. В связи с этим было принято решение — советские войска пока не выводить, оказать разностороннюю помощь в формировании афганской армии, а потом вернуться к вопросу о выводе. С приходом Ю. Андропова было заявлено о непременном выводе ОКСВ, о чем начались даже переговоры с ООН. Но только в 1985 г. удалось сдвинуть все с мертвой точки.

Май месяц в 1988 г. показался нам очень жарким. В условиях стопроцентной влажности в районе Джелалабада в 8 утра температура в тени уже была плюс 50 градусов. Даже нашим ребятам, привыкшим к экстремальным условиям и высоким температурам, грозили тепловые удары. Особенно тяжко им приходилось при выполнении боевых задач.

Как правило, «жертвой» солнца становились физически слабо развитые, неупитанные солдаты, а десантники упитанными не бывали. Все спецназовцы нашей бригады были поджарыми как волки, без лишнего грамма веса.

В конце апреля — начале мая боевая деятельность спецназа сворачивалась. Однако результаты боестолкновений подтверждали данные разведки о повышении активности мятежников.

Так, 20 апреля разведчики РГ СпН № 513 завязали тяжелый бой с противником. При отходе подорвались на минном поле и получили ранения младший сержант Заднипряный Евгений Васильевич и рядовые Вашкеба и Цховребов. 21 апреля командиры РГ СпН № 124 и 121 лейтенанты Сергей Лафазан и Юрий Рыбаков уничтожили группу из семи моджахедов и две зенитные горные установки (ЗГУ).

21 апреля РГ СпН № 431 (командир ст. лейтенант Полозов) обнаружила караван и завязала тяжелый бой, в ходе которого с нашей стороны погибли рядовые Лукица Ю.В. и Грибов В.П., а Николай Булатов ранен.

22 апреля вышедшая им на помощь бронегруппа № 435 (командир майор Пимонов) подорвалась на минах. Разведчик рядовой Черников С.В., входивший в состав РГ СпН № 512, подорвался на ППМ и потерял правую ногу.

23 апреля бронегруппа № 505 под командованием капитана Дикарева обнаружила и уничтожила караван мятежников из 10 вьючных животных. Захвачено большое количество боеприпасов, мин, стрелковое оружие, 10 реактивных снарядов, 200 выстрелов к пулемету ДШК, 12 – к РПГ. В ходе боя были уничтожены семь мятежников.

24 апреля РГ СпН № 433 (командир ст. лейтенант Дуброва) вела двухчасовой бой с охранением каравана, предположительно до 100 вьючных животных. Геройски погиб чирчикский паренек рядовой Дымов Анатолий Иванович. И так каждый день...

Вот ведь какая сложилась противоречивая ситуация: наглеющего противника надо бить, а спецназу уже не до него. Сознательно, согласно приказу, все меньше спланированных групп выходило в засады и вылетало на боевое патрулирование. Все больше времени бойцы и офицеры проводили в парках боевой техники. Полным ходом шла подготовка к выводу частей бригады на территорию СССР.

Первыми движение к границе Родины начали асадабадцы. 23 апреля, в третью годовщину гибели в Мараварском ущелье роты капитана Николая Цебрука, однодневным переходом пришла потрепанная колонна под командованием подполковника Владислава Гилуча. Прибывшие расположились лагерем на одной из площадок в предгорье, рядом с городком 154-го отряда.

В ходе марша, который шел очень медленно, вскрылись технические неполадки побитой в боях техники, и поэтому командованию батальона предстояло до 15 мая сделать невероятное – отремонтировать всю матчасть. В батальоне на тот момент осталось 46 единиц боевой техники (БТР-80 и БМП-2) и 74 автомобиля. В строю числилось 485 человек личного состава, из них 57 офицеров и 28 прапорщиков. Отсутствовали 18 военнослужащих, находящихся в госпиталях по причине ранений и болезней. Их эвакуацией централизованно занималась медслужба 40-й армии. К этому моменту все служащие СА уже были отправлены в Союз самолетами.

Особенно тяжело пришлось разведчикам три месяца пребывания ОКСВ на афганской земле. Непрерывные обстрелы изматывали психику и увеличивали число пострадавших. Городок отряда спецназа, оставленный в Асадабаде, был весь перепахан снарядами и минами. Сиротливо торчали сгоревшие перекрытия строений и мазанок. Сохранившиеся здания солдатской столовой и кухни были переданы по акту афганским властям. В автопарке навсегда остался ржавый металлолом из сгоревших автомобилей и боевых машин.

Только 14 апреля в полдень при обстреле ППД было зарегистрировано 11 прямых попаданий реактивных снарядов в автопарк. В итоге сгорели два Зила-131, а у шести бэтээров осколками искрошило колеса. Но самое страшное произошло в районе казарм. В одно из укрытий, в котором находился личный состав, влетел и разорвался реактивный снаряд. Его осколками были ранены шестеро разведчиков: рядовые Коржаков И.И., Левшук В.И., Дорофеев Э.Д., Камбуров В.В., Домилов Н.Н., Абрамян Т.И. При этом двое из пострадавших потеряли нижние конечности и находились в тяжелейшем состоянии. Один из бойцов лишился глаз... Несмотря

на сложную противовоздушную обстановку, вертолетчики вылетели в Асадабад и вывезли всех раненых в госпиталь 66 омсбр на «Сеялку».

С каждым днем действия противника становились более наглыми, масштабными и скоординированными по месту и времени. На плечах уходящего из Асадабада спецназа, в ночь с 23 на 24 апреля, моджахеды перенесли свою диверсионную деятельность из Кунара в провинцию Нангархар, совершив нападения на объекты советских и афганских частей в Джелалабаде...

В 2.20 ночи была предпринята попытка налета на территорию штаба бригады. Группа моджахедов обстреляла часового 5-го поста рядового Белова. В стену рядом с солдатом одновременно попали четыре пули и трассер. Но Белов чудом не пострадал в этой ситуации. Оставшийся живым, часовой сумел победить страх, занять позицию для стрельбы из окопа и расстрелял 24 патрона, тем самым успешно отразив нападение – рассеяв нападающих.

Примерно в это же время в районе Соловьиной рощи на дороге, ведущей с аэродрома в городок штаба бригады, подверглась обстрелу из засады наша колонна. К великому счастью, при этом никто не пострадал. Все закончилось только нервной встряской... Среди пострелянной техники оказался и мой служебный автомобиль УАЗ-469, получивший серьезные повреждения. Утром, после технического осмотра, автомобилисты сделали заключение, что он не подлежит восстановлению, и машину разобрали на запчасти.

Неспокойно было и в горах. С началом боя в районе Соловьиной рощи и кишлака Самархель была обстреляна и дежурная смена станции тропосферной связи Р-412(А) отряда спецрадиосвязи бригады, находящаяся на господствующей высоте выносного поста «Роза». После успешного отражения нападения бойцы прапорщика Неупокой потушили возникший пожар, и с рассветом спустили в 154-й отряд раненого и обгоревшего солдата.

Синхронно в самом Джелалабаде ночную тишину разрезали автоматные очереди. Там моджахеды совершили нападение на несколько постов караула афганской 11-й пехотной дивизии. В ходе перестрелки один часовой погиб, а трое сарбозов получили ранения различной тяжести.

Вот на таком фоне готовился вывод наших войск в соответствии с подписанными 14 апреля 1988 года в Женеве документами по политическому урегулированию положения вокруг Афганистана...

Министры иностранных дел Афганистана, Пакистана, СССР и США решили, что ограниченный контингент советских войск должен покинуть территорию Афганистана через девять месяцев.

Что за особый смысл у этого срока? Не знаю.

Что касается состава выводимой группировки, то целесообразность ее у нас тогда вызывала большие сомнения. Возникали вопросы:

А почему в первую очередь выводятся боевые части?

Ведь восемь батальонов спецназа твердо контролировали обстановку на границах с Пакистаном и Ираном. И вдруг враз все оголяется и бандитам открывается дорога в глубь Афганистана. Тогда вразумительного ответа

мы не получили. Только через 16 лет в книге воспоминаний генерала армии Варенникова «Неповторимое» (т. 5, «Советский писатель», 2001, с. 294–295), я получил ответ на этот вопрос. Валентин Иванович описал это так:

«Я прозондировал настроение Наджибуллы – как он посмотрит на то, что мы выведем несколько боевых полков из Афганистана в Советский Союз. При этом было сказано, что с его, Наджибуллы, приходом к руководству страной внутренняя и внешняя политика должна быть изменена коренным образом, в частности в области стабилизации ситуации. Наджибулла колебался недолго. Мало того, что согласился с нашим предложением, он заглянул еще дальше и сказал: «Вывод советских войск будет полностью соответствовать интересам и Афганистана, и Советского Союза. Афганистан продемонстрирует свою готовность мирным путем разрешить все проблемы с оппозицией. А СССР еще раз докажет миру, что никаких захватнических целей он не преследует, как это ему приписывают, и что он готов вывести войска так же, как и вводил».

Я переговорил по телефону с начальником Генштаба С.Ф. Ахромеевым и подробно рассказал о нашей беседе. Он сразу ухватился за эту идею и начал с вопросов:

– А вы уверены, что Наджибулла действительно воспринимает такой акт положительно? А не получится ли так, что накануне вывода он позвонит нашему руководству и скажет, что не хотел бы, чтобы наши части уходили? Не может ли он сказать, что поторопился со своим согласием?

Я успокоил Сергея Федоровича, сказав, что Наджибулла, в отличие от других, не станет отказываться от своих слов и свое решение не изменит. Затем последовали другие вопросы, касающиеся непосредственно вывода наших войск: Какие части вы предполагаете выводить? На каких направлениях? Как это отразится на общей обстановке? Думаю, что это будет пять-шесть боевых частей. Именно боевых – другие не прозвучат».

В этом месте я считаю необходимо сделать небольшое отступление для пояснения отдельных деталей...

Практический опыт у командования по выводу наших войск из этой горной страны уже был. За полтора года до этого, в сентябре 1986 г., на территорию СССР возвратились несколько мотострелковых, танковый и зенитно-артиллерийский полки 5, 108 и 201-й дивизий. Они дислоцировались в гарнизонах, где достаточно сильны были афганские войска и присутствовали наши части и подразделения.

Однако тот вывод растянулся на несколько этапов. При этом реализация первых была приостановлена в связи с большим скоплением банд мятежников у дорог, готовых выдвинуться и массированным огнем бить наши колонны.

Войскам была дана команда: «Отбой!» А артиллерийские части и, особенно, авиация получили команду нанести массированные удары по скоплениям душманов. Первые два часа удары наносились фактически непрерывно. Огневые налеты артиллерии чередовались с бомбоштурмовыми действиями авиации. Затем авиация повторяла свои удары каждые два-три часа. Остальное время методическим огнем артиллерии, огневыми налетами уничтожались отдельные цели.

Из воспоминаний генерала армии Валентина Варенникова:

— Через сутки в афганских средствах массовой информации по нашему требованию появились подробные сообщения о том, что, несмотря на просьбы и предупреждения не мешать советским войскам возвращаться на свою Родину, не провоцировать боевые действия, во многих местах банды изготовились к нападению на колонны частей 40-й армии, предназначенные для вывода.

В таких условиях вместо нормального движения войска вынуждены были вести боевые действия. И все это — только по вине главарей «Альянса семи», в ущерб афганскому и советскому народам. В итоге все подтянутые к магистралям банды были разгромлены. Гульбетдин Хекматиар хотел «баню»?! Он ее получил. И мы постарались разъяснить это народу не только во всех средствах массовой информации, но и традиционными каналами — на базарах, через караваны, просто через ходоков в кишлаки. При этом оппозиция строго предупреждалась о том, что если кто-то еще раз посмеет перейти к нападению, то последующие наши удары будут во много крат мощнее предыдущих.

После такой «чистки» в сентябре 1986 г. войска вышли без потерь.

И вот новое «масштабное» испытание... Как-то оно пройдет в 1988 году?

...В начале года, как только закончилась операция «Магистраль», в 40-й армии в рабочем порядке фактически были согласованы все вопросы по выводу. В принципе вся группировка армии делилась ориентировочно на две равные части, в каждой из которых насчитывалось около 50 тыс. личного состава.

Боевым распоряжением командующего 40 ОА № 01 от 13.03.1988 г. нашей бригаде вывод был определен своим ходом в три этапа.

Первый этап из Джелалабада — 15 мая — 228 единиц техники одной колонной; второй из Газни — 28 мая — 139 машин 177 оо СпН; третий из Бараков (Суфла) — 10 июня — последней колонной 668 оо СпН из 127 машин. Предстояло своими силами этими колоннами вывести весь личный состав и грузы: 72 тонны боеприпасов, 236 тонн ГСМ, 60 тонн продовольствия, а также 365 тонн прочего имущества.

В апреле 1988 г. министр обороны СССР генерал армии Д. Ф. Язов прислал директиву, в которой определялись все вопросы, связанные с организацией и обеспечением вывода войск. В том числе указывалось, что все войска выводятся за девять месяцев.

Первый этап вывода — с 15 мая по 15 августа 1988 г., второй — с 15 ноября 1988 по 15 февраля 1989 года. То есть на каждый из этапов давалось три месяца, при этом перерыв между ними составлял тоже три месяца. Практика же показала, что мы способны были решить эту задачу и в более сжатые сроки, а время, определенное на январь-февраль (самые снегопады в горах и морозы), было ошибочным.

Министр обороны СССР определил и направления вывода. Это были те же маршруты, по которым 40-я армия вошла в Афганистан в 1979 году. На западе: Кандагар — Шинданд — Кушка. На востоке: сходившиеся в Кабуле маршруты из Газни, Гардеза и Джелалабада. Далее войскам этого направления предстояло преодолеть перевал Саланг высотой более 3 тыс. метров, выйти в район Пули-Хумри и завершить марш в Термезе. Более

50 тыс. солдат и офицеров из 15-й и 22-й бригад спецназа, 56-й десантно-штурмовой бригады, 66-й и 70-й мотострелковых бригад, а также частей 201-й мотострелковой дивизии покидали Джелалабад, Газни, Гардез, Кандагар, Лашкаргах, Файзабад и Кундуз на первом этапе. Варенников В.И. вспоминал о вроде бы второстепенных, но важных моментах.

Из воспоминаний генерала армии Валентина Варенникова:

— В середине апреля 1988 года меня вызвали на заседание комиссии Политбюро ЦК КПСС, где я докладывал готовность войск 40-й армии к выводу и способность армии Афганистана защитить независимость страны. Заседание вел председатель комиссии Шеварднадзе. Он же и, особенно, Яковлев, проявляли исключительную активность в обсуждении проблем. Но в итоге все улеглось. Однако по двум вопросам решение было принято в сложных условиях.

Шла речь о способности афганской армии защитить власть и народ от агрессивных действий банд оппозиции. Вполне естественно, что под давлением Наджибуллы и его соратников в нашем Политбюро сложилось впечатление, что мы, советские воины, нанесли недостаточное поражение мятежникам, а поэтому возможности правительственных войск защищаться сомнительны. Отсюда вывод: в оставшееся время пребывания частей 40-й армии в Афганистане постараться нанести поражение наиболее опасным группировкам противника (и в первую очередь, Ахмад-Шаху Масуду). Мне совершенно ни к чему было разжигать эту дискуссию, к примеру, таким заявлением: «Правительственные войска способны защищать власть, а если кто-то думает иначе, то заблуждается».

Вполне понятно, что это взорвало бы ситуацию, хотя соответствовало действительности и было подтверждено жизнью (почти три года афганцы держались без наших войск).

Поэтому я говорил уклончиво: «Будут приняты меры».

Второй вопрос — об участии корреспондентов средств массовой информации СССР и всех представленных в Афганистане государств. Причем вопрос не стоял: участвовать им или не участвовать, ибо всем было ясно, что такое событие должно широко освещаться. Но проблема состояла в обеспечении их безопасности. Если в пунктах дислокации, которые покидались нашими частями, а также в районах ночевок или у государственной границы безопасность обеспечивалась с высокой гарантией, то во время движения колонн — а все журналисты хотели следовать с колоннами — сделать это было сложно. Журналисты, не имея оружия и средств защиты, при первом же нападении любой банды станут первыми жертвами. Тем более что мы уже имели в этом плане горький опыт.

Когда дебаты подходили к концу, обратились с вопросом ко мне: а как вы считаете? Я ответил: «Дело добровольное. Все будут предупреждены о возможной опасности. В случае нападения банды каждый должен выполнить команды командира подразделения, с которым следуют корреспонденты. За свою жизнь каждый отвечает лично. Кто опасается — может поприсутствовать при проводах и на госгранице, куда мы постараемся перебросить желающих. Я высказался за такой вариант, чувствуя, что вывод войск бу-

дет все-таки безопасным. Кроме того, имел в виду, что почти всем корреспондентам мы все-таки сможем выдать бронежилеты. Со мной согласились.

Вернувшись из Москвы, генерал армии В. Варенников прилетел в Джелалабад, где инспектировал нашу бригаду. Заслушал командира и заместителей, осмотрел части и в целом остался доволен состоянием дел, а перед вылетом вдруг неожиданно приказал:

— Силами бригады в течение недели соорудить бункер для остающихся советников на территории Джелалабадского аэродрома.

Прямо скажу, приказ был шокирующим, ну какие из наших разведчиков строители? Но обсуждению он не подлежал, тем более что к руководству были сразу приставлены специалисты-строители инженерной службы штаба 40-й армии. Строящемуся объекту было присвоено кодированное название «Саркофаг». Основная тяжесть работ легла на плечи личного состава 154-го отряда нашей бригады. 334 оо СпН не привлекался, так как он занимался восстановлением своей материальной части и боеспособности.

В этой ситуации мы с командиром бригады нервничали необычайно — ведь проблем с подготовкой к выводу было «выше крыши», а приходилось отвлекаться на совершенно ненужную нам работу. Не скрою, у нас с первой минуты твердо укрепилось мнение об этом строительстве как об очередной авантюре. Основным строительным материалом были избраны бетонные «хумы» из периметра ограждения военного городка штаба бригады, расположенного на территории бывшего оливкового завода. «Хумы» представляли собой полые бетонные кубы со сторонами в полтора метра. Было решено этими блоками прикрыть по бокам и сверху стандартный жилой модуль, в котором до того жили летчики.

Сооружение должно было полностью обеспечить безопасность, так как не имело окон, а у выхода блоки были выложены изгибом, чтобы пуля или осколок не залетели в помещение. Наши разведроты работали постахановски круглые сутки, в темное время на площадке включались прожектора для подсветки. Мы с командиром, меняя друг друга, круглосуточно контролировали стройку, мотаясь между аэродромом и штабом бригады. Все наши усилия объять необъятное были оправданны, и, несмотря на ряд сложностей, задача была выполнена. Благодарности за работу над объектом мы не дождались, так как завершили строительство с некоторым опозданием по времени, за что получили разнос вышестоящего командования по этому поводу...

Объект получился далеким от совершенства. Бетонные блоки выглядели угрюмо, тяжеловесно и устрашающе... Жилое помещение советников было обнесено монументальной стеной — огромными, в два ряда идущими металлическими сетками, заполненными валунами. Вдоль стены установлены минные поля: подвешены на туго натянутых проволоках осколочные гранаты, мины вкопаны в землю. Все было продумано. Это сооружение предназначалось для последнего смертного боя, и инженерная служба армии вместе с нашими солдатами потрудилась на славу. Стоять «Саркофаг» будет вечно, как монумент «шурави». Наши друзья советни-

ки, так же как и мы, отзывались очень скептически о новом фортификационном сооружении. Всем было понятно, что это решение принималось в Москве, в удобном кабинете какого-то начальника не ведавшего, что такое Афганистан.

Остающаяся группа советников была убеждена, что долго здесь не задержится. Так оно и получилось. На другой день после августовского выхода последнего подразделения 66-й бригады в Кабул поступила тревожная радиограмма о неотвратимости наступления мятежников и срочной эвакуации советников. В тот же вечер прибывшие из Кабула самолеты забрали группу.

В середине лета к нам в Чирчик заезжали двое наших друзей-чекистов (В. Арцыков и В. Микадзе) из той группы советников. И с возмущением рассказывали нам свои впечатления о разграбленных военных гарнизонах, переданных Царандою, о выброшенных на ветер материальных средствах, и о том, что они (советники) и не думали задерживаться в Джелалабаде. Технические неисправности в подаче электроэнергии и воды делали невозможным их пребывание в «саркофаге». Боевого контакта с противником не было, но в 200-х метрах разорвалась одна мина, что оценили как «подготовку противника к штурму».

Задумка начальников не получилась. Важно было показать, что мы остаемся с защитниками города, не бросаем его на произвол судьбы. Нужен был символ нашей стойкости. На деле вышло другое. Два чувства – страх перед противником и недоверие к союзнику – превращались в решающие факторы поведения наших советников. Аппарат советников в Кабуле знал, что делается на местах, но их информация в Москве оценивалась иначе.

Учитывая показательность и сложность вывода авангарда войск армии, ее организацией занимался лично командарм Борис Громов, который часто бывал в эти дни в Джелалабаде. Он же лично проводил строевой смотр готовности походных колонн.

Стремительно пролетели две недели мая. Джелалабад, представляющий особую значимость, заблаговременно (то есть до вывода советских войск) максимально усиливали: перебросили дополнительно армейские части правительственных войск, боевую авиацию, направили пополнение для доукомплектования частей гарнизонов, боевую технику и вооружение (особенно БТР, БМП, артиллерия). Большая организаторская работа наших советников, не прекращалась ни днем, ни ночью, строилась оборона, проводились тренировки. К тому времени в Джелалабадском гарнизоне были сконцентрированы неприкосновенные запасы боеприпасов, горючего и продовольствия на три месяца.

Военные городки, в которых жили части бригады, – казармы, столовые, бани – остались в таком образцовом состоянии, что складывалось впечатление, будто солдаты лишь на минуту покинули его. Кровати были аккуратно заправлены новыми постельными принадлежностями, которые накануне вывода завез из Союза неутомимый заместитель командира бригады по тылу Игорь Серзин. На установленных местах лежали даже прикроватные коврики, а под тумбочками – тапочки.

Казармы усилиями нескольких поколений военнослужащих выглядели обжитыми и были оборудованы всем необходимым. Без перебоя работал водопровод. Объединенной комиссией советских и афганских тыловых служб были подписаны акты о приеме и передаче имущества. Афганцы, подписав соответствующие документы, выставили в гарнизонах свою охрану. Утром 14 мая мы полностью освободили занимаемые военные городки и встали лагерем в роще на берегу мелкого ручья, недалеко от места постоянной дислокации 154 оо СпН. В сотне метров от нас проходило стратегическое шоссе Кабул – Джелалабад – Пешавар, по которому буднично катились бурбухайки в Пакистан и обратно. Афганские водители призывно сигналили нам клаксонами, их пассажиры дружелюбно махали руками: «Счастливо, шурави!»

И вот наступило то историческое утро – 15 мая. День начала вывода советских войск. С первыми лучами солнца, наскоро перекусив, наша колонна с личным составом на борту вернулась на территорию 66-й бригады. Спешилась.

Управление, штаб бригады, два отряда спецназначения, отряд спецрадиосвязи и подразделения обеспечения построились на строевом плацу. От командования армии на трибуне находился член военного совета армии генерал-майор Захаров. Все представители местной афганской власти и общественности прибыли в бригаду для личного участия в церемонии прощания. Надо отдать им должное, руководство провинции Нангархар организовало сердечные проводы выводимых частей. Быстро пролетел митинг, завершившийся торжественным прохождением войск, и колонна неотвратимо пошла на север. И хотя на часах было только 7 утра, расплавленный солнечный диск уже давил своим безжалостным жаром все живое. В движении лица обжигала просто мартеновская духота...

Прощание афганцев с нашими воинами было просто трогательным. При прохождении колонны через Джелалабад с солдатами, сержантами и офицерами вышли проститься более 12 тыс. местных жителей. Стоя плотной стеной на обочине шоссе, простые декхане бросали на броню проходящей техники цветы и бумажные венки, открытки с приветствиями и пожеланиями, написанными на русском языке, флажки с выдержками из Корана. Думали ли они в тот момент, в какое тревожное время вступают после выхода советских войск? Совсем скоро провинциальный центр будет разбит огнем артиллерии талибов. Тысячи людей бросят свой кров и уйдут в безопасные места. Кто-то откровенно радовался выводу, кто-то мечтал о возмездии, но тем не менее при прохождении нашей колонны провокаций отмечено не было.

Командование армии провело огромную работу по организации боевого охранения войсковых колонн в ходе марша и в местах отдыха. Все используемые коммуникации были основательно заблокированы войсками. На маршруте Джелалабад – Кабул на блоках находились десантники 103 вдд, на участке Кабул – Джабаль – Уссарадж – подразделения 108 мсд, на перевале Саланг и далее до Чаугани – 345 опдп. Далее до Хайратона – роты 395, 149 и 122 полков 201 мсд. Были тщательно спланированы действия артиллерии и всей авиации ВВС армии. На весь личный

состав выходящих частей из Афганистана были доставлены каски и бронежилеты.

Провоевав девять лет, разведчики спецназа только перед началом последнего марша получили средства индивидуальной защиты. Кстати, деньги на эти цели были потрачены немалые, – например, только один бронежилет типа 6-Б-2 стоил 960 рублей! Это тогда были очень немалые деньги. А бронежилетами обеспечили всех военнослужащих – от комбрига до последнего солдата-повара... Принятые меры безопасности не были лишними – благодаря им наши колонны вышли без царапины и погибших.

Об этом памятном дне написал и генерал армии В.И. Варенников:

«В первый день выхода войск из своих гарнизонов я был в Джелалабаде. Там располагались 66-я отдельная мотострелковая бригада и 1-я бригада специального назначения Главного разведывательного управления Генштаба. Кроме того, здесь же, на аэродроме, располагался и небольшой авиационный гарнизон. Он включал в себя не только самолеты и вертолеты, перелет которых был спланирован отдельно, но и значительную часть наземного эшелона, куда входили различные подразделения обслуживания.

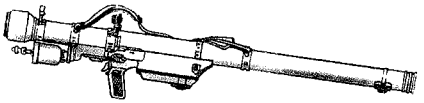
Все они, конечно, шли с общей колонной под прикрытием боевых частей. Все, что было в Джелалабаде (и, естественно, по соседству – в Асадабаде), переходило в Кабул и располагалось там в специально отведенном районе неподалеку от кабульского аэродрома. Имелось в виду, что с утра 16 мая часть войск кабульского гарнизона и все те, кто подошел 15 мая в Кабул, тронутся на Термез. Набиралось несколько тысяч».

Вообще церемония вывода наших войск приобрела не просто торжественный, а величественный характер. В Джелалабаде, в военных городках, только населения собралось более 15 тыс. человек. Были здесь и военные, и местные авторитеты, и местные власти. Проводились митинги. Теплые речи с обеих сторон: мы клялись, что в беде Афганистан не оставим, а афганцы клялись, что будут дружбе вечно верны и с помощью Советского Союза укрепят демократические свободы. К сожалению, ни того, ни другого не получилось: с 1992 г., по решению Ельцина, мы Афганистан вообще бросили, а «демократией» стали заниматься фундаменталисты – с помощью талибов они вообще разрушили страну».

Добавлю, что на маршруте движения колонн до Кабула во всех кишлаках устраивались теплые встречи и сердечные проводы «шурави». На окраине столицы первые машины колонны встречал сам командарм Громов и при подходе всей массы машин возглавил ее марш при прохождении по городу. При этом колонна была поделена на две части. Первая, боевая, из 114 БТР-80 шла за машиной командарма через Кабул, а вторая, тыловая, пошла вокруг города на отстойник Теплого Стана. В столице в этот момент творилось что-то необыкновенное. Далеко не в каждый праздник на улицах бывало так много разряженной публики. По оценкам службы безопасности, на проходящую колонну смотрели более 100 тыс. человек. Повсюду море цветов, кругом лозунги на русском и афганском языках, флаги и флажки, музыка... По-моему, этот праздничный настрой свидетельствовал о многом.

Торжественный вынос Боевого знамени 668 оо СпН. Впереди командир отряда майор Владимир Удовиченко, со знаменем командир группы лейтенант Сергей Клименко. Суфла, 1986 г.

Заместитель командира отряда майор Виктор Головко (погиб в бою 17 апреля 1988 г.)



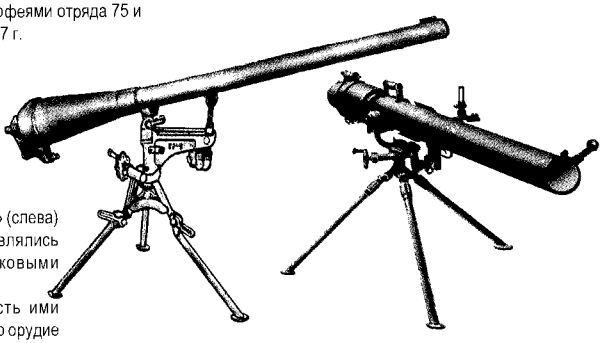
В «абчаканском» караване разведчики 668 оо СпН захватили несколько десятков китайских ПЗРК «Хуньтнь-5»

Офицеры 668 оо СпН участвовавшие в уничтожении каравана моджахедов у кишлака Абчакан. Слева направо: командир группы 2 роты лейтенант Василий Саввин, замполит 2 роты старший лейтенант Павел Трофимов старшина группы связи прапорщик Николай Тищенко. Провинция Логар, май 1987 г.

мандиры групп 668 оо СпН лейтенанты Роберт Яшин и ргей Корытин вооружены 7,62-мм автоматами АКМС. овинция Логар, 1987 г.

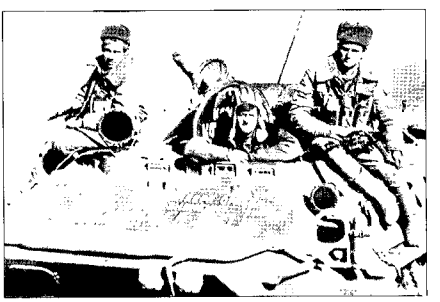
Подавляющее число командиров подразделений спецназ предпочитало 5,45-мм автомату АКС-74 автоматы калибра 7,62 мм (АКМС и АКМСЛ) из-за доступности боеприпасов в бою (использование трофейных патронов), большего останавливающего действия пули, наличия к автомату патронов с бронебойно-зажигательными пулями и возможности ведение бесшумного огня с прибором бесшумной и беспламенной стрельбы ПБС-1

Офицеры 668 оо СпН с боевыми трофеями отряда 75 и 82-мм безоткатными орудиями. 1987 г.



75-мм безоткатное орудие тип «56-2» (слева) и 82-мм БО DKZ-82K65 (Китай) являлись самыми мощными противотанковыми системами афганских моджахедов.
К концу 80-х годов насыщенность ими бандформирований составляла одно орудие на 20-30 человек.

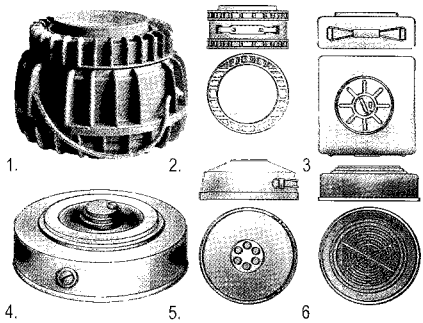
Заместитель командира 668 оо СпН капитан Владимир Воробьев (слева) и начальник разведки отряда старший лейтенант Сергей Михайленко (справа) с Героем Советского Союза водителем БТР 3 роты сержантом Юрием Мировлюбовым. 1987 г.



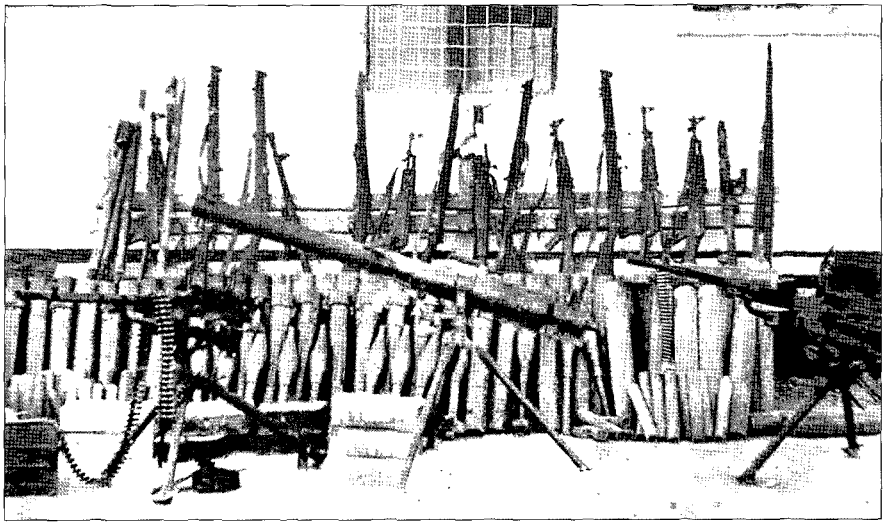
Машина имени Павла Корчаки, командира группы Баракинского батальона погибшего в бою 10 апреля 1987 г.

Награждаемые 668 оо СпН в ходе церемонии вручения государственных наград фотографировались у развернутого Боевого знамени отряда. Во втором ряду третий справа командир отряда майор Анатолий Корчагин. Суфла, 1987 г.

БТР 70 668 оо СпН подорвавшийся на противотанковой мине (отрыв первого правого колеса). Такие повреждения БТР 70 обычно вызывала обычная противотанковая мина. 668 оо СпН, 1987 г



Противотанковые мины душманов:
1. - TS-6,5 (Италия); 2 - TS- 2,5 5 (Италия);
3. -M19 (США), 4 - ТМ-57 (СССР);
5. - Mk7 (Великобритания); 6. - P3Mk1 (Пакистан)

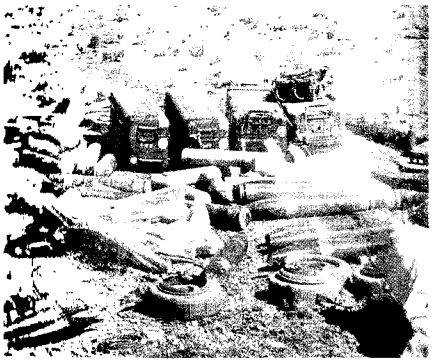


Оружие и боеприпасы захваченные РГ СпН лейтенанта Юрия Коваленко в ходе уничтожения из засады вьючного каравана моджахедов. 668 оо СпН, 1987 г

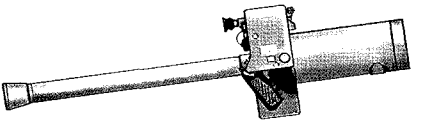
Юрий Кимович Коваленко и Олег Владимирович Кривопалов – замкомроты 668 оо СпН и начпо 15-й бригады есть что вспомнить Встреча ветеранов 15 обр СпН, 2007 г

Офицеры-«баракинцы» после выполнения боевой задачи Крайний справа врач медпункта отряда лейтенант Александр Белевитин. Провинция Логар, 1987 г

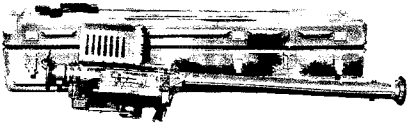
Командир группы 668 оо СпН лейтенант Герман Похвощев (пятый слева) после вручения ему ордена Ленина Справа от Германа командир 15 обр СпН полковник Юрий Старов Джелалабад, 1987 г



Трофеи группы спецназ Германа Похвощева. Противотанковые мины, реактивные снаряды, два ПЗРК «Стингер» (зеленые точки) и два ПЗРК «Блоупайп» (синие точки)



Переносной зенитный ракетный комплекс «Blowpipe», Великобритания



Переносной зенитный ракетный комплекс «Stinger», США

Офицеры-разведчики 668 оо СпН с задержанными моджахедами Провинция Логар, 1987 г

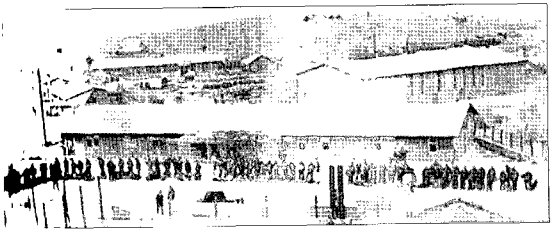
Расположение 668 отдельного отряда спецназ в окрестностях н.п. Суфла, провинции Логар

Однокурсники по Киевскому ВОКУ и сослуживцы по Афганистану начальник штаба 668 оо СпН майор Николай Коркишко и дежурный по ЦБУ отряда майор Александр Кухтин в редкую свободную минуту .. Суфла, 1987 г

Могила сержанта 668 оо СпН Дмитрия Сушко
Начальник политотдела 15 обр СпН подполковник О В Кривопалов у могилы Дмитрия в Кривом Роге 1989 г

Разведчики 459 ор СпН у плаката, объясняющего причины ввода Советских войск в Афганистан. Кабул, 1981 г.

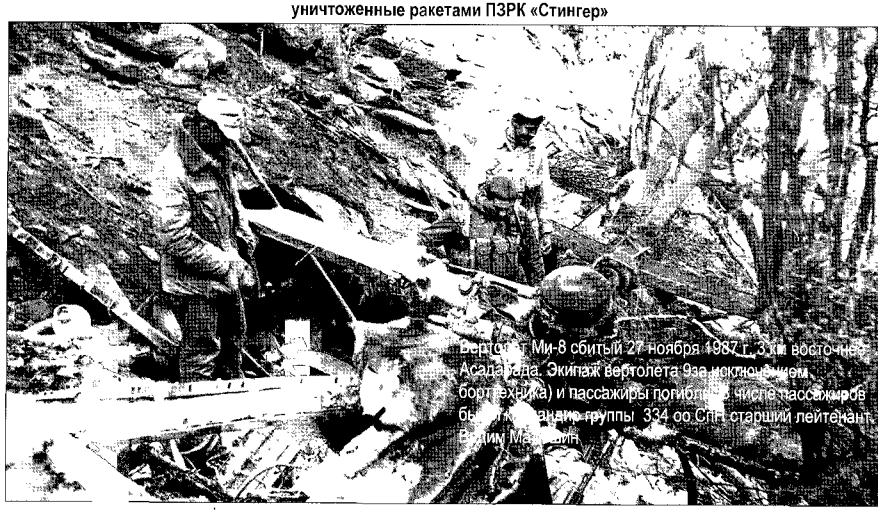
Первый командир 459-й отдельной роты спецназ 40 ОА капитан Рафис Латыпов. 1982 г.



Расположение 459 ор СпН, кабул, 1986 г.

Выступает зам. командира группы 459 ор СпН перед боевой задачей. Кабул, март 1982 г.

Вертолеты Джелалабадского 335-го отдельного боевого вертолетного полка уничтоженные ракетами ПЗРК «Стингер»



Вертолет Ми-8 сбитый 27 ноября 1987 г. 3 км восточнее Асадабада. Экипаж вертолета 9ти человек (техник борттехника) и пассажиры погибли. В числе пассажиров были из состава группы 334 оо СПН старший лейтенант Вадим Ма[illegible]ов.

Моджахеды полевого командира «Инженера» Гафара под Джелалабадом. Осень 1986 г Зенитной группой этого главаря бандформирования, согласно имеющимся данным, в 1986-1988 гг в провинциях Кунар, Нангархар и Лагман было уничтожено около 10 летательных аппаратов Советских и Афганских ВВС

БТР-80 с Боевым знаменем 15-й бригады спецназ пересекает советско-афганскую границу. Термез, 18 мая 1988 г.

Личный состав15 обр СпН проходит торжественным маршем по окончанию митинга, посвященном началу вывода советских войск из Афганистана Впереди, возглавивший вывод бригады из Афганистана комбриг полковник Юрий Старов Термез, 18 мая 1988 г

Надежда Петровна Старова встречала мужа «с войны» в Термезе, 18 мая 1988 г.

В центре командир бригады полковник Юрий Тимофеевич Старов и начальник штаба подполковник Юрий Дмитриевич Исаков с увольняемыми в запас военнослужащими срочной службы. Чирчик, март 1989 г.

И СНОВА БОЙ...

Война не осталась в Афганистане... В январе-марте 1990 г. личный состав 15 обр СпН принимал участие по наведению конституционного порядка в Закавказье.
Справа офицер «афганец» начальник медицинской службы 154 оо СпН старший лейтенант Юрий Саруханов с разведчиками 1 роты спецназ 1-го отряда бригады.
Баку, январоь 1990 г.

Офицеры 15 обр Спн майоры Александр Мусиенко (слева) и Олег Голыбин проводять сеанс святи с аэродромом базирования армейской авиации. Таджикистан, осень 1992 г.

Офицеры-спецназовцы Чирчикской бригады в захваченном опорном пункте боевиков вооруженной таджикской оппозиции. Курган-Тюбинская обл , участок автодороги Колхозабад - Пяндж, декабрь 1992 г.

Операция по захвату Ромитского укрепрайона северо-восточнее Душанбе 22 февраля 1993 г. Командный пункт оперативной группы 15 обр СпН. Вверху начальник отделения Ташкенского окружного госпиталя полковник медслужбы В. Сидельников. Хирург с золотыми руками Владимир Олегович Сидельников участник «афганской», «таджикской» и «чеченских» войн не менее виртуозно владеет и оружием... Наблюдающий в бинокль комбриг-15 полковник В. Квачков едва успел предупредить тезку о вспышке выстрела снайпера, как над головой спрятавшегося за камень *доктора* просвистела пуля...

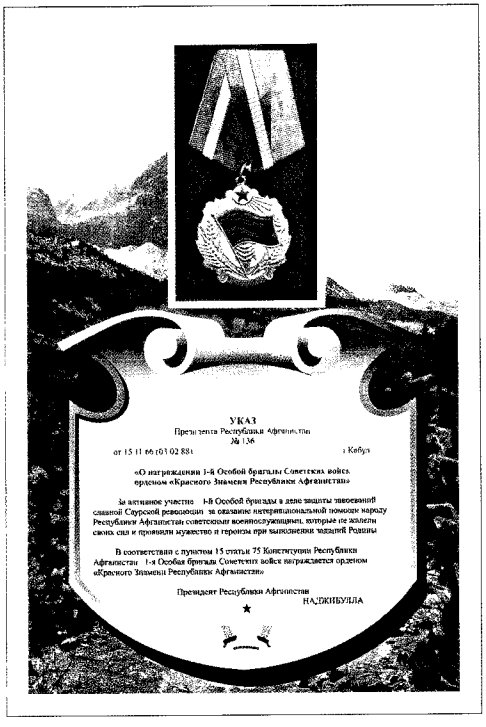
Командир 15 обр СпН (1989-1994 г г.)
полковник Владимир Васильевич Квачков (командир 177 оо СпН в Афганистане с октября 1984 по февраль 1985 гг.)

Старший офицер разведуправления ТуркВО полковник Сергей Золотарев (второй справа) инспектирует 15 обр СпН. Прыжки с парашютом, Азадбаш, 1992 г.

Встреча ветеранов 15 обр СпН
в г Днепропетровске
у памятника погибшим
воинам-интернационалистам
2 августа 2008 г.
В центре (в светлом костюме)
командир 154 оо СпН в 1981-1983 гг
Игорь Юрьевич Стодеревский

Фельдшер медпункта 334 оо СпН
(1985-1987 гг.) старший прапорщик
Иван Симоника берет автограф
у командующего 40 ОА
Виктора Федоровича Ермакова.
Встреча ветеранов Асадабадского
батальона в Москве 5-6 декабря 2008 г.

Встреча ветеранов «афганцев».
Слева направо:
подполковник Сергей Гаврилов
(334 оо СпН), генерал-полковник
Сергей Беков (советник ЦК КПСС
в оперативно-войсковой зоне
«Восток»), подполковник Василий
Якуба (15 обр СпН), полковник Юрий
Старов (15 обр СпН) и полковник
Николай Пырин (335 обвп)
Москва, 2008 г



УКАЗ
Президента Республики Афганистан
№ 136

от 15 11 86 г 03 02 884 г. Кабул

«О награждении 1-й Особой бригады Советских войск орденом «Красного Знамени Республики Афганистан»

За активное участие 1-й Особой бригады в деле защиты завоеванной славной Саурской революции за оказание интернациональной помощи народу Республики Афганистан советским военнослужащим, которые не жалеть своих сил и проявили мужество и героизм при выполнении заданий Родины

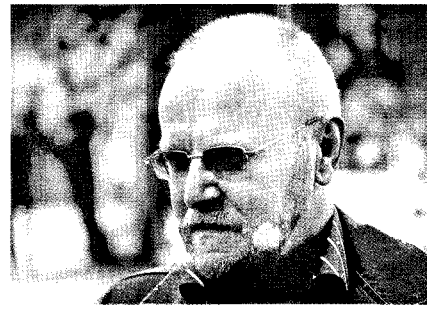
В соответствии с пунктом 15 статьи 75 Конституции Республики Афганистан 1-я Особая бригада Советских войск награждается орденом «Красного Знамени Республики Афганистан»

Президент Республики Афганистан
НАДЖИБУЛЛА

Советник ЦК КПСС в оперативно-войсковой зоне «Восток» Сергей Беков (в центре) на переговорах со старейшинами племён в ходе войсковой операции в провинции Нангархар. Осень 1982 г.
Сергей Мажитович лично ходатайствовал перед руководством Республики Афганистан о награждении 15 обр СпН орденом Красного Знамени.

Встреча ветеранов 15 обр СлН на открытии Мемориала «Доблесть и память подразделений специального назначения России». Московская обл., г. Химки, 8 сентября 2007 г.
Слева на право: первый ряд – генарал-лейтенант В. Горшуков, генарал-лейтенант С. Куцов, гвардии полковник Ю. Старов, полковник А. Гулевич, полковник А. Овчаров; втрой ряд – Н Жерелин, А. Соколов, подполковник В Абрамов, Е. Воинов, Д. Лютый, втрой ряд – С Михайленко, полковник И. Дуброва, В. Колупаев, В. Смирнов, Г. Удовиченко, С. Корытин (внизу) и Ю. Рыбаков.

Мемориал «Доблесть и память подразделений специального назначения России». г. Химки Московской обл.



Ветеран 334 оо СпН полковник Игорь Семенов. Мемориал погибшим воинам спецназовцам в подмосковных Химках был сооружен по инициативе Игоря Викторовича при его непосредственном участии в финансировании проекта и благодаря поддержке главы администрации муниципального образования офицера «афганца» Владимира Стрельникова (на фото внизу первый слева)

Командир 15 обр СпН (1986-1989 г г.) гвардии полковник Юрий Старов выступает на митинге посвященному открытию Мемориала воинам спецназовцам

Встречи ветеранов Спецназа 15-й бригады у Мемориала в Химках стали традиционными. Ветераны «асадабадцы» возлагают цветы на гранитные плиты мемориала с увековеченными именами своих боевых друзей. 15 февраля 2008 г.

Два комбрига-«афганца»: командир 15 обр СпН полковник Юрий Старов и командир 22 обр СпН генерал-лейтенант Дмитрий Михайлович Герасимов на встрече спецназовцев в Москве. 2008 г.

Встреча ветеранов Асадабадского батальона организованная руководителем Общероссийской общественной организации инвалидов войны в Афганистане начальником разведки отряда и командиром 2 роты 334 оо СпН (1985-1987 гг.) Андреем Чепурным (на фото вверху справа) 6 декабря 2008 г. в Москве

С наступлением ночи разместились на отдых на стоянках Теплого Стана – в отстойнике. По-походному перекусили сухими пайками, укутались в теплые куртки и шинели и как смогли переночевали устроившись прямо на броне своих машин... Да и что той ночи то – в три легли в пять часов встали.

Короткая и неспокойная ночь кончилась. Как только рассвело, на часах было 4.30 местного времени, начали вытягивать колонну к месту построения. В 7.15 16 мая колонна вошла в столицу.

Все волновались. Командарм на вечернем совещании предупредил, что советских воинов будут провожать лично президент Мохаммад Наджибулла Ахмадзай, или коротко Наджибулла, все члены Политбюро ЦК НДПА, все афганское правительство, многие общественные организации. На выходе из города нашли удобную площадку, где построили огромную трибуну-шатер для руководства страны, там же разместили большой оркестр и несколько тысяч горожан.

К 9 утра приехал Наджибулла. Все его ждали у трибуны. В числе приглашенных находились чрезвычайный и полномочный посол Советского Союза в Афганистане, руководящий состав посольства, командующий 40-й армией, члены Военного совета, начальники служб армии, представители – от ЦК КПСС, Минобороны, КГБ, МВД и др., главный советский военный советник, представители общественных организаций СССР в Афганистане. Кроме того, на трибуне присутствовало много иностранцев, а также всё представительство ООН во главе с генерал-майором Раули Хельминеном – руководителем комиссии ООН, осуществляющей наблюдение за выводом советских войск, Беноном Севаном – помощником Генерального секретаря ООН и Диего Кордовеса. Гостевые трибуны примыкали к центральной, где располагались руководители Афганистана.

Торжественность обстановки достигла такого уровня, что описать ее невозможно. Да, хотя мы разной веры, – думал я, – но за эти годы мы породнились с афганцами, а дружба наша скреплена кровью. И какие бы испытания наши народы ни прошли в последующем, эта дружба не будет забыта никогда.

Забегая вперед, можно сказать, что вместе с лидерами наших стран менялись и отношения между ними, что, конечно, бросало тень на наши народы. По крайней мере, нас сильно изменить не удалось. Мы до сих пор сохранили добрые чувства к афганскому народу.

Когда все было готово, прозвучали фанфары. Начинал митинг командующий войсками ТуркВО генерал армии Н.И. Попов, зачитавший Обращение ЦК КПСС к советским воинам-интернационалистам, возвращающимся из Афганистана. После этого было четко объявлено:

– Перед народом Афганистана и перед советскими воинами в Афганистане выступает президент Республики Афганистан – Наджибулла!

Наджибулла выступал в свойственной ему манере – страстно и ярко, часто не дожидаясь полного перевода своих слов. Говорил о том, почему советские войска пришли в Афганистан, что у них не было других целей, кроме примирения афганцев, которые затеяли борьбу за власть. А для СССР не безразлично, что творится у его соседей. Что только по неоднок-

ратной и настоятельной просьбе Советский Союз согласился ввести свои войска, но при условии, что он не будет вести боевых действий в Афганистане, и афганский народ благодарен Советскому Союзу за то, что он откликнулся на эти просьбы. Однако оппозиция спровоцировала боевые действия, в результате чего погибло много афганцев и русских, а этого могло и не быть, если бы мира хотели США, Пакистан и оппозиция – «Альянс семи». Именно на их совести сотни тысяч погибших людей и миллионы беженцев, которые скитаются сегодня по земле и не могут вернуться к своему очагу. «Политика национального примирения» внесла коренные изменения в нашу позицию – мы за мир на любых условиях, и в первую очередь с проведением всеобщих открытых выборов под наблюдением ООН, – говорил Наджибулла. – Сейчас советские войска уходят. Кое-кто старался обвинить их в дестабилизации обстановки. Сегодня советский солдат уходит к себе домой. Ему ничего от Афганистана и афганского народа не нужно. Он сделал все, чтобы помирить нас. И не он виноват, что не все получилось. Теперь он будет смотреть из Советского Союза, как мы это сделаем сами во имя народа. Мы, мусульмане.

– В эту минуту, – говорил Наджибулла, – мы обращаемся к советским матерям. Ваши доблестные сыновья возвращаются домой. Низкий вам поклон за воспитание настоящих интернационалистов. Наш народ никогда не забудет имена тех, кто отдал свою жизнь.

Прошу почтить их память минутой молчания. Мы выражаем свою сердечную благодарность всему советскому народу за всестороннюю бескорыстную помощь. Советские воины уходят, но дружба с Советским Союзом остается.

В таком духе Наджибулла выступал минут сорок с переводом. Речь его прерывалась аплодисментами. Мне довелось несколько раз встречаться с ним в штабе 40 ОА и бывать в его Президентском дворце в центре Кабула, в частности при вручении мне афганского ордена Боевого Красного Знамени. Он был приятным в общении человеком и красивым мужчиной.

Его любили советские военнослужащие. В его внешности и поведении чувствовалась какая-то внутренняя надежность. Он до последнего дня был верен СССР. Забегая вперед, скажу, что 13 апреля 1992 года последние семь военных советников под руководством генерала Перфильева Б.С. отбывали из Афганистана, но когда администрация кабульского аэродрома стала чинить им препятствия, позвонили Наджибулле. Он лично приехал на аэродром и обеспечил их отправку в Ташкент, сказав на прощание, что в ближайшее время к власти придет оппозиция, ему самому на посту президента осталось находиться пять дней и, хотя советские и предатели, он считает своим долгом отправить их домой целыми и невредимыми. К нему же в трагические минуты жизни внимания проявлено не было. Его бросили на растерзание...

От имени афганского руководства Наджибулла вручил бригаде спецназ памятное Почетное Красное знамя ЦК НДПА.

Ответное слово было предоставлено командиру «1-й специальной бригады советских войск» полковнику Старову. Наш Юрий Тимофеевич был

прекрасным оратором и сразу приковал к себе внимание аудитории. Своими яркими простыми фразами он как бы говорил за всех нас о том, что было на сердце у каждого советского военнослужащего.

— Мы гордимся тем, — сказал комбриг, — что с честью выполнили свой интернациональный долг. Нас радует высокая оценка, которую дало правительство дружественной республики всему личному составу, награждение части высшим афганским военным орденом Боевого Красного Знамени. В нашей памяти навсегда останутся не только совместные бои против врагов афганского народа, но и та помощь, которую мы вместе оказывали жителям кишлаков и городов. Мы внимательно будем следить за жизнью республики, будем радоваться вашим успехам в решении задач экономического и социального развития, претворения в жизнь политики национального примирения...

Президент республики, другие афганские руководители спускаются с трибуны, подходят к строю и вручают советским воинам медали «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа»

Раздается команда: «По машинам!» Под звуки военного оркестра колонна, растянувшаяся на несколько километров по всему городу, медленно вытягивается по дороге, ведущей к перевалу Саланг. А поскольку все машины шли в колонне по одной дороге, то выход войск из Кабула занял около пяти часов. Машины нашей бригады шли первыми.

Надо отметить, что за ночь, проведенную в Кабуле, бойцы по неуставному «украсили» свою технику. На башнях БМП и БТР, на солнцезащитных щитках в кабинах автомобилей появились большими буквами написанные наименования населенных пунктов, откуда были родом водители и механики-водители. Таким способом бойцы славили свою малую родину и отыскивали земляков и друзей, обменивались новостями. Над штабным БТР асадабадского батальона неугомонный майор Качура опять закрепил военно-морской флаг. Но изменить что-то уже было нельзя, и грозный командарм просто раздраженно махнул рукой...

Момент прощания с первой колонной советских войск описал В.И. Варенников:

«Первой пошла колонна 1-й бригады спецназ полковника Старова. Я прекрасно знал его солдат и офицеров в бою. Уставшие, даже изнеможденные, всегда настороженные, гимнастерка мокрая, по лицу бегут ручейки пота с грязью, как правило, все в пыли и, конечно, небритые. Такими я их видел во время боя. А сейчас на БТРах сидели красавцы бойцы-молодцы, чистые, румяные. Все улыбаются. Одежда выглажена. Белоснежные подворотнички, у всех на груди награды — залюбуешься. Все без исключения машины (боевые или транспортные) были в цветах. Вообще, прощание с советскими солдатами было трогательным, а с такими героями — тем более. Я искоса поглядывал на Наджибуллу. Он, как и другие, постоянно помахивал рукой и говорил: «Какие солдаты, какие солдаты!» Явно было видно, что он переживал. Это заметил и Юлий Михайлович Воронцов, наш посол».

На обочине в тысячной толпе провожающих бросались в глаза милые славянские лица русских женщин, которые вышли замуж за афганцев и

проживали в Кабуле. Многие из них, обливаясь слезами, кричали нам: «Мальчики, на кого вы нас бросаете!», «Ребята, заберите нас на Родину!», «Что же мы без вас будем делать?» Эти эмоции запали мне в душу. Еще тогда, в горячке вывода, я подумал, а, действительно, что же будет с несколькими тысячами русских женщин, создавших смешанные семьи, нарожавших детей и остающихся один на один с мусульманским средневековьем? Будущего у них не было. Эту надвигающуюся катастрофу не ощутил тогда никто, кроме них. Как показала жизнь, к марту 1996 г. в Афганистане осталось в живых всего семь русских женщин. Остальные были безжалостно вырезаны поголовно вместе с детьми и мужьями как пособники Наджибуллы.

...Шоссе втягивается в ущелье. Мы вышли на маршрут Кабул – Хайратон протяженностью 530 км. Изредка под откосами – сгоревшие наливники и бронетехника. Чем выше мы поднимаемся, чем ближе Саланг, тем этих кладбищ техники больше и больше... За кюветом, словно верстовые столбы – обелиски водителям и бойцам: где поставлен камень, где на плиту положили руль, и имена наших ребят под красной звездой. Это памятники погибшим. ...Облака – вот они, рукой подать. Это самый трудный участок дороги Чарикар – Доши, на котором расположен перевал Саланг.

Наконец, дорога выкручивается вниз. Веселее побежали машины. Вырываемся на равнину.

– Слава богу, самый трудный участок прошли.

К вечеру дошли до Пули-Хумри – городок дислоцируется на равнине, среди полукружья гор. Нас встречают тыловики подполковника А. Рыбакова. Очень быстро, образцово-показательно сотни боевых машин были заправлены горючим, а затем расставлены на ночлег. Лагерь этот без преувеличения можно отнести к вершинам творчества тыловой службы, возглавляемой заместителем командующего полковником В.А. Васениным. В Пули-Хумри для нас есть все: баня, столовые и казармы для ночного отдыха. Нас с командиром встречает и размещает для отдыха лично начальник разведки армии:

– Как прошли маршрут, Юрий Тимофеевич?

– Колонна обстреливалась дважды. Техника выдержала, потерь и отставших нет, – спокойно, с достоинством отвечает Старов.

– Полковник Чуркин докладывал командующему, что вас крепко обстреляли!

– В 13.40 из района Дахи-Нау по колонне были выпущены эресы, накрыли дорогу вблизи Дакай-Бала, но мы проскочили без потерь... Повторного обстрела не было, так как авиация и артиллерия нанесли ответный удар.

– Как же вы проскочили без потерь? Докладывали, что зарегистрировано сорок шесть разрывов снарядов. Мы думали: всё, конец – дым, пыль!

– Значит, повезло! Не так страшен черт, как его малюют.

Разговор прервал дежурный по связи:

– «Беркут» (позывной комбрига), вас вызывают на связь!

— Юрий Тимофеевич, здравствуйте, слышал, «западные голоса» твердят сейчас, что первая советская колонна «пробивается к границе с боями». Доложите обстановку!

— Товарищ член военного совета, потерь не имею. При выходе из Кабула отличился отряд обеспечения движения под командованием капитана Мальцева. Быстро заставил замолчать огневые точки «духов». В районе кишлака Дакай-Бала грамотно сработал «Барсук» (позывной комбата Гилуча), увеличил дистанцию между машинами и взял на прицеп поврежденный осколками грузовик. Так что все штатно! Сказки все это. Попытка выдать желаемое за действительное. Интересно, а что скажут по поводу марша иностранные журналисты, что идут у меня на броне? Дайте им возможность сбросить в свои агентства информацию о ходе марша!

Несмотря на общую загруженность маршрута, по словам офицеров диспетчерской службы, по 25-30 колонн в день, нашей колонне отдан приоритет. Нас не останавливают для подтягивания колонны на диспетчерских контрольно-пропускных пунктах, а только машут на прощание руками. Идем на хорошей скорости.

В пограничный город-порт Хайратон на встречу первой колонны прибыло рекордное количество корреспондентов (117 советских и 135 зарубежных). На голом пустынном пятачке, между машинами, я провел с ними подробную пресс-конференцию.

...Позади 800-километровый марш. Впереди ночевка. Бойцы приводят себя в порядок прямо на броне. Таможня и пограничники с особистами частей «шерстят» подразделения. Как одно мгновение пролетела бессонная ночь. Когда рассвело, всех охватило необычное волнение. Мы с командиром тоже привели себя в порядок: помогая друг другу, из кружки помылись, побрились, подшили свежие подворотнички, закрепили награды. По команде подразделения начали вытягивать колонну. На нашем командирском БТРе разместили Боевое знамя бригады. Открытое наименование предусмотрительно зашито куском материи. Хотя скрывать было совершенно излишним, так как «духи» были информированы о многом.

На последнем митинге в Хайратоне попрощались с афганскими товарищами. И вот наконец тронулись — уже видим ажурные контуры моста через Амударью. Когда наши войска входили в Афганистан, этого моста не было. Да и город узбекский Термез только в последнее десятилетие, получил известность во всем мире. Хотя давным-давно здесь проходил Великий шелковый путь. Как писали исторические хроники, караваны с большими трудностями перебирались через Амударью, которую в народе называли Джейхун, что значит «бешеная». Караван-баши, перебравшись на другой берег, подавали голос спутникам, не успевшим форсировать реку: «Тырк мыз!» — «Мы живы!»

Может быть, спустя века «тырк мыз» трансформировалось в сегодняшний Термез? Наверняка наши парни, возвращающиеся домой, не знали этой легенды, но многие на своих боевых машинах написали на кумаче: «Мы живы!».

Газета «Правда» 19 мая 1988 г. об этом моменте написала так:

«Туда, на мост дружбы, внимание множества людей — жителей Термеза и многочисленных гостей. И вот на серо-стальной вязи моста пламенем забилось под ветром развернутое знамя: движется головной БТР колонны — командирская машина полковника Ю. Старова. Бесконечной вереницей идут к советскому берегу боевые машины. Здравствуй, родная земля! Звуки маршей, приветствия, рев моторов сливаются в мощный гул. Вглядываемся в лица возвращающихся: радость и волнение. Дорогие наши бойцы в объятиях Родины.

С честью вернулись они домой. Интернациональный свой долг, задачи, которые поставила перед ними страна, они выполнили. Подходим к командирскому бронетранспортеру.

— С возвращением, Олег Владимирович! — обмениваемся рукопожатием с политработником подполковником Олегом Кривопаловым. — Как дошли?

— Все нормально. Безмерно рады возвращению домой.

В люке боевой машины видим рядового Виктора Набоху. — Как самочувствие? — знаем, что водителю-механику, сидящему за рулем, пожалуй, труднее всего дался марш. Виктор улыбается, машет рукой: мол, рад. Видим, многим бойцам волнение мешает выразить словами все то, что нахлынуло на них сейчас среди улыбок и цветов родной земли».

Замер строй на высоком берегу Амударьи напротив пограничной стелы и портретов Политбюро. Звучит величественный гимн родной страны. Начинается митинг.

— Это событие войдет в историю как свидетельство миролюбия, стремления решать сложные международные вопросы на основе уважения национального суверенитета государств и народов. — сказал Председатель Верховного Совета Узбекской ССР П. Хабибуллаев. — Узбекский народ встречает и приветствует воинов-интернационалистов как самых дорогих и славных своих сынов.

Слушая оратора, я думал о своем: «Почему на митинге нет ни одного представителя союзной власти? Такое исторически важное событие мог бы отметить и президент СССР! Ведь он главный организатор начала вывода войск. Ведь есть примеры: лидер кубинской революции Фидель Кастро лично встречал у трапа самолета или на причале каждого воина-интернационалиста, возвращающегося на Родину».

Это невнимание тогда задевало самолюбие и солдат, и офицеров. Во многих курилках и казармах потом обсуждалась эта тема.

Через десятилетия другой человек — боевой генерал, участник той войны написал созвучные нам слова:

«Первый этап вывода наших войск прошел выразительно, был под всеобщим контролем и освещался всесторонне. И был он знаменательным — никаких потерь! Но знаменательным было и другое: провожал народ Афганистана, местные и центральные органы власти до президента РА включительно, а в СССР наших ребят встречал наш народ и местные органы власти. Правда, московских начальников не было, как всегда, они были заняты. А ведь полно членов Политбюро ЦК, в аппарате ЦК — целая дивизия работников, а еще руководство Президиума Верховного Совета, руководство правительства... Конечно, если всех их посчитать, наверное, столько не наберется,

сколько выводилось войск. Для встречи наших воинов после почти 9-летней войны можно было бы найти человек пять, которые встретили бы наши части на Термезском и Кушкинском направлениях. Но этого не произошло. Конечно, солдату обидно и стыдно за таких предводителей».

У трибуны стояло множество родственников, приехавших со всего Союза. В толпе увидели Надежду Петровну Старову – жену нашего комбрига и Наталью Воронину – жену переводчика бригады. Рядом с ними утирала слезы Нугазама Фарвазова, она приехала из Челябинска встречать сына Виталия, водителя БТР нашей бригады.

Мы стоим лицом к Амударье. За ней – афганская земля. Думаю: «Неужели это момент истины?»

Вспоминаются слова философа Николая Бердяева: «Прошлое призрачно потому, что его уже нет, а будущее призрачно потому, что его еще нет!»

Какое будет у нас будущее?

Полковник Олег КРИВОПАЛОВ,
заместитель командира – начальник политотдела 15 обр СпН

АФГАНСКИЕ ИТОГИ

Итак, 9 лет войны позади. Личный состав 15 обр СпН за годы «афганской войны» показал себя, как сплоченный многонациональный коллектив, в котором служили представители 21 национальности Советского Союза. При этом все служили одинаково честно и самоотверженно.

По данным политического отдела бригады на 15 мая 1988 г. (в канун вывода из Афганистана) в составе 15 обр СпН служило 2482 военнослужащих, из них 302 офицера и 147 прапорщиков.

На учете политотдела 15 обр СпН состояло 252 члена КПСС и 97 кандидатов в члены КПСС. Каждый десятый военнослужащий являлся коммунистом или кандидатом в члены КПСС. Среди офицеров коммунистами были – 81,8 процентов, среди прапорщиков – 25,8 процентов, сержантов – 6 процентов, солдат– 1,5 процентов. Членами ВЛКСМ были 2039 человек. Безусловно, такое количество сознательных и наиболее организованных солдат, сержантов, прапорщиков и офицеров положительно влияло на сплочение коллективов и укрепление воинской дисциплины.

Нельзя назвать воинскую дисциплину на войне образцовой, как и везде и всегда в войсках на бытовом уровне отмечались случаи употребления спиртных напитков, нарушения караульной и внутренней службы, пререкания и грубости, неуставных взаимоотношений, воровства, промотания или утраты военного имущества. Но во время боевых выходов на реализацию разведданных личный состав демонстрировал высокие морально-политические качества, психологическую устойчивость, мужество и героизм.

Анализ действий разведки в Афганистане, особенно в период 1984-1989 гг. подтвердил высокую результативность частей Спецназ ГРУ, составлявшие 4,1 процентов от численности 40-й армии (максимальное количество – 120 тыс. чел.), которые давали до 80 процентов боевых результатов всей армии.

В мае 1986 г. на базе 16 обр СпН (п. Чучково, МВО) состоялся сбор руководящего состава частей и соединений спецназа ГРУ. Перед собравшимися командирами бригад и начальниками политотделов выступил начальник ГРУ генерал армии Ивашутин П.И., который, подводя итоги деятельности спецназа в Афганистане, назвал следующую динамику боевой активности:

«...Если в 1984 году разведывательными подразделениями двух отрядов (154 и 177 оо СпН) и отдельной ротой спецназ было уничтожено – 87 караванов с оружием и 73 группы вооруженных мятежников, то в 1985 году четырьмя отрядами только 15 обр СпН уничтожено 159 караванов, 210 групп моджахедов, а только за четыре месяца 1986 года уничтожено 52 каравана и 60 групп моджахедов... Не случайно, отмечая заслуги лучших частей СпН, в декабре 1985 года, 154-й отряд спецназначения был награжден Вымпелом министра обороны СССР «За мужество и воинскую доблесть, проявленные при выполнении специальных заданий командования».

Как говорится, по заслугам и честь!

Спецназ наносил ощутимый урон исламской оппозиции, так по данным Генштаба ВС СССР, Спецназом ГРУ ГШ было уничтожено 17000 душманов, 990 караванов и 332 склада, захвачено 825 пленных.

У меня сохранилась выписка из приказа начальника штаба ТуркВО № 06 от 29 января 1988 г. «О поощрении личного состава частей СпН по итогам боевой деятельности в 40 армии в 1987 году».

В приказе отмечается: *«...в истекшем году* (имеется в виду 1987 год – *прим. ред.*) *подразделениями спецназ перехвачено и уничтожено 332 каравана с оружием и боеприпасами, что не позволило руководству мятежников поставить во внутренние провинции Афганистана более 290 единиц тяжелого оружия, 80 ПЗРК, 30 ПУ РС, около 14 тысяч мин к минометам, 15 тысяч выстрелов к БО, 5 тысяч выстрелов к РПГ, 1800 единиц стрелкового оружия, более 5 тысяч ПТ и ППМ, 8 миллионов боеприпасов к стрелковому оружию.*

Частями СпН захвачено большое количество оружия и боеприпасов. Так каждый пятый миномет и ДШК, каждая четвертая единица СО, каждый третий РПГ, каждое второе безоткатное орудие, в 40-й армии захвачены в бою разведчиками спецназначения ГРУ...»

Хочу отметить, что по напряженности боевых действий 1987 г. мало чем отличался от предыдущих.

Невольно напрашивается уже звучавший вопрос – действия Спецназа, как вида боевого обеспечения – разведки, являлись в Афганистане обеспечивающими или все же заслуживают признания как самостоятельного способа ведения боевых действий – специальных действий?

По состоянию на 15 мая 1988 года результаты боевой деятельности 15 обр СпН выглядят следующим образом:

Наименование результата	Уничтожено	Захвачено
Мятежников	5234	413
Вьючных животных	2105	353
Автомобилей	113	7
ПУ РС	25	17
Крупнокалиберных пулеметов	41	29
Зенитных установок	23	18
Безоткатных орудий	42	6
Реактивных снарядов	более 4000	н.д.
ПЗРК	н.д.	около 70
из них «Stinger»		8
«Blowpipe»		4

Данные взяты из доклада командира 15-й отдельной бригады спецназначения полковника Ю.Т. Старова на военном совете 40-й ОА в Кабуле (май 1988 г).

Но война для двух отрядов бригады в мае 1988 года не закончилась. 668-й отряд выведен на Родину только 6 февраля 1989 года, а 177 оо СпН в последний день войны 15 февраля 1989 года. Восемь с половиной ме-

сяцев разведчики продолжали выполнять боевые задачи по периметру обороны столицы Афганистана, уничтожали врага и несли потери.

Все спецназовцы, и не только 15 обр СпН, стояли в приграничных, самых горячих точках Афганистана. Оценивая это обстоятельство, командующий 40 армией генерал-лейтенант Б.Громов писал: *«...в приграничных провинциях боевая активность моджахедов была чрезвычайно высокой. Особенно трудно пришлось батальонам, которые дислоцировались в Газни и Бараки. Напряженная ситуация сложилась в Джелалабаде и сохранялась там на протяжении всех девяти лет. Особенно тяжело пришлось подразделениям, находящимся в Асадабаде»*.

Достойную оценку спецназу давали и наши враги. Так глава исламской партии Афганистана Гульбеддин Хекматьяр, выступая на конференции в учебном полку «Хазрат» в январе 1987 г., отмечал: «*Моджахедов на каждом шагу подстерегает опасность. Они подвергаются воздушным атакам вертолетами и штурмовиками Су-25. На них устраивают засады воины спецназа*».

В статье американского политолога Дэвида Оттауэя, опубликованной 6 июля 1989 г. в газете «Вашингтон Пост», отмечалось: «*...Советский Союз оказался способным проявлять чрезвычайную гибкость в приспособлении «сил специального назначения» к задачам операции легкой пехоты...*», и далее: «*единственные советские войска, которые воевали успешно — это силы специального назначения, доставлявшиеся на вертолетах*».

Безусловно, в Афганистане спецназ получил боевое крещение и раскрыл свой боевой потенциал. Высокая специальная подготовка, мужество и выдержка наших разведчиков стали поистине легендарными. Война есть война. В ходе боевых действий Спецназ нес потери, но они относительно других родов войск были минимальными. Так за всю Афганскую войну части СпН потеряли около 800 солдат и офицеров, при этом 780 человек погибло и 14 пропали без вести.

По соединениям и частям статистика потерь выглядит так: 15-я обр СпН — 508 человек (495 убитыми и умершими от ран в ходе боя, 13 пропавшими без вести).

До ввода в Афганистан в марте 1985 г. бригада отвечала за комплектование личным составом 495-й отдельной роты спецназ, которая потеряла в боях убитыми 34 человека. Поэтому автор считает уместным потери отдельной роты считать потерями личного состава 15-й бригады. Итого всего за бригаду потери составляют: 542 убитых и пропавших без вести. Полный список погибших за 15 бригаду и 495 ор СпН размещен в приложении этой книги.

22-я обр СпН (1984-1988 гг.) понесла потери 190 убитыми и один пропавший без вести.

Потери по отдельным отрядам за весь спецназ в Афганистане составляли:

Штаб 15 обр СпН — 3 чел. погибших.

154 оо СпН — 177 чел. погибших, пропали без вести — 9 человек.

177 оо СпН — 160 чел. погибших, пропали без вести — 3 человека.

334 оо СпН — 104 чел. погибших.

668 оо СпН — 51 чел. погибший, пропал без вести — 1 человек.
Штаб 22 обр СпН — 15 чел. погибших.
173 оо СпН — 83 чел. погибших.
186 оо СпН — 41 чел. погибший.
370 оо СпН — 39 чел. погибших.
411 оо СпН — 22 чел. погибших, пропал без вести — 1 человек.
459 ор СпН 40 ОА — 34 чел. погибших.

Органы управления специальной разведки, оперативная агентурная разведка и аппарат военных советников — 35 чел. погибшими.

За массовое мужество личного состава и воинскую доблесть бригада и ее части награждены двумя Вымпелами МО СССР (12.1973 г.), (12.1985 г.), Почетным Знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть», двумя Почетными Знамёнами Военных Советов ТуркВО и СаВО, а также тремя знаменами союзных республик (Казахстана, Киргизии и Узбекистана).

Бригада и все ее отдельные отряды награждены Почетными Красными Знамёнами НДПА.

За Афганскую войну Президиумом Верховного Совета СССР награждены боевыми орденами и медалями более 4 тысяч солдат и офицеров 15-й отдельной бригады Спецназ.

Звания Герой Советского Союза удостоены:

Полковник Колесник Василий Васильевич.

Лейтенант Кузнецов Николай Анатольевич (посмертно).

Сержант Миролюбов Юрий Николаевич

Десять военнослужащих были представлены к присвоению звания Героя Советского Союза за совершение героических подвигов в ходе боевых действий в Афганистане, но удостоенные других государственных наград СССР или представления которых реализованы не были:

— рядовой Алхимов Сергей Николаевич награжден (посмертно) орденом Красного Знамени (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 сентября 1986 г.);

— капитан Бекоев Павел Викторович — награжден (посмертно) орденом Красного Знамени (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 сентября 1986 г.);

— рядовой Красников Виталий Васильевич награжден (посмертно) орденом Красного Знамени (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 сентября 1986 г.);

— сержант Коваленко Василий Владимирович — награжден (посмертно) орденом Красного Знамени (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 сентября 1986 г.);

— капитан Сахатов Марат Таймасович — награжден орденом Ленина (Указ Президиума Верховного Совета СССР, апрель 1980 г.);

— старший лейтенант Трофимов Павел Георгиевич — награжден орденом Красного Знамени (Указ Президиума Верховного Совета СССР, сентябрь 1987 г.);

— лейтенант Удовиченко Геннадий Викторович — представленный к званию Герой Советского Союза в 1987 году, представление реализовано не было.

— майор Холбаев Хабибджан Таджибаевич — награжден орденом Ленина (Указ Президиума Верховного Совета СССР от апреля 1980 г.);

— старший лейтенант Шарипов Владимир Салимович — награжден орденом Ленина (Указ Президиума Верховного Совета СССР от апреля 1980 г.);

— лейтенант Якута Олег Александрович — представленный к званию Герой Советского Союза в январе 1987 года, представление реализовано не было.

Среди награжденных военнослужащих 15 обр СпН 15 кавалеров ордена Ленина (полковник Колесник В.В. и Герасимов Д.М., майоры Холбаев Х.Т. и Головко В.И. (посмертно), капитан Сахатов М.Т., капитана А.Джамолов, старшие лейтенанты Байхамбаев М.К., Праута В.М. и Шарипов В.С., лейтенанты Турсункулов Р.Т., Нафиков Х.М. (посмертно), Кузнецов Н.А. (посмертно) и Похвощев Г.В., сержант Миролюбов Ю.Н., рядовой Сулин В.А. (посмертно)), 107 человек награждены орденом Красного Знамени, орденом Красной Звезды — 1160 чел., орденом «За службу Родине в ВС СССР» III степени — 103 чел., медалью «За Отвагу» — 1311 чел., медалью «За боевые заслуги» — 871 чел., орденами Республики Афганистан — 77 чел., медалями Республики Афганистан — 4164 человека.

К награждению посмертно орденом Ленина в апреле 1984 г. представлен сержант Борец Александр Николаевич (154 оо СпН), однако представление реализовано не было. Награжден орденом Красной Звезды.

Шесть офицеров бригады награждены двумя орденами Красного Знамени, что в Афганистане было редкостью. Это полковник Старов Ю.Т. (командир 15 обр СпН), подполковник Корчагин А.В. (177 оо СпН), майор Воробьев В.Ф. (668 и 154 оо СпН), капитаны Бекоев П.В. (177 оо СпН), Рындин С.И. (668 оо СпН) и Саввин В.И. (668 оо СпН).

С большим удовлетворением и гордостью могу констатировать, что единственная советская часть, награжденная афганским правительством за десять лет войны в Афганистане, оказалась наша 15-я отдельная бригада специального назначения. Это высочайшая оценка заслуг всех поколений военнослужащих бригады. Именно об этих заслугах воинов-разведчиков говорится лаконично в Указе Президента Республики Афганистан № 136 от 3.02.1988 г.:

«За оказание интернациональной помощи народу Республики Афганистан советскими военнослужащими, которые не жалели своих сил, проявили мужество и героизм при выполнении заданий Родины, в соответствии с пунктом 15 статьи 75 конституции Республики Афганистан 1-я ОСОБАЯ БРИГАДА СОВЕТСКИХ ВОЙСК НАГРАЖДАЕТСЯ ОРДЕНОМ БОЕВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ РЕСПУБЛИКИ АФГАНИСТАН».

Президент Республики Афганистан НАДЖИБУЛЛА

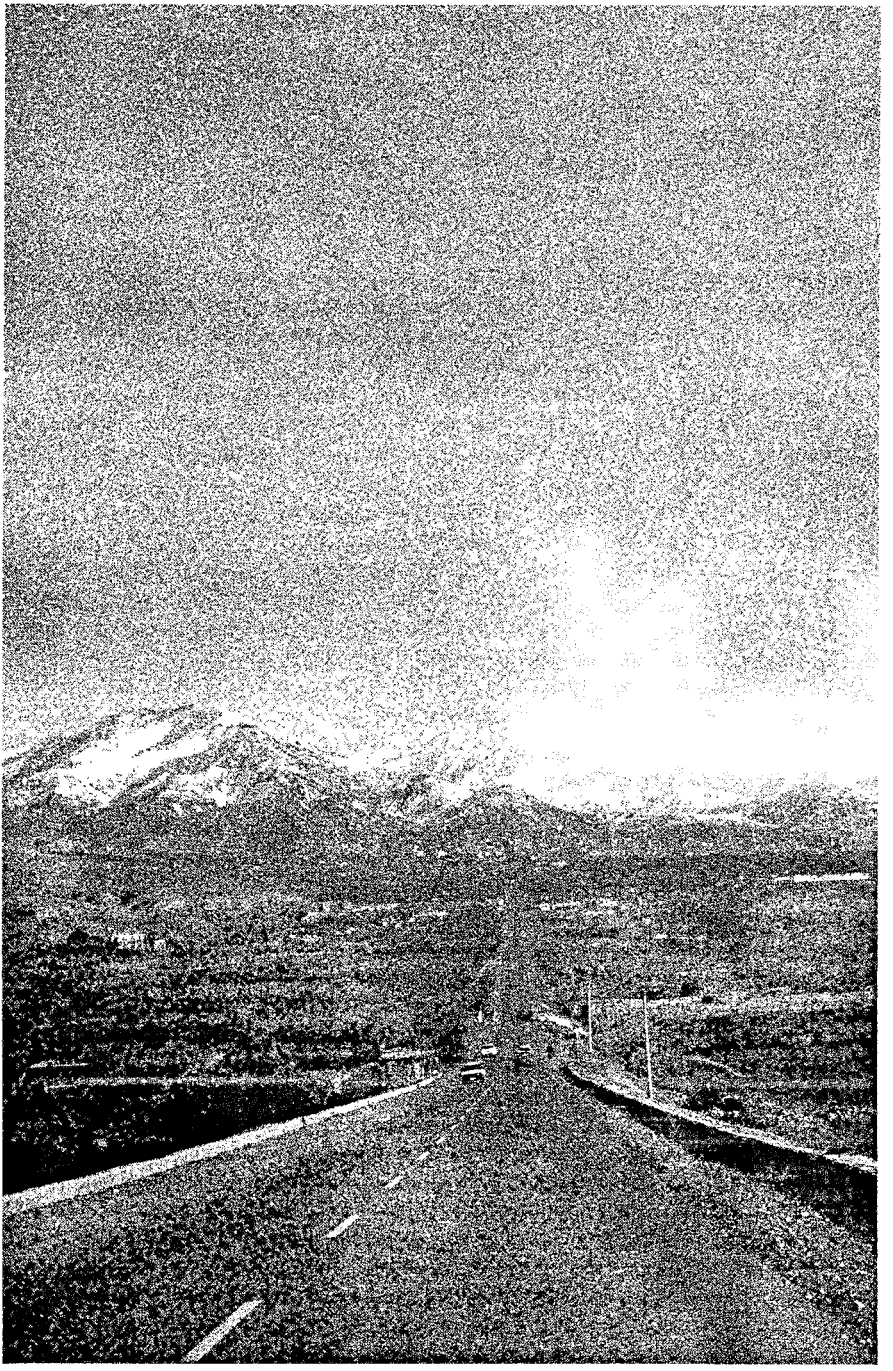
Мужество и героизм наших мужчин, выполнявших интернациональный долг в Афганистане, был и остается одной из главных тем этой книги, но нельзя не вспомнить женщин-военнослужащих и служащих Советской Армии, которые находились во всех частях бригады. Большая им благодарность от всех ветеранов бригады. Не могу сейчас вспомнить всех пофамильно, назову нескольких. Прапорщики москвичка Наталья Яковлевна Кривицкая и свердловчанка Людмила Ивановна Мещерякова не бросались в атаки, но опаленную службу они прошли, неся на женских плечах тяготы и лишения службы. Н.Кривицкая прослужила в Афганистане четыре года, Л.Мещерякова – один год. По долгу службы они выполняли разные функции: первая – связистка, вторая – работник секретной части штаба. В военторге и столовой работали милые женщины ростовчанка Надежда Носкова и минчанка Людмила Авдеева, которые зарекомендовали себя отличными специалистами и замечательными людьми. Женщин в бригаде было несколько десятков и о каждой необходим отдельный рассказ, но на особом счету наши погибшие: Шевчук Любовь Тарасовна, Присакарь Людмила Владимировна, погибшие на трассе Кабул – Бараки, и Лыкова Татьяна Васильевна, ушедшая в вечность во время взрыва в воздухе сбитого самолета.

Чему же научила нас Афганская война?

Так распорядилась история, что главным делом военнослужащих 15-й бригады спецназ стала Афганская война. Через бригаду за это время прошло несколько поколений солдат, сержантов, прапорщиков и офицеров. И все они достойно выполнили свой воинский долг. После развала Советского Союза наряду с высшим военно-политическим руководством во всех мыслимых грехах обвинили и рядовых участников этой войны. На самом деле наша главная вина заключалась в том, что именно мы, а не другие были направлены служить в Афганистан. Но мы считаем, что годы, проведенные «за речкой», сделали нас чище и мудрее.

Следует помнить не только нам главный урок афганской кампании – с народом воевать нельзя. К сожалению, этот урок стоил немалых жертв. В советском обществе того времени, когда шла война в Афганистане, за редчайшим исключением никто открыто не выступил против этой явно неправедной войны. Мы просто не чувствовали, что она неправедная, потому что на местах оказывали конкретную помощь конкретным людям, которые были нам благодарны: за поддержку стабильной власти, за развитие экономики, за подготовку кадров специалистов, за вооруженную защиту от наемников всех мастей. Мы полюбили этот простой, но мудрый народ, которому история не дает жить в мире и до сих пор, уже без «шурави»...

Наши соотечественники, отдавшие жизнь на земле Афганистана, честно выполняли свой воинский долг и остались верными присяге. Увы, их смерть не послужила предостережением обществу и политикам. Именно поэтому несколько лет спустя все повторилось на Кавказе. Вихрь Чеченской войны у многих снес буйные головы. Только Героями России за бои в Чечне стало более 30 спецназовцев. Эта цифра свидетельствует о напряженности боев и мужестве воинов Спецназа ГРУ, которым суждено продолжать традиции старших поколений. Вечная им всем слава, а погибшим вечная память!



ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ 15-й БРИГАДЫ СПЕЦНАЗ

ЗАКАВКАЗЬЕ. БАКУ-1990

С выводом 15 обр СпН из Афганистана война для нее не закончилась. В хаосе горбачевского разрушения страны на территории Советского Союза вспыхивали одна «горячая точка» за другой. Первой полыхнула настоящая война в Закавказье – Нагорный Карабах. В ночь с 18 на 19 января 1990 г/ бригаду поднимают по боевой тревоге. Что такое «боевая тревога» офицерам и прапорщикам бригады долго разъяснять не пришлось., большинство из них прошло Афганистан. Практически все командиры рот, большая половина командиров групп, половина офицеров штаба и управления бригады лишь недавно, чуть более года вернулись с «афганской войны», полагая что она осталась «за речкой» и вот она уже на пороге родного отечества. Перекрываявсе мыслимые и немыслимые нормативы личный состав бригады в полной боевой экипировке, с боеприпасами, техникой и вооружением к 11.00 19 января был уже на аэродроме Тузель (Ташкент), а к исходу дня переброшен военно-транспортной авиацией на аэродром Кала (Баку). С рассветом следующего дня 15 обр СпН в составе двух отрядов спецназ с приданными десятью БТР-80 вошла в Баку для стабилизации обстановки в столице Азербайджанской ССР, охваченной массовыми беспорядками. В Баку 15-я бригада выполняла оперативные задачи совместно со спецподразделением КГБ СССР «Альфа». За три неполных месяца спецназовцы провели несколько успешных операций по задержанию особо опасных преступников, захвату комитетов так называемого Народного фронта Азербайджана в самой столице, южных и западных районах Республики. Здесь, как и в Афганистане, снова отличились боевые офицеры подполковники Александр Кухтин и Михаил Коркишко, капитаны Олег Голыбин, Сергей Гончаренко, Сергей Клименко, Юрий Коваленко и Александр Мусиенко, старшие лейтенанты Сергей Верецкий и Юрий Рыбаков, вчерашние выпускники военных училищ, для которых Баку стал первым испытанием на зрелость – лейтенанты Олег Барсуков, Олег Соколов, Александр Чорба и др.

Настоящей школой мужества стали не простые события в Закавказье для солдат и сержантов бригады.

Вернувшись в родной Азадбаш (предместье г. Чирчик) личный состав бригады продолжил боевую учебу, с тревогой следя за разрушительными процессами в стране. Что могли сделать кавалеры боевых медалей и орденов, за плечами которых десятки уничтоженных караванов и бандформирований, колоссальный опыт контрпартизанской войны? Наверное могли бы многое, если бы поступил приказ... Привыкшие подчиняться и действовать по приказу, разведчики не понимали почему разрушается Великая страна и до этого нет никому никакого дела. Что могли в этой ситуации сделать лейтенанты, капитаны, полковники, если генералы и марша-

лы опустили руки... Наступил «парад суверенинитетов», а по сути – развал страны. Не стало страны, которую веками собирали наши предки в единое мощное государство. Это не произошло ни «случайно», ни «в силу объективных причин» – СССР разрушили конкретные люди. Целенаправленно. Цинично. Грубо пройдясь по судьбам всех без исключения народов многонациональной страны.

В этом хаосе разрушения страны оказались и ее вооруженные силы. Их делили по территориальному признаку и «по понятиям». Кому что, кому ничто.

15-я отельная боевого ордена Красного Знамени НРА бригада специального назначения России, как правопреемнице Советского Союза оказалась не нужна. Важные чины Генерального штаба, посетившие бригаду весной 1992 года, прямо так и заявили. Страсти кипели не шуточные. Рассматривался даже вариант бунта с совершением бригадой марша на технике в Россию, ту самую «правопреемницу СССР». Надо отдать должное командиру бригады полковнику Владимиру Квачкову, сумевшему урезонить особо пылких подчиненных. Да и представители Генштаба заверили, что всем желающим будет предоставлена возможность перевестись в Вооруженные Силы России. Так позже и случилось. Генеральный штаб слово сдержал, и желание всех офицеров и прапорщиков служить в Вооруженных силах России к 1995 году было удовлетворено.

К чести тогдашнего руководства Министерства обороны Республики Узбекистан, оно окружило бригаду реальной заботой. Офицеры и прапорщики продолжали служить Отечеству как и прежде. Никаких «переприятий» Военной присяги, которая дается раз, но на всю жизнь – не было. Более того в бригаду стали поступать новое вооружение и техника. Несколько изменился ее штат. Для этого периода в истории бригады, благодаря ее командиру, был характерен подъем роли и значения Офицерского собрания. Все вопросы прохождения службы офицерами и прапорщиками, распределения жилья и дефицитных товаров в магазине Военторга (вспомните дефицит начала 90-х годов) и даже предложения по изменению штата, выносились на Офицерское собрание. Так офицерский коллектив принял единодушное решение о включении в штат бригады бронетранспортеров, а вскоре на стоянке в парке части красовалась рота БТР-80. Началась настоящая боевая учеба с парашютными прыжками, многодневными тактико-специальными учениями, итоговыми проверками и т.пр. о чем офицеры в самой России только мечтали. К этому времени практически все офицеры и прапорщики бригады имели комфортное жилье. Служить бы да радоваться, но многие предпочли хоть и беспокойную, но малую родину. Начался отток офицеров в Россию, Украину, Беларусь и другие страны СНГ. Старый коллектив редел, но ему на смену приходили новые люди. В бригаду прибывали те, для кого Узбекистан был малой родиной. И не только узбеки, но и представители славянских национальностей и других, родившиеся в многонациональной союзной республике 20, 30, 40 лет назад, у кого здесь жили или были похоронены родственники.

АРАЛ-ПАЙ-ГАМБАР

Напряженная боевая учеба даром не прошла. Уже в годовщину независимости Узбекистана бригада получила первое боевое распоряжение – очистить от афганцев захваченный ими остров Арал-Пай-Гамбар на реке Амударья в 7 км западнее Термеза. С этой задачей успешно справился личный состав 1-й и 2-й рот спецназа. Разведчики провели уникальную операцию десантировавшись на остров воздушным путем из вертолетов посадочным способом и водным путем – из катеров пограничной флотилии.

Досмотрев остров площадью около 15 кв. км разведчики задержали семерых граждан Афганистана, проникших на территорию Узбекистана и занимающихся на ней незаконной хозяйственной деятельностью (варварская рубка леса, охота на редчайшего представителя Средне-Азиатской фауны тугайного оленя, заготовка корня солодки и пр.). Примечательно, что остров афганцы захватили вскоре после вывода Советских войск из Афганистана. Попытка пограничников восстановить территориальную целостность потерпела поражения – афганцы были вооружены... Предупрежденные об этом, разведчики действовали решительно. Руководил операцией сам командир бригады полковник В. Квачков, обязанности начальника штаба и оперативного офицера исполнял капитан А. Мусиенко, командовал отрядом из двух рот подполковник А. Кухтин.

Операция по деблокированию острова была спланирована и проведена менее чем за сутки – вот где сказался боевой опыт, ведь за плечами всех перечисленных офицеров был Афган. Это была настоящая специальная операция, на проведение которой пограничники смотрели с завистью – «работать так дерзко им не позволял статус защитника рубежей», как выразился кто-то из командования Термезского погранотряда.

В итоге кроме семерых задержанных нарушителей в результате ночного поиска, проведенного всего четырьмя военнослужащими, к трофеям спецназовцев прибавился трактор с прицепом, в котором находился внушительный арсенал браконьерских орудий и 7,62-мм автоматных патронов. В ночной поиск офицеры решили идти втроем, но командир отряда настаивал что-бы разведчики действовали группой. В итоге «высокодоговаривающиеся стороны» пришли к копромисному решению – взять одного пулеметчика рядового срочной службы. С темнотой к «духовской» переправе ушли капитаны О. Голыбин и А. Мусиенко, лейтенант А. Боклан и пулеметчик, чуть не проваливший всю операцию, а возможно своим случайным выстрелом спасший жизни всем остальным ее участникам... Приняв тень от прожектора с пограничной заставы за противника, боец, вопреки строжайшему приказу, самостоятельно открыл огонь в самый напряженный момент. Офицеры, у границы высокого камыша на дороге к переправе заметили на песке совсем свежие человеческие следы. При их осмотре и произошел выстрел. Одиночный, так как неопытный солдат забыл размотать обкрученную вокруг пулемета заряженную ленту... Идти в камыши после этого офицеры не рискнули и устроили засаду чуть в

стороне, где утром и был обнаружен замаскированный в кустах трактор. Те следы явно принадлежали тем, кто за ним пришел, а патроны и магазины АК в прицепе лишний раз убеждали, что афганец без оружия все равно, что современная женщина без помады в сумочке. Бывает. Редко.

На следующий день очередная боевая задача — сопровождение колонны с гуманитарным грузом в охваченный гражданской войной соседний Таджикистан. Разведчиков подсаживают вертолетами к колонне на подходе к Курган-Тюбе.

Из воспоминаний оперативного офицера капитана Александра Мусиенко:

— Работали мы по боевому — разгрузки, бронежилеты, автоматы и гранатометы. Старший колоны предложил рассадить бойцов по машинам (около 20 ЗиЛ-131 и ГАЗ-53), но мы с Олегом Голыбиным категорически отказались, разместив группу на двух БТР-70 Термезской дивизии (108 мсд). Как мы были правы. На въезде в город вооруженные люди в белых повязках на голове, тычущие указательным пальцем в небо (жест — Аллах Акбар) и кричащие, что они моджахеды. Возле здания облисполкома долгие переговоры о передаче груза с командованием 191 мсп 201-й дивизии, входившей тогда еще в Объединенные вооруженные силы СНГ, непонятный нейтралитет Душанбинского ОМОН, запуганно непокидавшего автобус (позже мы узнали, что это было условием новоиспеченных моджахедов), наглые выкрики «вовчиков», как сами себя называли представители Исламской партии возрождения Таджикистана. В общем, по настоянию представителя администрации Сурхандарьинской области (Узбекистан), отвечающего за гуманитарный груз, он достался тем, кому достаться не должен быть — таджикским «моджахедам». Мы же, ограничились с последними взаимными любезностями, самыми мягкими из которых были слова Олега Голыбина: «Слышь, ты моджахед драный, я вас еще 4 года назад видел...».

Хотя целью «вовчиков» и был груз, который они все же заполучили, но наша решительность и барражирующие над нами вертолеты остановили их тогда от применения оружия.

Дальше, после разгрузки колонны, мы отправились на БТР в Термез, сопроводив порожние грузовики до узбекской границы. Кто знал, что через несколько недель мы уже будем воевать с «моджахедами» в Курган-Тюбе бок о бок с 191 мсп и «юрчиками», но это отдельная история.

ТАДЖИКИСТАН

Обострившийся в начале 90-х годов двадцатого века внутриполитический конфликт в Республике Таджикистан в августе-сентябре 1992 г. перерос в открытое вооруженное противостояние основных политических сил, получившего независимость молодого государства. Правительство первого президента страны Набиева, в сложившейся ситуации, не смогло предотвратить гражданскую войну и под давлением «демоисламистской» оппозиции в конце лета 1992 года вынуждено было уйти в отставку. Власть в стране де-факто перешла в руки Демократической партии Таджикистана (ДПТ) и Исламской партии возрождения Таджикистана (ИПВТ) объединившихся для «борьбы с коммунистическим режимом». В связи с отсутствием легитимного правительства в стране наступил паралич власти. Гражданская война в условиях «нейтралитета» государственных силовых структур, после заявления руководителей МВД и КНБ (комитета национальной безопасности) Республики о нейтралитете подчиненных им ведомств, полностью охватила центральные, юго-западные и южные районы республики.

Основными противоборствующими сторонами во внутреннем вооруженном конфликте в Республике Таджикистан к осени 1992 г. выступали иррегулярные вооруженные формирования ИПВТ и ДПТ с одной стороны и Народного фронта Таджикистана (НФТ) с другой.

СПЕЦНАЗ ушел в партизаны...

Интересна и уникальна история создания Народного фронта Таджикистана. До сих пор в официальных СМИ умалчивается факт активного участия военнослужащих армейских частей и подразделений специального назначения (15 обр СпН) в гражданской войне в Таджикистане. Не время или не желание? Скорее второе, потому что не было бы трагедии «Первой Чеченской войны», если бы был учтен таджикский опыт...

Во всем Мире, одной из главных задач сил специального назначения (разведывательно-диверсионных подразделений различных государственных силовых ведомств) является ведение вооруженной борьбы «нетрадиционными» методами. Одним из таких методов и является партизанская война. Формирование и руководство партизанским движением на оккупированной территории, как правило, возлагается на спецназ вооруженных сил или государственных органов безопасности. Такая задача стоит и перед Спецназом России, способы действий которого в тылу противника не отличаются от партизанской тактики вооруженной борьбы. Сейчас даже американцы употребляют русскоязычную версию аббревиатуры – spetsnaz, относя это понятие к *разведывательно-диверсионным* подразделениям, а не к «спецназу» на пригородном железнодорожном транспорте и прочим, коих в современной России расплодилось несчетное количество. Никоим образом не умоляются заслуги сотрудников линейных отделов внутренних дел, выполняющих нелегкую работу по поддержанию общественного

порядка на вокзалах и в поездах пригородного сообщения, но называть их спецназом... К сожалению, захлестнувшая Россию в начале 90-х годов мода на всевозможные «спецназы», не имеющегося разве что у Пенсионного фонда, одним именем обозначила и разведчиков и тех, кто в своем тылу обязан бороться с разведкой противника (спецназ ВВ МВД), ракетчиков (Командование специального назначения...) и спасателей МЧС, милицию и медиков, сотрудников силовых подразделений Минюста и частных охранных предприятий, и т.д. и т.п.

Но народ Таджикистана, именно военнослужащим армейского спецназа, а конкретно 15-й отдельной ордена Красного Знамени Республики Афганистан бригады специального назначения Министерства обороны Республики Узбекистан обязан прекращением хаоса безвластия. Однако это не мешает отдельным таджикским СМИ (проправительственным и оппозиционным) искажать факты участия военнослужащих спецназа дружественных Таджикистану государств (3 гв. обр СпН и 16 обр СпН МО России) в прекращении братоубийственной гражданской войны, обвиняя их в... ее разжигании.

В сентябре 1992 года в самый активный и ожесточенный период гражданской войны (война уже шла и без спецназа...), спецназовцы, только что разрушенных единых Вооруженных сил Советского Союза, волей судьбы и приказа оказались в Таджикистане. Именно им, офицерам среднего командного звена, после изучения и анализа внутриполитической обстановки в Курган-Тюбинской области принадлежала инициатива объединения разрозненных вооруженных формирований, выступавших против создания в Таджикистане исламского государства в единый Народный фронт. Основу Народного фронта Таджикистана (НФТ) составили разрозненные вооруженные формирования «юрчиков», взявших в руки оружие для защиты своих семей и жизненного уклада от религиозного мракобесия «вовчиков» («вовчики» и «юрчики» — по аналогии «белые» и «красные»). Выбор руководителя Народного фронта безоговорочно был остановлен на Сангаке Сафарове. Пожилом уже человеке с огромными организаторскими и ораторскими способностями, но с уголовным прошлым, которое не помешало ему до трагического конца своей жизни остаться Патриотом и Гражданином своей родины.

Оперативные офицеры, не имея практического опыта ведения партизанской войны, но хорошо усвоившие преподанные им уроки афганскими моджахедами в Афганистане, с энтузиазмом взялись за новое дело. За их плечами была недавняя война в Афганистане. Офицеры-разведчики, как никто другой, хорошо знали слабые и сильные стороны «афганского сопротивления» и ту роль, которую играли западные спецслужбы в организации «борьбы с коммунизмом». За один вечер было придумано название движения — Народный фронт Таджикистана и выработана общая программа его действий. Четкая работа штаба НФТ, путем проб и ошибок в выборе должностных лиц, была налажена спустя две недели, когда его работу возглавил Нурали Шералиев.

Признание и авторитет к офицерам 15 обр СпН майору Олегу Г., капитанам Александру М. и Игорю Д., лейтенантам Кудрату Ибрагимову

и Юлдашу Бекчанову пришли быстро. Равнодушно наблюдать, как первое время шли боевые действия было невозможно. На вопрос – «Кто вас этому научил? – ответ прозвучал обескураживающие – «Смотрим вечерами боевики по видику, а утром идем воевать...». Пришлось ломать «киношные» стереотипы и много чего такого, без которого нормальной боевой работы не получиться. Позже, когда авторитет советников станет неприкасаем к ним, даже старшие будут обращаться уважительно «ака».

Какими бы политическими лозунгами не прикрывались все противоборствующие стороны гражданской войны за власть в Таджикистане, по своей сути они преследовали клановые интересы. В условиях безвластия и беззакония, противоборствующие стороны жестоко расправлялись со своими врагами – такими же таджиками, лишь на основании того, что одни являлись кулябцами, другие памирцами, третьи гармцами и т.д. Жестокость одних порождала ответную жестокость других, абсолютно повторяя события начала века, когда на белый террор большевики вынуждены были отвечать красным. Резня устроенная ваххабитами в ургутской махале (поселке этнических узбеков – ургутов) в Курган-Тюбе, массовые казни устроенные ими в бане совхоза Туркменистон, где были зверски замучены и расстреляны сотни кулябцев, чья вина объяснялась лишь отметкой в паспорте о месте рождения или прописке. Вполне объяснима, но не оправдана, ответная волна стихийных репрессий, но к чести кулябцев, «красный террор» в большей степени касался лишь непосредственных участников вооруженного противостояния. В чем не малая заслуга лично руководителя НФТ Сангака Сафарова и военных специалистов, имевших свои рычаги воздействия на проявление жестокости отдельными бойцами НФТ. Когда укротить жестокость одного из полевых командиров НФТ Файзали Саидова, вызванную болезненным состоянием его психики, убеждением не удастся, Сангак остановит его выстрелом из личного пистолета АПС, после чего сам падет под пулями его охраны... Но произойдет это лишь в марте 1993 г., и большинству населения Таджикистана будет рассказано, что оба лидера НФТ «пали от бандитской пули».

Действия Файзали Саидова, сыгравшего важную роль в разгроме вооруженных отрядов оппозиции в Курган-Тюбинской области, заслуживают неоднозначной оценки. Спецназовцы в шутку называли Файзали «Батькой Махно», за его анархизм и прочие «добродетели» присущие и Нестору. Даже тактика рейдовых действий бачои (парней – *тадж.*) Файзали была сродни тактике налетов махновских тачанок. Рейдовый отряд «механизированной бригады» имени его самого на нескольких БТР, десятке грузовых и легковых автомобилях (включая кустарно бронированные МАЗы и КамАЗы), при поддержке одного-двух танков или БТР сходу сбивал боевое охранение противника (пост прикрытия) и врывался в контролируемый «вовчиками» населенный пункт... В ходе очистки (термин «зачистка» появился в Чечне) бачои Файзали захватывали технику, вооружение и «пленных». Последние доставлялись на допрос лично Нестору, прошу прощения – Файзали. Место и время очередного рейда «механизированной бригады» для противника всегда оставались неизвестными. В свои планы Саидов не посвящал даже ближайшее окружение. Но если люди

Файзали приходили в кишлак оппозиции (сам «Махно» участия в боевых действиях не принимал...) от него оставались одни головешки. Приказ об уничтожении домовладений сторонников оппозиции бачои Файзали выполняли безоговорочно. За малейшее неповиновение «батька» мог и расстрелять... Свой приказ сжигать дома, Саидов объяснял отсутствием мотивации у противника к контрнаступательным действиям — «если дома «вовчиков» огнем уничтожены — отвоевывать им нечего». Лишившись крыши над головой, население Курган-Тюбинской области, поддержавшее сторонников насильственного захвата власти в лице казиколона Тураджонзода и лидера таджикских ваххабитов мулло Абдуло, к концу 1992 г. оказалось в... Афганистане (соседний Узбекистан к себе их, по понятным причинам, не пустил). К сожалению, поддавшись пропаганде, на территории Исламского Государства Афганистан оказались не только те, кто мечтал об «Исламской Республике Таджикистан», но и тысячи простых обывателей.

К лету следующего года незаконных вооруженных формирований Объединенной таджикской оппозиции (ОТО), отмобилизованные в Афганистане среди нескольких десяткой тысяч беженцев, разбавленные афганскими и арабскими наемниками, совершат нападение на 12-ю заставу Московского погранотряда. В последующем боевики ОТО будут устраивать прорывы через таджикско-афганскую границу на участках границы Хорогского погранотряда и совершать теракты в отношении пограничников и членов их семей, а после роспуска ОТО пополнят ряды международной наркомафии, станут рекрутами Талибана и Аль-Каиды. Проще было не пустить их в Афганистан, но попытки лидера НФТ Сангака Сафарова и военных советников офицеров-спецназовцев Олега Г. и Александра М. установить конструктивное сотрудничество с командованием Пянджского погранотряда успехом не увенчались, их проигнорировали...

Таджикистан — от партизан к регулярным вооруженным силам

К началу зимы 1992 года, благодаря перелому военно-политической обстановки в пользу демократического развития Республики Таджикистан, возникли благоприятные условия к формированию нового правительства. В процессе его формирования решающую роль сыграл лидер НФТ Сангак Сафаров. Какую бы тонкую игру не вел Сангак, но свой отказ от чиновнического кресла он аргументировал желанием «спокойно встретить старость». В октябре 1992 года, после ряда проведенных мероприятий и консультаций, он лично выдвинул на пост главы администрации Кулябской области мало кому в то время известного председателя колхоза из Тавильдаринского района Имомали Рахмонова, заменив им прежнего раиса (председателя) Ризоева.

Столица республики была в это время во власти «вовчиков», ставшими уже оппозицией (до сессии парламента в Ленинабаде оппозицией считались «юрчики»). По настоятельной просьбе военных советников НФТ, хорошо знакомых с «махновщиной» отдельных полевых командиров Фронта, к захвату ключевых объектов в Душанбе привлекались только вновь сформированные штатные подразделения МВД и КНБ Таджикистана. Согласно

классике жанра в любой гражданской войне под личину «борцов за справедливость» не редко прячутся разные темные, не редко уголовные элементы. Именно в беспощадной борьбе с ними, а не с вооруженным противником нажили себе врагов Сангак Сафаров и первый министр МВД Якуб Салимов. Именно «махновского» беспредела в столице они и спецназовцы опасались больше всего, поручая ее захват нескольким сотням наспех обученных военнослужащих правительственных войск (рота спецназ КНБ, мотострелковая бригада и батальон спецназ МВД).

Вооруженным отрядам НФТ в операции по захвату столицы отводилась своя задача – отвлечение на себя основных сил двухтысячной душанбинской группировки противника. Офицерам 15 обр СпН Олегу Г. и Александру М. пришлось приложить не мало усилий, чтобы удержать Ф. Саидова от «захвата» столицы и убедить его в необходимости проведения отвлекающего рейда. Когда все аргументы были исчерпаны, офицеры-спеназовцы предложили Файзали вместе с ними лично возглавить рейдовый отряд. Психологическая уловка сработала – Файзали остался на базе, а рейдовый отряд выполнил поставленную задачу, выйдя с боями через Орджоникидзеабад к восточной окраине Душанбе. На обратном пути отряд попал в засаду, когда до условной линии фронта оставалось чуть более десяти километров. Положение было настолько сложным, что пришлось прибегнуть к помощи вертолетов армейской авиации, дислоцируемых на аэродроме Кокайты в соседнем Узбекистане (эскадрилья Чирчикского вертолетного полка). Цена полетов «на запугивание» – без применения вооружения – раненый в голову борттехник. Несмотря на понесенные отрядом потери, замысел операции удался, опасаясь возобновления «наступления», противник перебросил на восток с запада и юга Душанбе значительные свои силы. Сработала и дезинформация, заущенная в ходе общения бойцов «бригады имени Файзали» с жителями восточной окраины столицы – «ждите мы через несколько дней вернемся...». Впервые за всю войну бригада Файзали не вернулась на базу под Курган-Тюбе, а осталась в «прифронтовом» кишлаке, что окончательно убедило противника в намерении ее повторить попытку «захвата» Душанбе. К этому времени отряды НФТ Гисарского района Республики, также возглавляемые офицерами-спецназовцами Игорем Д. и Александром Матросовым, очистили от «вовчиков» Гисарскую долину и подошли к столице с запада и юга.

Утром 5 декабря 1992 г. подразделения 1-й отдельной мотострелковой бригады особого назначения и батальона специального назначения МВД, а также роты спецназ КНБ Республики Таджикистан фактически без боя сходу заняли все ключевые объекты в столице Республики городе Душанбе, войдя в него с северо-запада. Ощутимые потери понесла лишь 1 омсброн, минометная рота которой, заблудившись в узких улочках старого города, вышла на восточную окраину столицы...

Следует напомнить, что попытка отдельных политических сил во главе с Сафарали Кенжаевым захватить столицу республики и власть в свои руки в октябре 1992 года, завершилась провалом. Участники «военного переворота» пренебрегли не только реалиями военно-политической обстановки (не поставив в известность лидера НФТ – основной военной

силы), но и сделали ставку на порядочность облеченного высокими полномочиями российского генерала, проявившего, впрочем, малодушие и в 1994 году в Чечне...

Вооруженные формирования ИПВТ, вытесненные из столицы, отошли на восток. Оттесняя отряды вооруженной оппозиции от столицы республики, передовые подразделения 1 омсброн МВД РТ и отряды НФТ в первых числах января 1993 года вышли к населенному пункту Чуянгарон, расположенному у входа в Ромитское ущелье. Попытка подразделений бригады сходу захватить ущелье привела к трагическим последствиям. В ходе боя за населенный пункт в неравном бою погиб командир и несколько военнослужащих бригады. В Ромитское ущелье вооруженные формирования ИПВТ оборудовали укрепленный район, который препятствовал обходу правительственными войсками глубоко эшелонированной обороны противника созданной вооруженной оппозицией вдоль Гармского ущелья (Кафернигановская долина) 40 км восточнее столицы. Контроль оппозицией Ромитского ущелья, обеспечивал ей быстрый выход вооруженных отрядов к столице государства с северо-востока.

Командование бригадой принял в ту пору заместитель командира бригады майор Гафур Мирзоев, в последующем экс-командующий Президентской гвардией и экс-руководитель республиканской Службы по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, а ныне заключенный таджикской тюрьмы... Забегая вперед сообщу, что судьбу опального генерал-лейтенанта разделили и десятки других активных участников Народного фронта Таджикистана, когда во властные госструктуры «не мытьем так катаньем» пришли их бывшие противники по гражданской войне – представители ОТО... В новом «демократическом» правительстве оказались и те, кто в тревожное лихолетье отсиживался в соседних странах, размышляя к какому лагерю приткнуть.

Перед новым командиром 1 омсброн МВД РТ была поставлена задача по освобождению от вооруженных отрядов оппозиции Ромитского ущелья, но сроки ее выполнения установлены не были. Неоднократные попытки захвата Ромитского ущелья к успеху не привели. По просьбе вновь назначенного министра МВД РТ Якуба Салимова офицеры армейского спецназа советники лидера НФТ Александр М. и Олег Г. поступили в его распоряжение. Деловое сотрудничество спецназовцев и нового министра внутренних дел, позволило оперативно решать многие вопросы борьбы с незаконными вооруженными формированиями весной-летом 1993 года.

В средине февраля в расположение 1 омсброн МВД РТ прибыла оперативная группа 15-й отдельной бригады специального назначения МО Республики Узбекистан во главе с комбригом полковником Владимиром Квачковым. В короткие сроки с помощью уже работающих в бригаде офицеров-советников бригады была подготовлена операция по захвату Ромитского укрепрайона. 22-23 февраля 1993 года совместными действиями тактического воздушного десанта и тактической группы 1 омсброн МВД РТ. Ромитский район обороны был захвачен.

В последних числах февраля Министерством обороны Республики Узбекистан и Республики Таджикистан была подготовлена и проведена

крупномасштабная операция по захвату и освобождению от вооруженной оппозиции Каратегинской долины, большинство населения которой (гармцы) всесторонне поддерживало боевиков ИПВТ. Совместная работа привела к выработке необычного способа разгрома противника – «выдавливания», описания которому нет ни в одном боевом уставе. Суть ее заключалась в том, что на глубину более 150 км последовательно высаживался тактический воздушный десант общей численностью более 2000 человек. Десантируемые подразделения, сформированные из запасников, имели на вооружении лишь стрелковое оружие и гранатометы. Штурмовые группы численностью 40-60 человек десантировались на горы посадочным способом из вертолетов вблизи населенных пунктов занятых противником. Практически на каждую площадку десантирования высаживались оперативные группы из 2-3-х военнослужащих 15 обр СпН (офицеры, прапорщики, рядовые радиотелеграфисты), осуществлявшие общую координацию действий десанта и взаимодействие с вертолетами. Аналогичная практика направления военнослужащих спецназа в иррегулярные вооруженные отряды Северного альянса, широко использовалась ССО США в операции «Несгибаемая свобода» в 2002 году в Афганистане. Оказавшись в заснеженном высокогорье один на один с врагом, тактический воздушный десант был вынужден рано или поздно спускаться с гор, что бы... выдавить противника с теплых домов. Если противник оказывал серьезное сопротивление, выявленные цели уничтожались огнем наводимых спецназовцами вертолетов, а количество десанта наращивалось. Взятые под контроль населенные пункты, связывала единственной автомобильная дорога по которой десант соединялся с соседями, устанавливая контроль над всей дорогой и долиной в целом.

Активное участие в этой операции принял вновь назначенный заместитель министра обороны РТ полковник Александр Чубаров (прибыл с должности заместителя командира 15 обр СпН), прапорщики Александр Никифоров (получил тяжелое ранение в бою) и Владимир К..

Какой бы «сумасбродной», с точки зрения классического общевойскового боя, не выглядела эта операция, но благодаря мужеству вертолетчиков, спецназовцев и сотням неизвестных таджикских ополченцев она удалась. Общие потери десанта составили 70-80 человек, из них около 40 человек десанта были заманены оппозицией в мечеть на переговоры и коварно расстреляны...

Не будь «гармского десанта» к лету 1993 г., почти двухтысячная группировка таджикских НВФ с помощью афганских моджахедов превратила бы контролируемые ими районы в неприступную крепость, ставшую оплотом международного терроризма. Чем бы это обернулось для самого Таджикистана, соседнего Узбекистана и Кыргызстана в условиях, когда Афганистан постепенно переходил под контроль талибов, можно только догадываться.

После установления контроля правительственными войсками над большей частью территории Республики, необходимость в существовании Народном фронта отпала. Сангак Сафаров объявил о снятии с себя полномочий руководителя вооруженными формированиями НФТ, отряды ко-

торого были трансформированы в части Министерства обороны и подразделения Министерства внутренних дел республики. Но «спокойно встретить старость» Сангаку было не суждено.

Конец гражданской войны в Таджикистане был положен, с расформированием Народного фронта, так как дальнейшие боевые действия по уничтожению незаконных вооруженных формирований вели только регулярные части МО и МВД Республики.

Ряд должностей оборонном ведомстве Таджикистана долгое время занимали офицеры прибывшие из 15 обр СпН – заместитель министра обороны генерал-майор Александр Чубаров, заместитель министра обороны по вооружению генерал-майор Алишер Бегматов (прибыл с должности заместителя командира 15 обр СпН по вооружению), командир 1 омсбр полковник Юрий Исаков (прибыл с должности начальника штаба 15 обр СпН) и др.

В ходе внутреннего вооруженного конфликта в Республике Таджикистан в первой половине 90-х годов двадцатого века удалось нанести сокрушительное поражение вооруженным формированиям сторонников создания в Таджикистане теократического исламского государства и создать выгодные условия к политическому урегулированию внутреннего вооруженного конфликта.

Успешные действия подразделений Народного фронта Таджикистана были обусловлены решительностью и высокой активностью боевых действий, отступлением от классических методов вооруженной борьбы, одновременным воздействием на противника на нескольких оперативных направлениях, наличием социальной базы партизанского движения и ее ликвидацией у противника (Курган-Тюбинская область), активной внешней поддержкой НФТ. Все это стало возможным и благодаря привлечению профессионалов «нетрадиционных методов боевых действий», имевших реальный опыт ведения вооруженной борьбы с иррегулярными вооруженными формированиями, а затем получивших такой опыт в составе подобных формирований – офицеров 15-й бригады спецназ. Именно благодаря их усилиям удалось в течении нескольких месяцев прекратить бессмысленную братоубийственную бойню и установить на земле древней Согдианы пусть хрупкий, но мир, укреплять который должны были уже политики.

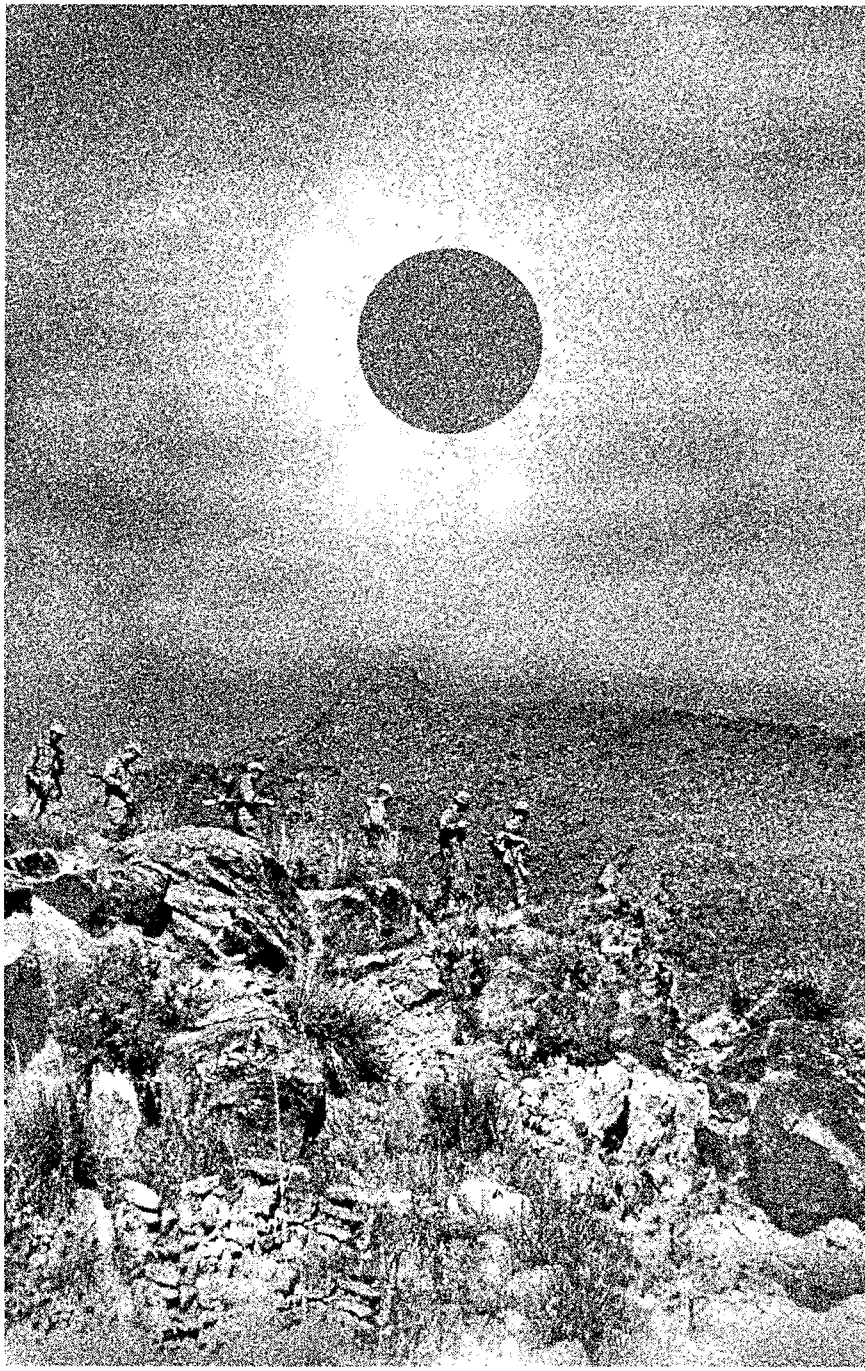
К сожалению, многие высокие военные чиновники, заболевшие «звездной болезнью», редко прислушиваются советам специалистов, стоящим на низшей ступеньке военной иерархии или уволенным в запас. Не будь так, не было бы кровавых событий «наведения конституционного порядка» в Чечне в 1994-1996 годах, «просчетов» (а просчетов ли?) российской дипломатии в Югославии, урегулирования внутренних конфликтов в соседних Кавказских республиках и в других районах Мира до которых было дело Советскому Союзу, сейчас есть дело США, но почему-то нет дела России...

История не приемлет сослагательного наклонения «если бы». Но если бы кто нибудь в России обратил внимание на «таджикский опыт» осенью 1994 года, события в уже упомянутой Чечне можно было бы повернуть

совершенно в другом направлении, сохранив тем самым жизни тысяч наших соотечественников, в том числе и чеченцев.

Жаль, но этого не поняли и в Узбекситстане. После ухода с поста Министра обороны Рустама Ахмедова, поднявшего армейский спецназ на высшую ступень профессионализма, 15-я отдельная ордена Красного Знамени Республики Афганистан бригада специального назначения была расформирована, а легендарный «мусульманский батальон» – 154-й отдельный отряд специального назначения выведен из штата бригады и переформирован.

К сожалению до конца не осознает роль разведывательно-диверсионных формирований специального назначения в современных боевых действиях и специальных операциях высшее военно-политическое руководство и в России. Ведь Спецназ острый скальпель для ювелирной работы, но только в руках грамотного хирурга.



СУДЬБА и РАЗВЕДКА

Разведка существует столько же времени, сколько существуют род людской и войны; военная хитрость рассчитана на обман противника, но чтобы обмануть и победить врага, надо его знать. Разведка невозможна без тех, кто ею занимается. Иногда это всеми признанные, а чаще всего неведомые герои. Слово «разведчик» окружено уважением и почитанием. В истории человечества были десятки тысяч разведчиков, многих из которых можно назвать выдающимися и даже великими. Мне вместе в моим другом и боевым товарищем бывшим начальником политотдела 15 обр СпН полковником Олегом Владимировичем КРИВОПАЛОВЫМ, довелось вместе служить в Афганистане, а впоследствии много лет творчески работать над сбором материала и выпуском многотомной Книги памяти о солдатах, сержантах и офицерах подразделений специального назначения, погибших в Афганистане в 1979–1989 гг., собирать и воскрешать из сохранившихся документальных свидетельств портреты ушедших и живых боевых товарищей, воспоминаний родственников, друзей и сослуживцев для издания этой книги.

Эта деятельность по созданию очерков о живых и погибших спецназовцах показалась недостаточной, и мы, объединив соратников, подготовили книгу о боевой истории нашей бригады, приурочив ее к двадцатилетию вывода советских войск из Афганистана.

Герои этой книги – наши коллеги, всю жизнь посвятившие себя специальной разведке, и те однополчане, для которых ярким эпизодом жизни стала срочная служба в частях спецназа в Афганистане. Часть имен наших героев читатель узнает впервые, другие ему хорошо знакомы, о них уже немало написано, но не вспомнить о них было нельзя.

В предлагаемом вашему вниманию издании выделено несколько периодов боевой истории 15-й отдельной бригады специального назначения, которые наиболее убедительно подтверждают сложность элитной службы разведчиков. И опять же обо всех не напишешь. Авторы просят читателя учесть, что в данной книге невозможно было избежать некоторых повторов, ибо судьбы разведчиков часто переплетаются, и некоторые эпизоды приходится хотя бы вкратце напоминать вновь.

В нашей стране и на Западе написано и издано множество книг по истории Спецназа. Все они, без исключения, даже претендующие на научность и опирающиеся на архивные материалы, нередко изобилуют фактическими ошибками и неточностями. Читатель, пытающийся составить четкое представление по какому-либо вопросу, основываясь лишь на одной из них, рискует впасть в серьезное заблуждение. Авторы данной книги не претендует на бесспорность своих суждений и в ряде случаев выносят на суд читателя несколько версий того или иного события, предоставляя ему право самому решить, какая из них ближе к истине.

В этом сборнике используются материалы из архивов и исторических формуляров соединений и частей, сведения, опубликованные в советских, российских и зарубежных изданиях, многие очерки написаны на основе встреч и бесед авторов с некоторыми из героев этой книги или с разведчиками, хорошо знавшими их и работавших с ними.

Разведка всегда окружена ореолом тайны и неизвестности. А тайной за семью печатями был спецназ. Способы и приемы его деятельности, ее результаты и итоги всегда держались в секрете. Потому что в многоходовой стратегии замысла спецназ выполнял роль козырной карты в большой игре. Разведчики спецназа в этой игре делали свои ходы. Честно перед самими собой и обманывая врага. Наградой этой работе сдержанная мужская благодарность коллег и государственные награды, уважение и авторитет в узком кругу посвященных. Память. И забвение, когда этот круг размыкается...

Нашему поколению выпало время служить Отечеству на рубеже эпох, когда крушатся нравы, свергаются устоявшиеся стереотипы и возникает вседозволенность. Это из-за нее об отечественном спецназе стало известно столько вчерашних «секретов», что по большому счету, до определенной степени сделало его прозрачным, но ни в коей мере не повредило его авторитету. Теперь нам значительно легче рассказать откровенно о наших героях. Иначе бы за долгие годы забвения о многом, что составляет сегодня документальный портрет последнего поколения разведчиков спецназа советской эпохи, просто бы забыли.

Вступив в период зрелости и набираясь мудрости, начинаешь понимать что, выбирая в молодости свою военную стезю, не только мы выбирали профессию разведчика-спецназовца, но и она выбирала нас! И сейчас этим выбором гордишься!

Сразу бы хотелось оговориться, что мы с Олегом Владимировичем Кривопаловым, с временной разницей в десять лет, формировались и воспитывались как офицеры под командованием одного удивительного разведчика – полковника Роберта Павловича МОСОЛОВА. Ветеран Великой Отечественной войны переподал нам суровые уроки своего времени. Его спецназовская наука побеждать через нас, через его воспитанника Героя Советского Союза Василия Васильевича КОЛЕСНИКА, уходила в благодатную почву послевоенного поколения разведчиков, вынесших впоследствии на своих лейтенантских плечах афганскую войну и страшные по трагизму военные конфликты на постсоветском пространстве.

Все отмечали, что Роберт Павлович был из категории харизматических личностей военной разведки, в первом ряду которых по достоинству находились славные руководители военной разведки генерал армии П.И. ИВАШУТИН и генерал-лейтенанты К.Н. ТКАЧЕНКО, Ф.И. ГРЕДАСОВ., полковник И.Н. Щелоков и другие. Они мастерски владели умением притягивать к себе людей. Благодаря этому качеству их личность оценивалась окружающими как одаренная, необычная, яркая и наделенная специфическими способностями, недоступными для всех остальных. Они способны были заразить подчиненных необыкновенным интересом к своей во-

енной профессии, вдохновить на свершения и самопожертвование. В политике и в искусстве одинаково высоко ценят людей, наделенных подобным даром заражать своим энтузиазмом окружающих. А ведь разведка из разряда высокого искусства.

Если нас спросят сегодняшние курсанты или молодые офицеры спецназа, какими качествами, помимо высокого профессионализма, должен обладать офицер военной разведки, чтобы быть притягательным для подчиненных? Ответим — командир-разведчик должен быть, прежде всего Личностью.

Вот какую характеристику дали Герою Советского Союза легендарному командиру спецназа Василию КОЛЕСНИКУ: «Он был очень азартный, взрывной, увлекающийся. И в то же время — очень осторожный, предельно собранный, контролирующий каждое свое слово, каждое движение».

Эти черты и создавали характер, идеальный для разведчика. Без азарта, без ослепительной озаренности мгновенного решения и его немедленного исполнения разведчик обречен. Но он еще более обречен, если этому своему неуемному механизму не поставит надежный тормоз. Некоторые примеры в данной книге — тому доказательство. И опять же он будет обречен, если всю свою профессиональную жизнь проедет «на тормозах». Командир должен быть индивидуально выразительным. Причем во всем — от внешнего облика до речи. Внешность должна быть запоминающейся, жесты — четкими и уверенными, речь — яркой, понятной, образной. Ветераны спецназа сразу скажут: такими были наши командиры и начальники БОЛЬШАКОВ В.И., БЕЗРУЧКО А.И., БОНЕВ С.В., БОРОДАЧ В.В., ВОРОБЬЕВ В.Ф., ВОРОНОВ Ю.А., ГЕРАСИМОВ Д.М., ИВАНОВ Э.М., ИСАЧЕНКО Т.А., КВАЧКОВ В.В., КОЧЕРГИН А.Ф., КУЦОВ С.Н., ЛАВРЕНОВ Н.Н., МАРТЬЯНОВ О.В., РЫЖИК М.И., РЫМАРЬ В.М., ТИШИН Е.В., ТЮХОВ В.Н., ФОМИН А.Ф., ЧУБАРОВ А.С. и другие.

Командир спецназа должен быть решительным. Способным в своих действиях и поступках к смелым и неординарным решениям, в том числе и на грани риска. Минимальный отрезок времени между «решил» и «выполнил» — еще одна не менее важная черта. В этом ряду БАННОВ И.Н., БАБУШКИН В.М., БЛАЖКО А.А., БЫКОВ Г.В., ЕРЕМЕЕВ В.В., КОВАЛЕНКО Ю.К., КЛИМЕНКО С.М., КОЛЕСНИК В.В., КОРЧАГИН А.В., ЛАФАЗАН С.И., МУСИЕНКО А.В., ПАТРАХАЛЬЦЕВ Н.К., РУДЕНКО В.Г., СТОДЕРЕВСКИЙ И.Ю., ТАРИВЕРДИЕВ К.М., УДОВИЧЕНКО Г.В., ЧЕПУРНОЙ А.Г. и другие.

Без уверенности в себя невозможно вести за собой людей. Командир-разведчик должен быть уверен в себе и в своей идее и правильности ее выполнения. Такими были АБЗАЛИМОВ Р.К., ГОРАТЕНКОВ В.А., КУЦОВ С.Н., КРОТ И.М., КОЛБ Г.А., ЛУЦЕВ Н.И., ЛЮТЫЙ Д.Е., МИХАЙЛЕНКО С.Н., ОВЧАРОВ А.А., ПОХВОЩЕВ Г.В., РЕЗНИК Е.А., ХАРЛАМОВ С.А. и другие.

Оптимизм. Вера в удачу позволяет воплощать в жизнь самые утопические проекты. В этом ряду наши яркие командиры и начальники: АБРАМКИН А.А., БРЕСЛАВСКИЙ В.Е., ДЕМЕНТЬЕВ А.М., ГОЛОУСЕНКО Ю.Я., ГРИШАКОВ А.Н., ЖАРОВ О.М., ЗОЛОТАРЕВ С.К., ИЛЬИН

А.С., ЛИХИДЧЕНКО А.И., ЛИПИЕВ П.С., ОНАЦКИЙ В.А., ПОЛЯКОВ Л.Л., СТЕКОЛЬНИКОВ А.М., ФОМИН А.Г. и другие.

Необходимым качеством является увлеченность. Чем бы влюбленный в службу офицер не занимался, он делает это самозабвенно и азартно, глубоко погружаясь в сам процесс и наслаждаясь им. Таким запомнили подчиненные своих командиров БАРЫШЕВА Е.Н., БОЙКО А.М., БОКОВА В.А., ВИЛЬЧЕВСКОГО Я.Б., ВОИНОВА В.А., ГОЛУБОВИЧА А.Л., ГОРДЕЕВА А.Т., ГРУЗДЕВА С.И., ИГНАТЬЕВА Г.Я., КЕРСОВА А.Н., КОНОВАЛЬЧИКОВА В.А., МОРОЗОВА В.А., МАНЧЕНКО В.А., ПОПОВИЧ А.М., СЛЕПОВА А.Н., ТАЛАЛАКИНА А.С., ШИНКАРЕВА А.Н. и других.

Разведчик должен обладать способностями понимать, и улавливать и правильно интерпретировать чувства и настроения окружающих. И умело играть на эмоциях людей и вовремя направлять их в нужное русло. Прекрасными аналитиками и психологами, способными поднимать дух подчиненных на грозные и боевые дела, были БАЛЕНКО С.В., БОХАН С.К., ИВАНОВ З.А., КЕРИМБАЕВ Б.Т., КОШЕЛЕВ В.М., КУПРИЕНКО В.Н., ПИМОНОВ Ю.Г., САМСОНОВ Ю.Н., СЕМЕНОВ И.В., ТРОФИМОВ П.Г., ТУРСУНКУЛОВ Р.Т., ФРЕЗЕ В.Р. и другие.

Наши командиры воспитывали подчиненных личным примером, вели за собой. Такими навсегда запомнились подчиненным АХМЕТОВ Р.М., БЕКОЕВ П.В., ГОЛОВКО В.И., ГОЛОВКО В.Н., ГОНЧАР В.Н., ИСАКОВ Ю.Д., КОВАЛЕНКО И.А., КОРУНОВ В.Л., КОРЧАКА П.Я., ЛЕНСКИЙ В.А., ЛОБАНОВ Н.А., МАРЕНКОВ Н.П., МАТЮШИН В.А., МИШУСТИН В.Н., МУРАТОВ А.Н., НАФИКОВ Х.М., ОВСЯННИКОВ Е.И., ПОПОВИЧ А.М., РАДЧИКОВ В.Г., СЕВАЛЬНЕВ О.В., СЕРЗИН И.А., ТАТАРЧУК С.А., ТАРАСОВ Ю.А., ТРОФИМОВ А.В., ТУРКОВ А.В., ФЕДОРЧЕНКО В.П., ХУДЯКОВ А.Н., ЦЕБРУК Н.Н., ЯКУБА В.И. и другие офицеры.

Главными людьми в спецназе по значимости дела, котором они занимались, безусловно, были командиры разведывательных групп, рот и отрядов специального назначения. Это они, ежедневно рискуя жизнью, делали, пожалуй, главную работу по защите Афганистана. Не случайно, командующий 40-й армией генерал-лейтенант Борис Всеволодович ГРОМОВ лично знал всех командиров 15 и 22 обр СпН до взводных включительно. Так как именно они – лейтенанты, старшие лейтенанты и капитаны спецназа – давали львиную долю боевых результатов 40-й армии. Это они жили войной в засадах, налетах, поиске, во время воздушной разведки и досмотра караванов, в сборе и реализации разведанных. Благодаря им в первичных подразделениях спецназа была особая, братская атмосфера единения. Вот почему через десятки лет при наших встречах солдаты и офицеры честно смотрят друг другу в глаза, испытывая одинаковые искренние чувства радости и гордости от воспоминаний о своем тяжелом ратном труде. О том труде, в котором они стали настоящими воинами и пройдя через который осознали замечательные слова великого поэта Гете: «*Исполняя свой долг, человек с любовью относится к тому, к чему себя принуждает!*». И эта любовь о пережитом навсегда сохранится в наших сердцах.

Попробуем сделать в эпилоге нашей книги в качестве нравственного вывода набросок документального портрета последнего молодого поколения советской эпохи. Со снимком последнего бронетранспортёра, возвращающегося «из-за речки» по пограничному мосту с радостными солдатами и развевающимся красным флагом 2-го батальона нашей бригады, ставшим неким символом границы эпох. Возвращающиеся на броне в мае 1988 г. и феврале 1989 г. наши сослуживцы сразу и не почувствовали, что въехали в другую страну, уже не в ту, которая отправляла их исполнять «интернациональный долг». Им ещё предстояло пройти шок «афганского синдрома» и курс «шоковой терапии», в результате которых они стали другими, не теми лубочными «воинами-интернационалистами». И не только в силу возраста, ведь на войне люди не взрослеют – на ней стареют...

Мы все, нынешние «афганцы», уже не чистый продукт прошедшей советской эпохи. Ими остались наши вечно молодые сверстники, возвратившиеся в *свой* Союз в «чёрных тюльпанах» или оставшихся лежать без вести в чужой земле. Это они застыли перед вечностью, как мамонты, вмёрзшие в толщу исторического льда. «Они, – как трогательно образно выразился талантливый писатель А.А. Устинов – являют собой некий феномен чистого продукта эпохи. Эти россыпи – «душ золотые россыпи» – представляют собой оборванные на взлёте молодые жизни последних «атлантов», последнего поколения, сформированного советской «Атлантидой».

Мы не отойдем от извечного, ещё давними предками установленного правила: о мёртвых – или хорошо, или ничего. Уникальным явлением XX века, в военной истории Земли навсегда останется непобедимая и легендарная Советская Армия. Каждому, кто в ней служил, есть чем гордиться, есть что вспомнить и о чем рассказать, тем более если он служил в легендарном спецназе ГРУ.

Одним из побудительных мотивов поделится с читателями своими воспоминаниями о товарищах и мнением о службе лично для нас стала волна грязных публикаций, оскорбляющих славу и память наших боевых товарищей. Первым толчком к началу нашей эпистолярной работы по истории соединения послужило создание музея бригады в Джелалабаде уже в далеком 1987 г. Как-то уж так сложилось, что и в довоенное и военное время в бригаде не существовало Музея боевой славы. Родился он на войне. Главным и принципиальным вопросом, который пришлось сообща решать по ходу, стало восстановление для истории примеров мужества и героизма личного состава.

Существующие в штабах исторические формуляры помочь нам не могли, поскольку они заполнялись сухими цифрами и фактами, а порой даже формально. По причине шаблонного соблюдения режима секретности в историческом формуляре бригады, тоже являющемся секретным документом, не было запечатлено ни строчки об отдельных подразделениях бригады, участвовавших в боях с самого начала афганской войны . При этом подробно, как и в предыдущие десятилетия боевой учебы мирного времени, перечислялись итоги соцсоревнования по периодам обучения, приводились ничего не значащие для истории безликие цифры подготовленных отличников боевой и политической подготовки и классных

специалистов, количество ЧП и преступлений, нарушений воинской дисциплины, произошедших за данный период.

Начатое с секретной части штаба историческое исследование, коснулось прежде всего боевых и политических донесений, отчетов о разведывательно-боевой деятельности подразделений, выписок из указов Президиума Верховного Совета СССР о награждении личного состава соединения. Была организована переписка с ветеранами бригады, на тот момент разбросанными по всему Союзу. К нашей радости однополчане откликнулись живо. В Джелалабад пришло более 500 весточек от ветеранов разных поколений. Добровольные помощники помогли нам опросить очевидцев и свидетелей наиболее ярких боев и событий. Немало информации дали протоколы партийных и комсомольских конференций и собраний, а также другие документы.

На основании этого первичного материала были восстановлены обстоятельства гибели многих военнослужащих и составлен предварительный общий список погибших за годы войны. Это сейчас они не представляют тайны, и благодаря ветеранам-энтузиастам бригады Игорю СЕМЕНОВУ и Александру МУСИЕНКО, имена погибших спецназовцев 15-ой, 22-ой бригад и других частей и соединений Спецназа Министерства обороны, МВД и КГБ высечены на гранитных плитах Мемориала «ДОБЛЕСТЬ И ПАМЯТЬ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ РОССИИ» в подмосковном городе Химки.

Большим подспорьем в сборе материала для музея стали медицинские донесения и справки об эвакуации раненых и убитых. После этого мы приступили к восстановлению записей в исторических формулярах отрядов. За короткое время многие «белые пятна» в исторических документах боевых отрядов и бригады в целом были ликвидированы. Сбор вещественных экспонатов для музея в условиях Афганистана осуществлялся нелегким путем – вертолетами и самолетами в ночное время, и, бывало, сопровождающие не долетали до Джелалабада, погибали вместе с летательными аппаратами... Большую помощь по подборке архивных материалов из Подольского архива МО СССР оказал ветеран 15-й бригады подполковник Юрий ШИРОКОВ, который в то время возглавлял отдел хранения Центрального архива.

Неоценимую организаторскую помощь нам оказал советник ЦК КПСС в оперативной зоне «Восток» генерал-полковник Сергей Мажитович БЕКОВ, работавший в самой гуще афганского населения, помогавший НДПА утверждать революцию и создавать новую власть, проводить земельную реформу, организовывать сельхозкооперативы, строить мосты, тоннели, электростанции, ирригационные комплексы и объекты соцкультбыта. Помимо большой созидательной деятельности он был для нас примером и в боевой работе. Не раз проявлявший личное мужество в районе боев с бандформированиями, он и его коллеги – советники делали все, чтобы выполнить главную стратегическую задачу – иметь в лице Афганистана дружескую нам страну.

Стремительно пролетели двадцать лет после окончания афганской войны. Ныне Музея боевой славы 15-й отдельной ордена Красного Зна-

мени Республики Афганистан бригады специального назначения, как и самого нашего прославленного формирования, вошедшего в 1992 году в состав Министерства обороны Узбекистана, не существует. Но участие в работах по созданию музея не было напрасным. У нас сохранились рабочие записи и тезисы, которые обобщены и по возможности развернуты в главах этой книги.

В ней вы не найдете идеальных героев. Мудро сказал поэт-фронтовик: «*Ну, где ты святого найдешь одного, чтобы пошел в десант!*» Они все были живыми и земными, такими, как все мы. Но они делали историю, порой невероятную и героическую, которая может и должна служить примером для нынешнего поколения защитников Отечества. Мы стремились к максимальной объективности, поэтому все написанное опирается на солидную документальную базу. К глубокому сожалению, мы не смогли охватить всего, что было в истории, а выбрали только то, что посчитали важным. Но в ответ на возможную, хотя бы молчаливую критику, если таковая возникнет у читателя, скажем со всей определённостью — не мы отбирали этот материал.

Война сделала такой социологический срез конкретного героя поколения и конкретного времени, какой вряд ли возможен иными методами. Как нарисовать портрет поколения? Поколения уникального. Оно ещё живо, но в силу разительных перемен в мире, стране и народе вдруг превратилось в историческую реликвию. Начнём рисовать портрет того поколения с самого первого эпизода той войны, такого же неоднозначного, как и вся она. После захвата штурмом дворца Тадж-Бек семью Амина содержали под охраной в одном из помещений мусульманского батальона. И за короткий промежуток времени солдат из нашего караула влюбился в одну из дочерей свергнутого диктатора. Многие этого в горячке того сурового времени просто не заметили. Да помнит ли и она, зрелая сейчас женщина, живущая в Гамбурге, того безусого мальчишку — иностранного солдата, сердце которого воспламенилось любовью к восточной красавице и который демонстрируя свою симпатию, приносил для нее лучший кусочек хлеба и дополнительную порцию солдатского сахара и масла. У нас, к сожалению, не сохранилась его фамилия, может быть, у сотрудников контрразведки, где-то есть запись об этом уникальном случае. Но эта нетленная «искорка чувства» выхватила для нас из тьмы истории образ живого советского человека.

С первой минуты пребывания в ДРА и до вывода оттуда советские военнослужащие не видели в афганском народе своих врагов. Они видели в них прежде всего людей и помогали им, потому что для этого их и пригласили в Афганистан. Нередко в суждениях об афганской войне, об «афганцах», звучит безпафосный скептис, слышны отголоски современных нравов. Тогда мальчишки служили великой стране, присягали на верность любимой Отчизне (любой пафос уместен для характеристики их морального состояния). Могучая держава вручила им мощное современное отечественное оружие, посадила на самолёты и отправила в соседнюю страну по просьбе дружественного правительства для оказания ему помощи в борьбе с контрреволюцией. Это исторический факт. Названа эта

оказалась та, где был Нафиков. Вся группа помогала ему огнём. Для идущих снизу на них душманов они были практически неуязвимы. Но неожиданно ударили пулемёт и гранатомёт сверху, из пещеры. Ударили по Хамиту, и он погиб. Группа продержалась до подхода подкрепления.

Расхождения в фактах есть, но есть и общее: смерть трех разведчиков РГ СпН № 121 (лейтенант Хамит НАФИКОВ, младший сержант Усман МАГОМЕДОВ и ефрейтор Андрей ХАРИТОНОВ) действительно была героической. После того боя нашли 52 убитых душмана. При этом как подтверждают ветераны отряда и участники того боя офицеры Александр ВЕТРОВ и Владимир ПОРТНЯГИН – *тело Нафикова обезображено мятежниками не было это можно было понимать как знак уважения к погибшему.*

«Откуда взялся такой Рэкс? – спрашивал и сам себе отвечал известный писатель баталист А. Устинов изучавший этот феномен. – Родился он пятым ребёнком в дружной татарской семье в далёкой уральской деревне Уфа-Шигири Нижнесергинского района Свердловской области. Самый младший – самый любимый».

Из воспоминаний старшей сестры Хамита Нафикова Фазили:

– Иногда дети спали на полу вместе: каждый хотел лежать рядом с младшеньким – таким притягательным, тёплым и солнечным он был. Она же вспоминает, что с детства он мечтал стать разведчиком. Когда ему было одиннадцать лет, а она уже стала невестой, состоялся «хурал» сестёр и братьев. Дело в том, что за Фазилю сваталось несколько парней, и она затруднялась в выборе. Хамит решительно высказался в пользу будущего мужа: он самый надёжный, с ним можно идти в разведку. Он сам себе выбирал путь. Однажды вся семья всполошилась – Хамит исчез. Через некоторое время нашли его в Свердловском суворовском училище. Решил учиться на разведчика. И стал им, пройдя ещё и Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище.

Ярким примером разведчика стал и Олег Якута. Вы обратите внимание: что ни герой, то суворовец! Для самых профессиональных воинских подразделений, какими являлись части спецназа, это была характерная качественная характеристика. В советское время большинство командных должностей в наших войсках от командира бригады до взводных занимали – «кадеты». Эту особенность впоследствии отметил ветеран нашей бригады, мой однокашник по Свердловскому суворовскому военному училищу полковник Харламов С.А.:

– Надо сказать, что комбриг 15 обр СпН полковник В.В. Колесник, так же как и его предшественник, большое внимание уделял воспитанию у личного состава морально-психологической устойчивости, воспитанию чувства превосходства над противником. В целях воспитания он широко использовал личный пример. Часто рассказывал о том, как служил начиная с 1956 года, в спецназе, какая в то время была экипировка и тактика наших войск. Очень подробно описывал действия своих сослуживцев в ходе различных учений в период службы на Дальнем Востоке и в Польше. В своих выступлениях комбриг основной упор делал на спецназовскую специфику. После того, как на

должность заместителя командира бригады был назначен полковник Ю.Я. Голоусенко, однокашник Василия Васильевича по СВУ, на совещаниях он стал чаще обращаться непосредственно к офицерам-суворовцам, которые в то время составляли значительную часть от общего числа офицеров части. Умело, используя это обстоятельство, он еще больше повысил мотивацию офицеров к службе.

Ветераны бригады вспоминают такие слова будущего Героя Советского Союза Василия Колесника:

— С суворовцев у меня спрос особый. Если они с детства пошли в армию, то служить должны на порядок лучше всех остальных. В связи с тем что я лично суворовец самый старший (набора 1945 года), то имею полное моральное право проявлять высокую требовательность к вам.

Эти слова комбрига многих брали за душу и имели однозначно воспитательное значение. Письма, стихи, архивные документы дают представление об огромной духовной жизни «братьев во кадетстве», об их жизненной и патриотической позиции. Вот одно из них из архива генерала Колесника В.В.:

Кадет на то и есть кадет,
Чтоб знала Русь и ведал свет,
Что крепче братства в мире нет,
Что в жизни нам одна дорога —
Святой суворовский завет:
Служить Отчизне с верой в Бога
От юных до преклонных лет!

В военной истории известные сражения и операции именуются по названиям близлежащих населенных пунктов, тому пример: Куликовская, Бородинская, Ржевская, Сталинградская и Курская битвы, а также множество других. Афганская война, рассыпанная на мелкие операции, не имела таких масштабных сражений. Но и она оставила звучные имена, болью и гордостью отзывающиеся у всех «афганцев»: Мармольская, Паджшерская, Мараварская...

Мараварское ущелье в провинции Кунар 23 апреля 1985 г. стало местом гибели 33 спецназовцев. Об этом бое, правильно сказать побоище, до сих пор ходит много слухов и противоречивых воспоминаний. Что в нем такого особенного? Не только количество жертв, самое большое за всю историю спецназа в Афганистане. Обстоятельства — типичные: обманным путем моджахеды заманили передовой отряд разведчиков в глубь ущелья, отрезали от основных сил, окружили во много раз превосходящими силами и уничтожили. Такова канва событий. Но по этой «канве» идут замысловатые узоры.

Посланные на выручку попавшим в окружение подразделения столкнулись с очень крупной и хорошо вооруженной бандой, и было непонятно, почему так долго идет бой с отрезанной ротой, которую противник должен был давно уничтожить. Все наши бойцы подразделений, безуспешно прорывавшихся к окруженным, потрясенно вспоминали, что обреченные на

поражение «мараварцы» сражались героически, до последнего патрона, до последней гранаты.

В этом объективная неоспоримая особенность Мараварского боя. Замполит 1-й роты Игорь СЕМЕНОВ подсчитал, что из всех погибших в этом бою в последнюю минуту 17 человек подорвали себя вместе с окружившим их врагом.

Они почти рядом, эти затерянные в горах Кунара кишлаки, где произошла трагедия: Маравара, Сангам и Даридам. Разведгруппа лейтенанта Николая КУЗНЕЦОВА, пройдя без проблем Маравару и Сангам обнаружила двух отходящих душманов и стала преследовать их. А когда рота вошла в кишлак Даридам, тут-то все и началось... Это была ловушка. Командир 1-й роты капитан Николай Нестерович ЦЕБРУК, видя, что группа КУЗНЕЦОВА окружена, поднял роту ему на помощь.

Об этом бое в рамках дозволенного в 1986 г. рассказывалось в очерке «Я вас прикрою» опубликованном в газета «Известия»: *«Поняв, что лейтенант Кузнецов попал в окружение, Цебрук поднял свою роту. Но каждый шаг давался тяжко: к душманам подошло подкрепление. Капитан слышал, как отстреливался Кузнецов. Неожиданно наступила тишина... Когда бандиты подошли ближе, Кузнецов выдернул чеку и бросил гранату себе под ноги...».*

Двадцатидвухлетний парень из Моршанского района Тамбовской области, окончивший Ленинградские суворовское училище и ВОКУ, только надевший лейтенантские погоны и ставший командиром группы специального назначения в Пскове, Николай КУЗНЕЦОВ, тезка знаменитого советского разведчика, был откомандирован в Афганистан. Здесь он принял первый и последний в своей жизни бой, да так безупречно-уверенно, как не каждый опытный командир мог действовать в таких безнадежных условиях. Героически подорвал себя последней, шестой, гранатой вместе с бросившимися на него душманами. Позже ни у кого даже не возникло сомнений в справедливости посмертного присвоения ему звания Героя Советского Союза.

А вот другой эпизод этого боя стал почему-то предметом острых споров, пересудов, до сих пор не нашедших четкого, достоверного описания. В декабре 1990 года, работая в Москве по обобщению подвигов спецназовцев соединения, Олег Кривопалов, по договоренности передал известному публицисту и прозаику полковнику Петру Ивановичу Ткаченко собранный исторический материал для использования им в будущей книге по афганской войне. Среди документов там находилось сухое воинское донесение: «Во время ведения разведывательно-поисковых действий в Мараварском ущелье, кишлак Сангам провинции Кунар, 23 апреля 1985 г. отделение, которым командовал младший сержант ГАВРАШ Юрий Чеславович, прикрывало отход своих боевых товарищей. Окруженные мятежниками, разведчики отстреливались до последнего патрона, а когда в дувал ворвались душманы, воины подорвались миной ОЗМ-72. Смертью храбрых погибли: младший сержант ГАВРАШ Юрий Чеславович, рядовой МУЗЫКА Василий Николаевич, ефрейтор ВАКУЛЮК Александр Сергеевич, рядовой МУСТАФИН Наиль Маратович, рядовой БОЙЧУК Владимир Васильевич, ефрейтор МАРЧЕНКО Вячес-

лав Валентинович, младший сержант КУХАРЧУК Василий Федорович. Во время боя разведчиками отделения младшего сержанта ГАВРАША было уничтожено более тридцати мятежников...».

В качестве приложения к этому документу передано и политическое донесение (за подписью КРИВОПАЛОВА) о том, что при сборе документов и экспонатов для музея бригады в штабе бригады найден пакет с комсомольским билетами и учетными карточками семи разведчиков этого отделения. В пакете лежала неподписанная рукописная сопроводительная записка: «Военнослужащие отделения Ю. ГАВРАШ погибли в кишлаке Сангам. Подорвавшись одной миной. Сделав надпись на стене дувала: «Передайте на Родину. Погибаем как герои». Других документов о роте ЦЕБРУКА не сохранилось.

Впоследствии Петр Ткаченко в своей книге «Слово о мараварской роте» (Екатеринбург, 2004, стр. 101), полемизируя сам с собой, напишет: «*Для меня до сих пор остается тайной, психологической загадкой, как семь человек в какие-то, может быть, секунды могут договориться на одновременную добровольную гибель. Люди ведь умирают так же, как и рождаются — в одиночку. И иной порядок противоестественен их природе... С этой тайной не справится наше бедное сознание. И тогда для удобства понимания придумывают самое простое и, как думается, самое неверное объяснение происшедшего. Видимо, для того, чтобы не мучила душу тайна этой драмы. Я найду это объяснение в машинописной рукописи, подготовленной политотделом для распространения среди солдат и офицеров боевого опыта и воспитания героизма. Если даже само описание случившегося в этой рукописи и относительно верно, все равно оно далеко от той правды, которой были исполнены солдаты.*

Ведь суть совершенного человеком подвига состоит не только и не столько в том, что и как происходило, в какой последовательности, но и в том, какая душевная трагедия при этом разыгралась. Но этой-то драмы, то есть существа подвига, его тайны, в этой методичке я не нашел.

Делалось, кажется, все возможное для того, чтобы действительный подвиг превратился в этакую схему, далекую от действительного события, в которую бы все равно никто не поверил. В самом деле, ведь и в этой надписи: «Передайте на Родину. Погибаем как герои», нацарапанной на стене дувала и найденной после гибели разведчиков, чувствуется спокойная кабинетная рука, а не дрожащая рука человека, которому через минуту предстоит умереть. Такие слова нормальными, а тем более в состоянии наивысшей ясности, напряжения всех телесных и духовных сил, не произносятся... Не знаю, какие слова могли быть произнесены в тот момент, но в эти — не верилось.

Говорили, что о подвиге солдат отделения Гавраша стало известно из неких агентурных данных, то есть от кого-то из мятежников, побывавшего в бою. Допускаю, что кто-то из мятежников мог позже рассказать о подробностях гибели героев, но мало верится в то, что он прочитал и запомнил надпись на чужом для него языке. И если стоит чему удивляться, то только тому, как люди ни старались подменить подвиг тем, что им не является, как ни придумывали нелепицы вместо него, все-таки, несмотря ни на что, рождались и рождаются люди, способные к подвигу...».

Нас покоробили слова писателя: *«...как люди ни старались подменить подвиг тем, что им не является, как ни придумывали нелепицы вместо него»*. О какой подмене подвига идет речь? Что имел в виду автор?

Самопожертвование семи воинов не является подвигом? С марта 1980 г., когда стали известны первые случаи подрывов нашими десантниками себя вместе с душманами, они поражали воображение не только военнослужащих. Именно тогда, после первых кровопролитных боев в провинции Кунар, во всех ленинских комнатах подразделений воздушно-десантных войск и спецназа ВС СССР навсегда появились фотографии первых Героев Советского Союза Александра МИРОНЕНКО и Николая ЧЕПИКА. А потом были последователи. Невольно на этих примерах воспитывались и КУЗНЕЦОВ, и ГАВРАШ...

Но этот факт коллективного решения спецназовцев подорвать себя вместе с противником, пожалуй, был единственным за всю войну. И в историческом формуляре части этот случай упомянут, хотя очень сдержанно и в нескольких предложениях, но совершенно обоснованно. Это — ПОДВИГ! При всем при том, что он своим величием заслонил и оставил совершенно незамеченными примеры героизма, проявленные в этом же бою, которые оказались не менее яркими и потрясающими: Так, рядовой Вячеслав Анатольевич СУЛИН, умирающий, истекающий кровью, оставшийся с одной рукой, сумел выдернуть кольцо зубами и бросать гранаты в наседающих моджахедов. Его подвиг оценен орденом Ленина (посмертно). Нельзя забыть последний бросок лучшего рукопашника роты тяжелораненого ефрейтора ФЕДИВ Василия Ивановича, заколовшего штык-ножом нагнувшегося над ним моджахеда.

О них вспоминали как-то вскользь, больше споря о ГАВРАШЕ и его товарищах. Разговоры об этом бое до сих пор обрастают противоречивыми «подробностями», превращая быль в легенду. Но почему-то Петр Ткаченко, долго и тщательно изучавший всё, связанное с этим боем, и написавший пронзительную повесть, усомнился в правдивости только этого факта коллективного решения подорвать себя, тем самым принижая его значение. Конечно, писатель, разгадывающий «психологическую тайну» коллективного подвига, имеет право на свое «не верю». Тем более что ссылается на подготовленную нами краткую рукописную «методичку» политотдела, где ради «воспитания патриотизма» якобы можно было бы и преувеличить. Можно допустить, что кто-то в 1985 г. хотел желаемое выдать за действительное. Почему не выдал? И кто этот человек? Почему пакет с документами только этих комсомольцев из погибшей роты лежал неиспользуемый до 1987 г.?

Можно согласиться с умозаключением, что вторая часть надписи («Погибаем как герои») действительно выглядит как бы сказанной со стороны, от третьего лица. Только редкие люди себя называют «героями». А вот слова «погибаем» и «Родина» могли стоять рядом. Психологическое «верю» в таком случае уместно. Но это не выдумка, с подачи некоторых — «советских политотделов», а свидетельство тому оставшиеся в живых участники того боя.

Из воспоминаний заместителя командира 1-й роты по технической части капитана Андрея ДОРОГИНА:

— Разговор о том, что отделение Гавраша в полном составе погибло от собственной мины, был. Я этих ребят не видел павшими, как не видел и надписи на дувале, про которую тоже говорили. Быть может, надпись была несколько другой, сейчас не помню, но слово «Родина» и «погибаем», судя по тем разговорам, которые ходили, там были. От какой мины погибли? ОЗМ-72, выпрыгивающая из грунта. Перед выходом в Сангам было отдано распоряжение приготовить эти мины в качестве гранат. Делалось это очень просто — отстреливался стакан, в котором находится боевой заряд и начинка из «роликов» — осколков. Вкручивался обычный детонатор — и граната большой мощности готова. Использоваться она должна была при штурме дувалов. Ее перебрасывали через стенку, и там она взрывалась. На поле, на открытом месте ее не применить — она весит порядка четырех килограмм. Наверное, этот шаг, на который пошли ребята, сознательный. Хотя сейчас, прокручивая все в памяти, кажется, что им еще можно было бы держаться. Но... первый бой, противник — настоящий стресс, гибель друзей... могло привести к тому, что ребята быстро расстреляли свои боеприпасы и остались с голыми руками. Возможно, это не групповое решение. Возможно, решились не все, может, кто-то один, но... Мина ведь была большого радиуса поражения...

Из воспоминаний старшины 1-й роты прапорщика Юрия ФИЛИППОВИЧА:

— Завязался бой, и ротный подал команду отходить группам Кузнецова и Котенко, а нам с Кистенем и Тараном прикрывать отход. Расстреливали нас, как зайцев в тире. Рота на боевых выходах до этого не была. Боевого опыта и слаженности не имела. При команде «отходим» все стали отходить хаотично. Сержант Матох погиб, прикрывая Цебрука. Мы отсекли ротного от «духов» огнем, но и он был убит пулей в шею. Первая группа централизованно отходила. «Кузнечик» тащил раненого прапорщика Игоря Бахмутова. Потом побежал за другими ранеными и там был окружен, где и подорвал себя гранатой. Отделение сержанта Гавраша отстреливалось за дувалом, а потом подорвали себя сами. Мы с Кистенем как могли отсекали «духов» от ребят, а они шли в полный рост. Потом нас тоже начали обходить, и мы стали откатываться. При отходе нашей группы погиб Володя Некрасов — пулеметчик. В это время прорвалась одна боевая машина с замполитом Семеновым, но только благодаря ей мы смогли выйти.

Как видим, рассказы очевидцев, кстати, тоже упомянутые Петром Ткаченко, лишены «психоанализа», как и политдонесение начпо бригады. Андрей Дорогин, как бы отвечая на «наводящий» вопрос доискивающегося «психологической тайны» писателя, говорит просто: «Возможно, это не групповое решение... может, кто-то один...».

Неравнодушный к истории спецназа известный нам писатель и публицист А.А. Устинов тоже много думал над этим явлением и справедливо написал:

— Возможно, разумеется, возможно! То есть можно верить. Ну, если и так... Если это один... Что, нам надо его считать убийцей остальных своих бойцов? Куда ведет логика «не верю»? Не было голосования за принятие решения? Не учтено индивидуальное «право выбора»? Нарушены «права человека»! Да если даже и включить «психоанализ», то картина могла иметь такой психологический рисунок.

В разведке главное — увидеть противника, не дав ему возможности обнаружить себя. Или, если уж придется столкнуться в бою, — иметь пути отхода. И уж совсем беда — если ты не видишь врага, а он давно за тобой наблюдает и ведет в ловушку. Сейчас был этот самый жуткий вариант. Не знали разведчики, что среди тех камней, меж которыми они совсем недавно ползли к этому дувалу, уже мелькают душманские чалмы.

Удар в спину. Удар сбоку. Припертые к стене. Буквально. Упав на землю и ответив автоматными очередями во все стороны, разведчики мгновенно осознали ужас безысходности. Такой черной безысходности, что издевательский огонь «духов» не на поражение, а в податливую глину дувала, означавший «сдавайтесь, убивать не будем», что вроде бы подсказывало выход к продолжению жизни, только усиливал мороз черной бездны, на краю которой все они ощутили себя, такой мороз, от которого смерзлись зубы и неизвестно как, неизвестно кто прошептал, «последней гранатой», и у каждого в мозгу пронеслось: «последней гранатой»... Мысль о «последней гранате» страшна сама по себе. Каждый вправе сказать «не верю!» тому, кто будет легковесно рассуждать о героических парнях, подрывающих себя в окружении врагов «последней гранатой». В этом нет никакой бравады или позы. У всех есть инстинкт самосохранения. И преодолеть его дано не каждому. Есть только одна моральная сила, способная подняться над ним — Священный Долг. В отличие от инстинкта он не рождается вместе с человеком, а вырастает в процессе созревания в нем истинно человеческих качеств, отличающих его от животного: любви, достоинства, чести, гордости, знаний, высокого морального духа — всего того, что человек получает с воспитанием. Поэтому-то Священный Долг и сильнее Страха Смерти.

Уже редактируя текст, я показал его Александру МУСИЕНКО. Именно это место. Вот как отреагировал Александр, сам когда-то принявший решение уничтожить себя и врагов последней гранатой, но обстоятельства боя не довели его до этой черты между жизнью и смертью.

Из воспоминаний командира группы 154 оо СпН и заместителя командира роты 334 оо СпН Александра Мусиенко:

— В бою 29 марта 1986 г. на участке афгано-пакистанской границы моя группа попала в окружение. Через несколько часов боя у нас осталось по десятку патронов на ствол. В дело пошли ручные гранаты. Когда «духи» поднялись в очередную атаку, находившийся рядом со мной пулеметчик Дмитрий Кононеков крикнул:

— Товарищ лейтенант, гранату!

— Последняя, Дима. — Положил я гранату на землю между нами.

Рядом еще находился рядовой Александр Буза, но он не видел этой сцены.

— Понятно, — кивнул Димка. — Оставьте, успеем...

Не надо копаться в психическом состоянии человека, стоящего одной ногой на том свете. Ход его мыслей и поступки не поддаются логике кабинетных размышлений. Тогда это был единственный выход из страшного кошмара, состоящего из криков рвущихся на нашу позицию моджахедов, леденящего душу страха, безысходности и отчаяния. Боялись не врага и смерти, а погибнуть бесславно, без вести. Жить хотелось страшно, как и уйти из нее достойно.

Часто возвращаясь в воспоминаниях в то свое состояние, оправдываю себя и в том, что был готов от бессилия остановить врага, подняться в полный рост под его пули... Удержали меня тогда не слова ныне покойного Димы Кононенкова: «Продержимся еще командир...», а отсутствие голубого берета. Да-да. Будь тогда в рюкзаке голубой берет, сделал бы это. Готов был сделать. Осознано, уйти в вечность, со своими подчиненными, как и я готовыми к этому. И красиво, если хотите. Как ушли Мироненко, Чепик, Кузнецов, Гавраш и другие Герои. Ведь был достойный пример... И наш долг помнить о нить и считать их Героями без всяких «но». Потому что это их ПОСЛЕДНЕЕ В ЖИЗНИ ЖЕЛАНИЕ!

Хотелось бы подчеркнуть лишний раз, что в ходе боевых действий с первого до последнего дня войны (с 27 декабря 1979 по 15 февраля 1989 гг.), наша бригада действительно продемонстрировала настоящий массовый героизм потеряв убитыми и пропавшими без вести 542 лучших своих военнослужащих. Были герои и среди живых. Золотую дюжину из тех, кто остался в памяти или рядом с нами командование бригады представляло к высшим знакам отличия, однако штабная бухгалтерия распорядилась иначе. Но даже без Звезд Героев АЛХИМОВ С.Н., БЕКОЕВ П.В., БОРЕЦ А.Н., ДЕРЕВЯНКО А.В., КРАСНИКОВ В.В., КОВАЛЕНКО В.В., ПИРОЖКОВ В.М., САХАТОВ М.Т., ТРОФИМОВ П.Г., УДОВИЧЕНКО Г.В., ХОЛБАЕВ Х.Т., ШАРИПОВ В.С., ЯКУТА О.А. и другие не перестали быть подлинными героями той войны и останутся в нашей памяти лучшими спецназовцами последнего советского поколения. Немало отваги было проявлено нашими воинами, но, несмотря на написанное, многое еще не нашло достойного отражения в литературе и искусстве.

Несмотря на все наши усилия, по-прежнему малоизученной темой осталась дальнейшая судьба раненых солдат и офицеров. Их были тысячи. Но как закончились сражения медиков за их жизнь, каковы были последствия полученных увечий, как сложились жизни инвалидов войны?

Добрая молва ходила о смелости и профессионализме офицеров-врачей А. АРТЫКОВА, В. АСТАФЬЕВА, А. БЕЛЕВИТИНА, А. ДУБРОВКО, В. ДРОЗДЕЦКОГО, И. ГЕРИЧА, А. КАЗАРЕНКО, В. КАРПЛЮК, А. КОНДРАШОВА, Л. ЛУТЧЕНКО, А. ЛАПИНА, А. ЛИНЕВА, Д. КИСЕЛЕВА, С. ЛИХОНОС, Р. РАХМАНКУЛОВА, С. СЛОСТИНА, А. СУРНАЧЕВА, А. УТЕЕВА, И. ШАЙХУТДИНОВА И. ШКУРАТОВА, прапорщиков-медиков К. АСРОРОВА, Ю. БОБРОВА, Г. КАЛГАНОВА, И. МУЗЫКИ, И. СИМОНИКИ, Н. УСЕНОВА, санинструкторов И. СТОКИЧА, О. ТАЗАБЕКОВА, Б. ТАКИРБАСОВА и др. Сложили свои головы в бою старший

лейтенант медицинской службы ЭЛЬГИЗЕР БЕГИШЕВ, младший лейтенант медицинской службы Игорь КРЫШТАЛЬ, лейтенант медицинской службы Андрей ЛИНЕВ и санинструктор 1-й роты 154 оо СпН Михаил МОЧЕРНЮК и десятки санинструкторов других рот и отрядов. А сколько человеческих жизней они спасли?

Что мы знаем об этих людях, опаленных свинцом и победивших смерть, ощутивших настоящую цену и силу волшебных слов: «Нужно подняться»?

Всему Союзу в свое время было известно имя командира группы 177 оо СпН старшего лейтенанта Валерия РАДЧИКОВА, выпускника Киевского СВУ и Рязанского ВВДКУ. Оказавшегося по воле судьбы в плеяде Маресьевых – людей несгибаемого мужества, исключительной стойкости, ставшего инвалидом в Панджшерском ущелье, а через полтора года госпитальной жизни сумевшего вернутся в боевой строй и продолжить выполнять боевые задачи в Афганистане на протезах. Его послевоенная судьба оказалась не менее драматической: завершив военную службу полковником ГРУ, он возглавлял Общеросийскую организацию инвалидов войны в Афганистане. Принимал активное участие во многих общественно-политических и спортивных мероприятиях, даже однажды прыгнул с парашютом на Северный полюс. Жил бурно и рискованно, несколько раз находился между жизнью и смертью. В конечном итоге погиб при невыясненных обстоятельствах в автомобильной катастрофе.

Безжалостная пуля снайпера во время боев в укрепрайоне «Карера» сделала инвалидом и старшего лейтенанта Сергея ЛУКЬЯНОВА. Более двух лет пролежавшего в госпитале, но сумевшего подняться. Когда рушилась великая страна, наперекор судьбе окончил общевойсковую академию им. М.В. Фрунзе. Ввернулся в родной город Днепропетровск уже в независимую Украину. Преодолевая боли, все свободное время проводил в спортзале. Стал мастером спорта международного класса по пауэрлифтингу, пятикратным чемпионом Украины, серебряным призером Чемпионата Европы в Будапеште, победителем турнира в Мальмё-Опен и турнира Серебряная штанга в Польше. Правильно говорят, что беда как молот: разрушая, может ковать. Но для этого нужно выбрать нужную цель и идти к ней, чего бы этого ни стоило. В настоящее время Лукьянов полковник в отставке, продолжает трудовую деятельность на государственной службе в администрации Днепропетровщины.

В одном бою с Лукьяновым на перевале Гулпрай получил ранение, не совместимое с жизнью, его однокашник по Киевскому ВОКУ, выпускник Минского СВУ начальник штаба 154 оо СпН незабвенный Анатолий ПЕТУНИН. Три года и девять месяцев этот мужественный спецназовец боролся со смертью. Он никогда не жаловался на боли, только повторял: «Ничего, прорвемся!» Но победить «костлявую» не сумел и ушел в вечность в десятую годовщину ввода советских войск в Афганистан. Его друг, корреспондент журнала «Советский воин» Сергей Птичкин вспоминал: «*Мне Анатолий как-то сказал: я же профессиональный военный и форму*

надел не только для парадов. На войне же, как говорится, или грудь в крестах, или голова в кустах. Я честно выполнил свой долг до конца и стыдится мне нечего...».

Рано ушел из жизни от полученных ранений майор Вячеслав ЮДАЕВ. Скоропостижно скончались полковники Алексей ДЕМЕНТЬЕВ, Игорь СЕРЗИН, Юрий ИСАКОВ, Александр КУХТИН и подполковник Николай ЛЫМАРЬ.

Две пули прошили грудь старшины роты старшего прапорщика Юрия ДУРНЕВА, но он остался жив благодаря самопожертвованию разведчиков Василия КОВАЛЕНКО, Павла РОЖНОВСКОГО и Михаила МОЧЕРНЮКА, успевших вынести его с поля боя. Навечно остался в памяти друзей прикрывавший их Анатолий КУШНЕРОВ. Мало известно о судьбе тяжело раненого в Мараварском бою прапорщика Игоря БАХМУТОВА, сумевшего после страшных ранений встать на ноги и окончить институт иностранных языков, а впоследствии выполнять интернациональный долг в Анголе. Лишь недавно дал о себе знать тяжело контуженный при подрыве БМП в Хостинской операции замполтех 1-й роты спецназ 334 оо СпН старший лейтенант Олег ЧУКИН. Мужественные и героические были люди, а ведь этот список можно и нужно продолжить...

Отличительной особенностью всех войн является то, что в них погибают самые лучшие представители своих народов. Самое страшное в афганской войне заключается в том, что основная масса погибших спецназовцев — юноши 18-20 лет, не успевшие в своей жизни даже поцеловать девушку. Именно в этом, считаем, и заключается главная вина советского руководства. Великая страна имела право защищать свои стратегические интересы, но участвовать в боевых действиях должны были не безусые мальчишки, а призванные из запаса добровольцы 25 — 35 лет, благо таких желающих в то время было больше чем достаточно. Дайте человеку нормальный заработок, обеспечьте семью жильем и он горы свернет, даже афганские. Кто сможет подсчитать искалеченные души и изуродованную психику ветеранов-«афганцев»! Логика примитивного мышления срабатывала только в двух направлениях: вернулся — не вернулся. А каким вернулся, никому не было до этого дела. «Никто ведь нас в Афганистан не посылал» — убийственно звучала брошенная «афганцам» в спину, а иногда и в лицо фраза чиновника.

Давно уже у нас другая власть, другое государство, другие чиновники, которых роднит с прошлыми, советскими, такое же равнодушие к проблемам ветеранов, как и прежде. Не посылал военком, призвавший парня в армию. Не посылал руководитель или хозяин предприятия, которому невыгодно иметь в коллективе льготника. Не посылал водитель маршрутки, не посылал работник ЖЭКа, собеса и т.д. Да мало ли бездушных людей, с которыми пришлось столкнуться ребятам, возвратившимся с войны в «ужасы мирной жизни», как говорили сами «афганцы». И эти «ужасы» иногда были страшнее боевой действительности...

Никому нет дела, что множество ветеранов афганской войны по прошествии двух десятилетий так и не получили свои боевые награды. Почти половина офицеров и прапорщиков, прошедших Афганистан, не смогли сохранить свои семьи. Браки распадались как карточные домики в первый же год после возвращения в Союз. Эта проблема упорно не замечалась психологами и социологами. Никто сегодня не скажет правды, сколько ветеранов войны мы потеряли за эти двадцать мирных лет не только от ран и болезней, полученных в Афганистане, но и оттого, что так и не смог приспособиться к новым условиям жизни, новым идеалам, кто умер от ран или просто спился, не говоря о погибших в других «войнах»: таджикских, приднестровских, кавказских, югославских и др.

Когда-то нам удалось прочесть, что один день войны в Афганистане обходился Советскому Союзу около 300 млн. рублей, и из-за этого общество развитого социализма так и не стало развитым. В действительности, долгие 9 лет войны еще больше обострили социальные проблемы. Можно смело предположить, что если 1-я мировая воина повлекла за собой Октябрьскую революцию и крах Российской империи, то афганская война привела к развалу СССР.

С 1991 года существует новая социальная проблема – ограниченность общения с боевыми побратимами, оказавшимися волею судьбы разделенными границами и таможнями. Многие «афганцы» помнят, как часто раньше приходилось бывать в школах, ПТУ и техникумах. Вместе с ветеранами Великой Отечественной войны рассказывать молодежи о героизме их сверстников, продиктованном чувством любви к Родине, о самопожертвовании, замешанном на глубоком патриотизме, чувстве долга и боевом братстве.

Оказалось, что все это – «чепуха»! Родина, дескать, была не та, патриотизма в несправедливой войне быть не могло, а героизм – и не героизм вовсе, а результат муштры или безысходности. Договорились до того, что, оказалось, наши деды и отцы тоже не патриоты и зря воевали с фашистами. Более тринадцати тысяч срезанных афганской войной молодых жизней остались «корешками» того последнего, дорыночного поколения, которое своими «вершками» стало и первым рыночным. В своей раздвоенности, роковой половинчатости поколение «афганцев» остро чувствует боль «распила», как чувствует инвалид боль в ампутированных конечностях.

Не мальчики, но мужи продолжают жизнь этого поколения. На его долю досталась судьба похуже, пожалуй, всех поколений, которым приходилось проходить через войну. Имена их прадедов доносились до них гулом Гражданской войны с её тачанками, «максимами», звоном клинков шашек, револьверным «лаем». Трагизм ожесточённой ярости брата против брата ко времени их рождения уже сменился грустным лиризмом найденной в шкафу буденовки, песен о сотне юных бойцов из буденовских войск, что в разведку в поля поскакали, о колоске русского поля, о комиссарах в пыльных шлемах. А деды их, прошедшие самую кровопролитную Великую Отечественную трагически не воспринимались. В блеске орденов и медалей «наши деды – славные победы!» Героическим ореолом

окружено и имя каждого павшего на этой войне ореолом защитника Родины, павшего в боях с иноземным захватчиком. Какими жертвами пали мальчики «афганского» поколения?

Во имя чего были отданы их молодые жизни? Вот вопрос, который оглушил (употребим такой неблагозвучный глагол) вернувшихся оттуда на броне радостных, оставшихся в живых «афганцев». Ни в Гражданскую, ни в Отечественную такая ситуация не могла возникнуть ни в одном, даже самом извращенном уме. Мы не думаем, что сегодняшний «афганец» вместе с тем чиновником тоже считает, что напрасно его туда посылали. Возможно, были какие-то другие ходы политической истории, да недостало государственной мудрости. Так что, поэтому мальчишки погибли зря? Ну, нет! Как только доходит до подобного умозаключения, в среде ветеранов «афганцев» нашей бригады восстаёт прежний боевой дух, подкреплённый молчаливым согласием застывших в строю друзей-спецназовцев.

Давайте не забывать, что у нас всегда в почёте была и остаётся, несмотря на попытки её принизить, воинская, офицерская профессия — Родину защищать. И истинно-российские носители этой профессии никогда не опускаются до маразма «деидеологизации» патриотизма. Таким был, например, наш боевой друг капитан Николай Саинович МАЙДАНОВ. Его отец, Саин Саингалиевич Майданов, казах по национальности, шофер, колесил по дорогам Советского Союза, нашел жену-украинку, у которой в роду были и немцы, и поляки. Родилось у Майдановых две девочки и четыре мальчика. «Интернационал!» смеялся шофер Майданов. И сын его, Николай МАЙДАНОВ, воистину был членом «интернационала». Он гордился, что оказывает интернациональную помощь афганскому народу. В точном соответствии с русской поговоркой — Смелого пуля боится он прошел боевым вертолетчиком через Афган целым и невредимым. Вместе с разведчиками 668 оо СпН нашей бригады А. КОРЧАГИНЫМ, В. ВОРОБЬЕВЫМ, П. ТРОФИМОВЫМ, Е. БАРЫШЕВЫМ, В. БОКОВЫМ, В. САВВИНЫМ, С. МИХАЙЛЕНКО, Ю. КОВАЛЕНКО, С. КЛИМЕНКО, М. КОРКИШКО и С. БЕКИНЫМ, старший летчик 239-й отдельной вертолетной эскадрильи капитан Майданов остановил и уничтожил крупнейший Абчаканский караван, перевозивший на 193 вьючных животных громадное количество оружия, предназначенного для уничтожения афганского народа, и несколько десятков переносных зенитных ракетных комплексов, что готовили смерть его коллегам. Николай заслуженно стал Героем Советского Союза, а позже и Героем России. Нашим общим героем! Когда распался Советский Союз и заполыхал многонациональный Кавказ, уже полковник Николай МАЙДАНОВ отправился туда устанавливать конституционный порядок. Не брали его в Афгане ни душманские зенитные установки, ни американские ракеты «Стингер», ни английские «Блоупайп». А зацепила своя отечественная «Игла», выпущенная бандитской рукой, в момент, когда он спасал из окружения очередную группу спецназа ГРУ... Но и смерть Героя была героической. Немного у нас Героев Советского Союза, ставших потом еще и Героями Российской Федерации.

Да, социологический «срез» поколения, который произвела афганская война, уникален ещё и тем, что он, как срез спиленного дерева, не только даёт возможность прочитать по концентрическим кругам какие-то содержательные характеристики, но и наглядно являет миру трагический символ «распиленного» надвое единого организма. Да, оставшиеся «вершки» ещё живут, ещё цветут и производят потомство, а «корешки» в святой уверенности в благородстве своей миссии посылают наверх так необходимые организму жизненные почвенные соки, и эти соки недоумёнными прозрачными слезами сверкают на свежем спиле теми самыми «искрами»... С какой стороны ни глянь, мнение, что наши мальчишки «погибали зря», вызывает не только протест, но и чувство омерзения, как любое кощунство. Что значит «зря»? Бесплатно, что ли? В армии, которая формируется не по найму (контракту), а по призыву в соответствии с Конституцией государства, в армии, служба в которой идеологически осмысляется как «священный долг гражданина», — в такой армии неприемлемы рыночные критерии: а сколько это стоит, что я буду иметь? Советская Армия относилась к этому внерыночному типу, и судить о ней в целом, о каждом воине того времени в отдельности необходимо с учётом её внутренних законов и уставов, пафоса её лозунгов, слов присяги, воспитательных героических примеров и верности традициям. Не в том дело, были ли в ней недостатки, ошибки и даже преступления. Конечно, были. Мы тоже склонны считать, что ввод советских войск в Афганистан — политическая ошибка (не был учтён исламский фактор, вернее, недостаточно было изучено влияние ислама на все сферы афганского общества). Но это не значит, что, исходя из признания ошибкой первоначальное решение, мы должны всё последующее рассматривать сквозь тёмные очки. Наоборот, само ощущение ошибки (о ней не говорили, но осознавали и наверху, и внизу) придавало дополнительный импульс для компенсации ущерба от неё, к минимизации её последствий.

Во-первых, ошибка не привела к военному поражению. Сам многолетний характер этой военно-политической акции зависел не от мощи и возможностей ограниченного контингента, а от внутриполитических, социальных и морально-психологических факторов самого афганского общества, решать которые — не дело армии. Политическое решение о выводе войск (окончании войны) не устранило, да и не могло устранить внутриафганских противоречий, о чём свидетельствует дальнейшая история этой несчастной страны.

Во-вторых сами воинские подразделения, втянутые в эту акцию, и армейские коллективы показали свою жизнестойкость, умение адаптироваться к неблагоприятным условиям, практически на каждом шагу сталкиваясь с необходимостью действовать, способами и приемами не предусмотренными уставами. Не было единой линии фронта. Но зато практически бесперебойно и планово осуществлялось тыловое обеспечение, материально-техническое снабжение войск. В этом тоже можно усматривать компенсацию за политическую ошибку. Да и трагический пример Порт-Артура, когда главным фактором поражения русской армии стала бездарная организация тылового обеспечения, послужил историческим уроком.

Вся афганская война состояла из многочисленных операций (крупных и мелких), которые должны были проводиться (по установке) с мастерством хирурга: уничтожать бандформирования внутри кишлаков с минимальными потерями для мирного населения; не допускать поражения «мирных» караванов; по возможности исключить при минировании местности поражение мирного населения и др. К чести наших генералов и офицеров, ни одна из намеченных операций не была проиграна, и военный авторитет советских войск не пострадал. В этих условиях возрастала роль не только каждого командира любого уровня, но и каждого рядового.

Афганская война стала школой советского спецназа. Если хотите, его золотой эпохой. Здесь он блеснул во всем своем могуществе. И погас, но уже за пределами Афганистана...

В-третьих: поставленные в условия чрезвычайной осторожности, бдительности, советские солдаты и офицеры стали по-человечески ближе друг к другу. Помимо обычной воинской дисциплины, которая в экстремальных условиях войны соблюдалась беспрекословно, в армейских коллективах, особенно в подразделениях специального назначения, возникала атмосфера по-семейному трогательной любовной заботы друг о друге. По многочисленным свидетельствам участников войны в частях спецназа ограниченного контингента практически не наблюдалась такая болезнь армии, как дедовщина. Если где-то и возникали «вирусы» этой болезни, то они отторгались укрепившимся перед лицом опасности нравственным авторитетом.

А матери погибших «афганцев»? Эту тему никак не обойдёшь, рисуя портрет поколения наших героев. В год окончательного вывода советских войск из Афганистана жила в Украине безутешная мать погибшего нашего сержанта Димы СУШКО Алла Александровна СУШКО.

Бывший начальник штаба 668 оо СпН майор ПЕТРОВ хорошо запомнил ее еще с той поры, когда часть только готовилась к выезду в Афганистан. В своем блокноте он написал: *«Лагерь постоянно осаждали родители, да это и понятно: ведь их дети уходили не на загородную прогулку, а в чужую страну под пули. Мать сержанта Сушко, секретаря комсомольской организации роты, две недели плакала и просила оставить ее сына в Кировограде, но он настоял на своем и ушел с нами. Через полгода погиб при проведении засады на караван».*

Надо отдать должное партийным и советским руководителям горняцкого края, которые тогда сделали многое для того, чтобы облегчить безутешное горе матери. Величественный памятник нашему разведчику кавалеру ордена Красной Звезды и медали «За отвагу» сержанту Дмитрию Анатольевичу СУШКО стоит и стоять будет в самом центре индустриального Кривого Рога, – он олицетворяет всех воинов-интернационалистов. Дмитрия не забыли студенты горнорудного института, два курса которого он окончил. Мемориальная доска установлена и на здании средней школы № 22, где он учился. Однако материнское сердце не вынесло утраты, и молодая еще женщина ушла в вечность вслед за сыном.

Великолепным солдатом был сапер-разведчик 334 оо СпН рядовой Николай ХОМЯКОВ, смерть которого за двадцать дней до приказа об уволь-

нении в запас свела в могилу и родителей. Однако сохранились письма солдата: «*Мама, я вместе с друзьями решил вступить в партию. Парторг, когда узнал, что из нашей роты пишут заявления сразу шесть человек, сказал, что в этом случае все наше подразделение должно быть отличным. Мама, как ты думаешь, могу я стать настоящим коммунистом? Для меня важно твое слово*». «*Сегодня 24 июля. Воскресенье. Я в штабе бригады в Джелалабаде. А 15 состоялось заседание парткомиссии и меня приняли в КПСС. Так день моего рождения стал еще и днем рождения нового партийного человека. Позавчера в музее бригады мне вручили кандидатскую карточку. Мы тут все разные, а вместе дружные. Теперь мой долг прямо идти по жизни. Мама, за меня можешь быть спокойна, и уверена, что свой долг солдата я выполню до конца*». Что, скажете – коммунистическая пропаганда? В письме матери?

Перебирая в руках эти листочки-памятки, невольно настраиваясь от нежных строчек на лирическую волну, ощущаешь огромный энергетический заряд человечности этого поколения «последних Солдат Советского Союза». Отсутствие у них комплексов позднее придуманной так называемой совковости или солдафонства! Ни зазнайства, ни высокомерия, ни черствости – сама искренность! Читаешь эти строки и с горечью понимаешь, как могла бы быть наполнена трудом и созиданием эта несостоявшаяся жизнь. Одна молодая современная журналистка в очерке о погибших в Афганистане молодых ребятах выразилась, что *«они были слишком скромными»*. На это возразила мать одного из них: «***Скромность не может быть ни большой, ни малой. Ее не может быть «слишком». Либо она есть, либо ее нет»***.

Подобные мини-дискуссии не раз встречались в этих скорбных «материалах». Они отражает тенденцию изменения нравственно-психологической установки в молодежной среде. Скромность: благо или порок? Наверное, на этом разломе и проверяются качества того, «дорыночного» поколения и нынешнего, уже «рыночного». Изменение отношения к скромности, и вызывает недоумение у нас «бывших». Бывших? Нет настоящих, какими мы были и остались!

«Скромный до застенчивости» – так вспоминают ветераны 154 оо СпН главную отличительную черту своего товарища бывшего начальника штаба, выпускника Уссурийского СВУ Сергея ЕРШОВА, который, обладая железной волей, в критической боевой обстановке, несмотря на тяжелейшее ранение, слепоту и ожоги, грамотно руководил боем. Благодаря ему подразделение, попавшее в засаду осталось в живых. Орден Красного Знамени и погоны капитана первого ранга морского спецназа оттеняют его человеческую скромность. Однако оттенок «до застенчивости» придает «скромности» вроде бы какую-то ущербность. Дай бог двум сыновьям Сергея Николаевича ЕРШОВА, выбравшим военную судьбу своего отца, быть такими же «скромными» героями.

Служил в 177 оо СпН свердловчанин разведчик рядовой Евгений АЛЕКСЕЕВ. Он не успел отметить и двадцатилетие своей стремительной военной жизни, как круговорот боевой действительности вывел его на минное поле, и он своей жизнью спас товарищей идущих следом. Как вспоминает его мама: *«Рос Женя тихим и спокойным мальчиком, очень доб-*

рым, ласковым и жалостливым. За эти черты характера его все и любили. Он никогда ни с кем не дрался, никого не обижал, хотя много занимался спортом. Любил кошек, собак. В школе Женя участвовал во всех мероприятиях, помогал выпускать стенгазеты, а если проводили «Зарницы», то Женю всегда выбирали командиром». За полгода службы в Афганистане Евгений прошел через одиннадцать боевых операций, но не очерствел душой. В последнем письме он написал: «*Мама, здесь глубокая древность, я потом напишу в каком столетии они живут, но «духи» обыкновенные люди, только одеты по-смешному, штаны у них шире, чем у Тараса Бульбы...*».

Скромность на помешала снайперу 154 оо СпН Александру ПОДОЛЯНУ уничтожить в бою около десятка «духов», прикрывая отход товарищей в бою в ущелье Крер 29 марта 1986 года и пасть в нем смертью храбрых, как пали в нем такие же скромные разведчики – Витя ЭЙНОРИС, Миша РАЗЛИВАЕВ и Вова ВЕЛИКИЙ.

Наш командирский опыт общения с целым поколением «скромняг» позволяет сделать вывод, что по большому счету скромность – обязательное условие коллективистского общежития. Она совсем не затушевывает индивидуальность и не мешает раскрываться заложенным в личности качествам. Да, одеты все спецназовцы в одну униформу, да, у них у всех почти одинаковые короткие биографии: детский сад, школа, кружки, спортивные секции, летние пионерские лагеря, одинаковые учебники, по которым они учились, одни и те же фильмы, которые видели, одни и те же песни пели... Но каждый офицер, командир он или политработник, скажет вам, что не было у него в подразделении никогда двух похожих характеров. Даже внешнее сходство встречается чаще, чем характеры. Так что противники коллективизма в своей рекламе индивидуализма идут против натуры человека: коллектив – не стадо, а букет индивидуальностей. И, кстати, только в коллективе и проявляются индивидуальные качества каждого в сопоставлении с другими. Не только проявляются, но и проверяются на человечность. Истинную человечность, которая не только за себя, но и «за други своя».

Именно этим и силен спецназ, как и многие командные виды спорта: команда (коллектив) тогда хороша, когда она состоит из ярких индивидуальностей. Это прекрасно понимали и использовали для сплочения коллективов лучшие политработники нашей бригады: Рашид АБДУЛЛАЕВ, Георгий БОРЕЦКИЙ, Николай БЫКОВ, Юрий БЕРЗИН, Николай БЕССОНОВ, Олег БОБРОВ, Юрий БОЙКО, Владимир ВОЛОШ, Александр ГУЛЕВИЧ, Геннадий ГОНЧАР, Александ ГЛОВА, Александр ЕРМАКОВ, Валерий ЗУБИКОВ, Виктор ИПАТЬЕВ, Александр КАРЛОВ, Аркадий КОЗЛОВ, Владимир КЛОКОВ, Сергей МИХАЛЬКОВ, Владимир МАЙОРОВ, Михаил МАШОНКИН, Игорь МЯСНИКОВ, Вячеслав НИКОКОШЕВ, Михаил НИМКО, Игорь ПОЧТОВИК, Анвар САТТАРОВ, Алексей СТАСЮК, Михаил САДОВНИКОВ, Игорь СЕМЕНОВ, Евгений СОКОЛОВ, Александр СЛАВНИК, Владимир СТАТКЕВИЧ, Валерий СМИРНОВ, Михаил и Павел ТРОФИМОВЫ, Игорь ХАЛЬЗОВ, Сергей ЩЕПЕЛЕВ, Сергей ЧЕРЕПАНОВ, Александр ЧАЙКА, Феим ШАРАФУТДИНОВ, Николай ЯРЕМКО и другие.

К глубокому сожалению, приходится читать в материнских письмах сегодняшнего времени много жалоб на несправедливость современной жизни. Про забытые обещания поставить памятник на могиле. Про бесконечную переписку по поводу затерявшейся награды. Мы должны быть внимательны к матерям наших солдат, которые родили и воспитали Отечеству это поколение наших незабвенных солдат и офицеров. Уходит время, и меняются на земле люди, вещи, слова, мысли и песни, названия, конституции и привычки. А их матери, как и мы, выходцы из той военной бытовой нищеты, когда даже спички считались роскошью, понимаем друг друга. Эти женщины знают истинную цену каждому куску хлеба, каждой бумажной игрушке, сделанной своими руками для украшения ёлки, каждому слову с трибуны, из репродуктора или на странице. Они, НАШИ МАМЫ, готовили своих детей, рождённых в благополучное время, для хорошей жизни. Уверенность в ней была повсеместная. У всех у нас были типичные советские «биографии». Где бы ни проклюнулся росток жизни, о нем заботились, «взрыхляли почву», «удобряли», «поливали», чтобы молодая поросль росла нормально. Может быть, не роскошно – по минимальной норме, но в норме. Невысокая зарплата родителей позволяла «в притирочку» кормить, одевать, учить, покупать книги и игрушки. И уходили в армию мальчишки с чистым взглядом и спокойным сердцем: дело мужское, государственное, священный долг. Так они были воспитаны не только матерями, но и школой и комсомолом – в памяти и в сердце жила военная эпопея дедов и отцов. Особенно прочная связь отцов и сыновей наблюдалась в офицерских семьях, где продолжались или создавались военные династии. Самоотверженно служили Родине сыновья офицеров – участников Великой Отечественной войны БЛАЖКО, БЕКОЕВА, ВОРОБЬЕВА, ВОИНОВА, ИВАНОВА, КВАЧКОВА, ЕРШОВА, ПОРТНЯГИНА, СТОДЕРЕВСКОГО... Очень много среди погибших молодых лейтенантов – детей кадровых военных. Светлая Память всем военнослужащим Спецназа отдавшим свои жизни при выполнении специальных заданий командования! И в Афганистане, и позже – в Чечне.

За прошедшие два десятилетия ветераны спецназа афганской войны солдаты и офицеры, уже стали зрелыми людьми. Они твердо занимают и поддерживают военные начинания руководства нашей страны. Среди них есть и ответственные работники государственных органов исполнительной власти, и генералы, и дипломаты, и народные депутаты, и бизнесмены, общественные и политические деятели. Но и сегодня значительная часть ветеранов афганской войны нуждается в помощи и поддержке государства. До сих пор некоторые из них ждут вручения заслуженных боевых наград, к которым были представлены четверть века тому назад.

Ветераны в повседневной жизни хранят боевые традиции спецназа и поддерживают добрые связи с соратниками из других стран СНГ. Ветераны ожидают новых шагов в социальной политике от правительства и руководства государства. Но это не пассивное ожидание. Ветераны готовы сотрудничать с властью ради будущего страны, поддерживать все прогрессивные инициативы, которые направлены на улучшение жизни народа, укрепление боеспособности Вооруженных Сил, которым они передали славу

и доблесть, проявленную в боях. Ветераны спецназа остаются специальным боевым резервом Верховного главнокомандующего. Сегодняшнее поколение военнослужащих спецназа бережно хранит и приумножает славные традиции своих предшественников, проявляя высокий профессионализм, исполнительность и ответственность за порученное дело.

Отдавая дань уважения выдающимся заслугам всех поколений военных разведчиков перед Отечеством, выражаю твердую уверенность в том, что личный состав частей спецназа Вооруженных Сил России будет и впредь поддерживать высокую боеготовность и добиваться выполнения поставленных задач.

Служу России! Честь имею,

Юрий СТАРОВ, гвардии полковник,
командир 15-й отдельной
ордена Красного Знамени Республики Афганистан
бригады специального назначения

КОМАНДИРЫ 15-й ОТДЕЛЬНОЙ БРИГАДЫ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ (За период с 1963 по 1994 гг.)		
В. звание	*Фамилия, имя, отчество командира бригады*	*Время командования соединением*
полковник	ЛУЦЕВ Николай Иванович	1963-1967
полковник	МОСОЛОВ Роберт Павлович	1968-1975
полковник	КОЛЕСНИК Василий Васильевич	1975-1977
полковник	ОВЧАРОВ Александр Алексеевич	1977-1980
полковник	СТЕКОЛЬНИКОВ Анатолий	1980-1984
полковник	БАБУШКИН Владимир Матвеевич	1984-1986
полковник	СТАРОВ Юрий Тимофеевич	1986-1990
полковник	КВАЧКОВ Владимир Васильевич	1990-1994
полковник	ЗОЛОТАРЕВ Сергей Кондратьевич	1994
ЗАМЕСТИТЕЛИ КОМАНДИРА БРИГАДЫ – НАЧАЛЬНИКИ ПОЛИТОТДЕЛА		
В. звание	*Фамилия, имя, отчество*	*Период в должности*
полковник	Белобрагин Алексей Александрович	1963-1971
полковник	Руденко Валентин Григорьевич	1971-1974
полковник	Лысак Николай Васильевич	1974-1978
подп-к	Тибенко Иван Михайлович	1978-1980
подп-к	Марков Иван Иванович	1980-1985
полковник	Рузин Петр Ильич	1985-1987
подп-к	Кривопалов Олег Владимирович	1987-1988
подп-к	Хутько Михаил Юрьевич	1988-1991
КОМАНДИРЫ ОТДЕЛЬНЫХ ОТРЯДОВ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ		
В. звание	*Фамилия, имя, отчество*	*Период командования отрядом*
154 оо СпН		
майор	Холбаев Хабиб Таджибаевич	5.1979-8.1981
майор	Костенюк Николай Михайлович	8.1981-10.1981
майор	Стодеревский Игорь Юрьевич	10.1981-11.1983
майор	Олексеенко Василий Иванович	11.1983-2.1984
майор	Портнягин Владимир Павлович	2.1984-11.1984
майор	Дементьев Алексей Михайлович	11.1984-8.1985
капитан	Абзалимов Рамиль Каримович	08.1985-10.1986
подп-к	Гипуч Владислав Петрович	10.1986-11.1987
майор	Воробьев Владимир Федорович	11.1987-6.1988
майор	Козлов Юрий Всеволодович	6.1988-9.1990
майор	Ефименко Анатолий Николаевич	9.1990-9.1991
подп-к	Свирин Валерий Михайлович	9.1991-9.1992
майор	Воронцов Сергей Анатольевич	9.1992-12.1994

		Окончание
В. звание	*Фамилия, имя, отчество*	*Период командования отрядом*
	177 оо СпН	
майор/под-к	Керимбаев Борис Тукенович	2.1981-10.1983
подп-к	Квачков Владимир Васильевич	10.1983-2.1984
подп-к	Грязнов Владимир Алексеевич	2.1984-5.1984
капитан	Кастыпкаев Бахыт Мукашевич	8.1984-11.1984
майор	Юдаев Вячеслав Васильевич	11.1984-7.1985
майор	Попович Алексей Михайлович	7.1985-10.1986
подп-к	Блажко Анатолий Андреевич	10.1986-6.1989
майор	Пимонов Юрий Тимофеевич	6.1989-1.1990
подп-к	Самсонов Юрий Николаевич	1.1990-12.1994
	668 оо СпН	
подп-к	Юрин Игорь Степанович	6.1984-2.1985
подп-к	Рыжик Модест Иванович	2.1985-11.1985
майор	Резник Евгений Александрович	11.1985-6.1986
майор	Удовиченко Владимир Михайлович	6.1986-04.1987
подп-к	Корчагин Анатолий Васильевич	4.1987-6.1988
подп-к	Горатенков Валерий Александрович	6.1988-6.1989
	334 оо СпН	
майор	Терентьев Виктор Яковлевич	3.1985-5.1985
майор	Быков Григорий Васильевич	5.1985-6.1987
подп-к	Клочков Александр Борисович	6.1987-11.1987
подп-к	Гилуч Владислав Петрович	11.1987-6.1988
подп-к	Чмырев Александр Прохорович	6.1988-6.1994

СПИСОК потерь личного состава 15-й отдельной бригады специального назначения с 1979 по 1989 гг.

Управление бригады

№	в/название	фамилия	имя	отчество	дата	место	откуда
1	ефрейтор	Зелёненький	Николай	Родионович	31.01.1986	Джелалабад	Украина
2	служащая СА	Лыкова	Татьяна	Васильевна	29.11.1986	Джелалабад	Воронежская обл
3	лейтенант	Урошлев	Сергей	Сергеевич	29.11.1986	Джелалабад	Волгоградская обл

154-й оо Спн

№	в/название	фамилия	имя	отчество	дата	место	откуда
1	рядовой	Богодиров	Абдумумин	Абдунабиевич	27.12.1979	Кабул	Таджикистан
2	рядовой	Курбанов	Ходжанепес		27.12.1979	Кабул	Туркменистанская ССР
3	рядовой	Хусанов	Сабирджон	Камилович	27.12.1979	Кабул	Узбекистан
4	рядовой	Мамаджанов	Абдунаби	Гайджанович	27.12.1979	Кабул	Киргизия
5	рядовой	Сулайманов	Шокиржон	Султанович	27.12.1979	Кабул	Узбекистан
6	мл.сержант	Шербенко	Миркасым	Абрашимович	27.12.1979	Кабул	Узбекистан
7	рядовой	Расульметов	Курмантай	Мурадович	28.12.1979	Кабул	Казахстан
8	рядовой	Мадияров	Зиябиддин	Гиясиддинович	06.01.1980	Кабул	Узбекистан
9	лейтенант	Михалёв	Владимир	Николаевич	01.11.1981	в госпитале	Белоруссия
10	рядовой	Бобиев	Хайридин	Тешаевич	20.11.1981	Акча	Таджикистан
11	рядовой	Милибаев	Баходир	Патидинович	20 11.1981	Акча	Узбекистан
12	лейтенант	Слепцов	Андрей	Александрович	20.11.1981	Акча	Ярославская обл
13	рядовой	Чегодаев	Виктор	Анатольевич	20.11.1981	Акча	Ульяновская обл
14	сержант	Шиварев	Алексей	Фёдорович	20 11.1981	Акча	Украина
15	рядовой	Эшонов	Шавкат	Абдураймович	23.11.1981	Акча	Узбекистан
16	мл.сержант	Калинин	Михаил	Валентинович	07.12.1981	Акча	Читинская обл
17	мл.сержант	Рахматуллин	Рашид	Шавкатович	07.12.1981	Акча	Узбекистан
18	мл.сержант	Щёголев	Леонид	Юрьевич	07.12.1981	Акча	Читинская обл
19	рядовой	Гаврилов	Сергей	Геннадьевич	04.01.1982	Акча	Читинская обл
20	рядовой	Бабев	Норбобо	Манонович	16 01.1982	Акча	Таджикистан
21	мл.сержант	Хайрулин	Фарит	Нагимович	20.01.1982	Акча	Башкирия
22	рядовой	Шадманов	Гияс	Иргашевич	24.01.1982	Акча	Узбекистан
23	рядовой	Юлдашев	Ахаткул	Рахманович	24.01.1982	Дарзаб	Узбекистан
24	ст.лейтенант	Статкевич	Владимир	Владимирович	04.04.1982	Акча	Украина
25	рядовой	Широких	Виктор	Валентинович	12.04.1982	Акча	Читинская обл
26	рядовой	Павленков	Сергей	Владимирович	18 05.1982	Акча	Челябинская обл
27	ефрейтор	Школин	Виктор	Иванович	28.05.1982	Акча	Читинская обл
28	рядовой	Алибердыев	Кабул	Каримович	06.06.1982	Акча	Узбекистан
29	ефрейтор	Анциферов	Игорь	Михайлович	06 06.1982	Акча	Читинская обл
30	рядовой	Ващебрович	Александр	Иванович	06.06.1982	Акча	Белоруссия
31	сержант	Гимранов	Анвар	Наилович	06 06.1982	Акча	Узбекистан
32	лейтенант	Калмыков	Сергей	Николаевич	06.06.1982	Акча	Башкирия
33	мл.сержант	Шабакаев	Марс	Октябрисович	06.06.1982	Акча	Коми
34	сержант	Шворнев	Михаил	Александрович	06.06.1982	Акча	Новосибирская обл
35	мл.сержант	Маурин	Герман	Алексеевич	10.06.1982	в госпитале	Коми
36	рядовой	Мордович	Юрий	Васильевич	29.06.1982	Акча	Новосибирская обл
37	рядовой	Вафин	Дамир	Миннулович	05.07.1982	Акча	Татарстан
38	рядовой	Капустин	Виктор	Владимирович	28.08.1982	Айбак	Бурятия
39	сержант	Шаповалов	Игорь	Николаевич	11.10.1982	Айбак	Украина
40	сержант	Герасимов	Александр	Юрьевич	03.11.1982	Айбак	Московская обл
41	рядовой	Балыбин	Дмитрий	Валентинович	16.11.1982	Айбак	Новосибирская обл
42	рядовой	Сорокин	Александр	Васильевич	03.05.1983	Айбак	Чувашская ССР
43	рядовой	Мельник	Виктор	Владимирович	29.07.1983	Айбак	Украина
44	рядовой	Скворцов	Юрий	Сергеевич	06 08.1983	Айбак	Ленинград
45	рядовой	Коркин	Виктор	Алексеевич	28 08.1983	Айбак	Узбекистан
46	рядовой	Подзерей	Борис	Владимирович	28.08.1983	Айбак	Новосибирская обл
47	мл.сержант	Кислицин	Сергей	Геннадьевич	05.09.1983	Айбак	Свердловская обл
48	ст.лейтенант	Бегишев	Эльгизер	Федорович	06.09.1983	Айбак	Узбекистан
49	лейтенант	Крышталь	Игорь	Николаевич	06.09.1983	Айбак	Украина
50	ефрейтор	Трофимов	Иван	Михайлович	06.09.1983	Айбак	Астраханская обл
51	ефрейтор	Терехов	Сергей	Владимирович	19.09.1983	Айбак	Ярославская обл
52	ст.лейтенант	Доманин	Владимир	Владимирович	23.09.1983	Айбак	Воронежская обл
53	рядовой	Высотин	Игорь	Александрович	02.10.1983	Айбак	Красноярский край
54	рядовой	Беликов	Валерий	Владимирович	12.01.1984	Айбак	Рязанская обл
55	рядовой	Керимов	Эльдар	Закирович	06.02.1984	Айбак	Узбекистан
56	рядовой	Кояли	Михаил	Вадимович	06.02.1984	Айбак	Ростовская обл
57	рядовой	Стадник	Сергей	Григорьевич	06.02.1984	Айбак	Ростовская обл
58	рядовой	Обухов	Сергей	Михайлович	07.02.1984	Айбак	Казахстан

№	в/название	фамилия	имя	отчество	дата	место	откуда
60	рядовой	Мокров	Александр	Михайлович	23.03.1984	Джелалабад	Бурятия
61	рядовой	Юрченко	Михаил	Иванович	23.03.1984	Джелалабад	Брянская обл
62	рядовой	Кацов	Валерий	Васильевич	08.04.1984	Джелалабад	Чувашская ССР
63	мл.сержант	Малюта	Иван	Иванович	08.04.1984	Джелалабад	Ростовская обл
64	лейтенант	Скуридин	Олег	Игоревич	08 04 1984	Джелалабад	Орловская обл
65	рядовой	Учанин	Андрей	Николаевич	08.04.1984	Джелалабад	Читинская обл
66	рядовой	Попов	Игорь	Александрович	09 04.1984	Джелалабад	Читинская обл
67	рядовой	Асанов	Эльдар	Фердаусович	11.04.1984	Джелалабад	Узбекистан
68	сержант	Борец	Александр	Николаевич	11.04.1984	Джелалабад	Украина
69	рядовой	Малыгин	Александр	Владимирович	17.04.1984	Джелалабад	Бурятия
70	рядовой	Дресвяников	Александр	Геннадьевич	21.04.1984	Джелалабад	Читинская обл
71	рядовой	Садиков	Гуламжон	Галиевич	23.05.1984	Джелалабад	Узбекистан
72	рядовой	Дадаев	Нугман	Камбарович	01.06.1984	Джелалабад	Узбекистан
73	рядовой	Крыжановский	Петр	Андреевич	01.06.1984	Джелалабад	Украина
74	мл.сержант	Мелентий	Иван	Михайлович	01.06.1984	Джелалабад	Молдавия
75	мл.сержант	Руденко	Николай	Васильевич	01.06.1984	Джелалабад	Украина
76	рядовой	Кыдырманов	Ермек	Касенович	01.06.1984	Джелалабад	Казахстан
77	рядовой	Голубев	Валерий	Владимирович	03.06.1984	Джелалабад	Самарская обл
78	сержант	Жигало	Валерий	Викторович	26.06.1984	Джелалабад	Московская обл
79	капитан	Бабко	Валерий	Владимирович	10.07.1984	Джелалабад	Белоруссия
80	сержант	Коропёв	Николай	Васильевич	22 07.1984	Джелалабад	Ленинградская обл
81	мл.сержант	Магомедов	Усман	Магомедалиевич	15.08.1984	Джелалабад	Дагестан
82	лейтенант	Нафиков	Хамит	Мугинович	15.08.1984	Джелалабад	Свердловская обл
83	ефрейтор	Харитонов	Андрей	Иванович	15.08.1984	Джелалабад	Ленинград
84	рядовой	Монастырский	Виталий	Степанович	08.09.1984	Джелалабад	Украина
85	сержант	Пихур	Василий	Викторович	08 09.1984	Джелалабад	Украина
86	мл.сержант	Токмаков	Сергей	Николаевич	24.09.1984	Джелалабад	Читинская обл
87	мл.сержант	Кудыма	Олег	Евгеньевич	25.09 1984	Джелалабад	Украина
88	мл.сержант	Воробьев	Геннадий	Валентинович	04.11.1984	Джелалабад	Московская обл
89	рядовой	Матевосян	Матевос	Самсонович	02.12.1984	Джелалабад	Армения
90	рядовой	Мухин	Алексей	Викторович	02.12.1984	Джелалабад	Московская обл
91	рядовой	Додоматов	Машакир	Машарифович	04.12.1984	Джелалабад	Узбекистан
92	рядовой	Дыльдин	Василий	Сергеевич	04.12.1984	Джелалабад	Владимирская обл
93	рядовой	Ибрагимов	Тофик	Зияддин-оглы	04.12.1984	Джелалабад	Армения
94	рядовой	Левщанов	Николай	Владимирович	04.12.1984	Джелалабад	Ивановская обл
95	рядовой	Моисеев	Сергей	Владимирович	04.12.1984	Джелалабад	Самарская обл
96	ст.сержант	Пирожков	Владимир	Михайлович	04.12.1984	Джелалабад	Узбекистан
97	мл.сержант	Пекшин	Игорь	Евгеньевич	04.12.1984	Джелалабад	Узбекистан
98	мл.сержант	Джимхаев	Муса	Усманович	05.12.1984	Джелалабад	Чечня
99	рядовой	Абдуалимов	Равшан	Кучкарович	11 02.1985	Джелалабад	Узбекистан
100	мл.сержант	Коляниченко	Константин	Николаевич	11 02.1985	Джелалабад	Краснодарский край
101	сержант	Курамагомедов	Мухтарахмед	Загирович	11.02.1985	Джелалабад	Дагестан
102	лейтенант	Лемишко	Сергей	Николаевич	11 02.1985	Джелалабад	Украина
103	рядовой	Макарчук	Аркадий	Степанович	11 02.1985	Джелалабад	Краснодарский край
104	рядовой	Стеля	Сергей	Васильевич	11 02.1985	Джелалабад	Молдавия
105	мл.сержант	Матниязов	Бахтиер	Султанович	12.02.1985	Джелалабад	Узбекистан
106	ст.лейтенант	Турусумбаев	Игорь	Владимирович	12.02.1985	Джелалабад	Саратовская обл
107	рядовой	Смыков	Владимир	Леонидович	19.03.1985	Джелалабад	Белоруссия
108	сержант	Плотников	Сергей	Александрович	22.03 1985	Джелалабад	Узбекистан
109	мл.сержант	Коркин	Михаил	Валентинович	09.04.1985	Джелалабад	Свердловская обл
110	рядовой	Давиденко	Николай	Иванович	22 07.1985	Джелалабад	Белгородская обл
111	рядовой	Лязин	Павел	Васильевич	23.07.1985	Джелалабад	Узбекистан
112	рядовой	Кузнецов	Сергей	Николаевич	24.07.1985	Джелалабад	Рязанская обл
113	лейтенант	Самойлов	Василий	Петрович	10.08.1985	Джелалабад	Таджикистан
114	рядовой	Глинов	Александр	Александрович	13 08.1985	Джелалабад	Молдавия
115	мл.сержант	Юлдашев	Хикматулла	Рахматуллаевич	25.08.1985	Джелалабад	Узбекистан
116	капитан	Турков	Алексей	Валентинович	19 09.1985	Джелалабад	Тверскаяобл
117	лейтенант	Овсянников	Евгений	Иванович	19.09.1985	Джелалабад	Московская обл
118	рядовой	Оруджов	Гамлет	Ханали-оглы	04.10.1985	Джелалабад	Грузия
119	рядовой	Джанзаков	Данияр	Сабденович	30.10.1985	Джелалабад	Узбекистан
120	ст.лейтенант	Педько	Александр	Юрьевич	30.10.1985	Джелалабад	Украина
121	ефрейтор	Щерба	Александр	Владимирович	30.10.1985	Джелалабад	Украина
122	рядовой	Лобачов	Алексей	Михайлович	05 01.1986	Джелалабад	Свердловская обл
123	рядовой	Нестеров	Анатолий	Владимирович	09.02.1986	Джелалабад	Самарская обл
124	рядовой	Походзило	Олег	Николаевич	11.02.1986	Джелалабад	Московская обл
125	сержант	Коваленко	Василий	Владимирович	19.03.1986	Джелалабад	Украина
126	рядовой	Кушниров	Анатолий	Степанович	19.03.1986	Джелалабад	Украина
127	рядовой	Мочернюк	Михаил	Иванович	19 03.1986	Джелалабад	Украина

№	в/название	фамилия	имя	отчество	дата	место	откуда
129	сержант	Рожновский	Павел	Петрович	19.03.1986	Джелалабад	Ленинград
130	лейтенант	Красильников	Виктор	Иванович	22.03.1986	Джелалабад	Украина
131	рядовой	Великий	Владимир	Михайлович	29.03.1986	Джелалабад	Украина
132	рядовой	Егоров	Александр	Васильевич	29.03.1988	Джелалабад	Новосибирская обл
133	ефрейтор	Косичкин	Сергей	Владимирович	29.03.1986	Джелалабад	Самарская обл
134	рядовой	Подолян	Александр	Викторович	29.03.1986	Джелалабад	Украина
135	мл.сержант	Разливаев	Михаил	Николаевич	29.03.1986	Джелалабад	Волгоградская обл
136	ст.лейтенант	Розыков	Холмухаммад	Джураевич	29.03.1986	Джелалабад	Узбекистан
137	рядовой	Эйнорис	Виктор	Брониславович	29.03.1986	Джелалабад	Ленинградская обл
138	рядовой	Якута	Виталий	Владимирович	29.03.1986	Джелалабад	Эстония
139	рядовой	Усачёв	Андрей	Викторович	28.05.1986	Джелалабад	Самарская обл
140	рядовой	Зазимко	Виктор	Борисович	16.07.1986	Джелалабад	Украина
141	рядовой	Кукуруза	Александр	Павлович	28.07.1986	Джелалабад	Украина
142	ефрейтор	Варес	Урмас	Олевович	07.08.1986	Джелалабад	Эстония
143	сержант	Ибадов	Шухтар	Иноятуллаевич	07.08.1986	Джелалабад	Узбекистан
144	мл.сержант	Кобыльченко	Андрей	Григорьевич	07.08.1986	Джелалабад	Украина
145	рядовой	Фурсов	Юрий	Владимирович	07.08.1986	Джелалабад	Кемеровская обл
146	рядовой	Мирошниченко	Анатолий	Александрович	16.09.1986	Джелалабад	Украина
147	рядовой	Семенюк	Василий	Иванович	16.09.1986	Джелалабад	Украина
148	сержант	Ярмош	Владимир	Васильевич	16.09.1986	Джелалабад	Украина
149	лейтенант	Бондарев	Валерий	Евгеньевич	29.11.1986	Джелалабад	Тюменская обл
150	лейтенант	Чёрный	Сергей	Павлович	29.11.1986	Джелалабад	Московская обл
151	рядовой	Раджалов	Садулла	Кучкарович	13.01.1987	Джелалабад	Узбекистан
152	рядовой	Чегор	Андрей	Борисович	13.01.1987	Джелалабад	Новосибирская обл
153	лейтенант	Сёмин	Игорь	Львович	17.01.1987	Джелалабад	Эстония
154	рядовой	Кабанов	Василий	Анатольевич	17.01.1987	Джелалабад	Свердловская обл
155	лейтенант	Злуницин	Олег	Игоревич	27.01.1987	Джелалабад	Украина
156	рядовой	Овдиенко	Николай	Николаевич	27.01.1987	Джелалабад	Украина
157	сержант	Яцковский	Сергей	Владимирович	27 01.1987	Джелалабад	Украина
158	рядовой	Кучкинов	Ибрахим	Уктамович	27.01.1987	Джелалабад	Узбекистан
159	рядовой	Жураев	Хасан	Исабекович	04.03.1987	Джелалабад	Узбекистан
160	лейтенант	Хамалко	Юрий	Михайлович	04.03.1987	Джелалабад	Молдавия
161	ст.лейтенант	Чихирев	Александр	Васильевич	04.03.1987	Джелалабад	Тульская обл
162	рядовой	Белых	Дмитрий	Михайлович	14.05.1987	Джелалабад	Украина
163	мл сержант	Тюфяков	Александр	Васильевич	25.05.1987	Джелалабад	Новосибирская обл
164	рядовой	Елкин	Алексей	Эдуардович	08.06.1987	Джелалабад	Калужская обл
165	рядовой	Говенько	Михаил	Алексеевич	02.07.1987	Джелалабад	Брянская обл
166	рядовой	Аталов	Чингиз	Сиявуш-оглы	07.07.1987	Джелалабад	Азербайджан
167	мл.сержант	Солдатенко	Александр	Николаевич	08.07.1987	Джелалабад	Украина
168	рядовой	Новиков	Юрий	Васильевич	08.07.1987	Джелалабад	Курская обл
169	рядовой	Яхьяев	Фахриддин	Хайрутдинович	08.07.1987	Джелалабад	Узбекистан
170	рядовой	Кайдалин	Яков	Всеволодович	24.07.1987	Джелалабад	Новосибирская обл
171	капитан	Ломакин	Александр	Евгеньевич	03 10.1987	Джелалабад	Волгоградская обл
172	рядовой	Финдюкевич	Николай	Владимирович	30.11.1987	Джелалабад	Белоруссия
173	мл сержант	Пряхов	Игорь	Сергеевич	05.01.1988	Джелалабад	Алтайский край
174	мл.сержант	Синякаев	Заур	Тофикович	05.01.1988	Джелалабад	Азербайджан
175	рядовой	Савинов	Игорь	Владимирович	17.01.1988	Джелалабад	Алтайский край
176	рядовой	Бодиштян	Иван	Григорьевич	23 01.1988	Джелалабад	Молдавия
177	подполковник	Петунин	Анатолий	Анатольевич	28.12.1989	в госпитале	Белоруссия

177-й оо СпН

№	в/название	фамилия	имя	отчество	дата	место	откуда
1	ефрейтор	Иванов	Андрей	Алексеевич	07.11.1981	Меймене	Новгородская обл
2	рядовой	Давыдов	Алексей	Евгеньевич	14.12.1981	Меймене	Таджикистан
3	ст.лейтенант	Березин	Владимир	Юрьевич	15.12.1981	Меймене	Тверскаяобл
4	мл.сержант	Максимов	Олег	Анатольевич	17.01.1982	Меймене	Казахстан
5	рядовой	Чернов	Виталий	Владимирович	10.03.1982	Меймене	Казахстан
6	ефрейтор	Осланов	Мухтар	Залелович	12.05.1982	Меймене	Казахстан
7	ст.лейтенант	Ахметов	Калибек	Газизович	15 05.1982	Меймене	Казахстан
8	рядовой	Петров	Александр	Александрович	24 05.1982	Меймене	Удмуртия
9	сержант	Нех	Юрий	Павлович	10.06.1982	Меймене	Таджикистан
10	сержант	Аюченко	Олег	Петрович	11.06.1982	Меймене	Казахстан
11	рядовой	Макаренко	Юрий	Николаевич	11.06.1982	Меймене	Казахстан
12	рядовой	Перфильев	Александр	Васильевич	11.06.1982	Меймене	Читинская обл
13	сержант	Ахметов	Базарбай	Турашович	02.07.1982	Меймене	Казахстан
14	сержант	Белозор	Леонид	Павлович	02.07.1982	Меймене	Украина
15	капитан	Батуев	Батожан	Бимбаевич	03.07.1982	Меймене	Бурятия
16	мл.сержант	Мажатов	Руслан	Анатольевич	03 07.1982	Меймене	Чечня

№	в/название	фамилия	имя	отчество	дата	место	откуда
18	рядовой	Бектобаев	Владимир	Александрович	04.07.1982	Меймене	Киргизия
19	рядовой	Шумаков	Сергей	Иванович	06.07.1982	Меймене	Читинская обл
20	прапорщик	Бубенцов	Александр	Николаевич	10.07.1982	Меймене	Казахстан
21	рядовой	Жилинский	Дмитрий	Романович	10.07.1982	Меймене	Казахстан
22	рядовой	Жильников	Виктор	Иванович	10.07.1982	Меймене	Казахстан
23	рядовой	Катасонов	Игорь	Анатольевич	10.07.1982	Меймене	Казахстан
24	рядовой	Останаев	Абдусатор	Фатахович	10.07.1982	Меймене	Таджикистан
25	рядовой	Табаров	Раджабали	Сафаралиевич	20.07.1982	Меймене	Таджикистан
26	рядовой	Аксенов	Сергей	Николаевич	30.07.1982	Меймене	Казахстан
27	рядовой	Садыков	Дайыр	Абылович	30 07.1982	Меймене	Киргизия
28	рядовой	Сулиев	Мейралы	Едигарович	30.07.1982	Меймене	Казахстан
29	рядовой	Животков	Андрей	Николаевич	01.08.1982	Меймене	Читинская обл
30	рядовой	Эгамов	Ибодулло	Файзуллаевич	08.08.1982	Меймене	Узбекистан
31	ст.лейтенант	Оразалиев	Хурсанали	Маликович	14.08.1982	Меймене	Узбекистан
32	рядовой	Бердалиев	Зарыпбек	Сасыкулович	25.08.1982	Меймене	Киргизия
33	ефрейтор	Байджанов	Равиль	Умаралиевич	27.08.1982	Меймене	Узбекистан
34	ст.сержант	Ефанов	Александр	Александрович	27.08.1982	Меймене	Казахстан
35	сержант	Лушников	Геннадий	Анатольевич	27.08.1982	Панджшер	Ленинградская обл
36	рядовой	Авизов	Закир	Кузыевич	12.09.1982	Панджшер	Киргизия
37	рядовой	Ситников	Анатолий	Александрович	12.09.1982	Панджшер	Киргизия
38	мл.сержант	Ташнабаев	Исманжан	Кучкарович	12.09.1982	Панджшер	Узбекистан
39	рядовой	Долгих	Александр	Витальевич	17.09.1982	Панджшер	Курганская обл
40	рядовой	Абдрахимов	Ербол	Рафаэльович	23.09.1982	Панджшер	Казахстан
41	ефрейтор	Деревянчук	Андрей	Иванович	23.09.1982	Панджшер	Мурманская обл
42	рядовой	Латипов	Хайбулло	Абдуллоевич	23 09.1982	Панджшер	Таджикистан
43	рядовой	Упеков	Канат	Перненбаевич	23.09.1982	Панджшер	Казахстан
44	сержант	Тердикбаев	Тойбек	Джекшенович	12.10.1982	Панджшер	Киргизия
45	рядовой	Абдылдаев	Курмантек	Туменбаевич	02.11.1982	Панджшер	Киргизия
46	рядовой	Шемелин	Виктор	Константинович	03.11.1982	Панджшер	Читинская обл
47	рядовой	Колесов	Сергей	Геннадьевич	07.11.1982	Панджшер	Читинская обл
48	сержант	Ишмаев	Шамиль	Сабаханович	11.11.1982	Панджшер	Узбекистан
49	рядовой	Маликов	Игорь	Ирикович	16.11.1982	Панджшер	Таджикистан
50	сержант	Кононов	Александр	Борисович	19.11.1982	Панджшер	Удмуртия
51	ст.сержант	Круглов	Владимир	Анатольевич	20.11.1982	Панджшер	Тверскаяобл
52	рядовой	Волков	Александр	Викторович	20.12.1982	Панджшер	Самарская обл
53	рядовой	Токмаков	Владимир	Александрович	23.12.1982	Панджшер	Свердловская обл
54	сержант	Сиваченко	Юрий	Витальевич	30 01.1983	Панджшер	Украина
55	сержант	Савченко	Юрий	Васильевич	25.03.1983	Панджшер	Ставропольский край
56	ефрейтор	Беззубцев	Андрей	Евгеньевич	10.06.1983	Панджшер	Рязанская обл
57	ефрейтор	Ярошевич	Александр	Борисович	21.06.1983	Панджшер	Карелия
58	рядовой	Золотухин	Александр	Васильевич	08.07.1983	Панджшер	Читинская обл
59	рядовой	Хамдамов	Ислам	Акрамович	18.07 1983	Панджшер	Узбекистан
60	рядовой	Скуляк	Николай	Иванович	03.08.1983	Панджшер	Украина
61	рядовой	Ташев	Муратбек	Нумутбекович	31.08.1983	Панджшер	Узбекистан
62	мл.сержант	Алеев	Владимир	Геннадьевич	04.11.1983	Панджшер	Украина
63	мл.сержант	Вислобоков	Константин	Александрович	04.11.1983	Панджшер	Татарстан
64	ефрейтор	Гуляев	Виктор	Николаевич	04.11.1983	Панджшер	Омская обл
65	рядовой	Толибов	Садри	Хасанович	04.11.1983	Панджшер	Узбекистан
66	мл.сержант	Гимазетдинов	Ханиф	Кашфетдинович	04.11.1983	Панджшер	Татарстан
67	сержант	Кожанов	Сергей	Викторович	05.11.1983	Панджшер	Волгоградская обл
68	мл.сержант	Лепидов	Александр	Валентинович	13.12.1983	Панджшер	Тверскаяобл
69	мл.сержант	Синельников	Николай	Анатольевич	13.12.1983	Панджшер	Воронежская обл
70	сержант	Желудков	Александр	Викторович	14.12.1983	Панджшер	Рязанская обл
71	рядовой	Никонов	Валерий	Анатольевич	23.12.1983	Панджшер	Рязанская обл
72	мл.сержант	Карпов	Константин	Николаевич	13.01.1984	Газни	Воронежская обл
73	прапорщик	Харитонов	Владимир	Александрович	13.01.1984	Газни	Ростовская обл
74	рядовой	Аболик	Александр	Иванович	14.01.1984	Газни	Белоруссия
75	прапорщик	Бондарь	Евгений	Дмитриевич	14.01.1984	Газни	Украина
76	сержант	Гуляев	Александр	Васильевич	14.01.1984	Газни	Узбекистан
77	рядовой	Зелевский	Владимир	Александрович	14 01 1984	Газни	Белоруссия
78	мл.сержант	Макаров	Александр	Евгеньевич	14.01.1984	Газни	Рязанская обл
79	ст.лейтенант	Мирошниченко	Сергей	Михайлович	14.01.1984	Газни	Украина
80	ефрейтор	Моминов	Абдусамат	Бегмуратович	14 01.1984	Газни	Узбекистан
81	сержант	Ниязов	Маркс	Сибгатович	14.01.1984	Газни	Тюменская обл
82	рядовой	Рахимов	Абдукаххар	Абдулхакович	14.01.1984	Газни	Узбекистан
83	ефрейтор	Смирнов	Вадим	Николаевич	14.01.1984	Газни	Коми
84	мл.сержант	Тураходжаев	Сирожидин	Садырович	14.01.1984	Газни	Узбекистан
85	рядовой	Щербаков	Александр	Анатольевич	14 01.1984	Газни	Ленинград

№	в/название	фамилия	имя	отчество	дата	место	откуда
87	рядовой	Гладышев	Петр	Александрович	03.02.1984	Газни	Тамбовская обл
88	мл.сержант	Шупьга	Сергей	Викторович	23.05.1984	Газни	Украина
89	рядовой	Бердиев	Олег	Турдиевич	05.06.1984	Газни	Узбекистан
90	прапорщик	Хребтов	Валерий	Геннадьевич	18.06.1984	Газни	Казахстан
91	рядовой	Попов	Александр	Владимирович	29.06.1984	Газни	Ростовская обл
92	ст.лейтенант	Литвинов	Владимир	Владимирович	30.06.1984	Газни	Красноярский край
93	рядовой	Толмачев	Олег	Филиппович	30.06.1984	Газни	Тюменская обл
94	рядовой	Юлдашев	Марат	Гафурович	30.06.1984	Газни	Самарская обл
95	мл.сержант	Страшнов	Андрей	Николаевич	05.07.1984	Газни	Ульяновская обл
96	рядовой	Богданов	Валерий	Борисович	09.07.1984	Газни	Читинская обл
97	мл.сержант	Забродин	Владимир	Николаевич	13.07.1984	Газни	Читинская обл
98	мл.сержант	Назаров	Абдузохид	Саидович	08.08.1984	Газни	Таджикистан
99	мл.сержант	Джумаканов	Ерболат	Кумарбекович	09.09.1984	Газни	Алтайский край
100	рядовой	Петров	Александр	Алексеевич	16.09.1984	Газни	Орловская обл
101	рядовой	Мухамедъяров	Марат	Сайфулович	28 09.1984	Газни	Башкирия
102	рядовой	Адаменко	Дмитрий	Васильевич	29.09.1984	Газни	Узбекистан
103	рядовой	Хаитбаев	Бахтиер	Одилович	02.10.1984	Газни	Узбекистан
104	рядовой	Анаров	Алтынбек	Ализахович	03.10.1984	Газни	Узбекистан
105	рядовой	Виняр	Петр	Иосифович	16.10.1984	Газни	Украина
106	рядовой	Игнатенко	Юрий	Николаевич	22 10.1984	Газни	Новосибирская обл
107	рядовой	Кахаров	Абдугафур	Махмудович	12.11.1984	Газни	Узбекистан
108	рядовой	Абдулахаев	Бахтияр	Боходырханович	22.01.1985	Газни	Узбекистан
109	ст.лейтенант	Казаков	Андрей	Владимирович	20.03.1985	Газни	Украина
110	майор	Махметов	Орынбек	Охан-Улы	20.03.1985	Газни	Казахстан
111	лейтенант	Трепавлов	Анатолий	Лингардович	20.03.1985	Газни	Новосибирская обл
112	ст.лейтенант	Белов	Виктор	Владимирович	20.03.1985	Газни	Владимирская обл
113	мл.сержант	Богомолов	Владимир	Николаевич	20.03.1985	Газни	Московская обл
114	лейтенант	Нуманов	Раим	Абдуллаевич	23.03.1985	Газни	Таджикистан
115	сержант	Михайлов	Олег	Александрович	24.03.1985	Газни	Ленинград
116	рядовой	Бабаев	Сухроб	Бобоевич	10.05.1985	Газни	Таджикистан
117	капитан	Филиппов	Александр	Константинович	10.05.1985	Газни	Казахстан
118	мл.сержант	Новицкий	Геннадий	Леонидович	21.05.1985	Газни	Белоруссия
119	прапорщик	Сарычев	Павел	Геннадьевич	21.05.1985	Газни	Кемеровская обл
120	мл.сержант	Трофименко	Александр	Викторович	24.05.1985	Газни	Украина
121	мл.сержант	Раковский	Анатолий	Дмитриевич	28.08.1985	Газни	Воронежская обл
122	рядовой	Растобуров	Сергей	Владимирович	11.10.1985	Газни	Узбекистан
123	рядовой	Абдуллаев	Юнус	Юлдашевич	19.10.1985	Газни	Узбекистан
124	рядовой	Ахметов	Вадим	Рафикович	19.10.1985	Газни	Свердловская обл
125	рядовой	Воронин	Юрий	Вячеславович	19.10.1985	Газни	Самарская обл
126	рядовой	Гулов	Азиз	Егорович	19.10.1985	Газни	Таджикистан
127	лейтенант	Макаров	Юрий	Павлович	19.10.1985	Газни	Тульская обл
128	рядовой	Икрамов	Рахимберди	Рахманович	14.12.1985	Газни	Узбекистан
129	рядовой	Белов	Александр	Анатольевич	21.12.1985	Газни	Украина
130	рядовой	Кукиев	Махмудали	Сагдуллаевич	28 01.1986	Газни	Узбекистан
131	рядовой	Марченко	Андрей	Петрович	29 01.1986	Газни	Украина
132	рядовой	Смайлов	Сагындык	Садыкович	29.01.1986	Газни	Казахстан
133	рядовой	Алхимов	Сергей	Николаевич	18.03.1986	Газни	Украина
134	капитан	Бекоев	Павел	Викторович	18.03.1986	Газни	Белоруссия
135	рядовой	Красников	Виталий	Васильевич	18.03.1986	Газни	Новосибирская обл
136	ст.лейтенант	Севальнев	Олег	Витальевич	18.03.1986	Газни	Ленинградская обл
137	ефрейтор	Соловьев	Александр	Анатольевич	27.04.1986	Газни	Пермская обл
138	рядовой	Бердяшов	Михаил	Алексеевич	03.06.1986	Газни	Башкирия
139	рядовой	Бибик	Виктор	Николаевич	03 06.1986	Газни	Кабардино-Балкария
140	прапорщик	Колесниченко	Василий	Анатольевич	03.06.1986	Газни	Ростовская обл
141	рядовой	Низамиди	Алексей	Леонидович	03.06.1986	Газни	Краснодарский край
142	капитан	Чайсов	Виктор	Анатольевич	03.06 1986	Газни	Ростовская обл
143	рядовой	Туляганов	Шухратулла	Лутфуллаевич	13.06.1986	Газни	Узбекистан
144	рядовой	Франчук	Михаил	Иванович	27.07.1986	Газни	Украина
145	рядовой	Антонов	Игнатий	Георгиевич	25.09.1986	Газни	Башкирия
146	рядовой	Алексеев	Евгений	Геннадьевич	23 10.1986	Газни	Свердловская обл
147	рядовой	Голощук	Геннадий	Антонович	19.11.1986	Газни	Украина
148	рядовой	Гордиенко	Александр	Борисович	25.11.1986	Газни	Украина
149	рядовой	Данилов	Александр	Анатольевич	09.05.1987	Газни	Краснодарский край
150	ефрейтор	Бондарчук	Петр	Иванович	19.08.1987	Газни	Украина
151	рядовой	Хлюнев	Павел	Леонидович	27.09.1987	Газни	Московская обл
152	рядовой	Валиев	Худойберди	Бадаргоевич	30.09.1987	Газни	Таджикистан
153	рядовой	Чайкин	Александр	Юрьевич	04.10.1987	Газни	Ростовская обл
154	рядовой	Сущ	Павел	Васильевич	08.12.1987	Газни	Украина

№	в/название	фамилия	имя	отчество	дата	место	откуда
156	рядовой	Шумик	Сергей	Станиславович	03.04.1988	Газни	Украина
157	рядовой	Шкробов	Евгений	Иванович	27.05.1988	Газни	Новосибирская обл
158	сержант	Третьяков	Сергей	Николаевич	06.08.1988	Кабул	Оренбургская обл
159	рядовой	Бабичев	Андрей	Николаевич	09.08.1988	Кабул	Казахстан
160	лейтенант	Матаков	Олег	Борисович	15.02.1989	Кабул	Ленинградская обл

334-й оо СпН

№	в/название	фамилия	имя	отчество	дата	место	откуда
1	рядовой	Бойчук	Владимир	Васильевич	21.04.1985	Асадабад	Украина
2	ефрейтор	Вакулюк	Александр	Сергеевич	21.04.1985	Асадабад	Украина
3	мл.сержант	Гавраш	Юрий	Чеславович	21.04.1985	Асадабад	Белоруссия
4	рядовой	Жуков	Андрей	Михайлович	21.04.1985	Асадабад	Читинская обл
5	сержант	Касымов	Олег	Мусурманкулович	21.04.1985	Асадабад	Таджикистан
6	ефрейтор	Комогорцев	Никон	Николаевич	21.04.1985	Асадабад	Читинская обл
7	лейтенант	Кузнецов	Николай	Анатольевич	21.04.1985	Асадабад	Тамбовская обл
8	сержант	Кальнис	Станислав	Иосифович	21.04.1985	Асадабад	Белоруссия
9	мл.сержант	Кухарчук	Василий	Федорович	21.04.1985	Асадабад	Украина
10	ефрейтор	Марченко	Вячеслав	Валентинович	21.04.1985	Асадабад	Украина
11	сержант	Матох	Михаил	Алексеевич	21.04.1985	Асадабад	Белоруссия
12	рядовой	Моряхин	Виктор	Гаврилович	21.04.1985	Асадабад	Читинская обл
13	рядовой	Музыка	Василий	Николаевич	21.04.1985	Асадабад	Украина
14	рядовой	Мустафин	Наиль	Маратович	21.04.1985	Асадабад	Астраханская обл
15	мл.сержант	Нападовский	Игорь	Анатольевич	21.04.1985	Асадабад	Белоруссия
16	сержант	Некрасов	Владимир	Леонидович	21.04.1985	Асадабад	Пермская обл
17	рядовой	Попов	Владимир	Викторович	21.04.1985	Асадабад	Хабаровский край
18	рядовой	Сулин	Вячеслав	Анатольевич	21.04.1985	Асадабад	Хабаровский край
19	сержант	Тарасов	Виктор	Васильевич	21.04.1985	Асадабад	Казахстан
20	сержант	Уразбаев	Жумабек	Амангельдиевич	21.04.1985	Асадабад	Казахстан
21	ефрейтор	Федив	Василий	Иванович	21.04.1985	Асадабад	Украина
22	капитан	Цебрук	Николай	Нестерович	21.04.1985	Асадабад	Белоруссия
23	рядовой	Чихунов	Андрей	Михайлович	21.04.1985	Асадабад	Читинская обл
24	мл.сержант	Чутанов	Абдурахман	Тажиевич	21.04.1985	Асадабад	Таджикистан
25	сержант	Шаповалов	Юрий	Николаевич	21.04.1985	Асадабад	Ростовская обл
26	рядовой	Курякин	Владимир	Павлович	22.04.1985	Асадабад	Хабаровский край
27	рядовой	Новиков	Андрей	Константинович	22.04.1985	Асадабад	Киргизия
28	рядовой	Овчинников	Олег	Павлович	22.04.1985	Асадабад	Читинская обл
29	рядовой	Хайдаров	Сахоб	Саатович	23.04.1985	Асадабад	Узбекистан
30	рядовой	Мадиев	Исматулло	Шамсоевич	01.05.1985	Асадабад	Таджикистан
31	ст.лейтенант	Винник	Андрей	Александрович	05.06.1985	Асадабад	Казахстан
32	мл.сержант	Ищенко	Сергей	Всеволодович	05.06.1985	Асадабад	Белоруссия
33	рядовой	Алешков	Андрей	Владимирович	09.06.1985	Асадабад	Читинская обл
34	сержант	Ерченко	Андрей	Викторович	23.06.1985	Асадабад	Казахстан
35	прапорщик	Сластенко	Михаил	Семенович	16.07.1985	Асадабад	Белоруссия
36	рядовой	Ивашкин	Игорь	Юлианович	16.08.1985	Асадабад	Украина
37	мл.сержант	Разгонов	Павел	Константинович	16.08.1985	Асадабад	Приморский край
38	рядовой	Рогович	Роман	Петрович	16.08.1985	Асадабад	Украина
39	мл.сержант	Савчук	Леонид	Иванович	16.08.1985	Асадабад	Украина
40	лейтенант	Сафронов	Геннадий	Иванович	18.08.1985	Асадабад	Узбекистан
41	рядовой	Сливко	Александр	Германович	10.09.1985	Асадабад	Амурская обл
42	рядовой	Базилевич	Олег	Иванович	27.09.1985	Асадабад	Украина
43	мл.сержант	Капота	Игорь	Алексеевич	27.09.1985	Асадабад	Белоруссия
44	рядовой	Яковлев	Виктор	Юрьевич	03.10.1985	Асадабад	Украина
45	рядовой	Селезнев	Андрей	Васильевич	29.10.1985	Асадабад	Ивановская обл
46	рядовой	Дворников	Владимир	Ананьевич	03.12.1985	Асадабад	Алтайский край
47	рядовой	Иванов	Михаил	Иванович	03.12.1985	Асадабад	Томская обл
48	мл.сержант	Файзуллин	Марат	Искандарович	03.12.1985	Асадабад	Татарстан
49	рядовой	Козак	Василий	Васильевич	04.12.1985	Асадабад	Украина
50	мл.сержант	Матяш	Евгений	Викторович	04.12.1985	Асадабад	Алтайский край
51	мл.сержант	Гильмулин	Михаил	Валерьевич	09.12.1985	Асадабад	Ивановская обл
52	лейтенант м/р	Линев	Андрей	Николаевич	11.12.1985	Асадабад	Украина
53	рядовой	Дубровский	Олег	Анатольевич	22.12.1985	Асадабад	Белоруссия
54	сержант	Крисюк	Николай	Александрович	12.01.1986	Асадабад	Белоруссия
55	лейтенант	Сенчук	Александр	Дмитриевич	24.02.1986	Асадабад	Украина
56	ст.лейтенант	Татарчук	Сергей	Анатольевич	01.03.1986	Асадабад	Украина
57	сержант	Бугров	Вадим	Кимович	07.03.1986	Асадабад	Украина
58	рядовой	Жалимов	Борис	Хасанович	03.04.1986	Асадабад	Хабаровский край
59	сержант	Хмелевский	Александр	Геннадьевич	09.04.1986	Асадабад	Украина
60	рядовой	Баринов	Олег	Евгеньевич	14.04.1986	Асадабад	Волгоградская обл
61	мл.сержант	Берёзкин	Владимир	Иванович	18.04.1986	Асадабад	Архангельская обл

№	в/название	фамилия	имя	отчество	дата	место	откуда
63	ефрейтор	Плеван	Сергей	Тодорович	18.04.1986	Асадабад	Украина
64	ст.лейтенант	Тупик	Игорь	Александрович	18.04.1986	Асадабад	Омская обл
65	мл.сержант	Коваль	Павел	Иванович	19.04.1986	Асадабад	Украина
66	рядовой	Лысов	Владимир	Иванович	19.04.1986	Асадабад	Оренбургская обл
67	мл.сержант	Муравчук	Николай	Алексеевич	19.04.1986	Асадабад	Ростовская обл
68	рядовой	Сорокин	Игорь	Васильевич	12.05.1986	Асадабад	Самарская обл
69	рядовой	Богачев	Сергей	Юрьевич	16.06.1986	Асадабад	Самарская обл
70	рядовой	Захаров	Валерий	Викторович	16.06.1986	Асадабад	Узбекистан
71	мл.сержант	Радзиховский	Пётр	Александрович	16.06.1986	Асадабад	Украина
72	мл.сержант	Козинец	Сергей	Сергеевич	03.07.1986	Асадабад	Белоруссия
73	ефрейтор	Репетей	Виталий	Михайлович	16.07.1986	Асадабад	Приморский край
74	рядовой	Нурбаев	Бахтияр	Абдуганиевич	31.07.1986	Асадабад	Узбекистан
75	мл.сержант	Каюмов	Фуркат	Хашимович	05.08.1986	Асадабад	Узбекистан
76	рядовой	Артюх	Аркадий	Николаевич	06.08.1986	Асадабад	Украина
77	ст.лейтенант	Курнос	Виктор	Иванович	06.08.1986	Асадабад	Украина
78	мл.сержант	Лабутин	Андрей	Леонидович	29.10.1986	Асадабад	Свердловская обл
79	рядовой	Параска	Юрий	Павлович	29.11.1986	Асадабад	Украина
80	мл.сержант	Заварницын	Сергей	Александрович	18.12.1986	Асадабад	Свердловская обл
81	мл.сержант	Козырев	Игорь	Анатольевич	18.12.1986	Асадабад	Украина
82	рядовой	Савко	Николай	Федорович	18.12.1986	Асадабад	Украина
83	рядовой	Сапаров	Рустам	Абдукадырович	18.12.1986	Асадабад	Узбекистан
84	рядовой	Древаль	Сергей	Александрович	27.12.1986	Асадабад	Украина
85	рядовой	Плисов	Олег	Анатольевич	27.12.1986	Асадабад	Узбекистан
86	ст.лейтенант	Рудометов	Виктор	Петрович	27.12.1986	Асадабад	Тамбовская обл
87	рядовой	Сафаров	Убайдупло	Лочинович	27.12.1986	Асадабад	Таджикистан
88	рядовой	Эльмурадов	Махмаюсуп	Гульмаматович	27.12.1986	Асадабад	Таджикистан
89	рядовой	Яценко	Александр	Павлович	27.12.1986	Асадабад	Украина
90	рядовой	Тюрин	Юрий	Яковлевич	03.01.1987	Асадабад	Воронежская обл
91	мл.сержант	Харламов	Александр	Николаевич	31.01.1987	Асадабад	Свердловская обл
92	лейтенант	Степанчук	Алексей	Николаевич	13.03.1987	Асадабад	Украина
93	рядовой	Кащенко	Иван	Владимирович	13.03.1987	Асадабад	Новосибирская обл
94	мл.сержант	Евстратов	Вячеслав	Дмитриевич	25.05.1987	Асадабад	Московская обл
95	рядовой	Пономарёв	Александр	Иванович	26.05.1987	Асадабад	Волгоградская обл
96	капитан	Жаринов	Вячеслав	Георгиевич	20.07.1987	Асадабад	Ленинград
97	рядовой	Хомяков	Николай	Сергеевич	03.09.1987	Асадабад	Украина
98	рядовой	Король	Николай	Николаевич	30.10.1987	Асадабад	Украина
99	рядовой	Шкабат	Владимир	Станиславович	27.11.1987	Асадабад	Украина
100	рядовой	Копа	Андрей	Михайлович	27.11.1987	Асадабад	Белоруссия
101	рядовой	Лисовский	Сергей	Анатольевич	27.11.1987	Асадабад	Узбекистан
102	ст.лейтенант	Матюшин	Вадим	Александрович	27.11.1987	Асадабад	Хабаровский край
103	ефрейтор	Ерёмкин	Алексей	Николаевич	17.01.1988	Асадабад	Казахстан
104	мл.сержант	Граньков	Виктор	Владимирович	18.01.1988	Асадабад	Белоруссия

668-й оо Спн

№	в/название	фамилия	имя	отчество	дата	место	откуда
1	ефрейтор	Поволя	Валерий	Валентинович	06.12.1984	Баграм	Украина
2	рядовой	Турдиматов	Абдурасул	Хожиматович	17.12.1984	Баграм	Узбекистан
3	мл.сержант	Гонышев	Александр	Иванович	30.01.1985	Баграм	Оренбургская обл
4	рядовой	Кривошея	Владимир	Иванович	16.02.1985	Бараки	Украина
5	рядовой	Лутиков	Игорь	Иванович	21.02.1985	Бараки	Рязанская обл
6	рядовой	Солониченко	Алим	Александрович	27.03.1985	Бараки	Украина
7	рядовой	Дундуков	Александр	Васильевич	04.06.1985	Бараки	Ростовская обл
8	ст.сержант	Сушко	Дмитрий	Анатольевич	30.07.1985	Бараки	Украина
9	рядовой	Мищенко	Виктор	Григорьевич	30.07.1985	Бараки	Украина
10	сержант	Карплюк	Ни	Васильевич	04.09.1985	Бараки	Украина
11	рядовой	Юрченко	Владимир	Владимирович	04.09.1985	Бараки	Краснодарский край
12	рядовой	Селимов	Гаджи	Фетипахович	05.09.1985	Бараки	Дагестан
13	рядовой	Христенко	Сергей	Александрович	16.09.1985	Бараки	Украина
14	мл.сержант	Камаев	Сергей	Михайлович	11.10.1985	Бараки	Молдовия
15	мл.сержант	Адылов	Шукрат	Бурибаевич	04.11.1985	Бараки	Узбекистан
16	рядовой	Бакулин	Геннадий	Владиславович	04.11.1985	Бараки	Самарская обл
17	рядовой	Чернов	Сергей	Витальевич	04.11.1985	Бараки	Кемеровская обл
18	рядовой	Каримов	Шамсулло	Буриевич	07.01.1986	Бараки	Таджикистан
19	рядовой	Котков	Василий	Константинович	03.05.1986	Бараки	Ульяновская обл
20	рядовой	Хуако	Руслан	Асланбечевич	12.05.1986	Бараки	Краснодарский край
21	рядовой	Поддубский	Виктор	Владимирович	30.05.1986	Бараки	Казахстан
22	рядовой	Рунаев	Сергей	Вячеславович	19.06.1986	Бараки	Волгоградская обл
23	ст.прапорщик	Нагорный	Иван	Васильевич	29.11.1986	Бараки	Украина

№	в/название	фамилия	имя	отчество	дата	место	откуда
25	мл.сержант	Ильенко	Владимир	Валерьевич	06.12.1986	Бараки	Мурманская обл
26	капитан	Михайлов	Валерий	Николаевич	06.12.1986	Бараки	Украина
27	рядовой	Кирилов	Олег	Ефимович	07.12.1986	Бараки	Казахстан
28	сержант	Волков	Андрей	Алексеевич	24.03.1987	Бараки	Пензенская обл
29	сержант	Канашков	Александр	Иванович	24.03.1987	Бараки	Белоруссия
30	рядовой	Быличкин	Василий	Васильевич	03.04.1987	Бараки	Пензенская обл
31	служащая СА	Шевчук	Любовь	Тарасовна	05.04.1987	Бараки	Украина
32	служащая СА	Присакарь	Людмила	Владимировна	05.04.1987	Бараки	Молдовия
33	ст.лейтенант	Корчака	Павел	Яковлевич	10.04.1987	Бараки	Украина
34	рядовой	Обручев	Николай	Алексеевич	17.04.1987	Бараки	Архангельская обл
35	рядовой	Михалин	Владимир	Петрович	18.04.1987	Бараки	Узбекистан
36	рядовой	Двухреченский	Александр	Валентинович	08.07.1987	Бараки	Новосибирская обл
37	рядовой	Шариков	Олег	Владимирович	18.07.1987	Бараки	Узбекистан
38	рядовой	Ткаченко	Михаил	Витальевич	15.08.1987	Бараки	Украина
39	мл.сержант	Захарченко	Виктор	Владимирович	15.08.1987	Бараки	Алтайский край
40	майор	Романов	Владимир	Ильич	22.10.1987	Бараки	Воронежская обл
41	рядовой	Чигура	Андрей	Михайлович	07.11.1987	Бараки	Ивановская обл
42	рядовой	Бачурин	Александр	Анатольевич	19.11.1987	Бараки	Липецкая обл
43	прапорщик	Кузьменко	Михаил	Алексеевич	31.12.1987	Бараки	Молдовия
44	майор	Головко	Виктор	Николаевич	17.04.1988	Бараки	Белоруссия
45	ефрейтор	Грибов	Валерий	Петрович	21.04.1988	Бараки	Белоруссия
46	рядовой	Лукица	Юрий	Васильевич	21.04.1988	Бараки	Молдовия
47	рядовой	Дымов	Анатолий	Иванович	24.04.1988	Бараки	Узбекистан
48	рядовой	Захаров	Александр	Геннадьевич	09.06.1988	Кабул	Псковская обл
49	рядовой	Панченко	Анатолий	Федорович	13.06.1988	Кабул	Украина
50	мл.сержант	Мирзоев	Одилжан	Анварович	31.07.1988	Кабул	Таджикистан
51	рядовой	Мороз	Степан	Георгиевич	04.08.1988	Кабул	Украина

459-й ор СпН

№	в/название	фамилия	имя	отчество	дата	место	откуда
1	рядовой	Горщук	Михаил	Михайлович	28.08.1980	Кабул	Украина
2	рядовой	Алимбаев	Рустам	Таджибаевич	25.09.1980	Кабул	Узбекистан
3	ефрейтор	Обухов	Владимир	Ильич	22.01.1981	Кабул	Читинская обл
4	рядовой	Горяйнов	Герман	Евгеньевич	24.07.1981	Кабул	Новосибирская обл
5	мл.сержант	Солодовников	Сергей	Викторович	24.07.1981	Кабул	Киргизия
6	мл.сержант	Сафонов	Сергей	Викторович	31.07.1981	Кабул	Красноярский край
7	ефрейтор	Гончаров	Игорь	Иванович	25.08.1981	Кабул	Узбекистан
8	сержант	Егоров	Альберт	Гарникович	10.09.1981	Кабул	Узбекистан
9	рядовой	Азаров	Николай	Михайлович	21.11.1981	Кабул	Киргизия
10	рядовой	Лямин	Сергей	Владимирович	21.11.1981	Кабул	Киргизия
11	лейтенант	Адиев	Фанус	Бадавиевич	22.02.1982	Кабул	Казахстан
12	прапорщик	Бельский	Геннадий	Иванович	05.06.1982	Кабул	Казахстан
13	рядовой	Журавлев	Алексей	Анатольевич	26.07.1982	Кабул	Москва
14	прапорщик	Кокарев	Николай	Иванович	22.04.1983	Кабул	Рязанская обл
15	капитан	Якименко	Валерий	Павлович	23.07.1983	Кабул	Башкирия
16	рядовой	Косаченко	Юрий	Михайлович	23.01.1984	Кабул	Красноярский край
17	сержант	Голубев	Вячеслав	Витальевич	12.03.1984	Кабул	Москва
18	рядовой	Лазаревич	Станислав	Васильевич	13.03.1984	Кабул	Украина
19	сержант	Тимошенко	Николай	Николаевич	23.06.1984	Кабул	Новосибирская обл
20	мл.сержант	Матвиенко	Александр	Юрьевич	06.07.1984	Кабул	Украина
21	рядовой	Барышкин	Михаил	Александрович	07.07.1984	Кабул	Самарская обл
22	рядовой	Клыковский	Михаил	Владимирович	21.08.1984	Кабул	Новосибирская обл
23	рядовой	Зайко	Юрий	Яковлевич	19.09.1984	Кабул	Читинская обл
24	капитан	Ковалев	Борис	Александрович	19.09.1984	Кабул	Украина
25	сержант	Стратьев	Виталий	Александрович	19.09.1984	Кабул	Ростовская обл
26	рядовой	Гафуров	Мирзомудин	Забирович	19.09.1984	Кабул	Таджикистан
27	рядовой	Демьянов	Владислав	Иванович	19.09.1984	Кабул	Тамбовская обл
28	рядовой	Потапов	Владимир	Анатольевич	19.09.1984	Кабул	Тульская обл
29	рядовой	Афанасьев	Алексей	Евгеньевич	19.09.1984	Кабул	Узбекистан
30	прапорщик	Самсонов	Дмитрий	Борисович	02.07.1985	Кабул	Украина
31	рядовой	Кучер	Сергей	Ефимович	20.06.1986	Кабул	Украина
32	лейтенант	Зубов	Валентин	Владимирович	19.07.1986	Кабул	Новосибирская обл
33	прапорщик	Пешков	Андрей	Васильевич	04.04.1987	Кабул	Московская обл
34	рядовой	Подмосковный	Игорь	Александрович	22.08.1987	Кабул	Узбекистан

Пропавшие без вести

№	в/название	фамилия	имя	отчество	дата	место	откуда
1	рядовой	Бакыев	Базар	Атдаевич	21.05.1985	Бараки	Туркменистан
2	сержант	Ануфриев	Михаил	Викторович	02.07.1982	Газни	Таджикистан
3	рядовой	Абдурашидов	Юсуф	Абдулагаевич	05.08.1982	Меймене	Дагестан
4	ефрейтор	Гепетчак	Игорь	Степанович	13.07.1985	Меймене	Украина
5	рядовой	Горбунов	Евгений	Александрович	07.11.1981	Акча	Иркутская обл
6	мл.сержант	Олейников	Юрий	Николаевич	23.03.1984	Джелалабад	Бурятия
7	лейтенант	Овчаренко	Сергей	Васильевич	23.03.1984	Джелалабад	Ростовская обл
8	рядовой	Белицкий	Виктор	Павлович	24.03.1984	Джелалабад	Белоруссия
9	рядовой	Наумов	Павел	Михайлович	11.02.1985	Джелалабад	Московская обл
10	рядовой	Ситников	Геннадий	Яковлевич	11.02.1985	Джелалабад	Свердловская обл
11	мл.сержант	Житняковский	Виктор	Юльянович	11.02.1985	Джелалабад	Украина
12	рядовой	Буза	Александр	Михайлович	29.03.1986	Джелалабад	Белоруссия
13	рядовой	Москвинов	Дмитрий	Владимирович	29.03.1986	Джелалабад	Москва

СОКРАЩЕНИЯ

автбр — автомобильная бригада
апиб — авиационный полк истребителей-бомбардировщиков
ап — артиллерийский полк
артп — артиллерийский полк
аэ — авиационная эскадрилья
БМД — боевая машина десанта
БМП — боевая машина пехоты
БРДМ — бронированная разведывательная дозорная машина
БРМ-1К — боевая разведывательная машина, командирская
брмо — бригада материального обеспечения
броня — обобщенное название бронетехники или бронегруппы
БТР — бронетранспортер, БТР-60ПБ — обр. 60-х годов, плавающий, с башней
ВВС — военно-воздушные силы
ВДВ — воздушно-десантные войска
вдд — воздушно-десантная дивизия
ВОКУ — высшее общевойсковое командное училище
ГБУ — группа боевого управления
гв. — гвардейский
ГД — головной дозор
головняк — *разг.* головной дозор
гпп — горно-пехотный полк
ГСВС — Главный советский военный советник
ДРА — Демократическая Республика Афганистан (до 1986 г.)
дкбр — дорожно-комендантская бригада
дувал — глинобитный забор, *разг.* — глинобитная или другая постройка сельского типа
дукан — магазин, торговая лавка, *дари*
душман — противник, *дари,* разг. — *дух, духи*
дшб — десантно-штурмовой батальон
дшбр — десантно-штурмовая бригада
ДШК — крупнокалиберный пулемет Дегтярева — Шпагина
ЗГУ — зенитная горная установка
зеленка — *разг.* — жилая орошаемая зона долин и ущелий в горно-пустынной местности
зенап — зенитно-артиллерийский полк
зрп — зенитно-ракетный полк
идсбр — инженерная дорожно-строительная бригада
ИК — инфракрасный, -ая, -ые
исп — инженерно-саперный полк
кишлак — населенный пункт сельского типа в Средней и Центральной Азии
комдив — командир дивизии или дивизиона в артиллерии
комбриг — командир бригады
комбат — командир батальона или командир батареи в артиллерии

КШМ – командно-штабная машина
лифчик – разг. тактическое снаряжение в виде нагрудника с карманами
моджахед – воин, участвующий в вооруженной борьбе за ислам
МОН – мина осколочная направленного действия
мсб – мотострелковый батальон
мсд – мотострелковая дивизия
мсп – мотострелковый полк
мср – мотострелковая рота
МТ-ЛБ – многоцелевой тягач легкобронированный
НВУ-П – неконтактное взрывное устройство противопехотное
НВВПОУ – Новосибирское высшее военно-политическое общевойскоое училище
НУРС – неуправляемый реактивный снаряд
оап – отдельный авиационный полк
обр СпН – отдельная бригада специального назначения
оо СпН – отдельный отряд специального назначения
обо – отдельный батальон охраны
обвп – отдельный боевой вертолетный полк
овп – отдельный вертолетный полк
овэ – отдельная вертолетная эскадрилья
одкб – отдельный дорожно-комендантский батальон
ОЗМ – осколочно-заградительная мина
оисб – отдельный инженерно-саперный батальон
ОКСВ – ограниченный контингент советских войск
омсп – отдельный мотострелковый полк.
омсбр – отдельная мотострелковая бригада
опдп – отдельный парашютно-десантный полк
оп ОсН (Р и РТР) – отдельный полк особого назначения (радио- и радиотехнической разведки).
осаэ – отдельная смешанная авиационная эскадрилья
орб – отдельный разведывательный батальон
оуп СпН – отдельный учебный полк специального назначения
пайса – деньги, дань, оброк, *дари*
пдб – парашютно-десантный батальон
пдп – парашютно-десантный полк
пдр – парашютно-десантная рота
ПКМ – пулемет Калашникова модернизированный
ПЗРК – переносной зенитный ракетный комплекс
ППД – пункт постоянной дислокации
ППИ – перевязочный пакет индивидуальный
ПТУР – противотанковая управляемая ракета
ПТУРС – противотанковый управляемый реактивный снаряд (старое название ПТУР)
ПТРК – противотанковый ракетный комплекс
ПУ – пусковая установка
РА – Республика Афганистан (с 1986 г.)
раэ – разведывательная авиационная эскадрилья

РГ СпН – разведывательная группа специального назначения
реап – реактивный артиллерийский полк
РО СпН – разведывательный отряд специального назначения
РПГ – ручной противотанковый гранатомет, реактивная противотанковая граната
РПО – ручной противотанковый огнемет
РС – реактивный снаряд
РСА – разведывательно-сигнализационная аппаратура
РСЗО – реактивная система залпового огня
СА – Советская армия
САБ – светящаяся авиационная бомба
сап – смешанный авиаполк
СВУ – суворовское военное ущилище
Спецназ – подразделения части и соединения специального назначения ГРУ ГШ
спецназ – формирования специального назначения
СпН – специального назначения
тб – танковый батальон
тпбр – трубопроводная бригада
тп – танковый полк
фишка – *разг.* наблюдательный пост, наблюдатель
ЦБУ – центр боевого управления
ЧВС – член военного совета
шап – штурмовой авиационный полк
шурави сарбозэ – советский солдат, *дари*
40 ОА – 40-я общевойсковая армия

БИБЛИОГРАФИЯ

Аблазов В.И. «Над всем Афганистаном безоблачное небо», Киев, РИА «Марко Пак», 2005 г.

Альбом «Спецназ» (издан к 50-летию соединений и частей специального назначения) Составители С.В. Баленко, А.И. Барт, А.А.Устинов, Москва, 2000 г.

Альбом «Спецназ» (издан к 55-летию соединений и частей специального назначения) Составители С.В. Баленко, Н.Н. Пронькин, А.А.Устинов, Москва, 2005 г.

Альбом «Слава и гордость советской военной разведки», под редакцией К.Н. Ткаченко, Москва, 1967 г.

А.В. Сухолесский, А.В. Мусиенко. «Спецназ ГРУ в Афганистане. 1979-1989 гг.» (иллюстрированный альбом), Арктика 4D — Русская панорама, 2009 г.

«Афганистан болит в моей душе...», (Воспоминания, дневники) запись П.Ткаченко, Москва, Молодая гвардия», 1990 г.

С.Н. Баленко. «Коммандос «Батя». Легенда спецназа ГРУ», Москва, «Яуза» «Эксмо», 2005 г.

С.М. Беков. «Миссия за Гиндукушем», Москва, 2004 г.

Виктор Белоус. «Боль моя, Афганистан», Краснодар, «Печатный двор Кубани», 2004 г.

Михаил Болтунов «Генерал Герасимов. Судьба моя, спецназ», Москва, «Яуза» «Эксмо», 2005 г.

Михаил Болтунов. «Коммандос «Диверсанты ГРУ», Москва, «Эксмо» «Яуза», 2004 г.

Михаил Болтунов. «Альфа» — секретный отряд КГБ», Ростов-на-Дону, «Проф-Пресс», 1995 г.

Артем Боровик. «Спрятанная война», Киев, «Заповіт — Трамвай», 1994 г.

Книга Памяти «В часть не вернулся». Военно-историческое издание в 12 томах, Составители С.В. Баленко, А.И. Барт, А.А. Устинов, Москва. «Раритет», 2000 г.

Книга Памяти «О выпускниках Сызранского, Саратовского и Кировского военных авиационных училищ», «О военных вертолетчиках, погибших в Афганистане» часть I и II, под общей редакцией В.Е.Павлова. — Сызрань, 2001 и 2002 гг.

А.В. Волков. «Спецназ на тропе войны», журнал «Военный комментатор», Екатеринбург, издательство Гуманитарного университета, №1, стр.109 — 121, 2000 г.

«Время и судьбы»: Военно-мемуарный сборник. Выпуск первый. Сост. А. Бурсов, Ю. Дубченков, А.Якубовский. стр. 311— 332, Москва, Воениздат, 1991 г.

М.А. Гареев. «Моя последняя война», Москва, «Инсан», 1996 г.

Ф.И. Гредасов. «Этих дней не забыть», Москва, ФГПУ «Экспериментальная типография», 2002 г.

Б.В. Громов. «Ограниченный контингент», Москва, «Прогресс», 1994 г.

Л.В. Голубенко. «334 отдельный отряд специального назначения», литературно-художественное издание, Минск, «Харвест», 2005 г.

А. Деревягин. «Его звезда», журнал «Знаменосец» №12, 1988 г.

Дон Миллер (А.Е.Тарас). «Коммандос» формирование, подготовка, выдающиеся спецоперации, Минск, «Харвест», 1997 г.

И.А. Дамаскин. «Сто великих операций спецслужб», стр. 444 – 450, Москва, «Вече», 2004 г.

Михаил Каминский «Восточный транзит... на войну», газета «Третий тост», Киев, 2005 г.

Б.Т. Керимбаев. «Капчагайский батальон», Алма-Ата, типография ОО ДОИВА, 2005 г.

Сергей Козлов и другие. «Спецназ ГРУ» Пятьдесят лет истории, двадцать лет войны. Москва, «Русская панорама», 2000 г.

Сергей Козлов и другие «Спецназ ГРУ-2. Война не окончена, история продолжается». Москва, «Русская панорама», 2002 г.

А. Колпакиди, Д.Прохоров. «Империя ГРУ: Очерки истории российской военной разведки». В 2-х книгах. Издательство «Олма-Пресс», 1999 г.

Г.П. Корж. «Афганское досье» История войны в Афганистане, Харьков, «Фолио», 2003 г.

Владимир Кошелев. «Мусульманский» батальон Спецназа ГРУ», Харьков, «Майдан», 2003 г.

Владимир Кошелев «Молитва офицера Спецназа», Харьков, «Майдан», 2004 г.

Владимир Кошелев. «Наше дело – война и разведка», Харьков, «Майдан», 2004 г.

Николай Кикешев. «Встань и иди», Москва «Славянский дом», 2005 г.

Олег Кривопалов. «Его представляли к Герою...», газета Северного Флота «На страже Заполярья», 20.07.1991 г.

Олег Кривопалов. «Карера» стоила карьеры», журнал «Спецназ» № 2–3, стр.27 – 31, Москва, 2000 г.

Олег Кривопалов. «Неприступных ущелий не бывает», журнал «Спецназ» № 1, стр.15 – 20, Москва, 2001 г.

Олег Кривопалов. «Операция под Джар-Кудуком», газета «Третий тост» №20 (236), Киев, 5.11. 2002 г.

Олег Кривопалов. «Шторм» – через всю жизнь», газета «Третий тост», Киев, 13.12.2003 г.

Олег Кривопалов. «Спецназ на Афганской войне», «Военно-исторический альманах» № 4, стр.5 – 57, Тюмень, издательство «Вектор», 2004 г.

Олег Кривопалов. «Подвиг группы Таривердиева в Афганистане», газета «Третий тост», Киев, 5.11.2004 г.

Олег Кривопалов. «Афганский перевал», Днепропетровск, «ИМА-пресс», 2007 г.

А.А. Ляховский. «Трагедия и доблесть Афгана», Москва, ГПИ «Исконна», 1995 г.

Александр Маргелов. «Генерал Маргелов», Москва, «Полиграфресурсы», 1998 г.

«Мы — интернационалисты» Сборник, Москва, Издательство политической литературы, 1986 г.

Евгений Никитенко. «Восток — дело тонкое». Афганистан от войны 80-х до прогноза новых войн, Москва «Аст-Астрель», 2004 г.

В.Г. Петров. «Уходит в ночь отдельный...», Кировоград, 2001 г.

С. Птичкин. «Звезда погасла на рассвете», журнал «Советский воин», 11, 1990 г.

Петр Ткаченко. «Слово о Мараварской роте», Екатеринбург, издательство Гуманитарного университета, 2004 г.

Сергей Урусов. «Время выбрало нас. Люди.События.Подвиги», Киев, «Варта», 2005 г.

Спольников В.Н. «Афганистан: исламская контрреволюция», Москва, «Наука», 1987 г.

«Спецназ России», энциклопедия, составитель В.Степанов, Москва, «Яуза» «Эксмо», 2007 г.

Старов Ю.Т. «Разведка — непростая работа», Пушкинский вестник № 44 от 4.11.2000 г.

Стодеревский И.Ю. «Заметки офицера спецназа ГРУ», Москва, «Финтранс», 2006 г.

Скрынников Михаил. «Спецназ ВДВ», Москва, «Яуза» «Эксмо», 2005 г.

С.А. Харламов. Как была написана эта книга. Москва, 2007 г.

Игорь Цыбульский. «Громов», Серия ЖЗЛ, Москва, «Молодая гвардия» 2005 г.

С.В. Червонопиский, А.А.Костыря «Историография войны в Афганистане», Киев, РИА «Марко Пак», 2005 г.

Черняк И. «Двое на одной войне» «Комсомольская правда», 23.04.1989 г.

Алексей Чикишев. «Спецназ в Афганистане», Москва «Олма-Пресс», 2004 г.

Н.И. Яремко. «В архив не сдавать» журнал «Коммунист Вооруженных Сил» № 6, 1989 г.

Справка из исторического формуляра 15-й отдельной бригады спецназ ГРУ ГШ ВС СССР.

Справка из исторического формуляра 154-го отдельного отряда спецназ ГРУ ГШ ВС СССР.

Справка из исторического формуляра 177-го отдельного отряда спецназ ГРУ ГШ ВС СССР.

Справка из исторического формуляра 334-го отдельного отряда спецназ ГРУ ГШ ВС СССР.

Справка из исторического формуляра 668-го отдельного отряда спецназ ГРУ ГШ ВС СССР.

Содержание

ФОРМИРОВАНИЕ 15 обр СпН.
НЕСПОКОЙНЫЕ МИРНЫЕ БУДНИ
НА ОСНОВАНИИ ДИРЕКТИВЫ ГЕНШТАБА... 4
ПЕРВЫЙ КОМБРИГ 8
В ЭПИЦЕНТРЕ ЭПИДЕМИЙ 11
СТАНОВЛЕНИЕ 23
ГОРЯЧЕЕ ВРЕМЯ 45

АФГАНИСТАН ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦЕВ
КОМАНДИРОВКА НА ВОЙНУ 53
«ШТОРМ» ЧЕРЕЗ ВСЮ ЖИЗНЬ 100
В «ПРИФРОНТОВОМ» ЧИРЧИКЕ 109
15 ОБР СПН В АФГАНИСТАНЕ В ПОЛНОМ СОСТАВЕ 114

154-й ОТДЕЛЬНЫЙ ОТРЯД СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ
1-й отдельный мотострелковый батальон
МУСУЛЬМАНСКИЙ БАТАЛЬОН СНОВА НА ВОЙНЕ 117
ОПЕРАЦИЯ ПОД ДЖАР-КУДУКОМ 6.12.–8.12.1981 г. 118
ЗАСАДА 130
ЛЕГЕНДЫ ДЖЕЛАЛАБАДСКОГО БАТАЛЬОНА 136
НАЛЕТ БАГИЧА. 19.09.1985 г. 149
НАЛЕТ КУЛАЛА. Спустя ровно 6 месяцев – 19.03.1986 г. 153
КАРЕРА 157
КАРЕРА. ВЗГЛЯД ПО ОБЕ СТОРОНЫ 169
КУНАРСКИЙ ДУПЛЕТ 177
О НАСТОЯЩЕМ САПЕРЕ 183

177-й ОТДЕЛЬНЫЙ ОТРЯД СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ
5-й отдельный мотострелковый батальон
КАПЧАГАЙСКИЙ БАТАЛЬОН 187
ПОЗВОНИТЕ В МОСКВУ... 194
ГАЗНИЙСКИЙ БАТАЛЬОН 199
К ЮГО-ВОСТОКУ ОТ ГАЗНИ... 207
РАЗВЕДКА ВЫБРАЛА ТЕБЯ 224

334-й ОТДЕЛЬНЫЙ ОТРЯД СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ
5-й отдельный мотострелковый батальон
АСАДАБАДСКИЕ ЕГЕРЯ 226
ПЕРВЫЙ БОЙ ЗАМКОМБАТА 256

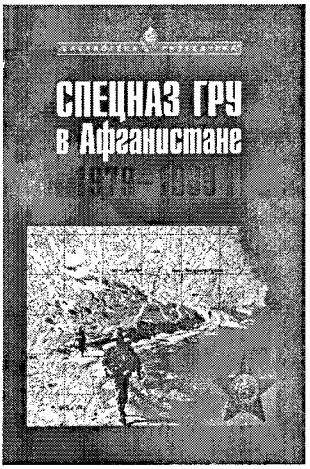
ПЕРВАЯ ВОЙНА НАЧШТАБА 260
В АСАДАБАДСКОМ БАТАЛЬОНЕ 266
ПОСЛЕДНИЙ БОЙ ИГОРЯ ТУПИКА 268
ОПЕРАЦИЯ ПОД СУРУБИ 270
НА ЖИВЦА 275
АЛИШАНГ 278

668-й ОТДЕЛЬНЫЙ ОТРЯД СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ
4-й отдельный мотострелковый батальон
БАРАКИНСКИЙ БАТАЛЬОН 289
АБЧАКАНСКОЕ УЩЕЛЬЕ 345
ОПЕРАЦИЯ «МАГИСТРАЛЬ» 354
КОМБРИГ 15-й И ЕГО ЗАМЕСТИТЕЛИ 392
О ПОЛИТРАБОТНИКАХ 400
БОЕВОЙ КОМИССАР 421
ЛУЧШЕЕ МЕСТО СЛУЖБЫ 423
О СВЯЗИСТАХ 431
НАШИ ДОКТОРА 436
СЛАВА ВВС! 448
ОДИН ИЗ НАС 458
ПОД ПРИЦЕЛЬНЫЕ ЗАЛПЫ НАВЕТОВ И ЛЖИ 471
АФГАНСКИЕ ИТОГИ 488

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ 15-й БРИГАДЫ СПЕЦНАЗ
ЗАКАВКАЗЬЕ. БАКУ—1990 495
АРАЛ-ПАЙ-ГАМБАР 497
ТАДЖИКИСТАН 499

ВМЕСТО ЭПИЛОГА
СУДЬБА И РАЗВЕДКА 508
КОМАНДИРЫ 15-й ОТДЕЛЬНОЙ БРИГАДЫ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ (За период с 1963 по 1994 гг.) 536
СПИСОК ПОТЕРЬ ЛИЧНОГО СОСТАВА 15-й ОТДЕЛЬНОЙ БРИГАДЫ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ С 1979 ПО 1989 гг. 538

СОКРАЩЕНИЯ 547
БИБЛИОГРАФИЯ 550



Издательствами «Арктика-4D» и «Русская панорама» в 2009 г. выпущен иллюстрированный альбом Александра Сухолесского «СПЕЦНАЗ ГРУ в Афганистане. 1979-1989 гг.». Автором книги, ветераном 15 обр СпН, собран и систематизирован обширный материал о размещении, вооружении, задачах и тактике действий советского СПЕЦНАЗА в Афганистане, а также о вооруженной афганской оппозиции, противодействующей советским войскам и вооруженным силам Республики Афганистан. Второе издание, исправленное и дополненное, посвящено 20-летию вывода Советских войск из Афганистана.
Альбом содержит более 400 авторских рисунков и более 300 уникальных документальных фотоматериалов и обширный справочный материал.
Книга будет интересна читателям, интересующимся военной историей, подрастающему поколению защитников Родины и ветеранам боевых действий, военнослужащим и сотрудникам силовых структур.
По вопросам приобретения книги обращаться по тел. 8-916-852-88-46

Беков С.М., Старов Ю.Т., Овчаров А.А., Кривопалов О.В., Мусиенко А.В., Пронькин Н.Н.

15 БРИГАДА СПЕЦНАЗ
Люди и судьбы.
Афганистан глазами очевидцев

Серия «Библиотека разведчика»

Иллюстрации Мусиенко А.В.

Оригинал макет изготовил
Пронькин Н.Н.

Подписано в печать 21.01.2009.
Формат 60x90 1/16. Гарнитура «Newton». Печать офсетная.
Объем – 36 усл. печ. л. Тираж 1800 экз. Заказ № 623

ISBN 978-5-93165-239-9

9 785931 652399

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Астра-полиграфия»
121019, Москва, Филипповский пер., д. 13, стр. 1